

Евразийский юридический журнал

№ 7 (110) 2017

Редакционный совет журнала

Председатель

МАКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАПЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)

СТЕПИН Вячеслав Семенович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ,

Первый вице-президент Российского философского общества)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам. С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям:
12.00.00 Юридические науки
08.00.00 Экономические науки
09.00.00 Философские науки
(список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.

Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2017

Подписано в печать 15.08.2017
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasialaw.ru,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian Law Journal

№ 7 (110) 2017

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BYSTROV Grigory Efimovich, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation, First Vice-Chairman of the Russian Philosophical Society)

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV Zufar Maksumovich, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISBI», Kazan)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT Leudmila Vasilievna, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEV Yuri Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)

STEPIN Vyacheslav Semenovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journals published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2017

Signed for printing 15.08.2017
Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

www.eurasialegal.info

www.eurasia-allnews.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ EURASIAN LAW JOURNAL

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

литературный редактор:

СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, к.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович, к.п.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

literary editor:

SOROKINA Yulia Viktorovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Ph.D. in Law

LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Associate Professor, representative of ELJ in Tiraspol

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

KHARKEVICH Maxim Vladimirovich, Ph.D. in Political Science, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

СОДЕРЖАНИЕ

PERSONA GRATA

Фарида Мамад: О праве человека – взгляд Комиссара по правам человека Республики Мозамбик О праве человека рассказывает Комиссар по правам человека Республики Мозамбик Фарида Мамад.....	10
--	----

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Романов А. Н., Чудиновских М. В. Правовое регулирование системы гарантирования депозитов в странах Евразийского экономического союза	13
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Толстых В. Л. К вопросу о природе международного обычая	17
Мишальченко Ю. В., Васильев В. Я. Применение норм международного права на Каспийском море с учетом особого статуса водоема	21
Бекяшев Д. К. Актуальные проблемы правовой регламентации субсидирования рыболовства в рамках ВТО	25
Новиков С. С. Международно-правовая значимость вклада Российской Федерации в процесс международного миротворчества	29
Григорян П. А. Роль Пекинской конвенции 2010 г. в борьбе с воздушным терроризмом	34
Восканян А. А. Полномочия органов прокуратуры в государствах-членах Таможенного союза	37
Кулык С. Ф. Международное сотрудничество органов федеральной службы безопасности в сфере подготовки кадров зарубежных партнеров	41
Кравченко Л. А. Тенденции развития валютно-финансовой интеграции Евразийского экономического союза	45
Алексамян С. Р. Становление и развитие принципа равноправия и самоопределения народов	49

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Викторова Э. Ю. Теории толкования норм уголовного права США на примере дела <i>People v Lopez</i> 2003 года	54
---	----

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Панченко В. Ю., Михалева А. Е. Юрико-экономические средства в механизме обеспечения субъективных прав	57
Петров Д. Е. Влияние международно-правовой интеграции на структурное содержание экологического права	63
Белоусов С. А. Глобализация и интеграция международных принципов охраны окружающей среды: теоретический аспект	66
Иванова С. В. Фаунистическое право в системе российского права: плюрализм взглядов	69
Соколова Т. Т. Публичное право: коррелятивность обязанности и притязания	72
Трофимцева С. Ю. Проблема выделения дефиниций базовых терминов при анализе киберпреступности	75
Степанова А. А. Историко-культурная традиция и ценностно-нормативный стандарт	78
Хамидуллина Ф. И. Взаимозависимость морального и правового сознания	80

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Печурин И. В., Гнездилова П. Ю. Государство и закон в правление Ивана Грозного	83
--	----

Филиппов О. А. К вопросу становления территориально-политического устройства Советской России	85
Ютяева Л. Е. Гуманизация российской судебной системы в первой половине XVIII века	87
Шичанин М. А. 25 лет югославскому конфликту 1992 г. – правовые последствия и исторические уроки	89
Федорчукова О. Я. Категория «интерес» в отечественной дореволюционной правовой мысли	95

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Жамборов А. А. Некоторые особенности конституционно-правовых основ противодействия экстремизму	97
--	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Мамлеева Д. Р. Особенности административной ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства на объектах железнодорожного транспорта	100
Трофимов Е. В. Об административно-правовых средствах повышения уровня нетерпимости к коррупции	102
Шумакова Е. Ю. О правовом регулировании государственного оборонного заказа	106

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Жамборов А. А. Некоторые вопросы статуса заместителя (заместителей) главы муниципального образования	110
--	-----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Носкова Ю. Б. Гражданско-правовой институт представительства: принципы и функции	113
Жарко Н. В. Спорные вопросы о правовой природе применения принудительных мер медицинского характера	115
Ковров Н. Н. К вопросу ответственности генерального подрядчика по договору подряда и субподряда	118
Кодзокова Л. А. Режим административно-правового регулирования общественных отношений в сфере оборота оружия	122
Мухамедова Э. Э. Личные неимущественные отношения, регулируемые гражданским законодательством	124
Бычкова К. М. К вопросу о правовом режиме требований, обеспеченных посредством передачи титула, в деле о банкротстве	127
Гарипова И. И. Категория «врачебная ошибка» в современном российском законодательстве и правоприменительной практике	129
Сывороткина И. Ю. Завещание как наследственный договор в России и некоторых зарубежных странах	132
Юсупов Т. Р., Авдеева Е. Ю. Об установлении административного надзора	135

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Макарцев А. А. Организационно-правовые проблемы возложения полномочий одной избирательной комиссии на другую	138
Макарцев А. А. Досрочные и дополнительные выборы: организационно-правовые проблемы реализации	142

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО		
Клементьев А. П.	Ликвидационный неттинг как один из видов неттинга на финансовых рынках.....	145
Чеха В. В.	Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» как источник финансового права.....	148
Дидикин А. Б.	Правовой статус и перспективы формирования международного финансового центра «Астана» со специальной юрисдикцией.....	150
Власенко Р. Н.	О некоторых вопросах, связанных с соблюдением процессуальных сроков при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве).....	153
Файзрахманова Л. М.	Финансово-правовые особенности организации страхового рынка в СССР.....	155
Джангириян А. В.	Правовые проблемы создания инвестиционно-привлекательных условий реализации проектов в Арктике.....	158
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		
Шигапова А. М.	Правовая природа и значение дополнительных мероприятий налогового контроля при проведении налоговой проверки.....	160
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		
Романовская Л. Р.	«Группы смерти» вне закона: новеллы российского законодательства.....	163
Мальцев В. А.	Теоретико-правовой анализ оснований дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования.....	166
Мифтахов А. Р.	Вопросы применения специальных знаний в уголовном законодательстве о незаконном обороте новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.....	170
Сысоева Т. В.	Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.....	173
Филиппов П. А.	Незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации: теория и практика уголовной ответственности.....	175
Филиппова О. В.	Совершенствование уголовно-правового законодательства в сфере нотариальных действий.....	181
Черкесов С. Х.	Судебный порядок временного отстранения подозреваемого от должности при производстве по уголовному делу: вопросы правоприменения.....	185
Кравченко Е. В.	Адвокат в стадии возбуждения уголовного дела.....	187
Лапковская Н. В.	Проблемы определения возраста с которого наступает уголовная ответственность.....	191
Викторова Э. Ю.	Толкование норм уголовного права США на базе текста закона.....	193
Юсупова С. И.	Проблемы разграничения дифференциации и индивидуализации в уголовном праве Российской Федерации.....	196
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС		
Масалова Н. В.	К вопросу о применении полиграфа.....	198
Доросинская А.М.	Переквалификация в уголовном судопроизводстве.....	201
Пономаренко С. И., Самойлов И. Н.	Проблема двойственности статуса подозреваемого и обвиняемого.....	203
Мачехин М. С.	Ретроспективный анализ уголовной ответственности за участие в массовых беспорядках, совершаемых в исправительных учреждениях.....	208
Козлов В. В.	Стадия возбуждения уголовного дела: за и против.....	211
КРИМИНАЛИСТИКА		
Журавленко Н. И., Тутова О. В.	Сведения о личности преступника как элементе криминалистической характеристики компьютерных преступлений.....	215
Горячева Н. Ю.	Технико-криминалистические способы и методы, используемые для установления фактических данных маркировочных обозначений огнестрельного оружия.....	218
Островский О. А.	Дефиниционный анализ корреляционной зависимости информационной модели и криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации.....	221
Давлетов А. И.	Некоторые экспертные задачи лингвистического исследования «экстремистских материалов».....	226
Мунатов М. С.	К вопросу о криминалистической классификации ятрогенных преступлений.....	229
Иванов С. И., Никитина Л. Н.	Морально-нравственные и психологические аспекты работы с конфидентами.....	232
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР		
Ахмедов Р. А.	Правовая основа и приоритетные направления деятельности органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением прав человека.....	235
Потапов Д. В.	Прокурор как глава обвинительной власти государства и как субъект уголовной политики.....	239
АДВОКАТУРА		
Ярошевская А. М., Бахриева З. Р.	Проблема правовой неопределенности в вопросе «гонорара успеха».....	241
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА		
Кабанов В. Л.	Как заставить коммерческие предприятия отвечать за воздействие токсичных веществ на детей (правовые аспекты).....	244
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО		
Жамборов А. А.	Современное российское законодательство как инструмент противодействия преступлениям экстремистской направленности.....	247
Коркмазов А. В.	Понятие «терроризм» и его общие признаки.....	250
Чаттаев А. Р.	Терроризм как инструмент реализации коррупционных теневых схем.....	252
Таова Л. Ю.	Наука теология в противодействии экстремизму и терроризму.....	254
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ		
Влах Е. Г.	Войска национальной гвардии в системе органов государственной власти.....	256

Фаткуллин Б.Х. Особенности организации проведения участковым уполномоченным полиции отчета перед населением.....	259	Коротина Н. М. Проблемы управления эффективностью предприятий и пути их решения посредством менеджмента	327
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО		Тюсина Л. С. Риск-ориентированные подходы к управлению закупочной деятельностью	330
Коркмазов А. В. Инновационные средства организации в проблеме психолого- педагогической готовности к управлению самостоятельной работой слушателя.....	261	Новосёлова И. И. Ключевые факторы развития инновационной деятельности в контексте опыта хозяйствования современных компаний	332
Скобелева О. О. Организация внеаудиторного чтения на английском языке в ведомственном юридическом вузе	263	ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
ЯЗЫК И ПРАВО		Вильданов Х. С., Деркач В. В. Природа идеала и ценностей как философская проблема.....	335
Марченко С. В. Психолингвистическая составляющая судебной речи	266	Скрыпников А. В., Нагиев Г. Г. Современная Россия и гражданское общество: принципы становления, пути развития	338
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО		Бижева А. П., Боттаева М. А. Справедливость в контексте современной социально-философской теории.....	342
Киселев А. И. Соотношение государства и гражданского общества	269	Файзуллин А. Ф. Самосознание человека как предпосылка гуманного начала в духовной культуре	345
Абубакиров Д. Д., Орлова С. В., Протопопова Т. В. К вопросу о понятии государственного прогресса	272	Федяй И. В., Кузнецов А. А. Исламский радикализм в контексте теории антисистем Л. Н. Гумилева: к вопросу о концептуальных подходах	347
ПОЛИТИКА И ПРАВО		Ажыбекова К. А., Брусиловский Д. А., Есипов И. И. Методология адаптации мусульман-мигрантов к европейской культуре.....	351
Андрейцо С. Ю., Грипп Э. Х., Яхина Ю. Х. Актуальные проблемы реализации миграционной политики в субъектах РФ (на материалах Санкт-Петербурга).....	275	Файзуллин А. Ф., Абрарова З. Ф. Общественная жизнь людей: духовно-эстетический аспект.....	356
Шевченко А. В. Плюральный вотум: pro et contra.....	278	Масловская А. Д. Эстетическое воспитание современной молодежи как актуальная социальная потребность	360
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ		Шайхутдинова Л. С. Роль и место детского и юношеского телевидения в духовном воспитании подрастающего поколения	363
Мусина Д. Р., Низамова Г. З. Влияние макроэкономического окружения на экономическую эффективность разработки шельфового месторождения.....	283	ОБЗОР	
Беглова Е. И. Миграция, бедность и экономические диспропорции регионального развития в Российской Федерации	285	Солнцев А. М. Обзор международного XV коллоквиума, проведенного академией экологического права международного союза охраны природы (Себу, Филиппины, 29 мая – 3 июня 2017 г.)	365
Галимова Г. А. Совершенствование системы государственных инвестиций.....	288	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	369
Каюмова А. Ф., Байкова Э. Р. Методологические подходы к исследованию этапов развития теории фирмы	291		
Насырова С. И. Обобщенная классификация категорий мигрантов с точки зрения влияния человека.....	294		
Такмакова Е. В. Классификация методов регулирования доходов населения.....	297		
Галимова Г. А., Курманова Л. Р. Финансовая грамотность населения и формирование кредитной культуры	299		
Казакова О. Б., Кузьминых Н. А. Научно-инновационная сфера – основа формирования инвестиционной привлекательности муниципальных образований	302		
Елкина Л. Г., Вильданова Л. В. Региональный рыночный механизм управления отходами на стадии потребления товаров	305		
Васильева Ю. П., Карачурина Г. Г. Обеспеченность нефтяными ресурсами и экономический рост	309		
Фомина Е. А., Ходковская Ю. В. Научно-методические подходы к обеспечению эффективного использования производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний.....	312		
Ярков Д. А. Экономический аспект особенностей современной системы образования в Китайской Народной Республике	318		
Габитов И. М., Шарафуллина Р. Р. Брак как форма контракта	321		
Йордановски М. А. Сельское хозяйство: проблемы и методы его решения	324		

CONTENTS

PERSONA GRATA

- Farida Mamad: human rights law – perspective from the national human rights commissioner of Mozambique**
An interview about human rights law with Farida Mamad,
National Human Rights Commissioner of Mozambique. 10

EURASIAN INTEGRATION

- Romanov A. N., Chudinovskih M. V.**
Legal regulation of deposit guarantee in the countries
of the Eurasian Economic Union. 13

INTERNATIONAL LAW

- Tolstykh V. L.**
The nature of international custom. 17
- Mishalchenko Yu. V., Vasiljev V. Ya.**
The applicability of International Law in the Caspian Sea
taking into account the special status of the reservoir. 21
- Bekyashev D. K.**
Actual problems of legal regulation of fisheries subsidies
in the WTO. 25
- Novikov S. S.**
The international legal significance of the contribution
of the Russian Federation to the process
of international peacekeeping. 29
- Grigoryan P. A.**
The role of the Beijing Convention of 2010
in the fight against air terrorism. 34
- Voskanyan A. A.**
Powers of the prosecution authorities in the member states
of the customs union. 37
- Kulyk S. F.**
International cooperation of the federal security services
in the training of foreign partners. 41
- Kravchenko L. A.**
Trends in the development of monetary and financial integration
of the Eurasian Economic Union. 45
- Aleksanyan S. R.**
Formation and development of the principle of equal rights
and self-determination of peoples. 49

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

- Viktorova E. Yu.**
Theories of interpretation of the US criminal law by example
of *People v Lopez* case of 2003. 54

THEORY OF STATE AND LAW

- Panchenko V. Yu., Mikhaleva A. E.**
Legal and economic tools in the mechanism
of securing subjective rights. 57
- Petrov D. E.**
Influence of the international legal integration on the structural
content of environmental law. 63
- Belousov S. A.**
Globalization and integration of international principles
of environmental protection: theoretical aspect. 66
- Ivanova S. V.**
Faunistic law in the system of Russian law:
pluralism of views. 69
- Sokolova T. T.**
Public law: correlation between duties and claims. 72
- Trofimtseva S. Yu.**
The problem of basic terms definitions emphasizing during
the analysis of cybercrime. 75
- Stepanova A. A.**
Historical and cultural tradition and the value-normative
standard. 78
- Khamidullina F. I.**
Interdependence of moral and legal consciousness. 80

HISTORY OF STATE AND LAW

- Pechurin I. V., Gnezdilova P. Yu.**
State and the law during the reign of Ivan the Terrible. 83

- Filippov O. A.**
To the question of formation of territorial-political structure
of Soviet Russia. 85
- Yutyaeva L. E.**
Humanization of the Russian judicial system in the first half
of the XVIII century. 87
- Shichanin M. A.**
25 years of the Yugoslav conflict in 1992 – the legal consequences
and historical lessons. 89
- Fedorchukova O. Ya.**
The category «interest» in Russian pre-revolutionary
legal thought. 95

CONSTITUTIONAL LAW

- Jamborov A. A.**
Some features of the constitutional-legal bases
of counteraction to extremism. 97

ADMINISTRATIVE LAW

- Mamleeva D. R.**
Features of administrative responsibility for violation
of anti-alcohol legislation at railway transport facilities. 100
- Trofimov E. V.**
On administrative and legal means to increase the level
of intolerance to corruption. 102
- Shumakova E. Yu.**
About the legal regulation of the state defense order. 106

MUNICIPAL LAW

- Jamborov A. A.**
Some of the issues of the status of the Deputy (deputies)
head of the municipal formation. 110

CIVIL LAW

- Noskova Yu. B.**
Civil-legal institution of representation: principles
and functions. 113
- Zharko N. V.**
Controversial issues about the legal nature of the application
of compulsory measures of a medical nature. 115
- Kovrov N. N.**
To the question of the responsibility of the general contractor
under the contract and subcontracts. 118
- Kodzokova L. A.**
Regime of administrative and legal regulation of public relations
in the sphere of arms trade. 122
- Mukhamedova E. E.**
Personal non-property relations governed by civil law. 124
- Bychkova K. M.**
Revisiting the status of claims secured by transfer
of title in the bankruptcy case. 127
- Garipova I. I.**
The category of «medical error» in modern Russian legislation
and law enforcement practice. 129
- Syvorotkina I. Yu.**
The will as the heritable agreement in Russia
and some foreign countries. 132
- Yusupov T. R., Avdeeva E. Yu.**
The establishment of administrative supervision. 135

ELECTORAL LAW

- Makartsev A. A.**
Organizational and legal problems of assigning the powers
of one election commission to another. 138
- Makartsev A. A.**
Early and additional elections: organizational and legal
problems of implementation. 142

FINANCIAL LAW

- Klementjev A.P.**
Close-out netting as one of the types
of netting in financial markets. 145

Chekha V. V. <i>Federal law «About Education in the Russian Federation» as source of the financial right</i>	148	CRIMINALISTICS	
Didikin A. B. <i>Legal status and perspectives of forming of international financial center "Astana" with special jurisdiction</i>	150	Zhuravlenko V. I., Tutova O. V. <i>Information about the perpetrator as an element of criminalistic characteristics of computer crimes</i>	215
Vlasenko R. N. <i>About some questions connected with observance of the procedural deadlines in cases on insolvency (bankruptcy)</i>	153	Goryacheva N. Yu <i>Technical-criminalistic means and methods used to establish the actual data of markings of firearms</i>	218
Faizrahmanova L. M. <i>Financial and legal features of the insurance market in the USSR</i>	155	Ostrovskiy O. A. <i>The definitive analysis of correlation dependence information models and criminalistic characteristics of crimes in the sphere of computer information</i>	221
Dzhangiryan A. V. <i>Legal problems of creating attractive for investors conditions of implementing projects in the Arctic</i>	158	Davletov A. I. <i>Some expert tasks of linguistic research "extremist materials"</i>	226
TAX LAW		Munatov M. S. <i>To the issue of criminalistics classification of iatrogenic crimes</i>	229
Shigapova A. M. <i>Legal nature and importance of additional measures of tax control in the course of tax audit</i>	160	Ivanov S. I., Nikitina L. N. <i>Moral and psychological aspects of working with confidants</i>	232
CRIMINAL LAW		PROSECUTOR'S SUPERVISION	
Romanovskaya L. R. <i>«Groups of death» outside the law: changes in russian legislation</i>	163	Akhmedov R. A. <i>The legal basis and priority directions of prosecutor's office activity on supervising the observance of human rights</i>	235
Maltsev V. A. <i>Theoretical-legal analysis of the basis of differentiation of criminal responsibility for fraud in the insurance industry</i>	166	Potapov D. V. <i>Prosecutor as head of the accusatory power of the state and as subject of criminal policy</i>	239
Miftakhov A. R. <i>The issues of application of special knowledge in criminal law on illicit trafficking of new types of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues</i>	170	ADVOCACY	
Sysoeva T. V. <i>Problems of qualification of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs</i>	173	Yaroshevskaya A. M., Bakhrieva Z. R. <i>The problem of legal uncertainty in the question of the «success fee»</i>	241
Filippov P. A. <i>Illegal crossing of the State Border of the Russian Federation: theory and practice of criminal liability</i>	175	HUMAN RIGHTS	
Filippova O. V. <i>Improvement of criminal-legal legislation in the sphere of notarial acts</i>	181	Kabanov V. L. <i>How to make commercial enterprises responsible for exposure of the toxic substances on children</i>	244
Cherkesov S. Kh. <i>A court order of temporary dismissal of the suspect from office when criminal proceedings: enforcement issues</i>	185	SECURITY AND LAW	
Kravchenko E. V. <i>The lawyer at the stage of initiation of criminal proceedings</i>	187	Jamborov A. A. <i>The modern Russian legislation as an instrument of counteraction to extremist crimes</i>	247
Lapkovskaya N. V. <i>The problem of determining the age of criminal responsibility</i>	191	Korkmazov A. V. <i>The concept of «terrorism» and its general characteristics</i>	250
Viktorova E. Yu. <i>Interpretation of criminal law norms in the USA based on the text of a legal act</i>	193	Chattaev A. R. <i>Terrorism as an instrument of the corruption shadow schemes</i>	252
Yusupova S. I. <i>Problems of differentiation of differentiation and individualization in criminal law of the Russian Federation</i>	196	Taova L. Yu. <i>The science of theology in countering extremism and terrorism</i>	254
CRIMINAL PROCESS		LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
Masalova N. V. <i>About the use of the polygraph</i>	198	Vlakh E. G. <i>Troops of national guard in system of public authorities</i>	256
Dorosinskaya A.M. <i>The requalification in criminal proceedings</i>	201	Fatkullin B. Kh. <i>Features of the organization of the district police officer of the police report to the people</i>	259
Ponomarenko S. I., Samoilov I. N. <i>The problem of the duality of the status of the suspect and the accused</i>	203	EDUCATION AND LAW	
Machekhin M. S. <i>A retrospective analysis of criminal liability for participation in mass riots perpetrated in correctional institutions</i>	208	Korkmazov A. V. <i>Innovative means of organization in the problem of psychological and pedagogical readiness to manage the independent work of the listener</i>	261
Kozlov V. V. <i>The criminal case initiation stage: pros and cons</i>	211	Skobeleva O. O. <i>Organization of outside reading in English in a departmental law institute</i>	263
		LANGUAGE AND LAW	
		Marchenko S. V. <i>Psycholinguistic component of courtroom speech</i>	266

STATE AND LAW**Kiselev A. I.***Relations between the state and the civil society* 269**Abubakirov D. D., Orlova S. V., Protopopova T. V.***On the issue of the state progress definition* 272**POLICY AND LAW****Andreytso S. Yu., Gripp E. H., Yakhina Yu. H.***Actual problems of providing and protection of the rights of foreign citizens at the level of territorial subjects of the Russian Federation* 275**Shevchenko A. V.***Plural vote: pro et contra* 278**ECONOMICAL SCIENCES****Musina D. R., Nizamova G. Z.***The influence of the macroeconomic environment on economic efficiency of the offshore oil field development* 283**Beglova E. I.***Migration, poverty and economic disproportions of regional development in the Russian Federation* 285**Galimova G. A.***Improvement of state investments system* 288**Kayumova A. F., Baykova E. R.***Methodological approaches to research of development stages theory of the firm* 291**Nasyrova S. I.***The generalized classification of the migrants categories from the point of view of the human influence* 294**Takmakova E. V.***Classification of methods of regulation of incomes of the population* 297**Galimova G. A., Kurmanova L. R.***Financial literacy of the population and credit culture forming* 299**Kazakova O. B., Kuzminykh N. A.***Scientific and innovative sphere – basis of formation of investment appeal of municipalities* 302**Elkina L. G., Villanova L. V.***Regional market mechanism of waste management at the stage of consumption goods* 305**Vasiljeva Yu. P., Karachurina G. G.***The security of oil resources and economic growth* 309**Fomina E. A., Khodkovskaya Yu. V.***Scientific-methodical approaches to ensure effective capacity utilization of oil and petrochemical companies* 312**Yarkov D. A.***The economic aspect of the features of a modern system education in the people's Republic of China* 318**Gabitov I. M., Sharafullina R. R.***Marriage as a form of contract* 321**Iordanovski M.A.***Agriculture: problems and ways of solving them* 324**Korotina N. M.***Performance management problems enterprises and ways to solve them by management* 327**Tyusina L. S.***Risk based approaches to the management of procurement activities* 330**Novosyolova I. I.***Key factors in the development of innovative activity in the context of the experience of management of modern companies* 332**PHILOSOPHICAL SCIENCES****Vildanov Kh. S., Derkach V. V.***The nature of ideal and values as a philosophical problem* 335**Skrypnikov A. V., Nagiev G. G.***Modern Russia and civil society: principles of formation, ways of development* 338**Bizheva A. P., Bottaeva M. A.***Justice in the context of contemporary social and philosophical theory* 342**Fayzullin A. F.***Self-consciousness as a prerequisite of human origin in the spiritual culture* 345**Fedyai I. V., Kuznetsov A. A.***Islamic radicalism in the context of the theory of anti-systems L. N. Gumilev: to the question of conceptual approaches* 347**Azhybekova K. A., Brusilovskiy D. A., Esipov I. I.***Methodology of adaptation of muslim migrants to european culture* 351**Fayzullin A. F., Abrarova Z. F.***The social life of the people: the aesthetic aspect* 356**Maslovskaya A. D.***Aesthetic education of modern youth as topical social requirement* 360**Shaykhutdinova L. S.***The role and place of children's and youth television in the spiritual education of the younger generation* 363**REVIEW****Soltsev A. M.***International 15th annual colloquium of the IUCN academy of environmental law (Cebu, 29 May–3 June 2017): a review* 365**INFORMATION FOR AUTHORS** 369

ФАРИДА МАМАД: О ПРАВЕ ЧЕЛОВЕКА – ВЗГЛЯД КОМИССАРА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА РЕСПУБЛИКИ МОЗАМБИК

О праве человека рассказывает Комиссар по правам человека Республики Мозамбик Фарида Мамад.

FARIDA MAMAD: HUMAN RIGHTS LAW – PERSPECTIVE FROM THE NATIONAL HUMAN RIGHTS COMMISSIONER OF MOZAMBIQUE

An interview about Human Rights Law with Farida Mamad, National Human Rights Commissioner of Mozambique.

Фарида Мамад

Визитная карточка:

Фарида Мамад – национальный Комиссар по правам человека Республики Мозамбик¹, юрист-консульт Верховного Суда Республики Мозамбик (г. Мапуту, Республика Мозамбик), преподаватель кафедры международного права Университета города Претории (г. Претория, Южная Африка), докторант (PhD) юридического факультета Университета города Хасселт (г. Хасселт, Бельгия)². Окончила бакалавриат юридического факультета Университета имени Эдуарда Монлейна (г. Мапуту, Республика Мозамбик). Окончила магистратуру юридического факультета Университета города Претории (г. Претория, Южная Африка). Член профессионального сообщества юристов в защиту социальной справедливости южной части Сахары (Африка)³. Член юридического центра по правам человека Университета города Претории (г. Претория, Южная Африка). Член профессиональной ассоциации выпускников юридического факультета Университета города Претории (г. Претория, Южная Африка). Является одним из организаторов ежегодной региональной конференции в области права социальной защиты и защиты прав человека (г. Мапуту, Республика Мозамбик)⁴. Является автором научных публикаций в области защиты прав человека и права социальной защиты, в том числе, защиты прав женщин. Владеет португальским, английским и шона языками.

— **Мадам Комиссар, благодарим Вас за Ваше желание принять участие в интервью для «Евразийского юридического журнала». Расскажите, пожалуйста, какие жизненные события повлияли на выбор вашего профессионального пути? Почему именно права человека?**

— На самом деле это не я выбирала. Это право выбрало меня. В моей стране профессию не выбирают. Профессиональный выбор во многом предопределен способностями человека, его академическими успехами. Во многом школьные достижения определяют дальнейший профессиональный путь каждого. В мое время (2000 год) Университет имени Эдуарда Монлейна был единственным Университетом в стране и основным критерием для определения школьников в Университет были школьные оценки. Меня, например, направили изучать юриспруденцию.

Почему именно права человека? Меня всегда интересовали вопросы социальной справедливости. Мое детство прошло в стране, которая находилась в состоянии войны. Война – это грубейшее нарушение прав человека. Можно сказать, что с рождения у меня развивались обостренные чувства к социальной несправедливости, к нарушениям в области прав женщин. Я всегда обращала внимание на разницу в отношениях к мужчинам и женщинам. Я родилась и живу в стране, где до сих пор сильны уклады патриархального общества, «ценность» женщины и мужчины, неодинаково-

ва. Как женщина, я считаю, что профессионально могу работать, как минимум, наравне с мужчинами. А в патриархальном обществе женщины часто несут ответственность лишь за домашнюю работу. Для себя я бы хотела большего в жизни.

Во время учебы в Университете я узнала о том, что такое «социальная справедливость». Дальнейший свой выбор я сделала уже вполне осознанно – я решила посвятить свою жизнь защите социальной справедливости. В дальнейшем во многом благодаря этому моему решению я с благодарностью приняла назначение на должность национального комиссара по правам человека.

— **Мадам Комиссар, читателям будет интересно узнать о комиссии по правам человека Республики Мозамбик? Как она создавалась? Какими полномочиями обладает?**

— Комиссия – это государственный орган, контролирующий другие государственные институты – правительство, парламент, судебную власть на предмет соблюдения прав человека. У комиссии довольно обширный мандат – контроль за соблюдением прав человека в стране. Например, в рамках мандата Комиссия готовит отчеты в международные организации, занимающиеся охраной прав человека на международном уровне (например, в международную организацию защиты прав ребенка). Комиссия готовит ежегодный отчет о соблюдении прав человека для членов парламента. Комиссия получает и рассматривает жалобы на нарушения прав человека в стране. Часто такие жалобы касаются нарушения прав человека в местах заключения, в тюрьмах, жалобы на пытки. Большинство жалоб, поступающих в Комиссию, приходится именно из мест лишения свободы. Члены комиссии исследуют поступающие обращения, о выявленных фактах нарушений информируют прокурора. В соответствии с положениями национального права у прокурора есть пять дней, для того чтобы отреагировать на факты, изложенные в обращении национальной комиссии по правам человека.

1 Выборная должность, занимаемая в результате избрания населением страны.

2 Рабочее название диссертационного исследования: «Гендерные вопросы в области правового регулирования социальной защиты в Республике Мозамбик».

3 Network of Lawyers for Social Justice in Sub-Saharan Africa.

4 С 29 по 30 ноября 2017 года в г. Мапуту, Республика Мозамбик пройдет IV региональная конференция. Тема конференции «The Role of Corporate Social Responsibility for the Enhancement of Social Protection and the Fight against Social Exclusion in Local Communalities».

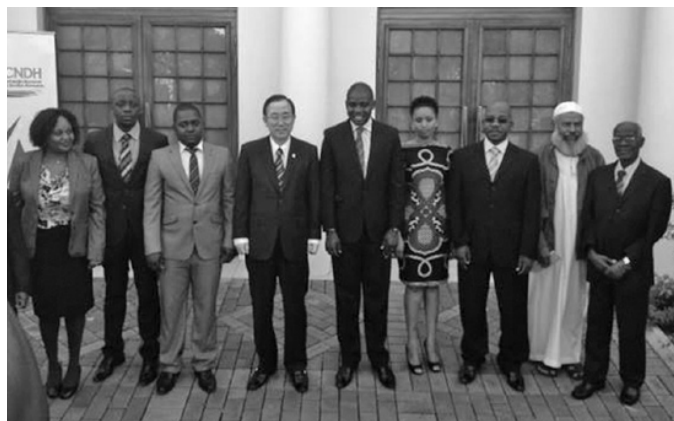
Комиссар по правам человека Республики Мозамбик Фарида Мамад на официальной встрече у Президента Республики Филипа Джосинто Нуси. 2016

Комиссия была создана в 2012 году. В ее составе 11 членов (4 избираются населением, 3 – представители правительства, 3 – представители парламента и один член комиссии – это представитель коллегии адвокатов). Решения комиссии принимаются путем голосования. До сих пор всего лишь 3 женщины были избраны на должность национальных комиссаров по правам человека, в том числе и я. В 2012 году за мое назначение проголосовало население страны. Так я стала национальным комиссаром. С тех пор я активно защищаю права человека в Республике (в рамках мандата Комиссии).

– В настоящее время Вы работаете над диссертационным исследованием. Рабочее название исследования «Гендерные вопросы в области правового регулирования социальной защиты в Республике Мозамбик». Чем обусловлен выбор именно этой темы?

– Мое исследование направлено на изучение того, каким образом национальное право обеспечивает права женщин на социальную защиту. Национальным правом «социальная защита» определена как универсальное право каждого, кто имеет трудовой договор, а также право людей, лишенных доходов, или право нуждающихся людей. Важно быть защищенным тогда, когда человек находится в группе риска жизненного цикла (например, доступ к медицинскому обслуживанию, поддержка при нехватке продовольствия, и т. д.). Я изучаю, а какие трудности могут испытывать женщины при реализации своего права на социальную защиту? Как, с точки зрения юриста, можно эти трудности разрешить? В своем исследовании я опираюсь на феминистский подход. В рамках подхода считается, что в обществе есть структура власти, в этой структуре женщины могут быть ограничены в реализации своих прав. Так, например, когда-то право на социальную защиту определялось лишь как право «зарабатывающего на хлеб». Женщины не допускались на рынок труда. Конечно, в настоящее время многое изменилось, и право уже признает равенство женщин, женщины могут работать. Однако женщины и мужчины испытывают разные трудности в ходе жизненных циклов. Право, закон должны учитывать эти различия.

Я выбрала именно эту тему исходя из своего профессионального опыта. Работая в национальной комиссии по правам человека, я часто сталкиваюсь с тем, как права человека воспринимаются лишь как исключительно гражданские или политические права. В меньшей степени мы обращаем внимание на взаимосвязь гражданских, политических, культурных и других прав человека. Я обратила внимание, что за нарушением гражданских прав человека практически всегда есть нарушение его экономических прав. Например, если кто-то обращается ко мне с жалобой на пытки в местах лишения свободы, я спрашиваю, а как он оказался в заключении? В ответ я часто

Комиссар по правам человека Фарида Мамад на официальной встрече с Генеральным Секретарем ООН Пан Ги Муном. 2013

слышу о бедности: просто нет средств к существованию. Поэтому я выбрала именно такую тему для своего диссертационного исследования. Я хочу принять участие в научной дискуссии о неделимости прав человека (права человека – кумулятивные, это политические, социальные, культурные и др. права).

Я надеюсь, что результаты моего исследования будут способствовать развитию права социальной защиты. Оно должно служить инструментом для прекращения бедности и социальной несправедливости в моей стране.

– Мадам Комиссар, на Ваш взгляд права человека это универсальная ценность? Ведь существует точка зрения, что это западные ценности, что такие ценности чужды для Африки?

– На мой взгляд, права человека по определению (ст. 1 и 2 «Всеобщей декларации прав человека» – «[...] все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах») универсальны. Нет разницы в достоинстве человека. Достоинство есть достоинство. Нет разницы - в США, в Африке или в России. Уважай каждого. Достоинство есть у каждого. Без исключений. Откуда ты родом не должно иметь значения. Рассовая принадлежность не должна иметь значения. Половая принадлежность не должна иметь значение.

Конечно, я знаю о такой точке зрения, что ценность прав человека чужда для Африки, что права человека – это не «африканские права». Отчасти я понимаю эти утверждения – права человека во многом ставят под сомнения наш «*status qua*», наш привычный африканский стиль, наш способ вынесения судебных решений. Права человека изменяют привычную парадигму уклада африканского образа жизни. Они ставят под сомнения наш социальный уклад. Но лишь в тот момент, когда общество осознает разницу – вот тогда начинают происходить перемены. Например, когда в обществе женщины приравнены в правах к детям и права женщин не признаются наравне с правами мужчин, право прав человека может внести ясность – женщины и мужчины равны. Конечно, общество сопротивляется, оно не готово принять новую концепцию, что женщины равны с мужчинами. Вот тогда то и появляются теории, которые говорят о том, что концепция, которая подвергает привычный уклад сомнениям – западная (со всем уважением ко всем иным аргументам по этому поводу, например, о том, что представители Африки не участвовали в разработке прав человека)...

– А какие ученые, по Вашему мнению, оказали значительное влияние на развитие права человека в Африке?

– На мой взгляд, Франц Вильюн (Frans Viljoen), конечно же. Его труды оказали значительное влияние на африканскую

Фарида Мамад, Комиссар по правам человека Республики Мозамбик на встрече с гражданским населением по вопросам охраны прав детей.

Город Билен, Республика Мозамбик. Ноябрь, 2016

сиситему прав человека. В частности, он написал книгу о разнице в подходах к правам человека в международном праве и национальном праве. Совместно с коллегами он впервые организовали учебный судебный процесс в Африке (African Moot Court Competition). Сейчас подобные учебные судебные процессы проходят ежегодно и все университеты в Африке принимают в них участие. В прошлом году темой учебных судебных процессов была выбрана тема «Права женщин». Я принимала участие в качестве судьи одного из финальных этапов.

— **А какие основные тенденции в развитии международного права прав человека Вы видите? На Ваш взгляд, почему они важны?**

— Я считаю, что в настоящее время международное право прав человека активно развивается. Сейчас, например, идет дискуссия о взаимосвязи и неделимости прав человека. До недавнего времени под правом человека понимались в основном лишь гражданские и политические права человека, о чем я уже упоминала в интервью. Но сегодня система значительно изменилась. Если мы посмотрим на такие документы, как, например, Декларация Тысячелетия, Цели Устойчивого Развития и на не имеющие обязательной силы документы, устанавливающие минимальный уровень социальной защиты в Республике Мозамбик, можно отметить, что все они рассматривают бедность как многомерную проблему. Это говорит о том, что складывается более целостный подход к правам человека. Сейчас нарушение одного права человека уже не считается автоматически нарушением лишь одного, это может быть нарушением трех, четырех и даже пяти прав человека. Говоря о бедности, сегодня мы можем посмотреть на проблему с разных позиций - гендерной принадлежности человека, его физической (не)способности и др. Например, в рамках международного процесса международной конвенции по гражданским и политическим делам, когда мы говорим о праве на равенство, мы уже не рассматриваем исключительно вопросы дискриминации. Мы также рассматриваем вопросы, связанные с причинами нарушения прав человека. Такие причины могут быть и социальными, и экономическими... теперь все эти вопросы могут рассматриваться в рамках международного процесса международной конвенции по гражданским и политическим делам, хотя раньше, эти вопросы подпадали бы под юрисдикцию международной конвенции по экономическим, социальным и культурным правам.

На современном этапе международное право прав человека определенно активно развивается. Право на достоинство личности становится универсальным правом. Неделимым. Достоинство есть достоинство.

— **Мадам Комиссар, а какова на Ваш взгляд роль Российской Федерации в международных процессах связанных с правами человека?**

— Несмотря на международно-правовой принцип равенства стран, согласно которому государства равны в правах и обязанностях, есть определенная доля дифференциации в реализации государствами права прав человека. Российская Федерация, несомненно, имеет ключевое значение на международной арене в материализации прав человека. Россия имеет ключевое значение не только по отношению к гражданам Российской Федерации, но и для реализации прав человека в отношении граждан других государств. Простой пример, в процессе преподавания курса международного права в Университете имени Эдуарда Монлейна (г. Мапуту, Республика Мозамбик) мы опираемся на доктрины российских ученых-юристов, например, профессора доктора юридических наук Григория Тункина.

— **Мадам Комиссар, а каковы современные тенденции развития права прав человека в Республики Мозамбик?**

— Система права Республики Мозамбик основана на основных принципах права прав человека. Такие принципы закреплены в Билле о Правах в Конституции Республики Мозамбик. Страна ратифицировала основные международные конвенции в области прав человека (например, международный пакт о гражданских и политических правах (ICCPR), конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), конвенцию по правам ребенка (CRC), конвенцию о статусе беженцев (the Refugee Convention), конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (the Torture Convention) и соответствующие протоколы и др.). Есть африканские правовые инструменты – Африканская хартия (African Charter), Протокол о правах женщин, Декларация о правах ребенка, и др.

На мой взгляд, система права прав человека в Республике довольно развита. Страна активно отчитывается в форме рецензируемых докладов о соблюдении прав человека в соответствующие органы ООН и на региональном уровне. Республика Мозамбик считается активной страной в этой области права. Но, как и во многих других странах, еще есть определенные сложности, например, связанные с защитой прав женщин.

— **Мадам Комиссар, благодарим Вас за интервью для «Евразийского юридического журнала». Желаем Вам дальнейших профессиональных успехов!**

— В свою очередь я благодарю редакторов Евразийского юридического журнала за предоставленную возможность связаться посредством интервью с евразийскими коллегами, учеными - юристами.

В процессе работы над диссертационным исследованием, я поняла, что в области прав человека еще очень много нерешенных вопросов. Я призываю читателей журнала присоединиться к обсуждению важных вопросов в рамках права прав человека.

Интервью брала:

*Елена Михайловна Гордеева,
докторант (Ph.D.) Университета
г. Хасселт (Бельгия)*

РОМАНОВ Алексей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Уральского государственного экономического университета

ЧУДИНОВСКИХ Марина Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГАРАНТИРОВАНИЯ ДЕПОЗИТОВ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье представлены результаты сравнительно-правового анализа состояния законодательства, регулирующего систему гарантирования депозитов в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской республике, Республике Армения. Рассмотрены действующие нормативные акты, основания для выплаты возмещения, процедура выплат, финансовые основы функционирования системы страхования вкладов. Результаты исследования могут быть использованы для гармонизации законодательства, регулирующего систему гарантирования депозитов в странах Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: страхование, гарантирование, банковский вклад, вкладчик, Евразийский экономический союз.

ROMANOV Alexey Nikolaevich

Ph.D. in Economics, associate professor, Head of Public law sub-faculty of the Ural State Economical University

CHUDINOVSKICH Marina Vyacheslavovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Public law sub-faculty of the Ural State Economical University

LEGAL REGULATION OF DEPOSIT GUARANTEE IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article presents the results of a comparative legal analysis of the deposit insurance system in the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Armenia. The article deals with the current normative acts, the grounds for the payment of compensation, the procedure for payment, the financial basis for the operation of the deposit insurance system. The results of the research can be used to harmonize the legislation regulating the deposit guarantee system in the countries of the Eurasian Economic Union.

Keywords: insurance, guarantee, bank deposit, depositor, Eurasian Economic Union.

Введение. Стабильность банковской системы любой страны во многом зависит от доверия вкладчиков. Истории известны примеры, когда «бегство вкладчиков» приводило крупнейшие банки мира к банкротству. Росту доверия вкладчиков к банкам способствует создание системы правовых гарантий. Для стран, входящих в Евразийский экономический союз, большое значение имеет гармонизация законодательства и внедрение так называемых лучших практик. Исследованию вопросов организации системы страхования вкладов в странах постсоветского пространства посвящены работы многих ученых, в том числе: С. Б. Коваленко, П. Г. Шернина¹, Ю. А. Сплетухова, Е. Ф. Дюжикова², Ю. Р. Рудневой, Л. И. Султановой, А. Х. Баймухамбетова³. Потребность дальнейшего изучения объ-

ясняется рядом факторов. Во-первых, состав участников Евразийского экономического союза расширился, в то время как написанные ранее работы акцентируются преимущественно на законодательстве Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь. Во-вторых, в законодательные акты вносятся поправки и изменения, требующие научного осмысления и оценки.

Современное состояние законодательства. В Российской Федерации нормативную основу гарантий для вкладчиков составляет Федеральный закон от 23.12.2003 N 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» (далее закон №177-ФЗ)⁴. В Республике Беларусь создание системы гарантий для вкладчиков началось еще в 1998 г. с принятием Декрета «О гарантиях сохранности средств физических лиц в иностранной валюте, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах) в банках Республики Беларусь»⁵. На

1 Коваленко С. Б., Шернин П. Г. Современные системы страхования вкладов в Российской Федерации, странах Балтии и СНГ // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 5 (64). С. 69-73; С. 33-40.

2 Сплетухов Ю. А., Дюжиков Е. Ф. Страхование банковских вкладов в государствах - участниках единого экономического пространства // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 29.

3 Руднева Ю. Р., Султанова Л. И., Баймухамбетов А. Х. Сравнительный анализ систем страхования вкладов России и Республики Казахстан

// Евразийский юридический журнал. 2016. № 3. С. 369-371.

4 Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52 (часть I). Ст. 5029.

5 Декрет Республики Беларусь «О гарантиях сохранности средств физических лиц в иностранной валюте, находящихся на счетах и

Романов А. Н.

Чудиновских М. В.

данном этапе гарантии предоставлялись только вкладчикам, у которых были открыты валютные вклады в ограниченном количестве банков. Введение гарантий было ответной реакцией на финансовый и валютный кризис 1998 г. К основным недостаткам системы исследователи относили несправедливую конкуренцию как между банками, так и между национальной и иностранной валютой⁶. В настоящее время нормативную основу составляет Банковский Кодекс⁷, закон Республики Беларусь «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц» от 2008 г.⁸

В Республике Казахстан система гарантирования депозитов на законодательном уровне регулируется с 2007 г. с момента вступления в силу закона «Об обязательном гарантировании депозитов, размещенных в банках второго уровня Республики Казахстан»⁹. Необходимо отметить, что первооснова защиты прав вкладчиков была заложена еще в 1999 г. с созданием Фонда гарантирования депозитов. В Кыргызской республике нормативную основу составляет закон «О защите банковских вкладов (депозитов)» от 7 мая 2008 г., который вступил в силу с начала 2009 г.¹⁰. Закон «О гарантированном возмещении банковских вкладов физических лиц» был принят в Армении в 2004 г.¹¹ Таким образом, толчком для развития законодательства, которое предоставляет гарантии для вкладчиков, стали финансовые кризисы, с которыми сталкивались страны ЕАЭС.

Сравнение названий нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что законодатели используют различные подходы к пониманию сути рассматриваемых правоотношений. В Российской Федерации превалирует терминология страхового права, в то время как в остальных странах используется термин «гарантия» или «компенсация». Тем самым определяется место рассматриваемых правоотношений в структуре банковского, а не страхового права. В мировой практике используется как термин «страхование» (insurance), так и термин guarantee (гарантия).

Участники системы страхования (гарантирования) вкладов. Законодательство стран ЕАЭС выделяет четыре основные группы участников системы страхования (гарантирования) вкладов: это вкладчики, кредитные организации, Агентство, осуществляющее выплаты и Центральный (Национальный банк) как орган регулирования, контроля и надзора. Во всех странах ЕАЭС гарантии имеют все вкладчики независимо от гражданства. Например, вкладчик из Российской Фе-

дерации, открывший вклад в банке Казахстана, имеет право на получение возмещения. Количество банков – участников системы страхования (гарантирования) вкладов существенно отличается с учетом масштабов экономик. Так, по состоянию на 1 июля 2017 г. в Российской Федерации в систему страхования вкладов входило 790 банков (из них только 485 действующих, остальные находятся в стадии ликвидации)¹². Для сравнения в Республике Беларусь действует всего 27 банков и небанковских кредитно-финансовых организации, в Республике Армения – 21. Наибольшее количество страховых случаев также имеет место в Российской Федерации в связи с тем, что Центральный банк отзывает десятки лицензий банков ежегодно.

В Российской Федерации выплаты возмещения осуществляет Агентство по страхованию вкладов, созданное в форме государственной корпорации, в Республике Беларусь – Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц, в Республике Казахстан – Казахстанский фонд гарантирования депозитов (некоммерческая организация, созданная в форме акционерного общества), в Кыргызской республике – Агентство по защите депозитов, которое создается Правительством, в Республике Армения – Фонд гарантированного возмещения вкладов Армении.

Основания для выплаты возмещения. В соответствии со ст. 8 закона 177 – ФЗ в Российской Федерации страховым случаем является либо отзыв (аннулирование лицензии), либо введение Банком России моратория на удовлетворение требований кредиторов. В Республике Беларусь основанием для выплаты возмещения является отзыв лицензии на банковскую деятельность в целом либо в части осуществления этой операции. В Республике Казахстан обязательство по выплате возмещения наступает со дня вступления в силу решения суда о принудительной ликвидации банка. В Республике Армения основанием для возмещения является признание банка неплатежеспособным или банкротом по решению суда либо неспособность вернуть вклад в установленный срок. В последнем случае решение принимается не судом, а Центральным банком в течение одной недели. Представленное сравнение позволяет сделать вывод о том, что основание для выплаты возмещения зависит от того, каким образом отзывается банковская лицензия. В Республике Казахстан принудительная ликвидация банка происходит по решению суда, а не Центрального банка, что существенно отодвигает момент получения возмещения. В законодательстве Республики Казахстан может найти применение подход Республики Армения, при котором решение о невозможности исполнять обязательства по вкладам может быть признано не только судом, но и Центральным Банком.

Вклады, на которые распространяется страховое покрытие (гарантия). По общему правилу в странах ЕАЭС возмещению подлежат вклады физических лиц как в национальной, так и в иностранной валюте. В Республике Казахстан и Республике Армения установлена дифференцированная величина гарантий для вкладов в национальной и иностранной валюте. Тем самым проводится политика по стимулированию сбережений в национальной валюте.

Величина страхового покрытия зависит от целого ряда факторов – сберегательной политики вкладчиков, средней величины вкладов для каждой страны, финансовых возможностей. Наибольшие гарантии предоставлены вкладчикам в Республике Беларусь, так как гарантирована выплата любой

во вкладах (депозитах) в банках Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 23 февраля 2001 г. N 1/2340.

6 Бухтик М. И. Система гарантирования банковских вкладов в Республике Беларусь: история и перспективы // Известия СПбГЭУ. 2009. № 4. С. 83-85.

7 Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 года № 441-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 17 ноября 2000 года. № 106. 2/219.

8 Закон Республики Беларусь от 8 июля 2008 года № 369-З «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 18 июля 2008 года. № 172. 2/1466.

9 Закон Республики Казахстан от 7 июля 2006 года № 169-III «Об обязательном гарантировании депозитов, размещенных в банках второго уровня Республики Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2006. № 14 (2471). Ст. 90.

10 Закон Кыргызской Республики от 7 мая 2008 года № 78 «О защите банковских вкладов (депозитов)» // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 2008. № 5. Ст. 453.

11 Закон Республики Армения от 21 декабря 2004 года № ЗР-142 «О гарантировании возмещения по банковским вкладам физических лиц» // Официальные ведомости Республики Армения. 28 декабря 2004 года. № 72 (371). Ст. 1463.

12 Годовой отчет государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» за 2016 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asv.org.ru/>.

суммы вклада. Наименьшие гарантии для вкладчиков закреплены в законодательстве Кыргызской Республики. Представляется, что со временем сумма гарантий в Кыргызской Республике должна быть доведена до суммы, эквивалентной 20-30 тыс. долларов США. Необходимо добавить, что развитые страны в качестве ответа на кризисные явления в банковской системе увеличивают гарантии по вкладам до 100 - 250 тыс. долларов США¹³.

Законодательство каждой страны устанавливает ряд исключений по гарантируемым суммам. В Российской Федерации этот перечень один из наиболее внушительных: не страхуются банковские вклады адвокатов и нотариусов (при условии, что они открыты для ведения профессиональной деятельности), вклады на предъявителя, вклады, переданные в доверительное управление, электронные денежные средства, средства размещенные на номинальных счетах, залоговых счетах и счетах эскроу. В Республике Беларусь не являются объектами возмещения банковские вклады индивидуальных предпринимателей. В Российской Федерации вопрос о страховании вкладов индивидуальных предпринимателей претерпел ряд последовательных изменений. Первоначально такие вклады не покрывались страхованием. С 2013 г. индивидуальные предприниматели получили право на страхование вкладов. В 2016 г. из системы страхования исключены средства, размещенные индивидуальными предпринимателями в субординированные депозиты¹⁴.

В Республике Казахстан не покрываются гарантией средства на обезличенных металлических счетах, деньги и ценности, размещенные в банковских ячейках, а также депозиты, размещенные в исламских банках. В Российской Федерации средства на обязательные металлические счета также не покрываются страхованием, однако прямого указания на это в законе № 177 – ФЗ нет. В Кыргызской республике перечень исключений достаточно велик и построен в основном по принципу исключения инсайдеров. Так, не подлежат компенсации депозиты аффилированных лиц банка, близких родственников руководителей банка, внешних аудиторов, средства лиц, в отношении которых имеется судебное решение в связи с финансированием терроризма или отмыванием доходов, полученных преступным путем. Подобные нормы представляются оправданными и могут быть рекомендованы к внесению в законодательство других стран. В Республике Армения не предоставляются гарантии по вкладам, которые открыты руководителем банка, членами его семьи, аффилированными лицами. Кроме того, не производятся выплаты по вкладам в случае, если ставка по ним в 1,5 раза больше, чем по идентичным вкладам. Эта норма позволяет пресечь действия по неосновательному обогащению инсайдеров банка. Разнится законодательство стран ЕАЭС в части включения в гарантированную сумму процентов по вкладам. В Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Армения, Кыргызской республике выплачивается не только сумма вклада, но и начисленные проценты. В Казахстане вкладчик имеет право получить только внесенную сумму вклада.

Характерно, что ни одна из стран ЕАЭС не пошла по пути предоставления гарантий по депозитам, которые откры-

ты юридическими лицами. Вопрос о страховании депозитов юридических лиц неоднократно обсуждался как в научной литературе, так и в финансовых органах ЕАЭС¹⁵. Так, Минфин РФ предлагал рассмотреть возможность введения гарантий для юридических лиц в увязке с процедурой bail in, при которой депозиты могут трансформироваться с облигации или акции банка. Однако пока эти предложения не нашли законодательного решения.

Ставки взносов и подходы к их определению. Эффективность защиты прав вкладчиков во многом определяется наличием достаточного количества средств для осуществления выплат. В Российской Федерации ставки взносов не могут превышать 0,15 процента от депозитной массы. Основной проблемой сложившейся системы страхования вкладов в России является недостаточность средств Агентства по страхованию вкладов. Для осуществления выплат банкам, которые входят в топ-50, потребуется привлечение заемных средств, помощи Центрального банка.

В Республике Беларусь банки вносят учетный (вступительный) и календарные (периодические) взносы. Величина календарного взноса составляет 0,3 процента. Законодательство также допускает установление чрезвычайных взносов для покрытия недостатка средств Агентства. Взносы могут снижаться в случае, если Агентством накоплен резерв, покрывающий 5 процентов от суммы вкладов по экономике. В Республике Казахстан взносы, которые уплачивают банки, делятся на три вида: обязательные календарные, дополнительные и чрезвычайные. Величина обязательного календарного взноса не превышает 0,5 процента от суммы гарантируемых депозитов. Размер дополнительного взноса не должен превышать двукратного размера квартального календарного взноса.

В Кыргызской республике установлено целевое значение фонда защиты депозитов. Оно составляет 12 процентов от общей величины вкладов в банковской системе. Такой подход позволяет обеспечить финансовую устойчивость гарантийной системы. Банки обязаны уплачивать разовый вступительный взнос, а также ежегодные взносы в размере 0,2 процента от депозитной базы. Выплата взносов осуществляется в безакцептном порядке. Если же средств Фонда защиты окажется недостаточно, то Совет директоров Агентства может принять одну или несколько чрезвычайных мер (увеличить размер ежегодный взносов, установить специальные единовременные взносы, получить займ у Правительства).

Самые низкие взносы предусмотрены в Республике Армения. Они составляют 0,05 процента среднегодневного показателя банковских вкладов банка за квартал. Если совокупные средства фонда превысят 2,5% от общей суммы гарантированных вкладов, то банки освобождаются от уплаты взносов. Сравнение законодательства показывает отсутствие единства мнений о том, какие средства необходимы и достаточны для обеспечения устойчивости системы гарантирования вкладов. Законодательство Российской Федерации пока существенно отстает от законодательства партнеров по ЕАЭС именно в части порядка определения взносов, особенно в случае их недостаточности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что законодательство стран ЕАЭС, устанавли-

13 Кайванов А. В. Регулирование функционирования системы страхования депозитов с учетом мировых стандартов // Пространство экономики. 2012. № 3-3. С. 83-86.

14 Федеральный закон от 03.07.2016 N 364-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. N 27 (часть II). Ст. 4297.

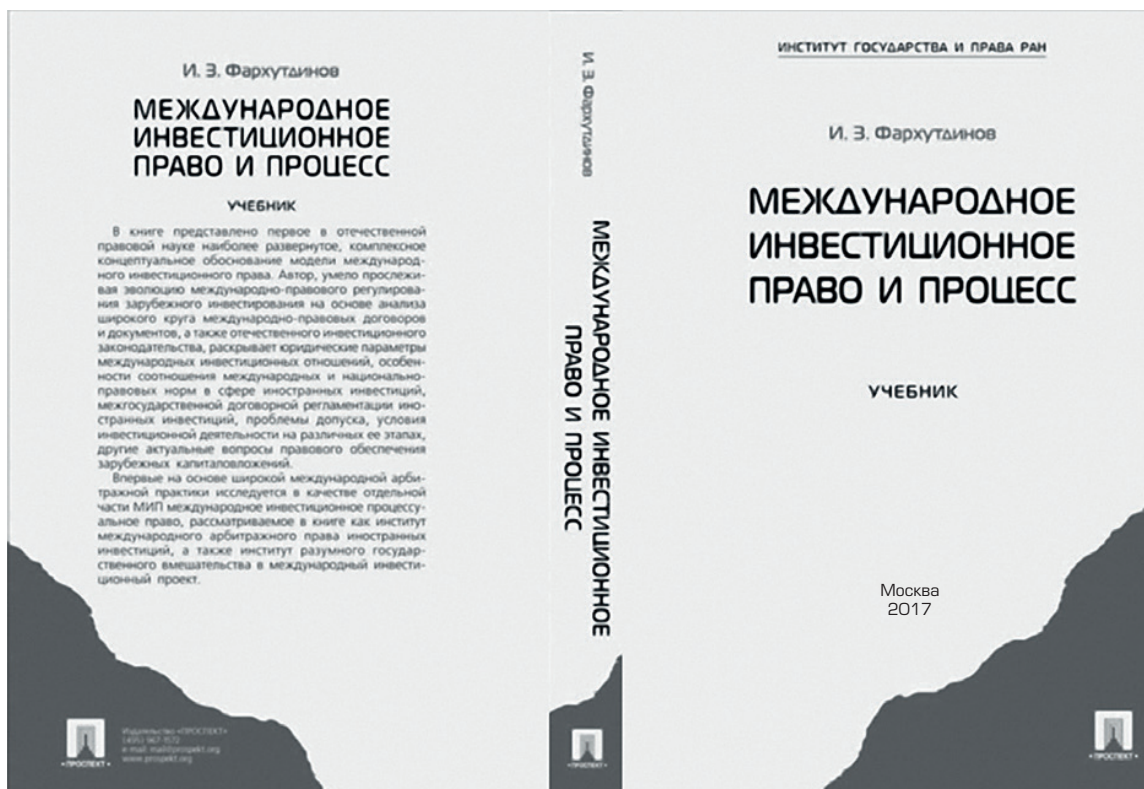
15 Минаева А. В. О страховании вкладов юридических лиц. Нужен закон // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 461-462; Чудиновских М. В. Договор банковского вклада: современное состояние законодательства и пути его развития // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 231- 237.

вающее гарантии для вкладчиков имеет достаточную степень гармонизации. Оно основано на сходных принципах и организационных началах. Сравнительный анализ позволяет выдвинуть ряд предложений по совершенствованию действующего российского законодательства. Во-первых, представляется целесообразным исключить из страхового покрытия вклады инсайдеров банков, а также внешних аудиторов, средства лиц, которые осуждены за коррупционные преступления либо отмывание средств, полученных преступным путем. Во-вторых, представляется обоснованным включение в российское законодательство норм о возможности уплаты чрезвычайных взносов в случае, если это необходимо для обеспечения финансовой устойчивости Фонда.

В то же время другими странами ЕАЭС может быть воспринят положительный опыт Российской Федерации и Республики Армении по установлению максимально коротких сроков для осуществления выплат вкладчикам. В Кыргызской республике необходимо повысить порог гарантий до среднего по ЕАЭС уровня в 20-30 тыс. долларов США. В целях повышения уровня защищенности вкладчиков других стран представляется целесообразным внести в законы ЕАЭС нормы об обязательной публикации информационных сообщений на трех языках – национальном, русском и английском.

Пристатейный библиографический список

1. Бухтик М. И. Система гарантирования банковских вкладов в Республике Беларусь: история и перспективы // Известия СПбГЭУ. 2009. № 4. С. 83-85.
2. Исаева П. Г., Махачев Д. М. Система страхования вкладов в России: основные недостатки и направления развития // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2011. № 21 (238). С. 35-38.
3. Кайванов А. В. Регулирование функционирования системы страхования депозитов с учетом мировых стандартов // Пространство экономики. 2012. № 3-3. С. 83-86.
4. Коваленко С.Б., Шернин П. Г. Современные системы страхования вкладов в Российской Федерации, странах Балтии и СНГ // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 5 (64). С. 69-73.
5. Минаева А. В. О страховании вкладов юридических лиц. Нужен закон // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 461-462.
6. Руднева Ю. Р., Султанова Л. И., Баймухамбетов А. Х. Сравнительный анализ систем страхования вкладов России и Республики Казахстан // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3. С. 369-371.
7. Сплетухов Ю. А., Дюжиков Е. Ф. Страхование банковских вкладов в государствах - участниках единого экономического пространства // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 29. С. 33-40.
8. Чудиновских М. В. Договор банковского вклада: современное состояние законодательства и пути его развития // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 231-237.

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, заведующий кафедрой конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧАЯ

Автор рассматривает доктринальные позиции относительно природы международного обычая; характеристики его элементов; процесс его формирования; доктрину *persistent objector*; преимущества и ограничения международного обычного права. Автор отмечает технологичность международного обычая, т.е. возможность его искусственного формирования. Общий вывод состоит в необходимости участия отечественной доктрины в данных технологиях и ее противодействия обычаям, противоречащим интересам России и стабильности международного порядка.

Ключевые слова: международное право, международный обычай, правотворчество, правовые технологии.

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович

Ph.D. in Law, senior researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the International and constitutional law sub-faculty of the Novosibirsk State Technological University

THE NATURE OF INTERNATIONAL CUSTOM

The author examines doctrinal positions on the nature of international custom; characteristics of its elements; process of its formation; doctrine of *persistent objector*; advantages and limitations of international customary law. The author writes about the technological nature of the international custom, i.e. the possibility of its artificial formation. The general conclusion is that there is a need for the participation of the national doctrine in these technologies and its opposition to customs which contradict the interests of Russia and the stability of international order.

Keywords: international law, international custom, law-making, legal technologies.

Толстых В. Л.

1. Вопрос о природе международного обычая решается по-разному. По мнению Г. Кельзена, «основой обычного права является общий принцип, в соответствии с которым мы должны вести себя так, как обычно ведет себя наш сосед». В отличие от договора обычай создается неосознанно и ненамеренно; люди не обязательно знают, что своим поведением они создают норму права, и не обязательно намереваются создать право. Норма права является результатом, а не целью их деятельности. Кроме того, обычай создается не централизованно, а децентрализованно¹. По мнению Ж. Селя, обычай является «спонтанным фактом коллективного сознания»: «он состоит в том, что различные члены сообщества применительно к одному и тому же социальному отношению реагируют одинаково, так, словно существует еще не сформулированная норма, в отношении которой у них есть ощущение или интуиция, что она является правильной». Акты, образующие обычай, - автономны, изолированы и не предполагают никакого соглашения, выраженного или подразумеваемого².

1 Kelsen H. Principles of international law. The Lawbook Exchange, Ltd., 1952. P. 307-308. Из современных авторов эту позицию разделяет А. Кассесе: «В случае с обычаем государства, участвующие в нормотворческом процессе, не действуют, имея в качестве главной цели установление международных норм. Их главная забота состоит в защите каких-либо экономических, социальных или политических интересов. Постепенное рождение новой международной нормы является побочным эффектом поведения государств в международных отношениях» (Cassese A. International Law. OUP, 2005. P. 156).

2 Scelle G. Manuel de droit international public. Domat-Montchrestien, 1948. P. 574-575.

Сторонники договорной теории полагают, что обычай создается в результате конклюдентного соглашения: его содержание выводится непосредственно из поведения государств, а его юридическая сила – из убежденности государств в обязательности данного поведения. Так, Д. Анцилотти пишет: «Соглашения между государствами вообще возникают либо в силу явно выраженной согласованной воли относительно соблюдения определенных норм, либо в силу самого факта соблюдения таковых в качестве обязательных норм. Явно выраженное волеизъявление, как правило, сопровождается формулированием норм; если же соглашение получает выражение только в фактическом образе действий, то содержание норм должно складываться из таких действий, и в особенности из неоднократного их повторения (обыкновение). Явно выраженное изъявление согласованной воли двух или более государств придерживаться определенного взаимного образа действий получает наименование международного договора (трактата). Молчаливое же соглашение в особенности проявляется в международном обычае»³.

Договорная теория разделялась советской наукой, позволяя настаивать на неприменении к СССР обычаев, возникших до его создания или без его участия. Так, по мнению Г. М. Даниленко, своеобразие переговоров о создании обычая состоит в том, что они ведутся не в рамках формальных процедур, а путем выдвижения правовых притязаний, содержащихся в фактических действиях, актах и заявлениях, и реакции на эти притязания; в результате достигается молчаливое соглашение,

3 Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. С. 79.

в котором, однако, позиции государств менее согласованы по сравнению с письменным соглашением⁴. Г. И. Тункин пишет: «Признавая норму международного права, государство принимает на себя обязательство перед другими государствами соблюдать ее как обязательное для себя правило поведения, от которого оно не может освободиться произвольно. Вместе с тем оно приобретает право требовать соблюдения этой нормы другими государствами. Таким образом, указанные связи между государством, принимающим обычную норму международного права, и другими государствами, уже признавшими эту норму, в своей основе тождественны тем связям, которые устанавливаются между государствами с помощью международного договора»⁵.

2. Господствующая позиция, восходящая к Г. Трипелю, отталкивается от тезиса о двойственной структуре нормы права, включающей декларацию правила и декларацию воли⁶. Когда речь идет о договоре, правило и воля выражаются словами. Когда речь идет об обычае – практика выражается поведением, а воля – словами или поведением. Обычай, соответственно, состоит из двух элементов: практики поведения и убежденности в ее юридической обязательности (*opinio juris*). Поступки государств как таковые не доказывают *opinio juris*; государство вполне может совершать их, считая их более практичными, выгодными и пр. Поступки государств могут сопровождаться манифестацией воли, однако, для установления обычая имеет значение ни воля, выраженная в отношении отдельного поступка, а воля, выраженная в отношении нормы в целом. Таким образом, каждый из двух элементов устанавливается отдельно.

Судебная практика подтверждает двухэлементный подход. В деле о правомерности применения ядерного оружия ряд государств утверждал, что обычный запрет применения ядерного оружия доказывается практикой его неприменения с 1945 г. Другие, возражая против этого, ссылались на доктрину и практику сдерживания, в соответствии с которой некоторые государства оставляли за собой право использовать ядерное оружие в порядке самообороны. По их мнению, ядерное оружие не применялось не в силу обычая, а только потому, что обстоятельства, оправдывающие его применение, к счастью, не возникали. В Заключении от 8 июля 1996 г. Суд счел, что в этих условиях у него нет возможности установить *opinio juris* (пар. 67).

В Решении по делу о юрисдикционных иммунитетах от 3 февраля 2012 г. МС ООН рассмотрел право на иммунитет: «В данном случае имеющая значение государственная практика выводится из решений национальных судов, перед которыми вставал вопрос об иммунитете иностранного государства; законов государств, принятых в данной области; ссылок государств на иммунитет в иностранных судах; а также заявлений, сделанных государствами в связи с углубленным изучением этого вопроса Комиссией международного права, а затем в связи с принятием Конвенции ООН. В этом контексте *opinio juris* вытекает, в частности, из утверждений государств, ссылающихся на иммунитет от юрисдикции в судах других государств, о том, что они в силу международного права имеют основания им пользоваться; из признания государствами, предоставляющими такой иммунитет, что речь идет об обязательстве,

налагаемом на них международным правом; и, наоборот, из утверждений государств в других делах о том, что они имеют право осуществлять юрисдикцию в отношении иностранных государств» (пар. 55).

Некоторые авторы полагают, что практика образует неопровержимую презумпцию *opinio juris* (Г. Лаутерпахт, М. Соренсен, П. Хагенмахер, Г. М. Даниленко). Государство может не делать заявлений о том, что оно считает свои поступки обязательными; такая декларация имплицитно присутствует в самих поступках: например, регулярные аресты иностранных судов на определенном расстоянии от берега свидетельствуют о том, что государство рассматривает территорию как подпадающую под его юрисдикцию. Другой часто встречаемый аргумент в пользу одноэлементной структуры состоит в том, что декларации признания не могут рассматриваться вне практики, но являются ее частью. Так, Г. М. Даниленко пишет: «Поскольку как создание правила поведения, так и его признание в качестве юридически обязательной нормы осуществляется непосредственно актами, входящими в практику, то есть основания для утверждения, что в принципе международный обычай имеет лишь один конститутивный элемент, а именно практику государств»⁷. Р. Аго и другие сторонники теории «спонтанного обычая», наоборот, полагают, что обычай может создаваться действием одной лишь воли, выраженной в резолюциях международных организаций и не опирающейся на длительную практику⁸.

3. *Практика государства* состоит из поведения государства, реализующего исполнительную, законодательную, судебную или иную функции. Она может принимать формы физических и вербальных актов, а также при определенных обстоятельствах – форму бездействия. Она включает дипломатические акты и переписку; поведение в связи с резолюциями, принятыми международной организацией; поведение в связи с договорами; поведение исполнительной власти, включая поведение «на местах»; законодательные и административные акты; решения внутренних судов. Заранее установленной иерархии форм практики не существует, хотя в конкретных случаях разная практика может иметь разный вес.

Практика государств должна быть всеобщей, т.е. распространенной и репрезентативной, а также последовательной (иначе содержание обычая не будет определенным). При условии всеобщности какой-либо конкретной продолжительности не требуется. Всеобщность не предполагает участие в практике всех без исключения государств; достаточно, чтобы в ней участвовали государства, непосредственно сотрудничающие в данной сфере (например, в сфере сотрудничества в космосе – космические державы). Более того, она не предполагает абсолютного единообразия; незначительные отступления от всеобщей практики допускаются⁹.

В Решении по делу о праве убежища от 20 ноября 1950 г. МС ООН указал: «Факты, представленные Суду, обнаруживают столько неопределенности и противоречий, сколько ко-

4 Даниленко Г. М. Обычай в современном международном праве. М., 1988. С. 16.

5 Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 142.

6 Triepel H. Droit international et droit interne. Paris: A. Pédone, 1920. P. 89.

7 Даниленко Г. М. Цит. соч. С. 65.

8 Ago R. Science juridique et droit international // RdC. Vol. 90. 1956. II. P. 932.

9 «Всеобщность должна быть не атрибутом практики, создавшей обычную правовую норму, а атрибутом признания созданной нормы... Обычная норма общего международного права может быть создана практикой лишь некоторого числа, а не всех государств, но признана в качестве правовой нормы всеми государствами... При этом всеобщность признания не нужно доводить до арифметического совершенства» (Курс международного права / Кожеников Ф. И., Корецкий В. М. и др. В 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 181, 182).

лебаний и несоответствий в осуществлении дипломатического убежища и в официальных взглядах, выраженных по различным поводам; такой непоследовательной была быстрая смена конвенций, относящихся к убежищу, ратифицированных одними государствами, и отвергнутых другими; практика в различных случаях была в такой степени подвержена влиянию соображений политической целесообразности, что не является возможным вывести из всего этого постоянный и единообразный обычай, принятый в качестве права...».

В Решении по делу о военной деятельности в Никарагуа от 27 июня 1986 г. МС ООН указал: «Суд не считает, что для того чтобы образовалась обычная норма, соответствующая практика должна находиться в абсолютно строгом соответствии с этой нормой. Для того чтобы установить существование обычных норм Суд полагает достаточным, чтобы поведение государств было бы в целом совместимым с этими нормами, и чтобы отдельные случаи поведения государств, не соответствующего определенной норме, воспринимались бы по общему правилу как нарушения этой нормы, а не как свидетельства признания новой нормы. Если государство ведет себя таким образом, который на первый взгляд несовместим с признанной нормой, но отстаивает свое поведение, ссылаясь на исключения или оправдания, содержащиеся в самой норме, то, независимо от того, может ли поведение государства на самом деле быть оправдано на этом основании, значение этого поведения состоит скорее в подтверждении, чем в ослаблении нормы» (пар. 186).

4. Требование *opinio juris* означает, что практика должна быть принята с осознанием юридического права или обязательства, и позволяет отграничить обычай от обыкновения или привычки. Доказательствами *opinio juris* являются публичные заявления органов и должностных лиц государств, официальные публикации, правительственные заключения, дипломатическая переписка, решения внутренних судов, договорные положения, а также поведение в связи с резолюциями международных организаций.

В Решении по делу *Lotus* от 7 сентября 1927 г. ППМП указала: «Даже если редкие судебные решения, которые можно найти в сборниках судебной практики были бы достаточными доказательствами факта, на которые ссылается агент французского правительства, отсюда следовало бы только то, что государства на самом деле часто воздерживались от осуществления уголовного преследования, а не то, что они признавали себя обязанными так поступать; поскольку только тогда, когда воздержание мотивировано осознанием обязанности воздерживаться, можно говорить о международном обычае» (р. 28).

В Решении о континентальном шельфе Северного моря от 20 февраля 1969 г. МС ООН указал: «Рассматриваемые акты должны не только образовывать устойчивую практику, но, кроме того, по своему характеру или способу совершения свидетельствовать об убежденности в том, что эта практика стала обязательной в силу существования нормы права. Необходимость подобной убежденности, т.е. существование субъективного элемента, подразумевается самим понятием *opinio juris sive necessitatis*. Заинтересованные государства должны, таким образом, осознавать, что они подчиняются тому, что равнозначно юридической обязанности. Ни повторение, ни даже обычный характер актов не являются достаточными. Существует много международных актов, например, в области протокола, которые осуществляются почти единообразно, но вызваны простыми соображениями вежливости, целесообразности или традиции, а не осознанием юридической обязанности» (пар. 77).

5. Отсутствие реакции на практику может рассматриваться как доказательство *opinio juris* при условии, что государства имели возможность реагировать, а обстоятельства требовали такой реакции. Другими словами, если государство, участвуя в определенных отношениях, знает об актах других государств, направленных на формирование обычая, и не реагирует на них, его поведение может квалифицироваться как одобрение и признание такого обычая.

В деле «*Lotus*» от 7 сентября 1927 г. ППМП указала: «...Заинтересованные государства, по-видимому, не возражали против рассмотрения уголовных дел о столкновениях в судах государства иного, чем государство флага, и не подавали протестов: их позиция, как представляется, почти не отличалась от их позиции во всех случаях конфликта юрисдикций. Это обстоятельство прямо опровергает существование молчаливого согласия государств в исключительной юрисдикцией государства флага, которое представитель французского правительства посчитал возможным вывести из того факта, что вопросы юрисдикции редко рассматриваются в уголовных судах. Представляется маловероятным и не соответствующим международной практике, что французское правительство в деле *Ortigia - Uncle-Joseph* и немецкое правительство в деле *Ekbatana - West-Hinder* упустили бы возможность протеста против осуществления уголовной юрисдикции итальянскими и бельгийскими судами, если бы они действительно полагали, что здесь имеет место нарушение международного права» (р. 29).

6. Инициаторами обычая являются государства, непосредственно заинтересованные в нем в силу участия в соответствующих отношениях. Они формируют единообразную практику и рассчитывают на ее универсальное распространение и признание. Формирование обычая в отличие от принятия договора занимает некоторое время, отчитываемое от момента, когда акты, относящиеся к практике и *opinio juris*, были осуществлены лишь несколькими государствами, и заканчивая моментом, когда они были осуществлены или признаны всеми государствами. Состояние обычая в этот промежуток времени определяется как *in statu nascendi*. Так, обычай, дающий право на континентальный шельф, был иницирован в 1945 г. США и окончательно сформировался только в конце 50-х гг. Вполне возможна ситуация, когда инициированный обычай так и не будет сформирован: такая судьба, например, постигла некоторые принципы Нового международного экономического порядка, сформулированные в начале 70-х гг.

Согласно концепции *persistent objector* обычай *in statu nascendi* не связывает государство до тех пор, пока оно продолжает возражать против него. Возражение должно быть ясно выраженным, доведенным до сведения других государств и настойчивым. В деле о рыболовстве Великобритании просила применить правило, согласно которому длина линий, замыкающих внутренние воды заливов, не должна превышать десяти морских миль. В Решении от 18 декабря 1951 г. МС ООН счел, что это правило не может связывать Норвегию, которая всегда возражала против его применения к своему побережью. Некоторые авторы считают концепцию *persistent objector* несовместимой с универсальным характером общего международного права¹⁰.

В отсутствие непосредственного интереса государства, как правило, не возражают против обычая *in statu nascendi* и впоследствии утрачивают право ссылаться на доктрину *persistent objector*. То же самое касается вновь образовавшихся государств. Такое автоматическое распространение обо-

10 См. Cassese A. Op. cit. P. 163.

сновывается требованиями определенности, стабильности и целостности международного порядка и вытекающей отсюда недопустимостью его фрагментации новым участником. Этот подход, однако, подрывает саму основу позитивного права и противоречит принципу суверенного равенства. Договорная теория объясняет автоматическое распространение презумпцией согласия нового участника, которая может быть опровергнута им самим¹¹. Практика, однако, показывает, что такого рода возражения не учитываются. Речь идет не только о теоретических трудностях: обычаи, обязывающие новое государство уважать собственность иностранных компаний, долговые обязательства предшественника и некоторые договорные режимы, значительно ограничивают его независимость и способность к развитию; неслучайно они часто рассматриваются как инструмент неокOLONIALИЗМА.

7. Международный обычай обладает рядом преимуществ. *Во-первых*, по сравнению с договором он более прямо выражает интересы государств: участвуя в соответствующей практике, государства руководствуются только своими интересами и могут не учитывать интересы других. *Во-вторых*, его формирование может быть более быстрым и простым процессом по сравнению с заключением договора. *В-третьих*, его формирование позволяет исполнительной власти преодолевать оппозицию законодательной власти по отношению к договорной норме¹². *В-четвертых*, в силу его автоматического распространения на новые государства он обеспечивает универсальность международного права.

Обычаю присущи и свои ограничения. *Во-первых*, в отличие от договора его установление требует больших усилий. *Во-вторых*, он не подходит для того, чтобы сформировать совершенно новый тип поведения (например, создать организацию) или обеспечить дифференцированное регулирование. *В-третьих*, он способен связывать тех, кто не хочет ему подчиняться и никогда не заключил бы соответствующий договор. Этот недостаток обычая усугубляется распространением технологий его формирования, состоящих в постепенном наращивании легитимности: сначала норма озвучивается ученым или политиком, затем отражается в резолюции международной организации, затем применяется судом в отношении конкретного дела и т.д., - при этом ее формальные авторы - государства - не имеют почти никакого отношения к этому процессу.

Б. Стерн пишет: «...Создание обычной нормы всегда выглядит производным от действий активного большинства - или даже очень сильного и активного меньшинства - которое способно навязать свои взгляды всем остальным государствам, кроме тех случаев, когда некоторые государства настроены на решительное сопротивление... Таким образом, одни государства будут считаться себя связанными, потому что они этого хотели, потому что они свободно на это согласились, а другие государства, наоборот, будут считать себя связанными, потому

что они не могли не хотеть этого, потому что данная норма была им навязана»¹³.

По мнению Дж. Келли, обычай не является легитимным источником. *Во-первых*, обычаи, на которые ссылаются в литературе, не основаны на общем консенсусе или признании, которые являются фикциями, используемыми для оправдания универсализации права. *Во-вторых*, концепция обычая является неэффективной: она не обеспечивает установления содержания норм, способа и порядка их возникновения и круга связанных государств. *В-третьих*, процесс формирования обычаев нарушает принципы демократии: в нем участвуют немногие государства, при этом мнение слабых государств игнорируется, а альтернативы и уступки не рассматриваются. Вместо использования концепции обычая следует развивать консенсуальный процесс: практика должна считаться предварительным шагом в сторону создания нормы; завершающим же шагом должен быть ритуал (решение суда или ратификация договора), уточняющий содержание нормы и ее действие¹⁴.

В этой связи задача отечественной доктрины состоит не только в том, чтобы ориентировать внутренние суды на правильное применение международного обычного права и отстаивать в международных судах собственное видение этого права, но и в том, чтобы участвовать в его формировании, используя те технологии, которые используют западные ученые и государства, и противодействовать формированию обычаев, противоречащих интересам России и стабильности международного порядка.

Пристатейный библиографический список

1. Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961.
2. Даниленко Г. М. Обычай в современном международном праве. М., 1988.
3. Курс международного права / Кожевников Ф. И., Корецкий В. М. и др. В 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1967.
4. Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970.
5. Ago R. Science juridique et droit international // RdC. Vol. 90. 1956. II.
6. Cassese A. International Law. OUP, 2005.
7. Kelly J.P. The twilight of customary international law // Virginia Journal of International Law. 2000. Vol. 40. P. 449-543.
8. Kelsen H. Principles of international law. The Lawbook Exchange, Ltd., 1952.
9. Scelle G. Manuel de droit international public. Domat-Montchrestien, 1948.
10. Stern B. Custom at the Heart of International Law // Duke J. Comp. & Int'l L. 2001. Vol. 11.
11. Triepel H. Droit international et droit interne. Paris: A. Pédone, 1920.

11 Г. И. Тункин пишет: «Что касается вновь возникающих государств, то юридически они имеют право не признать те или иные обычные нормы общего международного права. Однако, если новое государство вступает без оговорок в официальные отношения с другими странами, это означает, что оно принимает определенный комплекс принципов и норм действующего международного права, являющихся основными принципами отношений между государствами» (Цит. соч. С. 145).

12 Так, в ответ на нежелание Конгресса США ратифицировать Конвенцию по морскому праву 1982 г. Президент США признал большую часть ее положений обычным правом.

13 Stern B. Custom at the Heart of International Law // Duke J. Comp. & Int'l L. 2001. Vol. 11. P. 107.

14 Kelly J.P. The twilight of customary international law // Virginia Journal of International Law. 2000. Vol. 40. P. 449-543.

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института Всероссийского государственного университета юстиции

ВАСИЛЬЕВ Владимир Янович

кандидат технических наук, заместитель директора по научной работе Центрального научно-исследовательского института морского флота, г. Санкт-Петербург

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ С УЧЕТОМ ОСОБОГО СТАТУСА ВОДОЕМА

В статье приведен анализ действующих на акватории Каспийского моря правовых норм, как установленных международными договорами, так и норм, сложившихся в результате формирования международного обычая, и определяющих правовой статус водоема. Рассмотрено историческое изменение этого статуса, имевшее место в результате незавершенного в настоящее время переговорного процесса между прикаспийскими государствами по данной проблеме, выявлены существенные особенности. Сформулированы основные вопросы, подлежащие рассмотрению и урегулированию после подписания основополагающего международного договора о правовом статусе Каспийского моря.

Ключевые слова: Каспийское море, Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря; конвенция Международной морской организации, прикаспийские государства.

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Constitutional and international law sub-faculty of the St. Petersburg Institute of Russian State University of Justice

VASILJEV Vladimir Yanovich

Ph.D. in technical sciences, Deputy Director for science of the Central Scientific Research Institute of Marine Fleet, Saint-Petersburg

THE APPLICABILITY OF INTERNATIONAL LAW IN THE CASPIAN SEA TAKING INTO ACCOUNT THE SPECIAL STATUS OF THE RESERVOIR

In article the analysis of operating on the Caspian sea legal norms, as established by international treaties and norms arising from the formation of international custom, and defining the legal status of the reservoir. Reviewed the historical change of this status that occurred in the result of an incomplete at the present time the negotiation process between the littoral States on this issue, identified significant features. The basic issues for consideration and resolution after the signing of the fundamental Treaty on the legal status of the Caspian Sea.

Keywords: Caspian Sea, the framework Convention for the protection of the marine environment of the Caspian Sea, the Convention of the International Maritime organization, the Caspian States.

К нормам международного морского права относятся формализованные правила, установленные путем согласования воли государств. Основными источниками международного морского права являются международный договор и международный обычай, которые порождают два соответствующих им вида норм: нормы, установленные международным договором, и нормы, сложившиеся в результате формирования международного обычая¹.

Особенности правового статуса акватории Каспийского моря в настоящее время в целом определяется договорами между СССР и Ираном (РСФСР и Персией) 1921 – 1940 гг. Эти договоры должны соблюдаться Ираном и всеми возникшими прибрежными государствами, в том числе и Россией.

Правовой статус Каспийского моря, после возникновения ряда прикаспийских государств на протяжении многих лет квалифицировался в основном по двум категориям:

- 1) закрытое море;
- 2) пограничное озеро.

В зависимости от классификации предлагались различные варианты заключения основополагающего международного договора по статусу и использованию Каспийского моря. В случае признания Каспийского моря полу-замкнутым морем в классификации Конвенции ООН по морскому праву оно попадало бы под действие указанной конвенции, но для этого нужно бы было согласие всех прибрежных государств (в настоящее время из прикаспийских государств Конвенция

ООН по морскому праву ратифицирована только Россией и Ираном). Поскольку такое признание было бы выгодно, прежде всего, не прикаспийским государствам, такого признания не произошло². Переговорный процесс по рассматриваемой проблеме продолжается до сих пор, и на последних Каспийских саммитах был принят принцип признания Каспийского моря внутриконтинентальным водоемом с особым правовым статусом. В соответствии с принятыми принципиальными решениями, ни одно из пяти государств не имеет каких-либо преимуществ или льгот в эксплуатации пространств и ресурсов, все наделены равными правами.

При этом статус и режим Каспийского моря как объекта общего пользования всех прикаспийских государств останется неизменным до того момента, пока ими не будет заключена конвенция, изменяющая существующее положение.

Прикаспийские государства вправе в рамках существующего статуса заключать двусторонние и многосторонние договоры и соглашения по урегулированию вопросов, не решенных в рамках договоров 1921-1940 годов.

К таким соглашениям относятся, например, соглашение между Российской Федерацией и Казахстаном о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998

1 Международное публичное право. М.: МГЮА, 2010. 998 с.

2 Ковалев А. А. Современное международное морское право и практика его применения. М.: Научная книга, 2003. 416 с.

года³. Заключенные прибрежными государствами двусторонние соглашения, в том числе по разделу морского дна Каспийского моря, являются легитимными, поскольку они заключены в порядке реализации прав прибрежных государств на соответствующие участки дна и вносят позитивный вклад в становление принципов и норм, определяющих статус и режим Каспийского моря. Публичное непризнание этого и последующих⁴ договоров Ираном не повлияло на их действие при освоении Каспийского шельфа.

При разработке подобных соглашений в практике межгосударственных отношений в соответствии с принципами ООН принято руководствоваться:

- международными конвенциями, признанными всеми или большинством государств;
- международными обычаями, представляющими собой доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;
- общими принципами права;
- международными судебными решениями и доктринами наиболее квалифицированных специалистов по международному праву различных наций.

В конце 90-х годов была создана Специальная рабочая группа по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств (СРГ). В рамках настоящей статьи рассмотрение истории работы СРГ, а также описание позиций государств, неоднократно изменявшихся за время ее работы не представляется целесообразным, отметим только, что 18-20 ноября 2015 года в г. Астане состоялось 42-е заседание СРГ⁵.

В опубликованном 42-м коммюнике констатируется, что проводилась работа над содержанием Конвенции: по вопросам разграничения дна и недр Каспия, статусу морских установок и сооружений, а также порядку прокладки подводных кабелей и трубопроводов по дну моря. Кроме того, стороны продолжили согласование положений проекта Конвенции, касающихся методики установления исходных линий, порядка проведения морских научных исследований и судоходства в морских зонах с различным правовым режимом, которые обсуждались на предыдущих заседаниях СРГ.

Весьма важным договором является Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море⁶, подписанное в ходе Третьего каспийского саммита в Баку 18 ноября 2010 г. Текст документа включает преамбулу и 15 статей. В Соглашении содержится принципиально важное положение о том, что обеспечение безопасности на Каспийском море является прерогативой прикаспийских государств. Являясь ра-

мочным документом, Соглашение создает правовую основу для сотрудничества в различных областях, в том числе:

- обеспечение безопасности морского судоходства и борьба с пиратством;
- обеспечение безопасности мореплавания.

Главным опубликованным к настоящему моменту документом является Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана, опубликованное после состоявшегося в Астрахани в сентябре 2014 г. 4-го Каспийского саммита и содержащего 19 конкретных пунктов⁷. Одновременно было заявлено, что текст Конвенции готов на 80% и подписание ее планируется в 2016 г. в Казахстане на 5-м саммите.

Выделим непосредственно относящиеся к вопросам международного морского права с точки зрения торгового мореплавания пункты, которые, несомненно, будут прямо отражены в тексте Конвенции, и свидетельствуют о том, что деятельность Сторон на Каспийском море будет осуществляться на основе согласованных ими принципов, в том числе:

- национального суверенитета каждой Стороны над прибрежным морским пространством в пределах **15 морских миль** и исключительных прав каждой Стороны на добычу водных биологических ресурсов в пределах примыкающих к нему **10 морских миль**, за которым следует общее водное пространство, учитывая, что вопрос применения методик при установлении исходных линий будет предметом дальнейших консультаций Сторон;

- свободы мореплавания за пределами морского пространства под национальным суверенитетом каждой Стороны при соблюдении суверенных и исключительных прав прибрежных государств и установленных ими в этой связи правил в отношении определенных Сторонами видов деятельности;

- обеспечения безопасности мореплавания;
- осуществления плавания в Каспийском море, прохода в/из него исключительно судами под флагом каждой из Сторон;
- права на свободный доступ из Каспийского моря к другим морям, Мировому океану и обратно на основе общепризнанных норм и принципов международного права и договоренностей соответствующих Сторон с учетом законных интересов Стороны транзита в целях расширения международной торговли и экономического развития;

- охраны природной среды Каспийского моря, сохранения, восстановления и рационального использования его биологических ресурсов;

- ответственности Стороны, допускающей загрязнение, за ущерб, причиненный экологической системе Каспийского моря;

- содействия проведению научных исследований в области экологии, сохранения и использования биологических ресурсов Каспийского моря;

- проведения морских научных исследований за пределами морского пространства под национальным суверенитетом каждой Стороны в соответствии с согласованными Сторонами правовыми нормами, при соблюдении суверенных и исключительных прав прибрежных государств, а также установленных ими в этой связи правил в отношении определенных видов исследований.

Таким образом, можно утверждать, что Конвенция о правовом статусе Каспийского моря будет по своей структуре опираться на положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. с тем отличием, что всеобщая свобода мореплавания за пределами вод под суверенитетом прибрежного государства

3 Ратифицировано Федеральным законом от 05.04.2003 г. №40-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование и Протокола к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года».

4 «Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря» 2003 г.» и ряд протоколов, например: 15.10.2015. Протокол о внесении изменения в Протокол к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года.

5 Коммюнике 42-го заседания Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств.

6 Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 367-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море».

7 Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана, опубликованное после состоявшегося в Астрахани в сентябре 2014 г. 4-го Каспийского саммита.

будет заменена свободой мореплавания для судов под флагами прикаспийских государств.

После проведения согласованных исходных линий будет установлен аналог территориального моря с шириной 15 миль, и дополнительно – рыболовная зона с шириной 10 миль от внешней границы аналога территориального моря.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о применимости в Каспийском море конвенций Международной морской организации (ИМО). Секретариат ИМО неоднократно отвечал на вопросы, связанные с применимостью конвенций, в частности, конвенции СОЛАС-74 в Каспийском море. Вопрос возникал, в частности, потому, что в самой конвенции о применимости говорится как о «судах, совершающих международные рейсы», так и обо «всех судах». Нет сомнений, что суда совершают международные рейсы в Каспийском море. Тем не менее, в юридической службе ИМО пришли к однозначному заключению: «Поскольку ни от одного из прибрежных государств не получено утвердительного заявления по этому вопросу, следует считать, что конвенция СОЛАС не распространяется на Каспийское море».

Тем не менее, например, из ответа⁸, полученного комиссией по навигационным предупреждениям Международной гидрографической организации из секретариата ИМО, не следует, что страны не могут применять отдельные части конвенции СОЛАС-74 или конвенцию в целом.

В отношении других конвенций ИМО ситуация выглядит следующим образом: большинство прикаспийских государств либо ратифицировало их, либо присоединилась к ним, см. приведенную далее таблицу.

Следует отметить, что Международная конвенция о грузовой марке, 1966 г. измененная протоколом 1988 года к ней (КГМ-66/88) в ст. 5 содержит прямое указание на то, что ее положения не распространяются на Каспийское море. Аналогичное положение содержится в Международной конвенции по обмеру судов 1969 г. (ст. 4). Тем не менее, содержащаяся в конвенциях оговорка не запрещает применять конвенции, полностью или частично, в Каспийском море.

Применимость МППСС-72 вытекает из текста самих правил (1b), предписывающих государствам устанавливать на акваториях, по которым могут плавать морские суда, правила, насколько это возможно близкие к МППСС. Практика всех государств это подтверждает.

С выполнением МППСС-72 (и СОЛАС-74) связан вопрос установления путей движения судов, схем разделения движения и сопутствующих мер. Основные пути движения судов были установлены еще во времена существования всего двух прибрежных государств, и анализ карт и режимов плавания в Каспийском море свидетельствует о соответствии путей движения судов и схем разделения стандартам ИМО⁹. Полностью стандарты ИМО в этой части были соблюдены прикаспийскими государствами при разработке шельфа и создания искусственных островов и сооружений. Такое применение можно рассматривать как хорошую морскую практику (термин МППСС) и устоявшийся правовой обычай.

В отношении вопросов связи и, в частности, ГМССБ, прикаспийские государства также выполняют все стандарты на добровольной основе. Несмотря на то, что СОЛАС-74 на Каспийское море в обязательном порядке не распространяется, равно как и работа всемирной службы навигационных предупреждений, в принимаемый ИМО на постоянной основе

Таблица 1. Участие прикаспийских государств в конвенциях ИМО

Конвенции	Азербайджан	Иран	Казахстан	Россия	Туркменистан
СОЛАС 1974	+	+	+	+	+
Протокол 1988г. к СОЛАС 1974	+	+	+	+	-
МКГМ 1966	+	+	+	+	+
Протокол 1988г. к МКГМ 1966	+	+	+	+	-
Конвенция по обмеру судов 1969г.	+	+	+	+	+
МППСС-1972	+	+	+	+	+
ПДМНВ 1978	+	+	+	+	+
МАРПОЛ 73/78 (Приложения I и II)	+	+	+	+	+
МАРПОЛ 73/78 (Приложение III)	+	+	+	+	+
МАРПОЛ 73/78 (Приложение IV)	+	+	+	+	+
МАРПОЛ 73/78 (Приложение V)	+	+	+	+	-
МАРПОЛ 73/78 (Приложение VI)	+	+	-	+	+
КБК-72	-	+	+	+	-
КГО 92	+	+	-	+	+

Мастер-план ГМССБ¹⁰ внесены районы NAVTEX Каспийского моря¹¹.

В Каспийском море прибрежными государствами установлены и работают станции АИС и центры идентификации дальнего действия, портовые сооружения проходят освидетельствование по кодексу ОСПС (согласно законодательству государств, например, в России в обязательном порядке, в Азербайджане – добровольно – около 50%).

Вопросы охраны окружающей среды представляют собой единственную область, в отношении которой заключена хотя и рамочная, но отдельная конвенция. Подписанная в 2003 году, Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря вступила в силу 12 августа 2007 года¹². В ней заложены основные положения по регулированию антропогенного воздействия на морскую среду, вопросам охраны биологических ресурсов и общему взаимодействию между сторонами в отношении мероприятий по охране экосистемы Каспия. В настоящее время на согласовании Сторон находятся четыре дополнительных протокола к упомянутой Рамочной конвенции.

С точки зрения действия Конвенции МАРПОЛ 73/78 основной интерес представляет так называемый протокол Актау от 2011 г.¹³, ратифицированный или утвержденный¹⁴ всеми странами, кроме Казахстана, где он находится на ратификации. В ст. 8 протокола записано обязательство информирования ИМО о принятии экстренных мер в случае разлива нефти, хотя ИМО не имеет прямого отношения к основной Конвенции. Кроме того, по ст. 9 каждая договаривающаяся сторона обязуется обеспечить разработку на судах под ее флагом судовых чрезвычайных планов по борьбе с загрязне-

8 Applicability of SOLAS to the Caspian Sea. CPRNW10/3/4/4, 2008.

9 Режим плавания судов в Каспийском море. Сводное описание. Гидрографическая служба Каспийской флотилии. 2000 г. 44 с. № 4051 Режим плавания судов в Каспийском море. Сводное описание. 2005 г. ЦКПФ ВМФ, 2005. 127 с.

10 GMDSS.1/Circ.18, 1 September 2015.

11 Caspian Sea NAVTEX Service Areas (направлено в УНиО МО РФ гидрографической службой Ирана).

12 Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря.

13 Протокол о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью, к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря.

14 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2013 г. N 1064-р.

нием по правилам Международной конвенции по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству (International Convention on Oil Pollution Preparedness, Response and Co-operation (OPRC), 1990), а также первого приложения к МАРПОЛ 73/78. Таким образом, нормы конвенций действуют избирательно на обязательной основе через региональные соглашения.

Следующий саммит прикаспийских государств запланирован к проведению в 2017 году в Астане. Исходя из анализа заявлений и интервью глав внешнеполитических ведомств прикаспийских государств, достигнуто общее понимание, что дает надежду на подписание в ближайшем будущем Конвенции о правовом статусе Каспийского моря¹⁵. Согласно информации, озвученной 13 июля 2016 года в Астане на совещании министров иностранных дел прикаспийских государств, недоработанными вопросами остаются: прокладка коммуникаций по дну Каспийского моря, определение методики разграничения дна, порядок навигации различных (по правовому статусу) судов на Каспийском море и вопросы транзита. В конце 2016 г. экспертные встречи прошли в Тегеране и Ашхабаде. По итогам совещаний экспертов, по всей вероятности, определена конкретная дата встречи глав МИД для согласования окончательного текста Конвенции о правовом статусе Каспийского моря для подписания государствами-участниками. На пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Азербайджана Э. М. Мамедьяровым, Москва, 6 марта 2017 года министр иностранных дел РФ С. Лавров отметил: «Большинство компонентов проекта конвенции о правовом статусе Каспийского моря согласованы. Эксперты продолжают работу над сохраняющимися вопросами. Их не так много. Один из основных вопросов – это определение вод под суверенитетом каждого государства».¹⁶

Обобщая изложенное выше, можно сделать следующие выводы об особенностях существующего в настоящее время правового статуса акватории Каспийского моря:

1) Каспийское море является внутриконтинентальным водоемом с особым статусом. Конвенция ООН по морскому праву не распространяется на Каспийское море.

2) Конвенция о статусе Каспийского моря будет заключена в ближайшее время, до этого следует руководствоваться двусторонними и многосторонними соглашениями между прикаспийскими государствами и заявлением глав государств на 4-м Каспийском саммите.

3) Конвенция ООН по морскому праву и конвенции ИМО не распространяют свое действие на Каспийское море. Вместе с тем ничто не препятствует применению этих конвенций на Каспийском море.

4) До принятия Конвенции о статусе Каспийского моря следует пользоваться конвенциями ИМО на добровольной основе, и на основе национального законодательства прикаспийских государств.

Пристатейный библиографический список

1. № 4051 Режим плавания судов в Каспийском море. Сводное описание. 2005 г. ЦКПФ ВМФ, 2005. 127 с.
2. Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана, опубликованное после состоявшегося в Астрахани в сентябре 2014 г. 4-го Каспийского саммита.

3. Ковалев А. А. Современное международное морское право и практика его применения. М.: Научная книга, 2003. 416 с.
4. Коммюнике 42-го заседания Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств.
5. Международное публичное право. М.: МГЮА, 2010. 998 с.
6. Протокол о внесении изменения в Протокол к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года.
7. Протокол о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью, к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря.
8. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2013 г. N 1064-р.
10. Режим плавания судов в Каспийском море. Сводное описание. Гидрографическая служба Каспийской флотилии. 2000 г. 44 с.
11. Сайт МИД Казахстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.gov.kz/>.
12. Сайт МИД РФ, сообщение пресс-службы от 6.03.17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru>.
13. «Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря» 2003 г.».
14. Федеральный закон от 05.04.2003 г. №40-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование и Протокола к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года».
15. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. N 367-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море».
16. Applicability of SOLAS to the Caspian Sea. CPRNW10/3/4/4, 2008.
17. Caspian Sea NAVTEX Service Areas (направлено в УНиО МО РФ гидрографической службой Ирана).
18. GMDSS.1/Circ.18, 1 September, 2015.

¹⁵ См. на сайте МИД Казахстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.gov.kz/>.

¹⁶ См.: сайт МИД РФ (www.mid.ru), сообщение пресс-службы от 6.03.17.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУБСИДИРОВАНИЯ РЫБОЛОВСТВА В РАМКАХ ВТО

В статье отмечена важность субсидирования рыболовной отрасли для экономики государства, продовольственной безопасности и поддержания деятельности рыбопромышленных предприятий. Обозначены основные разновидности субсидирования рыболовства на современном этапе. Основное внимание уделено деятельности ВТО по правовой регламентации субсидирования рыбной промышленности. Рассмотрены итоги сессий Переговорной группы по рыболовным субсидиям, которая призвана разработать основные положения будущего соглашения о предоставлении субсидий рыбной промышленности. Отмечено, что в настоящее время проблема субсидирования в рыболовной отрасли рассматривается ВТО в двух аспектах: субсидирование государствами-членами собственной рыболовной промышленности и субсидирование развитыми государствами развивающихся государств. Проанализированы представленные членами ВТО предложения, относительно будущего соглашения.

Ключевые слова: рыболовство, субсидирование, ВТО, правовая регламентация, развитые государства, развивающиеся государства, запрет субсидирования, морские живые ресурсы, истощение запасов, Переговорная группа.

BEKYASHEV Damir Kamilevich

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FISHERIES SUBSIDIES IN THE WTO

The importance of fisheries subsidies for the state economy, food security and supporting companies is noted in the article. The main types of fisheries subsidies at the present stage are indicated. The main attention is paid to the activities of the WTO on the legal regulation of fisheries subsidies. The results of the sessions of the Negotiating Group on fisheries subsidies, which is designed to develop the main provisions of the future agreement on fisheries subsidies, are considered. It is noted that at present the problem of fisheries subsidies in two aspects: WTO Member States subsidies of its own fishing industry and developed countries fisheries subsidies of developing states. The proposals submitted by WTO members regarding the future agreement are analyzed.

Keywords: fisheries, subsidies, WTO, legal regulation, developed states, developing countries, prohibition of subsidies, marine living resources, depletion of stocks, Negotiating Group.

Для рыболовной отрасли субсидирование имеет особое значение, поскольку государственная поддержка в этом секторе экономики крайне важна. Основную массу рыбопромышленных предприятий можно отнести либо к среднему, либо к малому предпринимательству, с соответствующим бюджетом. При этом финансовые затраты на осуществление рыбного промысла чрезвычайно высоки. Для таких предприятий государственная поддержка является особо ценной.

В тоже время, субсидирование рыболовной отрасли важно и для экономики государств. Рыба и морепродукты остаются одним из самых ходовых продовольственных товаров в мире: ее рынок в 2014 г. оценивался почти в 130 млрд. долларов США и обещал продолжить рост в последующие годы. Торговля рыбной продукцией значительно выросла в течение последних десятилетий. Рыба и продукция, вырабатываемая из нее, являются одним из наиболее продаваемых сегментов мирового продовольственного центра: по оценкам до 78 % морепродуктов открыто для конкуренции в международной торговле. Для многих стран и целого ряда прибрежных и речных областей экспорт рыбы и рыбной продукции имеет важное значение для их экономики, превышая 40 % от общей стоимости продаваемых товаров в некоторых островных странах, в мировом масштабе составляет более 9 % от общего объема экспорта сельскохозяйственной продукции и 1 % мировой торговли товарами в стоимостном выражении¹.

Нельзя забывать и о том, что субсидирование рыболовной промышленности важно и для обеспечения продовольственной безопасности государств и здоровья населения. Так, по данным ФАО, в 2013 г. на долю рыбы приходилось порядка 17 % животного белка в пищевом рационе населения планеты и 6,7 % всего потребляемого им белка. Более того, рыба обеспечила свыше 3,1 млрд. почти 20 % всего потребляемого ими в среднем на душу населения животного белка².

Еще одно важное значение субсидирования – обеспечение рабочими местами. В 2014 г. занятость в рыболовном секторе росла быстрее, чем мировое население: всего в первичном секторе работало почти 56,6 млн. чел. 90 % из них составляли мелкие рыбаки, а 15 % – женщины. В таких видах слепопромысловой деятельности, как рыбопереработка, доля женщин доходила до 90 % от всех работников³.

Исторически субсидии в рыболовной отрасли часто связывались с государственной поддержкой строительства или эксплуатации рыболовных судов, топливной поддержкой, а также производства аквакультуры. Неформальное объединение «Друзья рыбы» («Friends of Fish») в которое входит Аргентина, Австралия, Чили, Колумбия, Новая Зеландия, Норвегия, Исландия, Пакистан, Перу и США, считает, что субсидирование

Бекяшев Д. К.

1 Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. ФАО. Рим, 2016. С. 7.

2 Там же. С. 4.

3 Там же. С. 5.

рыболовного сектора оценивается примерно в 14-20,5 миллиардов долл. США ежегодно⁴.

Субсидирование рыболовства можно сгруппировать по следующим формам: прямые денежные пособия, ценовая поддержка или оплата временного простоя промысловых судов (на время запрета промысла); компенсация части затрат на топливо; субсидии на использование капитала, стимулирующие инвестиции в рыболовство (кредиты по низким процентам); установление меньших размеров налоговых выплат за право пользования биоресурсами в водах, находящихся под юрисдикцией государства; субсидирование судостроительной промышленности, включая рыбные порты и рыбообрабатывающие предприятия⁵.

Аргентина, Австралия, Канада, Чили, Колумбия, Новая Зеландия, Норвегия, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Сингапур, США, Швейцария и Уругвай в сентябре 2016 г. обнародовали совместное заявление, в котором указали на то, что 31 % рыболовных промыслов в мире биологически неустойчивы, а 58 % - ведутся в максимальных объемах, исключая возможность роста популяций. Рыболовные субсидии, измеряемые в миллиардах долларов ежегодно, значительно искажают ситуацию на мировом рынке рыбы и морепродуктов и вносят существенный вклад в перелов, перепроизводство и истощение рыболовных ресурсов.

По данным исследования, проведенного в 2013 г. в Евросоюзе, большая часть субсидий в рыболовстве направляется на наращивание добычи морских живых ресурсов. Они включают выплаты на топливо, приобретение и ремонт судов, строительство и модернизацию рыбных портов⁶.

Следует отметить, что в Декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 сентября 2015 г., предусмотрена цель 14 «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития». В п. 14.6 данной цели говорится о необходимости запрета некоторых форм субсидий для рыбного промысла, содействующих созданию чрезмерных мощностей и перелову; об отмене субсидий, содействующих незаконному несообщаемому и нерегулируемому рыбному промыслу, и воздержании от введения новых таких субсидий.

При этом в указанной Декларации особо отмечается роль ВТО в этом вопросе. В частности, указано, что надлежащее и эффективное применение особого и дифференцированного режима в отношении развивающихся и наименее развитых стран должно быть неотъемлемой частью переговоров по вопросу о субсидировании рыбного промысла, которые ведутся в рамках ВТО.

В целом ВТО не запрещает использование субсидий. Более того, они признаются важным инструментом торговой политики, способствующим развитию экономики, особенно для развивающихся государств и стран с переходной экономикой. При этом запрещены только те субсидии, которые оказывают самое негативное влияние на международную торговлю.

В рамках ВТО правила в отношении использования субсидий устанавливает Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам 1994 г., где предусмотрены, в частности: определение субсидий; классификация их в зависимости от воздействия на условия торговли и правомерности применения; правила проведения компенсационных расследований и применения компенсационных мер; оспаривание правомерности применения субсидий в рамках системы разрешения споров в тех случаях, если применение субсидий оказывает негативное воздействие на торговлю.

Проблема регулирования субсидий в области рыболовства занимает особое место в сфере регулирования ВТО. Субсидии в рыболовстве относятся к промышленным субсидиям,

именно поэтому порядок, условия и механизм их предоставления не были включены в Соглашение по сельскому хозяйству Уругвайского раунда ГАТТ. В связи с этим необходимо разработать договор, который специально будет регулировать субсидии в рыбной отрасли.

В п. 28 Дохийской декларации 2001 г. субсидии в рыболовстве были выбраны в качестве предмета дальнейших переговоров. Конференция министров в Дохе начала переговоры по уточнению и улучшению порядка субсидирования в рамках ВТО сектора рыболовства, и на Конференции министров в Гонконге в 2005 г. было достигнуто общее согласие относительно запрета определенных форм рыболовных субсидий, которые способствуют наращиванию мощностей и перелову. Для решения вопроса о разработке соответствующих норм была создана Переговорная группа. Сейчас перед ней стоит задача по разработке четких правил, при этом, принимая во внимание проблемы политики членов ВТО, особенно развивающихся и наименее развитых стран.

В настоящее время проблема субсидирования в рыболовной отрасли рассматривается ВТО в двух аспектах: субсидирование государствами-членами собственной рыболовной промышленности и субсидирование развитыми государствами развивающихся государств.

Безусловно, основной вопрос – субсидирование собственной рыбной промышленности.

В январе 2017 г. на очередной сессии Переговорной группы некоторые государства-члены ВТО настаивали на начале обсуждений консолидированного текста проекта многостороннего соглашения о предоставлении субсидий рыбной промышленности, которое, по их мнению, должно быть представлено на 11-й Министерской конференции ВТО в декабре 2017 г.

На заседании Группы в апреле 2017 г. участники завершили обсуждение двух конкретных тем, касающихся субсидий рыболовства – запрета субсидий и управления рыболовством. Несмотря на то, что позиции некоторых делегатов различались, многие участники отметили интерес к дальнейшим переговорам⁷.

Первая дискуссия касалась вопроса о запрете на субсидирование. Перед членами Переговорной группы стоял важнейший вопрос: нужно ли вводить запрет на субсидирование рыболовства? Если да, то следует определить, какие из видов субсидирования следует при этом учитывать, а также какие они могут быть. Кроме того, следовало определить, какие основания следует использовать для определения избыточных добывающих мощностей⁸, чрезмерных запасов и незаконного, несообщаемого и нерегулируемого (ННН) промысла в той мере, в какой эти показатели могут фигурировать при определении возможных запретов.

Во время второй дискуссии участники обсудили вопрос о том, в какой степени в национальных, региональных и международных инструментах и системах управления рыболовством можно было бы использовать информацию о ННН промысле, перелове рыбы и других возможных проблемах, которые вызваны субсидированием со стороны государства.

В то время как большинство членов высказались в поддержку запрещения субсидий для ННН промысла без каких-либо исключений, и хотя многие из них поддерживали дополнительные запреты, мнения по-прежнему разделены, прежде всего, в отношении того, как на практике применять такие запреты. Ряд членов подчеркнули важность учета потребностей развивающихся стран и наименее развитых стран, надежности существующих систем оценки и управления рыболовством и суверенитета государств-членов.

Участники заседания Переговорной группы отметили, что для эффективной реализации п. 14.6 цели 14 Декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» крайний срок принятия многостороннего соглашения о предоставлении субси-

4 Sumaila R., Delagran L. Subsidizing Fisheries. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr10_forum_e/wtr10_22june10_e.htm (дата обращения: 05.06.2017).

5 Подробнее об этом см.: Титова Г. Д. Биозакономерные проблемы рыболовства в зонах национальной юрисдикции. СПб.: ВВМ, 2007. 368 с.

6 Вред субсидий в рыбной отрасли предлагают обсудить на уровне ВТО. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://fishnews.ru/news/29547> (дата обращения: 31.07.2017).

7 WTO members hold discussions aimed at deepening talks on fisheries subsidies. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/fish_obapr17_e.htm (дата обращения: 28.07.2017).

8 Под избыточной добывающей мощностью в рыболовстве понимается такое количество действующих рыболовных судов, которое нарушает устойчивый баланс между флотом и состоянием запасов морских живых ресурсов, что ведет к их сокращению и истощению.

дий рыбной промышленности – 2020 год. В связи с этим, они надеются на достижение согласованных результатов на 11-й Конференции министров ВТО в г. Буэнос-Айресе, которая состоится в декабре 2017 г.

В настоящее время рассматриваются четыре предложения о заключении такого соглашения: Европейского союза; группы из шести латиноамериканских государств; государств Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона; группы наименее развитых стран.

Нелишним будет напомнить, что по уровню своего экономического развития государства-члены ВТО подразделяются на развитые, развивающиеся и наименее развитые. Для развивающихся и менее развитых государств правилами ВТО установлен ряд преференций, в том числе некоторые уступки в имплементации обязательных правил ВТО.

Предложение ЕС призывает запретить субсидирование, ведущее к избытку мощностей и ННН промысла. По мнению Евросоюза, субсидирование, поощряющее избыток мощностей, включает субсидии, увеличивающие мощности рыболовецкого судна или поощряющие приобретение оборудования, которое увеличивает способность судна обнаруживать рыбу; поощряет строительство рыболовецких судов или их импорт и передачу рыболовецких судов другим странам, в том числе путем создания совместных предприятий с партнерами из таких стран.

Следует отметить что вопрос о субсидиях в сфере рыболовства – это один из немногих вопросов, который находится в области пересечения норм и правил ВТО и законодательства ЕС. В частности, именно решение вопроса о субсидиях в рыболовной сфере было заявлено в качестве одной из целей реформы Общей европейской рыболовной политики, завершённой в 2014 г. Практическим результатом реформы стала замена существовавшего с 2007 по 2013 гг. Европейского фонда по поддержке рыболовства, цели создания которого практически полностью противоречили разрабатываемым положениям разрабатываемого соглашения ВТО по рыболовным субсидиям, новым Европейским фондом по морским делам и рыболовству.

Согласно ст. 11 Регламента (ЕС) № 508/2014 о создании Европейского фонда по морским делам и рыболовству от 15 мая 2014 г., Фонду, в частности, прямо запрещены: действия, которые приводят или могут привести к возрастанию промысловых мощностей судна; действия, которые приводят или могут привести к возрастанию возможностей по осуществлению промыслового поиска; оказание содействия в строительстве новых рыболовных судов или ввозе рыболовных судов; финансирование операций промыслового поиска.

Предложение государств Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона запрещает любые субсидии, используемые для ведения ННН промысла, а также любые субсидии, предоставляемые рыболовным судам или деятельности, которая еще более снижает истощенные запасы рыбы. В то же время эти государства просят применять гибкий подход по отношению к субсидированию их рыболовных секторов.

В частности, запрет на такие субсидии должен распространяться только на рыболовные суда и деятельность, осуществляемую за пределами национальной юрисдикции государства-члена. Однако ряд членов ВТО оспорили целесообразность такого запрета с учетом того, что основная добыча ведется именно в водах, находящихся под национальной юрисдикцией.

Предложение шести латиноамериканских стран (Аргентина, Колумбия, Коста-Рика, Панама, Перу и Уругвай) направлено на запрет субсидирования ННН промысла в дополнение к субсидированию рыболовных судов или деятельности, которая еще более снижает истощенные запасы рыбы.

Предложение наименее развитых государств, во многом, схоже с предложением государств Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона в части запрета субсидирования ННН промысла и деятельности, снижающей истощенные запасы рыбы. Предложение наименее развитых стран также направлено на запрет субсидирования капитальных и операционных издержек, которые приводят к избытку производственных мощностей и перелову. Оно также применяется исключительно к улову в промышленных масштабах, который имеет место за пределами национальных ИЭЗ и не применяется к субсидированию мелкого, индивидуального и

традиционного рыбного промысла в территориальных водах государств-членов ВТО.

Кроме того, наименее развитые страны предлагают не применять дисциплинарных мер к субсидированию рыболовства, которое использует квоты или любые другие права, установленные региональной организацией по управлению рыболовством или региональным соглашением по управлению рыболовством.

В предложении наименее развитых стран указывается, что запреты на субсидирование ННН промысла, а также деятельности и судов, которые наносят ущерб запасам рыбы, которые и так истощены, должны применяться ко всем членам без исключения. Остальные запреты не должны применяться к наименее развитым странам, и им должны предоставляться техническая поддержка и переходные периоды, чтобы они имели возможность бороться с ННН промыслом.

Однако некоторые члены Переговорной группы ВТО выразили обеспокоенность в связи с предлагаемой сферой применения специального и дифференцированного режима для наименее развитых стран. В частности, США, Исландия, Уругвай и другие страны заявили, что положения о специальном и дифференцированном режиме в предложении слишком широкие. Австралия и Норвегия заявили, что запреты субсидирования ННН промысла и перелова должны применяться ко всем членам без исключения. По мнению Новой Зеландии, специальный и дифференцированный режим не должен подрывать эффективности любого многостороннего решения. Япония привела статистические данные, согласно которым в 2014 г. на долю наименее развитых стран пришлось 10 миллионов тонн улова, что составило 11 % мирового улова. Соответственно, предоставлять специальный и дифференцированный режим в отношении всей рыболовной деятельности нецелесообразно. В свою очередь, Китай и Индонезия полагают, что специальный и дифференцированный режим должен применяться не только к наименее развитым, но и к развивающимся странам⁹.

В июле 2017 г. состоялось очередное заседание Переговорной группы, по итогам которого были представлены некоторые пересмотренные предложения, направленные на принятие окончательного решения к Конференции министров в декабре 2017 г.¹⁰

По представленным членами ВТО предложениям, касающимся соглашения о предоставлении субсидий рыбной промышленности, можно высказать ряд рекомендаций.

Относительно позиции по специальному или дифференцированному режиму субсидирования развивающихся стран, как представляется, участникам переговорного процесса следует учитывать динамику экономического роста развивающихся стран в последние годы и необходимость корректировки такого статуса для отдельных государств-членов ВТО. В частности, из списка развивающихся стран могли бы быть исключены Республика Корея и Китай.

При этом важно отметить, что в настоящее время, например, запасы морских живых ресурсов (прежде всего, мелких пелагических и демерсальных видов рыб) одного из самых активно используемых районов мирового океана – центрально-восточной части Атлантического океана (акватории Марокко, Мавритании, Гвинеи-Бисау, Сенегала, Анголы и Намибии) довольно серьезно истощены. Причина ухудшения состояния запасов – чрезмерная эксплуатация промысловых популяций, обусловленная высоким уровнем ННН промысла. Особенно усердствуют в этом суда под флагом Китая, который по классифика-

9 Члены ВТО призывают к переходу к текстовым обсуждениям по переговорам по субсидиям рыбной промышленности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/2017/01/31/%D1%87%Do%BB%Do%B5%Do%BD%D1%8B-%Do%B2%D1%82%Do%BE-%Do%BF%D1%80%Do%B8%Do%B7%D1%8B%Do%B2%Do%B0%D1%8E%D1%82-%Do%BA-%Do%BF%Do%B5%D1%80%Do%B5%D1%85%Do%BE%Do%B4%D1%83-%Do%BA-%D1%82%Do%B5%Do%BA%D1%81%D1%82/> (дата обращения: 31.07.2017).

10 Fisheries subsidies talks move forward with seven proposals and forthcoming compilation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/fish_20jul17_e.htm (дата обращения: 01.08.2017).

ции ВТО является развивающимся государством. В значительной степени этому способствует субсидирование со стороны китайского государства эксплуатационных расходов своего флота (топливо и пр.).

Что касается сферы применения будущего соглашения, думается, что было бы целесообразно не распространять сокращение субсидирования, направляемого на: переработку рыбопродукции (естественно, добытой легитимным путем), аквакультуру¹¹, развитие инфраструктуры и другой деятельности, не связанной непосредственно с осуществлением вылова; предоставление субсидий судам, осуществляющим вылов в пределах исключительной экономической зоны субсидирующей страны; поддержку рыболовства во внутренних водоемах.

Особо стоит отметить современное значение аквакультуры для обеспечения продовольственной безопасности населения. По данным ФАО, если в 1974 г. аквакультура дала лишь 7 % рыбы для употребления в пищу людьми, то в 1994 г. эта доля выросла до 26 %, а в 2014 г. – до 39 %. Основная роль в обеспечении этого прироста принадлежит Китаю, на который приходится более 60 % мирового объема производства аквакультуры¹². Таким образом, в настоящее время чуть меньше половины потребляемой человеком рыбопродукции является искусственно выращенной. Естественно, при этом речь не идет о сокращении или истощении «диких» запасов морских живых ресурсов.

Кроме того, представляется важным поддержать инициативу ряда государств-членов ВТО по созданию «черного списка» судов, осуществляющих ННН промысел или содействующие ему¹³, который позволит предотвратить их субсидирование. При этом, как представляется, целесообразно создать также «черный список» судовладельцев, чьи суда ведут ННН промысел, поскольку получателем субсидий является именно они.

В переговорном процессе по разработке соглашения о предоставлении субсидий рыбной промышленности имеется предложение о введении запрета на субсидии, способствующие добыче рыбных ресурсов, запасы которых находятся в состоянии чрезмерного вылова. Эту инициативу, безусловно, стоит поддержать, поскольку, по оценкам ФАО, 31,4 % общемировых рыбных запасов оцениваются как находящиеся на биологически неустойчивом уровне и, следовательно, переловливаемые¹⁴. Однако такой запрет должен вводиться при условии предоставления объективной и достоверной информации о состоянии рыбных запасов и об объемах вылова.

Второй аспект, который может быть предусмотрен в рамках разрабатываемого соглашения о предоставлении субсидий рыбной промышленности – субсидирование развитыми государствами развивающихся государств. На данный момент среди большинства развитых государств-членов ВТО существует понимание того, что необходимо вводить нормы о сокращении субсидирования рыболовной отрасли развивающихся стран.

Данная проблема, в отличие от субсидирования собственной рыбной промышленности, помимо открытой поддержки, зачастую выражается в завуалированной форме. Стремясь снизить промысловый пресс в водах, находящихся под их юрисдикцией, развитые страны стали использовать субсидии для развивающихся государств, прежде всего в целях получения определенных выгод для себя (например, поставок дешевого сырья или готовой рыбопродукции из развивающихся стран). Это несет большую угрозу для экосистем прибрежных морей, поскольку история природопользования свидетельствует о том, что таких развитых стран не особо заботит состояние запасов чужих морских живых ресурсов. Кроме того, довольно сложно контролировать и регулировать такое субсидирование.

Например, несмотря на изменения, ставшие результатом проведенной в ЕС в 2014 г. реформы, завуалированные формы субсидирования рыболовства продолжают находиться в самых разных законодательных актах ЕС. Кроме того, большие возможности по оказанию такой помощи скрыты в партнерских соглашениях ЕС с развивающимися странами о сотрудничестве в области рыболовства, в программах по поддержке маломасштабного рыболовства и др. В связи с этим, существует вероятность, что введение сокращения субсидирования рыболовства в развивающихся странах может быть использовано ЕС в целях создания неравных конкурентных условий рыбного промысла.

Вне всякого сомнения, следует поддержать инициативы по запрещению субсидирования развивающихся государств, чьи суда задействованы в ННН промысле. Для Российской Федерации этот вопрос представляется крайне важным, особенно на Дальнем Востоке, где суда под флагами различных развивающихся и менее развитых государств регулярно задерживаются за ведение ННН промысла.

Таким образом, в настоящее время в рамках ВТО активно идет процесс, направленный на правовую регламентацию субсидирования рыбной промышленности. Речь не идет о его полном запрете. Члены ВТО признают и не в коей мере не оспаривают важность государственных субсидий для поддержки национальных отраслей рыбного хозяйства. Они справедливо обращают внимание на необходимость запрета тех видов субсидирования, которые направлены на осуществление рыболовными судами деятельности, подрывающей запасы морских живых ресурсов или ведущей к их истощению.

Пристатейный библиографический список

1. Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством: монография. М.: Проспект, 2016. 448 с.
2. Вред субсидий в рыбной отрасли предлагают обсудить на уровне ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fishnews.ru/news/29547> (дата обращения: 31.07.2017).
3. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. ФАО. Рим, 2016. 206 с.
4. Титова Г. Д. Биоэкономические проблемы рыболовства в зонах национальной юрисдикции. СПб.: ВВМ, 2007. 368 с.
5. Члены ВТО призывают к переходу к текстовым обсуждениям по переговорам по субсидиям рыбной промышленности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/2017/01/31/%D1%87%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8B-%D0%B2%D1%82%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D0%BA-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%83-%D0%BA-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82/> (дата обращения: 31.07.2017).
6. Fisheries subsidies talks move forward with seven proposals and forthcoming compilation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/fish_20jul17_e.htm (дата обращения: 01.08.2017).
7. Sumaila R., Delagran L. Subsidizing Fisheries. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr10_forum_e/wtr10_22june10_e.htm (дата обращения: 05.06.2017).
8. WTO members hold discussions aimed at deepening talks on fisheries subsidies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/fish_06apr17_e.htm (дата обращения: 28.07.2017).

11 Под аквакультурой понимается разведение и выращивание водных биологических ресурсов в естественных и искусственных водоемах, а также на специально созданных морских плантациях.

12 Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. ФАО. Рим, 2016. С. 2.

13 Подробнее о «черных списках» судов см.: Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством: монография. М.: Проспект, 2016. С. 261-289.

14 Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. ФАО. Рим, 2016. С. 39.

НОВИКОВ Сергей Степанович

доктор исторических наук, профессор кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности Юридического института имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ВКЛАДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОЦЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА

В работе раскрывается международно-правовая значимость вклада Российской Федерации в процесс международного миротворчества.

Ключевые слова: Российская Федерация, процесс международного миротворчества, международно-правовое значение.

NOVIKOV Sergey Stepanovich

Ph.D. in historical sciences, professor of International law and foreign economic activity sub-faculty of the M. M. Speransky Institute of Law of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

THE INTERNATIONAL LEGAL SIGNIFICANCE OF THE CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE PROCESS OF INTERNATIONAL PEACEKEEPING.

The work discloses the international law significance of contribution of the Russian Federation in the process of international peacekeeping.

Keywords: Russian Federation process of international peace keeping, international law significance.

Новиков С. С.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации в современном миропорядке обозначено юридическим фактом постоянного члена Совета Безопасности ООН, последовательным международно-правовым курсом на обеспечение добросовестного выполнения всеми государствами – членами мирового сообщества своих международных обязательств независимо от источника их возникновения, результативности в плане достижения юридического обязательства цели Устава ООН по поддержанию международного мира и безопасности (п. 1 ст. 1 Устава ООН). Международное право в формате целостности, отсутствия пробелов и фрагментарности при деятельном участии Российской Федерации государства подтверждает свое имманентно присущее ему качество по обеспечению должного поведения всех государств и санкционированию (в плане установления соответствующих санкций) за случаи нарушения права или злоупотребления правом¹. Тем самым, вполне обоснованным концептуально и предметно звучит заключение авторитетных ученых-юристов о значимости вклада России в дело международной законности и правопорядка².

1 Дмитриева Г. К. Принцип недопустимости злоупотребления правом // Советский ежегодник международного права. 1987. М.; 1988. С. 114-117; Каламкарян Р. А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С. 256-269; Schwarzenberger G. International Law. London, 1976. Vol. 3. P. 450-451; Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. Vol. 1. P. 382-383; Cheng B. General Principles of Law as applied by international courts and tribunals. London, 1953. P. 121-136.

2 Лисицын-Светланов А. Г. Роль права в модернизации экономики России. М.; 2011; Автономов А. С. Мониторинг соответствия законодательства субъектов Российской Федерации и муниципальных актов стандартом Европейской сети детских омбудсменов (ЕНОС). М., 2008; Автономов А. С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009; Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2011; Каламкарян Р. А. Значимость вклада России в обеспечение международной законности и правопорядка // Гражданин и право. 2012. № 8. С. 3-20; Каламкарян Р.

Статусность России в современном миропорядке в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН определяется в юридическом смысле в том плане, что именно от совпадающего голоса всех постоянных членов Совета Безопасности ООН зависит конечный результат деятельности Совета Безопасности ООН – принятие решения в рамках возложенной на Совет Безопасности ООН главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности (п. 1 ст. 24, п. 3 ст. 27 Устава ООН). Последовательная международно-правовая позиция России в формате востребованности всестороннего соблюдения всеми государствами целей и принципов Устава ООН определяет в конечном итоге юридическую результативность деятельности Организации Объединенных Наций по линии поддержания международного мира и безопасности.

Поступательное продвижение мирового сообщества к миропорядку на основе верховенства права позиционно обозначено эффективно действующей системой коллективной безопасности в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Показательная востребованность взаимосогласованных мер мирового сообщества по укреплению Организации Объединенных Наций и, соответственно, укреплению Международного суда (в его качестве главного судебного органа ООН в плане содействия обеспеченного правосудия и верховенства права в международных отношениях) предметно установлена в институционно-правовом порядке в Декларации тысячелетия 2000 г., п.п. 8-10, 30-32 и Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., п.п. 69-72, 146-171. В этом аспекте режим добросовестного выполнения всеми государствами-членами мирового сообщества своих международных обязательств (п.2 ст.2 Устава ООН) содействует поддержанию юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всего субъектного состава мирового сообщества.

А. Включенность России в мировой порядок: международно-правовая значимость // Гражданин и право. 2012. № 6. С. 3-17.

Институт международного миротворчества (как совокупность международно-правовых норм) по регулированию включенности мирового сообщества в процесс содействия упорядочению поведения государств в соответствии с предписаниями современного международного права) показательны вписывается в режим юридической безопасности государств, поскольку всецело соответствует целям и принципам Устава ООН по достижению общего юридического позитива – подержание международного мира и безопасности³.

В параметрах своего юридического существа институт международного миротворчества включает в себя операцию Организации Объединенных Наций в ее двухформатном правовом содержании в зависимости от юридического режима ее установления. Соответственно, операция Организации Объединенных Наций обозначает себя, во-первых, в параметрах востребованности согласия принимающего государства, на основе соглашения о статусе операции Организации Объединенных Наций и, во-вторых, без востребованности согласия принимающего государства в качестве принудительной меры согласно ст. 42 Устава Организации Объединенных Наций.

Первый формат операции Организации Объединенных Наций покрывает собой операцию Организации Объединенных Наций, учрежденную компетентным органом ООН в соответствии с Уставом ООН и проводимую под руководством и контролем ООН в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Соглашение о статусе операции между принимающим государством и Организацией Объединенных Наций здесь является основополагающим юридическим актом по обеспечению правового регулирования статуса операции Организации Объединенных Наций и всего задействованного в операции персонала, в том числе положения о привилегиях и иммунитетах военного и полицейского компонентов операции (ст. 4 Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала от 9 декабря 1994 г.)

Международно-правовое позиционирование операции Организации Объединенных Наций в аспекте института международного миротворчества в предметном плане обозначает собой институционно-правовую включенность корпуса государств-членов мирового сообщества.

В том, что касается международных обязательств государства транзита, то здесь государство-транзита содействует обеспечению беспрепятственного транзита персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, равно как и его материально-технических средств в принимающее государство и из него.

В рамках своей предметной целенаправленной деятельности по содействию поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности персонал Организации Объединенных Наций и связанный с ней персонал призван в порядке общего юридического предписания поведения соблюдать законы и правила принимающего государства и государства транзита и, соответственно, воздерживаться от любых действий или деятельности, несовместимой с беспристрастным и международным характером своих обязанностей.

Параллельно, со стороны государств - членов мирового сообщества устанавливается обязанность по обеспечению безопасности и защиты персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала. Соответственно призна-

ется недопустимой ситуация, при которой персонал Организации Объединенных Наций и связанный с ней персонал, их материально-технические средства и помещения становятся объектом нападения или любых действий, препятствующих выполнению этим персоналом своего мандата в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

В порядке обеспечения выполнимости принципа неотвратимости наказания государства-члены мирового сообщества устанавливают соответствующие наказания за преступления с учетом их тяжкого характера⁴.

В аспекте содействия осуществлению целей института международного миротворчества операция Организации Объединенных Наций показательны проводится с учетом заявленной готовности государств-членов мирового сообщества содействовать предотвращению преступлений против персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала. В этом смысле государства сотрудничают в деле предотвращения преступлений, путем: принятия всех практически осуществимых мер по предотвращению приготовлений на своих территориях к совершению этих преступлений в пределах или за пределами своих территорий; обмена информацией в соответствии со своим национальным законодательством и координации принятия административных и других соответствующих мер для предотвращения совершения преступлений.

Универсальная международно-правовая значимость процесса осуществления международного правосудия в отношении персонала операции Организации Объединенных Наций в своем логическом восприятии предписывает востребованность применимости здесь такого общего принципа права по смыслу ст. 38 Статута Международного суда, как принцип «выдай или накажи» («aut dedere, aut punire»), «выдай или суди» («aut dedere, aut judicare»). Принцип неотвратимости наказания здесь является юридическим постулатом должного поведения в плане обязательства цели. Позитив права здесь проявляет себя в параметрах мер по обеспечению судебного преследования или выдачи. При обстоятельствах своей востребованности государство член мирового сообщества, на территории которого находится предполагаемый преступник, принимает в соответствии со своим национальным законодательством надлежащие меры к тому, чтобы обеспечить его присутствие для целей судебного преследования или выдачи. Режим международного правового правосудия по факту применимости принципа «выдай или накажи» («aut dedere, aut punire»), «выдай или суди» («aut dedere, aut judicare») свои конечным результатом имеет поддержания целостности системы универсальности безопасности в отношении всего субъектного состава операции Организации Объединенных Наций

В международно-правовом плане второй формат операции Организации Объединенных Наций обозначает себя по обстоятельствам юридической констатации согласно Главе VII Устава Организации Объединенных Наций факта угрозы миру, нарушения мира, актов агрессии. Международно-правовое позиционирование мирового сообщества в формате предписаний главы VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии», показатель-

3 Земсков Ю. В. Международно-правовые проблемы организации и деятельности Российских полицейских наблюдателей в операциях ООН по поддержанию мира. М., 2005.

4 Лобанов С. А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях. М., 1999; Волеводз А. Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002; Международное право и национальное законодательство. М., 2009.

но устанавливает, что операция Организации Объединённых Наций (в общих параметрах института международного миротворчества) санкционируется Советом Безопасности ООН в качестве принудительной меры (ст. 42 Устава ООН). Предметно юридически, здесь персонал Организации Объединённых Наций задействуется в качестве комбатантов против организованных вооружённых сил, а сам режим применимости в данном конкретном случае обозначен в формате права международных вооружённых конфликтов в соответствии с положениями Женевских конвенций о защите жертв войны 1549 г. и Дополнительного протокола № 1 1977 г.

Международно-правовой основой задеятельности Организации Объединённых Наций в формате мер согласно ст. 42 Устава ООН выступает особое соглашение или соглашения между Советом Безопасности ООН и государствами-членами ООН. В порядке добросовестного выполнения своих международных обязательств в соответствии с особым соглашением или соглашениями государства-члены ООН призваны предоставлять в распоряжение Совета Безопасности ООН по его требованию необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооружённые силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, в том числе право прохода (ст. 43 Устава ООН). Международно-правовая включённость Организации Объединённых Наций в общий формат мер в рамках института международного миротворчества содействует поддержанию целостности системы современного международного права.

Миротворческие операции Организации Объединённых Наций проводятся в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру и безопасности путем совместных действий принуждения к миру, если другие меры оказались недостаточными и неэффективными. Совет Безопасности ООН принимает решения, касающиеся всех аспектов миротворческих миссий: создание, мандат, состав, финансирование, командование, логистика.

Российская Федерация является активным постоянным членом Совета Безопасности ООН и в рамках своего статуса вносит существенный международно-правовой вклад в дело по поддержанию международного мира и безопасности на планете. В настоящее время в 16 миротворческих миссиях ООН принимают участие около 119 тысяч человек.

Операции по поддержанию мира ООН ведут свой отсчет с 1948⁵г. Общий позитив права по обстоятельствам практической реализации института международного миротворчества в режиме предметной включённости в него Российской Федерации сугубо позитивен. Концептуально обоснованным здесь представляется отсюда заявленный академический интерес к

институту международного миротворчества со стороны корпуса отечественных⁶ и зарубежных⁷ юристов.

Международно-правовое позиционирование России в современном миропорядке в формате мировой державы, постоянного члена Совета Безопасности предопределило общий формат её включённости в дело практической реализации института международного миротворчества. Институционально-правовой основой включённости Российской Федерации в режим института международного миротворчества выступают Федеральный закон от 23 июня 1995 г. №93-ФЗ "О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности" и Федеральный закон от 31 мая 1996 г. №61-ФЗ "Об обороне".

В предметно постановочном плане под деятельностью по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности с участием Российской Федерации понимаются операции по поддержанию мира и другие меры, принимаемые Советом Безопасности ООН в соответствии с Уставом ООН, региональными органами либо в рамках региональных органов или соглашений Российской Федерации, либо на основании двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации и не являющиеся согласно Уставу ООН принудительными действиями (далее - миротворческая деятельность), а также международные принудительные действия с использованием вооружённых сил, осуществляемые по решению Совета Безопасности ООН, принятому в соответствии с Уставом ООН для устранения угрозы миру, нарушений мира или акта агрессии.

При обстоятельствах, когда в связи с предоставлением Российской Федерацией военного и гражданского персонала

- 6 Никитин А. И., Хлестов О. Н., Федоров Ю. Е., Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ. Международно-правовые, политические и организационные аспекты. М., 1998; Морозов Ю. В., Глушков В. В., Шаравин А. А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001; Барынькин В. М. Миротворческая деятельность Вооружённых Сил России // Военная мысль. 1998. № 3; Бельков О. А. Миротворчество: диалектика мирных и военных средств // Обозреватель. 1997. № 3-4; Воробьев И. Миротворческие операции // Военная мысль. 1994. № 5; Велесов С. Л. Подготовка и ведение Миротворческих операций СНГ. М., 2001; Варганов В. Н. и др. Миротворческие силы: опыт создания и применения в вооружённых конфликтах. М., 1997; Лутовинов В. И., Морозов Ю. В. Предотвращение и урегулирование конфликтов посредством миротворческой деятельности // Военная мысль. 2001. № 1; Лутовинов В. И. Романченко Ю. Г. Российское участие в международных миротворческих операциях: анализ и проблемы // Власть. 2003. № 1; Лутовинов В., Вобленко В. Миротворческие операции (военно-политические аспекты) // Власть. 2001. № 8; Манжури И. Особенности ведения боевых действий в конфликтах средней и низкой интенсивности // Военная мысль. 1994. № 1.
- 7 Ruggie J. G. The United Nations and the Collective Use of Force: Whither – or Whether? United Nations Association of the USA. N.Y., 1996; Caysen C., Rathjens G. Peace Operations by the United Nations: The Case for a Volunteer UN Military Force. Committee on International Security Studies, American Academy of Arts and Sciences. Cambridge (Mass.), 1996; Bloomfield L. P. International Military Forces: The Question of Peacekeeping in an Armed and Disarming World. Boston, 1964; Bowett D. W. United Nations Forces: A Legal Study of United Nations Practice. London, 1964; Boyd J. M. United Nations Peacekeeping Operations: A Military and Political Appraisal. N. Y., 1971; Diehl R. F. International Peacekeeping. Baltimore, 1994; Frye W. R. A United Nations Peace Force. N. Y., 1957; Haas E. B. Why We Still Need the United Nations: the Collective Management of International Conflict. Berkely, 1986; Harbottle M. The Blue Berets: The Story of the Political Organs of the United Nations. London, 1963; Fabian L. L. Soldiers Without Enemies. Preparing the UN for Peacekeeping. Wash., 1971.

5 Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП). С мая 1948 г. Ближний Восток.

для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности предполагается заключение международного договора Российской Федерации, решение о проведении переговоров и подписании указанного международного договора принимается Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации в пределах полномочий, определенных Конституцией Российской Федерации.

Процедура предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности в Федеральном законе от 23 июня 1995 г. №93-ФЗ "О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности" в юридическом плане предметно упорядочена в формате порядка принятия решений о предоставлении Российской Федерации военного и гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности (ст. ст. 6-9) и в параметрах порядка принятия решений о предоставлении Российской Федерацией воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооружённых сил (ст. ст. 10-12).

Позиционно, решение о направлении за пределы территории Российской Федерации отдельных военнослужащих для участия в миротворческой деятельности принимается Президентом Российской Федерации. В этой связи Президент Российской Федерации определяет район действий военнослужащих, их задачи, подчиненность, срок пребывания и порядок замены, а также устанавливает в соответствии с федеральными законами дополнительные гарантии и компенсации указанным военнослужащим и членам их семей. В параметрах своей юридической востребованности, Президентом Российской Федерации принимается решение об отзыве военнослужащих, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее их участие в миротворческой деятельности становится нецелесообразным.

В своём постановочном правовом значении решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия в миротворческой деятельности принимается Президентом Российской Федерации на основании постановления Совета Федерации о возможности использования Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Соответственно, предложение, вносимое Президентом Российской Федерации в Совет Федерации, включает сведения о районе действий указанных воинских формирований, об их задачах, общей численности, о типе и составе вооружений, подчиненности, сроке пребывания или порядке его продления, порядке замены и об условиях вывода, а также об устанавливаемых дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим воинских формирований и членам их семей. В формате предметной востребованности Президентом Российской Федерации принимается решение об отзыве воинских формирований, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее их участие в миротворческой деятельности становится нецелесообразным.

В параметрах правового Российского государства решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия согласно Уставу ООН в международных принудительных действиях с использовани-

ем вооружённых сил принимается Президентом Российской Федерации на основании постановления Совета Федерации о возможности использования Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации и в соответствии с ратифицированным и вступившим в силу для Российской Федерации международным договором. В данном контексте предложение, вносимое Президентом Российской Федерации в Совет Федерации, должно включать сведения о районе действий указанных воинских формирований, об их задачах, общей численности, о типе и составе вооружений, подчиненности, сроке пребывания или порядке его продления, порядке замены и об условиях вывода, а также об устанавливаемых в соответствии с федеральными законами дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим указанных воинских формирований и членам их семей. В ситуации непосредственной востребованности Президентом Российской Федерации принимается решение об отзыве указанных воинских формирований, если в связи с изменением международной военно-политической обстановки дальнейшее их участие в международных принудительных действиях с использованием вооружённых сил становится нецелесообразным. Соответственно, о принятых решениях Президент Российской Федерации информирует Совет Федерации и Государственную Думу.

В режиме своего членства в Организации Объединённых Наций и признанного статуса России в качестве Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооружённых Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооружённых сил, предоставляемых в распоряжение Совета Безопасности ООН на основе предусмотренного Уставом ООН особого соглашения с Советом Безопасности ООН, принимается в соответствии с решением Совета Безопасности ООН.

Позитив права по обстоятельствам последовательной правоприменительной практики Российского государства в направлении содействия поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности согласно Федеральному закону от 23 июня 1995 г. показательно проявляет себя в режиме общих предписаний Федерального закона от 31 мая 1993 №61-ФЗ "Об обороне". Так, в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооружённых Сил Российской Федерации могут оперативно использоваться за пределами территории Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации. Соответственно, применение Вооружённых Сил Российской Федерации для выполнения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации осуществляется на условиях и в порядке, оговоренных в этих договорах и установленных законодательством Российской Федерации.

В формате своей заявленной приверженности верховенству права Российская Федерация вносит существенный вклад в процесс международного миротворчества и в этом аспекте содействует консолидации института международного миротворчества в общих параметрах права международной безопасности. Международно-правовая значимость включенности России в современный миропорядок показательно обозначает себя последовательным содействием поддержанию международного мира и безопасности.

Пристатейный биографический список

1. Дмитриева Г. К. Принцип недопустимости злоупотребления правом // Советский ежегодник международного права. 1987. М., 1988. С. 114-117.
2. Каламкарян Р. А., Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С.256-269; Schwarzenberger G. International Law. London, 1976. Vol. 3. P. 450-451.
3. Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. Vol. 1. P. 382-383.
4. Cheng B. General Principles of Law as applied by international courts and tribunals. London, 1953. P. 121-136.
5. Лисицын-Светланов А. Г. Роль права в модернизации экономики России. М., 2011.
6. Автономов А. С Мониторинг соответствия законодательства субъектов Российской Федерации и муниципальных актов стандартом Европейской сети детских омбудсменов (ENOC). М., 2008.
7. Автономов А. С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009.
8. Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2011.
9. Каламкарян Р. А. Значимость вклада России в обеспечение международной законности и правопорядка // Гражданин и право. 2012. № 8. С. 3-20.
10. Каламкарян Р. А. Включенность России в мировой порядок: международно-правовая значимость // Гражданин и право. 2012. № 6. С.3-17.
11. Земсков Ю. В. Международно-правовые проблемы организации и деятельности Российских полицейских наблюдателей в операциях ООН по поддержанию мира. М., 2005.
12. Лобанов С. А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях. М., 1999.
13. Волеводз А. Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002.
14. Международное право и национальное законодательство. М., 2009.
15. Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП). С мая 1948 г. Ближний Восток.
16. Никитин А. И., Хлестов О. Н., Федоров Ю. Е., Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ. Международно-правовые, политические и организационные аспекты. М., 1998.
17. Морозов Ю. В., Глушков В. В., Шаравин А. А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001.
18. Барынькин В. М. Миротворческая деятельность Вооруженных Сил России // Военная мысль. 1998. № 3.
19. Бельков О. А. Миротворчество: диалектика мирных и военных средств // Обозреватель. 1997. № 3-4.
20. Воробьев И. Миротворческие операции // Военная мысль. 1994. № 5.
21. Велесов С. Л. Подготовка и ведение Миротворческих операций СНГ. М., 2001.
22. Вартанов В. Н. и др. Миротворческие силы: опыт создания и применения в вооруженных конфликтах. М., 1997.
23. Лутовинов В. И., Морозов Ю. В. Предотвращение и регулирование конфликтов посредством миротворческой деятельности // Военная мысль. 2001. № 1.
24. Лутовинов В. И. Романченко Ю. Г. Российское участие в международных миротворческих операциях: анализ и проблемы // Власть. 2003. № 1.
25. Лутовинов В., Вобленко В. Миротворческие операции (военно-политические аспекты) // Власть. 2001. № 8.
26. Манжури И. Особенности ведения боевых действий в конфликтах средней и низкой интенсивности // Военная мысль. 1994. № 1.
27. Ruggie J. G. The United Nations and the Collective Use of Force: Whither – or Whether? United Nations Association of the USA. N. Y., 1996.
28. Caysen C., Rathjens G. Peace Operations by the United Nations: The Case for a Volunteer UN Military Force. Committee on International Security Studies, American Academy of Arts and Sciences. Cambridge (Mass.), 1996.
29. Bloomfield L. P. International Military Forces: The Question of Peacekeeping in an Armed and Disarming World. Boston, 1964.
30. Bowett D. W. United Nations Forces: A Legal Study of United Nations Practice. London, 1964.
31. Boyd J. M. United Nations Peacekeeping Operations: A Military and Political Appraisal. N. Y., 1971.
32. Diehl R. F. International Peacekeeping. Baltimore, 1994; Frye W. R. A United Nations Peace Force. N. Y., 1957.
33. Haas E. B. Why We Still Need the United Nations: the Collective Management of International Conflict. Berkely, 1986.
34. Harbottle M. The Blue Berets: The Story of the Political Organs of the United Nations. London, 1963.
35. Fabian L. L. Soldiers Without Enemies. Preparing the UN for Peacekeeping. Wash., 1971.

ГРИГОРЯН Петрос Арцрунович

аспирант кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов

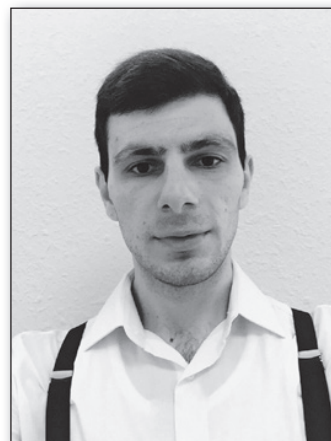
РОЛЬ ПЕКИНСКОЙ КОНВЕНЦИИ 2010 Г. В БОРЬБЕ С ВОЗДУШНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Самолет является идеальным объектом для нападения террористов. Несмотря на достижения в области технологии досмотра, гражданская авиация по-прежнему остается уязвимой для террористических атак. Трагические события 11 сентября 2001 года открыли новую страницу в истории гражданской авиации и послужили толчком к принятию в 2010 году в Пекине Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации. В данной статье рассматривается роль этой Конвенции в повышении эффективности борьбы с воздушным терроризмом.

Ключевые слова: гражданская авиация, терроризм, противоправные действия, международная борьба.

GRIGORYAN Petros Artsrunovich

postgraduate student of International law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

Григорян П. А.

THE ROLE OF THE BEIJING CONVENTION OF 2010 IN THE FIGHT AGAINST AIR TERRORISM

Aircraft presents ideal object for terrorist attack. Despite advances in screening technologies, civil aviation still remains vulnerable to terrorist attacks. The tragic events of 11 September 2001 opened a new page in the history of civil aviation and served as the impetus for the adoption of the 2010 Beijing Convention on the Suppression of Unlawful Acts Relating to International Civil Aviation. This article examines the role of the Beijing Convention of 2010 to improve and effectively combat aviation terrorism.

Keywords: civil aviation, terrorism, illegal actions, international fight.

«Акты незаконного вмешательства – это акты или попытки их совершения, создающие угрозу безопасности гражданской авиации и воздушного транспорта, а именно: незаконный захват воздушных судов в полете; незаконный захват воздушных судов на земле; захват заложников на борту воздушных судов или на аэродромах; насильственное проникновение на борт воздушного судна, в аэропорт или в расположение аэро-навигационных средств или служб; помещение на борту воздушного судна или в аэропорту оружия, опасного устройства или материала, предназначенных для преступных целей; сообщение ложной информации, ставящей под угрозу безопасность воздушного судна в полете или на земле, безопасность пассажиров, членов экипажа, наземного персонала или ответственности в аэропорту или в расположении средства или службы гражданской авиации»¹.

Начиная с 70-х годов прошлого века, в истории гражданской авиации появилось такое явление, как терроризм.

В настоящее время терроризм является чрезвычайно опасной формой преступной деятельности, против которой должна вестись непримиримая борьба как на национальном, так и на международном уровнях.

К сожалению, государства до сих пор не могли договориться по поводу единого определения терроризма как «международного преступления». Иными словами, в настоящее время не существует ни научного, ни международно-правового консенсуса в отношении определения понятия «междуна-

родный терроризм»². Несмотря на это были попытки определить понятие «терроризм». Например, в словаре *Farlex* дается следующее определение: «терроризм – это применение силы или насилия против лиц или собственности для принуждения или устрашения правительства или гражданского населения с целью достижения политических или социальных целей»³.

Госдепартамент США определяет терроризм как: «заранее обдуманное, политически мотивированное насилие, применяемое против не участвующих в военных действиях лиц субнациональными группами или подпольными государственными агентам»⁴.

Также существуют другие определения терроризма. Например, в некоторых словарях международного права дается такое определение: «терроризм (международный) – запрещенный национальным и международным правом акт крайнего насилия или ясно выраженная угроза насилием физического лица (группы лиц) по отношению к социальным и политическим структурам общества, мирового сообщества, когда субъект акта стремится получить за счет устрашающего характера деяния повышенные информационно-психологические, материальные, политические выгоды»⁵.

После нескольких определений, очевидно, что они имеют некоторые общие характеристики, которые включают в себя использование незаконного применения силы или насилия

1 См.: гл. 1 Приложении 17 к Чикагской конвенции 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://airspot.ru/book/file/596/an17_cons_ru.pdf.

2 Schemid Alex P. "The Definition of Terrorism" The Routledge Handbook of Terrorism Research, Routledge. P. 39.

3 См.: The Free Dictionary by Farlex.

4 См.: Terrorism Research, International Terrorism and Security Research, University of St Andrew. USA.

5 Словарь международного права. 3-е изд. перераб. и доп. Отв. ред. Егоров С. А. М.: Статут, 2014. С. 437.

против государства и гражданских лиц с политическими, экономическими, социальными или религиозными целями.

Против актов незаконного вмешательства велась и ведется активная борьба. Этому свидетельствует количество принятых актов. Так, международное сообщество под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) в период с 1963 по 2010 г. разработало 14 международных соглашений в области борьбы с терроризмом⁶. Один из видов терроризма является воздушный терроризм, который сравнительно молодое явление.

В целях борьбы с указанными выше преступлениями под эгидой Международной организации гражданской авиации (далее – ИКАО) был принят ряд универсальных международных-правовых актов, в числе которых:

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.⁷

– Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 г.⁸

– Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г.⁹

11 сентября 2001 года мир был потрясен в связи с террористическими актами в США. В истории гражданской авиации появилось новое «явление» – использование гражданских пассажирских воздушных судов в качестве оружия для уничтожения людей и объектов. Мировое сообщество было обеспокоено этими событиями, что послужило основанием для разработки под эгидой ИКАО проектаспециального универсального международного договора.

10 сентября 2010 г. в городе Пекине (Китай) была принята: Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (далее – Пекинская конвенция 2010 г.)¹⁰. Этот документ пополнил количество контртеррористических договоров.

Пекинская конвенция 2010 г. была принята на Международной конференции по воздушному праву, которая проводилась под эгидой ИКАО в период с 30 августа по 10 сентября 2010 г. На этой Конференции было представлено 71 государство (в том числе Российская Федерация). В настоящее время Пекинскую конвенцию 2010 г. подписали 32 государства и ратифицировали (или присоединились) 16 государств. Однако, Конвенция еще не вступила в силу. Для того, чтобы она вступила в силу необходимо 22 ратификации.

Пекинская конвенция 2010 г. криминализирует значительное количество деяний, которые представляют угрозу безопасности гражданской авиации.

Так, положения п. 1 ст. 1 Пекинской конвенции 2010 г. устанавливают, что «Любое лицо совершает преступление, если это лицо незаконно и преднамеренно:

f) использует воздушное судно, находящееся в эксплуатации, с целью причинить смерть, серьезное увечье или значительный ущерб имуществу или окружающей среде; или

g) высвобождает или выбрасывает с борта воздушного судна, находящегося в эксплуатации, любое оружие БХЯ (биологическое, химическое, ядерное) или взрывчатые, радиоактивные, или аналогичные вещества таким способом, который

причиняет или может причинить смерть, серьезное телесное повреждение или значительный ущерб имуществу или окружающей среде; или

h) использует против воздушного судна или на борту воздушного судна, находящегося в эксплуатации, любое оружие БХЯ или взрывчатые, радиоактивные, или аналогичные вещества таким способом, который причиняет или может причинить смерть, серьезное телесное повреждение или значительный ущерб имуществу или окружающей среде»¹¹.

Вышеизложенные положения Пекинской конвенции 2010 г. говорят о том, что мировое сообщество не исключает повторения подобных террористических актов в будущем, в результате которых могут погибнуть много людей, а также может быть причинен серьезный ущерб экологии¹².

Как и предыдущие документы в области авиационной безопасности, Пекинская конвенция 2010 г. по нашему мнению тоже имеет свои недостатки. «Конвенция начинает действовать после совершения преступления или попытки его совершить»¹³. Однако следует отметить, что в современном международном праве не существуют нормы, согласно которым государства имели бы право применять силу в отношении гражданских воздушных судов, которые используются в качестве оружия с целью уничтожения объектов и людей¹⁴.

Также в Конвенции говорится, что «любое лицо совершает преступление, если это лицо незаконно и преднамеренно высвобождает или выбрасывает с борта воздушного судна, находящегося в эксплуатации, любое оружие БХЯ или взрывчатые, радиоактивные, или аналогичные вещества таким способом, который причиняет или может причинить смерть, серьезное телесное повреждение или значительный ущерб имуществу или окружающей среде»¹⁵. Следует отметить, что подобные террористические акты, с технической точки зрения, невозможно совершить с воздушного судна коммерческой авиации. Такие действия можно сделать только с использованием специально оборудованного для таких целей гражданского воздушного судна, относящегося, скорее всего, к деловой или любительской авиации, которые можно определить как «террористические воздушные суда»¹⁶.

Проблема международно-правовой регламентации борьбы с воздушным терроризмом посредством применения силы постоянно является предметом научных исследований.

«Прекращение нарушения воздушным судном режима воздушного пространства, национальных и международных норм путем применения оружия и боевой техники возможно только в отношении воздушных судов (с любым правовым статусом) преднамеренно (с умыслом) совершающих нарушение

6 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Травников А. И. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации // Противодействие терроризму. Counter Terrorism. Проблемы XXI века. № 1. 2011. С. 55.

7 См.: Док. ICAO 8966.

8 См.: Док. ICAO 9571.

9 См.: Док. ICAO 9960.

10 См.: Док. ICAO 9960.

11 См.: Док. ICAO 9960.

12 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Травников А. И. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации // Противодействие терроризму. Counter Terrorism. Проблемы XXI века. № 1. 2011. С. 57.

13 Травников А. И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и Право. Law&Legislation. 2011. № 5. С. 105.

14 Международное право: Особенная часть / Отв. ред. Абашидзе А. Х., Абайдельдинов Е. М. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. С. 324.

15 См.: под. г п. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации. Док. ICAO 9960.

16 Травников А. И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и Право. Law&Legislation. 2011. № 5. С. 106.

и действие которых угрожает безопасности государства, мировому правопорядку, жизни и здоровью людей»¹⁷.

Важно отметить, что «преднамеренность нарушения и противоправность действий устанавливаются фактом невыполнения распоряжений контролирующих органов (органов управления воздушным движением и органов противовоздушной обороны) о прекращении нарушения, в том числе о посадке на указанный аэродром»¹⁸. Уничтожение террористического воздушного судна возможно только в том случае, когда существует реальная, а не мнимая угроза гибели людей или наступления экологической катастрофы¹⁹. Применение силы должно быть последним средством с целью нейтрализации террористической угрозы.

Если на борту воздушного судна находятся пассажиры или иные лица, которые не причастны к совершению противоправных действий с использованием этого воздушного судна, оружие и боевая техника могут применяться, если существует реальная угроза причинения вреда жизни людей, не находящихся на борту такого воздушного судна, или опасность наступления экологической катастрофы, ущерб от которых будет значительно превышать вред, который может возникнуть в результате уничтожения террористического воздушного судна²⁰.

Существуют государства, которые отвергают любое возможное уничтожение гражданского воздушного судна. В числе таких Германия, где 15 февраля 2006 г. Конституционный суд в Карлсруэ постановил, что «сбить самолет, когда лица, не участвующие в совершении преступления находятся на борту, означало бы относиться к пассажирам и членам экипажа взятых в заложники, как к неодушевленным объектам и отчуждать жертвам неотъемлемые права, принадлежащие любому человеку. Давая приказ убивать их для того, чтобы спасти другие жизни, означало бы лишение прав последних»²¹.

Проведенный анализ позволяет дать следующее определение терроризма как международного преступления: «это особый вид (умышленного) акта насилия в отношении лиц, свободы, собственности, общей безопасности, общественного порядка, органов государственной власти и государственного управления с целью их дестабилизации или уничтожения».

Что касается принятия Пекинской конвенции 2010 г., следует отметить, что, безусловно, оно является важным шагом в борьбе с авиационным терроризмом. Говорить о ее особой роли в борьбе с данной проблемой рано, так как она еще не вступила в силу. Очевидно, что когда эта Конвенция вступит в силу, даже с имеющимися недостатками она будет служить эффективным инструментом в борьбе с воздушным терроризмом.

Пристайный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Травников А. И. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации // Противодействие терроризму. Counter Terrorism. Проблемы XXI века. 1/2011. С. 55 - 57.
2. Международное право: Особенная часть / Отв. ред. Абашидзе А. Х., Абайдельдинов Е. М. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. С. 324.
3. Травников А. И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и Право. Law&Legislation. 2011. № 5. С. 104-107.
4. Словарь международного права. 3-е изд. перераб. и доп. Отв. ред. Егоров С. А. М.: Статут, 2014. 495 с.
5. Приложении 17 к Чикагской конвенции 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://airspot.ru/book/file/596/an17_cons_ru.pdf.
6. Anne S. Millet-Devalle. Lois sur la sécuritéaérienne et terrorisme: Chroniques des faitsinternationaux // Revue générale de droit international public 110, no. 3 (2006): 689.
7. Doc. ICAO 8966.
8. Doc. ICAO 9571.
9. Doc. ICAO 9960.
10. Schemid Alex P. The Definition of Terrorism" The Routledge Handbook of Terrorism Research. Routledge, ISBN 0-203-82873-9.
11. Terrorism Research, International Terrorism and Security Research, University of St Andrew. USA.
12. The Free Dictionary by Farlex.

17 Там же. С. 105.

18 Там же.

19 Солнцев А. М. К вопросу об экологическом терроризме // Противодействие терроризму - Counter-Terrorism. Проблемы XXI века. М.: Современная экономика и право. 2012. № 1. С. 17-19.

20 Травников А. И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и Право. Law&Legislation. 2011. № 5. С. 107.

21 Anne S. Millet-Devalle. Lois sur la sécuritéaérienne et terrorisme: Chroniques des faitsinternationaux // Revue générale de droit international public 110, no. 3 (2006): 689.

ВОСКАНИЯ Арсен Арамович

аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности
Российского университета дружбы народов

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

В статье проведен анализ по полномочиям органов прокуратуры государств-членов таможенного союза, и сделаны предложения по вопросу наделения генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы.

Ключевые слова: полномочия прокурора, генеральный прокурор, законодательная инициатива, формы надзора, закон о прокуратуре, прокуратура, надзор за исполнением законов, общий надзор.

VOSKANYAN Arsen Aramovich

postgraduate student of Judicial authority, law-enforcement and human rights activity sub-faculty of the
People's Friendship University of Russia

POWERS OF THE PROSECUTION AUTHORITIES IN THE MEMBER STATES OF THE CUSTOMS UNION

The article analyzes the powers of prosecutors of the Member States of the Customs union, and gives proposals on the issue of granting Prosecutor General in the Russian Federation the right to legislative initiative.

Keywords: the powers of the prosecutor, the general prosecutor, the legislative initiative, the forms of supervision, the law on the prosecutor's office, overseeing the execution of laws, general supervision.

Восканян А. А.

Для успешного осуществления своих функций прокуроры наделены полномочиями, то есть правами и обязанностями. Сущность и рамки полномочий зависят от специфики задач, стоящих перед прокуратурой конкретной страны.

В целом, полномочия прокуроров по их нормативному положению и направленности, как правило, разделяют на несколько групп. Некоторые авторы¹ предлагают условно выделить три самостоятельные группы полномочий:

- 1) полномочия по выявлению нарушений закона, их причин и способствующих им условий;
- 2) полномочия по устранению нарушений закона;
- 3) полномочия по предупреждению нарушений закона.

Другие авторы придерживаются следующему классификации полномочий прокурора², согласно которой существует два отдельных вида группы полномочий:

- 1) полномочия, направленные на своевременное выявление нарушений законов и способствующих и обстоятельств (причин и условий) и установление виновных в этом лиц;
- 2) полномочия, направленные на устранение выявленных нарушений законов способствующих им обстоятельств, а также на привлечение к ответственности лиц, виновных в нарушении закона.

Законы о прокуратуре рассматриваемых стран регламентируют полномочия прокурора. По отношению к данным государствам следует выделить две модели их нормативного регулирования.

В первом модели регламентация полномочий прокурора реализована как в отношении функциональной структуры органов прокуратуры, так и применительно к отдельным направлениям их деятельности. Названная модель нормативно-

го регулирования полномочий прокуроров используется законодателем Армении.

Определение полномочий прокуроров по смешанной модели избрали в России, Беларуси, Кыргызстане и Казахстане. В законах о прокуратуре данных стран полномочия, то есть права, и обязанности прокуроров определены: нормами, устанавливающими организационную структуру органов прокуратуры, в общих и специальных нормах, устанавливающих надзорные функции, и статьями, предусматривающих отдельные направления деятельности органов прокуратуры.

Главным элементом органов прокуратуры в рассматриваемых странах является Генеральная прокуратура, во главе которой стоит генеральный прокурор.

В гл. 7 Конституции «Судебная власть и Прокуратура», считается целесообразным установить право законодательной инициативы Генерального прокурора Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации.

Такая новелла, безусловно, интригует, поскольку правовой статус Прокуратуры Российской Федерации как органа государственного механизма не очень ясен.

Ряд ученых представляют прокуратуру как систему «сдержек и противовесов» в механизме разделения властей³.

Некоторые авторы предлагают выделить «прокуратуру в подсистему правоохранительной власти в системе государственной власти России...»⁴.

Прокуратура – это своеобразная структура, эффективность которой приспособлена утверждению правовых начал функционирования Российского государства.

1 Настольная книга прокурора. М., 2014. С. 210.

2 Нарикбаев М. С., Утибаев Г. К., Алиев М. М. Прокурорский надзор в Республике Казахстан: Учебное пособие. Алматы, 2002. С. 100; Прокурорский надзор: Учебник /Винокуров Ю. Е. и др.; Под общ. ред. Е. Винокурова. М., 2003. С. 125.

3 Шалумов М. С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственности // Государство и право 1999. №1. С. 84-85.

4 Карпов Н. Прокуратура как субъект конституционно-правовых отношений в Российской Федерации / Карпов // Законность. 2006. № 5. С.112-116.

В связи с тем, что в соответствии с Конституцией СССР 1977г. Генеральный Прокурор обладал правом законодательной инициативы и настал такой момент, когда целесообразно вернуть это право.

На современном этапе формируется обстоятельство, когда вместо некоторых субъектов ряд субъектов Российской Федерации в своих Конституциях (Уставах) устанавливает право законодательной инициативы прокурора субъекта федерации. По мнению специалистов, наделение прокурора правом законодательной инициативы повышает эффективность законодательного процесса, сокращает сроки приведения законодательной базы субъекта Российской Федерации в соответствие с изменениями федерального законодательства⁵.

Стоит добавить, что, наделив прокурора возможностью участия в правотворческой деятельности (ст. 9 Закона о прокуратуре), прокуратура так или иначе может оказывать влияние на законодательный процесс, например, имея возможность присутствовать на заседаниях законодательных (представительных) органов государственной власти и органов местного самоуправления они могли бы осведомлять их о состоянии законности в муниципальном образовании или в регионе и т.д.

Важным достижением является тот факт, что, начиная с 2008г. прокурорам субъектов Российской Федерации делегированы полномочия по законодательной инициативе, и это оправдано тем, что прокуроры на протяжении своей деятельности по осуществлению надзорных функций имеют возможность, например, конкретизировать определенные вопросы нуждающихся в законодательном урегулировании либо выделить нормативные правовые акты, нуждающиеся в изменениях. Данные меры прибавляют возможности прокурорам в сфере осуществления надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации, за соответствием Федерального законодательства нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, а также конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Основываясь на всем вышесказанном, считаем нужным поддержать мнение тех авторов, которые предлагают наделить Генерального прокурора Российской Федерации законодательной инициативой, поскольку данное полномочие будет преследовать цель укрепления и правопорядка в Российском государстве на федеральном уровне. Ведь право законодательной инициативы Генерального прокурора нужно рассмотреть с точки зрения им служебного долга по совершенствованию законодательства и укреплению законности.

При наделении Генерального прокурора Российской Федерации правом законодательной инициативы надзор за точным единообразным исполнением законов будет более совершенным, поскольку он может наиболее квалифицированно в отличие от других государственных органов и должностных лиц делать выводы об эффективности и необходимости соответствующего закона.

На сегодняшний день в 72-х субъектах Российской Федерации прокурор субъекта наделен таким полномочием. Последний субъект, где прокурора наделили правом законодательной инициативы, стал Прокурор Республики Дагестан⁶.

Как утверждают депутаты сессии народного собрания Республики Дагестан, данный законопроект улучшит взаимодействия прокуратуры Дагестана с законодательным органом, повысит эффективность законодательного процесса в респу-

блике, сократит сроки приведения законодательной базы с изменениями Федерального Законодательства.

В результате системного анализа законодательства и исследования научной дискуссии по вопросу отсутствия у Генерального прокурора Российской Федерации права законодательной инициативы, для усиления обеспечения законности по основным направлениям деятельности было утверждено актуальным внести следующие изменения в Основной закон страны:

– п. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации трактовать следующим образом:

Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации, Верховному Суду Российской Федерации, и Генеральному прокурору Российской Федерации по вопросам их ведения».

Законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь определяет полномочия Генерального прокурора, а законодательство Республики Казахстан выделяет также и полномочия генеральной прокуратуры.

В законах о прокуратуре рассматриваемых государств существуют аналогичные полномочия прокуроров:

1. Прокурор уполномочен беспрепятственно входить на территорию и в помещения надзорных органов, проверять документы и материалы дела, а также достоверность информации о фактах нарушения закона.

2. Требовать от руководителей и других должностных лиц представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений о состоянии, выделения специалистов для выявления возникающих вопросов, проведения экспертиз, проверок поступивших в прокуратуру материалов, информации и т.д.

Так, согласно ст. 22 Закона о прокуратуре Республики Беларусь, должностные лица обязаны выполнить требования прокурора по осуществлению проверок, ревизий и экспертиз в течение десяти дней со дня их поступления, если иное не сказано прокурором, а в Российской Федерации срок не указан, отмечено лишь – незамедлительно.

3. Приглашать должностных лиц или граждан для дачи объяснений по вопросам нарушений законов.

Так, в ст. 7 Закона о прокуратуре Республики Беларусь определено, что в случае неявки без уважительной причины прокурор уполномочен выносить постановление о приводе, которое осуществляется органами полиции в соответствии с законом.

Общим положением для всех стран является безусловное своевременное исполнение всеми органами, должностными лицами и гражданами всех требований прокурора. Неисполнение требований прокурора, которое вытекает из его прав и обязанностей, а также уклонение от явки по их вызову сопровождается ответственностью.

4. Прокурор или его заместитель вправе возбуждать производство по административным правонарушениям, требовать привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности, преследует о недопустимости нарушений закона.

5. Если прокурор устанавливает факт нарушения закона, поднадзорными ему органами или их должностными лицами, он вправе:

- освобождать своим постановлением лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов;

5 Петрова Л. И., Манакова С. Г. Право законодательной инициативы прокуратуры // Законность. 2009. № 12. С.2.

6 Вестник Кавказа от 31.01.2014 г. «Прокурора Дагестана наделили правом законодательной инициативы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnikavkaza.ru/news/Prokurora-Dagestana>.

– опротестовать противоречащие закону правовые акты, обращаться в суд или арбитражный суд с требованием о признании таких актов недействительными;

– вносить представление об устранении нарушений закона.

Помимо этого, необходимо зафиксировать тот факт, что данное полномочие прокурора характеризуется также и обязанностями.

Сторонники следующей модели руководствуются необходимостью осуществления закрепления полномочий прокурора относительно функциональной структуры органов прокуратуры, а также в отношении отдельных направлений их деятельности. Данная модель нормативного регулирования полномочий прокуроров характерна для Республики Армения.

Следует заметить, что при конструировании норм о правах и обязанностях прокурора законодательство Республики Армения допускает сочетание приоритетных направлений деятельности прокуратуры с определенными полномочиями прокурора.

Закон о прокуратуре Республики Армения п. 2 и 6 ст. 4 включает в общие полномочия прокуратуры надзор за законностью предварительного следствия и дознания, надзор за применением наказаний и иных мер принуждения.

Закон о прокуратуре Республики Казахстан гласит, что прокурор не имеет право участвовать в проведении оперативно-розыскных мероприятий, и лично проводить любой из них, несмотря на то, что он осуществляет надзор за исполнением законов этими органами.

Согласно закону о прокуратуре Республики Казахстан, прокурор, осуществляя надзор по обеспечению законности, от органов оперативно-розыскной деятельности:

– вправе получить прекращенные и находящиеся в производстве дела оперативно-розыскной деятельности, информацию, документы и материалы и иные сведения о личности граждан и т.д.

– проверяет законность осуществления специальных оперативно-розыскных мероприятий органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в том числе на сети связи;

– рассматривает жалобы и заявления на действия и решения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

– опротестовывает противоречащие Конституции, законам и актам Президента Республики нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий, издаваемые органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность;

– освобождает незаконно задержанных лиц;

– в случаях, установленных законодательством, дает санкцию на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Полномочия прокурора согласно ст. 29 Закона о прокуратуре Республики Беларусь и ст. 34 УПК РБ при осуществлении надзора за исполнением законов органами оперативно-розыскной деятельности, дознания и предварительного следствия заключается в следующем:

– продлевать сроки проведения оперативно-розыскных мероприятий;

– знакомится со сведениями о лицах, внедренных в организационные преступные группы или преступные организации, а также о лицах, оказывающих или оказывавших содействие этим органам на конфиденциальной основе;

– вправе участвовать в производстве дознания и предварительного следствия, принимает уголовное дело к своему производству и расследует его в полном объеме;

– изымает от органа дознания и передает дело органу предварительного следствия;

– лично производит отдельные следственные и другие процессуальные действия.

По итогам исследования было выявлено, что в Республике Казахстан в соответствии со ст. 38 Закона о прокуратуре прокурор имеет и другие специфические права:

– если в досудебном процессе органами дознания и следствия были совершены нарушения прав участников процесса и других граждан, а также незаконные способы расследования, то в его полномочиях ставить вопрос об ответственности виновных лиц;

– отменяет незаконные постановления следователей и лиц, осуществляющих дознание.

В этой норме установлено специальное право прокурора санкционировать объявление международного розыска в отношении лица, совершившего преступление на территории Республики Казахстан и скрывающегося от следствия.

Общим для рассматриваемых стран является то, что полномочия прокурора по надзору за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, закреплении законами о прокуратуре этих государств. Этот перечень состоит из следующего:

– посещать в любое время органы и учреждения, исполняющие наказания и иные меры принудительного характера, назначаемые судом;

– опрашивать задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера;

– знакомиться с документами, на основании которых эти лица задержаны под стражу, осуждены либо подвергнуты мерам принудительного характера с оперативными материалами;

– требовать от администрации создания условий, обеспечивающих права задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера.

Ст. 44 Закона о прокуратуре Республики Казахстан гласит, что:

– опрашивать задержанных, арестованных, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера;

– санкционировать акты администрации учреждений, исполняющих наказания.

Нормы законов о прокуратуре рассматриваемых стран, определяющие полномочия прокуроров в области уголовного преследования, в частности, также имеют бланкетный характер, поскольку законодательство опирается на то, что они установлены в уголовно-процессуальных кодексах, за исключением Республики Казахстан, где полномочия прокурора в сфере уголовного преследования наиболее подробно отражаются и в Законе о прокуратуре.

Сравнительно-правовое исследование законов о прокуратуре остальных стран показывает, что вышеизложенные полномочия прокуроров при принятии решений о направлении дела в суд не закреплены в упомянутом нормативно-правовом акте.

Именно положения закона уполномочивают прокурора на осуществление конкретных действий.

Но, теория прокурорского надзора молчит по поводу форм и средств надзора.

Безусловно, поддерживается мнение В. М. Савицкого, который, говоря о формах надзора, подразумевает отраженные в законе полномочия и порядок их реализации, наделяемые

прокурору для обеспечения беспрекословного соблюдения законов.

Закономерно сказать, что эффективность прокурорского надзора зависит от правильного применения форм надзора на практике.

В юридической литературе нет единой классификации форм надзора.

Ряд авторов, в частности С. Г. Березовская, выступает за единую классификацию форм надзора⁷, которая включает правовые средства, направленные на предупреждения нарушений законности, выявлению и реагированию на эти нарушения.

Другие ученые охарактеризуют формы надзора исходя из соответствующей ему отрасли⁸.

В связи с этим достаточно убедительное и четкое мнение высказывает А.И. Долгова, которая подчеркивает, что в действительности существуют общие и надзор за соблюдением за форм прокурорского надзора.

Под общими формами он подразумевает формы, находящие свое применение во всех видах прокурорского надзора, а специфические характерны лишь отдельным или ряду из них⁹.

В законах о прокуратуре государств-членов Таможенного Союза предусмотрены наиболее значимые и в одновременно эффективные формы и средства выявления нарушений законов, которые неразрывно связаны с перечнем полномочий прокурора и, предопределяются сферой их реализации.

В ходе осуществления от имени государства уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, прокурор пользуется и другими формами реагирования на нарушение законов, согласно полномочиям, установленным в УПК РФ.

Правовые средства, которыми пользуется прокурор в осуществлении своей деятельности, предусмотрены законами о прокуратуре рассматриваемых стран и служат для выявления, устранения и предупреждения нарушений.

Сравнительный анализ законодательства исследуемых нами стран приводит к выводу, что к важнейшим средствам выявления правонарушений нужно отнести: проверки, вызов должностных лиц и граждан для дачи объяснений по поводу нарушений законов, ревизии, использования специалистов и др.

Так, одним из важных правовых средств обнаружения нарушений законов являются прокурорские проверки.

Как правило, на практике выделяют три важнейших этапа ее проведения:

1. Подготовительный;
2. Непосредственно проведение проверки;
3. Разработка итогового документа о ее результатах, их правовая оценка и, естественно, реализация.

Закономерно отметить, что только при условии соблюдения всех этапов являются действительными получаемые сведения о нарушении закона.

В общей сложности выделяются следующие основные виды проверок: целевая, сквозная, комплексная, контрольная.

Основным средством проведения хозяйственного контроля является ревизия, которая заключается в проверке финансово-хозяйственной деятельности предприятий, организаций,

учреждений, конкретных должностных лиц за определенный период¹⁰.

Порядок и цели проведения ревизий и проверок аналогичны.

Важную роль для прокурора в ходе реализации своих полномочий играет тот факт, что во благо получения достоверной информации прокурор пользуется возможностью привлечения специалистов, которые в свою очередь содействуют в выявлении сведений о нарушениях закона.

Исходными формами привлечения помощи специалистов выступают:

- консультации с целью выяснения имеющихся вопросов;
- участие в осуществлении ревизий, проверок, экспертиз и получение прокурором объяснений должностных лиц и др.

Если по итогам использования комплексных средств обнаружены нарушения законов, прокурор добивается их устранения, а также привлекает виновных лиц к предусмотренной законом ответственности.

Для реализации вышеуказанного, в национальных законодательствах определены специальные полномочия прокуроров, с помощью которых прокуроры осуществляют предусмотренные для них функции.

Пристатейный библиографический список

1. Березовская С. Г. Правовые гарантии законности в СССР. М., 1962.
2. Вестник Кавказа от 31.01.2014 г. «Прокурора Дагестана наделили правом законодательной инициативы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnikavkaza.ru/news/Prokurora-Dagestana>.
3. Викторов Н. С. Полномочия прокурора по выявлению нарушений закона и применению правовых средств реагирование на выявленные правонарушения. Методические Рекомендации. М., 2004.
4. Долгова А. И. Формы прокурорского надзора // В Сб. науч. тр. Вопросы прокурорского надзора. М., 1972. С. 52-53.
5. Карпов Н. прокуратура как субъект конституционно-правовых отношений в Российской Федерации // Законность. 2006. № 5. С. 112-116.
6. Нарикбаев М. С., Утибаев Г. К., Алиев М. М. Прокурорский надзор в Республике Казахстан: Учебное пособие. Алматы, 2002.
7. Настольная книга прокурора. М., 2014.
8. Петрова Л. И., Манакоева С. Г. Право законодательной инициативы прокуратуры // Законность. 2009. № 12.
9. Прокурорский надзор: Учебник /Винокуров Ю. Е. и др.; Под общ. ред. Е. Винокурова. М., 2003.
10. Сафонов А. П. Прокурорский надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы в СССР. Авт. дис. ... канд. юр. наук. М., 1965.
11. Шалумов М. С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственности // Государство и право. 1999. № 1. С. 84-85.

7 Березовская С. Г. Правовые гарантии законности в СССР. М., 1962. С. 37.

8 Сафонов А. П. Прокурорский надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы в СССР. Авт. дис. ... канд. юр. наук. М., 1965. С. 10-11.

9 Долгова А. И. Формы прокурорского надзора // В Сб. науч. тр. Вопросы прокурорского надзора. М., 1972. С. 52-53.

10 Викторов Н. С. Полномочия прокурора по выявлению нарушений закона и применению правовых средств реагирование на выявленные правонарушения. Методические Рекомендации. М., 2004. С. 15.

КУЛЫК Сергей Федорович

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, сотрудник ООО «Центра экспертизы и правовой защиты», г. Калининград

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ

В статье освещается международное сотрудничество органов федеральной службы безопасности в сфере подготовки кадров зарубежных партнеров, субъекты данного сотрудничества, а также понятийный аппарат.

Ключевые слова: сотрудничество, взаимодействие, международное сотрудничество, органы федеральной службы безопасности, подготовка кадров, сфера подготовки кадров, зарубежный партнер, субъекты международного сотрудничества, орган государственной безопасности, правоохранительный орган, специальная служба, международная организация, иной компетентный орган.

KULYK Sergey Fedorovich

competitor of a scientific degree of Ph.D. in Law, the employee of LLC "centre of expertise and legal protection", Kaliningrad

Кулык С. Ф.

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE FEDERAL SECURITY SERVICES IN THE TRAINING OF FOREIGN PARTNERS

The article highlights the international cooperation of the bodies of the federal security service in the sphere of training of personnel of foreign partners, the subjects of this cooperation, as well as and the conceptual apparatus.

Keywords: Cooperation, interaction, international cooperation, the bodies of the federal security service, training, the training of personnel, the foreign partner, subjects of international cooperation, the state security body, law enforcement agency, special service, international organization, other competent authority.

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется возрастающей ролью образования, в котором в последние годы складывается устойчивая тенденция к интернационализации и интеграции¹. Развитые страны усиливают конкурентную борьбу за лидерство в мировой системе образования, что является одним из наиболее эффективных инструментов влияния на международные события².

Исключением не является и сфера подготовки кадров, доминирование в которой рассматривается военно-политическим руководством ряда иностранных государств и руководством их компетентных органов в качестве одного из важнейших условий продвижения геополитических и социально-экономических интересов в конкретном регионе или стране. Обучение зарубежных партнеров в выгодном для себя плане активно используется разведывательными и контрразведывательными структурами развитых государств, обладающими собственными учебными заведениями. Например, не секрет, что казахстанские выпускники западных вузов пользуются особым отношением государств, где они в свое время обучались. Посольства Великобритании, США, Франции и Германии всячески поддерживают создание объединений выпускников своих вузов. Такие альянсы превратились в свое-

образные элитарные клубы по интересам, куда ограничен доступ простым казахстанцам³.

Российская Федерация обладает реальным потенциалом, позволяющим ей занимать достойное место в мировом образовательном сообществе. Определяющее значение здесь имеют высокое качество и доступность российского образования, широкий спектр предоставляемых образовательных услуг, мощный интеллектуальный ресурс, высокий, но вместе с тем не полностью реализуемый научно-педагогический потенциал образовательных учреждений. В интересах России – эффективное использование имеющегося образовательного потенциала, являющегося также одним из весьма значимых национальных экспортных ресурсов⁴.

В соответствии с Федеральным законом от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁵ Федеральная служба безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России) имеет право осуществлять внешние сношения со специальными службами и правоохранительными органами иностранных государств, обмениваться с ними на взаимной основе оперативной информацией, специальными

1 Курышева Л. О. Формирование готовности иностранных студентов инженерных специальностей к обучению в российских вузах: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Калининград, 2004. – 127 с.

2 Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях: одобрена Президентом Рос. Федерации 18.10.2002 // Бюллетень «Официальные документы в образовании». – 2003. – № 3.

3 Адилханулы Н. А. Конкуренция ведущих зарубежных школ за будущее Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 201-206.

4 Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях: одобрена Президентом Рос. Федерации 18.10.2002 // Бюллетень «Официальные документы в образовании». – 2003 г. – № 3.

5 О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ: принят Гос. Думой 22 фев. 1995 г.: по сост. на 06 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

техническими и иными средствами в пределах полномочий органов федеральной службы безопасности (далее – органы безопасности) и порядке, установленном нормативными актами федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности; заключать в установленном порядке и пределах своих полномочий международные договоры Российской Федерации, а также осуществлять на компенсационной или безвозмездной основе подготовку кадров для иных государственных органов, специальных служб иностранных государств, служб безопасности предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, если это не противоречит принципам деятельности органов безопасности.

Для предметного рассмотрения международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров и его содержания, в первую очередь следует определиться с терминами, которые неразрывно связаны с изучаемым понятием.

В первую очередь, при изучении понятийного аппарата необходимо рассмотреть термин «сотрудничество» и его соотношение с иным, часто используемым в этой сфере понятием «взаимодействие». Использование этих терминов в международных договорах и других нормативных правовых актах по-прежнему требует упорядочения.

При изучении гуманитарного сотрудничества А. А. Великая пришла к выводу, что оно традиционно рассматривается как налаживание и поддержание международных контактов в сфере образования, культуры, науки и массовых коммуникаций. Констатируется, что гуманитарное сотрудничество является эффективным инструментом международного взаимодействия⁶.

Ф. Г. Кумбс рассматривая различные аспекты взаимодействия систем образования различных стран, однозначно определяет их как «международное сотрудничество», даже если речь идет об оказании развитыми странами непосредственной помощи менее развитым странам в области образования, как это преимущественно имело место в тот период⁷.

Следовательно, термин «сотрудничество», по мнению авторов, является составной частью «взаимодействия».

Ряд исследователей отождествляют понятия «сотрудничество и взаимодействие». Так, например, И. В. Аржанова в своей работе «Международное образовательное сотрудничество – эволюция понятия и его содержательная сущность», анализирует понимание международного сотрудничества в контексте его применения к образовательному взаимодействию по линии правительств и гражданского общества. По мнению автора, термин «международное сотрудничество» наиболее часто используется для обозначения межгосударственного взаимодействия, которое регулируется посредством разветвленной и постоянно развивающейся системы международного права⁸.

Одним из важнейших результатов Великой Отечественной войны было создание Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и утверждение основополагающих принципов

межстранового взаимодействия, закрепленных в Уставе и других программных документах ООН. Понятие «сотрудничество» расширяется, обретая смысл «коллективного действия». Тем самым впервые в мировой истории была сделана попытка реализовать одну из моделей «мирового управления», основанную на сотрудничестве автономных и суверенных наций, в отличие от моделей «мирового правления», предусматривавших ограничение национальных суверенитетов. С течением времени наряду с сотрудничеством в области политики выявились четыре основных направления, по которым осуществляется международное сотрудничество: экономическое сотрудничество; сотрудничество в целях развития; научное, университетское и культурное сотрудничество; военное сотрудничество⁹.

В общем понятийном аппарате международного права одним из его основополагающих принципов является принцип сотрудничества. Понятие международного сотрудничества используется во всех случаях, когда речь идет о международном взаимодействии политического, экономического, научного и иного характера на государственном или институциональном уровне. Согласно иностранным источникам, с функциональной точки зрения понятие международного сотрудничества включает в себя «операции обмена (transfer) с зарубежными странами», которые могут быть двусторонними и многосторонними, правительственными и неправительственными, централизованными и децентрализованными¹⁰.

Европейский фонд образования лаконично определяет понятие термина «сотрудничество» как совместную деятельность, в результате которой каждый из партнеров рассчитывает получить для себя определенную выгоду¹¹. Данное определение может быть использовано для всех направлений сотрудничества, включая образование.

Как мы знаем, в Советском Союзе в силу существовавшей идеологии сотрудничество специальных служб понималось как совместная деятельность с органами государственной безопасности дружественных Советскому Союзу стран. Под взаимодействием же в основном подразумевалась совместная деятельность КГБ СССР с другими советскими министерствами и ведомствами.

В связи с существовавшей в период «холодной войны» глобальной геополитической, экономической и идеологической конфронтацией между Советским Союзом и Западными странами, отношения с ними рассматривались через призму противоборства.

В условиях же современной внешнеполитической стратегии России, когда международное сотрудничество является важнейшим несиловым способом достижения стратегических государственных целей, сотрудничество в сфере образования особенно актуально.

Действительно, взаимодействие органов безопасности с зарубежными партнерами может быть направлено как на достижение совместных целей (например, борьба с международным терроризмом), так и на реализацию стратегических национальных приоритетов.

6 Великая А. А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // Право и управление XXI век. – Изд-во МГИМО МИД РФ. – 2012. – № 3 (24). – С. 63.

7 Кумбс Ф. Г. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. – М.: Изд-во «Прогресс», 1970. – 263 с.

8 Аржанова И. В. Международное образовательное сотрудничество – эволюция понятия и его содержательная сущность. – М.: Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2011. – № 4. – С. 125.

9 См. там же.

10 Ritimo сеть информации и документации в области устойчивого развития и международной солидарности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ritimo.org/dossier_thematiques/cooperation_internationale/coop_int_intro.html (дата обращения: 10.04.2017).

11 Переосмысление развития сферы управления в новой Европе. Доклад Туринской группы. // Европейский Фонд Образования. – Люксембург, 1998. – С. 47.

При дальнейшем рассмотрении содержания понятия «международное сотрудничество органов безопасности в сфере подготовки кадров», следует определиться с субъектным составом данного сотрудничества. Как правило, их называют зарубежными партнерами.

На основании части «р» статьи 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»¹², ФСБ России имеет право осуществлять внешние сношения со специальными службами и правоохранительными органами иностранных государств, что не соответствует положениям части «ч» статьи 13 того же Федерального закона, так ею устанавливается, что ФСБ России имеет право осуществлять подготовку кадров иных государственных органов, специальных служб иностранных государств, служб безопасности предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности. Следовательно, в рамках международного сотрудничества, можно осуществлять подготовку только кадров специальных служб.

Другие субъекты, указанные в части «ч» статьи 13, могут восприниматься двусмысленно, так не определено являются ли они иностранными субъектами или российскими и осуществляются ли с ними внешние сношения.

О том, что международные организации, являются субъектами международного сотрудничества органов безопасности, свидетельствует состоявшееся 27-28 июля 2016 года под эгидой федеральной службы безопасности 15 Совещание руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России, в котором приняли участие 100 делегаций из 63 стран и представители 4-х международных организаций¹³.

На основании вышеизложенного, к субъектам международного сотрудничества органов безопасности следует относить органы безопасности иностранных государств, которые следует называть органами государственной безопасности. Они также являются самостоятельным субъектом международного сотрудничества, и толкуются как важная часть правоохранительной системы государства, особые органы, основная деятельность которых направлена на пресечение и раскрытие преступлений против существующего государственного (конституционного строя), внешней и внутренней безопасности государства¹⁴. В качестве примера можно привести органы государственной безопасности Республики Беларусь, Казахстана и Южной Осетии.

На официальном сайте ФСБ России в разделе международное сотрудничество ФСБ России имеется информация о том, что органы ФСБ России поддерживают официальные контакты с 201 специальной службой, правоохранительными органами и пограничной структурой 103-х государств¹⁵. Таким образом, введен еще один субъект международного сотрудни-

чества. Спорным в данной ситуации является и то, что пограничные структуры не относятся ни к специальным службам, ни к правоохранительным органам.

В качестве субъекта международного сотрудничества органов безопасности следует отнести Министерства обороны и другие воинские формирования, сотрудничающие с ФСБ России. Предлагается условно обозначить их как «иные компетентные органы зарубежного партнера».

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, что необходимо внести изменения в субъектный состав, указанный в частях «р» и «ч» статьи 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности».

На основании вышеизложенного, предлагается авторское определение понятия «зарубежный партнер» – это орган государственной безопасности, специальная служба, правоохранительный и иной компетентный орган иностранного государства, а также международная организация, с которыми органы безопасности осуществляют совместную деятельность в пределах их полномочий в соответствии с заключенными договорами и иными достигнутыми договоренностями.

Далее необходимо рассмотреть понятие «сфера подготовки кадров». Согласно определению, данному в большом Энциклопедическом словаре¹⁶, само понятие «сфера» представляет собой область действия, пределы распространения чего-либо. Таким образом, сфера подготовки кадров и будет являться тем пределом, в рамках которого в статье исследовано международное сотрудничество органов безопасности.

Д. В. Дмитриевым предложено рассматривать понятие «сфера», как отрасль, направление производственной, научной, творческой и т.п. деятельности¹⁷. Следует предполагать, что сферу подготовки кадров необходимо отнести к направлениям деятельности.

Для формирования более полного представления о понятии «сфера подготовки кадров» необходимо раскрыть понятие «подготовка кадров», которое в свою очередь напрямую связано с решением вопроса о том, относится ли подготовка кадров к направлениям международного сотрудничества органов безопасности или является его формой.

Необходимо отметить, что вопрос подготовки кадров зарубежных партнеров, как правило, рассматривается исключительно с позиции подготовки кадров зарубежных партнеров российскими специалистами. Тем не менее, международное сотрудничество органов безопасности в сфере подготовки кадров предполагает взаимность осуществляемых действий и, также включает в себя подготовку российских кадров в учебных структурах зарубежного партнера.

При формулировке понятия «подготовка кадров» в целях придания универсальности определению целесообразно, включить в него положения, раскрывающие взаимный характер международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров.

Таким образом, следует понимать «подготовку кадров» как направление международного сотрудничества органов безопасности, в результате которого на взаимной основе происходит обучение кадров сторон, формирование и повышение их профессиональной компетентности.

Исходя из вышесказанного, следует вывод, что «сфера подготовки кадров зарубежных партнеров» является состав-

12 О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ: принят Гос. Думой 22 фев. 1995 г.: по сост. на 06 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995 г. – № 15. – Ст. 1269.

13 15 Совещание руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России: официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fsb.ru/fsb/pres/message/single.htm%21id%3D1043_7735%40fsbMessage.html (дата обращения: 10.04.2017).

14 Большой юридический словарь. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. // Издательство Инфа-М. – М., 2001. – 790 с.

15 Международное сотрудничество: официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsb.ru/fsb/international.htm> (дата обращения: 10.04.2017).

16 Прохоров А. М. Большой Энциклопедический словарь: в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 2. – М.: Сов. Энцикл., 1991. – 768 с.

17 Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 1582 с.

ной частью подготовки кадров в целом, и состоит из: подготовки кадров зарубежных партнеров в учебных структурах федеральной службы безопасности; подготовки кадров зарубежных партнеров в учебных структурах иностранного государства, которые осуществляются в рамках международного сотрудничества органов безопасности с зарубежными партнерами. Однако в целом подготовка кадров состоит еще и из подготовки российских кадров в учебных структурах зарубежного партнера. Также не стоит исключать возможность осуществления подготовки российских кадров иностранными специалистами как на территории нашей страны, так и на территории зарубежного партнера.

Следует отметить, что Федеральным законом «О федеральной службе безопасности» закреплено, что подготовка кадров осуществляется *для* зарубежных партнеров. Данная формулировка имеет двойное значение. Во-первых, это подготовка кадров *для* зарубежных партнеров из числа иностранных граждан, а во-вторых, из числа граждан Российской Федерации. В целях исключения двусмысленности в трактовке понятий, предлагается следующая формулировка – «... осуществлять подготовку кадров на взаимной основе», тем самым будут учтены все составляющие понятия «подготовка кадров».

Таким образом, международное сотрудничество органов безопасности в сфере подготовки кадров состоит из субъектов данного сотрудничества (зарубежных партнеров) и сферы подготовки кадров.

Международное сотрудничество органов безопасности в сфере подготовки кадров можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле предполагается подготовка специалистов обеих сторон. Она представляет собой *совместную деятельность органов безопасности с зарубежными партнерами по заключению и практической реализации договоренностей и положений международных договоров, результатом которой является обучение кадров обеих сторон, формирование и повышение их профессиональной компетентности.*

В узком смысле, международное сотрудничество органов безопасности в сфере подготовки кадров необходимо рассматривать как подготовку кадров исключительно зарубежных партнеров. Она представляет собой *деятельность органов безопасности по заключению и практической реализации договоренностей и положений международных договоров, результатом которой является обучение кадров зарубежных партнеров, формирование и повышение их профессиональной компетентности.*

В свою очередь сфера подготовки кадров состоит из: подготовки кадров зарубежных партнеров российскими специалистами, как на территории Российской Федерации, так и на территории государства зарубежных партнеров, и подготовки российских кадров специалистами зарубежных партнеров, как на территории Российской Федерации, так и на территории государства зарубежного партнера.

Пристайный библиографический список

1. Адилханулы Н. А. Конкуренция ведущих зарубежных школ за будущее Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 201-206.
2. Аржанова И. В. Международное образовательное сотрудничество – эволюция понятия и его содержательная сущность. – М.: Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2011. – № 4. – С. 125.
3. Великая А. А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // Право и управление XXI век: Изд-во МГИМО МИД РФ. – 2012. – № 3 (24). – С. 63.
4. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 1582 с.
5. Додонов В. Н. Большой юридический словарь / под ред. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. // Издательство Инфа-М. – М., 2001. – 790 с.
6. Кумбс Ф. Г. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. – М.: Изд-во «Прогресс», 1970. – 263 с.
7. Курышева Л. О. Формирование готовности иностранных студентов инженерных специальностей к обучению в российских вузах: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08: Калининград, 2004. – 127 с.
8. Переосмысление развития сферы управления в новой Европе. Доклад Туринской группы. // Европейский Фонд Образования. – Люксембург, 1998. – С. 47.
9. Прохоров А. М. Большой Энциклопедический словарь: в 2 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Т. 2. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991. – 768 с.

КРАВЧЕНКО Любовь Александровна
аспирант Дипломатической академии МИД России

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Предметом исследования являются особенности гармонизации законодательства в сфере валютного и финансового регулирования в рамках евразийского пространства. Объектом исследования является анализ международно-правового регулирования финансовой сферы. Особое внимание уделяется национальному законодательству государств-членов Союза. В целях настоящего исследования автором были использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы, применялся системный подход. Новизна исследования заключается в изучении перспектив развития сферы в целях формирования общего правового пространства.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, Евразийский экономический союз, региональная интеграция, валютное регулирование, единый рынок, международное право.

KRAVCHENKO Lyubov Alexandrovna
postgraduate student of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MONETARY AND FINANCIAL INTEGRATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The subject of the research is the peculiarities of harmonization of legislation in the sphere of currency and financial regulation within the Eurasian space. The object of research is the analysis of international legal regulation of the financial sector. Special attention is paid to the national legislation of the member States of the Union. For the purposes of this study, the author used the comparative legal and formal legal methods, the applied systematic approach. The novelty of the research is to explore the prospects of development of the sphere in order to create a common legal space.

Keywords: World Trade Organization, Eurasian Economic Union, regional integration, currency regulation, common market, international law.

Современное международно-правовое регулирование на многосторонней основе регулирует валютно-финансовые отношения. Из анализа международных многосторонних соглашений следует, что в международной практике и доктрине сложилась позиция, которая уделяет большее внимание защите интересов национальных контрагентов, чем интересов представителей иностранных государств.

Так, процесс формирования единого рынка в рамках Европейского союза (далее – ЕС) сопровождался предоставлением большего числа прав национальным контрагентам государств.

В целях гармонизации валютного и финансового законодательства первоначально были разработаны программы по устранению ограничений в сфере учреждения и оказания услуг. Несмотря на то, что данными программами устанавливался год окончания переходного периода, директивы по снятию ограничений были приняты позднее. Так, в 1973 году были приняты директивы, в соответствии с которыми гарантировалась свобода учреждения организаций и оказания услуг путем предоставления государствам-членам ЕС национального режима для банков и страховых организаций.

Позднее данное право было расширено Судом ЕС: действовало правило о прямом применении положений Римского договора о свободном учреждении организаций и оказании услуг, из чего следовало, что право на свободное учреждение и оказание услуг распространялось и на инвестиционные фирмы.

Кравченко Л. А.

Несмотря на то, что государства-члены ЕС приняли ряд обязательных требований для регулирования деятельности финансовых институтов, в частности, введение обязательного лицензирования банковской и страховой деятельности, предоставление национального режима при учреждении филиалов банков и страховых организаций, финансовый рынок ЕС оставался весьма фрагментированным¹. Это было связано с фактическим осуществлением надзора принимающим государством², а не государством происхождения³, отсутствием прямого указания о том, что лицензии, выданные в любом из государств-членов ЕС, действуют на всей территории Союза.

Государства-члены стремились к реализации модели «полной гармонизации», под которой понимается, согласно С. Керну, «полная унификация существующего и будущего законодательства на основе законодательства какой-либо страны-участницы, комбинации регулятивных норм разных стран-участниц или создания нового законодательства (равноценно созданию новой системы регулирования), сопровождающаяся высоким уровнем экономических издержек и сложностью

1 Dermine J. European Banking: Past, Present and Future. Second ECB Central Banking Conference, Frankfurt am Main, 24-25 October 2002. – P.453.

2 Gruson M., Nikowitz W. The Second Banking Directive of the European Economic Community and Its Importance for Non-EEC Banks // Fordham International Law Journal, Volume 12, Issue 2, 1988, Article 3. – P. 210.

3 Dermine J. European Banking: Past, Present and Future. Second ECB Central Banking Conference, Frankfurt am Main, 24-25 October 2002. – P. 3.

политических согласований; надзор осуществляется страной происхождения или принимающей страной»⁴.

Говоря о гармонизации, стоит отметить, что процесс согласования и принятия единых гармонизированных норм регулирования в рамках ЕС сталкивался с большим количеством проблем⁵, прежде всего, нежеланием государств-членов отказываться от национальных особенностей регулирования финансового и валютного рынков.

Таким образом, была разработана программа по формированию единого рынка в рамках ЕС – «Белая книга» - в рамках которой основной моделью развития стало достижение «минимальной гармонизации». Кроме того, в основу развития был заложен принцип «взаимного признания», в соответствии с которым государства-члены ЕС признают регулятивные нормы своих национальных законодательств эквивалентными друг другу, а равно предоставляют допуск иностранным участникам и продуктов на сегмент рынка, покрываемый режимом взаимного признания, без предъявления к ним дополнительных требований⁶.

Несмотря на некоторое ускорение и прогресс в интеграции на валютном и финансовом рынках, данная модель не стала идеальным путем гармонизации в силу целого ряда причин: внедрение «европейского паспорта» не привело к отсутствию ограничений, установленных национальными регуляторами; сохранение возможности регулятивного арбитража, последствиями которого выступает намеренное установление более «мягких» требований для привлечения в участников рынка; отсутствие единых методов интерпретации и внедрения наднационального законодательства на уровне государств-членов, а также единых методов и институционального механизма координации и правоприменения. Проблемами более общего характера являлись вопросы гармонизации корпоративного управления и условий налогообложения сбережений и страховых премий.

Позднее, с 1999 года, меры по созданию единого рынка ЕС были направлены на увеличение степени детализации гармонизации, что позволило говорить о переходе к «максимальной гармонизации» - повышению детализации и централизации наднационального регулирования и уменьшению национальной автономии и регулятивной конкуренции. Таким образом, современная модель гармонизации на финансовом рынке ЕС является моделью «максимальной гармонизации», но комбинирующей использование модели «взаимного признания» и «минимальной гармонизации»

Учитывая опыт ЕС, процесс евразийской интеграции развивается в соответствии с принципом строгой последовательности этапов экономической интеграции: от зон свободной торговли до экономического, валютного и политического союза.

4 Kern S. EU-US Financial Market Integration – a Work in Progress. Financial Market Special, EU Monitor 56, DB Research, 2008. P.10-13.

5 Необходимо учитывать, что различия в уровне развития рынка ценных бумаг между странами ЕС в этот период были существенными (фактически в странах континентальной системы права регулирование рынка ценных бумаг практически отсутствовало) - даже в начале 80-х годов в 7 из 12 стран участниц ЕС отсутствовали требования по публикации проспекта ценных бумаг при публичном размещении, во всех странах отсутствовали отдельные регуляторы на рынке ценных бумаг, в 1991 г. - в 9 из 12 стран отсутствовала уголовная ответственность за инсайдерскую торговлю // Warren M.G. The European Union's Investment Services Directive // Journal of International Law, Volume 15, Issue 2, 1995. - P. 754.

6 Klein N.C. Transatlantic Mutual Recognition in the Field of Global Financial Regulation. Seminar on Issues on Global Regulatory Reform, Columbia Law School, 2012. - P.4.

Несмотря на то, что вопрос о введении единой валюты в ЕАЭС рассматривался Центробанком по поручению Президента РФ В. В. Путина от 10 марта 2015 года, в настоящее время такая модель валютной интеграции пока не может быть реализована, поскольку для этого не соблюдены базовые условия:

1) отсутствует полноценный экономический союз;

2) не решены основные проблемы, препятствующие развитию валютно-экономической интеграции;

3) отсутствует оптимальная валютная зона.

Для эффективного развития интеграционного процесса необходимо, в частности, создать межгосударственный институт, который бы разрабатывал механизмы взаимодействия государств-членов в данной сфере, а также правовой режим, не допускающий валютных ограничений и барьеров для проведения операций.

Так, по мнению профессора Л.Н. Красавиной, «гипотеза создания оптимальной валютной зоны (точнее союза) в отрыве от ее предпосылки – экономического союза – противоречит теории и практике развития европейской интеграции: от экономического союза к ее завершающему этапу – экономическому и валютному союзу – на основе максимального повышения степени интернационализации не только валютных, но и экономических отношений на основе принципа наднациональности»⁷.

В рамках Евразийского экономического союза предусматривается поэтапное осуществление согласованной валютно-финансовой политики. С целью формирования единого финансового рынка Евразийская экономическая комиссия должна подготовить Концепцию формирования общего финансового рынка ЕАЭС к середине 2017 года⁸.

Договор о ЕАЭС предусматривает возможность согласования валютной политики государств-членов Союза и углубления их экономической интеграции для создания общего финансового рынка и обеспечения реализации принципа недискриминации⁹.

Меры, направленные на проведение согласованной валютной политики предусмотрены в соответствующем Протоколе. Так, государства-члены принимают в качестве примера следующие меры:

1) «формирование интегрированного валютного рынка государств-членов;

2) обеспечение каждым государством-членом допуска на свой внутренний валютный рынок банков, являющихся резидентами государств-членов и обладающих в соответствии с законодательством этого государства-члена правом на осуществление валютных операций, для проведения межбанковских конверсионных операций на условиях предоставления национального режима;

3) предоставление банкам государств-членов права на свободную конверсию принадлежащих им средств в национальных валютах государств-членов, находящихся на их корреспондентских счетах, в валюты третьих стран»¹⁰.

7 Красавина Л. Н. Концепция регионального экономического и валютного союза: отличие от теории оптимальных валютных зон // Деньги и кредит. – 2015. – № 7. – С. 33-40.

8 К середине 2017 года ЕЭК подготовит Концепцию формирования общего финансового рынка ЕАЭС. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.belarus.mid.ru> (дата обращения 17.03.2017).

9 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.02.2017). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения 16.03.2017).

10 Приложение № 15 к Договору о ЕАЭС «Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики».

Согласованная финансовая политика в рамках ЕАЭС, в свою очередь, предполагает:

1. «обеспечение гарантированной и эффективной защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг;

2. создание условий для взаимного признания лицензий в банковском и страховом секторах, а также в секторе услуг на рынке ценных бумаг, выданных уполномоченными органами одного государства-члена, на территориях других государств-членов;

3. определение подходов к регулированию рисков на финансовых рынках государств-членов в соответствии с международными стандартами;

4. определение требований, предъявляемых к банковской деятельности, страховой деятельности и деятельности на рынке ценных бумаг (пруденциальных требований);

5. определение порядка осуществления надзора за деятельностью участников финансового рынка;

6. обеспечение транспарентности деятельности участников финансового рынка»¹¹.

К настоящему времени государства-члены ЕАЭС приняли решение о создании только одного наднационального органа - финансового регулятора (мегарегулятора) к 2025 году (п. 2 ст. 103 Договора о ЕАЭС). Как мы понимаем, этот орган не будет в полном смысле наднациональным центральным банком.

В качестве институциональной основы развития валютно-финансового сотрудничества на пространстве ЕАЭС можно определить деятельность Межгосударственного банка, созданного государствами СНГ. По своей сути он может выполнять функции «интеграционного банка».

В настоящее время интеграционное взаимодействие осуществляется при непосредственном участии Евразийской экономической комиссии. При ЕЭК созданы отдельные рабочие группы (по валютному регулированию и валютному контролю, по гармонизации законодательства, по разработке нового страхового продукта) при Консультативном комитете по финансовым рынкам. Деятельность этих рабочих групп нацелена на выработку совместных решений для облегчения условий ведения бизнеса и решения актуальных проблем.

В приложениях к Протоколу по финансовым услугам Раздела XVI «Регулирование финансовых рынков» Договора о ЕАЭС закреплён «Перечень подсекторов финансовых услуг...»¹², в которых государствами-членами предоставляется национальный режим и принимаются обязательства, а также «Перечень сохраняемых государствами-членами ограничений в отношении учреждения и (или) деятельности»¹³.

[Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/6e6c3738a4e0fd173e49d85058295098911d3239/#dst103321 (дата обращения 16.03.2017).

11 Статья 70 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 16.03.2017).

12 Приложение № 1 «Перечень подсекторов финансовых услуг, в которых государствами-членами в соответствии с пунктом 4 протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к договору о Евразийском экономическом союзе) предоставляется национальный режим и принимаются обязательства в соответствии с пунктом 10 указанного протокола». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/823373b5e42b9e5d815887166f0f639070b50f13/ (дата обращения 16.03.2017).

13 Приложение № 2 «Перечень сохраняемых государствами-членами ограничений в отношении учреждения и (или) деятельности». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/a59e98f9bb61d557aa421d583eacd5803ae09d3d/ (дата обращения 16.03.2017).

В Протоколе по финансовым услугам¹⁴ даются определения не только специфических финансовых понятий, таких как лицензия, рынок ценных бумаг, но и общих терминов международной торговли, в том числе основных ее принципов – национального режима и режима наибольшего благоприятствования. Определения общих терминов в данном Протоколе отличаются от аналогичных определений в Протоколе по торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций.

Так, применительно к финансовым услугам содержание термина «законодательство» дополняется нормативными актами центрального банка государства-члена.

При определении способов поставки финансовых услуг Протокол не упоминает четвертый способ, предусмотренный в ГАТС, а именно: присутствие физических лиц государства поставщика на территории государства потребителя. Данное обстоятельство связано с регулированием вопросов въезда, выезда и трудовой деятельности разделом XXVI Договора о ЕАЭС, о чем имеется специальное указание в пункте 12 Протокола.

Международно-правовой режим оказания финансовых услуг, предусмотренный в рамках ЕАЭС, исходит из следующих положений:

1) принцип наибольшего благоприятствования предоставляется лицам государств-членов в отношении учреждения и деятельности поставщиков услуг;

2) выделяется четыре вида финансовых услуг, в отношении которых при трансграничной поставке предоставление специальных режимов может обуславливаться определенными изъятиями – страхование международных перевозок, перестрахование, передача финансовой информации и вспомогательные услуги.

Для создания общего финансового рынка необходимо гармонизировать законодательство государств-членов ЕАЭС. Для этого требовалось разработать отдельный международный договор, о чем было прямо указано в статье 70 Договора о ЕАЭС и Приложении № 17 к нему. Проект такого договора был подготовлен и одобрен в июне 2013 года – «Соглашение о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках государств-участников Единого экономического пространства». Он устанавливал сроки проведения гармонизации, разделив их на три этапа – до конца 2015 года, 2017 года и 2019 года; окончательный срок – 2025 год.

В случае эффективной реализации положений данного Соглашения на территории государств-членов ЕАЭС может быть внедрен принцип взаимного признания лицензий и разрешений, что позволит компаниям оказывать услуги на всей территории Союза вне зависимости от государства, где была получена лицензия.

Для проведения мероприятий по гармонизации в рамках ЕАЭС может быть использован опыт Европейского Союза, о котором упоминалось ранее, где эффективным инструментом законодательного сближения является директива¹⁵. Директива, являясь актом вторичного права, имеет обязательную силу для государств-членов. В случае неисполнения предписаний, Еврокомиссия имеет право обратиться в Суд ЕС.

14 Приложение № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. «Протокол по финансовым услугам». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/6e98d66c53206813800fdef7b3692dbc90f83c79/ (дата обращения 16.03.2017).

15 Статья 288 Договора о функционировании Европейского союза.

В ЕАЭС недостаточно разработан механизм гармонизации в силу того, что Евразийская экономическая комиссия, решения которой имеют обязательную силу для государств-членов, после учреждения Евразийского экономического союза утратило полномочие по обращению в Суд объединения в связи с неисполнением международного договора или решения Комиссии определенным государством, которое было ранее ей предоставлено по статье 20 Договора о Евразийской экономической комиссии.

Другим возможным правовым средством гармонизации могут стать решения Комиссии, которые будут подлежать непосредственному применению в соответствии с абзацем 2 пункта 13 Положения о Евразийской экономической комиссии.

В ближайшие годы Россия, Белоруссия и Казахстан запланировали унифицировать законодательство по фондовому рынку. К 2020 г. должны взаимно признать лицензии профессиональных участников фондовых рынков государств ЕАЭС. Это необходимое для фондовой интеграции условие связано с риском, так как стоимость лицензии в Белоруссии намного меньше, а в Казахстане – еще меньше, чем в России. Поэтому существует вероятность ухода участников фондовых рынков туда, где лицензирование дешевле, так как современные компьютерные технологии позволяют торговать виртуально. Пока, несмотря на принимаемые меры по развитию российского финансового рынка, сделки IPO российских компаний осуществляются в основном в Лондоне, Варшаве (прежде всего в силу финансовых причин).

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, в целях формирования единого рынка ЕАЭС, государствам-членам необходимо использовать следующие правовые инструменты для проведения «максимальной гармонизации»:

1. Разработка системы директив, направленных на унификацию законодательства, положения которых обязательны для государств-членов после принятия соответствующих национальных актов.

2. Разработка системы регламентов (актов прямого действия), устанавливающих основные требования.

3. Передача широкого спектра полномочий наднациональным органам ЕАЭС для принятия единого законодательства и обеспечения его внедрения в государствах-членах.

4. Наделение Евразийской экономической комиссии обязанностью по мониторингу исполнения законодательства Союза, а также правом на обжалование нарушения порядка и сроков внедрения наднационального законодательства со стороны государств-членов в Суд ЕАЭС.

5. Осуществление более тесного взаимодействия между национальными регуляторами.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 16.03.2017).
2. Статья 70 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения 16.03.2017).
3. Статья 288. Договора о функционировании Европейского союза.
4. Приложение № 1 «Перечень подсекторов финансовых услуг, в которых государствами-членами в соответствии с пунктом 4 протокола по финансовым

услугам (приложение № 17 к договору о Евразийском экономическом союзе) предоставляется национальный режим и принимаются обязательства в соответствии с пунктом 10 указанного протокола». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/823373b5e42b9e5d815887166f0f639070b50f13/ (дата обращения 16.03.2017).

5. Приложение № 2 «Перечень сохраняемых государствами-членами ограничений в отношении учреждения и (или) деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/a59e98f9bb61d557aa421d583ead5803ae09d3d/ (дата обращения 16.03.2017).
6. Приложение № 15 к Договору о ЕАЭС «Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/6e6c3738a4e0fd173e49d85058295098911d3239/#dst103321 (дата обращения 16.03.2017).
7. Приложение № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. «Протокол по финансовым услугам». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/6e98d66c53206813800fdef7b3692dbc90f83c79/ (дата обращения 16.03.2017).
8. К середине 2017 года ЕЭК подготовит Концепцию формирования общего финансового рынка ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarus.mid.ru> (дата обращения 17.03.2017).
9. Красавина Л. Н. Концепция регионального экономического и валютного союза: отличие от теории оптимальных валютных зон // Деньги и кредит. – 2015. – № 7. – С. 33-40.
10. Gruson M., Nikowitz W. The Second Banking Directive of the European Economic Community and Its Importance for Non-EEC Banks // Fordham International Law Journal, Volume 12, Issue 2, 1988, Article 3. – P.210
11. Dermine J. European Banking: Past, Present and Future. Second ECB Central Banking Conference, Frankfurt am Main, 24-25 October 2002.
12. Kern S. EU-US Financial Market Integration – a Work in Progress. Financial Market Special, EU Monitor 56, DB Research, 2008. P. 10-13.
13. Klein N.C. Transatlantic Mutual Recognition in the Field of Global Financial Regulation. Seminar on Issues on Global Regulatory Reform, Columbia Law School, 2012.
14. Warren M.G. The European Union's Investment Services Directive // Journal of International Law, Volume 15, Issue 2, 1995.

АЛЕКСАНЯН Сатеник Рубиковна

соискатель кафедры международного права МГИМО (У) МИД России

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИА И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В статье рассматривается история становления и развития принципа равноправия и самоопределения народов. Право народов на самоопределение, возникшее еще в эпоху Просвещения, прошло долгий путь в своем становлении от политической идеи до статуса принципа современного МП, его императивной нормы *jus cogens*. Автор выделяет четыре этапа формирования современного права народов на самоопределение. Выделение таких этапов охватывает период с конца XVIII в. по настоящее время.

Ключевые слова: принцип равноправия и самоопределения народов, право народов и наций на самоопределение, принципы международного права.

ALEKSANYAN Satenik Rubikovna

competitor of International law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLE OF EQUAL RIGHTS AND SELF-DETERMINATION OF PEOPLES

The article discusses the history of the formation and development of the principle of equal rights and self-determination of peoples. The right of peoples to self-determination, which arose in the era of the Enlightenment, has come a long way in its formation from a political idea to the status of the principle of modern international law, its peremptory norm of *juscogens*. The author singles out four stages in the formation of the modern right of peoples to self-determination. These stages cover the period from the end of the eighteenth century until the present day.

Keywords: the principle of equal rights and self-determination of peoples, the right to self-determination of peoples, the principles of international law.

Алексанян С. Р.

Принцип самоопределения народов утвердился в международном праве после принятия Устава Организации Объединенных Наций (ООН) в 1945 г. в результате длительного процесса прогрессивного развития международного права.

На первом этапе (конец XVIII века – 1945 г.) происходит зарождение идеи права народов на самоопределение. Первоначально право народов выступает исключительно в качестве доктринального принципа в рамках различных философских и политических концепций¹. Эти идеи стали находить свое закрепление и в праве, но на тот период, как правило, в праве национальном. Так, право наций решать свою судьбу было закреплено еще в Декларации независимости США 1776 г.: «В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье... Эти колонии длительное время проявляли терпение, и только необходимость вынуждает их изменить прежнюю систему своего правительства»². Национальный суверенитет предполагает, что нация является источником власти и вправе выбирать свое политическое устройство, форму правления, самостоятельно определять

свое экономическое и иное развитие³. Идея национального самоопределения (как право народов самим решать свою судьбу и выбирать правителя) нашла свое закрепление и в документах Великой французской революции⁴.

В то же время, элементы права народов на самоопределение стали проявляться в международных отношениях, в частности, в проведение плебисцитов по вопросу определения статуса территорий. Среди наиболее известных плебисцитов 19 века можно выделить присоединение графства Ниццы и Савойи к Франции в 1860 г., Неаполитанского королевства и Сицилии – к Итальянскому королевству в 1860 г., Венеции – к Итальянскому королевству в 1866 г. Таким образом, при территориальных разграничениях уже начинает учитываться воля проживающего там населения.

Отдельные вопросы предоставления независимости или автономии в этот период уже становятся предметом заключаемых международных договоров. Так, принятым в 1878 г. (в рамках Берлинского конгресса в 1878 г.⁵), Берлинским трактатом была провозглашена независимость Сербии и Черногории. Этим же трактатом Болгарии был предоставлен статус самоуправляющегося княжества с номинальным сохранением

1 Возникновение самой идеи национального самоопределения (на тот период речь шла только о национальном самоопределении) восходит к эпохе Просвещения и связано с теорией общественного договора, наиболее яркими представителями которой являются Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо.
2 Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О. А. Жидкова. Перевод О. А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 25.

3 См. подробнее: Черняк Л. Ю. О соотношении государственного, народного и национального суверенитетов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-gosudarstvennogo-narodnogo-i-natsionalnogo-suverenitetov> (дата обращения: 22.07.2017 г.).
4 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. // Великая французская революция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://1789-fr.ru/declaration.html> (дата обращения: 22.07.2017 г.).
5 Берлинский конгресс 1878 года проходил с 1 (13) июня по 1 (13) июля. Был созван для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 года, завершившего Русско-турецкую войну 1877-1878 годов.

османского правления, а Восточной Румелии – статус автономии в составе Османской империи. Также на конгрессе обсуждался вопрос о национальных и религиозных меньшинствах, в частности, о предоставлении автономии армянскому населению на территории Османской империи. Но в итоге, статья 61 Трактата обязала Османскую империю лишь осуществить реформы в армянских областях и обезопасить население от черкесов и курдов⁶.

В то же время, в этот период принцип самоопределения наций на практике часто применялся для оправдания аннексии территорий, принадлежащих другим государствам. Более того, следует согласиться с А. Кассесе в той части, что фактически в тот период, ни колониальные народы, ни национальные меньшинства еще не имели права на самоопределение⁷.

Дальнейшее становление права народов на самоопределение связано с проектом мирного договора, завершившего Первую мировую войну, предложенного американским президентом В. Вильсоном. В январе 1918 г. он обратился с посланием к конгрессу Соединенных Штатов Америки (США), основные положения которого были закреплены в 14 пунктах. Право на самоопределение было сформулировано в п. 5 и звучало как «свободному, чистосердечному и абсолютно беспристрастному разрешению всех колониальных споров, основанному на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены. Каждое территориальное изменение, как следствие войны, должно быть сделано во благо заинтересованного населения, а не как часть голого соглашения или компромисса требований соперничающих государств»⁸.

Вместе с тем, В. Вильсон в своем послании впервые упоминает про принцип территориальной целостности государства (п. 14). Таким образом, провозглашая принцип равноправия и самоопределения для колониальных споров и военных территориальных изменений, В. Вильсон тут же ограничил его принципом территориальной целостности. Одновременно им была предложена идея создания Лиги Наций в целях взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств⁹.

Можно с уверенностью сказать, что эти 14 пунктов Послания В. Вильсона к Конгрессу США легли в основу Версальского мирного договора и внесли значительный вклад в становление основополагающих принципов международного права¹⁰.

В начале 20 в. право народов на самоопределение представляет собой не правовой, а политический принцип, на который страны-победительницы ориентировались при территориальном разделе мира после Первой мировой войны. В частности, именно на него ссылались государства в своих территориальных спорах. Однако на тот период времени право на самоопределение так и не стало позитивной нормой общего международного права, а само понятие принципа международного права еще не приобрело своего современного значения.

Некоторые положения этого будущего принципа международного права, в частности, право колониальных народов на

создание независимого государства и свободное определение своего политического статуса также обсуждалось на международном уровне в период Второй мировой войны, когда речь шла о послевоенном мироустройстве.

На втором этапе (1945-1975 гг.) происходит юридическое закрепление равноправия и самоопределения народов в качестве принципа общего международного права в Уставе ООН.

В качестве нормы общего международного права впервые право народов на самоопределение было закреплено в Уставе ООН (вступил в силу 24 октября 1945 г.). Так, ст. 1 Устава ООН закрепляет цели организации, в т.ч. развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов. В дополнение к положениям ст. 1(2) Устава ООН, право на самоопределение упоминается в ст. 55 Устава: «целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует:

а. Повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития.

б. Разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования.

с. Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии»¹¹.

Таким образом, право народов на самоопределение стало международно-правовым принципом. На этом этапе своего развития принцип равноправия и самоопределения народов носил, прежде всего, антиколониальный характер. Этот подход стал особенно очевиден после принятия 16 декабря 1952 г. резолюции 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение», в которой Генеральная Ассамблея призвала государства-члены ООН в соответствии с Уставом признавать и поощрять право на самоопределение народов самоуправляющихся и подопечных территорий¹².

Более того, в 60-е годы прошлого века право на самоопределение стало рассматриваться исключительно в контексте деколонизации. Большую роль в этом сыграла Декларация о предоставлении независимости колониальным народам 1960 г., после принятия которой, принцип национального самоопределения фактически стал восприниматься как синоним понятия «деколонизации». Иными словами, право на независимость по существу признавалось не за национальными меньшинствами, существующими в пределах государств, а лишь за колониями, получившими право быть государствами, независимыми от метрополий. Более того, в Декларации прямо упоминалось о «неотъемлемом праве народов на полную свободу, осуществление суверенитета и целостности их национальных территорий»¹³. Поскольку формально считалось, что колонии не входят в территорию государств-метрополий, этот пункт был прямо направлен против распространения содер-

6 Берлинский трактат // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952.

7 См. подробнее: Cassese A. Self-determination of people: A legal reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

8 Системная история международных отношений в четырех томах. 1918 – 2000. Том 2. Документы 1910-1940-х годов / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский Рабочий, 2000. С. 27 – 28.

9 President Woodrow Wilson's 14 Points (1918). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=62> (дата обращения: 20.07.2017 г.).

10 См. подробнее: Версальский договор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19190628versal.php (дата обращения: 22.07.2017 г.).

11 Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. 1956. Вып. XII. С. 14 -47.

12 Резолюция 637 (VII) Генеральной Ассамблеи ООН «Право народов и наций на самоопределение» от 16 декабря 1952 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/o81/62/IMG/NROo8162.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.07.2017 г.).

13 Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 27.07.2017 г.).

жания этого принципа на самоопределение народов и наций в рамках уже существующих государств.

Территория колонии или другой самоуправляющейся территории имеет, согласно Уставу, статус, отдельный и отличный от статуса территории государства, управляющего ею; такой отдельный и отличный, согласно Уставу, статус существует до тех пор, пока народ данной колонии или самоуправляющейся территории не осуществит своего права на самоопределение в соответствии с Уставом, и в особенности в соответствии с его целями и принципами – Декларация о принципах 1970 г. и др.

В ходе обсуждений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН права на самоопределение было выражено мнение о том, что данный принцип является обязательной нормой. Во-первых, Комитет подтвердил «статус» этого принципа как нормы *jus cogens*, а во-вторых, Комитет пришел к выводу, что сфера применения этого принципа охватывает ликвидацию колониализма, право колониальных народов на независимость и свободный выбор их политического статуса и институтов, права выбирать свои экономические, социальные и культурные системы и распоряжаться своими природными ресурсами¹⁴. Таким образом, вновь была подтверждена исключительная антиколониальная направленность принципа равноправия и самоопределения народов.

Процесс деколонизации сыграл значимую роль в изменении правовой природы права на самоопределение. Только благодаря практике применения данного принципа в деколонизационном процессе, право на самоопределение стало реально работающей нормой международного права. Конечно, его реализация была далеко неидеальной. Так, границы государств, возникающих вместо бывших колоний, как правило, устанавливались по факту существовавших ранее границ бывших колониальных владений, т. е. без учета этнических или религиозных факторов. Этот факт впоследствии станет предпосылкой многочисленных внутренних межэтнических конфликтов. Тем не менее, благодаря реализации права на самоопределение с момента образования ООН, более 80 народов, находящихся в колониальной зависимости, получили независимость¹⁵. Не зря XX век считается веком борьбы с колониализмом.

Однако на этом развитие принципа в рамках этого этапа не закончилось.

С принятием Пактов по правам человека 1966 года этот принцип начинает рассматриваться не только как антиколониальный, он входит в число фундаментальных прав человека, а его применение считается обязательным условием международного мира и безопасности. На международном уровне было признано, что не может быть подлинного осуществления индивидуальных прав без реализации права на самоопределение. Теперь уже на самом высоком международном уровне принцип равноправия и самоопределения народов обретает статус общепризнанной, основополагающей, императивной и универсальной нормы *jus cogens*¹⁶.

Это обстоятельство было подтверждено и практикой Международного суда ООН. Так, в Консультативном заключении по Намибии от 21 июня 1971 г. Суд категорически и однозначно высказался за необходимость учета результатов развития международного права применительно к праву народов на самоопределение: «...Суд должен учесть изменения, которые имели место за истекшие полвека, и на его толкование не может не повлиять последовавшее развитие права через Устав ООН и через обычное право»¹⁷.

Особую роль в процессе становления принципа равноправия и самоопределения народов сыграла принятая в 1970 году Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Принятие Декларации стало авторитетным толкованием норм-принципов международного права, действующих на тот момент. В частности, принцип равноправия и самоопределения народов был сформулирован в Декларации следующим образом: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава»¹⁸.

Мало того, впервые в Декларации о принципах международного права 1970 г. были установлены формы реализации этого принципа. Помимо образования независимого государства, присоединения или объединения с уже существующим государством, одной из форм было признано установление иного политического статуса. Таким образом, право на самоопределение больше не признавалось как право исключительно антиколониальное, оно признавалось за всеми народами и, тем самым, больше не сводилось исключительно к праву на отделение.

Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединению с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение. Правда, здесь же в Декларации указывалось: «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

При этом основной акцент делался на том, что каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны.

Особо следует выделить формулировки Заключительного Акта СБСЕ 1975 года, касающиеся содержания принципа территориальной целостности государств и принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой. Они были

14 The Right to Self-determination. Historical and Current Development on the Basis of United Nations Instruments / Study prepared by Aureliu Cristescu. P. 11-12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cetim.ch/legacy/en/documents/cristescu-rap-ang.pdf> (дата обращения: 27.07.2017 г.).

15 What the UN Can Do To Assist Non-Self Governing Territories. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/decolonization/pdf/What%20the%20UN%20can%20do.pdf> (дата обращения: 20.07.2017 г.).

16 См. подробнее: Brownlie I. Principles of public international law. Oxford: Oxford University Press, 2008. 745 p.; Cassese A. Self-determination of people: A legal reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 375 p.; Espiell G. The Right to Self-Determination // Implementation of United Nations Resolutions. N. UN Pub. 1980 (UN Sales E.79.XIX.5).

17 Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971. P. 31.

18 Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии. Нью-Йорк, 1970. С. 151 – 155.

приняты в середине 70-х годов прошлого века, т. е. на рубеже II и III периода становления и развития принципа самоопределения народов и наций. Во-первых, необходимо отметить, что в Акте уже нашел свое закрепление принцип территориальной целостности государств, в противостоянии с которым и происходит дальнейшее уточнение содержания принципа самоопределения народов и его развитие. Во-вторых, в Акте в определенной степени сохранилось прежнее понимание содержания принципа самоопределения.

Принципы, перечисленные в Акте, рассматривались в его рамках как взаимосвязанные, и каждый из них должен был толковаться в контексте других принципов. В этом Акте, в частности, территориальная целостность была сведена исключительно к запрету действий иностранных государств против территориальной целостности другого государства, выразившихся, в частности, в применении силы или угрозы силой, а «исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие»¹⁹.

Третий этап (конец 1970-х годов – начало 1990-х г.) характеризуется значительными изменениями в понимании содержания принципа равноправия и самоопределения народов. В нем все большее место занимают вопросы не деколонизации, а права народов на создание автономий в рамках уже существующих государств, а также выделения и создание самостоятельных независимых государств. При этом начинает получать свое обоснование позиция, согласно которой право на самоопределение, в том числе на создание собственного государства имеют абсолютно все народы. Особый импульс эти процессы получают с провозглашением права на развитие в 1986 г.²⁰ Было признано, что именно осуществление в полной мере права на развитие будет способствовать ликвидации массовых и грубых нарушений прав человека и народов, являющихся результатом апартеида, расизма, колониализма, иностранного господства и оккупации, агрессии и отказа признать основополагающее право народов на самоопределение.

Характерным признаком этого периода развития права на самоопределение стало возникновение многочисленных толкований его содержания. Так, например, И. П. Блищенко и В. Ф. Шавров следующим образом раскрывают содержание принципа равноправия и самоопределения народов: «а) право народов свободно распоряжаться своей судьбой, т.е. в условиях полной свободы определять свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие; б) право народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами; в) обязанность всех государств содействовать путем совместных и самостоятельных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава ООН; г) обязанность всех государств воздерживаться от любых действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость; д) воз-

можность для колониальных народов использовать все доступные им средства в борьбе за независимость; е) обязанность всех государств содействовать ликвидации колониализма, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов»²¹.

Считаем, что такое толкование содержания права на самоопределение на тот период являлось достаточно обоснованным, так как колониальная система все еще существовала, и, несмотря на то, что право на самоопределение уже было признано за всеми народами, большинство государств все еще рассматривало его реализацию в качестве главного правового инструмента борьбы с колониализмом.

Четвертый период охватывает время с начала 90-х годов прошлого века и по настоящее время. Он ознаменовался значительными изменениями представлений о содержании принципа равноправия и самоопределения народов.

Это было предопределено несколькими факторами.

Во-первых, произошло исчезновение колониальной системы. Дело в том, что в 1994 г. последняя подопечная территория – Палау, находившаяся под опекой США, получила независимость²². В том же году Совет по опеке прекратил свою деятельность. Огромная работа по деколонизации оказалась завершённой.

В условиях ликвидации колониальной системы вопросы самоопределения народов в рамках уже существующих государств, становятся, применительно к принципу равноправия и самоопределения народов, не просто основными, но единственными. На первый план выходит проблема сепарации, т. е. выхода из состава государства какой-либо его части.

Во-вторых, с одной стороны, произошел развал таких крупных федеративных государств, как СССР и Югославия, а с другой – объединение Германии. Осуществление этих процессов практически без кровопролития и даже с кажущейся легкостью придало новые силы, в первую очередь центробежным процессам в государствах, вдохнуло новые силы в ... и вызвало значительную активизацию обсуждения в доктрине теоретических вопросов, связанных с реализацией права на самоопределение и уточнением содержания самого этого права.

В-третьих, с распадом СССР, социалистического лагеря и Варшавского договора произошло крушение прежнего миропорядка. Из двуполярного мир превратился в однополярный. СССР уже не имел прежнего влияния, а оставшаяся единственной сверхдержава получила дополнительные рычаги укрепления своего могущества и желала воспользоваться ими в полной мере. В том числе, это касалось и использования ею (в своих интересах) принципа самоопределения народов.

Эти три фактора активизировали мощнейшие центробежные движения по всему миру, тем самым спровоцировав обострение старых и возникновение новых международных конфликтов, в основе которых лежало требование о выходе из состава государства и создания собственного, пусть даже «карликового», но собственного «удельного княжества». Требования независимости стали выдвигать Квебек, Шотландия, Каталония, Страна Басков, Абхазия, Южная Осетия, Косово и другие.

В результате (в рамках реализации права народов на самоопределение) основным камнем преткновения становится вопрос о создании независимых государств в результате их выделения из территориальных рамок уже существующего суверенного государства. Вопросы самоопределения народов, проживающих на территории уже существующих государств, слабо разработанные в доктрине и международном праве, неожиданно оказываются в центре мировой политики.

19 The Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe, Aug. 1, 1975, 14 I.L.M. 1292 (Helsinki Declaration). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/osce/basics/finact75.htm> (дата обращения: 22.07.2017 г.). Следует отметить, что многие ученые, а также правительства стран рассматривают Заключительный акт в качестве не юридически обязывающего «твердого» источника права, а в качестве политического соглашения.

20 Декларация о праве на развитие, принята 4 декабря 1986 г. на 97-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 41/128 // «Резолюция ГА, принятые на 41 сессии. 21 октября -24 декабря 1986». ООН. Нью-Йорк, 1987. С. 15-17.

21 Блищенко И. П., Шавров В. Ф. Теория и практика международного права США. М., 1985. С. 36.

22 Система ООН. Совет по опеке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/aboutun/booklet/tc.shtml> (дата обращения: 27.07.2017 г.).

Такая ситуация на международной арене не могла не отразиться на правоприменительной практике. Так, в решении Международного суда ООН от 30 июня 1995 г. по Восточному Тимору Суд пришел к выводу, что принцип права народов на самоопределение порождает обязательства *erga omnes* (с лат. «относительно всех») и является важнейшим принципом международного права²³. Аналогичный вывод содержится и в Консультативном заключении о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля 2004 г., который неоднократно подтверждался резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу, а также решениями других органов ООН. Совет по правам человека неоднократно подтверждал право палестинского народа на самоопределение, указывая при этом на императивность данной нормы в международном праве²⁴.

В то же время ни в одном из документов общего международного права нет никаких конкретных и четких критериев правомерности соответствующих притязаний, правомерности или неправомерности тех или иных действий, направленных на выход из состава государства той или иной его части, т. е. сепарации.

На этом фоне возникает еще один прецедент, которому суждено было существенно изменить общепринятые представления о возможности самоопределения народов отдельных политико-территориальных образований государств и, в частности, автономий. В 2008 г. Республика Косово приняла в одностороннем порядке Декларацию независимости, объявив себя суверенным государством и тем самым отделившись от Сербии. Решающую роль в изменении содержания принципа равноправия и самоопределения народов сыграло известное Консультативное заключение Международного суда по Косово²⁵.

Во-первых, Суд не усмотрел в декларации независимости Косова противоречий с применимыми специальными нормами международного права – резолюцией Совета безопасности ООН № 1244 от 10 июня 1999 года (что вызывает большие сомнения).

Во-вторых, Международный Суд ООН, ссылаясь в своем заключении на международно-правовую практику, сложившуюся в предыдущие периоды, пришел к выводу, что международное право не устанавливает никаких разрешительных, но одновременно также и никаких запретительных правил, касающихся вопросов сепарации или отделения. В этом смысле одностороннее провозглашение независимости не подпадает под международно-правовые нормы, а представляет собой только фактически данное обстоятельство.

Решение суда не давать толкования праву на самоопределение, а также критериям государственности можно считать способом избежать риска появления новых территорий, которые будут пытаться доказать свое право на создание собственных государств.

В настоящее время большинство специалистов в области международного права сводят принцип самоопределения народов только к внутреннему самоопределению (определение своего экономического, социального и культурного развития) в форме различного рода автономий²⁶. Однако невозможно игнорировать сложившуюся современную правопримени-

тельную практику. Образование Южного Судана, проведение референдума об отделении в Шотландии, желание Каталонии добиться независимости, признание независимости самопровозглашенной Республики Косово, а также Южной Осетии и Абхазии – далеко неполный перечень событий, связанных с проблемами самоопределения, каждое из которых развивалось по своему сценарию. Возникает проблема непризнанных государств в отсутствие в международном праве общепринятых критериев сепарации. В этих условиях в содержании принципа равноправия и самоопределения народов на первое место выходит именно проблема признания права на независимость за национальными меньшинствами и народами отдельных территорий уже существующих государств, причем не только уже имеющих, но и не имеющих даже основ своей государственности, в том числе в виде автономных образований. Однако предложение конкретных критериев правомерности соответствующих притязаний выходит за рамки настоящей статьи, и будет предметом следующей нашей публикации.

Приставленный библиографический список

1. Барсегов Ю. Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения // Нагорный Карабах. 1993. № 1.
2. Берлинский трактат // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952.
3. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918 – 2000. Том 2. Документы 1910 – 1940-х годов / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский Рабочий, 2000.
4. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О. А. Жидкова. Перевод О. А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993.
5. Brownlie I. Principles of public international law. Oxford: Oxford University Press, 2008.
6. Cassese A. Self-determination of people: A legal reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
7. Espiell G. The Right to Self-Determination // Implementation of United Nations Resolutions. N. UN Pub, 1980 (UN Sales E.79.XIX.5).
8. President Woodrow Wilson's 14 Points (1918). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=62> (дата обращения: 20.07.2017 г.).
9. Statehood and Self-Determination. Reconciling Tradition and Modernity in International Law / Edited by Duncan French. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
10. What the UN Can Do To Assist Non-Self Governing Territories. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/decolonization/pdf/What%20the%20UN%20can%20do.pdf> (дата обращения: 20.07.2017 г.).

23 Case concerning East Timor (Portugal v. Australia). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/84/6951.pdf> (дата обращения: 20.07.2017 г.).

24 Резолюция Совета по правам человека 7/17 от 27.03.2008 г. «Право палестинского народа на самоопределение». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_17.pdf (дата обращения: 20.07.2017 г.).

25 См. подробнее: Statehood and Self-Determination. Reconciling Tradition and Modernity in International Law / Edited by Duncan French. 2013.

26 См. подробнее: Международное право: Учебник для вузов / отв. ред. Игнатенко Г. В., Туннов О. И. М.: НОРМА, 2005; Стещенко Л.

А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X-XXI вв. М., 2002.

ВИКТОРОВА Элеонора Юрьевна

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России

ТЕОРИИ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА США НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА PEOPLE V LOPEZ 2003 ГОДА

В статье анализируется процесс принятия решения по вопросу толкования нормы уголовного права, проиллюстрированный на примере конкретного дела, принятого в 2003 году в штате Калифорния. Дается подробное описание пути выбора той или иной теории толкования норм уголовного права, логика такого выбора и результаты толкования с помощью разных теорий: на базе текста закона, на базе законодательного намерения и с помощью динамичной теории толкования. Также приведены общие сведения о состоянии уголовно-правового аспекта института толкования норм права в США.

Ключевые слова: США, толкование норм права, уголовное право США, теории толкования.

VIKTOROVA Eleonora Yurjevna

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

Викторова Э. Ю.

THEORIES OF INTERPRETATION OF THE US CRIMINAL LAW BY EXAMPLE OF PEOPLE V LOPEZ CASE OF 2003

The article analyzes a complex process of decision making regarding criminal law interpretation, illustrated by example of the case, resolved in California state in the year 2003. There is also a thorough description of the interpretation theory choice, evolving logic thereof, and the results of different theories implementation, whether it is based on the text of a legal act, based on parliamentary intention or with the help of a dynamic theory. General information on the criminal law aspects of the US interpretation institute of law are given as well.

Keywords: the USA, interpretation of law norms, the US criminal law, theories of interpretation.

Толкование уголовного права в США имеет ряд историко-правовых особенностей. Само понятие «преступления» как основного института этой отрасли права проделало длительный путь становления от судебных разъяснений по общему праву о каждом виде правонарушения к разветвленной законодательно обоснованной системе уголовных законов, принимаемых законодательными органами штатов, правоприменение которых обеспечено системой прокурорского надзора, а процесс толкования – судами. Каждый штат, федеральное законодательство и множество местных органов власти принимают уголовные законы, которые регулируют почти все аспекты публичного порядка, а также частной жизни граждан США. Если общее право разработало основу для регулирования весьма малого количества правонарушений, то законы вобрали в себя огромную массу уголовных кодексов как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, регулируя иногда очень узкие виды поведения, обстоятельств или сделок. Несмотря на то, что все уголовное право в США на сегодняшний день является статутным, корни определения преступлений по общему праву крайне важны до сих пор для понимания, как работает закон. Сегодня уже практически невозможно встретить преступление по общему праву, не инкорпорированное в закон, однако законодатели методично прописывают в текстах законов всю терминологию общего права по каждому преступлению¹. Важнейшим достижением статутного уголовного права США является принятие Модельного

уголовного кодекса США 1962 года, изначально подготовленного Американским институтом права, части которого были восприняты законодательствами многих штатов и в соответствии с которым суды часто толкуют уголовные законы при возникновении сомнений в смысле и значении текста закона². Толкование уголовного права – чрезвычайно строгий процесс в США, поскольку сомнению часто подвергается каждое слово в законе, как к примеру, в случае с преступлением убийства: «Убийство – это незаконное лишение жизни физического лица, совершенное со злым умыслом». Часто судей обвиняют в разном толковании одних и тех же слов в уголовных статутах, как это было в делах *Bryan v United States*³ и *Ratzlaf v United States*⁴, в которых суд толковал термин «намеренно» (willfully). В первом случае суд истолковал данный термин как означающий, что «обвиняемый действовал со злым умыслом, то есть с осознанием того, что он поступает противоправно» по делу о нарушении закона об огнестрельном оружии. Во втором же случае суд постановил, что «намеренное» нарушение обвиняемым норм законодательства о валютной отчетности требует доказательств, что обвиняемый знал о нарушении им конкретного закона, а не просто общего понимания с его стороны того, что он действует противоправно. Получается, что данный термин «многогранен»⁵, как было указано в деле *Bryan*, и что «его толкование зависит от контекста», что не добавляет

1 Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, "Criminal Law: Concepts and Practice", second edition, Carolina Academic Press, Durham, North Carolina, 2009. P. 52. Concepts and Practice", second edition, Carolina Academic Press, Durham, North Carolina, 2009. P. 52.

2 Gerard E. Lynch, Revising the Model Penal Code: Keeping it Real, 1 Ohio St. J. Crim. L. 219 (2003). LaFave, Substantive Criminal Law (2003), Larceny – Taking and Carrying Away, § 19.3. P. 74.

3 524 U.S. 184 (1997).

4 510 U.S. 135 (1994).

5 Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, "Criminal Law: Concepts and Practice", second edition, Carolina Academic Press, Durham, North Carolina, 2009. P. 52

правовой определенности и стабильности в столь важном вопросе как толкование текста уголовного закона. В связи с этим суды часто ссылаются на то, что толкование уголовного статута призвано отражать *намерение* законодателя, возводящего то или иное поведение в ранг противоправного и общественно опасного. На сегодняшний день существует два самых распространенных подхода к выявлению судами законодательного намерения в сфере уголовного права:

«Археологический» путь поиска намерения: значение толкуемого закона «уже заложено» в день принятия закона, и задача субъекта толкования заключается в том, чтобы раскрыть и восстановить это изначальное значение;

«Навигационный» путь поиска намерения: законодатель «строит своего рода корабль» закона, определяя его отправную точку и конечный пункт следования, однако процесс толкования этого закона – это «путешествие», в котором все факторы вокруг данного закона играют определенную роль⁶.

Таким образом, толкование уголовного права в США сводится, в первую очередь, к принятию судом решения о том, как толковать текст уголовного закона – узко или широко. Очевидно, что сторона защиты будет стремиться к узкому толкованию закона, чтобы освободить себя от ответственности, сторона обвинения, напротив, будет настаивать на более широком толковании текста уголовного закона.

Дело *People v Lopez*⁷ 2003 года касалось толкования термина «угон транспортного средства» (carjacking). Угон т/с в Уголовном кодексе Калифорнии (§ 215) означает «незаконное присвоение моторного транспортного средства». Схожим образом сформулировано и определение «грабежа» (§ 211) – как «незаконное присвоение чужого имущества». Суды Калифорнии, следуя нормам общего права, долгое время принимали решения о том, что критерий «присвоения» (felonious taking) в краже требует физического увоза вещи, украденной у жертвы преступления. Соответственно, возник вопрос – требуется ли выполнение данного критерия в преступлении угона? 1 июля 1999 года потерпевший (Wa Vue Yang) сидел в своем автомобиле-фургоне на парковочной стоянке, когда обвиняемый подошел к нему с предложением приобрести часы. Когда потерпевший отказался купить часы, обвиняемый достал оружие и выстрелил в землю. Далее он направил оружие на потерпевшего и потребовал выйти из автомобиля. Потерпевший выполнил данное требование, но оставил ключи в замке зажигания. Обвиняемый сел в автомобиль, бросив свой рюкзак на пассажирское сиденье. Однако потерпевший, вспомнив, что в фургоне остались важные для него чеки, вернулся к фургону, решив, что оружие обвиняемого было пневматическим. Обвиняемый два раза нажал курок в направлении потерпевшего, но оружие не сработало, после чего он выбежал из автомобиля, оставив свой рюкзак с документами, подтверждающими личность, в фургоне.

«Угон» в § 215 определяется как умышленное присвоение моторного транспортного средства, принадлежащего другому лицу, в присутствии как владельца, так и пассажира данного транспортного средства против их воли с намерением либо временно, либо безвозвратно лишить их такого владения с помощью средств силы или внушения страха. «Грабеж» в § 211 определяется как умышленное присвоение имущества другого лица в его присутствии против его воли с помощью средств силы или внушения страха. Вопрос разграничения этих двух

видов преступления был крайне важен в данном деле, поскольку наказание за угон было значительно строже, чем за грабеж такого типа (second degree). Обвиняемый настаивал на том, что должно применяться толкование фразы «незаконное присвоение» по аналогии с законом о грабеже, на что прокурор приводил довод о том, что законодатель ввел в систему права преступление угона специально, поскольку оно все же отличается от грабежа, хотя и имеет с ним ряд схожих элементов⁸. *Для толкования этих слов необходимо сначала внимательно взглянуть на текст статута, а при возникновении сомнений обратиться к законодательному намерению.*

Говоря только о текстуальном базисе этого дела следует отметить следующее. Статья 215 (подраздел (а)) предусматривает термин «присвоение» (taking) транспортного средства. Обвиняемый настаивал, что явный смысл слова «присвоение» требует доказательства перемещения такого транспортного средства. Однако такие термины как «перемещение», «увоз», «унос» имущества не фигурируют в тексте закона. Явный смысл слова «присвоение» не включает в себя обязательное условие перемещения украденного имущества. В комментариях к данному делу можно найти следующую точку зрения: «Присвоение (taking) как таковое имеет место тогда, когда злоумышленник устанавливает своего рода доминирование над имуществом, тогда как «увоз» имущества все же предполагает хотя бы небольшое перемещение его на другое место»⁹. Таким образом, используя текстуальный подход к толкованию фразы «felonious taking», невозможно сделать однозначный вывод, какой смысл пытался вложить в нее законодатель: являлась ли эта аналогия попыткой выделить особенности подвида преступления грабежа в виде угона и применить к нему схожее регулирование или же законодатель специально хотел обозначить угон от грабежа с применением у нему более высокой меры ответственности.

Итак, разграничение преступлений угона и грабежа непосредственно влияло в данном деле на меру ответственности, и поскольку текст закона не смог ответить на все поставленные вопросы, субъекты толкования прибегли к выяснению *законодательного намерения* по данному закону в штате Калифорния. Сам вид преступления «угона» был введен в законодательство в 1993 году. До принятия параграфа 215 Уголовного кодекса штата Калифорния, насильственный захват транспортного средства преследовался и квалифицировался как грабеж второй степени (second degree robbery). Изучение истории принятия нового вида преступления – угона – показало, что законодатель ставил перед собой весьма конкретную цель – защиту лиц, которые оказались в автомобиле во время угона: «*В настоящее время наблюдается значительный рост числа похищений при угонах автомобилей, также с использованием огнестрельного оружия. Этот факт сам по себе делает преступление угона более общественно опасным: если преступнику был нужен лишь автомобиль жертвы, он не стал бы подвергать себя риску пересечения с владельцем – что в результате приводит к убийству и нанесению тяжелых травм похищенным лицам. Поскольку в настоящее время не существует отдельного преступления угона, в большинстве случаев данное преступление сложно квалифицировать, так как не все из них подпадают под преступление грабежа (из-за невозможности доказать намерение обвиняемого лишить*

6 T. Alexander Aleinikoff, *Updating Statutory Interpretation*, 87 Mich. L. Rev. 20 (1988).

7 6 Cal. Rptr. 3d 432 (Cal. 2003).

8 Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, “Criminal Law: Concepts and Practice”, second edition, Carolina Academic Press, Durham, North Carolina, 2009. P. 52

9 La Fave, *Substantive Criminal Law* (2003), Larceny – Taking and Carrying Away, § 19.3. P. 74.

владельца автомобиля возможности пользоваться им навсегда – некоторые преступники используют угон как временную меру для достижения другой преступной цели»¹⁰. Таким образом, анализ истории принятия закона явно показывает, что угон был выделен в особую категорию преступления грабежа, потому что он являлся более общественно опасным преступлением, которое было сложно квалифицировать по статье грабежа из-за отсутствия всех необходимых элементов. Вследствие более тяжкого характера противоправного поведения при угоне и растущей тенденции в совершении именно этого типа преступлений законодатель также ввел более суровую меру наказания за его совершение по сравнению с грабежом. Прокурор по делу также вывел три основных отличия данных видов преступлений: 1) при угоне намерение преступника заключается в лишении права владения и пользования либо временно, либо навсегда, тогда как при грабеже возможен только второй вариант; 2) при грабеже насильственное изъятие вещи происходит только у владельца, тогда как угон может быть осуществлен и у пассажира автомобиля; 3) грабеж касается практически любой вещи, угон же можно реализовать только в отношении транспортного средства¹¹. Тем не менее, это дело особенно примечательно именно потому, что к нему был применен динамичный подход к толкованию текста закона: с учетом истории принятия закона, оценки всех обстоятельств вокруг цели принятого закона, субъекты толкования пришли к выводу, что так называемый «угон» в данном деле фургона потерпевшего – это все же особый подвид преступления грабежа. Об этом свидетельствует и явный смысл формулировки угона, в ней использованы те же слова, что и в статье о грабеже. Из данного дела можно сделать вывод о том, что если законодательство было уже истолковано в судебном порядке, и позже принимается закон, использующий те же формулировки, то используется презумпция, что законодатель имел намерение придать этим словам то же значение, которое было использовано в ранее истолкованном законодательстве, если прямо не указано иное. Более того, если термину, существовавшему в общем праве, не было дано иное значение в законе, то используется презумпция, что законодатель хотел сохранить значение термина именно по общему праву. В данном случае «незаконное присвоение» было использовано и в обоих законах, и в общем праве, что предполагает намерение законодателя придать этим словам одно и то же толкование в обоих статутах.

Пристатейный библиографический список

1. Assembly Comments on Public Safety, Analysis of Sen. Bill No. 60 (1993-1994 Reg. Sess.) July 13, 1993.
2. Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, "Criminal Law: Concepts and Practice", second edition, Carolina Academic Press, Durham, North Carolina, 2009.
3. Gerard E. Lynch, *Revising the Model Penal Code: Keeping it Real*, 1 Ohio St. J. Crim. L. 219 (2003).
4. La Fave, *Substantive Criminal Law* (2003), Larceny – Taking and Carrying Away, § 19.3.
5. T. Alexander Aleinikoff, *Updating Statutory Interpretation*, 87 Mich. L. Rev. 20 (1988).
6. William D. Popkin, "Statutes in Court. The History and Theory of Statutory Interpretation". Duke University Press, Durham, London, 1999.
7. William Eskridge, Jr., *Dynamic Statutory Interpretation*, 1994.
8. William Eskridge, Jr., Philip P. Frickey, Elizabeth Garrett, *Legislation and Statutory Interpretation*, Second Edition, Foundation Press, 2006.
9. William Eskridge, Jr., *Overriding Supreme Court Statutory Interpretation Decisions*, 1991.

10 Assembly Comments on Public Safety, Analysis of Sen. Bill No. 60 (1993-1994 Reg. Sess.) July 13, 1993. P. 1.

11 Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, "Criminal Law: Concepts and Practice", second edition, Carolina Academic Press, Durham, North Carolina, 2009. P. 52

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета

МИХАЛЕВА Анастасия Евгеньевна

стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Сибирского федерального университета

ЮРИДИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ*

В статье рассматривается вопрос о месте и роли экономических по своей природе инструментов в юридической деятельности. Авторы приходят к выводу о том, что юридико-экономические средства обеспечения субъективных прав представляют собой комплексные (состоящие из правового и финансово-денежного компонентов) механизмы универсального действия, применяемые в субсидиарном порядке по инициативе заинтересованного лица с целью минимизации потенциально возможных и (или) устранения наступивших последствий тех или иных дефектов в реализации правовых возможностей, не предполагающие создания дополнительных обременений для обязанного субъекта.

Ключевые слова: юридические средства, реализация субъективных прав, законные интересы, экономический анализ права.

PANCHENKO Vladislav Yuryevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Siberian Federal University

MIKHALEVA Anastasiya Evgenjevna

research intern of Theory of state and law sub-faculty of the Siberian Federal University

LEGAL AND ECONOMIC TOOLS IN THE MECHANISM OF SECURING SUBJECTIVE RIGHTS

The article analyzes the role and place of economic means in legal activity. The authors come to conclusion that legal and economic tools of securing subjective rights represent complex mechanisms (consisting of legal and financial components) with universal effect, which can be applied by interested persons in subsidiary way. Such means help minimize potential and (or) liquidate actual consequences of various defects in implementation of legal opportunities avoiding imposition of any additional burdens on the obliged subjects.

Keywords: legal tools, enjoyment of subjective rights, legitimate interests, economic analysis of law.

Панченко В. Ю.

Михалева А. Е.

Юридические механизмы правореализации, закрепленные международными правовыми документами и национальным законодательством, на практике не могут действовать в изоляции от иных сфер жизни общества, поскольку для нормального функционирования они нуждаются в соответствующих внешних условиях. Создание системы гарантий, предопределяющих надежность и привлекательность правового инструментария для потенциальных пользователей (субъектов уже существующих или будущих правоотношений), которые избирают для реализации своих замыслов те или иные средства с позиций максимального удобства в использовании и минимизации затрат и рисков, предотвращает ситуацию, когда юридические дозволения становятся невостребованными по причинам их декларативности (формальности).

Еще в преамбуле к Всеобщей декларации прав человека 1948 года отразилась важность идеи о том, чтобы каждый человек и каждый орган общества стремились содействовать не только уважению прав и свобод, но и их обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприя-

тий, всеобщего и эффективного признания и осуществления¹. Статьей 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года установлено, что государства-участники обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, соответствующие права и свободы², при этом в ряде своих постановлений Европейский суд по правам человека подчеркивал, что право, закрепленное на любом уровне правовой системы, должно соответствовать требованиям практичности и эффективности, а не быть лишь теоретически возможным и иллюзорным³. Аналогичные положения обна-

1 Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.03.2017 г.).

2 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 нояб. 1950 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 10.03.2017 г.).

3 См., напр.: *Artico v. Italy*, App no 6694/74 (ECtHR, 13 May 1980), § 33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57424> (дата обращения: 10.03.2017 г.); *McKay v. the United Kingdom*, App no 543/03 (ECtHR, 3 October 2006), § 47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77177> (дата обращения: 10.03.2017 г.).

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-33-01354.

руживаются во многих других источниках национального и международного права⁴, что является дополнительным свидетельством недостаточности одного лишь провозглашения юридического установлений и обуславливает необходимость принятия определенных мер к тому, чтобы сделать таковые воплощаемыми, объективируемыми, повисить на них спрос со стороны участников правовых взаимодействий, предопределяя значимость сформированности и работоспособности правообеспечительных механизмов.

Право, как отмечает В. М. Сырых, «возникает отнюдь не тогда, когда законодатель издаст свой закон, а одновременно с самим экономическим отношением в качестве его формы», которая «закрепляет правовые способы согласования, взаимопогашения противоречивых интересов субъектов обмена», в связи с чем «одного формально-догматического анализа действующего законодательства» в целях всестороннего и полного познания права далеко не достаточно: для этого необходимо учитывать и содержательную характеристику юридического инструментария⁵.

Принимая во внимание экономическую обусловленность правового регулирования, призванного оформлять отношения производства, распределения, обмена и потребления благ, представляется необходимым выделять среди правообеспечительных средств особую их разновидность – юридико-экономические правообеспечительные средства. Рассмотрим их существенные и отличительные признаки.

1. Юридико-экономические средства обеспечения субъективных прав имеют комплексный характер, проявляющийся в единстве двух неразрывно связанных между собой компонентов – правового и экономического.

В теории систем, как указывает А. С. Автономов, «среди системных принципов обычно выделяют <...> взаимозависимость системы и среды», при этом, по его мнению, «существенным признаком целостности является наличие у системы некоей внешней границы (отделяющей ее от среды), которая обусловлена функциональной выделенностью системы из среды, причем контакты со средой осуществляются избирательно, что позволяет обмениваться со средой веществом, энергией и информацией, не смешиваясь со средой и сохраняя качественную индивидуальность системы»⁶.

В связи с этим одним из критериев классификации систем является характер их взаимодействия с окружающей средой, на основании чего различаются закрытые системы, где «внешнее воздействие пренебрежительно мало или может быть сведено к нулю», и открытые системы, которые «активно обмениваются ресурсами с окружающей средой и другими системами», чье влияние «чрезвычайно велико»; при этом «любая реальная система является открытой, обменивается с окружающей средой ресурсами – веществом, энергией и

информацией»⁷, а «полная изоляция любой системы весьма условна в силу всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений и процессов в природе и обществе. Можно лишь условно считать, что доля взаимосвязей системы со средой пренебрежимо мала по сравнению с внутренними взаимосвязями системы»⁸.

Результативность использования юридико-экономических правообеспечительных средств, выступающих одним из видов юридических средств обеспечения субъективных прав, обязанностей и законных интересов, тесным образом связанных с общими условиями правореализации, предопределяется не юридической, а финансово-денежной составляющей механизма их действия, в отсутствие которой реальность такой гарантии, равно как и целесообразность обращения к ней могут быть разумно поставлены под сомнение.

Юридическая регламентация рассматриваемой группы средств отражает их признание со стороны государства, хотя и относительно отстраненного от вмешательства в дела частных лиц, но готового при необходимости подтвердить обоснованность обращения к тому или иному способу правообеспечения и дополнить его действие в пользу заинтересованного субъекта актами правоприменения.

При этом роль государства может быть и более значительной, что нельзя не учитывать при решении вопроса об эффективности того или иного юридико-экономического средства обеспечения прав граждан. В частности, если речь идет не о превентивных средствах, пределы и содержание которых заранее согласовываются вступающими во взаимодействие субъектами, а о компенсационных юридико-экономических механизмах, то необходимая и достаточная мера обеспечительного воздействия последних, остается на усмотрение уполномоченного лица, дающего оценку конкретной правовой ситуации. Например, согласно статье 151 ГК РФ, размер компенсации морального вреда определяется судом, учитывающим степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Комплексный характер юридико-экономических средств обусловлен и самой сущностью феномена обеспечения как такового, предполагающего привлечение для поддержания нормального осуществления основной деятельности определенных ресурсов «извне», лежащих за рамками данной системы, поскольку «обменные процессы с окружающей средой выступают важнейшим фактором развития открытой системы и определяют характер ее поведения», «поступающие в нее ресурсы идут на жизнеобеспечение системы, ее самоупорядочение, развитие и поддержание устойчивости»⁹.

Неслучайно, например, с 70-х гг. XX века в науке начинает формироваться такой методологический подход, как экономический анализ права. Один из его основоположников, представитель Чикагской школы Р. А. Познер отмечал, что «о существовании связи между экономикой и правом известно уже на протяжении столетий, по крайней мере, начиная с семнадцатого века, когда появились первые труды Гоббса, посвященные вопросам собственности. В то же время еще совсем недав-

4 Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.03.2017 г.); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 10.03.2017 г.); и др.

5 См.: Сырых В. М. Материалистическая философия частного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 25, 26, 34.

6 См.: Автономов А. С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий: монография. М.: Инфограф, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/avtomov-a-s-pravovaya-ontologiya-politiki> (дата обращения: 10.03.2017 г.).

7 См.: Игнатова В. А. Концепции современного естествознания: учеб. пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/ignatova/07.php (дата обращения: 10.03.2017 г.).

8 См.: Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Справочник: учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой, А. А. Емельянова. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 205.

9 См.: Игнатова В. А. Указ соч.

него указанная взаимозависимость принималась во внимание только в отдельных сферах правового регулирования (преимущественно, антимонопольного)¹⁰. Однако «на сегодняшний момент экономический подход к анализу права применяется не только в Соединенных Штатах Америки, но и в Европе <...>, имея в своей основе два ключевых аспекта: позитивный (описательный) и нормативный. В рамках данной методологии предпринимаются попытки объяснить и предсказать поведение участников правоотношений, а также усовершенствовать правовое регулирование посредством указания на то, какие ненамеренные или нежелательные последствия влечет за собой или может повлечь реализация действующих законов и законопроектов, включая экономическую эффективность, перераспределение доходов и иных экономических благ»¹¹.

Тем самым, праву по объективным причинам было бы недостаточно собственно юридического инструментария для того, чтобы гарантировать фактическую осуществимость прав, обязанностей и законных интересов субъектов (свободное использование соответствующих юридических дозволений для достижения собственных индивидуально-определяемых целей). Закрепление прав и свобод человека и гражданина на уровне Конституции Российской Федерации, обладающей высшей юридической силой и прямым действием, является важной (и, по сути, максимально возможной – с точки зрения положения Конституции Российской Федерации в иерархии источников национального права) юридической гарантией, однако достаточно формальной и, без подключения рычагов экономического воздействия, во многом декларативной. Ведь «правовая система сама по себе – ее доктринальный, деятельностный и нормативный компоненты – находятся под существенным влиянием (чаще неявным, нежели открытым) стремления к повышению экономической эффективности»¹².

2. По отношению к правам, обязанностям и законным интересам субъектов правообеспечительные юридико-экономические средства субсидиарны (комплиментарны).

Правообеспечительные юридические средства имеют вообще производный (вторичный) от прав, обязанностей и законных интересов, опосредующих их существование и функционирование, характер.

Представляется немаловажным тот факт, что никакие финансовые преференции не способны в полной мере заменить собой исходные материальные и нематериальные блага, выступающие объектами тех или иных прав (личных, социально-экономических, политических, культурных и пр.).

Ключевой момент в действии правообеспечительных юридико-экономических средств состоит в том, что их реальное использование никогда не является самоцелью, а скорее выступает крайней мерой, запасным вариантом на случай возникновения в процессе юридически значимой деятельности какого-либо нежелательного дефекта (препятствия), исключающего воплощение правомерных устремлений заинтересованного лица (рассчитывавшего, например, на добросовестность контрагента, более благоприятное стечение объективных обстоятельств или ненаступление определенного события и пр.) в полном соответствии с его изначальными обоснованными ожиданиями.

Следовательно, тогда как потенциально возможное подключение правообеспечительных юридико-экономических средств в режиме превенции влияет на взаимодействия участников правоотношений в течение всего контактного периода, фактическое их применение допускается только в исключительных ситуациях, когда наличествует необходимость восполнить недостатки правореализации и (или) максимально нейтрализовать негативные последствия возникших затруднений.

Указанные варианты, однако, не должны рассматриваться в качестве альтернативы (эквивалентной замены) надлежащему развитию правовых взаимодействий и не предполагают отрицания самооценности нормального и предсказуемого протекания обменов юридически значимой деятельностью (т. к. бесспорной видится важность своевременности совершения действий каждым из участвующих субъектов, соблюдения при этом качественных и количественных характеристик получаемого продукта в соответствии с намеченными целевыми установками, а также с учетом законных интересов управомоченных лиц и пр.), что не может быть покрыто никакими вспомогательными механизмами, предназначенными лишь для минимизации внешне видимых отрицательных эффектов (при неизбежности негативного субъективного эмоционально-психологического «осадка»).

3. Юридико-экономические средства обеспечения субъективных прав отличаются универсальностью.

Юридико-экономические средства обеспечения субъективных прав значительным образом отличаются от иных видов юридических гарантий тем, что имеют наиболее широкую сферу воздействия, будучи пригодны для поддержания беспрепятственного использования практически всех разновидностей правовых возможностей. Указанное связано с тем, что экономическая составляющая рассматриваемой группы юридических средств обеспечения субъективных прав выражена в движении денежных средств (наличных и безналичных), перемещении финансовых инструментов от одного (обязанного) субъекта основного правоотношения к другому (управомоченному), а это, в свою очередь, свидетельствует о следующем.

Во-первых, «язык» экономической выгоды (выражающийся в свойственном человеку стремлении избежать напрасных издержек, неоправданных имущественных затрат) интуитивно понятен каждому, в силу чего использование финансовых стимулов является по общему правилу наиболее эффективным средством как предотвращения возможного нарушения прав и законных интересов, так и предупреждения повторного инцидента, если подобные действия все же были совершены.

Во-вторых, материальная гарантия, характеризующаяся исключительно количественными параметрами, наиболее реалистична и проста в действии, нежели любые иные варианты обеспечения права. Она однозначно приносит минимальное удовлетворение потерпевшим лицам, поскольку, не обладая качественной определенностью (не отличаясь по цвету, составу, форме подачи и т. п.), не зависит от индивидуальных предпочтений и имеет приблизительно равное значение для каждого (в отличие, например, от предусмотренного статьей 152 ГК РФ механизма защиты чести, достоинства, деловой репутации посредством опровержения, эффективность действия которого зависит от субъективной реакции на выбранные средствами массовой информации формулировки, совпадения или несовпадения предполагаемой гражданином и имевшей место по факту реакции общественности на опубликование соответствующего текста и других факторов), что позволяет по возможности исключить формирование вос-

10 Posner R. A. Values and Consequences: An Introduction to Economic Analysis of Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.law.uchicago.edu/files/files/53.Posner.Values_o.pdf (дата обращения: 10.03.2017).

11 Ibid.

12 Posner R. A. The Economic Approach to Law // Texas Law Review. 1975. № 53. P. 763.

приятия права в негативном образе как несправедливого и неэффективного инструмента и избежать последующего отказа лица от активности в юридической сфере.

В-третьих, зачастую нарушенное право не может быть восстановлено в полном объеме в силу своей специфики и невосполнимости его утраченного нормального состояния.

С одной стороны, если речь идет о правах, подлежащих имущественной оценке, то их обеспечение безусловно и безальтернативно лежит в плоскости экономики и предполагает задействование финансовых механизмов.

С другой – личные неимущественные права, которые, казалось бы, не могут быть выражены в денежном эквиваленте в силу нематериальности стоящих за ними благ, при отказе от юридико-экономических правообеспечительных средств в ситуациях противозаконного вмешательства в их беспрепятственную реализацию оставались бы без каких-либо гарантий вообще в силу тесной связанности с личностью и отсутствием хоть сколько-нибудь равных вариантов замещения.

Как отмечается в литературе, ключевая проблема любого правового механизма, предусматривающего финансовые выплаты в случаях причинения неимущественного вреда (нравственных и физических страданий, потери времени и т. д.), состоит в том, что подобного рода ущерб на самом деле не может быть компенсирован ни натуральным, ни денежным встречным предоставлением¹³.

Однако даже Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, устанавливающей международные стандарты прав человека, не придумано лучшего средства их обеспечения, чем присуждение «справедливой компенсации» потерпевшей стороне (статья 41), доказывать уместность и размер которой не требуется в силу сформулированной практикой Европейского суда по правам человека презумпции причинения нематериального вреда при любом факте нарушения гарантированных Конвенцией прав, подлежащего обязательному возмещению в определяемой судом сумме¹⁴.

4. Использование юридико-экономических средств обеспечения субъективных прав связано волей (инициативой) субъектов правореализации и (или) усмотрением субъектов правоприменения.

Юридико-экономические средства обеспечения прав основаны в своем действии на началах индивидуализма, установках персональной ответственности за осуществление собственных правовых возможностей и проявления деятельной активности при их использовании.

В отличие, например, от юридико-социальных правообеспечительных средств, функционирование которых опосредовано в первую очередь публичными интересами в выполнении органами государственной власти и местного самоуправления социальных обязательств по обеспечению каждому достойного уровня жизни и распространяется в равной степени на всех лиц (не определенных персонально), подпадающих под законодательно установленные категории нуждающихся в дополнительной поддержке, юридико-экономические механизмы приводятся в действие только по усмотрению конкретного управомоченного лица в соответствии с сознательно приня-

тым им решением. При этом следует исходить из предлагаемой сторонниками экономического подхода к анализу права посылки о том, что «субъекты правоотношений действуют рационально с целью максимального удовлетворения своих потребностей»¹⁵.

В этом проявляется диспозитивность, свойственная по природе рассматриваемым средствам за редким исключением. Эффективное использование юридико-экономического правообеспечительного инструментария требует анализа ситуации в перспективе, проявления достаточного уровня заботливости и осмотрительности для заведомого предвосхищения и (или) смягчения последствий возникновения каких-либо препятствий в процессе правореализации (так называемых транзакционных издержек, минимизация которых свидетельствует об экономической эффективности избранного правового инструментария¹⁶), грамотного управления финансово-правовыми и иными рисками, предполагающего правильный выбор необходимых и наиболее подходящих для этого средств с соблюдением условия их диверсификации, что на сегодняшний момент недостаточно развито в российской культуре правовой деятельности, как осуществляемой отдельными гражданами, так и в масштабах крупных проектов.

Указанное относится не только к превентивным, но и, безусловно, к компенсационным юридико-экономическим правообеспечительным средствам, обращение к которым также предполагает стратегическое мышление в части определения последовательности и порядка их вовлечения в процесс юридически значимой активности с расчетом правовых и экономических перспектив каждого из вариантов для выбора наиболее благоприятного пути (далеко не всегда определяемого по принципу «наименьшего сопротивления»).

5. Использование юридико-экономических средств обеспечения субъективных прав обусловлено законными интересами управомоченного лица.

Как уже отмечалось при характеристике иных признаков юридико-экономических правообеспечительных средств, их вид, способы и цели использования в правовой деятельности определяются усмотрением управомоченного лица. Само многообразие существующих разновидностей рассматриваемых инструментов предполагает возможность свободного выбора того из них, что наиболее удобен, привычен, доступен и пр. для обеспечения того или иного права с точки зрения обладающего им субъекта или, иными словами, максимальным образом соответствует его законным интересам, без учета которых «работа» юридико-экономических средств попросту немыслима.

Аналогично тому, как указывает А. С. Мордовец применительно к механизму социально-юридического обеспечения прав человека, движущей силой юридико-экономических средств обеспечения права являются интересы индивидов и их потребности. Однако такие интересы и потребности могут быть отнюдь не только «общественно полезными»¹⁷, но порой и иррациональными, импульсивными и пр., если соответствуют таким критериям, как:

– индивидуальная полезность с точки зрения конкретной личности для достижения субъективно значимых целей;

13 Altwicker-Hàmori S., Altwicker T., Peters A. Measuring Violations of Human Rights: An Empirical Analysis of Awards in Respect of Non-Pecuniary Damage under the European Convention on Human Rights. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mpil.de/files/pdf4/Quant_Human.Rights.pdf (дата обращения: 10.03.2017 г.).

14 См., напр.: Gridin v. Russia, App no 4171/04, (ЕCHR, 1 June 2006), § 20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75631> (дата обращения: 10.03.2017 г.).

15 Posner R. A. The Economic Approach to Law. Op. cit. P. 761.

16 Kovac M. Comparative Contract Law and Economics. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2011. P. 6.

17 Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. С. 85.

– общественная нейтральность с позиций социума (исключение вредного воздействия на публичные интересы).

В то же время упомянутые юридико-социальные средства подобных возможностей учета персональных интересов заинтересованных лиц, как правило, не предполагают. Так, например, при предоставлении гражданам другого жилого помещения по договору социального найма в связи со сносом дома не учитываются такие зачастую принципиальные для нормальной жизнедеятельности обстоятельства, как недостаточность количества в районе предлагаемого проживания детских образовательных учреждений или лечебных учреждений определенного профиля, отдаленность от центра населенного пункта, мест обучения или работы¹⁸ в силу иной (не юридико-экономической) природы такого правообеспечительного механизма.

Говоря о заинтересованности субъектов в самостоятельном выборе юридико-экономических средств обеспечения права, крайне важно помнить о ее вторичной природе – опосредованности интересом в надлежащей беспрепятственной реализации принадлежащего лицу прав, обязанностей и законных интересов и стоящих за ними материальных или нематериальных благ.

В отсутствие такого интереса нельзя говорить и о возможности применения юридико-экономических правообеспечительных средств. На это, в том числе, указывает и судебная практика: например, в одном из своих Постановлений Пленум Верховного суда Российской Федерации подчеркнул, что «в силу статьи 930 ГК РФ имущество может быть застраховано по договору страхования в пользу лица (страхователя, выгодоприобретателя), имеющего основанный на законе, ином правовом акте или договоре интерес в сохранении этого имущества. <...> Интерес в сохранении имущества по договору добровольного страхования состоит в его сохранении от негативных последствий, предусмотренных страховым случаем»¹⁹.

При этом, рассуждая об автономном характере интересов управомоченных субъектов, необходимо иметь в виду принципиально важные положения теории бихевиоральной (поведенческой) экономики. В частности, нельзя игнорировать те ситуации, когда отсутствие специальных познаний в определенной сфере приводит к тому, что осуществление корректного выбора средств, подходящих для обеспечения удовлетворения той или иной потребности, с точки зрения субъекта правовых взаимодействий весьма затруднительно. В данном случае на помощь как самим участникам правоотношений, так и государству, стремящемуся добиться развития культуры заблаговременной минимизации правовых и финансовых рисков, приходит использование потенциала так называемого «подталкивания» к определенному варианту поведения («to nudge» (англ.) – «направлять в определенную сторону», «слегка подталкивать локтем»). Один из разработчиков данной концепции, К. Р. Састейн, подчеркивает, что такие «толчки» («nudges») представляют собой вмешательства, направляющие людей в определенную сторону, но также оставляющие за ними возможность двигаться по своему собственному пути,

<...> полностью сохраняя свободу выбора» (например, напоминания, предупреждающие знаки, указатели и пр.)²⁰. При этом отдельные «подталкивания» срабатывают за счет того, что предоставляют гражданам необходимую информацию для самостоятельного принятия взвешенного решения, другие – делают выбор проще, тогда как в основе действия оставшихся лежит инерция (пассивность акторов) и прокрастинация (когда то или иное правило применяется «по умолчанию», если субъект правовой деятельности не выражает иного волеизъявления)²¹.

Следовательно, при исследовании системы юридико-экономических средств обеспечения субъективных прав и предложении мер по повышению их удобства и востребованности среди населения как органы формирования правовой политики, так и профессиональные участники рынка (страховщики, кредитными организациями и пр.) должны учитывать не только самостоятельность и неоднородность интересов и потребностей граждан, стоящих за обращением к тому или иному правообеспечительному инструментарию, но и требование бихевиоральной экономики о конструировании соответствующей «архитектуры выбора»²², т. е. создания всех необходимых предпосылок популяризации таких механизмов за счет упрощения бюрократических процедур, предоставления полной и доступной информации, формирования более эргономичной инфраструктуры и пр.

6. Правообеспечительные юридико-экономические средства не создают дополнительных обременений для обязанных субъектов.

Отличительной особенностью юридико-экономических правообеспечительных средств выступает их некарательный характер, т. е. направленность не на воспрепятствование противоправной деятельности, но на создание наиболее выгодных и комфортных условий для правомерной активности.

Механизм действия юридико-экономических правообеспечительных средств направлен на прагматичное восстановление нарушенного баланса интересов и не преследует целей поддержания морально-нравственного облика субъектов правовых взаимодействий, в полной мере подчиняясь объективными законам развития рыночных отношений.

Следует учитывать, что нередко одни и те же правовые инструменты могут облекаться в различные формы. Так, неустойка, взыскиваемая сверх убытков (штрафная), представляет собой самостоятельную меру гражданско-правовой ответственности, в то время как зачетная, исключительная и альтернативная разновидности неустойки функционируют именно как юридико-экономические средства обеспечения прав граждан.

7. В деятельности субъектов права для достижения их правовых целей юридико-экономические средства должны обладать таким свойством, как реализуемость.

Любое юридико-экономическое средство должно, в первую очередь, иметь механизм, позволяющий получить ожидаемый полезный эффект: с одной стороны, правовой – обеспеченность со стороны государства в случае возникновения препятствий в его практическом применении, с другой – финансовый, предопределенный организационными мерами (что особенно актуально для юридико-экономических средств обеспечения публичных прав,

18 Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции: утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 29 апр. 2014 г. // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2014. № 7.

19 О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2013. № 8.

20 Sustain C. R. Nudging and Choice Architecture: Ethical Considerations // Harvard Law School. Discussion Paper. 2015. № 809. P. 7-8.

21 Sustain C. R. The Ethics of Nudging // Yale Journal on Regulation. 2015. Vol. 32. P. 417-418.

22 Ibid.

обязанностей и законных интересов, порядок функционирования которых устанавливается бюджетным законодательством).

Во-вторых, юридико-экономические средства должны быть востребованы со стороны субъектов права и достаточно активно использоваться в правовой деятельности, находясь в этом смысле в плоскости, как указывает В. М. Сырых, «действительного права», воплощенного в наличное бытие, общественную практику в системе конкретных правоотношений²³, что требует также соответствия этих средств как интересам участников (в первую очередь) гражданского оборота, так и экономическим закономерностям, чем обуславливается их целесообразность и необходимость для эффективности и устойчивости складывающихся правовых взаимодействий («пригодность для достижения правовых целей»²⁴).

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отметим, что юридико-экономические средства обеспечения прав, обязанностей и законных интересов представляют собой комплексные (состоящие из правового и финансово-денежного компонентов) инструменты и технологии универсального действия, применяемые в субсидиарном порядке по инициативе заинтересованного лица с целью минимизации потенциально возможных и (или) устранения наступивших последствий тех или иных дефектов реализации правовых возможностей, не предполагающие создания дополнительных обременений для обязанного субъекта.

Пристатейный библиографический список

1. Автономов А. С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий: монография. – М.: Инфограф, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/avtonomov-a-s-pravovaya-ontologiya-politiki> (дата обращения: 10.03.2017 г.).
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек.1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.03.2017 г.).
3. Игнатова В. А. Концепции современного естествознания: учеб. пособие. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. [Электронный ресурс]. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/ignatova/07.php (дата обращения: 10.03.2017 г.).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 нояб. 1950 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 10.03.2017 г.).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.03.2017 г.).
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI)

Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 10.03.2017 г.).

7. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1996.
8. О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2013. – № 8.
9. Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции: утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 29 апр. 2014 г. // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2014. – № 7.
10. Сырых В. М. Материалистическая философия частного права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014.
11. Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Справочник: учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой, А. А. Емельянова. – М.: Финансы и статистика, 2006.
12. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права: монография. – М.: Статут, 2013. [Электронный ресурс]. – <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2017 г.).
13. Altwickler-Hamori S., Altwickler T., Peters A. Measuring Violations of Human Rights: An Empirical Analysis of Awards in Respect of Non-Pecuniary Damage under the European Convention on Human Rights. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mpil.de/files/pdf4/Quant_Human.Rights.pdf (дата обращения: 10.03.2017 г.).
14. *Artico v. Italy*, App no 6694/74 (ECtHR, 13 May 1980), § 33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57424> (дата обращения: 10.03.2017 г.).
15. *Gridin v. Russia*, App no 4171/04, (ECtHR, 1 June 2006), § 20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75631> (дата обращения: 10.03.2017 г.).
16. Kovac M *Comparative Contract Law and Economics*. – Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2011.
17. *McKay v. the United Kingdom*, App no 543/03 (ECtHR, 3 October 2006), § 47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77177> (дата обращения: 10.03.2017 г.).
18. Posner R. A. *The Economic Approach to Law* // *Texas Law Review*. – 1975. – № 53.
19. Posner R. A. *Values and Consequences: An Introduction to Economic Analysis of Law*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.law.uchicago.edu/files/files/53.Posner.Values_0.pdf (дата обращения: 10.03.2017 г.).
20. Sustain C. R. *Nudging and Choice Architecture: Ethical Considerations* // *Harvard Law School. Discussion Paper*. – 2015. – № 809.
21. Sustain C. R. *The Ethics of Nudging* // *Yale Journal on Regulation*. – 2015. – Vol. 32.

23 См.: Сырых В. М. Указ. соч. С. 44-45.

24 См.: Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. [Электронный ресурс]. – <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2017 г.).

ПЕТРОВ Дмитрий Евгеньевич

доктор юридических наук, директор Межрегионального юридического института Саратовской государственной юридической академии

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СТРУКТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В статье рассмотрены некоторые аспекты влияния процесса международно-правовой интеграции на структурное содержание экологического права. Обозначены основные принципы международного экологического права, выступающие основой интеграции как формы международного взаимодействия. Особое внимание уделено принципу международного сотрудничества, который является одновременно и структурным элементом специальной части экологического права.

Ключевые слова: глобализация, международно-правовая интеграция, специальная часть экологического права, международное право окружающей среды.

PETROV Dmitriy Evgenyevich

Ph.D. in Law, Director of Interregional Law Institute of the Saratov State Law Academy

INFLUENCE OF THE INTERNATIONAL LEGAL INTEGRATION ON THE STRUCTURAL CONTENT OF ENVIRONMENTAL LAW

The article considers some aspects of the influence of the process of international legal integration on the structural content of environmental law. The main principles of international environmental law, which are the basis of integration as a form of international interaction, are identified. Particular attention is paid to the principle of international cooperation, which is also a structural element of a special part of environmental law.

Keywords: globalization, international legal integration, special part of environmental law, international environmental law.

Петров Д. Е.

Влияние глобализации на российское право и его международно-правовая интеграция – значимая проблема юридической науки. Процесс этот сложный, противоречивый, обусловлен политической и экономической интеграцией нашей страны в мировое сообщество, связан с ревизией правовых ценностей и режима государственного управления, когда все основополагающие решения, в том числе касающиеся развития системы права, принимались исключительно на внутригосударственном уровне без учета международно-правовых тенденций, а нередко и вопреки им. И тем не менее процесс глобализации правового регулирования и международной интеграции российского права не просто запущен, он необратим, поскольку объективно отражает взаимозависимость Российской Федерации и мирового сообщества.

Правовой основой осуществления интеграции как формы международного взаимодействия во всех сферах являются общепризнанные принципы международного права¹. Руководствуясь положениями ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций 1945 г.², ученые формулируют следующие принципы осуществления международной правовой интеграции:

- принцип суверенного равенства всех государств;
- принцип разрешения международных споров мирными средствами;

принцип неприменения силы, угрозы ее применения и других способов оказания давления на субъектов интеграции со стороны наиболее развитых государств;

принцип осуществления правовой интеграции на основе согласования интересов всех ее субъектов;

принцип учета национальной специфики взаимодействующих правовых систем;

принцип добросовестного выполнения государствами своих обязательств по обеспечению эффективного взаимодействия международного и внутригосударственного права;

принцип ответственности государств за нарушение своих обязательств и необеспечение бесконфликтного взаимодействия в рамках «правового поля».

В сфере сохранения окружающей среды, минимизации неблагоприятных воздействий на природу особенно явно прослеживается процесс влияния глобализации и международной интеграции, а именно, это выражается в развитии специальной части экологического права. По сложившемуся мнению, специальная часть экологического права включает международное право окружающей среды (далее – МПОС) и экологическое право зарубежных стран. Структурно (с учетом содержания МПОС) специальная часть экологического права включает в себя структурные элементы: общие вопросы; международно-правовая охрана отдельных компонентов природной среды; международное сотрудничество в области охраны окружающей среды; экологическое право зарубежных государств. Структурный элемент «международное сотрудничество в области охраны окружающей среды» выполняет двойную роль в науке экологического права: с одной стороны, это самостоятельная часть МПОС, включающая в себя элементы: 1) география; 2) субъекты; 3) правовая основа; 4) политика

1 См.: Кулапов В. Л., Потапенко Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции. М., 2011. С. 149–150; Хижняк В. С. Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы. Саратов, 2002. С. 192.

2 Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

(основные направления); 5) переговорный процесс; 6) эффективность³. И именно изменение содержания этой части МПОС свидетельствует о позитивном (негативном) влиянии международной интеграции.

С другой стороны, международное сотрудничество в области охраны окружающей среды выступает организационной основой международной правовой интеграции в экологической сфере⁴ и, вместе с тем, принципом, на основе которого осуществляется международная интеграция. Развитие международного сотрудничества в решении глобальных экологических проблем и применении международных стандартов в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности является одним из принципов, на которых строится реализация Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г⁵. Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации в области охраны окружающей среды⁶.

В Декларации Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. принцип международного сотрудничества имеет следующее содержание: «... Сотрудничество, основанное на многосторонних и двусторонних соглашениях или на другой соответствующей основе, крайне важно для организации эффективного контроля, предотвращения, уменьшения и устранения отрицательного воздействия на окружающую среду, связанного с деятельностью, проводимой во всех сферах, и это сотрудничество следует организовать таким образом, чтобы в должной мере учитывались суверенные интересы всех государств» (Принцип 24)⁷. Развитие этот принцип, с учетом экологической составляющей, получил в принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. Декларации по окружающей среде и развитию: «Государства сотрудничают в духе глобального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления чистоты и целостности экосистемы Земли...» (Принцип 7)⁸.

Однако глобальное международное сотрудничество в сфере охраны окружающей среды и международно-правовая интеграция не должно противопоставляться внутригосударственным мерам в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды⁹. И, несмотря на углубляющуюся взаимосвязь международного и внутригосударственного экологического права, должна сохраняться гарантия государствам на основе своего суверенитета формировать по собствен-

ному усмотрению экологическое законодательство, сохранять национальную правовую самобытность. Необходимость обсуждения этого вопроса в контексте влияния международной интеграции на структуру российского экологического права связана с отсутствием единого мнения в юридической науке по вопросу соотношения международного и национального права. Наука международного права в вопросе соотношения международного и национального права выработала три основных направления: дуалистическое и два монистических. Представители дуалистического направления рассматривали международное и национальное право как самостоятельные правовые системы, относящиеся к различным правовым порядкам, не находящиеся в соподчиненности¹⁰. Суть монистических концепций состоит в признании единства правовых систем. Международное и внутригосударственное право рассматриваются как части единой правовой системы. Сторонники одного монистического направления исходят из примата внутригосударственного права. Представители другого монистического направления отдают приоритет международному праву. А. И. Зыбайло отмечает, что сегодня широко признается возможность и реальное участие международно-правовых норм в регулировании определенных внутригосударственных правоотношений, во внутригосударственном правоприменении, что примат международного права выступает одной из правовых гарантий обеспечения мира, нормального сотрудничества между государствами¹¹.

Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора¹².

Перечень принципов международного экологического права неофициально закреплен в Проекте Международного пакта по окружающей среде и развитию, который выделил среди принципов-норм следующие¹³: обеспечение соблюдения конституционных экологических прав человека; недопустимость нанесения трансграничного ущерба окружающей среде; экологически обоснованное рациональное использование природных ресурсов; предосторожность, или предосторожный подход; недопустимость радиоактивного заражения окружающей среды; защита экологических систем Мирового океана; запрет военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду; обеспечение экологической безопасности; международно-правовая ответственность государств за ущерб, причиненный окружающей среде. Интересным представляется перечень принципов международного экологического права, выделенных Е. А. Высторобцем в качестве мета-принципов: принцип охраны окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколе-

3 См.: Высторобец Е. А. Экологическое право. Мотивации в международном сотрудничестве. М.: Наука, 2006. С. 37.

4 Голиченков А. К. Основы интеграции правового регулирования экологических отношений: реалии и перспективы // Экологическое право. 2012. № 4. С. 32 - 36.

5 Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Президентом РФ 30.04.2012 // СПС КонсультантПлюс.

6 Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

7 Стокгольмская декларация ООН от 16 июня 1972 г. // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 682 - 687.

8 Декларация по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июня 1992 г.) // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 687 - 692.

9 Международное экологическое право: учебник / Т. Г. Авдеева, А. И. Алиев, Р. Р. Амирова и др.; отв. ред. Р. М. Валеев. М.: Статут, 2012.

10 Зыбайло А. И. К вопросу о соотношении международного и национального права (теоретические аспекты) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3. С. 98.

11 См.: Зыбайло А. И. Указ. соч.

12 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014, № 31, ст. 4398.

13 Подробнее см: Международное экологическое право: учебник / Т. Г. Авдеева, А. И. Алиев, Р. Р. Амирова и др.; отв. ред. Р. М. Валеев. М.: Статут, 2012.

ний; принцип ответственности за трансграничное нанесение ущерба; принцип принятия предупредительных мер; принцип устойчивого развития; принцип «загрязнитель платит»; принцип предосторожности. Именно эти принципы были положены автором в основу методики определения экологичности конституций стран мира¹⁴. Представляется, что в рамках настоящей работы также есть необходимость определения статей Конституции России, развивающих принципы международного экологического права, а значит, способствующих международно-правовой интеграции в сфере экологии.

Анализ содержания основных принципов международного экологического права и содержания норм Конституции России, позволяет назвать следующие нормы Конституции РФ, отражающие названные принципы международного экологического права: земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9 ч. 1); граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю; владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ст. 36); в Российской Федерации поощряется деятельность, способствующая экологическому благополучию (ст. 41); каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42); каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58); в ведении Российской Федерации находятся: федеральная государственная собственность и управление ею; установление основ федеральной политики и федеральные программы в области экологического развития Российской Федерации; определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации (ст. 71).

Кроме конституционных норм, содержание международных принципов, являющихся основой интеграции, отражено в экологическом и природоресурсном законодательстве: ст. 2 Федерального закона «Об охране окружающей среды»; ст. 36 Федерального закона «Об экологической экспертизе»; ст. 12 Федерального закона «О животном мире» и др. Особенно важно отметить, учитывая процесс международной интеграции, что в отдельных природоресурсных отраслях не просто отражается содержание принципов международного экологического права, но и закреплён приоритет международного права перед национальным. Например, в ст. 12 Федерального закона «О животном мире» среди основных принципов в области охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания назван «приоритет международного права в области использования и охраны животного мира, охраны и восстановления среды его обитания».

Анализ положений государственной экологической политики России позволяет назвать несколько перспективных направлений в развитии экологического права, которые должны развиваться с учетом международной интеграции, а именно гармонизации законодательства Российской Федерации об

охране окружающей среды с международным экологическим правом: гармонизация процедуры оценки воздействия на окружающую среду, создание нормативно-правовой базы для стратегической экологической оценки, применение «зеленых» стандартов, внедрение международных экологических стандартов, систем подтверждения соответствия экологическим требованиям, приведение их в соответствие с международными системами. В связи с этим необходима активизация научных исследований, направленных на всестороннее изучение зарубежного экологического законодательства в целях учёта имеющегося в других странах положительного опыта¹⁵.

Исходя из того, что с глобальных позиций интеграция права – это качественное изменение правовой системы государства, которое использует опыт зарубежных правовых систем, при этом сохраняя преемственность в своем правовом развитии, можем заключить, что в сфере экологических отношений процесс международной интеграции необходим, и его результаты позволяют экологическому праву наиболее эффективно выполнять свое назначение.

Пристатейный библиографический список

1. Высторобец Е. А. Экологическое право. Мотивации в международном сотрудничестве. М.: Наука, 2006.
2. Голиченков А. К. Основы интеграции правового регулирования экологических отношений: реалии и перспективы // Экологическое право. 2012. № 4.
3. Зыбайло А. И. К вопросу о соотношении международного и национального права (теоретические аспекты) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3.
4. Кулапов В. Л., Потапенко Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции. М., 2011.
5. Международное экологическое право: учебник / Т. Г. Авдеева, А. И. Алиев, Р. Р. Амирова и др.; отв. ред. Р. М. Валеев. М.: Статут, 2012.
6. Экологические положения конституций: сборник / Под ред. Е. А. Высторобца. М.-Уфа: МИРМП ОС, Центр интерэкоправа ЕвразНИИПП, 2012.
7. Экологическое право Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. проф. Ю. Е. Винокурова. М.: МНЕПУ, 1999.

14 См.: Экологические положения конституций: сборник / Под ред. Е. А. Высторобца. М.-Уфа: МИРМП ОС, Центр интерэкоправа ЕвразНИИПП, 2012. С. 356-359.

15 Экологическое право Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. проф. Ю. Е. Винокурова. М.: МНЕПУ, 1997. С. 348; 2-е изд. перераб. и доп. М.: МНЕПУ, 1999.

БЕЛОУСОВ Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРИНЦИПОВ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты, связанные с глобализацией и интеграцией международных принципов охраны окружающей среды в национальное законодательство. Обозначен процесс формирования особых правовых комплексов, связанных с процессом интеграции; приведена классификация принципов международного экологического права (права окружающей среды); названы причины дисбаланса международного права и системы национального законодательства; представлены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, дисбаланс, принципы международного экологического права, международно-правовое регулирование.

BELOUSOV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Theory of state and law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

GLOBALIZATION AND INTEGRATION OF INTERNATIONAL PRINCIPLES OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: THEORETICAL ASPECT

The article discusses some theoretical aspects related to the globalization and integration of international principles of environmental protection into national legislation. Outlines the process of the formation of a special legal complexes associated with the integration process; a classification of principles of international environmental law (environmental law); the causes of the imbalance of international law and of national legislation; presents solutions to these problems.

Keywords: globalization, integration, imbalances, principles of international environmental law, international legal regulation.

Белоусов С. А.

В последние десятилетия все мировое сообщество вовлечено в процессы глобализации, которые все больше охватывают не только сферу экономики и капитала, но и всю сложнейшую систему взаимосвязей, возникающих в современном мире между субъектами международного права, включая политику, культуру, социальную сферу, охрану окружающей среды и др. В результате процессов глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Именно глобализация чаще всего характеризуется таким признаком, как многофакторность этого явления и процесса. Среди условий, качественно определяющих глобализацию, выделяются: производственно-технический, научно-технологический, экономический, информационный, социальный, политический, экологический и иные факторы.

С термином «глобализация» достаточно тесно связан термин «интеграция», означающий процесс объединения элементов в новую целостность. Связи при таком объединении превращаются в крайнюю необходимость, объект, являющийся органической частью другого целого, с этого момента не может функционировать без такового. Суть интеграции сводится к созданию взаимовыгодных условий существования субъектов обозначенного процесса и самому вписываемому элементу и другим элементам системной надстройки.

И глобализация, и интеграция как процессы исторического развития, постоянно взаимодействуют друг с другом, обеспечивают общественно-политический прогресс. Близкие по значению рассматриваемых процессов эти понятия все же неоднозначны, на что хотелось бы обратить более пристальное внимание. Глобализация – это следующая стадия интернационализации на том историческом витке, когда она приобрела всеобъемлющий масштаб. Международная интеграция – вы-

сочайшая степень интернационализации, когда нарастающая по всем показателям взаимозависимость двух или более стран перерастает во взаимопроникновение национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирует целостное рыночное пространство с единой валютно-финансовой системой, единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри внешнеэкономической политики соответствующих государств¹.

Формирования унифицированной системы взаимоотношений усиливает мировые интеграционные процессы. Они пронизывают все сферы человеческого бытия и можно уже сегодня говорить о политической, социальной, экономической, экологической, образовательной, научной и иной интеграции.

В результате интеграционных процессов происходит постепенное образование межгосударственного экономически и политически единого, целостного пространства, институционально-структурированного, которое становится самостоятельным субъектом, вступающим в международные различные отношения². Последствиями такой интеграции могут являться: смещение жизненного национального уклада; создание единой площадки деятельности интегрированных субъектов; формирование межгосударственных организаций и иных субъектов интеграционного общения; межгосударственное согласование внешней и внутренней политики отдельных, ранее разрозненных государств; законодательное закрепление систе-

1 Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rushkolnik.ru> (дата обращения: 10.07.2017 г.).

2 См.: Ефремова Н. А. Международная экономическая интеграция государств в эпоху глобализации // Юриспруденция. 2010. Вып. № 3.

мы международных, в том числе экологических, ограничений и т.д.

Осознание на мировом уровне того факта, что процессы глобализации и интеграции являются неизбежными и быстро развивающимися, способствует формированию определенных новых категорий, отражающих новейшие явления и в правовой действительности. Система права является основным образующим фактором, влияющим на систему законодательства и обуславливающим ее горизонтальное строение. В системе права идет процесс интенсивного формирования особых правовых комплексов, которые теоретически обозначаются как интегрированные, глобальные отрасли права. Среди них выделяют три группы:

1) сформировавшиеся, общепризнанные отрасли права (экологическое право, информационное право, гуманитарное право и др.);

2) интенсивно формирующиеся отрасли права (право мира, право безопасности, миграционное право, право устойчивого развития и др.);

3) обозначившие общие контуры своего развития и тяготеющие к дальнейшей универсализации отрасли права (экономическое право, социальное право и др.)³.

Вслед за возникновением таких отраслей права появляются и соответствующие им отрасли законодательства, которые охватывают нормы международного и национального права и определяют направленность развития законодательства России⁴.

Одной из динамично развивающихся отраслей российского и международного права является, несомненно, экологическое право или, другим равнозначным термином, право окружающей среды. Источники экологического права многообразны и многочисленны, однако здесь хотелось бы затронуть только определенные общепризнанные принципы и нормы международного права, выполняющие эту почетную роль. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Это в полной мере относится и к международному праву окружающей среды. Принципы – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни, ее тенденции и потребности⁵.

Принципы международного права – это руководящие правила поведения субъектов, возникающие как результат общественной практики; юридически закрепленные начала международного права; являются выражением долгосрочной и утвердившейся практики международных отношений в этой сфере.

Основные принципы международного права закреплены в Уставе ООН, а конкретизированы и дополнены в ряде дру-

гих международно-правовых актов: Декларации о принципах международного права (1970 г.), Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, содержащейся в Заключительном акте Сопредседателя по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.; Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.), Международных пактах о правах человека (1966 г.). Формулирование принципов международного экологического права продолжила Всемирная хартия природы, которая была одобрена Генеральной Ассамблеей ООН и провозглашена в резолюции от 28 октября 1982 г.

Одной из основных классификаций принципов международного экологического права (права окружающей среды) является их подразделение на общепризнанные и специальные принципы. Выделяют также и «промежуточную» группу принципов – принципы международного (преимущественно обычного) права, имеющие природоохранительное значение⁶.

Значительную роль в регулировании природоохранных отношений международного уровня играет Стокгольмская декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г., и именно в ней зафиксировано большинство из этих принципов. Значительную часть признанных международным сообществом экологических принципов содержат международные конвенции по морскому праву, о биологическом разнообразии, о доступе к правосудию по экологическим делам и к экологической информации, о сохранении озонового слоя атмосферы Земли, о предупреждении трансграничных загрязнений, об охране водно-болотных угодий, об охране белых медведей, об охране уссурийского тигра, иных редких или находящихся под угрозой исчезновения организмов, мест их обитания, других природных ресурсов и объектов⁷.

Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» и Экологическая доктрина РФ, одобренная Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г., содержательно сконцентрировали основные принципы международного экологического права (права окружающей среды) и основные требования национального законодательства. Взаимодействие и взаимопроникновение международных рекомендаций и национальных законодательств в экологической сфере представляет собой двусторонний процесс, в котором у нашей страны есть определенные достижения и новеллы, воплощенные в собственном законодательстве. Однако следующей теоретической и практической проблемой становятся учет, внедрение и исполнение международных требований на территории страны⁸.

Система российского экологического законодательства находится в стадии становления и постоянного реформирования, поэтому имплементация в нее международных принципов представляет собой процесс сложный и многообразный. Неполнота положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также неоднозначность и декларативность соответствующих формулировок в экологическом законодательстве затрудняют

3 См. об этом подробнее: Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 405-406.

4 См.: Умнова И. А. Отрасли права нового поколения в условиях глобализации права и усиления взаимодействия международного публичного и конституционного права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 1 (32). С. 16-29.

5 См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1989.

6 См.: Колбасов О. С. Конференция ООН по окружающей среде и развитию // Государство и право. 1992. № 11; Чичварин В. А. Охрана природы и международные отношения. М., 1970; Балашенко С. А., Макарова Т. И. Международно-правовая охрана окружающей среды и права человека. Минск, 1999.

7 См.: Высторобец Е. А. Экологическое право. Мотивации в международном сотрудничестве. М., 2008; Копылов М. Н. К вопросу об эффективности норм «мягкого» экологического права // Экологическое право. 2006. № 6.

8 См.: Боголюбов С. А. Правотворчество в сфере экологии: монография. М.: Эксмо, 2010.

выделение условий включения общепризнанных принципов международного права в российскую правовую систему.

Дисбаланс международного права и системы национального законодательства, как правило, выражается в следующих формах или их комбинациях:

- несоблюдение международными организациями и государствами общепринятых принципов международного права;
- коллизии между национальным законодательством или его частью с международными стандартами;
- противоречия между внутригосударственным правом и актами межгосударственных объединений;
- принятие внутригосударственных нормативных правовых актов вопреки нормам международного права;
- расхождения между официальным нормативным толкованием международно-правовых норм и норм национального законодательства;
- игнорирование критерия конституционности в ходе заключения и введения в действие новых международных договоров;
- коллизии между государственными, межправительственными и межведомственными договорами;
- отсутствие нормативных правовых актов в национальном законодательстве, предусматривающих механизм исполнения международных обязательств и конкретизирующих их⁹.

Инструментами достижения баланса между международным и национальным законодательством в числе других могут стать унификация терминологии международного права и национальной системы законодательства; разработка института недействительности международного договора в случае его противоречия общепризнанным принципам и нормам международного права; систематизация коллизионных норм как в международном, так и в национальном законодательстве; формирование долгосрочной стратегии достижения баланса международного права и российского законодательства в рамках международной договорной политики России.

Одной из основных проблем и противоречий взаимодействия международного и национального экологического права остается сочетание принципов необходимости глобальной охраны окружающей среды, всеобщего рационального использования природных ресурсов и обеспечения суверенитета, целостности и устойчивого развития отдельных государств. Национальное российское право активно воздействует на принципы международного экологического права, которые осуществляются во внутригосударственной сфере. Они служат фундаментом правового регулирования общественных экологических отношений в самом государстве, одновременно находят свое отражение в конкретных правовых нормах и остаются на международном уровне.

Все возрастающая необходимость охраны окружающей среды актуализирует проблему пересмотра соответствующих договоров и соглашений в плане создания организационных механизмов, наделенных компетенцией по осуществлению международного управления. Процесс международно-правового регулирования экологических отношений становится органической частью управления международными отношениями. Понимание сущности и повышение эффективности организации такого процесса требуют глубокого научного исследования. Эффективно и результативно налаженный эколого-правовой процесс позволит воплотить в реальной дей-

ствительности принцип устойчивого развития (устойчивое и берегательное природопользование), реализовать различные подходы в конкретной ситуации в определенной стране или группе стран, найти уникальные решения, максимально соответствующие возникшим обстоятельствам и проблемам, эффективно осуществлять охрану окружающей среды, обеспечивать ее благоприятное качество для мирового сообщества в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1989.
2. Балашенко С. А., Макарова Т. И. Международно-правовая охрана окружающей среды и права человека. Минск, 1999.
3. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
4. Боголюбов С. А. Правотворчество в сфере экологии: монография. М.: Эксмо, 2010.
5. Высторобец Е. А. Экологическое право. Мотивации в международном сотрудничестве. М., 2008.
6. Ефремова Н. А. Международная экономическая интеграция государств в эпоху глобализации // Юриспруденция. 2010. Вып. № 3.
7. Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982.
8. Копылов М. Н. К вопросу об эффективности норм «мягкого» экологического права // Экологическое право. 2006. № 6.
9. Мухин И. А. Принципы международного права в охране окружающей среды и их роль в системе экологического законодательства России // Международное публичное и частное право. 2006. № 2.
10. Умнова И. А. Отрасли права нового поколения в условиях глобализации права и усиления взаимодействия международного публичного и конституционного права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 1.
11. Чичварин В. А. Охрана природы и международные отношения. М., 1970.
12. Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rushkolnik.ru> (дата обращения: 10.07.2017 г.).

⁹ См. об этом подробнее: Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 419-420.

ИВАНОВА Светлана Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и трудового права Оренбургского государственного аграрного университета

ФАУНИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ПЛЮРАЛИЗМ ВЗГЛЯДОВ

В статье дается анализ различных мнений современных ученых по вопросу о месте фаунистического права в системе российского права. Автор статьи отмечает актуальность и дискуссионность поставленного вопроса. В статье дается авторское определение понятия фаунистического права. Автор выделяет критерии дифференциации фаунистического права как подотрасли экологического права: наличие собственного предмета правового регулирования; определенная законодательная обособленность; наличие собственных подотраслевых принципов фаунистического права; цель правового регулирования; наличие собственной внутренней структуры как совокупности нескольких правовых институтов и норм права.

Ключевые слова: фаунистическое право, животный мир, система права, подотрасль права, использование, охрана, интегрированный подход.

IVANOVA Svetlana Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Land and labor law sub-faculty of the Orenburg State Agrarian University

FAUNISTIC LAW IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW: PLURALISM OF VIEWS

The article gives an analysis of various opinions of modern scientists on the question of the place of faunistic law in the system of Russian law. The author of the article notes the relevance and discussion of the question posed. The article gives the author's definition of the concept of faunistic law. The author outlines the criteria for the differentiation of faunistic law as a sub-sector of environmental law: the existence of its own subject of legal regulation; A certain legislative isolation; Existence of own sub-sectoral principles of faunistic law; The purpose of legal regulation; The presence of its own internal structure as the aggregate of several legal institutions and norms of law.

Keywords: faunistic law, fauna, system of law, sub-sector of law, use, protection, integrated approach.

Животный мир всегда имел и имеет огромное экономическое, социальное, культурное значение. В связи с этим, во все времена отношения по использованию, изъятию и охране объектов животного мира являлись значимыми, актуальными. Совокупность правовых норм, регулирующих отношения по использованию и охране животного мира и среды его обитания образует фаунистическое право. Вопрос о месте фаунистического права в системе российского права, является актуальным и дискуссионным. В настоящее время нет однозначного мнения о месте фаунистического права в системе российского права. Дискуссия о месте фаунистического права находится в активной фазе еще в советский период. Именно в советский период начинается формирование отраслей права в системе социалистического права по различным критериям¹. В 1961 году Казанцев высказал идею о существовании природоохранительного права как самостоятельной отрасли, в рамках которой рассматривались вопросы охраны и использования объектов животного мира. В дальнейшем, Казанцев развивая свою точку зрения, высказал о формировании природоресурсового права, в которой интегрируются отрасли права, регулирующие отношения по использованию и охране природных ресурсов. Таким образом, вся система норм в области правового регулирования отношений, связанных с взаимодействием общества и окружающей среды, развивается под воздействием одновременно двух главных тенденций - дифференциации и интеграции правовых отраслей и институтов.

В советский период длительное время шел процесс формирования, становления и развития фаунистического права. Причем, процесс формирования протекал в условиях научных дискуссий, обсуждений по вопросу принятия единого нормативного акта о животном мире. Возможно из-за отсутствия

1 Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 81

Иванова С. В.

основного Закона о животном мире формирование фаунистического права как самостоятельного правового образования запаздывало по своему развитию по сравнению с земельным, лесным, водным правом. Но уже тогда в науке прозвучали идеи относительно формирования фаунистического права как самостоятельной отрасли права (в широком смысле). Фаунистическое право имело свой предмет, метод правового регулирования и отраслевые принципы². Учеными были высказаны очень важные мнения о том, что «между отраслями права нет необходимых граней, как нет их и между различными видами общественных отношений. Объективное развитие этих отношений может привести к возникновению нового вида отношений и тем самым к появлению новой отрасли права»³. Все объекты природы связаны и влияют друг на друга. От состояния одних объектов, например лесов, вод, зависит состояние других, например животных и наоборот. В данном случае охрана природы рассматривалась как «повсеместная постоянная и всесторонняя защита всех объектов природы путем активного вмешательства и по возможности регулирования процессов, происходящих в природе»⁴. Эти высказывания остались актуальными и в настоящее время. Так, в современном мире, под влиянием огромного негативного антропогенного влияния на природные объекты, в том числе объекты животного мира, полное и всестороннее обеспечение охраны объектов животного мира, возможно только путем применения целого комплекса мер по охране окружающей среды.

2 Константиныди С. С. Охрана животного мира. Алма-Ата, 1975. С. 113.

3 Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С.104.

4 Колотинская Е. Н. Правовая охрана природы в СССР. Учебное пособие для студентов-заочников государственных университетов под ред. Н. Д. Казанцева. М.: Изд-во Московского Университета. 1962.С.5.

На современном этапе возникает потребность, необходимость в комплексном изучении этих отношений с целью выработки взаимосвязанных мер, направленных на обеспечение рационального использования, сохранения природных объектов, среды их обитания и грамотного взаимодействия общества и природы (воздействия общества на природу). В сфере взаимодействия общества и природы существует множество правовых проблем, которые не могут быть решены в отраслевом законодательстве⁵: земельном, водном, фаунистическом и ином. Опережающее развитие должен получить интегрированный подход, в рамках которого формируются общие принципы регулирования общественных отношений по поводу природы, способы и инструменты, обеспечивающие развитие гармоничного взаимодействия, трансформируемые в дальнейшем в природоресурсное законодательство с учетом специфики природных объектов и ресурсов⁶. Интеграция земельного, горного, лесного, фаунистического и других отраслей права основывается на наличии у них общих черт «экологической взаимосвязи и взаимодействии правового регулирования использования и охраны природных объектов»⁷.

Именно в экологическом праве содержатся две формы взаимодействия природы и общества – использование природных ресурсов и их охрана. Эти формы неотделимы друг от друга: при использовании необходимо осуществлять охрану, а охрана влияет на природопользование. Как справедливо отмечает профессор А. П. Анисимов, «природоохранительные и природоресурсные правоотношения отражают две разные стороны взаимодействия системы «общество-природа»⁸. Использование природных объектов невозможно без их охраны. Предоставляя право субъектам на охоту или рыбную ловлю, на него одновременно налагается обязанность по выполнению мероприятий, направленных на охрану объектов охоты и рыбной ловли. Причем четко отделить меры охраны, предусмотренные экологическим правом от мер охраны, предусмотренных природоресурсным законодательством не представляется возможным. Поэтому справедливо в предмет экологического права входят две группы отношений: по использованию и охране природных ресурсов. Данная классификация правоотношений является целесообразной и заключается во «взаимосвязанном, одновременном решении в праве комплексных проблем, касающихся комплексности природных ресурсов, распоряжения ими, обеспечения рационального использования природных ресурсов, охраны природы от разных форм деградации, защиты экологических прав и законных интересов человека»⁹. «Отдельные элементы природы состоят в сфере ее правовой охраны до тех пор, пока они функционируют как части единого природного механизма, находятся в системе ее экологических связей»¹⁰.

Обозначая предмет экологического права, И.О. Краснова справедливо включает в него «земельные, водные, фаунистические, лесные, горные и атмосферные отношения, так как земля, воды, леса, животный мир и атмосферный воздух – составные и неразрывно связанные между собой части окружающей природной среды. Нормы, регулирующие отношения по поводу использования и охраны отдельных природных ресурсов, объединяются в подотрасли земельного, водного, горного, лесного, фаунистического, атмосферного и заповедного права»¹¹.

По мнению Б.В. Ерофеева, «экологическое право реализуется через земельное, водное, горное, лесное и другие отрасли права, составляющие единую правовую семью, а значит и должны быть подотраслями экологического права»¹². «Совокупность общественных экологических отношений в современном мире является довольно сложной. В нее входят земельные, горные (недренные), водные, лесные или отношения по поводу растительного мира в целом, фаунистические, воздушные (иногда говорят об отношениях только по охране атмосферного воздуха), космические. Соответственно различаются отрасли или подотрасли права: земельное, горное, водное, лесное, фаунистическое – право животного мира, воздушное, космическое»¹³. О. Л. Дубовик полагает, что термин «фаунистическое право» следует понимать как подотрасль экологического права. Фаунистическое право – это составная часть экологического права и законодательства, раздел Особенной части экологического права. В настоящее время – это подотрасль экологического права»¹⁴. С указанными выше мнениями ученых следует согласиться, поскольку место фаунистического права как подотрасли экологического права обусловлено признанием единства и взаимосвязи всех компонентов природы, признанной Федеральным законом «Об охране окружающей среды», одним из которых является животный мир.

С. А. Боголюбов считает, что экологическое право состоит из природоохранного права, природоресурсного права и экологизированных норм других отраслей. При этом, природоресурсное право «регулирует отдельные части природного дома; оно призвано обеспечивать охрану и рациональное использование отдельных природных ресурсов – прежде всего земли, а также недр, вод, лесов, животного мира и атмосферного воздуха»¹⁵. Из этого следует, что фаунистическое право является правовым институтом в системе экологического права, поскольку природоохранное право и природоресурсное право относятся к подотраслям экологического права. С таким подходом трудно согласиться, так как фаунистическое право по сфере регулируемых отношений, по нормативному объему во много раз превышает правовой институт в рамках экологического права. При таком подходе, отмечает А. П. Анисимов, «можно говорить об асимметричном строении системы российского права»¹⁶.

По мнению М. М. Бринчука, при характеристике экологического права как комплексной отрасли (суперотрасли) важно иметь в виду наличие в его системе сформировавшихся и признанных отраслей права – земельного, горного, лесного, фаунистического и воздухоохранительного»¹⁷. Однако эта позиция автора противоречит общепринятой системе российского права. В частности, по справедливому замечанию А. П. Анисимова, «если считать экологическое право комплексной отраслью, включающей в себя целые другие самостоятельные отрасли, то это противоречит всем существующим представлениям науки теории государства и права»¹⁸. Действительно, любая отрасль права состоит из подотраслей права, правовых институтов и норм права. Поэтому если экологическое право является комплексной отраслью права, то структурными элементами системы следуя теоретическим положениям не могут составлять другие отрасли права.

5 Бринчук М. М. Экологическое право. Учебник для высших учебных заведений. М. 2010. // СПС Гарант.

6 Там же.

7 Советское земельное право: учебник под ред. Н. И. Краснова. М.: Юрид. лит., 1981. С. 4.

8 Анисимов А. П. Экологическое право в «широком» и «узком» смысле: приглашение к дискуссии // Новая правовая мысль. 2013. № 2. С. 7.

9 Бринчук М. М. Экологическое право: учебное пособие. М.: Эксмо, 2010. С. 43.

10 Петров В. В. Объект и предмет правовой охраны в СССР // Советское государство и право. 1976. № 4. С. 59.

11 Экологическое право: учебник для бакалавров / отв ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. М.: Проспект, 2015. С. 25-28.

12 Ерофеев Б. В. Экологическое право: учебник для вузов. М., 1992. С. 26.

13 Лазарев В. В. Основы права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/lazarev_pravo/ch37_i.html.

14 Экологическое право: учебник / О. Л. Дубовик, Л. Кремер, Г. Люббе-Вольфф; под ред. О. Л. Дубовик. Изд. 2-е, исправл. и доп. М.: Эксмо, 2007. С. 576.

15 Экологическое право: учебник / под ред. С. А. Боголюбова. М.: Проспект, 2009. С. 14.

16 Анисимов А. П. Экологическое право как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы // Аграрное и земельное право. 2016. № 7. С. 91-97.

17 Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды). М.: Изд-во Юрист, 1999. С. 87.

18 Анисимов А. П. Экологическое право в «широком» и «узком» смысле: приглашение к дискуссии // Новая правовая мысль. 2013. № 2. С. 4-5.

А. П. Анисимов полагает, что земельное право, водное, лесное, фаунистическое права как самостоятельные отрасли права объединяются в рамках природоресурсного права. При этом природоресурсное право автор не отождествляет с экологическим правом, а рассматривает как научное название совокупности самостоятельных отраслей права подобно тому, «как частное право – это общее научное название гражданского, семейного, жилищного и иных близких им по духу отраслей российского права»¹⁹. А. Я. Рыженков считает данную позицию обоснованной, поскольку «в настоящий момент происходит обособление традиционных подотраслей советского природоресурсного права (земельного, горного, водного, лесного и фаунистического), которые все больше приобретают черты самостоятельных отраслей права с собственным предметом правового регулирования»²⁰. Однако, представляется, что при таком подходе происходит обособление фаунистическое право, что может привести к «узкому», регулированию отношений по охране и использованию животного мира. В советский период уже использовалась практика дифференцированного подхода к охране и использованию животного мира, которая не дала положительных результатов. В настоящее время, в условиях интенсивного уничтожения природных экосистем, сокращения видов животных²¹, востребованным оказался интегрированный подход. Полное и всестороннее обеспечение охраны объектов животного мира, возможно только путем применения целого комплекса мер по охране окружающей среды. Возникает потребность, необходимость в комплексном изучении отношений по охране и рациональному использованию животного мира с целью выработки взаимосвязанных мер, направленных на обеспечение сохранения не только объектов животного мира, но и всего биоразнообразия. В рамках правового регулирования отношений по охране и использованию животного мира существует множество правовых проблем, которые могут быть решены только в рамках экологического права, поскольку именно в экологическом праве сочетаются две формы взаимодействия природы и общества – использование природных ресурсов и их охрана.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что в настоящее время в юридической литературе сформировалось несколько научных подходов о месте фаунистического права в системе российского права. Плюрализм мнений обусловлен отсутствием обоснованных теоретических исследований относительно критериев дифференциации фаунистического права. Действительно, на сегодняшний день, одного критерия – наличия нормативного правового акта²² недостаточно для дифференциации фаунистического права как подотрасли права в системе российского права. Поэтому справедливо отмечает В. Н. Власенко, что «после принятия Федерального закона «О животном мире» и подзаконных нормативных актов, «в короткое время выходят научные комментарии к этим нормативным правовым актам, публикации, учебники и учебные пособия, в которых фаунистическое право провозглашается самостоятельной совокупностью норм права, регулирующей особым образом общественные отношения в области охраны и использования объектов животного мира»²³. Однако, помимо существования относительно законодательной обособленности, фаунистическое право на современном этапе обладает признаками относительно самостоятельного образования в системе экологического права. К

числу таких признаков следует отнести: 1. наличие собственного предмета правового регулирования – фаунистические отношения как отношения по поводу использования и охраны животного мира, которые являются составной частью предмета правового регулирования экологического права; 2. определенная законодательная обособленность, включая Федеральный закон «О животном мире»; 3. наличие собственных подотраслевых принципов фаунистического права; 4. цель правового регулирования – сохранение всего биологического разнообразия; 5. наличие собственной внутренней структуры как совокупности нескольких правовых институтов и норм права.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов А. П. Экологическое право в «широком» и «узком» смысле: приглашение к дискуссии // Новая правовая мысль. 2013. № 2.
2. Анисимов А. П. Экологическое право как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы // Аграрное и земельное право. 2016. № 7. С. 91-97.
3. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.
4. Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды). М.: Изд-во Юрист, 1999.
5. Бринчук М. М. Экологическое право. Учебник для высших учебных заведений. М. 2010. // СПС Гарант
6. Бринчук М. М. Экологическое право: учебное пособие. М.: Эксмо, 2010.
7. Власенко В. Н. К вопросу о системе экологического права // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сборник научных статей / Отв. ред. В. М. Сырых, С. А. Рубаник. М.: РАП, 2011.
8. Ерофеев Б. В. Экологическое право: учебник для вузов. М., 1992.
9. Колбасов О. С. Охрана природы и воспроизводство природных ресурсов. Том 5 Правовые исследования по охране окружающей среды в СССР. М., 1978.
10. Колотинская Е. Н. Правовая охрана природы в СССР. Учебное пособие для студентов-заочников государственных университетов под ред. Н. Д. Казанцева. М.: Изд-во Московского Университета, 1962.
11. Константиныди С. С. Охрана животного мира. Алма-Ата, 1975.
12. Лазарев В. В. Основы права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/lazarev_pravo/ch37_i.html
13. Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России // «Биология» (изд. дом «Первое сентября»). 2004. № 27-35
14. Петров В. В. Объект и предмет правовой охраны в СССР // Советское государство и право. 1976. № 4.
15. Рыженков А. Я. Принципы земельного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
16. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1992. № 6.
17. Советское земельное право: учебник под ред. Н. И. Краснова. М.: Юрид. лит., 1981.
18. Экологическое право: учебник / О. Л. Дубовик, Л. Кремер, Г. Люббе-Вольфф; под ред. О. Л. Дубовик. Изд. 2-е, исправл. и доп. М.: Эксмо, 2007.
19. Экологическое право: учебник / под ред. С. А. Боголюбова. М: Проспект, 2009.
20. Экологическое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. М.: Проспект, 2015.

19 Анисимов А. П. Экологическое право в «широком» и «узком» смысле: приглашение к дискуссии // Новая правовая мысль. 2013. № 2. С. 5.

20 Рыженков А. Я. Принципы земельного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 7.

21 Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России // «Биология» (изд. дом «Первое сентября»). 2004. № 27-35.

22 Колбасов О.С. Охрана природы и воспроизводство природных ресурсов. Том 5 Правовые исследования по охране окружающей среды в СССР. М., 1978. С. 50.

23 Власенко В. Н. К вопросу о системе экологического права // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сборник научных статей. / Отв. ред. В. М. Сырых, С. А. Рубаник. М.: РАП, 2011. С. 278.

СОКОЛОВА Тамара Тимофеевна

преподаватель кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета

Соколова Т. Т.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ ОБЯЗАННОСТИ И ПРИТЯЗАНИЯ

В статье рассматриваются особенности соотношения обязанности и притязания в публичном праве. Отстаивается идея о том, что в сфере действия публичного права возникают нетипичные для отраслей частного права варианты переплетения субъективных прав и обязанностей. Если в частном праве субъективные права и обязанности противопоставляются по отношению друг другу во всей однозначности меры возможного или меры должного поведения, то в публичном праве обязанность содержит в себе элемент правомочия и, наоборот, правомочие может приобретать значение обязанности. Традиционно публично-правовые отношения приурочиваются к государству и государственной власти. Вместе с тем, особого внимания заслуживает область реализации гражданских свобод, в которой субъективные права и обязанности их носителей имеют публично-правовую природу, но могут осуществляться без участия государства.

Ключевые слова: публичное право, субъективное публичное право, публичные правообязанности, публичные правопритязания, гражданские свободы.

SOKOLOVA Tamara Timofeevna

lecturer of Constitutional and international law sub-faculty of the Novosibirsk State Technical University

PUBLIC LAW: CORRELATION BETWEEN DUTIES AND CLAIMS

The article deals with the features of the correlation between duties and claims in the sphere of public law. The author defends the idea that correlations between subjective rights and obligations in the sphere of public law are atypical if they are considered from the private law standpoint. While in private law, subjective rights and obligations are opposed to each other and the measure of the possible is univocal, in the field of public law the obligation contains the element of claim and, conversely, the claim can acquire the value of obligation. Traditionally, public relations are linked to the state and its power. At the same time, special attention should be paid to the implementation of civil liberties, because the subjective rights and obligations of their bearers are of a public legal nature, but can be carried out without state participation.

Keywords: public law, subjective public right, public rights-obligations, public claims, civil liberties.

Признавая высокий уровень научной разработки вопросов сущности публичного права, нельзя не отметить, что далеко не все аспекты, раскрывающие его характерные особенности, нашли окончательное разрешение. Как по теоретическим соображениям, так и с практической стороны следует особо выделить важность верного понимания природы и соотношения публично-правовых обязанностей и притязаний, вытекающих из юридической связи гражданина с государством. Повышение роли субъективного фактора в общественной жизни, приобщение граждан к общим делам, обретение вкуса к инициативе на основе расширения автономии личности требуют истолкования публично-правового отношения и его юридического содержания с учетом сложившейся ситуации.

В области правового порядка принято разграничивать общее благо и частный интерес и в этом разграничении коренится противоположность публичного и частного права. Делением права на публичное и частное подчеркивается то, что правовые отношения между правящими и управляемыми отличаются от отношений между частными лицами. Соответственно этому разнятся правовые режимы сфер публичного и частного права, как воплощающие в себе в наиболее чистом виде методы централизованного и диспозитивного регулирования. В научной литературе с методом правового регулирования связываются особенности правосубъектности и юридического положения участников отношений. Что касается юридического положения субъектов публично-правовых отношений, то оно характеризуется началами субординации, прямого подчинения в отличие от частноправовых связей, где стороны

находятся на одном уровне¹. Настоящее утверждение приводит к выводу о том, что правовое регулирование в публичной сфере основывается на позитивном обязывании и запрете². Следовательно, в качестве стержня публично-правового регулирования и базового элемента правового статуса субъектов публичного права рассматриваются обязанности активного и пассивного характера.

Сам по себе правильный подход к феномену публичного права недостаточен, по крайней мере, по двум обстоятельствам. Во-первых, в том смысле, что он затушевывает своеобразие и роль правопритязаний, специфику их взаимной связи, коррелятивности, с правообязанностями в механизме публично-правового регулирования. Во-вторых, понятие публично-правового отношения и оценка его содержания приурочиваются к государству, юридическая регламентация функционирования которого имеет целью действенным образом защитить права гражданина от злоупотреблений властью. В таком случае публичное право в субъективном смысле ассоциируется с обязанностями, возлагаемыми на агентов власти. Помимо прочего, следует также иметь в виду, что ограничением произвольного вмешательства государства в дела общества не исчерпывается значение публичного права. Публично-пра-

1 Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 332.

2 Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995; С. 49; Беляева Г. С. Отраслевые правовые режимы: состав и особенности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2. С. 126.

новой статус возникает не только из юридической связи лица с государством. Сфера свободного от вмешательства государства состояния индивида служит основой возникновения юридических притязаний и обязанностей, вытекающих из публичного положения лиц и их групп по отношению друг к другу, а не из непосредственной принадлежности к государству.

Очевидно, что публично-правовые отношения по своему юридическому содержанию представляются весьма разнообразными. Различие в субъектном составе вызывает различие в характере субъективных прав и обязанностей их носителей. Поэтому для того чтобы получить сложную картину разнообразных переплетений юридических связей, возникающих в сфере реализации публичного права, целесообразно отталкиваться от правового положения субъектов права. С учетом настоящего факта отдельные правомочия и правопритязания могут быть сведены в определенные группы с целью выявления особенностей их природы и характера коррелятивности. Так, по мнению Ф. В. Тарановского, в публичном праве следует две группы различать субъективных прав: права, которыми наделяет государство и его органы по отношению к подвластным, и права, предоставленные гражданам по отношению к государству и его органам³.

В действительности, чтобы назвать эти субъективные состояния правами, понадобится отказаться от помощи частноправовых аналогий. В противоположность гражданскому праву, где субъективные права и обязанности противостоят друг другу во всей определенности меры возможного или меры должного поведения, в публичном праве ситуация не столь однозначна. Такая особенность наиболее рельефно проявляется в тех случаях, когда гражданин противопоставит государству как обязательный субъект. Субъективные права, которыми наделяет орган в отношении гражданина, по меткому выражению Г. Еллинека, «в действительности являются только управомочивающими обязанностями»⁴. Провести точную границу между притязанием и обязанностью органа власти представляется весьма затруднительным. Во всяком случае, со стороны субъекта власти правообязанность выступает основной формой проявления действия права, а правопритязание имеет значение лишь условия обеспечения возможности исполнения обязанности⁵. Так образуется юридическая связь, отличающаяся своеобразным соотношением обязанности, соединенной с дискреционностью власти, и обязанности в более тесном юридическом смысле, возлагаемой на подвластного субъекта. В практическом плане это говорит о том, что во всех случаях при определении статуса органа государства через юридические конструкции обязанностей и прав, последние представляют собой меру должного поведения с высокой степенью свободы усмотрения при оценке конкретных фактических обстоятельств.

Эти выводы необходимо учесть в практике определения правового положения субъектов, которые не наделяются властными полномочиями, но призваны обеспечивать реализацию тех или иных функций государства. Сюда относятся разнообразные государственные и муниципальные учреждения охраны здоровья, научной деятельности, образования, культуры и искусства и др. Такие субъекты не воплощают в себе власть, но авторитет публичной власти за ними все-таки стоит⁶. Не

должно быть сомнения в целесообразности установления перечня публичных обязанностей учреждений, с одной стороны, и соответствующих им притязаний властвующего субъекта, в системе подчинения которого это учреждение находится. Весьма показательным примером является Устав Государственного академического Большого театра России, в котором связанность с культурной политикой государства никак не обозначается⁷. Как правило, первостепенное значение придается законодательному определению гражданско-правового статуса учреждения через конструкцию юридического лица, осуществляющего деятельность некоммерческого характера. С этой точки зрения учреждение исключается из области публичного права и переносится в область частного права. Практика такого рода обнаруживается, например, в официальной позиции Министерства культуры РФ. Так, реакцией на резкую критику частью общественности одного из выставочных проектов Государственного Эрмитажа и просьбу ограничить доступ несовершеннолетних на данную выставку стал весьма характерный ответ. Министерство считает, что «...нормы действующего законодательства предоставляют хозяйствующим субъектам, включая государственные музеи, широкую автономию в решении вопросов организации и осуществления уставной деятельности. В ее рамках строится экспозиционно-выставочная работа музейных учреждений, которые сами вправе определять целесообразность создания той или иной экспозиции»⁸. Понятно, что деятельность и министерства, и подведомственного ему учреждения подчинена гражданскому правопорядку с его юридическим правилом «что не запрещено (юридически), то дозволено».

Признавая то, что отношения в сфере действия публичного права не поддаются одинаковому юридическому регулированию и подчиненные государству учреждения наделяются той или иной степенью автономии, необходимость учета общественной цели их деятельности не вызывает сомнения. Верно то, что для обеспечения такой цели органы власти должны обладать необходимыми публично-правовыми притязаниями, а другая сторона обязана нести своего рода «публичные повинности».

Вслед за этим обратимся ко второй группе субъективных публично-правовых состояний – той, которая связана с осуществлением гражданами притязаний к государству и его органам. Необходимо учесть, что одни из них предоставляют возможность обеспечивать общие интересы путем активного политического воздействия на государство, иные, со своего рода пассивным содержанием, имеют целью защитить индивида от государственного «деспотизма» в его личном пространстве. Таким образом различают субъективные публичные права индивида на участие во власти (избирательное право) и права на свободу от воздействия и вмешательства государства (свобода передвижения, свобода вероисповедания)⁹.

разного рода и в особых формах. См.: Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 247.

3 Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 267.

4 Еллинек Г. Общее учение о государстве. С.-Петербург, 1908. С. 416.

5 Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 6-е. С.-Петербург, 1906. С. 140-141.

6 В. Е. Чиркин, напротив, полагает, что многие публичные учреждения реализуют какую-то долю специфической публичной власти

7 Устав федерального государственного бюджетного учреждения «Государственный академический Большой театр России». Утв. Постановлением Правительства РФ от 3 сентября 2010 г. № 678 // Российская газета. 2010. 25 декабря.

8 Информация о письменных и устных обращениях граждан, поступивших в Министерство культуры Российской Федерации в IV квартале 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mkrf.ru/ministerstvo/department/detail.php?ID=1355920&SECTION_ID=19340&phrase_id=6770530 (дата обращения: 01.07.2017 г.).

9 Тарановский Ф. В. Указ. Соч. С. 267.

Соотношение публичных прав и обязанностей в сфере, где государство допускает самостоятельное активное участие гражданина в политической деятельности, отличается особым колоритом. Сам по себе факт признания политических правоприязаний на стороне индивида не предвещает вывода о наличии резкой грани в юридической позиции граждан – государство. Как и в случае с правовым статусом органов публичной власти политические права индивида не могут трактоваться исключительно в конструкции юридической возможности совершения определенных действий. На самом деле в публичных отношениях, в которых гражданин проявляет свою активную волю, его право имеет сходство с обязанностью. Так избирательное право предоставляется свободному распоряжению, но в нем есть несомненный элемент обязательности его осуществления. В этих отношениях положение субъекта определяется обязательностью проведения выборов.¹⁰ Другое дело, что реализация избирательного права, как и иных политических прав, за редким исключением, не обеспечивается юридическими санкциями. Куда большее значение приобретают своего рода «скрытые» факторы, позволяющие стать выше собственных эгоистических интересов и относящиеся к области правосознания, политической культуры, чувства общественного долга, гражданской ответственности и пр.

Развивая подмеченную особенность политических прав, замечают, что обязанный руководствоваться общественным интересом субъект, «выступает, как таковой, в качестве некоторого органа власти, которая раздроблена в таком случае между массой граждан».¹¹ Разумеется, не следует упрощенно относиться к настоящему выводу, поскольку орган государственной власти как элемент механизма государства использует особые правовые формы и специальные методы в реализации публичных функций. Характеристика гражданина как воплощения публичной власти служит цели признания момента обязательности в осуществлении политических прав.

Своеобразное совпадение правомочий и правобязанностей возникает и в тех случаях, когда индивид действует от имени государства. Например, военная служба является не только обязанностью, но и высшим правом, что выражается в почете, связанном с исполнением.¹²

Наконец, обратимся к еще одной разновидности публичных прав – правам на свободу от воздействия и вмешательства государства (свобода вероисповедания, свобода творческой деятельности, свобода передвижения и др.). Эти права, представляющие как права гражданской свободы, имеют характер публичных притязаний в силу того, что предъявляются к государству с целью защиты неприкосновенности индивидуальной жизни. Однако оставив в стороне область взаимоотношений между индивидом и государством в связи с осуществлением указанных свобод, сосредоточимся на следующем. Было бы ошибочно полагать, что публичные права вытекают исключительно из непосредственного положения лица к государству и всегда имеют своей целью непосредственный политический интерес. Важно учесть, что признание гражданских свобод предоставляет возможность защищать их как перед лицом государства, так и во взаимодействии с носителями равноценного юридического статуса. В частности, реализуемые публично свобода совести, свобода вероисповедания, свобода мысли и слова, свобода творчества не относятся исключительно к миру юридиче-

ской самостоятельности и индивидуального интереса, а имеют силу публичных притязаний, адресованных носителям аналогичных свобод. В разнообразных случаях юридические отношения происходят напрямую между субъектами гражданских свобод, а государство выступает в качестве третьей стороны как гарант их реализации. Таким образом, будучи связаны взаимными публичными правами и обязанностями граждане становятся способными к осуществлению публичного интереса без непосредственного участия государства.

В развитом правовом порядке свободная публичная деятельность должна быть легитимной и подчинена общему благу. Однако нередко на практике наряду с полезными примерами взаимодействия представителей различных религиозных союзов, общественных объединений, сторонников многочисленных идеологических убеждений встречаются случаи конфликтов на почве нетерпимости к конфессиональному или инокультурному мнению. Одна часть общества может занять враждебную позицию по отношению к другой его части. Участились случаи гражданского противостояния, а порой и актов самоуправства, например, при несогласии с творческой концепцией театрального спектакля, выставки произведений изобразительного искусства или в связи с иными мотивами.

Современное государство в сфере юридических свобод предпочитает такую модель правового регулирования, которая как можно меньше ограничивала бы личное пространство. Существуют пределы прямого вмешательства государства в такого рода отношения, многие процессы выходят из-под его патроната. Вместе с тем реализация гражданских свобод не может использоваться как канал удовлетворения исключительно личного интереса и проявления индивидуального эгоизма. Элемент публичной обязанности и ответственности дополняет состояние свободы, вплетается в структуру правового статуса, не имея типичного юридического происхождения. На этом основании необходимо развитие негосударственных форм, в которых общество могло бы защищать свои интересы и находить компромиссы в случаях столкновений между равнозначными носителями юридических свобод. Несомненно, что публично-правовое значение имеет не только политическое, но и гражданское участие в развитии страны.

В заключение отметим, что публичные обязанности и притязания едва ли существуют в чистом виде, характеризуются внутренней расчлененностью и отражают баланс диспозитивных и императивных начал в регулировании того или иного вида публичной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
2. Беляева Г. С. Отраслевые правовые режимы: состав и особенности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2. С. 124-128.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве. С.-Петербург, 1908.
4. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 6-е. С.-Петербург, 1906.
5. Муромцев С. А. Избранные труды по римскому гражданскому праву. М., 2004.
6. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб., 2001.
7. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995.
8. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007.

¹⁰ Тарановский Ф. В. Указ соч. С. 269.

¹¹ Муромцев С. А. Избранные труды по римскому гражданскому праву. М., 2004. С. 697.

¹² Еллинек Г. Указ. соч. С. 310.

ТРОФИМЦЕВА Светлана Юрьевна

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ БАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ ПРИ АНАЛИЗЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

В статье анализируется содержание основных понятий в области дифференцирования киберпреступлений в российском и международном праве. Выделяются основные позиции российских правоведов, определяется базовый набор дефиниций киберпреступлений.

Ключевые слова: информационная безопасность, компьютерная преступность, киберпреступления, компьютерные преступления, преступления, связанные с компьютерами.

TROFIMTSEVA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in Philosophy, associate professor, professor of Philosophy and all humanities disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE PROBLEM OF BASIC TERMS DEFINITIONS EMPHASIZING DURING THE ANALYSIS OF CYBERCRIME

The article analyzes the content of the basic concepts in the field of differentiation of cybercrime in Russian and International Law. The main positions of Russian jurists are singled out, the basic set of definitions of cybercrime is defined.

Keywords: information security, computer crime, cybercrime, computer crimes, computer-related crimes.

Трофимцева С. Ю.

Трансформация социальной роли информации и приобретение ею, как уже неоднократно подчёркивалось, принципиально новых характеристик (источник дохода, ресурс управления и власти) породили стремление отдельных субъектов неправомерно завладеть данным предметом чужого обладания (или собственности – в законодательстве ряда зарубежных стран) и использовать его в противоправных целях. Расширение спектра злонамеренных деяний в киберсреде породило стремление правоведов и специалистов в области информационной безопасности выработать особую терминологию для характеристики данных преступлений.

Конкретная дата появления термина «компьютерная преступность» до настоящего момента вызывает споры у исследователей. Однако для изучения данной проблемы больший интерес представляет не столько время начала употребления термина, сколько его семантические и уголовно-правовые характеристики, поскольку, в чём можно согласиться с М. Дубко, выработка корректного понятийного аппарата крайне важна для уголовного права и уголовного процесса в части деятельности сотрудников следствия и суда¹, а также для специалистов в области информационной безопасности. Отсутствие единого категориального аппарата на уровне внутригосударственного и международного права создаёт ряд проблем как при квалификации данных преступлений, так и при их расследовании в процессе международного сотрудничества.

На настоящий момент и в российском уголовном праве, и в уголовном праве ряда зарубежных государств отсутствует единство терминологии, используемой для обозначения преступлений, так или иначе связанных с использованием или посягательством на компьютерную информацию, средства или системы её обработки, хранения, передачи. Как указывают Н. Карпов и М. Вертузаев, несмотря на наличие законодательства по борьбе с компьютерной преступностью в ряде стран, «унифицированный» состав терминологии четко не определен², что, по мнению указанных исследователей, связано как с ростом крими-

нальных возможностей программно-аппаратных и технических устройств, средств телекоммуникации, так и с увеличением спектра методов преступников в условиях развития научно-технического прогресса на фоне отсталости правовых норм, регламентирующих борьбу с данными общественно опасными деяниями³.

Как отмечает ряд исследователей, в юридической науке довольно давно идёт дискуссия по двум основным проблемам: во-первых, какими критериями следует руководствоваться, относя общественно опасные деяния к группе «компьютерных преступлений», а во-вторых, насколько целесообразно и правильно использовать сам термин «компьютерные преступления» или же необходимо заменить его другими⁴, к примеру, «информационные преступления»⁵, «преступления, связанные с компьютером»⁶, «преступления, связанные со злоупотреблением компьютером»⁷, «преступления в сфере высоких технологий»⁸, «преступление, совершенное с использованием информационных технологий»⁹, «Интернет-пре-

3 Карпов Н., Вертузаев М. Указ. соч.

4 Мамедов Н. Криминалистические проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Специализированный ежемесячный журнал «ЮРИСТ». – 2008. – Сентябрь. – № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal.zakon.kz/203375-kriminalisticheskie-problemy.html>, свободный.

5 См., например: Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=382>, свободный.

6 Recommendation No R (89)9 of the committee of ministers to member states on computer-related crime [Electronic resource]. – Mode access: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=610660&SecMode=1&DocId=702280&Usage=2>, free.

7 UK: The Computer Misuse Act (1990) [Electronic resource]. – Mode access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18>, free.

8 См.: Зайцева П. В., Коротких Е. В. Проблема определения понятия «компьютерные преступления». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibac.info/11881>, свободный.

9 Recommendation No R (95)13 of the Committee of ministers to member states concerning problems of criminal procedural law connected with information technology. [Electronic resource]. – Mode access: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/doc/cm/rec\(1995\)013_EN.asp](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/doc/cm/rec(1995)013_EN.asp), free.

1 Дубко М. О понятии компьютерного преступления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marketing2013.ucoz.ru/blog/0_ponjatii_kompjuternogo_prestuplenija/2013-01-19-632, свободный.

2 Карпов Н., Вертузаев М. К вопросу о борьбе с компьютерными преступлениями в Украине [Электронный ресурс] // Закон и жизнь. – 2004. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: legeasviata.in.ua/archive/2010/Zacon-7-2010.pdf, свободный.

ступления» или «сетевые компьютерные преступления»¹⁰, «киберпреступления»¹¹, «компьютерно-ориентированные преступления»¹² и т. д. По мнению ряда нидерландских учёных, причиной отсутствия общепризнанного определения для термина «компьютерные преступления» является существование множества трудностей при формулировании определения, которое, с одной стороны, было бы достаточно ёмким, а с другой – весьма специальным¹³.

Судя по анализу международных правовых документов, наиболее ранним термином, вошедшим в употребление, стало понятие «computer crimes» («die Computerstrafaten») – «компьютерные преступления». В международном уголовном праве, кроме термина «computer crimes» используется также термин «Cybercrime» («die Cyberkriminalität») – «киберпреступность», широко применяемый, в частности, в документах Интерпола, и именно этим термином были объединены преступления в отношении компьютерной информации, средств и систем её обработки, хранения и передачи, а также некоторые преступления в виртуальном пространстве Интернет, рекомендуемые к криминализации Будапештской конвенцией СДСЕ № 185 от 23.11.2001 г.

Дефиниции данного термина являются также недостаточно определёнными и не общепринятыми. Согласно исследованиям М. Дубко, понятие «киберпреступность» по объёму шире понятия «компьютерная преступность», поскольку «охватывает как традиционные преступления, совершенные с помощью компьютера (кража, мошенничество, вымогательство), так и преступления, в которых объектом являются компьютерные системы, программы и информация»¹⁴. Исходя из семантики приставки «cyber», М. Дубко констатировал, что термином «cybercrime» можно именовать преступность, связанную как с использованием компьютеров, так и с использованием информационных технологий и глобальных сетей, иными словами, по мнению исследователя, термин «киберпреступление» имеет широкий объём, куда может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде¹⁵ или в киберпространстве. В качестве общего определения «киберпреступности», с корректировками, можно использовать распространявшиеся в 80-х гг. XX в. в ФРГ дефиниции термина «die Cyberkriminalität»: «все противозаконные действия, при которых электронная обработка информации являлась орудием их совершения или объектом преступного посяательства»¹⁶.

В отечественной правовой науке попытку дать схожее определение предпринял А. Н. Караханьян, по мнению которого компьютерные преступления включают в себя любые противозаконные действия, объектом или орудием совершения которых являются ЭВМ¹⁷, однако оно страдает некоторой размытостью, поскольку не исключает использование ЭВМ как материального объекта в роли, к примеру, орудия причинения физического ущерба. По мнению Н. Ф. Ахраменки, компью-

терное преступление – это «совершение виновно общественно-опасного противоправного деяния с использованием информационно-вычислительных систем, либо с воздействием на них»¹⁸. А согласно В. Козлову, к компьютерным преступлениям целесообразно относить преступления в сфере компьютерной информации и её защиты, а также преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий¹⁹. Приведённые выше определения можно объединить одной характеристикой: авторы включают в дефиниции, как минимум, два различных объекта преступления, что не всегда корректно.

В связи с довольно большим объёмом понятия «киберпреступность», ряд исследователей предлагает употреблять данное понятие в узком и широком смысле. Следует отметить, что, несмотря на позитивность идеи, заключающейся в необходимости разделить киберпреступления на подклассы, некоторые исследователи формируют их либо с нарушением принципов иерархической классификации, либо неоправданно сужают объём выделяемых понятий. Если же имеется в виду, что первая группа преступлений осуществима только в виртуальной среде, а вторая группа – это квалифицированные составы «обычных» преступлений, тогда непонятен принцип сужения и расширения объёма термина. В этой связи относительно рациональным представляется подход, согласно которому «киберпреступления» делятся на «компьютерные преступления» («computer crimes» или «die Computerstrafaten») и «преступления, связанные с компьютерами» («computer-related crimes» или «die computerbezogenen Straftaten»). И вряд ли можно согласиться с позицией Е. Крючек и ещё ряда исследователей в том, что принять такое разделение «означало бы слишком расширить рамки понятия «компьютерное преступление» и затруднить работу, как законодателя, так и правоприменителя»²⁰.

Официально термин «computer-related crime» стал использоваться с момента создания Рекомендации Комитета Министров стран – членов Совета Европы № R (89)9 о преступлениях, связанных с компьютером, где «преступление, связанное с компьютером» определяется как «любое противоправное действие, в расследование, преследование или судебное преследование которого вовлечено знание компьютерных технологий», причём злоумышленником использование компьютера предполагается в целях совершения любых обманных противоправных действий, «которые нацелены на получение собственности, денег, услуг и политических и деловых преимуществ», а также реализации угрозы или неправомерных действий, направленные против самого компьютера. При этом все данные преступления «имеют одну общность – компьютер является или инструментом или целью преступника»²¹. Анализ данного определения также свидетельствует о том, что и на международном уровне происходит явное смещение терминов по предмету противоправного деяния, причём использование термина «преступления в области высоких/информационных технологий», на чём настаивает ряд исследователей, не способствует конкретизации подразумеваемых под этим преступных деяний, тем более что Рекомендация Комитета Министров стран – членов Совета Европы № R (95)13, посвящённая проблемам уголовно-процессуального права, связанным с информационными технологиями, используя термин «преступления, связанные с информационными технологиями», фактически подразумевает то же, что и предыдущая Рекомендация № R (89)9.

С учётом этого, рассмотренная выше позиция М. Дубко требует некоторой корректировки. При выделении «собственно ком-

10 См.: Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях Интернет: Монография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.s-quo.com/content/articles/335/949/>, свободный.

11 Convention on Cybercrime, ETS No 185, Budapest, 23/11/2001 [Electronic resource]. – Mode access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm>, free. – English. – The title from the screen. См.: Convention on Cybercrime, ETS No 185, Budapest, 23/11/2001 [Electronic resource]. – Mode access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm>, free.

12 Резолюция AGN/64/P.RES/19 «Компьютерно-ориентированная преступность». Принята Генеральной ассамблеей Интерпола (4-10 октября 1995 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/app1.htm>, свободный.

13 Цит. по: Панфилова Е. И., Попов А. Н. Компьютерные преступления. (Серия: Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе) / Науч. редактор проф. Б. В. Волженкин. – СПб., 1998. – С. 10.

14 Дубко М. Указ. соч.

15 Дубко М. Указ. соч.

16 Цит. по: Козлов В. «Computer crime»? Что стоит за названием? (криминалистический аспект). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crime-research.ru/library/CCrime.html>, свободный.

17 Полевой Н. С. и др. Правовая информатика и кибернетика. – М.: Юрид. лит.-ра, 1993. – С. 243.

18 Ахраменка Н. Ф. Проблемы криминализации общественно-опасного поведения с использованием информационно-вычислительных систем. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Специальность 12.00.08 / Белорусский государственный университет. – Минск: БГУ, 1996. – С. 6-7.

19 Козлов, В. Указ. соч.

20 Крючек Е. Объект компьютерных преступлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cybercrime.zp.ua/viewtopic.php?f=14&t=3567&sid=8756fcc0e964fb205cc08107b40db05e>, свободный.

21 Recommendation No R (89)9 of the committee of ministers to member states on computer-related crime [Electronic resource]. – Mode access: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=610660&SecMode=1&DocId=702280&Usage=2>, free.

пьютерных преступлений» («computer crimes») в качестве предмета преступных посягательств следует иметь в виду компьютер не как материальный объект вообще, а именно как программно-аппаратное устройство, и тогда к подобным противоправным деяниям относятся не только воздействия на хранимую, обрабатываемую и передаваемую этим устройством информацию, но и неправомерные воздействия или/и как на программную оболочку, так и на аппаратную составляющую компьютера. К «связанным с компьютерами преступлениям» в данном случае следует относить те, при совершении которых компьютер выступает в качестве дополнительного инструмента (средства) совершения деяния, т. е. в таком случае преступления становятся квалифицированными или привилегированными (мошенничество с использованием компьютера, подлог с использованием компьютера и т. п.).

Что касается «Интернет-преступлений» или «сетевых компьютерных преступлений», под которыми А. Л. Осипенко предлагает понимать «предусмотренные уголовным законодательством общественно опасные деяния, совершенные на основе удаленного доступа к объекту посягательства с использованием глобальных компьютерных сетей в качестве основного средства достижения цели»²², то, как представляется, их можно отнести к особым квалифицированным составам других правонарушений, или, как отмечает сама А. Л. Осипенко, «этот признак стоит связывать не с квалификацией, а только со способом совершения и сокрытия преступления»²³, поскольку, как явно подразумевается, Интернет в данном случае выступает в качестве коммуникативной среды, где идёт доведение информации до неограниченного круга неопределённых пользователей, и здесь Интернет – лишь часть инфосферы, которую О. Тоффлер определял как «особое коммуникативное пространство, по которому движется информация»²⁴.

В этой связи представляется возможным, хотя бы на общетеоретическом уровне, именовать преступления, так или иначе, связанные с виртуальной средой, киберпреступлениями («cyber crimes»), внутри которых уже более конкретно выделять объединённые типологическими признаками группы. Если ориентироваться на Будапештскую Конвенцию СДСЕ № 185 о киберпреступлениях, то первая группа преступлений может условно называться «компьютерными преступлениями» («computer crimes»), к которым, исходя из положений Будапештской Конвенции, следует отнести преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, т. е., преступления против законно установленного статуса информации и нормального функционирования компьютерной системы. Вторую группу преступлений, условно именуемых «преступления, связанные с компьютерами» («computer-related crimes»), могут составить деяния, определённые в Будапештской Конвенции как «другие уголовные преступления, совершенные при помощи компьютерной системы»²⁵, причём в данную группу, в том числе, предлагается относить преступления, указанные в Разделах II-IV Будапештской Конвенции, а также любые иные преступления, при совершении которых компьютер, компьютерные технологии выступали в качестве орудия (средства) их реализации.

Таким образом, основным типологическим принципом классификации киберпреступлений, возможной к применению в области уголовного права и информационной безопасности, является соотнесение компьютера как программно-аппаратного устройства с объективной стороной совершённого преступления. Тогда под непосредственно «компьютерными преступлениями» предлагается понимать преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, а под «преступлениями, связанными с компьютерами» – преступления, при совершении которых компьютер, компьютерные технологии выступали в качестве орудия (средства) совершения преступления.

Пристайный библиографический список

1. Ахраменка Н. Ф. Проблемы криминализации общественно-опасного поведения с использованием информационно-вычислительных систем. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Специальность 12.00.08 / Белорусский государственный университет. – Минск: БГУ, 1996. – 20 с.
2. Дубко М. О понятии компьютерного преступления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marketing2013.ucoz.ru/blog/o_ponjatii_kompjuternogo_prestuplenija/2013-01-19-632, свободный.
3. Зайцева П. В., Коротких Е. В. Проблема определения понятия «компьютерные преступления». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibac.info/11881>, свободный.
4. Карпов Н., Вертузаев М. К вопросу о борьбе с компьютерными преступлениями в Украине // Закон и жизнь. – 2004. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legeasviata.in.ua/archive/2010/Zacon-7-2010.pdf, свободный.
5. Козлов В. «Computer crime»? Что стоит за названием? (криминалистический аспект). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crime-research.ru/library/CCrime.html>, свободный.
6. Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=382>, свободный.
7. Крючек Е. Объект компьютерных преступлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cybercrime.zp.ua/viewtopic.php?f=14&t=3567&sid=8756fcc0e964fb205cc08107b40db05e>, свободный.
8. Мамедов Н. Криминалистические проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Специализированный ежемесячный журнал «ЮРИСТ». – 2008. – Сентябрь. – № 9 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal.zakon.kz/203375-kriminalisticheskie-problemy.html>, свободный.
9. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях Интернет: Монография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.s-quo.com/content/articles/335/949/>, свободный.
10. Панфилова Е. И., Попов А. Н. Компьютерные преступления. (Серия: Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе) / Науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб., 1998.
11. Полева Н. С. и др. Правовая информатика и кибернетика. – М.: Юрид. лит-ра, 1993.
12. Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. – М.: Политическая литература, 1984. – С. 30-41.
13. Convention on Cybercrime, ETS No 185, Budapest, 23/11/2001. [Electronic resource]. – Mode access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm>, free.
14. Резолюция AGN/64/P.RES/19 «Компьютерно-ориентированная преступность». Принята Генеральной ассамблеей Интерпола (4-10 октября 1995 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/app1.htm>, свободный.
15. Recommendation No R (95)13 of the Committee of ministers to member states concerning problems of criminal procedural law connected with information technology. [Electronic resource]. – Mode access: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/doc/cm/rec\(1995\)013_EN.asp](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/doc/cm/rec(1995)013_EN.asp), free.
16. Recommendation No R(89)9 of the committee of ministers to member states on computer-related crime. [Electronic resource]. – Mode access: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlObGet&InstranetImage=610660&SecMode=1&DocId=702280&Usage=2>, free.
17. UK: The Computer Misuse Act (1990). [Electronic resource]. – Mode access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18>, free.

22 Осипенко А. Л. Указ. соч.

23 Осипенко А. Л. Указ. соч.

24 Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. – М.: Политическая литература, 1984. – С. 33.

25 См.: Convention on Cybercrime, ETS No 185, Budapest, 23/11/2001 [Electronic resource]. – Mode access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm>, free.

СТЕПАНОВА Айгуль Ахметзямилевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ СТАНДАРТ

В статье анализируются исторические моменты, характеризующие как трансформацию частной собственности, так и особенности форм государственно-правового регулирования института частной собственности в период формирования гражданского общества в России.

Ключевые слова: собственность, имущественные права, родовая собственность, капитал, институциональные искажения.

STEPANOVA Aigul Akhmetzyamilevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Constitutional law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

HISTORICAL AND CULTURAL TRADITION AND THE VALUE-NORMATIVE STANDARD

The article analyzes historical moments characterizing both the transformation of private property and the specific features of the forms of state and legal regulation of the institution of private property in the period of the formation of civil society in Russia.

Keywords: property, property rights, patrimonial property, capital, institutional distortions.

Степанова А. А.

Исторически собственность приобрела различные нормативные формы: субъектом имущественных отношений могли выступать род (родовая собственность) или община (коллективная и кооперативная собственность), индивид и его семья (частная собственность), государство или территориальная единица (государственная и муниципальная собственность).

Облик и значение имущественных прав в значительной степени зависят от культурной среды, господствующих ценностей и традиций. Неприкосновенность частной собственности в иудейско-христианской традиции стала гарантироваться 7-й и 10-й заповедями основного ее этического кодекса – Декалога. Признание частной собственности зависит непосредственно от процессов индивидуализации – приобретения индивидом определенной автономии от общины и укрепления ценности достоинства личности. Римское право было способно сформулировать нормы частной собственности, потому что опиралось на понятие личного гражданства и гражданских прав. Феодалные отношения, разумеется, способствовали тому, чтобы зависимость кристаллизовалась в понятие прав собственности.

Утверждение частной собственности в Европе потребовало серьезных изменений в социальной структуре и ценностном сознании. Д. Локк и А. Смит обосновывали право на собственность как право человека пользоваться плодами своего труда, который неотчуждаем от личности. Под лозунгом неприкосновенности собственности проходила Великая французская революция (1789). За этими культурными процессами стоят экономические – развитие капитализма, который стимулирует производство и накапливает излишки.

Утверждение института частной собственности произошло в Европе не без серьезных искажений. Социально незащищенным был возникший рынок труда. Поскольку капитал обладал монопольно возникшим рынком труда, спрос на труд, он не останавливался перед нещадной его эксплуатацией. П. Прудон имел основания определять богатство как грабёж; К. Маркс подходил к этому вопросу более дифференцированно, обвиняя капитал в присвоении прибавочного продукта.

Сопrotивление правовому беспределу капитала, которое мы встречаем в рабочем и коммунистическом движениях, следует рассматривать как стремление к устранению институциональных искажений, способствующее становлению капитализма «с человеческими лицом»¹.

Несмотря на то, что разрыв между трудом и капиталом за прошедшее столетие увеличился, в развитой экономике человеку даже низко квалифицированного труда обеспечивается не только возможность воспроизводства своей рабочей силы, но вполне достойные условия жизни. Искажения, которые мы встречаем в России, выходят далеко за пределы проблемы установления правовых границ предпринимательской деятельности.

В России культурные предпосылки частной собственности формировались гораздо медленнее. Византийско-русская православная традиция всегда опиралась на этический коммунизм отцов Церкви. Как византийский, так и русский самодержавный феодализм не позволил развиваться ленной системе и, соответственно, понятию субъективных прав личности. Не возникло также предпосылок для развития мануфактурного и фабричного капитализма. Как было сказано, собственность была в строгом смысле государственной, т. е. политической монополией. Стимулирующим для развития частной собственности стал внешний опыт, а также необходимость жесткой конкуренции с западными державами. Впервые право на частную собственность получило дворянство², позже – городское мещанство. Основная же часть населения (80 %) – крестьяне – была лишена этого права практически до 1907 г. (т. е. до столыпинской реформы). Право частной собственности для дворян практически означало превращение крестьянского статуса в рабский³. После реформы 1961 г. субъектом собствен-

1 Прудон П.-Ж. Что такое собственность? – М.: Республика, 1997. – С. 45.

2 В 1762 г. Петром III был опубликован Манифест о вольности дворянства.

3 Анфимов А. М. Особенности аграрной истории России. – М., 1960. – С. 235.

ности стала община, а наиболее распространенной формой труда – коллективная артель. Неудивительно, что после столь фрагментального и исторически короткого существования юридического права частной собственности Октябрьская революция 1917 г. практически лишь восстановила историческое статус-кво – господство государственной собственности⁴.

После того как обрисован исторический контекст становления института частной собственности (измерение традиции), можно очертить его культурно-ценностную нормативную модель. Частная собственность начинает работать там и тогда, где и когда получают общественное признание предпринимательские ценности и укрепляются функциональные надежды, возлагаемые на частную собственность. Обществом дается санкция на деятельностную свободу личности по умножению своей собственности с условием и в обмен на позитивное воздействие на общественное благосостояние. Данная санкция подразумевает признание за личностью прав и достоинства, неприкосновенных для общества при условии соблюдения своих обязанностей. Ценностный стандарт частной собственности предполагает одновременно признание ценностей труда и прав на его результаты. Наконец, в этом стандарте большое значение получают ценности потребления и благосостояния: богатство является желаемым и легитимным состоянием, бедность – нежелательным и, в принципе, достойным осуждения. Консенсус относительно данного комплекса ценностей должен быть настолько высок, чтобы нивелировать неизбежные претензии социально не защищенных и бедных слоев населения на достойное участие в потреблении благ. Подобное условие создает предпосылку для легитимизации «социального рынка»: распределение части общественного продукта должно происходить независимо от личного участия в его создании. Это должно гарантировать необеспеченным и неприспособленным достойный минимум жизни, возможность получить образование, «подняться» и т. д. Даже в далеком не «социалистической» Германии на социальную функцию уходит треть налоговых сборов.

Построение ценностно-нормативной модели института частной собственности позволяет предложить, что институциональные искажения возникают тогда, когда в культуре отсутствует какой-либо из ценностных компонентов. Исследование М. Вебером протестантской этики содержит все названные компоненты – ценность труда, предпринимательства, потребления. В религиозной этике подобные ценности содержит конфуцианская, отчасти буддийская этика⁵. Эти элементы, на наш взгляд, не совсем развиты в странах Латинской Америки и Африки, исламского и православного мира.

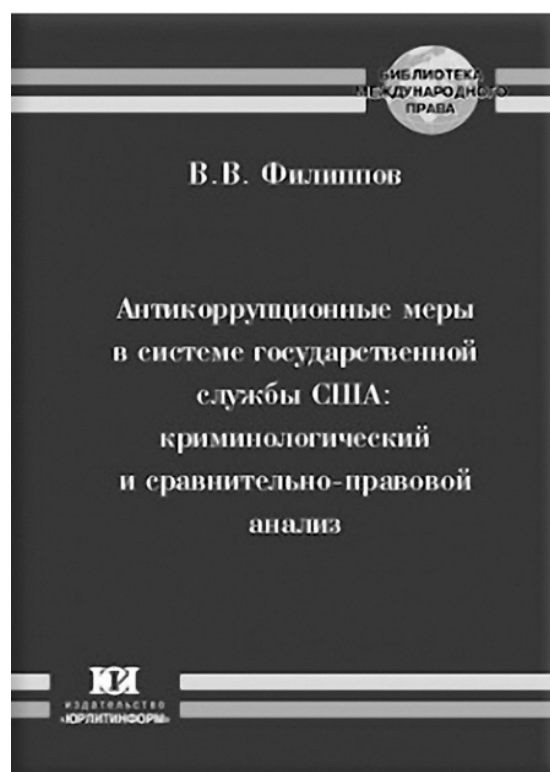
То, что традиционные российские этические представления не особенно благоволили предпринимательству, обусловило сложный характер восприятия частной собственности в постсоветском обществе. В Советском союзе акцент на этике труда был сопряжен с осуждением капиталистической деятельности. Последняя отождествлялась со стяжанием, эксплуатацией, спекуляцией и легальным грабежом. В постсоветской России начала 90-х годов XX в. на предпринимательство возлагались надежды, с ним были связаны позитивные ожидания. Данные ожидания, разумеется, не были оправданы, так как весь институт приходилось создавать заново, причем в социальных условиях, этому не способствующих. Соответственно

отношение к предпринимателю быстро приобрело негативную окраску: предприниматель стал или «новым русским», или «олигархом» – предметом анекдотов и жесткой критики СМИ⁶.

Возможно, не во всем критическое восприятие частной собственности не оправданно, важно, однако, другое – его институциональные последствия. Носители этого восприятия не понимают, что они, с одной стороны, делегитимизируют предпринимательство, а с другой – его формируют. В условиях моральной дискредитации для бизнеса остается единственный стимул – голая нажива. Не имея доверия и большой уверенности в том, что его собственность когда-нибудь не отберут, к предпринимателю относится именно так, как ему предписывают культурные образцы российского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Анфимов А.М. Особенности аграрной истории России. – М., 1960.
2. Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб., 1998.
3. Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. – М., 1995.
4. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? – М.: Республика, 1997.

4 Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. – М., 1995. – С. 12.
5 Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб., 1998. – С. 230.

6 Это не исключало полной инверсии данного представления, когда предприниматель рассматривался как «общественный спаситель» и охотно избирался в выборные политические органы.

ХАМИДУЛЛИНА Фарида Ильдаровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье представлены некоторые результаты исследования взаимосвязи и взаимозависимости морального и правового сознания, основанного на гипотезе о корреляции этих двух переменных величин.

Ключевые слова: сознание, право, мораль, нравственность, правосознание.

KHAMIDULLINA Farida Ildarovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

INTERDEPENDENCE OF MORAL AND LEGAL CONSCIOUSNESS

The article presents some results of the study of the interrelation and interdependence of moral and legal consciousness based on the hypothesis of the correlation of these two variables.

Keywords: consciousness, law, morality, morality, sense of justice.

Хамидуллина Ф. И.

Утверждения о взаимосвязи морали и права, равно как и о том, что без морального сознания не может быть сознания правового, давно стали едва ли не общим местом во множестве трудов в сфере не только юриспруденции, но и философии, социологии, психологии и других областях знания, изучающих человека. Вместе с тем, на наш взгляд, объяснительные модели указанного феномена пока еще не привлекают должного исследовательского внимания. Нами предпринята попытка по-сильного вклада в восполнение этого пробела.

Исходим из того, что на уровне сознания есть некие элементы, позволяющие человеку составить определенные представления, мысленные образы, на базе которых, в свою очередь, постепенно развиваются, постоянно взаимодействуя, рациональные критерии для нормативной оценки жизни индивида и социума. На их основе впоследствии формируются системы морального и правового регулирования – автономные, но диалектически между собой связанные, находящиеся в корреляции. Такая связь может быть более или менее явственной, более или менее опосредованной – но она существует и, более того, нерасторжима именно в силу ее бытийного, онтологического статуса как для морального, так и для правового сознания, поскольку эти разновидности сознания восходят к общему источнику, скрытому в мысленных образах.

Если проиллюстрировать нашу гипотезу с помощью метафоры, то моральное и правовое сознание представляются не столько успешно разделенными сиаемскими близнецами, сколько некими сообщающимися сосудами, единными в принципе, но по тем или иным признакам все же дифференцированными. Так, единство обусловлено неотъемлемой общей конструктивной частью этих сосудов, в которой поверхности жидкостей соприкасаются, что и создает давление как действующую силу и предпосылку дальнейшей дифференциации: в зависимости от плотности каждой из жидкостей высота столбиков в сосудах будет одинакова либо различна.

Данный принцип сообщающихся сосудов видится нам своеобразным аналогом корреляции морального и правового сознания. «Разная высота столбиков» хорошо известна из мирового опыта: «падение нравов» в обществе неизменно сопровождается усилением репрессивных компонентов пра-

вопорядка, тогда как «возрастание духа», напротив, влечет большую степень свободы и самоорганизации, расширение дозволенных элементов и диспозитивных начал правового регулирования.

Вопреки распространенному мнению, что «многие правовые нормы вытекают из нравственных (не убий, не укради и т.п.)»¹, между моральным и правовым сознанием нет ближайшей генетической связи и буквальной исторической преемственности. В терминах человеческого родства мы бы сказали, что моральное и правовое сознание – не отец и сын, а двоюродные братья, родственники третьего порядка, общий предок которых «отдален» тремя поколениями, но продолжает существовать и силу своего влияния сохраняет.

Моральное и правовое сознание, эти условные «двоюродные братья» – живут раздельно и не слишком похожи внешне, хотя их родство безошибочно угадывается окружающими. Во внутренней жизни, зачастую скрытой от посторонних глаз, братьев крепко и неразрывно связывает «один заветный ген» их родоначальника, получивший в каждом из братьев свое особенное развитие, неповторимое и уникальное. Как следствие, братьев притягивает друг к другу, им не очень комфортно друг без друга, они стараются взаимодействовать – и в то же время их взгляды нередко расходятся, братья если и не ссорятся, то постоянно соперничают и стремятся друг друга контролировать.

В эту аналогичную картинку мы вписываем себя в роли семейного врача общей практики, которому поручено тщательно осмотреть и обследовать братьев, выявить и охарактеризовать тот самый «заветный ген», проследить его развитие в каждом из братьев, показать влияние на их судьбы и качество жизни.

Отвлечшись от аналогий и метафор, увидим, что задача подобного сопоставления морали и права сама по себе далеко не нова, и существует несколько возможных путей ее решения. Известна даже попытка создать их типологию, предпринятая исследователем Александром Николаевичем Шитовым, кото-

1 Братановский С. Н. Теория государства и права. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 125.

рый пишет об этико-позитивистских, историко-социологических и этико-абсолютистских воззрениях на эту тему².

По мнению другого автора, Юрия Викторовича Костина, наиболее распространены социально-регулятивный и ценностно-этический подход к обозначенной проблематике. В первом случае право и нравственность сближены по признаку способности регулировать общественные отношения путем определения границ возможного и должного поведения. Во втором случае общим признаком права и нравственности признается разделение, противостояние добра и зла. Сам же названный автор предлагает компромиссный вариант, сочетающий оба подхода: «право и нравственность имеют общее основание – они возникают в процессе сознательной деятельности людей, взаимодействующих в социальном поле, развиваются под воздействием одних и тех социальных, экономических, государственно-политических факторов, определяются материальными и духовными условиями существования людей. Право и нравственность являются неотъемлемыми составляющими духовной культуры человечества, могут рассматриваться не только как нормы, стандарты поведения, но и как духовные ценности, содержащие в себе представления людей о добре и зле, хорошем и плохом»³.

Схожие мысли высказаны Еленой Андреевной Лукашовой: «Все элементы правовой и моральной систем возникают не поэтапно, не последовательно; процесс их возникновения предполагает диалектику деятельности сознания, закономерностей повторения «связанного ряда форм общения». Поэтому, выделяя в правовой системе правовые отношения, правосознание, правовые нормы, а в моральной системе – нравственные отношения, моральное сознание, нравственные нормы мы неизменно должны учитывать сложную диалектику взаимодействия элементов внутри каждой системы. Вместе с тем, выявляя общее в указанных системах, следует учитывать, что общественные отношения, входящие в данные системы, в своей основе не подлежат предметному разграничению. Правосознание и правовые нормы, нравственное сознание и нравственные нормы действуют в едином поле общественных отношений, отражая различные их стороны специфическими для каждого из этих регуляторов средствами. Единство общественных отношений с необходимостью определяет общность правовой и моральной систем. Констатация такого единства не означает игнорирования специфики каждой из этих систем, определяемой их ориентацией на различные стороны поведения и сознания людей»⁴.

В целом изученные нами литературные источники позволяют утверждать, что общность права и морали усматривается исследователями в нескольких типологически значимых чертах:

- 1) единство регулятивной функции, реализуемой как моралью, так и правом;
- 2) единство общественных отношений, на основе которых возникают мораль и право;
- 3) единство конечной цели морали и права – воплощать идеи добра и справедливости.

2 Шитов А. Н. Моральные основания права. Автореферат дисс. ... канд.юрид.наук. М., 1996. С. 10-12.

3 Костин Ю. В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2008. С. 120.

4 Лукашова Е. А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное // Взаимодействие права и морали: материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Т. А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 13.

Не подвергая сомнению истинность таких выводов, отметим некоторую их упрощенность, связанную с тем, что все они так или иначе основаны на марксистском понимании причинности права, на идее сознания как отражения, прямой и простой проекции материальных объектов и возникающих в связи с ними экономических и прочих общественных отношений.

Вне сознания, а следовательно, вне определенного субъективного опыта, ни мораль, ни право не существуют. «Право и мораль, – пишет об этом Андрей Васильевич Поляков, – безусловно, родственные явления. Мораль, как и право, имеет не государственную, а социальную природу. Как и право, она представляет собой социальную ценность. Как и право, система морали включает в себя нормативный элемент и разнообразную систему отношений между индивидами. Несмотря на существующие между ними различия, нормы права и морали тесно взаимодействуют. Моральное сознание применительно к праву исполняет функцию признания соответствия или несоответствия существующего права нормам морали. Правовое сознание определяет, каким должно быть право для того, чтобы соответствовать моральным стандартам. Во многих случаях моральное и правовое сознание настолько переплетены, что разделить их, практически, невозможно»⁵.

По нашему мнению, столь уникальное переплетение морального и правового сознания, наблюдаемое в жизни любого социума, есть не что иное, как конкретное ситуативное проявление корреляционной зависимости морального и правового сознания, результат их коэволюции от одного и того же инвариантного признака. Назовем его «квалиа взаимности» (по другой терминологии, «субъективный опыт взаимности», «квалитативное чувство взаимности», «опытное качество взаимности», «субъективное переживание взаимности»).

Общежитейский смысл и значение понятия взаимности вполне ясны и указывают на обоюдность, равные и детерминированные друг другом действия и отношения. Еще на рубеже VI–V веков до н.э., отвечая ученику на вопрос, можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом, китайский философ Конфуций ответил: «Это слово – взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе»⁶. Через два с половиной тысячелетия, отвечая на трагедию Второй мировой войны, Организация Объединенных Наций провозгласила: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»⁷.

Таким образом, непреходящая ценность взаимности подтверждена исторически. Поскольку сферы применения взаимности весьма широки, её называют универсальной характеристикой социальных систем, непременным условием их устойчивости, равно как и социальных и межличностных связей. Взаимность «выступает социально-коммуникативным механизмом, обеспечивающим удовлетворение потребностей и интересов одного социально-коммуникативного агента при условии прямого или косвенного содействия другого/других»⁸.

5 Поляков А. В. Введение в общую теорию права и государства. Курс лекций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=101> (дата обращения: 21.05.2017).

6 Гусейнов А. А. «Золотое правило» нравственности // Вестник Московского университета. Философия. 1972. № 4.

7 Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. Статья 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 21.05.2017).

8 Апресян Р. Г. Феномен взаимности: коммуникативные и нормативные предпосылки исторического формирования морали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 75.

Взаимность регулирует обмен как благом, так и ущербом: негативное по содержанию действие может быть совершено в ответ на позитивное по содержанию действие и наоборот. Кроме того, возможна прямая и косвенная взаимность. В случае прямой взаимности действие-2, несущее благо или ущерб, направлено именно на того человека, который совершил действие-1, ответом на которое является действие-2. Косвенная, или обобщенная взаимность характеризует отношения, в которых ответное действие-2 направлено не на того, кто совершил действие-1, а на другого, представляющегося связанным с тем, кто совершил действие-1⁹.

Над усовершенствованием человеческого поведения рука об руку работают мораль и право¹⁰. «Отношение между правом и нравственностью, – писал об этом известный немецкий цивилист Фердинанд Регельсбергер (1831-1896), – по существу, заключается в их самостоятельности друг от друга, но не противоположности. То, что противно праву, может быть оправдано нравственностью лишь тогда, когда право впадает в опасные заблуждения, равно как и то, что преступает правила нравственности, никогда не должно служить содержанием для предписания права. Право и нравственность призваны поддерживать друг друга. Там, где порываются связи правового порядка, наступает нравственное запустение, – и наоборот, право, которому не приходило бы на помощь силы нравственности, напрасно пыталось бы поддержать себя средствами одного только принуждения. ... Во всех своих отделах право проникнуто нравственными началами, не переходя, однако, в круг предписаний нравственности»¹¹.

В роли фундаментального связующего звена между нравственностью и правом выступает сознательный опыт взаимности, одновременно обеспечивающий также дифференциацию и обособление морального и правового сознания. Общность качества взаимности обуславливает не только постоянно наблюдаемое взаимодействие морали и права, но и сам факт нравственного обоснования любого действующего правопорядка – если и не по существу, то хотя бы декларативно, для придания большей легитимности в общественном мнении.

Полагаем, что идеальная корреляция морального и правового сознания – это их динамическое равновесие как некое постоянное общее соотношение, организованная конфигурация-константа вне зависимости от общественных изменений и трансформаций действующего правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. Апресян Р. Г. Феномен взаимности: коммуникативные и нормативные предпосылки исторического формирования морали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 75-90.
2. Братановский С. Н. Теория государства и права. М.: Директ-Медиа, 2013. 241 с.

9 Апресян Р. Г. Феномен взаимности: коммуникативные и нормативные предпосылки исторического формирования морали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 77.

10 Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://read.virmk.ru/i/ilin/210.htm> (дата обращения: 21.05.2017).

11 Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1897. С. 8-9.

3. Гусейнов А. А. «Золотое правило» нравственности // Вестник Московского университета. Философия. 1972. № 4. С. 53-64.
4. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://read.virmk.ru/i/ilin/210.htm> (дата обращения: 21.05.2017).
5. Костин Ю. В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2008.
6. Лукашова Е. А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное // Взаимодействие права и морали: материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Т. А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 13.
7. Поляков А. В. Введение в общую теорию права и государства. Курс лекций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=101> (дата обращения: 21.05.2017).
8. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., Типография Т-ва И. Д. Сытина. 1897. 295 с.
9. Шитов А. Н. Моральные основания права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

ПЕЧУРИН Игорь Васильевич

кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета

ГНЕЗДИЛОВА Полина Юрьевна

студентка магистратуры юридического факультета Новосибирского государственного технического университета

ГОСУДАРСТВО И ЗАКОН В ПРАВЛЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

В данной статье авторы анализируют некоторые аспекты преобразовательной политики Российского государства второй половины XVI века.

Ключевые слова: Александрова слобода, апофатизм, государственное устройство, опричнина, Судебник.

PECHURIN Igor Vasiljevich

P.D. in Philosophy, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Novosibirsk State Technical University

GNEZDILOVA Polina Yurjevna

magister student of the Law Faculty of the Novosibirsk State Technical University

STATE AND THE LAW DURING THE REIGN OF IVAN THE TERRIBLE

The author makes analysis of some aspects of transformative politics of the Russian state in the second half of the 16th century.

Keywords: The Alexandrovsky Kremlin, apophaticism, polity, oprichnina, Sudebnik.

Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Он сам для себя стал святейней и в помыслах своих создал целое богословие политическое самообожания в виде ученой теории своей Царской власти.

Согласно мнению Ключевского В.О., упорно вчитываясь в библейские тексты и бесконечно о них размышляя, Иван постепенно и незаметно создал себе из них идеальный мир, в который уходил, как Моисей на свою гору, отдыхать от житейских страхов и огорчений. Он с любовью созерцал эти величественные образы ветхозаветных избранников и помазанников Божиих — Моисея, Саула, Давида, Соломона. Но в этих образах Иван, как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя отблеск их света и величия¹.

Спустя многие годы, он процитирует в своем послании Курбскому апостола Павла: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противится власти, противится божьему повелению. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилем добывали царство, тем более, поэтому кто противится такой власти — противится Богу! А кто противится Богу, тот именуется отступником»². Эта идея была для него политическим откровением, и его царственное «я» сделалось для него предметом набожного поклонения.

Апофатическая громада московского государства XVI века жила известными традициями. С отдельными лицами царь мог сделать, что хотел, но перед существующим порядком он оставался бессильным. Он сам со своей властью являлся лишь составной частью этого порядка³.

Однако столь же апофатической стала попытка Ивана Грозного создать новое царство в Александровской Слободе, построенное на оппозиции «горнего» и «дольнего» царства. Этот новый тип правления является отзвуком Платоновской идеи «идеального государства», осложненной и отрефлексированной через христианское мировоззрение.

Идеальный город - Александровская слобода, представляет собой мрачную карикатуру на идеал Платона, где самодовлеющий абсолют - государство стражников, противопоставляет себя массе населения. Хотя идеал Платона сам по себе довольно пессимистичен, мрачен, утнетающ, на примере Александровской слободы, он был доведен до абсурда: орден «иноков»-опричников, чувствуя себя представителями царства «иноного», устраивает террор земного царства. Однако народ оценил их как кромешников, т.е. в восприятии русских людей того времени, это царство «не горнее», «не божье», а царство «тмы кромешной», что, в свою очередь, является некой оценкой легитимности этого города-государства.

Сам царь высказывает обратную точку зрения: «Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же — только по имени и по чести царь, а властью нисколько не

Печурин И. В.

Гнездилова П. Ю.

1 Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. С. 104.

2 Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 222.

3 Валишевский К. Иван Грозный: Историческое исследование. М.: АСТ, 2006. С. 261.

лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?»⁴.

Дух народа искал правду не в государственном устройстве, а в устройстве внутренне духовном, что нашло частичное проявление в исихазме. Народ увидел в Иване IV не грозного владыку земного царства, а искателя царства лучшего, власть при котором утверждается уже не по горизонтали среди многочисленных Рюриковичей, а по вертикали как проекция «горнего царства». Но этот идеал (а это судьба всех идеалов) не осуществился, и не мог быть осуществлен в силу своей природы, и, следовательно, субстанционального расхождения между миром метафизически несостоятельным и «горним царством» как воплощением христианских идеалов. Дело заключалось в исторически сложившемся противоречии, в несогласии правительственного положения и политического настроения боярства с характером власти и политическим самосознанием московского государя. Этот вопрос был неразрешим для московских людей XVI в. Потому надобно было до поры до времени занимать его, сглаживая вызвавшее его противоречие средствами благоразумной политики, а Иван хотел разом разрубить вопрос, обострив самое противоречие, своей односторонней политической теорией поставив его ребром⁵.

Апофатизм, в какой-то степени, преодолевается в царстве Петра I. Появляется опять новая столица и возникает построенная по формальной логике империя. Столица, государство, законодательство - все обустроено по вполне рациональному основанию, все грани общественной и государственной жизни очерчены. Таков посыл, другое дело насколько это удалось воплотить в реальность. Народная жизнь и распространённые в ней идеи и настроения явно имели мало общего с государственным строительством.

Политическая идея Ивана ставила своей задачей централизацию власти. Но осуществление ее встречало препятствие в лице владельцев наследственных вотчин. Они еще пользовались широкими правами и полнотой власти на своих землях⁶. Что такое было на самом деле Московское государство в XVI в.? Это была абсолютная монархия, но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом. Не было политического законодательства, которое определяло бы границы верховной власти, но был правительственный класс с аристократической организацией, которую признавала сама власть. Иван Грозный решил покончить с этими остатками прошлого времени. Средством для этого и явилась новая правительственная система, действия которой он сам направлял полновластной рукой хозяина, будучи твердо убежден в том, что «горе мужу, которым управляет жена, и горе городу тому, которым управляют многие!»⁷.

С правовой точки зрения вся юридическая жизнь народа предоставлялась действию обычного права и частной воли царя, невыраженной в письменной форме закона. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов называет Московский период «временем равновесия закона и обычая».

Со времени «Русской Правды», законодательство оставалось неподвижным. Следует признать, что «Русская правда»

сложилась преимущественно благодаря влиянию, прежде всего, церковной сферы. Воля собственно законодателя была выражена слабо – ведь воля как таковая берет мир не как сущее, а как должное, и в данном случае роль законодателя свелась преимущественно к оформлению обычаев. Это тенденция характерна для всего периода Допетровской Руси.

«Московский служилый человек» (понятие было введено русским историком, философом Г. П. Федотовым), который укоренен в бытии и одновременно являлся становой силой государства, несомненно, в первую очередь подчинялся предписаниям, представленным в «Стоглаве» и «Домострое». Ни первый, ни второй законами в строго юридическом смысле не являлись. Это сборники религиозных, нравственных постулатов, регулирующие повседневную жизнь русского человека. Юридический закон находится на заднем плане, на авансцене же господствуют своды правил обыденной жизни.

В Судебнике 1497 г. уголовные законы занимают первое место. В вопросах гражданского права законодатель ссылается большей частью на обычаи. Он едва касается отношений семейственных и договорных; другие же юридические отношения совершенно обходит молчанием. Что касается политических прав, то он говорит о них очень мало или почти ничего. Государство проявляет заботу о простом народе. Но опека его ограничивается запрещением лишать человека свободы без согласия государя.

В свою очередь Судебник Ивана IV существенно дополняет и расширяет систему преступлений и наказаний, описанную в предыдущем Судебнике, однако главное отличие состоит в том, что он определяет правовой статус принадлежности к конкретному сословию. Это существовало и раньше, но теперь выдвигается на первый план. Таким образом, возрастание воли законодателя приводит к тому, что оно рассматривает население не как однородную массу - в отличие от того же «Домостроя», по единым правилам которого жили все – князья, бояре, купцы, крестьяне. Теперь же именно закон, а не обычай дифференцирует единую общину православных на социальные группы, применяя к ним различные разряды норм.

Таким образом, построение государства и позиция законодателя, следуя идее «Третьего Рима», усвоенной в XVI веке, оказались в резонансе с лейтмотивом общественной жизни.

Не меняя законодательной базы, Иван IV строит государство под воздействием по сути своей метафизических идей. Теория осталась не разработанной в государственный порядок, в политическую программу. Перверсия «Третьего Рима» - город-государство опричников выступил как зловещий придаток к общественной и политической жизни Московского царства. Перевес широкого комплекса идей над позитивным законодательством приводит к появлению искаженного «государства в государстве» - опричнины в Александровской слободе, неопределенность внутреннего которой – это, по сути, продолжение апофатической линии, заложенной в основе самого государства.

Пристатейный библиографический список

1. Валишевский К. Иван Грозный: Историческое исследование. М.: АСТ, 2006. 432 с.
2. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. 624 с.
3. Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. 246 с.

4 Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 226.

5 Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. С. 105.

6 Валишевский К. Иван Грозный: Историческое исследование. М.: АСТ, 2006. С. 165.

7 Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 231.

ФИЛИППОВ Олег Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена проблемам выбора Россией формы территориально-политического устройства; автор пытается дать оценку истории и перспективам развития федеративных отношений.

Ключевые слова: народ, нация, государство, территориальное устройство, федерализм, самоопределение, национальный вопрос.

FILIPPOV Oleg Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TO THE QUESTION OF FORMATION OF TERRITORIAL-POLITICAL STRUCTURE OF SOVIET RUSSIA

The article is devoted to problems of Russia's choice of forms territorially-political system; the author is trying to assess the history and prospects of development of Federal relations.

Keywords: people, nation, state, territorial structure, federalism, self-determination, the national question.

Филиппов О. А.

Для большинства федеративных государств форма их государственного устройства не служит средством решения национального вопроса, хотя в таких государствах, как Индия, Бельгия, Канада и Нигерия, их территориально-политическая организация в той или иной мере отражает многонациональный состав населения.

Выбранная же Россией политическая форма территориального устройства в определенной ее части призвана решать именно национальный вопрос. Более того, в советский период под федерацией преимущественно понимали форму «разрешения национального вопроса, вопрос о сотрудничестве наций»¹. Это положение, высказанное И. Д. Левиным в 1948 году, разделяли многие советские ученые².

Юридические истоки оформления федеративных отношений в России были заложены в Конституции 1918 года и даже несколько раньше в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III съездом Советов в январе 1918 года. Она закрепила, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик»³.

Советское правительство после провозглашения право наций на самоопределение, стало проводить в жизнь национальную политику, имеющую определенные цели. По поводу этой политики известный русский мыслитель Н. Н. Алексеев писал: «Правда национальной политики большевиков сводится к тому, что ими были практически поняты и своеобразно использованы те центробежные силы, которые обнаружились в результате крушения Российской империи в 1917 году. Нельзя, конечно, преувеличивать этих сил, но нельзя в то же время их преуменьшать и недооценивать. Одним из пагубных заблуждений белого движения было то, что оно совершенно не считалось с ними и полагало парализовать их действие простой силой оружия. Между тем дело здесь шло о целой стихии, упрямой и самовольной, овладеть которой можно не

путем механического давления, но посредством органического приспособления, психологического расчета и тонкой дипломатии. Машину можно взорвать, искусственно задерживая в ней давление пара; но еще более осторожности требует обращение с человеческими душами, взбудораженными национальной страстью»⁴.

Руководство большевистской партии приспособило свои программы преобразования России к возникшим после февраля 1917 года центробежным тенденциям. Право народов на самоопределение признавалось только за теми народностями, которые принимали Советский государственный строй и программу коммунистической партии. В докладе И. В. Сталина на III съезде Советов, в январе 1918 года, по национальному вопросу подчеркивалось, что право на самоопределение должно быть подчинено борьбе за социализм и поэтому распространяется только на трудовые массы каждой конкретной нации⁵. По этой причине провозглашение такого принципа, как самоопределение народов, не повлекло за собой разрушение России (в этот период из состава России вышли только ряд территорий, отличающихся своей самобытностью, – Финляндия, Польша, Прибалтика). Совершенно непонятным в данном случае оказался статус ненациональных территорий и нетрудовых масс, лишенных права на самоопределение.

Каждый народ, получающий право на самоопределение, одновременно получал и национальную политическую группу, приверженную московским большевикам. Большевики апеллировали к самосознанию народов, населявших Россию, ища в нем идею, способную послужить платформой для объединения. «Большевистская политика имела успех оттого, что смогла внушить народам веру в ту же великую социальную миссию России. И большевистская Россия служит для многих символом свободы, считается покровительницей угнетенных, предвестницей будущего земного рая»⁶.

Национальная политика большевистской партии содержала в себе внутренний обман, который когда-нибудь должен был обнаружиться. Заявленная в пропагандистских целях формула об учреждении государства на основе союза

1 Левин И. Д. Суверенитет. Юриздат. 1948. С. 311.

2 См., например: Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917–1922). Из-во МГУ, 1966. С. 22; Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. Из-во МГУ, 1967. С. 3.

3 См.: Образование и развитие СССР как союзного государства. Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972. С. 6; Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 221.

4 Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 366.

5 См.: Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 31–32.

6 Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 367.

свободных наций в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа носила расплывчатый и неопределенный характер. Сопряжение федерализма с национальностью как будто исключало ненациональные территории из области федеративных отношений, но если учесть, что в начале 1918 года национальные образования в России составляли минимальное количество территорий, сам постулат о федерализме оказывался не более чем пустой оболочкой⁷. Примечательно, что свое отражение указанное положение о новой федеративной сущности государства нашло именно в декларации, ибо «декларация» не предполагает практическую реализацию положений, включенных в нее.

Сама по себе идеология марксизма имеет интернациональный окрас и не предусматривает никакого национального союза. В руководящей среде большевистской партии до октября 1917 года и ее программах по преобразованию России никаких задач по ее федерализации не ставилось⁸. Выступая против федеральной формы территориально-политического устройства, полагая, что данная государственная форма повлечет за собой нарушение экономических связей, большевики, тем не менее, допускали в виде исключения возможность ее создания с целью, которая была обозначена в документах партии как средство освобождения угнетенных народов, признания их равноправия⁹. Данная идея союза народов была взята на вооружение для вовлечения народов России в революционный процесс. Эти побуждения предшествовали и созданию многочисленных национальных автономий (республик, областей и округов), народы которых ничего не помышляли до этого момента о собственной государственности.

Большевики понимали, что провозглашение в период становления Советской власти постулата о самоопределении народов не могло повлечь создания на территории бывшей империи новых суверенных государств, но это очень было выгодно для использования в революционном процессе.

Во-первых, не могло не привлечь на сторону большевиков население национальных регионов, провозглашенное ими в процессе гражданской войны равенство всех народов и право на самоопределение, что выгодно отличалось от традиционной идеи неделимой и единой России, объединявшей белое движение. Это является главной причиной того, что Белая армия не имела, сколько бы значимой поддержки в национальных регионах России.

Во-вторых, не могли являться полноценной государственно-образующей силой существующие на тот момент национальные движения. У большинства нерусских народов вообще не было опыта государственности, или они его давно уже утратили, поэтому ориентация на Москву была единственным оправданным и естественным выбором их дальнейшего развития.

В-третьих, в подавляющей своей массе вожди эксплуатируемой ранее части населения, в том числе и национальной, как и московские руководители РКП(б), являлись членами той же партии, более того, любые попытки со стороны национальной части партии внести в ее ряды элементы децентрализации решительно пресекались. Так, попытка организовать мусульманскую организацию РКП(б) не увенчалась успехом, VIII съезд партии (март 1919 г.) вынес решение об отмене всех коммунистических национальных организаций, все они должны быть напрямую связаны с РКП(б)¹⁰. По этой причине партийная дисциплина в большей степени, чем реальное давление Москвы, принуждала их к выполнению решений Политбюро РКП(б) об объединении республик.

Советская федерация строилась без серьезного научного фундамента. Вместо объективного анализа ситуации предлагались искусственные конструкции двух видов федерации: основанные на договоре и на базе автономии. Свидетельство этому и то, что первая советская Конституция (1918 г.) закрепила лишь общие принципиальные положения, определявшие основные линии автономно-федеративного строительства. В ней

отсутствовали конкретные указания о государственном аппарате и полномочиях автономных образований¹¹.

Провозглашение принципа самоопределения народов, создание нового российского государства СССР на основе федеративных начал, а также обозначение в качестве федерации и той части бывшей Российской империи, которая в настоящее время собственно является Российской Федерацией, было заложено большевики противоречие в развитии российского государства. Идеи интернационализма и национального самоопределения рано или поздно вступят в борьбу. Пока существовала жесткая централизованная государственная система с особой ролью в ней коммунистической партии, данное противоречие успешно гасилось. Но как только в конце 80-х годов произошло ее ослабление, результаты не заставили себя ждать: последовал распад СССР, возникли центробежные тенденции внутри Российской Федерации, нашли свое место и конфликты на международной почве, в том числе и вооруженные.

Что же касается приверженности принципам федерализма, то после распада СССР только Россия сохранила федеративную форму государственного устройства. В остальных государствах (Украина, Грузия, Азербайджан, Молдавия) автономии статуса субъекта не приобрели и рассматриваются в контексте национальных меньшинств.

На сегодняшний день действительность фактических федеративных отношений в России, реально характеризуемых такими проблемами, как: отсутствие доктрины российского федерализма и соответственно концепции статуса субъекта Российской Федерации (в том числе и образованного по национальному признаку), противоречивость и неопределенность норм, заложенных в конституционной модели, влияние конъюнктурных соображений на практику разработки теоретических концепций, непоследовательная и противоречивая федеративная политика, нарушения Конституции Российской Федерации со стороны субъектов России и центральных властей позволяют говорить о том, что теоретико-правовые проблемы статуса субъекта Российской Федерации находятся в стадии поиска официальной наукой оптимальной парадигмы и фактически не превзошли те позиции, которые имелись на момент принятия Конституции России 1993 года.

Вселяет оптимизм то, что за период, прошедший со дня принятия Конституции 1993 года, накоплен немалый опыт государственного строительства, законотворчества и правоприменения, обозначились проблемы, которые нужно решать в первую очередь, пути их осуществления; все это будет учтено и окажет влияние на проведение более эффективной правовой политики по созданию модели российского федерализма и концепции статуса субъекта федерации, приспособленных не только к реалиям сегодняшнего дня, но и дающим перспективу для стабильного укрепления российской государственности и развития отдельных наций и народностей.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
2. Арзамаскин Н. Н., Хабибулин А. Г. Природа государства и его форма. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1997.
3. Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. М.: Прогресс: Прогресс – Академия, 1992.
4. Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. Из-во МГУ, 1967.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. М., 1983. Т. 1.
6. Левин И. Д. Суверенитет. Юридат, 1948.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7.
9. Образование и развитие СССР как союзного государства. Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972.
10. Сикевич З. В. Социология и психология социальных отношений. Учебное пособие. СПб., 1999.
11. Сталин И. В. Соч. Т. 4.
12. Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917–1922). Из-во МГУ, 1966.
- 11 Арзамаскин Н. Н., Хабибулин А. Г. Природа государства и его форма. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1997. С. 87.

7 Сикевич З. В. Социология и психология социальных отношений. Учебное пособие. СПб., 1999. С. 123.

8 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 105.

9 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. М., 1983. Т. 1. С. 447.

10 Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. М.: Прогресс: Прогресс – Академия, 1992. С. 151.

ЮТЯЕВА Любовь Евгеньевна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ГУМАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье раскрываются и рассматриваются основные аспекты реформирования российской судебной системы в первой половине XVIII столетия, анализируются изменения, вносимые в законодательство, регулирующее судебную систему.

Ключевые слова: гуманизация, реформирование, судебная система, отделение судебной власти.

YUTYAEVA Lyubov Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil legal disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

HUMANIZATION OF THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

The article describes and discusses the main aspects of reforming of the Russian judicial system in the first half eighteenth century, and analyzes changes in the legislation governing the judicial system.

Keywords: humanization, reform, the judiciary, the separation of the judiciary.

Ютяева Л. Е.

«Судь правый и скорый – вот весь идеаль,
къ которому стремится всякое учреждение суда и
расправы;
неправосудие и проволочки – вот зло,
которое предполагается устранить при этом»¹.

Законодательство России на протяжении XVIII века претерпевало значительные изменения во всех сферах государственного управления. Судопроизводство и судоустройство так же подвергалось реформированию. В прежние столетия судебные функции не были отделены от административной, то есть суд осуществляли те же лица и органы, которые обладали властью и осуществляли управление. На местах вместе с представителями монарха в суде участвовали представители служилых людей, городской или сельской общины. Различные суды не разделялись по инстанциям, подсудность была по месту жительства. Для разбора маловажных уголовных и гражданских дел ранее существовали общинные суды в городе и деревне, тогда как с приходом к власти Петра I отношение царя (впоследствии императора) к судоустройству изменилось, при нем начали проводиться противоречивые судебные реформы, хотя он и руководствовался рациональными началами. Он хотел, во-первых, отделить суд от администрации, создав специальные судебные органы нескольких уровней с правом апелляции на решения суда высшей инстанции в суд высшей инстанции; во-вторых, поставить судопроизводство в рамки писаного закона, уменьшить субъективность судебных решений; в-третьих, поставить работу судов под контроль специализированного органа – прокуратуры; наконец, привлечь для исполнения судебных функций на местах провинциальное дворянство.

Реформ в течение столетия было несколько и каждая следующая хотя бы отчасти отменяла предыдущую, достаточно условно можно их разделить на четыре этапа: 1) с конца XVII века (1699) до 1717-1718 гг.; 2) создание и функционирование коллегий вместо приказов; 3) эпоха дворцовых переворотов 1725-1762 гг.; 4) реформы Екатерины II. Результаты этих ре-

форм были различны, однако все они имели значение для развития судебной системы.

В основном, в начале XVIII столетия, судебные функции выполняли Бурмистрская Палата и Преображенский приказ, однако, судебными функциями были наделены так же другие приказы. Указом от 30 января 1699 года была учреждена Бурмистрская палата «...для ведомства всяких расправныхъ делъ между Гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями, и объ исключении Гостей и посадскихъ людей изъ ведомства Воеводъ и Приказовъ»², в соответствии с этим указом «Гостей и Гостиныхъ сотни и всехъ сотенъ и слободъ всего Московскаго Государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и чернослободцевъ во всякихъ ихъ расправныхъ и купецкихъ делахъ и въ сборахъ Его Великаго Государя доходовъ ведать Бурмистрамъ ихъ, а къ темъ ихъ расправнымъ и купецкимъ деламъ и сборамъ въ Бурмистры выбирать имъ Гости и Гостиныхъ сотни и всехъ сотенъ и слободъ посадскимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ межъ себя погодно, изъ Гостей и изъ Гостиныхъ сотни и изо всехъ сотенъ и слободъ добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и по скольку человек похотять...»³, то есть президент и члены (бурмистры) этого нового центрального органа управления и суда были выборными. Этот орган не был подчинен ни одному из приказов, что говорит о его уникальности. В других городах, кроме Москвы, были созданы подчиненные московской Бурмистрской палате (Ратуше⁴) выборные бурмистрские (земские) изы. Сюда поступали все собранные по городам деньги. Таким образом, они выполняли и финансовые функции. Как высшее центральное учреждение этой системы московская Ратуша входила с докладом прямо к царю и стала своего рода министерством городов и городских сборов, наделенным к тому же судебными функциями.

1 О мерах к отвращению неправосудия. Речь, написанная, для годичного акта в Императорском Харьковском университете, ординарным профессором А. Куницким в 1859 году. С. 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukarava.ru/catalog/435/993/558173/35991?view=1#> (дата обращения: 13.07.2017).

2 Об учреждении Бурмистрской Палаты...: именной № 1674 от 30 января 1699 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. III. С. 598.

3 Там же. С. 599.

4 ...об именовании Бурмистрской палаты Ратушею...: именной № 1718 от 17 ноября 1699 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. III. С. 669.

В 1711 году создается Правительствующий Сенат, орган государственной власти, ведавший обширным кругом вопросов, в том числе, являвшийся высшей судебной инстанцией, кроме того, в это же время император приказывает «учинить фискалов во всех делах, а какъ быть имъ, пришесть известие»⁵. Возглавлять фискалов должен обер фискал, человек «умный и добрый», «дела же его сии суть: долженъ онъ надъ всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый судъ, такожъ въ сборе казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискаль позвать его предъ Сенать...и буде уличить кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему фискалу»⁶, то есть в работе фискала законодателем предусматривается личная (материальная) заинтересованность в проведении тщательных проверок соблюдения законности. Кроме должности обер фискала предусматривается «несколько провинциаль фискаловъ, и у каждаго дела по одному, которые еще подъ собою несколько нижнихъ имеютъ»⁷, функции провинциал фискалов на местах не отличаются от функции обер фискала. Кроме фискалитета примерно в это же время начинают действовать следственные комиссии от лица государя, в полномочия которых входило как расследование и суд по экстраординарным, так и разбирательство по поводу доношений на представителей власти⁸.

Создание такого органа, как сенат послужило толчком к смене всей системы государственных органов, так в 1718-1719 годах создается система коллегий вместо существовавших ранее приказов. Одновременно с другими была создана Юстиц-коллегия, в ее ведении находились следственные, розыскные дела, сведения о заключенных в тюрьмах. По указу от 11 декабря 1717г. «О Штате Коллегий и о времени открытiя оныхъ» штат Юстиц-коллегии был невелик, всего 20 человек⁹. В 1719 году территория страны была разделена на судебные округа, в которых создавались надворные суды. Они были созданы «въ Петербурге, въ Москве, въ Казани, въ Курске, въ Ярославле, Воронеже, въ Нижнемъ, въ Смоленске, на Устюге Магистратъ, въ Тобольске»¹⁰. Эти суды состояли из президента (председатель), вице-президента (заместителя председателя) и от 2 до 6 членов. Надворные суды являлись не только судами первой инстанции, но и выступали в качестве апелляционной инстанции для дел, рассмотренных нижним судом, кроме того утверждал приговоры нижних судов, которые предусматривали в качестве наказания смертную казнь или политическую смерть.

Надворному суду подчинялись нижние суды, которые рассматривали основную массу уголовных дел в отношении дворян, гражданские споры между дворянами и наиболее тяжкие уголовные дела, совершенные крестьянами. Политические преступления рассматривались в Преображенском приказе или тайной канцелярии. Для городского населения судебными органами являлись ратуши, магистраты и Главный магистрат¹¹.

Итак, во второй четверти XVIII века судебные учреждения разделялись на четыре инстанции. Магистраты и ратуши служи-

ли судами первой инстанции для посадских, а для всех остальных лиц, проживавших в негубернских городах и сельской местности, эту роль выполняли нижние суды. Надворные суды являлись первой судебной инстанцией для всех жителей губернских городов, кроме посадских людей, и второй судебной инстанцией — для всех остальных. Учрежденная Юстиц-коллегия заменила Разбойный приказ в качестве третьей судебной инстанции не только по уголовным, но и по гражданским делам. Сенат выполнял роль четвертой и высшей, не считая императора, судебной инстанции и рассматривал дела о преступлениях высших должностных лиц. Вместо Тайного приказа была создана Тайная канцелярия розыскных дел. Таким образом, кроме магистратов, все суды были внесловными. Они состояли из назначаемого коронной судьи, который по совместительству мог исполнять какую-нибудь административную должность (например, президентом надворного суда был губернатор), и заседателей от дворянства; только магистраты избирались и состояли из посадских. В надворных и нижних судах больших городов решения принимались заседателями и судьей коллегиально, в нижних судах малых городов, которых было большинство, — судьей единолично. Однако, создавая специальные судебные органы, Петр I не изъясил судебные функции у новых центральных учреждений — коллегий, заменивших приказы, и сохранил церковный и военный суды.

Пристайный библиографический список

1. Готьё Ю. В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева, 1909.
2. ...об именовании Бурмистрской палаты Ратушею...: именной № 1718 от 17 ноября 1699 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. III. С. 669.
3. Об учреждении Бурмистрской Палаты...: именной № 1674 от 30 января 1699 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. III. С. 598.
4. О городах, в которых быть Гофгерихтам: именной № 3269 от 8 января 1719 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. V. С. 607.
5. О мерах к отвращению неправосудия. Речь, написанная, для годичного акта в Императорском Харьковском университете, ординарным профессором А. Куниным в 1859 году. С. 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukaprava.ru/catalog/435/993/558173/35991?view=1#>.
6. О назначении князя Трубецкого Обер-Президентом С. Петербургского и прочих Магистратов: именной № 3520 от 13 февраля 1720 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VI. С. 131.
7. О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве Государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства: именной, данный сенату № 2330 от 2 марта 1711 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. IV. С. 635.
8. О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем Сенате, и о должности Обер Фискала: именной, данный сенату № 2331 от 5 марта 1711 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. IV. С. 637.
9. Там же.
10. Готьё Ю. В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке. М.: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1909.
11. О штате коллегий и о времени открытия оных: именной № 3129 от 11 декабря 1717 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. V. С. 525.
12. О городах, в которых быть Гофгерихтам: именной № 3269 от 8 января 1719 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. V. С. 607.
13. О назначении князя Трубецкого Обер-Президентом С. Петербургского и прочих Магистратов: именной № 3520 от 13 февраля 1720 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VI. С. 131.
14. Готьё Ю. В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке. М.: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1909.
15. О штате коллегий и о времени открытия оных: именной № 3129 от 11 декабря 1717 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. V. С. 525.
16. О городах, в которых быть Гофгерихтам: именной № 3269 от 8 января 1719 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. V. С. 607.
17. О назначении князя Трубецкого Обер-Президентом С. Петербургского и прочих Магистратов: именной № 3520 от 13 февраля 1720 года // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VI. С. 131.

ШИЧАНИН Михаил Алексеевич

студент 4 курса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

25 ЛЕТ ЮГОСЛАВСКОМУ КОНФЛИКТУ 1992 Г. – ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Глобальная безопасность человечества во всем мире зависит как от числа вооруженных конфликтов локального характера, так и от конфликтов на международном уровне, а также от неизбежных людских потерь в ходе каждого из них. В этом отношении не является исключением и кризис в Югославии, который случился в 90-х годах XX века. Он закончился серьезнейшей мировой геополитической катастрофой, которая привела к распаду этой страны. В статье автор анализирует события этого кризиса, выстраивает хронологический порядок событий, выявляет противоречия между основными принципами международного права, сравнивает югославский конфликт с современными событиями на Украине, выявляя их сходства и различия.

Ключевые слова: международное публичное право, югославский конфликт, Югославия, правовые последствия, исторические уроки.

SHICHANIN Mikhail Alekseevich

student of the 4th year education of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

25 YEARS OF THE YUGOSLAV CONFLICT IN 1992 – THE LEGAL CONSEQUENCES AND HISTORICAL LESSONS

The global security of mankind all over the world heavily depends on the number of armed conflicts within a certain state and conflicts at the international level, as well as inevitable human losses in every conflict. In this regard, the crisis in Yugoslavia, which happened in the 1990s is no exception. It ended in the global geopolitical catastrophe and demise of the country. In this article, the author analyzes this crisis events, builds up the chronological sequence of events, singles out contradictions between the fundamental international law principles, compares the Yugoslav conflict with the current events in the Ukraine, revealing the similarities and differences between them.

Keywords: public international law, the Yugoslav conflict, Yugoslavia, legal consequences, historical lessons.

Существование и поддержание современного мира, к сожалению, невозможно без международных войн и локальных конфликтов. Несмотря на общепризнанные международные обычаи и важнейшие принципы современного международного права, такие как *запрещение применения силы или угрозы силой, нерушимости государственных границ, территориальная целостность*¹, на стремление государств во всем мире поддерживать мир и безопасность человечества, конфликты и столкновения из-за различных межгосударственных противоречий и антагонистического понимания ценностей и форм реализации интересов все же неизбежны. Как справедливо отмечает Е. Г. Моисеев: «...реалии современной международной жизни таковы, что постоянно то в одном регионе, то в другом, а то и в нескольких одновременно происходят вооруженные конфликты»². Глобальная безопасность человечества во всем мире сильно зависит от числа вооруженных конфликтов как внутри определенного государства (локальный характер), так и от конфликтов на международном уровне, а также неизбежных в ходе каждого конфликта людских потерь. В этом отношении не является исключением и кризис в Югославии, который случился в 90-х годах XX века. Но этот кризис закончился серьезнейшей мировой геополитической катастрофой,

которая привела к распаду этой страны. Кризис, вне всякого сомнения, был прямым следствием другого геополитического события, который произошел приблизительно в это же время. Это был распад СССР.

Югославский кризис имеет серьезнейшую политическую и юридическую подоплеку, которая связана как со сложнейшей военно-дипломатической игрой, так и с проблемами внутреннего государственного устройства Югославии. Эта политическая и юридическая игра была предпринята США, а также прочими странами Западного мира, которые вели ее в отношении Югославии.

Данное обстоятельство связывает югославский кризис с последующими «цветными революциями» по всему миру, включая и «революцию достоинства», которая произошла в Украине в январе-феврале 2014 года. Данная «революция» имела вид насильственного государственного переворота и вызвала широкое развитие протестного движения в некоторых регионах Украины.

Следует отметить, что право народа на самоопределение есть один из важнейших принципов международного права, который означает для каждого народа право самостоятельно решать свою судьбу и выбирать форму своего государственного существования, свободно устанавливать собственный политический статус и осуществлять собственное экономическое и культурное развитие. Принцип равноправия и самоопределения народов наряду с прочими принципами международного права провозглашается Уставом ООН и ставит целью развитие дружественных отношений между нациями.

При этом, Украина, самостоятельно воспользовавшись этим правом, отказала в применении данного права народам, которые проживают на конкретных территориях этой стра-

Шичанин М. А.

1 Данные принципы получили свое закрепление в ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945), а также в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, 1970 г.

2 Международное публичное право: учеб. / Л. П. Ануфриева, Д. К. Бекашев, К. А. Бекашев, В. В. Устинов [и др.]; отв. ред. К. А. Бекашев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 671 (автор соответствующей главы – Е. Г. Моисеев).

ны. К примеру, до сих пор многими странами мирового сообщества, в том числе членами ООН, так и не были признаны результаты крымского референдума, состоявшегося 16 марта 2014 года. На этом референдуме жители Крыма, большинством в 97% признали необходимость выхода из состава Украины и вступления в состав Российской Федерации. После этого Конституционным актом Российской Федерации результаты этого референдума были оформлены юридически и Крым вошел в состав Российской Федерации³.

Однако по инициативе Украины и ряда стран мирового сообщества эти результаты так и не были приняты официально. Мало того, результаты крымского референдума стали основанием для осуществления против РФ санкционной войны. Данное обстоятельство может быть вызвано политикой «двойных стандартов» стран Западного блока в отношении России. Данный политический курс «двойных стандартов» проявился в толковании одних и тех же процессов и принципов в отношении ситуации Югославии, в Крыму и на Донбассе. При этом Запад и прежде всего США в отношении республик бывшей Югославии заявляли о доминирующем влиянии принципа права нации на самоопределение, а применительно к республикам «Крым» и «Донбасс» США настаивали на принципе территориальной целостности и суверенитета Украины. «В плане Украины расширение НАТО абсолютно точно остановлено. Украина никогда не будет в НАТО. У меня даже есть сильные сомнения, что Украина будет интегрироваться в экономическом плане в Евросоюз»⁴.

Возвращаясь к «югославскому вопросу» отметим, что социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) в это время оставалась прямым политическим противником и соперником Запада и этого соперничества Западный мир простить Югославию, конечно же, не смог. Масштаб и геополитические последствия Югославского кризиса подвергли серьезному испытанию всю сложившуюся на европейском континенте политическую обстановку и устройство, которое возникло после того, как закончилась «холодная война».

Данная система по выстраиванию и реализации международных отношений, а также и структура институтов глобального и регионального уровня, которые были созданы специально «под» европейский интеграционный процесс, претерпели в тот период серьезнейшие испытания⁵.

Югославским кризисом было поставлено «под вопрос» всё будущее существование и развитие региона Балканского полуострова в целом. Интересным является и то, что таких территорий, потенциально конфликтоопасных, в мире появилось достаточно много. И все мы становились свидетелями этих кризисов и внешнеполитических взрывов, которые впоследствии происходили с достаточно высокой степенью регулярности. В связи с этим стоит вспомнить балканский кризис, произошедший в 1999 году или афганский кризис, случившийся в 2001 году, иракский кризис, целую «полноводную» и весьма разнонаправленную «арабскую весну», а также череду цветных революций, которые произошли на просторах бывшего СССР, кризисы в Сирии и на Украине.

События, которые развернулись в Югославии в период с 1991 по 1995 годы, которые впоследствии были названы югославским кризисом, в причудливом сочетании с вовлеченными в его развитие странами Запада, превратились в полноценное выражение глобального переходного кризиса. Это был кризис «нового поколения», наступивший после продолжительного периода «биполярности»⁶. При этом югославский кризис охватил множество стран-участников, которые выставили перед мировым сообществом огромное число невероятно сложных проблем.

Югославский кризис появился и уверенно развивался на протяжении фазы этно-национальных конфликтов, сопровождаемая одновременной кульминацией процесса развития экономической и политической интеграции Европейского сообщества (далее – ЕС). При этом, т.к. в рамках ЕС выкристаллизовывалась тенденция к европейской идентичности, установленная в области обороны и безопасности, Югославия являла собой процесс, в корне отличный от «европейского пути».

Данная политическая и правовая коллизия придавала кризису прямые и неразрешимые особенности, которые развивались в противоречии с формированием общей внешней политики Европы. В частности, это касалось европейской политики безопасности⁷. Данная проблема, при этом, накладывалась на общие вопросы пересмотра мирового баланса сил.

Таким образом, участие Европейского Союза в антикризисном проекте, развернутом на Балканах, превратилось для ЕС в подлинный дебют в качестве полноценного и сильного международного арбитра и посредника. ЕС предполагал возможности впервые самостоятельно разрешить проблему, которая уже имела даже не региональный, а мировой уровень.

Но не получилось, не вышло.

Югославский кризис, а также политика, которая была предпринята по отношению к СФРЮ Европейским Союзом, стали своеобразной научной лабораторией. В этой лаборатории разрабатывались новые системы международных отношений в Европе и новые подходы Запада по отношению к региональным кризисам, возникающим в восточной части континентальной Европы. Это был новый расклад политических сил и влияния в Европе после того, как была уже окончена холодная война, и мир искал новые основы для формирования нового, ранее еще не оформленного, однополярного миропорядка⁸.

Но этот кризис не стал пройденным экзаменом на настоящую политическую зрелость и самостоятельность, которую ЕС так и не смог проявить. Разрешение конфликта не было, да и скорее всего, просто не могло быть установлено на единые внутриевропейские рельсы, и потому вовлечение в него множества международных игроков, в том числе таких, как США и Россия, было в конечном счете предопределено сложившимися обстоятельствами.

Однако, сумел ли найти новый однополярный мир выход из этого тяжелого и кровавого югославского кризиса?

Попробуем понять это последовательно и объективно.

Итак, хронологические рамки югославского кризиса остаются в рамках от мая-июня 1991 года до ноября 1995 годов. Отправная точка югославского кризиса отмечена наивысшим пиком кризиса федерации Югославии. Именно на основании прохождения этого пика, страна пришла к фактическому рас-

3 Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя // Обращение законодательства РФ. 24.03.2014. № 12. Ст. 1201.

4 Пилько А. В. Косовский конфликт и кризис на Украине: точки пересечения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/expert/20140325/1003460258.html> (дата посещения: 05.01.2017 г.).

5 Бордачев Т. В. Гуманитарная и миротворческая интервенция: американский и европейский подходы // США: Экономика, политика, идеология. – 1998. – № 8. – С. 44.

6 Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 124.

7 Волков В. К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. – М., 1994. - №4. - С. 12.

8 Туровский Р. Ф. Югославский разлом // Полис. – 1992. – № 4. – С. 74-84 Уткин А. США, НАТО, ЕС // США, Канада: Экономика, политика, культура. – 1997. – № 10. – С. 28.

Таблица 1. Хронология этапов появления и развития кризиса в Югославии в период 1991-1995 годов.*

№ п/п	Этап кризиса	Содержание этапа кризиса
1	2	3
1	От мая-июня 1991 г. – до февраля 1992 г.	Кульминация периода процесса распада федерации при суверенизации республик бывшей Югославии, а также формирование, а позже и становление реальной антикризисной политики.
2	От февраля 1992 г. – по февраль 1994 г.	Перерастание конфликта в Боснии и Герцеговине из стадии конфликта в стадию гражданской войны. Позже эта война стала войной между новообразованными государствами. Данное основание привело к серьезному кризису европейского миротворчества, а также переход ЕС в своей политике от «политики признания» к политике «малого шага».
3	От февраля 1994 г. – до ноября 1995 г.	Сараевская фаза югославского кризиса в феврале 1994 г., подведшая окончательную черту в отношении европейского миротворчества в отношении бывшей Югославии. Это стало своеобразным прологом к очередной фазе в урегулировании кризиса на территории бывшей Югославии, который осуществлялся уже без активного участия ЕС.

паду СФРЮ. Завершился югославский кризис в тот момент, когда стороны подписали Дейтонские соглашения в США⁹.

Данный факт, несомненно, можно считать завершающим этапом кризиса, поскольку этими соглашениями была окончена война в Боснии и Герцеговине.

Этапы югославского кризиса представлены в хронологической последовательности в таблице 1.

Отметим, что непререкаемое лидерство США в югославском кризисе получило как новое воплощение в том процессе эволюции югославского миротворчества, которое выразилось в процессе по поддержанию мира, а также последующего процесса – принуждения к миру, так и столкнулось с серьезными проблемами и вызовами, вступающими в противоречие с доктриной однополярного мира.

Итогом же «операции по принуждению к миру», стало подписание Дейтонских соглашений в ноябре 1995 г.

Определив периодизацию югославского кризиса, рассмотрим подробнее ход и течение второй, активной части кризиса, а именно – войны на территории бывшей Югославии.

Значительную роль в начале активного военного противостояния сыграли попытки югославских политических «верхов» в лице сепаратистских настроенных оппозиционных лидеров пересмотреть имеющиеся и уже устоявшиеся границы между шестью союзными федеративными республиками уже распадающейся Югославии¹⁰.

Фактически этот процесс, стал первым этапом развала Хельсинского процесса 1975 года, которым трактовались нерушимость и окончательное закрепление территориальных границ в Европе. При этом, в СФРЮ 1991 год начался войной в Хорватии, которая в целом продлилась долгих 4 года - от 1991 до 1995 г. Высший орган власти в Хорватии - Сабор Хорватии - к февралю 1991 г. принял решение о «разоружении» в отношениях с СФРЮ. Сербским же национальным вече от автономии Сербская Краина, автономного сербского края, который территориально входил в состав Хорватии, была принята собственная резолюция по «разоружению» вместе с Хорватией.

При этом, Национальное вече республики Сербская Краина продолжило курс на утверждение решения о своем сохранении в составе СФРЮ.

Страсти между сербами и хорватами накалялись, а гонения, предпринятые «хорватским большинством» на Сербскую

поместную православную церковь, стали причиной появления «первой волны» югославских беженцев, состоявшей из 40 тысяч сербов, вынужденных покинуть собственные дома в Хорватии.

Июль 1991 года стал месяцем «всеобщей мобилизации» в Хорватии, и в конце злополучного 1991 года численность вооруженных формирований Хорватии превысила 110 тысяч человек¹¹.

При этом, в Западной Славонии прошли этнические чистки, приведшие к изгнанию сербов в полном составе из десятка городов и более чем сотен сел, а также – частичному из 87 сел¹². Сербов в ответ начали формировать систему территориальной обороны и создавать самостоятельные вооруженные силы Краины. Эти воинские формирования, в значительной степени состояли из добровольцев, прибывших из Сербии. Части Югославской народной армии (ЮНА), которые вошли на территорию Хорватии, и очень быстро, уже в августе 1991 года, выбрали добровольческие хорватские подразделения с территории всех сербских районов Хорватии.

Однако, подписанные в Женеве, соглашения о перемирии заставили ЮНА прекратить военную помощь сербам Хорватской Сербской Краины, что повлекло новое наступление хорватов. Это наступление националистически настроенных и мало контролируемых военизированных формирований несло в сербские и хорватские населенные пункты смерть и разрушения.

От весны 1991 и до весны 1995 гг. по требованию Совета Безопасности при ООН территория и население Сербской Краины были частично взяты под защиту «голубых касок» – миротворцев ООН, но то, что при этом условии хорватские войска будут полностью выведены из тех зон, которые стали контролироваться миротворцами ООН, в договоре не было заявлено.

Хорватами снова и снова предпринимались новые активные военные действия в отношении сербов, в которых участвовали танки, артиллерия, ракетные установки.

Результатом войны в Хорватии 1991-1994 гг. стала гибель 30 тысяч граждан, более полумиллиона югославов вынуждены были стать беженцами, а прямые убытки экономике составили без малого 30 млрд. долларов США.

Май-август 1995 года ознаменовался хорошо подготовленным наступлением хорватской армии по возвращению Сербской Краины и укреплению её в составе Хорватии. В ходе этого этапа военных действий были убиты два или три десятка тысяч человек, четверть миллиона сербов вынуждены были

* Таблица отражает научные взгляды автора статьи.

9 Гуськова Е. Ю. Урегулирование на Балканах: От Бриони до Дейтона (мирные планы 1991-1995). - М.: ИНИОН РАН, 1998. - С. 27. Текст Дейтонских соглашений см. на сайте. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.state.gov/p/eur/rls/or/dayton/52577.htm> (дата посещения: 07.05.2017 г.).

10 Арбатова Н.К. Уроки Югославии для России и Запада // Мировая экономика и международные отношения. - 1995. - №2. - С. 46.

11 Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. - М.: ИНИОН РАН, 1998. - С. 79.

12 Там же. - С. 79.

уйти со своей земли. Всего же за время войны 1991-1995 гг. Хорватию покинули более чем 300 тысяч сербов¹³.

В это же время, то есть с 1991 по 1995 годы, в бывшей Югославии шла война так же в республике Босния и Герцеговина. Эта война началась с того, что с 14 октября 1991 года Скупщиной Боснии и Герцеговины в отсутствие сербских депутатов была провозглашена независимость республики.

В результате этого, начиная с 9 января 1992 года, собравшаяся Скупщина сербского народа объявила о провозглашении Республики Сербской на территории Боснии и Герцеговины. Данная Республика Сербская входила в составе СФРЮ. В результате возникшего острого противоречия в Боснии и Герцеговины в апреле 1992 года произошел «мусульманский путч», приведший к захватам зданий милиции и других важнейших объектов. Мусульманам и их вооруженным формированиям было оказано сопротивление со стороны Сербской добровольческой гвардии и отрядов добровольцев. ЮНА была отведена в казармы и блокирована в них мусульманами. 44 дня острой фазы войны в Боснии унесли жизни 1320 человек, количество же беженцев, превысило 350 тыс. человек¹⁴.

Однако, отстаивая свои геополитические интересы и стремясь закрепить «победу» в холодной войне, США и некоторые другие государства Европы выдвинули обвинения против Сербии в разжигании конфликта в отношении республики Босния и Герцеговина, а также через Организацию безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ) выдвинули ультиматум. Югославские войска ушли с территории Боснии и Герцеговине, но обстановке в ней не стабилизировалась.

Война разгорелась уже между представителями хорватов и мусульман. В ней приняла участие хорватская армия. США были озабочены решением очередного неожиданного всплеска кризиса и стали работать над созданием мусульманско - хорватской федерации, об образовании которой, при посредничестве США, было объявлено в марте 1994 г.

Эта федерация располагала хорошо вооруженной армией, которая тут же приступила к ведению наступательных операций, которые уже поддерживались воздушными силами НАТО, причем делалось это, опираясь на санкции, введенные в действие Генеральным секретарём ООН.

В конце лета и начале осени 1995 года под ударами НАТО с воздуха не устояли сербские военные объекты, в том числе узлы связи, а также системы ПВО, после которых началось новое наступление федерации мусульманско - хорватов.

Сербам же пришлось вынуждено подписать соглашение, в котором сообщалось о немедленном и безоговорочном прекращении огня.

15 декабря 1995 года Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1031. В этой резолюции НАТО были поручены формирование миротворческих сил по прекращению конфликта, полыхавшего в Боснии и Герцеговине. Роль ООН была сведена к практически механическому одобрению этой операции¹⁵.

Принято считать, что в начале 2000-х гг. цель миротворческой операции была достигнута в основном. Огонь был прекращен, однако полного согласия в составе конфликтующих сторон не произошло. Неразрешённой осталась и проблема беженцев.

Скорбным итогом войны в Боснии и Герцеговине стали 200 тысяч погибших сербов, хорватов, боснийцев. 180 тысяч человек из числа погибших были мирными жителями¹⁶.

США продвигало и маскировало свои действия в югославском кризисе риторикой о новомодной «концепции партнерства».

С США во главе блока западных держав была развернута активная деятельность по введению в свою орбиту стран Восточной Европы.

Именно для того, чтобы дать мощный толчок этому европейскому переделу, был получен приказ о подключении НАТО к деятельности в отношении миротворческих операций ООН в бывшей Югославии. Таким образом НАТО была выведена «за пределы» собственной территории и смогла привлечь к содействию в данной операции Албанию и Венгрию.

Дебаты о возникновении новых угроз безопасности в Европе особенно усилились после того, как в январе 1993 года к власти в США пришел Билл Клинтон.

Администрация Клинтона вознамерилась ввести в состав НАТО Польшу, Венгрию и Чехословакию. Югославский кризис, конечно же, стал отличным катализатором для задуманных за океаном перемен.

Внешняя политика России начала 90-х годов не оказывала серьезного противодействия в отношении этих попыток американского лидера. В результате уже во второй половине 1993 года была предпринята попытка предварительной разработки, а затем и внедрения в жизнь положений Международной программы, названной американскими американскими стороной - «Партнерство во имя мира».

Данная программа стала впоследствии своеобразным «подготовительным классом» для некоторых стран, расположенных в Центральной и Юго-Восточной Европе, в их планомерном и неуклонном присоединении к НАТО.

Данные действия были в большой степени обеспечены теми усилиями, которые несли участники НАТО в отношении миротворческих операций в республике Босния и Герцеговина.

Покровительство Билла Клинтона - Президента США - и содействие Государственного департамента, Сената и Конгресса США давало настоящий американский патронат для подписания рамочного соглашения боснийских мусульман и хорватов о федерации.

Фактически это был союз двух этнических групп против сербов Боснии и Герцеговины, который и был заключен в Вашингтоне в марте 1994 г.

Политическое руководство США на протяжении 1995 года активно использовало все возможные военно-политические и экономические рычаги и механизмы НАТО. Это делалось для того, чтобы достичь передела в этно-гражданской войне, происходящей на территории бывшей СФРЮ.

Влияние США стало решающей силой в перевооружении армии союза боснийских мусульман, а также хорватов. Для того, чтобы усилия этой вооружённой группы были скоординированы с применением авиации НАТО, США, фактически, согласовали проведение военных операций со стороны армии Хорватии, которые были направлены исключительно против сербских анклавов, которые продолжали оставаться на территории республики Босния и Герцеговина.

США же выступили инициатором подписания мирного соглашения, по которому Республика Сербская, входившая в состав Боснии, прекращала сопротивление.

Данное соглашение подписывалось 14 декабря 1995 года в Париже.

16 Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 112.

13 Там же. – С. 81.

14 Там же. – С. 82.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1995.shtml>; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/405/28/PDF/N9540528.pdf?OpenElement> (дата посещения: 07.05.2017 г.).

Оно было подписано президентами Боснии и Герцеговины, а также президентом Республики Хорватия и было навязано Республике Сербской Государственным департаментом США.

Это делалось исключительно для того, чтобы дать возможность избежать Изетбеговичу и Туджману любых контактов с президентом Республики Сербской Радованом Караджичем.

Ведь Радован Караджич уже был объявлен в розыск Международным трибуналом по военным преступлениям на территории бывшей Югославии. Мало того, этот трибунал, созданный так же при активном участии США, объявил Караджича военным преступником.

Это был один из очередных случаев проявления в политической практике США политики «двойных стандартов».

«Взятые под крыло» США лидеры Боснии и Хорватии должны были бы нести по меньшей мере равную с Караджичем долю ответственности за все имевшие место военные преступления и другие эксцессы, которые не могли не иметь места в ходе межэтнического конфликта.

Роль и место США в кризисе, произошедшем на территории бывшей Югославии, были подтверждены тем, что мирное соглашение, возвестившее о конце первой фазы югославского кризиса, подписывалось в Дейтоне, который расположен в штате Огайо, на территории США.

Дейтонское мирное соглашение предполагало, что на территории, где расположилась Босния и Герцеговина будет расположен крупный натовский контингент. В результате этого бывшая республика СФРЮ, которая, номинально или *de jure* была независимым государством, а также входила в ООН и ОБСЕ, стала *de facto* «международным протекторатом», руководил которым США, и стала откровенным плацдармом США и НАТО на Балканах.

Этот факт сыграл огромную роль в дальнейшем развитии Балканского кризиса, который не был уже Югославским, так как не было и самой Югославии.

Отметим, что приход к власти в США президента Билла Клинтона и администрации демократов во внешнеполитическое ведомство этой страны, привел Государственный департамент к принципиальному пересмотру внешнеполитического курса США на просторах пост-югославского пространства.

Таким образом, во время первого этапа югославского кризиса озабоченность и повышенный интерес к событиям в Югославии проявлял практически исключительно Государственный департамент США. Конгресс, пресса и все СМИ, а стало быть, и народ США, пребывали по отношению к югославскому кризису в блаженном неведении.

Второй этап «югославского кризиса», обозначившийся в 1993 году, стал временем, когда США вступили в «активную фазу» внешнеполитической деятельности. Одновременно США была признана независимость республик бывшей СФРЮ - Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина.

Данные события потребовали значительного усиления публичных выступлений со стороны конгрессменов и СМИ.

Третий этап «югославского кризиса» с конца 1994 и по 1995 годы был отмечен жесткой борьбой среди интервенционистов и изоляционистов во власти и истеблишмента США. Усилия СМИ, развитые выступлениями и «информационными поводами», инспирируемыми Конгрессом и Государственным департаментом США, привели к, кардинальным изменениям в общественном мнении США и резкому усилению напряженности на мировой арене.

В США в период «кризиса в бывшей Югославии» на протяжении 1991 – 1995 гг., вышли множество статей и книг, непосредственно касающихся места и роли США в отношении событий на Западных Балканах.

Среди авторов этих выступлений: У. Берт, Б. Блитц, М. Веллер, Д. Гомперт, И. Даалдер, Дж. Паквин, Р. Собел, Р. Ульман, М. Шлезингер и др.¹⁷. Про особенности политики США в вопросах урегулирования кризиса в Боснии и Косово писали такие специалисты, как Ф. Байбер, Л. Брюн, С. Хосмер, Д. Шолле¹⁸.

Активно исследовали основные направления внешней политики Билла Клинтона на Западных Балканах также Я. Оливер, У. Хайленд, Э. Фаркас¹⁹.

Наконец, тем усилиям, которые предприняли США в вопросах преобразования Западных Балкан в особую зону стабильности и безопасности, посвящены исследования Дж. Норрис и С. Талботт, К. Бугарель, Э. Хелмс, Дж. Дайджингс²⁰.

Имеются так же в США и исследования, которые охарактеризовали то состояние, которое имело общественное мнение в отношении «югославской проблемы». Таким образом, можно предположить, что в США имелись основные политические группы, которые оказывали на этот кризис, свое особое внимание, влияние и давление.

Таким образом, из приведенных нами исследований и материалов следует сделать общий вывод. Внешнеполитический курс США, установившийся на Западных Балканах во время «югославского кризиса», имел существенные изменения, которые обуславливались кардинальными пересмотрами внешнеполитических практик Государственного департамента США.

На первый взгляд администрация Президента США Билла Клинтона располагала четким планом действий в области разрешения югославского конфликта.

Однако, все события 1993 года, включившие в себя: 1) распад единства антисербского фронта; 2) начало войны хорватов с мусульманами; 3) прямой отказ союзников США поддерживать военные операции США в Боснии и Герцеговине; 4) откровенный «провал» США, произошедший в Сомали, который позволил противникам интервенции говорить об опасности непродуманного вмешательства в конфликты, имеющие застарелый характер, предполагали, что планы, имевшиеся у США в отношении Югославии, были несостоятельны.

Все это заставило США пересмотреть некоторые базовые принципы, которые становились основой их нового внешнеполитического курса. Американское руководство стало четко понимать – данный и другие кризисы, невозможно разрешать лишь при помощи дипломатии и ограниченного применения военной силы, но необходимо и возможно при этом осуществлять дипломатию силы, которую и совмещать с умелым лавированием и уступками-компромиссами. Вашингтонское соглашение, остановившее хорватом-мусульманскую войну, заключенное 1 марта 1994 года, было, пожалуй, первым примером воплощения таковой обновленной внешней политики, которую вели США.

Согласно новой стратегии США впервые выступили, как главный творец и участник процесса мирного урегулирования, сопровождающегося возникновением новых проблем и противоречий. Поэтому после того, как была проведена круп-

17 См., например, Bert W. The Reluctant Superpower: United States' Policy in Bosnia, 1991–1995. N. Y., 1997; War and Change in the Balkans: Nationalism, Conflict and Cooperation. Cambridge, 2006; Daalder I. Getting to Dayton. The Making of American's Bosnia Policy. Washington, 2000.

18 См., например, Cholle D. Holbrooke R. Road to the Dayton Accords: A Study of American Statecraft. Gordonsville, 2005; Bieber F., Daskalovski Z. Understanding the War in Kosovo. London, 2003.

19 См., например, Oliver I. War & Peace in the Balkans. The Diplomacy of Conflict in the Former Yugoslavia. L.; N.Y., 2005.

20 См., например, Norris J., Talbot S. Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo. L., 2005; Bougarel X., Helms E., Duijzings G. (ed.) The New Bosnian Mosaic: Identities, Memories and Moral Claims in a Post-War Society. N. Y., 2007.

нейшая за всю историю существования НАТО, военная операция «Освобожденная сила», пришло и подписание выгодного для США и его западных союзников, Дейтонского соглашения 1995 года, после которого обозначилось и подтвердилось лидирующее положение США на территории западно-балканского региона. Но и тогда роль в этом кризисе США не потеряла главенствующего значения.

Таким образом, нами было выяснено, что югославский кризис 1991 – 1995 гг. стал самым тяжелым и продолжительным кризисом современности, который разразился в пост-биполярном мире. Он может считаться основополагающим прецедентом правового процесса по созданию обновленной системы в области международных отношений, а также попыткой создания новых активов и форматов международной безопасности.

Югославский кризис данного периода стал отправной точкой для начала разрушения европейского, так называемого «хельсинского процесса», названного так в соответствии с Заключительным актом, принятым общим СовеЩанием по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот акт был подписан в Хельсинки в 1975 году. Отметим, что в соответствии с положениями данного акта границы государств на европейском континенте были признаны постоянными и нерушимыми. Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия на несколько независимых государств, в числе которых Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, фактически стал началом конца этого известного и очень авторитетного в мире международного договора.

Югославский кризис привел к созданию такого международного формата правовых уголовных взаимоотношений, как Международный трибунал по бывшей Югославии, который был создан как структура Организации Объединенных Наций и получил широкие полномочия по вопросам восстановления справедливости и наказания за военные преступления на протяжении этого и последующего периодов. Данные полномочия были подтверждены Мандатом Совета Безопасности ООН, выданным на основании его резолюции²¹.

Международным трибуналом к уголовной ответственности были привлечены многие участники югославского кризиса, в том числе: Президент Сербии Слободан Милошевич, Президент Республики Сербска Крайна Радован Караджич, Воислав Шешель, Радко Младич и т.д. Соответственно, работа Трибунала ограничивалась рамками времени и территории. В соответствии с уставом, территориальной юрисдикцией трибунала оставались территории бывшей Югославии, за исключением Словении. Предполагалось, что после завершения последнего процесса, инициированного трибуналом, закончится и существование самого этого суда *ad hoc*.

Югославский конфликт продемонстрировал жесткий курс США на построение «однополярного мира», основанного на доминировании монополярной системы ценностей, диктате силы, применении западными странами двойных стандартов, т.е. мира ценностей и принципов, входящих в противоречие с тенденциями общественного развития, обуславливающими необходимость учета специфики и баланса интересов различных государств и народов, формирование «многополярного мира».

Пристайный библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя // Собрание законодательства РФ. 24.03.2014. № 12. Ст. 1201.
2. Арбатова Н. К. Уроки Югославии для России и Запада // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – №2.
3. Бордачев Т. В. Гуманитарная и миротворческая интервенция: американский и европейский подходы // США: Экономика, политика, идеология. – 1998. – № 8.
4. Волков В. К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. – М., 1994. – № 4.
5. Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. – М.: ИНИОН РАН, 1998.
6. Международное публичное право: учеб. / Л. П. Ануфриева, Д. К. Бекашев, К. А. Бекашев, В. В. Устинов [и др.]; отв. ред. К. А. Бекашев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
7. Пилько А. В. «Косовский конфликт и кризис на Украине: точки пересечения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/expert/20140325/1003460258.html>.
8. Туровский Р. Ф. Югославский разлом // Полис. – 1992. – № 4. – С. 74-84.
9. Уткин А. США, НАТО, ЕС // США, Канада: Экономика, политика, культура. – 1997. – № 10.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1995.shtml>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/405/28/PDF/N9540528.pdf?OpenElement> (дата посещения: 07.05.2017 г.).
11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/306/30/IMG/N9330630.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.05.2017 г.).
12. Bert W. The Reluctant Superpower: United States' Policy in Bosnia, 1991–1995. N. Y., 1997.
13. Bieber F., Daskalovski Z. Understanding the War in Kosovo. London, 2003.
14. Bougarel X., Helms E., Duijzings G. (ed.) The New Bosnian Mosaic: Identities, Memories and Moral Claims in a Post-War Society. N. Y., 2007.
15. Cholle D. Holbrooke R. Road to the Dayton Accords: A Study of American Statecraft. Gordonsville, 2005.
16. Daalder I. Getting to Dayton. The Making of American's Bosnia Policy. Washington, 2000.
17. Norris J., Talbot S. Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo. L., 2005.
18. Oliver I. War & Peace in the Balkans. The Diplomacy of Conflict in the Former Yugoslavia. L.; N.Y., 2005.
19. War and Change in the Balkans: Nationalism, Conflict and Cooperation. Cambridge, 2006.

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1995.shtml> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/306/30/IMG/N9330630.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.05.2017 г.).

ФЕДОРЧУКОВА Ольга Яковлевна

аспирант кафедры истории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов

КАТЕГОРИЯ «ИНТЕРЕС» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

В настоящей статье рассматривается интегративная роль категории «интерес» в гуманитарных науках, анализируются доктринальные подходы к категории интерес в дореволюционный период, а также различные точки зрения на взаимосвязь права и интереса.

Ключевые слова: право и интерес, разграничение интересов, законные интересы, сущность права.

FEDORCHUKOVA Olga Yakovlevna

postgraduate student of History of state and law sub-faculty of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia

THE CATEGORY «INTEREST» IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY LEGAL THOUGHT

In this article, the integrative role of the category «interest» in the humanities is examined, doctrinal approaches to the category of interest in the pre-revolutionary period are analyzed, as well as various points of view on the relationship between law and interest.

Keywords: law and interest, differentiation of interests, legitimate interests, the essence of law.

Федорчукова О. Я.

Категория «интерес» в настоящее время, как и много лет назад, является основой многочисленных гуманитарных исследований, в частности правовых. Такое внимание к названной категории связано с тем, что понятие «интерес» прочно вошло в нашу жизнь, а также нет ни одной сферы гуманитарного знания, в которой категория интерес не была бы одной из значимых. Вместе с тем «интерес» является межотраслевой категорией и имеет интегративное значение. Что же касается правовой науки – категория «интерес» следует в неразрывной связи с такими понятиями как «государство» и «право».

Еще на ранних этапах исследования государства и права можно встретить упоминание категории «интерес». В трудах античных философов государство предстает как выражение общего интереса всех его членов.

В отечественной правовой науке категория интерес так же является предметом многих научных изысканий. Началом глубокого исследования категории «интерес» в российской юридической науке считается XIX век. В дореволюционный период развития отечественной правовой науки категория интерес приобретает высокую популярность. Это обосновывается выходом в свет работ знаменитого социолога права Р. Йеринга (1818-1892). Работы Йеринга оказали огромное влияние на российских исследователей права. Многие авторы положительно восприняли идеи Йеринга и развивали их, однако нашлись и противники его учения.

Основоположники русской государственной юридической школы права использовали для обоснования своих взглядов на право и государство категорию «интерес».

Один из основателей государственной школы Б. Н. Чичерин (1828-1904) понимал государство как союз свободных лиц. В связи с этим в государстве должна формироваться организация государственного управления. В обществе существуют так называемые местные интересы и общие государственные интересы. Указанные интересы находятся во взаимодействии, отсюда и взаимосвязь союзов. Государство по Чичерину существует не как машина для подавления личной самостоятельности, а как союз свободных лиц, создаваемый во имя совокупных интересов. «Эти совокупные интересы образуют то, что называют общей пользой, составляют, следовательно, необходимую цель союза. - пишет Б. Н. Чичерин – Эту цель приписывают государству как скептическая школа, или утилитаристы, так и идеалисты и, наконец, социалисты»¹.

Другой видный представитель государственной юридической школы К. Д. Кавелин (1818-1885) в своих исследованиях не

обошел вниманием категорию «интереса». Особое внимание он уделял вопросу влияния интереса на формирование частного и публичного права. В своих исследованиях К. Д. Кавелин приходит к выводу, что разграничить частные и общественные интересы невозможно в связи с тем, что частное беспрестанно переходит в общественное, как и общественное плавно перетекает в частное. Частные отношения находятся в тесной взаимосвязи с публичными, и не могут существовать друг без друга.

К. Д. Кавелин предлагает свое определение частного и публичного права, считая, что публичное – это все то что относится к государству в целом, частное же – то, что относится к его составным элементам. Законодательству он отводил ведущую роль в формировании и закреплении прав и интересов.

Главным содержанием общественной жизни, по мнению Н. М. Коркунова (1853-1904), является столкновение различных интересов – политических, экономических, юридических и т.д. Для того, чтобы обеспечить их сосуществование необходимо их разграничение.

Осуществляя какую-либо деятельность человек всегда ограничен в своих средствах и силах. Перед ним стоит проблема выбора, поэтому человек вынужден осуществить нравственную оценку интересов. Нравственные принципы сходны и воплощают одну функцию – являются мерилом человеческих интересов. Нравственная оценка не зависит ни от чужих интересов, ни от их противоположности собственным интересам. Она поражает лишь нравственный долг. Из юридических же интересов формируются взаимообусловленные право и обязанность. При этом обязанность существует до тех пор, пока имеет место устанавливающий ее чужой интерес².

Интересы сталкиваются не только между собой, но и с интересами других людей, что обеспечивает необходимость их согласования. В связи с этим человечество выработало определенные нормы разграничения интересов, что есть юридические нормы.

Интересы, наряду с потребностями, являются понятием положительным, в отличие от свободы, которая являет собой лишь отсутствие связи, зависимости и не имеет более никакого содержания. Интересы – то, что связывает личность с окружающим миром и с другими людьми, в частности. Интерес человека не всегда индивидуальный, личностный интерес. Большинство интересов являются общими для групп людей или даже для всего человечества.

В дореволюционный период в отечественной правовой науке широкую известность приобрела школа возрожденной

1 Чичерин Курс государственной науки М., 1894. Цит. по: История русской правовой мысли. М., 2008. С. 38, 39.

2 Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисловие д-ра юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003. С. 61.

естественного права. Представителями этой школы были Е. Н. Трубецкой, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев.

В целом Е.Н. Трубецкой (1863-1920) критически относился к теории интереса. Аргументировал он это тем, что понятия «свободы» и «интереса» не подлежат отождествлению, а также нельзя сводить право лишь к «голому» интересу «... ибо, где всякий следует только своему личному интересу, не признавая никаких обязанностей по отношению к обществу, там не может быть ни общества, ни права; интерес может послужить фактором образования права лишь постольку, поскольку он ограничен обязанностью, ограничен правом, следовательно, лишь постольку, поскольку он перестал быть исключительно личным и приобрел характер общественный, всякий же общественный интерес уже предполагает правовую организацию, связывающую людей в общество и, следовательно, обусловлен правом»³.

Трубецкой считал, что право может существовать и помимо государства. А ввиду того, что в теории интереса право рассматривается как силовая категория, неотделимая от государства, то он считал данную теорию для себя неприемлемой.

Б. А. Кистяковский (1868-1920) большое внимание уделял исследованию сущности права и разработке его социологического понимания. Наиболее распространенным типом соблюдения права, по мнению Б. А. Кистяковского, является именно сознательное добровольное следование правовым предписаниям, и даже в случае несоблюдения норм вмешательство государства не будет иметь существенного значения в большинстве случаев.

Богдан Александрович был убежден, что нормы права не появляются сверху, а образуются непосредственно в гражданском обществе при столкновении интересов в процессе деятельности людей. Отсюда он делал вывод, что право имеет как рациональные черты, т.е. правоотношения, так и иррациональные – нормы. В данном случае нормы выступают в качестве регулятора общественных интересов.

П. И. Новгородцев (1866-1924) так же являлся представителем школы возрожденного естественного права. Он придерживался мнения, что право – понятие нравственное, идеальное и в этой связи является верховным принципом всего законодательства. Учение П. И. Новгородцева основано на идее противоречия интересов личности и государства. Он считал, что порядок, при котором гармонично сочетаются интересы индивида и общества в целом, существовать не может. «Гармония личности с обществом, – писал он, – возможна лишь в том умопостигаемом царстве свободы, где безусловная и всепроникающая солидарность сочетается с бесконечностью различий. В условиях исторической жизни такой гармонии нет и быть не может»⁴.

Всякое общество, полагал ученый, по своей природе конфликтно. Причиной конфликтов является многообразие прав и обязанностей личности. На этой основе происходят столкновения индивидов и общества. Некоторые из них решаются путем компромисса, однако не все конфликты возможно решить таким образом. В связи с тем, что всякая личность стремится индивидуализировать себя в обществе, разрешение одного конфликта неизбежно порождает возникновение других. Общество как объединение индивидов несет в себе множество различных интересов, которые необходимо неким образом согласовать между собой.

Понятие интереса в работах известного русского правоведа Тарановского было тесно связано с понятиями личной свободы и частной воли в их отношении с общественным благом и общезначимыми нравственными и экономическими критериями полезности, благополучия и целесообразности. «Жизненные условия общества, – писал он, – обеспечение которых составляет цель права, это не что иное, как интересы, общие и индивидуальные»⁵.

Несмотря на то, что свое учение о праве и государстве Г. Ф. Шершеневич (1863-1912) создавал на основе формально-догматической методологии юридического позитивизма, в своих воззрениях на право и государство он во многом сходится с Р. Иерингом.

Г. Ф. Шершеневич сформулировал понятие «законные интересы» и отличал его от права по степени предоставляемый индивиду дозволений, а также способам их охраны и защиты законодателем.

Габриэль Феликсович учитывал, что, так как правонарушение есть противоправное действие, то действия человека, которые остаются в рамках дозволенного объективным правом, даже если при этом были нарушены законные интересы другого человека не считается правонарушением. При этом «при покушении законные интересы могут и не быть нарушены, а между тем оно наказуется как правонарушение»⁶.

Право по Г. Ф. Шершеневичу является «хорошо понимаемая политика силы». Его задача уравнивать две группы интересов – властвующих и подвластных. Общий интерес очень часто может подменяться лишь интересами властвующих лиц, поэтому им необходимо согласовывать свои частные интересы с потребностями большинства. В связи с этим, чем гибче оказывается политика государства, чтобы своевременно и правильно реагировать на меняющиеся реалии общественной жизни, тем прочнее само государство.

Л. И. Петражицкий (1867-1931) был одним из основоположников психологической теории права. Сущность права он связывал с психическими переживаниями, однако им отвергались теории воли, свободы и интереса. Л. И. Петражицкий считал, что термин интерес юристами используется скорее как метафора, не имеющая точного научного определения. Это суррогат научной терминологии. То, что в психологии называется интересом это не что иное, как эмоциональное влечение и переживания, поэтому для научной терминологии данное понятие не годится⁷. Он не отрицал, что право способно влиять на интересы. Однако, говоря о праве, разумнее обращать внимание именно на действия и поступки, нежели концентрироваться на таких понятиях как свобода, воля и интерес. «Право регулирует непосредственно не интересы наши, а поступки, и это - две вещи различные»⁸.

Каждый из названных подходов склонен ограничиваться рамками определенной его стороны, отмечает Д. В. Шепелев. Некоторые авторы причисляют теорию интересов к исторической школе, другие относят к юридическому позитивизму⁹.

Подводя итог, следует отметить, что большинство ученых, исследовавших категорию интерес подчеркивали ее значимость для правопонимания, в частности в работах социологов права интересы рассматривались с точки зрения их взаимосвязи с правом.

Исследования русских правоведов дореволюционного периода имели большое значение для правовой науки в целом. Многие идеи из высказанных были положены в основу дальнейших и современных научных трудов. Несмотря на широту и многообразие взглядов на категорию интерес и достаточно большое количество научных разработок в этой сфере, проблема интересов до сих пор является дискуссионной.

Пристайный библиографический список

1. Козлихин И. Ю. Идея правового государства. История и современность. СПб., 1993.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисловие д-ра юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003.
3. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
4. Тарановский Ф. К. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001.
5. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001.
6. Чичерин Курс государственной науки М., 1894. Цит. по: История русской правовой мысли. М., 2008.
7. Шепелев Д. В. Дореволюционная российская правовая доктрина о категории «интерес» / Историческая феноменология. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kursksu.ru.
8. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912.

3 Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., С. 498.

4 Козлихин И. Ю. Идея правового государства. История и современность. СПб., 1993. С. 99.

5 Тарановский Ф. К. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001. С. 107.

6 Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 631

7 Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С.249–250.

8 Там же. С. 256.

9 Д.В. Шепелев. Дореволюционная российская правовая доктрина о категории «интерес»/ Историческая феноменология// kursksu.ru.

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Автор данной статьи проводит анализ современного состояния действующего законодательства в сфере противодействия экстремизму, делая акцент в первую очередь на некоторых особенностях конституционно-правовых основ противодействия экстремизму в Российской Федерации. Исследование указанных аспектов, проведенных автором через призму правоприменительной практики и совершенствования практической деятельности созданных институциональных структур, определило отдельные проблемы в области правового регулирования противодействия экстремизму, решение которых представляет как научный, так и практический интерес.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционно-правовое регулирование, современный экстремизм, противодействие экстремизму, политический и религиозный экстремизм.

JAMBOROV Anzor Anatoljevich

senior lecturer of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SOME FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL-LEGAL BASES OF COUNTERACTION TO EXTREMISM

The author of this article conducts the analysis of the current state of the legislation in the sphere of counteraction to extremism, focusing primarily on certain features of the constitutional-legal bases of counteraction to extremism in the Russian Federation. Research of these aspects conducted by the author through the prism of law and improvement of practical activities of the institutional structures created, identified certain problems in the field of legal regulation of counteraction to extremism, the solution of which is both scientific and practical inter.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, constitutional and legal regulation, modern extremism, counteraction to extremism, political and religious extremism.

Фундаментальным документом, закрепляющим основы противодействия экстремизму, является Конституция РФ, обладающая высшей юридической силой, имеющая прямое действие и применяемая на всей территории государства, что подчеркивает базовую основу для формирования всего национального законодательства в данной сфере.

Необходимо отметить, что конституционную законность нельзя отделять от жизни общества и законов государства, которые определяют принципы и задачи внутренней и внешней политики нашей страны¹.

Применительно к рассматриваемой проблеме, конституционные нормы содержат конституционные принципы противодействия экстремизму, меры конституционной ответственности за осуществление экстремистской деятельности и основы взаимодействия органов государственной власти РФ, ее субъектов и органов местного самоуправления в указанной сфере.

Конституционные принципы противодействия экстремизму содержатся в следующих положениях Конституции РФ:

– в преамбуле Конституции РФ указывается на неприятие борьбы, основанной на неравенстве; в ч. 5 ст. 13; ст. 14, ст. 19, п. 1 ст. 26, ст. 28, п. 2 ст. 29, п. 3 ст. 68, ст. 69.

Жамборов А. А.

В национальную базу противодействия экстремизму правовыми средствами входят и другие федеральные законы, отдельные положения которых так или иначе касаются борьбы с экстремизмом, например ФЗ РФ «О средствах массовой информации», «О свободе совести и религиозных объединениях», «Об общественных объединениях», «О политических партиях» и др.

В целом конституционные принципы противодействия экстремизму обозначают основополагающие, базовые начала, на которых строится формирование как концептуальной, так и институциональной подсистемы противодействия экстремизму. Указанные принципы направлены на решение следующих принципиально важных в свете рассматриваемой проблемы задач, охватывающих объединение и координацию усилий всех органов государственной власти, наделенных полномочиями в сфере противодействия экстремизму, а также активное вовлечение в идеологическую сферу противодействия экстремизму институтов гражданского общества, научной общественности, средств массовой информации, общественных организаций. По мнению экспертов, обе указанные задачи решены пока еще только в целом. Решением Президента РФ главным координатором деятельности по противодействию идеологии терроризма в стране определен Национальный антитеррористический комитет.² В повседневном

1 Жамборов А. А. Конституционно-правовые основы противодействия экстремистским проявлениям // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 231-233.

2 Доклад первого заместителя руководителя аппарата НАК генерал-лейтенанта Ильина Е. П. на III Всероссийской научно-практической конференции «Концепция противодействия терроризму в

режиме функции координации обеспечивает его постоянно действующий орган – аппарат Комитета. В соответствии с Указом Президента РФ от 26 июля 2011 г. № 988, объединение и координация усилий всех органов государственной власти, наделенных полномочиями в сфере противодействия экстремизму, создана Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в РФ.

Опосредованное закрепление имеют в Основном законе меры конституционной ответственности за осуществление экстремистской деятельности, которые включают меры, налагаемые в судебном порядке, и меры, налагаемые в судебно-административном порядке.

К мерам, налагаемым в судебном порядке, могут быть отнесены такие, как: ликвидация и запрет деятельности общественного и религиозного объединения, политической партии или иной организации; прекращение деятельности средства массовой информации; изъятие нерезализованной части тиража продукции средства массовой информации, содержащей материал экстремистской направленности, из мест хранения, оптовой и розничной торговли; конфискация экстремистских материалов.

Судебно-административный порядок означает, что суд в пределах своей юрисдикции устанавливает сам факт правонарушения, в то время как меры юридической ответственности назначаются и применяются органами исполнительной власти. В этом случае можно говорить об отказе в выдаче или аннулирование разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу в РФ иностранному гражданину и лицу без гражданства; лишении пассивного избирательного права; о запрете быть учредителем (участником, членом) некоммерческой организации. Очевидно, что указанные меры конституционной ответственности в сфере противодействия экстремизму в тексте Основного закона не закреплены и регламентируются текущим федеральным законодательством, однако имеют четко выраженную конституционно-правовую основу.

Одним из дискуссионных аспектов конституционно-правового регулирования взаимодействия органов государственной власти является проблемность отнесения противодействия экстремизму к федеральному ведению либо совместному ведению РФ и ее субъектов. Учитывая наличие правового регулирования данного вопроса в законодательстве субъектов РФ, можно предположить отнесение данного вопроса в предметам совместного ведения (например, Закон КБР «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности», Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» и др.)³. В данном случае именно Конституция РФ является основой стратегии противодействия экстремизму, включающей нормативно-правовую подсистему, состоящую из федерального законодательства и основанного на нем законодательства субъектов РФ.

Большинство полномочий в сфере противодействия экстремизму принадлежит преимущественно федеральным органам государственной власти, при этом компетенция органов местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму достаточно невелика, что обусловлено большой социальной опасностью экстремизма и объективной сложностью для органов местного самоуправления противостоять такой деятельности. В то же время местное самоуправление в РФ является таким уровнем организации власти, который является наиболее близким к населению. Вместе с тем, в силу особенностей организации данного уровня организации власти, органы местного самоуправления не принимают непосредственное участие в производстве предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности, поэтому участие органов местного самоуправления в данной сфере ограничивается предупреждением экстремистских проявлений и минимизацией и (или) ликвидацией их последствий.

Вместе с тем высказывается мнение, что отнесение вопросов противодействия экстремизму к вопросам местного значения противоречит отдельным положениям Конституции России и законодательству о местном самоуправлении. В соответствии с Конституцией РФ и ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения.

Органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями, реализация которых подконтрольна государству. Согласно Закону о местном самоуправлении вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Представляется, что участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в соответствии с Конституцией РФ должно быть отнесено к сфере обеспечения безопасности страны и, соответственно, является предметом ведения РФ либо совместного ведения Федерации и ее субъектов, если рассматривать этот вопрос в контексте обеспечения общественной безопасности. Другими словами, противодействие экстремизму, в том числе такой его форме, как терроризм, на муниципальном уровне – это отдельное государственное полномочие, а не вопрос местного значения⁴.

Существуют серьезные проблемы в сфере обеспечения взаимодействия органов государственной власти России по борьбе с экстремизмом. Очевидно, что без согласованных действий органов государственной власти бороться с экстремизмом крайне сложно. Несогласованности действий органов государственной власти благоприятствует отсутствие государственной программы противодействия экстремизму, которая должна являться основой для совершенствования федерального и регионального законодательства и проведе-

Российской Федерации. Комплексный подход к формированию и функционированию системы противодействия распространению идеологии терроризма». М., 2012. Том I. С. 3-15.

3 Колосова Н. М., Симонян Г. Р. О состоянии и развитии права, регулирующего вопросы, связанные с противодействием экстремизму в Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 10 (16). С. 132-147.

4 Василенко Ю. И. О совершенствовании правового регулирования взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. М., 2012. Том I. С. 38-55.

ния организационно-управленческих мероприятий в рассматриваемой сфере, а также для проведения информационной работы, направленной на формирование устойчивого общественного мнения по неприятию экстремизма. Таким образом, в общих чертах нормативно закреплены основы взаимодействия различных органов государственной власти в сфере противодействия экстремизму на всех уровнях организации власти – федеральном, региональном, муниципальном. Вопрос практической реализации деятельности институциональной подсистемы противодействия экстремизму является наиболее сложным, тем не менее, в некоторой степени законодательные положения уже реализуются.

Кроме того следует коснуться вопроса о необходимости принятия дополнительных мер по противодействию экстремизму и радикализму отдельных социальных групп. Для укрепления межнационального и межконфессионального согласия в стране необходимо:

- совершенствовать механизм координации работы по противодействию экстремизму в данной сфере, т.е. более четко, конкретно увязать полномочия федеральных и региональных структур, чтобы исключить дублирование функций на разных уровнях;

- проводить общую и индивидуальную профилактику экстремизма в высших и средних учебных заведениях;

- воспитывать молодежь в духе уважения к ценностям и традициям нашего народа.

Для эффективной профилактики экстремизма необходима четкая государственная молодежная политика в России. Следует отметить, что только 29 ноября 2014 г. Распоряжением Правительства РФ от № 2403-р утверждены «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года», в которых определены главные принципы, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной молодежной политики.

Для профилактики экстремистской деятельности необходимо также усилить контроль государства за регистрацией и деятельностью на территории России различного рода общественных и религиозных объединений, движений, иных организаций с целью недопущения экстремистских проявлений в их деятельности⁵.

Важным моментом является предупредительно-профилактическая работа по ликвидации экстремистско-националистических и экстремистско-террористических сайтов в Интернете, активно пропагандирующих идеологию экстремизма. Для пресечения террористической и экстремистской пропаганды в сети Интернет требуется, прежде всего, создание необходимой международной нормативной правовой базы, а также выработка механизмов реализации взаимодействия в соответствии с положениями п. 12 Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Резолюция 1624 (2005 г.) Совета Безопасности ООН дает основания для криминализации подстрекательства к совершению терактов и вербовки террористов, в том числе через Интернет.

Большое значение имеет привлечение к информационно-аналитическому обеспечению противодействия экстремизму общественных объединений, научно-исследовательских центров и других институтов гражданского общества.

В целом же можно с уверенностью сказать, что в сфере противодействия экстремизму и терроризму РФ избрала пра-

вильный путь. Именно консолидация усилий различных министерств и ведомств, а также гражданского общества является залогом победы с этим общественным злом.

Пристатейный библиографический список

1. Колосова Н. М., Симонян Г. Р. О состоянии и развитии права, регулирующего вопросы, связанные с противодействием экстремизму в Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 10 (16). С. 132-147.
2. Василенко Ю. И. О совершенствовании правового регулирования взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. М., 2012. Том I. С. 38-55.
3. Мусаелян М. Ф. Профилактика экстремизма – важнейшее направление противодействия экстремизму в российской федерации // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 95-99.
4. Доклад первого заместителя руководителя аппарата НАК генерал-лейтенанта Ильина Е. П. на III Всероссийской научно-практической конференции «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Комплексный подход к формированию и функционированию системы противодействия распространению идеологии терроризма». М., 2012. Том I. С. 3-15.
5. Чаттаев А. Р. Борьба с коррупцией – как важнейшая задача государства по защите национальных интересов // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. Т. 7. С. 44.
6. Жамборов А. А. Конституционно-правовые основы противодействия экстремистским проявлениям // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 231-233.

⁵ Мусаелян М. Ф. Профилактика экстремизма - важнейшее направление противодействия экстремизму в российской федерации // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 95-99.

МАМЛЕЕВА Дилара Радиковна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИАЛКОГОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Статья посвящена вопросам привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, связанные с потреблением (распитием) алкогольной продукции на объектах железнодорожного транспорта. Автор обращает внимание на особенности пресечения нарушений антиалкогольного законодательства органами внутренних дел на транспорте.

Ключевые слова: административная ответственность, алкогольная продукция, общественное место, железнодорожный транспорт.

MAMLEEVA Dilara Radikovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Мамлеева Д. Р.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF ANTI-ALCOHOL LEGISLATION AT RAILWAY TRANSPORT FACILITIES

The article is devoted to the issues of bringing to administrative responsibility for administrative offenses related to consumption (drinking) of alcohol products at railway transport facilities. The author draws attention to the peculiarities of suppression of violations of the anti-alcohol legislation by the bodies of internal affairs in transport.

Keywords: administrative responsibility, alcohol production, public place, railway transport.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, связанных с особенностями привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, связанные с распитием алкогольной продукции на объектах железнодорожного транспорта, обратим внимание на правовые основы ограничения потребления (распития) алкогольной продукции. Традиционно, алкогольная продукция, а также деятельность, связанная с ее производством и оборотом является особым предметом правового регулирования и государственного контроля. Прежде всего, речь идет об обороте нелегальной алкогольной продукции, в том числе наносящей непоправимый вред здоровью населения.

Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»¹ определил основы производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и ограничения потребления (распития) алкогольной продукции в Российской Федерации. Вместе с тем, в ст. 16 рассматриваемого закона определены случаи, когда продажа алкогольной продукции не допускается: в детских, образовательных, медицинских организациях, на объектах спорта, на прилегающих к ним территориях; в организациях культуры (за исключением розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой организациями, и розничной продажи пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, осуществляемой индивидуальными предпринимателями при оказании ими услуг общественного питания); на всех видах общественного транспорта, на остановочных пунктах его движения, на автозаправочных станциях; на оптовых и розничных рынках,

на вокзалах, в аэропортах, в иных местах массового скопления граждан и местах нахождения источников повышенной опасности, определенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации; на объектах военного назначения и на прилегающих к ним территориях; в стационарных торговых объектах; несовершеннолетним; без сопроводительных документов, сертификатов соответствия или деклараций о соответствии, без маркировки; в полимерной потребительской таре (потребительской таре либо упаковке, полностью изготовленных из полиэтилена, полистирола, полиэтилентерефталата или иного полимерного материала) объемом более 1500 миллилитров.

Ориентируясь на вышеизложенном, нам представляется целесообразным выделить пункты, устанавливающие ограничения потребления алкогольной продукции непосредственно на объектах железнодорожного транспорта. Так, применительно к объектам транспортной инфраструктуры, «запрещенными местами» в первую очередь являются: транспорт общего пользования городского и пригородного сообщения, остановочные пункты движения транспорта, станции (в том числе станции метрополитена), вокзалы, а также иные места массового скопления граждан². Обратим внимание на тот факт, что Федеральный закон № 171-ФЗ не установил понятия и перечень мест массового скопления граждан, а также критериев, по которым места общественного пользования могут быть отнесены к местам массового скопления граждан³. Одна-

1 Федеральный закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

2 Авдеева Е. Ю. Особенности правового регулирования деятельности органов внутренних дел на объектах транспорта // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2016. № 4. С. 365.

3 Алешин С. В. О порядке применения статьи 20.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях сотрудниками полиции по охране общественного порядка территориальных органов внутренних дел // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. № 19-5. С. 83.

ко Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1425 утверждены Правила определения органами государственной власти субъектов Российской Федерации мест массового скопления граждан и мест нахождения источников повышенной опасности, в которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции⁴. Вместе с тем, на практике не редко возникают споры о том, можно ли продавать алкогольную продукцию в вагонах-ресторанах. Согласно п. 38 «ГОСТ 31985-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Термины и определения»⁵ вагон-ресторан представляет собой ресторан в специально оборудованном вагоне поезда, предназначенный для изготовления и реализации продукции общественного питания и обслуживания пассажиров в пути. В свою очередь, рестораны различают по местонахождению: на транспорте – вагон-ресторан; по составу и назначению помещений: передвижные – рестораны в поездах. Учитывая эти особенности, следует отметить, что вагон-ресторан, входя в состав поезда дальнего следования, является передвижным сооружением, относящимся к нестационарным торговым объектам. Как ранее было отмечено, розничная продажа алкогольной продукции в нестационарных торговых объектах запрещена. Однако абз. 10 п. 2 ст. 16 Закона № 171-ФЗ предусмотрено, что указанный запрет не распространяется на розничную продажу алкогольной продукции с содержанием этилового спирта не более чем 16,5 % объема готовой продукции, осуществляемой организациями при оказании ими услуг общественного питания. Суды приходят к выводу, что в вагонах-ресторанах поездов дальнего следования пассажирам оказываются услуги общественного питания⁶.

Статьей 20.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена ответственность за потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах. Так, согласно ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ потребление (распитие) алкогольной продукции в местах, запрещенных Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ влечет наложение административного штрафа в размере от 500 до 1 500 рублей. Кратко анализируя административно-юрисдикционную деятельность органов внутренних дел на транспорте при реализации требований антиалкогольного законодательства, необходимо отметить, что дела об административных правонарушениях, предусмотренных комментируемой статьей рассматривают органы внутренних дел (полиция), от лица которых выступают начальники территориальных управлений (отделов) внутренних дел и приравненных к ним органов внутренних дел, их заместители, начальники территориальных отделов (отделений, пунктов) полиции, их заместители, начальники линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, их заместители, начальники дежурных смен дежурных частей линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, начальники линейных отделений (пунктов) полиции⁷. В соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об адми-

нистративных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 20.20, уполномочены составлять должностные лица органов внутренних дел (полиции), перечень которых утвержден приказом МВД России от 05.05.2012 г. № 403: начальник линейного управления; начальник линейного отдела (отделения); заместитель начальника линейного управления – начальник полиции; заместитель начальника линейного отдела – начальник полиции; заместители начальника полиции; начальник (заместитель начальника) линейного отдела (отделения) полиции; начальник линейного пункта полиции; оперуполномоченный; должностные лица подразделений охраны общественного порядка; должностные лица строевых подразделений ППС; должностные лица подразделений по досмотру.

В случае выявления нарушений требований Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» сотрудниками полиции уполномочены применять в отношении нарушителей соответствующие меры принуждения: требование прекратить противоправные деяния, предусмотренное ст. 20.20 КоАП РФ; доставление; административное задержание; составление протокола об административном правонарушении по ст. 20.20 КоАП РФ. Особо значимым в деятельности сотрудников полиции являются особенности применения специальных мер, связанных с алкогольным опьянением правонарушителя. Так, при выявлении признаков административного правонарушения лицом, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии опьянения, помимо выше указанных мер, необходимо направить лицо на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Критерии, позволяющие оценить, находится ли лицо в состоянии опьянения, а также порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Без преувеличения можно считать, что реализация законодательства о борьбе с распитием алкогольной продукции составляет одно из направлений административно-юрисдикционной деятельности всех служб и подразделений полиции, но непосредственное выполнение задач пресечения нарушений антиалкогольного законодательства на объектах железнодорожного транспорта возложено на органы внутренних дел на транспорте. Предупреждение и пресечение рассматриваемых деяний осуществляются в процессе организации и проведения определенных мероприятий по выявлению нарушителей антиалкогольного законодательства, принятию к ним соответствующих административно-правовых мер пресекательного воздействия, а также комплексных оперативно-профилактических мероприятий по предупреждению распространения алкоголизма, в первую очередь среди несовершеннолетних.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеева Е. Ю. Особенности правового регулирования деятельности органов внутренних дел на объектах транспорта // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2016. № 4. С. 365.
2. Алешин С. В. О порядке применения статьи 20.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях сотрудниками полиции по охране общественного порядка территориальных органов внутренних дел // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. № 19-5. С. 83.
3. Мамлеева Д. Р. К вопросу взаимодействия транспортной полиции с иными государственными органами (историко-правовой аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 3 (65). С. 20.
4. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1425 «Об определении органами государственной власти субъектов Российской Федерации мест массового скопления граждан и мест нахождения источников повышенной опасности, в которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции, а также определении органами местного самоуправления границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 22.
5. ГОСТ 31985-2013 введен в действие Приказом Росстандарта от 27.06.2013 г. № 191-ст.
6. См., например: Постановление Верховного Суда РФ от 20.07.2016 г. № 46-АД16-5; Постановление Верховного Суда РФ от 08.06.2015 г. № 304-АД15-5160 по делу № А45-23983/2014; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.01.2013 г. по делу № А26-2426/2012.
7. Мамлеева Д. Р. К вопросу взаимодействия транспортной полиции с иными государственными органами (историко-правовой аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 3 (65). С. 20.

ТРОФИМОВ Егор Викторович

доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ НЕТЕРПИМОСТИ К КОРРУПЦИИ

Показана связь коррупции с объективным несовершенством правовой системы, определены характеристики нетерпимости к коррупции, а также условия их изменчивости у разных категорий населения. Предложено усилить ситуационную антикоррупционную мотивацию у граждан, устранить административные барьеры в доступе к благам гарантированного социального стандарта и исключить ситуации его бюджетного квотирования.

Ключевые слова: юриспруденция, социология, коррупция, административный процесс, толерантность, социальный стандарт, юридическое образование, правовое просвещение.

TROFIMOV Egor Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Director on scientific work of the St. Petersburg Institute (branch) of the Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Трофимов Е. В.

ON ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS TO INCREASE THE LEVEL OF INTOLERANCE TO CORRUPTION

The correlation of corruption with the objective imperfection of the legal system is investigated, the characteristics of intolerance to corruption and the conditions of their variability among different categories of the population are revealed. It is proposed to strengthen situational anti-corruption motivation among citizens, to remove administrative barriers to access to the benefits of the guaranteed social standard and to exclude the situation of its budget quotas.

Keywords: jurisprudence, sociology, corruption, administrative process, tolerance, social standard, legal education, legal education.

Принято считать коррупцию негативным явлением. Она разлагает общество¹, препятствует экономическому росту², создает массу других проблем. В статье 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» в качестве первой меры профилактики коррупции закреплено формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Однако коррупция остается распространенным явлением, а общее негативное отношение к ней общества парадоксальным образом сопрягается с толерантностью граждан к частным случаям совершения коррупционных правонарушений.

Прямо называя отдельные виды коррупционных правонарушений (а именно: наиболее распространенные преступления коррупционной направленности), федеральный закон также дает общее определение коррупции. На основе этой общей дефиниции в рамках дальнейшего правотворчества и правоприменения уточняются, нормативно или казуально, границы области коррупционных правонарушений, далеко выходящие за рамки уголовно-наказуемых деяний. Известная неопределенность перечня коррупционных правонарушений порождает и некоторые сложности для формирования в обществе нетолерантного отношения к коррупции. Не меньшие затруднения испытывают и юристы, когда деяния, в целом подпадающие под признаки коррупционных, совершаются для устранения административных барьеров, необоснованно препятствующих реализации конституционных прав и свобод и делающих ее затруднительной, то есть обладают подобием

самозащиты конституционных прав и свобод от недоработок законодателя или административного произвола.

Проблема коррупции многими российскими экспертами и политиками оценивается как угроза общенационального масштаба³. Для противодействия таким генеральным угрозам требуется выполнение междисциплинарных научных исследований. В частности, в правовых разработках представляется перспективным использование социологического инструментария, который в данном случае позволяет показать, в какой мере и в каких аспектах различные социальные группы проявляют толерантность или нетерпимость к коррупционным правонарушениям.

Социологи отмечают, что при исследовании коррупции необходим учет различных социальных факторов, в том числе множества аспектов, подчас ускользающих от сложной перспективы исследования коррупции⁴. Исследование общественного мнения в аспекте толерантности или, напротив, нетерпимости к коррупции, позволяет анализировать текущую ситуацию в государственном (муниципальном) и коммерческом секторе, ее динамику, а также объективно и всесторонне рассматривать имеющиеся проблемы коррупционного характера, вырабатывать пути их решения.

Поскольку одной из главных причин коррупции называются несовершенство законодательства и отсутствие необходимых законов⁵, предмет рассмотрения данной статьи ограничен

1 Бурганов Р. А. Коррупция и несовершенство рынка государственных (политических) услуг // Актуальные проблемы экономики и права. — 2009. — № 4. — С. 24.

2 Денисова А. Ю., Галютудинова К. В. Коррупция как социально-негативное явление // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2016. — Т. 1. — С. 84-87.

3 Кривенда Е. А. Проблема коррупции в современной России / Е. А. Кривенда // Территория науки. — 2015. — № 2. — С. 188.

4 Вахрушев Р. В. Социологический смысл коррупции: субъекты и нормативная система // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 9. — С. 87-88.

5 Шекультиров Б. И. Коррупция в России: право, власть и нравственность // Вестник Адыгейского государственного университета. — Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология,

связью коррупции с объективным несовершенством правовой системы. Ведь коррупционер, как правило, использует «лазейки» в законе, чтобы придать своим деяниям видимость правомерности, а выявление актов коррупции и установление признака незаконности совершенного деяния зачастую сопряжены с поиском нетривиальных способов раскрытия коррупции, выходящих за рамки внутренних контрольных процедур, обусловленных административными регламентами.

С учетом этого особый исследовательский интерес вызывает отношение общества к ситуациям, не имеющим должного правового регулирования, из которых участники таких ситуаций находят или могут найти выход посредством использования коррупционных механизмов. Эти ситуации могут быть связаны как с недоработкой действующего законодательства (главным образом, административных регламентов), с наличием в нем пробелов и противоречий, так и с проблемами правового регулирования гарантированного объема и порядка реализации социально-экономических прав и свобод, которые в совокупности формируют социальный стандарт. Суть правовой проблемы в данном случае составляет недостаточная обеспеченность основополагающих социально-экономических прав и свобод граждан (например, на охрану здоровья) адекватной и эффективной административной процедурой их реализации, включая надлежащее регулирование бюджетных обязательств. В таких случаях коррупция становится для граждан способом доступа к декларируемому властями набору услуг социального стандарта и, как это ни парадоксально, средством достижения (восстановления) социальной справедливости. При этом общее представление о коррупции как негативном явлении сохраняется, но из-за прикосновенности граждан к данному явлению это представление неизбежно трансформируется под влиянием эмоциональной стороны дела, его субъективной значимости, чувства справедливости и воспринятых социальных норм.

Общее содержание проведенного исследования⁶ состояло в определении уровня толерантности опрашиваемых (обнованной выборки) к различным вариациям коррупционных проявлений в общенаправленном и конкретизированном аспектах. Вопросы абстрактного характера соответствовали широко распространенным тезисам по антикоррупционной тематике. Конкретизированные эмоционально окрашенные вопросы были поставлены в форме конкретных жизненных ситуаций, связанных с проявлениями коррупции, причем респондентам предлагалось либо ответить, каким образом они поступили бы в данной ситуации, затрагивающей их лично, либо высказать собственное мнение о справедливости наказания за коррупцию в конкретной жизненной ситуации. Причем практически все конкретизированные вопросы и ситуации были связаны с реализацией гражданами их социально-экономических прав (получение официального документа для личных нужд, охрана здоровья, трудоустройство) и представляли собой вариации ситуаций различной степени субъективной значимости.

Перечень объектов социологического исследования был сформирован таким образом, чтобы обеспечить возможность сравнения результатов опроса среди лиц, которые имеют большой опыт решения юридических и коррупционных проблем, и лиц, недостаточно знакомых с юридической проблематикой и почти не имеющих юридического опыта, однако

способных адекватно воспринимать вопросы юридического характера и отвечать на них.

Для целей исследования были выдвинуты две рабочие гипотезы. Согласно первой из них, в обществе в большей мере проявляется абстрактная нетолерантность к коррупции, чем конкретная нетолерантность к коррупции. Под абстрактной нетолерантностью к коррупции понимается общее негативное отношение к коррупции, проявляемое безотносительно к конкретным жизненным ситуациям, в которых находится или может оказаться респондент, а под конкретной нетолерантностью – негативное отношение к конкретным проявлениям коррупции, с которыми респондент реально сталкивается (может столкнуться) в повседневной жизни. В науке отмечалось, что оценка людьми явления коррупции конкретна и зависит от ситуации⁷, поэтому в исследовании выяснялось, насколько общие и абстрактные представления о коррупции соответствуют конкретным суждениям и субъективно окрашенным оценкам.

Вторая гипотеза состояла в том, что граждане, более осведомленные о несовершенстве законодательства, проявляют более высокий уровень толерантности к коррупционным проявлениям. В научной литературе была высказана точка зрения, что без осознания необходимости соблюдения закона невозможно снизить уровень коррупции⁸, однако это суждение представлялось спорным и должно было верифицироваться в ходе исследования, поскольку знание о несовершенстве закона явно снижает субъективную значимость (ценность) такого закона и препятствует формированию правопослушных убеждений и мотиваций.

Отношение респондентов к вариации коррупционных проявлений в проведенном исследовании (вслед за российским законодательством) рассматривалось биполярно: как толерантное или как нетерпимое. Критической проблемной точкой в предметной области исследования рассматривалась ситуация, когда, всемерно одобряя борьбу с коррупцией, рядовой гражданин, например, не считает дачу взятки чем-либо противоестественным⁹. Имея в виду разумное предположение, что при помощи коррупции гражданин решает свои вопросы более комфортным способом и считает это вполне приемлемым, задачей исследования являлось определение уровня нетерпимости к коррупции в ситуациях, когда буква закона и абстрактное знание о требовании закона расходились с эмоционально окрашенными и вполне конкретными субъективными представлениями о праве и справедливости. Некоторые исследователи полагают, что одним из основных признаков коррупции является то, что она выполняет определенные социальные функции: например, обеспечение заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставление рабочих мест¹⁰. Поэтому важно было исследовать, каким образом эта социальная функция коррупции преломляется в субъективных суждениях и оценках и тем самым влияет на уровень нетерпимости к коррупции.

В рамках исследования выявлялись различия в восприятии коррупции отдельными категориями респондентов, дифференцированными на три группы, чтобы обеспечить

юриспруденция, политология, культурология. — 2011. — № 4. — С. 228.

6 Подробнее см.: Социолого-правовое исследование толерантности к коррупции в ее связи с несовершенством законодательства / Е. В. Трофимов [и др.]; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 56 с.

7 Кожушко А. С. Коррупция: социально-культурный и исторический контекст // Общество. Среда. Развитие. — 2011. — № 4. — С. 183.

8 Поплавский М. А. Коррупция как социальная проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. — Сер. Социология. Политология. — 2016. — Т. 16. — Вып. 3. — С. 305.

9 Тенгизова Ж. А. Роль институтов гражданского общества в вопросах противодействия коррупции / Ж. А. Тенгизова // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 13. — С. 91.

10 Варбузов А. В. Коррупция в российском обществе и ее социальные последствия // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2007 г.). — М.: Научный эксперт, 2007. — 760 с. — С. 212.

возможность интерпретации причин различия в ответах исходя из степени юридической осведомленности и опытности респондентов. В ходе исследования опрашивались: педагоги высшей школы, преподающие юридические дисциплины (из них свыше 90% имели стаж практической юриспруденции более 10 лет), как категория лиц, обладающих большими знаниями и опытом в сфере права и противодействия коррупции (группа I); студенты, которые непосредственно перед анкетированием прослушали специальную лекцию о несовершенстве законодательства и его связи с проявлениями коррупции (группа II), а также студенты, которые не прослушали эту лекцию (группа III). Результаты исследования определялись по группам респондентов (соотнесенных с уровнями профессиональной осведомленности и опытности) и ранжировались по степени общности/частности, абстрактности/конкретности и объективности/субъективности суждений и оценок. В методическом отношении исследование опиралось на традиционный подход к анкетированию респондентов.

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

1. Респонденты группы I, обладающие большими юридическими знаниями и опытом, считают коррупционным большим круг явлений (63,5%), чем это вытекало из норм закона (50%). Напротив, для респондентов групп II и III этот показатель составил 42,2%, и они, по существу, продемонстрировали традиционный узкий (хотя уже и устаревший, с учетом современного права) уголовно-правовой подход к противодействию коррупции, исключая административно-правовые и частноправовые запреты и иные средства противодействия коррупции. Важно и то, что правовое и антикоррупционное просвещение не изменяло традиционных (общераспространенных) представлений о коррупционной/некоррупционной природе социальных явлений. Для изменения таких суждений и для восприятия определенных социальных действий как коррупционных необходимы высокий уровень профессиональных юридических знаний и опыт практической юридической работы. Этот результат исследования подтверждает мнение, что главная трудность в понимании коррупции состоит в том, что коррупционное действие трудно идентифицируемо, поскольку имеет, в основном, скрытый характер¹¹. Поэтому необоснованно ожидать от правового (антикоррупционного) просвещения, что оно расширит традиционное восприятие негативных социальных явлений как коррупционных.

2. Юридические познания и опыт, а также мероприятия правового (антикоррупционного) просвещения не влияют:

на уровень абстрактной (выше 80%) и конкретной (около 35%) нетерпимости к коррупции;

на общее отношение (кстати, довольно сдержанное – около 30%) к допустимости использования властями различных способов обхода буквы закона (т.е. широкой правоприменительной дискреции) в целях повышения эффективности и справедливости эффективной борьбы с коррупцией;

на убежденность в недопустимости оправдания коррупции вообще (абсолютная нетерпимость к коррупции – почти 20%) и недопустимости оправдания коррупции в трудных жизненных ситуациях, если эти ситуации сформулированы абстрактно, в виде предполагаемых частных исключений из общих правил (ситуативная нетерпимость к коррупции – около 66%).

Интересно, что при этом юридические познания и опыт, а также мероприятия правового (антикоррупционного) просвещения неизменно изменяли уровень нетерпимости к кор-

рупции в отдельных суждениях и оценках. Причем такое изменение наблюдалось и в абстрактных суждениях (оценках), и в субъективно окрашенных суждениях (оценках) применительно к конкретным жизненным ситуациям, а также в отношении отдельных вариантов обхода властями буквы закона властями при преследовании за коррупцию в условиях несовершенного законодательства. Однако указанные изменения в уровне нетерпимости к коррупции в одних вопросах компенсировались противоположной динамикой применительно к другим вопросам. Это дает основания полагать, что с приобретением юридических знаний и опыта (даже при эпизодических мероприятиях правового и антикоррупционного просвещения) респонденты корректируют свои представления о социально-правовой реальности в рамках наличествующего уровня нетерпимости к коррупции.

3. Во всех группах респондентов наблюдается единая хорошо выраженная тенденция к снижению уровня нетерпимости к коррупции от абстрактной нетерпимости через ситуативную нетерпимость к конкретной нетерпимости. В обществе укоренилось общее негативное отношение к коррупции, которое выражается в высоком уровне нетерпимости к ней, что выражается в абстрактных антикоррупционных суждениях и оценках. Однако несовершенство административной регламентации, проявляемое в частных (но при этом абстрактно сформулированных и не окрашенных субъективно) личных и социальных обстоятельствах, приводит к росту уровня оправдания коррупции и ситуационно снижает уровень нетерпимости к коррупции (в 1,2-1,3 раза по сравнению с уровнем абстрактной нетерпимости к коррупции). В случае же конкретных, субъективно окрашенных примеров, связанных с проявлениями коррупционной активности, все группы респондентов демонстрируют катастрофическое падение уровня нетерпимости к коррупции (в 2,1-2,5 раза по сравнению с уровнем абстрактной нетерпимости к коррупции), проявляя склонность к достижению социально справедливого решения в большей мере, чем склонность к соблюдению закона, когда знают о невозможности (затруднительности) достичь справедливого решения правовыми средствами.

4. При усилении личной заинтересованности или эмпатии нетерпимость к коррупции (т.е. конкретная нетерпимость) неизменно резко снижается.

5. Внутренняя антикоррупционная убежденность формируется вместе с обширной юридической осведомленностью и опытом и для группы I является проявлением абстрактной и абсолютной нетерпимости к коррупции. Напротив, для формирования ситуативной антикоррупционной мотивации (боязни юридической или социальной ответственности) не требуется высокого уровня юридических знаний и опытности или мероприятий правового и антикоррупционного просвещения, и именно ситуативная антикоррупционная мотивация определяет уровень внутренней антикоррупционной убежденности для групп респондентов II и III, не имеющих больших юридических познаний и опытности.

Таким образом, из вышеназванных рабочих гипотез первая нашла свое эмпирическое подтверждение, в то время как вторая была опровергнута. Вместе с тем в ходе интерпретации результатов исследования были выявлены общие и особенные характеристики нетерпимости к коррупции, проявляемой разными группами респондентов, и условия изменчивости этих характеристик.

Для сферы административно-процессуального регулирования из приведенных результатов исследования вытекают следующие важнейшие выводы.

Во-первых, ввиду явной нецелесообразности и даже невозможности всеобщего юридического образования и приобретения всеми гражданами опыта юридической деятельности

11 Макарова М. Н., Вахрушев Р. В. Коррупция как предмет социологического анализа // Вестник Удмуртского университета. — 2012. — Вып. 3. — С. 53.

следует переориентировать профилактику коррупции: вместо попыток формирования в обществе установок внутренней антикоррупционной убежденности (абстрактной и абсолютной нетолерантности к коррупции) более обоснованно и целесообразно направлять усилия на расширение и укрепление у граждан ситуативной антикоррупционной мотивации, то есть опасений в наступлении ответственности (юридической или социальной) за коррупционное поведение. И поскольку принцип неотвратимости ответственности остается основным средством достижения общей и частной превенции¹², то главным инструментом в данном случае является правовое и антикоррупционное просвещение населения, а именно: планомерное и системное освещение фактов совершения всего спектра коррупционных правонарушений и одновременно обнародование конкретных мер юридической и социальной ответственности, наступивших за их совершение. Одновременно с усилением ситуативной антикоррупционной мотивации в ходе правового и антикоррупционного просвещения у граждан должно также формироваться более точное представление о социально-правовой реальности, включая адекватное знание о широте границ коррупционной активности. С учетом сказанного стоит отметить, что профессиональный отбор по критерию сформированности внутренней антикоррупционной убежденности (абстрактной и абсолютной нетерпимости к коррупции) имеет смысл только при необходимости допуска претендентов к юридической и антикоррупционной деятельности.

Во-вторых, требуется обширная работа по совершенствованию административной регламентации порядка доступа граждан к социальным благам (обеспечения социального стандарта). Совершенствование порядка предоставления социальных благ имеет, как минимум, два важных направления:

1) создание эффективного административно-правового механизма для обеспечения доступности гражданам гарантированного социального стандарта (здравоохранения, образования, занятости, социальной защиты и т.д.), включая достижение количественных и качественных показателей доступности услуг¹³ и устранение необоснованных административных барьеров (излишних документов, социально неоправданных сроков исполнения, ограничений в формах взаимодействия и т.д.);

2) исключение ситуаций бюджетного квотирования благ социального стандарта, а фактически – недофинансирования в различных формах декларированного уровня жизни (нехватка исполнителей, ограничение количества услуг или мест их оказания, снижение качества благ социального набора, наличие очередей для доступа к ним и т.д.), вплоть до сокращения декларированного социального стандарта в целях приведения его в соответствие с наличным административным и бюджетным ресурсом.

Без административно-процессуальной гарантированности социально-экономических прав и свобод граждан не может быть преодолен катастрофический разрыв между уровнем абстрактной и уровнем конкретной нетолерантности к коррупции. Указанные меры по совершенствованию административных процедур способны в значительной мере подорвать социально-правовую основу коррупции и приблизить состояние правового регулирования к представлениям о социальной справедливости. Это должно устранить существенные

формально-юридические условия возникновения дефицита в стандартном наборе социальных благ, обеспечивающем конституционно декларированный уровень социально-экономических прав и свобод, а также сократить бытовую и, отчасти, деловую коррупцию.

Пристатейный библиографический список

1. Букалерева Л. А., Миняева Т. Ф. Средства реализации целей наказания // *Facta Universitatis. — Series: Law and Politics.* — Vol. 10, № 2, 2012. — P. 111-118.
2. Бурганов Р. А. Коррупция и несовершенство рынка государственных (политических) услуг // *Актуальные проблемы экономики и права.* — 2009. — № 4. — С. 23-27.
3. Варбузов А. В. Коррупция в российском обществе и ее социальные последствия // *Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2007 г.).* — М.: Научный эксперт, 2007. — 760 с. — С. 212-226.
4. Вахрушев Р. В. Социологический смысл коррупции: субъекты и нормативная система // *Теория и практика общественного развития.* — 2013. — № 9. — С. 87-91.
5. Денисова А. Ю., Галютдинова К. В. Коррупция как социально-негативное явление // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России.* — 2016. — Т. 1. — С. 84-87.
6. Еремина О. Ю. Качество и доступность государственных услуг в социальной сфере как показатель эффективности деятельности органов исполнительной власти // *Журнал российского права.* — 2014. — № 1. — С. 67-77.
7. Кожушко А. С. Коррупция: социально-культурный и исторический контекст // *Общество. Среда. Развитие.* — 2011. — № 4. — С. 183-186.
8. Кривенда Е. А. Проблема коррупции в современной России // *Территория науки.* — 2015. — № 2. — С. 188-191.
9. Макарова М. Н., Вахрушев Р. В. Коррупция как предмет социологического анализа // *Вестник Удмуртского университета.* — 2012. — Вып. 3. — С. 53-59.
10. Поплавский М. А. Коррупция как социальная проблема // *Известия Саратовского университета. Новая серия. — Сер. Социология. Политология.* — 2016. — Т. 16. — Вып. 3. — С. 304-306.
11. Социолого-правовое исследование толерантности к коррупции в ее связи с несовершенством законодательства / Е. В. Трофимов [и др.]; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 56 с.
12. Тенгизова Ж. А. Роль институтов гражданского общества в вопросах противодействия коррупции // *Теория и практика общественного развития.* — 2015. — № 13. — С. 91-92.
13. Шекультиров Б. И. Коррупция в России: право, власть и нравственность // *Вестник Адыгейского государственного университета.* — Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2011. — № 4. — С. 226-233.

12 Букалерева Л. А., Миняева Т. Ф. Средства реализации целей наказания // *Facta Universitatis. — Series: Law and Politics.* — Vol. 10, № 2, 2012. — P. 112.

13 Еремина О. Ю. Качество и доступность государственных услуг в социальной сфере как показатель эффективности деятельности органов исполнительной власти // *Журнал российского права.* — 2014. — № 1. — С. 75.

ШУМАКОВА Елена Юрьевна

аспирант кафедры административного права, Уральский институт экономики, управления и права

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

В статье анализируется правовое регулирование общественных отношений в сфере государственного оборонного заказа, освещаются основные нормативные акты, регулирующие отношения в сфере государственного оборонного заказа. Автором выявлены недостатки в правовом регулировании отношений в сфере государственного оборонного заказа. Выявлены проблемы в правоприменении контрольно-надзорными органами законодательства в сфере государственного оборонного заказа. Предлагается ряд мероприятий по улучшению регулирования отношений в сфере государственного оборонного заказа, а именно: кодифицировать законодательство об оборонном заказе, внести изменения в текст Федерального закона «О государственном оборонном заказе».

Ключевые слова: Государственный оборонный заказ, правовое регулирование, административно-правовое воздействие, безопасность, государственный контроль (надзор), кодификация.

SHUMAKOVA Elena Yurevna

postgraduate student of Administrative law sub-faculty of the Ural Institute of Economics, Management and Law

ABOUT THE LEGAL REGULATION OF THE STATE DEFENSE ORDER

The article analyzes the legal regulation of public relations in the sphere of the state defense order, highlights the basic normative acts regulating relations in the sphere of the state defense order. The author identified shortcomings in the legal regulation of relations in the sphere of the state defense order. The problems in law enforcement of the legislation in the sphere of the state defense order have been revealed by the control and supervisory bodies. A number of measures are proposed to improve the regulation of relations in the sphere of the state defense order, namely: codify the legislation on the defense order, amend the text of the Federal Law "On State Defense Order"

Keywords: State defense order, legal regulation, administrative and legal impact, security, state control (supervision), codification.

Шумакова Е. Ю.

Российская Федерация, выполняя возложенные на нее задачи и функции, обеспечивает безопасность (безопасность государства, общественную безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности). Обеспечение безопасности является главенствующей функцией государства. Обеспечение безопасности осуществляется через административно-правовые средства. В современных условиях, обеспечение безопасности (в том числе и национальной) приобретает еще более важное значение. Федеральный закон «О безопасности» содержит общие принципы и виды деятельности по обеспечению безопасности в нашей стране¹. Обеспечение безопасности достигается деятельностью органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности на основе государственной политики. Согласно ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» Президент РФ определяет основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности. В научной литературе, обеспечение безопасности так же связывается с проведением государственной политики².

Государственная политика Российской Федерации в области обеспечения безопасности реализуется через Стратегию национальной безопасности. Обеспечение национальной безопасности представляет собой реализацию определенных административно-правовых мер, направленных на противодей-

ствие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации определено, что через оснащение вооруженных сил военной и специальной техникой и прочим, осуществляется важнейшая задача по обеспечению национальной безопасности и совершенствованию обороны.

Установленные задания на поставку товаров, выполнение работ (услуг) для обороны и безопасности Российской Федерации, а так же задания по поставке продукции в области военно-технического сотрудничества РФ с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами – являются государственным оборонным заказом (далее – «Гособоронзаказ»). Такое определение Гособоронзаказа, приведено в действующем Федеральном законе «О государственном оборонном заказе» (далее – федеральный закон «О государственном оборонном заказе»)³.

Из приведенной законодателем трактовки следует, что оснащение всем необходимым вооруженных сил, обеспечивающих безопасность и оборону, представляет собой Гособоронзаказ, что позволяет сделать вывод, что Гособоронзаказ является одним из важнейших средств обеспечения безопасности.

Безопасность должна обеспечиваться через воздействие на поведение любых физических и юридических лиц, уполномоченными на то субъектами, таким же способом должны обеспечиваться превентивные меры по предупреждению

1 Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // «Российская газета» от 29 декабря 2010 г. № 295.

2 Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения М., 1998. С. 23.

3 Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // «Российская газета» от 31 декабря 2012 г. № 303.

угроз безопасности. Среди субъектов, уполномоченных на воздействие на участников общественных отношений в сфере гособоронзаказа, особое место занимают субъекты, уполномоченные на проведение контрольно-надзорных мероприятий. Так как через контрольно-надзорные мероприятия должно достигаться обеспечение безопасности. Органом, уполномоченным на выполнение функции государственного контроля (надзора) по обеспечению общеобязательных правил и требований, в сфере гособоронзаказа является Федеральная антимонопольная служба. Контрольно-надзорная деятельность осуществляется через административно-правовое воздействие на субъектов общественных отношений в сфере государственного оборонного заказа.

Следовательно, через административно-правовое воздействие на участвующих в Гособоронзаказе субъектов, уполномоченной на то Федеральной антимонопольной службой, на которую законодателем возложены функции по осуществлению государственного контроля (надзора) в сфере Гособоронзаказа должно обеспечиваться достижение безопасности, а так же предупреждение, выявление и нейтрализация угроз безопасности. Административно-правовое воздействие на участвующих в Гособоронзаказе субъектов осуществляется посредством обеспечения исполнения общеобязательных правил и требований, установленных законодательством.

Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» определил основы регулирования общественных отношений, связанных с формированием, размещением и выполнением Гособоронзаказа, а так же государственного контроля и надзора в этой сфере, закрепил принципы и методы государственного регулирования цен продукцию по государственному оборонному заказу.

В первой части статьи 2 закона приведены правовые акты, регламентирующие правовое регулирование отношений в сфере государственного оборонного заказа. Первым, среди указанных в данной статье правовых актов, является Конституция Российской Федерации, далее следуют Бюджетный и Гражданский кодексы, непосредственно сам закон «О государственном оборонном заказе», Федеральные законы в области обороны и безопасности Российской Федерации, поставок продукции для обеспечения федеральных нужд, закон «о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также принимаемые в соответствии с названными – иные нормативно-правовые акты. Исходя из указанного можно сделать вывод, что правовое регулирование государственного оборонного заказа является комплексным (межотраслевым).

Рассмотрим подробнее, какие правовые акты (не Конституция, не Гражданский и Бюджетный кодексы) регламентируют Гособоронзаказ и связанные с ним общественные отношения. К Федеральными законам в области обороны и безопасности Российской Федерации, поставок продукции для обеспечения федеральных нужд относятся:

Федеральный закон от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд»;

Федеральный закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»;

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»;

Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве»;

Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»;

Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне»;

Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»;

Указанный выше Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Закупки по государственному оборонному заказу осуществляются на основании закона о контрактной системе, с особенностями, установленными Федеральным законом «О государственном оборонном заказе».

Иными нормативно правовыми актами, регулирующими отношения в сфере государственного оборонного заказа, являются подзаконные акты:

Постановление Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 47 «О Правилах ведения организациями, выполняющими государственный заказ за счет средств федерального бюджета, отдельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности».

Постановление Правительства РФ от 11 августа 1995 г. № 804 «О военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации». Текст постановления опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 31 мая 1999 г. № 22 ст. 2766 по прошествии четырех лет с момента его принятия. Ранее, на постановлении была пометка для «Для служебного пользования». Постановление правительства № 804 определяет права и функции военных представительств. Указанное постановление определяет, что военные представительства и органы их контроля входят в состав Вооруженных Сил Российской Федерации.

Постановление Правительства РФ от 25 января 2008 г. № 29 «Об утверждении Правил формирования цен на российские вооружение и военную технику, которые не имеют российских аналогов и производство которых осуществляется единственным производителем».

Постановление Правительства РФ от 13 декабря 2013 г. № 1155 «Об утверждении Положения о применении видов цен на продукцию по государственному оборонному заказу».

Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1255 «О Правилах разработки государственного оборонного заказа и его основных показателей».

Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1275 «О примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу».

Постановление Правительства РФ от 2 июня 2014 г. № 504 «Об установлении понятия грубого нарушения условий государственного контракта по государственному оборонному заказу».

Постановление Правительства РФ от 28 апреля 2015 г. № 407 «О порядке определения начальной (максимальной) цены государственного контракта, а также цены государственного контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), при осуществлении закупок товаров, работ, услуг по государственному оборонному заказу».

Постановление Правительства РФ от 14 января 2017 г. № 9 «Об установлении запрета на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства».

Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2017 г. № 208 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Приказы служб, министерств регулирующие отношения в сфере государственного оборонного заказа:

Приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 23 августа 2006 г. № 200 «Об утверждении Порядка определения состава затрат на производство продукции оборонного назначения, поставляемой по государственному оборонному заказу».

Приказ Федеральной службы по тарифам от 18 апреля 2008 г. № 118 «Об утверждении Методических рекомендаций по расчету цен на вооружение и военную технику, которые не имеют российских аналогов и производство которых осуществляется единственным производителем».

Приказ Федеральной службы по тарифам от 2 августа 2012 г. № 134 «Об утверждении Перечня статей затрат, величина которых подлежит индексации, на производство товаров (работ, услуг), поставляемых по государственному оборонному заказу».

Приказ Министерства экономического развития РФ от 29 января 2015 г. № 37 «Об утверждении Порядка применения индексов цен и индексов-дефляторов по видам экономической деятельности при прогнозировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу».

Приказ Минобороны России, казначейства России от 11.08.2015 № 475/13н «Об утверждении Порядка формирования идентификатора государственного контракта по государственному оборонному заказу».

Приказ Федеральной антимонопольной службы РФ от 02 декабря 2015 г. № 1197/15 «Об утверждении Порядка рассмотрения дел о нарушениях законодательства Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа».

Существуют и иные акты, действие которых направлено на отношения в сфере регулирования Гособоронзаказа, при этом некоторые из них, имеют отметку «Для служебного пользования» и не опубликованы в открытых источниках.

Как видим, законодатель приводит внушительный перечень нормативно-правовых актов, оказывающих правовое воздействие на общественные отношения в сфере Гособоронзаказа. Возникает вопрос: все ли из указанных нормативно-правовых актов в одинаковой степени оказывают регулирующее действие и образуют ли они какую бы то ни было систему правового регулирования в сфере государственного оборонного заказа? Для ответа на данный вопрос, обратимся ко второй части статьи 2 Федерального закона «О государственном оборонном заказе», из которой следует, что нормативно-правовые акты РФ, касающиеся предмета регулирования данного закона, не могут противоречить данному закону «О государственном оборонном заказе».

Как следует из положений Конституции, среди прочего, в ведении Российской Федерации находятся: установление порядка деятельности федеральных органов исполнительной власти; управление федеральной государственной собственностью; финансовое регулирование, основы ценовой политики; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества. По предметам ведения Российской Федерации принимаются Федеральные конституционные законы и Федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории РФ. Законы по предметам ведения Российской Федерации приняты, что позволяет сделать вывод, что правовое

регулирование отношений в сфере государственного оборонного заказа должно представлять собой систему нормативных правовых актов, направленных на обеспечение безопасности. Нормативные акты в сфере государственного оборонного заказа должны быть основаны на Конституции Российской Федерации. Центральным элементом указанной системы нормативных актов должен являться Федеральный закон «О государственном оборонном заказе».

Н. А. Краев верно указывает, что Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» занимает не только центральное, но и системообразующее место в системе нормативных правовых актов в сфере гособоронзаказа⁴. Можно предположить, все остальные нормативно правовые акты, регламентирующие отношения в сфере государственного оборонного заказа, должны являться элементами данной системы, образующей институт государственного оборонного заказа. Система нормативных актов, регулирующих государственный оборонный заказ, является частью Российской правовой системы. Однако, в силу специфики государственного оборонного заказа, часть правовых актов содержит пометку «Для служебного пользования», что с одной стороны обоснованно интересами государства, с другой стороны влияет на целостность всей правовой системы страны, при наличии в ней такого специфического элемента как государственный оборонный заказ. Очевидной является необходимость сокрытия определенных документов от широкого круга. В то же время, с внесением изменений в законодательство, а именно созданием межведомственной системы контроля за использованием бюджетных средств (при размещении и выполнении государственного оборонного заказа) и неясностью (с точки зрения юридической техники) понятий «исполнитель, участвующий в поставках продукции по государственному оборонному заказу» и «кооперация головного исполнителя», наблюдается необходимость разъяснения законодательства как лицам, участвующим в государственном оборонном заказе, так и лицам, осуществляющим контрольно-надзорные полномочия. Проблема неточности понятий может быть решена внесением изменений в законодательство.

Минобороны России в ответе на вопрос автора статьи: «Будет ли лицо входить в кооперацию головного исполнителя и становится ли оно исполнителем при получении денежных средств с отдельного счета Покупателя (открытого в уполномоченном банке) на обычный расчетный счет Поставщика, при условии указания в платежном поручении на оплату товара в графе «назначение платежа» идентификатора», указывает, что порядок формирования кооперации головного исполнителя установлен постановлением Правительства РФ от 09 сентября 2015 г. № 946, а обязанности исполнителя определены ст. 8 Федерального закона «О государственном оборонном заказе». Вопрос был сформулирован в виду возбуждения прокуратурой в отношении юридического лица дела об административном правонарушении (ч. 1 ст. 15.37 КоАП РФ) по факту не ведения раздельного учета, материалы переданы на рассмотрение в УФАС. Постановление Правительства РФ от 09 сентября 2015 г. отсутствует в открытых источниках. Лицо, привлекаемое к ответственности не обладает информацией относительно того, входит ли оно в кооперацию и является ли исполнителем. Возникает проблема в правоприменении законодательства.

4 Краев Н. А. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. N 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. Специально для системы ГАРАНТ, 2015.// СПС «Гарант» (дата обращения: 17.04.2017 г.).

Учитывая изложенное, целесообразно внести в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ следующие изменения:

Статью 1 дополнить абзацем следующего содержания:

«Действие настоящего закона не распространяется:

– на хозяйствующие субъекты, относимые действующим законодательством Российской Федерации к субъектам малого и среднего предпринимательства, в случае если данные субъекты не являются головными исполнителями в значении, придаваемом данному термину, настоящим законом;

– на хозяйствующие субъекты, осуществляющие изготовление и поставку в адрес головных исполнителей и исполнителей необходимой им продукции двойного назначения, цены на которую сформировались на открытом рынке товаров и/или не превышают 3 000 000 рублей за одну единицу продукции либо товаров;

– на хозяйствующие субъекты, осуществляющие поставку в адрес головных исполнителей и исполнителей продукции, цена на которую не подлежит государственному регулированию».

Часть 6 статьи 6 дополнить абзацем следующего содержания:

«Хозяйствующие субъекты, указанные в абзаце 2 ст. 1 настоящего Федерального закона осуществляют поставку продукции или товаров в адрес головных исполнителей и исполнителей, на основании гражданско-правовых договоров».

Подпункт 3 части 1 статьи 8.3. изложить в следующей редакции:

з) оплаты иных расходов на сумму не более трех миллионов рублей в месяц, в том числе хозяйствующим субъектам, действие настоящего федерального закона на которых не распространяется. Мониторинг расчетов по указанным взаимоотношениям в порядке, установленном статьей 8.5. настоящего Федерального закона не осуществляется;

Принятие данных изменений будет логически верным, и исключит возможность неправильного правоприменения.

Подводя итог сказанному выше, мы видим, что система нормативно-правовых актов регламентирующих общественные отношения в сфере гособоронзаказа в последнее время подверглась реформированию. Усилены административно-правовые средства воздействия государства на субъектов гособоронзаказа, что свидетельствует о преобладании административно-правового аспекта в правовом регулировании данного вида общественных отношений.

Большое количество источников, а также органов, принимающих нормативно-правовые акты, усложняет правоприменение. Можно предположить, что правовое регулирование отношений в сфере гособоронзаказа нуждается в кодификации.

Административно-правовым последствием изменения Федерального закона «О государственном оборонном заказе», должно было являться повышения эффективности расходования бюджетных средств, выделяемых государством на обеспечение обороны и безопасности. Достижение указанной цели должно осуществляться через административно-правовые средства, в том числе через реализацию государственного контроля (надзора) в сфере Гособоронзаказа. Для реализации указанной цели, был создан специальный инструмент административного воздействия на общественные отношения в сфере Гособоронзаказа в виде межведомственной системы контроля за использованием бюджетных средств (при размещении и выполнении государственного оборонного заказа), а так же введен институт уполномоченных банков. Однако, ввиду не проработанности Федерального закона, многоаспект-

ности общественных отношений, ментальности участников общественных отношений в сфере Гособоронзаказа и иных обстоятельств и возникает ряд описанных выше проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // «Российская газета» от 29 декабря 2010 г. № 295.
2. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения М., 1998. С. 23.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // «Российская газета» от 31 декабря 2012 г. № 303.
4. Краев Н. А. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. Специально для системы ГАРАНТ, 2015. // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.04.2017 г.).

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАТУСА ЗАМЕСТИТЕЛЯ (ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ) ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Автор данной статьи на основе анализа российского муниципального законодательства, а также уставов ряда муниципальных образований, рассматривает вопросы о целесообразности должности заместителя главы муниципального образования, а также способов (вариативности) их избрания или назначения.

Ключевые слова: глава муниципального образования, заместитель главы муниципального образования, местное самоуправление, устав муниципального образования, представительный орган, местная администрация.

JAMBOROV Anzor Anatoljevich

senior lecturer of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SOME OF THE ISSUES OF THE STATUS OF THE DEPUTY (DEPUTIES) HEAD OF THE MUNICIPAL FORMATION

The author of this article on the basis of analysis of the Russian municipal legislation, and also charters of row of municipal educations examines questions about expedience of position of deputy of head of municipal education, and also methods (variantness) of their electing or setting.

Keywords: head of municipal education, deputy of head of municipal education, local self-government, charter of municipal education, representative organ, local administration.

Жамборов А. А.

Согласно ст. 36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее ФЗ № 131-ФЗ) глава муниципального образования определен в качестве высшего должностного лица муниципального образования, которое в соответствии с данной статьей федерального закона и уставом муниципального образования, должно наделяться собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

В литературе справедливо отмечается, что, «вне зависимости от того, какими полномочиями обладает глава муниципального образования (как выборный орган местного самоуправления или как руководитель администрации муниципального образования), он остается в одной должности с одним наименованием – глава муниципального образования»². И в этой связи встает вопрос о том, может ли быть заместитель главы муниципального образования, который бы его временно замещал в случае необходимости (отпуск, болезнь и др.). Федеральный законодатель определяет данный вопрос не в полном объеме – в ч. 7 ст. 36 ФЗ № 131-ФЗ речь идет о тех случаях, когда полномочия главы муниципального образования прекращаются либо досрочно или при применении к нему мер процессуального принуждения (заключение под стражу, временное отстранение от должности) в соответствии с реше-

нием суда (эта норма введена в 2017г.³). В этих случаях полномочия главы муниципального образования исполняются временно должностным лицом местного самоуправления или же депутатом представительного органа, которые определяются в соответствии с уставом муниципального образования. Однако из этого не следует, что может быть должность заместителя главы муниципального образования, и, кроме того, эта норма касается только строго определенных случаев: досрочного прекращения, применения мер процессуального принуждения и временного отстранения от должности, то есть речь не идет о временной невозможности исполнять полномочия главы муниципального образования в целом.

Между тем, в некоторых федеральных нормативно-правовых актах, а также актах субъектов РФ идет ссылка на такую должность, как заместитель главы муниципального образования. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 6 сентября 1998 г.⁴, общественную комиссию по жилищным вопросам возглавляет заместитель главы муниципального образования. В Постановлении Правительства РФ от 30 декабря 2006 г. указано, что «в состав призывной комиссии по моби-

1 Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017) // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

2 Кожевников О. А. О реестре должностей муниципальной службы в субъекте Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 56-60.

3 Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2016 № 494-ФЗ // Российская газета. № 1. 2017. 9 сентября.

4 Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства» от 06.09.1998 № 1054 (ред. от 24. 12. 2014) // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

лизации муниципального образования включаются председатель призывной комиссии – глава муниципального образования или один из его заместителей»⁵. В Постановлении Правительства Свердловской области от 17 мая 2004 г. определено, что «на уровне местного самоуправления для обеспечения реализации требований ТрК РФ рекомендуется назначить ответственных за проведение работы в сфере охраны труда (заместители глав муниципальных образований)»⁶.

Однако такой подход в федеральных и региональных актах представляется противоречащим правовому статусу главы муниципального образования как высшего выборного должностного лица муниципального образования. Во-первых, закрепляя в вышестоящих актах должность заместителя главы муниципального образования, соответствующие субъекты правотворчества тем самым обязывают муниципальные образования вводить такую должность, что противоречит фундаментальному принципу самостоятельности органов местного самоуправления в определении структуры органов местного самоуправления. Во-вторых, глава муниципального образования избирается как физическое лицо в единственном числе, и любой его замещающий человек не обладает мандатом доверия населения.

В этой связи С. Г. Соловьев резонно замечает, что «если включить в состав такого субъекта муниципального права заместителей главы муниципального образования, то его нельзя признать единоличным муниципальным органом»⁷. Соответственно в федеральных и региональных актах не может в принципе идти речь о заместителе главы муниципального образования, и должен всякий раз указываться глава муниципального образования. Другое дело, что в конкретный момент, когда требуется принятие решения, а глава муниципального образования не может исполнять свои обязанности, то такое решение может принимать временно исполняющий обязанности главы муниципального образования.

А вот кого определять во врио, должны решать сами муниципалитеты, и только они. Практика при этом различна. В большинстве изученных нами уставов муниципальных образований о должности заместителя главы муниципального образования вообще не говорится. В некоторых уставах такая должность предусмотрена. Так, в ст. 28 Устава г. Новотроицка⁸ указывается, что при временном отсутствии главы муниципального образования его полномочия осуществляются должностным лицом, которое определяется главой муниципально-

го образования соответствующим правовым актом. В случае невозможности издания главой муниципального образования правового акта данное лицо назначается решением городского Совета депутатов. В Уставе городского поселения Лянтор⁹ предусмотрены сразу 2 заместителя главы муниципального образования – главы города. При этом согласно ст. 28, в случае временного отсутствия Главы города его полномочия осуществляются заместителем Главы города на основании соответствующего распоряжения, а в случае досрочного прекращения полномочий Главы города или применения к нему по решению суда мер процессуального принуждения (в виде заключения под стражу или временного отстранения от должности) его полномочия до вступления в должность вновь избранного Главы города осуществляет должностное лицо Администрации города либо депутат Совета поселения в соответствии с решением Совета поселения, при этом персональное (кадровое) формирование Администрации города, включая высших должностных лиц Администрации города, осуществляет Глава города, то есть Глава города назначает своих заместителей. Здесь вряд ли может быть поддержан вариант, когда главу города временно замещает лицо, им же назначенное, поскольку, как мы отмечали, население избирало главу города, а не его заместителя.

Представляется, что наиболее близкий, на наш взгляд, к оптимальному вариант найден в Уставе муниципального образования «Красная реченька» (СПб.)¹⁰, где предусмотрено (ст. 30), что местные депутаты из своего состава избирают заместителя главы муниципального образования, который избирается на срок полномочий Муниципального Совета, в отсутствие главы муниципального образования исполняет его полномочия, в том числе и как председателя Муниципального Совета. Вместе с тем здесь нельзя согласиться в том, что указанное лицо именуется «заместителем главы муниципального образования», поскольку, как мы ранее отмечали, у главы муниципального образования не может быть заместителей, он избирается населением (представительным органом местного самоуправления) в единственном числе.

По нашему мнению, у главы муниципального образования не должно быть заместителей, он избирается населением (представительным органом местного самоуправления) как нам представляется из ст. 34, 36 ФЗ № 131-ФЗ следует, что должен предусматриваться глава муниципального образования в единственном числе как физическое лицо, оптимальным расценивается положение, отраженное в некоторых уставах муниципальных образований, где предусмотрено избрание местными депутатами из своего состава человека, который в отсутствие главы муниципального образования исполняет его полномочия.

Например, по аналогии, согласно ч. 1 ст. 11 Конституции России в числе властных структур на федеральном уровне

5 Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о призыве граждан Российской Федерации по мобилизации, приписанных к воинским частям (предназначенных в специальные формирования), для прохождения военной службы на воинских должностях, предусмотренных штатами военного времени, или направления их для работы на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований» от 30.12.2006 № 852 // Российская газета. 2007. 12 января.

6 Постановление Правительства Свердловской области «Об утверждении Положения об организации государственного управления охраной труда в Свердловской области» от 17.05. 2004 г. № 368-ПП (в ред. от 03.04.2013 г. N 422-пп). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sverdlovsk.news-city.info>. 2013. Декабрь.

7 Соловьев В. Г. Муниципально-властные институты в местном самоуправлении Российской Федерации. СПб.: ЮЦП., 2003. С. 191.

8 Устав муниципального образования город Новотроицк Оренбургской области (принят решением городского Совета депутатов от 24 февраля 2015 г. № 641) // Официальный сайт муниципального образования город Новотроицк Оренбургской области.

9 Устав городского поселения Лянтор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (принят решением Советом депутатов городского поселения Лянтор 28 ноября 2005 года решение № 8, в ред. от 28. 03. 2017 г. №264) // Официальный сайт городского поселения Лянтор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

10 Устав муниципального образования «Красная реченька» СПб (Принят Решением Муниципального Совета муниципального образования муниципальный округ Красненькая речка от 02.04.2014 № 10, с изменениями от 02.07.2014 № 20, 26.11.2014 № 27, 26.08.2015 № 17, 23.03.2016 № 7) // Официальный сайт Устав муниципального образования «Красная реченька» города федерального значения Санкт-Петербурга.

предусматривается Президент России. Вице-президента не предусмотрено, а если он предусмотрен (как это было в паре Ельцин-Руцкой в начале 1990-х гг.), то это должно быть отражено в Конституции.

Конечно, законодатель не содержит прямого запрета муниципалитетам вводить должность заместителя главы муниципального образования, однако такая практика представляется нецелесообразной, поскольку в любом случае глава муниципального образования – один, и любой его замещающий человек не обладает таким же мандатом доверия населения.

На наш взгляд, данный вопрос целесообразно решать следующим образом. Должность заместителя главы муниципального образования вообще не должна предусматриваться по мотивам, которые мы ранее указали. В уставах муниципальных образований (это лучшего всего) или в иных муниципальных правовых актах необходимо отрегулировать вопрос о том, кто будет временно замещать главу муниципального образования. Для той модели, когда глава возглавляет представительный орган, целесообразно, чтобы главу муниципального образования временно замещал заместитель председателя представительного органа, который, будучи избранным депутатами, имеет необходимый мандат доверия от населения. Для варианта, когда глава возглавляет местную администрацию, целесообразно, чтобы его временно замещал заместитель главы местной администрации с согласия представительного органа.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017) // Справочно-правовая система «Консультант плюс».
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2016 № 494-ФЗ // Российская газета №1. 2017. 9 сентября.
3. Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства» от 06.09.1998 № 1054 (ред. от 24. 12. 2014) // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

4. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о призыве граждан Российской Федерации по мобилизации, приписанных к воинским частям (предназначенных в специальные формирования), для прохождения военной службы на воинских должностях, предусмотренных штатами военного времени, или направления их для работы на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований» от 30.12.2006 № 852(ред. от 03.02.2014) // Справочно-правовая система «Консультант плюс».
5. Постановление Правительства Свердловской области «Об утверждении Положения об организации государственного управления охраной труда в Свердловской области» от 17.05. 2004 г. № 368-ПП (в ред. от 03.04.2013 г. N 422-пп). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sverdlovsk.news-city.info> (дата обращения: 12.2013).
6. Устав муниципального образования город Новотроицк Оренбургской области (принят решением городского Совета депутатов от 24 февраля 2015 г. № 641) // Официальный сайт муниципального образования город Новотроицк Оренбургской области.
7. Устав городского поселения Лянтор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (принят решением Советом депутатов городского поселения Лянтор 28 ноября 2005 года решение № 8, в ред. от 28. 03. 2017 г. №264) // Официальный сайт городского поселения Лянтор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.
8. Устав муниципального образования «Красная реченька» СПб (Принят Решением Муниципального Совета муниципального образования муниципальный округ Красненькая речка от 02.04.2014 № 10, с изменениями от 02.07.2014 № 20, 26.11.2014 № 27, 26.08.2015 № 17, 23.03.2016 № 7) // Официальный сайт Устав муниципального образования «Красная реченька» города федерального значения Санкт-Петербурга.
9. Кожевников О. А. О реестре должностей муниципальной службы в субъекте Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 56-60.
10. Соловьев В. Г. Муниципально-властные институты в местном самоуправлении Российской Федерации. СПб.: ЮЦП., 2003.

НОСКОВА Юлия Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института МВД России

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: ПРИНЦИПЫ И ФУНКЦИИ

Статья посвящена обоснованию гражданско-правового института представительства и его принципов.

Ключевые слова: представительство, правовой институт, принципы института представительства.

NOSKOVA Yuliya Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil legal disciplines sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

CIVIL-LEGAL INSTITUTION OF REPRESENTATION: PRINCIPLES AND FUNCTIONS

The article is devoted to substantiation of the civil-legal institution of representation and its principles.

Keywords: representation, law Institute, principles of the institution of representation.

Носкова Ю. Б.

Институт представительства исторически сформировался в гражданском праве. В ходе дифференциации единой системы права на различные самостоятельные отрасли – уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, семейного, трудового, международного права – нормы о представительстве сохранились и получили свое развитие в гражданском праве.

Природа и особенности правового института могут быть правильно поняты в том случае, если исходить из того, что это такая общность норм - предписаний, которая в свою очередь является элементом следующего главного подразделения – отрасли права.¹ Правовой институт – первичное самостоятельное структурное подразделение отрасли, первая и наиболее важная ступень в формировании отрасли, где правовые нормы группируются не случайно, а по их юридическому содержанию, обусловленному содержанием конкретных общественных отношений.²

На формирование любого правового института оказывает влияние целый ряд систематизирующих факторов, т. е. факторов целостности – тех причин, которые вызывают объединение исходных компонентов в целостную систему, сохраняют ее как целое, обеспечивают ей функционирование, совершенствование и развитие.³ Определяющие факторы, которые обуславливают право, существуют вне права, т. е. являются внешними. К числу таких факторов С. С. Алексеев относит, главным образом, экономический базис и государственную власть.⁴ Решающую роль в формировании института представительства сыграл фактор экономического развития общества, материальные условия его жизни и его потребности.

Институт представительства, как одно из структурных подразделений отрасли гражданского права, получил внеш-

нее обособленное закрепление в системе российского гражданского законодательства.

Гражданско-правовым институтом является основанная на законе совокупность норм, призванных регулировать такой вид обусловленных товарно-денежной формой имущественных отношений, который обладает относительной экономической самостоятельностью, а также производные от него отношения либо относительно самостоятельное отношение, не имеющее экономического содержания.⁵

Правовые институты не могут быть созданы произвольно. Система правовых институтов в пределах отрасли права строится с учетом особенностей регулируемых отношений.⁶

Институт представительства надо относить к общим правовым институтам, например как институт сделок или исковой давности.

В объективном смысле представительство является гражданско-правовым институтом и представляет собой систему юридических норм, которые регулируют отношения, в силу которых одно лицо (представитель), осуществляя правомочные юридические действия в пределах предоставленных ему полномочий, от имени и в интересах другого лица (представляемого) по отношению к третьим лицам приобретает, изменяет и прекращает непосредственно для представляемого гражданские права и обязанности.

Совокупность таких общественных отношений, закрепляемых, регулируемых и охраняемых нормами рассматриваемого института, составляет его предмет. К таким отношениям относится часть имущественных отношений (обязательственного характера) и неимущественных организационных отношений. В частности, можно выделить следующие отношения: отношения между представляемым и представителем; отношения между представителем и третьим лицом; отношения между представляемым и третьим лицом.

1 Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 119.

2 Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 66.

3 Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 54.

4 Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 119.

5 Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 66.

6 Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 23.

Особое место в регулировании отношений представительств приобретают способы регламентации, объединенные понятием “метод гражданско-правового регулирования”. Методу в гражданском праве посвящено множество работ.⁷ Основными чертами метода гражданского права являются правовое равенство субъектов, дозволительный характер гражданских прав, восстановительный характер защиты, автономия, инициативность, диспозитивность, имущественная самостоятельность субъектов. Эти черты в анализируемом институте не претерпевают какого-либо существенного изменения.

Вместе с тем институту представительства свойственны специфические принципы, обусловленные особенностями предмета правового регулирования, субъектного состава регулируемых общественных отношений, а также системой экономических отношений общества.

Под принципами института представительства понимаются его основные начала, выражающие объективные экономические и социальные закономерности развития современного российского общества, определяющие сущность всего института. В качестве принципов института представительства, с учетом его социально-экономического и юридического назначения, можно выделить следующие:

1. Принцип доверительного (фидуциарного) характера представительства нашел закрепление в общем правиле ст. 187 ГК РФ, согласно которому названное в доверенности лицо “должно лично совершать те действия, на которые оно уполномочено”. Несмотря на возможность передоверия, фидуциарный характер представительства сохраняется: предполагается, что исполнять должен тот, кого уполномочили. К доверительному характеру отношений представительства следует отнести и конфиденциальность.

В ходе реализации полномочия представителю становится или может стать известной информация о частной жизни физических лиц либо информация, являющаяся коммерческой тайной, которая в случае передачи третьим лицам способна причинить серьезный материальный или моральный ущерб представляемому. Так, например, в соответствии со ст. 857 ГК РФ сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены только самим клиентам или их представителям.

2. Принцип недопущения совершения через представителя юридических действий, которые по своему характеру могут быть совершены только лично, а равно других юридических действий, указанных в законе (п. 4 ст. 182 ГК РФ).

3. Принцип добросовестного и разумного осуществления полномочий представителем. Несмотря на то, что указанный принцип добросовестного и разумного осуществления прав, является отраслевым, безусловно данный принцип является актуальным и применительно к отношениям представительства. Категории добросовестности и разумности осуществления прав следует отнести к оценочным категориям. Под добросовестным поведением представителя следует понимать осуществление полномочий представителя в интересах представляемого, соблюдая при этом осторожность, предусмотрительность и разумность. Добросовестность и разумность осуществления полномочий представителя предполагается, пока

представляемый не докажет, что представитель действовал в противоречии с интересами представляемого, например превысил предоставленные полномочия.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что представительство обладает единством регулятивных особенностей, интеллектуально-волевым и юридическим содержанием.

Регулируя определенные общественные отношения, институт представительства обладает однородностью и имманентностью. Его содержание выражено в специфической группе понятий, общих положений, терминов, например: “представительство”, “полномочия”, “доверенность” и т.д.

Показателем интеллектуально-волевого содержания института представительства является своеобразие юридической конструкции института представительства. Нормы, касающиеся представительства, объединены цельной правовой конструкцией, поэтому можно говорить о наличии института представительства.

Функция института представительства состоит в обеспечении цельного и законченного регулирования отношений представительства. Для этого институт представительства обладает совокупностью норм, при помощи которых возможно охватить все существенные моменты регулирования отношений представительства. Так, в институте представительства можно выделить функцию защиты и охраны интересов представляемого лица, а также посредническую функцию осуществления юридических действий в интересах представляемого.

Приставленный библиографический список

1. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 119.
2. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 54.
3. Илларионова Т. И. О содержании метода гражданско-правового регулирования // Актуальные проблемы гражданского права. Свердловск, 1986.
4. Красавчиков О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1.
5. Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 23.
6. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.
7. Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 66.

7 Илларионова Т. И. О содержании метода гражданско-правового регулирования // Актуальные проблемы гражданского права. Свердловск, 1986; Красавчиков О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1; Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Правильное понимание вопросов, связанных с сущностью, целями и основаниями назначения принудительных мер медицинского характера и их отграничения от наказания зависит от четкого определения их правовой природы. В данной статье проводятся исследование и критическое осмысление спорных вопросов, касающихся правовой природы применения принудительных мер медицинского характера и на этой основе определяется позиция автора.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера (ПММХ), правовая природа применения ПММХ, меры уголовно-правового характера.

ZHARKO Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Trial and Criminalistics sub-faculty Academies of the right and management of the FSEP of Russia

CONTROVERSIAL ISSUES ABOUT THE LEGAL NATURE OF THE APPLICATION OF COMPULSORY MEASURES OF A MEDICAL NATURE

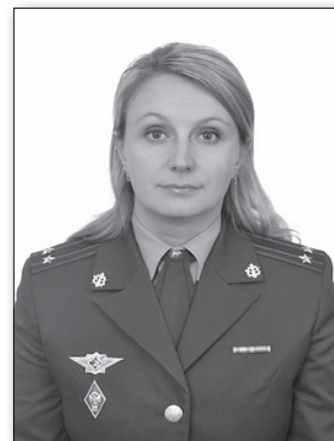
A proper understanding of the issues related to the nature, purposes and grounds of imposition of compulsory measures of a medical nature and distinguishing from punishment depends on a clear definition of their legal nature. This article conducted a study and critical understanding of issues relating to the legal nature of the application of compulsory measures of a medical character, and on this basis determines the position of the author.

Keywords: compulsory measures of a medical nature, the legal nature of the application, the measures of criminal legal nature.

Эффективность производства по применению принудительных мер медицинского характера их применения, назначения и исполнения зависит от правильного понимания сущности и правовой природы такого самостоятельного института как принудительные меры медицинского характера, урегулированного нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Несмотря на огромное количество публикаций, продолжающиеся дискуссии теоретиков и практиков, спорные вопросы о правовой природе принудительных мер медицинского характера остаются далеко не решенными. В этой связи, целесообразно дальнейшее научное осмысление правовой природы и содержания указанного правового института, устанавливающего меры государственного принуждения к общественно-опасным, душевнобольным лицам, совершившим деяния или преступления, запрещенные уголовным законом.

В очередной раз стоит отметить, что от четкого определения правовой природы данного института во многом зависит правильное понимание вопросов, связанных с целями и основаниями их назначения¹. Подтверждением тому является справедливое высказывание С. С. Алексеева, «правовая природа – это юридическая характеристика данного явления в соответствии с его социальной природой»².

Для успешного решения спорных вопросов о правовой природе принудительных мер медицинского характера не-

Жарко Н. В.

обходим всесторонний анализ научных разработок отдельных авторов по отмеченной проблематике.

Принудительные меры медицинского характера, как справедливо отмечает Г. В. Назаренко, по своей правовой природе являются уголовно-правовыми мерами безопасности, сущность которых заключается в принудительном лечении лиц, совершивших уголовно-противоправные деяния и представляющих по своему психическому состоянию опасность для общества. Правильно отмечается также, что общественная опасность психически больного лица представляет собой пролонгированное состояние. Это означает, что общественная опасность лица выходит за рамки совершенного им деяния, то есть предшествует деянию, совпадает со временем его совершения, но существует как потенциальный фактор после совершенного деяния³. Тем самым перечисленные условия и обуславливают необходимость применения к данному лицу наряду с наказанием или вместо него принудительных мер медицинского характера. Как указывалось нами ранее, при применении принудительных мер медицинского характера принуждение носит государственный характер, то есть достаточно точно определен субъект, осуществляющий воздействие⁴.

Относительно исследуемой проблемы существуют и другие позиции теоретиков. Так, М. Д. Шаргородский, А. Д. Соловьев и Б. С. Бейсенов считают, что меры медицинского характера преследуют цели защиты общества от возможных опасных действий лиц путем лечебно-воспитательного воз-

1 Жарко Н. В., Новикова Л. В. Дискуссионные вопросы нормативно-регулирующих оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2015. № 4. С. 139.

2 Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. С. 227.

3 Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве. М.: Ось-89, 2000.

4 Жарко Н. В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

действия⁵. «В этом смысле меры медицинского характера, – отмечал М. Д. Шаргородский, – с полным правом могут именоваться мерами социальной защиты, в отличие от наказания, к которым этот термин не применим...»⁶. Б. С. Бейсенов писал: «Действующее законодательство хотя и исключило из уголовно-правового оборота термин «меры социальной защиты», употреблявшийся ранее вместо понятия наказания, однако применяемые судом принудительные меры медицинского характера по существу являются таковыми»⁷. На наш взгляд, меры социальной защиты предусматривают лечебно-воспитательное воздействие на душевнобольных, алкоголиков и других психически нездоровых лиц, представляющих общественную опасность, цель которых направлена не только на обеспечение безопасности общества от деяний, преступлений этих лиц, но и на излечение указанной категории лиц.

С. Я. Улицкий считает, что принудительное лечение призвано обеспечить безопасность как больного, так и общества, что именно это является основной функцией рассматриваемого института. При этом он указывает, что безопасность общества должна быть обеспечена не только в период нахождения на лечении, но и в будущем, то есть после его окончания. Именно поэтому С. Я. Улицкий принудительное лечение определяет в качестве меры безопасности, являющейся одним из видов медико-правового принуждения⁸.

Анализируя данную точку зрения С. Я. Улицкого, необходимо отметить, что под мерой социальной защиты (безопасности) он понимает не носящие карательного характера, предусмотренные законом особые принудительные меры, которые суд назначает лицам, представляющим общественную опасность. Следовательно, понятие «меры социальной защиты» не может быть в полной мере применено как понятие «принудительные меры медицинского характера», поскольку первое по своему содержанию стремится к достижению только цели безопасности. Любые попытки ограничить целевую установку принудительных мер медицинского характера только обеспечением безопасности общества неизбежно влекут нарушение прав и законных интересов субъектов принудительных мер медицинского характера. На наш взгляд, первоочередной целью принудительных мер медицинского характера, раскрывающую их специфичность, должна выступать цель излечения или улучшения психического состояния субъекта принудительных мер медицинского характера.

Другие авторы констатируют, что принудительные меры являются медицинскими потому, что как основания, так и цели, виды, условия назначения, изменения и прекращения этих мер по своему содержанию зависят от психического состояния лица, в отношении которого они применяются. Рекомендации по применению принудительных мер дает комиссия врачей-психиатров либо в предусмотренных законом случаях судебно-психиатрическая экспертиза, включая выводы о диагнозе заболевания, невменяемости или ограниченной вменяемости, назначении и проведении лечения и профилак-

тики психических расстройств, а также о необходимых социально-реабилитационных мероприятиях⁹.

Оценка современного состояния исследований по проблемам правовой природы принудительных мер медицинского характера позволяет заключить, что их разработка является ныне общепризнанным самостоятельным направлением научного поиска, отвечающего интересам практики. Исследуемые позиции теоретиков являются в какой-то степени правильными по своей сути, но далеко не идеальными. Так, на наш взгляд, попытки отдельных авторов определить правовую природу принудительных мер медицинского характера только как уголовно-правовые меры безопасности, или как меры социальной защиты, или как медицинские являются несостоятельными. Они нарушают логическую последовательность и наполняемость указанных в уголовном законодательстве целей применения принудительных мер медицинского характера. Более того, правильная группировка и последовательность целей применения принудительных мер медицинского характера создаст предпосылки для их реального достижения. Для уяснения сказанного, важно более подробно уточнить правовую природу этих мер, полагаясь на основания, цели их применения и назначения в совокупности по действующему уголовному законодательству.

Предпринятые в литературе попытки авторов считать, что принудительные меры медицинского характера являются чисто медицинскими, так как их основная цель – улучшение психического состояния, на наш взгляд ошибочны. Достичь цель лечения или улучшения психического состояния только чисто медицинскими средствами и методами невозможно в силу специфики заболевания и личности душевнобольного. В этой связи справедливо высказывание о том, что «в медицине не существует лекарств, способствующих в корне изменить характер, взгляды на жизнь и мышление человека, так как это уже выходит за круг чисто медицинских проблем...»¹⁰.

Известно, что принудительные меры медицинского характера являются еще и юридическими. В частности, правовой основой, определяющей лиц, к которым они могут быть назначены, основания, цели, виды, порядок применения и прекращения этих мер является уголовное законодательство. В уголовно-процессуальном законодательстве определяется порядок и особенности производства о применении принудительных мер медицинского характера, процедура их назначения судом. В судебном порядке рассматриваются и дальнейшие решения по продлению, изменению и прекращению принудительных мер. В рамках осуществления надзорных функций надзор за законностью применения принудительных мер возложен на прокуратуру. Вместе с тем следует отметить, что правовое регулирование процессуальных аспектов применения принудительных мер медицинского характера не является совершенным, так например, правовой статус лиц, которым могут быть назначены принудительные меры, частично определен уголовно-процессуальным законодательством.

Предметное уяснение правовой природы принудительных мер медицинского характера во многом зависит от их правовой регламентации. Конкретизируя данную позицию, следует отметить, что законодатель, разместив принудительные меры медицинского характера в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», по сути, определил их

5 Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 170; Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 15; Бейсенов Б. С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1981. С. 200.

6 Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 170.

7 Бейсенов Б. С. Указ. соч. С. 200.

8 Улицкий С. Я. Принудительное лечение и трудовое перевоспитание алкоголиков в ЛТП как мера безопасности в советском праве // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1980. С. 144.

9 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Наумова. М., 1996. С. 824.

10 Наркомания: разговор начистоту // Аргументы и факты. 1986. № 38.

правовую природу. Таким образом, именно уголовно-правовые нормы регулируют правовые отношения по применению и назначению принудительных мер медицинского характера.

Окончательно определить правовую природу принудительных мер медицинского характера вряд ли представляется возможным без уточнения ее профилактической составляющей. Для эффективной реализации принудительных мер медицинского характера как иной меры уголовно-правового характера данная составляющая, пожалуй, будет главенствующей. В этом отношении весьма характерно, что результат обеспечения безопасности общества от совершения новых деяний или преступлений субъектами принудительных мер медицинского характера имеет исключительно важное значение для реализации частного и общего уголовно-правового предупреждения. Поэтому при назначении судом принудительной меры медицинского характера – помещение лица в психиатрический стационар (для лиц, страдающих психическими расстройствами) решается задача по профилактике преступлений – предупреждается возможность совершения преступлений со стороны лиц, страдающих психическим расстройством.

При этом следует подчеркнуть, что речь идет не о послушном пациенте, который по собственной инициативе обратился за оказанием психиатрической помощи к психиатру, а о лице, совершившем преступление, представляющее определенную опасность для общества, и в силу своего заболевания способном повторить деяние.

Проведенный научно-теоретический анализ проблематики определения правовой природы принудительных мер медицинского характера не исчерпывается кругом рассмотренных вопросов, однако позволяет констатировать, что принудительные меры медицинского характера представляют собой специфический уголовно-правовой институт, содержащий в себе медицинские предпосылки. Все это в свою очередь обуславливает необходимость широкой теоретической разработки научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию института принудительных мер медицинского характера.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989.
2. Бейсенов Б. С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1981.
3. Жарко Н. В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.
4. Жарко Н. В., Новикова Л. В. Дискуссионные вопросы нормативного регулирования оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2015. № 4.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Наумова. М., 1996.
6. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве. М.: Ось-89, 2000.
7. Наркомания: разговор начистоту // Аргументы и факты. 1986. № 38.
8. Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958.
9. Улицкий С. Я. Принудительное лечение и трудовое перевоспитание алкоголиков в ЛТП как мера безопасности в советском праве // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1980.
10. Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958.

О.И. Тиунов,
А.А. Каширкина,
А.Н. Морозов

Выполнение международных договоров Российской Федерации

Издательство
НОРМА

ozon.ru

КОВРОВ Николай Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна)

К ВОПРОСУ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПОДРЯДЧИКА ПО ДОГОВОРУ ПОДРЯДА И СУБПОДРЯДА

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы ответственности генерального подрядчика по договору подряда и субподряда. Автор устанавливает правовой режим ответственности генерального подрядчика перед заказчиком по основному договору за действия субподрядчика и ответственности генерального подрядчика перед субподрядчиком за заказчика по основному договору подряда.

Ключевые слова: договор подряда, субподряд, генеральный подрядчик, ответственность по договору.

KOVROV Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in law, associate professor of Entrepreneurial law sub-faculty of the Law Faculty of the State Socio-humanitarian University (Kolomna)

Ковров Н. Н.

TO THE QUESTION OF THE RESPONSIBILITY OF THE GENERAL CONTRACTOR UNDER THE CONTRACT AND SUBCONTRACTS

The article discusses the theoretical and practical problems of responsibility of the general contractor under the contract and subcontracts. The author establishes the legal regime of responsibility of the general contractor to the customer under the main contract for the actions of subcontractor and the responsibility of the General contractor to a sub-contractor for the customer under the main contract.

Keywords: contract, subcontracting, the general contractor, the liability under the contract.

Ввиду производности договора субподряда от основного договора подряда и возможности применения общих положений о подряде, ответственность генерального подрядчика по договору подряда и субподряда может рассматриваться в разных аспектах. Целесообразно остановиться на рассмотрении, во-первых, ответственности генерального подрядчика перед заказчиком по основному договору за действия субподрядчика, во-вторых, ответственности генерального подрядчика перед субподрядчиком за заказчика по основному договору подряда.

По заключенному договору субподряда ответственность несет не только субподрядчик, но и генеральный подрядчик. Двусторонне обязывающий характер договора субподряда обуславливает наличие обязанностей и ответственности генерального подрядчика по договору субподряда. Наибольшую остроту вопросы гражданско-правовой ответственности генерального подрядчика имеют тогда, когда он допускает неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по ресурсному обеспечению строительства: проектно-сметному, материально-техническому или по передаче подготовленной строительной площадки. В этих случаях возможно установление штрафных санкций, применяемых в целях воздействия на материальные интересы генерального заказчика¹.

Рассматривая ответственность в этом ключе, необходимо согласится с И. Л. Брауде в том, что различия в положении генерального подрядчика и подрядчика состоят, прежде всего, в объеме выполняемых работ, а не в природе их обязательств. Ответственность генеральный подрядчик перед заказчиком должен нести такую же, как если бы данные работы выполнял

он сам. Поэтому мы считаем, что частноправовая защита как одному, так и другому должна предоставляться одинаковая².

Как установлено в п. 1 ст. 719 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), субподрядчик вправе не приступать к работе, а начатую работу приостановить в случаях, когда нарушение генеральным подрядчиком своих обязанностей по договору подряда, в частности непредставление материала, оборудования, технической документации или подлежащей переработке (обработке) вещи, препятствует исполнению договора субподрядчиком, а также при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что исполнение указанных обязанностей не будет произведено в установленный срок. Речь здесь идет о таких обязанностях генерального подрядчика, которые установлены в договоре субподряда с использованием модели ст. 328 ГК РФ о встречном исполнении обязательств. Наряду с этим, при наличии отмеченных обстоятельств, субподрядчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения убытков. Однако это правило носит диспозитивный характер (ст. 421 ГК РФ), то есть оно действует в том случае, если иное не предусмотрено договором подряда. Обязанность генерального подрядчика возместить субподрядчику убытки полностью или в части вытекает и из иных положений ГК РФ о подряде (п. 3 ст. 716, ст. 717 ГК РФ)³.

В ГК РФ усилена ответственность генерального подрядчика за уклонение от приемки результата работ. На условиях п. 6 ст. 720 ГК РФ субподрядчик имеет право продать его третьему лицу, что является новеллой действующей редакции ГК РФ. При этом дополнительно субподрядчик не лишен права взыскать с генерального подрядчика штрафные санкции за не-

1 См.: Мокров С. Н. Динамика обязательственных отношений сторон, основанных на договоре строительного подряда. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 164.

2 Цит. по: Елистратов А., Савина С. Деятельность генерального подрядчика в современных условиях: от лицензирования к саморегулированию // Корпоративный юрист. 2010. № 1. С. 12-15.

3 См.: Нигматуллин К. Р. Договор бытового подряда. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 115.

своевременную приемку работ, если таковые были предусмотрены субдоговором. Кроме того, субподрядчик имеет право на компенсацию убытков, если они возникли в силу ст. 15 и ст. 395 ГК РФ⁴. Примеры из судебной практики подтверждают, что в случае, когда генподрядчик необоснованно отказался от подписания актов приемки выполненных работ, суд признает представленные субподрядчиком односторонние акты о приемке выполненных работ надлежащими доказательствами выполнения работ по договору субподряда⁵.

Также к типичным нарушениям договора субподряда генеральным подрядчиком можно отнести нарушение условий об оплате. Необходимо отметить, что, как мы указывали ранее, генеральный подрядчик будет нести ответственность за несвоевременную оплату работ вне зависимости от оплаты работ заказчиком по основному договору подряда. Данное правило подтверждается и арбитражной практикой⁶. Эта особенность связана с самостоятельным и организационно-обеспечительным характером договора субподряда, применяемого для опосредования производственных взаимосвязей в строительном комплексе РФ. Исполнение договора субподряда не означает даже частичного исполнения договора генерального подряда, генеральный подрядчик рассчитывается за выполненные субподрядные работы за счет собственных оборотных средств, а не за счет заказчика⁷.

Поскольку в соответствии с п. 3 ст. 706 ГК РФ генеральный подрядчик несет перед субподрядчиком ответственность за надлежащее исполнение заказчиком обязательств по договору генподряда, ненадлежащее исполнение обязательств заказчиком не прекращает и не приостанавливает исполнения обязательств генерального подрядчика перед субподрядчиком, вытекающих из договора субподряда⁸.

В целом, наступление гражданско-правовой ответственности возможно при условии наличия убытков, противоправности поведения причинителя убытков, причинной связи между убытками и противоправным поведением, а также установленной виной лица, противоправное поведение которого привело к убыткам⁹.

Наиболее сложным, с теоретической точки зрения, аспектом ответственности по договору субподряда будет ответственность генерального подрядчика перед заказчиком.

В субдоговорных отношениях, ввиду производности субдоговора от основного договора, имеется субъект, который является связующим звеном между пассивной стороной основного договора и третьим лицом. Именно он в данных отношениях имеет наибольшую нагрузку с точки зрения ответственности, поскольку вынужден в случаях, о которых далее пойдет речь, отвечать перед пассивной стороной основного договора за третье лицо и, наоборот, перед третьим лицом за своего контрагента по основному договору¹⁰.

Следует указать, что многие вопросы участия третьих лиц и в договоре, и на основе договора приводят при определенном развитии правоотношения к необходимости решения проблем, связанных с ответственностью этих лиц перед

сторонами обязательства. Поэтому при выборе классификационного критерия важно видеть различия в следующих категориях: основании и юридической форме вмешательства третьего лица в обязательственные отношения других субъектов и объекте влияния третьего лица. Наиболее просто решается вопрос с последней категорией, то есть с объектом влияния третьего лица. Им выступает (с точки зрения целей нашего исследования) любой тип обязательства независимо от основания его возникновения. Первая категория также ясна. Она обозначает те обстоятельства, которые явились основанием участия третьего лица в обязательственном отношении. В качестве таковых могут предстать различные юридические факты и сложные фактические составы¹¹.

И. А. Фаршатов в качестве основного приема регулирования сложных взаимозависимых отношений видит не создание комплексных, единых систем правовых норм, а установление четкой функциональной соподчиненности между нормами, регулирующими базовые, основные отношения, и нормами, рассчитанными на производные от них общественные отношения. Последнюю группу норм и, соответственно, регулирующую ею область общественных связей ученый так и назвал «производной»¹².

Ответственность за третьих лиц, как и любой другой вид ответственности, строится в соответствии с общими началами ответственности в гражданском праве, предусматривающими в качестве основания своего возникновения совершение лицом гражданского правонарушения, содержащего все установленные нормой права элементы его состава. В силу этого, более правильно, по мнению М. К. Кроз, понимать под ответственностью за третьих лиц ответственность одного лица за правонарушение (в ряде случаев за действие), совершенное другим. Такое правонарушение, следовательно, ввиду наличия особых причин, становится одним из оснований возложения мер ответственности на лицо, выступающее третьим по отношению к данной обязательственной связи. Вопрос же, что это за причины или почему происходит подобное искривление привычной цепочки гражданско-правовой ответственности, изменение ее субъектного состава, представляется важным и потому требует внимательного изучения¹³.

Необходимо согласиться также с позицией указанного автора относительно того, что ответственность по договору субподряда можно отнести к ответственности, основанной на законе. Это означает, что, во-первых, у должника по основному обязательству возникает обязанность нести ответственность за действия третьих лиц, а именно – противоправное действие или бездействие, во-вторых, при допущении нарушения им самим обязательств, нельзя говорить об ответственности за субподрядчика. В этих случаях должник отвечает либо только за собственные действия, либо также и за действия другого лица¹⁴.

Нельзя не отметить и иную точку зрения на ответственность за действия третьих лиц. Так, М. И. Брагинский считает, что ответственности за других лиц в гражданском праве не существует, мотивируя это тем, что в действительности речь всегда идет не об ответственности за чужие действия или чужую вину, а об ответственности за свои действия и свою вину. Однако обязанность отвечать за данные действия возникает у должника только в связи с совершением другим, третьим лицом гражданского правонарушения. М. И. Брагинский пишет, что в исследуемых случаях «вред может быть непосредственным результатом действий другого, но одновременно он дол-

4 См.: Юшкевич С. П. Правовое регулирование подготовки и заключения строительного подряда в условиях строительной организации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 112.

5 Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.05.2009 по делу № А11-9368/2008-К1-13/236 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.07.2017).

6 См.: Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2000. № 3. С. 41.

7 См.: Мокров С. Н. Указ. соч. С. 135.

8 Постановление ФАС Поволжского округа от 01.12.2008 № А65-42807/2005 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.07.2017).

9 См.: Ершов О. Г. Ответственность подрядчика за ненадлежащее выполнение изыскательских работ в строительстве // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 43-48.

10 См.: Мургазин А. И. Субдоговор как форма участия третьего лица в обязательстве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 120.

11 См.: Кроз М. К. Третье лицо в обязательстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. С. 43.

12 См.: Фаршатов И. А. Производные правоотношения // Государство и право. 1998. № 2. С. 28.

13 См.: Кроз М. К. Указ. соч. С. 105-106.

14 См.: Там же. С. 107.

жен быть причинно обусловлен виновными действиями самого должника»¹⁵.

Между тем, при исследовании вопросов ответственности за третьих лиц некоторые авторы признают, во-первых, что рассматриваемый вид ответственности существует (это неоднократно подчеркивалось в учебной литературе) и, во-вторых, что поведение самого должника, в некоторых случаях, все же выступает предпосылкой гражданско-правовой ответственности. Для подтверждения последнего положения в качестве примера чаще всего приводят ответственность законных представителей (родителей, опекунов, попечителей, усыновителей) за действия их подопечных¹⁶.

Ответственность должника за действия третьего лица и непосредственная ответственность исполнителя не исключают одна другую. Кредитор для защиты своего нарушенного права имеет возможность по своему выбору предъявить либо договорный иск к должнику, либо внедоговорный иск к фактическому исполнителю, причем удовлетворение одного из таких исков исключает (погашает) возможность предъявления другого¹⁷.

Анализ основных случаев ответственности за третьих лиц позволяет сделать вывод о том, что под данным видом ответственности следует понимать возложение на должника дополнительных обязанностей либо лишение его определенных благ в силу совершения третьим лицом, на которое возложена обязанность исполнить обязательство либо принять его исполнение, правонарушения, повлекшего нарушение обязательства сторон¹⁸.

Отличительными особенностями ответственности за третьих лиц являются следующие обстоятельства.

Во-первых, правоотношение ответственности, возникающее между должником и кредитором, представляет собой дополнительное, производное отношение, причина появления которого лежит в ином отношении – между должником и третьим лицом. Как уже отмечалось, это правоотношение выступает основанием появления у третьего лица обязанности исполнить обязательство либо принять его исполнение. Акцессорная природа таких отношений обуславливает зависимость положения третьего лица от прав и обязанностей, принадлежащих стороне соответствующего обязательства.

Во-вторых, ответственность за третьих лиц представляется всегда в виде договорной ответственности. Внедоговорная ответственность некоторой категории субъектов может быть связана с правонарушениями третьих лиц, но, однако, всегда наступает за собственные действия (бездействия) деликвента¹⁹.

Обязанность третьего лица нести ответственность в субподрядных отношениях вытекает из договора субподряда. Данный юридический факт является основанием для участия в отношениях, связанных с ответственностью в субподрядных отношениях.

При привлечении к исполнению подрядного обязательства субподрядчика, с юридической точки зрения, личность субподрядчика полностью поглощается личностью генерального подрядчика, а потому все его действия расцениваются как действия самого должника по основному обязательству. В свою очередь все правовые связи между субподрядчиком и генеральным подрядчиком находятся за пределами основного подрядного обязательства и поэтому никакого значения для него не имеют. Изложенное дает основание согласиться

с позицией М. А. Милькова, согласно которой третье лицо в данном случае не состоит с исполняемым обязательством в какой-либо правовой связи, а оказывает лишь фактическое воздействие на его динамику²⁰.

По образному выражению Е. Л. Абрамцовой, в силу особой юридической конструкции, генеральный подрядчик является субъектом повышенной ответственности. Повышение его ответственности в данном случае состоит не в ужесточении санкции за нарушение подрядчиком договора подряда, а в увеличении вероятности возникновения оснований ответственности за нарушение обязательств²¹.

В подряде генеральный подрядчик, являющийся по отношению к заказчику должником по обязательству выполнить работу и сдать результат заказчику, отвечает по этому обязательству перед заказчиком, хотя работа выполняется субподрядчиком. Это правило содержится в п. 3 ст. 706 ГК РФ, в котором имеется прямая ссылка на ст. 403 ГК РФ.

В практике известен случай, когда субподрядчик обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с генерального подрядчика стоимости работ, а также процентов за пользование чужими денежными средствами в соответствии со статьей 395 ГК РФ. При этом генеральный подрядчик иска не признал, ссылаясь на то, что неоплата выполненных субподрядчиком работ произошла из-за отсутствия денежных средств у заказчика, полагая, что этот факт снимает с него ответственность за неисполнение обязательств по оплате²². Однако Арбитражный суд не согласился с возражениями генерального подрядчика и удовлетворил исковые требования, сославшись на положения ст. 706 ГК РФ²³.

При системе генерального подряда используется общее правило, установленное ст. 403 ГК РФ. Суть его состоит в том, что, если иное не предусмотрено законом, должник отвечает за третье лицо, на которое возлагается исполнение обязательства. Из этого вытекает, что генеральный подрядчик несет последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств субподрядчиком (в частности, именно он должен возмещать причиненные заказчику субподрядчиком убытки)²⁴.

Подрядчик отвечает перед заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства субподрядчиком, а перед субподрядчиком – за неисполнение или ненадлежащее исполнение заказчиком обязательства по договору подряда (п. 3 ст. 706 ГК РФ), в том числе за убытки, причиненные участием субподрядчика в исполнении договора (п. 2 ст. 706 ГК РФ).

В частности, по обязательству оказывать содействие заказчику субподрядчик является кредитором, генеральный подрядчик по отношению к субподрядчику – должником, а заказчик – третьим лицом.

Согласно ст. ст. 402, 706 ГК РФ, генподрядчик отвечает перед заказчиком за действия сотрудников субподрядчика, если эти действия повлекли неисполнение обязательства генподрядчика перед заказчиком. Судебные органы по данному вопросу приходят к выводу об обязанности генподрядчика оплатить предусмотренный договором штраф за каждый факт обнаружения сотрудника субподрядчика на определенной договором территории в состоянии алкогольного опьянения, поскольку обязательства по

15 См.: Брагинский М. И. Договор подряда и подобные ему договоры. М.: Статут, 1999. С. 11.

16 См.: Кроз М. К. Указ. соч. С. 109.

17 См.: Кисель И. В. Обязательства с участием третьих лиц. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 154.

18 Подробно см.: Огнев В. Н. Договорное регулирование субподрядных и подобных договоров // Гражданское право. 2012. № 6. С. 33-35; Огнев В. Н. Гражданско-правовая ответственность третьих лиц в обязательствах // Гражданское право. 2008. № 4. С. 38-40.

19 См.: Кроз М. К. Указ. соч. С. 140-141.

20 См.: Мильков М. А. Обязательства с участием третьих лиц в Российском гражданском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 23-24.

21 См.: Абрамцова Е. Л. Договор подряда в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 134.

22 См.: Муртазин А. И. Указ. соч. С. 122

23 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.

24 См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. М.: Статут, 2002 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.07.2017).

обеспечению производственной безопасности, предусмотренные договором подряда, приложениями и дополнительными соглашениями к нему, генподрядчиком не исполнены²⁵.

Учитывая сложные договорные связи в субподрядных отношениях, можно отметить определенную особенность ответственности генерального подрядчика за несвоевременную оплату работ. Последний несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение заказчиком обязательств по договору подряда (п. 2 ст. 706 ГК РФ). Таким образом, ответственность генерального подрядчика, вступившего в субподрядные отношения, напрямую будет зависеть от надлежащего исполнения заказчиком по основному договору и субподрядчиком по договору субподряда своих обязанностей. Такая зависимость является характерным признаком субподрядных отношений и позволяет отграничить ответственность по договору субподряда от ответственности по другим субдоговорам и ответственности за действия третьих лиц.

Оплата выполненных подрядных работ взыскивается с генерального подрядчика в пользу субподрядчика, поскольку последний исполнил свои обязательства по договору в полном объеме. С учетом положений ст. 706 ГК РФ не поступление денежных средств от инвестора не освобождает генерального подрядчика от оплаты работ, выполненных субподрядчиком в рамках заключенного между ними договора²⁶.

Если из договора следует, что по требованию генподрядчика субподрядчик обязуется устранить за свой счет недостатки и дефекты, выявленные в процессе выполнения работ или в период их приемки, а также в течение гарантийного срока, и не предусмотрена возможность генподрядчика требовать возмещения расходов на устранение недостатков по причине выполнения субподрядчиком работ ненадлежащего качества, то у генподрядчика отсутствует право предъявления к взысканию расходов на устранение недостатков силами привлеченного третьего лица²⁷.

В отношении ответственности генерального подрядчика перед заказчиком следует отметить специфическое основание указанной ответственности: отсутствие согласия на заключение субдоговора. Пункт 2 ст. 706 ГК РФ содержит правило на этот случай: подрядчик, который привлек к исполнению договора подряда субподрядчика в нарушение положений пунктов договора подряда, несет перед заказчиком ответственность за убытки, причиненные участием субподрядчика в исполнении договора. Кроме возмещения убытков, ничто в данном случае не лишает пассивную сторону основного договора возможности воспользоваться статьей 168 ГК РФ, поскольку такая сделка без согласия на нее не будет соответствовать требованиям закона или иных правовых актов, соответственно будет ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспариваема или не предусматривает иных последствий нарушения²⁸.

С. Н. Мокров обращает в свою очередь внимание на то обстоятельство, что ч. 2 ст. 706 ГК РФ является частным случаем ситуаций, предусмотренных ч. 3 ст. 706 ГК РФ. В ч. 2 ст. 706 ГК РФ говорится о том, что подрядчик, который привлек к исполнению договора подряда субподрядчика в нарушение положений п. 1 ст. 706 ГК РФ или договора, несет перед заказчиком ответственность за убытки, причиненные участием субподрядчика в исполнении договора. Норма ст. 706 ГК РФ ничего не добавляет по существу в механизм гражданско-правового регулирования подрядов, она нарушает правила нормативно-правовой экономики, согласно которым в действующих законах и иных правовых актах желательно избегать повторения

зафиксированных принципов и норм. В данном же случае дублируются гражданско-правовые нормы, содержание которых известно главе 25 ГК РФ²⁹.

К. Р. Нигматуллин также справедливо указывает, что, прежде всего, излишним в п. 2 ст. 706 ГК РФ является указание на факт нарушения положений как п. 1 ст. 706 ГК РФ, так и договора, так как в п. 1 ст. 706 ГК РФ уже речь идет о договоре. Во-вторых, сам законодатель в п. 3 ст. 706 ГК РФ подтверждает общий принцип, заложенный еще в п. 3 ст. 308 ГК РФ, согласно которому обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). Субподрядчик, независимо от того, согласен ли был заказчик с его участием в работе или нет, несет ответственность перед генеральным подрядчиком; перед заказчиком ответственность несет генеральный подрядчик³⁰.

Таким образом, генеральный подрядчик несет перед заказчиком ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств субподрядчиком в соответствии с правилами п. 1 ст. 313 и ст. 403 ГК РФ, а перед субподрядчиком – ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение заказчиком обязательств по договору подряда.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамцова Е. Л. Договор подряда в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 160 с.
2. Брагинский М. И. Договор подряда и подобные ему договоры. М.: Статут, 1999. 254 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. М.: Статут, 2002. 1055 с.
4. Елистратов А., Савина С. Деятельность генерального подрядчика в современных условиях: от лицензирования к саморегулированию // Корпоративный юрист. 2010. № 1. С. 12-15.
5. Ершов О. Г. Ответственность подрядчика за ненадлежащее выполнение изыскательских работ в строительстве // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 43-48.
6. Кисель И. В. Обязательства с участием третьих лиц. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 200 с.
7. Кроз М. К. Третье лицо в обязательстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. 169 с.
8. Мильков М. А. Обязательства с участием третьих лиц в Российском гражданском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.
9. Мокров С. Н. Динамика обязательственных отношений сторон, основанных на договоре строительного подряда. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.
10. Муртазин А. И. Субдоговор как форма участия третьего лица в обязательстве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 210 с.
11. Нигматуллин К. Р. Договор бытового подряда. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 170 с.
12. Огнев В. Н. Гражданско-правовая ответственность третьих лиц в обязательствах // Гражданское право. 2008. № 4. С. 38-40.
13. Огнев В. Н. Договорное регулирование субподрядных и подобных договоров // Гражданское право. 2012. № 6. С. 33-35.
14. Фаршатов И. А. Производные правоотношения // Государство и право. 1998. № 2. С. 28-34.
15. Юшкевич С. П. Правовое регулирование подготовки и заключения строительного подряда в условиях строительной организации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 239 с.

25 Определение ВАС РФ от 04.03.2009 № 1756/09 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.07.2017).

26 Постановление ФАС Московского округа от 26.08.2009 № КГ-А40/7939-09 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.07.2017).

27 Постановление ФАС Дальневосточного округа от 04.05.2009 № Ф03-1705/2009 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.07.2017).

28 Муртазин А. И. Указ. соч. С. 124.

29 См.: Мокров С. Н. Указ. соч. С. 61-62.

30 См.: Нигматуллин К. Р. Указ. соч. С. 67.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

РЕЖИМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ

Предоставляя гражданам право иметь в собственности оружие, законом установлен порядок приобретения, хранения и ношения гражданского оружия и предусматривает ряд обстоятельств, наличие которых исключает возможность получения лицензий на приобретение оружия или разрешения на его хранение или ношение, а также влечет за собой аннулирование ранее выданных лицензий и разрешений.

Ключевые слова: правовое регулирование, оружие, режим, законодательное определение, общественная опасность, оборот оружия, лицензирование, административная ответственность, определенный вид деятельности, порядок регулирования, нарушение правил оборота оружия, принудительные меры организационного характера, предупреждение, аннулирование лицензии.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, a police major

Кодзокова Л. А.

REGIME OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE SPHERE OF ARMS TRADE

By granting citizens the right to own weapons, the law establishes the procedure for the acquisition, storage and carrying of civil weapons and provides for a number of circumstances that preclude the possibility of obtaining licenses for the acquisition of weapons or permission to store or carry them, and also entails the cancellation of previously issued licenses and Permissions.

Keywords: legal regulation, weapons, regime, legislative definition, public danger, weapons turnover, licensing, administrative responsibility, a certain type of activity, regulation, violation of the rules of circulation of weapons, compulsory measures of an organizational nature, warning, license revocation.

В современных условиях становится все более ощутимой необходимость еще большего утверждения, упрочения регулятивных начал разрешений, которые обеспечивают единство правового регулирования отношений, связанных с определенными видами деятельности.

Необходимо отметить, что система права в России предусматривает непростой порядок приобретения гражданами оружия, регулирует процедуру контроля правоохранительных органов за оборотом оружия и предусматривает возможность применения наказаний за нарушения правил оборота вплоть до лишения права собственности на него¹.

В соответствии с российским законодательством оружие может находиться во владении, пользовании, распоряжении лица исключительно на основании разрешений, выдаваемых уполномоченными государственными органами.

Предоставляя гражданам право иметь в собственности оружие, законом установлен порядок приобретения, хранения и ношения гражданского оружия, и предусмотрены ряд обстоятельств, наличие которых исключают возможность получения лицензий на приобретение оружия или разрешения на его хранение или ношение, а также влечет за собой аннулирование ранее выданных лицензий и разрешений.

В ст. 6 Федерального закона «Об оружии» содержатся ограничения по использованию оружия. При этом законодательством предусмотрено, что допустимые ограничения правомочий по распоряжению имуществом должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными и соразмерными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обрат-

ной силы и не затрагивать существо данных прав². Другими словами, ограничения не должны касаться основного содержания конституционных положений, сама же возможность ограничений, как и их характер, должна обуславливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей³.

Отметим, что нормы об ответственности за незаконные действия с оружием содержатся в главе 20 КоАП РФ. Примечательно, что до вступления в силу КоАП РФ в 2002 году административная ответственность за нарушение правил оборота оружия и патронов к нему была установлена в законах субъектов РФ об административных правонарушениях.

Важным условием привлечения к административной ответственности выступает наличие разрешения на хранение, перевозку оружия, т.е. оружие должно быть приобретено легально и состоять на учете в соответствующих органах.

Довольно важно, что неправомерные действия лица, связанные с оборотом оружия, могут одновременно содержать признаки состава как административного правонарушения, так и преступления. То есть, отдельные виды нарушений установленного порядка оборота оружия влекут применение мер уголовной ответственности, которые дополняются соответствующими нормами административного законодательства.

Законодательством РФ предусмотрена возможность приобретения гражданского огнестрельного оружия лицами, достигшими возраста 21 года, и лицами, которые, несмотря на то, что не достигли возраста 21 года, прошедшими либо проходящими военную службу, а также лицами, проходящими службу в государственных организациях, военизированного

1 Кодзокова Л. А. Ограничения, устанавливаемые на использование гражданами оружия в Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. 5/1. С. 106.

2 Федеральный закон от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии». Ст. 6.

3 Шмидт А. А. Логические ошибки законодателя об оружии: взгляд правоприменителя // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2014. № 3 (29) С. 134.

типа и имеющими воинские, специальные звания или классные чины (ранее правом приобретения оружия обладали граждане РФ, достигшие возраста 18 лет)⁴.

Нужно отметить, что законодательство, регламентирующее применение мер принуждения по обеспечению установленного порядка оборота оружия, складывается из ряда составляющих. Речь идет о применении принудительных мер организационного характера, к числу которых относятся вынесение предупреждения, аннулирование лицензий и разрешений. Они применяются как в случаях нарушения правил хранения оружия при наличии лицензии, так и при выявлении фактов незаконного оборота оружия⁵.

Лицензия на приобретение оружия выдается гражданам только после прохождения ими подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием, и при отсутствии иных препятствующих оснований в соответствии с законом. Однако граждане, впервые приобретающие оружие для занятий спортом, обязаны пройти проверку знания правил безопасного обращения с оружием в общероссийской спортивной федерации.

Для осуществления проверки создается комиссия, в состав которой включаются должностные лица организаций, осуществляющих обучение граждан правилам безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием, руководители данных организаций, а также должностное лицо подразделений государственного контроля лицензионно-разрешительной работы, уполномоченные на осуществление действий по контролю за оборотом оружия.

Проверка включает в себя проверку теоретических знаний и практических навыков, приобретенных гражданином в результате освоения программы подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием.

Практические упражнения выполняются на базе стрелковых объектов, при этом граждане могут использовать гражданское оружие и патроны к нему, принадлежащие им на законных основаниях.

При этом следует отметить, что приобретение оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации не подлежит лицензированию в случае: приобретения оружия государственными военизированными организациями; приобретения спортивного пневматического оружия, юридическими лицами, занимающимися производством оружия или торговлей им, спортивными организациями и образовательными организациями; приобретения длинноствольного одноствольного старинного огнестрельного оружия, его копий и реплик; приобретения списанного оружия и охолощенных патронов.

Законодательством Российской Федерации установлены случаи, когда лицензия на приобретение оружия не выдается гражданам: не достигшим установленного законом возраста; не представившим медицинского заключения об отсутствии противопоказаний к владению оружием; имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, либо совершенное с применением оружия; отбывающим наказание за совершенное преступление; совершившим повторно в течение года административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления, административное правонарушение, связанное с нарушением правил охоты, либо административное правонарушение в области незаконного оборота наркотических

средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача их же, – до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию; не имеющим постоянного места жительства; не представившим в соответствующие органы документов о прохождении подготовки; лишенным по решению суда права на приобретение оружия; состоящим на учете в учреждениях здравоохранения по поводу психического заболевания, алкоголизма или наркомании⁶.

Контроль лицензирующих органов за соблюдением гражданами соответствующих предписаний, представляющих собой совокупность установленных положениями о лицензировании конкретных видов деятельности, требований и условий, выполнение которых обязательно при осуществлении лицензируемого вида деятельности охватывается понятием «лицензирование».

Важным моментом лицензионного контроля в сфере оборота оружия является то, что при его осуществлении лицензирующие органы должны действовать строго в пределах своей компетенции, в рамках предмета контроля, которые определяются лицензионными требованиями и условиями.

Следует отметить, что в законе не содержится положений, регулирующих вопросы порядка организации и проведения мероприятий по контролю за оборотом оружия, включая проверки. Фактически определены только виды контролируемых органов, а также их права, но при этом не установлен порядок реализации контрольных полномочий⁷.

Закон устанавливает лишь общие полномочия соответствующих органов на осуществление контроля за оборотом оружия на территории Российской Федерации. При этом нет каких-либо норм, непосредственно регламентирующих порядок проведения проверок соблюдения организациями требований, установленных законодательством к обороту оружия и патронов, а также норм, предусматривающих особенности таких проверок, либо норм, отменяющих, изменяющих или дополняющих положения нормативных актов, регламентирующих порядок организации и проведения проверок при осуществлении функций государственного контроля за оборотом оружия.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии». Ст. 6.
2. Кодзокова Л. А. Ограничения, устанавливаемые на использование гражданами оружия в Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. 5/1.
3. Кодзокова Л. А. Особенности административных правонарушений в сфере оборота оружия // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. 3/2.
4. Кодзокова Л. А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу гражданского оборота оружия в Российской Федерации // Научные исследования: от теории к практике. Т. 2. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции 07 июня 2016 года. Чебоксары. НИЦ АЭТЕРНА.
5. Кодзокова Л. А. Классификация административных правонарушений в сфере оборота оружия // Успехи современной науки. 2017. Выпуск 4. Том 6.
6. Кодзокова Л. А. Актуальные вопросы административно-правовой ответственности в сфере оборота оружия // Черные дыры в российском законодательстве. 2016. № 4.
7. Шмидт А. А. Логические ошибки законодателя об оружии: взгляд правоприменителя // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2014. №3 (29).
8. Кодзокова Л. А. Особенности административных правонарушений в сфере оборота оружия // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. 3/2. С. 107.
9. Кодзокова Л. А. Актуальные вопросы административно-правовой ответственности в сфере оборота оружия // Черные дыры в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 83.

4 Кодзокова Л. А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу гражданского оборота оружия в Российской Федерации // Научные исследования: от теории к практике. Т. 2. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции 07 июня 2016 года. Чебоксары. НИЦ АЭТЕРНА. С. 142.

5 Кодзокова Л. А. Классификация административных правонарушений в сфере оборота оружия // Успехи современной науки. 2017. Выпуск 4. Том 6. С. 66.

МУХАМЕДОВА Эльмира Энверовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕГУЛИРУЕМЫЕ ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

В статье рассматривается проблема определения отраслевой принадлежности личных неимущественных отношений. Предпринята попытка определения места личных неимущественных отношений в структуре предмета гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: личные неимущественные отношения, гражданское законодательство, предмет гражданско-правового регулирования, охрана и защита прав.

MUKHAMEDOVA Elmira Enverovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and labor law sub-faculty of the Law Faculty of the Tavric academy of the V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

PERSONAL NON-PROPERTY RELATIONS GOVERNED BY CIVIL LAW

The article deals with the problem of determining the branch affiliation of personal non-property relations. An attempt was made to determine the place of personal non-property relations in the structure of the subject of civil law regulation.

Keywords: personal non-property relations, civil legislation, subject of civil law regulation, protection and protection of rights.

Мухамедова Э. Э.

Согласно п.1 ст. 2 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ гражданское законодательство регулирует личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Несмотря на общую законодательную формулу о том, что гражданское законодательство регулирует личные неимущественные отношения и защищает неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага, существует большое количество научных дискуссий по поводу понимания предмета гражданского права и места в нем личных неимущественных отношений. Связано это в первую очередь с нормативной неопределенностью. Так же доктринально остается нерешенным вопрос: гражданское законодательство регулирует или лишь защищает личные неимущественные отношения по поводу личных неимущественных благ человека.

С целью установления собственной позиции в определении личных неимущественных отношений в предмете гражданско-правового регулирования, проанализируем существующие в науке цивилистики подходы. Негативная концепция заключается в том, что гражданское законодательство регулирует только личные неимущественные отношения, связанные с имущественными. Не связанные с имущественными личные неимущественные отношения регулируются другими отраслями законодательства или гражданское законодательство осуществляет лишь их охрану в случаях прямо предусмотренных в законе². Сторонниками данной концепции приводятся доводы о том, что для охраны личных благ нет необходимости в конструкции какого-то правоотношения. Такое правоотношение было бы настолько неопределенным, что его конструкция никакой полезной функции не выполняла бы. Право-

отношение в связи с рассматриваемыми личными благами возникает лишь в случае посягательства на них³. Позитивная концепция предусматривает, что гражданское законодательство не только охраняет, но и регулирует личные неимущественные отношения как связанные с имущественными, так и не связанные с имущественными⁴. Следующая концепция предполагает, что личные неимущественные отношения представляют собой самостоятельный предмет регулирования. Например, по мнению В. О. Тархова, отношения, возникающие по поводу личных неимущественных благ, представляют собой самостоятельный предмет правового регулирования. Они обладают предметным единством, характеризующимся неотделимостью от личности, недопустимостью денежной оценки, неприменимостью к ним правового регулирования сделок и т. п. Они за редкими исключениями, ничего общего не имеют с отношениями, регулируемые признанными отраслями права⁵.

Итак, рассмотрев существующие в науке гражданского права концепции, приходим к выводу, что построены они были в соответствии с действующим в тот период гражданским законодательством и в полной мере соответствовали его состоянию. Очевидно, что между доктринальными подходами к определению места личных неимущественных отношений в структуре предмета гражданского права и их позитивным закреплением существует определенная связь и взаимозависимость.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2 Иоффе О. С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 57.

3 Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 124.

4 Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.03 / М. Н. Малеина. – М., 2000; Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными, прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.03 / Л. О. Красавчикова. – Екатеринбург, 1994.

5 Тархов В. А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. – С. 31.

мость. В связи с чем сегодня определять свою позицию необходимо лишь с учетом настоящей позитивной регламентации.

Анализируя состояние отечественного законодательства особое внимание следует обратить на двойственность упоминания о личных неимущественных отношениях в определении предмета гражданско-правового регулирования. Так, в частности в п. 1 ст. 2 ГК РФ закрепляется, что гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. В свою очередь п. 2 ст. 2 ГК РФ предусматривает, что неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из сущности этих нематериальных благ. Таким образом, складывается впечатление, что ГК РФ воспринял и на законодательном уровне закрепил негативную концепцию.

Так, в монографии В. С. Толстого «Личные неимущественные правоотношения» справедливо отмечается, что в ГК РФ как будто отражена сформировавшаяся еще в советское время точка зрения, согласно которой неимущественные отношения гражданским правом не регулируются, а лишь защищаются. Фактически такой взгляд не соответствует духу и непосредственному содержанию целого ряда других норм самого ГК РФ, который, вопреки декларации п. 1 ст. 2, все-таки регулирует личные неимущественные отношения. Об этом свидетельствует п. 1 ст. 150 ГК РФ, который устанавливает, что права на неимущественные блага непередаваемы и неотчуждаемы иным способом. Это правило представляет собой уже не норму о защите от нарушений, а позитивное установление пределов правомочий субъектов соответствующих прав, т.е. прямо регулирует данную область общественных отношений. Личные неимущественные отношения именно регулируются нормами гражданского права, а не только охраняются. Поэтому автор считает необходимым согласиться с учеными, которые полагают, что гражданское законодательство должно регулировать и на самом деле регулирует личные неимущественные отношения⁶.

В продолжение доводов В. С. Толстого, соглашаемся с авторами, которые считают, что правовое регулирование и охрана прав не могут противопоставляться, поскольку регулирование означает и охрану прав, а их охрана осуществляется посредством регулирования соответствующих отношений⁷. При этом, особое внимание следует уделить следующим доводам в науке цивилистики. В частности, Л. О. Красавчикова утверждает, что гражданское право осуществляет относительно личных неимущественных отношений не только охранную функцию, но и регулятивную, которая проявляется в форме юридического признания принадлежности каждому физическому лицу неотчуждаемых нематериальных благ и свободы определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, что исключает вмешательство со стороны других лиц, кроме случаев, прямо предусмотренных законом⁸.

В учебной литературе удаление из предмета гражданского права личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, рассматривается как малообоснованное⁹. Ряд ученых, по нашему мнению, дали убедительное обоснование тому, что отношения, возникающие в сфере личных неимущественных прав, не связанных с имущественными, являются частью предмета гражданско-правового регулирования, так как эти отношения по своему абсолютному характеру тяготеют к отношениям собственности¹⁰.

Соглашаясь с учеными, считаем несправедливым сведение места личных неимущественных отношений в предмете гражданско-правового регулирования лишь к их защите. Ведь сама сущность правовой защиты в юридической литературе трактуется неоднозначно. По мнению Г. Я. Стоякина, правовую защиту составляют три аспекта: издание норм, устанавливающих права и обязанности, определение порядка их осуществления, защита и применение санкций; деятельность субъектов по осуществлению и защите своих субъективных прав; предупредительная деятельность государства и общественных организаций, а также деятельность по реализации правовых санкций¹¹. Н. С. Малеин считает, что правовая защита – это система юридических норм, направленных на предотвращение правонарушения и ликвидации его последствий¹². С. С. Алексеев придерживается мнения, что правовая защита – это государственно-принудительная деятельность, направленная на восстановление нарушенного права, обеспечение выполнения юридической обязанности¹³. Применительно к личным неимущественным отношениям необходимо учитывать, что последние возникали и реально существовали в обществе независимо от степени и характера их правовой урегулированности.

Таким образом, считаем справедливыми доводы ученых-сторонников позитивной концепции. Гражданское законодательство не только защищает, но и регулирует как личные неимущественные отношения, связанные с имущественными, так и – не связанные с ними. Считаем, что личные неимущественные отношения урегулированы ГК РФ, хоть и в ограниченном виде. Особенность гражданско-правового метода регулирования заключается в том, что субъекты общественных отношений наделены инициативой и диспозитивностью. Гражданин самостоятельно определяет способы и формы реализации своих прав. Так, исходя из законодательной формулировки ст. 150 ГК РФ, содержание личного неимущественного права в отношении нематериального блага является открытым и составляет возможность гражданина свободно, по собственному усмотрению определять свое поведение в сфере частной жизни.

Возможность физического лица самостоятельно в рамках закона выбирать определенный вариант поведения предпола-

праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.03. – Екатеринбург, 1994. – С. 12-13.

6 Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. – Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – С. 13-14.
7 Развитие советского гражданского права на современном этапе / Малеин Н. С., Мозолин В. П., Прокопченко И. П., Рубанов А. А., и др. – М.: Наука, 1986. – С. 205.
8 Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными, прав граждан (физических лиц) в гражданском

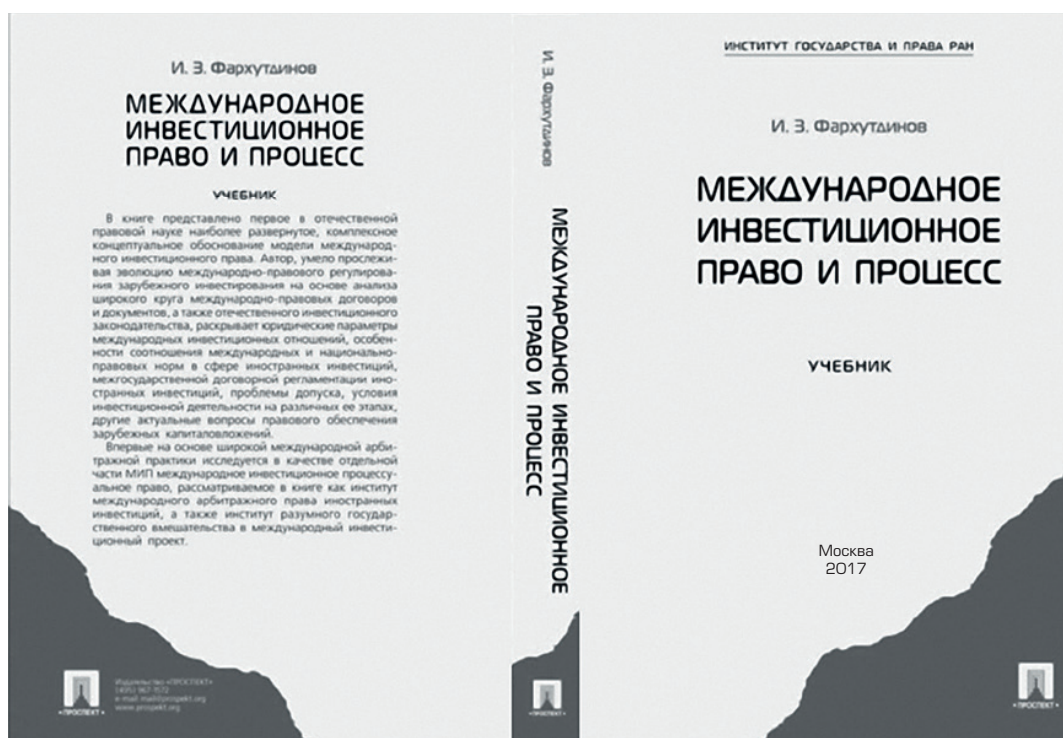
праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.03. – Екатеринбург, 1994. – С. 12-13.
9 Российское гражданское право: учебник в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2015. – Т. 1. – С. 885.
10 Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963; Дозорцев А. В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. – 1954. – № 7.
11 Стоякин Г. Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. – Сборник ученых трудов. – Вып. 27. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1973. – С. 34.
12 Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юрид.лит., 1981. – С. 192.
13 Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. 1. – М.: Юридическая литература. – 1981. – С. 180.

гает в качестве неперемного условия ее реализации охрану и защиту от любых нарушений и посягательств. Как уже отмечалось, это объясняется инициативно-диспозитивным характером гражданских норм, субъекты гражданских правоотношений вступают в них по своему усмотрению, по собственному желанию, самостоятельно определяют порядок и целесообразность своего поведения. То есть гражданин свободно развивается в условиях реальной свободы в пределах свободного правового поля, в рамках которого гарантируется охрана и защита его непосредственных прав.

С целью устранения существующих дискуссий и противоречий в определении места личных неимущественных отношений в структуре гражданского законодательства предлагаем внести соответствующие изменения в ст.2 ГК РФ и привести в соответствие п.1 и п.2. Отказаться от классификации (хоть и условной) по критерию связанности с имущественными отношениями. Закрепить единую универсальную формулировку о том, что личные неимущественные отношения регулируются гражданским законодательством.

Пристатейный библиографический список

- Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. 1. – М.: Юридическая литература. – 1981. – 359 с.
- Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963. – 196 с.
- Дозорцев А. В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. – 1954. – № 7. – С. 104-108.
- Иоффе О. С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 51-59.
- Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными, прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.03. – Екатеринбург, 1994. – 16 с.
- Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юрид.лит., 1981. – 216 с.
- Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.03 / М. Н. Малеина. – М., 2000. – 40 с.
- Развитие советского гражданского права на современном этапе / Малеин Н. С., Мозолин В. П., Прокопченко И. П., Рубанов А. А., и др. – М.: Наука, 1986. – 267 с.
- Российское гражданское право: учебник в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2015. – Т. 1. – 958 с.
- Стоякин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. – Сборник ученых трудов. – Вып. 27. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1973. – С. 30–35.
- Тархов В. А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. – 331 с.
- Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. – Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 250 с.
- Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид.лит., 1974. – 351 с.

БЫЧКОВА Ксения Михайловна

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ТРЕБОВАНИЙ, ОБЕСПЕЧЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ПЕРЕДАЧИ ТИТУЛА, В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В статье автором предлагается краткий обзор по вопросу о правовом режиме требований, обеспеченных посредством передачи титула, в случае банкротства должника на примере договора репо. Анализируются нормы законодательства и судебная практика о последствиях введения процедуры несостоятельности. Представляется обзор высказываемых в доктрине точек зрения относительно возможности распространения на такие требования режима, предусмотренного для залоговых кредиторов. Автор делает вывод о целесообразности введения правила о передаче в конкурсную массу разницы между фактической стоимостью предмета титульного обеспечения и размером обеспеченного требования.

Ключевые слова: несостоятельность, конкурсная масса, активы должника, титульное обеспечение, залог.

BYCHKOVA Kseniya Mikhailovna

postgraduate student of Civil and business law sub-faculty of the Law Faculty of the National Research University «Higher School of Economics»

REVISITING THE STATUS OF CLAIMS SECURED BY TRANSFER OF TITLE IN THE BANKRUPTCY CASE

In the article, the author provides a brief review on the status of claims secured by transfer of title, in case of bankruptcy on the example of the repo contract. The author analyzes the legal rules and court practice on the consequences of the implementation of a bankruptcy procedure. She gives an overview of the doctrine regarding the coverage of such claims by the rules provided for secured creditors. The author makes a conclusion on the reasonability to introduce the rules on the transfer to the bankruptcy estate of the excess between the actual value of the collateral and the secured claim.

Keywords: insolvency, bankruptcy estate, debtor's assets, transfer of title, pledge.

Бычкова К. М.

Одним из ключевых понятий процедуры банкротства является понятие конкурсной массы. Согласно статье 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ о несостоятельности (банкротстве) все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу. Однако использование способов обеспечения, предусматривающих переход права собственности, во многих правовых системах позволяет избежать установленного законом порядка распределения стоимости реализованного имущества должника между кредиторами. Речь идет о так называемом титульном обеспечении (также «обеспечительная передача права собственности», «обеспечительная передача»).

Суть данного инструмента заключается в том, что стороны обязательственного правоотношения договариваются о том, что должник в качестве обеспечения исполнения им обязанности по основному обязательству передает кредитору право собственности на предмет обеспечения, таким образом предмет обеспечения выходит из состава имущества должника. В случае надлежащего исполнения должником своих обязательств, кредитор обязуется вернуть должнику право собственности на ранее переданный предмет обеспечения. В случае нарушения должником своих обязательств, кредитор остается собственником и может удовлетворить свое требование к должнику путем оставления за собой предмета обеспечения или иного распоряжения им, в том числе реализации третьему лицу.

В зарубежных источниках отмечается, что «возникновение конструкции титульного обеспечения связывается с распространением в коммерческой практике желания избежать требований для залога, предусмотренных законами (например, правила об обязательной, но неудобной посессорной

форме залоге), проблем с обращением взыскания путем медленных и финансово затратных публичных торгов, положения о запрете ростовщичества, который до сих пор встречается в исламских правовых системах»¹, при этом к основным причинам относятся более сильное право для обеспечения гарантий своих интересов и запрет непосессорного залога во многих правовых системах.

Одним из распространенных в России инструментов титульного обеспечения является договор репо, вокруг действительности которого долгое время в правоприменительной практике не было единой позиции. Российская судебная практика исходила из того, что договор репо представляет собой два взаимосвязанных договора купли-продажи. Однако имеется судебная практика, согласно которой договор купли-продажи имущества может быть оспорен как притворная сделка, если стороны в действительности имели в виду залог имущества. Оспаривание договора репо по мотиву притворности является одним из наиболее существенных рисков для сторон договора репо, так как зачастую институт залога, применяемый в таком случае к отношениям сторон, не соответствует преследуемым одной из сторон интересам.

В настоящее время суды при решении вопроса о притворности договора репо принимают во внимание всю совокупность обстоятельств заключения сделки и, если установлено, что воля сторон при ее совершении была направлена именно на переход спорных ценных бумаг в собственность от продавца к покупателю, отказывают в применении последствий ее недействительности.

1 Цит. по: Егоров. А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56-127. СПС «Консультант Плюс».

При этом ФАС Московского округа в постановлении от 16.11.2011 по делу № А40-22155/11-34-193 посчитал допустимым «применение к ним общих положений о договорах купли-продажи, но только в той мере, в которой это не будет вступать в противоречие с конечными целями сделок и с согласованной действительной волей сторон, а также смыслом договоров в целом».

В случае же введения процедуры банкротства продавца возникает вопрос о статусе ценных бумаг, перешедших покупателю, и возможности включения их в состав конкурсной массы, что обеспечивало бы интересы покупателя, получающего права в отношении таких ценных бумаг. При этом будучи полноправным собственником, кредитор вправе распорядиться ими по своему усмотрению. Между тем, остальные кредиторы могли бы рассчитывать как минимум на обращение взыскания по своим требованиям на разницу между суммой долга и стоимостью таких ценных бумаг, если бы к таким отношениям применялись правила о залоге.

Отмечается, однако, что данный вопрос прямо не решен ни в судебной практике, ни в российской доктрине². П. В. Хлюстов делает вывод о необходимости применения к подобным правоотношениям режима, предусмотренного для удовлетворения требований залоговых кредиторов, обосновывая его тем, что залог является наиболее близким к ним из поименованных в законодательстве способов обеспечения, а именно имущественным (реальным) способом обеспечения исполнения обязательств и призван удовлетворить требования кредитора за счет определенного имущества должника.

В России непоссessorный залог допускается и при этом не установлен запрет на использование титульного обеспечения. По мнению А. В. Егорова рецепция обеспечительной передачи права создаст таким образом удвоение конструкций³. В настоящее время ни законодательством, ни судебной практикой не установлено специфических последствий для права собственности кредитора при банкротстве должника, он остается полноправным собственником предмета обеспечения. Предмет обеспечения не включается в конкурсную массу, что подтверждается судебной практикой и некоторыми исследованиями⁴.

А. Г. Карапетов отмечает, что российская судебная практика пока не определилась в вопросе о допустимости таких договоров, нет согласия и в правовой науке: одни авторы исходят из допустимости такой конструкции, другие же выражают определенные сомнения или выступают категорически против⁵. Кроме того, конструкция обеспечительной передачи собственности практически не позволяет достигнуть установления нескольких обеспечительных прав на одно и то же имущество, что позволяют сделать нормы о последующем залоге.

Аналогичной позиции придерживаются А. В. Егоров и Е. Р. Усманова и предлагают использовать концепцию обхода закона, чтобы приравнять отношения, возникающие в связи с титульным обеспечением, к залоговым. По его мнению, «эта конструкция представляет собой обход многочисленных императивных норм о залоге и практике нужно сделать только одно, чтобы она перестала быть интересной, - полностью распространить на эту конструкцию правовой режим, установленный для залога. Иными словами, необходимо рассматривать обеспечительного собственника не как собственника, а как залогодержателя»⁶. С. В. Сарбаш считает предпочтительным «надлежаще урегулированный непоссessorный залог» и допускает возможность использования обеспечительной передачи

как переходной к надлежащему непоссessorному залоговой форме⁷.

На наш взгляд, данный вопрос находится в экономико-правовой и, скорее, политико-правовой плоскости и зависит от признания законодателем института титульного обеспечения, его последствий и направленности законодательства о банкротстве на защиту той или иной стороны в деле о банкротстве. При решении вопроса о правовой природе обеспечительной собственности в России, нужно учитывать, что в настоящее время отсутствует законодательно установленный запрет на использование способов обеспечения, предусматривающих переход права собственности, а перечень способов обеспечения, предусмотренный главой 23 ГК РФ, является открытым. Исходя из этого, требуется, в первую очередь, решать не вопрос о действительности или недействительности таких сделок (который, впрочем, по сути уже решен законодателем и правоприменителем в пользу их действительности), а о надлежащем правовом регулировании данного института и, в том числе, вопрос о правовом статусе первоначального и последующего собственника в случае введения процедуры банкротства в отношении должника.

Рассмотренная проблематика успешно решена российским законодателем в отношении договора финансирования под уступку денежного требования. В случае заключения договора факторинга с обеспечительной целью финансовый агент обязан передать клиенту сумму, превышающую сумму долга клиента, обеспеченную уступкой требования, что и обеспечивает возврат излишка в конкурсную массу должника и удовлетворение из него требований остальных кредиторов в порядке, предусмотренном законом о банкротстве. На наш взгляд, такое регулирование следует распространить на все формы, опосредующие инструмент обеспечительной собственности. Целью института обеспечения является удовлетворение требования кредитора к должнику, но не дополнительное его обогащение, даже в случае нарушения должником своего обязательства. В связи с этим представляется обоснованным установить общее правило, согласно которому в случае превышения фактической стоимости предмета титульного обеспечения над размером обеспеченного требования такой излишек подлежит передаче кредитором в конкурсную массу должника. Установление такой нормы позволит в минимально необходимой степени восстановить права остальных кредиторов, ущемленных фактом передачи имущества должника в собственность обеспеченному кредитору. Как минимум, в таком случае они не лишаются части стоимости предмета обеспечения, не соответствующей размеру требования к должнику. Тем самым устраняется дисбаланс для остальных кредиторов, которые не получили бы вообще никакого удовлетворения из стоимости переданного имущества.

Пристайный библиографический список

1. Бевзенко Р. С., Егоров А. В. Поправки о залоге. Новые возможности для маневра. М.: Акцион-Медиа, 2015. С. 237-280.
2. Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56-127. СПС «Консультант Плюс».
3. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016.
4. Сарбаш С. В. Обеспечительная передача правового титула. Вестник гражданского права. 2008. № 1. СПС «Консультант Плюс».
5. Хлюстов П. В. Договор репо: проблема формирования конкурсной массы // Закон. 2013. № 3. С. 141-147. СПС «Консультант Плюс».

2 Хлюстов П. В. Договор репо: проблема формирования конкурсной массы // Закон. 2013. № 3. С. 141-147. СПС «Консультант Плюс».

3 Бевзенко, Р. С., Егоров, А. В. Поправки о залоге. Новые возможности для маневра. М.: Акцион-Медиа, 2015. С. 237-280.

4 Цит. по: Сарбаш С. В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1. СПС «Консультант Плюс».

5 Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 252.

6 Егоров А. В., Усманова Е. Р. Указ. соч.

7 Сарбаш С. В. Указ. соч.

ГАРИПОВА Ильнара Ильгизовна

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

КАТЕГОРИЯ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена рассмотрению причин возникновения «врачебных ошибок». Обращаясь за медицинской помощью к врачу, каждый пациент должен быть уверен в защите собственных прав и интересов. Оказание медицинской помощи ненадлежащего качества может привести к недееспособности, инвалидности или смерти пациента. Термин «врачебная ошибка» отсутствует в российском законодательстве, но присутствует в судебной практике и медицинской литературе. За последние несколько лет «врачебные ошибки» все чаще становятся объектом внимания средств массовой информации. У пациентов возникают опасения получить вред для собственной жизни или здоровья при обращении в больницу.

Врачебные ошибки являются неблагоприятным результатом врачебной деятельности и их иногда заменяют другими понятиями (неосторожность, халатность врачей и проч.), поэтому существует необходимость законодательного закрепления термина «врачебная ошибка».

Ключевые слова: врачебная ошибка, врач, пациент, медицинское вмешательство, ответственность, жизнь, здоровье, гражданско-правовая ответственность врача.

GARIPOVA Inara Ilgizovna

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

THE CATEGORY OF «MEDICAL ERROR» IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article is devoted to the reasons for the occurrence of «medical errors». When a patient applies for medical care, he must be sure of protecting his rights and interests. Poor quality of medical care, can lead to incapacity, disability or death of the patient. The term «medical error» is absent in the Russian legislation, but is present in judicial practice and medical literature. Over the past few years, «medical errors» are increasingly becoming the object of media attention. Patients have fears of harming their own lives or health when they go to the hospital.

Medical errors are an unfavorable result of medical practice and they are sometimes replaced by other concepts (negligence, carelessness of doctors, etc.), there is therefore a need for legislative consolidation of the term «medical error».

Keywords: medical error, the doctor, the patient, medical intervention, liability, life, health, civil legal liability.

Гарипова И. И.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует термин «врачебная ошибка». Существует множество определений данного понятия, но присутствуют они, исключительно, в медицинской литературе.

К примеру, А.И. Воробьев¹ описывает врачебные ошибки как «суждения, приводящие к ошибочным действиям, не способствующим помощи больному, а иногда даже, наоборот, приносящие ему вред»². Врачебные ошибки, по его мнению, следует относить к категории действий, поступков. Он считает, что суждения врача, которые не повлекли за собой действий, но позже оказались неподтвержденными, относить к врачебным ошибкам не нужно.

С правовой точки зрения, по мнению А. А. Мохова³, «медицинская ошибка – это невиновное причинение вреда здоровью лица в связи с проведением диагностических, лечебных, профилактических мероприятий лицом (лицами), призванным оказывать какого-либо рода помощь в соответствии с за-

коном, договором, специальным правилом или сложившейся практикой»⁴.

Причинение вреда жизни или здоровью пациента при оказании ему медицинской помощи является последствием огромного ряда причин разного характера. Сегодня многие пациенты путают врачебную ошибку с халатностью (определение закреплено в Уголовном кодексе РФ) или невежеством самого врача. Термин «халатность» в медицинском праве будет выражать неисполнение или ненадлежащее исполнение врачом (иным медицинским работником) своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности. Невежество предполагает собой недостаток знаний, необразованность по вине самого врача (например, когда врач что-либо недоучил, не рассмотрел или недоделал).

Согласно сведениям, размещенным на официальном сайте «Фонда «Общественное мнение», о доверии россиян к врачам и отношении к врачебным ошибкам⁵, указано, что в 47 % случаях граждане считают причиной врачебных ошибок отсутствие знаний, опыта, плохое медицинское образование,

1 Воробьев А. И.: российский учёный-гематолог, академик РАН и РАМН, профессор, доктор медицинских наук, директор НИИ гематологии и интенсивной терапии, руководитель кафедры гематологии и интенсивной терапии Российской медицинской академии последипломного образования (РМАПО). Первый министр здравоохранения Российской Федерации.

2 Консилиум главных врачей. Врачебные ошибки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://consiliummag.ru/articles/vrachebny-e-oshibki/> (дата обращения 15.05.2017).

3 Мохов А. А.: профессор, доктор юридических наук.

4 Мохов А. А., Мохова И. Н. «Врачебная ошибка» как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. – 2004. – № 2. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

5 Фонд «Общественное мнение». Доверие врачам и отношение к врачебным ошибкам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10866> (дата обращения 15.05.2017).

«купленные дипломы». Еще 20 % уверены в халатности врачей и их безответственном отношении к работе, нежеланию работать. 12 % россиян причину врачебных ошибок видят в равнодушии и безразличии к людям. 3 % населения усматривают причину в поверхностном обследовании и неправильном диагнозе, также, еще 3 % винят загруженность и переутомление врачей. И, снова, 3 % граждан причину врачебных ошибок видят в «стремлении врача к наживе». По 2 % отдано за маленькую зарплату и безнаказанность. 1 % россиян связывает врачебные ошибки с виновностью самих пациентов. Оставшиеся 2 % населения указывают иные причины врачебных ошибок.

Таким образом, к основным причинам врачебных ошибок можно отнести:

- недостаточный уровень знаний, опыта, плохое медицинское образование врачей;
- устаревшие методы лечения или, наоборот, отказ от новых методов лечения и препаратов;
- отсутствие качественного оборудования для диагностики и лечения различных категорий заболеваний, что, в свою очередь, может привести к постановке неправильного диагноза;
- непредсказуемое реагирование организма пациента на лечение.

Получается, врачебные ошибки возникают по независящим от врачей причинам и их невозможно предсказать заранее. К примеру, врач, назначив лечение, не мог знать об аллергии, которая возникнет у пациента и впоследствии вызовет осложнения. Пациент никогда не страдал от аллергии, но в процессе лечения определенными препаратами возникла аллергическая реакция. Врач данный исход лечения предположить не мог ввиду правильности назначения лечения, но вред для здоровья пациента, все же, возник.

К халатности врачей в медицине будет относиться:

- поверхностное обследование, поспешный осмотр и недостаточная диагностика организма пациента, вызванные равнодушием (безразличием) врачей по отношению к своим пациентам, что, по прошествии определенного периода работы врачом, может служить причиной безответственного отношения врача к работе или нежеланию работать вообще;
- нарушение стандартов оказания медицинской помощи⁶;
- нарушение врачом этических рамок во взаимоотношении «врач – пациент», невнимательное отношение к особым (непривычным) проявлениям симптомов заболеваний, плохой уход за пациентом и безразличие к нему;
- уверенность врача в своей квалификации, непризнание мнения коллег и отказ от консилиума в случае его необходимости.

Таким образом, халатность подразумевает собой ситуацию, в которой врач своими действиями (или бездействиями) может нанести пациенту вред, причем основная причина заключается именно в недобросовестности, невежестве или небрежности врача. Не следует забывать также и о таких обстоятельствах, как загруженность и переутомление врачей ввиду большого количества пациентов, особенно в периоды обострения некоторых заболеваний.

Для доказательства врачебной ошибки необходимо установить:

6 Министерство здравоохранения Российской Федерации. Стандарты медицинской помощи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/stranitsa-983> (дата обращения 15.05.2017).

- противоправное поведение врача (действие или бездействие врача в каждом конкретном случае);
- факт причинения вреда пациенту;
- взаимосвязь между противоправностью действий врача и причиненным пациенту вредом.

Важным моментом является тот факт, что «врачебная ошибка», по своей природе, включает в себя медицинские и правовые аспекты.

Т. Е. Сучкова в своем исследовании отмечает, что необходимо выделять несколько терминов: «врачебная ошибка» и «врачебное правонарушение». В обоих случаях это «действия/бездействие врача, повлекшие причинение вреда жизни (здоровью) пациента или недостижение положительного эффекта врачебных мероприятий»⁷, но «врачебная ошибка» подразумевает собой добросовестное заблуждение врача при отсутствии его вины, а «врачебное правонарушение» предполагает виновное заблуждение врача.

Ю. Д. Сергеев⁸ отмечает общественную значимость проблемы оказания медицинской помощи ненадлежащего качества и охарактеризовывает взгляды некоторых авторов на понятие «дефект оказания медицинской помощи», подытоживая определением термин «дефект» как «в той или иной степени причинение вреда здоровью человека, развившееся в процессе оказания ему медицинской помощи»⁹.

Одним из недавних примеров прецедента в судебной практике по рассмотрению спора о врачебной ошибке является случай, описанный в официальном издании Правительства РФ – Российской газете. Согласно данным, опубликованным 25 июня 2015 года¹⁰, впервые в России суд назначил Истице большую компенсацию в размере 15 млн. рублей, которую выплатила больница за ошибку врача. Согласно материалам дела, врачи ошиблись во время родов Истицы, ребенок родился с повреждением головного мозга и после двух лет мучений умер. Доказать врачебную ошибку позволили результаты независимой судебно-медицинской экспертизы.

Согласно сведениям сетевого издания «РИА Новости»¹¹, на заседании коллегии по расследованию преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи, Председатель Следственного Комитета России Александр Бастрыкин заявил о гибели в 2015 году 712 человек, из которых 317 детей вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи и врачебных ошибок. В 2016 году по тем же причинам погибло 352 человека, из которых 142 ребенка.

В судебной практике многих субъектов Российской Федерации в решениях и определениях судов очень часто, за последние несколько лет, употребляется выражение «врачебная ошибка». По данным, размещенным информационным агентством

7 Сучкова Т. Е. К вопросу о квалифицирующих признаках врачебной ошибки // Медицинское право. – 2014. – № 6. – С. 44.

8 Сергеев Ю. Д.: член-корреспондент РАМН, заслуженный юрист РФ, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова.

9 Сергеев Ю. Д., Козлов С. В. Основные виды дефектов оказания медицинской помощи (по данным комиссионных судебно-медицинских экспертиз) // Медицинское право. – 2012. – № 3. – С. 36.

10 За ошибку врача больница заплатила 15 млн. рублей. Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/06/25/kompensacia.html> (дата обращения 15.05.2017).

11 Сетевое издание «РИА Новости». В России в 2015 году из-за врачебных ошибок погибли более 700 человек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20160929/1478117637.html> (дата обращения 15.05.2017).

ством «РосБизнесКонсалтинг»¹², «цена врачебной ошибки» составляет от 1 млн. руб. до 3 млн. руб.

Так, к примеру, Апелляционное определение Московского городского суда от 10 ноября 2015 года по делу № 33-40520/2015 описывает ситуацию, при которой, в результате врачебных ошибок, супруге Истца был причинен тяжкий вред здоровью и она впала в состояние комы. Судом была установлена прямая причинно-следственная связь между оказанием платных медицинских услуг по проведению операции, произведенной с недостатками и причинением вреда здоровью.

Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 17 декабря 2014 года по делу № 33-11929/2014, А-26 по требованию о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда описывает факт присутствия врачебной ошибки в действиях хирурга в результате проведенной операции. Истица понесла невосполнимую утрату здоровья и была лишена возможности работать вследствие нетрудоспособности.

Подобные судебные дела по «врачебным ошибкам» очень распространены. Например,

- Апелляционное определение Московского областного суда от 10 июня 2015 года по делу № 33-13585/2015;
- Апелляционное определение Саратовского областного суда от 27 мая 2015 года № 33-2962;
- Апелляционное определение Ростовского областного суда от 19 марта 2015 года по делу № 33-4105/2015;
- Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 17 декабря 2014 года по делу № 33-11929/2014, А-26;
- Апелляционное определение Курского областного суда от 21 октября 2014 года по делу № 33-2855-2014;
- Апелляционное определение Курского областного суда от 23 сентября 2014 года по делу № 33-2482-2014;
- Апелляционное определение Московского городского суда от 18 сентября 2014 года по делу № 33-44063 и др.

Существует также и практика отказа в удовлетворении исковых требований по «врачебным ошибкам». К примеру,

- Апелляционное определение Челябинского областного суда от 26 января 2017 года по делу № 11-856/2017;
- Апелляционное определение Самарского областного суда от 14 июня 2016 года по делу № 33-7678/2016;
- Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 16 февраля 2016 года по делу № 33-5/2016;
- определение Московского городского суда от 10 февраля 2016 года по делу № 33-2841/2016;
- Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 28 октября 2014 года по делу № 33-1357/2014 и др.

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить значимость законодательного введения термина «врачебная ошибка», поскольку последствия медицинского вреда очень серьезны и могут приводить к недееспособности, инвалидности и, самое важное, смерти пациента. При любых обстоятельствах обращения за помощью к врачу каждый пациент должен быть уверен в защите его прав и интересов, особенно, если речь идет о возможном присутствии врачебной ошибки.

Таким образом, врачебная ошибка – это добросовестное заблуждение врача, приводящее к причинению вреда жизни или здоровью обратившегося за помощью, но исключающее

виновность врача в силу существующих обстоятельств (непредсказуемое реагирование организма пациента на лечение, отсутствие качественного оборудования для диагностики и лечения различных категорий заболеваний, плохое медицинское образование врачей и отсутствие опыта). Врачебную ошибку необходимо отграничивать от других понятий, которыми ее на сегодняшний день заменяют (неосторожность, халатность врачей и проч.), тем более, что термин «врачебная ошибка» все чаще и чаще употребляется в судебной практике.

Пристатейный библиографический список

1. В России выплачена рекордная компенсация за врачебную ошибку. РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/26/05/2015/55647ebf9a79477485ee414c> (дата обращения 15.05.2017).
2. За ошибку врача больница заплатила 15 млн. рублей. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/06/25/kompensacia.html> (дата обращения 15.05.2017).
3. Консилиум главных врачей. Врачебные ошибки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://consiliummag.ru/articles/vrachebny-e-oshibki/> (дата обращения 15.05.2017).
4. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Стандарты медицинской помощи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/stranitsa-983> (дата обращения 15.05.2017).
5. Мохов А. А., Мохова И. Н. «Врачебная ошибка» как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. – 2004. – № 2. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).
6. Сергеев Ю. Д., Козлов С. В. Основные виды дефектов оказания медицинской помощи (по данным комиссионных судебно-медицинских экспертиз) // Медицинское право. – 2012. – № 3. – С. 35-38.
7. Сетевое издание «РИА Новости». В России в 2015 году из-за врачебных ошибок погибли более 700 человек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20160929/1478117637.html> (дата обращения 15.05.2017).
8. Сучкова Т. Е. К вопросу о квалифицирующих признаках врачебной ошибки. // Медицинское право. – 2014. – № 6. – С. 41-44.
9. Фонд «Общественное мнение». Доверие врачам и отношение к врачебным ошибкам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10866> (дата обращения 15.05.2017).

¹² В России выплачена рекордная компенсация за врачебную ошибку. РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/26/05/2015/55647ebf9a79477485ee414c> (дата обращения 15.05.2017).

СЫВОРОТКИНА Ирина Юрьевна

аспирант кафедры гражданского права и процесса Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина

ЗАВЕЩАНИЕ КАК НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В РОССИИ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Приведен анализ завещания как наследственного договора. Отмечено, что в некоторых зарубежных странах завещание рассматривается как наследственный договор, что предполагает составление, по крайней мере, двусторонних завещаний. Заключение наследственного договора не влечет за собой ограничения права наследодателя распоряжаться своим имуществом посредством совершения сделки между живыми по аналогии с ГГУ. Анализируются вопросы действительности и недействительности данных договоров и вопросы завещательной правосубъектности супругов.

Ключевые слова: завещание, наследственный договор, односторонняя сделка, правосубъектность, отказополучатель, отчуждатель, корреспективность, легальная дефиниция.

SYVOROTKINA Irina Yurevna

postgraduate student of Civil law and process sub-faculty of the S. A. Esenin Ryazan State University

THE WILL AS THE HERITABLE AGREEMENT IN RUSSIA AND SOME FOREIGN COUNTRIES

The analysis of the will as heritable agreement is provided. It is noted that in some foreign countries the will is considered as the heritable agreement that assumes creation, at least, of bilateral wills. The conclusion of the heritable agreement doesn't involve restriction of the right of the testator to dispose of the property by means of a transaction *sovershekniya* between live by analogy with GGU. Questions of reality and invalidity of these agreements and questions of testamentary legal personality of spouses are analyzed.

Keywords: will, heritable agreement, unilateral transaction, legal personality, legatee, alienor, korrespektivnost, legal definition.

В зарубежной наследственно-правовой практике существует многообразие вариантов, в которых может быть составлено завещание. Имея общую социально-экономическую сущность, наследственные отношения в различных правовых системах получают существенно различающееся по содержанию и юридико-техническим приемам правовое регулирование. Во многих странах допускается составление, по крайней мере, двусторонних завещаний. Например, в германском гражданском (наследственном) праве общее завещание может быть составлено только супругами (§ 2265 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ))¹. Отмена распоряжения, взаимосвязанного с распоряжением другого супруга согласно § 2270 ГГУ, производится при жизни супругов в соответствии с предписаниями § 2296 ГГУ об отказе от договора о наследовании, то есть посредством нотариально удостоверенного заявления другой стороне.

Российское дореволюционное и советское наследственное законодательство не допускали договор в качестве основания наследования. Только после распада СССР, когда бывшие советские республики встали на путь обретения национального законодательства, некоторые государства обратились к своему досоветскому опыту или опыту зарубежных стран в этом вопросе. Априорное неприятие всего советского, в том числе опыта правового регулирования частных отношений, привело к тому, что в 1990 г., заявив о восстановлении своей независимости, Латвия из всех советских республик стала единственной, которая пошла по пути реставрации досоветской право-

вой системы, что выразилось в 1992 г. в восстановлении в силе двух главных актов прежней латвийской правовой системы – Конституции 1922 г. и Гражданского закона Латвийской Республики 1937 г. (далее – Гражданский закон 1937 г. или ГЗ ЛР), которые с точки зрения современных правовых реальностей и юридической техники выглядят архаичными². Гражданский закон 1937 г. был составлен на основе третьего тома «Свода местных узаконений губерний остзейских» 1862 года, вобравших в себя нормы немецкого, шведского, польского и местного обычного права, многие положения которого устарели, поскольку воспроизводят социальные, хозяйственные, земельные отношения и семейно-бытовые устои межвоенной Латвии. В Латвийском наследственном праве в качестве общего правила допускается заключение многосторонних завещаний (ст. 604 Гражданского закона Латвийской Республики (далее – ГЗ ЛР). Наследственным договором может устанавливаться как личное обязательство одного контрагента перед другим или третьим лицом, так и само право наследования. Заключение наследственный договор может лишь тот, кто обладает не только правом заключения договоров вообще, но и способностью составлять завещание³ и наследовать по завещанию (ст.

1 Довгерт А. С. Вступительная статья // Гражданский кодекс Украины. Харьков, 2004. С. 17; Опришко Л. Об особенностях наследования по новому Гражданскому кодексу Украины и их влиянии на судебную практику // Юрид. практ. 2006. № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurpractika.com/article.php?id=10006004>.

2 Савельев В. А. Гражданский кодекс Германии: история, системы, институты. М., 1994. С. 58; Гражданское уложение Германии: Ввод. закон к Гражд. Уложению / Пер. с нем.; Науч. ред. А. Л. Маковский и др. М., 2004.

3 Блинков О. Е. Наследственный договор как основание наследования в законодательстве стран дальнего и ближнего зарубежья // Наследственное право. 2006. № 2. С. 59-60. Блинков О. Е. Развитие наследственного права в бывших республиках СССР. Ч. 1. Беларусь, Украина и Молдова // Нотариус. 2004. № 2. С. 34-44. Блинков О. Е. Развитие наследственного права в бывших республиках СССР. Ч. 5. Латвия // Нотариус. 2007. № 1. Блинков О. Е. О сделке...http://www.juristlib.ru/book_7394.html. Блинков, Олег Евгеньевич. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rslo100400000/rslo1004742000/rsl>.

641 ГЗ ЛР). Главной особенностью наследственного договора в Латвии является то, что он устанавливает только будущее призывание к наследованию, и поэтому при жизни наследодателя наследнику по договору предоставляется лишь право выжидательного преемства, а не вступающее немедленно в силу право на нынешнее имущество наследодателя (ст. 646 ГЗ ЛР)⁴.

На Украине наследственный договор получил совсем иную конструкцию.

В Гражданском кодексе Украинской Республики (далее – ГК УР) также допускается составление общего завещания супругов относительно имущества, которое принадлежит им на праве общей совместной собственности (п. 1 ст. 1243). Такое завещание составляется для того, чтобы доля в общем имуществе после смерти одного из супругов переходила полностью к пережившему, и только после смерти последнего право на наследование всего общего имущества супругов получают лица, определенные обоими супругами в таком завещании. При жизни обоих супругов каждый из них имеет право отказаться от общего завещания, причем такой отказ подлежит нотариальному удостоверению (п. 3 ст. 1243 ГК УР), после смерти одного из них нотариус накладывает запрет на отчуждение имущества, указанного в завещании супругов (п. 4 ст. 1243 ГК УР). Следует заметить, что такой договор отчасти он схож с пожизненной рентой, однако в силу последнего договора право собственности у плательщика ренты возникает сразу после заключения договора, а не вследствие смерти.

В советский период наследственное законодательство союзных республик практически не отличалось друг от друга, поскольку принималось в соответствии с общесоюзными Основами гражданского законодательства. В настоящее время наследственный закон, особенно стран Балтии, которые не являются членами Содружества независимых государств и не участвовали в разработке Модельного Гражданского кодекса СНГ, существенно отличается от российского наследственного права, однако это в большей степени касается частных (круга наследников, формы завещаний, размера обязательной доли), а не правовой природы оснований наследования. Отсюда вывод – односторонний характер завещаний в российском наследственном праве есть результат доктрины, а не правовой природы завещания.

В отличие от приведенного выше, некоторые институты наследственного права имеют строго определенное национальное происхождение, наличие которых в других правовых системах обуславливается рецепцией французского и германского права в XIX – XX веках. Как отмечают некоторые исследователи, именно договорный элемент сыграл большую роль в германском праве для развития завещательной свободы, вызвав к жизни в конечном итоге появление наследственного договора (Eibvertrag) как особой формы распоряжения на случай смерти⁵. Наследственный договор изначально имел германское происхождение, а наличие его в наследственно-правовых системах Австрии, Швейцарии, Венгрии и Латвии объясняется рецепцией германского права в конце XIX – начале XX века вследствие известных исторических событий.

Согласно германскому гражданскому закону (Германскому гражданскому уложению 1899 года) наследственный дого-

вор может быть заключен полностью дееспособным наследодателем только лично в нотариальной записи в присутствии обеих сторон (§ 2274, п. 1 § 2275, п. 1 § 2276 ГГУ). и передан на особое официальное хранение с выдачей сторонам расписки о принятии документа на хранение (§ 2277 ГГУ)⁶. Следует заметить, что заключение наследственного договора не влечет за собой ограничения права наследодателя распоряжаться своим имуществом посредством совершения сделки между живыми (§ 2286 ГГУ).

Таким образом, главное отличие романо-германской и англосаксонской наследственно-правовых систем заключается в том, что в континентальной правовой системе наследование является видом универсального правопреемства, когда права и обязанности наследодателя переходят непосредственно к наследникам, в то время как в системе общего права имущество наследодателя переходит сначала в доверительную собственность к особому лицу (так называемому «личному представителю» наследодателя), осуществляющему процедуру ликвидации наследства и передающему наследникам ту часть имущества, которая остается после расчетов с кредиторами наследодателя. Имея столь принципиальное различие, названные правовые системы схожи в отдельных наследственно-правовых механизмах, например, в основаниях наследования, к которым относятся завещание и закон, что обусловлено рецепцией римского права.

В отечественной цивилистической науке и законодательной практике сложилось понимание завещания исключительно как односторонней сделки, что выразилось в легальном закреплении одностороннего характера волеизъявления на случай смерти в результате последней кодификации наследственного права: «Завещание является односторонней сделкой, которая создает права и обязанности после открытия наследства» (п. 5 ст. 1118 ГК РФ). Следует обратить внимание на то, что легальная дефиниция не касается правовой природы завещания, ее основания, а определяет исключительно порядок, характер волеизъявления, то есть, по сути, форму завещания.

В доктрине российского наследственного права завещание определяют как личное распоряжение гражданина о своем имуществе на случай смерти с назначением наследников, которое делается в установленных законом порядке и форме и вступает в действие с момента открытия наследства. Следует обратить особое внимание на тот факт, что легальная дефиниция сделок определяет лишь их форму. Суть сделки, ее юридическая природа могут быть поняты через изучение составляющих сделки. Двойственность природы сделок состоит в том, что, с одной стороны, сделка является фактом, действием, а с другой – этот факт становится юридическим лишь в силу предусмотренности его в нормах права. Указанная двойственность требует фиксации в нормах права группы признаков, по которым из общей массы социально значимых действий можно выделить те, которые являются сделками. Эта учитываемая правом группа признаков в своем единстве образует юридический состав сделок, является признаками, необходимыми и достаточными для признания за совершенным действием качества сделки.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Солодовникова Д. Ю. Наследственный договор // Вечерний Харьков. 13 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vecherniy.kharkov.ua/ind2.php?id=7923&Division=reception> (дата обращения: 01.03.08 г.).

⁶ Савельев В. А. Гражданский кодекс Германии: история, системы, институты. М., 1994. С. 58; Гражданское уложение Германии: Ввод. закон к Гражд. Уложению / Пер. с нем.; Науч. ред. А. Л. Мавковский и др. М., 2004.

Проведенный нами анализ показывает, что отечественная доктрина всегда исходила из возможности составления завещания только одним лицом и недопущении совершения одного завещания двумя или более лицами. На основе анализа зарубежного, в том числе родственного российскому германского, права признаем допустимым составление одного (общего) завещания супругами. Для совершения общего завещания достаточно того, чтобы один из супругов составил завещание в предусмотренной форме, а другой супруг собственноручно подписал совместное заявление. Неприятие отечественной доктриной подобного завещания обуславливается расширением, особенно в советский период развития Российского государства, института семьи и семейного права, принципа свободы брака, и, как следствие, возникающей зависимости подобного общего завещания от юридического факта, не являющегося гражданско-правовым. Однако состояние брака существенно влияет на наследственные правоотношения, поэтому подобная зависимость расценивается нами как приемлемая, следовательно правомерен вывод о возможности имплементации данного института в российское наследственное право.

Пристатейный библиографический список

1. Блинков О. Е. Наследственный договор как основание наследования в законодательстве стран дальнего и ближнего зарубежья // Наследственное право. 2006. № 2.
2. Блинков О. Е. О сделк...http://www.juristlib.ru/book_7394.html. Блинков, Олег Евгеньевич. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004742000/rsl>.
3. Блинков О. Е. Развитие наследственного права в бывших республиках СССР. Ч. 1. Беларусь, Украина и Молдова // Нотариус. 2004. № 2. С. 34-44. Блинков О. Е. Развитие наследственного права в бывших республиках СССР. Ч. 5. Латвия // Нотариус. 2007. № 1.
4. Гражданское уложение Германии: Ввод. закон к Гражд. Уложению / Пер. с нем.; Науч. ред. А. Л. Маковский и др. М., 2004.
5. Довгерт А. С. Вступительная статья // Гражданский кодекс Украины. Харьков, 2004.

6. Опришко Л. Об особенностях наследования по новому Гражданскому кодексу Украины и их влиянии на судебную практику // Юрид. практ. 2006. № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurpractika.com/article.Php?id=10006004>
7. Савельев В. А. Гражданский кодекс Германии: история, системы, институты. М., 1994.
8. Свиб А. В. Гражданский закон Латвии 1937 года: Обзорная статья // Гражданский кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. и предисл. Н. Э. Лившиц. СПб., 2001. С. 7-20.
9. Солодовникова Д. Ю. Наследственный договор // Вечерний Харьков. 13 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vecherniy.kharkov.ua/ind2.php?id=7923&Division=reception> (дата обращения 01.03.08 г.).
10. Сывороткина И. Ю. Правовая система и вызовы современности (Книга 1): монография / Завещание как сделка. Глава 1 / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Савченко М. Н. Штутгарт, Германия: ORT Publishing, Премьер, 2012. – 146 с.

ЮСУПОВ Тимур Ринатович

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

АВДЕЕВА Елена Юрьевна

преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

В статье рассматриваются вопросы регулирования действующего законодательства, направленного на осуществление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Определена правовая природа надзора, которая позволяет сделать вывод о том, что это комплексный межотраслевой институт, основная задача которого заключается в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, а также предотвращения повторного совершения преступлений и административных правонарушений поднадзорными лицами.

Ключевые слова: административный надзор, поднадзорный, лишение свободы, исправительные учреждения, органы внутренних дел, надзор, заявление, суд, ограничения.

YUSUPOV Timur Rinatovich

senior lecturer of Administrative-legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

AVDEEVA Elena Yurjevna

lecturer of Administrative-legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE ESTABLISHMENT OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION.

In the article the questions of regulation of the current legislation aimed at implementation of administrative supervision over persons released from places of imprisonment.

Defined the legal nature of supervision, which leads to the conclusion that it is a complex interdisciplinary Institute, whose main task is to ensure public order and security and prevent re-Commission of crimes and administrative violations supervised persons.

Keywords: administrative supervision, under surveillance, deprivation of freedom, correctional institutions, internal Affairs bodies, supervision, the application, the court, restrictions.

В настоящее время общесоциальные меры не выполняют в полном объеме задачи противодействия как в целом преступности, так и отдельных ее видов. С учетом этого возрастает значение предупреждения преступности как деятельности, направленной на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений и обеспечение неотвратимости наказания для лиц, их совершивших¹.

Одной из таких мер является административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Говоря о правовой природе административного надзора, мнения ученых сводятся к тому, что она имеет уголовно-правовой характер. По мнению Т. Г. Понятовской, уголовно-правовая природа административного надзора состоит в том, что условием для его установления является освобождение из мест лишения свободы, либо наличие судимости за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего².

Аналогичную позицию занимает А. П. Фильченко: «Надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеет уголовно-правовую природу, представляет собой фор-

му выражения уголовно-правовых отношений и составляет меру уголовно-правового характера»³.

Однако, на наш взгляд, анализ правовой природы надзора позволяет прийти к выводу о том, что он не относится только к одной отрасли права.

Данный вывод основывается на том, что нормы, рассматривающие административный надзор нашли свое отражение как в уголовном, уголовно-исполнительном, так и административном законодательстве. Следовательно, можно говорить о том, что административный надзор является комплексным межотраслевым институтом, сложившимся на основе административного права.

В настоящее время законодательная регламентация, касающаяся вопросов административного надзора, отражена в различных нормативных правовых актах, основными из которых можно считать: Федеральный закон от 06 апреля 2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»; Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г.; Кодекс административного судопроизводства РФ от 08 марта 2015 г.; Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08 января 1997 г., Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»; Приказ МВД России от 08 июля 2011 № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

1 Алешин С. В. Меры предупредительного воздействия на организованную преступность // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 3-3. С. 234.

2 Громов В. Г., Галкина А. Н. Правовая природа административного надзора // СПС «КонсультантПлюс».

3 Там же.

Законодатель четко определил основную задачу установления административного надзора, которая заключается в предупреждении совершения преступлений и других правонарушений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также оказание на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов.

Реализация данной задачи вовлекает большое количество субъектов, основная цель которых направлена на ее успешное решение.

Так основными субъектами данной деятельности выступают: учреждения уголовно-исполнительной системы, органы внутренних дел, суды.

Что же касается самой процедуры установления административного надзора, то она распространяется не на всех лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а только на тех, которые указаны в законе⁴.

Условно их можно поделить на следующие категории:

Первая – совершеннолетние лица, освобожденные или освобожденные из мест лишения свободы, имеющие непогашенную либо неснятую судимость, за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, при рецидиве преступления; умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

Установление надзора в данном случае возможно, если лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Другим немало важным обстоятельством является тот факт, что лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, на здоровье населения и общественную нравственность, а также регламентированных частью 7 статьи 11.5, статьей 11.9, статьей 12.8, статьей 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Второе – обязательное установление административного надзора предусматривается в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую по следующим основаниям:

- за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего;
- за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений;
- за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного пунктом «л» части второй статьи 105, пунктом «е» части второй статьи 111, пунктом «з» части второй статьи 117, частью четвертой статьи 150 (в случае совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), статьями 205-205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277-279, 282-282.3, 295, 317, 357, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации;

4 Федеральный закон от 06 апреля 2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

– за совершение в период нахождения под административным надзором преступления, за которое это лицо осуждено к лишению свободы и направлено к месту отбывания наказания⁵.

Третьим основанием является тот факт, что надзор устанавливается в обязательном порядке в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

Процесс установления административного надзора начинается с подачи административного искового заявления. Инициаторами в данном случае могут выступать как исправительные учреждения, в отношении лиц освобождаемых из мест лишения свободы, так и органы внутренних дел, если речь идет о лицах освобожденных из исправительных учреждений, а также тех, кто отбывает наказание в виде ограничения свободы, как дополнительного наказания, либо в случае замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы на ограничение свободы.

Решение о назначении надзора принимает суд. Поэтому данное заявление должно быть подано в соответствующий орган не позднее установленного законодателем срока⁶.

Местом рассмотрения будет, является судебный орган по месту расположения исправительного учреждения (в отношении освобождаемого лица из мест лишения свободы). Если говорить об освобожденных лицах, то в данном случае местом рассмотрения заявления будет являться суд по месту жительства, месту пребывания или месту фактического нахождения лица.

Административное исковое заявление, как и любой процессуальный документ должен включать в себя сведения необходимые для полного и всестороннего рассмотрения и принятия обоснованного решения, по существу.

Рассмотрение искового заявления происходит на судебном заседании с обязательным участием лица, в отношении которого оно подано, а также прокурора.

По итогам рассмотрения заявления судом принимается решение о назначении административного надзора, с обязательным указанием его срока и тех ограничений, которые вводятся в отношении лица.

Административный надзор осуществляется подразделениями органов внутренних дел. Деятельность данных подразделений условно можно разделить на два вида:

К первым относятся те, в полномочия которых непосредственно входят обязанности, связанные с осуществлением надзора путем систематического наблюдения за соблюдением поднадзорными лицами установленных судом ограничений, а именно это подразделения по организации и осуществлению административного надзора территориальных органов МВД РФ на районном уровне.

Ко второй категории можно отнести участковых уполномоченных полиции⁷, сотрудников строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции, дорожно-патрульной

5 Там же.

6 См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

7 Фаткуллин Б. Х. Некоторые вопросы контрольно-надзорной деятельности участкового уполномоченного полиции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96). С. 265-266.

службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения, подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, дежурные части, а также сотрудников полиции линейных управлений, отделов, отделений Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте⁸.

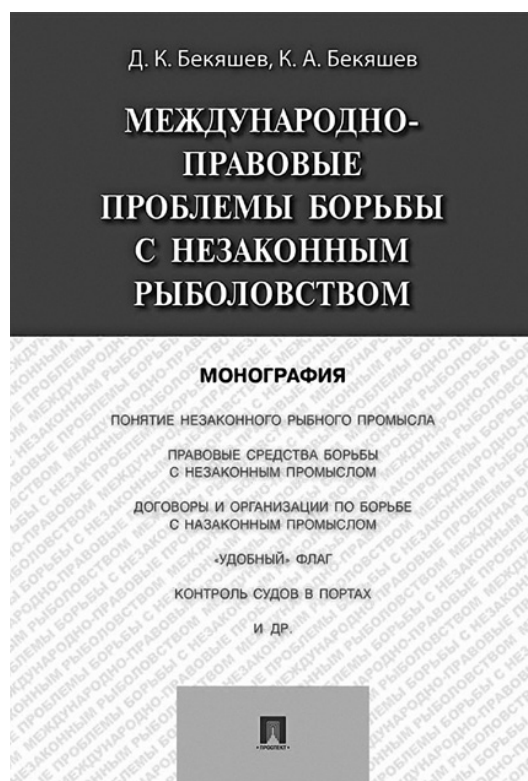
В заключении следует отметить, что такая норма как административный надзор является довольно действенным инструментом в вопросах, касающихся обеспечения общественного порядка и безопасности, а также предупреждения преступлений и административных правонарушений со стороны ранее судимых лиц.

Последние изменения законодательства⁹, говорит о том, что законодатель находится в поиске универсальных механизмов, способствующих своевременной реакции государства на рецидив противоправных действий со стороны данной категории лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 06 апреля 2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 28 мая 2017 № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ МВД РФ от 08 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Алешин С. В. Меры предупредительного воздействия на организованную преступность // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 3-3. С. 232-235.
9. Громов В. Г., Галкина А. Н. Правовая природа административного надзора // СПС «КонсультантПлюс».
10. Фаткуллин Б. Х. Некоторые вопросы контрольно-надзорной деятельности участкового уполномоченного полиции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96). С. 265-266.
11. Мамлеева Д. Р. Проблемы совершенствования организационного устройства и форм деятельности полиции на железнодорожном и водном транспорте // Правовое государство: теория и практика. 2016. Т. 4. № 46. С. 94.

8 Мамлеева Д. Р. Проблемы совершенствования организационного устройства и форм деятельности полиции на железнодорожном и водном транспорте // Правовое государство: теория и практика. 2016. Т. 4. № 46. С. 94.

9 Федеральный закон от 28 мая 2017 № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, доцент кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета, член Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии

Макарцев А. А.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗЛОЖЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОДНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ НА ДРУГУЮ

В статье анализируется система взаимоотношений и полномочий избирательных комиссий при проведении выборов депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, устанавливаемых региональным законодательством на основе федеральных законов, а также взаимоотношения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с нижестоящими избирательными комиссиями при проведении иных выборов как функциональное подчинение. Анализ системы избирательных комиссий позволяет автору сделать вывод о необходимости ее дальнейшего совершенствования на законодательном уровне Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, субъекты избирательного права, избирательные комиссии, институт возложения полномочий одной избирательной комиссии на другую.

MAKARTSEV Andrey Alexeevich

Ph.D. in Law, associate professor, Dean of Public Sector Faculty of the Novosibirsk State University of Economics and Management, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Novosibirsk State Technical University, member of Novosibirsk municipal election committee

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF ASSIGNING THE POWERS OF ONE ELECTION COMMISSION TO ANOTHER

The article analyses the system of mutual relations and powers of election commissions in conduct of elections of deputies of legislative (representative) agencies of the state power of the subjects of the Russian Federation, agencies of local self-government and also mutual relations of the Central Election Commission of the Russian Federation with lower election commissions in conduct of other elections in procedure of functional subordination. The analysis of the system of election commissions allows the author to make a conclusion on the necessity of its further improvement at a legislative level of the Russian Federation.

Keywords: state, subjects of election law, election commissions, institute of assignment of powers of one election commission to another.

Несмотря на то что понятие «избирательная комиссия» не нашло текстуального закрепления в Конституции Российской Федерации, избирательные комиссии являются одним из наиболее значимых субъектов российского избирательного права. Из самой функции организации и подготовки и проведения выборов как самостоятельной сферы государственно-властной деятельности, закрепленной Конституцией Российской Федерации, резюмируется наличие органа, реализующего эту функцию¹. Избирательными комиссиями являются коллегиальные органы, формируемые в порядке и сроки, установленные федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, организующие и обеспечивающие подготовку и проведение федеральных, региональных и муниципальных выборов.

Система избирательных комиссий, как и всякая сложная социальная структура, является не просто суммой составляющих ее элементов, а слаженным организмом, части которого взаимодействуют друг с другом в формах, четко указанных в законах². Действующее избирательное законодательство направлено на формирование единой системы избирательных органов, характеризующейся возможностью выполнения одной избирательной комиссии функций другой. В связи с

этим Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ предусматривается возможность возложения полномочий одной избирательной комиссии на другую. Так, в соответствии с п. 4 ст. 24 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» полномочия избирательной комиссии муниципального образования по решению соответствующей избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, принятому на основании обращения представительного органа этого муниципального образования, могут возлагаться на территориальную комиссию. Число членов территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса изменению в этом случае не подлежит.

Аналогичная процедура в отношении передачи полномочий территориальной избирательной комиссии избирательной комиссии муниципального образования предусмотрена п. 4 ст. 26 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Полномочия территориальной комиссии по решению соответствующей избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, принятому по согласованию с представительным органом муниципального образования, могут

1 Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия в управлении избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 9.

2 Иванченко А.В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М.: Весь Мир, 1996. С. 7.

3 Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24, Ст. 2253.

возлагаться на соответствующую избирательную комиссию муниципального образования.

Возложение полномочий одной избирательной комиссии на другую предусмотрено в федеральных законах, регулирующих отдельные виды выборов. Так, Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁴ закрепляя систему избирательных комиссий, организующих и проводящих выборы нижней палаты российского парламента, в ст. 21 закрепляет, что если в субъекте Российской Федерации образован только один одномандатный избирательный округ, полномочия окружной избирательной комиссии осуществляет избирательная комиссия этого субъекта Российской Федерации. Если в субъекте Российской Федерации образовано несколько одномандатных избирательных округов, окружные избирательные комиссии или некоторые из них по решению Центральной избирательной комиссии Российской Федерации могут не формироваться. Например, согласно Постановлению Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 27 апреля 2016 года № 5/36-7 «О возложении полномочий окружных избирательных комиссий по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва на избирательные комиссии субъектов Российской Федерации территориальные избирательные комиссии»⁵ на Избирательную комиссию Новосибирской области возложены полномочия окружных избирательных комиссий по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам № 135-138.

С одной стороны, процедура возложения полномочий одной избирательной комиссии на другую имеет позитивное значение и направлена на формирование системы взаимозаменяемости избирательных органов, увеличение качества их работы на выборах различного уровня. Использование этой процедуры обосновывается целями «оптимизации избирательных действий, экономии бюджетных средств»⁶. В некоторых субъектах муниципальные избирательные комиссии отсутствуют, а их полномочия возложены на территориальные комиссии. Так, система избирательных комиссий Республики Алтай ограничивается Избирательной комиссией Республики Алтай и одиннадцатью территориальными избирательными комиссиями⁷. С другой стороны, это можно рассматривать как прямо не предусмотренную законом форму взаимодействия государственных и муниципальных органов. Избирательная комиссия муниципального образования изначально создается для подготовки и проведения муниципальных выборов. Именно для реализации этой цели она формируется представительным органом местного самоуправления. Территориальная избирательная комиссия формируется избирательной комиссией субъекта Российской Федерации. При возложении на территориальную избирательную комиссию полномочий муниципальной избирательной комиссии возникает ситуация, когда муниципальные выборы проводятся избирательной комиссией, являющейся органом государства и формируемым другим органом государства – избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, и лишь наделенной полномочиями муниципального органа.

Выводы о том, что проведение выборов органов местного самоуправления территориальными избирательными комиссиями нарушает конституционно закрепленный принцип независимости органов местного самоуправления содержится в работах ряда исследователей (Белоусова Е. В.⁸, Шутрина Е. С.⁹, Гумашвили Л. Э.¹⁰). Высказывается также мнение о необходимости исключить из законодательства возможность участия территориальных избирательных комиссий в подготовке и проведении муниципальных выборов в качестве организующих выборы комиссий¹¹ либо об изменении способа их формирования: одна половина состава территориальной избирательной комиссии должна формироваться государственным органом – избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, другая половина – представительным органом муниципального образования¹².

Вызывает критику и возможность возложения полномочий территориальной избирательной комиссии на муниципальную избирательную комиссию, хотя подобная практика получала распространение. Так, на выборах 2007 г. полномочия территориальных избирательных комиссий в Красноярском крае, Московской и Томской областях были возложены на пять избирательных комиссий муниципальных образований, три из которых – в Московской области¹³. Необходимо отметить, что законом предусматривается определенный количественный состав избирательной комиссии каждого уровня: территориальной – от пяти до четырнадцати членов с правом решающего голоса, муниципальной – от шести до двенадцати членов с правом решающего голоса. Число членов избирательной комиссии, наряду с другими параметрами, напрямую влияет на эффективность ее деятельности. Возложение на муниципальную избирательную комиссию, состоящую из двенадцати членов с правом решающего голоса, полномочий территориальной избирательной комиссии может повлиять на организационную составляющую проведения выборов.

Причиной частого использования законодательного положения о возложении полномочий одной избирательной комиссии на другую является недостаток людей, имеющих опыт работы на выборах и желающих быть членами избирательных комиссий с правом решающего голоса, и экономия средств соответствующих бюджетов, выделенных на подготовку и проведение выборов. По мнению ряда авторов, значимость этих причин определяет необходимость более широко использовать возложение полномочий¹⁴. Вследствие этого в последние годы получила широкое распространение негативная, по нашему мнению, практика возложения на территориальную избирательную комиссию одного из районов административных центров субъектов Российской Федерации полномочий трех-семи окружных избирательных комиссий, проводящих

4 Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2014).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novosibirsk избирком.ru/election_of_deputies_in_2016/o/25886 (дата обращения: 25 июня 2017 г.).

6 Письмо Председателя Избирательной комиссии Вологодской области от 29 июня 2009 г. № 01-22/415 // Цит. по: Митин Г. Н. Отдельные особенности обеспечения деятельности избирательных комиссий муниципальных образований в РФ // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 65.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.altai_rep.vyborny избирком.ru/region/altai_rep?action=show_komissia®ion=2&sub_region (дата обращения: 25 июня 2017 г.).

8 Белоусова Е. В. Избирательная комиссия муниципального образования – муниципальный орган с неопределенным статусом // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 89.

9 Шутрина Е. С. Некоторые организационно-правовые проблемы в работе избирательных комиссий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. С. 44.

10 Гумашвили Л. Э. К вопросу об основах статуса избирательных комиссий муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. № 3. С. 3 - 6.

11 Белявская М. С. Конституционно-правовой статус избирательных комиссий, осуществляющих подготовку и проведение муниципальных выборов в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 86.

12 Демьянов Е. В., Мухачев И. В. Система избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. 40-47.

13 Митин Г. Н. Отдельные особенности обеспечения деятельности избирательных комиссий муниципальных образований в РФ // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 65.

14 Проккопьев Д. В. О возложении полномочий отдельных избирательных комиссий на иные избирательные комиссии // Особенности реализации избирательного законодательства на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 26-27 октября 2007 года. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 100.

организацию выборов в пределах городского района. Можно предположить, что одной территориальной избирательной комиссии, на которую возложены полномочия трех-семи окружных комиссий, довольно сложно организовать проведение выборов в пределах соответствующих избирательных округов на достаточно высоком профессиональном уровне. Например, в ходе выборов депутатов Совета депутатов г. Новосибирска (июнь-сентябрь 2015 г.) в пределах Ленинского района было образовано семь избирательных округов. В соответствии с п. 3 ст. 25 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» число членов окружных избирательных комиссий по выборам в органы государственной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления с правом решающего голоса устанавливается законом субъекта Российской Федерации. В развитие этого положения Закон Новосибирской области от 17 июля 2006 г. № 19-ОЗ «Об избирательных комиссиях, комиссиях референдума в Новосибирской области»¹⁵ определяет, что число членов окружной избирательной комиссии с правом решающего голоса по выборам в органы местного самоуправления не может быть менее пяти и более девяти. В случае формирования окружных избирательных комиссий организацией выборов в рамках района занимались бы от тридцати пяти до шестидесяти трех членов комиссий с правом решающего голоса. Но в связи с тем, что согласно решению Избирательной комиссии Новосибирской области полномочия окружных избирательных комиссий были возложены на территориальную избирательную комиссию Ленинского района¹⁶, организацией выборов в пределах района занимались четырнадцать членов территориальной избирательной комиссии.

Выполнение одной избирательной комиссией полномочий пяти-семи избирательных комиссий не только не способствует при реализации ее полномочий защите прав отдельных кандидатов, но и накладывает негативный отпечаток на сам процесс реализации охраняемых законом интересов корпуса избирателей в целом. Возникает парадоксальная ситуация, описанная в работе А. В. Малько и В. В. Субочева¹⁷ и в нашем контексте сводимая к следующему: избирательная комиссия, выполняющая возложенные на нее функции, обязывающие реализовывать публичные интересы и стоять на страже законных интересов участников избирательного процесса, не делает ни того ни другого, добиваясь осуществления именно «ведомственных» интересов. Ведомственные интересы в этом случае заключаются в необходимости провести выборы, результаты которых нельзя было бы отменить в предусмотренном законом порядке. В этом случае на второй план отходит правоохранительная функция избирательных комиссий, реализация которой начинается только после поступления заявления о правонарушении. Возбуждение дела по инициативе избирательной комиссии является скорее исключением, чем правилом.

Необходимо также отметить, что формулировка «возложение полномочий» не вполне корректна. При возложении полномочий избирательная комиссия, не меняя своего статуса, фактически наделяется полномочиями другой избирательной комиссии, выполняет ее функции и задачи. Так, в случае возложения на территориальную избирательную комиссию

полномочий окружной, первая комиссия не меняет своей природы, но правомочна действовать от имени окружной, реализуя ее права и обязанности. Это не умаляет избирательные права российских граждан, но нарушает принцип самостоятельной компетенции избирательных комиссий каждого уровня.

Законность деятельности территориальных избирательных комиссий, на которые возложены полномочия окружных, являлась предметом рассмотрения судебных органов. При выборах главы муниципальной образования Таштыпский район Республики Хакасия в 2007 г. один из кандидатов просил суд признать решения муниципальной избирательной комиссии Таштыпского района, полномочия которой осуществляются территориальной избирательной комиссией Таштыпского района, недействительными. Суд, рассмотрев обстоятельства дела, признал решения муниципальной избирательной комиссии Таштыпского района, полномочия которой были возложены на территориальную комиссию решением избирательной комиссии Республики Хакасия, законными¹⁸.

В ходе избирательной кампании по выборам депутатов Совета депутатов г. Новосибирска, прошедшей в декабре 2009 г. - марте 2010 г., несколько кандидатов обратились в районные суды по поводу признания незаконными действий окружных избирательных комиссий в связи с их формированием в порядке, не предусмотренном законом. Так, кандидат П, балотирующийся по избирательному округу № 2, заявил, что законами Новосибирской области «предусмотрено формирование окружной избирательной комиссии, а не наделение полномочиями... Незаконная деятельность избирательной комиссии нарушает его избирательные права»¹⁹. В заявлении о признании деятельности окружной избирательной комиссии № 19 незаконной, кандидат в депутаты Ч. отмечал, что «окружная избирательная комиссия не формировалась и не существует», «наделение территориальной избирательной комиссии полномочиями окружной избирательной комиссии противоречит требованиям закона и основано на ненадлежащем толковании закона»²⁰.

В обоих случаях заявителям было отказано в заявленных требованиях по причине соответствия закону процедуры возложения полномочий окружной избирательной комиссии на территориальную избирательную комиссию. В решении суда отмечалось: «совокупность указанных (заявителем – А.М.) норм закона позволяет прийти к убеждению, что формирование окружных избирательных комиссий при проведении выборов по одномандатным округам не является обязательным. Законодатель, определяя систему избирательных комиссий, предусмотрел возможность не формирования окружных избирательных комиссий, а возложения их полномочий на иные избирательные комиссии»²¹. Также делался вывод о непредставлении суду доказательств того, что процедура возложения полномочий нарушила права заявителей.

Попытка оспорить возможность возложения полномочий одной избирательной комиссии на другую была предпринята в ходе выборов депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Хакасия. В Верховный суд Республики Хакасия поступило заявление об отмене решения Избирательной комиссии Республики Хакасия от 11 декабря 2006 г. «О возложении полномочий окружных изби-

15 Сборник нормативных правовых актов Новосибирского областного Совета депутатов. 2006. № 3(26). Ст. 261.

16 Постановление Избирательной комиссии Новосибирской области от 29 мая 2015 г. № 66/510-5 «О возложении полномочий окружных избирательных комиссий одномандатных избирательных округов по выборам депутатов Совета депутатов города Новосибирска шестого созыва на территориальные избирательные комиссии районов города Новосибирска» // Информационный портал Новосибирской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novosibirsk.regnews.org/law/nq/c5.htm> (дата обращения: 25 июня 2015 г.).

17 Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр ПРЕСС», 2004. С. 211-212.

18 Решение Таштыпского районного суда Республики Хакасия от 26 января 2007 г. // Избирательное право и избирательный процесс в решениях районных и городских судов Республики Хакасия, Верховного Суда Республики Хакасия и Верховного Суда Российской Федерации (2006-2007) / сост. О. С. Куюкова, А. О. Шульбаев. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 101-117.

19 Решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 13 марта 2010 г.

20 Дело № 2-1387/10 // Архив Ленинского районного суда г. Новосибирска. Л. 2.

21 Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска от 16 марта 2010 г. по делу № 2-1387/10 // Архив Ленинского районного суда г. Новосибирска.

рательных комиссий по выборам депутатов представительных органов муниципальных образований на территориальные избирательные комиссии в Республике Хакасия». Заявитель обосновывал свои требования тем, что это решение нарушает избирательные права граждан, проживающих на территории Республики. Суд отказал в удовлетворении требований²².

Анализ обстоятельств этих дел позволяет сделать вывод, что заявители не смогли в полной мере обосновать свои требования. Они ограничились лишь констатацией факта нарушения их субъективных избирательных прав. Утверждение заявителей о том, что нарушен закон, предусматривающий формирование окружных избирательных комиссий, лишено оснований, так как процедура возложения полномочий упоминается как в федеральном, так и в региональном законодательстве. Заявителям было необходимо обратить внимание на организационно-правовые основы организации избирательного процесса, которые могут быть нарушены либо не полностью реализованы вследствие использования возложения полномочий.

Недостаточно четкое законодательное регулирование процесса возложения полномочий одной избирательной комиссии на другую является следствием непродуманности функционального назначения избирательных комиссий отдельных уровней. Это приводит к проявлению в их системе при проведении конкретных выборов внутренних противоречий. Все постоянно действующие избирательные комиссии условно можно разделить на две группы: избирательные комиссии, являющиеся органами государства, и избирательные комиссии, являющиеся муниципальными органами. Система избирательных комиссий, организующих проведение выборов органов государственной власти, представлена только избирательными органами, являющимися органами государства. Например, выборы Президента Российской Федерации организуются и проводятся Центральной избирательной комиссией, избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации, территориальными избирательными комиссиями. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Центральной избирательной комиссией, избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации, территориальными избирательными комиссиями.

Нарушение принципов соподчиненности избирательных комиссий и взаимной независимости органов государства и муниципальных органов происходит при проведении выборов органов местного самоуправления. Так, выборы глав муниципальных образований организуются и проводятся муниципальными избирательными комиссиями и территориальными избирательными комиссиями районов города. То есть на практике происходит нарушение принципа независимости местного самоуправления: территориальная избирательная комиссия, являющаяся органом государства, подчиняется муниципальной избирательной комиссии.

Проведенный анализ системы избирательных комиссий позволяет сделать вывод о необходимости ее дальнейшего совершенствования. Необходимо более четко на законодательном уровне регламентировать процесс применения законодательного положения «возложения на одну избирательную комиссию полномочий другой». В настоящее время законодатель ограничивается лишь упоминанием возможности использования этого института в определенных случаях. Было бы желательно на уровне законодательства субъектов изначально закреплять исчерпывающий перечень избирательных комиссий, на которые могут быть возложены полномочия другой избирательной комиссии, и избирательные комиссии, полномочия которых могут возлагаться на иные комиссии. Более того, было бы разумным предусмотреть использование

положения о возложении полномочий только при создании нового муниципального образования. В этом случае полномочия избирательной комиссии данного муниципального образования по решению избирательной комиссии субъекта Российской Федерации могут быть возложены на территориальную комиссию.

Как было отмечено выше, формулировка «возложение полномочий» не вполне корректна. Возможность работы одной избирательной комиссии в качестве другой может закрепляться при определении ее статуса. Например, в законах субъектов необходимо закрепить, что территориальные комиссии районов административного центра субъекта Российской Федерации при проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления действуют в качестве окружных избирательных комиссий. Реализация данного предложения если и не ликвидирует внутреннюю противоречивость системы избирательных комиссий, то уменьшит ее влияние на правовой статус отдельных избирательных комиссий, на организационные основы их деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Белоусова Е. В. Избирательная комиссия муниципального образования - муниципальный орган с неопределенным статусом // Российский юридический журнал. 2010. № 4.
2. Белявская М. С. Конституционно-правовой статус избирательных комиссий, осуществляющих подготовку и проведение муниципальных выборов в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009.
3. Гумашвили Л. Э. К вопросу об основах статуса избирательных комиссий муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. № 3.
4. Демьянов Е. В., Мухачев И. В. Система избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11.
5. Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М.: Весь Мир, 1996.
6. Избирательное право и избирательный процесс в решениях районных и городских судов Республики Хакасия, Верховного Суда Республики Хакасия и Верховного Суда Российской Федерации (2006-2007) / сост. О. С. Кулюкова, А. О. Шульбаев. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008.
7. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр ПРЕСС», 2004.
8. Митин Г. Н. Отдельные особенности обеспечения деятельности избирательных комиссий муниципальных образований в РФ // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7.
9. Мушкетов К. М. Правовой статус избирательных комиссий в РФ: к вопросу о соотношении норм конституционного и гражданского права // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 3 (17).
10. Прокопьев Д. В. О возложении полномочий отдельных избирательных комиссий на иные избирательные комиссии // Особенности реализации избирательного законодательства на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 26-27 октября 2007 года. Тюмень: Вектор Бук, 2007.
11. Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Демократия в управлении избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11.
12. Шугрина Е. С. Некоторые организационно-правовые проблемы в работе избирательных комиссий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1.

22 Решение Верховного Суда Республики Хакасия от 12 марта 2007 г. // Избирательное право и избирательный процесс в решениях районных и городских судов Республики Хакасия, Верховного Суда Республики Хакасия и Верховного Суда Российской Федерации (2006-2007). Сост. О. С. Кулюкова, А. О. Шульбаев. Абакан: Издательство Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 145-151.

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, доцент кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета, член Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии

ДОСРОЧНЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье, на основе анализа судебной практики, проводится анализ оснований и процедуры назначения досрочных и дополнительных выборов депутатов представительных органов муниципальных образований. Автором делаются предложения, направленные на совершенствование российского законодательства. Особое внимание обращается на необходимость признания состава представительного органа муниципального образования неправомерным только в случае прекращения полномочий более половины депутатов.

Ключевые слова: избирательное право, выборы, глава муниципального образования, избирательные комиссии.

Макарцев А. А.

MAKARTSEV Andrey Alexeevich

Ph.D. in Law, associate professor, Dean of Public Sector Faculty of the Novosibirsk State University of Economics and Management, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Novosibirsk State Technical University, member of Novosibirsk municipal election committee

EARLY AND ADDITIONAL ELECTIONS: ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The article, based on an analysis of judicial practice, analyzes the reasons and procedures for the appointment of early elections of deputies and other representative bodies of municipal formations. The author makes suggestions to improve Russian legislation. Particular attention is drawn to the need to recognize the composition of representative bodies of municipalities eligible only if the termination of powers of more than half of MPs.

Keywords: electoral right, elections, Head of Municipality, election commissions.

В российской избирательной системе выделяют основные, дополнительные и досрочные выборы. Основными считаются выборы депутатов представительного органа, в результате которых этот орган формируется правомочном составе, дополнительными – выборы нового депутата представительного органа в случае досрочного прекращения полномочий депутата представительного органа. Досрочные выборы проводятся в случае досрочного прекращения полномочий органа публичной власти. К основным выборам готовятся заранее, планируя все избирательные действия. Особенностью досрочных и дополнительных выборов является то, что временные рамки их подготовки и проведения ограничены. В связи с этим увеличивается возможность ошибки, неправильного понимания положений законодательства.

Один из первых избирательных споров, разрешенных новым, сформированным в марте 2016 г.¹, составом Центральной избирательной комиссии РФ, был связан с жалобами на решения, действия (бездействие) избирательной комиссии сельского поселения Барвихинское Одинцовского муниципального района Московской области в ходе проведения досрочных выборов депутатов Совета депутатов поселения, назначенных на 24 апреля 2016 г.² Основанием назначения досрочных выборов послужило решение Московского областного суда 18 января 2016 г. по делу № 3-145/2016³, которым был признан неправомерным состав депутатов Совета депутатов сельского поселения Барвихинское Одинцовского муниципального района.

Приняв 13 февраля 2016 г. решение о назначении досрочных выборов, избирательная комиссия фактически превысила свои полномочия. Во-первых, выборы были назначены до вступления в законную силу судебного решения о признании неправомерным состава депутатов Совета депутатов сельского поселения Барвихинское. Его принятие не могло повлечь за собой досрочное прекращение полномочий депутатов представительного органа, избранных на муниципальных выборах, состоявшихся 13 сентября 2015 г. Это вытекает из содержания п. 2 ч. 16 ст. 35 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»⁴, согласно которому полномочия представительного органа муниципального образования прекращаются в случае вступления в силу решения соответственно верховного суда республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа о неправомерности данного состава депутатов представительного органа муниципального образования, в том числе в связи со сложением депутатами своих полномочий. Исходя из регулятивной части решения Московского областного суда, оно вступало в законную силу только по истечении месячного срока на апелляционное обжалование. На момент принятия решения о назначении досрочных выборов основания для этого еще не наступили.

Во-вторых, утвердив Календарный план мероприятий по подготовке и проведению досрочных выборов депутатов Совета депутатов сельского поселения⁵, избирательная комиссия, не сократив период избирательной кампании, без доста-

1 Вестник Центральной избирательной комиссии РФ. 2016. № 5 (335). С. 5-9.

2 Решение избирательной комиссии сельского поселения Барвихинское Одинцовского муниципального района Московской области от 13 февраля 2016 года № 1-1302. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://barvikha.org/news/?id=53575&t=1> (дата обращения: 1 августа 2016 г.).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mosoblsud.ru/hearing.php?hdate=18.01.2016> (дата обращения: 1 августа 2016 г.).

4 Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

5 Решение Избирательной комиссии сельского поселения Барвихинское Одинцовского муниципального района Московской области от 19 февраля 2016 г. № 1-1902 «Об утверждении календарного плана мероприятий по подготовке и проведению досрочных выборов депутатов Совета депутатов сельского поселения Барвихинское Одинцовского муниципального района Московской области 24

точных на то оснований сократила сроки ряда существенных избирательных действий (выдвижение кандидатов, предвыборная агитация на каналах телерадиовещания и в печатных изданиях, проведение досрочного голосования и др.). Например, в п. 10 Календарного плана мероприятий по подготовке и проведению досрочных выборов для избирательной комиссии поселения и суда устанавливался двухдневный срок для рассмотрения жалоб (заявлений) по вопросам включения граждан в списки избирателей, что не соответствует п. 16 ст. 17 Федерального закона от 12 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Согласно ему решение участковой комиссии об отклонении заявления о включении гражданина РФ в список избирателей может быть обжаловано в вышестоящую комиссию или в суд, которые обязаны рассмотреть жалобу (заявление) в трехдневный срок, а за три и менее дня до дня голосования и в день голосования – немедленно.

Центральная избирательная комиссия РФ, учитывая установленные нарушения при принятии решений о назначении досрочных выборов и утверждении календарного плана, и исходя из того, что нарушенные избирательные права граждан объективно восстановить не представлялось возможным, приняла решение об обязывании территориальной избирательной комиссии Одинцовского района Московской области незамедлительно отменить решения избирательной комиссии сельского поселения Барвихинское о назначении досрочных выборов⁶.

Проблемы, возникающие в связи с досрочным сложением депутатами своих полномочий, и как следствие – с принятием решений о назначении внеочередных выборов депутатов представительных органов местного самоуправления, в последнее время не являются редким исключением. Это связано как с некоторой противоречивостью законодательства в этой сфере правового регулирования, так и с политической ситуацией в конкретном муниципальном образовании. В этом контексте представляют интерес судебные решения, связанные с назначением дополнительных выборов депутатов представительных органов местного самоуправления в Новосибирской области.

13 сентября 2015 г., в единый день голосования, прошли выборы депутатов Барышевского и Морского сельсоветов Новосибирского района Новосибирской области, в результате которых в представительные органы было избрано 11 и 15 депутатов соответственно. До середины октября 2015 г. ряд депутатов добровольно сложили свои полномочия (в Барышевском сельсовете – 6, в Морском – 8), вследствие чего представительные органы оказались в неправомочном составе. Данное обстоятельство дало основание Новосибирскому областному суду для принятия, на основании административных исковых заявлений, решений о признании составов этих представительных органов неправомочными⁷.

Представительные органы муниципальных образований не согласились с позициями судебного органа и, обжаловав их в вышестоящую инстанцию, в начале декабря 2015 г. приняли

решения о назначении дополнительных выборов депутатов⁸. В последствии в судебные органы поступили административные искивые заявления Главы Морского сельсовета и одного из бывших депутатов Барышевского сельсовета о признании этих решений недействительными. В частности, обосновывая свои требования, административные истцы настаивали на нормативном характере решения о назначении выборов, вследствие чего делали вывод о том, что был нарушен установленный порядок его принятия представительным органом муниципального образования: оно не было направлено главе муниципального образования на подписание. Нормативный характер решения о назначении выборов обосновывался тем, что оно дает право неограниченному кругу лиц неоднократно реализовать свое пассивное избирательное право посредством участия в дополнительных выборах депутатов представительных органов и устанавливает обязанность для окружной комиссии организовать дополнительные выборы.

По нашему мнению, подобное толкование понятия «нормативный акт» не является верным. В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 года № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»⁹ существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. Оспариваемые решения о назначении дополнительных выборов не соответствуют названным существенным признакам нормативного правового акта, а относятся к иным правовым актам, рассчитанным на однократное применение.

Проводя анализ обстоятельств подобных дел, необходимо оценить законность процедуры принятия решений представительными органами муниципальных образований. На день, когда было принято решение о назначении дополнительных выборов, в советах муниципальных образований оставалось более половины депутатов от их общего числа. Следовательно, Советы депутатов Морского и Барышевского сельсоветов до вступления в силу решения суда о неправомочности состава, имели право принимать решения, не требующие квалифицированного большинства, к которым относятся и решения о назначении дополнительных выборов. При этом назначение и проведение в этом случае дополнительных выборов не ставится законодательством в зависимость от факта наличия (отсутствия) возбужденного в суде дела о признании неправомочным состава представительного органа.

В связи с этим суд первой инстанции, проведя анализ всех обстоятельств дела, отказал истцам в отмене решений представительных органов о назначении дополнительных выборов¹⁰. Решение, касающееся проведения дополнительных выборов депутатов Барышевского сельсовета было обжаловано в областной суд, который поддержал позицию Новосибирского районного суда¹¹.

В феврале 2016 г. Верховный суд РФ отменил решения Новосибирского областного суда о признании состава советов депутатов советов Барышевского и Морского сельсоветов не-

апреля 2016 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://barvikha.org/news/?id=51012> (дата обращения: 5 августа 2016 г.).

6 Постановление Центральной избирательной комиссии от 20 апреля 2016 г. № 4/28-7 «О жалобах на решения, действия (бездействие) избирательной комиссии сельского поселения Барвихинское Одинцовского муниципального района Московской области, территориальной избирательной комиссии Одинцовского района Московской области и Избирательной комиссии Московской области, иных обращениях в связи с проведением досрочных выборов депутатов сельского поселения Барвихинское Одинцовского муниципального района Московской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cikrf.ru/law/decrees_of_cec/2016/04/20/4-28-7.html (дата обращения: 1 августа 2016 г.).

7 Решение Новосибирского областного суда от 12 ноября 2015 г. о признании состава Совета депутатов Морского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области пятого созыва неправомочным // Архив Новосибирского областного суда. Д. № 35а-243/2015; Решение Новосибирского областного суда от 26 октября 2015 г. № 3а-156/2015 о признании состава Совета депутатов Барышевского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области пятого созыва неправомочным // Архив Новосибирского областного суда. Д. № 3а-156/2015.

8 Решение Совета депутатов Морского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области № 4 от 09.12.2015 г. «О назначении дополнительных выборов депутатов Совета депутатов Морского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области пятого созыва по многомандатному избирательному округу № 1» // Приобская правда от 11 декабря 2015 г.; Решение Совета депутатов Барышевского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области от декабря 2015 г. № 3 // Моё село от 3 декабря 2016 г.

9 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

10 Решение Новосибирского районного суда Новосибирской области от 19 января 2016 г. Дело № 2А-893/16 (Барышевский сельсовет); Решение Новосибирского районного суда Новосибирской области от 18 января 2016 г. Дело № 2а-771/16 (Морской сельсовет).

11 Апелляционное определение Судебная коллегия по административным делам Новосибирского областного суда по делу № 33а-1928-2016 г.

правомочным¹². Обосновывая свое решение, Верховный суд отметил, что на территории муниципальных образований были в установленные законом сроки, назначены и проведены дополнительные выборы, в результате которых численность депутатов представительных органов стала соответствовать закрепленной в уставах муниципальных образований. При таких обстоятельствах основания для признания состава представительных органов неправомочным отсутствуют.

Одной из причин возникновения вышеописанных ситуаций является внесение в 2015 г.¹³ изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», расширяющих возможные варианты замещения должности главы муниципального образования за счет его избрания представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Закрепление законом субъекта РФ этого способа замещения должности главы муниципального образования повышает роль представительных органов, и как следствие – делает избирательную кампанию по избранию депутатов более острой. Именно это подтверждают выборы депутатов Микурицкого сельсовета Новосибирского района Новосибирской области, прошедшие в июле-сентябре 2015 г., результаты которых были отменены судом в связи с нарушением избирательного законодательства. Основанием принятия этого решения являлось то, что в ходе избирательной кампании муниципальная избирательная комиссия, несмотря на решение Верховного Суда РФ о восстановлении двух кандидатов и указания вышестоящих избирательных комиссий, проводила выборы по старым избирательным бюллетеням¹⁴. Вследствие этого результаты голосования были отменены и 31 января 2016 г. прошли повторные выборы, в которых приняло участие 25 кандидатов при явке избирателей 53,31%¹⁵.

Важная роль представительного органа в процессе выборов главы муниципального образования повышает значение политического состава депутатского корпуса. Именно депутаты в соответствии с законодательством принимают решение о составе конкурсных комиссий, участвуют в избрании высшего должностного лица муниципального образования. На практике это приводит к тому, что когда на основных выборах сформирован депутатский корпус, состав которого не удовлетворяет одну из сторон политической борьбы, депутаты, связанные с последней, подают заявления о сложении полномочий. Именно подобная ситуация сложилась после выборов депутатов Барышевского сельсовета, когда с 13 сентября до 8 октября 2015 г. от депутатских мандатов отказалось шесть из пятнадцати депутатов.

Подводя выводы необходимо отметить, между положениями федерального законодательства, касающимися признания состава представительных органов муниципальных образований неправомочным и возможностью принятия представительным органом решения более 50 % голосов от общего числа избранных депутатов, существуют некоторые несоответствия. Это является следствием того, что муниципальные выборы находятся под двойным правовым воздействием – избирательного законодательства и законодательства о местном самоуправлении¹⁶. При сложении менее половины депутатами своих полномочий, полномочия представительного органа

муниципального образования до вступления в силу решения суда о неправомочности его состава не могут быть прекращены. Как следствие - представительный орган может принимать решения о назначении дополнительных выборов по округам, по которым депутаты сложили свои полномочия.

В приведенных выше случаях это несоответствие, выраженное в установленной законодательством «вилке» сроков признания состава представительных органов неправомочным и назначением дополнительных выборов, было разрешено судебными органами, и являлось средством сохранения в отдельных муниципальных образованиях общественно-политической стабильности. Ведь любые выборы в той или иной степени являются политическим кризисом, который находит проявление в политической борьбе, дестабилизации общественно-политической системы. Нарушаются основополагающие принципы Конституции РФ, политико-правовой потенциал которой еще не реализован в полной мере¹⁷, направленные на развитие демократии на основе сочетания и взаимодействия публичных и личных интересов¹⁸. Подобные положения законодательства позволили сэкономить бюджетные средства, которые могли быть направлены на проведение полноценной избирательной кампании по выборам всех депутатов представительного органа. Фактически, неточность в законодательстве предоставила возможность минимизировать последствия сложения депутатами своих полномочий за счет проведения выборов в отдельных избирательных округах.

С целью исключить повторения подобных ситуаций в будущем появляется необходимость привести в соответствие друг другу положения различных законодательных актов: внести в федеральное законодательство изменения, касающиеся признания состава представительных органов муниципальных образований неправомочным только в случае прекращения полномочий более половины от общей численности депутатов. Необходимость этого определяется тем, что в рамках действующего законодательства принятие судом решения о признании состава представительного органа неправомочным теряет смысл. Ведь соответствующий орган всегда может до вступления судебного решения в силу назначить дополнительные выборы по отдельным избирательным округам, итоги по которым будут подведены до рассмотрения апелляции в Верховном суде РФ. Более того, возможна ситуация, когда решение о признании состава представительного органа неправомочным вступит в силу в разгар избирательной кампании, ведь необходимо признать, что принятие Верховным Судом решения об отмене решения Новосибирского областного суда имело в большей степени политический характер и было направлено на легитимацию результатов проведенных в муниципальных образованиях дополнительных выборов.

Приставленный библиографический список

- 12 Апелляционное определение Верховного суда РФ от 4 февраля 2016 г. № 67-АПГ1563 (Барышевский сельсовет); Апелляционное определение Верховного суда РФ от 17 февраля 2016 г. № 67-АПГ15-64 (Морской сельсовет).
- 13 Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 886.
- 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novosibirsk.rusplt.ru/index/vyiboryi-v-michurinskome-selsovete-priznaniy-nedeystvitelnymi-431326.html> (дата обращения: 30 мая 2016 г.).
- 15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.izbirkomnso.ru/elections_2016/1781 (дата обращения: 5 августа 2016 г.).
- 16 Вискулова В. В. О гарантиях избирательных прав граждан при проведении муниципальных выборов вследствие преобразования муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 56.

1. Вискулова В. В. О гарантиях избирательных прав граждан при проведении муниципальных выборов вследствие преобразования муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 56-58.
2. Выдрин И. В. Российское избирательное право // Вопросы теории и практики публичной власти: Коллект. моногр. / Отв. ред. А. Н. Кокотов. Екатеринбург, 2005. 254 с.
3. Шерстобоев О. Н. Теория интереса в административно-правовом измерении: на примере высылки иностранных граждан за пределы принимающего государства // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 99-108.
4. Юсубов Э. С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 13-16.

- 17 Юсубов Э. С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 13.
- 18 Шерстобоев О. Н. Теория интереса в административно-правовом измерении: на примере высылки иностранных граждан за пределы принимающего государства // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 99.

КЛЕМЕНТЬЕВ Алексей Петрович

аспирант кафедры публичного и международного частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ЛИКВИДАЦИОННЫЙ НЕТТИНГ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ НЕТТИНГА НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ

В статье описываются различные виды неттинга на финансовых рынках, среди которых выделяются платежный, новационный и ликвидационный неттинг. Особое внимание уделяется анализу ликвидационного неттинга как способу прекращения обязательств по финансовым контрактам в случае начала процедур банкротства или наступления иных оснований досрочного прекращения сделок.

Ключевые слова: неттинг, финансовые рынки, прекращение обязательств, виды неттинга, ликвидационный неттинг.

KLEMENTJEV Alexey Petrovich

postgraduate student of International public and private law sub-faculty of the National Research University «Higher School of Economics»

Клементьев А. П.

CLOSE-OUT NETTING AS ONE OF THE TYPES OF NETTING IN FINANCIAL MARKETS

Various types of netting in financial markets including payment netting, netting by novation and close-out netting are described in the article. The main attention is paid to the analysis of netting by close-out as a method of financial contacts termination in case of commencement of insolvency procedures and the occurrence of other termination events.

Keywords: netting, financial markets, termination of obligations, types of netting, close-out netting.

Термин «неттинг» стал широко применяться в практике финансовых рынков во второй половине 20-го века с развитием биржевой, клиринговой и компьютерной инфраструктуры. Первым полноценным исследованием, посвященным неттингу, стал опубликованный в 1989 году Доклад о схемах неттинга, подготовленный Группой международных экспертов по платежным системам под эгидой Банка международных расчетов¹ (далее – «Доклад о схемах неттинга»). Целью Доклада о схемах неттинга являлась оценка влияния неттинга на функционирование международных финансовых рынков и платежных систем, а также описание воздействия данного механизма на риски банковского сектора. На основе правового анализа было выделено несколько разновидностей неттинга, в частности платежный неттинг, новационный неттинг и неттинг с закрытием позиций (ликвидационный неттинг).

Выделение приведенных выше трех разновидностей неттинга на основании их сущностных характеристик стала традиционной, однако классификация неттинга может быть осуществлена и по иным основаниям. По месту проведения можно выделить внебиржевой и биржевой неттинг – правила торгов и клиринга фондовых, валютных и товарных бирж используют неттинг для проведения расчетов. В то же самое время неттинг может быть использован и в рамках внебиржевых сделок, а его условия могут устанавливаться соглашением сторон. В свою очередь, внебиржевой неттинг может осуществляться на основе стандартной документации, подготовленной профессиональными объединениями и ассоциациями, и путем заключения индивидуальных соглашений, разработанных самими сторонами сделок.

По количеству сторон неттинга можно выделить двухсторонний и многосторонний неттинг. Необходимо отметить, что многосторонний неттинг используется в рамках биржевых торгов, при которых расчеты осуществляются при помощи центрального контрагента. По наличию или отсутствию иностранного элемента в правоотношении неттинг подразделяется на внутренний и трансграничный неттинг. Последний является наиболее сложным с правовой точки зрения, поскольку находится в сфере действия как минимум двух правовых систем. В зависимости от события, послужившего причиной для прекращения обязательств неттингом, можно выделить «регулярный» и ликвидационный неттинг. Если первый проводится при обычном взаимодействии сторон, то второй связан с событием неисполнения обязательств как минимум одной из сторон финансовых сделок.

Остановимся на видах неттинга, приведенных в Докладе о схемах неттинга, более подробно. Платежный неттинг (settlement netting) используется в отношении однородных обязательств, срок платежа или исполнения по которым приходится на один и тот же день. В дату исполнения сделок одна из сторон перечисляет другой стороне разницу между двумя обязательствами, причем, вплоть до момента наступления срока платежа или поставки, обязательства по сделкам существуют в полном объеме. Причиной появления платежного неттинга является сложность организации одновременных расчетов между участниками финансовых рынков в одну и ту же дату. Таким образом, платежный неттинг уменьшает риск неплатежа в силу того, что в определенную дату лишь одна из сторон будет осуществлять перечисление денежных средств или поставку ценных бумаг.

В стандартной документации на финансовых рынках используется две разновидности платежного неттинга – простой платежный неттинг и комплексный платежный неттинг. От-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bis.org/cpmi/publ/do2.pdf> (дата обращения: 08.08.2017 г.).

личие между ними состоит в количестве сделок, обязательства по которым прекращаются неттингом. Если при проведении простого платежного неттинга взаимозачету подлежат требования в рамках одной сделки, то предметом комплексного неттинга становятся требования из нескольких сделок, что специально оговаривается в соответствующем соглашении сторон. Примером применения платежного неттинга может служить стандартная документация на рынке производных финансовых инструментов. Примерные условия договора о срочных сделках на финансовых рынках 2011 года, утвержденные Саморегулируемой (некоммерческой) организацией «Национальная ассоциация участников фондового рынка» (далее – «Примерные условия»)², предусматривают возможность использования как простого, так и комплексного платежного неттинга.

Новационный неттинг (неттинг новацией) также применяется по отношению к однородным обязательствам с одинаковой датой исполнения, но юридически механизмы действия новационного и платежного неттинга различны. При новационном неттинге требования по нескольким однородным сделкам заменяются нетто-обязательством, причем такая «новация» происходит до даты наступления срока исполнения сделок, в отношении которых применяется неттинг. Необходимо отметить, что новационный неттинг более предпочтителен с точки зрения управления финансовыми рисками, чем платежный неттинг. Последний способен снизить так называемый платежный риск, то есть вероятность наступления ситуации, при которой у в целом платежеспособного контрагента не окажется достаточных средств в конкретной валюте в определенную дату.

Новационный неттинг не только снижает платежный риск, но и уменьшает кредитный риск, то есть риск неисполнения обязательств по причине неплатежеспособности стороны. Применение новационного неттинга происходит автоматически в тот момент, когда компьютерные системы биржи или внутренние системы участников финансовых сделок фиксируют наличие однородных обязательств с одинаковой датой исполнения. При этом новационный неттинг может применяться многократно, в особенности если это касается клиринговых систем и палат, для которых данная разновидность неттинга выступает основой деятельности.

Ликвидационный неттинг, также известный как дефолтный неттинг или неттинг с закрытием, является договорным способом прекращения обязательств по финансовым сделкам, используемым при наступлении случаев неисполнения обязательств. Сферой применения ликвидационного неттинга выступают заключаемые на биржевых торгах и внебиржевом рынке сделки с производными финансовыми инструментами, договоры репо, конверсионные сделки и договоры займа ценными бумагами. Зачастую, вместо непосредственного определения ликвидационного неттинга, в нормативных документах и доктринальных дефинициях используется понятие «условие о ликвидационном неттинге».

По мнению В. Н. Липовцева, условием о ликвидационном неттинге является договоренность сторон о том, что при наступлении определенного события, обязательства сторон по договору будут прекращены и зачтены в порядке, предусмотренном соглашением, и заменены новым единственным обязательством одной из сторон по выплате денежной суммы, представляющую собой разницу между ранее существо-

вавшими взаимными обязательствами³. Как полагает П. В. Вишневецкий, используемое в одном из международных актов, направленных на гармонизацию отношений в области ликвидационного неттинга определение условия о неттинге является достаточно громоздким, однако такая «громоздкость» позволяет покрыть наибольшее количество применяемых на практике договорных условий⁴.

Согласно публикации Международной ассоциации по свопам и дериватам ликвидационный неттинг включает в себя три этапа: прекращение, оценка и выявление нетто-баланса⁵. Прекращение обязательств является первой стадией ликвидационного неттинга и осуществляется в отношении всех или части финансовых сделок. При этом прекращение сделок может осуществляться автоматически или путем направления соответствующего уведомления одной из сторон. Автоматическое прекращение сделок может использоваться в том случае, когда законодательство о банкротстве не допускает отмену заключенных несостоятельным должником контрактов после введения процедур банкротства.

Второй стадией ликвидационного неттинга является оценка или калькуляция взаимных требований сторон, которая предполагает вычисление стоимости прекращенных сделок на основе заранее согласованной методологии и перевод полученных величин в единую валюту. Таким образом, вместо множества разнонаправленных сделок, в результате применения ликвидационного неттинга возникает два взаимных требования сторон. Заключительной стадией ликвидационного неттинга является вычисление нетто-баланса, то есть простое арифметическое вычитание меньшей суммы из большей, которая приводит к образованию нетто-обязательства.

Необходимо отметить, что для начала процедуры ликвидационного неттинга требуется наличие событий неисполнения или прекращения обязательств по финансовым сделкам. Как справедливо указывает А. С. Селивановский⁶, ликвидационный неттинг применяется при наступлении определенных соглашением событий, которые могут быть вызваны действиями сторон или являться событиями общеэкономического характера. Так, основаниями осуществления ликвидационного неттинга могут быть несостоятельность контрагента (введение одной из процедур банкротства), отзыв лицензии, просрочка платежа, смена контроля, ухудшение налогового регулирования и иные обстоятельства и события, которые могут привести к неспособности надлежащим образом исполнять обязательства из финансовых сделок.

Представляется возможным выделить следующие существенные черты ликвидационного неттинга. Во-первых, ликвидационный неттинг, как следует из его названия, является разновидностью неттинга, т.е. видовым понятием по отношению к родовому понятию «неттинг». Во-вторых, неттинг с закрытием является способом прекращения обязательств и именно в этом состоит его юридическая природа. На момент проведения неттинга существует некоторое количество финансовых сделок, обязательства из которых прекращаются автоматиче-

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spfi.info/files/ModelProvisions2011v2.pdf> (дата обращения: 08.08.2017 г.).

3 Липовцев В. Н. Lex mercatoria и рынок ценных бумаг новеллы правового регулирования // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 116.

4 Вишневецкий П. Н. Правоотношения на международном финансовом рынке // Международное право и международные организации. 2014. № 3. С. 405.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ebrd.com/downloads/research/law/lit12eg.pdf>.

6 Селивановский А. С. Зачет, взаимозачет, неттинг? // Хозяйство и право. 2009. № 9. С. 60.

ски или путем направления уведомления о прекращении или акселерации сделок.

Для включения обязательств в рамки ликвидационного неттинга необходимо, чтобы они охватывались соглашением о неттинге или возникали из сделок, совершенных на бирже, внутренние документы которой предусматривают возможность прекращения обязательств ликвидационным неттингом, а также возможность их конвертации в денежное обязательство. Во-вторых, ликвидационный неттинг носит договорный характер и не производится в силу прямого указания закона или какого-либо государственного органа. Положения о неттинге могут быть установлены непосредственно соглашением сторон или же применимыми правилами торгов или клиринга, в том случае, если финансовые сделки заключаются на бирже.

В-четвертых, в большинстве случаев ликвидационный неттинг неразрывно связан с банкротством. Ликвидационный неттинг используется в результате введения процедур банкротства в отношении одной из сторон либо обеих финансовых сделок. В том случае, если процедура ликвидационного неттинга была начата по иному основанию, то с высокой долей вероятности требование, возникшее в результате ее осуществления, будет рассматриваться в рамках банкротства. Наконец, применение ликвидационного неттинга способствует уменьшению риска неисполнения обязательств по финансовым контрактам и, как следствие положительно сказывается на функционировании всей финансовой системы, вследствие чего законодательства многих стран предоставляют неттингу законодательную защиту⁷. Полагаясь на данный механизм, участники финансовых рынков способны уменьшить суммы задолженности, которая заявляется в ходе процедур банкротства⁸.

От иных разновидностей неттинга, таких как платежный и новационный неттинг, ликвидационный неттинг отличается тем, что данный механизм применяется исключительно при наступлении события, прямо или косвенно связанного с неплатежеспособностью контрагента. Таким образом, ликвидационный неттинг носит «чрезвычайный» характер, в то время как иные виды неттинга используются в ходе обычного взаимодействия сторон финансовых сделок с целью уменьшения рисков и минимизации расчетов. Кроме того, ликвидационный неттинг носит комплексный, многоэтапный характер, чего нельзя сказать о новационном и платежном неттинге.

В то же время обычные процедуры неттинга теряют свое значение в том случае, если наступление неплатежеспособности одной из сторон препятствует их применению. Для того, чтобы стороны финансовых сделок могли извлечь выгоду из применения неттинга в рамках своей обычной деятельности, не связанной с наступлением событий неисполнения сделок, необходимо распространение неттинга и на случаи банкротства контрагентов. Таким образом, ликвидационный неттинг естественным образом дополняет иные виды неттинга и служит целям полноценного и бесперебойного функционирования финансовых рынков при чрезвычайных обстоятельствах.

Приставейный библиографический список

1. Вишневецкий П. Н. Правоотношения на международном финансовом рынке // Международное право и международные организации. 2014. № 3. С. 397–420.
2. Греков М. Н. Правовая природа неттинга в деривативных договорах // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 84–91.
3. Липовцев В. Н. Lex mercatoria и рынок ценных бумаг новеллы правового регулирования // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 114–117.
4. Липовцев В. Н. Ликвидационный неттинг- проблемы нового регулирования // Рынок ценных бумаг. 2011. № 12. С. 30–32.
5. Селивановский А. С. Зачет, взаимозачет, неттинг? // Хозяйство и право. 2009. № 9. С. 57–61.

7 Греков М. Н. Правовая природа неттинга в деривативных договорах // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 85.

8 Липовцев В. Н. Ликвидационный неттинг-проблемы нового регулирования // Рынок ценных бумаг. 2011. № 12. С. 30.

ЧЕХА Вадим Витальевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник управления правового и кадрового обеспечения
Россотрудничества

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» КАК ИСТОЧНИК ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Статья посвящена актуальной теме правового регулирования финансирования образования. В связи с этим в статье подробно раскрывается роль Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», рассматриваемого автором как нормативный правовой акт, содержащий финансово-правовые нормы. Значение Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и других отраслевых законов в системе регулирования финансирования той или иной отрасли возможно назвать адаптационной, то есть обеспечивающей учет особенностей отрасли в процессе финансирования ее деятельности за счет бюджетов различных уровней.

Ключевые слова: бюджет, финансирование образования, источник финансового права, финансово-правовые нормы, пограничные институты, платные образовательные услуги, адаптация.

СНЕКНА Vadim Vitaljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Department legal and staffing of Rossotrudnichestvo

Чеха В. В.

FEDERAL LAW «ABOUT EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION» AS SOURCE OF THE FINANCIAL RIGHT

Article is devoted to a hot topic of legal regulation of financing of education. In this regard in article the role of the Federal law "About Education in the Russian Federation" considered by the author as the regulatory legal act containing financial precepts of law in detail reveals. It is possible to call value of the Federal law "About Education in the Russian Federation" and other industry laws in the system of regulation of financing of this or that branch the adaptation, that is providing account features of branch in the course of financing of her activity at the expense of budgets of various levels.

Keywords: budget, financing of education, source of the financial right, financial precepts of law, boundary institutes, paid educational services, adaptation.

Проблемы, связанные с финансированием образования приобретают все большую актуальность в настоящее время. В связи с этим важным видится выявление значения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в системе регулирования финансирования образования.

Н. И. Химичева отмечала, что «среди источников финансового права немало таких, которые содержат нормы и других отраслей права — конституционного, административного, гражданского и др.¹».

Данная позиция в полной мере отражается в сфере финансирования образования. В первую очередь речь идет о федеральных законах, регламентирующих сферу образования. Не случайно А. Н. Козырин в свое время отмечал, что «в отдельных случаях финансово-правовые нормы могут содержаться в источниках образовательного права²».

Федеральные законы, регламентирующие сферу образования возможно разделить на три группы:

- Федеральные законы, относящиеся к законодательству об образовании;
- Федеральные законы, регламентирующие статус государственных и муниципальных образовательных организаций;
- Федеральные законы, регламентирующие статус органов управления образованием.

В рамках первой группы особая роль принадлежит Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», который в настоящее время исчерпывающим образом регламентирует все вопросы, связанные с образованием.

По своему статусу и значению Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» коррелирует с БК РФ, выступая своего рода «образовательным кодексом». Подтверждением данной корреляции выступает наличие и в БК РФ в Главе 5 и в Фе-

деральном законе «Об образовании в Российской Федерации» – в статье 3 принципов, лежащих в основе правового регулирования. Значение принципов права заключается в том, что они «обладают настолько мощным регулятивным потенциалом, что способны самостоятельно брать на себя регулирующую нагрузку, даже в тех случаях, когда отсутствуют иные правовые предписания»³.

Однако если БК РФ регламентирует строго определенную сферу со своими отраслевыми границами, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» включает множество норм, относящихся к различным отраслям права, включая финансовое.

Анализ текста Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» свидетельствует о том, что он включает в себя нормы, регламентирующие имущественные, трудовые, финансовые и иные отношения в сфере образования. Следовательно, в рамках комплексного правового явления, составляющего правовое регулирование сферы образования, бюджетное законодательство взаимодействует с образовательным законодательством в части регулирования финансирования образования. В свое время С. В. Поленовой была выдвинута концепция так называемых «пограничных» институтов, которые возникают как следствие тесного смыкания и известного взаимодействия на определенном участке предметов регулирования смежных однородных отраслей права. В результате на границе указанных отраслей образуются зоны, регламентирующие единое по существу общественное отношение, обладающее, однако, в определенных своих частях оттенками, модификациями, обусловленными спецификой той или иной отрасли.

В процессе специализации, то есть развития «пограничных» институтов в сторону той или иной отрасли нередко наступает момент, когда число «материнских» и заимствованных черт как бы уравнивается. Если состояние подобного равновесия длится достаточно долго, возможна своеобразная мутация взаимодействующих в рамках данного комплексного института черт смежных однородных отраслей права⁴.

1 Химичева Н. И. Финансовое право 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 39.

2 Козырин А. Н. Финансово-правовая проблематика регионального законодательства об образовании. Финансирование образования: организационно-правовые проблемы. Сборник статей / Под ред. А. Н. Козырина. М.: Центр образовательного законодательства Минобрнауки России, 2002. С. 4.

3 Кашанина Т. В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2014. С. 89.

4 Поленова С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 7.

С. С. Алексеев также отметил формирование смешанных институтов, которые образуются на стыках отдельных правовых сфер, в точках их соприкосновения и при этом, отражают генетические и функциональные связи между правовыми институтами, отраслями⁵.

Совершенно очевидно, что Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» как раз представляет собой определенную стадию развития не одного а множества «пограничных» институтов. При этом данные институты в рамках образовательного законодательства пошли дальше по сравнению пограничными институтами в рамках однородных отраслей.

Например, регулирование платных образовательных услуг явным образом предполагает применение норм гражданского права, особенно в части их основы - договора. В этом возможно согласиться с В. В. Кваниной в том, что указанные имущественные и неимущественные отношения – гражданско-правовые, так как субъекты данных отношений, во-первых, юридически равны; во-вторых, имущественно обособлены; в-третьих, обладают автономной волей (не зависят от воли контрагента в принятии решения и их осуществлении)⁶.

В то же время, условия порождающие возможность предоставления платных образовательных услуг, использование полученных от платных образовательных услуг средств относится к сфере, регулируемой финансовым правом. Так, Правила оказания платных образовательных услуг, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 15.08.2013 № 706 в пункте 3 предусматривают, что платные образовательные услуги не могут быть оказаны вместо образовательной деятельности, финансовое обеспечение которой осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов.

Согласно пункту 4 указанных Правил организации, осуществляющие образовательную деятельность за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, вправе осуществлять за счет средств физических и (или) юридических лиц платные образовательные услуги, не предусмотренные установленным государственным или муниципальным заданием либо соглашением о предоставлении субсидии на возмещение затрат, на одинаковых при оказании одних и тех же услуг условиях.

Тем не менее, возникает вопрос о том, относится ли Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» к бюджетному законодательству? С одной стороны, данный закон комплексно регламентирует сферу образования, с другой стороны - он содержит финансово-правовые нормы, в частности статьи 99 и 100, регламентирующие особенности финансового обеспечения образовательных организаций, в том числе порядок установления нормативных затрат на оказание государственной или муниципальной услуги в сфере образования. Ю. А. Крохина отмечала, что в системе российского законодательства различные нормативные правовые акты не в одинаковой степени являются источниками финансового права... некоторые из них входят в круг финансово-правовых отношений в полном объеме, в то время как другие содержат только отдельные нормы, направленные на регулирование публичных финансовых отношений⁷.

Согласно части 1 статьи 99 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» финансовое обеспечение оказания государственных и муниципальных услуг в сфере образования в Российской Федерации осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и с учетом особенностей, установленных указанным федеральным законом.

В связи с этим, значение указанного закона для регулирования финансирования образования можно охарактеризовать словами С. В. Запольского, который указал, что «финансами можно именовать только те отношения, которые возникли «под сенью закона», причем закона не финансового, а имеющего другую отраслевую принадлежность. Роль же финансового права состоит в «чистовой обработке» финансовых отношений, в доведении их до оптимума⁸».

Таким образом, очевидна роль Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» – устанавливать особенности финансирования сферы образования из бюджетов различных уровней, не предусмотренные в БК РФ и в других федеральных законах.

Финансово-правовые нормы, содержащиеся в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» органично дополняют БК РФ и иные акты финансового законодательства. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» выступает полноценным источником правового регулирования финансирования образования.

Характерная особенность Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и других законов, регламентирующих особенности той или иной отрасли состоит в том, что они регламентируют вопросы финансирования с учетом особенностей функционирования и развития данной отрасли. Такого рода регулирование необходимо чтобы обеспечить учет особенностей отрасли в процессе финансирования ее деятельности за счет бюджета.

Так, например, статья 99 Федерального закона «Об образовании» регулирует вопросы, связанные с установлением положений, включаемых в нормативные затраты на оказание государственных или муниципальных услуг в сфере образования. Функцию федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и других отраслевых законов в системе регулирования финансирования той или иной отрасли возможно назвать адаптационной.

Термин «Адаптация» определяется как «приспособление организма к изменяющимся внешним условиям⁹». Включение финансово-правовых норм в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» обеспечивает адаптацию всей отрасли образования к процессу выделения, распределения и использования бюджетных средств, урегулированному БК РФ.

Таким образом, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» относится к источникам регулирования финансирования образования. Функцию федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и других отраслевых законов в системе регулирования финансирования той или иной отрасли возможно назвать адаптационной, то есть обеспечивающей учет особенностей отрасли в процессе финансирования ее деятельности за счет бюджетов различных уровней.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев А. А. Структура советского права. М.: Юрид. Лит. 1975. 258 с.
2. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права: монография. М.: Изд-во РАП, Эксмо, 2008. 160 с.
3. Кашанина Т. В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2014. 584 с.
4. Кванина В. В. Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 47 с.
5. Козырин А. Н. Финансово-правовая проблематика регионального законодательства об образовании // Финансирование образования: организационно-правовые проблемы. Сборник статей / Под ред. А. Н. Козырина. М.: Центр образовательного законодательства Минобрнауки России, 2002. 67 с.
6. Крохина Ю. А. Финансовое право России: учебник. М.: Инфра-М, 2011. 720 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 800 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
8. Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5-12.
9. Химичева Н. И. Финансовое право 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.

5 Алексеев А. А. Структура советского права. М., 1975. С. 38.

6 Кванина В. В. Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 38.

7 Крохина Ю. А. Финансовое право России: учебник. М.: Инфра-М, 2011. С. 85.

8 Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права: монография. М.: Изд-во РАП, Эксмо, 2008. С. 12.

9 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 800 слов и фразеологических выражений /Российская АН; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.

ДИДИКИН Антон Борисович

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ЦЕНТРА «АСТАНА» СО СПЕЦИАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИЕЙ

В статье представлено исследование нормативно-правовой базы и перспектив формирования Международного финансового центра «Астана» на территории Республики Казахстан. Исследование базируется на ключевых положениях о специальной юрисдикции и автономной судебной системе будущего финансового центра. Обосновывается позиция о том, что в структуре Центра будет действовать специальный правовой режим, основанный на внутреннем праве Центра, в основе которого принципы и нормы английского права, уже используемые по аналогии в практике других международных финансовых центров.

Ключевые слова: международный финансовый центр, английское право, финансовые отношения, финансовый суд, специальная юрисдикция.

DIDIKIN Anton Borisovich

Ph.D. in Law, senior researcher of the department of Social and legal research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

LEGAL STATUS AND PERSPECTIVES OF FORMING OF INTERNATIONAL FINANCIAL CENTER “ASTANA” WITH SPECIAL JURISDICTION

The paper contains the study of normative legal acts and perspectives of forming International financial center “Astana” on the territory of Republic of Kazakhstan. The study is based on the main provisions about special jurisdiction and autonomy court system of the future financial center. Author justifies the position that the structure of the Center will include the special legal regime which based on internal law of the Center and principles and rules of English Law already used with analogy in practice of another international financial center.

Keywords: international financial center, English Law, financial relations, financial court, special jurisdiction.

Дидикин А. Б.

В последние годы в Республике Казахстан реализуется план институциональных реформ с целью улучшения инвестиционного климата и повышения эффективности государственного управления. Одним из элементов такого плана реформ является формирование Международного финансового центра «Астана» (далее – МФЦ Астана), основанного на принципах и стандартах англосаксонского права. Такое уникальное для постсоветского государства сочетание разных юрисдикций уже стало поводом для научных дискуссий и существенного обновления нормативно-правовой базы. В статью 2 Конституции Республики Казахстан в 2017 г. было внесено дополнение о возможности установления специального правового режима в городе Астана в финансовой сфере в соответствии с конституционным законом¹.

Конституционный закон об МФЦ Астана был принят 7 декабря 2015 г. и с самого момента его принятия послужил основой для последовательной политики формирования институтов будущего международного финансового центра в Астане². Кроме того, в Указе Президента Республики Казахстан №24 от 19.05.2015 предусмотрен ряд мер по обновлению национального законодательства для создания благоприятных

условий функционирования МФЦ Астана и его резидентов в будущем, в частности:

- введение безвизового режима сроком до 30 дней для граждан стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Объединенных Арабских Эмиратов, Малайзии и Республики Сингапур; для сотрудников Центра, сотрудников участников Центра и членов их семей введение специального визового режима сроком до 5 лет;
- организация работы по принципу «одного окна» акционерным обществом, созданным для обеспечения деятельности Центра, по оформлению трудовых виз сотрудникам Центра, сотрудникам участников Центра и членам их семей;
- обеспечение прямого воздушного сообщения между городом Астаной и ведущими международными финансовыми центрами путем поэтапной либерализации условий воздушных перевозок в аэропорт Астаны для иностранных перевозчиков по принципу «открытого неба»;
- принятие мер, направленных на вхождение Центра до 2020 года в число 10 лучших азиатских финансовых центров и 30 ведущих мировых финансовых центров по версии Global Financial Centres Index.

Границы будущего МФЦ Астана определены как часть территории Международной выставки Экспо-2017. Тем самым инфраструктура МФЦ Астана фактически уже создана и начнет функционировать с 1 января 2018 г.³ Основу правовой модели МФЦ Астана составляет опыт других международных

1 См.: Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 (в ред. 10.03.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 14.08.2017).

2 См.: Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре «Астана»» (в ред. 13.03.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z150000438> (дата обращения: 14.08.2017).

3 См.: Указ Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2015 года № 161 «Об определении границ территории Международного финансового центра «Астана»». [Электронный ресурс]. –

финансовых центров (в частности, Дубай и Катара)⁴, где также применяется внутреннее право Центра с использованием английского языка, регулирующие финансовые и иные отношения между резидентами Центра и внешней средой.

Согласно статье 1 Конституционного закона, определяющей ключевые понятия, специальный правовой режим МФЦ Астана базируется на том, что именно правовые акты Центра будут основными регуляторами взаимоотношений между участниками Центра, инвесторами и государством. Наряду с этим на территории Центра создается специальный судебный орган, технологическая фондовая биржа, формулируются единые правила осуществления финансовой деятельности, опирающиеся на международные стандарты.

Глобальная цель существования Центра (привлечение инвестиций в экономику Республики Казахстан) реализуется путем достижения других важных задач, в частности развития рынка ценных бумаг и его интеграции с международными рынками капитала, развития рынка страховых, банковских услуг и рынка исламского финансирования, а также рынка финансовых и профессиональных услуг. При этом Центр и его участники независимы во всех вопросах своей деятельности от национальных органов власти и контрольно-надзорных инстанций.

Самой важной новацией специального правового режима Центра является возможность принятия решений и правовых актов, которые могут основываться в соответствии со статьей 4 Конституционного закона на *принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах мировых финансовых центров*. Таким образом, Закон выводит правовую систему Центра на его территории за рамки действующего в Республике Казахстан законодательства для того, чтобы инвесторы и предприниматели на территории Центра работали только на основе англосаксонского права. За пределами Центра сохраняется национальное правовое регулирование.

Одним из аспектов указанного положения является утверждение Советом по управлению Центром порядка разработки и принятия правовых актов Центра, что позволяет обеспечить автономность правовой системы Центра от национального права⁵. При этом правовые акты Центра регулируют следующие виды правовых отношений:

- гражданско-правовые отношения;
- гражданско-процессуальные отношения;
- финансовые отношения;
- административные процедуры.

Закон предусматривает специальную систему управления для МФЦ Астана. В ее состав входят Совет по управлению Центром, администрация Центра, Комитет Центра по регулированию финансовых услуг и Суд Центра.

Совет по управлению Центром как коллегиальный орган возглавляет Президент Республики Казахстан, он определяет стратегические ориентиры и структуру органов Центра, утверждает годовой отчет о деятельности Центра, руководство Комитета по регулированию финансовых услуг.

Администрацией Центра является созданное Национальным банком Республики Казахстан акционерное общество, обеспечивающее условия для деятельности органов и участников Центра, их работников и представляющее их интересы в пределах своей компетенции. Администрация Центра имеет бюджет, который формируется в первые два года (2016-2017 гг.) за счет средств Национального Банка Республики Казахстан, а в перспективе – за счет сборов и платежей, вносимых участниками Центра (с 2018 г.). Администрация Центра вправе создавать юридические лица и приобретать акции (доли участия в уставных капиталах) юридических лиц, зарегистрированных на территории Центра, без получения на то согласия государственных органов Республики Казахстан.

Система управления акционерного общества, являющегося администрацией Центра, основывается на существовании совета директоров и правления. Органом управления администрации Центра является совет директоров. При этом Совет по управлению Центром определяет полномочия общего собрания акционеров (или единственного акционера), совета директоров и правления, их состав и срок полномочий, а также размер вознаграждения.

Второй важной новацией правовой системы Центра, предусмотренной Конституционным законом, является его функционирование на основе использования английского языка. Английский язык является официальным языком Центра, на котором составляются документы, формулируются ответы на запросы, осуществляется судопроизводство. Центр может переводить документы на казахский и русский языки, а также предоставлять переводчиков при осуществлении судопроизводства.

Наиболее существенной новацией в регулировании отношений на территории МФЦ Астана и конституционно-правовым экспериментом является создание *автономной судебной системы* для разрешения финансовых и инвестиционных споров⁶. Опыт создания специальных третейских судов на территории международных финансовых центров известен в международной практике, но в случае с МФЦ Астана предусмотрена конституционная основа для формирования таких специализированных судов Центра. Изменения, внесенные в Конституцию Республики Казахстан в 2017 г., допускают установление в финансовой сфере особого правового режима в Астане. Кроме того, финансовый суд Центра по правовой природе является судом со специальной юрисдикцией, ограниченной финансовыми сделками и иными спорами в сфере компетенции органов Центра.

Автономность Суда Центра состоит в том, что он не входит в судебную систему Республики Казахстан, и осуществляет деятельность на основе двух инстанций – *суда первой инстанции и апелляционного суда*.

При этом юрисдикция Суда не распространяется на уголовное и административное судопроизводство, и касается лишь специфических финансовых споров следующих видов:

- рассмотрение и разрешение споров, возникающих между участниками Центра, органами Центра и (или) их иностранными работниками (трудовые и гражданско-правовые споры);

Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000161> (дата обращения: 14.08.2017).

4 См.: Legal Acts of Dubai International Financial Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.difc.ae> (дата обращения: 14.08.2017).

5 См.: Указ Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2015 года № 160 «Об утверждении Положения о Совете по управлению Международным финансовым центром «Астана» и его состава». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000160> (дата обращения: 14.08.2017).

6 См.: Дидикин А. Б. Конституционно-правовой эксперимент в Республике Казахстан: формирование финансового центра с иностранной юрисдикцией // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сб. трудов всероссийской конференции. Томск, 2016. С. 119-120.

– рассмотрения и разрешения споров, касающихся любой операции, осуществленной в Центре и подчиненной праву Центра (валютные и финансовые операции, биржевая торговля, операции с ценными бумагами);

– рассмотрения и разрешения споров, переданных суду Центра по соглашению сторон.

Суд Центра функционирует на основе специального постановления Совета по управлению Центром, в котором отражены процессуальные принципы и нормы англосаксонского права, и стандарты ведущих мировых финансовых центров.

Указанный документ определяет также квалификационные требования к иностранным судьям в составе Суда Центра, основанные на требованиях англосаксонского права. В настоящее время администрация МФЦ Астана ведет переговоры о приглашении английских судей в состав создаваемого Суда Центра.

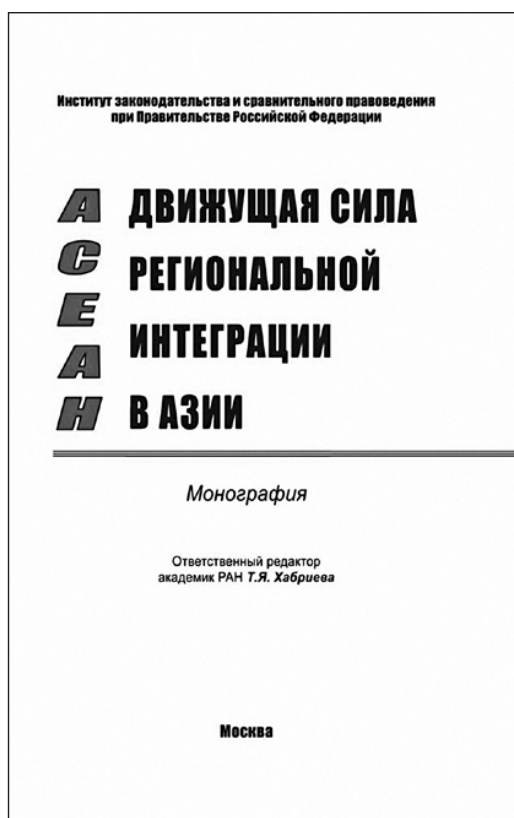
При этом Суд Центра при разрешении споров может руководствоваться не только правовыми актами Центра, но и вступившими в силу прецедентами – решениями судов других юрисдикций общего права, а также прецедентами самого Суда Центра по конкретным спорам. Как отмечают М. М. Дауленов и М. Н. Абилова, прецеденты английского права могут «проникать» в материю внутреннего права Центра через специальные постановления его органов, а также через работу Суда, что может в отдельных случаях нарушать принцип «правовой определенности»⁷. С этим сложно согласиться, учитывая, что стабильность правовой системы МФЦ Астана будет обеспечиваться не произвольным применением решений иностранных судов англосаксонской системы, а согласно заранее установленному порядку внесения изменений в правовые акты Центра. Судейское усмотрение иностранных судей Центра также будет ограничено юрисдикцией Центра и характером рассматриваемых финансовых споров⁸.

Решения Суда Центра в порядке, определенном правовыми актами Центра, подлежат переводу на казахский или русский языки. Толкование правовых актов осуществляется на основе исключительной компетенции Суда Центра. Международный арбитражный центр рассматривает споры сторон арбитражного соглашения. Решения такого судебного органа подлежат исполнению в том же порядке, что и решения национальных судов.

Таким образом, формирование МФЦ Астана характеризуется уникальной попыткой сочетания разных юрисдикций и установлением специального правового режима, создающего благоприятные условия для работы инвесторов и финансовых структур. Внутреннее право Центра находится в стадии становления, что вызывает обоснованные вопросы и дискуссии относительно применимости отдельных принципов и норм английского права на территории МФЦ Астана.

Пристатейный библиографический список

1. Дауленов М. М., Абилова М. Н. Английское право на страже прав инвесторов в Международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 29-36.
2. Дидикин А. Б. Конституционно-правовой эксперимент в Республике Казахстан: формирование финансового центра с иностранной юрисдикцией // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сб. трудов всероссийской конференции. Томск, 2016. С. 119-120.
3. Ешниязов Н. С. Туман в степи: о праве, применимом к частноправовым отношениям в Международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 87-93.

⁷ См.: Дауленов М. М., Абилова М. Н. Английское право на страже прав инвесторов в Международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 31.

⁸ Существует также обоснованное мнение Н. С. Ешниязова о том, что правовых норм о распространении принципов и практики английского права недостаточно для преодоления коллизий в частноправовых отношениях участников МФЦ Астана. Нормы о международном частном праве, принятые в виде специального правового акта Центра, могут быть инструментом разрешения таких коллизий. См.: Ешниязов Н. С. Туман в степи: о праве, применимом к частноправовым отношениям в Международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 87-93.

ВЛАСЕНКО Радмила Николаевна

магистр юриспруденции, аспирант кафедры финансового и предпринимательского права Байкальского государственного университета, генеральный директор ООО «Юридическая компания «Правый берег»

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С СОБЛЮДЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

В данной статье рассматриваются возникающие в практике арбитражных судов процессуальные вопросы, связанные с применением сроков, установленных для предъявления требований кредиторов при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве). На основе анализа положений законодательства и правоприменительной практики выработаны обобщенные правила применения заинтересованными лицами норм права, устанавливающих порядок рассмотрения требований кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: процессуальные сроки, требования кредиторов, несостоятельность (банкротство), законодательство о банкротстве, права кредиторов.

VLASENKO Radmila Nikolaevna

magister of law, postgraduate student of of Finance and business law sub-faculty of the "Baikal State University", General Director of LLC "Legal company "Right Bank"

ABOUT SOME QUESTIONS CONNECTED WITH OBSERVANCE OF THE PROCEDURAL DEADLINES IN CASES ON INSOLVENCY (BANKRUPTCY).

This article discusses the emerging practice of arbitration courts procedural issues related to the application of the time limits for filing claims of creditors in cases of insolvency (bankruptcy). Based on the analysis of legislation and law enforcement practice developed generalized rules for the application of interested persons the law establishes the order of consideration of claims of creditors in the insolvency (bankruptcy).

Keywords: procedural terms, the claims of creditors, insolvency (bankruptcy), bankruptcy law, creditors' rights.

Власенко Р. Н.

В соответствии с нормами статей 113, 115 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее по тексту – АПК РФ) процессуальными сроками являются установленные Кодексом, иными федеральными законами либо назначенные судом сроки для совершения процессуальных действий судом, лицами, участвующими в деле, иными участниками процесса.

В связи с чем, соблюдение процессуальных сроков судом не является самостоятельной целью судопроизводства в арбитражных судах и направлено на обеспечение стабильности и определенности как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в связи с судебным спором процессуальных правоотношениях, в рамках выполнения задачи по осуществлению справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным судом (пункт 3 статьи 2 АПК РФ)².

Требования кредиторов в рамках дела о банкротстве должника рассматриваются в соответствии с порядком, предусмотренным статьями 71 и 100 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее по тексту - Закон о банкротстве).

Кредиторы вправе предъявить свои требования к должнику в порядке, установленном статьей 71 Закона о банкротстве, при рассмотрении требований в процедуре наблюдения при банкротстве должника по общим правилам и в процедуре конкурсного производства при упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого или отсутствующего должника, и в порядке, предусмотренном статьей 100 Закона о банкротстве, в процедурах банкротства - финансовое оздоровление, внешнее управление и конкурсное производство.

Между тем, от срока (момента) реализации кредиторами своих прав зависит возможность и степень их участия в деле о банкротстве.

Сроки, в течение которых кредиторы вправе реализовать свои права на предъявление требований к должнику, установлены пунктом 1 статьи 71, пунктом 1 статьи 142, пунктом 2 статьи 225 и пунктом 2 статьи 228 Закона о банкротстве. Так, месячный срок предусмотрен для процедуры наблюдения и для конкурсного производства ликвидируемого и отсутствующего должника; двухмесячный срок - для конкурсного производства при банкротстве должника в общем порядке.

На основании статьи 28 Закона о банкротстве исчисление сроков для реализации кредиторами своих прав на предъявление требований в деле о банкротстве должника начинается с момента опубликования арбитражным управляющим сообщения о введении соответствующих процедур банкротства. В этот же срок кредиторы должны представить лицам, участвующим в деле о банкротстве и суду, совокупность всех документов, обосновывающих их требования.

1 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2 Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 «О процессуальных сроках» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3.
3 О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

В соответствии с пунктом 1 статьи 32 Закона о банкротстве дела о банкротстве юридических лиц и граждан, являющихся индивидуальными предпринимателями, рассматриваются арбитражным судом с особенностями, установленными Законом о банкротстве.

Так, кредиторы согласно части 1 статьи 49 и части 1 статьи 130 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации вправе изменить основания или предмет иска (заявления); увеличить или уменьшить размер требований; соединить в одном заявлении несколько требований - как связанных между собой по основаниям возникновения или по представленным доказательствам, так и не связанных между собой (применительно к пункту 4 статьи 39 Закона о банкротстве).

Кроме этого, необходимо учитывать разъяснения, данные Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее по тексту - ВАС РФ) в пункте 3 Постановления от 31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»⁴ и в пункте 9 Постановления от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»⁵.

Реализуя свои процессуальные права, кредиторы обязаны учитывать не только сроки, предусмотренные для предъявления требований к должнику, но и содержание уточненного или объединенного требования.

Только увеличение либо уменьшение суммы требования либо изменения его основания или предмета, либо того и другого может быть принято судом, как уточнение ранее заявленного требования кредитора, в противном случае такое уточнение станет дополнительным требованием, которое ранее не указывалось в первоначальном заявлении.

От соблюдения кредитором предусмотренных Законом о банкротстве сроков зависит включение его требования в реестр требований кредиторов или учет требования за реестром в соответствии с пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве; рассмотрение требования в процедуре наблюдения либо в процедуре, следующей за процедурой наблюдения; участие в первом собрании кредиторов и реализация иных прав, предоставленных кредитору Законом о банкротстве, в том числе прав залогового кредитора.

Несмотря на наличие четкого правового регулирования, в правоприменительной практике нередко возникают вопросы правильного применения указанных норм права.

Однако, анализируя нормы действующего законодательства по исследуемому вопросу, указанные ранее разъяснения ВАС РФ, а также практику рассмотрения аналогичных дел судами разных инстанций, можно обобщить ряд выводов, имеющих практическое значение.

Во-первых, в заявлении о включении своих требований в реестр требований кредиторов должника кредитор не только вправе объединить несколько требований по разным обязательствам, но также в ходе рассмотрения дела изменить их размер (увеличить или уменьшить) либо отказаться от части требований не зависимо от срока предъявления первоначального требования и срока, предусмотренного соответствующими статьями Закона о банкротстве.

Во-вторых, уточненное кредитором требование должно соответствовать тем же основаниям либо относиться к тому же обязательству, что и первоначально заявленное, иначе оно будет истолковано судом как новое требование, а, следовательно, поданное в момент уточнения.

В-третьих, уточнение кредитором (залогодержателем) требования в ходе рассмотрения судом, но уже после окончания срока, предусмотренного для предъявления требований, может стать причиной для утраты кредитором специальных прав, предоставляемых залогодержателю Законом о банкротстве, в том числе, право определять порядок и условия продажи заложенного имущества в конкурсном производстве и др.⁶

Кроме того, новая публикация сообщения арбитражного управляющего о введении процедуры, поданная в случае пересмотра судебного акта, которым в отношении должника введена процедура или иных обстоятельств, не является основанием для исчисления срока предъявления требований к должнику в этой процедуре заново.

Таким образом, в одном заявлении кредитора могут быть объединены несколько требований по разным обязательствам, в том числе не связанным между собой одними основаниями и доказательствами.

Однако при таких обстоятельствах, равно как и в случае изменения кредитором предмета или основания первоначального заявления, нужно обязательно учитывать срок предъявления кредитором нового или объединенного требования, или какого-либо изменения к ранее поданному требованию, в том числе требование залогодержателя.

От того, каким образом будут применяться указанные нормы права, зависит возможность реализации кредитором своих прав и законных интересов в деле о банкротстве должника.

Пристатейный библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 «О процессуальных сроках» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 1.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.
6. Каменев А. Л. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении требований кредиторов в деле о банкротстве должника // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 18-28.

4 Постановление Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 1.

5 Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

6 Каменев А. Л. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении требований кредиторов в деле о банкротстве должника // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 18-28.

ФАЙЗРАХМАНОВА Лейсан Миннуровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СТРАХОВОГО РЫНКА В СССР

Статья посвящена основам финансово-правового регулирования страхового рынка в СССР. Представлена ретроспектива развития страховых отношений, начиная с 1917 г. и вплоть до развала Советского государства. Анализируется влияние государственной монополии в сфере страхования на страховую деятельность.

Ключевые слова: страхование, страховые фонды, страховые резервы, страховой рынок, страховщик, социальное страхование, личное и имущественное страхование, государственный бюджет.

FAIZRAKHMANOVA Leysan Minnurovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

Файзрахманова Л. М.

FINANCIAL AND LEGAL FEATURES OF THE INSURANCE MARKET IN THE USSR

The article is devoted to the basics of financial regulation of the insurance market in the USSR. A retrospective of development of insurance relations is presented from 1917 until the collapse of the Soviet state. The impact of state monopolies in the insurance industry for insurers is analyzing.

Keywords: insurance, insurance funds, insurance reserves, insurance market, insurer, social insurance, personal and property insurance, the state budget.

Возникновение, развитие и правовое регулирование тех или иных общественных отношений в Российском государстве, в том числе в сфере страхования, осуществлялось всегда с определенными особенностями, которые соответствовали уровню развития товарно-денежных отношений на разных исторических этапах существования государства.

Исторический анализ финансово-правового регулирования страхования свидетельствует о том, что к 1917 году в дореволюционной России сформировалась и существовала система как добровольного, так и обязательного государственного страхования с его публично-правовым регулированием со стороны государства посредством издания нормативно-правовых актов и надзором за субъектами страхового рынка. Государством был установлен контроль за состоянием финансовой и статистической отчетности страховщиков, за формированием резервов по видам страхования в установленных размерах¹.

После 1917 г. в связи со сменой общественно-экономической формации в России в сфере страхования начинают происходить глобальные изменения. Советское государство начинает поэтапно осуществлять политику национализации страхового дела.

В марте 1918 г. Совнаркомом РСФСР был принят первый декрет «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального»². На основании этого документа был учрежден Совет по делам страхования, который осуществлял руководство всеми страховыми органи-

зациями и контролировал их деятельность, не допуская конкуренции страховых обществ. Несколько позже, в ноябре 1918 г. был принят Декрет Совнаркома РСФСР «Об организации страхового дела и права в Российской Республике»³ в соответствии с которым страхование во всех его видах было объявлено государственной монополией. Все частные страховые общества были ликвидированы, а их имущество и денежные средства переданы в собственность государства.

В 1921 г. были созданы Главное управление государственного страхования (Госстрах) составе Народного комиссариата финансов и страховые органы на местах. Органы государственного страхования осуществляли свою деятельность на основе хозяйственного расчета. Первоначально государством были выделены определенные финансовые средства Госстраху. В последующем государственный бюджет пополнялся в т.ч. и за счет прибыли страховых организаций. Вследствие этого государственное страхование стало неотъемлемой частью финансовой деятельности государства.

Важной вехой в развитии страхования стало утверждение ЦИК и СНК СССР 18 сентября 1925 г. Положения «О государственном страховании в СССР»⁴. В основу данного положения был заложен принцип единства, согласно которому страхование на всей территории государства осуществляет только Госстрах, все операции совершались на основе единых правил и тарифов страхования, все средства находились в распоряжении Госстраха. Таким образом, государственная монополия в области страхового дела проявлялась, прежде всего, в установлении государственного контроля над всеми видами страхова-

1 Файзрахманова Л. М. Финансово-правовые аспекты развития страхования в дореволюционной России // Финансовое право. 2017. №2. С.7.

2 Декрет Совнаркома РСФСР от 23 марта 1918 г. «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» // Декреты Советской власти, том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С.7-11.

3 Декрет Совнаркома РСФСР от 28 ноября 1918 г. «Об организации страхового дела в РФ» // Собрание узаконений. 1998. №86. Ст.904.

4 Известия ЦИК СССР. 19925. 28 октября.

ния, а также в объявлении страхования во всех видах и формах государственной монополией.

Развитие и совершенствование страхового дела в СССР в последующем было обусловлено общей социально-экономической политикой советского государства. В рамках индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства возрастает потребность в страховой защите. Так, Постановлением ЦИК и СНК от 4 сентября 1929 г. было введено обязательное страхование в государственной промышленности. Оно получило распространение практически на все имущество государственных учреждений и предприятий, которые состояли на хозрасчете или местном бюджете, а также профессиональных и других общественных организаций.

Значимым этапом в развитии страхового дела явилось принятие Закона СССР от 4 апреля 1940 г. «Об обязательном окладном страховании»⁵ благодаря которому определились основные принципы обязательного имущественного страхования.

Наряду с обязательным имущественным страхованием происходит становление и развитие обязательного социального страхования в СССР. Первое послереволюционное положение о социальном обеспечении трудящихся было принято в 1918 г. Оно гарантировало обеспечение всех наемных работников независимо от характера труда пособиями при временной утрате заработка в связи с болезнью, беременностью и родами, увечьем. С 1922 г. выплата пособий была передана непосредственно предприятиям в счет страховых взносов.

Еще в 1929 г. государственное социальное страхование обрело единый бюджет. А с 1931 г. за счет соцстраховских средств было начато финансирование санаторно-курортного лечения и отдыха в специализированных учреждениях (санатории, пансионаты, дома отдыха), а также финансирование детских оздоровительных лагерей. В лексиконе профсоюзных деятелей появляется понятие «профилактики заболеваемости»⁶. В 1933 г. социальное страхование переходит под управление советских профсоюзов.

В послевоенные годы система страхования нуждается в улучшении ее организационного построения. В 1948 г. на смену устаревшему положению от 18 сентября 1925 г. «О государственном страховании в СССР» было принято Положение о Главном управлении государственного страхования в СССР и его органах. В связи с этим в этом же году из состава Госстраха в качестве самостоятельного юридического лица было выделено Управление иностранного страхования в СССР (Ингосстрах), ставшее второй государственной монопольной страховой организацией.⁷ Ингосстрах полностью обеспечил страхование внешнеторговых обязательств государства.

В 1958 году система советского страхования претерпела существенные изменения. Так, страховое дело было передано в ведение министерств финансов союзных республик, государственная монополия на проведение в стране страховых операций Госстрахом отменялась, но по факту она продолжала существовать. Размеры основного и запасного фондов, порядок распределения накоплений, планы доходов и расходов страховых органов стали устанавливаться Советами Министерств союзных республик.⁸ Вместе с тем, в целом, страхование осу-

ществлялась по нормам единого законодательства, по правилам и инструкциям, которые были утверждены Министерством финансов СССР.

В 1960-80-е г.г., наряду с обязательным страхованием имущества колхозов и совхозов, в страховом деле наметилась тенденция к совершенствованию добровольного страхования.

Страховыми организациями (страховщиками) в этот период времени являлись Госстрах СССР, органы страхования союзных республик и Управление иностранного страхования СССР (Ингосстрах).

Государственное личное и имущественное страхование осуществлялось за счет собственных денежных средств граждан в виде соответствующих страховых платежей. При государственном имущественном и личном страховании средства страховщика аккумулировались в трех автономных фондах:

1) в фонде по обязательному страхованию имущества колхозов;

2) в фонде по обязательному страхованию совхозов и других сельскохозяйственных предприятий;

3) в фонде остальных видов имущественного и личного страхования.

Средства по первому и второму фонду, в зависимости от финансового результата страховых операций, распределялись 50 % в соответствующий запасной фонд союзной республики и 50 % в межреспубликанский запасной фонд. В последующем, если возникал дефицит средств по страхованию колхозов и совхозов, то он покрывался за счет ранее созданных запасных фондов. По третьему страховому фонду средства, образовавшиеся благодаря положительному финансовому результату, направлялись в резерв взносов по страхованию жизни, в пенсионный фонд и запасной фонд союзной республики. Кроме того, остаточный доход по утвержденным нормативам поступал в государственный бюджет, в фонд производственного и социального развития⁹.

Фонд государственного социального страхования находился в ведении профсоюзов и формировался за счет обязательных взносов предприятий и учреждений, колхозов и дотаций из государственного бюджета¹⁰. Граждане свои средства в этот фонд не вносили. Средства фонда государственного социального страхования распределялись на социальное обеспечение граждан (пенсии, пособия, санаторно-курортное лечение, пребывание в пионерских лагерях и др.).

Во второй половине 80-ых годов прошлого столетия были приняты важные нормативно-правовые акты, которые в последующем изменили вектор развития страхового рынка. Так, Закон СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации»¹¹ положил начало демонополизации страхования в советском государстве. Благодаря этому закону на территории страны можно было создавать кооперативные страховые учреждения, т.е. частные страховые общества. Постановлением Совета Министров СССР от 16 августа 1990 г. №850 «О мерах по демонополизации народного хозяйства»¹² государственные, акционерные и кооперативные общества и ассоциации ставятся в равные условия для развития конкуренции в сфере страховой деятельности. Немногим позже, страховая деятельность переходит в разряд лицензируемых видов деятельности. Контроль и

5 Ведомости ВС СССР. 1940. № 12

6 Воронина А. Б., Долгополова А. А. Социальное страхование: принципы, виды // Молодежь и наука. 2015. № 4. С. 14.

7 Номоконова З. П. Историко-правовые аспекты развития страхования в России // История государства и права. 2010. № 11. С. 36.

8 Рассолова Т. М. Страховое право: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 20-21.

9 Государственное страхование в СССР: учебник / Под редакцией Л. И. Рейтмана. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 250-251.

10 Шминова М. Я. Страхование: история, действующее законодательство, перспективы. М.: Наука, 1989. С. 34-35.

11 Ведомости ВС СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

12 Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

лицензирование за страховой деятельностью возлагается на Минфин РСФСР.

Таким образом, советский период страхования характеризуется монополией государства на страховом рынке СССР. Страхование на всей территории государства осуществлял только Госстрах и его органы, все операции совершались на основе единых правил и тарифов страхования. Государственная монополия в области страхового дела также проявлялась в установлении государственного контроля над всеми видами страхования.

За семьдесят лет в Советском государстве была сформирована и функционировала система государственного социального страхования и система государственного обязательного и добровольного личного и имущественного страхования граждан. Эти виды страхования имели различия в способах формирования и использования страховых фондов, предназначенных для выплат, в формах материального обеспечения граждан. Так, фонд государственного социального страхования находился в ведении профсоюзов и формировался за счет обязательных взносов предприятий и учреждений, колхозов и дотаций из государственного бюджета. Следует заметить, что на разных этапах развития государственного социального страхования прослеживается определенная параллель в способах формирования и использования страховых фондов, в которых аккумулировались финансовые средства. В царской России, в советский период и в современной России страховой фонд социального страхования формировался за счет обязательных взносов работодателей и дотаций из государственного бюджета.

Государственное же личное и имущественное страхование осуществлялось за счет собственных денежных средств граждан в виде соответствующих страховых премий. У страховщиков в зависимости от вида страхования функционировали автономные денежные фонды, из которых в последующем происходило распределение финансовых потоков в запасные фонды союзной республики, в межреспубликанский запасной фонд, в пенсионный фонд и государственный бюджет. Кроме того, при государственном страховании осуществлялись определенные страховые выплаты в денежном выражении, а при социальном страховании гражданам также предоставлялись различные материальные блага и услуги.

Пристатейный библиографический список

1. Воронина А. Б., Долгополова А. А. Социальное страхование: принципы, виды // Молодежь и наука. 2015. № 4.
2. Государственное страхование в СССР: учебник / Под редакцией Л. И. Рейтмана. М.: Финансы и статистика, 1989.
3. Номоконова З. П. Историко-правовые аспекты развития страхования в России // История государства и права. 2010. № 11.
4. Рассолова Т. М. Страхование: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
5. Файзрахманова Л. М. Финансово-правовые аспекты развития страхования в дореволюционной России // Финансовое право. 2017. № 2.

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по усовершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

ДЖАНГИРЯН Андрей Владимирович

соискатель МГИМО (У) МИД России, Советник вице-президента ОАО "Российские железные дороги"

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННО-ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ В АРКТИКЕ

В статье рассматривается комплекс правовых вопросов, связанных с привлечением иностранных инвестиций в российские арктические проекты в сфере энергетики, включающий вопросы расширения гарантий, предоставляемых иностранным инвесторам, совершенствование договорных конструкций, используемых в отношениях между государством и инвестором.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, Арктика, концессия, соглашение о разделе продукции, гарантии инвестиций, добыча полезных ископаемых.

DZHANGIRYAN Andrey Vladimirovich

competitor of the MGIMO (U) of the MFA of Russia, Adviser of the Vice-President of JSC "Russian Railways"

LEGAL PROBLEMS OF CREATING ATTRACTIVE FOR INVESTORS CONDITIONS OF IMPLEMENTING PROJECTS IN THE ARCTIC

The article develops a number of legal problems, which deal with the attraction of foreign investors to the Russian arctic energy projects, including the extension of warranties applied to foreign investors, modernization of legal constructions used in the state-investor relations.

Keywords: foreign investments, Arctic, concession, PSA, investment guaranties, extraction of mineral resources.

Джангирян А. В.

В настоящий момент вопрос развития арктических территорий России имеет стратегический характер, что подкрепляется заявлениями на высшем политическом уровне, а также соответствующими формулировками, используемыми в разрабатываемых стратегиях экономического развития страны. В этой связи особое значение приобретает вопрос создания благоприятного инвестиционного климата в регионе для обеспечения развития текущих и стимулирования появления новых проектов, в первую очередь в области энергетики. Если экономическая составляющая вопроса является более сложной для решения в ближайшей перспективе, то вопрос создания правовых механизмов привлечения иностранных инвесторов с научной точки зрения открывает целый спектр возможностей проработки отдельных вопросов в рамках таких направлений как:

- расширение и дополнение гарантий, предоставляемых иностранным инвесторам;
- совершенствование используемых договорных конструкций в отношениях между инвестором и государством;
- внесение изменений в налоговое законодательство.

Детальное рассмотрение действующей системы защиты прав иностранных инвесторов, базу которой составляет Закон "Об иностранных инвестициях в РФ"¹ 1999г, действующий в редакции 05.05.2014, позволяет сделать предварительный вывод о том, что на первый взгляд в отечественном законодательстве имеется достаточно обширный перечень прав и гарантий, разработанных для защиты интересов иностранных инвесторов. В частности, указанный Федеральный закон содержит такие гарантии, как-то:

- право на использование полученного от инвестирования дохода, включая возможность его вывода за рубеж;
- право на компенсацию при реквизиции и национализации;
- право на судебную защиту, включая использование механизма разрешения споров в международном арбитраже.

Кроме того, ст. 4 указанного закона предусматривает применение национального режима в отношении иностранных инвесторов, с учетом перечисленных в законе изъятий. А в ст. 9 содержится достаточно важная для иностранного инвестора

гарантия от неблагоприятных изменений, позволяющая избежать обратной силы закона для иностранных инвесторов.

Тем не менее, достаточно серьезные опасения инвесторов связаны с проблемой экспроприации имущества путем принудительного лишения инвестора инвестиции. Ю. Барсегов в своих работах выделяет 3 вида экспроприации:

- "путем лишения собственности (юридически, фактически),
- путем лишения права контроля,
- путем лишения возможности получения существенной части дохода"².

В этой связи представляется необходимым отметить, что теория права исходит тезиса о том, что защита от обратной силы закона должна содержать три основных составляющих:

- "компенсацию,
- стабилизацию,
- адаптацию"³.

Справедливо было бы отметить, что такое закрепление уже существует, тем не менее вопрос его расширения и применения остается достаточно важным для иностранных инвесторов. В особенности, данный вопрос приобретает большое значение в период обострения межгосударственных отношений России и США и тех экономических последствий, которые могут иметь эти события.

Достаточно важной гарантией, которую можно было бы предусмотреть в отечественном законодательстве, является гарантия возврата понесенных расходов, связанных с проведением работ по 2-D и 3D сейсмике. Данная система симметрична системе гарантирования банковских вкладов и имеет очевидные преимущества для иностранных инвесторов, которые получают возможность в значительной степени хеджировать свои риски. С точки зрения государства, несмотря на достаточно высокие потенциальные расходы, связанные с поддержанием функционирования подобной системы, "создание законодательной основы для работы указанной цепочки позволило бы привлечь дополнительные средства иностранных инвесторов и, как след-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165199/.

2 Барсегов Ю. Г. и др. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. М.: Наука, 2002. С. 27, 28.

3 Shaw M. N. International Law. Fourth Edition. Cambridge University Press. 1977. P. 363-364.

стве, кратко увеличить объемы получаемых данных о запасах недр и перспективных месторождениях нефти и газа"⁴.

Указанная работа предполагает тесное взаимодействие государства, крупнейших российских нефтегазовых компаний, а также иностранных инвесторов. В настоящее время наиболее применимыми к указанным правоотношениям виды договоров – это Соглашение о разделе продукции, а также концессионное соглашение.

Базовое регулирование концессии содержится в ФЗ № 115 "О концессионных соглашениях" от 21.06.2005. В юридической литературе выделяется 2 типа концессионных соглашений:

- коммерческая концессия (франчайзинг);
- концессионное соглашение с публично-правовым элементом.

В контексте обозначенной проблематики первоочередной интерес представляют концессионные правоотношения в сфере недропользования и транспорта, что обусловлено спецификой развития арктического региона. Выделяется несколько подходов в вопросы определения природы таких правоотношений:

1) Концессия – это административно-правовой договор. Подобной позиции придерживаются Д. Н. Бахрах, Ю. Н. Стариков, В. Г. Розенфельд.

2) Концессионное соглашение представляет из себя гражданско-правовой договор (Ю. Золоева)⁵.

3) Такие соглашения можно охарактеризовать как соглашения *sui generis*. Указанной точки зрения, в частности, придерживаются В. С. Мартемьянов, Т. В. Шадрин, В. Н. Лисица. В данном случае концессионные соглашения выступают в качестве инвестиционных договоров.

Концепция административно-правового договора, предлагаемая Д. Н. Бахрахом, имеет определенные недостатки: в своих работах он, в частности, отмечает, что цель административного договора – достижение общественно-значимой цели. Однако данный тезис противоречит смыслу концессионного соглашения в сфере недропользования, которое ставит во главу угла получение сторонами прибыли. Одновременно, вторая позиция является неприменимой по той причине, что она не позволяет учесть специфики концессионного договора, в частности особенностей его предмета – участка недр.

По этой причине наибольший интерес представляет третья теория, признающая концессионные соглашения соглашениями *sui generis*.

Базовое регулирование соглашения о разделе продукции зафиксировано в Федеральном законе от 30.12.1995 N 225-ФЗ (ред. от 05.04.2016) "О соглашениях о разделе продукции".

Основная идея СРП состоит в предоставлении инвестору, который является стороной по соглашению, особого режима налогообложения. Уплате подлежат только налог на прибыль и за пользование недрами (бонусы – разовые платежи, платежи на ГРП и роялти – регулярные платежи). По-сути можно выделить два основных этапа – "инвестиционный, период, когда уплачиваются только платежи, и период возврата инвестиций – когда к уплате подлежат налоги и платежи"⁶. Второй этап является для инвестора ключевым, поскольку обеспечивает возвратность вложенных средств.

В то же время, данный институт не получил должного развития как на законодательном, так и на уровне исполнительной власти, что и обусловило достаточно осторожное отношение инвесторов, в первую очередь иностранных, к данной конструкции. В этой связи на данный момент, несмотря на то, что федеральными законами предусматривается возможность реализации 25 проектов на базе СРП, до стадии реализации дошли только 4: "Сахалин-1", "Сахалин-2", "Харьгинское месторождение", "Самоглер".

Таким образом, возможным представляется сделать вывод о целесообразности более активного использования концессионных соглашений, позволяющих решать следующие цели:

- соблюдение публичного интереса при реализации арктических инвестиционных проектов;
- минимизация издержек государства;
- максимально широкое участие частных, в том числе иностранных, инвесторов.

Переходя в периметр налогового стимулирования иностранных инвесторов, необходимо остановиться на нескольких достаточно важных тезисах, проистекающих из исследования американского и канадского законодательства в сфере регулирования инвестирования в арктический регион. Во-первых, достаточно перспективной выглядит тезис о необходимости предусмотреть возможность целевого направления расходов средств налогоплательщиков в Арктике. Непосредственно речь идет о "маркировке доходов"⁷ приарктических и арктических региональных бюджетов в части налога на прибыль организаций (18% из 20% идут в бюджеты регионов) с указанием компаний на конкретные инфраструктурные и иные социально-экономические проекты, в реализации которых данные средства должны использоваться. Подобный подход позволил бы как снизить инфраструктурные расходы компаний, так и обеспечить более тесную кооперацию государства, бизнеса и общества.

Не менее важным аспектом налогового регулирования могло бы стать решение о "введении образовательных кредитов – предоставлении налоговых вычетов"⁸ для компаний, принявших решение инвестировать средства в развитие научного потенциала арктических исследований. Это означало бы возможность небольших западных инвесторов на базе российских арктических кластеров проводить серьезные, но не столь капиталоемкие научные исследования, которые имели бы практическое применение и пользу как для самих инвесторов, так и для последующей реализации арктических проектов. Указанный опыт достаточно широко применяется в Канаде и позволяет стимулировать интерес к работе в Арктике.

Выводы и предложения, изложенные в данной статье в периметре гражданского, налогового, инвестиционного права позволяют получить более объемную картину того, что, по мнению автора, необходимо сделать в целях оптимизации инвестиционного потенциала российской Арктики, а также привлечения иностранных инвесторов в этот стратегически важный для России регион.

Пристатейный библиографический список

1. Барсегов Ю. Г. и др. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. М.: Наука, 2002. С. 27, 28.
2. Богуславский М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М.: Бек, 1996.
3. Перчи А. И. Налогообложение нефтегазодобычи: Право. Экономика: Учебное пособие. М.: Нестор Академик Паблишерз, 2004.
4. Финансовое право: Учебник / Под ред. Е. Ю. Грачевой, Г. П. Толстопятенко. М.: Велби, 2005.
5. Shaw M. N. International Law. Fourth Edition. Cambridge University Press, 1977. P. 363-364.
6. Van Meurs P. Financial and fiscal arrangements for petroleum development - an economic analysis, in Petroleum Investment Policies in Developing Countries, London, United Kingdom: Graham & Trotman, 1988.
7. Zoloeva Y. Will the concession agreement become one of the possible legal forms to exploit the subsoil in Russia? 2003.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165199/.

4 Van Meurs P. Financial and fiscal arrangements for petroleum development - an economic analysis, in Petroleum Investment Policies in Developing Countries, London, United Kingdom: Graham & Trotman, 1988.

5 Zoloeva Y. Will the concession agreement become one of the possible legal forms to exploit the subsoil in Russia? 2003.

6 Богуславский М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М.: Бек, 1996.

7 Перчи А. И. Налогообложение нефтегазодобычи: Право. Экономика: Учебное пособие. М.: Нестор Академик Паблишерз, 2004.

8 Финансовое право: Учебник / Под ред. Е. Ю. Грачевой, Г. П. Толстопятенко. М.: Велби, 2005.

ШИГАПОВА Анастасия Михайловна

соискатель сектора финансового и налогового права Института государства и права РАН, налоговый юрист

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ

В статье раскрывается понятие дополнительных мероприятий налогового контроля, их значение при проведении налоговой проверки, дается описание видов дополнительных мероприятий налогового контроля и сроков их проведения, а также полномочий налогового органа по назначению и порядку проведения дополнительных мероприятий налогового контроля.

Анализируются проблемные вопросы, связанные с процедурой проведения дополнительных мероприятий налогового контроля, а также пути их решения с учетом сложившейся судебной и административной практики.

Процедура проведения дополнительных мероприятий налогового контроля направлена, прежде всего, на соблюдение прав и законных интересов налогоплательщика.

Ключевые слова: налоги, налоговое право, налоговый контроль, налоговая проверка, государственный орган, налоговый орган, налогоплательщики.

SHIGAPOVA Anastasiya Mikhaylovna

competitor of the sector of Financial and tax law of the Institute of State and Law of RAS, the tax lawyer

LEGAL NATURE AND IMPORTANCE OF ADDITIONAL MEASURES OF TAX CONTROL IN THE COURSE OF TAX AUDIT

The article describes the concept of additional measures of tax control, their importance in conducting a tax audit, describes the types of additional measures of tax control and the timing of their conduct, as well as the authority of the tax authority for the purpose and procedure for additional measures of tax control.

Problem issues related to the procedure for additional tax control measures, as well as the ways to solve them, are taken into account, taking into account the established judicial and administrative practice.

The procedure for conducting additional measures of tax control is primarily aimed at observing the rights and legitimate interests of the taxpayer.

Keywords: taxes, tax law, tax control, tax audit, state, tax authority, taxpayers.

Любая организация нуждается в средствах, необходимых для обеспечения ее существования, поддержания достойного уровня деятельности, оплаты труда сотрудников. Государство также не является исключением. При этом основным средством пополнения государственного бюджета является налог. Сбор налогов осуществляется государством по средствам создания системы налогового администрирования, от эффективности функционирования которой зависит полнота сбора налогов. Основной задачей системы налогового администрирования является контроль за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты законно установленных налогов и сборов. Вышеуказанный контроль обеспечивается, прежде всего, посредством проведения налоговых проверок. В случае выявления нарушений в ходе проведения налоговой проверки лицами ее проводящими составляется акт. На акт налоговой проверки налогоплательщиком могут быть представлены возражения, которые затем рассматриваются руководителем (заместителем руководителя налогового органа). В течение 10 дней со дня истечения срока на представление возражений выносится решение о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения.

У руководителя (заместителя) руководителя налогового органа есть право на вынесение решения о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля, предоставлен-

Шигапова А. М.

ное ему пунктом 6 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Данное положение направлено на соблюдение прав и законных интересов налогоплательщика при проведении налоговой проверки.

Несмотря на достаточно большой объем научных работ, посвященных исследованию налоговых правоотношений в сфере налогового контроля, проблема процедуры проведения дополнительных мероприятий налогового контроля, их рассмотрения, ознакомления с ними налогоплательщика остается недостаточно изученной и представляет интерес для дальнейшего исследования.

Срок проведения дополнительных мероприятий налогового контроля не может составлять более одного месяца, и более двух месяцев в случае проведения налоговой проверки в отношении консолидированной группы налогоплательщиков.

Законодатель также ограничивает виды контрольных мероприятий, которые могут проводиться в качестве дополнительных. К таким мероприятиям относится истребование документов, допрос свидетеля, проведение экспертизы. Таким образом, в рамках дополнительных мероприятий налогового контроля могут проводиться мероприятия не связанные с присутствием проверяющих на территории налогоплательщика.

Ограничение видов мероприятий налогового контроля исходит из цели этих мероприятий. Цель дополнительных мероприятий налогового контроля – уточнить обстоятельства

уже установленные в ходе налоговой проверки, а не выявить новые нарушения.

Обнаружение и выявление налогового правонарушения, как следует из статей 31, 82–101 НК РФ, происходит в рамках налогового контроля и фиксируется при оформлении результатов налоговых проверок – выездных и камеральных. При проведении налоговой проверки итоговым и одновременно правоприменительным актом, по которому возбуждается преследование за совершение налогового правонарушения, то есть начинается процесс привлечения к ответственности, выступает акт проверки. Все мероприятия, производимые проверяющими после составления акта проверки, могут быть направлены только на уточнение и конкретизацию уже установленных фактов.

Цель дополнительных мероприятий налогового контроля подчеркивается многими авторами. О. В. Пантюшов указывает, что «смысл дополнительных мероприятий налогового контроля заключается в сборе достаточной совокупности доказательств по делу о налоговом правонарушении. Назначение мероприятий означает, что сотрудники налоговой службы, проводившие проверку, не в полной мере обосновали свои выводы, изложенные в акте»¹.

В пункте 11 Информационного письма ВАС РФ от 17.03.2003 № 71 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений части первой Налогового кодекса Российской Федерации» указано, что принятие налоговым органом решения о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля свидетельствует о том, что, рассмотрев материалы проверки с учетом возражений налогоплательщика, налоговый орган не счел их достаточными для принятия решения о привлечении либо отказе в привлечении к налоговой ответственности».

Вышеуказанная позиция суда дополнительно подтверждает цель дополнительных мероприятий налогового контроля, указывает на то, что обстоятельства, не нашедшие отражение в первоначальном акте налоговой проверки, не могут быть положены в основу решения по данной проверке, даже если были установлены в ходе проведения дополнительных мероприятий налогового контроля.

Спорным до настоящего времени являлся вопрос о возможности проведения выемки документов, предметов в рамках дополнительных мероприятий налогового контроля. С одной стороны выемка документов не входит в перечень дополнительных мероприятий налогового контроля, соответственно ее проведение напрямую нарушает права и законные интересы налогоплательщика.

С другой стороны выемка документов, предметов может понадобиться, например, для изъятия документов с целью проведения почерковедческой или оценочной экспертизы, в случае, если налогоплательщик уклоняется от предоставления необходимых документов по требованию налогового органа.

Согласно позициям высших судебных инстанций выемка документов для целей проведения экспертизы не является нарушением прав и законных интересов налогоплательщика, в том случае, если налогоплательщик по требованию налогового органа отказывается представить документы необходимые для проведения экспертизы и противодействует проведению мероприятий налогового контроля.

Законодательством о налогах и сборах не определен момент, когда действия налогоплательщика следует расценивать как уклонение от представления документов, одно или несколько требований необходимо направить в его адрес, чтобы иметь возможность произвести выемку документов (предметов).

На практике налоговый орган осуществляет выемку сразу после истечения пятидневного срока, отведенного на исполнение требования о представлении документов.

Решение о проведении мероприятий налогового контроля может быть принято руководителем (заместителем руководителя) налогового органа с целью уточнения каких-либо обстоятельств имеющих значение для проведения проверки и вынесения максимально обоснованного решения, в целях рассмотрения возражений налогоплательщика, оценки и проверки обоснованности доводов, изложенных в них.

Е. Г. Весницкая указывает, что «как правило, дополнительные мероприятия налогового контроля назначаются с целью проверки доводов налогоплательщика, изложенных им в возражениях на акт. Дополнительные мероприятия дают контролерам шанс исправить допущенные нарушения (конечно, если претензии проверяемого лица обоснованны) и получить надлежащие доказательства занижения налогоплательщиком налогооблагаемой базы»².

Как было указано выше, по результатам проведения дополнительных мероприятий налогового контроля налоговым органом не может быть вынесен новый акт. Однако материалы дополнительных мероприятий налогового контроля подлежат рассмотрению, так же как и материалы самой налоговой проверки.

Процедура рассмотрения материалов, полученных в ходе проведения дополнительных мероприятий налогового контроля, недостаточно урегулирована законодательством о налогах и сборах. В главе 14 НК РФ четко прописаны лишь сроки осуществления этих мероприятий и формы их проведения.

Норм, касающихся оформления результатов дополнительных мероприятий, порядка и сроков их обжалования, вынесения итогового решения по проверке, Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит. Соответственно основным источником информации по данному вопросу являются разъяснения уполномоченных органов и судебная практика.

Налоговым кодексом не предусмотрено составление каких-либо актов ненормативного характера после окончания дополнительных мероприятий налогового контроля. Данной позиции придерживаются некоторые судебные органы.

Например, ФАС Северо-Западного округа в Постановлении от 29.05.2013 по делу № А26-4897/2012 указал, что статьей 101 НК РФ на налоговый орган не возлагается обязанность по составлению акта или справки по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля и вручения этих документов налогоплательщику.

Похожей позиции придерживается Федеральная налоговая служба, указывая в письме от 13.09.2012 № АС-4-2/15309@, что «пунктом 7 статьи 101 Кодекса установлено, что руководитель (заместитель руководителя) налогового органа, проводившего налоговую проверку, выносит решение о привлечении либо об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения не только по результатам рассмотрения акта налоговой проверки, других материалов налоговой проверки, но и материалов, полученных в результате проведения дополнительных мероприятий налогового контроля. При этом по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля повторный акт не составляется, так как это противоречит цели проведения таких мероприятий».

Есть и иная позиция, изложенная Высшим арбитражным судом в постановлении пленума от 30.07.2013 N 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации». В вышеуказанном постановлении суд указал, что «в силу

1 Пантюшов О. В. Журнал «Ваш налоговый адвокат». 2009. № 1.

2 Весницкая Е. Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://отрасли-права.пф/article/8666>.

ст. 101 НК РФ лицо, в отношении которого проводилась налоговая проверка, вправе до вынесения решения по ее результатам ознакомиться со всеми материалами дела о налоговом правонарушении, в том числе и с материалами дополнительных мероприятий налогового контроля. Принимая во внимание, что названной статьей не предусмотрены порядок и сроки направления проверяемому лицу материалов дополнительных мероприятий, а также не установлен срок для направления данным лицом возражений на такие материалы, судам необходимо исходить из того, что применительно к положениям п. п. 5 и 6 ст. 100 НК РФ налоговый орган должен направить эти материалы указанному лицу (его представителю), который, в свою очередь, вправе представить налоговому органу свои возражения».

Таким образом, налоговый орган обязан ознакомить налогоплательщика с материалами дополнительных мероприятий налогового контроля и предоставить возможность представить возражения.

Законодателем также не урегулирован срок на представление налогоплательщиков возражений на результаты мероприятий налогового контроля. При этом очевидным является тот факт, что налогоплательщику интересно познакомиться не с самими документами, полученными налоговым органом в ходе проведения дополнительных мероприятий налогового контроля, а с выводами проверяющих относительно данных документов. Очень важно то, как проверяющие трактуют полученные документы, и какие выводы на их основании делают.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что проверяющие должностные лица все-таки должны составить по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля какой-либо документ, в котором будут изложены выводы, сделанные на основании полученных в ходе вышеуказанных мероприятий документов.

Срок вручения результатов дополнительных мероприятий налогового контроля также законодательно не урегулирован, однако пленум ВАС РФ в постановлении от 30.07.2013 N 57 указывает, что срок вручения аналогичен сроку вручения акта налоговой проверки, то есть составляет 5 рабочих дней.

Срок подачи налогоплательщиком возражений также не установлен законодательно. Минфин России в Письме от 26.09.2011 № 03-02-07/1-342 указал: несмотря на то, что законом не установлены специальные сроки для подготовки возражений, возникших по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля, и их рассмотрения, право проверяемого лица на ознакомление с материалами и подготовку возражений обеспечивается соответствующей обязанностью руководителя (заместителя руководителя) налогового органа.

Следует отметить, что по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля положение налогоплательщика не может ухудшаться по сравнению с актом, вынесенным по итогам налоговой проверки в целом. Даже в случае, если налоговым органом будут выявлены технические или иные ошибки в расчетах, перерасчет санкций, недоимки и пени в сторону увеличения невозможен. Все неточности, допущенные лицами, проводившими проверку, трактуются в пользу налогоплательщика.

После проведения дополнительных мероприятий налогового контроля руководитель (заместитель руководителя) налогового органа обязан назначить рассмотрение материалов налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля.

Следует отметить, что срок рассмотрения материалов дополнительных мероприятий налогового контроля совпадает со сроком рассмотрения материалов самой налоговой проверки и составляет 10 дней со дня истечения срока предоставленного проверяемому лицу на представление возражений на материалы дополнительных мероприятий налогового контро-

ля. Таким образом, законодатель устанавливает обязанность налогового органа по направлению результатов дополнительных мероприятий налогового контроля в адрес налогоплательщика. С даты их получения налогоплательщиком исчисляется месячный срок на представление возражений на результаты дополнительных мероприятий налогового контроля.

Таким образом, в случае вынесения руководителем (заместителем руководителя) налогового органа решения о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля срок вынесения решения откладывается на один месяц и 10 дней. Данные положения налогового кодекса направлены на то, чтобы налогоплательщик мог в полной мере воспользоваться своим правом на представление возражений и защиту своих интересов. Вышеуказанный подход позволяет свести к минимуму отмену судами решений налоговых органов по формальным основаниям вследствие нарушения ими существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что дополнительные мероприятия налогового контроля служат дополнительным инструментом, позволяющим соблюсти баланс частных и публичных интересов при проведении налоговой проверки, не допустить вынесение в отношении налогоплательщика необоснованного решения, собрать достаточную доказательственную базу, подтверждающую совершение проверяемым лицом налогового правонарушения.

Однако, в настоящее время нормы, регулирующие порядок и сроки проведения дополнительных мероприятий налогового контроля, их рассмотрения, ознакомления налогоплательщика с результатами дополнительных мероприятий налогового контроля носят разрозненный характер, четко не урегулированы нормами законодательства о налогах и сборах, что влечет за собой большое количество споров, связанных с процедурой проведения дополнительных мероприятий налогового контроля. Таким образом, необходимо законодательное закрепление положений, регулирующих процедуру проведения дополнительных мероприятий налогового контроля.

Пристатейный библиографический список

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016).
2. Весницкая Е. Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/8666>.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.03.2003 № 71 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений части первой Налогового кодекса Российской Федерации».
4. Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С. Г. Пепеляева. М., 2015.
5. Пантюшов О. В. Журнал «Ваш налоговый адвокат». 2009. № 1.
6. Письмо Министерства Финансов Российской Федерации от 26.09.2011 № 03-02-07/1-342.
7. Письмо Министерства Финансов Российской Федерации от 26.10.2011 № 03-02-08/112.
8. Письмо Федеральной налоговой службы от 13.09.2012 № АС-4-2/15309@.
9. Постановление пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации».
10. Хойзер К. Жертва и налог. От античности до современности // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир. М., 1992.

РОМАНОВСКАЯ Любава Ростиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

«ГРУППЫ СМЕРТИ» ВНЕ ЗАКОНА: НОВЕЛЛЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена проблеме детских суицидов и распространению в социальных сетях так называемых «групп смерти», формирующих культ самоубийства. Рассмотрены юридические механизмы противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению. Предлагаются меры профилактики такого поведения.

Ключевые слова: детский суицид, «группы смерти», доведение до самоубийства, новеллы уголовного законодательства, профилактика суицидального поведения.

ROMANOVSKAYA Lubava Rostislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Law Faculty of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

Романовская Л. Р.

«GROUPS OF DEATH» OUTSIDE THE LAW: CHANGES IN RUSSIAN LEGISLATION

The article is devoted to the problem of children's suicides and the spread of social networks, the so-called "groups of death" forming a cult of suicide. Legal mechanisms for combating of activities aimed at encouraging children to suicidal behavior are reviewed. The author proposes measures for the prevention of such behavior.

Keywords: children's suicide, «groups of death», incitement to suicide, novels of the criminal law, prevention of suicidal behavior.

Одной из самых обсуждаемых сегодня тем является проблема детских суицидов. По данным Росстата число несовершеннолетних, погибших в результате самоубийств, в 2011 г. составило 728 чел., в 2012 г. - 653, в 2013 г. - 567, в 2014 г. - 591, в 2015 г. - 460 чел¹. То есть на протяжении 5 лет наблюдалось снижение уровня детской смертности от суицидов.

В 2012 году Президентом РФ была утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы². В ней обращалось внимание на сложную ситуацию с суицидами среди несовершеннолетних в возрасте от 10 до 18 лет и указывалось на необходимость разработки системы мер по предотвращению подросткового суицида. В рамках выполнения данного поручения федеральным государственным бюджетным научным учреждением «Центр исследования проблем воспитания, формирования здорового образа жизни, профилактики наркомании, социально-педагогической поддержки детей и молодежи» были разработаны «Методические рекомендации по профилактике суицидального поведения детей и подростков в образовательных организациях». Эти методические рекомендации были в январе 2016 года направлены Департаментом государственной политики в сфере защиты прав детей Минобрнауки для использования в практической деятельности образовательных организаций³. Одна-

ко, как показали последующие события, они не были вовремя внедрены в учебно-воспитательный процесс.

Именно в 2016 году произошел резкий всплеск количества детских самоубийств (в то время как количество суицидов среди взрослых сократилось). В разных источниках указываются разные цифры. Так в статье Председателя Следственного комитета Российской Федерации, доктора юридических наук А. И. Бастрыкина указано 720 случаев за год. По информации правового портала Гарант – 1635 случаев детского суицида за 2016 г.⁴ Причем было установлено факты психологической обработки несовершеннолетних в так называемых «группах смерти» - «Синий кит», «Море китов», «F57», «Тихий дом» и других. Во многом рост детских самоубийств связан именно с их активностью.

В данных группах тема смерти и суицида романтизируется, добровольный уход из жизни превращается в фетиш, привилегию «избранных», он пропагандируется и поощряется как что-то достойное похвалы и подражания. То есть формируется своеобразная мода на суицид. При этом тиражируются фотографии самоубийц, их превращают в культовых персонажей (так, например, происходит с историей Рины Паленковой, которая в ноябре 2015-го написала у себя на стене «ВКонтакте» «Ня.Пока» и легла под поезд на Дальнем Востоке). Администраторы данных групп сознательно подталкивают подписчиков к суицидальному поведению, культивируют депрессивные психологические состояния.

1 Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке. // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.

2 Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/>.

3 Письмо Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей от 18 января 2016 г. № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида». [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71218428/>.

4 9 марта 2017 г. «Законопроект об уголовной ответственности за склонение детей к самоубийству внесен сегодня в Госдуму». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1096610/>.

Конечно, нельзя считать деятельность таких групп единственной или даже основной причиной детских самоубийств. Однако, данная деятельность является общественно опасной по своему характеру и за нее должна быть установлена соответствующая юридическая ответственность. Организаторы таких групп действовали, не опасаясь преследования со стороны правоохранительных органов.

Первым уголовным делом, возбужденным по факту «подстрекательства подростков к доведению до самоубийства», стало дело Филиппа «Лиса» (Будейкина). Дело было возбуждено 20 мая 2016 года по ч. 4 ст. 33, ст. 110 УК РФ.⁵ Это было сделано после публикации в СМИ журналистского расследования (статья о «группах смерти» была опубликована в «Новой газете»). Для следователей это был первый в истории современного российского правосудия случай, когда им пришлось квалифицировать подобное преступление.

Сложность квалификации состоит в том, что формулировка ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства») построена таким образом, что размещение определенного контента в Интернете, разговоры и беседы не подпадают под ее действие. Данная статья устанавливает ответственность за доведение до самоубийства путем «угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего».⁶ Более того, данная статья не содержит квалифицирующих признаков, которые усиливали бы ответственность за совершение подобных преступлений в отношении несовершеннолетних или группы лиц. Все это существенно затрудняет привлечение виновных к ответственности. Кроме того, строить доказательную базу по таким делам серьезно мешает то, что кураторы «групп смерти» обучают тех, кого они «обрабатывают», как скрывать информацию от родителей и перед последним шагом зачислить компьютер, чтобы после самоубийства не осталось переписки, указывающей на причастность этих кураторов к случившемуся.

Таким образом, необходимые механизмы привлечения лиц к ответственности за склонение к самоубийству у правоохранительных органов на данный момент отсутствуют (точнее только формируются). Такое сетевое склонение к совершению самоубийства не было спрогнозировано наукой, не было своевременно оценено криминологами и по факту приняло широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки. Следствием этого явилось отсутствие мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности и своевременному пресечению их действий.

В связи с этим по итогам заседания Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы, состоявшегося 15 ноября 2016 г., Президентом Российской Федерации было дано поручение принять решения, направленные на совершенствование системы профилактики подросткового суицида. В том же месяце была создана межведомственная рабочая группа, в которую вошли депутаты, представители Следственного комитета РФ, Минздрава России, Роскомнадзора и др. Эта группа разработала законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению».⁷

Данный законопроект был внесен в Государственную Думу 9 марта 2017 года. 19 апреля он был принят в 1 чтении, 24 мая – во втором, а уже 26 мая был принят и передан на одобрение в Совет Федерации. На момент написания данной статьи закон проходил процедуру одобрения.

В пояснительной записке к законопроекту указывается, что целью его разработки и принятия является обеспечение безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, создание мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей и борьбы с различными формами содействия суицидам, а также вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для их жизни.

Согласно законопроекту, основные изменения вносятся в Уголовный кодекс РФ. Статью 110 УК РФ предлагается дополнить частью второй, усиливающую ответственность за доведение до самоубийства, если это было совершено: а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, либо в материальной или иной зависимости от виновного; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в) в отношении двух или более лиц; г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Максимальное наказание за такие деяния – восемь лет лишения свободы.

Также предлагается дополнить УК РФ новыми статьями 110.1 и 110.2 – «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и «Организация деятельности, сопряженной с побуждением граждан к совершению самоубийства».

Статья 110.1. вводит уголовную ответственность за:

- склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства;

- содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению, а также обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Это формальные составы, то есть ответственность по ним наступает, даже если они не повлекли самоубийство лица или покушение на самоубийство (если же повлекли – то ответственность наступает по ч. 4 или 5 и будет более суровой – до 6-ти лет лишения свободы)

Предусмотрены также квалифицирующие признаки: совершение данных деяний: а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в) в отношении двух или более лиц; г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведе-

5 20.05.2016 г. «В Санкт-Петербурге возбуждено уголовное дело по факту подстрекательства подростков к доведению до самоубийства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/1040784>.

6 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17 апреля 2017 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108000/>.

7 Законопроект № 118634-7. // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=118634-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=118634-7).

нии, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Статья 110.2 устанавливает уголовную ответственность за:

- организацию деятельности, сопряженной с побуждением граждан к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства;

- то же деяние, сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»),

Предлагается также ввести ст. 151.2, устанавливающую ответственность за склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угрозы или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий. Примером такой опасной деятельности являются случаи вовлечения лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, подростков в «трейнерфинг» (проезд на крыше поезда) или иные виды смертельно опасного «зацепинга», ружинг (незаконное проникновение на крыши высоких зданий) либо в иные занятия, в том числе игры по типу «Беги или умри», когда ребенку предлагается перебежать дорогу как можно ближе перед движущимся транспортом.

Защита детей от информации, побуждающей к суициду и опасному для жизни поведению, относится к одной из задач национальной безопасности и уже является требованием действующего законодательства. Скорее всего, рассмотренные нами поправки к Уголовному Кодексу РФ в ближайшее время будут приняты и вступят в силу.

Роскомнадзор постоянно мониторит социальные сети (прежде всего сеть «ВКонтакте») и блокирует группы, в которых содержится пропаганда суицида, однако ситуация остается напряженной и сейчас. Так в январе-феврале 2017 года РОЦИТ (Российский общественный центр интернет-технологий) зафиксировал невероятный всплеск активности в социальных сетях групп, склоняющих детей к суициду. РОЦИТ провел анализ тегов, типичных для групп суицидальной тематики, в публичных сообщениях на стенах групп в соцсети «ВКонтакте», после чего был произведен геотаргетинг авторов постов с этими тегами по публичным данным. Анализатор насчитал в день около 4000 тегов в этих группах.⁸ Результаты геотаргетинга были отражены на карте, по которой видно, что проблема касается не только России, но и Украины, Белоруссии, Казахстана и других наших соседей, бывших братских республик.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что современный мир заставляет государство и общество столкнуться с новыми вызовами и опасностями. Общество обязано на них реагировать как можно более оперативно. Взрослое поколение не всегда информировано о том, что происходит с детьми в интернет-пространстве, но необходим научно-обоснованный прогноз и действенные профилактические меры. Так, например, требуется определенная коррекция образовательных школьных программ, в части введения таких предметов, как психология, основы информационной безопасности и других предметов, направленных на формирование у детей психологической устойчивости, позитивного

мышления, навыков ответственного потребления информационной продукции, навыков самостоятельного и критического мышления, повышения медиаграмотности, формирования ответственности за свое поведение в интернет-пространстве.

Общество, государство, интернет-сообщество, должны противопоставить культу смерти – культ жизни. Проблема организации детского досуга должна стать не только «головной болью» родителей, ей нужно заниматься очень серьезно на региональном и муниципальном уровнях.

29 мая 2017 г. Президент РФ подписал Указ, подписав указ, согласно которому период с 2018 по 2027 г.г. объявлены Десятилетием детства.⁹ Правительству поручено в 3-месячный срок утвердить план основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства. Хочется надеяться, что эти мероприятия действительно помогут детям по всей России почувствовать интерес к реальной, а не виртуальной жизни.

Пристайный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 17 апреля 2017 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108000/>.
2. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/>.
3. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/30/desyatiletie-dok.html>.
4. Письмо Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей от 18 января 2016 г. № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71218428/>.
5. Законопроект № 118634-7. // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=118634-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=118634-7).
6. 6 марта 2017 г. «Второе дело «Лиса». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/10857/>.
7. 9 марта 2017 г. «Законопроект об уголовной ответственности за склонение детей к самоубийству внесен сегодня в Госдуму». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1096610/>.
8. 20.05.2016 г. «В Санкт-Петербурге возбуждено уголовное дело по факту подстрекательства подростков к доведению до самоубийства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/1040784>.
9. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.

8 6 марта 2017 г. «Второе дело «Лиса». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/10857/>.

9 Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. N 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/30/desyatiletie-dok.html>.

МАЛЫЦЕВ Виталий Анатольевич

соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий эксперт-техник, оценщик в Свердловской областной общественной организации «Оценщики Урала»

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим правовым государством, в котором гарантируется, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Важнейшим элементом развития российской государственности является функционирование стабильного гражданского общества и развитие устойчивой экономики, которая немаловажна без надежной защиты имущественных прав всех субъектов правоотношений.

Так одним из видов экономических отношений является страхование, которое выступает значимой составляющей не только национальной, но и международной финансовой системы. Во времена экономических кризисов средства страховой защиты являются наиболее востребованными для обеспечения устойчивого финансового роста при неблагоприятных ситуациях. Не случайно Правительством Российской Федерации предпринимаются долгосрочные меры для развития страхового рынка, которые необходимы для стабильного улучшения качества жизни российских граждан, обеспечения национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления имиджа России на мировой арене.

Таким образом, в целях глубоко познания исследуемого объекта следует обратиться к познанию истории становления и развития ответственности за мошенничество в сфере страхования, что и было сделано в данной статье*.

Ключевые слова: страхование, уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, мошенничество, права и свободы.

MALTSEV Vitaliy Anatolyevich

competitor of Criminal and legal disciplines sub-faculty of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation; the leading expert-technician, the appraiser in Sverdlovsk Regional Public Organization «Appraisers of the Urals»

THEORETICAL-LEGAL ANALYSIS OF THE BASIS OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR FRAUD IN THE INSURANCE INDUSTRY

The Constitution of the Russian Federation proclaims Russia a democratic state of law, which guaranteed the rights and freedoms of man and citizen are the Supreme value. The most important element in the development of the Russian statehood is the operation of a stable civil society and a sustainable economy, which is impossible without reliable protection of property rights of all subjects of legal relations.

So one of the types of economic relations is insurance, which is a significant component not only of national but also international financial system. In times of economic crises means the insurance protection are most essential for ensuring sustainable financial growth under adverse situations. Not accidentally, the Russian Government is taking long-term measures for the development of the insurance market, which are necessary for sustained improvement in the quality of life of Russian citizens, national security, dynamic development of economy, strengthening Russia's image on the world stage.

Thus, in order to deep the knowledge of the investigated object should refer to the knowledge of the history of formation and development of responsibility for fraud in the insurance industry, which was done in this article.

Keywords: insurance, criminal responsibility differentiation of the criminal liability, fraud, rights and freedoms.

В литературе справедливо отмечается, что «историко-правовой анализ памятников российского права показывает, что на том или ином этапе общественного развития российское государство придавало важное значение борьбе с противоправными деяниями обманно-мошеннического характера. В частности, такого рода деяния нередко совершались в сфере внутренних и внешних торговых взаимоотношений, которые нередко сопровождалось различными махинациями, плутовством и обманом, в том числе в отношении иностранных торговцев и купцов. Этому способствовали также сложившиеся определенные неблагоприятные исторические условия, например, ненадежность путей сообщения, частые разбои, взяточничество, вымогательство и т. п. Поэтому в течение времени возникла объективная необходимость не только в упоря-

дочении торгово-рыночных отношений, но и в установлении наказуемости обманно-мошеннических деяний»¹.

В качестве исходного ориентира для начала исследования возьмем период начала 16 века, поскольку в данный период происходит развитие городов России, которое выразилось в бурном расцвете ремесленного дела, в формировании специализации, совершенствовании технологий. Центральные районы были областью развитого пашенного земледелия. Началось освоение черноземных земель так называемого «Дикого поля», отделявших Россию от Крымского ханства. Толчок в развитии получило производство одежды, оружейное мастерство, обработка дерева, кожи, резьба по кости, ювелирное дело. В сравнении с предшествующим столетием значительно возросла торговля. Крупнейшими центрами были такие горо-

* См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2008. № 4. Ст. 5489.

1 Камышов Д. А. Ответственность за мошенничество: исторические пути развития уголовного законодательства // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 15.

да как Нижний Новгород, Москва, Холмогоры². 16 век принято считать началом формирования купечества из различных слоев населения. Государство поощряло такие начинания наделением крупных купцов различными привилегиями, например предоставлением различного рода льгот (судебных, податных). Существенно возросла роль и объемы торговли с иноземными государствами. После присоединения Казанского и Астраханского ханств открывается путь на Восток, в 1553 г. был открыт северный путь в Скандинавию и Англию из Архангельска. Обозначенные факторы приводят к зарождению различных форм правоотношений с собственностью, что способствует появлению преступных посягательств на данный объект. Наряду с этим, преступные посягательства достаточно быстро становятся изощренными, помимо «постояй» кражи, которые появляются и получают распространение по мере развития договорных отношений, экономическую основу которых составляют глубокое общественное разделение труда, господство обмена и товарно-денежных отношений, развитие торговли и иных атрибутов товарного хозяйства³, совершаются иные преступления, посягающие на собственность. Опасения потери имущества приводят к возникновению нового института, связанного со страхованием имущества. Зарождение страхования на Руси можно связать с известным и дошедшим до наших дней памятником права – «Русской правдой», в тексте которой можно наблюдать закрепление элементов договора страхования. В частности ст. 6 «Русской правды» устанавливала «Но если убьет открыто, во время ссоры или на пиру, то отныне ему так же платить вместе с вервью, если он вкладывается в виру»⁴ и ст. 8 содержала следующее положение «Если кто перестанет вкладываться в дикую виру, тому люди не помогают, но он платит сам»⁵.

Таким образом, в обозначенный период можем наблюдать становление основ защиты отношений собственности посредством установления запрещенных деяний.

В последующем происходит активное становление Московского княжества и оформляется собственное законодательство. В период Московской Руси государственное страхование также имело место. И обусловлено это было необходимостью защиты беднейших слоев населения от набегов кочевых племен. В этих целях в «Стоглаве» (1551 год) содержалось положение «О искуплении пленных», в котором определялось, что «которых окупят царицы послы в ордах и во Цареграде, или в Крыму, или в Казани, или в Асторохани, или в Кафи, или сами окупятся, и тех всех пленных окупати из царицы казны. А которых пленных приводят, православных хрестьян, окупив, греки и турчане, и армени, или иные гости, да, быв на Москве, восхотят их с собою опять повести, ино их не давати и за то крепко стояти, да их окупати из царицы же казны...»⁶. При этом ежегодно население возмещало понесенные казной убытки, для

этого Стоглав содержал следующее положение: «А сколько годом того пленного окупу из царицы казны разойдется, и то роскинути на сохи по всей земли, чей кто не буди, всем ровно, занеже таковое искупление общая милостыня порицается, и благочестивому царю и всем православным великая мзда от бога будет»⁷.

Таким образом следует отметить, что в рассматриваемый период закрепление рассматриваемых норм выступило важным фактором укрепления правопорядка и обеспечивало защиту прав наиболее незащищенного населения.

Так, в последующем, вводятся обязательные регулярные платежи с населения в счет компенсации затраченных из казны средств на выкуп пленных. Нормативной основой введения нового порядка явилось Соборное уложение (1649 г.)⁸, в котором была введена дифференцированная шкала платежей, привязанная к социальному положению плательщика. Минимальный размер – 2 деньги (деньга – полкопейки) – был установлен для служилых людей, стрельцов, казаков, пушкарей и т.д.; средний – 4 деньги – для крестьян и самый высокий – 8 денег – для городских и посадских жителей, а также крестьян приписанных к церковным и монастырским вотчинам. В уложении были определены и размеры сумм, предназначенных для выкупа, которые зависели от социального положения пленника. Так, на крестьян и боярских людей отпускалось по 15 рублей, на посадских людей – по 20 рублей; на стрельцов и казаков по 25 рублей. Самый высокий выкуп был установлен в отношении московских стрельцов – 40 рублей. Особый порядок финансирования выкупа был предусмотрен в отношении дворян и боярских детей. Он определялся не поголовно, а в зависимости от величины поместий, и, кроме того, размер суммы выкупа отличался в зависимости от обстоятельств пленения⁹. Считаем, что введенный Соборным уложением порядок ознаменовал собой переход к новому, более справедливому порядку взимания платы с населения за искупление пленных.

В Судебнике 1550 года появляется первое упоминание о мошенничестве, так закреплялось: «А мошеннику та ж казнь, что и татю. А хто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у ищ, еи иск пропал. А обманщика, как его мы приведем, ино его бити кнутьем»¹⁰. Как справедливо отмечается в литературе: в данный период законодатель «лишь использует понятие мошенничество, не обозначая его как дефиницию. Поскольку Судебник не наделял субъекта мошенничества особыми качествами, то логично предположить, что виновный в мошенничестве подвергался тем же репрессиям, что и совершившие иные преступления»¹¹.

В Судебнике также предусматривается новое понятие «ведомо лихой человек». В связи с чем в практике привлечения виновных лиц к ответственности была выработана своеобразная форма уголовного преследования – «облихование». В лите-

2 См.: Социально-экономическое развитие России в XVI веке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studfiles.ru> (дата обращения: 02.06.2017).

3 Маслов В. А. К вопросу об историческом пути развития института ответственности за мошенничество в отечественном законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 67.

4 См.: Русская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studfiles.ru> (дата обращения: 02.06.2017).

5 См.: Русская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://olegusenko1965.narod.ru/olderfiles/1/Russkaya_pravda.pdf (дата обращения: 08.04.2017).

6 Стоглав - сборник постановлений церковно-земского собора, состоявшегося в 1551 году в Москве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_roszac_ii/ist_roszac_ii_1550.htm#4 (дата обращения: 07.04.2017).

7 Там же.

8 См.: Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm#8> (дата обращения: 07.04.2017).

9 Гасанов А. К. История становления и развития законодательства об ответственности за мошенничество в сфере страхования до 1917 года // В сборнике: Проблемы и перспективы современной науки по материалам I Международной научно-практической конференции. 2014. С. 282-283.

10 Судебник 1550 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_roszac_ii/ist_roszac_ii_1550.htm#3 (дата обращения: 07.04.2017).

11 Тураев М. В. Возникновение и развитие уголовной ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве древнерусского феодального государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского МВД России. С. 96-97.

ратуре достаточно подробно рассматривался данный процесс, в частности, указывается, что «облихование» порождало особого субъекта - «лихого человека», его появление в деле придавало особую значимость данному составу преступления. Если подозреваемого обвиняли в том, что он «ведомо лихой человек», то этого было достаточно для применения к нему пытки. К «лихим», то есть особо опасным делам, относились: разбой, грабеж, поджог, убийство, особые виды кражи (татьбы), заговор и мятеж. Мошенничество в числе указанных составов не упоминается, однако, исходя из концепции составителей Судебника, можно сделать вывод, что рецидивное мошенничество вполне могло попасть в разряд «облихованности». В процессе расследования данных преступлений не требовалось доказывать, что совершены определенные, конкретные преступления, достаточно было установить на основании опроса «лучших» людей, что обвиняемый был «ведомо лихим человеком». К «лучшим» людям относились боярские дети, дворяне, представители верхушки посада или крестьянской общины. Наказания за одни и те же преступления разнились, одни были для «лихих людей», другие - для не «облихованных»¹².

Так, на рассмотренном этапе мошенничество становится наказуемым деянием. При этом особые признаки не выделялись и субъект преступления четко не очерчивался. В свою очередь практика привлечения виновных лиц существовала и была единой относительно всех лиц, совершающих преступления.

Анализируя следующий исторический правовой документ, к которому обращались выше, – Соборное уложение 1649 г., следует отразить, что мошенничество сохраняется как преступление, но однозначного его понимания не закрепляется. В Соборном уложении можем обнаружить лишь норму об ответственности за мошенничество: «Да и мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу» (бить кнутом, отрезать левое ухо и посадить в тюрьму на два года) (глава XXI, ст. 11)¹³. Таким образом, в Соборном уложении устанавливалась строгая ответственность. Однако, следует указать на тот факт, что само понятие мошенничества так и не раскрывалось.

Следовательно, в рамках рассмотренного этапа развития ответственности за мошенничество не может вестись речь о сложившемся законодательном определении данного деяния. В актах содержались отдельные нормы, посвященные ответственности за рассматриваемое преступление.

В следующем акте, который содержал упоминание о мошенничестве – Артикул воинский (1715 г) также не удается увидеть нормы уголовного закона относительно формулировки термина, что же такое мошенничество как таковое и кроме того мошенничество считалось разновидностью кражи. Однако в рассматриваемом акте выделяются несколько видов обмана (подмену вещей, присвоение имущества, взятого на продажу, подделку и подлог частных имущественных документов, обмер и обвес)¹⁴.

Очередным этапом развития законодательства, устанавливающего ответственность за мошенничество, можно считать Указ Екатерины II «О суде и наказании за воровство различных родов и о заведении рабочих домов». В литературе справедли-

во отмечают, что данный акт связан с новым этапом законодательного регулирования ответственности за имущественные преступления. Целью данного Указа была систематизация существующих законодательных положений в имущественной сфере. Указ 1781 г. придал понятию «воровство» значение исключительно похищения имущества и предложил определения трех его видов: воровство-кражу; воровство-мошенничество; воровство-грабеж, при этом мошенничеству уделяется наибольшее внимание¹⁵.

Исходя из проведенного исторического анализа следует отметить, что к началу XX века складывается законодательное определение понятия «мошенничества», которое стало содержать такой важный признак как обман. В этот же период заканчивается «эпоха царского законодательного процесса» и начинается советский этап развития уголовного законодательства.

Принятый в 1922 году УК РСФСР привнес в определение мошенничества новые черты. Так, в частности, в ст. 187 обозначенного закона мошенничество определяется как получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана¹⁶. Как видим из указанного определения, в качестве способа совершения мошенничества появляется злоупотребление доверием. Такой подход законодателя, как видится, обусловлен обращением к началам германского уголовного закона, который закрепляет указанный способ в качестве отдельного состава преступления.

УК РСФСР 1922 г. просуществовал весьма непродолжительно, но его ценность для развития ответственности за мошенничество, сложно переоценить, поскольку до сегодняшнего дня злоупотребление доверием есть неотъемлемый способ мошенничества. В 1926 г. принимается новый УК РСФСР. Представляется, что такое быстрое обновление уголовного закона связано с одной стороны с провозглашением победы над эксплуататорскими классами, с другой – созданием СССР. Однако обновленный УК РСФСР не принес в части закрепления понятия мошенничества ничего сверхнового. Мошенничество определялось в ст. 169 УК РСФСР как «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод»¹⁷. При этом нельзя говорить о дублировании положений о мошенничестве УК РСФСР 1922 г. в УК РСФСР 1926 г. Государство стало жестче относиться к мошенничеству, которое имело место в качестве последствий причинения убытков государственному или общественному учреждению. За данный вид мошенничества предусматривалось более строгое наказание.

В отличие от УК РСФСР 1922 г. УК РСФСР 1926 г. просуществовал многим больше. При этом в связи с изменениями во всех сферах общественной жизни к 1960 году назрела необходимость принятия нового уголовного закона, который предусматривал деление мошенничества на два вида относительно предмета преступного посягательства. Первый состав мошенничества был закреплен в статье 93 УК РСФСР 1960 г. и был включен в главу «Преступления против социалистической собственности». Данный вид мошенничества определялся

12 Тураев М. В. Указ соч. С. 96-97.

13 Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#8> (дата обращения: 07.04.2017).

14 См.: Артикул воинский 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 05.04.2017).

15 Камышов Д. А. Указ.соч. С. 15-17.

16 Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).

17 Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).

как «завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием»¹⁸. Второй вид мошенничества был помещен в главу под названием «Преступления против собственности». В статье 147 указанной главы содержалось следующее определение мошенничества: «завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путем обмана либо злоупотребления доверием»¹⁹. Стоит также обратить внимание, что наказание по двум указанным составам при совершении преступлений без квалифицирующих признаков, было одинаковым. Включение в разные главы двух составов мошенничества, по всей видимости, было обусловлено социалистической системой хозяйствования. УК РСФСР 1960 г. просуществовал до ныне действующего УК РФ, при этом претерпевал серьезные изменения, связанные с распадом СССР и переходом к рыночной экономике.

Подводя итог вышеизложенному следует отметить следующие этапы развития ответственности за мошенничество в России:

1. Досоветский период (с 1016 г. по октябрь 1917 г.).
2. Советский период (с октября 1917 – 1990 г.).
3. Современный этап (с 1990 – настоящее время).

На первом этапе мошенничество как преступление не закреплялось. Существовали отдельные документы, которые устанавливали ответственность за деяния, которые можно рассматривать как первые мошенничества. В советский период мошенничество получает достаточно четкое определение, которое стало базой для современного уголовного законодательства, за некоторыми изъятиями. После распада СССР мошенничество, содержащееся в главе «Преступления против социалистической собственности» декриминализируется и остается только один состав.

Пристатейный библиографический список

1. Артикул воинский 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 05.04.2017).
2. Гасанов А. К. История становления и развития законодательства об ответственности за мошенничество в сфере страхования до 1917 года // В сборнике: Проблемы и перспективы современной науки по материалам I Международной научно-практической конференции. 2014. С. 282-283.
3. Камышов Д. А. Ответственность за мошенничество: исторические пути развития уголовного законодательства // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 15.
4. Маслов В. А. К вопросу об историческом пути развития института ответственности за мошенничество в отечественном законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 67.
5. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).
6. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926

года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 4. Ст. 5489.
8. Русская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://olegusenko1965.narod.ru/olderfiles/1/Russkaya_prawda.pdf (дата обращения: 08.04.2017).
9. Русская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studfiles.ru> (дата обращения: 02.06.2017).
10. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#8> (дата обращения: 07.04.2017).
11. Социально-экономическое развитие России в XVI веке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studfiles.ru> (дата обращения: 02.06.2017).
12. Судебник 1550 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_roszac_ii/ist_roszac_ii_1550.htm#3 (дата обращения: 07.04.2017).
13. Тураев М. В. Возникновение и развитие уголовной ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве древнерусского феодального государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского МВД России. С. 96-97.
14. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).

18 Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).

19 Там же.

МИФТАХОВ Азат Рифович

аспирант Института права Башкирского государственного университета, старший эксперт экспертно-криминалистического центра ЭКЦ МВД по Республике Башкортостан, подполковник полиции

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НОВЫХ ВИДОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

Статья посвящена проблеме соотношения специальных знаний и знаний юридических в сфере противодействия обороту новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. На примерах показаны ситуационные разногласия и возникающие трудности применения специальных знаний, как специалистами и экспертами, так и субъектами доказывания. Оценивается состояние уголовного законодательства в области динамики появления новых психоактивных веществ с февраля 2004 г. по июль 2017 г. Выявлены проблемы применения нормы УПК РФ статьи 234.1, предусматривающей ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом новых психоактивных веществ. Предлагаются меры по улучшению возможностей применения специальных знаний путем создания совещательного и координирующего органа, по аналогии с Постоянным комитетом по контролю наркотиков.

Ключевые слова: специальные знания, юридические знания, оборот новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, динамики появления новых психоактивных веществ, специалист, эксперт, субъект доказывания, координирующий орган.

MIFTAKHOV Azat Rifovich

postgraduate student of the Law Institute of the Bashkir State University, senior expert of the forensic center forensic science center of the MIA for the Republic of Bashkortostan, police Lieutenant Colonel

THE ISSUES OF APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL LAW ON ILLICIT TRAFFICKING OF NEW TYPES OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES

The article is devoted to the problem of correlation of special knowledge and legal knowledge in the field of counteracting the turnover of new types of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. Examples show situational disagreements and emerging difficulties in applying specialized knowledge, both by experts and experts, and by the subjects of proof. The state of the criminal legislation in the field of the dynamics of the emergence of new psychoactive substances is estimated from February 2004 to July 2017. The problems of applying the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Article 234.1, providing liability for acts related to the illegal traffic of new psychoactive substances, are identified. Measures are proposed to improve the use of specialized knowledge through the establishment of a consultative and coordinating body, similar to the standing Committee on drug control.

Keywords: special knowledge, legal knowledge, the circulation of new types of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, the dynamics of the emergence of new psychoactive substances, the specialist, the expert, the subject of proof, the coordinating body.

Вопросы применения специальных знаний в делах, связанных с незаконным оборотом новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее наркотики нового вида), на современном этапе требуют тщательной доработки, как в плане упорядочения возможностей применения этих знаний, так и в плане наполненности их юридической составляющей.

Под термином специальные знания многие ученые понимают знания, сочетающие профессиональные умения и навыки на основе практического опыта за вычетом общеизвестных знаний, регулируемые определенной системой правил, с целью использования в определенной процессуальной форме и известные узкому кругу специалистов, являющихся сведущими лицами в области науки, техники, искусства и ремесла, за исключением профессиональных знаний и профессионально-опыта следователя и судьи.

Для экспертов, исследующих новые виды наркотиков, высокий уровень профессиональной подготовки является краеугольным камнем успешного применения специальных знаний. Специалисты узкого профиля должны, помимо хорошего уровня знания предмета естественнонаучной дисциплины, уметь разбираться и в правовых вопросах. К примеру, для экспертов-химиков задача определения понятия «производное» и «эфир» вещества не представляет никакой трудности с точ-

Мифтахов А. Р.

ки зрения химической науки, но при этом дифференцировать данные категории с учетом правовой дефиниции, порой становится трудноразрешимой задачей.

Для более ясного объяснения этого утверждения можно привести следующий пример.

Ацетилпсилодин, не имеет самостоятельной позиции в Постановлении Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (далее Перечень или Перечень наркотических средств и психотропных веществ). Возникает вопрос: как контролировать? Различные поисковые библиотеки после хромато-масс-детектирования дают, что вещество является производным наркотического средства диметилтриптамина или сложным эфиром наркотика псилоцина. Эксперту-химику необходимо прийти к какому-то однозначному выводу. При отнесении к производному, химики руководствуются двумя критериями: отсутствие вещества в виде самостоятельной позиции в Перечне и наличие химического преобразования вещества путем замены (замещения) в структуре: «Производные наркотических средств и психотропных веществ являются веществами синтетического или естественного происхождения, которые не включены самостоятельными позициями в государственный реестр лекарственных средств или в на-

стоящий перечень химическая структура которых образована заменой (формальным замещением) одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества на иные одновалентные и (или) двухвалентные атомы или заместители (за исключением гидроксильной и карбоксильной групп), суммарное количество атомов углерода в которых не должно превышать количество атомов углерода в исходной химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества¹.

Вывод о том, что ацетилпсилонин производное диметилтриптамина видится вполне корректным, учитывая, что сам ацетилпсилонин ни в одном из Списков Перечня самостоятельной позицией не значится и структурно подпадает под определение «производное». Но, тем не менее, отнесение к производным будет ошибочным, так как упускается существенный момент, больше касающийся юридической трактовки норм Перечня – это то, что эфиры также имеют самостоятельную позицию в списках Перечня наркотических средств и психотропных веществ: «Эфиры сложные и простые наркотических средств и психотропных веществ, перечисленных в данном списке»².

Почему так важно эксперти-химику соблюдать все необходимые тонкости трактовки отнесения вещества к наркотическим средствам или психотропным веществам? Дело в том, что согласно Постановления Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»³, уголовная ответственность за производные диметилтриптамина наступает с 0.5 г, а за сложные эфиры псилонина с 0.05 г.

Таким образом, некорректное отнесение наркотика нового вида к производному (в данном конкретном случае) ведет к существенному изменению применяемой юридической нормы. Видится, учитывая, что в большей массе специалисты, исследующие наркотические средства и психотропные вещества не всегда вникают в юридические тонкости законодательства и ориентируются в большей мере на справочные данные приборных библиотек, правильнее было бы экспертам-химикам формулировать вывод, в формате выданном поисковыми библиотеками о том, что представленное вещество является ацетилпсилонин, которое является производным наркотического средства диметилтриптамина или сложным эфиром наркотического средства псилонина. Вопрос отнесения к конкретному виду наркотического средства или психотропного вещества с учетом списков Перечня отдать на решение субъекта дознания. Что было бы правильно и с формальной юридической точки зрения. Но учитывая имеющуюся судебную практику, такой вывод не устроит ни одну из сторон судебного разбирательства.

1 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681 // Документ в электронном виде ФАПСИ, НТЦ «Система» (в ред. от 30.06.98. «Российская газета». 17.07.98. № 134; «Собрание законодательства РФ», № 27. 06.07.98. Ст. 3198). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=271646> (дата обращения: 03.07.2017).

2 См. там же.

3 Постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Правовой сайт Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70237124/#ixzz4kuX1D8vg>.

Необходимо заметить, что законодательство России о противодействии незаконному обороту наркотиков одно из самых динамично модифицируемых. Так, за 2016 и шесть месяцев 2017 года из 20 поправок, внесенных в Уголовный Кодекс РФ⁴, 5 касались изменений статей, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. В Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации», изменения за этот же период вносились также 5 раз. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ⁵ в 2016 году претерпевал 3 редакции.

Такие темпы преобразования правоустанавливающих документов в области противодействия незаконному обороту наркотиков, не могут не сказаться на некой асинхронности действий субъектов правоприменения и лиц, наделенных специальными знаниями.

По мнению С. В. Нехорошева и О. Ю. Моисеевой⁶, например, отнесение вещества к аналогу наркотического средства или психотропного вещества сложно применимо из-за отсутствия законных оснований – нет экспертных методик, а в случае признания психоактивного вещества «аналогом» исследовательским путем, то такие заключения отклоняются судами по тем же методическим причинам. К этому следует добавить, что открытие химико-токсикологических лабораторий по исследованию аналогов наркотических средств и психотропных веществ в каждом из субъектов Российской Федерации достаточно затратное мероприятие, которое в конечном итоге не приведет к необходимому эффекту с точки зрения реализации норм права. Это, и из-за длительных сроков проведения исследований, и из-за низких критериев доверия к такому рода экспертизам, и в связи с отсутствием рекомендованных методик исследований лабораторией ООН по наркотическим средствам и другим контролируемым веществам.

Следует отметить, что нелегальный рынок наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов очень лабилен с точки зрения появления новых видов психоактивных веществ. В своей диссертации И. П. Машенко⁷ приводит статистику изменений Перечня наркотических средств и психотропных веществ с февраля 2004 по февраль 2013 года, согласно которой в Перечень включены 68 новых наименований наркотических средств и психотропных веществ, помимо этого Перечень дополнился определением понятия «производное» и соответственно производные многих наркотиков также попали под запрет.

Анализ изменений Перечня наркотических средств и психотропных веществ с февраля 2013 по февраль 2017 года по внесению в него новых видов наркотических средств и психотропных веществ выявил следующую картину: Перечень дополнился еще 68 наркотическими средствами и 24 психотропными веществами⁸.

4 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с изменениями и дополнениями // сайт Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/10108000/1/#block_1110#ixzz4kudY40Uj (дата обращения: 03.07.2017).

5 Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изменениями и дополнениями) // Правовой сайт Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12107402/#ixzz4kubb1pNK> (дата обращения: 03.07.2017).

6 Нехорошев С. В. Хроматомасс-спектрометрическая идентификация производных фенилэтиламина и ее значение для обеспечения государственного контроля за оборотом новых психоактивных веществ / С. В. Нехорошев, О. И. Моисеева // Вестник Югорского ГУ. Ханты-Мансийск, 2012. № 3 (26). С. 41-44.

7 Машенко И. П. Исследование химических и биологических свойств новых психоактивных веществ с целью возможного отнесения их к аналогам наркотических средств: дисс.... канд. фарм. наук // Пермская гос. фарм. академия. Пермь, 2013. С. 18-19.

8 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681 // Документ в электронном виде ФАПСИ, НТЦ «Система» (в

Некоторые, внесенные в Перечень наркотических средства и психотропные вещества первоначально имели нелегальный оборот на территории Российской Федерации в течение какого-то промежутка времени не подпадая под государственные запретительные механизмы. Это связано как с инерционностью правового регулирования, так и с трудностями идентификации новых психоактивных веществ экспертным путем. Методика идентификации веществ построена на применении специалистами методов хромато-масс-спектрометрии и интерпретации полученных результатов по таким факторам как, время удерживания на хроматографической колонке, время выхода анализируемого вещества и сопоставление его масс-спектра с масс-спектрами из библиотек прибора, а также с литературными источниками или с данными, полученными в результате анализа образцов с известными свойствами и химическим составом.

Очень часто, появляющиеся на нелегальном рынке незнанные соединения не могут быть идентифицированы и вследствие этого не могут попасть под запретительные механизмы. Именно поэтому Федеральным законом от 03.02.2015 №7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее ФЗ №7)⁹ в Федеральный закон от 08.01.1998 №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» введено понятие «новые потенциально опасные психоактивные вещества», а также «реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен». Уголовный кодекс России дополнен новой статьей 234.1 предусматривающей ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом таких веществ в целях сбыта, а равно их незаконный сбыт.

Как указывают В. И. Третьяков и В. Г. Волколупов¹⁰: «Бесспорно появление в УК РФ ст. 234.1 является своевременным и необходимым». Однако с точки зрения возможностей применения специальных знаний, так ли однозначно выглядит принятое решение. Как уже отмечалось, идентификация новых видов наркотиков сопряжена с трудностями определения химической структуры вещества. И даже после установления химического строения, остается вопрос: «Имеет ли вещество сходные свойства со свойствами наркотических средств?». В статье 2.2. ФЗ №3 «Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен», пункт 5 указывает, что: «включение веществ в реестр осуществляется при получении должностными лицами органов, перечисленных в пункте 1 статьи 53 настоящего Федерального закона, сведений о его потреблении, которые должны быть подтверждены результатами медицинских освидетельствований лиц, находящихся под воздействием этого вещества, проведенного в соответствии со статьей 44 настоящего Федерального закона». Таким образом, мы снова сталкиваемся с тем, что специалисты, наделенные специальными знаниями, должны по объективным внешним признакам определить состояние наркотического опьянения и по структурным метаболитам, полученным из мочи или крови, дать необходимое заключение о наличии психоактивного вещества в организме лица, находящегося под его воздействием. Последнее видится иногда затруднительным, так как даже при наличии у врача заключения эксперта или справки об исследовании из криминалистической лаборатории о том, что изъятое вещество является веществом с такой-то химической структурой, дать однозначное заключение по остаточным метаболитам, не всегда представляется возможным.

ред. от 30.06.98. «Российская газета». 17.07.98. N 134; «Собрание законодательства РФ». № 27. 06.07.98. Ст. 3198). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=271646> (дата обращения: 03.07.2017).

9 Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Правовой сайт Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70858526/#ixzz4kvPTwUpL> (дата обращения: 03.07.2017).

10 Третьяков В. И. Проблемы правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ / В. И. Третьяков, В. Г. Волколупов // Вестник Волгоградской академии МВД России. Волгоград, 2015. № 4. С. 81.

Таким образом, наблюдается картина, когда правоприменительная часть законодательства недостаточно подкреплена возможностями применения специальных знаний.

Решение данной проблемы видится в том, чтобы лица, наделенные специальными знаниями, имели возможности адекватно и самое главное своевременно реагировать на все изменения норм правового регулирования в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Каким образом это возможно осуществить? Прежде всего, необходим компетентный координирующий орган, который мог бы согласовывать деятельность лиц, наделенных специальными знаниями, в соответствии с правовыми нюансами изменяющегося законодательства в области оборота наркотических средств, а также вносить свои рекомендации на рассмотрение антинаркотических комиссий. Таковым органом до образования ФСКН России, был Постоянный Комитет по контролю наркотиков (ПККН)¹¹. В настоящее время в связи с расформированием Госнарконконтроля, остро стоит необходимость в формировании аналогичного ПККН органа, в который входили бы ведущие ученые и специалисты в области контроля наркотических средств и психотропных веществ.

К сожалению, специалисты различных ведомств, компетенцией которых является исследование наркотических средств и психотропных веществ, в настоящее время интеллектуально разобщены. Чтобы хоть как то ликвидировать пробелы в знаниях, найти общие взгляды, эксперты вынуждены организовываться в различные группы в социальных сетях, создавать форумы и мессенджеры.

Из всего выше сказанного следует, динамично развивающийся нелегальный рынок наркотических средств, вынуждает правоохранительные органы всемерно препятствовать угрозе наркоагрессии. Наркодилеры ищут пути сбыта через получение новых психоактивных веществ, путем усовершенствования технологий производства, совершенствования коммуникативных систем и информационных связей, находятся в постоянной конкурентной борьбе друг с другом. Такие механизмы требуют от наркодилеров привлечения специалистов высокого класса в сфере химии, биологии, медицины, права, логистики, коммуникаций, IT-технологий и многих других сфер деятельности. Противостоять такой форме незаконного оборота наркотических средств могут только специалисты очень высокого профессионального уровня, наделенные определенными полномочиями и имеющие координирующий орган с компетенциями внесения инициатив в законодательные органы федеральной власти. Основной задачей данного органа было бы консультирование экспертов и специалистов, а равно следователей, защитников, судей по вопросам, касающимся незаконного оборота наркотических средств, сбор информации с регионов о появлении новых психоактивных веществ, моментальное принятие решения по спорным вопросам в единой консолидации и многое-многое другое.

Пристатейный библиографический список

1. Мащенко И. П. Исследование химических и биологических свойств новых психоактивных веществ с целью возможного отнесения их к аналогам наркотических средств: дис...канд. фарм. наук // Пермская гос. фарм. академии. Пермь, 2013. С. 18-19.
2. Нехорошев С. В. Хроматомасс-спектрометрическая идентификация производных фенилэтиламина и ее значение для обеспечения государственного контроля за оборотом новых психоактивных веществ / С. В. Нехорошев, О. И. Моисеева // Вестник Югорского ГУ. Ханты-Мансийск, 2012. № 3 (26). С. 41-44.
3. Третьяков В. И. Проблемы правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ / В. И. Третьяков, В. Г. Волколупов // Вестник Волгоградской академии МВД России. Волгоград, 2015. № 4. С. 81.

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dokipedia.ru/document/5188629> (дата обращения: 03.07.2017).

СЫСОЕВА Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета, адвокат Свердловской Областной Коллегии Адвокатов

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В статье проводится анализ приговоров суда по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, рассматриваются проблемы квалификации этих преступлений. Статья основана на новейших исследованиях в данной сфере, авторском обобщении.

Ключевые слова: наркотические средства, приобретение, хранение и сбыт наркотических средств, покушение на преступление, квалификация.

SYSOEVA Tatyana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Ural State Economic University, the lawyer of Sverdlovsk Regional bar Association

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS

The article analyzes the sentences of the court in criminal cases of illicit trafficking in narcotic drugs, discusses the problems of qualification of these crimes. The article is based on the latest research in this field, the author's generalization.

Keywords: narcotic drugs, acquisition, possession and sale of narcotics, attempted crime, qualification.

Сысоева Т. В.

Особенности законодательной конструкции статей 228, 228.1 УК РФ приводят к затруднениям формально-логического характера при уголовно-правовой оценке содеянного.

Итак, из материалов уголовного дела: «...Самофалов достоверно зная, что Ахметова осуществляет незаконную деятельность по сбыту наркотических средств, достиг с ней договоренности о незаконном приобретении наркотического средства за денежное вознаграждение. В последствии, Ахметова передала ему наркотическое средство за вознаграждение. Кроме того, она хранила у себя дома наркотическое средство с целью последующего сбыта. Однако довести до конца свой преступный умысел, направленный на незаконный сбыт наркотического средства не смогла, так как была задержана сотрудниками полиции».

Вышеуказанные действия Ахметовой судом первой инстанции были квалифицированы по ч. 3 ст. 30 п. «Г» ч. 4 ст. 228.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, то есть как покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере¹.

Суды квалифицируют действия виновных как незаконный сбыт или незаконное приобретение наркотических средств в зависимости от того в чьих интересах действует данное лицо (в интересах сбытчика или приобретателя). Если он приобретает наркотические средства за деньги приобретателя и по его просьбе и ему передает наркотическое средство, то его действия надлежит квалифицировать по соответствующей части статьи 228 УК РФ.

В данном случае суд правильно установил фактические обстоятельства дела, однако дал неправильную юридическую оценку действиям осужденной.

То есть фактически признав, что Ахметова оказала помощь в приобретении наркотических средств, тем не менее, квалифицировал ее действия как сбытчика наркотических средств.

Из данного приговора следует, что установлен факт приобретения виновной наркотического средства с целью дальнейшего сбыта. Однако суд при оценке доказательств факта передачи Ахметовой наркотических средств не учел, что по смыслу закона само по себе данное обстоятельство не может быть основанием для квалификации действия виновного как сбытчика наркотических средств. Исследованные в судебном заседании доказательства объективно свидетельствуют, о том, что на тот момент, когда потребитель наркотических средств обратился к виновной с данной просьбой, она не имела наркотические средства, которые могла продать.

Опровергая доводы защиты о том, что передав Самофалову наркотические средства, Ахметова действовала в интересах приобретателя, суд указал в приговоре, что виновная действовала на стороне сбытчика, поскольку действовала не бескорыстно, осознанно участвовала в продаже наркотических средств за деньги и фактически выполнила объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 228.1 УК РФ.

Вместе с тем из приведенных в приговоре доказательств, следует, что Ахметова передала продавцу определенную денежную сумму за наркотическое средство. Именно эту сумму виновная непосредственно получила от потребителя для покупки наркотика. Также она решила сразу же приобрести наркотические средства и для себя, так как являлась лицом наркозависимым. Подобным образом они ранее совместно приобретали наркотики, складываясь денежными средствами, чтобы приобрести больше за меньшую цену.

Исходя из смысла закона, если лицо покупает наркотические средства для себя и других лиц на совместные деньги,

¹ Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области в отношении Ахметовой А. Р. от 15 мая 2017 года. Дело № 1-279/17.

имеет место соисполнительство в незаконном приобретении наркотических средств (ст. 228 УК РФ соответствующая часть).

Как видно из данного приговора, потребитель наркотических средств пояснял, что инициатива об обращении к виновному лицу для оказания содействия в приобретении для него наркотических средств исходила от него, он же сообщил данному лицу о количестве денежных средств, которыми располагает для приобретения наркотиков.

Разумеется, если действия виновного по передаче приобретателям наркотических средств носят систематический характер, то их необходимо трактовать, как сбыт наркотических средств. Так как, сам характер таких действий свидетельствует об умысле на распространение предмета преступления.

Однако вышеуказанным приговором установлено, что в правоохранительных органах не было оперативной информации в отношении виновного, как лица занимающегося сбытом наркотических средств и имевших место иных фактах сбыта.

Представляется, что для квалификации содеянного по ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств), обстоятельства дела должны подтверждать тот факт, что на момент обращения потребителя наркотических средств, с вопросом об их приобретении, виновный уже ими обладал. А так же суду должны быть представлены доказательства, что наркотические средства предназначались для дальнейшего сбыта.

Считаю, что сам факт того, что виновный работал «закладчиком» в интернет магазине не исключает возможность осуществления приобретения и хранения наркотических средств без цели сбыта при определенных обстоятельствах.

Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области, действия подсудимой Камаловой были переквалифицированы с п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере), на ч.2 ст.228 УК РФ (незаконное приобретение без цели сбыта в крупном размере)².

Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Жукова, являясь лицом, употребляющим наркотические средства, обратилась к ранее знакомой Камаловой с просьбой оказать содействие в приобретении для нее наркотических средств. Камалова, осознавая преступный характер действий, о которых ее просила Жукова, дала согласие на приобретение для той наркотических средств. После чего, Жукова внесла на указанный подсудимой номер электронного кошелька денежные средства для приобретения наркотиков. Далее действуя в интересах покупателя, Камалова посредством сети «Интернет» через тайник-закладку незаконно приобрела наркотическое средство, которое передала Жуковой.

Исходя из действующего уголовного закона, об умысле на сбыт наркотических средств при наличии к тому оснований, может свидетельствовать их приобретение, хранение, количество, размещение в удобной для передачи расфасовке, наличие соответствовавшей договоренности с потребителем и т.п.

Вместе с тем данным приговором установлено, что Камалова давая последовательные показания, указывала о том, что по просьбе Жуковой лишь оказывала помощь той в приобретении наркотических средств. На момент обращения Жуковой к ней с подобной просьбой в своем распоряжении наркотических средств не имела.

Так же приговором установлен факт наличия информации в отношении Камаловой как лица, занимающегося сбы-

том наркотических средств. Полагаю, суд дал верную оценку этому обстоятельству, указав, что данный факт не исключает возможность осуществления виновным лицом приобретения и хранения наркотических средств без цели сбыта при обстоятельствах, изложенных в описательной части приговора.

В целом о причастности к сбыту, а не к приобретению наркотических средств могут свидетельствовать такие обстоятельства как: 1. Отсутствие каких-либо личных отношений между виновным и приобретателем; 2. Систематичность оказываемой помощи.

В пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» с изменениями на 30 июня 2015 года, сказано, что об умысле на сбыт наркотических средств, веществ, растений могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом самим их не употребляющим. Поэтому, если лицо является активным потребителем наркотических средств и его показания в той части, что оно приобретало данные наркотические средства для личного потребления и действовало в интересах приобретателя наркотических средств ничем ни опровергнуты, то действия такого лица должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Исходя из положений части 4 статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных доказательств»³.

В соответствии с требованиями статьи 14 настоящего кодекса, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

Таким образом, можно сделать вывод: для квалификации по ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств), вся совокупность исследованных доказательств должны свидетельствовать, что при передаче приобретателю наркотических средств виновный действовал в интересах лица, которому они принадлежат. В противном случае имеет место незаконное приобретение и хранение наркотических средств без цели сбыта (ст. 228 УК РФ).

Пристатейный библиографический список

1. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области в отношении Ахметовой А. Р. от 15 мая 2017 года. Дело № 1-279/17.
2. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области в отношении Камаловой О. К. от 20 января 2017 года.
3. Дело №1-118/2017.
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.01. 2001 № 174-РФ (редакция от 01.07. 2017 г.). Издательство: Эксмо- Пресс, 2017.

2 Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области в отношении Камаловой О. К. от 20 января 2017 года, дело № 1-118/2017.

3 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.01. 2001 № 174-РФ (редакция от 01.07. 2017 г.). Издательство: Эксмо- Пресс, 2017.

ФИЛИППОВ Павел Александрович

кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья посвящена теоретическим и практическим проблемам уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. В статье проанализированы доктринальное толкование признаков состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, а также практика его применения. Автором предлагается рассматривать в качестве непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 322 – 322.3 УК РФ, миграционный учет. В статье предложено авторское толкование признаков объективной стороны, а также на основе изучения судебной практики приводятся наиболее распространённые способы незаконного пересечения границы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления против порядка управления, государственная граница, незаконный въезд, незаконный выезд, документ.

FILIPPOV Pavel Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

ILLEGAL CROSSING OF THE STATE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL LIABILITY

The article is devoted to theoretical and practical problems of criminal liability for illegal crossing of the State Border of the Russian Federation. The article analyzes the doctrinal interpretation of the elements of the offense provided for in Art. 322 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the practice of its application. The author suggests to consider migration registration as a direct object of crimes provided by Art. 322- 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article proposes the author's interpretation of the characteristics of the objective side, as well as the most common methods of illegal border crossing on the basis of the study of judicial practice.

Keywords: criminal liability, crimes against administrative order, state border, illegal entry, illegal departure, document.

Филиппов П. А.

Незаконное пересечение Государственной границы РФ является одним из самых распространённых преступлений против порядка управления, что подтверждается официальными данными о количестве осуждённых лиц за это преступление: 2009 г. – 1604, 2010 – 1 488 г., 2011 г. – 1 444, 2012 г. – 1 464, 2013 г. – 1 928, 2014 г. – 2 206, 2015 г. – 2 296, 2016 г. – 2 336¹.

В научной литературе представлены крайне разнообразные точки зрения на непосредственный объект этого преступления.

Наибольшее распространение получила точка зрения о том, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, является неприкосновенность Государственной границы РФ как составляющая порядка управления². Такое толкование объекта вызывает сомнения в той части,

что в результате совершения преступления Государственной границе не причиняется никакого вреда, а также отсутствует угроза причинения вреда. Руководствуясь такой логикой можно говорить, что вор, открывший дверь путем подбора ключа и укравший имущество, посягал на неприкосновенность двери. Кроме того, вызывает сомнение корректности применения образного понятия «неприкосновенность» в отношении Государственной границы РФ³.

Распространённым в уголовно-правовой науке является понимание непосредственного объекта данного преступления как установленного порядка пересечения Государственной границы⁴. Полагаем, что именно такая трактовка непосред-

1 На основе форм 10-а за соответствующие года, опубликованные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.

2 Егизарян Н. А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовой аспект). Автореф. дисс...к.ю.н.: 12.00.08. Москва, 2013. С. 11; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е издание, переработанное и дополненное / Отв. ред. В. М. Лебедев. Юрайт. М., 2013 // СПС КонсультантПлюс; Курс уголовного права в 6-ти томах. Часть Особенная. Т. VI. / Ред. кол. Пионтковский А. А., Ромашкин П. С., Чхиквадзе В. М. Наука. М., 1971. С. 225; Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д., Чхиквадзе В. М. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. Государственное издательство юридической литературы. М., 1959. С. 589; Полный курс уголовного права в 5 томах / Под ред. А. И. Коробеева. Т. 5. Юридический центр Пресс. СПб., 2008. С. 357; Уголовное право. Особен-

ная часть. Учебник / Под ред. Б. В. Здравомыслова. Юридическая литература. М., 1995. С. 67; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. Статут. М., 2012. С. 854; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. Проспект. М., 2004. С. 649; Советское уголовное право. Особенная часть. Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера. Издательство Московского университета. М., 1975. С. 81.

3 Фактически в прямом толковании – защищенность, сохраняемость, сокровенность, священность, неприкосновенность линии и проходящей по этой линии вертикальной поверхности.

4 Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение государственной границы Российской Федерации. Дисс...к.ю.н.: 12.00.08. М., 2000. С. 87; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. Менеджер, Юрайт. М., 2001. С. 1030; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практиче-

ственного объекта более точно из всех представленных точек зрения по данной проблематике коррелируется с содержанием диспозиции ст. 322 УК РФ.

Ряд авторов предлагали в качестве объекта рассматривать режим государственной границы⁵. Фактически о режиме государственной границ говорит и проф. В. Ф. Цепелев, который определяет непосредственный объект анализируемого преступления как общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование Государственной границы РФ (в том числе, порядок ее пересечения)⁶. Такое понимание непосредственного объекта приводит к явному несоответствию между ним и содержанием статьи уголовного закона, т.к. режим Государственной границы включает не только порядок ее пересечения, а также ее содержание, порядок ведения на границе либо вблизи ее хозяйственной, промышленной и иной деятельности⁷.

Отдельные авторы указывают на несколько составляющих непосредственного объекта анализируемого преступления. Например, проф. А. В. Бриллиантов указывает на «неприкосновенность Государственной границы Российской Федерации, нормальный режим ее функционирования»⁸.

Стоит также отметить, что целая группа авторов отстаивает мнение о необходимости отнесения ответственности за незаконное пересечение Государственной границы к преступлениям против безопасности государства (в гл. 29 УК РФ)⁹. Фактически это является возвратом на позиции УК РСФСР 1960 г., который предусматривал ответственность за незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР среди государственных преступлений. Отнесение анализируемого преступления к преступлениям против безопасности государства приводит к безграничному и неоправданному расширению понятия такой безопасности в рамках гл. 29 УК РФ. Руководствуясь такой логикой, можно говорить об отнесении к этой группе преступлений, например, преступных деяний, предусмотренных ст. 189, 193, 201¹, 201², 361 УК РФ и целого ряда других.

Полагаем, что анализируемое преступление совершается в связи с миграцией и посягает на миграционный учет, который должен рассматриваться в качестве непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 322 – 322.3 УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, выражается только в активных действиях – пересечении Государственной границы РФ, под которым следует понимать физический (фактический) переход через государственную границу. Такая трактовка находит подтверждение и в сложившейся судебной практике¹⁰. Например, Верховный Суд РФ признал правильной квалификацию действий Ибрагимов и Штепа как покушение на незаконное пересечение Государственной границы РФ, которые без действительных документов пешком направились в глубь пограничной зоны в направлении сопредельного государства, но были задержаны пограничным нарядом¹¹.

В. В. Лобода предпринял попытку выделения «юридического пересечения границы», под которым понимает прохождение пограничного контроля¹². На такое предложение автора, скорее всего, натолкнула сложившаяся судебная практика определения момента окончания контрабанды¹³. Вместе с тем, такое выделение применительно к ст. 323 УК РФ выглядит искусственным, лишено теоретической и практической необходимости. В подтверждение этого можно указать, что в 51,81% дел по ч. 1 ст. 322 УК РФ действия виновных квалифицируются как покушение, т.к. отсутствовало физическое перемещение через Государственную границу¹⁴. Кроме того, данные цифры показывают, что практика не испытывает сложности в разграничении оконченного и неоконченного незаконного пересечения границы.

Уголовный закон в ч. 1 и ч. 2 ст. 323 одинаково определяет объективную сторону – пересечение Государственной границы РФ. Вместе с тем, содержательное наполнение это понятия в указанных частях статьи отличается: ч. 1 охватывает въезд на территорию РФ и выезд с территории РФ, а ч. 2 только въезд на территорию РФ.

ский (постатейный) / Под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. Юриспруденция. М., 2013 // СПС КонсультантПлюс; Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / Отв. ред. И. С. Власов, Н.А. Голованова. ИЗ-иСП, КОНТРАКТ. М., 2012 // СПС КонсультантПлюс; Сарухания А. Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации. Дисс...к.ю.н.: 12.00.08. Ставрополь, 2002. С. 121.

5 Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. /Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Зерцало-М. М., 2002. С. 239; Морозов В. И., Скутин С. Л., Сумачев А. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления. Учебное пособие. Тюменский юридический институт МВД России. Тюмень. 1999. С. 38; Щербаков А. В. Преступления против порядка управления: научно-практический комментарий к главе 32 УК РФ. Юрлитинформ. М., 2011. С. 94.

6 Цепелев В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. Учебное пособие. Проспект. М., 2015. С. 34.

7 См. раздел 3 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации».

8 Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е издание, переработанное и дополненное / Под ред. А. В. Бриллиантова. Проспект. М., 2016 // СПС КонсультантПлюс.

9 Агаев Г. А.-оглы Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства). Дисс... д.ю.н.: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2006. С. 192; Земцов В. И. Указ. соч. С. 12, 87; Идаятов Р. И. Незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации (уголовно-правовые и криминологические проблемы): региональный аспект. Дисс...к.ю.н.: 12.00.08. Махачкала, 2008. С. 23.

10 Автором было проанализировано 450 решений судов, в том числе Верховного Суда РФ и судов различного уровня Республики Северная Осетия-Алания, Республики Татарстан, Белгородской, Брянской, Курганской, Московской, Смоленской областей.

11 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.05.2012 по делу №41-О12-29сп // Здесь и далее. Если не указано иного, судебные решения цитируются по ГАС «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudrf.ru/>.

12 Лобода В. В. Особенности квалификации незаконного пересечения государственной границы Российской Федерации в пункте пропуска // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2008. № 2. С. 177.

13 См. п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Российская газета, №99, 11.05.2017, а также п. 4-6 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2008 года №6 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Российская газета. № 123. 07.06.2008.

14 Приговор Советского районного суда Республики Северная Осетия по делу № 1-385/16 // Здесь и далее в настоящей главе, если не указано иного, судебные решения цитируются по Государственной автоматизированной системе «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudrf.ru/>; приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 14.04.2016 в отношении Гумашян; приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 17.09.2015 по делу №1-244/2015; приговор Суземского районного суда Брянской области от 5.10.2016 по делу №1-96-2016; приговор Химкинского городского суда Московской области от 15.06.2015 по делу №1-393/15; приговоры Домодедовского городского суда Московской области от 27.10.2015 в отношении Талбакова И. Ш., от 22.12.2015 по делу № 1-728/15, от 20.08.2015 в отношении Париева Е. А.

Под въездом следует понимать перемещение на территорию РФ с иной территории (территории иного государства, нейтральных вод, открытого моря, свободной экономической зоны РФ), а под выездом – перемещение с территории РФ. При этом не считается въездом и выездом случаи, указанные в ч. 5 ст. 6 Федерального закона от 15.08.1996 года №114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»: пересечение Государственной границы РФ гражданином РФ, иностранным гражданином или лицом без гражданства в течение срока действия имеющейся у него визы при следовании с одной части территории РФ на другую часть ее территории через территорию иностранного государства в режиме транзитного проезда либо через исключительную экономическую зону РФ и исключительные экономические зоны иностранных государств, через открытое море и т.д.¹⁵

Способ перемещения (на транспорте¹⁶, пешком¹⁷, вплавь, тайно (например, путем сокрытия в грузовой полости прицепа¹⁸), через или помимо пунктов пропуска¹⁹ и т.п.) для квалификации значения не имеет, за исключением случаев, когда перемещение сопряжено с применением насилия или с угрозой его применения, которые являются квалифицирующими признаками (ч. 3 ст. 322 УК РФ).

На практике пересечение Государственной границы чаще выражается во въезде на территорию РФ (63,82% изученных дел²⁰), выезд с территории РФ встречается в 36,18% случаях²¹. При этом достаточно распространены в судебной практике случаи, когда встречаются обе формы пересечения границы²².

15 СЗ. 1996. № 34. Ст. 4029.

16 Приговоры Петуховского районного суда Курганской области от 20.10.2016 по делу № 1-125/2016. От 21.10.2016 в отношении Джалолова О. Ш.

17 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.01.2012 по делу № 247-П11; приговоры Белгородского районного суда Белгородской области от 23.12.2015 по делу №1-281/2015, от 10.08.2016 по делу №1-185/2016, от 27.09.2016 по делу №1-210/2016.

18 Приговоры Советского районного суда Республики Северная Осетия по делу №1/667/15, №1-668/15.

19 Проведенный анализ судебной практике показывает, что помимо пунктов пропуска пересекается граница в 15,88% случаев. См.: приговор Советского районного суда г. Владикавказа от 18.05.2016 по делу №1-303/16; приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 26.05.2016 по делу №1-65/2016; приговоры Белгородского районного суда Белгородской области от 21.09.2015 в отношении Муродова Б. А., от 10.08.2016 по делу №1-185/2016, от 27.09.2016 по делу №1-210/2016, от 2.11.2016 в отношении Федченко А. А., от 17.11.2016 по делу №1-261/2016; приговор Петуховского районного суда Курганской области от 1.10.2015 по делу №1-108/2015; приговор Суземского районного суда Брянской области от 9.11.2016 по делу №1-105-2016; приговор Погарского районного суда Брянской области от 12.08.2016 по делу №1-76/2016.

20 Кассационные определения Верховного Суда РФ от 4.02.2009 по делу № 83-О08-32; приговоры Краснинского районного суда Смоленской области от 24.08.2016 по делу №1-127/2016, от 25.01.2016 по делу №1-12/2016, от 16.12.2015 по делу №1-145/2015; приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 26.05.2016 по делу №1-65/2016; приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 21.09.2015 в отношении Муродова Б. А.; приговор Лаишевского районного суда Республики Татарстан от 26.08.2015 по делу № 1-113-2015. Проф. Агаев Г. А.-оглы предлагает данный способ – а равно в неустановленном месте – закрепить в диспозиции ст. 322 УК РФ. См.: Агаев Г. А.-оглы. Указ. соч. С. 198.

21 Приговор Советского районного суда Республики Северная Осетия от 6.05.2016 по делу № 1-294/16; приговор Лаишевского районного суда Республики Татарстан от 25.11.2015 по делу № 1-147/2015; приговор Домодедовского городского суда Московской области от 28.03.2016 по делу №1-192/2016.

22 Апелляционное постановление Брянского областного суда от 12.01.2017 по делу № 22-38/2017; приговоры Краснинского районного суда Смоленской области от 18.04.2016 по делу №1-18/2016, от 25.02.2016 по делу № 1-29/2016; приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 29.12.2015 по делу № 1-288/2015.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 322 УК РФ пересечение границы должно совершено: без действительных документов на право въезда в РФ или выезда из РФ либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством РФ. Данный признак является обязательным элементом и для квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 322 УК РФ²³.

В случае наличия действительных документов, но при этом нарушением лицом правил пересечения Государственной границы РФ, например, помимо пунктов пропуска, действия нарушителя квалифицируются как административное правонарушение²⁴. В связи с этим следует отметить тот факт, что наименовании ст. 322 УК РФ, содержащие в себе термин «незаконное пересечение», неточно отражает ее содержание, которое включает в себя только две разновидности незаконного пересечения: без надлежащих документов и лицом, не имеющим право на въезд в РФ.

Ряд исследователей предлагали в диспозиции анализируемой статьи в качестве самостоятельной формы незаконного пересечения Государственной границы РФ закрепить ее пересечение в неустановленном месте²⁵. На наш взгляд такая криминализация является излишней, т.к. пересечение границы вне пунктов пропуска или минуя пограничный контроль при наличии действительных документов на въезд (выезд) в (из) РФ не достигает необходимого уровня общественной опасности.

Документами на право въезда (выезда) являются:

1) для граждан РФ: документы, удостоверяющие личность гражданина РФ – паспорт, удостоверяющий личность гражданина РФ за ее пределами; дипломатический паспорт; служебный паспорт; временный документ, удостоверяющий личность гражданина РФ, дающий право на въезд (возвращение) в Российскую Федерацию²⁶;

23 Кассационные определения Верховного Суда РФ от 29.04.2009 по делу № 25-009-18.

24 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.04.2009 по делу № 25-009-18. Таким образом, не было поддержано доктринально предложение о квалификации по ст. 322 УК РФ пересечение границы при наличии документов вне установленных мест пропуска. См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. /Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова... С. 245-246.

25 Агаев Г. А.-оглы. Указ. соч. С. 198; Морин А. В. Влияние миграционных процессов на криминальную ситуацию в России (на материалах Приволжского федерального округа). Автореф. дис...к.ю.н.: 12.00.08. Н. Новгород, 2008. С. 10; Саруханиян А. Р. Указ. соч. С. 125.

26 Статьи 6-7, 11 Федерального закона от 15.08.1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»; Указ Президента РФ от 21.12.1996 года № 1752 «Об основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации» // СЗ. 1996. № 52. Ст. 5914; Постановление Правительства РФ от 14.03.1997 года № 298 «Об утверждении образцов и описания бланков основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации» // СЗ. 1997. № 12. Ст. 1435; Приказ МИД России от 28.06.2012 года № 10304 «Об утверждении Административного регламента Министерства иностранных дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче дипломатическими представительствами или консульскими учреждениями Российской Федерации либо представительствами Министерства иностранных дел Российской Федерации, находящимися в пределах приграничной территории, в том числе в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации, временного документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации и дающего ему право на въезд (возвращение) в Российскую Федерацию» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 3. 2013. Федеральный закон от 30.12.2008 года № 322-ФЗ исключил паспорта моряка (удостоверения личности моряка) из перечня основных документов, по которым граждане РФ осуществляют выезд из РФ и въезд в РФ.

2) для иностранных граждан или лиц без гражданства: (а) документы, удостоверяющие их личность и признаваемые Российской Федерацией в этом качестве (паспорт, разрешение на временное проживание, вид на жительство или иной документ, предусмотренный федеральным законом или признаваемым в соответствии с международным договором РФ в качестве документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина лица без гражданства) и (б) виза²⁷.

Судебная практика к иным документам, удостоверяющим личность иностранного гражданина лица без гражданства, относит:

- временный проездной документ²⁸;
- свидетельство на возвращение²⁹;
- свидетельство о предоставлении временного убежища на территории РФ³⁰;
- судебное решение об административном выдворении за пределы РФ³¹.

Обязательным признаком указанных всех вышеуказанных документов является их недействительность, т.е. они не должны быть поддельными, принадлежать иному лицу, иметь истекшего срока действия и т.д. Судебной практикой чаще всего (42,56% от случаев использования недействительных документов) фиксируется наличие поддельных документов, при этом присутствуют случаи как полной³², так и частичной³³ подделки документов. На втором месте по распространенности находятся случаи использования документов, выданных на других лиц³⁴.

Судебная практика обоснована считает, что признак отсутствия действительных документов будет в наличии, когда у лица, пересекающего границу, полностью отсутствуют документы (например, паспорта)³⁵.

Разрешением, о которых идет речь в диспозиции ст. 322 УК РФ, является виза. Согласно ст. 25¹ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» виза – это «выданное уполномоченным государственным органом разрешение на въезд в РФ и пребывание в РФ или транзитный проезд через территорию РФ по действительному документу, удостоверяющему личность иностранного гражданина или лица без гражданства и признаваемому РФ в этом качестве». В судебной практике пересечение государственной границы без визы встречается в 10,84% изученных случаев³⁶. Суды обоснованно квалифицируют как незаконное пересечение границы без надлежащего разрешения случаи, когда виновные для избегания получения визы, вносят в свои паспорта поддельные штампы о пересечении Государственной границы РФ³⁷.

В литературе В. И. Земцовым и А. В. Галаховой было предложено расширительное толкование «разрешения» в рамках диспозиции ст. 322 УК РФ. Эти исследователи предлагают, что надлежащее разрешение не всегда предполагает наличие документов³⁸. Иными словами предполагается некое разрешительное действие органов исполнительной власти не оформленное в виде документа. Однако такое разрешение не предусмотрено действующим законодательством³⁹. Действительно, ст. 7, 11 За-

27 Статьи 6, 10, 25¹ Федерального закона от 15.08.1996 года №114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

28 Приговор Химкинского городского суда Московской области от 29.02.2012 в отношении Кааке Ж. П.

29 Приговоры Домодедовского городского суда Московской области от 17.11.2010 в отношении Юлчиева Х. Т., от 3.04.2013 в отношении Джобирова Х. Х., от 1.12.2015 по делу № 1-682/15, от 27.10.2015 в отношении Талбакова И. Ш.; Приговор Петуховского районного суда Курганской области от 24.08.2016 в отношении Дюсембаева Т. У.; Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 16.12.2015 по делу № 1-285/2015.

30 Приговор Краснинского районного суда Смоленской области от 25.02.2016 по делу № 1-29/2016.

31 Приговоры Химкинского городского суда Московской области от 15.02.2013 в отношении Окоро Б., от 4.03.2013 в отношении Умех Д. Э., от 3.12.2015 в отношении Нгуен К. Ч.

32 Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 28.09.2016 по делу № 1-209/2016; Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 14.04.2015 в отношении Пиши С. Г.; Приговор Петуховского районного суда Курганской области от 20.10.2015 по делу № 1-118/2015.

33 Приговоры Петуховского районного суда Курганской области от 18.11.2015 по делу № 1-134/2015, от 16.02.2016 по делу № 1-22/2016; Приговор Советского районного суда г. Владикавказа от 27.04.2016 по делу № 1-295/2016; Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 14.04.2015 в отношении Каландарова С. Х.; приговор Химкинского городского суда Московской области от 6.04.2015 в отношении Мануок Ж.

34 Приговоры Погарского районного суда Брянской области от 10.03.2016 по делу № 1-25/2016, от 4.07.2016 по делу № 1-61/2016; Приговор Климовского районного суда Брянской области от 21.12.2015 по делу № 1-97/2015; Приговоры Петуховского районного суда Курганской области от 1.11.2016 в отношении Сафроновой, от 25.10.2016 по делу № 1-132/2016; Приговор Советского районного суда г. Владикавказа от 11.11.2016 по делу № 1-503/16; Приговор Алагирского районного суда Республики Северная Осетия от 12.04.2016 по делу № 1-33/16; Приговоры Домодедовского городского суда Московской области от 27.07.2015 в отношении Кудайбердиева Т. Б., от 29.10.2015 в отношении Нгуен З. Б.; От 3.10.2016 в отношении Пайзиева Х. Х.; Приговор Химкинского городского суда Московской области от 26.07.2012 в отношении Музунгу О. С.

35 Приговор Шебекинского районного суда Брянской области от 21.06.2016 по делу № 1-78/2016

36 Приговоры Белгородского районного суда Белгородской области от 18.08.2016 по делу № 1-186/2016, от 24.08.2015 по делу № 1-228/2015, от 17.09.2015 по делу № 1-224/2015; Приговор Грайворонского районного суда Белгородской области от 29.08.2016 в отношении Хецириани Г. Г.; Приговоры Злынковского районного суда Брянской области от 8.07.2016 по делу № 1-83. От 17.11.2016 по делу № 1-153; Приговоры Краснинского районного суда Смоленской области от 23.06.2015 по делу № 1-81/2015, от 15 июня 2015 по делу № 1-76/2015.

37 Приговоры Лаишевского районного суда Республики Татарстан от 30.04.2015 по делу № 1-79-2015, от 21.05.2015 по делу № 1-84-2015, от 8.06.2015 по делу № 1-85-2015, от 13.07.2015 в отношении Айдан А.

38 Земцов В. И. Указ. Соч. С. 98-99; Уголовный закон в практике районного суда / Под ред. А. В. Галаховой. Норма. М., 2007. С. 973-974.

39 За исключением Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области предупреждения промышленных аварий, катастроф, стихийных бедствий и ликвидации их последствий от 28 марта 1994 г. об упрощенном порядке пересечения государственной границы аварийно-спасательными службами и формированиями, подписан в г. Павлодаре 19.09.2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.04.2016. Ч. 4, ст. 4 Протокола устанавливает: «после получения информации о произошедшей чрезвычайной ситуации пограничные органы и силы воздушной обороны государств Сторон принимают незамедлительные меры по обеспечению первоочередного пересечения государственной границы через пункты пропуска и вне действующих пунктов пропуска, а также воздушных рубежей аварийно-спасательными службами и формированиями». Вместе с тем, в случае наличия чрезвычайной ситуации действия лица по незаконному пересечению границы в любом случае должны рассматриваться с позиции института крайней необходимости все зависимости от наличия/отсутствия специальных соглашений и договоров и исключать уголовную ответственность по ст. 322 УК РФ. Это подтверждает и положения ст. 9 Закона РФ «О Государственной границе РФ», которые предусматривают, что при чрезвычайных обстоятельствах (несчастный случай, авария или стихийное бедствие и т.п.) вынужденное пересечение границы не является нарушением правил пересечения Государственной границы РФ.

кона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» предусматривают установления упрощенного порядка пропуска через Государственную границу РФ. Вместе с тем, даже в этом случае пересечение границы осуществляется на основании специально предусмотренных для таких случаев документов. Например, персонал РФ и КНР, занятые на совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск – Хэйхэ имеют право въезжать в зону строительства другой стороны, находиться в этой зоне и возвращаться обратно по временному удостоверению (с вкладышем) на право пересечения российско-китайской государственной границы, выдаваемому пограничными органами Российской Федерации и пограничными органами Китайской Народной Республики на основании согласованных ими списков. Пограничные органы обмениваются упомянутыми списками. Временное удостоверение действует только в пределах закрытых зон⁴⁰.

При упрощенном порядке пересечения Государственной границы РФ может устанавливаться специальный перечень документов. Например, такой перечень установлен для жителей приграничных территорий России и Казахстана⁴¹.

Указанные выше и иные специально установленные международными соглашениями документы, предназначенные для пересечения Государственной границы в упрощенном порядке, охватываются понятием «действительные документы», используемом в диспозиции ст. 322 УК РФ, и не должны рассматриваться в качестве «надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Нельзя поддержать позицию проф. В. С. Комиссарова о том, что к разрешениям, о которых идет речь в ст. 322 УК РФ, относится «соответствующим органом оформленное приглашение юридического или физического лица»⁴², т.к. указанные приглашения являются основаниями для выдачи иностранному гражданину визы, а данные о них содержится в визе⁴³.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла⁴⁴.

Следует отметить, что умыслом иностранного гражданина или лица без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию не разрешен, должен охватываться факт такого запрета, т.к. диспозиция статьи указывает на заведомость для виновного в отношении запрета на въезд. Согласно п. 5 Правил принятия решения о неразрешении въезда в РФ в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства: иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которых принято решение о неразрешении въезда, уведомляются об этом уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, принявшим решение о неразрешении въезда, в срок не более 3 рабочих дней со дня принятия решения о неразрешении въезда. Указанное уведомление направляется либо вручается под роспись иностранному гражданину или лицу без гражданства, в отношении которых принято решение о неразрешении въезда, по месту их пребывания (проживания) на территории Российской Федерации либо по месту их фактического местонахождения на территории Российской Федерации⁴⁵. В случае административного выдворения иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы РФ, а также, если эти лица имеют неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления или в отношении них принято решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации органы пограничного контроля и МВД РФ (его территориальный орган) проставляют в документах, удостоверяющих личность таких лиц отметку, свидетельствующую о запрещении им въезда в РФ⁴⁶.

В одном из определений Верховный Суд РФ посчитал отсутствие указанной выше отметки в паспорте иностранного гражданина и отсутствие доказательств его уведомления о принятом решении о запрете на въезд в РФ основанием для оправдания подсудимого в связи с недоказанностью прямого умысла⁴⁷.

Мотивы и цели незаконного пересечения Государственной границы РФ значения для квалификации не имеют. Исключение из этого правила содержится в примечании ст. 322 УК РФ прибытие «для использования права политического убежища в соответствии с Конституцией Российской Федерации»⁴⁸. Наличие такой цели исключает ответственность за рассматриваемое деяние.

Проф. Ю. А. Красиков отмечал, что при совершении анализируемого преступления цели и мотивы носят, как прави-

40 Соглашение между Правительством РФ и Правительством Китайской Народной Республики об упрощенном порядке пересечения российско-китайской государственной границы во временном пункте пропуска Кани-Курган – Чанфатунь персоналом, занятым на совместном строительстве моста через р. Амур (Хэйлунцзян), а также перемещения строительных материалов, оборудования и транспортных средств, заключено в г. Пекине 30.04.1997 года // Бюллетень международных договоров. 2004. № 10. С. 53 – 55.

41 Приложение 3 к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке пересечения российско-казахстанской государственной границы жителями приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан, заключено в г. Уральске 03.10.2006 года // СЗ. 2009. № 34. Ст. 4166.

42 Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. /Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова... С. 245.

43 Ст. 25-251 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

44 Земцов В. И. Указ. соч. С. 106; Идаятов Р. И. Указ. соч. С. 61; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина...С. 1033; Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. /Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова...С. 248; Морозов В. И., Скутин С. Л., Сумачев А. В. Указ. соч. С. 44; Полный курс уголовного права в 5 томах / Под ред. А. И. Коробеева. Т. 5... С. 363; Уголовный закон в практике районного суда/ Под ред. А.В. Галаховой...С. 975; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А. И. Раюга... С. 650; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан...С. 856; Устинова. Т. Незаконное пересечение государственной границы РФ // Законность. 2006. № 4 // СПС КонсультантПлюс; Цепелев В. Ф. Указ. соч. С. 37; Щербак А. В. Указ. соч. С. 97.

45 Постановление Правительства РФ от 14.01.2015 года №12 «О порядке принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства» (вместе с «Правилами принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства») // СЗ. 2015. № 4. Ст. 654.

46 Постановление Правительства РФ от 30.06.2003 года № 382 «О проставлении отметки о запрещении въезда в Российскую Федерацию некоторых категорий иностранных граждан и лиц без гражданства» // СЗ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2805.

47 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 4.02.2009 по делу № 83-008-32.

48 Самойлюк Н. В. предложило исключить данное примечание, обосновывая достаточности для подобных случаев института крайней необходимости. См.: Самойлюк Н. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия незаконной миграции (по материалам Дальневосточного федерального округа России). Автореф. дисс...к.ю.н.: 12.00.08. Хабаровск, 2013. С. 12. Вместе с тем, просьба о политическом убежище не является «типичным» примером крайней необходимости для отечественной судебной практики в связи с чем нельзя поддержать данное предложение.

ло, личностно-бытовой характер⁴⁹, что подтверждает и современная практика⁵⁰.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, общий. Субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ, специальный. Дополнительные признаки субъекта в этом случае выражаются, во-первых, что он может быть только иностранным гражданином или лицом без гражданства, и, во-вторых, ему лицу не разрешен въезд в Российскую Федерацию.

Основания для запрета на въезд в РФ иностранному гражданину или лицу без гражданства установлены в ст. 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», среди которых наличие ВИЧ-инфекции, вынесения в отношении него решения об административном выдворении, а также решения о нежелательности пребывания (проживания) в РФ и др.

Изучение судебной практики показывает, что в 35,4% дел по ч. 2 ст. 322 УК РФ иностранные граждане, которым был запрещен въезд в РФ, производят изменение своих персональных данных (чаще всего фамилии и имени) на основании чего получают новый паспорт и въезжают (предпринимают попытки) в РФ⁵¹. Суды в данной ситуации, не смотря на изменение данных и смену паспорта, обоснованно признают таких лиц субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ. Как правильно указал суд в приговоре по конкретному делу: «изменение установочных данных (в данном случае виновный сменил имя – П.Ф.) не повлекло изменение правового статуса... и не предоставило право на пересечение Государственной границы РФ до истечения срока запрета на въезд в РФ»⁵².

Пристатейный библиографический список

1. Агаев Г. А.-оглы. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства). Дис...д.ю.н.: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2006.
2. Земцов В. И. Уголовная ответственность за незаконное пересечение и противоправное изменение государственной границы Российской Федерации. Дисс...к.ю.н.: 12.00.08. Москва, 2000.

3. Курс уголовного права в 6-ти томах. Часть Особенная. Т. VI. / Ред. кол. Пионтковский А. А., Ромашкин П. С., Чхиквадзе В. М. М.: Наука, 1971.
4. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. / Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002.
5. Лобода В. В. Особенности квалификации незаконного пересечения государственной границы Российской Федерации в пункте пропуска // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2008. № 2.
6. Морозов В. И., Скутин С. Л., Сумачев А. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления. Учебное пособие. Тюменский юридический институт МВД России. Тюмень, 1999.
7. Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д., Чхиквадзе В. М. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.
8. Полный курс уголовного права в 5 томах / Под ред. А. И. Коробеева. Т. 5. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
9. Сарухян А. Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации. Дисс...к.ю.н.: 12.00.08. Ставрополь, 2002.
10. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундукова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012.
11. Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юридическая литература, 1995.
12. Уголовный закон в практике районного суда/ Под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2007.
13. Цепелев В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. Учебное пособие. М.: Проспект, 2015.
14. Щербаков А. В. Преступления против порядка управления: научно-практический комментарий к главе 32 УК РФ. М.: Юрлитинформ, 2011.

49 Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Под ред. Б. В. Здравомыслова... С. 68.

50 Кассационные определения Верховного Суда РФ от 28.04.2011 по делу № 92-О11-9, от 4.08.2011 по делу № 92-О11-26.

51 Апелляционное постановление Брянского областного суда от 27.10.2016 по делу № 22-1666/2016; Приговоры Домодедовского городского суда Московской области от 9.08.2016 в отношении Нуридинова С. С., от 23.04.2015 в отношении Атамуратова С. К.; Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 5.09.2016 по делу № 1-188/2016, от 15.09.2016 по делу № 1-213/2016; Приговор Советского районного суда г. Владикавказа от 27.04.2016 по делу № 1-296/2016; Приговоры Петуховского районного суда Курганской области от 5.10.2016 по делу № 1-126/2016, от 27.10.2016 по делу № 1-141/2016 по делу № 1-141/2016; приговор Климовского районного суда Брянской области от 9.09.2015 по делу № 1-68; Приговор Погарского районного суда Брянской области от 6.10.2016 в отношении Суеркулова А.; Приговоры Лаишевского районного суда Республики Татарстан от 14.08.2015 по делу № 1-107-2015, от 26.08.2015 по делу № 1-113-2015.

52 Приговор Советского районного суда г. Владикавказа от 15.06.2016 по делу № 1-344/16.

ФИЛИППОВА Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент Уральского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), член Российской криминологической ассоциации, нотариус г. Екатеринбурга

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ряд предпринятых шагов, отражающих концептуальный подход государственных органов на фоне геополитической обстановки в последнее время, как на международном уровне, так и в Российской Федерации получили свое отражение в стратегических и национальных плановых документах в сфере противодействия коррупции, а также нормативных правовых актах, направленных на их реализацию. Несмотря на то, что в настоящее время в Российской Федерации сформировалась законодательная база в сфере противодействия коррупции, предприняты соответствующие законодательные, экономические, организационные, политические, информационные меры, направленные на государственное регулирование в сфере противодействия коррупции, защиту общества и государства от коррупционных проявлений, проблемы в указанной области до сих пор сохраняются. Поэтому, в данной статье рассмотрены актуальные вопросы совершенствования уголовно-правового законодательства в сфере нотариальных действий в РФ.

Ключевые слова: нотариус, нотариальные действия, уголовно-правовое законодательство, криминал, коррупция.

FILIPPOVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Ural Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Member of the Russian Criminological Association, Notary Public of Yekaterinburg

IMPROVEMENT OF CRIMINAL-LEGAL LEGISLATION IN THE SPHERE OF NOTARIAL ACTS

A number of the steps undertaken, reflecting the conceptual approach of state bodies in the background of the geopolitical situation lately, both internationally and in the Russian Federation are reflected in national strategic and planning documents in the sphere of combating corruption, as well as normative legal acts for their implementation. Despite the fact that at the present time the Russian Federation has formed a legal base in the sphere of combating corruption undertaken by the relevant legislative, economic, organizational, political, informational measures aimed at state regulation in the sphere of counteraction of corruption, and the protection of society and the state from corruption, problems in this area still remain. Therefore, this article describes the topical issues of improvement of criminal procedural legislation in the sphere of notarial activities in the Russian Federation.

Keywords: notary, notarial acts, criminal law, crime, corruption.

Коррупционные преступления, являясь важнейшим объектом внимания (воздействия) уголовной политики в сфере противодействия коррупции, не только оказывают содействие в разрушении устоев общества и государства, но и взаимосвязаны с общеуголовной, организованной, экономической преступностью и зачастую являются ее финансовой опорой. Понятие «коррупционные преступления» находится в непосредственной связи с понятием «коррупция», под которой в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение вышеуказанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Отсутствие четкой законодательной регламентации коррупционных преступлений зачастую является причиной достаточно произвольного определения круга коррупционных преступлений¹.

Коррупция в сфере предоставления нотариальных услуг почти ничем не отличается от коррупции в других сферах.

Если в нотариальной конторе выстроилась очередь, а в ее «хвосте» клиент судорожно записывает, что он – 65-й по счету, вероятнее всего, мы обнаружим в этой нотариальной конторе коррупцию как средство сокращения временных издержек, а также коррупцию как средство доступа к дефицитной услуге. Ведь что такое очередь, как не показатель дефицитного характера услуги.

Если нотариус ничего не делает для комфортности своего клиента, то коррупция неминуемо возникнет как средство повышения качества предоставляемых услуг.

Если нотариус заверяет документ, заведомо зная о незаконности операции, коррупция возникает как средство преодоления запретов, налагаемых правом.

Если нотариус обслуживает интересы членов организованных преступных группировок, именем Российской Федерации помогая им совершать экономические преступления, коррупция выступает стратегией поведения криминальных групп.

Если в результате жесткого централизованного регулирования этого сегмента рынка правовых услуг нотариус начинает работать себе в убыток, коррупция становится стратегией выживания представителей нотариального сообщества.

1 Мусаелян М. Ф. Совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации // Журнал

Однако, в отношениях коррупция-нотариат есть одна особенность. В отличие от коррупции в государственных органах коррупция в нотариате может быть практически полностью преодолена. В данном случае многое зависит от качества государственной политики, которая будет проводиться в отношении нотариата.

Последнее десятилетие как в науке, так и среди потребителей нотариальных услуг был распространен старый стереотип советской правовой культуры: нотариат – лишнее звено в цепи защиты прав личности. Представляется, что необходимость и чрезвычайная важность института нотариата доказываются тем массивом негативных последствий, которые неминуемо обрушатся на наше общество в том случае, если будут созданы условия для коррумпированности данного института.

Можно выделить следующие последствия коррумпированности нотариата:

1. Расширяется объем теневой экономики.
2. Нарушаются конкурентные механизмы рынка, поскольку часто в выигрыше оказывается не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто смог получить преимущества за взятки.
3. Замедляется появление эффективных частных собственников, в первую очередь – из-за нарушений в ходе приватизации.
4. Повышаются транзакционные издержки ведения бизнеса как за счет коррупционных «накладных расходов», так и за счет дисфункциональности системы охраны прав предпринимателей.
5. У агентов рынка снижается уровень доверия. Это ведет к замедлению деловой активности и замедлению экономического роста.
6. Закрепляются и увеличиваются резкое имущественное неравенство, бедность большей части населения. Коррупция подстегивает несправедливое перераспределение средств в пользу узких олигархических групп за счет наиболее уязвимых слоев населения.

Полагаю, что совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции и эффективная борьба с коррупционными преступлениями невозможны без восстановления в УК РФ такого вида наказания, как конфискация имущества, который был исключен из Кодекса в 2003 г. Хотя конфискация имущества была восстановлена в УК РФ в качестве иной меры уголовно-правового воздействия, ранее она могла применяться как дополнительный вид наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и назначаться судами в случаях, предусмотренных Особой частью УК РФ, в том числе за коррупционные деяния. Федеральным законом от 10 июля 2012 г. № 107-ФЗ² ст. 104.2 «Конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации» УК РФ была дополнена ч. 2, в соответствии с которой в случае отсутствия либо недостаточности денежных средств, подлежащих конфискации взамен предмета, входящего в имущество, указанное в ст. 104.1 УК РФ, суд выносит решение о конфискации иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, за исключением имущества, на которое в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации не может быть обращено взыскание.

2 Федеральный закон от 10.07.2012 № 107-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Парламентская газета. № 27. 20-26.07.2012.

Кроме того, рассмотрение следственной и судебной практики по делам о злоупотреблениях полномочиями частными нотариусами свидетельствует о том, что при исполнении своих обязанностей по службе работники нотариальных контор нередко содействуют совершению преступлений другим лицам. Особую опасность представляет криминальное поведение нотариусов в сфере приватизации жилья, когда они в стовор с другими членами преступных групп за соответствующее вознаграждение заверяют «правомерность», так называемых, притворных сделок, то есть заключение сделок с лицами, не отдающими себе отчета о сути совершаемых действий (душевнобольными, недееспособными, находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения). В отдельных случаях владельцы квартир на проведение операций с жильем оформляли генеральную доверенность посредникам, о которых не имели никакой характеризующей их информации. В результате таких махинаций потерпевшие лишались и жилища, и денег. Все эти сделки были нотариально заверены.

Так, Главное следственное управление СК РФ по Москве закончило дело бывшего нотариуса Игоря Когатько, сына экс-командующего Железнодорожными войсками России генерал-полковника Григория Когатько.

По утверждению следствия, нотариус был членом опасной банды, в которую входили другие столичные нотариусы, адвокаты и оперуполномоченный ГУ МВД России по Москве.

Все эти люди массово подделывали завещания, договоры аренды и купли-продажи. В итоге, сто московских объектов недвижимости поменяли хозяев.

Как рассказала корреспонденту «РГ» представитель Главного следственного управления СКР по Москве Виктория Цыпленкова, с 2007 по 2010 год нотариус Когатько, адвокат Николай Никонов и оперуполномоченный ГУ МВД России по Москве Юрий Егоров украли девять квартир общей стоимостью больше 85 миллионов рублей.

В основном в поле зрения обвиняемых попадали квартиры в элитных районах столицы: в доме на Новинском бульваре, Большом Патриаршем переулке и других. Рыночная стоимость одной такой квартиры превышает 20 миллионов рублей.

Расследование уголовного дела шло трудно, потому что в 2009 году Когатько инсценировал ограбление нотариальной конторы, в результате которого исчезли реестры и другие важные для следствия документы.

Уголовное дело против Когатько выделено в отдельное производство, потому что нотариус заключил соглашение со следствием. Он признал вину. На его имущество наложен арест. Но следствие продолжается по другим фигурантам, потому что есть информация, что они причастны еще ко многим похожим преступлениям.

Фигурантами дела считаются больше десятка юристов, нотариусов, риелторов, сотрудников правоохранительных органов и Центров социального обслуживания Москвы.

Все началось в прошлом году. В органы пришли знакомые 80-летней женщины, жившей в хорошей квартире в центре. Дама завещала знакомым квартиру, а потом исчезла. Когда пропавшую суд признал умершей, всплыло второе завещание. По нему женщина оставила жилье приезжей.

Следствие обратило внимание на то, что документы о смене собственника были заверены у столичного нотариуса Игоря Когатько.

Вторым участником группировки оказался оперуполномоченный ГУ МВД России по Москве Юрий Егоров. Он рабо-

тал в подразделении, которое занимается преступлениями в сфере недвижимости.

Егоров по долгу службы был обязан собирать информацию о жилье, владельцы которого исчезли. Он должен был передавать такие данные в местные госорганы и запрещать сделки с этим жильем. В результате у оперативника сформировалась база бесхозного столичного жилья. Ею он поделился с адвокатом Николаем Никоновым. Тот дружил с Когатько, который согласился оформлять поддельные завещания на такое жилье. Одна бумага стоила 10 тысяч долларов.

Кроме этих троих в «команду» входили и другие нотариусы, адвокаты, оперативники и соопработники. Именно милиционеры и соопработники были основными поставщиками сведений о проблемных квартирах. Потом одинокие хозяева в один день исчезали. По словам оперативников, в группе фигурирует риелтор Алексей Пичугин, знакомый полицейского Юрия Егорова.

Эта связка работала так. В ОВД приходили граждане, чья родня погибла или исчезла. А квартира оказывалась у чужих людей, но имевших завещание от хозяина. Несчастных встречал Егоров и знакомил с Пичугиным как с серьезным адвокатом по проблемной недвижимости. А он уже предлагал пострадавшим такую схему дальнейшего «сотрудничества». Он помогает вернуть жилье и сразу его продает. А деньги пополам.

Сыщики говорят, что эта грабительская схема действовала безотказно – людям просто некуда было деваться. И выбор – остаться совсем без жилья или получить его половинную стоимость – решался в пользу Алексея Пичугина³.

Итак, к обстоятельствам, способствующим совершению преступлений, предусмотренных ст. 202 УК можно отнести следующие.

1. Недостатки законодательства, регулирующего деятельность частнопрактикующих нотариусов и аудиторов, а также уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за злоупотребления полномочиями по службе. В частности, специалисты отмечают, что основные положения Основ законодательства о нотариате в настоящее время не отвечают сложившимся реалиям и требуют серьезной корректировки.

2. Латентность преступлений, совершаемых частными нотариусами и аудиторами, и как следствие – безнаказанность субъектов. Уверенность в том, что факт противоправного поведения не будет известен правоохранительным органам, также выступает одной из причин преступного поведения рассматриваемой категории лиц.

3. Недостатки в документообороте, бухучете и контрольно-ревизионной деятельности. Появление и развитие новых форм и методов ведения хозяйственной, нотариальной и аудиторской деятельности еще более усложнило существовавший ранее порядок документооборота. В частности, одним из слабых звеньев в организации первичного документооборота, снижающим эффективность контрольных функций учета, является отсутствие взаимосвязи между различными документами, отражающими одну и ту же хозяйственную операцию и др. Безусловно, несовершенство документооборота также негативно отражается на эффективности выявления, расследования и раскрытия рассматриваемых преступлений.

4. Несовершенство аналитической и учетно-статистической работы. Согласно данным уголовной статистики, служебные преступления частных нотариусов отражаются не

в полном объеме. Так, исходя из существующей системы отчетности, нельзя сказать, сколько преступлений совершается частными нотариусами. В этой связи реагирование на данные криминальные проявления со стороны правоохранительных органов является далеко не адекватным.

5. Недостатки в деятельности правоохранительных органов. Профессионализм и уровень подготовки сотрудников правоприменительных органов, осуществляющих противодействие анализируемым преступлениям, оставляет желать лучшего.

К мерам предупреждения совершения преступлений по службе частными нотариусами можно отнести:

1. Совершенствование законодательной базы, регулирующей деятельность нотариусов. Полагаю, что концепция формирования нового законодательства о нотариате должна, в частности, включать в себя:

- а) четкое определение его публично-правового статуса;
- б) регламентацию взаимоотношений нотариуса и нотариальной палаты;
- в) разделение полномочий РФ и субъектов РФ в сфере нотариата;
- г) закрепление функций по государственному контролю за нотариальной деятельностью.

2. Совершенствование норм уголовного законодательства об ответственности за злоупотребления по службе частных нотариусов.

3. Усиление государственного контроля за частной нотариальной деятельностью.

Полагаю, что применительно к нотариату указанную функцию целесообразно было бы возложить на органы юстиции, расширив их компетенцию за счет таких полномочий, как назначение нотариуса на должность, приостановление нотариальной деятельности и освобождение нотариуса от должности при нарушении им законодательства РФ, проведение проверок, в том числе комплексных, решение вопроса о страховании профессиональной деятельности нотариусов, о проведении квалификационных экзаменов и конкурсов на замещение вакантных должностей нотариусов. Кроме того, представляется важным вопрос о действенности контроля за совершаемыми нотариальными действиями со стороны Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов РФ. Палатами могут инициироваться проведение проверок, представление в органы юстиции обоснованных предложений по определению количества должностей, по освобождению нотариусов от должности, принятия решений по замещению должностей нотариусов, о создании нотариального партнерства, а также важно придание палатам статуса некоммерческих организаций с обязательным членством нотариусов в них.

4. Совершенствование учетно-аналитической работы и статистической отчетности. Существующая система учета регистрируемых преступлений не позволяет определить, сколько фактов злоупотребления полномочиями совершено частными нотариусами. Это обстоятельство негативно отражается на аналитической работе, а также деятельности правоохранительных органов по профилактике данных деяний, так как нет четкого представления о том, куда следует направить основные силы и средства противодействия. В этой связи предлагаю придать определенную системность не только статистической отчетности, но и уголовному законодательству. Полагаю, что в основу построения уголовно-правовых норм должен быть положен принцип: один состав преступления – одна норма. Тогда и статистическая отчетность будет реально отражать криминальное состояние каждого конкретного преступления.

3 Смертельное завещание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/10/27/notarius.html>.

5. Улучшение работы по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений, совершаемых частными нотариусами. Полагаю, что в целях повышения эффективности данной деятельности, необходимо:

а) поручать расследование данных деяний наиболее опытным работникам;

б) в системе профессиональной и служебной подготовки проводить специальные занятия по изучению нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность нотариата, с сотрудниками, осуществляющими непосредственную работу по данным преступлениям;

в) шире использовать в работе консультационную помощь специалистов;

г) в системе повышения квалификации работников БЭП предусмотреть спецкурс, посвященный преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях;

д) обобщение судебно-следственной практики по применению нормы об ответственности за злоупотребление полномочиями частными нотариусами и разработка рекомендаций по квалификации данных деяний в виде постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Анализ норм уголовного закона, посвященных правовому регулированию ответственности за нарушение нотариальной тайны, будет неполным, если не остановиться на таком весьма существенном и неоднозначно решаемом в юридической литературе вопросе, как квалификация совершенного из корыстной или иной личной заинтересованности и причинившего крупный ущерб незаконного разглашения нотариусом сведений, составляющих коммерческую (банковскую) тайну, без согласия их владельца. Мнения относительно решения данной проблемы разделились следующим образом: одни криминалисты полагают, что содеянное охватывается ст. 183 УК РФ, по мысли других авторов, налицо соответствующее должностное преступление (ст. 285 УК РФ) или преступление против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 202 УК РФ), третья группа ученых считает необходимым в подобных случаях применять ст. 202 (ст. 285) и ст. 183 УК РФ по совокупности, наконец, А. С. Горелик занимает особую позицию, согласно которой приоритет должен быть отдан норме с наиболее суровой санкцией. Последнюю рекомендацию следует признать заведомо ошибочной, поскольку исходить при решении вопросов конкуренции только из сопоставления санкций соответствующих уголовно-правовых норм методологически неверно. Среди же иных вариантов уголовно-правовой оценки незаконного разглашения нотариусом коммерческой (банковской) тайны клиента поддержки заслуживает предложение о квалификации таких действий исключительно по статьям об ответственности за злоупотребление полномочиями государственными или частнопрактикующими нотариусами (ст. ст. 285 или 202 УК РФ). Данное заключение основывается на том соображении, что непосредственный объект указанных общественно опасных деяний, исходя из действующей редакции уголовного закона, «полнее» по содержанию аналогичного элемента состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, и соотносится с ним как целое и его часть.

Так, объектом незаконного разглашения сведений, составляющих коммерческую (банковскую) тайну, является, с одной стороны, охраняемое законом право хозяйствующего субъекта на обеспечение конфиденциальности принадлежащей ему информации, а с другой, заинтересованность государства в создании и поддержании необходимых условий для нормального, основанного на соблюдении Конституции РФ и иных нормативных правовых актов России осуществления предпринимательской деятельности. Что касается нарушения нотариальной тайны, то даже дополнительный непосредственный объект указанного преступления – права и законные интересы физических лиц и организаций, а также охраняемые за-

коном интересы общества и государства – сформулирован законодателем настолько широко, что полностью охватывает весь объект посягательства на сохранность коммерческой (банковской) тайны. Это, очевидно, означает, что в случае предания нотариусом огласке названных видов конфиденциальной информации налицо не идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 202 (ст. 285) и ст. 183 УК РФ, или уголовно наказуемое разглашение коммерческой (банковской) тайны, объект которого не включает в себя интересы четкого функционирования нотариата как социально-правового института, а единичное преступление, квалифицируемое по ст. 202 или ст. 285 УК РФ.

Подобная уголовно – правовая оценка содеянного, однако, вряд ли адекватно отражает направленность анализируемого общественно опасного посягательства. Нарушение нотариусом (или иным лицом, юридически обязанным гарантировать конфиденциальность сведений, полученных в процессе исполнения профессиональных обязанностей) коммерческой (банковской) тайны, с нашей точки зрения, по сути, является преступлением в сфере экономической деятельности, поскольку наносит ущерб, прежде всего, отношениям, возникающим по поводу осуществления нормальной экономической деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг. Следовательно, совершение субъектом профессиональной тайны такого рода деяний должно квалифицироваться как преступное разглашение коммерческой либо банковской тайны, предусмотренное ст. 183 УК РФ. В этой связи представляется необходимым дополнить указанную статью нормой, устанавливающей повышенную ответственность за противоправное распространение или использование сведений, составляющих коммерческую (банковскую) тайну, лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью.

Более того, считаю, что необходимо ужесточить ответственность нотариусов в случае причинения их действиями/бездействием крупного и особо крупного ущерба, а также иных тяжких последствий, путем добавления соответствующих признаков в квалифицированный и особо квалифицированный (требует создания) составы данного преступления. В целях экономии текста уголовного закона на нормы об ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях следует распространить примечание, конкретизирующее размеры крупного и особо крупного ущерба, причиняемого в результате совершения преступлений в сфере экономической деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 10.07.2012 № 107-ФЗ «О внесении изменения в статью 104.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Парламентская газета. № 27. 20-26.07.2012.
2. Мусаелян М. Ф. Совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 56 – 66.
3. Смертельное завещание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/10/27/notarius.html>.

ЧЕРКЕСОВ Султан Хангериевич

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

СУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК ВРЕМЕННОГО ОТСТРАНЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ОТ ДОЛЖНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена некоторым существующим в следственно-судебной практике правовым вопросам судебного порядка временного отстранения подозреваемого, обвиняемого от должности при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование преступлений, иные меры уголовно-процессуального принуждения, отстранение от должности.

CHERKESOV Sultan Khangerievich

Ph.D. in Economics, senior lecturer of Fire training sub-faculty of the North-Caucasian advanced training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, police colonel

Черкесов С. Х.

A COURT ORDER OF TEMPORARY DISMISSAL OF THE SUSPECT FROM OFFICE WHEN CRIMINAL PROCEEDINGS: ENFORCEMENT ISSUES

The article is devoted to some existing investigative and judicial practice legal issues court order of temporary dismissal of the suspect or accused from office when criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, preliminary investigation of crimes, other measures of criminal-procedural coercion, removal from office.

Согласно конституционно-правовым положениям, каждый гражданин имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, свободно выбирать род деятельности и профессию. Совершенно понятно, что ограничение данных прав возможно только на основании судебного решения. Рассматриваемые положения нашли свое отражение и в отраслевом законодательстве, где правила ограничения права на труд в досудебном производстве по уголовным делам получили достаточно подробную регламентацию в ст. 114 УПК РФ.

Кроме того, следует отметить, что практика применения обозначенных выше правовых положений, позволила выработать вполне понятные критерии законности, обоснованности и справедливости, которые позволяют гарантировать как достижение целей уголовного преследования, так и соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан.

Решение о необходимости и целесообразности применения временного отстранения от должности во многом зависит от усмотрения должностного лица, ведущего производство по делу, и диктуется также обстоятельствами самого уголовного дела. Совершенно очевидно, что рассматриваемая мера уголовно-процессуального принуждения может применяться только в отношении подозреваемого или обвиняемого «при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый, оставаясь на занимаемой им должности, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействовать на них с целью добиться с их стороны определенных действий или решений, сможет уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

В соответствии с частью первой статьи 111 УПК Российской Федерации в целях обеспечения установленного уголов-

но-процессуальным законом порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора дознаватель, следователь или суд вправе применить к подозреваемому или обвиняемому мере процессуального принуждения – временное отстранение от должности. Согласно статье 114 УПК Российской Федерации при необходимости временного отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом по месту производства предварительного расследования соответствующее ходатайство (часть первая); в течение 48 часов с момента поступления ходатайства судья выносит постановление о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности или об отказе в этом (часть вторая); временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности отменяется на основании постановления дознавателя, следователя, когда в применении этой меры отпадает необходимость (часть четвертая).

Таким образом, отстранение от должности осуществляется только по постановлению судьи. Смысл данного положения заключается в том, что суд, как независимый и беспристрастный участник уголовного судопроизводства, проверив представленные материалы дела, может защитить важнейшее конституционное право гражданина на труд и позволит исключить незаконное, необоснованное вмешательство органов уголовного преследования в деятельность гражданина.

Далее хотелось бы привести пример из следственно-судебной практики. Органы предварительного расследования ходатайствовали о временном отстранении от должности Ф., директора Департамента стратегического развития города, промышленности, инвестиционной политики и экологии администрации г. Н-ска. Ходатайство обосновывалось тем, что

Ф. обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285, ч. 2 ст. 292 УК, оставаясь в указанной должности, может продолжить преступную деятельность, а равно воспрепятствовать производству по уголовному делу, оказав воздействие на свидетелей, находящихся у нее в подчинении.

25 апреля 2014 г. судьей принято решение о временном отстранении обвиняемой Ф. от должности, с этой даты ей назначено ежемесячное государственное пособие в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

В апелляционной жалобе обвиняемая просила постановление отменить, поскольку все свидетели по делу допрошены, повлиять на их позицию по делу она уже не в состоянии. Кроме того, на срок до 23 июня 2014 г. ей предоставлен отпуск. Суд, по ее мнению, не обосновал необходимость применения в отношении нее мер процессуального принуждения, следовательно, отступил от презумпции невиновности. Ф. считает, что нарушено ее право на получение заработка, затронуты интересы находящихся на ее иждивении малолетних детей.

Оставив решение суда первой инстанции без изменения, судебная коллегия по уголовным делам Н-ского областного суда привела следующие мотивы своего решения.

Мера процессуального принуждения - временное отстранение от должности - согласуется с положениями Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г.¹, которая предусматривает в целях обеспечения выполнения договаривающимися сторонами обязательств по защите демократических институтов и ценностей, предупреждению, искоренению коррупции и формированию антикоррупционной политики установление процедур, с помощью которых публичное должностное лицо, обвиненное в совершении преступления, признанного таковым в соответствии с указанной Конвенцией, может быть в надлежащих случаях смещено, временно отстранено от выполнения служебных обязанностей или переведено на другую должность соответствующим органом.

Публичный характер этой меры обуславливает ее применение лишь по судебному решению, принятому на основании ходатайства следователя (дознателя), в производстве которого находится уголовное дело, исходя исключительно из общественных интересов, конкретизированных на основе требований закона и фактических обстоятельств дела; ее исполнение обеспечивается возложением на работодателя обязанности отстранить от работы (не допускать к работе) работника по соответствующему требованию суда (ст. 76 ТК).

Ф. обвиняется в совершении преступлений, совершенных, по версии следствия, с использованием должностного положения директора.

Достаточные данные о том, что Ф. могла совершить вмененные ей преступления, в представленных материалах отсутствуют. Проверять обоснованность предъявленного обвинения суд на данной стадии уголовного судопроизводства не вправе, поскольку иное поставило бы под угрозу самостоятельность и независимость суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

Судом первой инстанции правильно установлено, что, продолжая занимать должность директора, Ф. может оказать воздействие на свидетелей, поскольку указанные лица - ее подчиненные. Более того, версии Ф. и органов предварительного

следствия относительно фактических обстоятельств дела, его правовой оценки существенно разнятся.

Оснований считать примененную в отношении Ф. меру несоразмерной целям обеспечения надлежащего хода уголовного судопроизводства не имеется.

Сам по себе факт допроса всех свидетелей не исключает возможности последующего воздействия на них со стороны обвиняемой с целью побуждения к изменению показаний.

Предоставление Ф. оплачиваемого отпуска на период с 26 апреля по 23 июня 2014 г. не является необратимым явлением, поскольку трудовое законодательство предусматривает возможность отзыва работника из отпуска (ст. 125 ТК).

Получению заработной платы за ранее отработанные периоды обжалуемое Ф. постановление не препятствует.

Размер государственного пособия, подлежащего выплате Ф., определен в соответствии с общими правилами п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК; специальное законодательное регулирование вопроса о пособиях, выплачиваемых в таких случаях должностным лицам органов местного самоуправления, отсутствует.

Обеспечению интересов проживающих с обвиняемой несовершеннолетних детей служит как назначение Ф. упомянутого государственного пособия, так и предоставление ей законодателем возможности требовать с другого родителя уплаты алиментов на содержание детей либо претендовать на получение мер социальной поддержки. Кроме того, на случай возникновения опасности, в том числе по не зависящим от родителей обстоятельствам, законом предусмотрена возможность помещения детей в специализированные учреждения для несовершеннолетних (ст. 13 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»)².

Подводя итог приведенному выше, можно отметить, что ставя вопрос о временном отстранении от должности, следователь обязан доказать, что пребывание подозреваемого, обвиняемого в должности реально препятствует предварительному расследованию, прокурор и суд должны данные доказательства проверить и обязаны дать им принципиальную оценку.

Недопустимо преследование должностных лиц за инициацию разрешенных законом проверок³.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ, 1993 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.
3. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов и др.; под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Ч. 1. 231 с.
4. Колоколов Н. Временное отстранение от должности // ЭЖ-Юрист. 2015. № 26. С. 11.
5. Колоколов Н. А. Временное отстранение от должности: критерии законности и обоснованности судебного решения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 3-6.

2 Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов и др.; под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Ч. 1. 231 с.

3 Колоколов Н. Временное отстранение от должности // ЭЖ-Юрист. 2015. № 26. С. 11.

1 Подписана от имени Российской Федерации в г. Мерида (Мексика) 9 декабря 2003 г. Ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ.

КРАВЧЕНКО Елена Валентиновна

аспирант кафедры уголовного процесса юридического факультета Кубанского государственного университета

АДВОКАТ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В данной статье рассматривается процессуальная роль адвоката в начальной стадии уголовного судопроизводства – стадии возбуждения уголовного дела, приведены особенности оказания им квалифицированной юридической помощи доверителю с позиции Конституции РФ, уголовного-процессуального законодательства, Закона об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ и с учетом решений судов, относящихся к высшим органам судебной власти РФ.

Автором акцентируется внимание на необходимость процессуального закрепления статуса таких участников уголовного судопроизводства, как «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при осуществлении проверки сообщения о преступлении», которые обладают правом воспользоваться «услугами адвоката».

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, адвокатура, адвокат-защитник, адвокат-представитель интересов, квалифицированная юридическая помощь, стадия возбуждения уголовного дела.

KRAVCHENKO Elena Valentinovna

postgraduate student of the Criminal process sub-faculty of the Law Faculty of the Kuban State University

THE LAWYER AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

This article discusses the procedural role of the lawyer in the initial stage of criminal proceedings – stage of a criminal case, the peculiarities of providing qualified legal assistance to the principal with the position of the Constitution, the criminal procedure law, Law on advocacy and advocate activities in the Russian Federation and taking into account the decisions of the courts of the higher judiciary of the Russian Federation.

The author focuses on the need to consolidate the procedural status of such participants in criminal proceedings as "persons involved in the proceedings at the examination of a crime report", which have the right to use "lawyer".

Keywords: lawyer, advocacy, advocacy, advocate, defender, advocate, representative of the interests, qualified legal assistance, stage of excitation of criminal case.

Кравченко Е. В.

Стадия возбуждения уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, целью которой является обеспечение законности и обоснованности начала предварительного расследования и полноты охвата этой деятельностью всех случаев преступлений в уголовном процессе, а также, с учетом положений п. 9, 56 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), относится к досудебному производству по уголовному делу, которое начинается именно с момента получения сообщения о преступлении. К сообщениям о преступлении согласно п. 43 ст. 5 УПК РФ законодатель относит заявление о преступлении, явку с повинной и рапорт об обнаружении преступлений.

Конституционный Суд РФ, говоря о начальной стадии уголовного судопроизводства, в своем постановлении от 14 января 2000 г. № 1-П¹ указал, что возбуждение уголовного дела является начальной самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания для возбуждения уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступлений, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью и подсудностью.

Аналогичная позиция Конституционного суда нашла свое отражение и в более позднем своем его судебном решении²: «...неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, общее назначение которого состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), является стадия возбуждения уголовного дела, в ходе которой проверяется сообщение о преступлении и которая, как следует из ч. 2 ст. 140 и ч. 1 ст. 145 УПК РФ, имеет главной своей целью – установление наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления...», что, безусловно, подчеркивает, важность и актуальность права граждан на получение квалифицированной юридической помощи еще в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе с учетом положений ч.1 ст. 6 УПК РФ³.

В свою очередь, Верховный Суд РФ акцентирует внимание судов на то, что при проверке законности постановления о возбуждении уголовного дела судье следует проверять, со-

1 О проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ: постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

2 По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О. А. Лаптева: постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 27-П // СПС «КонсультантПлюс».

3 Кравченко Е. В. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела: теория и практика // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. науч. ст. / под общ. и науч. ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. Краснодар: Просвещение-Юг, 2015. С. 171-182.

блюден ли порядок вынесения данного решения, обладало ли должностное лицо, принявшее соответствующее решение, необходимыми полномочиями, имеются ли поводы и основание для возбуждения уголовного дела⁴.

Говоря о процессуальной роли в стадии возбуждения уголовного дела такого участника уголовного судопроизводства, как «адвокат», призванного к реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленного в ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ), важно отметить, что законодатель закрепил Федеральным законом от 4 марта 2013 г.⁵ в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ среди процессуальных прав «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при осуществлении проверки сообщения о преступлении» – право воспользоваться «услугами адвоката».

Обращаясь к определению самого понятия «адвокат» в ч. 1, п. 5 ч. 2 ст. 2 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре⁶, «адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам и участвует в уголовном судопроизводстве в качестве представителя или защитника доверителя». Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, «защитник участвует в уголовном деле с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», ч. 1 ст. 49 УПК РФ регламентирует, что защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им помощь при производстве по уголовному делу, а ч. 2⁷ – в качестве защитников участвуют адвокаты.

В п. 2.1, п. 2.2 Определения КС РФ от 26.04.2016 № 708-О⁸, в части участия защитника разъясняется: «... по смыслу части второй статьи 49 УПК Российской Федерации, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29⁹), защиту в досудебном производстве по уголовному делу вправе осуществлять только адвокат... По смыслу статей 49, 51, 52 и 72 УПК Российской Федерации и в силу правовых позиций, изложенных в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, лицо, допущенное к участию в уголовном деле в качестве защитника, сохраняет свои уголовно-процессуальные права и обязанности до тех пор, пока судом не будет принят отказ обвиняемого от данного защитника или суд не примет решение о его отводе...». Справедливо отметить, что наряду с судебной практикой и в науке уголовного процесса также акцентируется внимание на то, что процессуальные гарантии за-

щиты законных интересов личности закладываются уже в досудебном производстве^{10 11 12 13}.

В анализируемой нами норме ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ законодателем указано, что воспользоваться услугами адвоката обладают правом «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». При этом, такие лица в стадии возбуждения уголовного дела еще не владеют конкретным уголовно-процессуальным статусом, который был бы четко закреплен в УПК РФ¹⁴. О них мы можем говорить лишь как о лицах, пострадавших от преступных деяний, об очевидцах преступного события, о лицах, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия, так как нет и самого возбужденного уголовного дела. Следовательно, квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела может потребоваться не только лицу, проверяемому на причастность к совершению деяния, но и заявителю, а также очевидцу преступления.

Упоминая о процессуальном статусе лица, пострадавшего от преступных деяний, заслуживает внимание определение Конституционного Суда РФ от 29.03.2016 № 551-О¹⁵, в котором установлено, что по смыслу ч. 1 ст. 42 УПК РФ, определяющей потерпевшего как лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред либо вред деловой репутации, правовой статус лица в качестве потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда о признании потерпевшим, но не формируется им, поскольку, обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав.

Допустимость и важность участия адвоката в стадии возбуждения уголовного дела неоднократно подтверждена и решениями Конституционного Суда РФ¹⁶, в которых подчеркивалось, что Конституция РФ, закрепляя право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, и при этом не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым.

4 Определение № 11-УДП16-45 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.). 2017. № 3; СПС «КонсультантПлюс».

5 О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6 Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; СПС «КонсультантПлюс».

7 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

8 Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Борисова Андрея Константиновича и Гладкова Владимира Михайловича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 49 и статьями 237, 244 и 248 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 708-О // СПС «КонсультантПлюс».

9 О практике применения судами законодательства, обеспечивающими право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // СПС «КонсультантПлюс».

10 Гладышева О. В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 122 – 132.

11 Бургер Б. М. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2009. № 4. С. 211 – 215.

12 Семенов В. А., Гладышева О. В. О взаимосвязи публичности, законности и справедливости в системе уголовного судопроизводства // Общество и право. 2011. № 1. С. 156 – 159.

13 Семенов В. А. О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 12. С. 7 – 10.

14 Кравченко Е. В. Взаимоотношения государства и адвокатуры в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 250 – 259.

15 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нестерова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 7, статьей 42 и частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29.03.2016 № 551-О // СПС «КонсультантПлюс».

16 По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

Так, в п. 2 своего определения Конституционный Суд РФ от 15.01.2016 № 76-О¹⁷ устанавливает, что ч.1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи и федеральный законодатель в рамках предоставленной ему компетенции обеспечивает выполнение государством обязанности по созданию надлежащих условий для реализации конституционного права на получение юридической помощи с тем, чтобы каждый в случае необходимости имел возможность обратиться за ней для отстаивания своих прав и законных интересов, а право пользоваться помощью адвоката (защитника) как одно из проявлений более общего права на получение квалифицированной юридической помощи подлежит обеспечению на всех стадиях уголовного судопроизводства и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

При этом юридическая помощь адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве не очерчивается лишь процессуальными и временными рамками его участия в деле при производстве расследования и судебного разбирательства, – она включает возможные предварительные консультации и разъяснения по правовым вопросам, устные и письменные справки по законодательству, составление заявлений, жалоб и других документов правового характера и т.д.

Сформулированные в данном определении Конституционного Суда РФ правовые позиции относительно конституционно-правового содержания права на помощь адвоката (защитника), гарантий конфиденциальности сообщенных ему сведений, а также относительно нарушения его прав в связи с оказанием им юридической помощи являются обязательными для судов и иных правоприменителей, в том числе при решении в уголовном деле вопросов, связанных с обеспечением прав на получение квалифицированной юридической помощи, свободный выбор защитника и охрану адвокатской тайны.

Конституционное право граждан на квалифицированную юридическую помощь также нашло свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29¹⁸, где обращается внимание судов на то, что по смыслу ст. 16 УПК РФ обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст.144 УПК РФ... Исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст.11 и ч. 2 ст.16 УПК РФ, обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, и предварительное расследование по делу: на дознавателя, орган дознания, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в ходе судебного производства – на суд. Предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу, с учетом стадий и особенностей различных форм судопроизводства.

С учетом позиции, указанном в определении Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1135-О¹⁹, в ходе проверки сообщения о преступлении, составляющей начальную стадию досудебного производства, подозреваемый либо те лица, кому должны быть обеспечены права, которыми мог бы пользоваться подозреваемый, не лишены – как и на других стадиях уголовного процесса – права заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания, защищаться всеми иными средствами и способами, не запрещенными законом (п. 5, 8 и 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). При этом дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, проводящие такую проверку, с учетом требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ не вправе без достаточных оснований и немотивированно отказать в удовлетворении этих ходатайств при всем, это не означает, что лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может наделяться большими правами, чем подозреваемый, в том числе правом на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении.

Подводя итог, мы с уверенностью можем говорить о том, что адвокат (защитник) является полноценным участником уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела, на что указал в своем определении Конституционный Суд РФ от 29.09.2015 № 2270-О²⁰, отмечая: «...конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным, когда уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются его свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения...».

Статья 142 УПК РФ раскрывает понятие заявления о явке с повинной как добровольного устного или письменного сообщения лица о совершенном им преступлении и, по мнению Конституционного Суда РФ в данном определении, не содержит положений, на основе которых ограничивались бы свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, лица, делающего заявление о явке с повинной, а потому не предполагает присутствия при этом адвоката, однако, и не исключает право лица сделать такое сообщение в присутствии адвоката. Таким образом, в стадии возбуждения уголовного дела присутствие адвоката на наш взгляд является правом, а не обязательным условием.

Таким образом, согласно положениям Конституции РФ, уголовно-процессуального законодательства, Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также с учетом отраженной судебной практики, адвокат, отстаивая процессуальные права и интересы своих доверителей, в любом случае реализует защитительные функции, при этом реализует предусмотренное и гарантированное государством конституционное право гражданина на квалифицированную юридическую помощь, осуществляя свою профессиональную деятельность в интересах лица, проверяемого на причастность к совершению деяния, заявителя и очевидца преступления.

17 По жалобе гражданина Буркова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 76-О // СПС «КонсультантПлюс».

18 О практике применения судами законодательства, обеспечивающими право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // СПС «КонсультантПлюс».

19 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голенко Алексея Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 121, 122, частями первой и 1.1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 5.1 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1135-О // СПС «КонсультантПлюс».

20 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью первой статьи 75, частью первой статьи 142 и частью 1.2 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2270-О // СПС «КонсультантПлюс».

Правовая неопределенность в УПК РФ по вопросу оказания квалифицированной юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела, отсутствие отдельного процессуального закрепления статуса круга «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при осуществлении проверки сообщения о преступлении», которые обладают правом воспользоваться «услугами адвоката», может привести к возникновению серьезных проблем у граждан, как в отношении, которых проводится проверка о совершении преступления, так и в отношении заявителя, лиц, пострадавших от преступных деяний, очевидцев преступного события, ограничивая их право на защиту, что в свою очередь неизбежно повлечет незаконное и необоснованное обвинение, осуждение и ограничение прав и свобод личности, что противоречит самому назначению уголовного судопроизводства, закрепленного в ч.1 ст. 6 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающими право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ: постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; СПС «КонсультантПлюс».
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Борисова Андрея Константиновича и Гладкова Владимира Михайловича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 49 и статьями 237, 244 и 248 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 708-О // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голенко Алексея Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 121, 122, частями первой и первой.1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 5.1 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1135-О // СПС «КонсультантПлюс».
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью первой статьи 75, частью первой статьи 142 и частью первой.2 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2270-О // СПС «КонсультантПлюс».
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нестерова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 7, статьей 42 и частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29.03.2016 № 551-О // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение № 11-УДП16-45 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.). 2017. № 3; СПС «КонсультантПлюс».
11. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».
12. По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О. А. Лаптева: постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 27-П // СПС «КонсультантПлюс».
13. По жалобе гражданина Буркова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 76-О // СПС «КонсультантПлюс».
14. Бургер Б. М. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2009. № 4. С. 211 – 215.
15. Гладышева О. В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 122 – 132.
16. Кравченко Е. В. Взаимоотношения государства и адвокатуры в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 250 – 259.
17. Кравченко Е. В. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела: теория и практика // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. науч. ст. / под общ. и науч. ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. Краснодар: Просвещение-Юг, 2015. С. 171-182
18. Семенцов В. А. О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 12. С. 7 – 10.
19. Семенцов В. А., Гладышева О. В. О взаимосвязи публичности, законности и справедливости в системе уголовного судопроизводства // Общество и право. 2011. № 1. С. 156 – 159.

ЛАПКОВСКАЯ Наталия Вячеславовна

магистрант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА С КОТОРОГО НАСТУПАЕТ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Субъект преступления в определении научного общепризнанного характера отличается от личности преступника уголовно-правовым смыслом. Субъектом преступления признается физическое лицо, которое обладает такими признаками как вменяемость и достижением лица определенного возраста. Для выявления той самой границы, разделяющей способных к уголовной ответственности и не способных, законодатель считает недостаточным уровня возрастного развития. Для того чтобы привлечь к уголовной ответственности лицо, не достигшее своего совершеннолетия, но совершившее преступное деяние, необходимо учитывать «способность понимать» и «осознавать» последствия преступного деяния. Иначе говоря, он должен осмысленно подходить к фактически совершаемым действиям, их последствиям, и мерам наказания. Регулирование правовых отношений и ответственность за их нарушение регламентируется действующим российским законодательством, в котором вид физических субъектов делится на две категории взрослые и дети. На этот счет в законодательстве предусмотрены два понятия совершеннолетние и несовершеннолетние. В последнее время существует очень много мнений по поводу снижения возрастной ответственности, обосновывая это желание авторы ссылаются на зарубежный опыт, но не во всем следует подражать зарубежным коллегам, нужно учитывать в первую очередь менталитет населения, который зависит непосредственно от культуры, истории и многонациональности нашей страны. Большую роль играют также и аналитические данные в отношении подростковой преступности, выявления их возникновения и эффективности мер уголовной политики в отношении малолетних нарушителей.

Ключевые слова: несовершеннолетний, субъект преступления, уголовная ответственность, суицид, доведения до самоубийства, объективная сторона преступления, квалификация.

LAPKOVSKAYA Nataliya Vyacheslavovna

magister student of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE PROBLEM OF DETERMINING THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY.

The subject of the offence generally accepted scientific definition of nature is different from the identity of the criminal, criminal – legal sense. The offender is a natural person, which has such characteristics as responsibility and achievement of a person of a certain age. To identify the boundaries separating able to criminal liability and is not able, the legislator considers insufficient level of development of age. In order to prosecute a person who has not attained his majority, but has committed a criminal act must be considered "ability to understand" and "realize" the consequences of criminal acts. In other words, it needs to intelligently approach actually performed actions, their consequences, and measures of punishment. The regulation of the legal relationship and responsibility for their violation is governed by the applicable Russian legislation, in which the physical entities are divided into two categories adults and children. On this account, the law provides two concepts adults and minors. In recent times, there are many opinions about reducing the age of responsibility, arguing that the desire the authors refer to foreign experience, but not all should emulate foreign colleagues, you need to consider first and foremost the mentality of the population, which depends directly on the culture, history and multi-ethnicity of our country. Plays a big role and analytical data in relation to juvenile crime, revealing their emergence and effectiveness of measures of criminal policy towards young offenders.

Keywords: Minor, the subject of a crime, criminal liability, suicide, of suicide, the objective side of crime, skills.

Несовершеннолетними признаются лица, которые к моменту совершения опасного деяния достигли четырнадцатилетнего возраста, но которым не исполнилось восемнадцати лет. Законодатель четко указал на такой возрастной критерий в ч. 1 ст. 87 УК РФ. Именно эта категория, достигнувшая такого возраста может стать субъектом уголовно-правовых отношений. Но опять -таки с некоторыми оговорками. Не во всех категориях преступлений наступает уголовная ответственность с четырнадцати лет. В связи с этим законодатель не ограничился только возрастным критерием, плюс к этому он определил в уголовном кодексе меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. К ним относятся и принудительные меры воспитательного характера ст.90-91 УК РФ, виды назначения наказания несовершеннолетним статья 88-89 УК РФ.

Проблема определения возраста с которого наступает уголовная ответственность является очень актуальной на сегодняшний день. Прежде чем выявить проблемы определения возраста с которого наступает уголовная ответственность следует проанализировать возникновение подростковой преступности, и ответить на ряд вопросов. Что же побуждает и влияет на желание подростков к совершению общественно опасного деяния, преступления? Какие факторы являются особо влияющими на внезапное возникновение вспышки агрессии среди молодежи? Какую роль в воспитании играет общество и общественно образовательные учреждения?

Хочется для начала отметить, что ювенальная юстиция, психология не предусматривает такого термина «хороший, положительный» ребенок, многие психологи считают, что все дети «трудные». Но в данном слове используется его суть, которая характеризует «трудного» ребенка, как ленивого, безответственного, «невоспитанного», агрессивного, подростка.

Именно такая характеристика малолетних преступников зачастую используется в литературе.

Если брать статистические данные, то всего лишь на 37,6 % сократилось количество преступлений среди подростков, но тем ни менее преступность среди подростков все-таки приобретает достаточно масштабный характер.

В современном обществе является очень актуальной и настаивающий на особом внимании законодателя вопрос определения возраста с которого наступает уголовная ответственность, стало быть непосредственно и субъекта преступления в определенных сложных преступлениях. В уголовном законе существуют преступления в которых наступает уголовная ответственность с 14 лет. Законодатель в ст. 20 УК РФ четко определил составы преступлений, субъектом преступлений которых является лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста. Следует отметить, что отягчающим обстоятельством таких преступлений, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ), похищение человека (п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ), изнасилование (п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (п. «а» ч. 4 ст. 132 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ), террористический акт (п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ), захват заложника (ч. 3 ст. 206 УК РФ), выступает причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности. Но в Уголовном Кодексе есть составы преступлений, в которых предусмотрены отягчающие обстоятельства, которые не являются основным. Возникает вопрос стоит ли в этом случае применять положение ч.2 ст.20 УК?

С июня 2017 г. в УК была дополнена ФЗ № 120 от 07.06.2017 г. статья 110 Доведения до самоубийства. Субъектом данного пре-

ступления является лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Для правильной квалификации данного преступления очень важно точно определить объективную сторону данного преступления, которая должна быть выражена деянием в форме действия или бездействия, последствием в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего и причинной связью между ними. По мнению А. В. Бриллиантова, отношения между виновным и потерпевшим характеризовались зависимостью последнего, то это обстоятельство в силу п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ должно быть признано отягчающим наказанием. А как же быть в ситуации, когда зависимость друг от друга возникает среди несовершеннолетних подростков? Есть случаи, когда подростковый суицид происходит на почве конфликта, путем шантажа между сверстниками в школе, на улице, который в итоге порождает возникновение систематического унижения человеческого достоинства, циничные насмешки над недостатками потерпевшего, распространения, позорящие на взгляд потерпевшего сведения. Казалось бы, всё это можно пережить, и перетерпеть, но есть дети с так называемой ранимой психикой, и вынести унижения без помощи взрослых не в состоянии. Они очень нуждаются в таких ситуациях в поддержке старших наставников, учителей, родителей, опекунов. Но зачастую взрослые, учителя, родители, опекуны не знают, а иногда и не хотят знать какие складываются отношения между подростками, на каких моральных принципах они построены, умеют ли они уважительно относиться друг к другу и т.д. Несомненно несовершеннолетние дети более 50 % процентов светового дня проводят в школе, и естественно просто необходимо учителям, педагогам психологам серьезно подходить не только к педагогическому процессу, но и к воспитательному. Это очень важно, порой дети не понимают «что такое хорошо, а что такое плохо?». Определив одну из причин возникновения подросткового суицида, возвращаясь к ст. 110, хочется отметить, что смерть человека в результате самоубийства в данном случае рассматриваем конкретно несовершеннолетнего, является основным составом преступления и не является отягчающим обстоятельством. Следовательно, в случае доведения до самоубийства несовершеннолетнего несовершеннолетним, который на законодательном уровне субъектом данного преступления не является, и не подлежит уголовной ответственности. Такие случаи не так часты, но они имеют место быть на практике. И многие родители, близкие родственники потерпевшего требуют правосудия и наказания для виновных. Конечно многие правозащитники считают, и с ними нельзя не согласиться, что если однажды человек предпринимал попытки довести человека до подобного состояния, то может попытаться и еще раз, поэтому возникает необходимость установить факт наличия вины, и привлечения к уголовной ответственности виновного. В Конституции РФ ст. 52 установлены гарантии судебной защиты прав и свобод каждого гражданина, а также определяет, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Ровно, как и статья 6 УПК Российской Федерации провозглашает назначением уголовного судопроизводства в том числе защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Но в статье 110 УК РФ законодатель не предусмотрел вид ответственности в отношении субъекта не достигшего шестнадцатилетнего возраста, совершившего данное преступление, поэтому к таким субъектам иногда возможно применение норм статьи 105 УК РФ. Правомерно ли это? Для начала, хочется отметить, что проблемы, связанные с юридической квалификацией действий, обусловивших самоубийство потерпевшего, обратили внимание такие выдающиеся русские ученые, как А. Н. С. Таганцев, А. А. Пионтковский, А. В. Кистяковский, С. Н. Трегубов, Г. Е. Колоколов, С. В. Познышев и др. Труды ученых подвели к систематизации знаний о самоубийстве и введении до самоубийства, месте и роли лица, поведение которого предопределило суицид потерпевшего. Все эти вопросы были очень актуальными, которые впоследствии продолжены были исследованию таких ученых как Р. З. Авакин, И. А. Адиев, М. К. Аниязиц, М. К. Шаргородский, В. И. Ткаченко, А. И. Рарог, Г. Н. Борзенков, А. И. Игнатов, Н. Ф. Кузнецова и др.

Объективная сторона статьи 105 УК РФ выражается деянием в форме действия или бездействия, преступление с материальным составом, которое подразумевает последствия в виде наступления смерти и причинной связи между ними. Тем самым объективная сторона убийства не возможна без трех его составляющих, это действие, или бездействие, направленное на лишение жизни потерпевшего, его результат наступление смерти, причинная связь меж-

ду действием (бездействием) виновного и наступившей смертью потерпевшего. Объективная же сторона ст. 110 УК РФ выражена в совершении виновным лицом конкретных действий, а именно жестокое обращение, систематическое унижение личного достоинства, угроз, которая очень часто обществе среди подростков доходит до травли. Объективная сторона данного преступления включает в себя такие составляющие как, определенные действия виновного, толкающие потерпевшего на самоубийство, которые должны обязательно проявляться в своей продолжительности и системности, результат от действий виновного – самоубийство, или же покушение на самоубийство, причинная связь. Составляющие элементы объективных сторон данных преступлений очень схожи, но различие в том, что в ст.110 УК РФ потерпевший желает сам покончить с жизнью, и сам же приводит в исполнение данное желание. Эта существенная разница в объективной стороне может влиять на квалификацию преступления, особенно если виновное лицо не достигло шестнадцатилетнего возраста.

Подводя итог хочется акцентировать ваше внимание на следующем выводе:

В ст. 110 УК РФ соблюдено основное правило конструирования составов с отягчающими, т.е. это правило предполагает содержание всех признаков как объективных, так и субъективных, но в случае совершения данного преступления лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, оно не является субъектом данного преступления и освобождается от уголовной ответственности, что противоречит ст. 52 Конституции и УПК ст.6. Если же менять квалификацию совершенного преступления с статьи 110 УК РФ виновным которого является лицо не достигшее совершеннолетия на 105 УК РФ, для привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего то происходит несоответствие одного из элементов объективной стороны, что противоречит принципу законности, в связи с этим целесообразно включить общественно опасное деяние предусмотренное статьёй 110 УК РФ в ч.2 статьи 20 УК РФ, где уголовная ответственность за совершенные преступления наступает с четырнадцати лет.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)
2. Агапов П. В. и др.; под ред. Капинус О. С.; рук. авт. кол. Ображиев К. В. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного права. М.: Проспект, 2016.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 11-е изд., изм. и доп. М., 2015
4. Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., Проспект 2015.
5. Галахова А. В. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: Научно-практическое пособие. М., Норма, 2014.
6. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса. М., Статут, 2016.
7. Есаков Г. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2017.
8. Лебедев М. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Юрайт, 2013.
9. Официальный сайт СК РФ по городу Санкт Петербургу // Электронный ресурс.
10. Подройкина И. А., Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов. М.: Проспект, 2016.
11. Рыжаков А. П. Субъекты (участники) уголовного процесса. М.: Дело и Сервис, 2013.
12. Система Консультант Плюс // Электронный ресурс.

ВИКТОРОВА Элеонора Юрьевна

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА США НА БАЗЕ ТЕКСТА ЗАКОНА

Статья рассматривает вопрос доктрины и практики толкования норм уголовного права в США, касаясь исключительно теории толкования на базе текста закона. Подробно в статье уделяется внимание правилу явного смысла. Раскрывается сущность теории толкования текста уголовного закона, рассматриваются детали средств и способов анализа и оценки текста законодательного акта, приводится соответствующая судебная практика.

Ключевые слова: уголовное право, США, текст закона, правило явного смысла.

VIKTOROVA Eleonora Yurjevna

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW NORMS IN THE USA BASED ON THE TEXT OF A LEGAL ACT

Article is devoted to the doctrine and practical aspects of interpretation of criminal law norms in the USA, focusing only on theory of interpretation based on the text of a legal act. More thoroughly the following article touches upon the plain meaning rule of interpretation of legal texts. The essence of criminal law interpretation theory is shown as well, along with the details of means to analyze and value the legal text, all being supported by corresponding judicial practice.

Keywords: criminal law, the USA, text of a legal act, plain meaning rule.

Викторова Э. Ю.

В теории толкования норм уголовного права США уже десятки лет идет непрерывная борьба между определением системообразующего элемента доктрины толкования – законодательного намерения или текста закона. Однако неопределенность теории толкования на базе «законодательного намерения» неизменно приводит к мысли о том, что наиболее верный способ толкования закона – это применение правила «явного смысла» (*plain meaning rule*), как лучшего доказательства «законодательного намерения» и единственно достоверного и авторитетного источника толкования. На первый взгляд, действительно, кажется, что то, что прописано в законе, и есть прямое свидетельство и путь достижения той цели, которую авторы закона поставили перед собой. Однако текст закона часто апеллирует к общим формулировкам, и субъекты толкования вынуждены признать недостаточность одного текста закона для определения сферы его применения. Поэтому за долгие годы развития доктрины толкования статутов в США было разработано три основных подхода к применению теории толкования на базе текста закона.

Правило «явного смысла» в чистом виде применяется довольно редко. Эту тенденцию легко объяснить на примере прецедента *Steelworkers v. Weber*¹. Судья Ренквист в своем особом мнении по данному делу начал аргументацию с указания

на точную формулировку закона о том, что «работодатели и профсоюзы не должны проявлять расовую дискриминацию в отношении любого физического лица»². Однако затем он анализирует историю принятия данного закона, принимая решение, что «задача толкования данного статута заключается, в конечном итоге, в том, чтобы реализовать намерение Конгресса». Получается, что правило «явного смысла» должно обязательно пройти проверку на предмет соответствия «законодательному намерению». Иными словами, правило «явного смысла» не применяется, если наличествует убедительное доказательство того, что «законодательное намерение» применительно к данному статуту противоречит явному смыслу текста закона³. Получается, что правило «явного смысла» сильно зависит от контекста принятия закона, к которому оно применяется, что само по себе дискредитирует правило «явного смысла». И наконец, на простом примере можно продемонстрировать неопределенность самого понятия «явный смысл». Вновь обратимся к делу *Weber*. В английском языке глагол *to discriminate* имеет два значения. Значение, указанное как первое в словаре 1968 года, определяет данный глагол как действие по ущемлению кого-либо в правах по причине предвзятого отношения или пристрастности. Другое значение, обозначенное как второе в словаре 1968 года, но поставленное на первое место словарем, датированным более ранним годом, определяет глагол *to discriminate* как действие по различению, разграничению двух видов чего-либо (например, *I discriminate against peaches* означает, что я предпочитаю персики другому виду фруктов). Так какому же из словарей доверять? Как должен поступить судья при выборе «явного», то есть очевидного смысла данного слова, когда оно является ключевым в строке закона, подлежащей толкованию? Очевидно, что без контекстного восприятия толкуемого понятия, правило «явного смысла» не работает.

1 Вкратце сущность данного дела 1979 года может быть сведена к вопросу, разрешает ли федеральное антидискриминационное законодательство в США работодателям и профсоюзам участвовать в действиях по истребованию компенсации (инициативе «равноправия») за проявление расовых предпочтений на рабочих местах со стороны работодателя. Данный вопрос намеренно был опущен авторами закона «О гражданских правах» 1964 года. Согласно данному закону, работодатели и профсоюзы могли участвовать в инициативе «равноправия», то есть устанавливать расовые квоты представительства на рабочих местах своих предприятий для «уравновешивания» рас в каждом конкретном случае в зависимости от их количества на предприятии. Однако один работник из Греймерси, штат Луизиана, - Брайан Вебер - решил, что такая квота нарушала его расовые права вопреки действию вышеупомянутого закона. По его мнению, «уравновешивающие» квоты ис-

пользовали критерий расы, который был дискредитирован революцией гражданских прав в США.

2 443 U.S. at 253 (Rehnquist, J., dissenting).

3 *Griffin v. Oceanic Contractors, Inc.*, 458 U.S. 564 (1982).

Судья Антонин Скалиа является сторонником другого подхода к правилу «явного смысла» - теории *новой текстологии*⁴. Основная идея доктрины *новой текстологии* заключается в том, что главная задача толкования закона – это определение его текстуального смысла, а единственным надлежащим источником данного процесса является источник, основанный исключительно на тексте закона. Причем, краеугольным камнем теории *новой текстологии* является ориентация на то значение текста закона, которое будет выявлено при его прочтении *обычным носителем английского языка*. Судья Скалиа считает, что в случае относительной ясности текста, субъекты толкования ни в коем случае не должны прибегать к изучению истории принятия закона или выявлению «законодательного намерения», лежащего в основе принятого закона⁵. Однако данный подход не исключает рассмотрение текста закона в «контексте обстоятельности его принятия». В понятие «контекста» сторонники теории *новой текстологии* включают лингвистические словари, особенно те, что были изданы в период принятия закона, другие положения закона в сравнении с различными интерпретациями толкуемых термина или фразы, сравнение со схожими формулировками других законов и их толкованиями и т.д. Скалиа утверждает, что теория *новой текстологии* с ее неприятием истории обсуждения закона как источника толкования предусмотрена самой Конституцией США, в статье 1, разделе 7, которая гласит, что закон не является надлежаще принятым, пока он не будет одобрен обеими палатами Конгресса США *в одной и той же текстуальной форме*. Поскольку только принятый текст закона является общеобязательной «нормой» в широком смысле слова, то никакие обсуждения отдельных его положений между членами Конгресса не являются обязывающими для судов, тем более не являются законом. Доклады комитетов, по мнению Скалиа, являются ненадежным источником «законодательного намерения» даже в отношении одной из палат Конгресса, но и в целом являются неконституционным источником толкования законов. Судебная практика, основанная на идеях, выраженных в докладах комитетов, нарушает статью 1, раздел 7 Конституции США, так как она представляет право законотворчества подгруппам конгрессменов, что было признано неконституционным в деле *INS v. Chadha*⁶. Теория *новой текстологии* также, по мнению Скалиа, является методологией толкования статутов, наиболее соответствующей принципу верховенства права и принципу разделения властей. Дело *Weber* продемонстрировало слабость судей в ситуации, где было необходимо четко следовать тексту закона, что создало нежелательные прецеденты и исключения из соответствующих законов.

Третий подход к теории толкования статутов на базе текста закона основан на *критике новой текстологии*⁷. Начать описание данного подхода стоит с позиции, на которой сторонники и оппоненты данной теории смогли сойтись. Данная позиция заключается в том, что за историей принятия закона не признается сила законодательного акта, в отличие от самого закона, история принятия лишь служит цели определения и донесения точного смысла, вложенного в закон. Поэтому ни суды, ни граждане не должны считать тезисы, высказанные в ходе обсуждения закона, сколь либо обязательными для при-

менения. Однако оппоненты теории Скалиа не принимают к сведению аргумент судьи о нарушении статьи 1, раздела 7 Конституции США⁸. Поскольку законодательный процесс закономерно включает в себя стадию обсуждения законопроекта, проведения дебатов по принимаемому закону, то более детальное обращение к этапам принятия закона для прослеживания генезиса развития его основных положений полностью вписывается в рамки Конституции, по мнению критиков новой текстологии, и даже подразумевается Конституцией США. Аргумент о нарушении принципа разделения властей также подвергается серьезной критике. Даже если представить, что суды должны играть абсолютно нейтральную, лишнюю дискреции, и отчасти даже механическую роль в процессе применения и толкования статутов, то теория новой текстологии как раз препятствует достижению этой цели. Если суд не имеет права оценивать материалы законодательного процесса, просматривать дебаты и обсуждения отдельных пунктов закона, а сам закон требует толкования ввиду своей нечеткости или неясности, то у суда остаются лишь средства толкования, выработанные судебной практикой, а именно: максимы и каноны толкования и прецеденты.

Далее рассмотрим особенности толкования *уголовного права* в США. Дело *People v Lopez*⁹ 2003 года касалось толкования термина «угон транспортного средства» (carjacking). Угон т/с в Уголовном кодексе Калифорнии (§ 215) означает «незаконное присвоение моторного транспортного средства». Схожим образом сформулировано и определение «грабежа» (§ 211) - как «незаконное присвоение чужого имущества». Суды Калифорнии, следуя нормам общего права, долгое время принимали решения о том, что критерий «присвоения» (felonious taking) в краже требует физического увоза вещи, украденной у жертвы преступления. Соответственно, возник вопрос – требуется ли выполнение данного критерия в преступлении угона? 1 июля 1999 года потерпевший (Wa Vue Yang) сидел в своем автомобиле-фургоне на парковочной стоянке, когда обвиняемый подошел к нему с предложением приобрести часы. Когда потерпевший отказался купить часы, обвиняемый достал оружие и выстрелил в землю. Далее он направил оружие на потерпевшего и потребовал выйти из автомобиля. Потерпевший выполнил данное требование, но оставил ключи в замке зажигания. Обвиняемый сел в автомобиль, бросив свой рюкзак на пассажирское сиденье. Однако потерпевший, вспомнив, что в фургоне остались важные для него чеки, вернулся к фургону, решив, что оружие обвиняемого было пневматическим. Обвиняемый два раза нажал курок в направлении потерпевшего, но оружие не сработало, после чего он выбежал из автомобиля, оставив свой рюкзак с документами, подтверждающими личность, в фургоне.

«Угон» в § 215 определяется как умышленное присвоение моторного транспортного средства, принадлежащего другому лицу, в присутствии как владельца, так и пассажира данного транспортного средства против их воли с намерением либо временно, либо безвозвратно лишить их такого владения с помощью средств силы или внушения страха. «Грабеж» в § 211 определяется как умышленное присвоение имущества другого лица в его присутствии против его воли с помощью средств силы или внушения страха. Вопрос разграничения этих двух видов преступления был крайне важен в данном деле, поскольку наказание за угон было значительно строже, чем за грабеж такого типа (second degree). Обвиняемый настаивал на том, что должно применяться толкование фразы «незаконное присвоение» по аналогии с законом о грабеже, на что прокурор приводил довод о том, что законодатель ввел в систему права преступление угона специально, поскольку оно все же отличается от грабежа, хоть и имеет с ним ряд схожих элементов¹⁰. *Для толкования этих слов необходимо сначала внима-*

4 Bank One Chicago v. Midwest Bank & Trust Co., 516 U.S. 264, 279 (1996) (Scalia, J., concurring in part); Chisom v. Roemer, 501 U.S. 380, 404 (1991) (Scalia, J., dissenting); Green v. Bock Laundry Mach. Co., 490 U.S. 504, 527 (1989) (Scalia, J., concurring in the judgment). William Eskridge, Jr., The New Textualism, 37 UCLA L. Rev. 621 (1990).

5 Antonin Scalia. A matter of Interpretation: Federal Courts and the Law, 1997.

6 462 U.S. 919 (1983). Другие дела, где использовались те же аргументы: Bank One Chicago v. Midwest Bank & Trust Co., 516 U.S. 264, 279 (1996) (Scalia, J., concurring); INS v. Cardoza-Fonseca, 480 U.S. 421, 452-53 (1987) (Scalia, J., concurring in the judgment); Thompson v. Thompson, 484 U.S. 174, 191-92 (1988) (Scalia, J., concurring in the judgment).

7 Stephen Breyer, On the Uses of Legislative History in Interpreting Statutes, 1992

8 William N. Eskridge, Jr., Philip P. Frickey, Elizabeth Garrett, Legislation and Statutory Interpretation, 2006

9 6 Cal. Rptr. 3d 432 (Cal. 2003).

10 Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, "Criminal Law: Concepts and Practice", 2009

тельно взглянуть на текст статута, а при возникновении сомнений обратиться к законодательному намерению.

Статья 215 (подраздел (а)) предусматривает термин «присвоение» (taking) транспортного средства. Обвиняемый настаивал, что явный смысл слова «присвоение» требует доказательства перемещения такого транспортного средства. Однако такие термины как «перемещение», «увоз», «унос» имущества не фигурируют в тексте закона. Явный смысл слова «присвоение» не включает в себя обязательное условие перемещения украденного имущества. В комментариях к данному делу можно найти следующую точку зрения: «Присвоение (taking) как таковое имеет место тогда, когда злоумышленник устанавливает своего рода доминирование над имуществом, тогда как «увоз» имущества все же предполагает хотя бы небольшое перемещение его на другое место»¹¹. Таким образом, используя текстуальный подход к толкованию фразы «felonious taking», невозможно сделать однозначный вывод, какой смысл пытался вложить в нее законодатель: являлась ли эта аналогия попыткой выделить особенности подвида преступления грабежа в виде угона и применить к нему схожее регулирование или же законодатель специально хотел обособить угон от грабежа с применением у нему более высокой меры ответственности.

Разграничение преступлений угона и грабежа непосредственно влияло в данном деле на меру ответственности, и поскольку текст закона не смог ответить на все поставленные вопросы, субъекты толкования прибегли к выяснению законодательного намерения по данному закону в штате Калифорния. Сам вид преступления «угона» был введен в законодательство в 1993 году. До принятия параграфа 215 Уголовного кодекса штата Калифорния, насильственный захват транспортного средства преследовался и квалифицировался как грабеж второй степени (second degree robbery). Изучение истории принятия нового вида преступления – угона – показало, что законодатель ставил перед собой весьма конкретную цель – защиту лиц, которые оказались в автомобиле во время угона: «В настоящее время наблюдается значительный рост числа похищений при угонах автомобилей, также с использованием огнестрельного оружия. Этот факт сам по себе делает преступление угона более общественно опасным: если преступнику был нужен лишь автомобиль жертвы, он не стал бы подвергать себя риску пересечения с владельцем – что в результате приводит к убийству и нанесению тяжелых травм похищенным лицам. Поскольку в настоящее время не существует отдельного преступления угона, в большинстве случаев данное преступление сложно квалифицировать, так как не все из них подпадают под преступление грабежа (из-за невозможности доказать намерение обвиняемого лишить владельца автомобиля возможности пользоваться им навсегда – некоторые преступники используют угон как временную меру для достижения другой преступной цели)¹². Таким образом, анализ истории принятия закона явно показывает, что угон был выделен в особую категорию преступления грабежа, потому что он являлся более общественно опасным преступлением, которое было сложно квалифицировать по статье грабежа из-за отсутствия всех необходимых элементов. Вследствие более тяжкого характера противоправного поведения при угоне и растущей тенденции в совершении именно этого типа преступлений законодатель также ввел более суровую меру наказания за его совершение по сравнению с грабежом. Прокурор по делу также вывел три основных отличия данных видов преступлений для обоснования повышенной меры ответственности за угон:

1) при угоне намерение преступника заключается в лишении права владения и пользования либо временно, либо навсегда, тогда как при грабеже возможен только второй вариант;

2) при грабеже насильственное изъятие вещи происходит только у владельца, тогда как угон может быть осуществлен и у пассажира автомобиля;

3) грабеж касается практически любой вещи, угон же можно реализовать только в отношении транспортного средства¹³.

В итоге, был сделан вывод, что это все же особый подвид преступления грабежа и что законодатель смоделировал это преступление по образу преступления «грабеж». Об этом также свидетельствует явный смысл формулировки угона, в ней использованы те же слова, что и в статье о грабеже.

Подводя итог, неизменным остаётся вопрос: как же быть судье при разрешении конкретного дела? Может ли он при вынесении решения опираться на историю принятия законодательства или он должен строго придерживаться текстуального содержания закона? Харт и Сакс предлагают прагматичный ответ на данный вопрос – нужно взвесить все выгоды и издержки от применения фактов из истории принятия закона¹⁴. Джон Маннинг предлагает придерживаться текстуального подхода с небольшой оговоркой на «четко установленные и относимые социальные условия принятия закона», что, по его мнению, позволит увидеть текст закона в обстоятельном контексте, а значит, увеличит шансы максимально точного и юридически «чистого» толкования¹⁵. Однако, как точно было подмечено Уильямом Эскриджем, «открыв дверь для оценки социальных условий принятия закона, даже с учетом их точного установления, не предают ли сторонники *новой текстологии* свое обещание придерживаться строгой определенности в системе источников толкования? Ведь это является главной притягательной чертой их теории...»¹⁶.

Приставленный библиографический список

1. Antonin Scalia, A matter of Interpretation: Federal Courts and the Law, 1997.
2. Daniel Farber & Philip Frickey, Legislative Intent and Public Choice, 1998.
3. Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, "Criminal Law: Concepts and Practice", 2009.
4. Henry M. Hart, Jr. & Albert M. Sacks, The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law, 1994.
5. John Copeland Nagle, Textualism's Exceptions, Issues in Legal Scholarship, 2002.
6. John Manning, Textualism as a Nondelegation Doctrine, 1997.
7. John Manning, The Absurdity Doctrine, 2003.
8. LaFave, Substantive Criminal Law, Larceny – Taking and Carrying Away, 2003.
9. Nicolas Zeppos, Justice Scalia's Textualism: The "New" New Legal Process, 1991.
10. Patricia Wald, The Sizzling Sleeper: The Use of Legislative History in Construing Statutes in the 1988-89 Term of the United States Supreme Court, 1990.
11. Stephen Breyer, On the Uses of Legislative History in Interpreting Statutes, 1992.
12. Stephen Ross, Reaganist Realism Comes to Detroit, 1989.
13. Steven Smith, Law Without Mind, 1989.
14. Thomas Merrill, Textualism and the Future of the Chevron Doctrine, 1994.
15. William N. Eskridge, Jr., Philip P. Frickey, Elizabeth Garrett, Legislation and Statutory Interpretation, 2006.

11 La Fave, Substantive Criminal Law, Larceny – Taking and Carrying Away, 2003.

12 Assembly Comments on Public Safety, Analysis of Sen. Bill No. 60 (1993-1994 Reg. Sess.) July 13, 1993, p. 1.

13 Ellen S. Podgor, Peter J. Henning, Andrew E. Taslitz, Alfredo Garcia, "Criminal Law: Concepts and Practice", 2009.

14 Henry M. Hart, Jr. & Albert M. Sacks, The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law, 1994.

15 John Manning, Textualism as a Nondelegation Doctrine, 1997

16 William N. Eskridge, Jr., Philip P. Frickey, Elizabeth Garrett, Legislation and Statutory Interpretation, 2006.

ЮСУПОВА Светлана Инвировна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассмотрены вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве Российской Федерации, исследованы проблемные вопросы дифференциации и индивидуализации в законотворчестве и правоприменении.

Ключевые слова: дифференциация, индивидуализация, преступление, уголовно-правовая норма.

YUSUPOVA Svetlana Invirovna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF DIFFERENTIATION AND INDIVIDUALIZATION IN CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses the issues of differentiation of responsibility in the criminal law of the Russian Federation, examined the issues of differentiation and individualization in lawmaking and law enforcement.

Keywords: differentiation, individualization, crime, criminal-legal norm.

Юсупова С. И.

Такое явление как дифференциация уголовно-правовой ответственности само по себе в рамках уголовного права Российской Федерации считается новым, так как за долго до начала исследования дифференциации ответственности, принципы уголовного права применялись на интуитивном уровне развития правовой осознанности и социальных традиций. Такое явление, как дифференциация, в уголовном праве исследуется в нескольких значениях, например, как отдельный принцип уголовного права, специальное направление уголовной политики государства в общем, отдельный вид законодательства и т.д.

Само по себе дифференциацию стоит понимать как разделение единого объекта на составляющие части/элементы, следовательно, дифференцирование необходимо понимать как процесс по расчленению целого (понятие, система) на обособленные составляющие части¹.

В уголовной ответственности предусмотрена на законодательном уровне и такая мера наказания за совершение преступлений, как условное осуждение. Таким образом, к данному понятию можно применить разделение наказания и условного осуждения, что говорит о наличии дифференциации уголовной ответственности, а именно о разделении уголовной ответственности на законодательном уровне на форму, определение объема к каждой возможной форме в рамках сложившихся обстоятельств, предусмотренных законодательством.

Уголовная ответственность и наказание являются не совпадающими понятиями, и применение в научной литературе наравне терминов «дифференциация уголовной ответственности» и «дифференциация наказания» стоит считать оправданным. Но не стоит забывать, что понятие «дифференциация наказания» уже, чем понятие «дифференциация уголовной ответственности». Дифференциация уголовной ответвен-

ности проявляет себя в процессе группирования уголовно-наказуемых деяний в рамках норм Особенной части УК РФ, в построении разделов, глав, а также внутри главы отдельных видов преступлений (в зависимости от уровня общественной опасности и пр.).

Дифференциация просматривается и в определении разного рода санкций, предусмотренных за преступления с соответствующими объективными признаками. Так, по месту осуществления выделяют дифференциацию уголовной ответственности по общей и особенной части УК РФ.

В общем, исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что дифференциация уголовной ответственности связана не только с наделением категорированности преступлений, но также и проявлением полярности в сложных составах преступлений с определением обстоятельств, влияющих на квалификацию, наделением определенных признаков в части степени общественной опасности и самого Уголовного кодекса Российской Федерации, который выражается в определенной матрице последовательности изложенного содержания разделов, глав и т.д.

Но существуют и иные мнения. Так, некоторые ученые заявляют, что дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности по своей сути не имеют принципиальных различий, но также отмечается острая необходимость применения более детальной дифференциации в рамках определения наказания². Иное мнение отражается в необходимости определения принципа дифференциации ответственности и наказания, а именно в разработке и закреплении на законодательном уровне возможности применения строжайших мер уголовно-правового воздействия к лицам, которые совершили тяжкие преступления, в том числе к опасным и злым преступникам и более мягких мер к лицам, которые совершили преступления невысокой степе-

1 Крутлик Л. Л., Соловьев О. Г. О научной школе кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 145.

2 Каплин М. Н., Грибов А. С., Грузинская Е. И. Некоторые аспекты индивидуализации и дифференциации ответственности субъектов групповых преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4–2. С. 36.

ни общественной опасности и случайным преступникам³. Также бытует мнение, что в рамках обсуждения целесообразности при освобождении лиц от уголовной ответственности и наказания решаются вопросы, которые не относятся к индивидуализации ответственности, а больше имеют отношение к дифференциации⁴.

Таким образом, в процессе дифференциации уголовной ответственности предполагается необходимость отображения абсолютно на всех уровнях (законотворческом и правоприменительном) степени общественной опасности в рамках совершенного деяния, в том числе и лица его совершившего. В научной литературе неоднократно ставился акцент на недопустимость в смешивании дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Вопросы, которые разрешаются при процедуре индивидуализации, как отмечено в теории уголовного права, также необходимы и, но, находясь в несколько иной плоскости, нежели дифференциация ответственности, они предусматривают их разрешение другим лицом (не законодателем, а правоприменителем), в ином порядке (путем не нормотворчества, а правоприменения), иным актом, констатирующим итоги (не уголовным законом, а индивидуальным актом) поднормативного регулирования⁵.

Основной критерий разграничения исследуемых понятий должен выступать субъект дифференциации уголовной ответственности. Определение сути дифференциации является толчком для утверждения, что такая деятельность всегда затрагивает неопределенного круга лиц. В связи с этим, такая деятельность может осуществляться только законодателем. Отсюда следует, что законотворческий порядок реализации дифференциации осуществляется только на законном уровне. Совершенно логичен вопрос можно ли применять любой закон или только уголовный? Предположительно, что на тот момент, пока уголовный закон не станет единым источником уголовно-правовых норм, уголовная ответственность может дифференцироваться в других законодательных актах (Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации). Стоит отметить, что в научной литературе указаны ситуации, когда дифференцирующим характером обладают в опосредованной форме нормативно-правовые акты иных отраслей, а также акты, которые не являются законодательными (акты Пленума Верховного Суда РФ, материалы судебной практики).

В связи с этим следует согласиться с мнением Т. А. Лесниевски-Костаревой, считающей, что решением некоторых уголовно-правовых вопросов в сфере дифференциации уголовной ответственности в актах уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права или в судебной практике стоит относить к несовершенству законодательства, что в свою очередь не должно обладать влиянием на основное положение, подразумевающее, что местом дифференциации уголовной ответственности является уголовный закон. Дифференциацией уголовной ответственности в уголовном законодательстве и предоставлении правоприменителю возможности в индивидуализации ответственности с применением закона – две полярности в рамках ведения уголовно-правовой политики. Чем шире рамки дифференциации, чем

в больших подробностях регламентировано законодателем усиление и ослабление уголовной ответственности, тем уже рамки индивидуализации и свободы для правоприменителя в действиях в рамках своего усмотрения. Высшим искусством уголовно-правовой политики заключено в гармонизации взаимодействия данных сфер, а также сбалансированности⁶.

Таким образом, дифференциация уголовной ответственности – это определение на законодательном уровне границ и правил для деятельности правоприменителя, а индивидуализация – процесс применения на практике данных правил и границ с целью определения оптимальной меры уголовной ответственности. Обособленность понятий дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несет в себе важное значение не столько в теории, сколько в практическом плане. В уголовном законе должно содержаться достаточно полные и конкретные предписания, которые касаются каждой из двух упомянутых сфер – и индивидуализации, и дифференциации – не допуская их смешения.

Пристайный библиографический список

1. Чугаев А. П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних. Краснодар, 1979. С. 26–27.
2. Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: вопросы конструирования составов и дифференциация ответственности. Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 2003. С. 17.
3. Кашепов В. П. Об особенностях современного уголовно-правового законодательства // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 75.
4. Курляндский В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью / под ред. И. М. Гальперина, В. И. Курляндского. М., 1975. С. 91.
5. Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г. О научной школе кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 144–145.
6. Бражник С. Д., Пантюхина И. В. О средствах дифференциации в УК РФ: современные доктринальные оценки // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 18.
7. Соловьев О., Самойлов А. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 5. С. 75.
8. Соловьев О. Г., Пантюхина И. В. Дискуссионные аспекты определения момента окончания преступного деяния в практике Пленума Верховного Суда РФ // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 31.
9. Каплин М. Н., Грибов А. С., Грузинская Е. И. Некоторые аспекты индивидуализации и дифференциации ответственности субъектов групповых преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4–2. С. 36.
3. Бражник С. Д., Пантюхина И. В. О средствах дифференциации в УК РФ: современные доктринальные оценки // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 18.
4. Чугаев А. П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних. Краснодар, 1979. С. 26.
5. Соловьев О. Г., Пантюхина И. В. Дискуссионные аспекты определения момента окончания преступного деяния в практике Пленума Верховного Суда РФ // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 31.
6. Каплин М. Н., Грибов А. С., Грузинская Е. И. Некоторые аспекты индивидуализации и дифференциации ответственности субъектов групповых преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4–2. С. 36.

МАСАЛОВА Наталья Валерьевна

аспирант Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации, старший следователь следственного отдела по Советскому району города Новосибирск следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области, капитан юстиции

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПОЛИГРАФА

В данной статье автор приводит распространенные взгляды российских исследователей на определение понятия доказывания и предлагает рассмотреть возможность использования результатов психофизиологического исследования в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве. При этом автор рассматривает варианты использования полиграфа в процессе доказывания и считает его перспективным способом собирания доказательств и установления обстоятельств совершенного преступления. Кроме того, автором затронута проблема использования полиграфа в процессе доказывания в современном уголовном процессе Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, полиграф, психофизиологическое исследование, оперативно-розыскная деятельность.

MASALOVA Natalya Valerjevna

postgraduate student of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, senior investigator of the investigative division for the Soviet district of Novosibirsk investigation Department of the investigative Committee, captain justice

ABOUT THE USE OF THE POLYGRAPH

In this article, the author cites the common views of Russian researchers on the definition of evidence and suggests to consider the use of the results of psychophysiological studies as evidence in criminal proceedings. The author considers the use of the polygraph in the process of proof and considers it a promising method of collection of evidence and establishing the facts of the crime. In addition, the author raised the issue of the use of the polygraph in the process of proof in contemporary criminal procedure of the Russian Federation.

Keywords: a criminal proceeding, proof, polygraph, psychophysiological investigation, detective-search activity.

Масалова Н. В.

Доказывание в уголовном процессе имеет основополагающее значение на всех стадиях уголовного судопроизводства. Процесс уголовного преследования и доказывания вины лица в совершении преступления основывается на собранных в соответствии с законом доказательствах. Именно они являются основой установления фактов и обстоятельств совершения преступления, привлечения виновного к уголовной ответственности и вынесения судом законного приговора при соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Процесс доказывания основан на результатах деятельности специалистов различных наук (криминалистики, психиатрии, психологии, судебной медицины и др.), которые представляют специфические доказательства для установления обстоятельств совершения преступления. В общей совокупности исследований особое место занимают результаты психофизиологического исследования показаний подозреваемого (обвиняемого) и их использование в уголовном судопроизводстве. В данной статье рассмотрим основные подходы к практике применения полиграфа и результатов психофизиологических исследований в российской системе уголовного доказывания.

Но, прежде чем рассмотреть данный вопрос необходимо научно определить, что представляет собой процесс доказывания, и каковы взгляды отечественных ученых на определение этого понятия.

В работах российских ученых Е. А. Доля и В. А. Радченко понятие процесса доказывания рассматривается с точки зрения устоявшихся норм и правил.

Так Е. А. Доля определяет процесс доказывания как «осуществляемую в предусмотренном законом порядке деятель-

ность органов расследования, прокурора и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления истины по уголовным делам, представляющую собой частный случай применения теории познания»¹.

В. И. Радченко считает, что «уголовно-процессуальное доказывание – это регламентированная нормами уголовно-процессуального права деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда (судьи) при участии иных субъектов уголовного судопроизводства по собиранию, проверке и оценке любых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела»².

Однако, существует и отличная точка зрения. По утверждению А. Р. Ратинова: «Доказывание не исчерпывает путей познания в уголовном судопроизводстве. Некоторые относящиеся к делу знания могут быть получены и непроцессуальным путем, из непроцессуальных источников, запечатлены в непроцессуальной форме в виде так называемой ориентирующей информации. Речь идет об информации, добываемой в результате оперативно-розыскной деятельности органов дознания, сообщений прессы и представителей общественности, поисковых мероприятий, проводимых в порядке подготовки процессуальных действий (опрос, наблюдение, обозрение предметов, помещений, участков местности и т.п.). Эта познавательная деятельность, предшествуя доказыванию или про-

1 Доля Е. А. Доказательства и доказывание // Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М., 2004.

2 Уголовный процесс. Учебник для ВУЗов // Под общей редакцией В. И. Радченко. М., 2006.

текая параллельно с ним, играет и вспомогательную, обеспечивающую роль»³.

Таким образом исследователи рассматривают процесс доказывания в разных его формах – процессуальной и не процессуальной. В. И. Радченко и Е. А. Доля говорят о процессе доказывания как о регламентированной законом деятельности уполномоченных должностных лиц. И с ними нельзя не согласиться, поскольку уголовно-процессуальным законом предъявляются четкие требования к доказательствам, для признания их в дальнейшем допустимыми.

Однако можно согласиться и с позицией А. Р. Ратинова, который считает, что непроцессуальная форма также имеет право претендовать на силу доказательства.

Следует отметить, что полученная в непроцессуальной форме информация может восприниматься как доказательство, но лишь в восприятии человека, формируя убеждение о событии. Но убеждение, каким бы твердым оно не являлось, не будет иметь силы доказательства, и не может быть признано допустимым надлежащей процессуальной формы.

Под доказательствами понимаются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»⁴. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет перечень средств, с помощью которых устанавливаются эти обстоятельства: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

В последние годы, в российской следственной практике при оценке достоверности показаний опрашиваемого лица или проверки показаний иных лиц в качестве технического средства используется полиграф, который проводит замеры физиологических параметров.

Вместе с тем вопрос о признании результатов, полученных с использованием полиграфа, допустимым доказательством в настоящее время не решен и является дискуссионным. По мнению автора, он относится к числу проблем, которые затрагивает А. Р. Ратинов, говоря об информации, полученной в непроцессуальной форме и требующей придания ей «официальности».

В советской системе доказывания применение полиграфа, использование психофизиологического исследования безоговорочно отвергалось и считалось антинаучным методом. Однако современные исследования в области медицины, психологии, психофизиологии показывают, что психологические реакции человека вызывают определенные физиологические изменения в его организме.

Особенность человека на изменение психологической ситуации отметили ученые и дознаватели Европы и Азии еще в древние и средние века. Было подмечено, что при допросе человека, совершившего преступление, переживаемый им страх перед возможным разоблачением, сопровождается определенными изменениями его физиологических функций. В частности, в древнем Китае подозреваемый в преступлении

подвергался испытанию рисом: то есть он должен был набрать в рот горсть сухого риса и выслушать обвинение. Полагалось, что, если рис во рту оставался сухим (от страха разоблачения приостанавливалось слюноотделение), вина подозреваемого считалась доказанной. Аналогичным по своей сути являлось испытание, применявшееся в древней Индии, когда подозреваемому называли нейтральные и критические слова, связанные с деталями преступления. Человек должен был отвечать первым пришедшим ему в голову словом и одновременно тихо ударять в гонг. Было отмечено, что ответ на критическое слово сопровождается более сильным ударом⁵.

Н. М. Карамзин в своих работах отмечал, что «... древние россияне подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников – обыкновение безрасудное и жестокое ... Обвиняемый брал в голую руку железо раскаленное или вынимал его кольцо из кипятка, после чего судьям надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели через три дня не оставалось язвы или знака на ея коже, то невиновность была доказана. Ум здравый ... не могли истребить сего устава языческих времен ... Народ думал, что богу легко сделать чудо для спасения невиновного...»⁶.

Первые научные предпосылки к выявлению связи между психологическими и физиологическими реакциями были предприняты в начале XXVIII века. Например известный писатель Д. Дефо в своей работе 1730 года «Эффективный проект непосредственного предупреждения уличных ограблений и пресечения всяких иных беспорядков по ночам» писал: «у вора существует дрожь (тремор) в крови, которая, если ею заняться, разоблачит его... Некоторые из них настолько закоспели в преступлении, что ... даже смело встречают преследователя; но схватите его за запястье и пощупайте его пульс; и вы обнаружите его виновность»⁷.

Ученым потребовалось несколько столетий, чтобы научно обосновать и убедить нигилистически настроенных оппонентов, что физиологические реакции человека имеют причину, не возникают спонтанно, а обусловлены психологическим состоянием человека.

В российской юридической науке в последние годы в активно исследуется проблема возможности использования психофизиологических исследований как доказательств по уголовному делу в системе уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что Российское законодательство допускает использование полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений, однако не регламентирует процессуальный порядок собирания, проверки и оценки полученных результатов психофизиологической экспертизы как «доказательства».

Отправной точкой в практике применения полиграфа, стал Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ, в части 1 статьи 6 которого определено, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности может проводиться такое оперативно-розыскное мероприятие как опрос. Кроме того, законом предоставляется право использовать в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью лю-

3 Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 290.

4 Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 30.03.2015) // Обращение законодательства РФ. 24.12.2001. № 53 (ч. I). ст. 4921.

5 Холодный Ю. И., Савельев Ю. И. Проблема использования испытаний на полиграфе: приглашение к дискуссии: научное издание // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 54.

6 Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988. С. 144

7 Холодный Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. М., 2000. С. 12.

дей и не причиняющие вреда окружающей среде. Возникает закономерный вопрос – можно ли отнести полиграф к таким техническим средствам, которые не наносят бы ущерба жизни и здоровью людей и не причиняли бы вреда окружающей. Ответ однозначно очевиден.

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации не позволяет признать заключение психофизиологической экспертизы как источник доказательств.

Законодателем предпринимались попытки придать результатам психофизиологического исследования доказательственное значение.

В 2010 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона Российской Федерации № 478780-5 «О применении полиграфа». Проект был отклонен в связи с несоблюдением требований части 3 статьи 104 Конституции Российской Федерации и статьи 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (отсутствует заключение Правительства Российской Федерации).

В соответствии с частью 6 статьи 8 указанного законопроекта «Результаты опроса с применением полиграфа, выполненного в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, могут являться доказательством по делу». Таким образом, законодатель предлагал придать юридическое значение использованию полиграфа в процессе доказывания по уголовному делу.

Попытки признать психофизиологическую экспертизу в качестве полноценного источника доказательств показывают стремление нормативно закрепить ее в оперативно-розыскной, следственной и судебной практике. Законодатель, выступая с законотворческой инициативой, убежден, что опрос с использованием полиграфа представляет собой нетравмирующую, безвредную для жизни и здоровья человека процедуру, в ходе которой осуществляется контроль динамики дыхания, кожно-гальванического рефлекса и сердечно-сосудистой активности человека.

Российский ученый Ю. И. Холодный в своих исследованиях подчеркивает, что использование полиграфа представляет собой «не травмирующую и безвредную для здоровья, организованную по специальным методикам процедуру опроса человека с использованием контроля и оценки физиологических реакций, которые регистрируются с помощью датчиков, размещаемых на его теле»⁸. Основываясь на данном подходе необходимо констатировать, что использование полиграфа как технического средства при проведении оперативно-розыскных мероприятий не противоречит требованиям российского законодательства.

Применение полиграфа в доказывании сегодня весьма востребовано как для стороны обвинения, так и защиты, однако полученный результат психофизиологического исследования не может быть использован в полной мере, пока не будет решен вопрос об оценке его результатов с точки зрения права. Следует четко определить, к какой процессуальной форме относить результаты такого исследования – к показаниям подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, заключению эксперта или иным формам доказательств.

В связи с этим, по мнению автора, требуют отдельного исследования вопросы: порядка применения полиграфа как технического средства в ходе проведения допроса подозрева-

емого, свидетеля, потерпевшего; какими качественными признаками должно обладать заключение психофизиологической экспертизы (начиная с этапа назначения экспертизы, процедуры ее производства, оформления результатов исследования и предоставления результатов), чтобы оно могло иметь доказательственное значение; определения методики применения полиграфа соответствующей нормам российского уголовно-процессуального законодательства, позволяющей использовать результаты такого исследования в качестве доказательства по уголовному делу.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что в настоящее время российскими учеными, исследователями-практиками не разработана концепция и методика применения, не определена практическая значимость результатов психофизиологического исследования в процессе доказывания.

По мнению автора, в целях внедрения в процесс доказывания результатов психофизиологического исследования, необходимо провести сравнительно-правовое исследование использования в практике уголовного процесса Российской Федерации и зарубежных стран полиграфа в доказывании.

Всестороннее раскрытие данного вопроса позволит разработать единую концепцию применения и использования результатов психофизиологического исследования в российской оперативно-розыскной, следственной и судебной практике.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 30.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 53 (ч. I).
2. Доля Е. А. Доказательства и доказывание // Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М., 2004.
3. Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1968.
5. Уголовный процесс. Учебник для ВУЗов // Под общей редакцией В. И. Радченко. М., 2006.
6. Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность. Справочная информация и рекомендации. М.: Издательский дом «Мир безопасности», 1998.
7. Холодный Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. М., 2000.
8. Холодный Ю. И., Савельев Ю. И. Проблема использования испытаний на полиграфе: приглашение к дискуссии: научное издание // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3.

⁸ Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность. Справочная информация и рекомендации. М.: Издательский дом «Мир безопасности», 1998. С. 39.

ДОРОСИНСКАЯ Анна Михайловна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается проблематика порядка внесения изменений в уголовно-правовой квалификации преступления при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Особое внимание уделено порядку проведения переквалификации и оформлению результатов ее проведения, с предложениями реформирования данного правового института.

Ключевые слова: переквалификация, уголовно-процессуальное законодательство, уголовное дело, предварительное расследование, постановление, следственная практика.

DOROSINSKAYA Anna Mikhailovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

THE REQUALIFICATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the problematic of the procedure for introducing changes in the criminal legal qualification of a crime in the investigation and examination of criminal cases. Particular attention is paid to the procedure for conducting retraining and formalizing the results of its conduct, with proposals for reforming this legal institution.

Keywords: retraining, criminal procedure legislation, criminal case, preliminary investigation, ruling, investigative practice.

Доросинская А. М.

Содержание нормативно-правовых актов, которые действуют в государстве, должно соответствовать требованиям Конституции РФ и тем социально-экономическим изменениям, которые произошли в обществе за последний промежуток времени. Именно быстрое развитие последних требует соответствующей адаптации законодательства. Не удивительно, что при таком ускоренном темпе законодательство отстает от жизни, а практика применения действующего законодательства сама вырабатывает новые механизмы реагирования, которые и заполняют указанные пробелы. Не является исключением и сфера влияния уголовно-процессуального закона.

Во время процесса правоприменения указанного законодательства, то есть при расследовании уголовных дел, на практике часто возникают ситуации, когда преступные действия виновных лиц необходимо переквалифицировать с одного состава преступления на другой. Обозначенная проблема касается не только определенной категории уголовных дел, а уголовно-процессуальной деятельности вообще. Этот пробел в уголовно-процессуальном законодательстве требует рассмотрения, так как имеет принципиальное значение еще и потому, что содержит в себе опасность «вольного» толкования правовых норм.

Стабильность квалификации помогает повышению авторитета лиц, уполномоченных на ее осуществление, - подтверждение на последующих стадиях процесса правильности осуществления уголовно-правовой оценки свидетельствует о надлежащем уровне работы, соблюдение законности лицом, которое осуществляет дознание, следствие. Однако реалии настоящего положения осуществления правосудия свидетельствуют о том, что органы предварительного расследования нередко дают совершенному лицом деянию заведомо однобокую, неправильную уголовно-правовую оценку. В связи с чем, через некоторое время уголовно-правовая квалификация может быть признана неправильной, а еще через определенное

время неправильной может быть признана и промежуточная квалификация.

Для указания на изменения в уголовно-правовой квалификации в теории уголовного процесса, в правоприменительной практике используются различные термины: «переквалификация», «дополнение квалификации», «уточнение квалификации», «конкретизация квалификации». Однако, так или иначе, все они обозначают одно и то же понятие и выражают исправление, изменение.

Необходимо отметить, что термин «переквалификация», в Уголовно-процессуальном Кодексе РФ вы не найдете. Возможность изменения квалификации преступления законодательно предусмотрена только, на стадии постановления приговора, при решении судом вопросов, в соответствии со ст. 299 УПК РФ. При этом законодатель в п. 6.1 ст. 299 УПК РФ, под переквалификацией понимает, изменение категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с частью шестой статьи 15 УПК РФ. Но, при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства, после установления всех фактических данных и обстоятельств совершенного преступления, на основании которых необходимо дать правильную квалификацию совершенному преступному деянию, нередко возникает необходимость в изменении ранее данной квалификации преступления. Зачастую участники уголовного процесса называют данные изменения – переквалификацией.

К характерным чертам внесения изменений в уголовно-правовую квалификацию относятся:

- наличие первичной квалификации этого же деяния, которая была осуществлена в ответствующем процессуальном порядке и закреплена в документе;
- вынесение нового процессуального документа, в котором квалификация изменена;
- формулирование обвинения, которое отличается от предыдущего;

– внесение изменений в квалификацию только уполномоченными на то субъектами.

Рассмотрим же причины и основания для изменения квалификации при проведении предварительного расследования, их принято делить на три группы:

Изменение фактических данных, на основе которых дана первоначальная квалификация;

Изменения уголовного закона в процессе расследования уголовного дела;

Изменение квалификации ввиду допущенной ошибки.¹

При производстве предварительного расследования, когда уточняются фактические обстоятельства содеянного, следователь или дознаватель всегда вправе переквалифицировать содеянное. Они могут применить закон как о более тяжком преступлении, так о менее тяжком преступлении. При этом следователь, дознаватель обязаны отразить новую квалификацию в новом постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого в соответствии со ст. 175 УПК РФ.

Суд при установлении всех обстоятельств совершения преступления, ограничен при принятии окончательного решения, если это связано с изменением на более тяжкое преступление, что приводит к возвращению уголовному делу прокурору на основании п.6 ст. 237 УПК РФ.

Прокурор также ограничен законом в изменении квалификации. Так, прокурор при утверждении обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления вправе применить закон о менее тяжком преступлении. Для изменения квалификации на более тяжкое преступление или на преступление, существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального, прокурор обязан вернуть дело следователю, дознавателю для предъявления нового обвинения в соответствии со ст. 221 УПК РФ.

Изменение квалификации в обязательном порядке фиксируется в уголовно-процессуальных документах, принимаемых на стадиях уголовного процесса. Необходимо отметить, что в данном случае это процесс, предусматривающий ряд процессуальных действий следователя или дознавателя, а не одно действие, принимаемое последними в случаях возникновения обстоятельств для переквалификации преступления.

На практике, как правило, следователь или дознаватель ограничиваются вынесением постановления о переквалификации преступления, при этом ссылаясь на ст.ст. 38 или 41 УПК РФ, не решая вопрос о возбуждении уголовного дела с уточненной новой квалификацией преступления и прекращения уголовного дела по предыдущей неправильной квалификации. Так, как свидетельствует анализ следственной практики, в случае изменения квалификации преступных действий всегда составляется мотивированное постановление, которое называется по-разному: «О переквалификации преступных действий», «О прекращении уголовного дела, переквалификацию и возбуждение уголовного дела» и т.д.

Указанное постановление выработано следственной практикой, а не предусмотренной законом деятельностью, поскольку в действующем УПК РФ отсутствуют данные нормы.

Однако, на наш взгляд, до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, следователь должен вынести соответствующее постановление о возбуждении нового уголовного дела, в порядке ст. 146 УПК РФ в новой редакции и с уточненной квалификацией преступления в рамках расследования уже существующего уголовного дела, после

чего соединить в одно производство уголовные дела, в порядке ст. 153 УПК РФ и принять решение о прекращении уголовного преследования в части предыдущей (измененной) квалификации, на основании п. 2 ст. 24 УПК РФ.

То есть, как указывалось выше необходимо совершить ряд следственных действия, а именно:

1. Вынести постановление о возбуждении нового уголовного дела;
2. Вынести постановление о соединении в одно производство уголовных дел;
3. Вынести постановление о прекращении уголовного преследования в части предыдущей (измененной) квалификации.

При этом, первые два действия можно объединить в одном постановлении, но не рекомендуется объединять 3 указанных действия в одном постановлении, так как такое постановление будет трудно для восприятия, что в свою очередь может привести к процессуальным ошибкам.

В случаях изменения уголовного закона в процессе расследования уголовного дела, если новый закон устраняет преступность деяния, то переквалификации в смысле изменения на новую квалификацию не требуется, следователь или дознаватель должен вынести постановление о прекращении уголовного дела, сославшись на ст. 10 УК РФ и п. 2 ст. 24 УПК РФ.

Если же, новый уголовный закон смягчает наказание или иным образом улучшает положения лица, совершившего преступление, следователь или дознаватель должны вынести соответствующее постановление об изменении категории преступления, в котором указать, на основании какого закона произошли изменения.

При этом надо учитывать, что при принятии решения о переквалификации нередко возникают моменты, когда после изменения квалификации преступления может измениться и подследственность, в таком случае прокурор осуществляющий надзор должен вынести соответствующее постановление и определить подследственность за органом, который в дальнейшем будет проводить предварительное расследование по уголовному делу.

На основании изложенного, Уголовно-процессуальный кодекс РФ следует дополнить статьей «Изменение квалификации преступных действий», которая будет иметь следующее содержание: «Если при производстве предварительного расследования по уголовному делу возникает необходимость в изменении квалификации действия обвиняемого, подозреваемого с одного состава преступления на другой, то руководитель следственного органа, следователь, дознаватель обязаны вынести постановление о возбуждении нового уголовного дела, соединить в одно производство эти уголовные дела, после чего вынести постановление о прекращении уголовного преследования в части предыдущей (измененной) квалификации».

Пристатейный библиографический список

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрист, 1999.
2. Руководство для следователей / под ред. В. В. Мозякова. – М., 2005.
3. Рылов К. В. К вопросу об актуальных проблемах квалификации преступлений. – Научный Татарстан. – 2010. – № 1.

1 Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрист, 1999.

ПОНОМАРЕНКО Сергей Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета, прокурор в отставке

САМОЙЛОВ Игорь Николаевич

начальник управления по экономической безопасности ООО «Донская региональная компания», г. Ростов-на-Дону

ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОСТИ СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО

В работе исследуется современное обновленное уголовно-процессуальное законодательство, которое в значительной мере конкретизирует, уточняет и даже частично изменяет статус подозреваемого, серьезно образом расширило гарантии его прав и законных интересов (институт судебного обжалования, судебный контроль). Проблема двойственности статусов обвиняемого и подозреваемого, несомненно, требует своего разрешения, а значит, заслуживает специального исследования.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, уголовно-процессуальное законодательство, уголовное преследование, международный договор, уголовное судопроизводство.

PONOMARENKO Sergey Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State Economic University, the Prosecutor retired

SAMOYLOV Igor Nikolaevich

Head of Department on economic security of JSC "Donskaya regional company", Rostov-on-don

THE PROBLEM OF THE DUALITY OF THE STATUS OF THE SUSPECT AND THE ACCUSED

In this paper, we investigate the updated modern criminal procedure legislation, which is largely specify, clarifies, and even partially changes the status of the suspect, seriously increased the guarantee of its rights and legitimate interests of (the institution of judicial appeal, judicial review). The problem of duality of statuses of the accused and the suspect, of course, requires your permission, and therefore deserves special study.

Keywords: accused, suspect, criminal procedure legislation, criminal prosecution, international law, criminal proceedings.

Международная правовая практика регулирования прав человека уделяет повышенное внимание выработке четких стандартов, как в формировании содержания соответствующих прав, так и в создании действенных гарантий их обеспечения в сфере осуществления правоотношений уголовно-процессуального характера¹. Именно в рамках этих правоотношений, в силу специфики предмета правового регулирования, зачастую неизбежной конфликтности при их осуществлении, возникает необходимость существенного ограничения наиболее значимых прав человека: неприкосновенности личности, чести, достоинства, жилища, личной жизни и др. Эти ограничения, прежде всего, возможны по отношению лиц, подвергаемых уголовному преследованию обвиняемому, подозреваемому, задержанному, арестованному и др. Поэтому во избежание излишней строгости и произвола при осуществлении этих ограничений органами уголовной юстиции, многие международно-правовые стандарты в области прав человека

ориентированы на их применение, прежде всего в отношении указанных лиц. Так, Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.², в частности, устанавливает: каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность (ст. 3); никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению и наказанию (ст. 5); каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8); никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию (ст. 9); каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10); каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем

Пономаренко С. И.

Самойлов И. Н.

1 Курилкина О., Овчинников А., Самойлова И., Стеценко И., Федоренко С. Правовая политика в сфере экономики и особенности русской этнической культуры // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 78-86.

2 Российская газ. 1995. 5 апр.

гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты (ст. 11); никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию (ст. 12); при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом (ст. 29).

Согласно ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (Далее – УПК РФ), общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные ее уголовно-процессуальным кодексом, то применяются правила международного договора. Такой подход вытекает из соответствующего положения ч. 4 ст. 15 Конституции России.

С учетом сказанного, в Конституции России практически напрямую воспроизведены международные стандарты в области обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого. В частности, Основным законом РФ устанавливаются: равенство всех перед законом и судом (ст. 19); предоставление обвиняемому в совершении особо тяжкого преступления права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (ст. 20); запрет пыток, насилия, другого жестокого обращения и наказания (ст. 21); право на свободу и личную неприкосновенность, проявляющееся, в частности, в том, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ст. 22); неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, право на защиту чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого допускается только на основании судебного решения (ст. 23); неприкосновенность жилища, ограничиваемая лишь в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25); право защиты своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45); гарантии судебной защиты прав и свобод, в том числе путем судебного обжалования решений и действий государственных органов и должностных лиц вплоть до обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ст. 46); недопустимость лишения права на рассмотрение дела обвиняемого в том суде и тем судьей, подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47); право на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных законом, включающая право для подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48); презумпция невиновности (ст. 49); недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ст. 50); право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51); право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53); пределы ограничения прав и свобод (ст. 55)³.

3 Пономаренко С. И. Основные этапы развития института подозреваемого в российском уголовном праве // В сборнике: Иннова-

Большинство прав и свобод приведенного обширного перечня не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (ст. 56).

Приведенные конституционные положения составляют основу правового статуса обвиняемого и подозреваемого. Уголовно-процессуальное законодательство России полностью воспринимает эти нормы, уточняет, детализирует их и создает механизм и гарантии их конкретной практической реализации. Конституционным правозащитным духом пронизано все построение системы уголовного процесса. Нормы – принципы уголовного судопроизводства, сосредоточенные в главе 2 УПК РФ, наряду с субъективными правами обвиняемого и подозреваемого, и их гарантиями в виде прав и обязанностей других участников судопроизводства, в совокупности образуют уникальное правовое явление, известное как право обвиняемого на защиту, которое во многом определяет назначение уголовного судопроизводства⁴.

Традиционно повышенное внимание к проблемам правового статуса подозреваемого и обвиняемого в блоке исследований положения личности в уголовном судопроизводстве, осуществляемых в рамках отечественной теории уголовного процесса, является вполне закономерным и оправданным. Именно подозреваемый и обвиняемый, а возможно, в дальнейшем эти же лица, но уже в статусе подсудимого, осужденного, либо оправданного, олицетворяют в уголовном судопроизводстве центральную фигуру⁵. Это связано с тем, что само уголовное дело возбуждается непосредственно в отношении этих лиц как «совершителей» (по мнению представителей стороны обвинения) преступного деяния. Именно поэтому в дальнейшем эти же лица становятся основными участниками наиболее значимых правоотношений, возникающих при производстве по уголовному делу.

Содержанием прав являются определенные интересы, потому что наделение правом означает возможность удовлетворения интересов, обеспеченную государством⁶. Однако совпадение в ряде случаев интереса с субъективным правом еще не дает повода считать эти понятия тождественными. Интерес составляет основу всякого субъективного права, устанавливаемого нормой закона⁷. Интерес является законным не только потому, что он признан законом, закреплен в нем, а потому, что он является таковым по существу, т.е. не противоречащим закону⁸. Далеко не все интересы подозреваемого и обвиняемого, являясь по существу законными, закреплены в законе.

ционная наука и современное общество Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 103-105.

- 4 Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.
- 5 Курилкина О. А., Самойлова И. Н. Институт уголовной политики: теоретико-правовой аспект // В сборнике: Наука сегодня. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут». 2015. С. 78-80.
- 6 Мален Н. С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 8-9.
- 7 Курилкина О. А., Самойлова И. Н. Основные этапы развития института уголовной политики в отечественном политико-правовом пространстве // В сборнике: Фундаментальные и прикладные научные исследования. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Шайбаков Риф Насибулович. 2015. С. 81-83.
- 8 Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Под ред. Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1984. С. 21.

Поэтому неверно объединять субъективные права и законные интересы единым понятием – «права субъекта»⁹.

В качестве субъективных прав оформляются лишь наиболее важные, существенные, с точки зрения законодателя, общественно и лично, значимые интересы. Невозможность закрепления всех законных интересов в виде законодательно гарантированных субъективных прав определяется их практически безмерным многообразием и неравноценностью по отношению друг к другу. Немаловажно, что некоторые интересы подозреваемого будучи, безусловно, законными, не могут быть гарантированы в силу экономических, организационных и иных причин неправового характера.

Понятия «права» и «законные интересы» однопорядковые, они нередко совпадают по своему содержанию. Однако их следует рассматривать как самостоятельные по отношению друг к другу в случаях, когда законные интересы не опосредованы соответствующими субъективными правами, т.е. не оформлены нормативно в качестве таковых.

В литературе вопросы об объеме перечня процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого, их содержании и проблемах, связанных с осуществлением на практике, исследованы достаточно полно и давно¹⁰. Тем не менее, современное обновленное уголовно-процессуальное законодательство, представляемое в основном совокупностью норм УПК РФ, принятого 18 декабря 2001 г. (№ 174-ФЗ) и действующего с 1 июля 2002 г., в значительной мере конкретизировало, уточнило и даже частично изменило статусы подозреваемого и обвиняемого (как и других участников уголовного судопроизводства), серьезным образом расширило гарантии их прав и законных интересов. Так, большое развитие получил институт судебного обжалования – он распространил свое действие на досудебное производство, Созданы механизмы судебного контроля за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, связанной с возможностью ограничения основных конституционных прав человека. Возникли новые, ранее неизвестные процессуальные институты, например, особый порядок принятия итогового судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др. Все это не могло не затронуть содержания процессуальных статусов обвиняемого и подозреваемого, в том числе, такого важного их элемента, как субъективные права.

Отсутствие стабильности законодательной базы, связанное с устойчивой тенденцией (во многом вынужденной и оправданной) внесения в действующий УПК РФ многочисленных изменений и дополнений, не создает стимулов к планомерному фундаментальному исследованию соответствующих проблем.

Прежде всего, заслуживает внимания проблема соотношения статусов подозреваемого и обвиняемого с точки зрения обоснованности и целесообразности их, по существу альтернативного участия в стадии предварительного расследования в качестве главного носителя функции стороны защиты. Дело в том, что ранее – до вступления в силу действующего УПК России – этот вопрос всерьез не возникал. Подозреваемый присутствовал на предварительном расследовании относительно непродолжительное время – не более 10 суток. Это определялось спецификой способов появления подозреваемого в уголовном

деле: 1) в порядке задержания по подозрению в совершении преступления на срок до 72 часов; 2) в порядке применения к лицу до предъявления обвинения одной из мер пресечения, что предполагало в дальнейшем обязательность предъявления обвинения до истечения 10-дневного срока с указанного момента. Таким образом, фигура подозреваемого в уголовном процессе была временной, и соответствующий ее статус обеспечивал условия для собирания доказательств виновности заподозренного лица, с одной стороны и наделял это лицо законными возможностями противостоять уголовному преследованию, используя закрепленные законом права, предоставленные для этого подозреваемому. Ситуация разрешалась либо освобождением задержанного и отменой примененных мер пресечения в указанные сроки, либо предъявлением лицу обвинения в инкриминируемом ему деянии, со всеми вытекающими из этого последствиями¹¹.

В настоящее время подозреваемый может выступать в роли постоянного участника стадии предварительного расследования, причем даже более длительный период, чем это свойственно обвиняемому. Такое положение связано с расширением оснований появления в деле подозреваемого и фактическим устранением обвиняемого из предварительного расследования, осуществляемого в форме дознания. Так, помимо упомянутых двух, ранее существовавших способов, появления в деле подозреваемого, появился дополнительный – возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). При этом законодатель не устанавливает каких-либо ограничений по срокам возможного пребывания такого лица, в статусе подозреваемого, если данный способ возникновения подозреваемого не сопряжен с одновременным применением к нему задержания либо мер пресечения. Фактически лицо может теперь находиться в статусе подозреваемого в течение всего предварительного расследования с учетом возможности неоднократного продления сроков расследования вплоть до момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Процедура же привлечения лица в качестве обвиняемого, включая сам акт официального предъявления обвинения, на вполне законных основаниях может быть, осуществлена в день принятия следователем решения об окончании предварительного следствия¹².

В пп. 1 и 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, применительно к обвиняемому – знать, в чем он обвиняется; получить копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию обвинительного заключения, либо обвинительного акта или обвинительного постановления.

Бесспорно, что формулировка обвинения, содержащаяся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, отличается большей полнотой, четкостью формы фиксации, содержит необходимое юридическое обоснование вплоть до указания квалифицирующих признаков совершенного преступления. Все это далеко не всегда присуще формулировкам подозрения, вытекающим из содержания постановлений о

9 Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 2015. С. 64.

10 Денежкин Б. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Саратов, 1982; Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984 С. 9.

11 Пономаренко С. И. Уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного // Научные исследования: от теории к практике: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 июля 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков и др. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». 2016. № 3 (9). С. 331.

12 Федоренко С. П., Самойлова И. Н. Специфика идеократических источников российской государственности // В сборнике: Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки. Материалы IV международной научно-практической конференции. н.-и. ц. «Академический». 2014. С. 230.

возбуждении дела, применении меры пресечения и вводной части протокола допроса подозреваемого. Однако действие нормы п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, признающей недопустимым доказательством показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника и не подтвержденные подозреваемым (обвиняемым) в суде, фактически предопределили обязательность участия защитника по любому уголовному делу. Даже в случаях недобросовестности либо некомпетентности следователя, защитник, в силу его обязанности оказывать юридическую помощь подозреваемому, в состоянии довести до него суть и возможные последствия существующего подозрения. Кроме того, на практике распространены случаи предъявления лицу, так называемого «летучего», т.е. временного обвинения, отображающего лишь отдельные эпизоды преступной деятельности обвиняемого, но отнюдь не весь спектр «претензий» органа уголовного преследования к обвиняемому. Эта практика чаще всего связана с необходимостью легализовать факт содержания лица под стражей либо с соображениями чисто тактического характера.

Таким образом, обе комментируемые формулировки соответствующего права вполне согласуются между собой.

2) Давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний.

В п. 3 ст. 47 УПК РФ – это право возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. Здесь практически отмечается полное согласование. Основная часть показаний подозреваемого также может иметь характер возражений против объявленного подозрения. Наличие же у подозреваемого права давать объяснения связано с соответствующим реквизитом в формализованном бланке протокола задержания подозреваемого¹³. Однако право давать объяснения в определенной мере ставит подозреваемого в более привилегированное положение по сравнению с обвиняемым, поскольку, отказавшись от дачи показаний, он в то же время имеет возможность высказать свое отношение к факту его задержания путем дачи объяснений.

3) Пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного законом; иметь с ним свидания наедине, конфиденциально даже до первого допроса подозреваемого.

В п.п. 8 и 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ смысл и содержание этой нормы, по сути, воспроизводятся.

4) Представлять доказательства.

5) Заявлять ходатайства и отводы.

6) Давать показания и объяснения на родном языке, которым он владеет.

7) Пользоваться бесплатно помощью переводчика.

8) Знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания.

9) Участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, про изводимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя.

10) Приносить жалобы на действия (бездействия) и решение суда, прокурора, следователя и дознавателя.

11) Защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Соответствующие права обвиняемого в п.п. 4, 5, 6, 7, 10, 14, 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ сформулированы практически аналогичным образом.

Изложенное, как представляется, позволяет утверждать о максимальной степени схождения законодательного обеспечения подозреваемому и обвиняемому возможностей для реализации их права на защиту, и об отсутствии какой-либо ущемленности процессуального положения подозреваемого в сравнении с положением обвиняемого. Следовательно, в современном уголовно-процессуальном законодательстве разница между подозреваемым и обвиняемым отнюдь не фактическая, а преимущественно, терминологического характера.

То обстоятельство, что единственным способом появления обвиняемого на предварительном следствии, является вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, которое должно выноситься лишь при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), это еще не всегда означает большую обоснованность обвинения по сравнению с подозрением. По крайней мере, данное обстоятельство почти не оказывает влияния на степень защищенности лица в отношении, которого осуществляется уголовное преследование.

Видимо, законодатель, дублируя роль и место подозреваемого и обвиняемого на предварительном расследовании, по существу создал предпосылки для постановки вопроса о необходимости ликвидации подобной двойственности.

Думается, что проблема могла бы быть разрешена за счет дальнейшего укрепления роли подозреваемого путем окончательного превращения его в постоянного и основного участника предварительного следствия – главного носителя уголовно-процессуальной функции защиты, вплоть до заключительного этапа расследования. Только по результатам всестороннего и полного расследования обстоятельств дела можно всерьез говорить о наличии необходимой совокупности доказательств, позволяющих сформулировать обоснованное и законное, а самое главное – окончательное обвинение лицу, совершившему преступление. В связи с этим, момент вынесения постановления о привлечении лица, т.е. подозреваемого, в качестве обвиняемого следовало бы связывать с моментом принятия решения следователя о завершении расследования. Тем самым, этот же момент связывался бы с появлением в деле обвиняемого как знак констатации окончательности выводов следователя о доказанности его виновности в инкриминируемом деянии.

Подобное предложение, возможно, выглядит спорным. Однако проблема двойственности статусов обвиняемого и подозреваемого, несомненно, требует своего разрешения, а значит заслуживает специального исследования¹⁴.

Следует отметить, что законодатель по сути уже использует предлагаемый подход в определении момента появления в деле обвиняемого при производстве предварительного расследования в форме дознания. Здесь обвинительный акт (либо обвинительное постановление при производстве дознания в сокращенной форме) – аналог обвинительного заключения, является не только итоговым процессуальным актом предварительного расследования, но одновременно – актом привлечения лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Лишь в случаях избрания в отношении подозреваемого, меры пресечения в виде заключения под стражу и невозможности при этом составления обвинительного акта в 10-суточный срок, подозреваемому предъявляется обвинение в порядке, предус-

13 Приложение 28 к ст. 476 УПК РФ.

14 Сопнева Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 109.

мотренном для предварительного следствия (ч.ч. 2 и 3 ст. 224 УПК РФ).

Получается, что данной нормой законодатель уже предпринял шаги в размыивании различий между статусами обвиняемого и подозреваемого; превращения последнего в постоянную процессуальную фигуру стадии предварительного расследования¹⁵. По смыслу комментируемой нормы оказывается, что при дознании становится необязательным предъявление обвинения подозреваемому по истечении 10-суточного срока с момента применения к нему любой иной, помимо заключения под стражу, меры пресечения, в том числе, и такой, как домашний арест. В данном случае создана коллизия между комментируемой нормой и нормой общего характера, содержащейся в ст. 100 УПК РФ, однозначно не допускающей применения любой меры пресечения без предъявления обвинения на срок более 10 суток. Возникшая коллизия, на мой взгляд, должна разрешаться в пользу предписаний общей нормы.

Отчетливое, и уже явно осознанное стремление законодателя превратить подозреваемого в постоянного участника предварительного расследования, проявилась в настоящее время при обсуждении в Государственной Думе законопроекта о внесении в УПК РФ изменений и дополнений, предусматривающих возможность задержания лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, сроком до 30 суток без предъявления обвинения. Следует отметить явную антиконституционность данного проекта. Однако очевидно, что вышеуказанное стремление приобретает характер тенденции.

Пристатейный библиографический список

1. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., 2010.
2. Денежкин Б. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Саратов, 1982.
3. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.
4. Колосович С. А., Парий А. В. Правовой статус подозреваемого и проблемы его совершенствования. Волгоград, 1997. С. 28-31.
5. Курилкина О., Овчинников А., Самойлова И., Стеценко И., Федоренко С. Правовая политика в сфере экономики и особенности русской этнической культуры // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 78-86.
6. Курилкина О. А., Самойлова И. Н. Институт уголовной политики: теоретико-правовой аспект // В сборнике: Наука сегодня. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут». 2015. С. 78-80.
7. Курилкина О. А., Самойлова И. Н. Основные этапы развития института уголовной политики в отечественном политико-правовом пространстве // В сборнике: Фундаментальные и прикладные научные исследования. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Шайбаков Риф Насибуллоевич. 2015. С. 81-83.
8. Малеин Н. С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 8-9.
9. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 2015. С. 64.
10. Пономаренко С. И. Основные этапы развития института подозреваемого в российском уголовном праве // В сборнике: Инновационная наука и современное общество Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 103-105.
11. Пономаренко С. И. Проблемы реализации процессуальных обязанностей подозреваемого // Интерактивная наука. 2016. № 6. С. 123.
12. Пономаренко С. И. Уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Научные исследования: от теории к практике: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 июля 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков и др. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. № 3(9). С. 331.
13. Сопнева Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 109.
14. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.
15. Федоренко С. П., Самойлова И. Н. Специфика идеократических источников российской государственности // В сборнике: Фундаментальная наука и технологии - перспективные разработки. Материалы IV международной научно-практической конференции. н.-и. ц. «Академический». 2014. С. 230.
16. Фомин М. А. О некоторых проблемах соблюдения и реализации прав обвиняемых // Адвокат. 2016. № 6. С. 10.
17. Эсендилов М. В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 11.

¹⁵ Курилкина О. А., Самойлова И. Н. Основные этапы развития института уголовной политики в отечественном политико-правовом пространстве // В сборнике: Фундаментальные и прикладные научные исследования. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Шайбаков Риф Насибуллоевич. 2015. С. 81-83.

МАЧЕХИН Максим Сергеевич

преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Пермского института ФСИН России, адъюнкт Академии права и управления ФСИН России

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЧАСТИЕ В МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКАХ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В представленной статье автор пытается проанализировать ответственность за массовые беспорядки в отечественном уголовном законодательстве. В процессе исследования рассматривается характеристика массовых беспорядков, ответственность за которые предусмотрена уголовным кодексом Российской Федерации. В результате проведенного анализа предлагается собственное понятие массовых беспорядков, совершаемых в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: массовые беспорядки, уголовная ответственность, исправительные учреждения, состав преступления.

МАЧЕХИН Maksim Sergeevich

lecturer of Regime and security in the penal system of the Perm Institute of the FPS of Russia, adjunct of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CRIMINAL LIABILITY FOR PARTICIPATION IN MASS RIOTS PERPETRATED IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

In this article the author tries to analyze the responsibility for the riots in the domestic criminal law. In the research process, discusses the characteristics of the riots, the responsibility for which is provided criminal code of the Russian Federation. In the result of the analysis upon the notion of the riots committed in correctional institutions.

Keywords: mass riots, criminal liability, correctional institutions, crime.

Мачехин М. С.

Говоря о пенитенциарной преступности, следует отметить, что наибольшую опасность в местах лишения свободы представляют массовые беспорядки.

По данным Федеральной службы исполнения наказаний (далее по тексту – ФСИН) России в учреждениях пенитенциарной системы по состоянию на 1 февраля 2017 года содержалось порядка 626 тысяч осужденных, подозреваемых и обвиняемых, из них процент осужденных за тяжкие преступления составляет 36,8 % и особо тяжкие преступления составляет 48,8 % соответственно¹.

В связи с такой характеристикой спецконтингента обстановка, складывающаяся на сегодняшний день в уголовно-исполнительной системе, носит изменчивый характер.

Сосредоточение большого количества осужденных в исправительных учреждениях с одной стороны способствует защите общества от преступных посягательств, а с другой – создаёт условия для совершения таких преступлений как «массовые беспорядки».

Организаторы, а также участники данных беспорядков несут уголовную ответственность. Сложность состава данного преступления обуславливает интерес к изучению данного уголовного явления.

В России понятие «массовые беспорядки» появилось в глубокой древности из понятия «скопище». Начиная с XI века, в Русской Правде, появилось понятие преступлений совершенных «скопищем». Свидетельством ужесточения ответственно-

сти к XVI-XVII векам стало появление понятия «подымщик»². При этом уголовная ответственность за участие в «публичном скопище» была определена в Уложении о наказаниях 1845 года³. В советском уголовном законодательстве ответственность за массовые беспорядки была определена впервые в ст. 75 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года⁴.

В настоящее время, в статье 212 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту – УК РФ), выделен состав такого преступления как «массовые беспорядки»⁵.

Анализ состава преступления выделенного в статье 212 УК РФ позволяет выделить четыре самостоятельных состава действий. По мнению исследователей, «законодатель дифференцирует ответственность за массовые беспорядки в зависимости от той роли, которую выполняет лицо в процессе совершения преступления»⁶. Исследователи отмечают размытость формулировок закона, что, по их мнению, определенно затрудняет правильную квалификацию данного преступного деяния⁷.

1 Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы (на 1 августа 2017 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://фсин.рф>.

2 Хохрин С. А. Массовые беспорядки: историко-правовой взгляд // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 1. С. 40.

3 Курс уголовного права в пяти томах. Том 4. Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М.: Зерцало, 2002. С. 34.

4 О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР 1922. № 15. Ст. 153 (утратил силу).

5 Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

6 Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. С. 256.

7 Меркурьев В. В., Агапов П. В. Ответственность за массовые беспорядки: вопросы квалификации и доказывания // Законность. 2015. № 1. С. 54.

Дело в том, что в УК РФ нет законодательного определения массовых беспорядков. В ней, достаточно подробно перечисляются деяния, составляющие объективную сторону данного преступления. В специальной юридической литературе высказывалось мнение, согласно которому само понятие «массовые беспорядки» является неопределенным. Предпочтительнее было бы заменить его термином «толпа» или совершение преступления толпой⁸. О совершении преступления именно толпой пишут многие исследователи⁹. Но с данной точкой зрения можно поспорить в связи с неопределенностью понятия «толпа». При квалификации данного деяния возникает вопрос об объекте посягательства. Б. В. Яценко утверждает, что «объектом состава «массовых беспорядков» выступает общественная безопасность»¹⁰. Но на наш взгляд объект данного преступления более широк, так как в основе данного преступления лежит большее количество деяний посягающих не только на безопасность, но и на здоровье, имущество граждан и государства. Данной точки зрения придерживается ряд исследователей¹¹.

Для квалификации деяния по объективной стороне особое значение имеет установление массовости беспорядков¹². Главным признаком массовости, по мнению Я. И. Иваненко, выступает большое количество лиц, как необходимый признак данных беспорядков¹³. При этом понятие массовости обладает определенными качественными и количественными характеристиками. С. В. Розенко считает признаком массовости участие в бунте двух и более лиц¹⁴. Примером такой массовости можно считать события, которые произошли в ночь на **25 июля 2016 года**, когда произошел бунт в хакасской исправительной колонии № 35. Участниками данного бунта стало более 200 человек. Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело о массовых беспорядках (часть 1 статьи 212 УК РФ).

Качественной характеристикой «массовых беспорядков» в исправительных учреждениях выступает то, что они сопровождаются насилием. Под насилием для целей ст. 212 УК РФ, по мнению А. М. Багмета «следует понимать непосредственное причинение физического вреда человеку, так и угрозу его причинения (в том числе запугивание и устрашение)»¹⁵.

В настоящее время действие может быть выражено и в организации погромов. При этом ряд специалистов высказывают сомнения в выделении понятия «погромы», так как конкретного содержания данного понятия в уголовном законодательстве нет. Гораздо проще с таким действием как поджоги. Понятно, что это действия во время массовых беспорядков. Данные действия приводят к возгоранию, «как домов, так и

средств транспорта, а также иного имущества»¹⁶. Особое значение имеет такой признак как применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств. В исправительном учреждении опасность «массовых беспорядков» обусловлена возможностью захвата оружия, находящегося у сотрудников отдела охраны.

Определенно объективную сторону данного деяния составляет и вооруженное сопротивление представителю власти. Она выражается, как в активном противодействии представителям властей, так и в применении насилия в отношении представителя власти, с применением оружия.

В дальнейшем при квалификации деяний связанных с «массовыми беспорядками» в исправительных учреждениях особое значение имеет выделение субъекта данного преступления. Несмотря на то, что массовость является основным признаком такого преступления, в любом случае к уголовной ответственности может быть привлечено физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Не случайно особую опасность имеют стихийные «массовые беспорядки» в воспитательных колониях, где отбывают наказание несовершеннолетние.

При этом особое значение имеет установление организаторов и руководителей массовых беспорядков. В исправительном учреждении, как правило, известны осужденные, совершавшие различные преступления определенным способом, что, по мнению А.А. Нуждина, в конкретных случаях «позволяет определить круг лиц, причастных к совершению преступления»¹⁷. Организаторами данных беспорядков, как правило, являются осужденные не однократно судимые, лица, совершившие тяжкие преступления, грубо и систематически нарушающие режим отбывания наказания.

Субъективная сторона данного преступления выражается в умышленной форме вины в виде прямого умысла. Мотивы и цели участников массовых беспорядков не влияют на квалификацию, хотя должны учитываться при назначении наказания. Если вне исправительных учреждений массовые беспорядки могут выступать как один из возможных путей развития кризисной ситуации в социальной сфере, то в исправительном учреждении одной из причин побудившей к началу их осуществления может быть неадекватная реакция или недовольство, месть осужденных за выполнение должностных обязанностей в рамках выполнения законных требований сотрудниками УИС: например помещение в ПКТ, ШИЗО осужденного за правонарушение либо, перевод осужденного (лидера отрицательной направленности) в другое исправительное учреждение.

При этом следует учесть, что уголовную ответственность несет не толпа, а отдельные участники «массовых беспорядков». Особое значение имеет установление вины конкретного лица. Надо отметить, что, так как массовые беспорядки это многосоставное преступление на практике возникают определенные проблемы, связанные с квалификацией тех деяний, которые включены в состав ст. 212 УК РФ, а также иных деяний.

Массовые беспорядки в исправительных учреждениях выступают в большинстве случаев, как условия совершения различных видов преступлений. Другими словами, они выступают отвлекающим фоном для совершения других видов

8 Иваненко Я.И. Массовость как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст.212 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 183.

9 Курс уголовного права в пяти томах. Том 4. Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М.: Зерцало, 2002. С. 277.

10 Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 506.

11 Ахметханов А. Ф. Объект состава массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 21. С. 8.

12 Хохрин С. А. Организация массовых беспорядков как объективная сторона преступления // Российский следователь. 2010. № 20. С. 21.

13 Иваненко Я. И. Массовость как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 183.

14 Розенко С. В. Массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ): история развития и проблемы совершенствования // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 27.

15 Багмет А. М., Розовская Т. И. Насилие как конструктивный признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 24. С. 21.

16 См. Там же. С. 24.

17 Нуждин А. А. Специфика обстановки совершения осужденными преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 88.

преступлений, в том числе относящихся к категории тяжких и особо тяжких.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно предложить следующее определение «массовых беспорядков» в исправительных учреждениях.

Под массовыми беспорядками, совершаемыми осужденными в исправительных учреждениях, следует понимать деяния, предусмотренные ст. 212 УК РФ, посягающие на общественную безопасность в исправительных учреждениях, заключающиеся в организации или активном участии осужденных в совершении насилия, погромов, поджогов, уничтожении чужого имущества, применении оружия, предметов, используемых в качестве оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также в оказании вооруженного сопротивления представителю администрации исправительного учреждения.

В связи с этим также предлагаем ввести примечание к ст. 212 УК РФ с учетом зарубежного опыта (УК штата Техас) в следующем виде:

«Примечание. Под массовыми беспорядками в исправительном учреждении следует понимать неповиновения семи и более осужденных и лиц, содержащихся под стражей, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти».

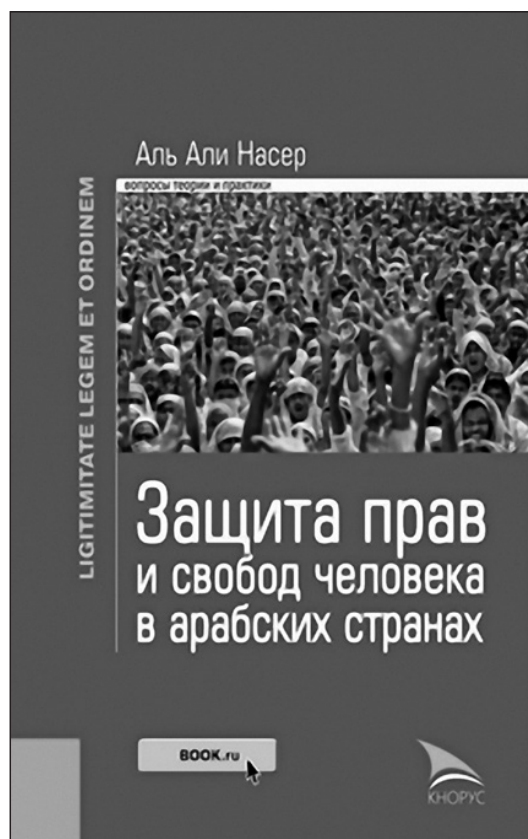
В целях решения проблемы разграничения рассмотренных составов считаем целесообразным ввести факультативный признак места совершения преступления в ч. 1 ст. 212 УК РФ:

«1. Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно их организация в исправительных учреждениях, - ...».

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР 1922. № 15. Ст. 153 (утратил силу).
3. Ахметханов А. Ф. Объект состава массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 21. С. 8 - 10.
4. Багмет А. М., Розовская Т. И. Насилие как конструктивный признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 24. С. 21 - 25.
5. Иваненко Я. И. Массовость как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст.212 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 183-185.
6. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы (на 1 августа 2017 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://фсин.рф>.
7. Курс уголовного права в пяти томах. Том 4. Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М.: Зерцало, 2002. 470 с.
8. Меркурьев В. В., Агапов П. В. Ответственность за массовые беспорядки: вопросы квалификации и доказывания // Законность. 2015. № 1. С. 54 - 56.

9. Нуждин А. А. Специфика обстановки совершения осужденными преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 87-91.
10. Розенко С. В. Массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ): история развития и проблемы совершенствования // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 27 - 30.
11. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. 345 с.
13. Хохрин С. А. Массовые беспорядки: историко-правовой взгляд // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 1. С. 40-42.
14. Хохрин С. А. Организация массовых беспорядков как объективная сторона преступления // Российский следователь. 2010. № 20. С. 21 - 23.

КОЗЛОВ Вячеслав Викторович

адъюнкт кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ЗА И ПРОТИВ

В статье анализируются различные позиции ученых-процессуалистов относительно перспектив ликвидации, сохранения и реформирования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. На основе анализа приводимых аргументов, автор излагает свой взгляд на этот дискуссионный вопрос в пользу сохранения стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном судопроизводстве, однако, полагает необходимым совершенствование механизма ее правового регулирования как в сторону усиления законности и гарантий прав личности, так и в сторону обеспечения процессуальной возможности получения доказательств на данной стадии.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное судопроизводство, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, уголовно-процессуальные доказательства.

KOZLOV Vyacheslav Viktorovich

adjunct of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

THE CRIMINAL CASE INITIATION STAGE: PROS AND CONS

The article analyses different positions of procedural law scientists concerning outlooks of elimination, preservation and reformation of the criminal case initiation stage in the Russian criminal procedure. Based on the adduced arguments, the author states his point of view on this controversial issue for the preservation of the criminal case initiation stage in the current criminal procedure, but he believes it essential to improve the mechanism of its legal regulation both strengthening the rule of law and individual rights guarantees, or ensuring the procedural opportunity of obtaining evidences on this stage.

Keywords: Criminal procedure, pretrial procedure, criminal case initiation stage, crime report check, criminal procedure evidences.

Козлов В. В.

За прошедшие несколько лет институт возбуждения уголовного претерпел существенные изменения, касающиеся перечня поводов для возбуждения уголовного дела, средств проверки сообщения о преступлении, прав участников первой стадии уголовного судопроизводства и др.

Несмотря на то, что стадия возбуждения уголовного дела традиционно является первой досудебной, обязательной стадией уголовного судопроизводства в так называемой советской уголовно-процессуальной модели, которую принял за основу и современный российский законодатель, в последние годы на страницах научных изданий активно дискутируется вопрос о перспективах ее существования.

Все чаще высказываются точки зрения об отсутствии самостоятельности данной стадии и, в силу этого, о необходимости ее упразднения. Другой принципиальный подход связан с тем, что стадия носит самостоятельный характер и необходима в современном уголовном процессе, но требует определенной модернизации.

За позицию исключения стадии возбуждения уголовного дела выступает немалая часть авторитетных российских ученых-процессуалистов, среди которых А. С. Александров¹, Л. М. Володина², С. Е. Вицин³,

Б. Я. Гаврилов⁴, С. И. Гирько⁵, В. В. Гордиенко⁶, Ю. В. Дерипшев⁷, И. С. Дикарев и А. П. Кругликов⁸, А. С. Каретников и С. А. Каретников⁹, Н. С. Манова¹⁰, В. С. Овчинский¹¹, А. А. Усачев¹² и другие.

1 Александров А.С., Грачев С.А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 7. С. 18
2 Володина Л.М. Стадия возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы международной научно-практической конференции (М., 23.05.2013). В 2 частях. Часть 1. – М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации. 2013. С. 212-217; она же. Проблема регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал, 2013. № 4. С. 10-11 и др.
3 Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56.

4 Гаврилов Б. Я. Уголовная политика России: научные и законодательные мифы и реалии правоприменения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 236-239/
5 Гирько С. И. Актуальные проблемы производства дознания // Юридический консультант. 2006 № 6. С. 14-17; Он же. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16 и др.
6 Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3-5.
7 Дерипшев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической» законности // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34-36.
8 Дикарев И. С., Кругликов А. П. и др. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела. Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 341-368
9 Каретников А. С., Каретников С. А. Назначение стадии возбуждения уголовного дела: декларируемое или действительное // Российский следователь. 2015. № 23. С. 17-21; они же. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // Законность. 2015. № 1. С. 41-46.
10 Манова Н. С. Проверка заявлений и сообщений о преступлении: новые возможности и новые проблемы // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 363-374.
11 Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 144.
12 Усачев А. А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72.

В то же время, по-прежнему остается много сторонников сохранения стадии возбуждения уголовного дела, среди которых такие корифеи отечественной науки как В. А. Азаров¹³, Н. С. Алексеев, В. С. Балакшин¹⁴, А. Р. Белкин¹⁵, В. М. Быков¹⁶, А. Г. Волеводз¹⁷, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев¹⁸, Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин¹⁹, О. В. Хитрова²⁰ и многие другие.

Сторонники первой, радикальной, позиции высказывают различные аргументы, убеждая в необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Так, Б. Я. Гаврилов утверждает, что началом производства по уголовному делу должно быть поступившее в правоохранительные органы заявление, сообщение о преступлении, а не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела. По мнению ученого это положительно скажется на состоянии законности, оперативности в раскрытии и расследовании преступлений, получении доказательств²¹. Схожую позицию занимают С. Е. Вицин²², С. И. Гирько²³, Ю. В. Деришев²⁴, А. Г. Калугин²⁵, А. И. Макаркин²⁶ и др.

Более радикальную позицию занимают представители нижегородской научной школы процессуалистов, во главе с А.С. Александровым, которые предлагают не ограничиваться полумерами в виде исключения стадии возбуждения уголовного дела, а кардинальным образом реформировать систему отечественного уголовного судопроизводства, предлагая но-

вую теорию уголовно-процессуальных доказательств, соответствующую стандартам уголовного судопроизводства Европы и передовому опыту других стран.²⁷

Аргументированные мнения многочисленных сторонников ликвидации начальной стадии уголовного судопроизводства, в целом, можно свести к тому, что наличие данной стадии уголовного судопроизводства не позволяет оперативно произвести расследование, осложняет получение доказательств, негативно влияет на эффективность деятельности правоохранительных органов, а также существенно ограничивает доступ граждан к правосудию и способствует различным нарушениям законности, в том числе при принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Нередко в пример приводятся исторические аспекты и международный опыт, в том числе реформы уголовно-процессуального законодательства Украины и Республики Казахстан.

Сторонники второй позиции считают, что стадия возбуждения уголовного дела в обязательном порядке должна сохраниться в качестве неотъемлемого элемента уголовного судопроизводства. Значение уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела определяется самостоятельностью этой стадии по отношению к предварительному расследованию, а также обязательностью по каждому уголовному делу²⁸.

Сущность рассматриваемой стадии заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Сопряженное с применением мер процессуального принуждения и производством следственных действий, предварительное расследование производится лишь в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления²⁹.

Так, А. Р. Белкин обращает внимание на то, что отмена стадии возбуждения уголовного дела породит новые проблемы, поскольку данный этап уголовного судопроизводства имеет свои особенности, задачи и преимущества, свой смысл и выполняет необходимые функции. Решение о возбуждении уголовного дела и начале уголовного преследования должно быть тщательно взвешено, при автоматическом начале предварительного расследования ситуация может стать ещё более тревожной, а возникающие вопросы обусловлены во многом не проблемами самой стадии, а недостатками правоприменения³⁰.

Профессор В. А. Азаров также считает преждевременным ставить вопрос о возможном «отмирании» первоначальной стадии уголовного судопроизводства, но считает необходимым совершенствовать ее правовые основы.³¹

На то, что упразднение рассматриваемой стадии приведет к дискредитации отечественной правоохранительной

- 13 Азаров В. А. О совершенствовании правовых основ (или возможном «отмирании»?) стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1. С. 20-21.
- 14 Балакшин В. С. Возбуждение уголовного дела прокурором // Законность. 2008. № 8. С. 22.
- 15 Белкин А. Р. Возбуждение уголовного дела на Украине и в России // Криминалист первопечатный. Харьков, 2014. С. 41-55; Он же. Стадия возбуждения уголовного дела – pro et contra // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: матер. науч.-практ. конференции. Тюмень, 2013. Выпуск 10. Ч. 1 С. 5-11 и др.
- 16 Быков В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал Российского права. 2006. № 7. С. 54.
- 17 Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 83.
- 18 Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 251.
- 19 Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 30.
- 20 Хитрова О. В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела: за и против // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: Материалы всероссийской научно-практической конференции. В. 3 ч. М.: Академия управления МВД России, 2011. Ч. 1. С. 393-404; Она же. Начало уголовного процесса: научные концепции и перспективы правового регулирования // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 2. С. 10-15.
- 21 Гаврилов Б. Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7-9.
- 22 Вицин С. Е. Машину правосудия должен запускать простой человек // Время новостей. – 2004. – Авг.
- 23 Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16.
- 24 Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34.
- 25 Калугин А. Г. К вопросу о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия» М., 2010. С. 186.
- 26 Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 86.

- 27 Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iauj.net/node/1766>
- 28 Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук., М., 2003. С. 10.
- 29 Григорьев В. Н., Прохорова Е. А. Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2015. № 5. С. 84.
- 30 Белкин А. Р. УПК РФ: Отменить нельзя поправить? Том 2. Досудебное производство. М., 2017. С. 9-18.
- 31 Азаров В. А. О совершенствовании правовых основ (или возможном «отмирании»?) стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1. С. 20-21.

системы, обращает внимание А. Г. Волеводз. По его мнению, следователи и дознаватели не справятся с расследованием объемного потока дел, а экономическая составляющая предполагаемой реформы существенно ударит по бюджетным расходам страны.³²

Рассматриваемая стадия уголовного судопроизводства, – подчеркивает В. М. Быков, позволяет оградить дознавателя и следователя от производства расследования по делам, не имеющим судебной перспективы, что отвлекало бы их от расследования действительно опасных и тяжких преступлений³³.

По справедливому мнению В.М. Корнукова, стадия возбуждения уголовного дела предотвращает ненужное расследование тех обстоятельств, которые не содержат признаков преступления, за счет чего достигается процессуальная экономия.³⁴

Считаем, следует согласиться также с А. А. Давлетовым и Л. А. Кравчук, которые считают, что рассматриваемая стадия уголовного судопроизводства выполняет роль необходимого фильтра, предшествующего предварительному расследованию.³⁵ Аналогичную позицию высказывают В. М. Тарзиманов, С. М. Даровских, Г. П. Химичева³⁶.

С точки зрения исторического аспекта, В.С. Шадрин отмечает тот факт, что стадия возбуждения уголовного дела фактически предусматривалась еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 года и обуславливалась необходимостью начинать расследование не по всем возможным поводам³⁷.

Ряд ученых-процессуалистов, отстаивающих позицию упразднения стадии возбуждения уголовного дела, приводят в пример новые уголовно-процессуальные кодексы Украины 2012 года³⁸ и Республики Казахстан 2014 года.

Безусловно, использование опыта других государств при совершенствовании Российского законодательства необходимо и полезно. Вместе с тем, считаем, что срок, прошедший с момента начала действия законов в Украине и Республике Казахстан, ещё недостаточен, чтобы сделать однозначный и правильный вывод о практической реализации законодательных новелл. Кроме того, решение законодателя о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела в УПК Украины вызывало не мало критических замечаний со стороны ученых и практиков, как в процессе обсуждения законопроекта, так и в настоящее время³⁹. В частности, как утверждает А. Р. Белкин, преобразова-

ния в УПК Украины, связанные с ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела, не решили имевшихся проблем и породили новые, в числе которых – нерациональное использование потенциала и возможностей следственных работников. При этом, необходимость фильтрации не относящихся к совершению преступлений и даже абсурдных сообщений обусловила то, что несмотря на категорические утверждения закона, фактически проверка заявлений на Украине остаётся.⁴⁰

Как отмечают В. Н. Григорьев и Е. А. Прохорова, даже сейчас, после официального упразднения в УПК Украины стадии возбуждения уголовного дела, категорично утверждать об отсутствии действий, образующих содержание стадии возбуждения уголовного дела, нельзя⁴¹.

Сторонники сохранения стадии возбуждения уголовного дела отмечают ее важную правоохранительную функцию, что выражается в предотвращении необоснованного вовлечения личности в орбиту уголовного процесса и дальнейшего уголовного преследования⁴², гарантии защиты прав личности⁴³, недопущении произвольного применения стороной обвинения мер уголовно-процессуального принуждения⁴⁴, обеспечении законности и обоснованности возбуждения уголовного дела⁴⁵.

Убеждены, что до настоящего времени не утратила своей актуальности позиция Н. В. Жогина и Ф. Н. Фаткуллина, которые считают, что нормы, регламентирующие первоначальный период уголовно-процессуальной деятельности исключают возможность произвола и беззакония⁴⁶.

На обязательность стадии возбуждения уголовного дела, как гаранта последующего обеспечения прав лиц на защиту указывает и Конституционный суд Российской Федерации⁴⁷.

Считаем, убедительными доводы сторонников сохранения стадии уголовного дела о том, что данная стадия обеспечивает законность принятия решений о начале уголовного расследования, выступает гарантом обеспечения прав и свобод человека, является своеобразным фильтром, позволяющим оптимизировать работу правоохранительных органов.

Обратим внимание также на то, что возможность производства расследования по каждому сообщению о преступлении без его проверки, открывает возможности спекулирования в личных целях посредством инструментов расследования. При этом правоохранительные органы сами смогут выбирать,

32 Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 83.

33 Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. А. П. Крутчиков. М., 2010. С. 335-336

34 Корнуков В. М. Российский уголовный процесс. Вопросы Особенной части: курс лекций. Саратов, 2010.

35 Давлетов А. А., Кравчук Л. А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса / Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 114-120.

36 Тарзиманов В. М., Даровских С. М. Целесообразен ли отказ от стадии возбуждения уголовного дела? // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2012. № 1. С.48-51; Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 24.

37 Шадрин В. С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 719-72; он же. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 49.

38 См., напр.: Гирько С. И. Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России». 2013. С. 117, 206.

39 Сиверская Л. А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 20.

40 Белкин А. Р. УПК РФ: Отменить нельзя поправить? Том 2. Досудебное производство. М., 2017. С. 9-18.

41 Григорьев В. Н., Прохорова Е. А. Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2015. № 5. С. 88.

42 См. напр. Белкин А. Р. УПК РФ: Отменить нельзя поправить? Том 2. Досудебное производство. М., 2017. С. 9-18

43 См.: Москалькова Т. Н. Честь и достоинство: как их защитить? (Уголовно-процессуальный аспект): Пособие для слушателей народных университетов. М., 1992. С. 34; Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 33-34; Уголовный процесс Российской Федерации: учебник. / Отв. ред. проф. А. П. Крутчиков. М., 2010. С. 335-336.

44 Дикарев И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. М., 2012. С. 358

45 Быков В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал Российского права. 2006. № 7. С. 54.

46 Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 30.

47 См., напр.: Определение КС РФ от 21 октября 2008 г. № 600-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Пивоварова А. Н. на нарушение его конституционных прав положениями части 1 ст. 175 УПК РФ»

на кого обрушить все грозное оружие процессуальных средств, имеющихся в распоряжении следователя (дознателя), и для этого достаточно будет формального повода. На примере экономических преступлений, деятельность целых организаций может быть парализована в силу изъятия бухгалтерской и деловой документации, техники, ареста счетов и имущества.

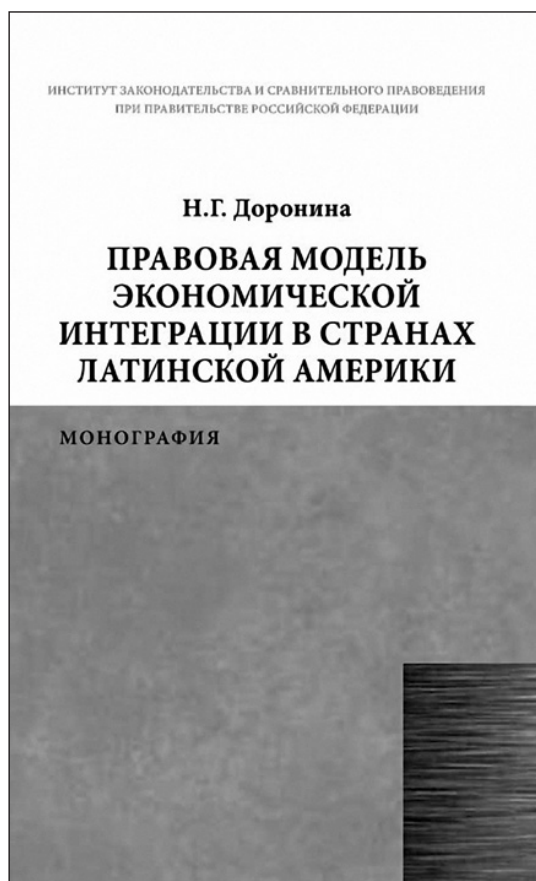
Считаем, что решение о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела может быть использовано недобросовестными сотрудниками правоохранительных органов в коррупционных целях. Так, по некоторым оценкам, на Украине новый механизм начала уголовного производства уже стал одним из основных видов коррупции правоохранительной системы⁴⁸.

Аргументы относительно того, что наличие стадии возбуждения уголовного дела не позволяет оперативно произвести расследование, бесспорно, следует принимать во внимание, однако, полагаем, что во многом эти проблемы обусловлены практикой правоприменения и организацией деятельности правоохранительных органов. Очевидно, что и предварительное расследование по уголовным делам далеко не всегда производится оперативно, что обусловило необходимость законодательного введения ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства».

Одним из главных проблемных вопросов, который остается открытым, является получение доказательств на этапе проверки сообщения о преступлении. В данном случае аргументы сторонников ликвидации стадии возбуждения уголовного дела представляются убедительными. Не смотря на высказываемую точку зрения о том, что главной задачей стадии возбуждения уголовного дела является лишь обнаружение признаков преступления, а не собирание доказательств⁴⁹, считаем, что их получения требуют современные реалии и практика. Законодатель сделал существенный шаг в эту сторону, внося в раздел VII «Возбуждение уголовного дела» УПК РФ существенные изменения⁵⁰, но, к сожалению, результаты проверочных действий так и не приобрели силу доказательств, по причине отсутствия таковых в ст. 74 УПК РФ.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что стадия возбуждения уголовного дела является важным этапом современного российского уголовного судопроизводства, обеспечивающим соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса, законность принимаемых по итогам проверки решений.

В то же время, очевидно, что стадия возбуждения уголовного дела нуждается в совершенствовании механизма ее правового регулирования. Такое совершенствование представляется правильным путем постепенного реформирования рассматриваемой стадии, в основе которого должны быть последовательное усиление гарантий прав личности⁵¹ и оптимизация деятельности правоохранительных органов посредством оперативного получения доказательств на данной стадии, возможность дальнейшего использования которых, в случае возбуждения уголовного дела, не подвергалась бы сомнению ни теоретиками, ни практическими работниками.

48 Филин Д. В. Начало досудебного производства в уголовном процессе Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/1462>

49 См. напр. Петрухин И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 67.

50 Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

51 Григорьев В. Н., Прохорова Е. А. Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2015. № 5. С. 91.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ТУТОВА Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

СВЕДЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрены основные психологические, социальные, образовательные и иные особенности лиц, совершающих компьютерные преступления, дана их классификация и исследованы особенности каждой из выделенных групп. Знание этих особенностей личности «компьютерных преступников» позволит сотрудникам органов внутренних дел выявлять их по выделенным признакам.

Ключевые слова: хакеры, криминалистическая характеристика, компьютерные преступления, информационные технологии, информационная безопасность, защита информации.

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Humanitarian and social-economics disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

TUTOVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Humanitarian and social-economics disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

INFORMATION ABOUT THE PERPETRATOR AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF COMPUTER CRIMES

The article considers the basic psychological, social, educational and other characteristics of perpetrators of computer crimes, their classification is given and the peculiarities of each of the groups. Knowledge of these characteristics of the individual "computer criminals" will allow employees of internal Affairs bodies to identify them by selected characteristics.

Keywords: hackers, criminalistic characteristic of computer crimes, information technologies, information security, information security.

Журавленко Н. И.

Тутова О. В.

Как известно, криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельно взятого криминального деяния, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения. Эта система призвана сформировать представление о самом этом деянии, о личности субъекта и иных значимых обстоятельствах. Выделение типовых моделей различных категорий злоумышленников, знание особенностей этих лиц позволяют оптимизировать процесс выявления круга подозреваемых.

Уголовный кодекс РФ разделил «компьютерных преступников» на следующие категории:

- лица, осуществляющие неправомерный доступ к компьютерной информации;
- лица, осуществляющие неправомерный доступ к компьютерной информации в составе группы по предварительному сговору или организованной группой;
- лица, осуществляющие неправомерный доступ к компьютерной информации с использованием своего служебного положения;
- лица, создающие, использующие и распространяющие вредоносные компьютерные программы;
- лица, имеющие доступ к средствам хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационным сетям и оконечному оборудованию, нарушающие правила их эксплуатации;

– лица, нарушающие правила доступа к информационно-телекоммуникационным сетям.

Компьютерных преступников также можно классифицировать на следующие виды:

а) «нарушители правил использования ЭВМ» – совершают преступления из-за недостаточного знания техники, желания ознакомиться с интересующей их информацией, похитить какую-либо программу или бесплатно пользоваться услугами ЭВМ;

б) «белые воротнички» – так называемые уважаемые преступники: бухгалтеры, казначеи, управляющие финансами различных фирм. Для них характерны: использование ЭВМ в целях моделирования планируемых преступлений, компьютерный шантаж конкурентов, фальсификация информации и т. д. Цель их действий – получение материальной выгоды или сокрытие других преступлений;

в) «компьютерные шпионы» – хорошо подготовленные в техническом отношении специалисты, целью деятельности которых является получение стратегически важной информации в различных областях;

г) хакеры¹.

1 См.: Зинченко К. Е., Исмаилова Л. Ю., Караханьян А. Н., Киселев Б. В., Крылов В. В., Мاستинский Я. М., Полевой Н. С., Соловьев Ю. Н., Хургин В. В., Цветков С. И. Компьютерные технологии в юри-

Наибольший интерес представляют хакеры (англ. «hack» - рубить, кромсать) – пользователи средств компьютерной техники, занимающиеся поиском незаконных способов получения несанкционированного доступа к ПК и содержащимся в них данным, как правило, с целью несанкционированного использования этой информации в корыстных целях. К хакерам относятся увлеченные компьютерной техникой лица, преимущественно из числа молодежи – школьники и студенты, совершающиеся на взломах различных защитных систем ЭВМ. Из публикаций, характеризующих круг этих лиц, следует, что среднестатистический хакер – это весьма способный молодой человек, работающий за дисплеем по 12-16 часов подряд, до полного изнеможения, питающийся от случая к случаю. Небрежный внешний вид (джинсы, мятая рубашка, нечесанные волосы) свидетельствует о том, что хакер не обращает на свою внешность никакого внимания и не слишком интересуется мнением окружающих. Он блестяще знает все подробности операционной системы, языка Assembler и особенности периферийного оборудования.

Хакеры в России объединены в региональные группы, имеют свои электронные издания (газеты, журналы, электронные доски со срочными объявлениями), проводят электронные конференции, пользуются особым жаргонным словарем. Этот сленг тиражируется с помощью компьютерных бюллетеней, в которых распространяется опыт для повышения квалификации начинающих хакеров, распространяются методики проникновения в конкретные системы и «взлома» их защиты. Российские хакеры тесно контактируют со своими зарубежными коллегами, обмениваясь с ними опытом по освоению глобальных телекоммуникационных каналов.

Все перечисленные характерные особенности можно рассматривать в качестве элементов собирательного образа среднестатистического хакера. Некоторые специалисты не спешат ставить знак равенства между хакерами и преступниками: к сообществу хакеров можно относиться как к среде, оказывающей существенное влияние на преступность в сфере высоких технологий. Вместе с тем, как видно из приведенной выше классификации, далеко не все виды девиантного поведения в компьютерных сетях связаны с хакерами (этот термин более узок, чем «лицо, совершающее преступление в глобальных сетях»)².

Одним из наиболее распространенных видов преступлений в сфере компьютерной информации является неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Термин «неправомерный доступ» означает получение в обход установленных запретов и ограничений возможности тем или иным способом получить доступ к информации. В связи с тем, что данный вид преступлений в сфере компьютерной информации наиболее распространен, вполне очевидно, что большинство «компьютерных преступников» совершают преступления, которые квалифицируются именно по этой статье.

Лица, совершающие данный вид преступлений, характеризуются определенными особенностями. Вполне очевидно, что получение неправомерного доступа к информации, хранящейся в памяти компьютера или на каком-то внешнем носителе, подразумевает наличие у преступника определенных знаний в области информационных технологий. Он технически подготовлен, владеет набором методов, позволяющих ему подбирать «ключи» к компьютерным системам защиты. В большинстве случаев это выпускник (или студент старших курсов) технического ВУЗа, имеющий постоянный доступ к компьютерам (в основном, дома), работающий в определенных кругах (в основном, среди таких же лиц, увлечен-

ных информационными технологиями). Общий возрастной предел – от 15 до 45 лет. Случаи задержания компьютерных преступников старше 45 лет в статистике МВД не зарегистрированы. Возможно, это объясняется тем, что с возрастом они становятся настолько профессиональными, что пресечение их деятельности становится просто невозможным. Но более вероятно, что, повзрослев, они «остепеняются», приобретают высокооплачиваемую профессию в сфере высоких технологий, и поэтому прекращают свою опасную противоправную деятельность³.

Компьютерных преступников, осуществляющих несанкционированный доступ к информации, можно разделить на следующие виды:

1. Начинаящие. Обычно это молодые люди в возрасте 15-25 лет, имеющие среднее, среднее специальное или высшее образование (в некоторых случаях неоконченное). Их обучение чаще всего связано с инженерными специальностями и компьютерными технологиями.

Они происходят из семей среднего достатка. К компьютерной технике приобщились в большинстве случаев уже в старших классах средней школы. Их знание компьютерных технологий не ограничивается языками программирования низкого и высокого уровней (Assembler, C++, Java), но также включает в себя и знание аппаратной части выбранной платформы. Обычно они нигде не работают, либо работают «приходящими» системными администраторами в организациях с достаточной развитой компьютерной инфраструктурой, которые не могут себе позволить выплачивать высокую зарплату штатному специалисту.

Это очень увлеченные (если не сказать «помешанные» на компьютерных технологиях) личности. Связь с внешним, «некомпьютерным» миром они поддерживают в очень ограниченном объеме, предпочитая обществу «светскому» общество людей своего круга. В Сети они обычно скрывают свои подлинные имена за так называемыми «никами» (от английского слова “nickname” – кличка, прозвище, вымышленное имя), причём часто используют эти «ники» и в открытом общении. Имея весьма глубокие технические знания, их гуманитарное образование явно хромает (в текстах переписки «невооружённым глазом» виден «корявый» стиль и масса грамматических ошибок). В разговоре они употребляют особый компьютерный жаргон-сленг, смешивают русский и английский языки.

Эти молодые люди обычно отличаются несобранностью и небрежностью. Они постоянно читают «компьютерную» литературу и публикации на специализированных IT-сайтах, но при этом мало интересуются другой литературой. Практически целые дни они проводят дома за компьютером разрабатывая компьютерные программы или проводя время в сети Интернет. Преступную деятельность они начинают достаточно рано и, в основном, не осознавая, что их действия квалифицируются как преступления. Установка на преступное поведение формируется стихийно под влиянием случайной цепи «взломов» защитных программ на других компьютерах. Закрепление такой установки происходит под влиянием «авторитетного мнения старших товарищей», высказанного ими после общения с «новичком» в сетевых «кулуарах».

Они практически ежедневно совершают деяния, попадающие под статьи 272 (п. 1) и 273 (п. 1). В основном это «взлом» паролей других пользователей сети Интернет для подключения к сети за их счёт, доступ к информации о кредитных картах в Интернет-магазинах и др. В более крупных компьютерных преступлениях (в основном по статье 272 (п. 2)) они участвуют либо как соисполнители при организации широкомасштабных «хакерских атак» с целью получения доступа к защищённой информации на сайтах крупных компаний, либо как самостоятельные исполнители при совершении

дической деятельности // Под ред. В. В. Крылова, Н. С. Полевого: Учебное и практическое пособие. М., 1994. С. 234.

2 См.: Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы: Монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009. С. 225.

3 Журавленко Н. И., Яковец Е. Н. Правовые основы защиты информации: Учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 221-223.

«заказных» преступлений, где требуется долговременная «осада» объекта при риске быть обнаруженным защитными программами, правоохранительными или спецслужбами. Очень часто их деятельность связана с незаконным тиражированием и распространением программных продуктов зарубежных и российских производителей.

2. Закрепившиеся. Как правило – это мужчины в возрасте 20-25 лет, Однако, следует отметить, что в последнее время наблюдается тенденция к увеличению в этой группе числа лиц женского пола (на сегодняшний день это около 5 %). Как и в предыдущей группе, обычно они имеют среднее, среднее специальное, высшее и неоконченное высшее (в основном – техническое) образование. Они происходят из семей со средним и выше среднего достатком. Дома они имеют компьютер в основном продвинутого типа. Знания в области компьютерных технологий, программного и аппаратного обеспечения, языков программирования у них более систематизированные.

При совершении преступлений они используют набор заранее подготовленных методов и средств совершения преступлений, в основном, готовые решения, разработанные представителями первой группы или другими людьми из своей группы, либо являются организаторами хакерских атак с исполнителями из первой группы. Также нередко они идут на совершение преступлений «контактным» способом, часто сопряжённым с осуществлением насильственных действий (например, получение доступа к компьютерной информации с компьютера, на котором она размещается, при невозможности удалённого доступа к ней).

Базисный психотип компьютерного преступника из этой группы представляет собой достаточно уравновешенное (но не высоко-амбициозное) лицо со сформировавшейся системой взглядов и ценностей. Представители этой группы обычно имеют высокооплачиваемую постоянную работу в качестве технических консультантов и системных администраторов в организациях, а также программистов и иных специалистов в фирмах, предоставляющих услуги в сфере информационных технологий. Это позволяет им в определённых случаях получать доступ к компьютеру жертвы, оставляя в его программном обеспечении специальные «дыры».

Криминальная «карьер» такого «закрепившегося» преступника либо трансформируется из «карьеры» начинающего, либо формируется сразу в устойчивой форме при содействии друзей-«профессионалов». В отличие от «начинающих» их внешность практически никак не выделяется, обычно они выглядят вполне респектабельно. Основная сфера их преступной деятельности заключается в осуществлении сетевого взлома, участии в коллективных атаках для получения защищённой информации.

3. Профессионалы. В основном это мужчины в возрасте 25-45 лет, но встречаются в этой группе и женщины (их не более 8 %). Они выросли в семьях с достатком выше среднего, обычно имеют высшее техническое образование, а иногда и второе (экономическое или юридическое) высшее образование. Знания в области компьютерных технологий у них практически исчерпывающие: представители этой группы обычно владеют несколькими языками программирования всех уровней, в совершенстве знают особенности аппаратной части современных компьютерных систем (не только персональных, но и сетевых систем и специализированных вычислительных комплексов), имеют навыки профессиональной работы с несколькими компьютерными платформами, основными операционными системами и большинством пакетов прикладного программного обеспечения специализированного назначения, прекрасно информированы об основных системах электронных транзакций, системах сотовой связи, системах и методах стойкой и супер-стойкой криптографии.

Их преступная деятельность подпадает под статью 272 и некоторые дополнительные статьи (в том числе, шпионаж – военный и промышленный). Психотип такого преступника

крайне уравновешенный, стойкий к внешним воздействиям, с устоявшимися взглядами и системой ценностей. Это крайне амбициозные личности, знающие себе цену. Как люди дальновидные, они сразу оценивают свои возможности по извлечению прибыли из преступной деятельности в киберпространстве.

Вначале они пробуют профессионально программировать, но вскоре начинают понимать, что честным трудом программиста на начальном этапе много не заработаешь – для этого требуются обширный опыт и очень глубокие знания. Поэтому они переходят в «теневую область», нередко добиваясь благополучия и обеспеченности. Войдя «в поток», они начинают вращаться в высших кругах общества, приобретают связи во многих властных структурах (причём многие «покровители» обязаны им за предоставленные определённые услуги), которые используют при необходимости для проникновения на закрытые объекты и для получения кодов доступа в сильно защищённые от «взлома» системы. Работают они, в основном «для прикрытия», обычно начальниками или заместителями начальников отделов информационных технологий в банках, в иностранных компаниях и государственных учреждениях, при этом основная их деятельность развёртывается в нелегальной и полуделегальной сферах. Связь с «соратниками по ремеслу» они поддерживают практически постоянную, но в основном на чрезвычайно конфиденциальном уровне, крайне редко при прямом общении, в основном через сетевую связь со стойкой криптографической защитой. Они постоянно совершенствуют приёмы и инструменты своей «работы», поэтому практически недостижимы для органов правосудия.

Процент лиц женского пола в этой среде значительно выше, чем для первых двух типов. Видимо, это связано с тем, что здесь практически отсутствует так называемая «грязная работа», «заработки» высоки и высок риск, а в рискованных ситуациях и при постоянных стрессах женщины, как правило, чувствуют себя гораздо увереннее, чем мужчины.

Подводя итог проведённому исследованию можно сделать вывод, что для лиц, совершающих компьютерные преступления, основная отличительная черта – их высокая техническая подготовленность, основа их мотивации – высокая латентность преступлений, основное условие вступления на преступный путь – внутренняя предрасположенность, а основная причина окончательного выбора – социально-экономическая ситуация в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Журавленко Н. И., Яковец Е. Н. Правовые основы защиты информации: Учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.
2. Зинченко К. Е., Исмаилова Л. Ю., Караханьян А. Н., Киселев Б. В., Крылов В. В., Мاستинский Я. М., Полевой Н. С., Соловьев Ю. Н., Хургин В. В., Цветков С. И. Компьютерные технологии в юридической деятельности // Под ред. В. В. Крылова, Н. С. Полевого: Учебное и практическое пособие. М., 1994.
3. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы: Монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009.

ГОРЯЧЕВА Наталья Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ И МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В статье анализируются вопросы, связанные с исследованием маркировочных обозначений огнестрельного оружия, выявляются наиболее распространенные способы изменения и уничтожения маркировочных данных, а также рассматриваются методы, используемые в экспертной практике, для выявления изменений в маркировке оружия.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, маркировочные обозначения, судебная экспертиза, методы химического и ионного травления, физические методы, изменение и уничтожение маркировки.

GORYACHEVA Nataliya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TECHNICAL-CRIMINALISTIC MEANS AND METHODS USED TO ESTABLISH THE ACTUAL DATA OF MARKINGS OF FIREARMS

The article analyzes the issues related to the study of markings of firearms, revealed the most common methods of alteration and destruction marking the data, and discusses methods used in expert practice, to detect changes in the marking of weapons.

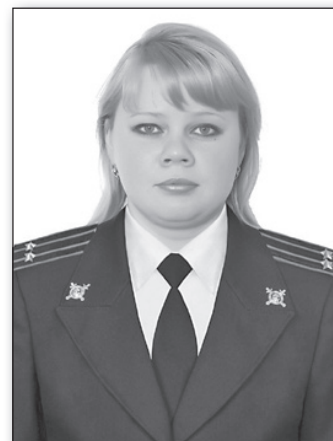
Keywords: firearms, markings, forensics, methods of chemical and ion etching, physical methods, change and removal of markings.

В настоящее время, порядка 80-89 % изделий массового производства подвергаются маркировке, то есть нанесению различных символов, цифровых и буквенных обозначений (номеров), штриховых кодов, позволяющих индивидуализировать изделие. Маркировка, как правило, позволяет индивидуализировать конкретный экземпляр изделия. Перечень изделий, которые подвергаются маркировке, огромен. Наиболее часто встречающимися объектами маркировки в следственной и экспертной практике являются: огнестрельное оружие, автомобили, ювелирные изделия и т.д. С учетом темы, заявленной в названии статьи, для нас особую актуальность имеет вопрос, связанный с исследованием маркировочных обозначений огнестрельного оружия. Это вызвано, в первую очередь, большим количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, число которых постоянно растет, а во вторую очередь, с тем, что маркировка обеспечивает возможность строгого учета огнестрельного оружия с момента его производства до утилизации.

С целью сокрытия преступлений или затруднения опознавания огнестрельного оружия, преступники зачастую изменяют, уничтожают, либо наносят новые маркировочные обозначения на огнестрельное оружие, также преступники могут использовать двойники «фантомы» оружия, когда заводом выпускается единица с лицензией, с серийным номером, и такое же оружие, под тем же номером изготавливается кустарным способом.

Установить точные данные мест хищения оружия часто практически не возможно только из-за уничтожения индивидуальных номеров¹. В связи с чем, маркировка должна не толь-

1 Сухарев А. Г. Способы маркировки огнестрельного оружия, удовлетворяющие криминалистическим требованиям // Вестник криминалистики. 2009. № 2 (26).

Горячева Н. Ю.

ко проявлять стойкость к агрессивным воздействиям, иметь возможность идентификации объекта и длительный срок жизни, но и обладать хорошей выявляемостью.

Маркировка огнестрельного оружия имеет несколько вариантов выражения:

– путем нанесения непосредственно на основные части огнестрельного оружия (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка)² маркировочного обозначения способом кернения, штамповки, гравировки, электрохимическим способом и др.

– изложение определенных данных в сопроводительных документах (технический паспорт на оружие, контрольная карта отстрела), упаковку, ярлыки, ящики и т.д.

Маркировка огнестрельного оружия подразделяется на основную и дополнительную. Основная маркировка огнестрельного оружия и его основных частей является обязательной и является неотъемлемой частью оружейного производства. Обязательная маркировка оружия и боеприпасов включает в себя буквенное или цифровое кодовое обозначение, позволяющее определить страну изготовления, производителя, номер партии, индивидуальный номер огнестрельного оружия, месяц и год его изготовления, а также обязательные приемочные клейма, которые подтверждают, что оружие прошло испытание и соответствует предъявляемым требованиям, в первую очередь требованиям безопасности. Обязательная маркировка обеспечивает возможность идентификации каждой единицы огнестрельного оружия, партии боеприпасов.³

2 Об оружии: федеральный закон Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Ст. 1.

3 Горячева Н. Ю. Маркировка огнестрельного оружия и боеприпасов: историко-правовой аспект // материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и государства в XXI веке», г. Уфа, 20-21 апреля 2017 года / под общ. ред. Ф. Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2017.

Дополнительная маркировка огнестрельного оружия является рекомендуемой и осуществляется как производителем, так и специализированными организациями. Дополнительная маркировка используется для организации производства (знаки рабочих, клейма контролеров, номер плавки, группы селективности), для выполнения рекламной функции (знак качества, надписи торгующих фирм, монограммы владельцев), для дополнительного контроля за учетом оборота оружия (скрытая маркировка).

До середины 70-ых годов XX века, все отечественное оружие маркировалось механическим способом (штамповка, кернение), что позволяло относительно легко выявлять индивидуальный номер после его видимого уничтожения (спиливание, высверливание) или видоизменения. Обычно для этого было достаточно применения относительно простых методов химического травления, а сама способность к восстановлению была связана с деформацией кристаллической решетки металла в процессе маркировки. Позднее, с переходом на более прогрессивные способы маркировки: фотолитография, механическое и электроискровое гравирование, химическое и электрохимическое травление – процесс нанесения защитной маркировки на огнестрельном оружии стал более рациональным и менее трудоемким. Однако, наряду с приобретенными позитивными качествами, современная защитная маркировка практически утратила необходимый, с криминалистической точки зрения, критерий восстанавливаемости. Ни один из современных вышеуказанных способов маркировки не предусматривает возможность ее восстановления после уничтожения или видоизменения, так как в процесс маркировки не приводит к деформации нижележащих слоев металла⁴.

Анализ литературы показал, что основные способы изменения маркировки огнестрельного оружия можно разделить на две группы. Способы первой группы, сопровождаются уничтожением первичной маркировки, для которой характерно удаление участка, части или всего маркировочного обозначения. При использовании способов изменения маркировки второй группы, сохраняется первичная маркировка и ее следы, и принципиально возможно ее выявление. К данной группе относятся следующие распространенные способы изменения маркировочных данных, которые достигаются путем:

– добивания недостающих элементов в знаках первичной маркировки, имеющих сходное начертание со знаками требующейся (вторичной) маркировки поверх знаков первичной, (например: 1 - 4, 6 - 8, 3 - 8);

– забивания (зачеканивания) отдельных знаков первичной маркировки и нанесения на их место других. Лишние элементы знаков заполняют пластичными массами или заглаживают и окрашивают, (например: 4 -1, 8 - 3, 8 - 6);

– углубления участка маркировки, нанесения на первичную маркировку слоя металла или пластичной массы и тиснения на полученной поверхности рельефа требующейся (вторичной) маркировки с последующей окраской участка;

– углубления участка с маркировкой и закрепления на этом месте (сваркой или наклеиванием) участка панели с иной маркировкой.

К признакам, свидетельствующим об изменении маркировочных обозначений на огнестрельном оружии, относятся:

– нечеткое начертание знаков, их смещение по вертикали, различные интервалы и глубина, отличия конфигурации знаков от образцов, посторонние штрихи в знаках;

– следы механической обработки поверхности, локальное увеличение толщины металла, а также наличие остатков иных материалов на участке маркировки;

– наличие следов опиления (частиц) металла на близлежащих деталях оружия;

– отличие фактуры поверхности маркировочной площадки от прилегающих участков или от заводского образца, имитация фактуры поверхности маркировочной площадки и др.

Для выявления изменения маркировочных обозначений назначается судебная экспертиза оружия. Сложность проведения такого рода экспертиз не вызывает сомнения. Эксперт для всестороннего и глубокого исследования металлических изделий, имеющих маркировочные обозначения, должен владеть большим объемом специальных знаний: владеть методами трассологического исследования, основами экспертного исследования изделий из металлов и сплавов, знать объект исследования, т.е. устройство и принцип работы огнестрельного оружия, обладать обширной информацией о маркировке оружия, а так же хорошо знать способы изменения маркировочных обозначений и владеть методиками их выявления. Отмеченные знания относятся к различным областям экспертной деятельности – трассологической, металловедческой, баллистической. В связи с этим исследование маркировочных обозначений на огнестрельном оружии может выполняться в рамках комплексной экспертизы, когда для решения поставленных вопросов привлекаются эксперты разных специальностей, либо в рамках единоличной экспертизы. В последнем случае эксперт должен владеть указанным объемом специальных знаний.

На первом этапе исследования эксперт знакомится с представленными на экспертизу материалами, устанавливает наличие материалов, сведений и оборудования, необходимого для производства экспертизы. Особое значение для производства экспертизы имеет наличие информации о нанесении маркировочных обозначений на объект исследования. При отсутствии данной информации эксперт не вправе приступать к производству экспертизы. Далее проводится внешний осмотр объекта исследования в целом. При этом изучаются места крепления деталей, несущих информацию о маркировочных номерах, в целях установления факта их возможной замены. Особое внимание уделяется изучению состояния поверхности металла, на которую нанесено маркировочное обозначение. Следующий этап предусматривает трассологическое исследование непосредственно маркировочных обозначений. При этом выявляются следы возможного изменения маркировочных обозначений, сравниваются с цифрами и буквами маркировочных обозначений, используемых при заводском изготовлении изделий.

Для выявления изменений и удаленных маркировочных обозначений в экспертной практике используются следующие методы:

– метод химического и электрохимического травления;

– метод ионного травления;

– физические методы, основанные на выявлении неоднородности магнитных свойств металла в местах с неоднородной структурой металла (исследуются места, в районе нанесения маркировочных обозначений).

Все перечисленные методы основаны на том, что физико-химические свойства, структура металлов и других материалов в месте расположения маркировочного обозначения от-

4 Кудинова Н. С. Лазерная защитная маркировка как средство предотвращения отдельных видов преступлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://superinf.ru>

личаются от свойств этих же материалов на прилегающих к ним участках. В результате, если маркировочные обозначения подвергались какому либо воздействию, то растворимость металла, его магнитные и иные свойства в месте маркировочного знака и рядом будут различными.

При химическом и ионном травлении наблюдается различное химическое поведение металла на участке, подвергшемся механическому воздействию (при нанесении «новых» маркировочных обозначений), и рядом с ним. Это позволяет фиксировать выявляемые маркировочные обозначения. Особенность данных методов исследования заключается в том, что необходимо тщательно готовить поверхность металла к последующему травлению и оперативно фиксировать выявляемую информацию с помощью видеокамеры, цифрового или обычного фотоаппарата. Изображения, фиксируемые при травлении, существуют короткое время.

При подготовке поверхности к травлению необходимо ее тщательно отшлифовать и отполировать, при этом удаляться должен тонкий слой металла, а процесс травления необходимо повторять несколько раз, так как в случае зачеканивания маркировочных обозначений информация о них, как правило, находится в более глубоких слоях металла. В случае некачественной подготовки поверхности к травлению на поверхности металла могут остаться шероховатости, на фоне которых разглядеть появившееся, в результате травления, изображение становится затруднительным. Так же если в процессе травления использовать более концентрированные растворы реагентов, в целях ускорения процесса травления, могут происходить такие быстрые химические процессы, что зафиксировать появившееся изображение не всегда удастся. К тому же, под воздействием концентрированных растворов реагентов, слой металла, содержащий маркировочное обозначение, может быть вытравлен полностью, т.е. объект, как носитель информации, уничтожается.

Физические методы анализа используются при нанесении маркировочных обозначений механическим способом – штамповкой. Эти методы имеют значительное преимущество по сравнению с методами травления – они не уничтожают информацию, имеющуюся на исследуемом объекте, следовательно могут быть исследованы неоднократно. Используемый ранее метод магнитной суспензии, состоявший в фиксации в суспензии, содержащей ферромагнитные микрочастицы, невидимых маркировочных обозначений, активированных магнитным полем, в настоящее время модернизирован за счет применения современной техники. Распределение магнитного поля фиксируется не магнитной суспензией, а на магнитной ленте. Далее зафиксированная информация вводится в компьютер для обработки⁵.

Таким образом, огнестрельное оружие и связанные с ним вопросы оборота, учета, правового регулирования – это всегда важно и необходимо, и тут даже перенос одной запятой в словосочетании «маркировать нельзя фальсифицировать» может иметь существенное резонансное значение. В связи с вышесказанным, мы можем отметить, что маркировка огнестрельного оружия занимает основополагающее место в регулировании оборота огнестрельного оружия, фальсификация или уничтожение маркировки дает возможность преступникам уйти от уголовной ответственности за совершенные преступления.

Маркировка помогает идентифицировать оружие, организовать его законный оборот, а так же защитить его от подделок. Поэтому маркировка оружия должна осуществляться с учетом потребностей производителей, государства, владельцев, правоохранительных органов, экспертов-криминалистов, а также должна содержать всю необходимую информацию об оружии, наносимую с учетом правил и требований законодательства. Все это будет способствовать уменьшению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и использования его в преступных целях.

Пристатейный библиографический список

1. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ.
2. Сухарев А. Г. Способы маркировки огнестрельного оружия, удовлетворяющие криминалистическим требованиям // Вестник криминалистики. 2009. № 2 (26).
3. Горячева Н. Ю. Маркировка огнестрельного оружия и боеприпасов: историко-правовой аспект // материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и государства в XXI веке», г. Уфа, 20-21 апреля 2017 года / под общ. ред. Ф. Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2017.
4. Кудинова Н. С. Лазерная защитная маркировка как средство предотвращения отдельных видов преступлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://superinf.ru>.
5. Экспертиза маркировочных обозначений / Российский Федеральный Центр Судебной Экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Sudexpert.ru/possib/mark.php.

5 Экспертиза маркировочных обозначений / Российский Федеральный Центр Судебной Экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Sudexpert.ru/possib/mark.php.

ОСТРОВСКИЙ Олег Александрович

аспирант кафедры уголовного права и таможенного дела Юридического факультета Новосибирского государственного аграрного университета, Генеральный директор ООО "Томская коллегия юристов "МИСС МАРПЛ"

ДЕФИНИЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРРЕЛЯЦИОННОЙ ЗАВИСИМОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время неразрешенность вопроса о корреляционной зависимости понятий «криминалистическая характеристика преступления» и «информационная модель преступления» в сфере компьютерной информации порождает дискуссионность положений как самой криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации, так и основанных на них иных научных исследований (например, вопросов построения модели лица, совершившего преступление), а также негативно влияет на эффективность использования имеющихся разработок в деятельности правоохранительных органов. В связи с этим целью исследования явилось рассмотрение научных взглядов на обозначенную проблематику, выявление причин возникновения дискуссий и разработка предложений по их устранению. Анализируя различные точки зрения по исследуемому вопросу, автор выделяет следующие основные причины разногласий: 1) неоднозначное толкование (дефиниция) в научных исследованиях термина «модель»; 2) отсутствие учета исследователями типов моделей при разработке теоретических положений информационной модели криминального события. Обосновывая положение о том, что криминалистическая характеристика преступления в сфере компьютерной информации является информационной моделью преступления, в статье указывается на необходимость при выработке ее положений разграничивать типы моделей (описательный и динамический). Отмечается, что данные описательной модели могут применяться в качестве исходных начал при разработке теоретических положений динамической информационной модели преступления в сфере компьютерной информации, в процессе расследования криминального события указанные модели могут использоваться как в комплексе, так и независимо друг от друга. Формулируются дефиниционный анализ типов информационных моделей преступления, указываются особенности методологии их построения, излагаются представления автора о месте криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации (с учетом типов моделей) в системе науки.

Ключевые слова: дефиниционный анализ, корреляционная зависимость, криминалистическая характеристика преступления, информационная модель преступления, методология построения модели криминального события, сфера компьютерной информации, криминалистическая методика.

OSTROVSKIY Oleg Aleksandrovich

postgraduate student Criminal law and customs sub-faculty of the Law Faculty of the Novosibirsk State Agrarian University, General Director of the "Tomsk College of lawyers "MISS MARPLE"

THE DEFINITIVE ANALYSIS OF CORRELATION DEPENDENCE INFORMATION MODELS AND CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

At present, the unresolved issue of the correlation dependence of the concepts "criminalistic characterization of a crime" and "information model of a crime" in the sphere of computer information generates discussion of the provisions of both the criminalistic character of a crime in the field of computer information and other scientific research based on them (for example, Model of the person who committed the crime), and also negatively affects the efficiency of using the available developments in the activity law enforcement. In connection with this, the aim of the study was to examine scientific views on the identified problems, identify the causes of the discussions and develop proposals for their elimination. Analyzing various points of view on the issue under study, the author identifies the following main causes of disagreements: 1) ambiguous interpretation (definition) in scientific studies of the term "model"; 2) the lack of consideration by researchers of the types of models in the development of the theoretical provisions of the information model of the criminal event. Justifying the provision that the criminalistic characterization of a crime in the field of computer information is an information model of a crime, the article points out the necessity to differentiate the types of models (descriptive and dynamic) when developing its provisions. It is noted that the data of the descriptive model can be used as initial principles in the development of the theoretical provisions of the dynamic information model of the crime in the field of computer information, in the process of investigating the criminal event, these models can be used both in a complex and independently of each other. Differential analysis of the types of information models of a crime is formulated, specifics of the methodology of their construction are specified, the author's views on the place of the criminalistic characterization of the crime in the sphere of computer information (taking into account the types of models) in the system of science are stated.

Keywords: definitional analysis, correlation analysis, criminalistic characterization of the crime, information model of the crime, methodology for constructing the model of the criminal event, sphere of computer information, criminalistics methodology.

В настоящее время в криминалистической науке не сформировалось единого представления о корреляционной зависимости данных понятий, отметим, что и концептуальная полемика по этому вопросу не нашла должного освещения в литературе. Хотя, некоторым аспектам данных вопросов и по-

вещено множество работ таких авторов, как: Ахмедшина Р. Л., Бахина В. П., Белкина Р. С., Волчецкой Т. С., Головина А. Ю., Густова Г. А., Драпкина Л. Я., Ермоловича В. Ф., Колдина В. Я., Лаврова В. П., Лаврухина С. В., Яблокова Н. П. Вместе с тем неразрешенность данной проблемы порождает дискусси-

Островский О. А.

онность положений как самой криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации¹, так и основанных на них иных научных исследований (например, вопросов построения модели лица, совершившего преступление), а также негативно влияет на эффективность использования имеющихся разработок в деятельности правоохранительных органов.

В связи с этим мы поставили цель - рассмотреть научные взгляды на исследуемую проблематику, провести дефиниционный анализ корреляционной зависимости информационной модели (ИМП) и криминалистической характеристики преступления (КХП) в сфере компьютерной информации, выявить причины возникновения полемических суждений и разработать предложения по их устранению

Анализ криминалистической литературы позволил выделить четыре основных точки зрения по данному вопросу.

1. Выработка понятия «КХП» без указания на ее разграничение либо отождествление с понятием «ИМП».

Обобщая данные научные воззрения и определяя их сущностное содержание, укажем, что под КХП ученые, как правило, понимают совокупность (систему) обобщенных данных об элементах криминального события, предназначенных для использования в расследовании преступлений².

2. Корреляционная зависимость КХП с ИПП. Данной точки зрения придерживаются, например, С. В. Лаврухин³, В. Ф. Ермолович⁴, Н. П. Яблоков и другие. Рассматривая в подобной интерпретации КХП, Н. П. Яблоков уточнил, что сущность данного понятия не меняется в случае его определения (именования) типовой информационной моделью⁵.

3. Рассмотрение ИМП в качестве самостоятельной научной категории с указанием на нецелесообразность использования понятия «КХП». Так, Р.С. Белкин, анализируя проблемы КХП, пришел к выводу о несостоятельности и ненужности данного понятия в науке, назвав данную характеристику криминалистическим фантомом⁶. Поддерживая и развивая эту точку зрения, сторонники указанной позиции рассматривают криминалистическую характеристику лишь как «начальную эмпирическую форму обобщения следственной практики». В свою очередь, под типовой ИМП деятельности ученые понимают «информационную систему, построенную на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающей закономерные связи между элементами события преступления в сфере компьютерной информации, используемую для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений»⁷.

4. Разграничение понятий «КХП» и «ИМП».

Т. С. Волчецкая, разделяющая данную точку зрения, приводит следующие аргументы:

– типовая криминалистическая характеристика есть результат исследования, которое проводится на типовой модели преступлений определенного вида;

– исследователь строит обобщенную типовую модель криминального события на основе обобщения представительного количества уголовных дел с учетом выявленных им индивидуальных КХП; именно модель, а не типовую криминалистическую характеристику, в связи с тем, что для разработки достоверной, однозначно расцениваемой криминалистической характеристики с полученной информацией нужно провести ряд экспериментов (установление закономерностей и случайностей, определение корреляционных связей и т.д.), что с криминалистической характеристикой не производится;

– типовая криминалистическая характеристика является конечным продуктом модельного исследования, который используется следователем при построении индивидуальной ИМП криминального события и работы с ней в процессе конкретного практического расследования⁸.

На наш взгляд, основные разногласия по указанной проблематике во многом обусловлены:

1) неоднозначным толкованием термина «модель» в научных исследованиях (в различных областях знаний);

2) отсутствием учета исследователями типов моделей при разработке теоретических положений информационной модели криминального события.

Так, под моделью (франц. «modele», от лат. «modulus» - мера, образец) понимают: «1) мысленный или условный образ, аналог какого-либо объекта, процесса или явления, воспроизводящий в символической форме их основные типические черты; 2) формализованную теорию, на основе которой может быть сделан ряд предположений; 3) символическое изображение структуры, типа поведения и образцов взаимодействия в социальных процессах».

В философской литературе модель интерпретируется, например, как мысленно представляемая либо материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его таким образом, что ее изучение позволяет получить новую информацию о данном объекте⁹. В логике модель определяется как «условный наглядный аналог (в виде образа, схемы, физической конструкции и т.п.), воспроизводящий в более простом, схематическом, уменьшенном виде структуру, свойства исследуемого объекта»¹⁰ и др. (Разноаспектное толкование указанного термина в указанных науках обусловило и различную его интерпретацию в криминалистических научных исследованиях).

Обобщая вышеизложенные положения, полагаем возможным сформулировать определение понятия модели как материально или теоретически (идеально) созданной системы, предназначенной заменить или представить объект исследования в процессе познания.

По нашему мнению, выведение из понятийно-терминологического аппарата такой научной категории, как КХП, является преждевременным и нецелесообразным. Правильная характеристика преступления является залогом успешного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела.

1 Островский О. А. Принцип объектной декомпозиции в систематизации идентификационных кодов, характеризующих преступлений в сфере компьютерной информации // Полицейская деятельность. 2017. № 3. С. 10-18.

2 Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1. С. 16-22.

3 Лаврухин С. В. Значение криминалистических характеристик преступлений // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1 (29). С. 66-73.

4 Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Мн.: Амалфея, 2001. 304 с.

5 Криминалистика: учебник: в 2 т. Т 1 / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 511 с.

6 Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. С. 220-224.

7 Крестовников О. А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики: монография / под общ. ред. В. Я. Колдина. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 87.

8 Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н. П. Яблокова. Калининград: Янтарный сказ, 1997. С. 136-137.

9 Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л.: Наука, 1966. С. 19.

10 Кондаков Н. И. Введение в логику. М.: Наука, 1967. С. 205.

Выделяют различные виды характеристик преступления: уголовно-правовую, криминологическую, криминалистическую и др. Их отличия заключаются в целях, содержании и объеме характеризующих данных, обусловленных их назначением. Учитывая, что данные характеристики представляют собой теоретически созданные системы знаний, которые позволяют представить объект исследования (а именно преступление) в процессе познания, они по праву относятся к идеальным информационным моделям.

Таким образом, формулируя общее понятие, отражающее его суть, КХП определим как ИМП, содержащую теоретически созданную систему знаний о закономерных взаимосвязях между элементами криминального события, которая позволяет представить объект исследования (преступление) в процессе расследования.

Разделяя мнение ученых второй группы по исследуемой проблематике, наряду с этим отметим, что в данных научных работах создание положений КХП рассматривается в традиционном аспекте, а именно с позиции создания модели на основе изучения эмпирического материала. В то же время вне поля зрения авторов остались теоретические вопросы формирования ИМП, отражающей технологию установления взаимосвязей между элементами криминального события при расследовании уголовного дела. Однако если по смысловому содержанию рассматриваемые понятия отождествляются, то, соответственно, и вопросы, касающиеся построения второй указанной модели, должны найти свое отражение в рамках КХП.

В связи с этим, на наш взгляд, при разработке теоретических основ КХП необходимо учитывать (разграничивать) типы моделей, а именно описательный и динамический.

Например, в теории принятия решений выделяют описательные (дескриптивные) и динамические модели. Дескриптивные модели предназначены для описания и объяснения наблюдаемых фактов или прогноза поведения объектов¹¹. Построение данных моделей основано на эмпирических наблюдениях, содержащих ограниченное количество элементов и объясняющих в упрощенной форме существование экономических соотношений в реальном мире. Такие модели создают основу для построения более сложных моделей¹². В отличие от описательной, под динамической моделью понимают теоретическую конструкцию, которая описывает изменение (динамику) состояний объекта и может включать в себя описание этапов или диаграмму состояний подсистем¹³.

Представляется, что данные положения необходимо использовать и при разработке типов информационных моделей преступления в сфере компьютерной информации (типов КХП).

Определения типов ИМП (в общем понимании), применяемых в криминалистике, можно сформулировать следующим образом:

1) описательная ИМП - теоретически созданная система (конструкция), содержащая описание характеристик элементов криминального события и их взаимосвязи между собой, основанная на эмпирических наблюдениях;

2) динамическая ИМП - теоретически созданная система (конструкция), содержащая описание элементов криминального события и технологии установления взаимосвязей между ними в процессе расследования преступления в сфере компьютерной информации.

При выработке теоретических положений динамической ИМП могут быть использованы в качестве исходных данных сведения, содержащиеся в описательной ИМП. При расследовании конкретного криминального события данные модели возможно использовать как самостоятельно (независимо друг от друга), так и в комплексе. По данному вопросу Л. И. Лопатников отмечает: «комплекс моделей - это совокупность моделей, предназначенных для решения одной сложной задачи, каждая из которых описывает ту или иную сторону моделируемого объекта либо процесса на своем соответствующем этапе». Если же модели связаны так, что результаты одних оказываются исходными данными для других и т.д. до получения общего результата, комплекс моделей обращается в систему моделей¹⁴.

Анализ криминалистической литературы показывает, что наиболее разработанными в науке являются вопросы построения описательной ИМП (в рамках различных ее родов, видов, групп).

Отдельные описательные модели преступления в сфере компьютерной информации успешно используются в практической деятельности. В качестве примера укажем используемую в Нижегородской области компьютерную программу «ФОРВЕР», применяемую, в частности, при расследовании уголовных дел, предусмотренных статьей 105 и частью 4 статьи 111 УК РФ. Одним из важных целевых направлений использования данной программы является установление криминалистически значимых признаков вероятного преступника и определение круга подозреваемых в совершении расследуемого криминального события. В основе программы заложена система данных КХП (модели описательного типа)¹⁵.

Вместе с тем в настоящее время теоретические вопросы технологии выявления взаимосвязей между элементами криминального события при расследовании уголовного дела в подавляющем большинстве базируются на эмпирических наблюдениях о данных взаимосвязях. Однако эти сведения не должны составлять теоретическую основу динамической модели. Как было указано ранее, данные описательной модели возможно использовать при ее построении лишь в качестве исходных данных.

Отсутствие четкого разграничения типов моделей при разработке, например, КХП отдельного вида преступления также обусловило возникновение такой ситуации, когда отдельные исследователи при формировании теоретических основ описательной модели преступления в ее содержание включают некоторые вопросы, относящиеся к построению динамической модели.

Несмотря на то, что по своим основным структурным элементам (компонентам) описательная и динамическая модели имеют сходство (предмет преступного посягательства; способ преступления; обстановка, следы криминального события; лицо, совершившее преступление; потерпевший и т.д.), для

11 Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003. С. 78.

12 Трофимова Л. А., Трофимов В. В. Управленческие решения (методы принятия и реализации): учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2011. С. 46-48.

13 Неймарк Ю. И., Коган Н. Я., Савельев В. П. Динамические модели теории управления. М.: Наука, 1985. С. 283-392.

14 Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003. С. 147-148.

15 Толстолуцкий В. Ю., Казарян К. С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 242-246.

установления взаимосвязей между данными элементами используются различные методы, применение которых определяется содержанием данных моделей.

Основным методом, используемым при построении любой модели, является моделирование. Данный метод применяется в совокупности с иными методами, выбор которых определяется типом модели. Так, при построении описательной ИМП используются также методы, направленные на разработку описательной характеристики ее элементов и их взаимосвязей между собой (например, статистические методы в данном случае занимают центральное место в исследовании).

Основа же теоретических положений динамической модели базируется на применении методов, позволяющих разрешить вопрос о том, каким образом возможно установить данные взаимосвязи в расследовании уголовного дела. комплекс методов, используемых при построении данного типа модели, намного шире и может включать в себя также, например, логические, психологические методы с целью изучения поведения лица, совершившего преступление, и, как следствие, установления его свойств, состояний, а также их взаимосвязи с иными компонентами модели (способом преступления, потерпевшим и т.д.).

Иными словами, если результат описательной модели строится исходя из характеристики факта, то динамическая модель определяется не фактом, а целью.

Определяя место КХП в системе криминалистической науки, укажем, что общетеоретические вопросы, на наш взгляд, должны разрабатываться в общей теории криминалистики как частная теория, подсистемами которой будут являться типы указанных моделей. В криминалистической методике данные положения будут являться основой для выработки криминалистической характеристики родов, видов, групп преступлений.

Говоря о криминалистической характеристике конкретного преступления в сфере компьютерной информации, существование которой в некоторых работах ставится под сомнение либо небесспорно интерпретируется (в частности, отождествляется с информационной моделью расследованного преступления), отметим следующее. При разработке описательной модели, например, вида преступления сведения об элементах криминального события, полученные в ходе изучения конкретного уголовного дела, используются для формирования эмпирической базы, на основе которой с использованием соответствующих методов ученый выявляет взаимосвязи между указанными элементами и, соответственно, создает модель. Динамическая же модель конкретного преступления в сфере компьютерного преступления строится непосредственно в процессе расследования практическим работником.

Таким образом, в целях разрешения проблемы соотношения понятий «КХП» и «ИМП» предлагается:

1) рассматривать криминалистическую характеристику преступления как информационную модель преступления в сфере компьютерной информации, при разработке ее положений разграничивать описательные и динамические типы моделей;

2) применять данные описательной модели в качестве исходных начал при создании теоретических положений динамической информационной модели преступления в сфере компьютерной информации; в процессе расследования криминального события указанные модели использовать как в комплексе, так и независимо друг от друга;

3) различать методологию построения информационных моделей преступления в зависимости от их типа;

4) учитывать типы моделей, а также уровень общности понятия «криминалистическая характеристика преступления» при определении ее места в системе науки.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянова Т. В., Белкин, Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2000. 990 с.
2. Аксенова-Сорохтей Ю. Н. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. С. 26.
3. Багутдинов Р. А. Исследование новейших технологий в средне-профессиональном образовании // В сборнике: Актуальные задачи педагогики Материалы VI Международной научной конференции. 2015. С. 141-143.
4. Багутдинов Ф. Н., Мухаметшин А. Р. Актуальные вопросы ответственности за правонарушения экстремистской направленности, совершаемые в сети интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 2 (28). С. 47-51.
5. Багутдинов Р. А. Гносеологические аспекты к определению назначения состава СТЗ в задачах проектирования и разработки робототехнических комплексов // Программные системы и вычислительные методы. 2017. №3 С. 39-45
6. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1. С. 16-22.
7. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. 240 с.
8. Бромби М. Защита от преступности: технологии обнаружения и предупреждения преступности // Международный обзор права Компьютеры и технологии, 2006. С. 1-5.
9. Быков В. М. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы.-М.: Юрлитинформ, 2015.
10. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: ЛексЭст, 2002.
11. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: Дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, Волгоградская академия МВД РФ, 2009.
12. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н. П. Яблокова. Калининград: Янтарный сказ, 1997. 248 с.
13. Гаврилов М. В., Иванов А. Н. Осмотр места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / Учебное пособие-Саратов: изд. ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004 г., С. 168
14. Гармаев Ю. П. Современные информационные технологии в механизме внедрения межотраслевых средств противодействия преступности // Юридическое образование и наука. 2014. № 4. С. 28-33.
15. Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений / Российский следователь. 2016. №2 С. 6-12.

16. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Мн.: Амалфея, 2001. 304 с.
17. Каратаев О. Г., Пашенко Е. Г. Криминалистическая информатика // Радиоэлектроника и связь. М.: Знание, 1991. С.61.
18. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185) [рус., англ.] (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=13526#0> (дата обращения: 08.07.2017).
19. Кондаков Н. И. Введение в логику. М.: Наука, 1967. 466 с.
20. Криминалистика: учебник: в 2 т. Т 1 / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. 511 с.
21. Крестовников О. А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики: монография / под общ. ред. В. Я. Колдина. М.: Юрлитинформ, 2013. 272 с.
22. Курушин В. Д., Минаев В. А. Компьютерные преступления и информационная безопасность: Справочник. М.:Юрист, 1998. 256 с.
23. Лаврухин С. В. Значение криминалистических характеристик преступлений // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1 (29). С. 66-73.
24. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003. 520 с.
25. Мельников В. Р. Защита информации в компьютерных системах. М.: Финансы и статистика, Электроинформ, 1997.
26. Менжега М. М. Информационное взаимодействие работников правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере высоких технологий // Саратовская государственная юридическая академия: Юридические науки. 2012. № 10. С. 20. DOI: 10.18454/IRJ.2227-6017.
27. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: Дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2001.
28. Неймарк Ю. И., Коган Н. Я., Савельев В. П. Динамические модели теории управления. М.: Наука, 1985. 400 с.
29. Никитина А. В., Варданян А. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий: Курс лекций по специальности «Юриспруденция». Саратов: СЮИ МВД России, 2007.
30. Островский О. А. Графологический метод гносеологической направленности на стыке между философией, психологией и криминалистики // В сборнике: Молодая наука 2017 материалы I Международной научно-практической конференции теоретических и прикладных разработок молодых ученых. 2017. С. 11-16.
31. Островский О. А. Принцип объектной декомпозиции в систематизации идентификационных кодов, характеризующих преступлений в сфере компьютерной информации // Полицейская деятельность. 2017. № 3. С. 10-18.
32. Преступление в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание / Учебное пособие. Под ред. Ю. В. Гаврилина. М.: ЮИ МВД РФ, 2003.
33. Проект резолюции Генеральной ассамблеи ООН (от 18.12.2013 г.). № 68/167 Право на неприкосновенность личной жизни в цифровую эпоху. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawtrend.org/pdf-viewer?file=http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения 08.07.2017).
34. Россинская Е. Р. Проблемы становления компьютерно-технической экспертизы как нового рода инженерно-технических экспертиз / Криминалистика в XXI веке, М.: ГУ ЭКЦ МВД РФ, 2001 г. С. 262.
35. Толстолицкий В. Ю., Казарян К. С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 242-246.
36. Трофимова Л. А., Трофимов В. В. Управленческие решения (методы принятия и реализации): учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. 190 с.
37. Федоров В. Компьютерные преступления: выявление, расследование и профилактика // Законность. 1994. № 6. С. 12.
38. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л.: Наука, 1966. 301 с.
39. Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. М.: Юрист, 2003. 639 с.
40. Ханджанов Н. К. К вопросу об организации профилактической деятельности в экспертных учреждениях // Вопросы судебной экспертизы. Баку: АНИИСЭ, 1967.
41. Хантон П. Этапы исследований в области киберпреступности: преодоление разрыва между экспертизой технологий и правоохранительными органами // Компьютерное право и безопасность. 2011. № 27. С. 61-67.
42. Яковлев А. Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных магнитных носителях информации. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, СЮИ МВД РФ, 2000.

ДАВЛЕТОВ Алмаз Ильмарович

аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАДАЧИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ»

Основываясь на анализе существующего законодательства, в данной статье были представлены основные типы значений экстремистских материалов. Для каждого типа значений могут быть выявлены лингвистические маркеры, факт наличия или отсутствия которых, эксперт-лингвист должен установить. Рассмотрены сложные экспертные ситуации выявления диагностических признаков текста, даны пути решения спорных вопросов, предложены варианты выводов эксперта-лингвиста в зависимости от результатов прохождения сравнительного этапа диагностической стадии – эти вопросы имеют большое практическое значение для следователей, судей и экспертов-лингвистов.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские материалы, лингвистическая экспертиза, специальные знания, заключение эксперта.

DAVLETOV Almaz Ilmarovich

postgraduate student of Criminology sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University

SOME EXPERT TASKS OF LINGUISTIC RESEARCH "EXTREMIST MATERIALS"

Based on the analysis of existing legislation, this article presented the main types of values of extremist materials. For each type of values can be identified linguistic markers, the presence or absence of which expert linguist needs to install. The expert addressed the complex situation of identifying diagnostic features of the text, this way of resolving disputes, and the options of the conclusions of the expert linguist, depending on the result of the passage of the comparative phase of the diagnostic stage, these questions are of great practical significance for investigators, judges and experts-linguists.

Keywords: extremism, extremist materials, linguistic expertise, specialized knowledge, expert opinion.

Основная задача судебной лингвистической экспертизы заключается в установлении наличия или отсутствия в тексте специальных признаков – лингвистических маркеров определенного типа значения. На основании анализа существующего законодательства Российской Федерации по вопросам экстремистских преступлений можно выделить следующие типы значений «экстремистских материалов»:

1. Призыв к определенным действиям;
2. Пропаганда определенных взглядов – негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности человека по признаку, указанному в вопросе к эксперту;
3. Разжигание, возбуждение розни (вражды, ненависти) по названным в вопросе к экспертам признакам;
4. Унижение человеческого достоинства по названным в вопросе к экспертам признакам;
5. Обвинение лица, названного в вопросе к экспертам, в действиях, указанных в вопросе;
6. Оправдание действий и взглядов, названных в вопросе;
7. Угрозы применения насилия в отношении лиц, названных в вопросе к экспертам.

Рассмотрим содержание стадий судебной лингвистической экспертизы «экстремистских материалов». Подготовительная стадия судебной лингвистической экспертизы такого рода материалов строится на общих для лингвистической экспертизы принципах. Считаю, будет целесообразным более подробно остановиться на проведении диагностической стадии, на которой проводится лингвистический анализ, выявленные в ходе которого лингвистические признаки далее сопоставляются с диагностическим эталоном. Сравнительный этап при решении каждой конкретной задачи имеет свою специфику, поскольку каждая экспертная задача различает-

ся совокупностью диагностических признаков, выраженных в объекте. Рассмотрим проведение сравнительного этапа для каждой из основных задач. Попробуем сформулировать, какие лингвистические маркеры должны быть найдены экспертом-лингвистом в исследуемом объекте на аналитическом этапе проведения судебной лингвистической экспертизы.

– Установление признаков пропаганды взглядов. Одним из видов экстремистских речевых действий является пропаганда негативного отношения к группе лиц, пропаганда исключительности, превосходства, неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. Значение данного типа состоит из признаков цели «убеждение» и признаков самих взглядов – эти взгляды являются гиперидентичными, то есть отражают стремление представителей какой-либо группы к доминированию. Убеждение – побуждение адресата к изменению точки зрения. Особое внимание здесь следует обратить на имплицитные (скрытые) способы выражения побуждения, а именно, формат общения, жанр текста, использование частиц «ведь», «же» и т.д. Мнение, которое выражает и формирует текст у адресата, должно отражать гиперидентичный взгляд на предмет речи. Типичный для гиперидентичной точки зрения набор высказывания: *Они всегда грабили наш народ. Посмотрите, сколько среди их представителей миллионов. Сколько еще можно терпеть?! Все они такие тупые, даже языка выучить не могут!*¹

– Установление признаков призыва к действиям. Можно констатировать, что призыв носит комплексный характер,

1 Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011. С. 218-219.

так как содержит двойное побуждение. С одной стороны, это убеждение адресата в необходимости для него совершения неких действий, то есть побуждение к принятию мнения о их необходимости, направленное на формирование готовности к действиям. С другой стороны, это сообщение адресату, что говорящий хочет, чтобы тот совершил описанные действия, то есть побуждение к их совершению. Общий признак содержания рассматриваемых призывов – отражение некоего конфликта и направленность действий, к которым призывает автор, против одной из сторон. В большинстве экстремистских призывов имеются признаки гиперидентичности взгляда, когда необходимость совершения действий против человека мотивируется его принадлежностью к определенной группе.

При выраженности призыва эксперт-лингвист должен проверить, на что именно направлен призыв – на совершение действий или признания мнения правильным. Законодатель подразумевает под призывом именно побуждение к действию, побуждение к мнению (убеждение) соответствует понятию пропаганды.

*Выгнать евреев с телеканалов!*¹²

*Нет китайской оккупации! Объявим бойкот китайским гастарбайтерам!*¹³

– Установление признаков оправдания действий. Типичное содержание оправдательных высказываний составляет описание особых обстоятельств, делающих негативно оцениваемые обществом действия целесообразными, оправданными. К таким обстоятельствам можно отнести следующие:

– вынужденный характер действий: поборы, коррупция, безработица, безразличие властей не оставили чеченским патриотам иного выхода, как бороться любыми способами, пусть даже противозаконными и террористическими.⁴

– наличие высшей цели (высшая вера, истинная вера);

– эффективность (это самый эффективный способ).

– Установление признаков унижения или оскорбления.

Здесь имеется в виду унижение по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе и оскорблению религиозных чувств. При решении этой задачи важно установить, проявляется ли в тексте такая враждебная речевая эмоция, как презрение, следствием выражения которой и является чувство унижения или оскорбления. Главный признак речевого презрения – выражение превосходства по отношению к чужой группе. Одним из способов выражения речевой эмоции «презрение» будет проявление речевого неуважения.

Важно помнить, что законодатель запрещает именно целенаправленные, осознанные действия, направленные на унижение человека. Поэтому необходимо установить, является ли высказывание предметом сознательной речевой деятельности, или же это результат некорректного речевого поведения, например, когда говорящий сохраняет привычный, «внутригрупповой», способ не сдерживаясь говорить о предмете, или

высмеивает предмет в целях его сатирического и юмористического изображения.

Бей черных! Бей хачей!⁵

– Установление признаков обвинения лица в действиях, указанных в вопросе. Законодатель подразумевает здесь ложное обвинения лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ и являющихся преступлением.⁶ В данной задаче в компетенцию эксперта входит установление только наличия или отсутствия обвинения, того, кому адресовано обвинение, того, в чем именно объявляет автор это лицо. Эксперт-лингвист не устанавливает истинность или ложность высказывания, заведомую ложность, статус лица, которое обвиняется, а также то, являются ли названные в тексте деяния экстремистскими.

– Установление признаков угрозы применения насилия. Здесь важно установить, идет ли речь о насильственных действиях. Эта экспертная задача может быть осложнена следующими элементами: Автор не говорит о себе, как об исполнителе угрозы, в таком случае необходимо установить его заинтересованность в отказе от действия, от которого он предостерегает адресата. Последствия отказа не охарактеризованы, их насильственный характер требует обоснования – это предупреждение типа «вам будет плохо». В таком случае, если он не сопровождается пояснениями о последствиях, то оно обычно используется в функции угрозы насильственных действий.

– Установление признаков возбуждения розни, вражды, ненависти. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» действия, направленные на возбуждение, – это, в первую очередь, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. В основе этого значения возбуждения розни, вражды, ненависти лежит публичное выражение враждебного отношения к группе лиц, то есть проявление гиперидентичного взгляда на нее. Это отношение может просто демонстрироваться, а может сочетаться с побуждением к нему адресата, то есть с убеждением, с призывами к действиям, с угрозами в ее адрес. Остановимся более подробно на описании признаков гиперидентичности взглядов автора текста. Если в тексте автору говорит только о своей группе, о ее превосходстве, объявляет так называемую монополию на истину, это свидетельствует о гиперидентичном отношении к представителям других религий. Чаще всего утверждения такого типа встречаются в религиозных текстах. Здесь стоит обратить внимание на разграничение пропаганды исключительности самой религии и пропаганду исключи-

2 Стернин И. А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе. Воронеж, 2010. С. 15.

3 Заключение комиссии специалистов-лингвистов от 18.12.2007 г. № 98/12-07. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/>.

4 Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011. С. 228.

5 Заключение комиссии специалистов-лингвистов от 25.02.2011 г. № 096. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/>.

6 О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114 ФЗ (с измен. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

тельности качеств людей, исповедующих эту религию. Только второе будет содержать признаки гиперидентичности.

*Мусульмане – самые порядочные, честные люди.*⁷

Признаки гиперидентичного отношения к другой группе присутствуют и в выражениях утверждения наличия у своей группы особых свойств, преимуществ, качеств, в таких текстах, как правило, заявляется о необходимости особого отношения к представителям своей группы. Также в таком тексте обязательно имплицитно присутствует и информация об отношении к другой группе – по качествам, по правам, по значимости она оценивается как неравная.

*Мы самые лучшие! Россия для русских!*⁸

Эксперт-лингвист может столкнуться и с такой экспертной ситуацией, когда выявление гиперидентичности затруднено. Например, когда автор не солидаризируется ни с одной из групп, и противопоставление мы или они в тексте в явном виде не выражено. Такие случаи часто сопровождаются декларацией нейтральности и объективности автора. Типичные случаи: описание негативных особенностей группы. В такой ситуации эксперт должен обратить внимание на то, что сообщает автор текста о причинах негативных особенностей. Если автор утверждает, что причины кроются в моральной и пр. неполноценности представителей группы, а не в объективных обстоятельствах, то можно говорить об гиперидентичном отношении автора к группе.

Проведя правовой анализ российского законодательства в части, касающейся экстремизма, нам удалось определить содержание таких понятий, как «экстремистская деятельность», «экстремистские материалы», «преступления экстремисткой направленности». На основе указанных выше понятий было сформулировано определение «словесного экстремизма», что позволило установить языковые и лингвистические критерии, на основе которых полагается возможным проведение судебной лингвистической экспертиза экстремистских материалов.

Значение заключения судебной лингвистической экспертизы экстремистских текстов, выполненного профессиональным экспертом-лингвистом, трудно переоценить, ведь фактические данные, полученные путем экспертного исследования, не могут быть отражены ни в каком другом процессуальном документе, кроме заключения эксперта. И хотя в соответствии с процессуальным законодательством экспертное заключение не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и по общему правилу должно оцениваться в совокупности с ними, роль его в установлении истины по такой категории дел, как преступления экстремисткой направленности, значительна.⁹

Пристатейный библиографический список

1. Заключение комиссии специалистов-лингвистов от 18.12.2007 г. № 98/12-07. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/>.
2. Заключение комиссии специалистов-лингвистов от 25.02.2011 г. № 096. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/>.
3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114 ФЗ (с измен. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
4. Россинская Р. Е. Становление и развитие судебно-лингвистической экспертизы. // Юстиция. 2005. № 3.
5. Стернин И. А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе. Воронеж, 2010. С. 20.
6. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011. С. 330.

⁷ Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011. С. 235.

⁸ Там же

⁹ Россинская Р. Е. Становление и развитие судебно-лингвистической экспертизы // Юстиция. 2005. № 3. С. 20.

МУНАТОВ Михаил Сергеевич

аспирант Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации, заместитель руководителя отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье представлен взгляд на криминалистическую классификацию ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: ненадлежащее оказание медицинской помощи, ятрогенные преступления, расследование преступлений, классификация криминалистических методик расследования, криминалистическая классификация преступлений.

MUNATOV Mikhail Sergeevich

postgraduate student of the Moscow Academy of Investigative Committee of Russian Federation, Deputy Head of the Criminology Department of the Investigation division of Investigative Committee of the Russian Federation in the Irkutsk region

Мунатов М. С.

TO THE ISSUE OF CRIMINALISTICS CLASSIFICATION OF IATROGENIC CRIMES

The article presents view of the criminalistics classification of iatrogenic crimes.

Keywords: inadequate medical care, iatrogenic crimes, investigation of crimes, classification of forensic methods of investigation, forensic classification of crimes.

В последнее время особое внимание уделяется проблемам рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел о ятрогенных преступлениях¹. Отмечается стабильный рост количества как поступивших обращений граждан в правоохранительные органы, иные органы государственной власти и контролирующие органы по фактам некачественного оказания медицинской помощи, так и количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности. При этом расследование уголовных дел данной категории отличается значительной сложностью.

С учетом сложившейся практики к ятрогенным преступлениям, в основной массе относятся преступные деяния, предусмотренные ч.2, 3 ст. 109, ст. 110, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 1, 2 ст. 124 ст. 125, ст. 235, ст. 238, ч. 2, 3 ст. 293 УК РФ. Для грамотного применения приведенных статей УК РФ, верной квалификации и качественного расследования преступлений необходимо разделить их на группы, то есть классифицировать по выбранному основанию. Вопрос о выборе основания классификации частных криминалистических методик и криминалистической классификации преступлений находит свое разрешение во многих работах ведущих специалистов в области криминалистики.

Вместе с тем, с учетом количества возбуждаемых уголовных дел и поступающих сообщений о преступлениях в настоящее время сложно говорить о том, что современной криминалистикой изучена и надлежащим образом разработана криминалистическая классификация ятрогенных преступлений, серьезные классификационные исследования указанных преступлений не проводилась. И это несмотря на то, что классификационный метод является одним из важнейших

средств криминалистического изучения преступной деятельности. Благодаря таким классификационным исследованиям формируется наиболее полная система криминалистических понятий и терминов, характеризующих преступление как объект криминалистического познания, появляется понимание для последующих научных исследований преступлений отдельных видов, разработки практических рекомендаций по их расследованию².

Стоит отметить, что в медицинской науке принимаются меры к классификации ятрогении (в понимании согласно Международной классификации болезней - 10)³. Так, с точки зрения медико-страховой оценки предлагается все ятрогенные ситуации классифицировать по трем вариантам: несчастный случай, реализованный риск, медицинская ошибка. Последнюю, в свою очередь, предлагается рассматривать как заблуждение, упущение, небрежность. При этом нельзя отождествлять понятия «ятрогения» и «врачебная ошибка», поскольку первая часто является запрограммированным элементом медицинского вмешательства. Однако, когда причиной ятрогении являются неосторожные или неправильные действия медицинского персонала, она трактуется как медицинская ошибка⁴.

Имеет место точка зрения, что с целью систематизации и правильной оценки ятрогений по категориям и их медико-страховой квалификации необходима комплексная характеристика по нескольким позициям.

По механизму действия можно выделить прямые (медицинская травма), опосредованные (лекарственная болезнь) и

1 Бастрыкин А. И. Противодействие преступлениям, совершаемым медицинскими работниками: проблемы и пути их решения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1. С. 11-14.

2 Головин А. Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 31-40.
3 Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: десятый пересмотр. Женева, 1995.
4 Беликов Е. С. // Архив патологии. 1998. № 4. С. 50-51; Горобий В. Д. // Архив патологии. 2006. № 1. С. 52-54.

комбинированные ятрогении. По времени реализации ятрогении можно разделить на одномоментные, пролонгированные (реализовавшиеся в течение двух месяцев) и отдаленные (реализовавшиеся после двух месяцев от момента вмешательства). По патогенезу следует выделить реализовавшиеся, усугубляющие (течение другой болезни) и инертные (не сыгравшие существенной роли в танатогенезе) ятрогении. Указанные классификационные категории демонстрируются следующими примерами.

1. Удаление фрагмента тонкой кишки с целью похудения у женщины 40 лет. Смерть через 5 лет от алиментарной кахексии – резкого уменьшения массы тела (Прямая отдаленная реализовавшаяся ятрогения, медицинская ошибка).

2. Выраженная лейкопения (уменьшение содержания в крови количества лейкоцитов) с агранулоцитозом у мужчины 58 лет, длительное время принимавшего психотропные препараты. Смерть от гнойного парапроктита, осложнившегося сепсисом (Опосредованная отдаленная усугубляющая ятрогения, реализованный риск).

3. Неконтролируемый прием фуросемида с целью снижения веса женщиной 26 лет с развитием тетрапареза и гипокалиемического паралича сердца (Прямая одномоментная реализовавшаяся ятрогения, самолечение).

4. Нагноившийся пролежень легкого в области стояния плеврального дренажа и сепсис на фоне иммунодефицита, индуцированного химиотерапией по поводу ошибочно диагностированного рака легкого у женщины 47 лет. (Комбинированная – прямая и опосредованная – пролонгированная реализовавшаяся ятрогения, медицинская ошибка)⁵.

На основе классической криминалистической классификации преступлений, по нашему мнению, можно выделить следующие основные группы и виды классификаций ятрогенных преступлений⁶:

К первой группе возможно отнести криминалистические классификации преступлений, связанные со способом их совершения и сокрытия.

1. По содержанию способа совершения преступления:

– деяния, совершаемые путем активных действий (хирургическое вмешательство, принятие родов и т.д.);

– деяния, совершаемые путем воздержания от активных действий (бездействия) (например, неоказание помощи больному);

– деяния, в способе совершения которых присутствуют как бездействие, так и активные действия (примером могут служить ситуации, когда на протяжении продолжительного времени медицинским работником не оказывается необходимая помощь, игнорируются имеющиеся показания к применению тех или иных лекарств, процедур и т.д., а при возникновении осложнений с явным опозданием во времени начинается активное оказание медицинской помощи).

2. По времени реализации способа совершения преступления:

– кратковременные (разовое оказание помощи, например, при экстренной операции, оказании медицинской помощи при вызове бригады скорой помощи и т.д.);

– длительно (к данному виду возможно отнести случаи длительного наблюдения пациента медицинским работником, при этом допускающим ненадлежащее оказание медицинской помощи, не диагностирование имеющихся заболеваний, оказание лечения от заболеваний, которых фактически не имеется у пациента).

Во вторую группу можно включить криминалистические классификации преступлений, связанные с субъектом их совершения.

1. По количественному признаку выделяют преступления:

– совершенные одним лицом (врач-хирург, врач-акушер-гинеколог, терапевт и т.д.);

– групповые, при участии двух и более лиц (к данному виду следует отнести случаи, при которых лицу оказывается ненадлежащая медицинская помощь группой медицинских работников как одновременно, так и с разрывом во времени).

2. Исходя из профессиональной характеристики субъектов преступлений можно выделить преступления, совершаемые медицинскими работниками по различным направлениям (хирургия, педиатрия, неонатология, акушерство, гинекология и т.д.).

3. Исходя из наличия должностного статуса субъекта можно выделить преступления, совершенные должностными лицами (главные врачи медицинских учреждений, их заместители, заведующие отделениями, иными структурными подразделениями), и совершенные лицами, не обладающими признаками должностного лица (соответственно к данной категории относятся все врачи, средний и младший медицинской персонал и т.д.).

К третьей группе стоит отнести криминалистические классификации преступлений, связанные с потерпевшим.

1. Можно выделить преступления в зависимости от социальной, психологической и профессиональной характеристики потерпевших, а именно:

– несовершеннолетних. При этом, несовершеннолетних также возможно подразделить на подгруппы: детей старше 14 лет, малолетних, новорожденных;

– женщин, с делением на подгруппы: пожилые, среднего возраста молодые, беременные, и т.д.

– мужчин.

2. по количеству потерпевших:

– преступление, совершенное в отношении одного лица;

– преступление, совершенное в отношении нескольких лиц (примером может служить случай причинения смерти как роженице, так и новорожденному ребенку при принятии родов врачом акушером-гинекологом).

К четвертой группе следует отнести криминалистические классификации преступлений, связанные с субъективной стороной преступления.

Так, по форме вины преступления подразделяются на умышленные и неосторожные. К умышленным, например, стоит отнести преступления, предусмотренные ст.ст. 124, 238 УК РФ, к неосторожным соответственно ст. ст. 109, 118, 293 УК РФ и т.д.

К пятой группе можно отнести уголовно-правовую классификацию преступлений, основанную по принципу расположения глав и разделов в УК РФ. По мнению Р.С. Белкина, уголовно-правовая классификация преступлений является основополагающей при выборе классификации криминали-

5 Каминский Ю. В., Тимошенко В. С. Ятрогении: классификация, категории, рубрификация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.vgmu.ru/Files/Journal/pmj_2007_1_12.pdf.

6 См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: От теории к практике. М., 1988; Васильев А. Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976; Возгрин И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976; Криминалистика: учебник для студентов вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]. Электрон. текстовые данные. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 943 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/7022>. ЭБС «IPRbooks» и др.

стических методик расследования преступлений, «что лишь один раз доказывает наличие различных и самых тесных связей криминалистической методики с уголовным правом»⁷. То же самое касается и криминалистической классификации преступлений.

По данному критерию исследуемые преступления можно классифицировать на:

1. Преступления, посягающие на жизнь и здоровье граждан (ч.2, 3 ст. 109, ст. 110, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 1, 2 ст. 124 ст. 125 УК РФ).

Так, например, гражданка Ф., являясь палатной медицинской сестрой ОГБУЗ «Заларинская районная больница», не надлежаще исполнила свои профессиональные обязанности, и вследствие небрежного к ним отношения по её неосторожности наступила смерть малолетнего Е. Действия медицинской сестры были квалифицированы по ч. 2 ст. 109 УК РФ⁸.

2. Преступления, против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 235, ст. 238 УК РФ).

В пример возможно привести ситуацию, в которой Усть-Ишимским районным судом гражданин Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ. Так, Н. являясь врачом, достоверно зная, что в соответствии с требованиями приказа Минздрава России от 07.07.2009 № 415н «Об утверждении Квалификационных требований к специалистам с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения» он не имеет подготовки врача-инфекциониста, не обладающий необходимым объемом медицинских знаний и практических навыков по специальности врача-инфекциониста, находясь в инфекционном отделении больницы, оказал медицинскую услугу Ф. ненадлежащего качества. После перевода Ф. из инфекционного отделения в палату реанимации и интенсивной терапии больницы. Н. являясь врачом, оказал несовершеннолетнему Ф. медицинскую услугу ненадлежащего качества с рядом дефектов. В отделении реанимации и интенсивной терапии больницы, от смешанной генерализованной вирусно-бактериальной инфекции, приведшей к тяжелому сепсису, полиорганной недостаточности и отеку головного мозга, наступила смерть Ф.⁹

3. Преступления, против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 293 УК РФ).

Примером может служить решение Отрадненского районного суда, согласно которому гражданин Е. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ. Так, Е., исполняя обязанности заведующего отделения больницы, при поступлении гражданина К. из преступной небрежности, не предвидя возможности наступления общественно-опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, в нарушение своей должностной инструкции, К. не осмотрел сам, и не поручил его осмотр никому из врачей-хирургов, диагноз больному не поставил, не-

обходимые исследования ему не назначил, тактику лечения не определил. В результате халатного бездействия Е., К. скончался в реанимационном отделении больницы¹⁰.

Перечисленные классификации не являются исчерпывающими, оставляют возможность для дальнейших криминалистических классификационных исследований ятрогенных преступлений. Предложенные классификации возможно расширить, дополнить и детализировать. Данная структура криминалистической классификации может оказать влияние на исследования типичных механизмов отдельных видов (лучше использовать данное понятие, мои научные взгляды немного трансформировались) ятрогенных преступлений и, соответственно, разработку методических рекомендаций по их расследованию.

Пристатейный библиографический список

1. Бастрыкин А. И. Противодействие преступлениям, совершаемым медицинскими работниками: проблемы и пути их решения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1. С. 11-14.
2. Беликов Е. С. // Архив патологии. 1998. № 4. С. 50-51.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: От теории к практике. М., 1988.
4. Васильев А. Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976.
5. Возгрин И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976.
6. Головин А. Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 31-40.
7. Горобий В. Д. // Архив патологии. 2006. № 1. С. 52-54.
8. Каминский Ю. В., Тимошенко В. С. Ятрогении: классификация, категории, рубрификация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.vgmu.ru/Files/Journal/pmj_2007_1_12.pdf.
9. Криминалистика: учебник для студентов вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]. Электрон. текстовые данные. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 943 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/7022>. ЭБС «IPRbooks» и др.
10. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: десятый пересмотр. Женева, 1995.
11. Постановление Заларинского районного суда Иркутской области по уголовному делу № 1-39/2016 // Архив Заларинского районного суда.
12. Приговор Отрадненского районного суда Краснодарского края по уголовному делу № 1/2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otradnensky.krd.sudrf.ru/>.
13. Приговор Усть-Ишимского районного суда Омской области по уголовному делу № 1-6/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ust-ishimcourt-oms.sudrf.ru/>.
- 7 Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: От теории к практике. М., 1988; Васильев А. Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976.
- 8 Постановление Заларинского районного суда Иркутской области по уголовному делу № 1-39/2016 // Архив Заларинского районного суда.
- 9 Приговор Усть-Ишимского районного суда Омской области по уголовному делу № 1-6/2016 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ust-ishimcourt-oms.sudrf.ru/>.
- 10 Приговор Отрадненского районного суда Краснодарского края по уголовному делу № 1/2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otradnensky.krd.sudrf.ru/>.

ИВАНОВ Святослав Игоревич

кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

НИКИТИНА Людмила Николаевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С КОНФИДЕНТАМИ

В статье авторы рассуждают над моральной и нравственной стороной негласного сотрудничества лиц с оперативно-розыскными органами. Рассматриваются психологические особенности мотивационной направленности конфиденентов. Акцентируется внимание на важности данного вида деятельности, общественной полезности и необходимости дальнейшего развития института содействия правоохранительным органам.

Ключевые слова: конфидененты, мораль, нравственность, мотивация, содействие оперативно-розыскным органам, оперативно-розыскная деятельность, деятельное раскаяние.

IVANOV Svyatoslav Igorevich

Ph.D. in Law, Head of Operational-investigative activities and special equipment sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

NIKITINA Lyudmila Nikolaevna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MORAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF WORKING WITH CONFIDANTS

In the article the authors dwell on the moral side of the secret cooperation of individuals with crime detection agencies. Psychological features of the motivational orientation of confidants are considered. Attention is focused on the importance of this type of activity, social utility and the necessity of further development of the institution of assistance to law enforcement agencies.

Keywords: confidants, morality, motivation, assistance to crime detection agencies, crime detection, active repentance.

Иванов С. И.

Никитина Л. Н.

«Только преступник может побороть преступление»
Эжен Франсуа Видок

Значение работы с конфиденентами в оперативно-розыскной деятельности признается как практиками, так и теоретиками. Даже некоторые сторонники процессуализации оперативно-розыскной деятельности склоняются к мнению о том, что именно работа с конфиденентами остается тем важным фактором, который сложно включить в плоскость уголовно-процессуальной деятельности и который подчеркивает самобытность оперативно-розыскной деятельности среди других форм борьбы государства с преступностью. Однако, несмотря на эффективность и значимость такой работы, у нее остается много критиков и противников именно с точки зрения морально-нравственного аспекта. Наряду с этим также актуальным и дискуссионным является вопрос мотивационной направленности лиц, содействующих органам внутренних дел, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность. Отметим, что проблемы морали, нравственности и мотивации конфиденентов актуальны и среди курсантов при изучении соответствующих тем по дисциплине «Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел», поэтому требуют выработки четкой позиции и от профессорско-преподавательского состава.

Отдельные вопросы морально-нравственных и психологических особенностей работы с конфиденентами изучали А. И. Алексеев, А. И. Башкирский, В. В. Борисенко, А. Ф. Возный, К. К. Горяинов, Д. В. Гребельский, Е. С. Дубоносов, В. Д. Игнатов,

Т. С. Клименко, А. Г. Лекарь, В. А. Середнев, Г. К. Синилов, В. С. Овчинский, Г. С. Човдырова, Ю. В. Чуфаровский и др.

Целью нашего исследования является анализ теоретических и прикладных аспектов работы с конфиденентами сквозь призму морально-нравственных и психологических особенностей этой деятельности.

Является ли конфиденент предателем? Можно ли назвать лицо, негласно сотрудничающее с оперативными подразделениями, доносчиком? Возможно ли провести параллель между работой такого человека и Иудой, предавшим Христа? Чем руководствуется в своих действиях конфиденент: идейно-патриотическими побуждениями, или материальной выгодой? Как мотивация влияет на качество выполняемой работы лицом, негласно сотрудничающим с органами?

Для поиска ответа на поставленные вопросы необходимо обратиться к историческому опыту и, прежде всего, к отечественному опыту работы оперативных подразделений, а также необходимо оценить существующую специфику работы конфиденентов с точки зрения ее правового регулирования и психологических особенностей личности, негласно сотрудничающей с оперативными подразделениями.

Во-первых, отметим, что результативность и успешность работы советских спецслужб в первую очередь основывалась на идейной убежденности лиц, сотрудничавших с оперативными подразделениями. Именно на основе идейных убеждений были привлечены к работе с советскими спецслужбами физики-ядерщики, помогавшие СССР создавать свою атомную бомбу. Идейная, а не материальная основа сотрудничества

была определяющей для многих конфиденнтов при принятии решения о помощи советским оперативным подразделениям в решении поставленных перед ними задач. И тут очень важно понимать, что выбор идеологии – это всегда выбор между добром и злом, духовным и материальным.

Отметим, что основой конфиденциального содействия правоохранительным органам является внутреннее побуждение человека, подкрепляющееся такими элементами психической деятельности, как сознание и воля, что, в свою очередь, формирует мотивационную направленность конфиденнта. Именно мотивация является центральным элементом психологической структуры оперативно-розыскной деятельности, которая детерминирует внутреннюю и внешнюю активность конфиденнтов. Мотивы сотрудничества могут быть самые разные. В оперативно-розыскной теории принято выделять такие источники мотивированного поведения конфиденнта:

- идейно-патриотические побуждения;
- материальная выгода или иная личная заинтересованность;
- зависимость конфиденнта от компрометирующих материалов.

Именно идейно-патриотические побуждения будут формировать у конфиденнта устойчивую мотивацию в оказании помощи правоохранителям. Индивид будет выполнять осознанные действия для удовлетворения своих морально-этических потребностей, не нуждаясь в каких-либо дополнительных подкреплениях (например, денежном вознаграждении). В то время, как материальная выгода или иная личная заинтересованность формируют неустойчивую мотивацию, в результате чего конфиденнту необходима постоянная поддержка, стимул извне. И в первом и во втором случаях конфиденнт выполнит поставленные перед ним задачи, но разница скорее всего будет заключаться в качестве сделанной работы.

Действительно, человек, работающий на основе материальной выгоды, рано или поздно придет к выводу, что, совершая корыстные преступления, он получит больше денег, нежели те суммы, которые будет за работу платить государство. Человек, работающий за деньги, работает на того, кто ему эти деньги платит, не беря во внимание моральную и нравственную стороны. Человек, работающий ради денег, никогда не будет рисковать жизнью или здоровьем, так как с точки зрения экономической целесообразности – это не выгодно и не оправдано. Поэтому привлечение к сотрудничеству на возмездной основе в менталитете наших граждан является не популярным, а чаще – оскорбительным. За деньги предавал Иуда.

Таким образом, гражданин, который сообщает властям о готовящемся или совершенном преступлении всего лишь выполняет свой гражданский долг, что является его непосредственной обязанностью, а человека, который намеренно доносит на ближнего с целью решить какие-то личные проблемы по праву можно называть стукачом¹.

Во-вторых, необходимо дать оценку тому, что в принципе является добром и злом с точки зрения общества. Оперативные подразделения органов внутренних дел, решая задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляют борьбу с преступностью. Что есть преступление с точки зрения норм морали и нравственности общества? Преступление – это общественно опасное, уголовно наказуемое деяние, то есть такое деяние, которое признано обществом вредным и недопустимым, соответственно, оно является олицетворением зла. Таким образом, борьба со злом является деятельностью общественно полезной и общественно необходимой. Осознание необходимости участия в такой борьбе является идеологической основой работы конфиденнтов. Именно идейная безвозмездная работа конфиденнтов является исторически традиционной для нашего общества.

Но к сожалению система как индивидуальных, так и общественных установок, убеждений, предпочтений за последние десятилетия во многом изменилась. И не в лучшую сторону. Одной из причин таких изменений является информационный прогресс, который помимо бесконечного множества положительных моментов привнес в жизнь людей и отрицательные аспекты. Например, исследователи уже давно экспериментально установили, что агрессивные видеоматериалы подкрепляют агрессивность человека, а вседоступность и неконтролируемость делает сеть Интернет для всех категорий населения практически главным источником насилия, порнографии, беззакония и преступного поведения. Под влиянием всего этого меняются и ценностные ориентации общества. Как мы уже отмечали ранее, во времена СССР идеологический выбор между «сотрудничать» или «не сотрудничать» с оперативно-розыскными органами практически всегда имел положительный исход для правоохранителей. Чего не скажешь о времени теперешнем. К сожалению, общество еще не в полной мере осознает важность негласного сотрудничества с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а в некоторых случаях и вовсе ее не одобряет. Формирование бескорыстной мотивационной направленности у конфиденнтов, по нашему мнению, является одним из способов привлечения к сотрудничеству с правоохранителями. Мотивы, интересы, ценности подвержены изменениям. Изменения могут происходить как по мере развития личности, так и под влиянием внешних условий. При этом, мотивация всегда индивидуальна. Как нет двух людей с идентичными отпечатками пальцев, так и нет двух людей с одинаковыми набором мотивов и их иерархической структурой. А это значит, что подбор правильных и действенных психологических методов в работе с конфиденнтами обеспечит ее результативность. Поэтому здесь очень важно в рамках профессионально-психологической подготовки обеспечить сотрудников оперативных подразделений багажом знаний, умений и навыков с целью психологического воздействия, необходимого для переориентации поведения человека с противоправного на социально-значимое.

В-третьих, оперативный сотрудник должен обладать определенным набором качеств для эффективного установления рабочих взаимоотношений с лицами, негласно сотрудничающими с правоохранителями. К таким профессионально значимым психологическим характеристикам относят: развитые коммуникативные качества и умения; развитые волевые качества; внимание и наблюдательность; развитые интеллектуальные качества; профессиональная память; высокая профессиональная мотивация и социальная адаптация; эмоциональные особенности; наличие привычек и моторные свойства². Решающим фактором является умение оперативника найти и использовать убедительные доводы, преодолевающие нежелание людей оказывать помощь из-за недоверия к должностным лицам³. При этом использование сотрудником правоохранительных органов угроз, властных полномочий с целью формирования мотивации сотрудничества на принудительной основе не представляется возможным с точки зрения морали и нравственности. В таком случае эффективность взаимодействия будет минимальной и краткосрочной, а достоверность и надежность полученной информации от конфиденнта будет весьма сомнительной. Поэтому к приоритетным направлениям воспитательной работы и психологического сопровождения деятельности органов внутренних дел необходимо

1 Игнатов В. Д. Доносчики в истории России и СССР. – М.: Вече, 2014. – С. 413.

2 Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 252.

3 Борисенко В. В., Клименко Т. С. Психологические особенности работы оперативного сотрудника ОВД с конфиденнтами // Вестник Московского университета МВД России «Педагогические и психологические науки». – 2008. – № 12 – С. 4.

димо отнести: воспитание личного состава в духе патриотизма, высокой дисциплинированности, ответственности за выполнение поставленных задач, осведомления и безупречного выполнения каждым сотрудником служебных обязанностей, соблюдения законности; формирование и развитие у личного состава стремления приобрести высокое профессиональное мастерство, моральные, боевые и психологические качества; содействие повышению общеобразовательного и квалификационного уровней личного состава; обобщение и внедрение передового опыта работы, форм и методов обучения и воспитания личного состава; повышение уровня персональной ответственности рядового и начальствующего состава за выполнение поставленных задач; проведение психопрофилактической работы и психологическое сопровождение деятельности в чрезвычайных ситуациях; оказание психологической помощи и коррекция психологического напряжения личного состава при выполнении поставленных задач; анализ причин и условий психологического травматизма, разработка и внедрение мер по его предупреждению и уменьшению⁴.

В-четвертых, давайте ответим на вопрос, какие именно лица способны конфиденциально оказывать помощь оперативным подразделениям в борьбе с преступностью? Кто обладает наиболее важной и наиболее полной информацией, в получении которой нуждаются оперативные подразделения? Конечно же, это лица, которые знают обстановку изнутри, то есть лица – находящиеся в этой преступной среде и являющиеся ее частью, а следовательно, сами преступники. В статье 18 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» говорится: «Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющем оперативно-розыскную деятельность, активно способствующее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации»⁵. Заметьте, что в Законе речь не идет об индульгенции будущих грехов, нет нормы освобождающей от ответственности за совершение преступлений в будущем, но есть норма, дающая возможность искупить свою вину за ранее причиненный обществу вред. Дейтельное раскаяние, как возможность загладить вину и участвовать в борьбе с преступностью в определенной мере раскрывает такой мотивационный компонент, как зависимость конфидента от компрометирующих материалов. В этом так же прослеживается присущее русскому народу умение прощать. Так можно ли назвать человека, совершившего ранее преступление, но осознавшего свою вину, ставшего на путь деятельного раскаяния, предателем, доносчиком, Иудой? Очевидно, что нельзя. Более подходящим библейским образом для такого человека будет являться образ разбойника, распятого по правую руку от Христа, покаявшегося на кресте и первого вошедшего после Христа в рай человека.

Почему требуется именно деятельное раскаяние виновного в совершении преступления лица? Потому что это лучше всего показывает, насколько искренне человек сожалеет о содеянном и насколько решительно он готов отречься от своей преступной прошлой жизни. В этом вопросе важно изучить психологическую сторону деятельного раскаяния, выяснить причины и мотивы такого решения. В стрессовых ситуациях психика человека чаще всего прибегает к так называемым защитным механизмам. В ситуациях совершения преступно-

го деяния часто может срабатывать такой психологический механизм, как отрицание, когда человеку виновному сложно осознать и признать неправоту и преступность своих действий. Поэтому деятельное раскаяние – это внутренняя борьба эмоций и переживаний, результат внутриличностного конфликта между «хочу» и «надо». Эти переживания являются свидетельством осознания чувства долга и ответственности за свои действия, своё поведение перед потерпевшим, отдельными людьми, коллективом⁶. Оперативный сотрудник с помощью таких методов, как убеждение и разъяснение закона о возможном освобождении от ответственности или смягчении наказания может влиять на виновного и направить на путь раскаяния.

Такая позиция в организации работы с конфиденциантами, кроме непосредственного раскрытия и документирования отдельных фактов преступлений, играет и еще одну важную роль – профилактическую. Довольно-таки ярким и наглядным историческим примером является привлечение на сторону борьбы с фашизмом фельдмаршала Паулюса, использование в проведении радиоигр с немецкими разведывательными органами раскаявшихся и желающих искупить свою вину перед Родиной бывших советских военнослужащих, завербованных немцами, привлечение на сторону борьбы с терроризмом и бандитизмом бывших активных боевиков ОУН-УПА. Все это показывает превосходство именно нашего подхода к организации работы с конфиденциантами. И самая сильная и самая главная сторона организации такой работы – это ее моральная и нравственная стороны. Мы не плодим предательство и доносительство, мы не склоняем людей к подлости и лжесвидетельству, мы не покупаем людей, а лишь даем человеку шанс вырваться из преступной среды, изменить свою жизнь к лучшему и искупить свою вину перед обществом.

Таким образом, в завершении хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость наличия института сотрудничества отдельных лиц с оперативно-розыскными органами. Работа именно в этом направлении способна предотвратить существующие на сегодняшний день постоянные угрозы террористических актов, способствовать выявлению тяжких и особо тяжких преступлений на ранних стадиях их совершения, спасая тем самым сотни человеческих жизней.

Пристатейный библиографический список

1. Игнатов В. Д. Доносчики в истории России и СССР. – М.: Вече, 2014. – 416 с.
2. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях (общетеоретический анализ) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1 (31). – С. 212-216.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Силова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – X., 832 с.
4. Борисенко В. В., Клименко Т. С. Психологические особенности работы оперативного сотрудника ОВД с конфиденциантами / Вестник Московского университета МВД России «Педагогические и психологические науки». – 2008. – № 12 – С. 3–5.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 12.08.2012 № 144-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Савкин А. В. Социально-правовое значение деятельного раскаяния в преступлении и его роль в предупреждении преступности // Российский следователь. – 2003. – № 10. – С. 20-26.
7. Савкин А. В. Социально-правовое значение деятельного раскаяния в преступлении и его роль в предупреждении преступности // Российский следователь. – 2003. – № 10. – С. 21.

4 Буткевич С. А., Коноплева А. А. Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях (общетеоретический анализ) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1 (31). – С. 212–216.

5 Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 12.08.2012 № 144-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

АХМЕДОВ Руслан Алилович

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Цель статьи заключается в анализе нормативно-правовой основы и рассмотрении приоритетных направлений правозащитной деятельности органов прокуратуры. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть направлены на совершенствование действующего законодательства, ведомственного нормотворчества, повышения эффективности деятельности прокурора по защите прав граждан. Основными методами достижения результатов являются: формально-юридический, системный, функциональный, статистический, логические приемы анализа и синтеза.

Ключевые слова: права человека, обращения граждан, надзор, органы прокуратуры, нарушения закона, Генеральный прокурор РФ.

AKHMEDOV Ruslan Alilovich

magister student of the Law Institute of the Dagestan State University

THE LEGAL BASIS AND PRIORITY DIRECTIONS OF PROSECUTOR'S OFFICE ACTIVITY ON SUPERVISING THE OBSERVANCE OF HUMAN RIGHTS

The purpose of this article is to analyze legal framework and to observe priority areas of human rights activities of the prosecution. The practical importance of research consists that its results can be directed to the improvement of the current legislation, agency rulemaking, increase the effectiveness of the procurator for the protection of the rights of citizens. The main methods for achieving results are formal legal, systemic, functional, statistical, logical methods of analysis and synthesis.

Keywords: human rights, appeals of citizens, supervision, prosecutor's office, violations of the law, the Prosecutor General of the Russian Federation.

В российской юридической науке неоднозначно оценивается роль прокуратуры в механизме защиты прав человека. Регулярно высказываются предложения о необходимости ликвидации обособленного статуса российской прокуратуры и законодательного подчинения ее другим государственным органам. В этой связи обоснованной представляется точка зрения, в соответствии с которой «подобные тенденции имеют политическую природу и свидетельствуют о стремлении каждой из ветвей власти установить собственный контроль над органами прокуратуры, тем самым устранив «конкурента» в борьбе за влияние и одновременно усилив собственные позиции за счет приобретения нового важного инструмента властвования»¹.

В действительности правозащитная система России только выигрывает от наличия независимого государственного института, основной задачей которого является защита прав и свобод человека, поскольку она позволяет заинтересованному лицу среди различных средств и способов обеспечения и защиты прав человека выбрать тот, который представляется ему оптимальным с точки зрения времени, затрат и процедурной сложности. Поэтому с этих позиций прокуратура обладает даже некоторыми преимуществами по сравнению с другими правозащитными институтами.

Правоприменительная практика органов прокуратуры по надзору за соблюдением прав человека выступает также одним из важнейших показателей развития правовой системы общества, ее социальной ценности и полезности². Поэтому

усиление охраны и защиты прав и свобод личности предполагает главным образом совершенствование правоприменительной практики государственных органов, в том числе прокуратуры.

Деятельность органов прокуратуры по надзору за соблюдением прав человека и рассмотрением обращений граждан является не только приоритетной, но и самой объемной, трудоемкой. К примеру, за 2016 год органами прокуратуры РФ выявлено более 5 млн. нарушений в сфере исполнения законов, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. По результатам принятия мер реагирования в дисциплинарном и административном порядке наказано почти 1 млн. виновных лиц, возбуждено 23 тыс. уголовных дел³.

Обращения граждан – одно из наиболее важных средств осуществления и охраны прав личности и, прежде всего, в этой работе органы прокуратуры руководствуются положениями Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴. Также в целях обеспечения централизованного и единообразного порядка разрешения обращений граждан Генеральной прокуратурой Российской Федерации издан приказ от 30 января 2013 года № 45 «Об утверждении и введении в действие

1 Братановский С. Н., Урываев А. В. Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: монография. Саратов, 2012. С. 46.

2 Бекишиева С. Р. Конституционные основы развития правовых систем субъектов Российской Федерации // Юридический вестник

ДГУ. 2013. № 4. С. 24.

3 Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 14 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 6.07.2017 г.).

4 Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 6.07.2017 г.).

инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации»⁵.

Ежедневно рассматривая тысячи обращений граждан, прокурорские работники в числе прочего вынуждены: давать должную юридическую консультацию обратившемуся, в виду того, что, зачастую разрешение обращение не относится к компетенции прокуратуры; давать правовую оценку действиям должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, на решения или действия которых жалуется заявитель; контролировать надлежащее исполнение в установленный срок обращения, которое перенаправлено для рассмотрения в компетентный орган; вызывать заявителей на опрос, в случаях, когда необходимо получить объяснение или если обращение не поддается чтению; истребовать документы и материалы, необходимые для разрешения обращения, привлекать специалистов и т.д.

О неудовлетворительности состояния работы в этой сфере свидетельствует опрос, проведенный НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ в 2013 году среди 617 прокурорских работников. Так, на вопрос «как часто рассматриваются в органах исполнительной власти Вашего субъекта РФ и органах местного самоуправления вопросы деятельности в сфере обеспечения права граждан РФ на обращение?» 7% ответили - раз в несколько лет, 10% - раз в год, 8% - раз в полгода, 73% затруднились ответить.

Объяснения сотрудников о причинах распространенности нарушений законодательства, обеспечивающих реализацию права на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления, оказались отчасти предсказуемыми: 31% - не рассматриваются или формально рассматриваются вопросы о содействии в реализации конституционных прав и свобод граждан, а также нет должной реакции на их сообщения; 27% - не рассматриваются рекомендации населения по совершенствованию законодательства, направленного на улучшение деятельности государственных и муниципальных органов.

Граждане, в свою очередь, на вопрос о том, какие встречаются нарушения при рассмотрении обращений граждан, ответили следующим образом:

- 39,4% - пересылка обращений «по кругу», 36,4% - пустые отписки чиновников; 33% - нарушаются сроки рассмотрения обращений; 20,6% - не рассматриваются повторные обращения; 19,7% - невозможно попасть на прием к руководителю, 17% - грубость чиновников госструктур и органов местного самоуправления.

Примечательно, что граждане при ответе на вопрос «Деятельность, каких государственных органов, по Вашему мнению, имеет наибольшее значение для реализации конституционного права на обращение» первой указали прокуратуру⁶.

Виды нормы Конституции РФ и отраслевого законодательства, надзору за соблюдением которых Генеральный прокурор РФ требует от подчиненных ему прокуроров уделить особое внимание, могут меняться в зависимости от осо-

бенностей социально-экономической обстановки в стране, а также особенностей контингента граждан, права и интересы которых требуют особых мер защиты. Например, в приказе от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве»⁷ внимание прокуроров обращается на «необходимость на всех стадиях уголовного судопроизводства обеспечить действенный надзор за соблюдением гарантированных Конституцией РФ прав и свобод граждан в процессе применения к гражданам процессуальных мер принуждения (ст. 22); проверять законность и обоснованность задержания граждан, подозреваемых в совершении преступления (ст. 22); обжаловать все незаконные и необоснованные судебные решения по уголовным делам (ст. 50)»⁸.

Виды применяемых средств прокурорского реагирования и методов их применения также зависят от вида нарушенного законодательства и субъектов, совершивших правонарушение. Поэтому в различных приказах Генерального прокурора РФ различаются набор и характеристика средств и методов выявления и устранения нарушений прав граждан.

Следует отметить значимость для защиты конституционных прав граждан приказа Генерального прокурора РФ от 26.04.2012 № 181 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе», положения которого требуют обязательного участия прокуроров в рассмотрении таких дел как дела о выселении, восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ); о защите избирательных прав (ст. 260.1 ГПК РФ); о лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах, об ограничении родительских прав (ст. 70, 72, 73 СК РФ); о признании гражданина недееспособным, об ограничении дееспособности гражданина (ст. 284 ГПК РФ) и др. В приказе даются конкретные методические указания прокурорам, защищающим важнейшие вышеперечисленные конституционные права граждан⁹.

Весьма значима роль неправительственных правозащитных организаций в деле защиты прав человека. На необходимость взаимодействия с указанными организациями обращается внимание в приказе Генерального прокурора РФ от 10.09.2008 № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» (п. 9)¹⁰.

Из всей разноплановой правозащитной деятельности прокуратуры можно выделить ряд отраслей законодательства, надзор за соблюдением которого наиболее актуален, и у органов прокуратуры имеются недостатки при его осуществлении.

К примеру, в сфере надзора за соблюдением жилищно-коммунальных прав граждан только в 2013 году было выявлено 319984 нарушения, в том числе 8115 незаконных правовых акта. Защищая права граждан в этой сфере, прокуроры принимают меры к инициированию мероприятий по проведению кон-

5 Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе органов прокуратуры Российской Федерации» (ред. от 11.11.2014). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=220111&fld=134&dst=1000000001_0&tnd=0.7825808962867769#0 (дата обращения: 6.07.2017 г.).

6 Беляков П. Защита прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Законность. 2014. № (954). С. 11.

7 Приказ Генпрокуратуры РФ от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (дата обращения: 6.07.2017 г.).

8 Коробейников Б. В. Прокурорский надзор — важное средство защиты прав человека и гражданина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 197-205.

9 Там же.

10 Турыгин Ю. Н. Организационно-правовые основы взаимодействия прокуратуры и неправительственных правозащитных организаций в области защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ 2012. № 2 (28). С. 36.

курсов по отбору управляющих многоквартирными домами организаций; по принуждению управляющих организаций к осуществлению работ по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирных домов; пресечению взимания дополнительных платежей, не предусмотренных действующим законодательством;

Поскольку при долевом участии граждан при строительстве многоквартирных домов используются крупные сбережения граждан, прокурорский надзор за соблюдением их прав занимает особое место. К сожалению, количество выявляемых нарушений здесь значительно возросло «с 4 тыс. в 2015 г. до 8,5 тыс. в прошедшем. Почти на треть увеличилось число проблемных объектов (с 500 до 714) и возбужденных уголовных дел (с 546 до 639)».¹¹ Нельзя не согласиться с мнением А. В. Гуцана о том, что в указанной сфере деятельности прокуроры должны быть нацелены на «превентивную работу, и прежде всего — на системный мониторинг ситуации при долевом строительстве многоквартирных жилых домов начиная с принятия разрешающего строительства правового акта, наличия необходимых правоустанавливающих документов на землю, соответствующего проекта, сбора информации о застройщике, размещения им рекламы, заключения договоров долевого строительства и заканчивая выдачей разрешений на ввод объектов эксплуатации».¹²

Указанием от 8 июня 2015 г. № 287/7 «Об усилении прокурорского надзора в условиях неблагоприятных внешнеэкономических и внешнеполитических факторов» на прокуроров субъектов возложена обязанность усилить надзор за исполнением требований законодательства о труде, акцентировать внимание в том числе на полноте и своевременности выплаты работникам заработной платы, соблюдении их прав при увольнении и пр.¹³ Наряду с постоянными изменениями трудового законодательства неизменным остается актуальность защиты трудовых прав граждан средствами прокурорского надзора. Многие работающие граждане, опасаясь ухудшения отношений с работодателем, предпочитают не обращаться с жалобами в контролирующие органы. По принятым прокурорскими работниками мерам возвращено более 28,5 млрд. руб. (+3%). В отношении виновных в ее задержках выплаты заработной платы только по материалам прокуроров возбуждено 925 уголовных дел. В результате принятых мер на 1 января текущего года в сравнении с предшествующим долги по зарплате сократились более чем на 1 млрд. руб. Вместе с тем они значительны и составляют 2 млрд. 725 млн. рублей¹⁴. Кроме того, имеет место настоятельная необходимость усиления надзора за соответствием локальных нормативных актов принципу запрета ухудшения положения работника¹⁵.

В сфере защиты прав предпринимателей, Генеральной прокуратурой РФ в рамках встреч с бизнес-сообществом,

создан прямой канал связи с предпринимателями, который оказался весьма востребован. За полгода 2016 на специально созданный электронный адрес от них поступило уже более 500 обращений. В основном обращения касаются вопросов захвата имущества, необоснованного уголовного преследования, долгов по выполненным госконтрактам и 1/3 излагаемых фактов находят свое подтверждение. «Всего за последние полтора года усилиями прокуроров бизнесменам погашено 40 млрд. руб. долгов за выполненные ими работы и оказанные услуги. В основном речь идет о малом и среднем бизнесе и получение указанных средств для людей порой единственная возможность содержать семью, достойно жить и избежать банкротства. В связи с несвоевременной оплатой исполненных государственных и муниципальных контрактов по инициативе прокуроров к административной и дисциплинарной ответственности привлечено 2 тыс. виновных лиц»¹⁶. Прокуроры также активно используют полномочия по пресечению необоснованных плановых и внеплановых проверок хозяйствующих субъектов, снижая административное давление на бизнес. Но, зачастую, особенно в условиях Республики Дагестан, бизнесмены неохотно сообщают об имеющихся проблемах.

В сфере защиты несовершеннолетних усилия были сосредоточены на соблюдении имущественных и жилищных прав сирот, законодательства об образовании, охране жизни и здоровья детей. В 2016 году прокуроры столкнулись с распространенными случаями умалчивания медицинскими, образовательными организациями, органами опеки о проживании детей в семьях наркоманов и алкоголиков, совершения в отношении их психического и физического насилия, в том числе в приемных семьях. И как результат, по фактам халатности должностных лиц органов системы профилактики в 2016 году следствием возбуждено 132 уголовных дела. В сфере соблюдения прав и интересов детей в общей сложности выявлено 720 тыс. нарушений законов, к дисциплинарной и административной ответственности привлечено 165 тыс. виновных, возбуждено более 3 тыс. уголовных дел¹⁷.

Перечисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что надзор за соблюдением прав человека как направление деятельности прокуратуры Российской Федерации «должен быть сохранен, чтобы обеспечивать оперативное, своевременное, а самое главное, действенное реагирование на нарушения прав человека и гражданина»¹⁸. По словам Т. А. Ашурбекова, «сегодня сотни тысяч актов прокурорского реагирования, содержащих квалифицированную правовую оценку по всему спектру правовых отношений, зачастую выступающих единственными в своем роде образцами (ориентирами) правомерного поведения, играют значительную позитивную роль в формировании надлежащей правоприменительной практики»¹⁹.

Представляется, что повышение качества рассмотрения органами прокуратуры обращений граждан во многом зависит от уровня правосознания и активности граждан. В со-

11 Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 14 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 6.07.2017 г.).

12 Главная задача каждого прокурора — добиваться восстановления нарушенных прав человека и не допускать таких нарушений впредь. Интервью с заместителем Генерального прокурора Российской Федерации А. В. Гуцаном // Прокурор. 2016. № 2. С. 20.

13 Шаврина Е. Надзор за соблюдением прав работников предприятий-банкротов // Законность. 2016. № 5 (979). С. 10.

14 Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 14 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 6.07.2017 г.).

15 Воробьев С. Защита трудовых прав граждан органами прокуратуры // Законность. 2014. № 4(954). С. 5.

16 Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 14 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 6.07.2017 г.).

17 Там же.

18 Громова О. М. Права и свободы человека и гражданина как одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры // Стратегическое управление: теория, практика, проблемы: Материалы 14-й региональной научно-практической конференции. Том 3. Владимир, 2017. С. 93-104.

19 Ашурбеков Т. А. Сохранить правозащитный потенциал прокуратуры // Законность. 2012. № 11.

временный период развития российской государственности и правовой системы важным также выступает формирование профессионального правосознания юристов, совместимого с принципом верховенства прав человека²⁰. В настоящее время все еще признается невысоким уровень общеправовой и методической подготовки и самих прокурорских работников, особенно молодых специалистов.

Полагаем, что в деле повышения качества правозащитной деятельности органов прокуратуры эффективными оказались бы следующие мероприятия: наставничество – «закрепление» начинающего сотрудника за опытным коллегой не только в территориальной прокуратуре, куда последний назначен на должность, но и его продолжительная стажировка в прокуратуре субъекта РФ; надлежащее методическое сопровождение работы по надзору в сфере защиты прав граждан; более широкое освещение правозащитной деятельности прокуратуры средствами массовой информации; увеличение возможностей личного приема граждан, особенно сотрудниками руководящего звена.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 6.07.2017 г.).
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе органов прокуратуры Российской Федерации» (ред. от 11.11.2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=220111&fld=134&ds_t=1000000001,0&rnd=0.7825808962867769#0 (дата обращения: 6.07.2017 г.).
3. Приказ Генпрокуратуры РФ от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (дата обращения: 6.07.2017 г.).
4. Ашурбеков Т. А. Сохранить правозащитный потенциал прокуратуры // Законность. 2012. № 11.
5. Бекишиева С. Р. Историческое развитие идеи верховенства права // Политика и общество. 2016. № 12. С. 1700-1707.
6. Бекишиева С. Р. Конституционные основы развития правовых систем субъектов Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 4. С. 22-25.
7. Бекишиева С. Р., Рамазанова И. М. Принцип верховенства права в профессиональном правосознании юристов // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 3. С. 12-15.
8. Беляков П. Защита прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Законность. 2014. № (954). С. 11.
9. Братановский С. Н., Урываев А. В. Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: монография. Саратов, 2012. С. 46.
10. Воробьев С. Защита трудовых прав граждан органами прокуратуры // Законность. 2014. № 4(954). С. 5.
11. Главная задача каждого прокурора – добиваться восстановления нарушенных прав человека и не допускать таких нарушений впредь. Интервью с заместителем Генерального прокурора Российской Федерации А. В. Гуцаном // Прокурор. 2016. № 2. С. 20.
12. Громова О. М. Права и свободы человека и гражданина как одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры // Стратегическое управление: теория, практика, проблемы: Материалы 14-й региональной научно-практической конференции. Том 3. Владимир, 2017. С. 93-104.
13. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 14 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 6.07.2017 г.).
14. Коробейников Б. В. Прокурорский надзор – важное средство защиты прав человека и гражданина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 197-205.
15. Турыгин Ю. Н. Организационно-правовые основы взаимодействия прокуратуры и неправительственных правозащитных организаций в области защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ 2012. № 2(28). С. 36.
16. Шаврина Е. Надзор за соблюдением прав работников предприятий-банкротов // Законность. 2016. № 5 (979). С. 10.

²⁰ Бекишиева С. Р. Историческое развитие идеи верховенства права // Политика и общество. 2016. № 12. С. 1707; Бекишиева С. Р., Рамазанова И. М. Принцип верховенства права в профессиональном правосознании юристов // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 3. С. 14-15.

ПОТАПОВ Денис Валерьевич

аспирант Нижегородской правовой академии, преподаватель кафедры уголовного права Феодосийской финансово-экономической академии

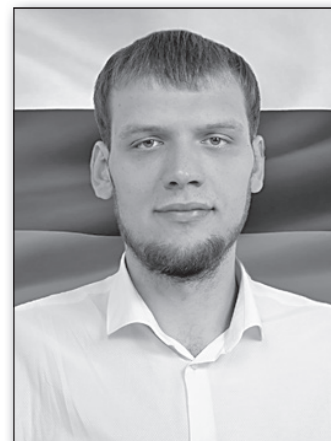
ПРОКУРОР КАК ГЛАВА ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВА И КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье раскрывается проблематика реформирования досудебного производства по уголовным делам и создания обвинительной власти как субъекта уголовного преследования и уголовной политики. Правовая модель обвинительной власти является проектом новой правовой организации отношений прокуратуры и уголовной полиции. Эта модель является альтернативой проекта создания вертикали следственной власти и модернизации следственной формы досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовный процесс, обвинительная власть, следственная власть, уголовная полиция.

POTAPOV Denis Valerjevich

postgraduate student of the Nizhny Novgorod Law Academy, lecturer of Criminal law sub-faculty of the Feodosia Financial and Economic Academy

Потапов Д. В.

PROSECUTOR AS HEAD OF THE ACCUSATORY POWER OF THE STATE AND AS SUBJECT OF CRIMINAL POLICY

In article the perspective of reforming of pre-judicial production on criminal cases and creations of the accusatory power as subject of criminal prosecution and criminal policy reveals. The legal model of the accusatory power is the project of the new legal organization of the relations of prosecutor's office and criminal police. This model is an alternative of the project of creation of a vertical of the investigative power and modernization of an investigative form of pre-judicial production on criminal cases.

Keywords: pre-judicial production, criminal trial, accusatory power, investigative power, criminal police.

По мнению, некоторых ученых¹, равно как и практиков², сформировавшийся к настоящему времени институт предварительного расследования архаичен и не отвечает общественным потребностям в защите от криминальных угроз. В этой связи ведется дискуссия о реформе предварительного расследования.

В первую очередь, институт предварительного следствия презюмируется как базовая модель правовой организации досудебного производства по уголовному делу. Согласно данной доктрине в состав уголовного судопроизводства должны входить две стадии: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования; последняя стадия является обязательной для всех дел публичного и частно-публичного обвинения.

Следующим принципиальным моментом анализируемого типа уголовного процесса является следственный порядок привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление: через предъявление следователем обвинения в порядке, установленном главой 23 УПК РФ.

Далее, характерным признаком советского учения о форме досудебного уголовного расследования является постулат о необходимости разделения уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности. Этот постулат оказал существенное влияние на доказательственное право, а именно: доказательства могут быть получены только уголовно-про-

цессуальным путем. Продолжением данного положения стал прямой запрет на использование в доказывании результатов ОРД (статья 89 УПК РФ). Таким образом, законность получения, фиксации, использования доказательства в процессе оценивается по следственному (а не судебному) стандарту, вся система проверки и оценки свойства допустимости основана на следственной же идеологии³.

Наконец, самое главное в этом учении связано с презюмированием того, что уголовно-процессуальные доказательства формируются следователем посредством производства следственных действий и фиксации их хода, результатов в протоколах. Так называемая «следственная парадигма» уголовно-процессуального познания лежит в основе всего мировоззрения процессуалистов советской школы и их преемников. Это есть следственный тип уголовного процесса, какими бы эпитетами не сопровождалась характеристика этого политико-правового явления.

Необходимо искать иную модель правовой организации досудебного уголовного расследования и отношений субъектов, осуществляющих функцию уголовного преследования. Альтернативный проект реорганизации досудебного производства состоит не в модернизации существующей следственной модели, а в отказе от нее и переходе на такую модель, которая вписывается в систему сдержек и противовесов правового государства. В основу данной модели положены идеи, во-первых, о разделения полицейской, прокурорской и судебной функций и, во-вторых, о выводе деятельности уголовной полиции по выявлению и раскрытию преступлений за правовую рамку собственно уголовного судопроизводства – уголовно-процессуальной деятельности⁴. Последнее позволяет уравнивать

1 Подробнее см.: Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62; он же. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26). – С. 49–57.

2 Как отметил министр внутренних дел В. Колокольцев, нормы уголовно-процессуального законодательства стали анахронизмом и их пора пересмотреть. См.: Эксклюзивное интервью с главой МВД Владимиром Колокольцевым от 26 ноября 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1577741> (дата обращения: 28.06.2016 г.).

3 См.: Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. – М., 2016. – С. 11–20.

4 См.: Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая на-

права сторон на получение так называемых «фактических материалов», то есть еще не доказательств, но носителей информации, которая может быть оценена судом как доказательства.

Принципиальным моментом для создания системы органов уголовной юстиции является разделение обвинительной и судебной властей. Суд является центром этой системы, на него должны быть ориентированы все уголовно-процессуальные техники и практики, порождающие правовые последствия, равно как и процедуры принятия решений в связи с правоприменением.

Обвинительная власть – это власть правительственная, орган исполнительной власти. Ее специфика в том, что она распространяется исключительно на сферу правоохранительной деятельности по противодействию преступности. В широком смысле органы обвинительной власти – это все те органы государства, которые причастны к противодействию преступности. Элементом обвинительной власти должен быть «следователь» – сотрудник полиции.

Полицейский следователь должен быть сотрудником Федеральной службы криминальной полиции. Это часть концепции «обвинительной власти», встроенной в систему составительского уголовного судопроизводства.

Возглавлять «вертикаль обвинительной власти» должна прокуратура. Мы согласны с тем, что прокуратура должна быть модернизирована под решение главной задачи – осуществление уголовной политики, противодействие преступности. Соответственно, она должна быть освобождена от общего надзора, как непрофильной функции. Генеральный прокурор должен быть одновременно министром юстиции и входить в состав правительства. Такое положение прокуратуры и ее функциональный профиль смоделированы в уже указанной «Концепции комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ». Нельзя не отметить, что данная модель соответствует международно-правовому стандарту, основанному на Рекомендациях Комитета министров Совета Европы №R (2000) 19⁵. В соответствии с этими рекомендациями прокурор – это представитель государственной власти, который от имени общества и в государственных интересах участвует в применении права, если правонарушение влечет уголовное наказание, принимая во внимание права человека и необходимость эффективного действия системы уголовного правосудия⁶.

Прокуратура выступает в виде своего рода процессуального «фильтра», отделяющего уголовную полицию от суда. Сотрудники службы криминальной полиции раскрывают преступления путем производства, как гласных, так и негласных следственных действий. Получая от уголовной полиции «фактический материал», прокурор дает на его основе юридическую оценку деянию и выдвигает обвинение (публичный уголовный иск) против лица, предположительно совершившего преступление.

Деятельность прокурора отличается от полицейской тем, что сутью первой является «юридизация уголовного преследования», тогда как вторая сводится к сбору доказательственной информации в виде носителей (источников) таковой. Следователь, будучи сотрудниками службы криминальной полиции, не является субъектом уголовной юстиции и не имеет никакого отношения к судебной власти. Даже в процессуальные отношения с судебными органами самостоятельно он входить не должен. В систему уголовной юстиции входит прокуратура, следственный судья и суд. Представляет сторону обвинения в

суде, в том числе перед следственным судьей, прокурор. Полицейский «следователь»⁷ является элементом обвинительной власти, выполняющим функцию уголовного преследования и раскрытия преступления под руководством прокурора. Это процессуальный слуга прокурора, агент обвинительной власти⁸.

Логичным выводом из подобного построения механизма уголовной юстиции является то, что уголовная политика реализуется обвинительной властью в лице прокуратуры. Итак, мы говорим о такой правовой организации и отношений обвинительной и судебной властей, чья деятельность должна осуществляться в формате «справедливого судебного разбирательства». Организация органов публичной власти, уполномоченных на ведение досудебного производства должна быть не по следственному, а по прокурорскому типу. Обвинительная власть прокурора должна лежать в основе правовой организации досудебного производства и публичного уголовного преследования.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62.
2. Александров А. С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26).
3. Эксклюзивное интервью с главой МВД Владимиром Колокольцевым от 26 ноября 2015 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1577741>.
4. Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. – М., 2016.
5. Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014.
6. Рекомендация № R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» // Совет Европы и Россия. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 2004.
7. Головки Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 24–31.
8. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, ЗАО «Акцион-Медиа», 2012.
9. Власова С. В. Апология новой теории уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33).

7 Термин «следователь» в данном случае не несет следственной смысловой нагрузки, он может быть заменен терминами «инспектор», «дознатель» – все это обозначения субъекта, который ведет досудебную подготовку

8 Подробнее см.: Головки Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 24–31; Власова С. В. Апология новой теории уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 101–103.

ука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 78–82.

5 Рекомендация № R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» // Совет Европы и Россия. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 746–779.

6 Там же. – С. 770–772.

ЯРОШЕВСКАЯ Анна Михайловна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

БАХРИЕВА Зоре Радмировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ВОПРОСЕ «ГОНОРАРА УСПЕХА»

В статье исследуется проблема правовой неопределенности конструкции «гонорар успеха», анализируется опыт регулирования данного института в правовой системе Российской Федерации. Также освещаются преимущества и недостатки применения «гонорара успеха» в юридической практике.

Ключевые слова: гонорар успеха, адвокат, вознаграждение, договор об оказании юридических услуг.

YAROSHEVSKAYA Anna Mihaylovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil and labor law sub-faculty of the Law Faculty of the Tavric academy of the V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

BAKHRIEVA Zore Radmirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and labor law sub-faculty of the Law Faculty of the Tavric academy of the V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

THE PROBLEM OF LEGAL UNCERTAINTY IN THE QUESTION OF THE «SUCCESS FEE»

In this article examines the problem of legal uncertainty of «success fee», is analyzed experience of regulation of this institute in the legal system of the Russian Federation. Also highlights the advantages and disadvantages of «success fee» in the practice of law.

Keywords: success fee, attorney, remuneration, contract on rendering legal services.

Ярошевская А. М.

Бахриева З. Р.

Правовое регулирование договорных отношений по оказанию юридических услуг прошло продолжительный эволюционный путь. Так, *locatio conductio operarum* является древнейшим прообразом «современного» договора о предоставлении юридических услуг, договором найма услуг, который регулировал сначала предоставление услуг поденщиками и ремесленниками¹, а несколько позднее стал расширять свое действие и на лиц «свободной профессии», в частности, услуги адвокатов, бухгалтеров, врачей и тому подобное².

Locatio conductio operarum являлся юридическим основанием возникновения обязательств между заказчиком и адвокатом, в силу которого одна сторона, которая нанималась (*locator*, адвокат), брала на себя обязанность предоставлять в пользу иной стороны – нанимателя (*conductor*, заказчик) определенные услуги, который обязывался за эти услуги оплатить обусловленное денежное вознаграждение.

В современном мире юридические услуги стали очень востребованы, причем как у рядовых граждан, так и у крупных компаний. Разумеется, что спрос рождает предложение. Как следствие, широкое применение получил договор о предоставлении юридических услуг. Он используется там, где речь

идет об осуществлении определенной деятельности юридического характера (предоставление консультаций по правовым вопросам, подготовка правовых заключений, составление заявлений, жалоб и иных различных юридических документов, осуществление представительства интересов физических или юридических лиц в судах, предоставление правовых рекомендаций и т.д.).

Как свидетельствует практика, каждый участник судебного спора заинтересован в том, чтобы его представитель действовал наиболее продуктивно и результативно. При этом, зачастую, клиенты (заказчики юридической услуги) с целью достижения желаемого результата готовы материально поощрять юристов (адвокатов, исполнителей юридической услуги), которые и сами не прочь получить дополнительное вознаграждение в случае успешного завершения процесса.

В связи с этим существенное внимание привлекает проблема так называемых «гонораров успеха» или условных гонораров, выплачиваемых по договору исполнителю, как дополнительное вознаграждение за принятие государственными органами (чаще всего судом) положительных для заказчика решений.

Под понятием «гонорара успеха» (синоним – «условное вознаграждение адвоката», «*ractum de quota litis*») в юридической практике принято понимать условие в договоре о предоставлении юридических услуг (соглашении, заключаемом между юристом и клиентом), в соответствии с которым заказ-

1 Барон Ю. Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. И. Петражицкого. 3-е изд., испр. по 9-му нем. изд. – Вып. III. Книга IV. Обязательственное право. – СПб., 1910. – С. 207, 209.

2 Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. с нем. под ред. и с прим. А. Б. Думашевского. – СПб., 1875. – С. 372.

чик (клиент) обязуется в случае вынесения решения в его пользу выплатить исполнителю (адвокату) вознаграждение в виде денежной суммы или в какой-либо другой форме.

В последнее время было опубликовано достаточное количество материалов, посвященных вопросу «гонорара успеха». Анализ многочисленных исследований и публикаций позволяет прийти к выводу, что на протяжении длительного времени в правовой системе Российской Федерации вопрос о применении «гонорара успеха» остается одним из самых спорных и обсуждаемых.

С одной стороны «гонорар успеха» формирует у адвоката или иного лица, оказывающего юридическую помощь, мощную мотивацию работать на позитивный результат. А ввиду того, что адвокаты и иные лица, оказывающие юридическую помощь, принимают на себя финансовые риски судебных разбирательств, число спекулятивных или безнадежных дел может быть уменьшено. С другой стороны, в том случае, когда адвокат или иное лицо, оказывающее юридическую помощь, работает за «гонорар успеха», он заинтересован братья лишь за выигрышные дела и не уделять время делам с перспективой неблагоприятного исхода, в то время как некоторые из таких дел требуют досконального изучения, перед вынесением окончательного заключения о шансах на успех.

Тема «гонорара успеха» нашла свое отражение в многочисленных работах представителей адвокатского сообщества и разъяснениях различных судебных инстанций Российской Федерации. В этой связи стоит отметить, что адвокатское сообщество и высшие судебные инстанции Российской Федерации занимают различные позиции в отношении «гонорара успеха».

С мнением о том, что квалифицированная юридическая помощь и высокий результат должны и оплачиваться соответственно не все согласны, в том числе и Высший арбитражный суд Российской Федерации и Конституционный суд РФ. Правовая неопределенность в вопросе «гонорара успеха» вызвана, прежде всего, отсутствием его регулирования на законодательном уровне.

Напомним, что еще в 1999 году судебной системой Российской Федерации в лице Высшего Арбитражного суда РФ выработана жесткая позиция о недопустимости выплаты условных гонораров в практике юридического обслуживания. Так, в Информационном письме Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 сентября 1999 года № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» Президиум Высшего арбитражного суда РФ указал, что не подлежит удовлетворению требование исполнителя по договору об оказании правовых услуг о выплате вознаграждения, если данное требование истец обосновывает условием договора, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем. В этом случае размер вознаграждения должен определяться в порядке ст. 424 Гражданского кодекса РФ с учетом фактически совершенных исполнителем действий³. Основной мотивацией такой позиции является борьба с коррупцией в судебной системе.

Позже к этому вопросу обратился и Конституционный суд Российской Федерации, который пришел к выводам, подобным правовой позиции Высшего Арбитражного суда РФ. Так, в своем Постановлении от 27 января 2007 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 ста-

тьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева», Конституционный суд Российской Федерации указал следующее: «Ставя перед КС РФ вопрос о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ, заявители, по существу, также исходят из того, что при оказании правовых услуг оплате подлежат не только сами действия (деятельность) исполнителя, но и тот специфический результат, для достижения которого заключается соответствующий договор, а именно вынесение решения суда в пользу заявителя. Между тем подобная цель – в том смысле, в каком цель того или иного заключаемого договора определена в ГК РФ, либо выявлена из содержания договора при его истолковании в соответствии с частью второй статьи 431 ГК РФ, – не может рассматриваться как отвечающая требованиям, вытекающим из содержания главы 39 ГК РФ»⁴. Таким образом, подтверждена позиция судебной системы Российской Федерации о том, что в системе действующего правового регулирования отношений по возмездному оказанию правовых услуг не предполагается удовлетворение требований исполнителя (адвоката, юриста) о выплате вознаграждения по договору возмездного оказания услуг, если данное требование обосновывается условием, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято в будущем.

Многими представителями адвокатского сообщества данная позиция высших судебных инстанций Российской Федерации истолковывается как полный и безусловный запрет «гонорара успеха».

Однако, Конституционный суд Российской Федерации в том же Постановлении от 27 января 2007 года № 1-П указал, что: «...не исключается право федерального законодателя с учетом конкретных условий развития правовой системы и исходя из конституционных принципов правосудия предусмотреть возможность иного правового регулирования, в частности в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь»⁵. Таким образом, Конституционный суд РФ окончательную точку в вопросе признания «гонорара успеха» не поставил, обозначив при этом, что его признание может быть разрешено законодателем.

Кроме того, не лишены оснований и позиции трех судей Конституционного суда РФ (Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова), которые выразили свои особые мнения к данному постановлению. Так, судья Н. С. Бондарь, который являлся председательствующим на том заседании Конституционного суда Российской Федерации в своем мнении подчеркнул, что «правовая позиция Конституционного Суда по итогам данного дела не может быть истолкована как абсолютный запрет «гонорара успеха» и, соответственно, как недопустимость законодательного введения этого института на неопределенный срок (по крайней мере, до достижения правовой и судебной системами некоего качественно нового состояния развития). Иное расходилось бы со смыслом и содержанием Постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод».

4 Собрание законодательства Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. – № 6. – Ст. 828.

5 См. Там же.

3 Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 11. – С. 81.

В особом мнении судьи А. Л. Кононова, являвшегося на отмеченном заседании Конституционного суда РФ судьей-докладчиком, говорится, что «нет никаких оснований полагать, что само по себе принятие судом определенного решения могло бы пониматься сторонами договора услуг как предмет или результат оказания услуг. Гораздо более убедительно, что судебное решение воспринимается как оценка качества услуг, успеха или неуспеха предпринятых стороной действий и как юридический факт, с которым стороны связывают по договору условие выплаты вознаграждения за оказанные юридические услуги. Это не только не противоречит, но вполне соответствует правовой природе отношений по оказанию юридических услуг в сфере хозяйственного оборота и разрешения имущественных споров при помощи квалифицированного юриста».

Вместе с этим, из-за неоднозначности позиции законодателя судебными органами не выработано единой точки зрения в вопросе взыскания «гонорара успеха», сложившаяся судебная практика является крайне неоднородной.

Зачастую, суды отказывались признавать условное вознаграждение (постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.02.2013 г. № Ф03-136/2013 по делу № А51-3114/1999, постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 03.07.2013 г. № Ф04-5985/12 по делу № А45-10408/2012, постановление ФАС Московского округа от 03.07.2013 г. по делу № А40-14153/11-14-116), а другие суды принимали решения о взыскании с проигравшей стороны «Гонорара успеха», но в случае его разумности и обоснованности (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 04.02.2014 г. № Ф04-4/11 по делу № А70-3375/2010, постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.05.2010 г. № Ф07-3030/2010 по делу № А56-37142/2009). В основном, решения в пользу выплаты «гонорара успеха» принимает Арбитражный суд города Москвы (Решения Арбитражного суда г. Москвы от 26.07.2011 г. по делу № А40-28035/2011-104-239, от 28.02.2011 г. по делу № А40-1178/11-6-10, от 03.03.2011 г. по делу № А40-1177/11-28-10).

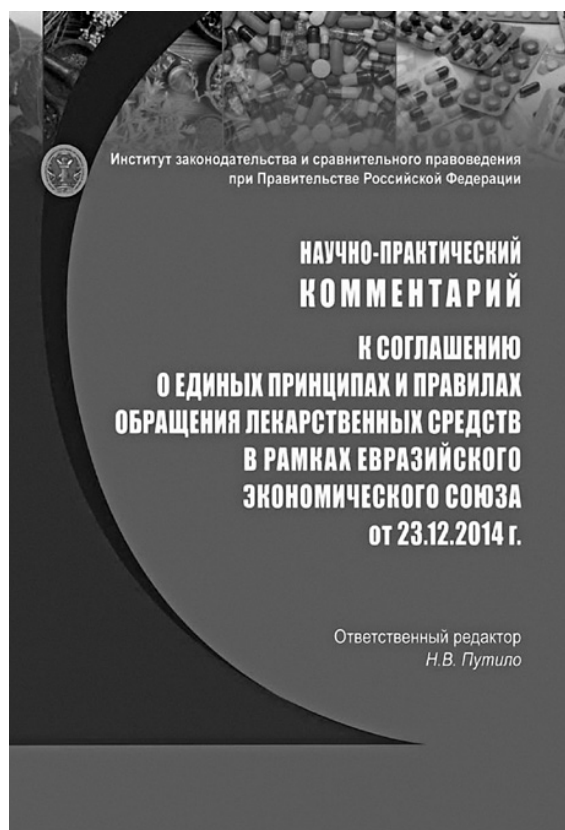
В заключение стоит отметить, что в 2014 году Президиум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации в одном из последних, перед «слиянием» с Верховным судом РФ, своих Постановлений, а именно от 04.02.2014 г. № 16291/10 указал следующее: «Законодательство Российской Федерации не устанавливает каких-либо специальных требований к условиям о выплате вознаграждения исполнителю в договорах возмездного оказания услуг. Следовательно, стороны договора возмездного оказания услуг вправе согласовать выплату вознаграждения исполнителю в различных формах (в зависимости от фактически совершенных исполнителем действий или от результата действий исполнителя), если такие условия не противоречат основополагающим принципам российского права (публичному порядку Российской Федерации)»⁶. Также в указанном Постановлении Президиума ВАС РФ содержалась правовая позиция о том, чтобы при согласовании выплаты вознаграждения исполнителю не нарушалось общее правило о разумности размера выплаты вознаграждения за проведение фактических действий по оказанию юридических услуг.

Как мы видим, судебная практика российских судов в отношении решения вопроса, так называемого «гонорара успеха», крайне разнородна. А отсутствие законодательной базы не дает возможности судам выработать ясную и четкую позицию по данному вопросу. В этой связи представляется очень актуальным и целесообразным принятие специального законодательства, регулирующего порядок и условия реализации

права на квалифицированную юридическую помощь, о чем Конституционный суд Российской Федерации упоминал в своем Постановлении от 27 января 2007 года № 1-П.

Пристайный библиографический список

1. Барон Ю. Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. И. Петражицкого. 3-е изд., испр. по 9-му нем. изд. – Вып. III. Книга IV. Обязательственное право. – СПб., 1910. – 250 с.
2. Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 11. – С. 81.
3. Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6. – С. 278.
4. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. с нем. под ред. и с прим. А. Б. Думашевского. – СПб., 1875. – 603 с.
5. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. – № 6. – Ст. 828.

6 Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6. – С. 278.

КАБАНОВ Владимир Львович

кандидат педагогических наук, докторант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

КАК ЗАСТАВИТЬ КОММЕРЧЕСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ОТВЕЧАТЬ ЗА ВОЗДЕЙСТВИЕ ТОКСИЧНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ДЕТЕЙ (ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

В статье рассмотрены конкретные случаи негативного влияния деятельности коммерческих предприятий на здоровье и права детей, приведена соответствующая правоприменительная практика, проанализирована международно-правовая основа борьбы с такой практикой.

Ключевые слова: права человека, права детей, права уязвимых групп, Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., Комитет ООН по правам ребенка.

KABANOV Vladimir Lvovich

Ph.D. in pedagogical sciences, doctoral student of International law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia

HOW TO MAKE COMMERCIAL ENTERPRISES RESPONSIBLE FOR EXPOSURE OF THE TOXIC SUBSTANCES ON CHILDREN

The article deals with specific cases of negative impact of commercial enterprises on children's health, provides relevant law enforcement practice, analyzes the international legal basis for combating such practices.

Keywords: human rights, children's rights, the rights of vulnerable groups, the UN Convention on the Rights of the Child 1989, the UN Committee on the Rights of the Child.

Кабанов В. Л.

Дети во всем мире страдают от воздействия токсичных веществ и загрязнения. Это воздействие принимает различные формы на разных стадиях жизни и имеет множество путей проникновения в организм. Дети подвергаются более высокому уровню воздействия и более чувствительны к нему, что делает их более уязвимыми, чем взрослые. Последствия этого воздействия могут быть необратимыми и могут даже передаваться от одного поколения другому. По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более 1,7 млн. детей в возрасте до пяти лет погибли в 2012 г. из-за изменяемых факторов окружающей среды, таких как загрязнение воздуха (более 500 000 смертей) и заражение воды¹. Этот показатель составляет 26% от общего количества смертей детей в возрасте до пяти лет. Однако эти 1,7 млн. смертей представляют собой лишь верхушку айсберга. Существует «тихая пандемия»² инвалидности и заболеваний, связанных с воздействием на людей в детстве токсичных веществ и загрязнения, часть которого проявляется спустя многие годы или даже десятилетия. Дети, ставшие жертвами, могут столкнуться с преждевременной смертью после пяти лет или страдать от болезней всю свою жизнь. Токсичные химические вещества, которые попадают в организм и вмешиваются в процессы экспрессии генов, развития мозга, функционирования гормонов и другие процессы, необходимые для того, чтобы дети выросли здоровыми, проникли в нашу экономику и окружающую среду³.

Основной причиной как прямого, так и косвенного воздействия на детей токсичных веществ является деятельность коммерческих предприятий. Во многих резонансных делах о нарушениях прав человека в результате предпринимательской деятельности причиной этих нарушений становились опасные вещества и отходы. Независимо от способности государств выполнять их правозащитные обязательства, предприятия несут ответственность за соблюдение прав ребенка. Обязательство государств по предотвращению воздействия токсичных веществ

на детей отражается в обязанности предприятий не допускать воздействия опасных веществ и отходов на детей⁴. Ответственность предприятий за соблюдение прав детей существует независимо от обязательств государства и не умаляет их. Почти все секторы предпринимательской деятельности прямо или косвенно связаны с производством, использованием, высвобождением или удалением опасных веществ. Каждый из этих секторов – добывающая промышленность, энергетика, химическая промышленность, строительство, пищевая промышленность и сельское хозяйство, производство товаров для дома, косметики, мебели, одежды, электронных приборов, перерабатывающая промышленность, удаление отходов, автомобилестроение, а также финансисты, инвесторы и адвокаты, консультирующие эти отрасли, несут ответственность за предотвращение воздействия токсичных веществ на детей. Предприятия обязаны предотвращать воздействие токсичных веществ на детей, происходящее прямо или косвенно в результате их деятельности.

Хотя последствия воздействия токсичных веществ являются серьезными и широкомасштабными, поиск решений представляется возможным, и результаты предпринятых ранее усилий вполне измеримы. Были зафиксированы улучшения в области здравоохранения и экономические выгоды применения таких рамок. Например, благодаря отказу от использования свинца в бензине удалось сократить ежегодные расходы на 2,4 трлн. долл. США (4 % от глобального ВВП) за счет предотвращения воздействия свинца на детей и его последствий для когнитивных способностей⁵. После отказа от использования свинца в бензине в 1970-х годах в США средний коэффициент умственного развития на общенациональном уровне повысился на 2,2–4,7 пунктов⁶. С экономической точ-

1 Профилактика болезней путем создания здоровых окружающих условий, ВОЗ, Женева, 2016. С. 33.
2 Grandjean Ph., Landrigan Ph. J. Neurobehavioural effects of developmental toxicity // The Lancet Neurology, vol. 13, issue 3. P. 55.
3 Состояние научных данных о химических веществах, разрушающих эндокринную систему. ВОЗ и ЮНЕП, Женева, 2012. С. 82.

4 Подробнее см.: Кабанов В. Л. Борьба с воздействием токсичных веществ и принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка (международно-правовые аспекты) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 386–388.
5 См. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unep.org/newscentre/default.aspx?DocumentID=2656&ArticleID=8917#sthash.q9BV3Pgv.dpuf>.
6 Grosse S. Economic gains resulting from the reduction in children's exposure to lead in the United States. Environmental Health Perspectives, 2002. P. 33.

ки зрения, согласно оценкам, выгода составила от 153 до 443 млрд. долл. США (в пересчете на нынешнюю стоимость доллара) для каждой возрастной когорты в стране. Требование к производителям химикатов предоставлять информацию об их воздействии на здоровье человека в соответствии с нынешними научными стандартами привело к снятию с производства сотен токсичных веществ, которые ранее были разрешены к использованию. Принятие Закона штата Калифорния о предупреждении врожденных пороков (США) способствовало тому, что в период с 1992 по 2010 год свыше 400 из 703 ранее зарегистрированных пестицидов были отозваны с рынка производителями или же их производство было приостановлено регулирующими органами всего лишь после того, как была запрошена информация о связанных с ними рисках для здоровья детей⁷. Национальные и международные усилия по сокращению масштабов пассивного курения свидетельствуют о признании как уязвимости детей к воздействию, так и их права на физическую неприкосновенность. Ограничение курения в закрытых помещениях получает все большее распространение в целях, помимо прочего, защиты прав ребенка. Другими примерами решения проблемы некоторых источников воздействия на детей могут служить принятие Директивы Европейского союза о безопасности игрушек, запрещающей использование при производстве игрушек веществ, которые классифицируются как канцерогенные, мутагенные или опасные для репродуктивной системы⁸, и законодательство США по защите детей, работающих на табачных фермах, от токсичных пестицидов. На глобальном уровне перспективным является новый договор о загрязнении ртутью – Конвенция Минамата⁹, однако он посвящен лишь одному аспекту куда более серьезной проблемы. Государствам и предприятиям все еще предстоит пройти долгий путь.

Государства недостаточно защищают детей от токсичных веществ, высвобождаемых в результате предпринимательской деятельности, о чем ясно свидетельствуют показатели воздействия, смертности, болезней и инвалидности. При разработке законов и политики следует уделять приоритетное внимание детям, женщинам и девочкам репродуктивного возраста и другим лицам, входящим в группу риска; государства – участники Конвенции о правах ребенка обязаны принять для этого законодательные и административные меры согласно ст.3. Глобальные масштабы этой проблемы, в том числе транснациональный характер корпоративных структур и деловых отношений, требуют активного международного сотрудничества. Оно требуется также и для решения проблемы ограниченного потенциала развивающихся стран и создания механизмов государственного возмещения расходов, в особенности в развивающихся странах.

Замечание общего порядка № 16 Комитета ООН по правам ребенка¹⁰ содержит полезную рамочную основу, направленную на обеспечение соблюдения предприятиями прав детей не подвергаться воздействию токсичных веществ. Эта основа включает эффективное законодательство, регулирование и правоприменение, а также политику, меры по исправлению положения, мониторинг, координацию, сотрудничество и информационно-просветительские мероприятия. Она формирует также прочную основу для осуществления экстерриториальных обязательств. Принципы благого управления, а именно транспарентность, ответственность, подотчетность, участие и реагирование, имеют исключительно важное значение

для выполнения такой рамочной основы¹¹. В рамках этой основы предприятия обязуются осуществлять принцип должной осмотрительности в отношении прав ребенка для выявления рисков и недопущения воздействия токсичных веществ и загрязнения на детей в рамках своей деятельности, а также для предотвращения и смягчения воздействия за счет делового сотрудничества (Руководящие принципы № 13, 15 и 18).

В наиболее упрощенном виде принцип должной осмотрительности в вопросах прав человека в том, что касается токсичных химикатов, заключается в выявлении потенциальных негативных последствий деятельности предприятий и деловых отношений и принятии активных мер для их предотвращения. Несоблюдение должной осмотрительности в вопросах прав человека в том, что касается токсичных химических веществ, может приводить к уголовному преследованию глав корпораций¹². В Республике Корея предположительно более 1 200 человек, включая беременных женщин и детей, испытали на себе неблагоприятные последствия для здоровья. По меньшей мере 95 из них скончались из-за того, что компании продавали потребителям стерилизующие увлажнители воздуха, не убедившись, что используемые в его работе химикаты безопасны для тех, кто неизбежно будет их вдыхать¹³. Неясно, знала ли компания-производитель «SK Chemicals», где использовались производимые ими химикаты, и пыталась ли она это выяснить. Потребительский товар был предложен для продажи и обозначен как «безопасный» и «полезный для здоровья», несмотря на то, что никаких свидетельств того, что были проведены соответствующие тесты, не было. Как представляется, дети оказались в числе наиболее пострадавших, а данные о вреде, нанесенном здоровью других лиц, или о случаях смерти отсутствуют. Наибольшее количество этого товара продала фармацевтическая компания «Рекитт Бенклизер», которая также производит медикаменты и имеет опыт в оценке рисков воздействия токсичных веществ на человека. Предприятиям следует обратить особое внимание на возможное воздействие на детей токсичных веществ в результате их деятельности, через производимые или продаваемые ими товары или в результате их выбросов в окружающую среду, а также на условия детского труда в цепях снабжения.

Предприятиям следует предотвращать воздействие токсичных веществ и веществ, использование которых сопряжено с неизвестными рисками, что является лучшей мерой по соблюдению прав человека, включая права ребенка. Трагическая гибель людей и причинение вреда их здоровью в результате использования токсичных увлажнителей воздуха в Республике Корея служит тому наглядным примером. Полное несоблюдение мер предосторожности, приведшее к трагическому инциденту с отходами горнодобывающей деятельности компании «Самарко» в Бразилии, также демонстрирует несоблюдение предприятиями принципа должной осмотрительности в вопросах соблюдения основных прав человека в том, что касается опасных веществ и отходов¹⁴. Предприятия прежде всего обязаны избегать ситуаций, в которых в результате их деятельности или при их содействии затрагиваются права ребенка, и бороться с последствиями такого воздействия, если оно все же имело место. Наилучшим способом предотвращения последствий использования опасных веществ для прав ребенка является предупреждение воздействия.

Ответственность за предотвращение воздействия токсичных веществ и загрязнения на детей потребует изменения, прекращения или перемещения некоторых видов деятельности, которые сопряжены с не поддающимися контролю или просто неизвестными рисками для здоровья детей. Вместе с тем, пытаясь игнорировать научные данные, подкрепляющие необходимость принятия мер предосторожности в тех случа-

7 Агентство по охране окружающей среды штата Калифорния, A Guide to Pesticide Regulation in California (2011 год). P. 22.

8 Directive 2009/48/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 on the safety of toys. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: OJ L 170, 30 June 2009. URL: https://ec.europa.eu/growth/sectors/toys/safety_en

9 Солнцев А. М. Роль международного права в борьбе с ртутными загрязнениями // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. С. 211-213.

10 Замечание общего порядка № 16 (2013 год) об обязательствах государств, касающихся воздействия предпринимательской деятельности на права детей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CR%2fC%2fGC%2f16&Lang=ru.

11 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ohchr.org/EN/Issues/Development/GoodGovernance/Pages/GoodGovernanceIndex.aspx.

12 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mobile.nytimes.com/2016/07/05/business/dealbook/south-korea-targetsexecutives-pressed-by-an-angry-public.html>.

13 См. A/HRC/33/41/Add.1.

14 См. Док. ООН A/HRC/32/5.

ях, когда речь идет о детях и токсичных веществах, коммерческие предприятия неоднократно заявляли, что эти меры не являются «научно обоснованными». Предприятия часто жалуются на финансовые последствия принятия мер по защите прав человека от токсичных веществ. Однако сохранение предприятиями нормы прибылей не является законным или оправданным основанием для отступления от соблюдения каких-либо прав человека. Предприятия несут ответственность за предотвращение воздействия токсичных веществ и загрязнения на детей на всех этапах производственно-сбытовой цепи. Если деятельность предприятия или его деловые связи приводят к тому, что дети продолжают подвергаться воздействию токсичных веществ, то это предприятие должно объяснить, почему этой ситуации нельзя избежать и каким образом при этом соблюдаются права детей.

Показательным примером нарушения прав ребенка из-за непринятия мер по предотвращению выбросов и высвобождения опасных веществ в окружающую среду является случай корпорации «Chisso» в заливе Минамата, Япония. С 1932 по 1968 год содержащие ртуть отходы химического завода «Chisso» выливались в воды залива. Тысячи детей были отравлены зараженной рыбой, которую ели они сами или их матери, что повлекло за собой трагические последствия для их прав на жизнь, развитие и здоровье. Среди многочисленных последствий для здоровья, которые известны под общим названием «болезнь Минамата», наблюдались врожденные заболевания детей, рожденных женщинами, не проявлявшими каких-либо симптомов. В основе того, что правительство не потребовало от компании прекратить продолжавшиеся на протяжении 12 лет после первого случая в 1956 г. выбросы ртути в залив, лежат экономические соображения. Правительство Японии признало, что «даже принимая во внимание исторические и социальные условия того времени, необеспечение правительством предотвращения продолжения вредного воздействия на здоровье человека вследствие непринятия в течение длительного времени жестких мер в отношении компаний-нарушителей и сегодня является ценным уроком; он показывает, насколько важным является быстрое принятие контрмер, а также то, что превентивные контрмеры следует принимать даже в том случае, когда причина возникновения проблемы наукой еще не установлена»¹⁵.

Предприятия обязаны также принимать меры по устранению загрязнения. Непринятие мер по восстановлению загрязненных участков является серьезной проблемой для прав ребенка. В случае с корпорацией «Chisso» прошли десятилетия, прежде чем началось устранение экстремального по своим масштабам загрязнения ртутью, и 50 лет спустя, согласно постановлениям судов, эти усилия остаются недостаточными. Случай с загрязнением свинцом в Кабве, Замбия, свидетельствует о том, насколько сложно странам с ограниченными ресурсами выполнять свои экологические обязательства. Ни Всемирному банку, ни правительству Замбии до сих пор не удалось найти устойчивое решение проблемы загрязнения, вызванного деятельностью старой городской свинцовой шахты¹⁶.

Тогда как некоторые предприятия действуют ответственно и добросовестно, другие пользуются безнаказанностью. Например, в результате почти 40-летней нефтедобывающей деятельности компаний «Occidental Petroleum» и «Pluspetrol» были загрязнены тысячи участков в перуанской части Амазонии, что привело к загрязнению продуктов питания и воды местных общин коренного населения. «Pluspetrol» оставила эти участки загрязненными, так и не проведя восстановительных работ, несмотря на свои договорные обязательства по устранению загрязнения, вызванного деятельностью обеих компаний. Новый подрядчик, компания «Pacific Stratus Energy», продолжает добычу нефти в регионе, несмотря на серьезную коррозию трубопроводов, приводящую к постоянным разрывам и разливу нефти, что еще больше усугубляет проблему загрязнения. Предприятия, генерирующие отходы или производящие продукцию, которая впоследствии пре-

вращается в отходы, также имеют соответствующие обязательства. Показательным примером является дело, связанное с незаконным сбросом токсичных отходов в Кот-д'Ивуаре компанией «Трафикура», в результате которого погибли 17 человек, а здоровью еще свыше 100 000 человек был нанесен ущерб, при этом сведения о всех последствиях загрязнения Абиджана и его окрестностей до сих пор отсутствуют¹⁷.

Таким образом можно констатировать, что коммерческим предприятиям следует в рамках их обязанности проявлять должную осмотрительность в отношении прав детей выявлять, предотвращать и смягчать последствия воздействия на детей токсичных веществ в результате их деятельности, использования их продукции или их деловых отношений, включая глобальные производственно-сбытовые цепи и другие виды международных отношений. Более того, коммерческим предприятиям необходимо собирать и раскрывать информацию о рисках воздействия промышленных веществ, пестицидов и пищевых добавок, которые они производят и продают, и связанных с ними опасностях; открыто и откровенно сообщать о мерах, принятых в целях смягчения последствий потенциального воздействия на детей; при наличии более безопасных альтернатив использовать их для смягчения последствий для прав человека. И, наконец, крайне важным представляется обеспечить, чтобы информация, касающаяся здоровья и безопасности в связи с потенциальной опасностью для детей промышленных химикатов и пестицидов, собиралась, имелась в наличии и являлась доступной для регулирующих органов и предприятий, входящих в производственно-сбытовые цепи или цепи приращения стоимости.

Пристатейный библиографический список

1. Directive 2009/48/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 on the safety of toys // OJ L 170, 30 June 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/growth/sectors/toys/safety_en.
2. Grandjean Ph., Landrigan Ph. J. Neurobehavioural effects of developmental toxicity // *The Lancet Neurology*, vol. 13, issue 3.
3. Grosse S. Economic gains resulting from the reduction in children's exposure to lead in the United States. *Environmental Health Perspectives*, 2002.
4. Замечание общего порядка № 16 (2013 год) об обязательствах государств, касающихся воздействия предпринимательской деятельности на права детей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fGC%2f16&Lang=ru.
5. Кабанов В. Л. Борьба с воздействием токсичных веществ и принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка (международно-правовые аспекты) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 386-388.
6. Профилактика болезней путем создания здоровых окружающих условий, ВОЗ. Женева, 2016.
7. Состояние научных данных о химических веществах, разрушающих эндокринную систему. ВОЗ и ЮНЕП. Женева, 2012.

15 Minamata decease: lessons. Tokyo, 2012. P. 112.

16 Док. ООН А/НRC/33/41, с.23.

17 См. А/НRC/12/26/Add.2.

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Автор данной статьи исследует теоретические основы государственной политики в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности в современной России, а также проводит анализ современного правового обеспечения и подготовки мер по противодействию экстремизму, устранению пробелов и изъянов в современном российском антиэкстремистском законодательстве, его совершенствованию.

Ключевые слова: современный экстремизм, правовое государство, средства массовой информации, молодежный экстремизм, профилактика терроризма, противодействие терроризму, антитеррористическое законодательство.

JAMBOROV Anzor Anatolyevich

senior lecturer of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE MODERN RUSSIAN LEGISLATION AS AN INSTRUMENT OF COUNTERACTION TO EXTREMIST CRIMES

The author of this article explores the theoretical foundations of the state policy in the field of counteraction to extremist crimes in modern Russia, and also analyzes the current legal provision and preparation of measures to counter extremism, eliminate gaps and shortcomings in the contemporary Russian anti-extremist law date, its improvement.

Keywords: modern extremism, the rule of law, the media, youth extremism, the prevention of terrorism, counteracting terrorism, anti-terrorism law.

В условиях интеграции процессов мирового развития, международных экономических и политических взаимоотношений, создающих все новые риски и угрозы, Россия в целях защиты своей национальной безопасности и устойчивого развития перешла к новой государственной политике, которая отражена в Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года (утверждена президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753)¹. Одной из первопричин угроз национальной безопасности РФ служит экстремистская деятельность радикальных религиозных, националистических, этнических и иных структур и организаций, которая направлена на нарушение территориального единства и целостности страны, изменение внутриполитической и социальной обстановки в РФ. Сегодня число правонарушений экстремистской направленности не снижается. Вызывают озабоченность пропаганды экстремистских идей, а именно среди молодежи, усиление тенденции использования сети «Интернет» для радикализации населения.

Проблемы, связанные с активизацией насильственных форм экстремистской деятельности, продолжают оставаться актуальными для современной России. Как показывают результаты проводимых криминологических исследований, несмотря на принимаемые обществом и государством меры в области противодействия экстремизму (терроризму), существенных изменений состояния, структуры и динамики правонарушений экстремистской (террористической) направленности в стране не происходит.

Правовое государство в качестве объективной предпосылки предполагает развитую правовую систему, соответствующую

экономическим, социальным, общественно-политическим, культурным и другим потребностям формирования общества. Российский опыт показывает, что переход в правовое состояние может сопровождаться одновременно ослаблением социальных связей, снижением уровня общественного порядка, противоречиями общественного сознания, возрастанием преступности и других правонарушений. В таких жизненных условиях важное значение приобретают эффективное правовое регулирование складывающейся системы общественных отношений, укрепление законности, увеличение степени правовой культуры молодежи.

Экстремизм необходимо рассматривать как культурный и социальный феномен. Это непростая форма выражения вражды и ненависти. Главным определением, которое используют сегодня, служит следующее: экстремизм – это приверженность к крайним мерам и течениям, радикально отвергающим имеющиеся в обществе правила и нормы, как совокупность насильственных проявлений, совершаемых в политических целях единичными лицами и специально организованными противоправными сообществами и группами.

Проблема экстремизма – самая актуальная проблема современности всего мирового сообщества. Экстремизм угрожает целостности государств и единству общества, он довольно активно развивается, вспышки его проявляются, как правило, неожиданно.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось серьезными геополитическими изменениями. Вражда и ненависть к представителям другой расы, вероисповедания, национальности – это и проблема психологическая определенного, причем довольно большого, слоя населения. Это еще и мотив совершения преступлений, как насильственного, так и ненасиль-

Жамборов А. А.

1 Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753) // СПС ГАРАНТ.

ственного характера в которые привлекается, прежде всего, молодёжь.

Причины преступности экстремистской направленности нужно искать и в социально-психологическом и нравственном состоянии общества, в наличии или отсутствии тех или иных моральных установок и ценностей.

Сегодня огромную угрозу представляют экстремистские проявления в поведении молодых людей, что опасно для России в целом, наносит непоправимый вред ее территориальной целостности, конституционным свободам и правам граждан, особенно на фоне усиления национальных и конфессиональных противоречий.

На сегодняшний день проблема противодействия молодежному экстремизму, несмотря на то, что она многократно становилась предметом научной рефлексии в трудах отечественных ученых-правоведов, остается крайне актуальной и вызывает все большие опасения из-за масштабов своего распространения. Контуры государственной молодежной политики в начале XXI в. в большинстве своем определялись необходимостью преодоления масштабных проблем, порожденных кризисом 1990-х гг., затронувшим все сферы жизнедеятельности общества, что, в свою очередь, сопровождалось катастрофическим снижением численности населения и продолжительности жизни граждан России, снижением уровня их материального благосостояния, ухудшением морально-нравственного климата в обществе. Произошел существенный надлом основополагающих ценностных ориентиров общества, таких как патриотизм, толерантность, межличностное и межсоциальное доверие в обществе. Эти и многие другие факторы оказали существенное влияние на то, что довольно высокий процент молодого населения нашей страны был втянут в сектор преступного поведения, в том числе в совершение преступлений экстремистской направленности².

Самое главное в отношении к молодежному экстремизму решение сопряжено с преодолением молодежной бедности, которая и обеспечивает «статусный крах», социальное недовольство, а потом порождает социальный протест и деятельность в работе экстремистских организаций. Этот вопрос выходит за рамки криминологической проблемы, в полном смысле является социальной и государственной. Признание молодежи субъектом, а не объектом манипуляций и средством реализации политических технологий, предполагает социализацию, сопряженную с реальными экономическими возможностями.

Довольно часто в числе причин, которые содействуют развитию молодежного экстремизма выделяют: уменьшение воспитательного направления работы с молодым поколением, повсеместное и частое манипулирование сознанием молодежи со стороны СМИ, а именно в периоды предвыборных кампаний, когда молодежь по существу является разменной монетой в руках политических сил. Поэтому в последнее время следует отметить: активизацию экстремистских проявлений среди молодого поколения, нравственный и правовой нигилизм, религиозное невежество молодежи; манипулирование сознанием российской молодежи со стороны зарубежных организаций; криминализацию молодежной досуговой сферы; пропаганду оккультизма СМИ; несовершенство и противоречивость правового обеспечения пресечения и предупрежде-

ния проявлений молодежного экстремизма; ограниченность организационного обеспечения противодействия экстремизму среди молодежи; отсутствие системного подхода в борьбе с молодежным экстремизмом, дефицит квалифицированных специалистов в этой сфере; выборочный характер принимаемых мер противодействия молодежному экстремизму; слабое участие общественных организаций в этой деятельности.

Ситуация с экстремистской преступностью, развитие ее качественных характеристик заставляет искать новые методы профилактики. Автономная и, видимо, нейтрализующая влияние объективных криминогенных обстоятельств мера – реализация молодежной политики в России. Ее цель – содействовать бесконфликтному интегрированию молодежи в общество. Стратегия соотношения структур гражданского общества и государства в области молодежной политики предопределяет, что государство определяет общее направление, приоритеты и цели молодежной политики, но в ее осуществлении основная роль принадлежит региональным органам управления, местному самоуправлению, неправительственным организациям.

Этапы последующего решения проблемы противодействия экстремизму: организовывать конкурсы в учебных заведениях на лучшие научно-исследовательские проекты по теме противодействия молодежному экстремизму; осуществлять комплексные исследования молодежных экстремальных групп и субкультур; привлекать с целью противодействия молодежному экстремизму ресурсы этнических диаспор; создать постоянно действующую передачу в аудиовизуальных СМИ с целью правового просвещения молодого поколения; использовать новые формы правового просвещения, используя, в том числе, современные информационные технологии; практиковать проведение лекций, бесед практических работников (прокуратуры, полиции и др.) о результатах противодействия молодежному экстремизму в образовательных учреждениях³.

Исследуя непосредственно сущностную природу молодежного экстремизма, необходимо выделить такие детерминанты, способствующие его распространению:

1. Кризис экономической системы, обуславливающий острое расслоение между социальными группами, что, в свою очередь, способствует росту преступности молодежи.

2. Кризис семейного и образовательного воспитания, который негативно влияет на формирование культуры права в молодежной среде.

3. Конфликты в семье и в отношениях со сверстниками, которые формируют неправильное развитие психических и интеллектуальных способностей молодых людей, что характеризует повышение уровня агрессии в межличностном общении, замкнутость, скрытность, толерантность и иные формы неадекватного (неправильного) восприятия различных норм и правил поведения.

4. Криминальная среда общения, влияющая на организованный (групповой) характер преступности экстремистской направленности в молодежной среде.

5. Открытость СМИ и сети «Интернет», позволяющие не только получать доступ к материалам экстремистского толка, но и распространять их в массовом порядке и неограниченному кругу лиц, а также создавать подобного рода материалы.

Совокупность мероприятий профилактической направленности включает также развитие, создание и совершенствование

2 Леготин М. П., Голубых Н. В. Вопросы предупреждения экстремистских преступлений в молодежной среде (на примере уральского региона) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 129-131.

3 Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014 г. № 50. Ст. 7185.

вание материально-технической базы социальных служб для молодежи; поддержку социально-реабилитационных, военно-патриотических, спортивно-оздоровительных, культурных программ. После многолетнего «охлаждения» общества к такого рода программам, а также деятельности общественных организаций, объединений патриотического профиля наступает воссоздание таких форм воспитания детей и молодежи⁴.

Считаем, что лишь комплексное противодействие экстремизму как со стороны правоохранительных органов, так и всего населения может привести к удачному исходу, предупредив катастрофу в виде подрыва основ конституционного строя и целостности государственности, чего так хотят достичь радикальные экстремистские организации.

Многоплановость, сложность, фактическое отсутствие четких граней такого социального явления как экстремизм диктуют проявлять особую осторожность в вопросах назначения уголовной ответственности за конкретные его проявления. Конкуренция составов преступлений экстремистской направленности представляет собой логическое следствие указанного обстоятельства, а также новизны и несовершенства в целом антиэкстремистского законодательства. Верное разрешение конкуренции норм ст. 280, 280.1, 282 УК РФ служит обязательным условием достижения целей уголовной ответственности и наказания преступников. Мы считаем, что присутствие в одном деянии лица признаков составов ст. 280 и ст. 282 УК РФ нужно оценивать по правилам разрешения конкуренции специальных норм и квалифицировать содеянное по ст. 282 УК РФ. Соотношение же норм ст. 280 и 280.1 УК РФ необходимо характеризовать как конкуренцию общей и специальной норм и использовать при установлении в деянии лица признаков обоих составов ст. 280.1 УК РФ⁵.

Устранение данных недостатков законодательного урегулирования противодействию экстремизму, очевидно, должно содействовать повышению эффективности не только правовой регламентации в этой сфере, но и практической деятельности федеральных органов исполнительной власти, которые осуществляют борьбу с экстремизмом.

Необходимо продолжать изучение современного правового обеспечения противодействия экстремизму и преступлениям, содействующим террористической деятельности, разрабатывать эффективные меры по противодействию терроризму, устранять пробелы и изъяны в современном российском антитеррористическом законодательстве.

Исследование проблемы преступлений экстремистской направленности в настоящее время приобрело особенно значимый и неотложный характер.⁶ Обозначенная тема многоаспектна и требует дальнейшего изучения, исследования в этой области необходимы для разрешения того кризиса, который переживает сегодня Россия.

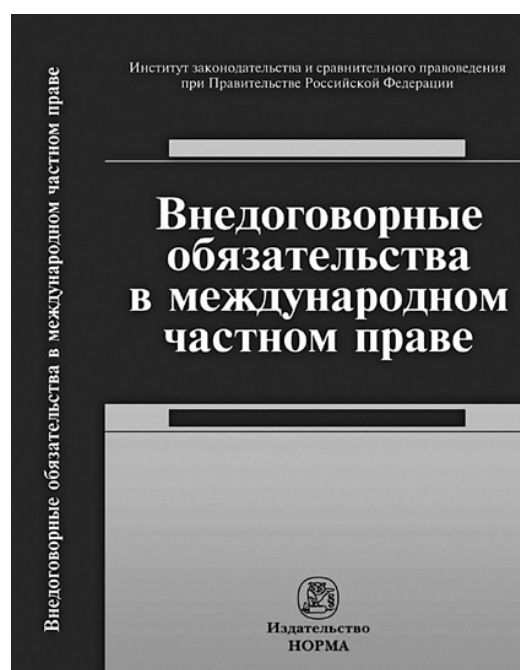
Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп. от 23.11.2015 г.) // СЗ РФ. 2002 г. № 30. Ст. 3031.
2. Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753) // СПС ГАРАНТ.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014 г. № 50. Ст. 7185.
4. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: диссертация ... доктора юрид. наук. М., 2012. 484 с.
5. Леготин М. П., Голубых Н. В. Вопросы предупреждения экстремистских преступлений в молодежной среде (на примере уральского региона) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 129-131.
6. Сазонова Е. А. Криминологическая характеристика и предупреждение молодежной преступности экстремистской направленности в российской федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
7. Степанов В. В., Струков А. В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности // Вестник Пермского университета: 2015. № 1. С. 133-140.

4 Сазонова Е. А. Криминологическая характеристика и предупреждение молодежной преступности экстремистской направленности в российской федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

5 Степанов В. В., Струков А. В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности // Вестник Пермского университета: 2015. № 1. С. 133 – 140.

6 Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: диссертация ... доктора юрид. наук. М., 2012. 484 с.

КОРКМАЗОВ Алим Викторович

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

ПОНЯТИЕ «ТЕРРОРИЗМ» И ЕГО ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с термином «терроризм», который отражает политические, экономические и идеологические установки. Также в данной статье рассматриваются основные задачи борьбы с терроризмом, а также вероятность снижения уровня риска террористических актов. Выводы автора могут быть использованы в изучении вопроса противодействия терроризму в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: многосторонняя борьба с терроризмом, борьба с терроризмом, реагирование, многосторонняя борьба с терроризмом, угроза насилия.

KORKMAZOV Alim Viktorovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the North-Caucasian advanced training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

Коркмазов А. В.

THE CONCEPT OF «TERRORISM» AND ITS GENERAL CHARACTERISTICS

The article deals with the term "terrorism", which reflects the political, economic and ideological setting. Also this article discusses the main tasks of fight terrorism and likely to decrease the level of risk of terrorist acts. The author's conclusions can be used in examining the issue of combating terrorism in Russia and foreign countries.

Keywords: multilateral counter-terrorism, counter-terrorism, response, multilateral fight against terrorism, the threat of violence.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с термином «терроризм», который отражает политические, экономические и идеологические установки тех сил, которые осуществляют акты террора. То есть столкновение интересов в этих сферах приводят к возникновению социальных конфликтов.

Рассматривая данный вопрос можно прийти к выводу, что масштабы таких столкновений могут быть самыми различными: начиная с патологического противопоставления собственного «я» всему обществу или даже человечеству со стороны отдельных индивидуумов и заканчивая жестким противоборством целых государственных систем, которое, например, характеризовало отношения между лагерем социализма и развитыми империалистическими державами в годы «холодной войны». Анализ множества определений и понятий «терроризм», сформулированных на законном уровне и на международных конгрессах конференциях и съездах, выдвинутых ведущими террологами – учеными и известными политиками¹, показывает отсутствие единства в понимании феномена терроризма среди социалистов.

Однако в имеющейся литературе неизменно встречаются общие признаки, компоненты, комплекс которых, и способен дать достаточно объективное представление о терроризме, как социально-политическом феномене:

1. Терроризм предполагает наличие определенной цели в политической, социально-экономической или идеологической сферах;

2. В отношении противостоящей стороны применяется насилие в той или иной форме либо угроза использования такового;

3. Угроза насилия или само насилие сопровождается устрашением, направленным на частичную или полную пси-

хологическую деморализацию объекта воздействия («страх – это конечное воздействие, а не побочный продукт терроризма», сам терроризм в таком контексте – это «способ управления социумом посредством превентивного устрашения»);

4. Объектом террористического воздействия, может быть двойственным: непосредственный, которым могут быть материальные объекты, некоторые категории граждан, определяемые по политическому, социальному, национальному, религиозному или иному принципу, либо случайные люди, и конечный или стратегический объект, которым является конституционный строй либо один из его элементов (территориальная целостность, порядок управления, экономическая мощь и тому подобное).

Уровень риска террористических актов свести до нуля очень трудно, но нужно бороться для того чтобы минимизировать эту угрозу, а также быть готовым к последствиям совершаемых терактов. Реагирование на происшествие, независимо от того, было ли это событие природным, техногенным или технологическим, системы реагирования, существующие для ликвидации последствий природных катастроф, могут также использоваться для снижения уровня воздействия терроризма.

17 февраля 2004 года министры внутренних дел Германии, Франции, Испании и Италии договорились о создании коллективной системы безопасности четырех стран². Главы МВД предложили правительствам и парламентам своих стран несколько законопроектов, унифицирующих антитеррористические законы в этих государствах, причем образцом подобного законодательства считаются документы, разработанные во Франции и Испании. Меры реагирования на любое из подобных событий должны в полной мере задействовать существующие структуры, включая Механизм защиты гражданско-

1 Шапиро Дж., Беймэн Д. Преодоление трансатлантических разногласий в борьбе с терроризмом. Вашингтон, 2006. С. 33-50.

2 Шнекенер У. Многосторонняя борьба с терроризмом – возможности и пределы. Берлин, 2007. С. 99-112.

го населения, который был создан в ЕС для реагирования на прочие значительные европейские или международные кризисы. В случае происшествий с трансграничными последствиями потребуется быстрый обмен операционными данными, согласованность СМИ и взаимной оперативной поддержки с использованием всех имеющихся средств, включая военные ресурсы. От способности ЕС принимать согласованные и коллективные решения будет зависеть степень эффективности и результативности реагирования. Создание механизма координации в условиях кризиса в ЕС вместе с необходимыми оперативными процедурами позволит обеспечить согласованность мер реагирования ЕС на террористические акты. Члены Евросоюза имеют большой опыт в обеспечении реагирования в чрезвычайной ситуации. Тем не менее, по-прежнему имеется необходимость в наличии в ЕС при поддержке общеевропейских институтов, включая Еврокомиссию, коллективный ресурс для общего реагирования в случае крайней необходимости, когда ресурсов одной страны ЕС будет недостаточно, и такая чрезвычайная ситуация представляет серьезную угрозу для всего Евросоюза. Для обеспечения такой гарантии необходимо провести оценку и усовершенствовать действующую систему взаимной поддержки – механизм гражданской обороны.

Крайне необходимо вывести общий подход по оценкам рисков, которые могут иметь наиболее серьезные последствия на региональном, общеевропейском и общемировом уровнях. Эти усилия должны дополнить общая база данных ЕС, с перечислением ресурсов и средств, для каждого члена Евросоюза, который сможет в случае чрезвычайных происшествий оперативно предоставить другим странам ЕС информацию.

Одно из главнейших явлений в реагировании – проявление солидарности, помощь и компенсация пострадавшим от терактов и членам их семей, не только на национальном уровне, но и на уровне Евросоюза. Члены ЕС должны выплачивать соответствующие компенсации пострадавшим. На международном уровне существует необходимость оказания помощи гражданам ЕС в третьих странах, защита и содействие военным и гражданским ресурсам в условиях проведения операций по ликвидации кризисных ситуаций.

Среди ключевых приоритетов «реагирования» должны быть:

- принятие механизмов координации в кризисных ситуациях ЕС и соответствующих им операционных процедур;
- пересмотр законодательства по механизмам гражданской обороны сообщества;
- введение оценки риска как инструмента информирования в процессе создания ресурсов для реагирования на теракт;
- улучшение координации между международными организациями в области управления реагированием на террористические акты и иные катастрофы;
- обмен надлежащей практикой и разработка подходов к оказанию помощи пострадавшим от террористических актов и их семьям.

Среди немаловажных факторов по борьбе с терроризмом является многосторонняя борьба с терроризмом. Борьба с терроризмом является, на сегодняшний день одной из главных тем обсуждения разных учреждений и организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Коркмазов А. В. Виды возможных поведенческих отклонений, девиантное поведение индивида // В сборнике: Современное общество, образование и наука сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 16 ч. 2015. С.82 – 85.
2. Коркмазов А. В. Психолого-педагогическая готовность преподавателей к формированию ценностной ориентации студентов с целью повышения эффективности самостоятельной работой // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки и образования». 2016. № 9. Т. 1. С. 176-177.
3. Коркмазов А. В. Психолого-педагогическая готовность преподавателей системы повышения квалификации к управлению самостоятельной работой студентов: методологические основы // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки и образования». 2016. № 9. Т. 1. С. 160-161.
4. Ролофф Р. Пределы и возможности эффективной многосторонности. Нью-Йорк 2010. С. 311-325.
5. Шапиро Дж., Беймэн Д. Преодоление трансатлантических разногласий в борьбе с терроризмом. Вашингтон, 2006. С. 33-50.
6. Шнеккнер У. Многосторонняя борьба с терроризмом – возможности и пределы. Берлин, 2007. С. 99-112.

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России, младший лейтенант полиции

ТЕРРОРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ТЕНЕВЫХ СХЕМ

Современные тенденции развития глобального преступного сообщества переходят все возможные мыслимые и немыслимые дозволения и границы общечеловеческого мировосприятия, а терроризм и коррупция идя «рука об руку» представляют собой костяк организованной преступности, борьбу с которыми ведут государства всего мира. К сожалению, преступления этого характера приобрели международный окрас и достаточно эффективно и порой безнаказанно используются криминальными структурами, вовлеченными в которые оказываются не только отдельные преступные группы, предпринимательские структуры, но и контролирующие, правоохранительные и судебные органы, а также должностные лица государственных органов власти. Данная взаимосвязь обусловлена несовершенством международного законодательства, требующего особого подхода и модернизацию правоприменительной практики. Борьба с подобными проявлениями должна вестись повсеместно и бескомпромиссно, а приоритетная государственная политика и стратегия национальной безопасности должна преследовать жесткое пресечение подобного рода явлений.

Ключевые слова: терроризм, коррупция, национальная безопасность, теневая экономика, международная безопасность.

CHATTAEV Azamat Ruslanovich

Ph.D. in Law, lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, junior lieutenant of police

TERRORISM AS AN INSTRUMENT OF THE CORRUPTION SHADOW SCHEMES

Modern trends in the development of the global criminal community assumes all possible conceivable permission and boundaries of human perception, and terrorism and corruption going «hand in hand» represent the backbone of organized crime, against which States around the world. Unfortunately, crimes of this nature acquired international color and quite effective and often used with impunity by criminal organizations involved in which are not only separate criminal groups, businesses, and controlling, law enforcement and judicial bodies, and also officials of public authorities. This relationship is due to the imperfection of international law, require a special approach and modernization of the law enforcement practice. The fight against such phenomena should be everywhere and uncompromising, and the priority of the state policy and national security strategy must pursue a strict suppression of these phenomena.

Keywords: terrorism, corruption, national security, shadow economy, international security.

Чаттаев А. Р.

Криминологическая ситуация в экономической сфере в последнее время характеризуется значительным увеличением числа корпоративных конфликтов, втянутыми в которые оказываются предпринимательские структуры, контролирующие, правоохранительные и судебные органы, должностные лица, а также криминалитет. Теневая экономика породила не имеющую доселе активность и беспрецедентность коррумпированности чиновничьего аппарата, в том числе правоохранительных органов. Коррупция, наряду с экономической преступностью стала мощным средством перераспределения собственности и капиталов, в том числе и криминальных¹, масштабы которого поражают своей безграничностью и безнаказанностью, и сегодня мы наблюдаем трансграничный характер коррупционных преступлений приобретших международный окрас. Безусловно, не имея мощной поддержки во власти и использования самых изощренных методов ведения теневой экономики ее развитие и процветание, невозможно.

Одним из эффективнейших инструментов ведения теневой экономики сегодня можно назвать терроризм, ведь за завесой устрашения и запугивания людей угрозой лишения жизни, имущества, возможности существования, а также «идеями утверждения исключительности и превосходства определенных социальных групп над всеми остальными»² скрываются истинные

намерения корыстных целей преступников. При этом активные действия злоумышленников путем внедрения в свои преступные дела методы террора имеют своей основной целью наживу с использованием имеющихся рычагов властного воздействия чиновничьего аппарата на игроков экономического пространства.

В этом контексте совершенно справедливо считать, что преступления террористического характера, сопряженные с организованной преступностью, имеют тесную взаимосвязь с коррупцией, следовательно, по утверждению мнения, надо полагать, что организованная преступность, коррупция и терроризм – это «бермудский треугольник»³. Учитывая данное, вполне рациональное мнение, следует добавить, что терроризм появляется не только в результате национальных, религиозных, политических и экономических разногласий и конфликтов, но и в связи с развитием организованной преступности и коррупции, которые в свою очередь порождают разгул криминальных проявлений и безнаказанное существование подобного рода преступных посягательств.

Автор отмечает, что коррупция тесно связана с криминальной экономикой и преступным бизнесом. Поскольку для воплощения своих преступных замыслов необходимо действовать рационально и планомерно, определяя цели и задачи, пути решения, методы и средства достижения, в числе которых, подкуп чиновни-

1 Коррупция и ее преступные проявления: особенности уголовного преследования / Кушнеренко С. П., Пристансков В. Д. Практическое пособие. СПб.: Специальная литература, 2004. С. 43.

2 Чаттаев А. Р. Экономические и правовые детерминанты терроризма как социально-политического феномена // Пробелы в россий-

ском законодательстве. № 3 (2017). С. 106.

3 Терроризм и организованная преступность: монография / под ред. С. А. Солодовникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 56-57.

ков и должностных лиц, как государственных властных структур, так и коммерческих организаций, а также акты террора. При этом террористические организации, осуществляя свою преступную деятельность, подпитывают развитие коррупции, поскольку для реализации их зловещих планов необходимо иметь устойчивые связи в указанных выше властных структурах и среди конкретных должностных лиц различного уровня полномочий⁴.

Не удивительно, что успешные бизнесмены, которые сумели создать успешный бизнес за сферой влияния коррумпированных чиновников и криминальных авторитетов являются объектом пристального внимания и изучения с их стороны. И как показывает опыт 90-х начала 2000-х годов, рейдерские захваты успешных компаний и предприятий нередко сопровождались громкими скандалами (замешанными в которых оказались коррумпированные чиновники), а порой и убийствами бизнесменов совершенных путем теракта (подрыв автомобиля и т.д.) с целью устрашения иных конкурентов и желающих помочь друзьям и соратникам по ремеслу. Сумевшие «выжить» в этой неравной войне и не пошедшие на сделку с преступным сообществом в лучшем случае отбывают наказания в местах лишения свободы по тем или иным преступным составам или уже отбыли, но вернуться в крупный бизнес так или иначе не смогли.

Опасность складывающейся тенденции в том, что под предлогом террористической угрозы или атаки идет устрашение населения, а по факту данные обстоятельства становятся благодатной почвой для реализации преступных замыслов. Получают свое развитие коррупция в чиновничьем аппарате, приобретает новые возможности организованная преступность, которая несет угрозу национальной безопасности страны. Следует заметить, что экономическая составляющая терроризма предполагает получение основной его подпитки из нелегального теневого бизнеса. Это и противозаконное осуществление банковских операций в кредитно-финансовой сфере с целью отмывания доходов, получаемых за счет преступной деятельности, противозаконный оборот оружия, наркотиков и особенно актуально стали преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий и Интернет сети⁵. Особое место в современном подходе к преступным деяниям террористического и коррупционного характера следует отнести использование компьютерных технологий и сети Интернет, и совершенно очевидно ряд ученых считают, что кибертерроризм следует отождествлять с классическим терроризмом, тогда кибертеррор определяется как атака на компьютерные системы с использованием сети Интернет, которая угрожает жизни и здоровью граждан, или же способна повлечь более серьезные нарушения функционирования ряда объектов инфраструктуры, осуществляемая негосударственными формированиями⁶.

Анализ коррупционных преступлений показывает, что исходя из соображений крайностей преступных посягательств, которые преследуют наиболее эффективную реализацию преступных идей, именно замыслы террористического характера будут наиболее действенными. При этом следует сделать вывод о том, что терроризм как социально-политический феномен может служить инструментом не только идеологических воззрений отдельной категории лиц с экстремистскими взглядами, но и выступать в роли механизма реализации коррупционных теневых схем.

Среди основных детерминант коррупции и терроризма ученые выделяют различные факторы, в числе которых и социально-политические, социально-экономические, законодательные и правоприменительные проблемы, культурно-нравственные и идеологические причины, которые в условиях экономического хаоса, возникшего вследствие развала сложившихся организационно-экономических и производственных связей, нестабильной финансовой системы государства, а также отсутствия сложившихся норм и правил экономического поведения субъектов хозяйствования,

выступает своеобразным стимулятором к совершению преступлений коррупционного и террористического характера.

Отмечая трансграничный характер преступлений коррупционного и террористического характера, надо отметить, что в контексте использования методов террора с целью прикрытия коррупционных схем возможно лишь используя несовершенство и пробелы как внутрисоциального, так и международного законодательства при этом, имея серьезные финансовые рычаги воздействия, которыми могут обладать крупные корпорации и компании, сфера влияния которых распространяется далеко за пределы страны их происхождения. И, как отмечает А. Сухаренко, значительная часть коррупционных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности совершается в интересах юридических лиц (дача взятка за освобождение от административной ответственности, обеспечение победы по итогам участия в конкурсных процедурах (в том числе при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд), оказание предпочтений в ходе осуществления разрешительных и контрольных процедур и т.д.)⁷.

Безусловно, регулировать взаимоотношения по недопущению развития трансграничной преступности и пресекать международный характер преступлений как террористического, так и коррупционного характера призвано международное право. Основным институтом и гарантом международной безопасности в современном мире выступает международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций. В многочисленных резолюциях СБ ООН (резолюции 1368 (2001), 1373 (2001), 1438 (2002), 1440 (2002), 1456 (2003), 1611 (2005)) терроризм определен в качестве угрозы международному миру и безопасности⁸. Вместе с тем, одного усилия ООН является недостаточным для оказания действительного влияния на развитие указанных преступлений. Только лишь грамотная внутренняя и внешняя политика государств участников международного сообщества, а также эффективная работа правоохранительных органов по предупреждению и пресечению очагов террористических и коррупционных преступлений на этапе зарождения будет иметь действительное влияние. Причем с целью недопущения слияния терроризма с коррупцией и какой бы то ни было реализации теневых экономических схем целесообразно учитывать как международный опыт в борьбе с преступлениями подобного рода, а также рациональное использование рычагов международного законодательства, путем внедрения данных норм на местном уровне и жестком контроле их исполнения. Без надлежащего контроля исполнения требований законов принятых на основе международных актов со стороны государственных органов власти невозможна борьба с рассматриваемыми преступными деяниями.

Пристайный библиографический список

1. Коррупция и ее преступные проявления: особенности уголовного преследования. / Кушнеренко С. П., Пристанков В. Д. Практическое пособие. СПб.: Специальная литература, 2004.
2. Сухаренко А. Трансграничная коррупция // ЭЖ-Юрист. 2016. № 20.
3. Терроризм и организованная преступность: монография / под ред. С. А. Солодовникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.
4. Фархутдинов И. З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права. № 4 (104). 2016, октябрь-декабрь.
5. Чаттаев А. Р. К вопросу о новых формах организованной преступности как реальной угрозе национальной безопасности России // «Черные дыры» в Российском законодательстве. № 4. 2016.
6. Чаттаев А. Р. К вопросу о правовом регулировании противодействия кибертерроризму в российском законодательстве // Евразийский юридический журнал. № 8 (99). 2016.
7. Чаттаев А. Р. Экономические и правовые детерминанты терроризма как социально-политического феномена // Пробелы в российском законодательстве. № 3 (2017).
7. Сухаренко А. Трансграничная коррупция // ЭЖ-Юрист. 2016. № 20. С. 1, 11.
8. Фархутдинов И. З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права. № 4 (104). 2016, октябрь-декабрь. С. 98.

4 Чаттаев А. Р. К вопросу о новых формах организованной преступности как реальной угрозе национальной безопасности России // «Черные дыры» в Российском законодательстве. № 4. 2016. С. 61-62.

5 Чаттаев А. Р. Экономические и правовые детерминанты терроризма как социально-политического феномена // Пробелы в российском законодательстве. № 3 (2017). С. 106.

6 Чаттаев А. Р. К вопросу о правовом регулировании противодействия кибертерроризму в российском законодательстве // Евразийский юридический журнал. № 8 (99) 2016. С. 305.

ТАОВА Лилия Юрьевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России

НАУКА ТЕОЛОГИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Вопросы получения религиозного образования в современном российском обществе имеют сегодня большое значение в деле профилактики и недопущения роста экстремистской и террористической преступности. Для устранения проблем, возникающих и развивающихся в современном мире, связанных с религиозным экстремизмом и терроризмом, необходимо воспитывать не только верующих, но и знающих. Знать религию важно и нужно, но при этом необходимо изучать ее историю, религиозное культурное наследие и, конечно, состояние взаимоотношений между различными религиозными учениями и конфессиями, что является основой теологии.

Ключевые слова: Религия, образование, теология, вероучение, экстремизм, терроризм, преступность.

TAOVA Liliya Yurjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE SCIENCE OF THEOLOGY IN COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM

The issues of religious education in contemporary Russian society have today a great importance in the prevention and prevent the growth of extremist and terrorist crime. To resolve issues arising and developing in the modern world, associated with religious extremism and terrorism, it is necessary to educate not only believers but knowers. To know religion is important and necessary, but it is necessary to study its history, religious cultural heritage, and, of course, relations between various religious teachings and faiths, which is the basis of theology.

Keywords: Religion, education, theology, dogma, extremism, terrorism, crime.

Религия на протяжении веков и до наших дней является важнейшим фактором, во многом определяющим ход человеческой истории. Религиозные движения и учения оказывали и оказывают значительное влияние на формирование культур, обществ и человеческой цивилизации в целом.

Термины «религия» и «терроризм» не совместимы, более того ни одна из религий не имеет ничего общего с жестокостью и агрессией.

Не секрет, что определенная часть молодежи, не получая ответов на свои жизненные проблемы, пытается найти их самым радикальным путем, который ведет зачастую к гибели. В этой связи следует отметить, что при вовлечении в террористическую структуру террористы используют психологические особенности молодых людей, обусловленные их несформировавшимся мировоззрением, поверхностным знанием религиозных канонов.¹ С этой точки зрения формирование мировоззрения, устойчивого кразного рода проявлениям экстремизма, ксенофобии и нигилизма, остается актуальной потребностью не только общества в целом, но и педагогического сообщества в частности.

Одну из наиболее серьезных угроз безопасности страны представляет радикализация населения, которая инициируется преимущественно извне посредством распространения идеологии терроризма трудовыми мигрантами из мусульманских государств, проповедниками, получившими религиозное образование в странах Ближнего Востока, а также через телекоммуникационные сети.

Идеологическая экспансия направлена в первую очередь на молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, которая в силу мировоззренческих и психологических особенностей восприимчива к радикальным идеям и в дальнейшем способна пополнить ряды террористических структур.

1 Красинский В. В., Машко В. В. Международная террористическая организация «Исламское государство». М., 2017. С. 37

Таова Л. Ю.

И именно образовательные организации, в первую очередь, должны быть ориентированы на создание условий для становления гражданственности в образовательном пространстве подрастающего поколения.

Религиозное образование, помимо просветительской, обучающей функции, должно выполнять и воспитательную функцию, создавая активного, полезного для общества гражданина.

Современное религиозное образование в России это, прежде всего процесс приобщения молодежи к культурному, научному и духовному опыту человечества в свете традиции религии. Но религиозное образование без основ теологических знаний не может донести до человеческого разума истинных позиций и взглядов самой религии.

Теология – это комплекс наук, которые изучают историю вероучений и институциональных форм религиозной жизни, религиозное культурное наследие (религиозное искусство, религиозное образование), традиционное для религии право, историю и современное состояние взаимоотношений между различными религиозными учениями и конфессиями.

В настоящий момент мы уже можем говорить о том, что в нашей стране обеспечивается возможность получения религиозного образования в соответствии с убеждениями и по желанию детей и родителей как дополнительного, так и факультативного. Создается программное и научно-методическое обеспечение преподавания духовно-нравственных дисциплин. В связи с этим осуществляется координация деятельности образовательных учреждений и религиозных организаций по вопросам, представляющим взаимный интерес. Большая часть задач, определяющих развитие школ, вузов и других учебных заведений, может быть решена только при условиях активного участия широкой общественности, представителей религиозно-конфессиональных, государственно-политических и деловых кругов.

Для устранения проблем, возникающих и развивающихся в современном мире, связанных с религиозным экстремизмом

и терроризмом, необходимо воспитывать не только верующих, но и знающих. Светский вуз не может готовить верующих, это компетенция религиозного образования. Поэтому религиозное образование должно обязательно содержать основы теологии. У лиц, получающих религиозное образование, кроме знаний арабского языка, должны быть знания религиозных традиций, истории, языков, что является составляющими науки теологии.

Ярким примером является Российский исламский институт, где ведется активная работа в области образования и духовно-нравственного воспитания молодежи.

Главной задачей Российского исламского института является воспитание современной мусульманской интеллигенции посредством подготовки специалистов в области исламской теологии, высококвалифицированных специалистов в области истории, права, языка, исламской экономики, призванных служить мусульманской умме России.

Выпускники Российского исламского института становятся преподавателями исламских высших и средних профессиональных учебных заведений России и стран СНГ, работают в Духовных управлениях, в государственных учреждениях, а также в научных и экспертных организациях, служат во многих мечетях России.

В современном российском обществе мнения по данному вопросу расходятся. Некоторые считают, что получая религиозное образование, в любом случае так называемые светские дисциплины знать надо. Другие высказываются за то, что необходимо выучить религию, но не нужно размывать религиозное образование. Да, можно получить религиозное образование, но как адаптироваться потом в современном светском обществе? Знать религию важно и нужно, но при этом необходимо изучать ее историю, религиозное культурное наследие и, конечно, состояние взаимоотношений между различными религиозными учениями и конфессиями, что является основой науки теологии.

В современных условиях, когда духовный фактор возрастает важно сохранить единое целое – Россию. Необходимо, чтобы люди понимали друг друга. Важно, чтобы молодые люди имели хорошую культурную подготовку, поскольку от них зависит будущее России.

Знание и уважение религии заключается, прежде всего, в умении уважать, признавать и знать ее историю, мирно сосуществовать с представителями других религий. Только взаимопонимание между различными конфессиями поможет обществу жить в мире, в согласии. И попытки увести общество по пути терроризма и экстремизма будут пресекаться самим обществом.

Религия – это как жизнь: нужно еще вызвать желание у человека в нее верить. Все остальное – это насилие.

Сегодня молодое поколение проявляет большой интерес к религии, многие пытаются найти в ней ответы на многие жизненные вопросы. Поиск этих ответов нередко заводит в определенный тупик и незнающие историю и культуру религии, заблуждаясь в ней, они выходят на путь жестокости и насилия.

В современном мире, где духовная сторона жизни бросает свое отражение практически на все, необходимо не губить ее, а помочь ей правильно адаптироваться к современным реалиям. А каждое направление развития общества должно быть научно обосновано. И именно в этих целях необходимо ввести теологию – как науку в учебный процесс всех религиозных образовательных организаций.

В зарубежных религиозных образовательных центрах, преимущественно в арабских странах (Египет, Пакистан, Сирия, Саудовская Аравия, Турция и др.) выезжающие на обучение подвергаются идеологической обработке, а в некоторых случаях обучаются основам ведения диверсионной деятельности. По возвращении на родину они становятся ярыми пропагандистами экстремизма, занимаются диверсионно-террористической деятельностью.

В различные периоды в зарубежных исламских учебных заведениях проходили обучение лидеры и идеологи вахабитского подполья: в Пакистане – Вагабов («сейфула», ликвидирован 21 августа 2010 г. у с. Гуниб Республики Дагестан); в Саудовской Аравии – Анзор Астемиров («сейфулла», ликвидирован 24 марта 2010 г. в г.Нальчике), Мусса Мукожев («якья», ликвидирован 11 мая 2009 г. в с.Дугулубгей Кабардино-Балкарской

республики); в Турции – Вадим Бутдаев («абдула», ликвидирован 17 ноября 2008 г. в г. Махачкала Республики Дагестан); в Египте – Александр Тихомиров (Саид Бурятский ликвидирован 4 марта 2010 г. в Назрановском районе Ингушетии близ села Экажево). Это далеко не весь список, но он уже достаточно громкий. Поэтому не только необходимо предоставить возможность нашим гражданам получать духовное образование в соответствии с реалиями современного мира, не покидая территории нашего государства, но и помочь им реализовать полученное образование, направив его против насилия и террора².

Неправильным, по нашему мнению, считается и использование терминов «религиозный экстремизм» и «религиозный терроризм». Экстремизм и терроризм – это преступления и относить их к какой-либо религии, по меньшей мере, не справедливо. Лица, совершающие подобные преступления, не имеют ни национальности, ни являются приверженцами какой-либо религии. С этим выводом согласен и глава Следственного комитета России Александр Бастрыкин. Выступая в апреле этого года на совместной коллегии следственных комитетов России, Белоруссии и Армении в Санкт-Петербурге, он сказал: «Экстремисты и террористы не имеют ни идеологической, ни религиозной принадлежности. Главной их задачей является дестабилизация государственной власти и разрушение государственности³. Они должны нести ответственность по законам государства и не являются отражением религии.

Если говорить в целом о влиянии науки на жизнь общества, то следует отметить, что все направления деятельности любого общества всегда определяются соотношением науки и практики. В современном мире не представляется возможным обеспечение безопасности государства без научной основы. При решении любых возникающих проблем, необходимо изучать и анализировать причины этих проблем. А изучение и анализ это удел науки.

Образование – это составная часть не только любого цивилизованного государства, но и всего мирового сообщества. Знающий человек не станет противопоставлять себя обществу, а это и есть вера в себя, вера в будущее. Образование, являясь весомым фактором развития и процветания духовной жизни общества, может стать вполне действенным механизмом борьбы с терроризмом и экстремизмом. Терроризм невозможно победить, если бороться только с его проявлением. С ним надо вести борьбу, начиная с первичных основ, необходимо научиться решать проблемы с помощью науки и образования. Образование своими специфическими средствами способно воздействовать на душу и сознание людей, меняя их взгляды, намерения, жизненные устои и мировоззрение.

Основной причиной распространения идеологии терроризма и экстремизма является слабая просвещенность населения, отсутствие истинных знаний в области религии. Нельзя также недооценивать важность теологического аспекта в предупреждении терроризма и экстремизма. Образованный человек всегда будет думать о последствиях своих действий, анализировать и давать оценку действительности. В связи с этим, необходимо дальнейшее развитие науки теологии для успешной профилактики и противодействия проявлениям терроризма и экстремизма. В этом должны помочь именно образовательные религиозные организации.

Каждый свой путь должен выбирать сам, добровольно. Не может быть религии по принуждению. Каждый, кто избрал смыслом своей жизни религию, должен знать и понимать ее истоки, ее культуру, ее доброту и вечность.

2 Таова Л. Ю. Профилактика экстремизма и противодействие внешнему стимулированию экстремистской деятельности (на примере Северо-Кавказского региона) // Вестник Казанского юридического института МВД России. Спецвыпуск. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 2013. С. 251.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.m.sledcom.ru Дата обращения: 02.08.2017г.

ВЛАХ Евгений Геннадьевич

помощник командира войсковой части 3651 по правовой работе, начальник группы правового обеспечения

ВОЙСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В статье рассмотрены основные задачи и принципы деятельности войск национальной гвардии РФ, определено их место в системе органов государственной власти, указано на обоснованность создания данного государственного формирования, а также на некоторые недостатки правового регулирования.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, военная организация, национальная безопасность, силовая структура.

VLAKH Evgeniy Gennadjevich

assistant commander of the military unit 3651 for legal services, Head of group legal support

TROOPS OF NATIONAL GUARD IN SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES

In article the main objectives and the principles of activity of troops of national guard of the Russian Federation are considered, their place in system of public authorities is defined, it is specified validity of creation of this state formation, and also some shortcomings of legal regulation.

Keywords: troops of national guard, military organization, national security, law enforcement agency.

Влах Е. Г.

Внутренние войска в составе Министерства внутренних дел РФ, по праву считались одним из важнейших звеньев указанной структуры. Они обладали широкими оперативными возможностями, мощным техническим и кадровым потенциалом, мобильными и хорошо оснащенными подразделениями. Им принадлежала главная роль в пресечении, нейтрализации и локализации внутренних вооруженных конфликтов. В качестве войск постоянной готовности они представляли собой основную составляющую военной организации страны по обеспечению ее внутренней безопасности. Не случайно, что именно внутренние войска МВД РФ явились основой созданной национальной гвардии России¹.

Нормативная основа формирования указанной федеральной службы заложена Указом Президента РФ от 5.04.2016 года № 157². Целями создания национальной гвардии РФ провозглашаются обеспечение общественной и государственной безопасности, охрана и защита прав и основных свобод граждан.

Итак, согласно указу Президента РФ, внутренние войска МВД РФ оказались преобразованными в войска национальной гвардии РФ. Сегодня ФСВНГ РФ - федеральный орган исполнительной власти, который осуществляет функции по разработке и реализации политики государства и нормативному правовому регулированию четырех сфер деятельности, таких как: войска нацгвардии РФ, оборот оружия, частная охранная деятельность и вневедомственная охрана³. Во главе ФСВНГ РФ находится ее директор, являющийся главнокомандующим и управляющим войсками нацгвардии Российской Федерации.

Соответствующий Указ от 5.04.2016 г. № 158⁴, подписан Президентом РФ.

Директор ФСВНГ РФ, при разрешении вопросов организации работы Федеральной службы, несения военной службы в войсках нацгвардии Российской Федерации, а также службы в ФСВНГ РФ, пользуется полномочиями и правами, предоставленными руководителям федеральных органов исполнительной власти, где предусмотрено несение военной службы (службы).

Основополагающие задачи, возложенные на Росгвардию, перечислены в статье 3 Федерального закона от 03.07.2016 N 226-ФЗ⁵. В качестве одной из важнейших задач Росгвардии, следует признать совместное участие с органами внутренних дел РФ в охране порядка, обеспечении безопасности общества и режима чрезвычайного положения.

Общественная безопасность – это неотъемлемая составляющая национальной безопасности, которая охватывает общественные отношения в области устранения или предотвращения угрозы для здоровья, жизни людей, а также их имущества. Ведущее место в системе сил обеспечения безопасности занимает МВД России и Росгвардия. В указанной деятельности Росгвардия и МВД России в полной мере используют специальные средства и силы, которые действуют лишь в пределах установленной компетенции и согласно законодательству.

Особо опасным посягательством против общественной безопасности стоит признать терроризм, т.е. идеологию насилия и практику воздействия на решения органов государственной власти, органов МСУ или международных организаций, сопряженные с устрашением населения либо с другими формами насильственных противоправных действий. В этих

1 Сальников В. П., Борисов О. С., Кондрат Е. Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2016. 312 с.

2 См.: Указ Президента РФ от 05.04.2016 N 157 (ред. от 30.09.2016) «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. № 73. 07.04.2016.

3 Червинская А. П. О некоторых вопросах правового статуса Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. Выпуск № 2 / том 11 / 2016. С. 107-112

4 См.: Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 158 «О директоре Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации - главнокомандующем войсками национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2016. № 15. Ст. 2077.

5 См.: ст. 3 ФЗ Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. № 146. 06.07.2016.

случаях Росгвардия может использоваться в целях пресечения актов терроризма в РФ, участвовать в проведении контртеррористических операций в предусмотренном законом порядке.

Участие рассматриваемой военной организации в территориальной обороне РФ предполагает систему мероприятий по обороне и охране военных, важных специальных и государственных объектов, осуществляемых в период военного положения. Задача по защите специальных грузов и значимых государственных объектов осуществляется посредством проведения комплекса инженерно-технических, организационных мероприятий, а также войсковых действий для надежной обороны и охраны таких грузов и объектов. К важным объектам относятся, к примеру, те из них, которые расположены в пределах закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), полный перечень которых утверждает Правительство РФ.

Осуществление должного контроля за следованием действующему законодательству в процессе оборота оружия регламентирует Федеральный закон № 150-ФЗ⁶. В сфере частной охранной деятельности, порядок осуществления государственного контроля за соблюдением законодательства, регламентирует Закон РФ от 11.03.1992 г. № 2487-1⁷. Деятельность вневедомственной охраны направлена на те объекты, которые подлежат обязательной охране сотрудниками полиции⁸, а также охрану на договорной основе, осуществляемую ранее ФГУП «Охрана» МВД РФ.

Принципы функционирования ВНГ РФ — это исходные, фундаментальные идеи, закрепленные в нормах права, отражающие закономерности развития отношений при выполнении войсками нацгвардии своих полномочий, направленные на достижение цели их деятельности.

Как указано в статье 4 Федерального закона № 226-ФЗ, подразделения нацгвардии выполняют свою работу опираясь на принцип законности, уважения прав и свобод личности, а также централизации и единоначалия в управлении. Помимо этого, комплектование войск нацгвардии служащими по призыву, осуществляется согласно экстерриториальному принципу (пункт 1 ч. 3 ст. 24). Как мы можем заметить, никаких нововведений в Законе не предусмотрено, все принципы оказались спроецированными из Федерального Закона от 06.02.1997 г. № 27-ФЗ⁹.

Следовательно, в соответствии с принципом законности, детальной регламентации должны быть подвергнуты полномочия войск национальной гвардии РФ (общие, специальные и в чрезвычайных ситуациях), способы, приемы, методы и формы деятельности, правовой статус личного состава,

т. е. все действия должны подвергаться регулированию, основываться на законодательстве, а также на нормах морали. Соблюдение указанного принципа, на наш взгляд, особую важность приобретает при обеспечении режимов чрезвычайного положения и контртеррористической операции, когда требования соблюдения принципов законности и верховенства права личным составом войск охраны правопорядка подвержены интенсификации. В этой связи актуализируется проблема недопущения злоупотребления полномочиями со стороны задействованного личного состава, даже при нали-

чии провокационных действий правонарушителей¹⁰, а также соразмерности и легитимности применения контрмер по отношению к виновным лицам.

Действия всего личного состава национальной гвардии облечены должны быть в правовую форму, осуществляться лишь в определенной последовательности, оправданно и обоснованно. При том, механизм применения возможных мер принуждения, помимо законодательного закрепления, должен быть одобряемым и морально поддержанным обществом в качестве единственно возможного способа обеспечения защиты объектов общественной и государственной безопасности.

На дефиницию «законности» в правовой теории существует широкая система научных взглядов. К примеру, Долгопятом А.О. под ней предложено понимать реализацию субъектами права действующих справедливых правовых предписаний¹¹. Представляется, что предложенную категорию весьма затруднительно отнести к области юриспруденции. Полагаем, что для следования принципам деятельности войск нацгвардии, не должны служить в качестве препятствий: моральные либо этические проблемы формирования ценностных ориентиров служащих; экономическая нестабильность и политические, а также социальные изменения в стране; пробелы, содержащиеся в правовых актах либо декларативность определенных положений правовых актов, регулирующих деятельность ВНГ РФ.

Принцип соблюдения прав и свобод личности, совместно с принципом законности, является актуальным и основным для всех направлений деятельности рассматриваемой военной организации. Хотя ее деятельность имеет ограничительный характер, по своей сути, целям и принципам является правовой, так как осуществляется в рамках закона, в установленной форме с конечной целью — предоставить защиту правам и свободам человека и гражданина.

Следует согласиться с мнением, что данный принцип реализован может быть лишь в пределах упорядоченного общества с контролируемым и прогнозируемым уровнем распространения преступности, состояния общественной и государственной безопасности и т. д.¹². Очевидно, что в условиях усложненной оперативной ситуации права человека могут оказаться ограниченными в связи с установлением правовых режимов чрезвычайного характера, а, соответственно, и дополнительных мер принуждения. В подобных условиях ряд определенных ограничений необходим в целях нормализации обстановки, ликвидации (минимизации) и локализации чрезвычайных последствий, восстановления нарушенных интересов общества и прав человека.

В этой связи, смещение равновесия прав и обязанностей к приоритету полномочий ВНГ РФ не будет способствовать деформации ответственности, что представляется возможным в обычных условиях, а, напротив, поспособствует ее усилению и потребует от сотрудников эффективных, целенаправленных, последовательных, своевременных и рациональных действий, нацеленных на защиту объектов безопасности. С учетом изложенного, представляется целесообразным дополнить ФЗ № 226 статьей, которая бы устанавливала обязанность и ответственность военнослужащих национальной гвардии, в т. ч. командующего состава, за исполнение задач, возлагаемых на данную организацию.

6 См.: Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оружии» // Российская газета. № 241. 18.12.1996.

7 См.: Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 03.07.2016) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 100. 30.04.1992.

8 См.: Распоряжение Правительства РФ от 02.11.2009 № 1629-р (ред. от 07.03.2016) «О перечне объектов, подлежащих обязательной охране полицией» // Собрание законодательства РФ. № 09.11.2009. № 45. Ст. 5397.

9 См.: Федеральный закон от 06.02.1997 № 27-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. № 29. 12.02.1997.

10 Зенкин А. Н. Провокация преступления как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Законность. 2015. № 6. С. 26-31.

11 Долгопят А. О. Долгопят А. О. Понятие и содержание принципа законности // Бизнес в законе. М.: Изд. Дом «Юр-ВАК», 2009. № 1. С. 335-337.

12 Параносенков П. М. Соблюдение прав и свобод человека как основополагающий принцип деятельности полиции Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 57-59.

Принципами единоначалия и централизации управления подразумевается приоритет решений начальника (командира) и руководителей различных уровней, принимающих участие в совместных мероприятиях¹³.

Централизованное руководство и единоначалие - формы функционирования и организации управленческого аппарата. Каждая из данных форм обладает рядом относительно самостоятельных характеристик вне зависимости от того, к какому из типов организации они подлежат применению.

В настоящее время в отдельных государствах постсоветского пространства инициативность принятия некоторых административных решений обуславливается децентрализацией управленческого процесса по причине стремления к сближению с европейскими стандартами и формированию новой административно-правовой доктрины¹⁴. Это предполагает большое значение принципа субсидиарности, который предусматривает решение ряда задач на местах, в случаях же неспособности решения таковых — использование дополнительных средств и сил. Руководители на местном уровне несут персональную ответственность за все принятые решения и результаты, перечень же возможных инициатив определяется законодательством. Представляется, что внедрение этого принципа в функционирование воинских формирований и военных организаций с правоохранительными функциями нецелесообразно.

Относительно комплектования войск нацгвардии военнослужащими в соответствии с экстерриториальным принципом, необходимо отметить, что соответствующим образом производят пополнение нацгвардии личным составом за счет, так называемого, призывного контингента, который проживает вне пределов районов дислокации всех воинских соединений, а также частей. Следование данному принципу позволяет пополнить воинские части нужным количеством личного состава на всей территории России, создавать командования войск в регионах не зависимо от плотности населения.

Обобщая вышеизложенное отметим, что принципы функционирования войск нацгвардии РФ имеют правовое оформление, т. е. закреплены в федеральном законодательстве, так как каждый из них применяется в целях решения конкретных тактических или стратегических задач; соответствуют функциям, задачам и целям органов управления, соединений и объединений, воинских частей, образовательных организаций и иных, входящих в состав нацгвардии, и отражают между ними конкретные связи; основываются на определенных общественных отношениях, возникающих в процессе их деятельности. Соблюдение и реализация указанных принципов - одно из основных условий деятельности ФСВНГ РФ, следование которому будет способствовать успешному выполнению функций и задач этой государственной военной организации, окажет влияние на эффективность, оперативность, своевременность и результативность их реализации.

Итак, по нашему мнению, образование Национальной гвардии в РФ способно оказать положительное влияние на обеспечение прав человека и национальной безопасности нашей страны, в особенности учитывая напряженную обстановку во всем мировом сообществе последних лет. Создан новейший силовой институт, призванный стать важнейшим элементом механизма по обеспечению безопасности государства, по противодействию внешним и внутренним экстремистским силам.

Естественно, что в связи с недавним созданием рассматриваемой структуры, в настоящее время неразрешенными остаются множество вопросов относительно задач, полномочий в

области обеспечения военной безопасности и др. Не совсем ясны пределы практического взаимодействия Росгвардии с прочими силовыми институтами (ФСБ РФ, МВД РФ, Прокуратурой и т.п.), налицо установление дублирующих функций обозначенных структур. Представляется, что правовое регулирование деятельности войск нацгвардии находится лишь на этапе становления, и в соответствии с потребностями практики будет подвергаться дальнейшей детализации и корректировке.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 (ред. от 30.09.2016) "Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации" // Российская газета. № 73. 07.04.2016.
2. Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 158 "О директоре Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации - главкомандующем войсками национальной гвардии Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 11.04.2016. № 15. ст. 2077.
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ "О войсках национальной гвардии Российской Федерации" // Российская газета. № 146. 06.07.2016.
4. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 06.07.2016) "Об оружии" // Российская газета. № 241. 18.12.1996.
5. Федеральный закон от 06.02.1997 № 27-ФЗ (ред. от 30.12.2015) "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации" // Российская газета. № 29. 12.02.1997.
6. Распоряжение Правительства РФ от 02.11.2009 № 1629-р (ред. от 07.03.2016) "О перечне объектов, подлежащих обязательной охране полицией" // Собрание законодательства РФ. 09.11.2009. № 45. Ст. 5397.
7. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 03.07.2016) "О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации" // Российская газета. № 100. 30.04.1992.
8. Гриценко Е. В. Европейская доктрина надлежащего публичного управления и перспективы ее восприятия в российском праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2. С. 115-128.
9. Долгопят А. О. Долгопят А. О. Понятие и содержание принципа законности // Бизнес в законе. М.: Изд. Дом "Юр-ВАК", 2009. № 1. С. 335-337.
10. Зенкин А. Н. Провокация преступления как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2015. № 6. С. 26-31.
11. Кеня И. А. Специфика принципов правового регулирования отношений в сфере государственного управления // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 65-67.
12. Параносенков П. М. Соблюдение прав и свобод человека как основополагающий принцип деятельности полиции Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 57-59.
13. Сальников В. П., Борисов О. С., Кондрат Е. Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2016. 312 с.
14. Червинская А. П. О некоторых вопросах правового статуса Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. Выпуск № 2 / том 11 / 2016. С. 107-112

13 Кеня И. А. Специфика принципов правового регулирования отношений в сфере государственного управления // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 65-67.

14 Гриценко Е. В. Европейская доктрина надлежащего публичного управления и перспективы ее восприятия в российском праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2. С. 115-128

ФАТКУЛЛИН Булат Хабирович

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ ОТЧЕТА ПЕРЕД НАСЕЛЕНИЕМ

Статья содержит вопросы организации проведения участковым уполномоченным полиции отчета перед населением.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, информация, отчет перед населением, профилактика.

FATKULLIN Bulat Khabirovich

senior lecturer of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE DISTRICT POLICE OFFICER OF THE POLICE REPORT TO THE PEOPLE

Article describes the organization of the district police officer of the police report to the people.

Keywords: district commissioner of police, information, report to the population, prevention.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-разыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций. Полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами¹.

Отчитываться о результатах своей работы на общих собраниях граждан, живущих на территории его административного участка, обязан и участковый уполномоченный полиции. Периодичность проведения данных отчетов – не реже одного раза в год. Отчеты участкового уполномоченного полиции проводятся в целях информирования населения об оперативной обстановке и проделанной работе, а также получения информации об оценке населением его деятельности и территориального органа МВД России на районном уровне².

В своих отчетах участковому уполномоченному полиции целесообразно включать следующую информацию:

1. Информация о складывающейся оперативной обстановке на участке и принимаемые меры по ее нормализации:

– обозначить количество совершенных, раскрытых преступлений и выявленных административных правонарушений. Отчет не должен представлять собой оценку криминальной обстановки на административном участке только с

набором статистических данных, целесообразно приводить конкретные примеры.

2. Работа, проводимая участковым уполномоченным полиции по выявлению и раскрытию преступлений и правонарушений.

3. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике преступлений и правонарушений:

– о количестве лиц, состоящих на профилактических учетах, из числа проживающих на обслуживаемом административном участке и проводимой индивидуально-профилактической работе с ними, участие в данной работе населения;

– о результатах проведенных профилактических обходов территории административного участка, в том числе обследований многоквартирных дома на предмет наличия запирающих устройств на дверях, ведущих в подвалы, на технические этажи и чердачные помещения);

– об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений и административных правонарушений на административном участке (оборудованных замками чердачных и подвальных помещений; восстановленном освещении в подъездах и лестничных площадках жилых домов; установленных домофонах в многоквартирных домах и так далее).

4. Состояние и результаты участия граждан и общественных объединений, в том числе правоохранительной направленности, в охране общественного порядка;

– формы участия граждан в охране общественного порядка на территории административного участка;

– количество и результаты привлечения общественных формирований правоохранительной направленности, народных дружин к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на обслуживаемом административном участке с конкретными примерами.

5. Результаты рассмотрения жалоб, заявлений и предложений граждан:

– количество поступивших обращений граждан и принятых по ним решений о привлечении к уголовной или административной ответственности виновных, о проведении профилактических мероприятий;

– количество обратившихся во время приема граждан в участковом пункте полиции и характер таких обращений.

1 Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – 2011. – № 28.

2 Приказ МВД РФ от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции» // Российская газета. – 2013. – № 65.

Данный перечень не является исчерпывающим. Необходимо включать и иные проблемные вопросы, требующие рассмотрения на данном собрании.

Информацию для отчета участковый уполномоченный полиции подбирает в ходе изучения государственной и ведомственной статистической отчетности; результатов рассмотрения обращений граждан в полицию, а также использует информацию, полученную в результате проведения профилактического обхода административного участка, личного наблюдения, общения с населением. Используются и другие сведения, имеющиеся в органе внутренних дел.

На этапе подготовки к отчету участковым уполномоченным полиции разрабатывается информационно-аналитическая записка, в которой отражается проводимая им работа по охране общественного порядка и безопасности на обслуживаемой территории, защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, а также принимаемые меры по обеспечению общественного доверия и поддержки граждан. Не позднее чем за 10 дней до назначенной даты отчета информационно-аналитическая записка размещается для ознакомления на официальных сайтах территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях (при наличии) в сети Интернет и по согласованию на официальном сайте органа местного самоуправления в сети Интернет³.

В ходе собрания участковый уполномоченный полиции проводит разъяснительные беседы о мерах предосторожности, направленных на обеспечение их имущественной и личной безопасности, в целях предупреждения преступлений и административных правонарушений, в том числе и в сфере семейно-бытовых отношений⁴. Учитывая, что граждане, находящиеся в общественных местах в пьяном виде, являются жертвами правонарушений или сами совершают различные правонарушения, необходимо довести до сведения граждан меры административной ответственности за появление в общественных местах в состоянии опьянения⁵. Принимая во внимание участвовавшие случаи совершения противоправных действий на объектах транспорта, необходимо ознакомить граждан с мерами, принимаемыми сотрудниками полиции по их пресечению⁶. Не следует оставлять без внимания и актуальные проблемы в профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними⁷. Ну и конечно обратить внимание граждан на своевременное информирование полиции о выявленных фактах нарушения действующего законодательства.

Таким образом, действующими нормативными правовыми актами достаточно подробно регламентированы вопросы организации проведения участковым уполномоченным полиции отчета перед населением. Однако следует отметить, что не установлены нормативы охвата количества населения административного участка и не определены рекомендуемые места проведения отчетов, что приводит в ряде случаев к формальному проведению участковым уполномоченным полиции отчетов перед жителями одного дома или одного подъезда. Качественная подготовка участкового уполномоченного полиции к проведению отчета, максимальное привлечение граждан к участию в обсуждении, приглашение на собрание работников органов социальной защиты населения, предприятий жилищно-коммунального хозяйства, ветеранских объединений, иных заинтересованных организаций позволит в полной мере достичь поставленных целей и задач проведения отчета.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – 2011. – № 28.
2. Приказ МВД России от 30.08.2011 № 975 «Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России» // Российская газета. – 2011. – № 219.
3. Приказ МВД РФ от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции» // Российская газета. – 2013. – № 65.
4. Приказ МВД России от 30.08.2011 № 975 «Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России» // Российская газета. – 2011. – № 219.
5. Авдеева Е. Ю. Актуальные проблемы профилактики административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 106-108.
6. Алешин С. В. О порядке применения статьи 20.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях сотрудниками полиции по охране общественного порядка территориальных органов внутренних дел // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2016. – № 19-5. – С. 83-87.
7. Мамлеева Д. Р. Особенности охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на железнодорожном транспорте // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 314-316.
8. Усманова Д. Р. Внутрисемейное насильственное преступление как объект изучения семейной криминологии // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (72). – С. 33-35.
3. Приказ МВД России от 30.08.2011 № 975 «Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России» // Российская газета. – 2011. – № 219.
4. Усманова Д. Р. Внутрисемейное насильственное преступление как объект изучения семейной криминологии // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. № 2 (72). – С. 33-35.
5. Алешин С. В. О порядке применения статьи 20.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях сотрудниками полиции по охране общественного порядка территориальных органов внутренних дел // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2016. – № 19-5. – С. 83-87.
6. Мамлеева Д. Р. Особенности охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на железнодорожном транспорте // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 314-316.
7. Авдеева Е. Ю. Актуальные проблемы профилактики административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 106-108.

КОРКМАЗОВ Алим Викторович

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

ИННОВАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К УПРАВЛЕНИЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СЛУШАТЕЛЯ

В данной статье анализируются основные формы организации самостоятельной работой слушателя, необходимые средства, области применения, достоинства и недостатки дистанционного образования как инновационной формы обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, методы обучения инновационной формы обучения, учебный процесс, инновационная форма обучения, дистанционные методы обучения дистанционного образования, самостоятельная работа, тьютор.

KORKMAZOV Alim Viktorovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the North-Caucasian advanced training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

Коркмазов А. В.

INNOVATIVE MEANS OF ORGANIZATION IN THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL READINESS TO MANAGE THE INDEPENDENT WORK OF THE LISTENER

In this article, the main forms of the organization are analyzed by the independent work of the listener, the necessary means, areas of application, advantages and disadvantages of distance education as an innovative form of instruction.

Keywords: distance learning, teaching methods, Innovative forms of education, educational process, Innovative form of education, Distance learning methods, Distance education, independent work, tutor.

Современное общество ставит перед высшей профессиональной школой задачу психолого-педагогической готовности в подготовке специалиста мыслящего, способного самостоятельно добывать знания и готового к применению их в практической деятельности. Новшества присущи для каждого вида профессиональной деятельности человека и в связи с этим конечно являются предметом изучения, внедрения и анализа. Инновации сами возникнуть не могут, это поиск оптимальных решений и результат творческих поисков, с помощью педагогического опыта отдельных преподавателей и целых научных обществ. Этот процесс не может быть стихийным, он нуждается в управлении, где можем регламентировать Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», статья 13. Общие требования к реализации образовательных программ. При реализации образовательных программ используются различные образовательные технологии, в том числе дистанционные образовательные технологии, электронное обучение.

Выход из этой ситуации осуществляется нахождением содержания, форм, методов и средств обучения, отвечающих более широким возможностям развития, саморазвития и самореализации личности. Организация процесса обучения в университете должна быть взаимосвязана с их развитием. Исходя из этого, нужно организовывать учебный процесс таким образом, что бы самостоятельная работа слушателей применялась как инструмент освоения знаний и была ведущей формой учебной деятельности, успешно позволяющей осваивать фундаментальные, методологические знания. Исходя из этого, задача по организации внеаудиторной самостоятельной работы слушателей (далее по тексту – СРС) имеет особое значение.

СРС является, наряду с аудиторной учебной работой слушателей, составной частью процесса подготовки специалистов профессионального обучения, где на нее для очной формы обучения отводится до 55% общей учебной нагрузки¹.

Самостоятельная деятельность слушателей на их предельном уровне, происходит в процессе реализации различных типов, видов и форм организации СРС, параллельно освоению содержания образования. Роль преподавателя в учебном процессе все больше сводится к консультированию, в результате внедрения новейших технологий в процесс обучения. Это требует от них специальной психолого-педагогической готовности к управлению самостоятельной работой слушателя. Где кроме традиционных видов обучения СРС, университет предлагает применить онлайн технологии или как еще можно выразиться дистанционное обучение. Дистанционное образование – это организационно-дидактическая форма образования, отличающаяся от других форм способом характером образовательной коммуникации, осуществляемой в основном опосредованно.²

Дидактические принципы «корреспондентной» образовательной системы дистанционного образования реализуют психолого-педагогические особенности и образовательные потребности обучающихся по этой форме образования. К числу общих дидактических принципов можно отнести:

1. «Корреспондентное», это обучение, которое основано на самообразовательной деятельности слушателя, которое требует от преподавателя создания специальных курсов учебно-методических материалов по изучению данной специальности;

2. Принятие независимости слушателя в выборе содержания и сроков обучения, прагматическое отношение к промежуточной и итоговой аттестации и оценке как к средству мотивации и самоконтроля.

Учебно-методического объединения высших и средних профессиональных учебных заведений Российской Федерации по профессионально-педагогическому образованию. – Екатеринбург: Изд-во Росс. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. – № 1 (39). – С. 112-125.

2 Каримов К. А. Дистанционное обучение как организационно-дидактическая форма повышения квалификации педагогических кадров // Молодой ученый. – 2013. – № 9. – С. 373-375.

1 Полюянов В. Б., Перминова Н. Б. Процессный подход к управлению внеаудиторной самостоятельной работой студентов // Вестник

3. Разделение педагогических ролей: преподавателя, представляющего содержание обучения, и консультанта (наставника, тьютора), направляющего самообразовательной деятельности обучающегося посредством дидактического взаимодействия (диалога);

4. Модульная организация содержания обучения, обеспечивающая более высокую степень вариативности и, с другой стороны, облегчающая «корреспондентную» коммуникацию;

5. Гибкость и подвижность сроков обучения и, соответственно, темпа образовательного процесса;

6. Сведение к минимуму числа очных занятий (сессий), требование особой формы этих занятий, оправдывающей их целесообразность.

Согласно дидактической модели «корреспондентного» дистанционного обучения образовательных систем, традиционные аудиторные занятия (лекции и семинары) заменяются другими формами: во-первых, самообразовательной деятельностью обучающегося, для организации и обеспечения которой готовятся специальные комплекты учебно-методических материалов, и, во-вторых, интенсивными практическими групповыми занятиями – так называемыми тьюториалами, очень мало напоминающими обычный семинар и радикально отличающимися от лекции. Средства и каналы телекоммуникации используются как средства доставки учебно-методических материалов и обеспечения интерактивности – общения между и обучающимися в ходе индивидуальных консультаций и внутригруппового взаимодействия.

Внедрение дидактической формы «корреспондентного» дистанционного обучения, требует от преподавателя (тьютора) определенных знаний и умений, связанных с индивидуальной работой слушателей, включающих в себя разные способы психологической поддержки, консультации и проведения тьюториалов, в связи с чем тьютору необходимо, уметь организовать групповую работу и свободно владеть материалом нескольких учебных курсов.

Современный образовательный плацдарм дистанционного образования можно разделить на следующие кластеры:

1. Корпоративный – для улучшения профессиональных качеств своих сотрудников, компаниями создаются в структурах центрах дистанционные обучающие тренинги, которые стандартизируют и улучшают качество подготовки персонала, осуществляется переподготовка и переобучение в пределах своей организации, тем самым, существенно уменьшает количество затрат на корпоративное обучение. В связи с чем в несколько раз снижаются траты на необходимость командировочных поездок для повышения квалификации и для компаний это успешное решение некоторых острых проблем.

2. Образовательный – в системе высшего и среднего образования повышаются возможности получения профессионального, дополнительного и послевузовского образования, повышения квалификации;

3. Управленческий – эта форма позволяющая проводить повышение квалификации и переподготовку кадров в органах государственного и местного управления, где является оптимальным для решения современных кадровых и образовательных задач, удовлетворения образовательных потребностей и кадров.

Для полного рассмотрения всей площадки дистанционного образования необходимо рассмотреть и положительные стороны для слушателей:

1. Доступность – эта способность, имея ноутбук и интернет, в любое время и в любом месте выходить на связь с преподавателем, получать от него задания и обсуждать учебный материал.

2. Социальность – она создает одинаковые условия получения образования для людей из разных слоев общества, не зависимо от их состояния здоровья, места проживания и т.д., чем положительно влияет на социальную напряженность и стресс в обществе. Благодаря этому люди с ограниченными возможностями могут получать образование.

3. Качественность – существуют большие возможности для получения знаний у высококвалифицированных преподавателей, а так же их консультации, где постоянный мониторинг усвоения знаний, умений и владений, происходит

непрерывным контактом с другими слушателями по видео конференции, в котором применены коллективные работы, благодаря чему слушатели получают так необходимый сейчас всем навык групповой работы.

4. Индивидуальность – позволяет осуществить обучаемому собственный график занятий, собственную учебную программу, отдельный учебный план и очередность и время изучения предметов, важное значение это имеет для обучающихся с ограниченными возможностями во времени, а также для молодых мам, имеющих на иждивении детей.

5. Объективность – максимально объективная система оценки знаний и стремление к независимости; где нет возможности субъективно оценивать знания.

6. Инновационность – снимает ряд психолого-педагогических проблем слушателей, по применению полученных знаний на практике с условием использования самых современных информационных технологий.

7. Экономичность – представляет собой значимую экономии трат на путевые расходы и содержание помещений, времени. Все необходимые учебные материалы слушатель получает сразу, отпадает необходимости тратить время на переписывание конспектов. Все необходимое легко сохранить, воспроизвести и редактировать на электронных носителях.

8. Непрерывность – это один из важных положительных фактов дистанционного образования для освоения следующих ступеней курса и освоению программы в целом. Слушатели могут возвращаться к предыдущим урокам и даже дисциплинам для того, что бы повторить или закрепить пройденный материал и есть возможность смотреть и слушать видеолекции сколько это необходимо.

Таким образом, дистанционное образование является эффективной формой обучения, которая ориентирует как на результат, так и развивает мотивацию к получению образования. Помогает открыть границы и расширить слушателям доступ к нетрадиционным источникам информации, это и повышает эффективность самостоятельной работы. Это позволило найти новые возможности для обретения и закрепления различных профессиональных знаний, умений и владений. Так же профессорско-преподавательскому составу позволяет реализовывать творческие проекты, новые формы и самые смелые методы обучения с применением концептуального моделирования явлений и процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Желудкова Л. И., Высочина Т. А. Дистанционное образование как инновационная форма обучения // Педагогика: традиции и инновации: материалы III Международ. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 35-37.
2. Михайлова Е. И. Кейс и кейс-метод: общие понятия // Маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 12-13.
3. Полуянов В. Б., Перминова Н. Б. Процессный подход к управлению внеаудиторной самостоятельной работой студентов // Вестник Учебно-методического объединения высших и средних профессиональных учебных заведений Российской Федерации по профессионально-педагогическому образованию. – Екатеринбург: Изд-во Росс. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. – № 1 (39). – С. 112-125.
4. Проектирование оценочных средств компетентносто-ориентированных основных образовательных программ для реализации уровня профессионально-педагогического образования: метод. пособие для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов / авт.-сост. И. В. Осипова, О. В. Тарасюк, А. М. Старкова. – Екатеринбург: ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – 2010. – 72 с.

СКОБЕЛЕВА Оксана Олеговна

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры философии и общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕАУДИТОРНОГО ЧТЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ВЕДОМСТВЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В данной статье рассматривается проблема организации внеаудиторного чтения на иностранном языке как одного из видов самостоятельной работы обучающихся. Привлечение в образовательный процесс литературных произведений известных писателей создает благоприятные условия для развития мотивации обучения, обогащения общекультурными и страноведческими знаниями обучающихся, развития творческой деятельности и мышления. Изучение образцов англоязычной литературы также способствуют и практическим целям обучения: развиваются навыки произношения, увеличивается словарный запас обучаемых, формируется коммуникативная компетенция на базе прочитанного материала.

Ключевые слова: внеаудиторное чтение, интеграция, иностранный язык, литературные произведения, самостоятельная работа.

SKOBELEVA Oksana Olegovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Philosophy and humanities disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ORGANIZATION OF OUTSIDE READING IN ENGLISH IN A DEPARTMENTAL LAW INSTITUTE

In this article the problem of organization of outside reading in a foreign language as one of the types of students' individual work is examined. Use of books by famous writers in the educational process creates significant opportunity for learning motivation development, enrichment of our students in cultural and cross-cultural knowledge, creativity and thinking development. Study of the English language literature greatly influences upon the practical purposes of education: speaking development, increase of students' vocabulary and formation of communicative competence on the basis of learnt material.

Keywords: outside reading, integration, a foreign language, literary works, individual work.

Скобелева О. О.

Современное профильное образование в полной мере реализует свои задачи лишь при целостном подходе к процессу обучения. Системный подход позволяет наиболее полно реализовать все функции образовательного процесса, затрагивая также и воспитательный его стороны. Дисциплина иностранный язык имеет наиболее благоприятные факторы в формировании не только речевых навыков, но и в формировании личности обучаемого.

Изучение иностранного языка, как одной из основных дисциплин высшего образования, невозможно представить вне культурологического подхода. В настоящее время актуален вопрос формирования у обучаемых культурологической компетенции как своей страны, так и страны изучаемого языка, формирования его культуры и личности. Язык является инструментом, с помощью которого познается своя и чужая культура. Владение только родным языком представляет определенную опасность впадения в этноцентризм. Иностраный язык расширяет культурный горизонт, релятивирует знание о мире, разрывая границы этноцентризма¹.

В данном контексте неоспорима роль изучения литературных произведений на занятиях иностранного языка. Литературное образование как ведущая идея связывает культурную компетенцию страны изучаемого языка с литературно-эстетической компетенцией, включающей в себя функционально-формальные цели обучения: выразительность, приятие

перспектив, понимание «чужого», межкультурную коммуникацию, открытость и терпимость.

Литература, как никакой другой вид искусства, является не только источником информации о быте и культуре народа, но несет в себе богатейший историко-культурный и воспитательный потенциал. Она поистине является основным и главным источником знаний о национальной культуре и языке. «Культуроведческий подход к содержанию и методам обучения родному языку предполагает усвоение учащимися в процессе изучения языка жизненного опыта народа, его культуры (национальные традиции, религия, нравственно-этические ценности, искусство) и духовно-эстетическое воздействие на мысли, чувства, поведение, поступки обучаемых»². На интегрированном занятии по иностранному языку обучаемые приобретают не фоновые, а основные, базовые нравственно-эстетические знания и ценности.

Наряду с изучением литературных произведений на занятиях иностранного языка, немаловажен такой вид самостоятельной работы, как внеаудиторное чтение.

Выделяются следующие факторы, определяющие специфику индивидуального чтения как вида речевой деятельности, и его особую роль при овладении иноязычной речью.

1. «Автономность» чтения. При всей несомненной взаимосвязанности и взаимовлиянии, которые объединяют между собой различные виды речевой деятельности (говорение, чтение, письмо, аудирование), чтение обладает известной неза-

1 Кострова О. А. Язык, культура, идентичность // Вестник факультета иностранных языков. № 1. Самара, 2000. С. 14.

2 Ходякова Л. А. Живопись на уроках русского языка. М., 2000. С. 16.

висимостью. Значительное количество людей достаточно свободно и продуктивно работают с иноязычной литературой, извлекая из нее необходимую для их профессиональной деятельности информацию, не имеют при этом никаких навыков устного общения на соответствующем иностранном языке.

2. Чтение – это общение с носителем языка. Для эффективного овладения иноязычной речью весьма существенным фактором является непосредственное общение с носителем языка. Но, не смотря на обилие контактов с зарубежными странами, эта проблема решена не полностью. В какой-то степени она снимается, если обучаемый приобщается к чтению оригинальной литературы на изучаемом языке. Если курсант читает произведения в оригинале, можно не опасаться, что он столкнется там с руссизмами или другими проявлениями интерференции родного языка.

3. Чтение – это возможность выбрать собственный темп работы. Курсанты в процессе обучения иноязычной речи вынуждены приспосабливаться к темпу работы на занятии и темпу речи другого человека. Преимущество чтения заключается в том, что каждый обучаемый может сам выбрать посильный для него темп работы, по собственному желанию ускоряя или замедляя его. Это позволяет ему больше надеяться на собственные силы, развивая самостоятельность.

4. Чтение – это возможность более эффективного подхода к обучению. В зависимости от уровня языковой подготовки курсантам предлагается для индивидуального чтения материал самой различной степени трудности. Значительным разнообразием отличается и тематика книг, используемых для внеаудиторного чтения (детективные рассказы, триллеры, реалистическая проза, публицистика и т. п.), в соответствии с интересами, и дальнейшими жизненными планами студентов.

Курсантам ведомственного юридического вуза было предложено внеаудиторное чтение произведений англоязычных писателей, контроль над которым осуществлялся один раз в месяц. Необходимо отметить, что в начале обучения курсанты не проявили заинтересованности в этом виде деятельности, не хотели читать или предпочитали известные уже произведения современных авторов, детективы, фантастику. Но со временем, под влиянием условий деятельности мотивация обучаемых начала меняться. В процессе чтения появлялись более устойчивые побуждения к этой деятельности. Чем активнее курсант включался в чтение, тем большая потребность в чтении у него возникала.

Обучаемые пользовались полной свободой при подборе произведений для индивидуального чтения. При этом они руководствовались: а) уровнем собственной языковой подготовки; б) своими литературными вкусами и интересами.

Задания по индивидуальному чтению носили достаточно стабильный характер. В течение месяца курсанты должны были:

1. Прочитать от пяти до двадцати страниц текста (в зависимости от уровня языковой подготовки) на английском языке;
2. Выписать в тетрадь лексические единицы, необходимые для понимания текста, выучить из них наиболее употребимые в речи;
3. Подготовить фонетическое чтение вслух небольшого отрывка из текста;
4. Подготовить письменный литературный перевод небольшого отрывка из произведения;
5. Подготовить пересказ прочитанного произведения;

В целом курсантам предоставлялась значительная степень свободы при определении объема подготавливаемого текста.

Его объем варьировался в зависимости от сложности текста, от уровня языковой подготовки обучаемого. В зависимости от уровня языковой подготовки курсантов предполагалось, что они выписывают в тетрадь от 20 до 30 лексических единиц, с которыми встретились в процессе чтения произведения. При этом преподаватель подчеркивает, что не всякое незнакомое слово следует записывать в словарь и заучивать. Обучаемым предлагалось самим определить, насколько существенно данное незнакомое слово для понимания текста, встречалось ли оно им ранее.

Отрывок для выразительного чтения (как правило, один абзац текста в 10 строк) выбирался курсантами по их усмотрению. Преподаватель подчеркивал важность и необходимость тщательной артикуляции при чтении. Проверялось умение обучаемых самостоятельно озвучить незнакомые слова на базе фонетической транскрипции, без помощи преподавателя.

Обязательно сообщение курсантов о прочитанном произведении. Передать на иностранном языке содержание текста, высказав также свое отношение к нему, – это достаточно сложная задача. Поэтому целесообразно, чтобы, делая свое сообщение, курсант опирался на достаточно четкий план высказывания, предлагаемый ему преподавателем. Однако подчеркивалось, что по мере более прочного усвоения общего плана высказывания обучаемые могут и должны вносить в этот план изменения по своему усмотрению, не нарушая при этом логической последовательности высказывания. С другой стороны, сообщение о прочитанном произведении ни в коем случае не должно было являться результатом зубрежки. Курсант обязан адекватно передать содержание конкретного прочитанного текста и выразить свое отношение к нему с помощью усвоенных им языковых средств, наиболее подходящих к данной конкретной ситуации.

В результате от занятия к занятию общий план высказывания, а также сопутствующие ему речевые клише все более прочно и основательно запоминались обучаемыми. В то же время курсанты привыкали подбирать для выражения своих мыслей такие слова, словосочетания и грамматические конструкции, которые наиболее полно отражали конкретную ситуацию.

Также можно предложить обучающимся изучить творчество великого английского драматурга, поэта Уильяма Шекспира на самостоятельную работу. Целью внеаудиторных занятий было познакомить курсантов с жизнью и творчеством Шекспира и с содержанием семи его пьес. За основу была взята книга Чарльза и Мэри Лэм, которая представляет собой пересказ прозой на английском языке семи пьес Шекспира: «Romeo and Juliet» (Ромео и Джульета), «Hamlet» (Гамлет), «Othello» (Отелло), «A midsummer night's dream» (Сон в летнюю ночь), «Much ado about nothing» (Много шума из ничего), «King Lear» (Король Лир), «Twelfth night» (Двенадцатая ночь)³. В пересказах передано основное содержание пьес в несколько сокращенном и упрощенном виде, выпущены некоторые сцены, не упоминаются некоторые второстепенные действующие лица, но фабула пьес в целом сохранена, и тексты читаются с большим интересом. К трудным для понимания словосочетаниям и предложениям даны сноски с их переводом на русский язык. В некоторых случаях для лучшей передачи смысла использован не дословный, а литературный перевод, сделанный советскими переводчиками Шекспира Т. Щепкиной-Куперник, М. Лозинским, Б. Пастернаком. Перед каждым текстом

3 Лэм Ч., Лэм М. Пьесы Шекспира: Книга для чтения на англ. яз. М., 1984. 112 с.

пьесы дан перечень действующих лиц, а после текста – небольшая историческая справка о пьесе. Также дан список собственных имен с транскрипцией.

Курсанты были поделены на группы в зависимости от уровня их языковой подготовки, обучаемые с более высоким уровнем владения языком были объединены с курсантами с более низким уровнем. Каждой группе необходимо внимательно прочитать, перевести одну пьесу, сделать план, изложить основные положения и сделать законченный конспект произведения. Предварительно преподавателю необходимо научить курсантов грамотному конспектированию, только тогда данный вид самостоятельной деятельности станет продуктивным. Работа курсантов в обязательном порядке проверяется, рецензируется. Данный вид деятельности активизирует действительно самостоятельное осмысление и переработку информации. От обучающихся требуется включение различных навыков и умений при выполнении подобных заданий в процессе изучения текстов на иностранном языке. В ходе их выполнения активизируется умение анализа, синтеза, исследовательские умения и развивается коммуникативная компетенция.

Результатом работы данной деятельности является занятие-конференция. В начале занятия предлагается прослушать биографию Шекспира на английском языке. Преподаватель проверяет понимание материала с помощью вопросов. Курсанты также вспоминают сведения о писателе и его творчестве, изученные в школе. Далее выступают все обучающиеся с подготовленными пересказами пьес. После каждого выступления преподаватель предлагает вопросы и задания на контроль понимания материала. Например:

1. Where do the events in the story take place?

2. Who are the main characters in the story? Characterize each of them.

3. What is the moral of the story?

В дальнейшем происходит активное обсуждение изученного материала. В конце занятия подводятся итоги, курсанты высказывают свое мнение о проделанной работе, что удалось, что было особенно сложно для них, что понравилось. Большинство обучающихся (60%) в большей или меньшей степени удачно справились с заданием подготовки конспектов и пересказов. Этому также способствовала работа в группах. Гораздо сложнее было организовать правильное понимание докладов на слух, т.е. аудирование. Аудирование как вид речевой деятельности чрезвычайно важен при обучении иностранному языку, так как невозможно овладение иностранным языком без грамотного процесса восприятия речи на слух. И задача преподавателя иностранного языка научить курсантов понимать звучащую иностранную речь – одна из главных целей обучения. Обучаемые отметили, что вопросы и задания к пьесам, их обсуждение на занятии, а также и иногда перевод на русский язык помогали им в восприятии и правильном понимании прослушанного материала. Несмотря на все трудности, курсанты с интересом восприняли данный вид работы.

Таким образом, самостоятельная работа курсантов и управление этой деятельностью со стороны преподавателя – составляющая успешного обучения иностранному языку. Грамотно организованная самостоятельная работа обучаемых способствует формированию всех сторон методической культуры: знаний, навыков, умений, мотивации. Самостоятельная работа не должна пониматься только как работа вне учебных занятий и вне руководства преподавателя.

В организации самостоятельной деятельности курсантов преподавателю важно помнить о роли внутренних потребно-

стей, мотивов, необходимо сформировать у обучаемых положительное отношение к этой деятельности и, самое главное, – научить их рациональным приемам самостоятельной работы. Субъектом образовательной деятельности является курсант: ему-то и отводится основное место в регулировании компонентов системы, т.е. самоорганизация, самоуправление, самоконтроль и самооценка. Для этого педагог должен сам владеть этими приемами и понимать природу самостоятельной деятельности.

Роль самостоятельной работы на занятии и вне его трудно переоценить: ведь обучаемый понимает значение самообразования, и в результате у него формируются коммуникативные и информативные компетенции, формируется и реализуется желание и потребность учиться всю жизнь⁴.

Включение литературных произведений во внеаудиторное чтение способствует решению всех задач образованного процесса: обучение, образование и развитие. Самостоятельный анализ художественных текстов не только содействует развитию речевых языковых навыков и умений курсантов, но и возбуждает познавательную активность обучаемых, способствует их приобщению к общеобразовательной культуре, формирует самостоятельное критическое мышление и ценностные ориентиры.

Пристатейный библиографический список

1. Артамонова Г. В. Формирование профессионально-ориентированной самостоятельной деятельности студентов языкового вуза: на материале оригинального художественного произведения: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Тольятти, 2002. 30 с.
2. Кострова О. А. Язык, культура, идентичность // Вестник факультета иностранных языков. № 1. Самара, 2000.
3. Лэм Ч., Лэм М. Пьесы Шекспира: Книга для чтения на англ. яз. М., 1984. 112 с.
4. Ходякова Л. А. Живопись на уроках русского языка. М., 2000.

⁴ Артамонова Г. В. Формирование профессионально-ориентированной самостоятельной деятельности студентов языкового вуза: на материале оригинального художественного произведения: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Тольятти, 2002. 30 с.

МАРЧЕНКО Светлана Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

В данной статье поднимается вопрос о воздействии судебной речи на ум и чувства слушателей. Автор считает возможным говорить о психолингвистической составляющей судебной риторики, подразумевая под этим понятием набор различных языковых средств, обуславливающих экспрессивность выступления. Действительно, результат выступления в суде зависит от того, насколько умело судебный оратор, наряду с логическими доказательствами и приёмами аргументации, воздействует на эмоции слушателей, создаёт определённое настроение в аудитории. В качестве иллюстрации приводятся примеры из текстов выступлений С. А. Андреевского, Ф. Н. Плевако, чьи речи отличались убедительностью, стилистической безупречностью, особой экспрессивностью.

Ключевые слова: судебная речь, воздействующая функция, экспрессивные средства языка, судебные ораторы.

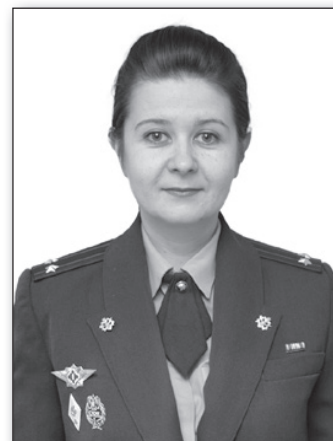
MARCHENKO Svetlana Vladimirovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Philosophy and all-humanities disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

PSYCHOLINGUISTIC COMPONENT OF COURTROOM SPEECH

The article raises the question of the impact of courtroom speech on the mind and feelings of listeners. The author considers it possible to talk about the psycholinguistic component of judicial rhetoric, implying by this concept a set of different linguistic means, which determine the expressiveness of the speech. Indeed, the outcome of a speech in court depends on how skillfully the forensic orator, along with logical evidence and methods of argumentation, affects the emotions of listeners, creates a certain mood in the audience. As an illustration, the article introduces examples from the speeches of S. A. Andreevsky, F. N. Plevako, whose speeches were noted for their persuasiveness, stylistic impeccability, and special expressiveness.

Keywords: courtroom speech, acting function, expressive means of language, forensic orators.

Марченко С. В.

Сегодня проблемы построения выступления в суде, выбора стиля речи, языковых средств создания выразительности являются актуальны как для практикующих юристов, так и для учёных-филологов¹. Одним из наиболее важных вопросов, интересующих исследователей, занимает факт экспрессивного воздействия судебной речи. Во многих работах, затрагивающих данную тему, часто употребляются следующие термины: психолингвистические механизмы воздействия, экспрессивный, воздействующий. В данной статье мы попробуем описать психолингвистическую составляющую судебной речи, другими словами, поговорим о лингвистическом аспекте её воздействия.

Выступление должно воздействовать, что неизменно происходит, когда речь направлена на привлечение внимания слушающих, но также порой изменяет их взгляды, влияет на их правосознание. Как работает этот механизм? Естественно, основным воздействующим средством здесь служит сама организация материала, его логическая доказательность. Это происходит, если выступающий, опираясь на убедительные факты и конкретные аргументы, влияет на ход мысли слушателей. И действительно убедительной, воздействующей, его речь будет тогда, когда он сможет озвучить необходимые вопросы и найти на них верные ответы. Однако для того, чтобы произ-

вести глубокое впечатление, следует воздействовать на разум и на чувства.

Справедливым представляется мнение Н. Г. Михайловской и В. В. Одинцова, согласно которому в тех речевых ситуациях, когда происходит анализ доказательств, уместно использовать способы передачи мысли, основанные на логике. Если факты, составляющие основу дела, не вызывают сомнений, тогда следует опираться на эмоциональную сторону воздействия². Сами практикующие ораторы, исследуя тексты судебных речей и правила их построения, высказываются о том, что выступление должно быть эмоциональным. Однако они также отмечают, что чрезмерное обращение к художественным средствам может привести к тому, что слушатели не усвоят сути высказывания, «переключившись» на сопереживание.

Здесь представляется необходимым обратиться к толкованию некоторых категорий. Во-первых, следует определить, что эмоция – это чувство. Следовательно, эмоциональность – это передача чувств, переживаний. Содержание речи может отличаться эмоциональностью. Это происходит вследствие того, что слушатели, например, возмущаются, негодуют, если идёт речь о преступлении, или сочувствуют невинно пострадавшим.

Во-вторых, что такое экспрессивность речи? Под этой категорией мы понимаем выразительность, позволяющую речи выполнять воздействующую функцию. Таким образом, рече-

1 Марченко С. В. Экспрессивные средства языка и литературные приёмы в речи судебных ораторов XIX века // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 123.

2 Михайловская Н. Г., Одинцов В. В. Искусство судебного оратора. М.: Просвещение, 1981. С. 34.

вые средства, используемые оратором для эффективности своего выступления, создают экспрессию речи. К этим речевым средствам, запускающим механизм психолингвистического воздействия, можно отнести особую интонацию, изменение темпа речи, особо сильное произношение согласных, постановка акцента на нужных словах, лексические повторы, паузы. Экспрессивность создаётся и за счёт умелого применения средств синтаксиса, а именно: парцелляции, вопросительных предложений, повторов и т. д.³ Более того, это настолько широкое и глубокое понятие, что способно пронизывать практически все аспекты речи. Выступление судебного оратора, умело использующего психолингвистические возможности речи, оказывает на аудиторию двойное воздействие: передает информацию, размышления оратора, а также даёт возможность соприкоснуться с особой стороной человеческой жизни, с вопросами нравственности, с горем других людей.

Те интеллектуализированные и эмоциональные средства, которые имеются в языке, считаем возможным назвать психолингвистической составляющей судебной риторики. Именно они обуславливают экспрессивность выступления. Как известно, каждое слово, практически любое речевое средство в сфере судебной риторики выполняет информативную функцию и служит созданию в сознании слушателей определённых образов, воздействующих на их чувства и разум⁴. Постараемся определить и описать некоторые приёмы. Наиболее часто используется прием адресации. Это традиционное обращение: товарищ судья, господин судья, уважаемая аудитория. Местоимения, глаголы повелительного наклонения и др. также выполняют функцию обращения. Нередко для воздействия используются инфинитивные предложения, в состав которых входят модальные слова, выполняющие функцию должностования: Следует сказать о том...; или: Её действия необходимо расценивать как умышленные.

Судебная речь подразумевает коннотацию оценки, выражения отношения к тому, что составляет предмет выступления. Для этого обычно используются такие вводные предложения, где оценку содержит семантика глаголов. Подобные конструкции помогают оратору активизировать мыслительную деятельность слушающих: Я полагаю, что Машин заслуживает более сурового приговора; или: Я обращаю ваше внимание на необходимость учесть показания свидетеля Петрова. В том случае, когда необходимо проявить особую категоричность, часто используют такие выражения, например, я заявляю, я утверждаю. Замечено что в обвинительной речи они используются чаще, чем в защитительной, которая может и вовсе не обладать категоричностью (например, если нет необходимости перекалфикации преступления).

Известно, что термины, содержащиеся в своей семантике коннотацию оценки, считаются наиболее употребительным средством воздействия. В данном случае имеются в виду оценочные понятия: злостное хулиганство, особая жестокость, грубое нарушение правил, вредные последствия, условия усиленного надзора, колония усиленного (строгого, особого) режима и т.д.

В сфере судебной риторики к способам воздействия можно отнести как конкретные языковые категории, так и

абстрактные понятия. Например, точность словоупотребления позволяет оратору сделать акцент на важных явлениях и моментах. Напротив, ошибки, возникшие в результате нарушения лексической сочетаемости, не только нарушают восприятие излагаемого материала, но и могут привести к неточностям в формулировке.

Для иллюстрации вышеизложенного материала считаем необходимым привести примеры из текстов выступлений известных юристов, чьи речи отличались убедительностью, стилистической безупречностью, особой экспрессивностью. Образцами того, как остроумно задавать вопросы и отвечать на них, говорить, опираясь не на заранее подготовленный конспект, а на тезисы оппонента, побеждать в споре, оперировать контраргументами, подкрепляя их фактами, являются речи русских судебных ораторов.

С. А. Андреевский, юрист, оратор, поэт и критик, считал адвоката «говорящим писателем», который обязан перенести в зал судебного заседания «простые, глубокие, искренние и правдивые приемы... литературы в оценки жизни»⁵. Сергей Аркадьевич виртуозно работал с метафорами, сравнениями, литературными образами: «Иной вырос на тучном черноземе, под солнцем; под солнцем – и кажется, хорош, другой жил в болоте – вышел много хуже. Вы знаете, какая трясина вся прошлая служба Мироновича», – такую характеристику условий, в которых формировалась личность подсудимого, приводит он в суде. Образно говорит он о важности показаний свидетелей: «...она своим рассказом осветила, как молнией, все, что в потемках»; доказательства, которые приводит сторона обвинения, он описывает так: «Экспертиза эта оказалась наскоро сшитым саваном для Мироновича; но Миронович не умер; работа профессора не ушла с ним в темный гроб, и теперь, рассмотрев ее при свете, мы видим, как она была сделана не по росту Мироновичу, как она плоха, как рвутся ее нити...». Особо следует подчеркнуть способность адвоката дать краткую, но яркую характеристику подсудимого: «Он будто целиком взят из самых странных романов нашей эпохи: в нем есть и карамазовская кровь, есть большое сходство с Позднышевым из «Крейцеровой сонаты», он отчасти сродни и многим думающим жанрам, постоянно изображаемым французскими писателями. Самая его фамилия «Иванов», подобно заглавию чеховской комедии, будто хочет сказать нам, что таких людей много расплодилось в наше время»⁶.

Судебную риторику к XIX – н. XX вв. отличает яркий, сочный, художественный язык. Судебный оратор, подобно художнику, создаёт яркие, реалистичные картины жизни, что, конечно же, в несколько раз усиливало воздействие речи на слушателей в плане эстетики.

Так, Ф. Н. Плевако предпочитал использовать не столько логические, рациональные формы изложения, сколько образительные-выразительные средства. С их помощью он создавал особую эмоциональность, атмосферу сопереживания, сочувствия подсудимым. Ярким примером является его речь по делу люторических крестьян, в которой Фёдор Никифорович использовал палитру художественных средств, создал великолепные убедительные образы, усиливающие воздействие, умело передал переживания подсудимых, приводил неоспоримые доказательства. В результате был вынесен относительно мягкий приговор, большинство подсудимых были оправданы.

3 Марченко С. В. Синтаксические средства создания экспрессивности (на примере судебных речей русских юристов второй половины XIX века) // Известия СШ РАН. 2015. Т. 17. № 1 (3). С. 712.

4 Марченко С. В., Марченко Д. Э. Методологические основы судебного красноречия // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: Научно-методический журнал. 2016. № 1 (7). С. 87.

5 Судебные речи известных русских юристов / Сост. Е. М. Ворожейкин. М.: Госюриздат, 1958. С. 124.

6 Там же. С. 130-133.

Приведём отрывок выступления адвоката: «А обстоятельства именно таковы, люторические крестьяне попали в такой омут, где обыкновенные меры были бы ужасны и бесчеловечны. Не тысяча солдат, осаждавших деревню и грозивших ей оружием и силой, ужасали их. Не страшен им был и сам начальник губернии. Страшно и ужасно было долгое прошлое люторических мужиков, перепутавшее их взгляды и, кажется, сбившее их с толку. Десятки лет сосал их силы управляющий, десятки лет с сатанической хитростью опутывал их сеть условий, договоров и неустоек. С торной дороги свободы 19-го февраля они зашли в болото...»⁷.

Одной из основных задач судебного оратора является необходимость привлечь внимание к конкретным явлениям, различным деталям. В психологии существует много способов решения данной задачи, однако наиболее эффективные средства предоставляет в распоряжение оратора именно лингвистика, каждый раздел которой содержит арсенал подобных средств. Например, инверсия, когда говорящий намеренно использует вместо объективного (прямого) порядка слов обратный: «Утрюм и мрачноват Сергей Тимофеевич. Да и как ему быть другим? Безрадостными были последние, перед встречей с Буркиной, годы его жизни»⁸. Или лексические повторы, позволяющие судебным ораторам сделать акцент на особо важных моментах. Ф. Н. Плевако в речи по делу Грузинского как аргумент для установления причин совершения преступления удачно использовал антонимы: «То, что с ним случилось, беда, которая над ним стряслась, – понятны всем нам; он был богат – его ограбили; он был честен – его обесчестили; он любил и был любим – его разлучили с женой и на склоне лет заставили искать ласку случайной знакомой, какой-то Фени...»⁹. Особой экспрессивностью обладает градация, в результате применения которой каждое последующее слово превосходит предыдущее или уступает ему по степени качества, в результате чего усиливается и воздействующий эффект речи. Такой же силой обладает и анафора, когда выступающий повторяет начальные слова или словосочетания. Данный приём повышает степень воздействия, убедительность речи, более того, часто используется для аргументации, например: «...Врач не имел права оставлять без помощи тяжело раненного человека; не имел права предлагать ему самому явиться утром на осмотр»¹⁰.

Таким образом, основная задача судебного оратора, впрочем, как и любого выступающего, – убедить слушателей в своей правоте, склонить их на свою сторону. Для этого он должен на основе фактического материала, используя языковые средства, обладающие способностью придать речи выразительность, экспрессивность, убедить аудиторию, заставить слушателей переживать определённые чувства, можно сказать, пленить своей личностью, заслужить авторитет и уважение за счёт проявления таких черт характера, как прямота, уважение, тактичность. Эти черты нужно продемонстрировать по отношению к тем, о ком говорит он в своём выступлении, и к тем, кто его слушает.

К. П. Луцкий, оратор и исследователь речи, характеризует оратора, отмечая ораторскую предосторожность, когда необходимо «известное предвидение судебным оратором того, чем мог бы в своей речи оскорбить чуткость тех, пред кем или о ком он говорит, и которое состоит в выборе таких искусных оборотов речи, которые дают высказывать известные поло-

жения, казавшиеся без этого резкими и грубыми»¹¹. Действительно, неумело использованное слово может создать противоположное впечатление от речи. Наоборот, кропотливая, интенсивная работа над выбором слова, над интонацией, над своим поведением приведёт к успеху.

В заключение следует сказать о том, что судебная речь – это выступление, от которого, как метко замечено, зависит судьба, а иногда и жизнь человека. В связи с этим оратор должен с ювелирной точностью использовать языковые средства, психолингвистические приёмы изложения материала, чтобы добиться необходимого эффекта, определённого воздействия на состав суда и аудиторию, не допуская ни фактических, ни речевых ошибок.

Пристатейный библиографический список

1. Марченко С. В. Синтаксические средства создания экспрессивности (на примере судебных речей русских юристов второй половины XIX века) // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17. № 1 (3). С. 711-713.
2. Марченко С. В. Экспрессивные средства языка и литературные приёмы в речи судебных ораторов XIX века // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 123-124.
3. Марченко С. В., Марченко Д. Э. Методологические основы судебного красноречия // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: Научно-методический журнал. 2016. № 1 (7). С. 86-89.
4. Михайловская Н. Г., Одинцов В. В. Искусство судебного оратора. М.: Просвещение, 1981. 173 с.
5. Плевако Ф. Н. Речи. М.: Издательство Юрайт, 2011. 649 с.
6. Судебные речи известных русских юристов / Сост. Е. М. Ворожейкин. М.: Госюриздат, 1958. 520 с.

7 Плевако Ф. Н. Речи. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 58-60.

8 Там же. С. 125.

9 Там же. С. 55.

10 Там же. С. 156.

11 Там же. С. 187.

КИСЕЛЕВ Анатолий Иосифович

кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье исследуется проблема соотношения государства и гражданского общества. Обосновывается, что признаки государства присущи также и гражданскому обществу. В этой связи они взаимосвязаны, их нельзя противопоставлять, они призваны тесно взаимодействовать в целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов гражданина и человека.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, признаки государства, территория, народ, власть, право, суверенитет.

KISELEV Anatoliy Iosifovich

P.D. in Philosophy, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Novosibirsk State Technical University

RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE CIVIL SOCIETY

The article explores the problem of the correlation between state and civil society. The author claims that the state attributes are also inherent to civil society. In this regard, they are interrelated, they cannot be countered and they are called upon to interact to enhance the effectiveness of protecting rights and legitimate interests of the citizen and the person.

Keywords: state, civil society, signs of the state, territory, people, power, law, sovereignty.

Киселев А. И.

Вопрос о гражданском обществе все более актуализируется в современной жизни. Данная идея охватывает все большее количество умов россиян и это имеет значение для консолидации наших граждан, но идея от идеи отличается своей живучестью. Последнее должно базироваться на общественно значимом объективном содержании, которое не приведет к разочарованию в торжестве справедливости, к формированию нечестивых взглядов на реальную действительность.

Наиболее ярко, перспективно и основополагающе это заложено в Послании Президента России Федеральному Собранию 01 декабря 2016 года: «Граждане объединились – и мы это видим, надо сказать спасибо за это нашим гражданам – вокруг патриотических ценностей не потому, что всем довольны, что все их устраивает. Нет, трудностей и проблем сейчас хватает. Но есть понимание их причин, а главное уверенность, что вместе мы их обязательно преодолеем. Готовность работать ради России, сердечная, искренняя забота о ней – вот что лежит в основе этого объединения».

При этом люди рассчитывают, что им будут обеспечены мирские и равные возможности для самореализации, для воплощения в жизнь предпринимательских, творческих, гражданских инициатив, рассчитывают на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду.

Принципы справедливости, уважения и доверия универсальны. Мы твердо отстаиваем их – и, как видим, не без результатов – на международной арене. Но в такой же степени обязаны гарантировать их реализацию внутри страны в отношении каждого человека и всего общества.

Любая несправедливость и неправда воспринимается очень остро. Это вообще особенность нашей культуры. Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы все это не исходило, и все больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение».

Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин представляют гражданское общество как «... систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллективов, для жизнедеятельности общества в социальной, культурной и духовной сферах»¹

Из этого, без указания признаков гражданского общества, следует только попытка противопоставления гражданского общества и государства.

Заслуживает внимания точка зрения С.Н. Кожевникова, который отметил, что гражданскому обществу «...должны быть свойственны определенные признаки, способствующие более глубокому осмыслению его природы»². Он дает пять признаков гражданского общества и формирует очень верное, по убеждению автора, заключение «...правовое государство может формироваться только в органической связи с гражданским обществом, обеспечивая его функционирование»³. Однако если подойти к этому вопросу с конституционно-правовой позиции, исходя из смысла ст.3 Конституции России, то все это является попыткой раскрыть отдельные способы непосредственного осуществления власти народом.

Гражданское общество проживает на определенной территории, имеет конкретный состав, органы управления и самоуправления, руководствуется соответствующими правовыми или морально-нравственными нормами, а также обладает определенным суверенитетом. Следовательно, исследуя вопрос соотношения гражданского общества и государства необходимо определить основания для сравнительного анализа.

1 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. – М.: Юрист, 2004. – С. 53.

2 Кожевников С. Н. Теория государства и права: Учебник/ Под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юрист, 2005. – С. 155.

3 Кожевников С. Н. Теория государства и права: Учебник/ Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2005. – С. 160.

Автор считает обоснованным исходить из признаков государства.

Во-первых, это территория государства, являющаяся пространственным пределом суверенитета России, которая включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними (ст. 67 Конституции России), а также территории дипломатических и консульских представительств за рубежом, военных кораблей, судов в открытом море. На данной территории проживают граждане России, иностранцы (как постоянно, так и временно находящиеся в России), лица без гражданства. При этом если граждане России представляют социальную основу конституционного строя, то остальные (постоянно проживающие), вместе с гражданами России, являются субъектами гражданского общества. Кроме этого наши граждане выезжают за границу территории России по различным причинам и на различные сроки, но не перестают быть субъектами нашего гражданского общества, и представляют, хотя и этого или нет, Россию за рубежом. Таким образом, территория гражданского общества шире территории государства.

Во-вторых, это народ – граждане государства, образующие единую социально-экономическую и политическую общность независимо от деления его на какие-либо национальные общности.⁴

Субъектом же гражданского общества является население, включающее кроме граждан иностранцев и лиц без гражданства, постоянно или временно проживающих на территории России, которые (за исключением временно проживающих) имеют право участвовать в решении вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью (Конституция России ст. ст. 130, 131; Федеральный закон №67-ФЗ от 12.06.2002г ч. 10 ст. 4).

Таким образом, гражданское общество по своему субъектному составу (социальной основе) шире и многочисленней государства.

В-третьих, это власть. Относительно государства, что закреплено в ст. 3 Конституции России:

«1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Относительно же гражданского общества, объем понятия власть дополнительно включает власть: религиозных объединений; формальных и неформальных групп, объединений как позитивной, так и негативной, в том числе экстремистской, и криминальной направленности; политических партий, действующих на основе соглашения с другими институтами гражданского общества.

В-четвертых – право. Признаком, отличающим государство от догосударственных форм общественной организации, является создание правовых норм. Под правом понимаются общеобязательные правила поведения, санкционированные государством и закрепленные в виде законов, судебных решений и других актов государственной власти. Характерными признаками права, отличающими его от иных норм общественной жизни (норм морали, обычаев, традиций), являются общеобязательность его предписаний, обеспеченность специальными принудительными мерами в случае их нарушения,

распространение их действия на неопределенный круг субъектов, а также санкционирование его норм государством.

Государство не может существовать без права, так как последнее юридически оформляет государственную власть и тем самым делает ее легитимной, определяет юридические рамки и формы осуществления функций государства и т.п.⁵

Ст. 15 Конституции РФ определяет место Конституции РФ в системе нормативных правовых актов страны. Конституция формирует и закрепляет отправные принципы правового регулирования, является базой всего законодательства и представляет собой акт, обладающий высшей юридической силой. Известно, что под юридической силой акта понимают как его обязательность вообще, так и его место в иерархии правовых актов. В настоящее время федеральная нормативно-правовая система включает в себя следующие составные части: Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные акты палат Федерального Собрания, указы Президента, постановления Правительства, акты министерств, государственных комитетов и иных федеральных органов исполнительной власти.

Иерархический порядок расположения актов указывает на особую юридическую силу Конституции РФ. Это означает, что она обладает верховенством над законами и иными правовыми актами, последние должны исходить из Конституции и не противоречить ей. Законы и подзаконные акты, противоречащие Конституции РФ, не имеют юридической силы. Причем соответствовать Конституции РФ должны не только акты органов местного самоуправления, но и акты органов государственной власти субъектов Федерации и акты федерального законодательства. Конституция РФ, распространяя свое действие на всю территорию Российской Федерации, олицетворяет собой государственную целостность, единство систему государственной власти.

Конституция РФ и законы Российской Федерации регулируют важнейшие общественные отношения. С их помощью закрепляются основы конституционного строя, основные права и свободы граждан, государственное устройство, формы и виды собственности, основы уголовного, гражданского, семейного и иных отраслей законодательства, а также другие принципиальные направления жизнедеятельности общества и государства.

Относительно же гражданского общества необходимо отметить, что в нем действуют и нормы морали, обычаи, традиции, исторически обусловленные или выработанные членами групп, объединений. Наряду с этим, тысячелетия функционирует религиозное право.

Таким образом, право гражданского общества значительно разнообразнее, учитывая и то, что государственное право также регулирует общественные отношения и в гражданском праве.

Пятым признаком государства является суверенитет. Суверенитет Российской Федерации, т.е. государственный суверенитет, – неотъемлемое свойство государства. Несмотря на то, что теория государственного суверенитета возникла как идейное обоснование унитарной системы правления, ее сущность оказалась универсальной как для унитарного, так и для федеративного государства.

В современной отечественной науке государственный суверенитет рассматривается как свойство и способность государства самостоятельно, без вмешательства извне, определять

4 Большой юридический словарь / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 675.

5 Теория государства и права: учебник / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – С. 37.

свою внутреннюю и внешнюю политику при условии соблюдения прав человека и гражданина, защиты прав национальных меньшинств, соблюдения норм международного права.

В России теория государственного суверенитета рассматривается в качестве одного из фундаментальных источников обеспечения создания эффективной системы разделения государственной власти по вертикали. Отечественной наукой создан теоретический фундамент, определяющий концептуальные положения, касающиеся понимания государственного суверенитета, его соотношения с народным и национальным суверенитетами, признания невозможности абсолютного суверенитета.

В современной российской конституционной модели достаточно четко обозначен принцип государственного суверенитета Российской Федерации как единого и неделимого, распространяемого на всю ее территорию (ст. 4 Конституции Российской Федерации). Не существует фрагментарного, сокращенного, ограниченного, относительного, раздельного суверенитета.⁶ Признание принципа государственного объема прав, которым должна обладать федерация, чтобы ее государственный суверенитет был обеспечен. Это так называемые неотчуждаемые права федерации. Их потеря означает лишение государством статуса государственного суверенитета.

Н. А. Михалёва выделяет десять важнейших элементов конституционно-правового статуса Российской Федерации как суверенного федеративного государства: 1) учредительный характер федеральной государственной власти; 2) территориальное верховенство; 3) федеральная конституционно-правовая система; 4) легитимные властные федеральные структуры; 5) федеральная государственная собственность; 6) федеральное гражданство; 7) единые вооруженные силы Российской Федерации; 8) универсальная международная правосубъектность; 9) государственный язык Российской Федерации; 10) государственная символика.⁷

Суверенитет государства, т.е. государственный суверенитет, произведен от народного суверенитета. Конституция РФ признает свой многонациональный народ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации (ст. 3). Согласно ст. 32 Конституции РФ «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Граждане Российской Федерации имеют равноправный доступ к государственной службе. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия».

А значит, народный и государственный суверенитет настолько взаимосвязаны, что невозможны полная реализация народом суверенитета без наличия государства.

Как отмечает И. А. Умнова, сочетание народного и государственного суверенитетов – это «свойство и способность государства самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику при условии соблюдения прав человека и гражданина, защиту прав национальных меньшинств и соблюдения норм международного права»⁸.

Понятие государственного суверенитета тесно связано с понятием национального суверенитета. Национальный суверенитет означает право наций на самоопределение. В России

как многонациональном государстве данное право закреплено в ст. 5 Конституции РФ.

Относительно субъектов гражданского общества необходимо отметить религиозные объединения, так как церковь отделена от государства, а данные объединения имеют свои приходы, отделения на территориях других государств и самостоятельно решают международные вопросы, связанные с этим. Следовательно, обладают суверенитетом, и необходимо признавать религиозный суверенитет.

В результате сравнительного анализа государства и гражданского общества, автор пришел к выводу, что гражданское общество реально есть со всеми своими как позитивными, так и негативными качественными характеристиками. Следовательно, задачей государства является не строительство, а совершенствование гражданского общества, развитие его позитивных качеств, активизации его деятельности, направленной на взаимодействие с государством в сфере усиленной реализации функций государства в плане признания, соблюдения и защиты прав, свобод, а также законных интересов гражданина и человека.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. (Герб, гимн, флаг) СПб. ООО «Виктория плюс», 2014.
2. Федеральный Закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».
3. Федеральный Закон от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах».
4. Федеральный Закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах».
5. Федеральный Закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
6. Федеральный Закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».
7. Федеральный Закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединений».
8. Федеральный Закон от 01.04.1993 № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации».
9. Федеральный Закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»
10. Большой юридический словарь / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2007.
11. Еллинек Г. Право современного государства. – М.: 1908.
12. Киселев А. И. Теория и практика конституционного права: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009.
13. Кожевников С. Н. Теория государства и права: Учебник: Под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2005.
14. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. – М.: Юристъ, 2004.
15. Михалёва Н. А. Федеративное устройство России. – М., 1994.
16. Теория государства и права: учебник / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2004.
17. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: дис... докт. юрид. наук. – М.: 1997.

6 Еллинек Г. Право современного государства. – М.: 1908. – С. 368-370.

7 Михалёва Н. А. Федеративное устройство России. – М.: 1994. – С.90.

8 Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1997. – С. 149.

АБУБАКИРОВ Дмитрий Дмитриевич

студент Юридического института Сибирского федерального университета

ОРЛОВА Светлана Владимировна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ПРОТОПОПОВА Татьяна Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

В статье рассматриваются проблемы определения понятия «государственный прогресс». Анализируются условия и критерии прогрессивного развития политически организованного общества. На основе результатов анализа сформулировано определение государственного прогресса.

Ключевые слова: государственный прогресс, критерии прогресса, цель прогресса, эволюция, революция, общее благо, идеал государства.

ABUBAKIROV Dmitriy Dmitrievich

student of the Law Institute of the Siberian Federal University

ORLOVA Svetlana Vladimirovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University

PROTOPOVA Tatyana Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University

ON THE ISSUE OF THE STATE PROGRESS DEFINITION

The article considers the problem of the state progress definition. Conditions and criteria of progressive development of politically organized society are analyzed. On the basis of analysis definition of the state progress is formulated.

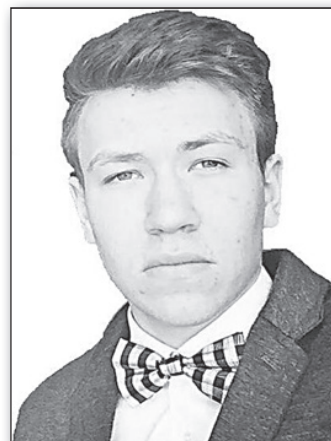
Keywords: state progress, criteria of progress, the aim of progress, evolution, revolution, common welfare, the ideal of a state.

Традиционно под прогрессом понимается развитие от низшего к высшему, переход на более высокую ступень развития, движение вперед, изменение к лучшему, улучшение¹. Некоторые ученые, давая определение понятию «государственный прогресс», несколько сужают его содержание, указывая лишь на такие его качества, как изменение формы государства или его способность к осуществлению новых функций².

Такой подход является спорным и не раскрывает сущность государственного прогресса. Связывание рассматриваемого понятия со способностью государства осуществлять задачи и функции, недоступные ранее, вызывает возражение, поскольку последние могут быть различными, а процесс достижения той или иной задачи, как и осуществление некоторых функций, способен причинить вред не только одному государству, но и человечеству. Поэтому понятие государственного прогресса должно отражать сущностные признаки, которые исключают его неоднозначное толкование.

Важнейшим таким признаком на современном этапе развития общественных отношений является достижение объективной безопасности человечества. Поэтому понятие «государственный прогресс» должно раскрываться не только через указание на качественное (позитивное) изменение того или иного государства (его организации), но и через соотнесение таких изменений с интересами всеобщей безопасности.

Несомненно, безопасности способствует поддержание мира внутри государства и в межгосударственных отношениях³. Однако для её эффективного обеспечения необходимо выполнение гораздо большего числа условий, чем для поддержания

Абубакиров Д. Д.

Орлова С. В.

Протопова Т. В.

1 См.: Баханьков А. Е., Гайдукевич И. М., Шуба П. П. Толковый словарь русского языка. Мн., 2000. С. 281.

2 См.: Венгерова А. Б. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-2/5.htm>.

3 См.: Дробышевский С. А. О критериях оценки научных идей в правоведении // Актуальные вопросы истории и теории государства и права. 2009. № 14. С. 11.

мира. Так, безопасности и в мирное время могут угрожать экологические проблемы. Актуальность обозначенного подхода к пониманию государственного прогресса обусловлена интеграционными и глобализационными процессами.

Далее возникает вопрос о том, каковы критерии прогресса. Иными словами, по каким признакам можно судить о наличии или отсутствии прогрессивных изменений.

Под критерием понимается признак, на основе которого производится оценка, определение или классификация чего-либо⁴. Критерии государственного прогресса представляют собой определенные признаки, с помощью которых возможно оценить изменения в государстве как позитивные, свидетельствующие о его развитии.

В научной литературе выделяются универсальные критерии оценки прогресса. К ним относятся, во-первых, увеличение степени дифференцированности (разнообразия) системы, сопряженное с интегрированностью ее частей, компонентов; во-вторых, усиление мобильности, эффективности и надежности материальных систем, увеличение их способности преодолевать противоречия; в-третьих, воспроизведение в расширяющихся масштабах основных функций системы; в-четвёртых, рост автономности системы по отношению к внешним условиям; в-пятых, усиление степени организации, степени целостности системы⁵. Однако, как отмечают некоторые авторы, перечисленные критерии не вполне применимы к оценке социальных явлений⁶.

Существует справедливое мнение о том, что государственный прогресс находится в тесной взаимосвязи с правовым прогрессом, так как последний отражает характер и уровень правового развития политически организованного общества, его поступательно-стадиальное движение от менее совершенных форм правовой жизнедеятельности к более совершенным, от менее развитой правовой культуры и правовой системы к более развитой, а также доступ новых групп населения к свободе и праву, усилению гарантий прав и свобод их реализуемости и т.п.⁷

Очевидно и то, что, как отметил В. С. Соловьёв, общественный и нравственный прогресс тесно связаны⁸. Такой же точки зрения придерживается и С. А. Дробышевский⁹.

Со времен эпохи Просвещения духовный, нравственный облик человека значительно изменился, поскольку за последние три столетия было создано общество потребления, материальное благополучие, власть, удача стали превалировать над другими ценностями¹⁰. В результате произошла деваль-

вация нравственных ценностей, включая саму человеческую жизнь. Это не позволяет говорить о прогрессе.

Некоторые авторы, например П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, в качестве цели прогресса определяют счастье личности, ее гармоничное развитие. При этом критерием прогресса признаётся достижение обществом такой цели¹¹.

Не вызывает сомнений то, что при таком подходе необходимо сначала определить, что такое счастье, понятие которого, как известно, трактуется каждым участником общественных отношений по-своему. Если исходить из индивидуальных представлений о счастье, то использование его в качестве критерия прогресса представляет собой утопию, поскольку имеющиеся в обществе представления неизбежно будут противоречить друг другу.

Представляется более приемлемым говорить не о счастье, а о благе политически организованного общества и составляющих его индивидов. При этом общее и частное благополучие тесно взаимообусловлены в силу единства коренных и долгосрочных интересов людей¹². Отмеченная взаимообусловленность не позволяет согласиться с суждениями Н. К. Михайловского о том, что общество – враг личности, что когда общество находится в прогрессе, личность – в регрессе¹³.

Достижение общего блага как цели прогресса включает в себя и упомянутую ранее безопасность человечества, и уважение прав и свобод частных лиц и их объединений, составляющих государство. Обозначенная цель имеет всеобъемлющий характер, в связи с чем возникает вопрос о способах её достижения.

Следует согласиться с мнением С. А. Дробышевского о том, что для обеспечения наибольшего прогресса любого государства надлежит сделать следующее: во-первых, всячески способствовать приобретению членами социального организма всего необходимого для высококачественной трудовой и иной деятельности; во-вторых, когда у индивидумов есть условия для эффективной работы и выполнения других функций, но они не хотят этого, нужно убеждать или, в крайнем случае, принуждать их преодолевать такое нежелание¹⁴. При этом «максимальная степень прогрессивного развития»¹⁵ будет отражена в идеале государства, где население представляет собой «коллектив профессионалов высшего мирового уровня во всех сферах специализированной человеческой деятельности, здоровых, образованных и высококультурных людей»¹⁶.

Выделяется и второй идеал, воплощение в жизнь которого способствует общему благу. Речь идёт о мировом государстве, поскольку «в мировой государственной организации есть шансы достичь более высокой стадии социального прогресса, а потому и лучшей жизни людей»¹⁷. Если рассматривать государство не как систему органов власти, а как общность людей, образующих государство и объединённых общей судьбой на

4 См.: Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998.

5 См., напр.: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. С. 492. Цит. по: Захарцев С. И., Сальников В. П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 114.

6 См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Указ. соч. С. 114.

7 См.: Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права. М., 2003. С. 13.

8 См.: Сугатова Е. П. В. С. Соловьёв о роли личности в общественном прогрессе // Проблема человека в философии: сборник трудов лаборатории «Философия человека и образования» и кафедры философии БГПУ. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2002. С. 87.

9 См.: Дробышевский С. А. Прогресс государства и права в свете идей классиков политической мысли // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 74-75.

10 См.: Лебедев В. А. Духовность, прогресс, реализм, аутизм и человек рыночного общества // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Том 1, вып. 2. № 2. С. 109-116.

11 См.: Мишина А. К. «Теория прогресса» П. Л. Лаврова и «формула прогресса» Н. К. Михайловского // Вестник МГТУ. 2008. № 1. С. 68.

12 См.: Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. М.: Проспект, 2016. С. 94-95.

13 См.: Мишина А. К. Указ. соч. С. 66.

14 Дробышевский С. А. Прогресс государства и права в свете идей классиков политической мысли // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 74.

15 Там же. С. 75.

16 Там же.

17 Там же.

своей земле¹⁸, то интеграционные процессы являются прогрессивными.

Оба названных идеала не являются окончательными. В частности, идеал превращения населения страны в коллектив профессионалов мирового уровня «со временем достигает всё более высокой стадии социального прогресса по мере того, как совершенствуется существующая в мире совокупность государств»¹⁹. Точно также «создание мирового государства ... не означает прекращения социального прогресса»²⁰. Аналогичное утверждение справедливо и для справедливого правопорядка, который, как отметил Н. Н. Алексеев, в полной мере недостижим²¹.

Отсюда следует, что прогрессивное развитие общества бесконечно. Как отмечал П. И. Новгородцев, «прогресс есть только восхождение от более несовершенного к менее несовершенному и все же бесконечно далекому от совершенства»²².

Что касается путей общественного развития, то Н. К. Михайловский выделял органический путь – эволюцию, и надорганический – прогресс²³. Однако при таком подходе эволюция понимается достаточно узко – как процесс органического развития. Между тем эволюция может пониматься – применительно к государству – и как последовательная смена этапов его развития²⁴.

Противоположностью эволюции является революция, понимаемая как «радикальные социальные и политические изменения, осуществляемые насильственным путём»²⁵. Революционные изменения могут иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер в зависимости от их последствий. В частности, последние могут выражаться в успешной защите интересов населения страны от произвола деспотического режима или же, напротив, в таком изменении основ конституционного строя, которое ведёт к регрессу.

Таким образом, прогресс отражает собой всё большее господство людей, составляющих политически организованное общество, над собственной и внешней природой²⁶. При этом к господству над внешней природой следует относить развитие науки, техники и технологий, позволяющих нивелировать негативные особенности климата, в котором располагается государство²⁷, географического положения и т. д.

Не меньшее значение имеет увеличение господства над собственной природой человека. Последняя включает биологические факторы, влияющие на жизнедеятельность людей, их физические, психические, интеллектуальные особенности, а также нравственную культуру личности.

Изложенное позволяет сформулировать определение государственного прогресса. Он представляет собой бесконечный процесс развития индивидов и их объединений, составляющих независимое политическое общество, выражающийся во всё большем их господстве над внешней и внутренней природой в соответствии с принципом единства коренных и долговременных интересов людей, способствующий достижению общего блага в масштабах человечества.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999.
 2. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003.
 3. Баханьков А. Е., Гайдукевич И. М., Шуба П. П. Толковый словарь русского языка. Мн., 2000.
 4. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000.
 5. Венгеров А. Б. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юристууденция, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-2/5.htm>.
 6. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998.
 7. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М.: Норма, 2010.
 8. Дробышевский С. А. О критериях оценки научных идей в правоведении // Актуальные вопросы истории и теории государства и права. 2009. № 14. С. 9-13.
 9. Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. М.: Проспект, 2016.
 10. Дробышевский С. А. Прогресс государства и права в свете идей классиков политической мысли // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 73-78.
 11. Захарцев С. И., Сальников В. П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 113-121.
 12. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС «КонсультантПлюс».
 13. Крадин Н.Н. Эволюция государства и его роль в историческом процессе // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 205-211.
 14. Лебедев В. А. Духовность, прогресс, реализм, аутизм и человек рыночного общества // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Том 1, вып. 2. № 2. С. 103-136.
 15. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1998.
 16. Мишинева А. К. «Теория прогресса» П.Л. Лаврова и «формула прогресса» Н. К. Михайловского // Вестник МГТУ. 2008. № 1. С. 64-69.
 17. Монтескье Ш. Л. О духе законов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/>.
 18. Сугатова Е. П. В. С. Соловьев о роли личности в общественном прогрессе // Проблема человека в философии: сборник трудов лаборатории «Философия человека и образования» и кафедры философии БГПУ. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2002. С. 86-89.
 19. Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права. М., 2003.
- 18 См.: Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС «КонсультантПлюс».
- 19 Там же.
- 20 Там же. С. 75-76.
- 21 См.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 224.
- 22 Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М.: Норма, 2010. С. 268.
- 23 См.: Мишинева А. К. Указ. соч. С. 67.
- 24 См.: Крадин Н. Н. Эволюция государства и его роль в историческом процессе // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 207-208.
- 25 Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1998. С. 144.
- 26 См.: Дробышевский С. А. Прогресс государства и права в свете идей классиков политической мысли // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 78.
- 27 См.: О влиянии климата на обстановку в государстве см., например: Монтескье Ш. Л. О духе законов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/>. См. также: Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. С. 74.

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ГРИПП Эльвина Харисовна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ЯХИНА Юлия Харисовна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РФ (НА МАТЕРИАЛАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

В статье рассматриваются проблемы миграции в субъектах современной России, на примере Санкт-Петербурга. Рассматривается миграционное законодательство и практика его применения.

Ключевые слова: миграция, права человека, мигранты.

ANDREYTSO Sergey Yuryevich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Constitutional and international sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

GRIPP Elvina Harisovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Constitutional and international sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

YAKHINA Yuliya Harisovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Constitutional law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF PROVIDING AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF FOREIGN CITIZENS AT THE LEVEL OF TERRITORIAL SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

In article problems of migration in modern Russia, on the example of St. Petersburg are considered. The migratory legislation and practice of its use is considered.

Keywords: migration, human rights, migrants.

В систему органов, реализующих миграционную политику, в первую очередь, входят Правительство РФ, Министерство внутренних дел РФ, органы государственной власти субъектов РФ. Указанные федеральные органы в той или иной мере реализуют свою деятельность путем взаимодействия с иными федеральными органами исполнительной власти, например с Министерством иностранных дел РФ, Федеральной службой безопасности РФ, Федеральной таможенной службой РФ и многими другими.

На федеральном уровне помимо Федерального Собрания РФ, издающего законы в области регулирования миграционных отношений, и Правительства РФ непосредственное участие в регулировании миграционных процессов принимает и Президент РФ. Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ, являясь главой государства, наделен широкими полномочиями в сфере исполнительной власти. Он формирует систему органов исполнительной власти и может оказывать влияние на их деятельность.

Основным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, а также функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции, с 2016 года вновь является МВД России.

1 января 2015 года вступил в силу Договор о ЕАЭС. Членами нового интеграционного блока стали Российская Федерация, Армения, Беларусь, Казахстан, с 12 августа 2015 года – Киргизия. Между государствами – членами ЕАЭС был провозглашен режим свободного рынка труда и перемещения граждан. Правовое положение иностранцев – граждан ЕАЭС на территории РФ значительно улучшилось: положения Договора о ЕАЭС облегчают режим миграционного учета и трудоустройства, устанавливают широкий перечень прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, гарантируют равный с гражданами РФ доступ к социальным гарантиям и государственным услугам, соблюдение важных гражданских прав мигранта (право на защиту собственности, право на беспрепятственный перевод денежных средств, право на получение информации от государства и работодателя), устанавливаются эффективные механизмы

Андрейцо С. Ю.

Грипп Э. Х.

Яхина Ю. Х.

защиты трудовых и социальных прав. Подобный подход к определению прав и обязанностей иностранных граждан заслуживает самой высокой оценки и соответствует передовым международным стандартам защиты прав человека трудящихся-мигрантов. Одной из закономерностей переживаемого Российской Федерацией периода являются более тесные и открытые связи с зарубежными странами¹.

При этом, зачастую в информационном пространстве России мигранты представлены в первую очередь через посредство этнических стереотипов с негативной эмоциональной окраской².

«Язык вражды» — давняя беда отечественных СМИ. Справедливости ради надо сказать, что за последние годы ситуация изменилась к лучшему, откровенно националистических выпадов в газетах и на экране в целом поубавилось (хотя правозащитные организации исправно информируют о по явлениях грубых текстов, заголовков, фотографий в том или ином издании или передаче). Но говорить о том, что российские СМИ полностью излечились от агрессии и предрассудков, равно как и от поверхностного освещения проблем, в том числе миграции, еще очень рано³.

По мнению исследователей⁴, господствующими медиастратегиями создания данного отрицательного стереотипа являются формирование образа мигранта с помощью характеристик, вызывающих исключительно негативные эмоции; селективная типизация, то есть упоминание об этнических мигрантах исключительно в пределах двух тематически объединенных блоков: мигранты и неформальная экономика; мигранты и криминальная экономика⁵; гиперболизация проблемы, а также отождествление проблем и их конвергенция: к примеру, незаконная миграция прямо связывается с проблемами терроризма, преступности, наркотиков, то есть читателю, по сути, предлагают образ одной проблемы — миграция + терроризм, миграция + преступность и так далее⁶.

Всевозрастающая роль СМИ в современном обществе позволяет выделить особый фактор адаптации мигрантов — информационную среду адаптации, которая связана с освещением в СМИ деятельности мигрантов. Постоянная эксплуатация СМИ образа «мигрантов-чужаков лишает возможности развития конструктивного взаимодействия»⁷.

Далее переходя на региональный уровень отметим, что в Санкт-Петербурге полномочия, связанные с реализацией миграционной политики, фактически находятся в сфере полномочий нескольких комитетов, при том, что существует профильный комитет. Пока отсутствует четкая стратегия ин-

теграции иностранных граждан, а проводимые мероприятия пока охватывают лишь малую часть иностранных граждан.

В 2015 был презентован новый интернет-ресурс Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики для мигрантов <http://migrantinfo.spb.ru>

Одной из проблем, актуализировавшихся в 2015-2016 году стало несовершенство механизма приобретения российского гражданства как носителя русского языка. Несовершенство процедуры не позволило реализовывать ее большинству иностранцев потенциально соответствующих предъявляемым требованиям.

Проблема в том, что после прохождения комиссии и получения справки о том, что лицо является носителем русского языка, лицо должно обратиться в консульство страны своего происхождения и зарегистрировать заявление о выходе из гражданства. Однако консульства разных стран, включая Украину, не принимают такие заявления. В результате указанные лица не могли подать документы на оформление вида на жительство в РФ, а впоследствии — на гражданство РФ.

Санкт-Петербург является вторым после Москвы городом по своей привлекательности для трудовых мигрантов. Однако в последние годы экономическая конъюнктура оказывала значительное воздействие на миграционные потоки. Так в 2015 году, что из-за экономического кризиса в Петербурге уменьшилось количество иностранных работников из Центральной Азии.

Как и ранее, защиту трудовых прав иностранных граждан затрудняли схемы трудоустройства с участием аутсорсинговых и аутстаффинговых фирм. С 1 января 2016 года заемный труд в России запрещен, что позволяет надеяться на улучшение ситуации.

Следует обратить внимание на такие проблемы мигрантов, как неудовлетворительные условия труда и проживания, отказы наймодателей в постановке на миграционный учет по месту проживания, трудности с получением информации об изменениях российского миграционного законодательства, с доступом к медицинской помощи и связанный с этим рост заболеваемости.

Неоднократно отмечалось, что проблемы трудовой миграции лежат в сфере экономики. В крупных городах вопрос привлечения низкоквалифицированной иностранной рабочей силы стоит очень остро, но решить эту проблему невозможно, направляя усилия только на выдворение мигрантов. Необходимо бороться не с последствиями, а с причинами бесконтрольной трудовой миграции — с тем, что работодатели мигрантов извлекают сверхприбыли, а их иностранные работники живут и трудятся в нечеловеческих условиях, получают низкую заработную плату или не получают ее вовсе.

Сохраняются проблемы реализации отдельных прав иностранными гражданами. Так реализация иностранными гражданами социальных прав в целом затруднена тем, что Социальным Кодексом в Санкт-Петербурге предусматривается предоставление социальных услуг только лицам, имеющим, либо временную, либо постоянную регистрацию в Санкт-Петербурге.

Таким образом, даже законно находящийся в Санкт-Петербурге иностранный гражданин практически не имеет возможности получения эффективной социальной поддержки.

Значительная часть проблем связана с преступностью со стороны иностранных граждан и в отношении них. Особое значение имеет правильная квалификация преступлений на почве вражды и ненависти. Некорректная квалификация влечет фактическую безнаказанность преступников. Для уменьшения количества преступлений по мотивам ксенофобии, существенное значение имеет более широкое распространение информации о случаях, когда виновные понесли ответственность.

Ряд проблем связан с различными категориями вынужденной миграции. Вместе с тем, многие из лиц, получивших

1 Мальшев Е. А. Некоторые особенности административной ответственности за нарушения в области трудовой миграции // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 1. С.12.

2 Шерман Е. М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного // Дневник АШПИ. 2014. № 30. С. 41.

3 Образ трудового мигранта из Центральной Азии в зеркале московской и национальной российской периодики. Материалы исследования российской прессы и Интернета // Составитель Н. Ажгихина. М.: Союз журналистов России, Центр изучения актуальных проблем современной журналистики, 2011.

4 Шерман Е. М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного // Дневник АШПИ. 2014. № 30. С. 42.

5 Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С.41.

6 Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48.

7 Бедрик А. В. Конфликтогенный потенциал СМИ в процессах адаптации этнических мигрантов // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 3 (4). С. 164.

временное убежище в Санкт-Петербурге, не могут интегрироваться. Имея статус временного убежища в настоящее время в РФ есть возможность получить полис ОМС на период действия временного убежища, а также работать в РФ без оформления разрешительных документов. Однако временное убежище не дает никаких льгот в отношении социальных пособий, пенсий, прохождения курсов переподготовки. Нет возможности по истечении пяти лет подать на гражданство

Сама экономика стимулирует приток мигрантов, которые согласны на то, что называется формулой 3 D – dirty, dangerous, degrading (грязная, опасная, унижительная)⁸.

Правительство Санкт-Петербурга имеет возможность влиять на миграционную политику в регионе, а городской бюджет пополняется за счет платежей новых налогоплательщиков - иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по патенту. Так, в 2015 году УФМС было направлено в бюджет Санкт-Петербурга 3,8 млрд. рублей – в 4,2 раза больше, чем в 2014 году. В результате приобретения иностранными гражданами патентов региональные бюджеты Санкт-Петербурга и Ленинградской области за январь-ноябрь 2016 г. пополнились на 6,90 млрд. рублей.

Следует разработать программу поддержки работодателей, в частности информационной поддержки, облегчения процедур оформления иностранных граждан и прочее.

Для решения имеющихся проблем необходимо создание межведомственной рабочей группы по проблемам миграции в Санкт-Петербурге.

Необходим пересмотр законодательства об ответственности работодателей. Необходимо прекратить практику перевода ответственности с аутстафферских, аутсорсинговых фирм на реального заказчика труда иностранных граждан. Следует помимо штрафов широко использовать и приостановление деятельности. В этой связи стоит обратить внимание на вступившие с 1 января 2016 года изменения законодательства в части запрета заёмного труда.

Находясь в Санкт-Петербурге граждане таких стран как Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Молдова и др. зачастую не имеют доступа к информации о миграционном законодательстве, условиях жизни в РФ и доступа к медицинским услугам.

В сфере интеграции, адаптации и защиты прав иностранных граждан необходимо:

- меры социальной поддержки мигрантов, информационно-правовая работа с ними;
- создание рабочих межведомственных групп и площадок по проблемам миграции;
- принятие соглашений о сотрудничестве в сфере адаптации иностранных граждан, защите их прав;
- содействие в обеспечении социально-бытовых условий пребывания иностранных граждан/рабочих в городе;
- проведение совместных приемов иностранных граждан;
- создание необходимых условий для адаптации мигрантов к порядкам и правилам, установленным в принимающих регионах.

Необходимы экономические рычаги, позволяющие сделать невыгодным использование дешевого незаконного труда.

В числе необходимых мер также следует назвать:

- принятие Концепции миграционной политики Санкт-Петербурга;

- повышение ответственности организаций (работодателей), принимающих иностранную рабочую силу, за социальное устройство работников;

- содействие в обеспечении социально-бытовых условий пребывания иностранных граждан/рабочих в городе;

- создание необходимых условий для адаптации мигрантов к порядкам и правилам, установленным в Санкт-Петербурге;

- строительство дополнительного специализированного учреждения для временного содержания иностранных граждан, так как имеющегося в Красносельском районе и в Ломоносовском районе недостаточно;

- необходимо проработать вопрос о увеличении перечня иностранных граждан которым может быть оказана помощь социальная помощь, в том числе иностранных граждан являющихся членом семьи в составе граждан РФ;

- требуется исследование среды проживания мигрантов и эпидемиологическая опасность этой среды. Если вопрос с работодателями можно решить, то процесс заражения в местах проживания не поддается контролю;

- необходимо увеличение финансирования проектов и программ общественных организаций в сфере содействия адаптации и интеграции иностранных граждан

- решение вопроса о выделении дополнительных участков для строительства культовых сооружений, мечетей.

Создание необходимых условий для адаптации мигрантов к порядкам и правилам, установленным в Санкт-Петербурге, представляется не эффективным, так как проводимые мероприятия охватывают лишь незначительную часть пребывающих, предполагают посещение неких занятий, на которые просто нет времени у значительной части иностранных граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Бедрик А. В. Конфликтогенный потенциал СМИ в процессах адаптации этнических мигрантов // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 3 (4). С. 164-166.
2. Малышев Е. А. Некоторые особенности административной ответственности за нарушения в области трудовой миграции // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 1. С.11-15.
3. Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48-58.
4. Образ трудового мигранта из Центральной Азии в зеркале московской и национальной российской периодики. Материалы исследования российской прессы и Интернета // Составитель Н. Ажгихина. М.: Союз журналистов России, Центр изучения актуальных проблем современной журналистики, 2011.
5. Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2010. № 1. С. 66-68.
6. Титов В. Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С.40-47.
7. Шерман Е. М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного // Дневник АШПИ. 2014. № 30. С. 41-45.

⁸ Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2010. № 1. С. 68.

ШЕВЧЕНКО Александр Вячеславович

преподаватель кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета

ПЛЮРАЛЬНЫЙ ВОТУМ: PRO ET CONTRA

В данной статье рассматривается природа плюрального голосования, а так же соотношение категорий равенства и справедливости в контексте реализации гражданами своих политических прав. Так же в работе прослеживается зависимость между типологией общества и его предрасположенностью к тем или иным типам электоральных практик. Автор приходит к выводу о возможности и целесообразности возрождения института плюрального голосования в современных условиях.

Ключевые слова: выборы, голосование, плюральный вотум, равенство, справедливость, классовое общество.

SHEVCHENKO Aleksandr Vyacheslavovich

lecturer of Constitutional and international law sub-faculty of the Novosibirsk State Technical University

PLURAL VOTE: PRO ET CONTRA

In this article the nature of plural vote, and also correlation of categories of equality and justice in the context of realization by citizens of the political rights is considered. Also in work dependence between typology of society and its predisposition to these or those types of electoral practice is traced. The author comes to a conclusion about an opportunity and expediency of revival of institute of plural vote in modern conditions.

Keywords: elections, vote, plural vote, equality, justice, class society.

Шевченко А. В.

Исходя из современных взглядов на природу представительной демократии и на её важнейший элемент – электоральные процедуры, существующие модели предполагаются чем-то неизбежным и универсальным. Эти тезисы, базирующиеся на представлении о завершённом и конечном характере либеральной демократии, были, в частности, высказаны Ф. Фукуямой в его «Конец истории» и другими авторами, аргументирующими эту же позицию. Однако представляется, что это на самом деле сильное преувеличение и отход от объективности, следствие чего – игнорирование богатого исторического опыта различных народов, в том числе в части касающейся выборов, что не способствует прогрессу. Это в полной мере относится и к такому институту как плюральный вотум, что мы и постараемся сейчас проиллюстрировать.

Поскольку данный термин в юридической науке имеет несколько трактовок, остановимся на них подробнее. Общее определение этого института звучит следующим образом: «предоставление одному избирателю права голосовать на выборах несколько раз... порядок когда, наряду с включением в избирательный список по месту жительства граждан включался в список того округа, где находились его недвижимое имущество или университет, в котором он получал диплом о высшем образовании. В настоящее время плюральный вотум сохранился в некоторых штатах Австралии и Новой Зеландии, где владельцы крупной собственности на выборах в органы местного самоуправления обладают несколькими голосами»¹. Таким образом, можно сделать вывод, что существенной особенностью данного института является возможность проголосовать несколько раз, в зависимости от ряда объективных условий, что неизбежно подразумевает и предопределяет такое явление как неравенство избирателей между собой в плане количества предоставленных им голосов. Все остальные черты могут варьироваться в зависимости от конкретных исторических условий и особенностей организации политической системы общества.

Вообще необходимо отметить, что в современной отечественной доктрине институт плюрального вотума не является достаточно глубоко разработанным. Упоминание о нём, как правило, происходит в контексте краткого описания ранее существовавших электоральных практик, как нечто, не заслуживающее того, чтобы останавливаться на нём подробнее в силу своего устаревания. М. В. Баглай, в частности, отмечает: «Существовавший когда-то в зарубежных странах так называемый *плюральный вотум*, т. е. предоставление одному избирателю сразу нескольких голосов в зависимости от его имущественного состояния, в настоящее время является анахронизмом и практически не применяется, поскольку такое голосование имело откровенно имущественный характер и прямо подчеркивало неравный статус избирателей»². Хотя здесь можно не согласиться с тезисом, высказанным М. В. Баглаем, так как данный институт, как уже было сказано, до сих пор применяется в некоторых штатах Австралии, а кто будет возражать против того, что Австралия самое что ни на есть демократическое государство. Но и это не единственный актуальный на сегодняшний день пример. Так, отдельные элементы, связанные с предоставлением дополнительного голоса избирателю действуют при выборах мэра Лондона. Справедливости ради надо сказать, что там наличие в процедуре голосования элементов плюрального вотума зависит от числа кандидатов и некоторых других факторов, при наличии которых дополнительный голос появляется у всех голосующих для так называемого преференциального голосования, что не ставит самих избирателей в неравное положение³. Однако в целом в литературе преобладают высказывания в том ключе, что институт плюрального вотума не совместим с подлинной демократией, так как исходит из имущественного, сословного или иного неравенства граждан.

Основная критика плюрального вотума и те ярлыки, которые на него вешают авторы связано, как представляется, с

1 Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е издание, перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2007. С. 485.

2 Баглай М. В. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов. М.: Норма, 2004. С. 191.

3 Маклаков В. В. Зарубежное избирательное право: учебное пособие. Издательство НОРМА, 2003. С. 38.

господствующими в настоящее время представлениями о равенстве как о воплощенной справедливости. А, следовательно, и равенство при голосовании тоже мыслится учеными и законодателями как обязательное и фундаментальное условие справедливости политического устройства. Но так ли это на самом деле?

Если мы обратимся к существовавшим ранее представлениям о справедливости, и проследим их генезис, то без труда заметим, что эти представления имели мало общего с категорией равенства, в том смысле как её используем мы применительно к нашим политическим институтам и процедурам. Так Платон в своём диалоге «Государство», обосновывая добродетели, которыми он хотел наделить идеальную политическую систему, в числе прочего писал: «Мы еще вначале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность. Мы установили, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен»⁴. Платон выступал за жёсткое распределение обязанностей между классами и в этом видел ключ к достижению справедливости, которая увязывалась скорее с категорией блага, нежели чем с категорией равенства.

Вообще, категория блага была важна для древних обществ, поскольку именно благо было целью политического общения граждан общины (полиса, etc). Граждане не были равны, в том числе в своих правах, поскольку право было опосредовано неизбежной политической природой человека (ещё Аристотель указывал, что человек вне общества – либо зверь, либо бог) и его участием в политическом общении, которое складывалось по поводу достижения общего блага. Соответственно, гражданин мог притязать на определенные привилегии и это не противоречило идеям справедливости, если эти привилегии соответствовали тому вкладу в созидание общего блага, который был внесен данным конкретным гражданином (или если они соответствовали его принадлежности к определенному классу, если использовать платоновскую модель). По этому поводу М. В. Городецкий, в частности, отмечает следующее: «Право понимается как средство создания и обеспечения общего блага. Общее благо – одно из фундаментальных понятий философии права. Оно возникает в античности и означает причину и одновременно цель государства, т.е. государство в его изначальной (первопричиной) идее – как комплекс и историческую форму ценностей, создаваемых сообществом...» и далее «...общее благо это атрибут сущности права, непременно мыслимый в самом его понятии, в соответствии с чем право это всегда право на «что-то» – на долю участия в общем благе. Общее благо это благо человеческой общности – локально-исторически сложившейся общности (образующей полис, подданство, нацию)»⁵.

Подобные подходы находят своё высшее развитие в Римской Республике и тесно связаны с представлениями того времени о свободе и гражданстве. В центре этих представлений находится древнее понимание государства как вещи общей (res publica). Может показаться, что римские идеалы свободы и народовластия, будучи наиболее прогрессивными для античного времени отождествляли справедливость с равенством, но рассмотрев парадигму, в рамках которой римлянами осознавалась вещь общая, мы придем к выводу, что это не так. По этому поводу Р. Хаинце пишет: «Для римлянина res publica идентична res populi, «вещи народа», но в гораздо большей степени под res populi понимается не конкретное имущество, а некое абстрактное общенародное «дело», включающая в

себя все интересы народного сообщества»⁶. Таким образом, это напоминает нам вышеописанные идеалы общего блага. В. Л. Толстых справедливо отмечает на этот счёт: «Термин «res publica» если не тождественен, то близок термину «общность», «общая польза», используемым Платоном и Аристотелем; таким образом, он отражает не сутобо римское, но общее для античной цивилизации понятие»⁷.

Против вышеизложенного можно возразить, что, к примеру, в Римской республике, тем не менее, представители народа были равны в своей возможности участвовать в выборах и посредством них управлять государством. Однако такой аргумент не выдерживает критики, поскольку необходимо помнить, что общество Рима носило ярко выраженный классовый характер (подразделяясь на патрициев и плебеев). На протяжении многих веков плебеи не могли участвовать не только в избрании консулов (которых избирал сенат), но и вообще в избрании каких-либо должностных лиц, кроме народных трибунов. Что же касается квесторов, цензоров и иных сановников, то лишь к концу республиканской эпохи патриции пошли на некоторые послабления и допустили к этим выборам плебеи. Об этом недвусмысленно повествует Тит Ливий⁸. Таким образом, мы видим, что, несмотря на равенство избирателей, они были не равны по факту принадлежности к разным группам населения. Патриции (аристократия) будучи численным меньшинством, имели возможность оказывать больше влияния на общественную жизнь посредством монопольного права самим избирать людей на ключевые в государстве должности.

В эпоху Нового времени, в век просвещения, невзирая на распространение теории общественного договора и либеральных взглядов, представления о ценности римского опыта и попытка по возможности ориентироваться на него прослеживалась у многих авторов. Так Шарль Монтескьё указывал, что «В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения и зависит всегда прочность и процветание демократии. Сервий Туллий создавал свои классы, руководствуясь аристократическим принципом. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский рассказывают нам, как он сосредоточил право голосования в руках первых граждан государства. Он разделил римский народ на сто девяносто три центурии, образовавшие шесть классов. Поместив богатых в относительно меньшем количестве в первые центурии, а менее богатых в количестве сравнительно больше в следующие, он отбросил всю массу бедняков в одну последнюю центурию. И так как центурии имели только по одному голосу каждая, то вышло, что право голоса принадлежало не столько лицам, сколько влиянию и богатству»⁹. Как мы можем видеть, французского мыслителя не смущает курриальный метод выборов, подразумевающий откровенное неравенство римских граждан при его осуществлении.

Теперь обратимся к отечественному опыту развития электоральных практик. В дореволюционной России избирательная система и соответствующее законодательство о выборах не предполагали равенства граждан, о чем неоднократно указывается в работах, посвященных анализу политических процессов того периода, в том числе связанных с созданием и деятельностью Государственной думы. Выборы производились по курриальному принципу с использованием многоступенчатой системы, что затрудняло участие широких народных

4 Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 3. Ч. 1. под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С-Петербург ун-та; «изд-во Олега Абышко», 2007. С. 242.

5 Городецкий М. В. Критика либерализма по правоведческому основанию // Сборник статей по материалам конференции Правовые проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства. НГТУ. Новосибирск. 2014. С. 102 – 103.

6 Рectorская речь в Лейпциге, 1921. Цит. по: Шюрбаум Вернер. Цицерон: De re publica // Res Publica: история понятия. СПб.: Изд-во Европейского ун-та. 2009. С. 172.

7 Толстых В. Л. К вопросу о значении res publica. Сборник статей по материалам конференции Правовые проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства. НГТУ. Новосибирск. 2015. С. 179.

8 Ливий Т. История Рима от основания города. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 149, 213, 377.

9 Монтескьё Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 19.

масс в формировании депутатского корпуса¹⁰. Так, А. П. Любимов, характеризуя действия избирательного закона 1905 года о выборах в Государственную думу, указывает: «Выборы не были прямыми, а проходили по так называемой куриальной системе, в которую выходили четыре избирательные курии: землевладельческая (помещики), городская буржуазия, крестьянская и рабочая» и далее «... один голос помещика был равен трём голосам городского буржуа, пятнадцати голосам крестьян и сорока пяти голосам рабочих»¹¹. Необходимо отметить, что система организации выборов, предусматривавших, в числе прочего, многоступенчатость, была чрезвычайно запутанной и объективно не способствовала демократизации политических процессов, в чем нетрудно убедиться, если ознакомиться с законодательством, в соответствии с которым они протекали¹².

Разумеется, необходимо понимать, что описанная дореволюционная система, предусматривающая не только серьезные цензы, но и неравенство избирателей не может быть реставрирована в наши дни целиком или в какой-либо её части. Причина этого не в самом факте неравенства, а в причинах возникновения и формирования той системы, которые, как представляется, сводились к попыткам правящих элит создать видимость либеральных преобразований с целью ослабления народного недовольства сохраняющимся сословным неравенством – пережитком феодализма и другими издержками существовавшей самодержавной системы. Выборы сочетали в себе два порока: с одной стороны – сословное неравенство, которое всё сильнее не устраивало общество ввиду того, что вступало в противоречие с буржуазными отношениями, а с другой – имущественные цензы, которые усиливали и без того острые классовые противоречия и связанную с ними ожесточенную политическую (а впоследствии и революционную) борьбу.

Однако необходимо отметить, что выборы, уравнивающие сугубо механическим образом всех избирателей тоже содержат в себе множество недостатков, связанных, в первую очередь, с тем, что не отражают объективно существующие внутри общества различия социального, культурного, экономического и религиозного характера. Н. М. Коркунов, справедливо критикуя сословный характер неравенства российских избирателей, указывал так же и на существенные недостатки отсутствия всякого деления. Он условно подразделял системы организации выборов на механические и органические. «Основной представительством может быть признано или всё население государства, как одна безразличная, неорганизованная масса отдельных личностей, если и разделяемая на группы, то не по *качественным* своим различиям, не по различию интересов, а исключительно по численному основанию... Это так называемая механическая система выборов. Ей противопоставляют систему органическую, полагающую в основу представительств расчленение общества на органические *качественно* различные группы, сообразно различию основных интересов общественной жизни»¹³. И далее: «Механическая организация выборов сложилась под влиянием механического же воззрения, видевшего в обществе лишь внешнее сочетание совершенно однородных индивидов. Общество рассматривалось не как расчлененное, сложное и разнородное целое, а как механический агрегат однородных личностей. Поэтому индивидуальным интересам, индивидуальной воле противопоставлялись только общие интересы и общая воля всего общества»¹⁴.

Из этого отрывка видно, что Н. М. Коркунов предпочитал органическую систему и что полагал неравенство изби-

рателей (качественно различные группы) как самоочевидный факт. Далее, характеризуя органическую систему, названный автор выделяет возможности группировки избирателей по сословному принципу и по имущественному принципу (годовой доход или размер платимых податей), однако выявляет их очевидные недостатки. Анализируя способы разделения избирателей по имущественному принципу он, в числе прочего, пишет: «Раз избиратели группируются только по различию их имущественного положения, все другие различия, этим самым как бы стираются. Различия в степени образования, в нравственных, религиозных, политических убеждениях, по необходимости отступают на задний план. Между тем, такое подавление всех других интересов экономическими отнюдь не может быть признано желательным для государственной деятельности. Государство, как носитель нравственной идеи, напротив, должно стремиться к подчинению экономических условий нравственным требованиям»¹⁵. Эта мысль представляется нам весьма ценной, поскольку она не только вскрывает симпатии цитируемого автора к такому порядку вещей, при котором сохранялось бы неравенство, основанное на качественных различиях между людьми, но и предлагает интересную и непривычную для нашего времени линию аргументации, которая приводит нас к осознанию необходимости введения неких новых критериев в замен сословных и имущественных, не удовлетворяющих нас, с точки зрения реализации идеи социальной справедливости.

Против приведенных аргументов, которые по существу своему являются аргументами в пользу неравных избирательных прав (будь то в виде куриальной системы, как в дореволюционной России или в виде плюрального вотума) может быть приведен следующий контраргумент: после революции и создания советского государства, было введено равное и всеобщее избирательное право, самая открытая и демократичная, на тот момент, система в мире. И мы наблюдали на протяжении десятилетий повышение политической грамотности граждан СССР, их заинтересованное и деятельное участие в общественно значимой и политической деятельности. Всё верно, однако советское общество, в отличие от современного российского общества носило бесклассовый характер (или, во всяком случае, декларировалось и мыслилось как таковое). Из этого следует, что люди действительно были равны и равны в первую очередь не в имущественном плане, а в плане соблюдения единых стандартов образования, воспитания, вовлеченности в общение по поводу достижения общего блага. Разумеется, за всем этим часто скрывался формализм и пресловутая уравниловка, но эти механизмы были и они функционировали. В таких условиях введение неравенства в выборах противоречило бы объективно существующим реалиям.

В советской России равенство – это фактор сопутствующий созданию нового человека и нового общества. Идея раскрытия подлинного созидательного потенциала человека являлась одной из системообразующих в марксистской концепции общества нового типа¹⁶. Насаждение тотальной политической грамотности населения, пассионарности и вовлеченности в общественную жизнь, идея преобладания коллективного над индивидуальным. В таких условиях всеобщий характер участия граждан в процессах и их равенство как субъектов этих процессов объяснимы и даже весьма эффективны. Современное же, классовое (в марксистском понимании) общество подразумевает фактическое неравенство и с упорством, раз за разом отрицать этот факт – есть не что иное, как лицемерие.

В настоящее время российская избирательная система лишена своей подлинной самобытности и концептуального представления о своём развитии вне связи с так называемыми общепризнанными демократическими стандартами. Эти стандарты являются своего рода «священной коровой», упоминать о которой необходимо при любом удобном случае в порядке ритуала, а подвергать сомнению – недопустимо и влечет за собой остракизм для любого публичного лица, ре-

10 Дамаскин О. В. Государственная Дума как выразитель жизненно важных интересов российского общества // Журнал о выборах. Спец. выпуск. 2006. С. 75.

11 Любимов А. П. Основные вехи развития института общественно-политических выборов в России // Журнал о выборах. Спец. выпуск. 2006. С. 88.

12 Подробнее об этом см.: Калинычев. Ф. И. Государственная Дума в России: сб. документов и материалов. Москва, 1957. С. 39-49; С. 357-381.

13 Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1909. С. 422.

14 Коркунов Н. М. Там же. С. 424.

15 Коркунов Н. М. Там же. С. 423-424.

16 См. например: Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения изд. 2. Т. 25. Ч. 2. М.: Политиздат 1961. С. 386-387.

шившегося на такое. Однако всё более становится очевидным тот факт, что существующие в настоящий момент в странах с либерально-демократическими режимами системы электро-ральных игр, превращающихся в красочные шоу (как, к примеру, это происходит при выборах президента США) так и не прижились до конца на российской почве. Современное российское общество, будучи классовым по своей природе и содержащим в себе ряд линий напряженности (социальная несправедливость, разрыв между бедными и богатыми и т.д.), интуитивно ощущает лицемерность избирательной системы и провозглашаемого равенства. Эта ситуация осложняется резким (по сравнению с советским периодом) падением уровня политической грамотности широких слоёв населения (не исключая даже людей с высшим образованием), падением пассионарности и общественной активности (абсентеизм в некоторых кругах считается модным). Что же касается простых граждан, которые активны в общественной и политической жизни, ответственны и образованы, то можно понять их недовольство тем, что их голос на выборах, которым они дорожат и к которому относятся серьезно, кто-то другой вообще не использует или голосует за кого попало, ради шутки. Можно так же понять и их недовольство по поводу того, что их голос равен голосам явно маргинальных, деклассированных или криминальных элементов. Вызывает тревогу нарастающая как среди молодежи, так и среди зрелых граждан вульгаризация их отношения к выборам. Как представляется, одной из причин этого является всё более очевидный разрыв между декларируемой благостной картиной происходящего, а так же равенством – с одной стороны и реальной картиной политического ландшафта, характеризующего неравенством и классовым характером общества, а так же чистым популизмом и PR-технологиями – с другой. Однако было бы неправильно возлагать ответственность за существующее положение вещей целиком на действующую власть или на господствующий класс. В значительной степени ответственность за это лежит на обществе как таковом.

В настоящее время (и в среднесрочной перспективе) трансформация нашего общества в такую форму, которую можно было бы назвать бесклассовой, где материальные ценности не занимали бы главенствующее место в иерархии ценностей и где человек был бы действительно с позиций равенства вовлечен в активную политическую коммуникацию, представляется невозможным, поскольку в самом обществе нет и зачатков консенсуса на этот счет, а, следовательно, попытка такой трансформации повлекла бы за собой тотальный раскол, а возможно даже гражданскую войну. В сложившихся обстоятельствах, по крайней мере, было бы логично модифицировать отдельные политические механизмы, отталкиваясь от реально существующего порядка вещей, в соответствии со старым принципом *ex facto jus oritur*.

Далее предлагается видение возможной реализации института плюрального голосования, в рамках существующей социальной и политической системы, а также приводятся аргументы в пользу такой новации.

Первое, что нужно сделать – это отказаться от тезиса про равенство как от неприкосновенной «священной коровы». Никто не против равенства в том, что касается личных прав, но политические права, как уже указывалось выше, не даны человеку сами по себе, а возникают у него вследствие его участия в политическом общении с согражданами по поводу достижения общей пользы. Философ и писатель Теодор Адорно, в своё время очень метко сказал, что «Некогда фетиши подчинялись закону равенства, теперь равенство само стало фетишем». Необходимо отвести такой ценности как равенство своё адекватное место, которое не превращало бы его в идол для поклонения, исключающего присутствие здравого смысла.

Нас никогда не смущало неравенство в том, что касается пассивного избирательного права. В самом деле, нам даже на бытовальском уровне понятна мысль, что человек, который притязает на то, чтобы быть избранным должен достичь какого-то возраста, уровня образования, порядочности (хотя бы в виде отсутствия судимости) и т.д. При этом, чем выше и серьезнее должность, тем выше предъявляемые требования

и хотя это, в определенном смысле, является неравенством, внутренне это не возмущает нас, поскольку очевидно, что это правильная политика, позволяющая избираться наиболее достойным и опытным. Почему же мы мыслим иначе касательно активного избирательного права? Ведь на тех, кто избирает, лежит в целом такая же ответственность, как и на том (или на тех), кого они изберут. Однако здесь мы ограничиваемся требованием по поводу наличия дееспособности и достижения совершеннолетия. При такой системе мы полностью игнорируем объективно сложившееся в обществе неравенство. Избирательное право как бесплатный бонус к совершеннолетию, граждане, получая его не чувствуют того, что это вообще-то как и гражданство является привилегией – привилегией участия в управлении такой великой страной, как Россия. Относительно меньшинство законопослушных, образованных, ответственных и политически грамотных граждан делает их неприоритетной аудиторией для агитации, вследствие чего наши избирательные компании превращаются, как правило, в чистой воды популизм, поскольку они сформулированы с целью делать ставку на куда менее взыскательный и грамотный электорат (который достаточно многочислен).

В целях дальнейшего совершенствования отечественной общественно-политической системы, а так же в целях реализации вышеуказанного сближения между реально существующими общественными отношениями и обслуживающими их (и отталкивающимися от них) политическими практиками (в том числе электоральными), видится целесообразным осуществить нижеследующие изменения.

Внедрение в отечественную избирательную систему и практику института плюрального голосования и внесение всех необходимых сопутствующих изменений в действующее законодательство. Указанному внедрению должна предшествовать глубокая теоретическая проработка вопроса, сопровождающаяся всеми необходимыми экономическими сметами, социологическими и правоведческими исследованиями. В ходе этих исследований необходимо, в числе прочего, ответить на вопрос: какими критериями мы желаем руководствоваться при определении того, каким гражданам, классам, стратам или слоям населения, мы хотим предоставить различное количество голосов, и от каких причин будет зависеть дальнейшее изменение этого количества.

Для дальнейшего обсуждения этих порядков необходимо определиться с минимальным и максимальным числом голосов, доступных одному гражданину. Так, Н. М. Коркунов, характеризуя плюральное голосование, указывает, что «в Англии это плюральное голосование ограничено так, что ни один избиратель ни в коем случае не может иметь более шести голосов»¹⁷. Известные истории более ранние системы, когда число голосов было пропорционально стоимости имущества, мы не рассматриваем, поскольку в таком случае наиболее материально обеспеченные люди (олигархи) будут иметь сотни и даже тысячи голосов в своём распоряжении, что лишь усилит социальную несправедливость. Представляется разумным установить число голосов, доступных одному избирателю от одного голоса до пяти, таким образом, чтобы максимальная дифференциация между гражданами в этом вопросе составляла не более чем пять раз.

Далее необходимо решить, пожалуй, самый важный и дискуссионный вопрос – от чего будет зависеть присвоение гражданину того или иного числа голосов и порядок дальнейших изменений этого числа. Выше уже были проанализированы причины, по которым не является желательным использование для решения данного вопроса критерия происхождения (так как наше общество не носит сословный характер), а также имущественного критерия (так как это ещё сильнее обострило бы неравенство и напряженность в обществе, усилив позиции правящих элит). Исходя из этого, единственно верным представляется применение нравственного критерия и критерия социальной полезности. При этом под нравственным критерием предлагается понимать формальные признаки порядочности, созидательной активности и

17 Коркунов Н. М. Цит. соч. С. 434.

общественной одобряемости поведения (образование, многодетность, военная служба, участие в деятельности движений и политических партий), а под критерием социальной полезности – совокупности той пользы и того блага, которые гражданин принес обществу, родному краю и государству в целом (признанное мастерство в области литературы и искусств, участие в боевых действиях, звание заслуженного учителя, донора и т.п.). При этом в зависимости от достоинств и заслуг гражданина, он мог бы иметь на выборах определенное число голосов, от одного до пяти.

Против описанного порядка может быть приведен аргумент по поводу относительности и субъективности таких критериев как нравственность и порядочность, а также относимости или неотносимости различных качеств личности к этим критериям. Такой аргумент имеет право на существование, однако эта проблема устраняется путём использования лишь верифицируемых результатов реализации человеком своего личного и профессионального пути, а так же формальных показателей его жизнедеятельности. Так же против вышеназванных предложений может быть высказан аргумент касательно громоздкости процедуры проверки и утверждения начисления баллов, что предполагает существенные бюджетные ассигнования, а также создает простор для реализации коррупционных схем. Однако данные проблемы носят технический, а не сущностный характер и их решение есть сугубо административная задача.

Существенным, на наш взгляд, аргументом «против», так же является небезосновательное сомнение в соблюдении баланса справедливости, достижение которой декларируется важнейшей целью введения плюрального голосования. Действительно, если мы по своему желанию определяем, сколько баллов и за какие заслуги будут начисляться, то есть основание усомниться, не приведет ли такой волюнтаристский подход к разрушению хрупкого баланса между слоями общества, социальными группами и классами, не приведет ли это к искусственному (и, возможно, незаслуженному) увеличению силы одних групп и уменьшению силы других? Необходимо честно сказать, что такие риски действительно существуют и бесполезно пытаться просчитать их теоретически. Доводка этих механизмов до сбалансированного состояния возможна лишь эмпирически. Учитывая это, в целях снижения социальной травматичности обсуждаемых нами нововведений, представляется правильным начать внедрение плюрального голосования, сначала в качестве эксперимента в ряде регионов и муниципальных образований. Такие пилотные испытания могут проходить в течение нескольких лет, на протяжении которых регион или муниципалитет, в котором происходит внедрение, усиленно исследуется на предмет изменения экономических показателей, явки на выборах различного уровня, изменение рейтинга известных партий и кандидатов, уровня социальной ответственности граждан, а также, напротив, уровня коррупции, преступности и других антисоциальных явлений. В случае если в ходе испытания будут наблюдаться негативные изменения, рост социальной напряженности, дисбаланс в общественных интересах, то это явится показателем в пользу необходимости дорабатывать плюральную систему путём изменения номенклатуры и удельного веса различных заслуг, а за счет этого – изменения электоральной мощи различных слоев, групп и классов. Эти испытания должны быть продолжены настолько долго, насколько это требуется для отладки системы, которая лишь после этого может быть растиражирована в общенациональном масштабе.

Пожалуй, последним аргументом в пользу скептического восприятия высказанных предложений является понимание того, что не всегда соответствие формальным критериям гарантирует реально высокий уровень развития и социализации личности. Так, например, наши деятели культуры и искусства, несмотря на большое количество регалий и званий, отнюдь не всегда и отнюдь не обязательно являются носителями каких-то высоких ценностей, зачастую как раз наоборот. Однако таковы реалии и ничего поделать с этим нельзя, поскольку ничего, кроме формальных критериев у нас априори нет, так как мы не можем исследовать каждого избирателя индивидуально.

Помимо вышеописанных стремлений к большей справедливости общественной системы, внедрение плюрального голосования, по всей видимости, повлечет за собой ещё целый ряд положительных изменений. Очевидно, что плюральное голосование будет способствовать снижению уровня популизма при проведении избирательных компаний. Если сейчас у кандидата или партии велик соблазн делать ставку на политически неграмотных, невзыскательных, малообразованных граждан, коих всегда большинство, и, в силу этого, этот кандидат или партия выстраивают свою кампанию примитивно, с примитивными лозунгами, вызывающими скорее к страстям и страхам, нежели к разуму, активно внедряя в избирательные кампании элементы разрушительной карнавальной культуры, то после внедрения плюрального голосования у партий и кандидатов будет стимул тщательнее прорабатывать свои лозунги и программы, ориентируясь на меньшую часть электората, но в силу заслуг, активности и грамотности, обладающую большим числом голосов. Помимо этого, плюральное голосование поможет преодолеть политическую апатию, абсентеизм и безответственное отношение граждан к своим политическим правам. Дело в том, что нет стимула быть ответственным, когда твоё право голоса – раз и навсегда застывшая данность. Запретный плод, напротив, всегда сладок. По этой причине, когда гражданин будет чувствовать, что его право голоса – это привилегия, которую нужно заслужить, отношение к выборам будет совершенно иным, нежели теперь.

Необходимо отдавать себе отчет, что в настоящее время подобное видение не может быть воплощено на практике и принято обществом, в силу сложившихся реалий социальной и политической системы, однако возможно когда-нибудь человеческая мысль созреет для того, чтобы взглянуть на выдвигаемые здесь тезисы взглядом свободным от предрассудков и идолопоклонничества.

Пристайный библиографический список

1. Баглай М. В. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов. / под общ. ред. чл. – корр. РАН, проф. М. В. Баглая и др. М.: Норма, 2004. 832 с.
2. Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е издание, перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2007. 792 с.
3. Городецкий М. В. Критика либерализма по правоведческому основанию // Сборник статей по материалам конференции Правовые проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства. НГТУ. Новосибирск. 2014. С. 101-105.
4. Дамаскин О. В. Государственная Дума как выразитель жизненно важных интересов российского общества // Журнал о выборах. Спец. выпуск. 2006. С. 74-79.
5. Калинин Ф. И. Государственная Дума в России: сб. документов и материалов. Москва, 1957. 646 с.
6. Ливий Т. История Рима от основания города / Т. Ливий. М.: Наука, 1989. Т. 1. 576 с.
7. Любимов А. П. Основные вехи развития института общественно-политических выборов в России // Журнал о выборах. Спец. выпуск. 2006. С. 86-90.
8. Маклаков В. В. Зарубежное избирательное право: учебное пособие. Издательство НОРМА, 2003. 288 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения [перевод] изд. 2. Т. 25. Ч. 2. М.: Политиздат 1961.
10. Монтескьё Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
11. Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 3. Ч. 1. под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С-Петерб ун-та; «изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.
12. Толстых В. Л. К вопросу о значении *res publica*. Сборник статей по материалам конференции Правовые проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства. НГТУ. Новосибирск. 2015. С. 178-183.
13. Хаинце Р. Ректорская речь в Лейпциге, 1921. Цит. по: Шюрбаум Вернер. Цицерон: *De re publica* // *Res Publica: история понятия*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та. 2009.

МУСИНА Дилара Раисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

НИЗАМОВА Гульнара Закиевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

ВЛИЯНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗРАБОТКИ ШЕЛЬФОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

В статье авторы анализируют влияние макроэкономического окружения проекта разработки шельфового месторождения на его эффективность. В ракурсе такие факторы как цена на нефть, экспортная пошлина на нефть и налог на добычу полезных ископаемых. Рассчитан чистый дисконтированный доход для оператора и государства в условиях 2010 г. и 2017 г. Авторы делают вывод о переходе проекта из разряда неэффективных в разряд эффективных проектов.

Ключевые слова: проект, шельфовое месторождение, чистый дисконтированный доход, цена, экспортная пошлина, налог на добычу полезных ископаемых.

MUSINA Dilara Raisovna

Ph.D. in Economics, senior lecturer of Economics and management at the enterprise of oil and gas industry sub-faculty of Ufa the State Petroleum Technical University

NIZAMOVA Gulnara Zakievna

Ph.D. in Economics, senior lecturer of Economics and management at the enterprise of oil and gas industry sub-faculty of Ufa the State Petroleum Technical University

THE INFLUENCE OF THE MACROECONOMIC ENVIRONMENT ON ECONOMIC EFFICIENCY OF THE OFFSHORE OIL FIELD DEVELOPMENT

In the article authors analyze the macroeconomic environment influence on the efficiency of the offshore oil field project development. Such factors as the price of oil, export duty on oil and a severance tax are in the focus. The net present value for operator and the state in the conditions of the 2010 and the 2017 is calculated. Authors draw a conclusion about transition of the project from the category of ineffective projects to efficient category.

Keywords: the project, the offshore field, the net present value, price, export duty, severance tax.

Мусина Д. Р.

Низамова Г. З.

Как и для любого коммерческого проекта, решение о реализации проекта разработки месторождения принимается только при условии его экономической эффективности, которая обусловлена неотрицательным чистым дисконтированным доходом (ЧДД) и индексом доходности больше единицы. В этой связи значительную роль при формировании денежных притоков и оттоков по проекту играют макроэкономические факторы, которые в силу своей неопределенности могут в отдельные периоды времени как ухудшать, так и улучшать экономические результаты проекта¹²³⁴. При этом нередко для

нефтегазовых проектов определяющим фактором выступает фискальная политика государства⁵⁶⁷⁸.

В данной статье приводятся результаты оценки экономической эффективности разработки одного из шельфовых месторождений Западной Арктики. Характеристика макроэкономических условий 2010 г. и 2017 г. представлена в таблице 1.

В условиях 2010 г. проект был неэффективен, так как ЧДД был отрицательным. С 2016 г. для шельфовых месторождений была предоставлена льгота по налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Согласно НК РФ, гл. 26, ст. 164 «налогообложение производится по налоговой ставке ноль процентов ... при добыче углеводородного сырья, добытого из залежи углеводородного сырья на участке недр, расположенном полностью в границах внутренних морских вод, территориального моря, на континентальном шельфе Российской Федерации ... при соблюдении хотя бы одного из следующих условий... степень выработности запасов ... по состоянию на 1 января 2016 года составляет менее 0,1 процента». Кроме того, по состоянию на 1 квартал 2017 г. экспортная пошлина в 3 раза меньше уровня 2010 г. Другим

- 1 Низамова Л. Р., Соловьева И. А. Состояние и проблемы развития нефтегазового комплекса России // В сборнике «Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика». Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 160-165.
- 2 Хуснуллина (Низамова) Г. З., Макова (Гайфуллина) М. М. Повышение эффективности инвестиционной деятельности предприятий нефтяного комплекса. Уфа: УГНТУ, 2007. 161 с.
- 3 Низамова Г. З., Чеботарев Е. И. Методические подходы к управлению рисками финансирования инвестиционных проектов // Актуальные направления научных исследований в области экономики, финансов и учета: от теории к практике: сборник научных трудов по материалам I Всероссийской заочной интернет-конференции, 20-22 января 2016 г. Уфа: УГНТУ, 2016. С. 135-138.
- 4 Низамова Г. З. Применение комплексного подхода к формированию риск-менеджмента // Вестник экономики и менеджмента. 2016. № 1. С. 135-139.

- 5 Мусина Д. Р., Мусалимов А. Д., Тасмуханова А. Е. Влияние «большого налогового маневра» на эффективность нефтедобычи // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95). С. 187-189.
- 6 Мусина Д. Р. Анализ налоговой нагрузки вертикально интегрированных нефтяных компаний // Вестник экономики и менеджмента. 2016. №1 (2). С. 130-134.
- 7 Гафарова З. Р., Герасимова М. В., Соловьева И. А. Особенности налогообложения предприятий нефтегазового сектора // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 217-219.
- 8 Мухаметов Р. Р., Мусина Д. Р. Факторы, определяющие себестоимость добычи нефти. // Инновационная наука: прошлое, настоящее, будущее, сборник статей Международной научно-практической конференции: в 5 частях. 2016. С. 108-111.

Таблица 1. Макроэкономические условия для оценки эффективности проекта

Показатель	2010 г.	2017 г.
Цена нефти на внешнем рынке, долл./т	547,5	381,5
Курс доллара, руб./долл.	35,5	55,96
Экспортная пошлина, долл./т	266,5	88,9
НДПИ, руб./т	2889,7	0

Рисунок 1. Чистый дисконтированный доход оператора и государства в макроэкономических условиях 2010 г.

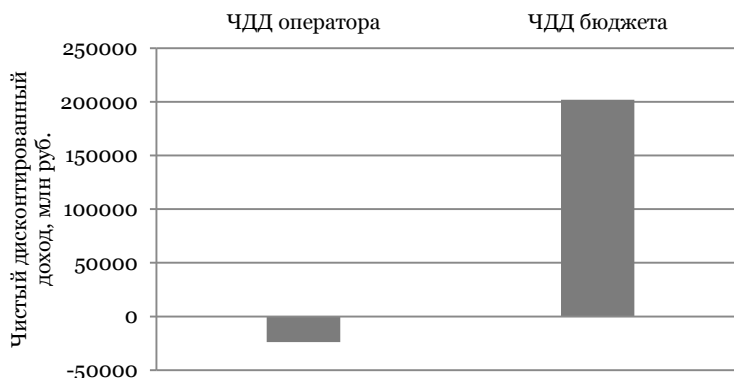
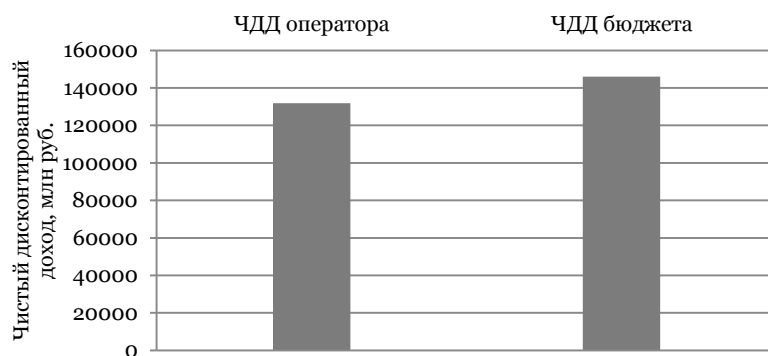

Рисунок 2. Чистый дисконтированный доход оператора и государства в макроэкономических условиях 2017 г.

не менее важным макроэкономическим фактором стала цена на нефть, которая в рублевом эквиваленте в 2017 г. выше уровня 2010 г. на 10%, что также улучшило показатели эффективности проекта, так как ЧДД рассчитывается в национальной валюте.

На рисунках 1 и 2 представлены ЧДД оператора и ЧДД бюджета, рассчитанные в различных условиях. Соответственно, несмотря на более высокий потенциальный доход бюджета в 2010 г. относительно 2017 г., бюджет не получил бы ничего, так как проект не был реализован по причине неэффективности.

Таким образом, эффективность проекта была достигнута в основном благодаря предоставленной налоговой льготе по НДПИ, а также снижению ставки экспортной пошлины^{9,10}. Проект находится в зоне эффективности и может быть рекомендован к реализации.

Пристатейный библиографический список

- Гафарова З. Р., Герасимова М. В., Соловьева И. А. Особенности налогообложения предприятий нефтегазового сектора // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 217-219.
- Мусина Д. Р. Влияние налога на добычу полезных ископаемых на эффективность разработки нефтяного месторождения // Вестник ВЭГУ. 2014. № 6 (74). С. 69-76.
- Мусина Д. Р. Анализ налоговой нагрузки вертикально интегрированных нефтяных компаний // Вестник экономики и менеджмента. 2016. № 1 (2). С. 130-134.
- Мусина Д. Р., Мусалимов А. Д., Тасмуханова А.Е. Влияние «большого налогового маневра» на эффективность нефтедобычи // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95). С. 187-189.
- Мусина Д. Р., Сейдалин Р. Р. Влияние системы налогообложения на эффективность разработки газового месторождения // Евразийский юридический журнал. № 6 (97). 2016. С. 227-229.
- Мухаметов Р. Р., Мусина Д. Р. Факторы, определяющие себестоимость добычи нефти // Инновационная наука: прошлое, настоящее, будущее, сборник статей Международной научно-практической конференции: в 5 частях. 2016. С. 108-111.
- Низамова Л. Р., Соловьева И. А. Состояние и проблемы развития нефтегазового комплекса России // В сборнике «Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика». Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 160-165.
- Низамова Г. З., Чеботарев Е. И. Методические подходы к управлению рисками финансирования инвестиционных проектов // Актуальные направления научных исследований в области экономики, финансов и учета: от теории к практике: сборник научных трудов по материалам I Всероссийской заочной интернет-конференции, 20 – 22 января 2016 г. Уфа: УГНТУ, 2016. С. 135-138.
- Низамова Г. З. Применение комплексного подхода к формированию риск-менеджмента // Вестник экономики и менеджмента. 2016. № 1. С. 135-139.
- Хуснуллина (Низамова) Г. З., Макова (Гайфуллина) М. М. Повышение эффективности инвестиционной деятельности предприятий нефтяного комплекс. Уфа: УГНТУ, 2007. 161 с.

9 Мусина Д. Р. Влияние налога на добычу полезных ископаемых на эффективность разработки нефтяного месторождения // Вестник ВЭГУ. 2014. № 6 (74). С. 69-76.

10 Мусина Д. Р., Сейдалин Р. Р. Влияние системы налогообложения на эффективность разработки газового месторождения // Евразийский юридический журнал. № 6 (97). 2016. С. 227-229.

БЕГЛОВА Елена Ирековна

доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга Башкирского государственного университета

МИГРАЦИЯ, БЕДНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСПРОПОРЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследованы причинно-следственные связи между экономическим неравенством и бедностью на региональном уровне. Установлена высокая степень взаимозависимости индикаторов бедности и экономических диспропорций в региональном развитии. Предложена авторская типология российских регионов, раскрывающая системный характер влияния показателей регионального социально-экономического развития на процессы трудовой миграции.

Ключевые слова: миграция, экономическое неравенство, регион, бедность.

BEGLOVA Elena Irekovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Management and marketing sub-faculty of the Bashkir State University

MIGRATION, POVERTY AND ECONOMIC DISPROPORTIONS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the article the causal relationship between economic inequality and poverty at the regional level is investigated. A high degree of interdependence of poverty indicators and economic imbalances in regional development is established. The author's typology of Russian regions is proposed, revealing the systemic nature of the impact of indicators of regional socioeconomic development on the labor migration processes.

Key words: Migration, economic inequality, region, poverty.

Беглова Е. И.

На современном этапе наблюдается возрастание роли миграционных процессов в Российской Федерации. Эти процессы оказывают системное влияние на различные сферы общественной жизни и служат причинами трансформации социально-экономической ситуации, особенно на региональном уровне. С другой стороны, на активизацию миграционного движения (с его позитивными и негативными последствиями), резкое снижение реальных доходов населения и рост уровня бедности существенное влияние оказывает рост межрегиональной дифференциации, формирующейся в результате различных уровней социального и экономического развития регионов, их специфики, ресурсных преимуществ и т.п.

В РФ экономические диспропорции регионального развития оказывают первостепенное значение на формирование дифференциации в доходах домохозяйств, локализацию бедности, последствия в плане миграции. При этом трудящиеся, переселяющиеся из бедных субъектов Федерации, выбирают для себя новую социальную модель. В результате, в большинстве своем их производительность резко возрастает. Поэтому можно говорить о том, что миграция – это определенного рода экономическая реакция на разрыв в доходах. В связи с этим экономико-статистический анализ межрегионального экономического неравенства вызывает существенный научный и практический интерес.

Уменьшение межрегиональной дифференциации сегодня – наиболее значимая задача развития регионов России, поскольку имеющие место диспропорции в их развитии осложняют формирование и реализацию в стране целостной политики социально-экономических преобразований. В свою очередь, миграция не способна суще-

ственно сократить указанные диспропорции в доходах между бедными и богатыми регионами, следовательно, риск появления межрегиональных разногласий сохраняется.

Можно выделить два типа факторов, определяющих региональный аспект бедности: безусловные и сравнительные. Безусловные факторы, формирующие региональную дифференциацию и бедность, включают размещение естественных ресурсов, богатство недр, климат, местоположение по отношению к существующим рынкам, плотность населения в регионе. Сравнительные факторы влияют на характер распределения ресурсов, эффективность их использования в экономическом пространстве. Сравнение ведется на основе таких показателей, как объем душевого производства ВРП, экономический потенциал регионов, структура производства, производительность региональной экономики, объем выпускаемой продукции и ее конкурентоспособность, импортные возможности, экспорт полезных ископаемых, аккумулированные инвестиции, особенности распределения доходов в регионах, ценовые факторы. Перечисленные выше факторы в совокупности предопределяют очень значимые расхождения по регионам страны как в среднедушевых доходах населения, так и в уровне бедности.

В качестве доводов проведем оценку эффективности использования экономического потенциала регионов-субъектов РФ и рассмотрим, как величина производства ВРП на душу населения влияет на уровень благосостояния бедных социальных слоев. Заметим, что Мировым банком принята следующая группировка стран по уровню душевого валового внутреннего продукта по биржевому курсу американского доллара: высокий – больше 9 тыс.; высокий средний – от 3-х до 9-ти тыс.;

низкий средний – от 800 до 3-х тыс.; низкий – менее 800 долл.¹ Применение международных группировок уровней ВРП на душу населения для характеристик его производства в регионах РФ в 2015 г. позволяет сделать следующие выводы. Высокий душевой ВРП (свыше 9 тыс. долл.) наблюдался лишь в девяти регионах (Чукотской АО, Тюменской области, городах Москва и Санкт-Петербург, Республике Коми, Сахалинской области, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Магаданской области). Число регионов с низким средним уровнем ВРП (от 800 до 3-х тыс. долл.) составило десять (г. Севастополь, республика Крым, Тыва, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Калмыкия, а также Ивановская область). Во всех остальных регионах РФ производился ВРП, соответствующий высокому среднему уровню (от 3-х до 9-ти тыс. долл.)².

Группировка российских регионов с наиболее высокими и низкими душевыми денежными доходами в 2015 г. показала, что имеет место положительная связь между объемами среднедушевых денежных доходов и размерами региональных ВРП на душу населения. Так, лишь в тех регионах, где производятся наиболее высокие объемы ВРП, формируются и высокие среднедушевые денежные доходы, и благоприятные для жизни населения условия. Уровень денежных доходов на душу населения в процентах к среднему по РФ в 2015 г. составил в Чукотском АО 202 %, Тюменской области – 136 %, г. Москва – 197 %, г. Санкт-Петербург – 131 %, Республика Коми – 109 %, Сахалинская область – 164 %, Республика Саха (Якутия) – 124 %, Магаданская область – 165 %. Регионы с низким средним уровнем ВРП отличаются не только низкими среднедушевыми денежными доходами населения (ниже среднероссийского уровня), но и высоким уровнем региональной безработицы. Если в РФ уровень безработицы в 2015 г. составлял 5,6 %, то в г. Севастополь – 8,3 %, в Республиках Крым – 7,2 %, Тыва – 18,6 %, Ингушетия – 30,5 %, Северная Осетия-Алания – 9,3 %, Кабардино-Балкарская – 10,1 %, Карачаево-Черкесская – 15,1 %, Чеченская – 17,1 %, Калмыкия – 10,7 %³.

Проводимая в настоящее время социально-экономическая политика в РФ не способствует устранению региональных различий в уровне жизни и бедности населения, в результате продолжает сохраняться высокий уровень регионального экономического неравенства. В России в 2015 г. коэффициент Джини составил 0,413, в 2016 г. – 0,414, коэффициент фондов в 2015 г. и 2016 г. достигал не менее 15-тираз. Имеет место как крайняя нищета, так и богатство отдельных категорий домохозяйств. В большинстве своем дифференциация по величине среднедушевых доходов в регионах РФ достигает 3-5 раз. Наиболее острой проблема бедности является в трудоизбыточных регионах, поскольку именно безработица существенно понижает уровень трудовых доходов. Например, самый высокий уровень безработицы в 2016 г. наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе – 11 %, соответственно, здесь самый низкий уровень среднедушевых денежных доходов по

РФ (76,1 % к среднему по РФ). А в тех регионах, где производится электроэнергия, добываются нефть, газ, золото, формируются наиболее благоприятные для жизни условия. Следует также отметить, что регионам РФ свойственно неравномерное снижение объемов и перечня бесплатных услуг, которые ранее представлялись через общественные фонды потребления. Значительные объемы бесплатного потребления услуг сохранились в нефтегазодобывающих регионах (например, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах), а также в отдельных республиках с особым бюджетным режимом (в их числе Республика Татарстан). В депрессивных регионах страны произошло максимальное сокращение бесплатных услуг, что стимулировало увеличение разрыва в уровне бедности. Таким образом, территориальные различия в уровне доходов и бедности – это результат региональных диспропорций экономического развития страны, полное выравнивание которых невозможно в принципе. Неоднородность экономического пространства можно лишь уменьшить, гармонизируя социально-экономические преобразования, создавая предпосылки для развития общенационального рынка.

Заметим, одним из факторов роста величины среднедушевых доходов общества является увеличение доли городских жителей, имеющих более высокие среднедушевые доходы в отличие от сельчан. Трудовая миграция в города из сельских поселений повышает уровень жизни мигрантов на 40-50 %, а миграция из небольших городов в столицу – на 30-35 %. Поэтому более высокий уровень бедности в сельской местности объясняется, в первую очередь, крайне низким уровнем оплаты труда платы работников, занятых на сельскохозяйственных предприятиях.

Определяющей причиной регионального неравенства по доходу и уровню бедности является и дифференциация заработной платы по регионам. Так, дифференциация оплаты труда по регионам достигает от 20-ти до 40 раз по стране. Развитые регионы при высоком уровне ВРП способны обеспечивать социальный прогресс при разных альтернативах социальной политики. К регионам с наибольшей величиной заработной платы в декабре 2016 г. относились Чукотский автономный округ (115093 руб.), Ямало-Ненецкий автономный округ (98971 руб.), г. Москва (98436 руб.), Республика Саха (Якутия, 90982 руб.), Ненецкий автономный округ (87751 руб.), Ханты-Мансийский автономный округ (87980 руб.), Магаданская область (86509 руб.), Тюменская область (78722 руб.), Сахалинская область (79338 руб.), Камчатский край (76437 руб.), г. Санкт-Петербург (65086 руб.).

Среди российских регионов с невысокими экономическими ресурсами и с самой низкой величиной номинальной заработной платы (ниже общероссийского уровня почти в два раза) следует отметить следующие республики: Дагестан (25517 руб.), Кабардино-Балкарскую (27120 руб.), Карачаево-Черкесскую (26426 руб.), Чеченскую (27572 руб.), Калмыкию (27656 руб.), Адыгею (28359 руб.), Мордовию (28381 руб.), Северную Осетию – Аланию (28911 руб.), Чувашию (28962 руб.), Марий Эл (31118 руб.), Алтайский край (27208 руб.), а также Брянскую (27210 руб.), Ивановскую (27911 руб.), Тамбовскую (28174 руб.), Костромскую (28269 руб.), Орловскую (28688 руб.), Кировскую (28671 руб.) области.

На наш взгляд, такие существенные различия в оплате труда в регионах дестабилизируют целостное социально-экономическое пространство Российской Федерации, формируют экономическое неравенство и социальное расслоение общества по уровню материального достатка и соответствующего ему потребительского поведения. На основе данных

1 Беглова Е. И. Диспропорции регионального развития и бедность // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 24. С. 5.; Всемирный банк бросил тень на Россию: За время кризиса доля теневого сектора могла только подрасти // Независимая газета: ежедн. интернет-изд. 2010. 23.июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-07-23/1_vb.html (дата обращения: 10.07.2017)

2 Национальные счета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 10.07.2017)

3 Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 195-196, 228-229.

Росстата о бедности по доходу, располагаемым ресурсам домохозяйств и соотношению душевых денежных доходов и прожиточного минимума нами определены актуальные типы регионов РФ, различающиеся по уровню бедности.

Типы регионов по уровню бедности в 2015 г.

1. Бедственные регионы с максимальным уровнем бедности (доля бедных составляет 19,1 % и выше от общей численности населения региона). Среди них можно выделить, во-первых, экономически деградирующие регионы с максимальным уровнем бедности (средняя доля бедных 35,8 %), минимальным среди всех субъектов РФ средним соотношением душевых доходов к прожиточному минимуму (218 %), большой долей многодетных семей, максимальной общей безработицей. Это республики Калмыкия, Ингушетия, Тыва. Во-вторых, бедственные регионы с высоким уровнем бедности (средняя доля бедных 21,4 % бедных, среднее соотношение душевых доходов к прожиточному минимуму по регионам 244 %). Это следующие области: Псковская, Курганская, Иркутская; Республики: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Марий Эл, Мордовия; Алтай, Забайкальский край, Камчатский край, Красноярский край, Еврейская АО. Перечисленные субъекты РФ отличаются наименее благоприятными условиями жизни, высоким уровнем официальной безработицы, значительной долей занятого населения в бюджетной и сельскохозяйственной сфере, большим масштабом бедности пенсионеров.

2. Социально-успешные регионы (средняя доля бедных: 9 % от общей численности населения регионов, среднее соотношение душевых доходов к прожиточному минимуму по регионам – 434 %). Сюда вошли регионы с максимальными доходами населения: Белгородская, Воронежская, Липецкая, Московская, Ленинградская, Нижегородская, Свердловская, Сахалинская области; г. Москва и г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО, Республика Татарстан, Ямало-Ненецкий АО и Чукотский АО. Здесь бедность наблюдается в неполных семьях, среди безработных.

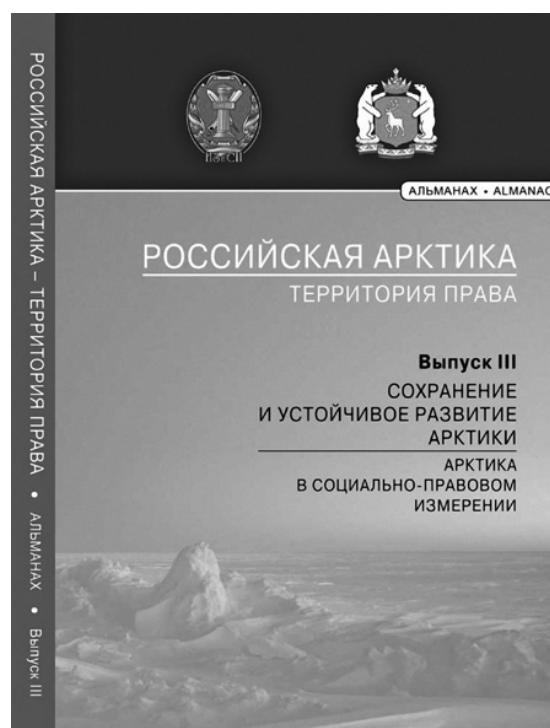
3. Регионы со средней долей бедных (средняя доля бедных 12,5 % бедных от общей численности населения регионов, среднее соотношение душевых доходов к прожиточному минимуму по регионам 365 %). К этой группе принадлежат все оставшиеся субъекты РФ, т.е. отличающиеся повышенным риском бедности ввиду резких гендерных различий в оплате труда, значительного числа неполных семей с детьми по сравнению с полными семьями из-за «мужской» структуры экономики.

Эта типология регионов РФ по уровню бедности позволяет сделать вывод: выявление экономических диспропорций регионального развития и построение картины бедности крайне необходимо, поскольку направления внутрироссийской трудовой миграции в целом согласуются с показателями социально-экономического развития российских регионов. Среди регионов – центров притяжения мигрантов – большинство относится к социально-успешным, находятся в благоприятной природно-климатической зоне, имеют более развитую инфраструктуру, что крайне важно для миграции. Естественно, лидеры самого интенсивного оттока трудовых мигрантов, стремящихся преодолеть «ловушки бедности», – это регионы-аутсайдеры и регионы со средней долей бедных. Меры в области административного регулирования миграции не позволяют решить эту проблему. Следовательно, приоритеты в условиях ограниченных факторов производства с точки зрения снижения масштабов бедности и ее локализации в России, принятия первоочередных мер в области внутри-страно-

вой пространственной мобильности населения должны быть направлены на инновационное развитие региональной экономики, ускоренное развитие качественных рабочих мест и развитие качественной среды проживания.

Пристатейный библиографический список

1. Беглова Е. И. Диспропорции регионального развития и бедность // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 24. С. 57-65.
2. Всемирный банк бросил тень на Россию: За время кризиса доля теневого сектора могла только подрасти // Независимая газета: ежедн. интернет-изд. 2010. 23.июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-07-23/1_vb.html (дата обращения: 10.07.2017).
3. Национальные счета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 10.07.2017).
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

ГАЛИМОВА Гузалия Абкадировна

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и налогообложения Башкирского государственного университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В статье описаны механизмы и инструменты инвестирования государственных и муниципальных бюджетных средств. Проблема эффективности использования этих средств одна из наиболее актуальных проблем. Рассмотрены основные направления совершенствования системы государственных инвестиций и механизмов их предоставления: финансирование инвестиций на основе реализации принципа результативности и совершенствование системы оценки эффективности принимаемых инвестиционных проектов.

Ключевые слова: государственные инвестиции, комплексный инвестиционный проект, территория опережающего развития, проектное инвестирование, отложенные налоговые платежи, оценка эффективности инвестиций.

GALIMOVA Guzaliya Abkadirovna

Ph.D. in Economics, professor, Head of Finance and taxation sub-faculty of the Bashkir State University

IMPROVEMENT OF STATE INVESTMENTS SYSTEM

Article describes state and municipal budget funds' investment tools and instruments. The problem of effectiveness of these budgets' use is one of the most important problem. Main directions of improvement of state investments system and investments providing tools have been reviewed: financing investments based on realization and developing the system of evaluation of accepted investments projects' effectiveness.

Keywords: state investments, complex investment project, advanced development territory, project investment, deferred tax payments, evaluation of investments effectiveness.

Одна из проблем реформирования бюджетной системы и бюджетного процесса в Российской Федерации это повышение эффективности использования бюджетных расходов. Как известно, Правительством РФ с 2014 года принята и реализуется программа повышения эффективности управления общественными финансами на период до 2018 года. Программы повышения эффективности государственных и муниципальных финансов приняты и реализуются также практически во всех регионах. В условиях кризисной ситуации в экономике, сокращающихся финансовых ресурсов, дефицита ликвидности вопросы эффективности государственных инвестиций приобретают особую актуальность.

Государственные инвестиции, исходя из их высокой общественной значимости, играют особую роль в развитии экономики, а также в социальной, культурной сферах. В связи с этим инвестиционная деятельность государства характеризуется высокой степенью риска, в том числе неэффективности использования средств.

Инвестиционный проект, финансируемый за счет средств государственного или муниципального бюджетов, может быть всесторонне проверен, утвержден и готов к реализации. Но это не дает гарантии эффективности и успешности инвестиционного проекта.

Совершенствование бюджетного инвестирования осуществляется в двух направлениях. Первое направление связано с поиском новых, рациональных направлений использования финансовых ресурсов, а именно: ограничение сферы применения безвозвратного финансирования инвестиций за счет средств бюджетов при расширении возможностей предоставления бюджетных ассигнований на возвратной основе; расширение практики предоставления государственных гарантий и

Галимова Г. А.

страхования инвестиций как формы государственного инвестирования. Второе направление - это совершенствование системы оценки эффективности принимаемых инвестиционных проектов.

Причинами неэффективности бюджетных расходов можно назвать следующее:

- декларативность заявляемых программ;
- отсутствие четкого механизма реализации инвестиций;
- отсутствие привязки к проектному подходу.

Ключевыми элементами повышения эффективности бюджетных расходов по международно признанным меркам являются:

- использование инструментов проектного финансирования
- вариативность при выборе инструментов государственного поддержки, с учетом интересов частного инвестора
- конкурентность
- комплексная экспертная оценка эффективности реализуемого проекта
- использование инструмента публичного обсуждения реализуемых проектов
- концепция «Value for money» - «стоит ли затраченных денег?»

Стимулирования инвестиционного процесса региональные органы государственной власти используют большое количество инструментов развития. Все выявленные инструменты можно сгруппировать в четыре группы:

1. Прямые финансовые меры;
2. Специальные режимы;
3. Региональные бюджетные инвестиции на развитие инфраструктуры;

4. Нефинансовые меры.

В условиях жесткой конкуренции регионов за привлечение инвесторов реализация представленных инструментов инвестиционной политики находится на высоком уровне: каждый регион стремится к внедрению нового и совершенствованию имеющегося инструментария.

К первой группе относятся такие инструменты как льготное налогообложение, создание и использование залогового фонда, субсидирование процентных ставок по банковским кредитам, субсидирование лизинговых платежей, инвестиционный налоговый кредит, выпуск облигаций, бюджетные кредиты, предоставление концессии инвесторам и другие.

В рамках второй группы предполагается создание технопарков, промышленных парков, бизнес – инкубаторов, территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР).

Развитие инфраструктуры предполагает наличие и функционирование Регионального инвестиционного фонда, организацию инвестиционных площадок, подводку инженерной инфраструктуры и другие меры.

И четвертая группа мер – нефинансовая. Это меры связанные с сопровождением и регулированием инвестиционной деятельности в регионе.

В Республике Башкортостан ведется активная работа по формированию благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности.

По состоянию на 1 января 2017 года Перечень содержит 66 проектов с объемом инвестиций 449,1 млрд. рублей. Успешная реализация всех проектов позволит создать 21,2 тыс. новых рабочих мест.

Актуальным и критичным с точки зрения развития территорий является проблемы моногородов. На сегодняшний день в Республики Башкортостан данная проблема стоит в нескольких городах республики. В частности, это города Белебей и Кумертау, которые отнесены к первой категории с наиболее сложной ситуацией социально-экономического развития. Города Нефтекамск и Белорецк имеют риски ухудшения положения (вторая категория), Учалы и Благовещенск – третья группа городов со стабильной экономической ситуацией. По моногородам первой группы республики получен статус ТОР, по остальным четырем городам – переданы документы на рассмотрения Правительства РФ. Большое количество территорий опережающего социально-экономического развития возможно создаст условия для привлечения частных инвестиций, однако в некой мере девальвирует данный инструмент. При наличии бюджетных ресурсов (федеральных, региональных) поддержки этих территорий (в том числе предоставление налоговых льгот) требуется особая оценка эффективности использования этих мер. Конечная цель - привлечение инвесторов – резидентов ТОР - будет связана с конкурированием этих городов за привлечение инвестиций.

В качестве новых инструментов, рассматриваемых на территории РФ следует назвать так называемые TIF – проекты – отложенные налоговые платежи. Практика применения этого инструмента в России отсутствует. Однако уже разрабатывается пакет документов для дальнейшего использования этого механизма.

В качестве механизмов, альтернативных TIF, но доступных муниципалитетам при финансировании реконструкции или развития территории, можно рассматривать следующие:

- самостоятельное финансирование из текущих доходов (в т.ч. налоговых);
- финансирование через долговые инструменты;
- использование инфраструктурных грантов и субсидий федеральных и региональных властей;
- создание районов повышенного налогообложения.

«Механизм Tax Increment Financing (далее – TIF) – модель финансирования создания (модернизации) инфраструктуры в счет планируемого увеличения будущих налоговых доходов от улучшений на территории. Для реализации инфраструктурного проекта, финансируемого с использованием TIF, уполномоченные органы власти определяют ограниченную территорию, включающую помимо предполагаемых к модернизации (реконструкции, строительству) объектов инфраструктуры, ряд прилегающих территорий с жилой, коммерческой или промышленной недвижимостью». Уровень налоговых поступлений (связанных с налогами на имущество) на момент начала проекта, фиксируется. Предполагается, что реализация инфраструктурного проекта на территории увеличит ценность недвижимости и/или земли, повысит уровень налоговых доходов сверх установленного без повышения налоговых ставок. Все подобные налоговые сверхдоходы от TIF-района (tax increments) или только их часть, включая доходы от самого инфраструктурного проекта (если таковой приносит их самостоятельно), перераспределяются из государственного бюджета в бюджет TIF-проекта вплоть до его окончания и используются для погашения первоначальных инвестиций в проект. Впоследствии реализация проекта также может повлечь и увеличение доходов по другим налогам, а также увеличение числа рабочих мест¹.

В зарубежной практике механизм TIF применяется при наличии одного или нескольких из следующих требуемых критериев «упадка» экономики территории:

- возраст зданий
- уровень упадка коммунальных систем;
- уровень безработицы;
- дефективность строений;
- уровень пожароопасности района;
- экологическое состояние;
- уровень дохода населения;
- отсутствие прироста или спад численности населения;
- отсутствие экономического развития.

Разработка и реализация TIF – проектов вписывается в концепцию совершенствования государственных инвестиций, основанной на проектном финансировании.

Второе направление совершенствование государственных инвестиций – оценка эффективности. Это направление менее разработано по сравнению с инструментами государственной поддержки инвестиций. Несмотря на это проблема не становится менее значимой. Суть направления совершенствования связано с отсутствием требований к критериям отбора и контролю эффективности проектов.

Сложившиеся практика эффективности реализуемых инвестиционных проектов, как правило, сводится к анализу достижений целевых установок и показателей, отраженных в

1 Механизм отложенных налоговых платежей как способ финансирования инфраструктурных проектов: зарубежный опыт//Под редакцией Дмитриева В. А., Баженова А. В. Монография. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. С. 8-9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mirkin.ru/_docs/booko48.pdf - (дата обращения: 18.07.2017 г.).

соглашениях. Полноценную оценку эффективности возможно осуществить только при комплексном анализе результатов.

При принятии решений создании ТОР или применения другого механизма государственных инвестиций (отбора инвестиционных проектов), основным показателем является создание рабочих мест и привлечение объема инвестиций. Безусловно, они являются важными показателями, но при наличии бюджетных средств (или налоговых льгот) необходимо уделять внимание таким показателям как риски не привлечения инвесторов и инвестиционных средств из частных источников, предполагаемая выручка резидентами (например, ТОР), предполагаемое увеличение налоговых (неналоговых) поступлений. Сопоставление данных показателей позволит реально оценить финансовые и не финансовые последствия реализации инвестиционного проекта.

При оценке эффективности реализации комплексного инвестиционного проекта применяются следующие показатели:

1. Стоимость создания одного рабочего места за счет государственных инвестиций, тыс. руб.

2. Объем средств, вкладываемых в инвестиционные проекты, на 1 рубль государственных инвестиций, руб.

3. Отношение объема совокупной выручки участников КИПР за последний год его реализации к объему финансирования КИПР за счет средств федерального бюджета и средств бюджета субъекта Российской Федерации.

Считаем необходимым также рассматривать такие критерии эффективности, как:

– оценка рисков бюджетной системы (потеря бюджетных доходов и не привлечение дополнительных налоговых поступлений);

– оценка рисков не привлечения участников КИПР;

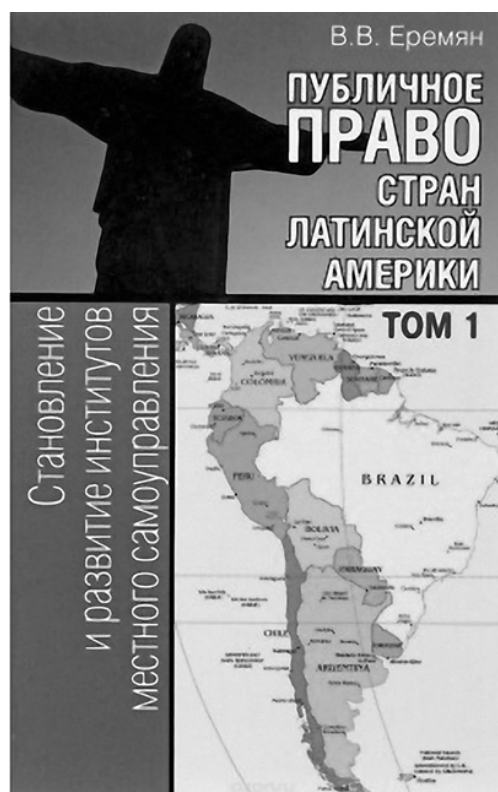
– оценка показателей социально-экономического развития от реализации КИПР;

– объем финансирования и налоговых отчислений.

Повышение эффективности использования бюджетных средств, направленных на инвестиционные цели, по существу зависит не столько от объема финансирования (сколько денег было выделено по проекту), а от эффективности их использования, которая предполагает положительный результат. Наличие и применение проработанных и обоснованных методик анализа позволит существенно повысить отбор проектов, а тем самым и повысит эффективность их реализаций.

Пристатейный библиографический список

1. Байгузина Л. З., Галимова Г. А. Показатели эффективности расходов регионального бюджета // Наука и бизнес: пути развития. 2017. № 4. С. 44-47.
2. Байгузина Л. З., Галимова Г. А. Бюджетный потенциал как один из факторов формирования финансового потенциала региона // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6 (97). С. 221-223.
3. Механизм отложенных налоговых платежей как способ финансирования инфраструктурных проектов: зарубежный опыт // Под редакцией Дмитриева В. А., Баженова А. В. Монография. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. 223 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mirkin.ru/_docs/book048.pdf - (дата обращения: 18.07.2017 г.).
4. Презентация выступления на круглом столе Рыковой И. Н. Эффективность государственной бюджетной политики: комплексные инвестиционные проекты в регионах и участие институтов развития // XIV Всероссийский форум «Стратегическое планирование в регионах и городах России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/actions/20151020/20151020_3.pdf - (дата обращения: 18.07.2017 г.).

КАЮМОВА Альфира Фарвазовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры общей экономической теории Башкирского государственного университета

БАЙКОВА Эльвира Рафаэлевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической теории Башкирского государственного университета

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ФИРМЫ

В статье рассмотрены подходы к эволюции теории фирмы, уделено особое внимание институциональной теории фирмы, проведен теоретический анализ содержания и использования современной теории фирмы.

Ключевые слова: фирма, теории фирмы, маржинализм, институционализм, трансакционные издержки.

KAYUMOVA Alfira Farvazova

Ph.D. in historical sciences, associate professor of General economic theory sub-faculty of the Bashkir State University

BAIKOVA Elvira Rafaelevna

Ph.D. in Economy, associate professor of General economic theory sub-faculty of the Bashkir State University

METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH OF DEVELOPMENT STAGES THEORY OF THE FIRM

The article considers approaches to the evolution of the firm theory, paid special attention to the institutional theory of the firm, conducted a theoretical analysis of the content and use of the modern theory of the firm.

Keywords: firm, firm theory, marginalism, institutionalism, transaction costs.

В современной теории фирмы сложилось несколько подходов к объяснению сущности и поведения фирм. Процесс эволюции теории фирмы можно условно разделить на два этапа.

Первый этап, начинающийся с 16 в. и заканчивающийся формированием марксистской теории, характеризуется разработкой основ и элементов будущей теории фирмы. К таким элементам, прежде всего, относятся: идеи защиты внутренних производителей и торговцев; регламентация приемов производства и стандартов качества продукции; исследование воспроизводственных процессов и условий обмена продуктами труда между различными классами; разработка концепции о переливе капитала из менее выгодных в более прибыльные отрасли хозяйства; признание совершенной конкуренции в качестве основного условия развития фирмы; исследование сущности основных категорий, лежащих в основе теории фирмы; анализ противоречий экономических интересов собственников капитала и рабочей силы; оценка источников и величин промышленной, торговой прибыли и процента; исследование этапов и форм общественного разделения труда как предпосылки появления фирмы.

Второй этап эволюции теории фирмы начинается с развития неоклассической теории, характеризующийся субъективно-психологическим подходом. В рамках неоклассического и институционального направления происходит становление теории фирмы. Вклад в теорию фирмы представителями этих экономических направлений заключается в следующих разработках: предложен механизм определения оптимальных размеров фирмы; исследовано влияние фирм-производителей

друг на друга, приводящее к общему изменению спроса на факторы производства и цены; обоснованы альтернативные цели фирмы; проанализированы возможности использования эффекта масштаба; введены категории трансакционных и трансформационных издержек; дан анализ категории «рациональное поведение» как переменной величины, зависящей от сложности ситуации, ее повторяемости, мотивации; фирма представлена с позиции пучка прав собственности, закрепленного контрактами.

Формирование целостной концепции теории фирмы произошло только к концу 19 в., методологической основой которой стали концепции экономистов маржиналистского направления. В качестве самостоятельного экономического направления маржинализм сложился во второй половине 19 в., когда в ряде западных стран и США завершается промышленная революция, ознаменовавшая переход от мануфактурного к фабричному производству, когда промышленные предприятия становятся основой формирования хозяйствования. До этого в центре внимания экономистов была деятельность предпринимателя.

Современный взгляд на фирму сложился под влиянием идей Дж. Хикса, Дж. Робинсон, Э. Чемберлина и др. Особенно важное значение для понимания фирмы в ее неоклассической концепции имеют работы английского экономиста Дж. Хикса¹, им была проведена аналогия между поведением индивида как потребителя и поведением индивида как представителя

Каюмова А. Ф.

Байкова Э. Р.

1 Хикс Дж. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.

фирмы. В связи с этим он заменяет функции потребительской полезности индивида на функции прибыли; цены на товары индивида-потребителя на цены на ресурсы фирмы; предельную норму замещения индивида-потребителя на предельную норму трансформации фирмы. По теории Хикса, если целью индивида как потребителя является максимизация совокупной полезности при заданном бюджетном ограничении, то целью фирмы — максимизация прибыли при ограничении на издержки производства.

В неоклассической теории, в силу нового эволюционного витка, абстрактный «экономический человек» заменен фирмой. Замена произошла потому, что в условиях свободной конкуренции фирма, ее движение ассоциировалось с движением капитала, следовательно, его собственника. Собственник капитала подчинял всю деятельность фирмы своей воле, единолично принимал производственные и управленческие решения, брал на себя все рискованные операции. То есть складывалась вполне определенная ситуация: фирма — это собственник капитала. Поэтому, теорию максимизации прибыли неоклассики рассматривают как учение о рациональном поведении бизнесмена².

Основным недостатком неоклассической теории фирмы заключается в понимании фирмы как аналога домашнего хозяйства, при котором исчезает различие между производящим и потребляющим субъектами экономики, при этом фирма сводится к одному человеку — владеющему, управляющему и работающему на ней.

Главной целью в неоклассической теории было объяснить причины поведения рыночных цен, при этом поведение фирмы и прогноз оставались на втором плане. Поведение фирмы оказывается простой реакцией на изменение цен производственных ресурсов. Не рассматривались такие понятия как управление фирмой, авторитарное распределение ресурсов и, как следствие, наличие возможностей отклонения от цели максимизации прибыли.

Однозначность трактовки поведения фирмы и индивида-потребителя, результатов поведения фирмы и индивида, простота логической конструкции, возможность использования одних и тех же математических методов и графических конструкций для сравнительного анализа поведения фирмы и индивида превратили эту трактовку фирмы в наиболее популярную в западной макроэкономической теории. Эта концепция, несколько уточненная и усложненная, развивается в рамках «основного течения» экономической науки. Инструментарий неоклассической теории остается и сегодня теоретическим и методологическим фундаментом современной экономической науки. Однако дальнейшее развитие основных принципов деятельности фирмы потребовало пересмотра постулатов экономической теории фирмы, за рамками которой остались проблемы внутренней организации, процесса принятия решений. Неудовлетворенность экономистов неоклассическим подходом к пониманию природы фирмы в рыночной среде вызвали появление и развитие институциональных концепций фирмы. Дж. Робинсон и Э. Чемберлин «раздвигают» рамки неоклассической теории фирмы, признавая многообразие поведенческих характеристик фирмы. Они исследуют поведение фирмы в условиях несовершенной конкуренции, вводят в оборот понятия монополистической конкуренции, неценовой конкуренции и ценовой дискриминации на рынке.

2 Агальцова С. В. Эволюция современной (микроэкономической) теории фирмы: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. — Алматы, 1995.

В дальнейшем анализ экономического поведения фирмы продолжился в теоретических концепциях неоинституционалистов. В неоинституциональной экономической теории выделяются транзакционный подход, теория прав собственности и экономических организаций. Идеей транзакционного подхода, сформулированной еще в начале 1930-х гг. Р. Коузом³, пронизаны практически все основные положения неоинституционализма. Собственно, теория фирмы в ее современном понимании возникла в рамках институционализма. Большинство историков экономической мысли отдают приоритет в разработке теории фирмы Р. Коузу, который описывал специфику фирмы как особого экономического института и ее экономические функции в рыночной экономике. Исследования по теории фирмы активизировались в 60-е годы двадцатого века и ведутся по разным аспектам до сего дня⁴.

Теория прав собственности сформировывалась в 1960-1970-е гг., ее представителями являются Р. Коуз, А. Алчян, Д. Норт и др. Теория экономических организаций на сегодня одна из самых развивающихся в западной экономической науке. Г. Саймон, анализируя поведение экономических субъектов рынка, обосновал концепцию ограниченной рациональности. Целью фирмы, по его мнению, является не максимизация, а достижение определенного уровня прибыли или продаж, удержание определенной доли рынка⁵.

Большой вклад в развитие теории фирмы внес О. Уильямсон, рассматривавший механизм функционирования «управляющей фирмы» (крупной корпорации). На основе поведенческой теории фирмы он разрабатывает свою концепцию, в центре внимания которой находится лидирующая группа, способная навязать свои цели организации, что придает его подходу «управляющий» характер⁶.

В институциональной концепции, фирма противопоставляется рынку, как внутреннее производство внешнему. Фирма рассматривается как совокупность долгосрочных контрактов в отличие от рынка, где взаимосвязи опосредованы относительно краткосрочными контрактами. Формирование институциональной теории вызвано обобщением практики — развитием корпоративных структур, усложнением взаимосвязи между ними, увеличением масштаба деловых операций, ростом экономической информации, определяющих эффективность функционирования акционерных объединений. «Имеется глубокое концептуальное различие, — утверждает лидер современного институционализма Гэлбрейт, — между предприятием, находящимся полностью под контролем отдельного лица... и фирмой, которая не может существовать без организации». Это различие стеной отделяет «двенадцать миллионов мелких фирм», т. е. рыночную систему, от тысячи гигантов, входящих в планирующую систему. Главным в концепции Гэлбрейта является анализ планирующей системы и ее основного звена — «зрелой корпорации». Основой крупной корпорации по Гэлбрейту служит «соединение передовой

3 Коуз Р. Природа фирмы. Вехи экономической мысли. Т. 2.: Теория фирмы / ред. В. М. Гальперин. — СПб.: Экономическая школа, 2000.

4 Романич В. И. Развитие теории фирмы в экономической науке. С. 1-15. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2003/1/pdf/Romanchin.pdf> (дата обращения: 02.07.2017).

5 Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и наука о поведении // Теория фирмы / ред. В. М. Гальперин. — СПб.: Экономическая школа, 1995 — С. 56.

6 Уильямсон О. И. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономических организаций // Уроки организации бизнеса / Под общ. ред. А. А. Демина, В. С. Катько. — СПб.: Лениздат, 1994. — С. 51-61.

техники с массивным применением капитала». Со временем отдельные предприниматели постепенно теряют единоличный контроль над корпоративной собственностью. Власть в корпорации неизбежно переходит к специальной группе людей, которая направляет деятельность предприятия, к технoструктуре. Переход власти к технoструктуре определил и изменения в корпоративной стратегии: технoструктура уже не ставит своей целью получение максимальной прибыли, а преследует, прежде всего, самосохранение, и преследующие упрочение и расширение власти⁷.

Анализ взглядов на отдельные аспекты теории фирмы показывает множественность неоднозначных подходов⁸. Так, например, можно отметить отсутствие четких границ между категориями «фирма» и близкими ей по значению понятиями «предприятие» и «организация». Разграничивающие признаки всех трех категорий: отсутствие производственного процесса, горизонтальная структура управления, наличие нескольких видов деятельности. Общими параметрами категорий «фирма», «организация» и «предприятие» обладают хозяйственные единицы, отвечающие следующим характеристикам: организация производственной деятельности, вертикальная структура управления, включение в состав одного предприятия.

Таким образом, анализ эволюции фирмы показал, что неоклассики представляли фирму как «...коллектив людей, которые превращают факторы производства в готовую продукцию, а затем подают ее потребителю», она представляется как «черный ящик», внутри которого решаются только технические, технологические и административные вопросы⁹. Институционалисты рассматривают функционирование фирмы как проблему выбора оптимальной формы контракта. Возникновение фирмы они объясняют, как институт, решающий вопрос минимизации трансакционных издержек. Р. Коуз дал следующее определение фирме: «Когда управление ресурсами в границах определенного контракта начинает зависеть от покупателя, именно таким образом, возникают отношения, называемые «фирмой»¹⁰. Большинство российских ученых придерживается аналогичной интерпретации в сфере проблем функционирования фирмы на рынке. По определению А. А. Демина фирма является «субъектом экономических отношений, включающих взаимоотношения между «автономными» капиталами (фирмами, объединениями), а также между ними и государством»¹¹.

Для экономической теории важен анализ концептуальных положений теории фирмы, как они выработывались ведущими учеными по мере обогащения и дифференциации экономической науки. В последнее время в исследовании фирм развиваются такие теории как теория управления, экономическая кибернетика и теория информационных систем. Таким

образом, современная теория фирмы синтезирует в себе достижения различных школ экономической мысли.

Пристатейный библиографический список

1. Агальцова С. В. Эволюция современной (микроэкономической) теории фирмы: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. – Алматы, 1995.
2. Брусило И. В. Трансформация теории фирмы в контексте развития рыночных отношений современной России: диссертация канд. экон. наук, 08.00.01. – Краснодар, 2008. – 201 с.
3. Глух Н. А. Гэлбрейт Дж. К.: концепции «зрелой корпорации» и «нового социализма». От рыночной стихии к планируемой экономике // Промышленные ведомости. – 2005. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=332&nomer=13> (дата обращения: 05.07.2017).
4. Демин А.А. Фирма как экономический институт рыночной экономики // Экономическая теория на пороге XXI в. / Под ред. Ю. М. Осипова. – М.: «Юрист». – 1998. – Т. 2. – С. 537-542.
5. Ковзик А. Н. Критика методологии неоклассического анализа конкуренции // Политическая экономия. – 1987. – Вып. 15. – С. 137-146.
6. Коуз Р. Природа фирмы. Вехи экономической мысли. Т. 2: Теория фирмы / ред. В. М. Гальперин. – СПб.: Экономическая школа, 2000.
7. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р.Коуз; науч. ред. Р. Капелюшников, пер. с англ. Б. Пинскер. – М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва «Catalaxy», 1993. – 192с.
8. Романич В. И. Развитие теории фирмы в экономической науке. С. 1-15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2003/1/pdf/Romanchin.pdf> (дата обращения: 02.07.2017).
9. Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и наука о поведении // Теория фирмы / ред. В. М. Гальперин. – СПб.: Экон. шк. и др., 1995.
10. Уильямсон О. И. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономических организаций // Уроки организации бизнеса / Под общ. ред. А. А. Демина, В. С. Катько. – СПб.: Лениздат, 1994. – С. 51-61.
11. Хикс Дж. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.

7 Глух Н. А. Гэлбрейт Дж. К.: концепции «зрелой корпорации» и «нового социализма». От рыночной стихии к планируемой экономике // Промышленные ведомости. – 2005. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=332&nomer=13> (Дата обращения: 05.07.2017).

8 Брусило И. В. Трансформация теории фирмы в контексте развития рыночных отношений современной России: диссертация канд. экон. наук, 08.00.01. – Краснодар, 2008. – 201 с.

9 Ковзик А. Н. Критика методологии неоклассического анализа конкуренции // Политическая экономия. – 1987. – Вып. 15. – С. 137-146.

10 Коуз Р. Фирма, рынок и право/ ред. Р. Капелюшников. – М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва «Catalaxy», 1993. – 192 с.

11 Демин А. А. Фирма как экономический институт рыночной экономики/Экономическая теория на пороге XXIв. / Под ред. Ю. М. Осипова. – М.: «Юрист». – 1998.- Т. 2. – С.537-542.

НАСЫРОВА Светлана Ирековна

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Башкирского государственного университета

ОБОБЩЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КАТЕГОРИЙ МИГРАНТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуются различные категории мигрантов. Предлагается авторская классификация категорий мигрантов с точки зрения влияния человека. Выделены три группы факторов относительно наличия/отсутствия влияния действий, деятельности человека на мобильность населения, в результате которых определены категории мигрантов.

Ключевые слова: миграция, категории мигрантов, классификация категорий мигрантов.

NASYROVA Svetlana Irekovna

Ph.D. in Law, associate professor of Management and marketing sub-faculty of the Bashkir State University

THE GENERALIZED CLASSIFICATION OF THE MIGRANTS CATEGORIES FROM THE POINT OF VIEW OF THE HUMAN INFLUENCE

The article examines various categories of migrants. Author's classification of migrants categories from the point of view of human influence is offered. Three groups of factors have been identified with respect to the presence / absence of the impact of actions, human activities on the mobility of the population, as a result of which categories of migrants are defined.

Keywords: migration, migrant categories, classification of migrants categories.

Насырова С. И.

Современное состояние глобальной экономики характеризуется активными процессами миграции граждан, которые преследуют различные цели, осуществляя территориальное перемещение. Как правило, масштабные миграционные потоки связаны с экономической нестабильностью, социальной напряженностью, политическими и финансовыми рисками и т.п., что в свою очередь оказывает значительное влияние на ранжирование определенных территорий по уровню привлекательности мигрантов¹. С другой стороны, миграционная мобильность подталкивает экономических агентов воспользоваться возможностью по реализации собственного потенциала, по формированию вектора улучшения основных элементов человеческого развития: долголетия, образованности, уровня жизни².

Общая характеристика миграционного потока может быть определена, исходя из категорий мобильного населения. Классификация категорий мигрантов может осуществляться с различных точек зрения, как правило, акцентируя внимание на причинах осуществления мобильности населения. Первая российская классификация категорий субъектов миграции была представлена в Федеральной миграционной программе, утвержденной Указом Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668. Данная классификация включает в себя шесть категорий: субъекты внешней миграции; субъекты вынужденной миграции; субъекты внутренней социально-экономической миграции; субъекты незаконной миграции; лица, в отношении которых применяются ограничения на право въезда и пребы-

вания в Российской Федерации; субъекты внешней трудовой миграции. В силу наличия ряда недостатков (например, один и тот же мигрант мог относиться к разным группам субъектов миграции) данной классификации Постановлением Правительства РФ от 10 ноября 1997 г. № 1414 федеральной миграционной программы на 1998-2000 гг. была доработана классификация с устранением неточностей выявленных ранее.

В целом, в международной практике обобщающий территориальный признак выявления мигрантов предполагает деление на две основные категории: международные мигранты (лица, перемещающиеся через государственную границу); внутренние мигранты (лица, мобильность которых ограничивается пределами одной страны; в России – внутренние перемещенные лица – граждане страны, которые мигрируют в пределах своего государства, как правило, перемещающиеся через границу субъекта РФ³). Кроме того, следует выделить категории мигрантов с точки зрения правового статуса: законные мигранты (лица, осуществляющие территориальные перемещения на законных основаниях – виза, вид на жительство и т.п.); незаконные мигранты (лица, не обладающие элементами законных мигрантов).

В рамках данного исследования приведем авторскую обобщенную классификацию категорий мигрантов с учетом формирования трех укрупненных групп факторов относительно наличия/отсутствия влияния действий, деятельности человека на мобильность населения. Во-первых, факторы, не зависящие от воли и воздействий человека, которые определяются в основном природно-климатическими характеристиками определенных регионов. Во-вторых, факторы, зависящие от воли и действий человека, связанные, как правило, с улучшением положения мигрантов, которые проявляются в поло-

1 Ситнова И. А., Ишназаров Д. У., Салихова З. М. Характеристика мигранта на рынке труда Республики Башкортостан // В сборнике: Управление экономикой: методы, модели, технологии. Материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах. 2015. С. 193.

2 Беглова Е. И., Насырова С. И. Миграция населения как упущенный фактор человеческого развития // Евразийский юридический журнал. 2016. №10 (101). С. 294.

3 Тарханова Э. И. Интеграция различных категорий мигрантов в современной России: монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 18.

жительной динамике социально-экономических параметров в результате мобильности населения. В-третьих, факторы, зависящие от воли и действий человека, наносящие ущерб экономическим агентам, что подталкивает население к территориальному перемещению.

В отношении первой группы факторов, оказывающих влияние на пространственное перемещение населения, можно выделить следующие категории мигрантов, которые мигрируют исходя из состояния природных условий: постоянные мигранты (лица, осуществляющие безвозвратное перемещение на новое место жительства; как правило, к ним относят мигрантов с длительным сроком пребывания в иностранном государстве, в основном более одного года); временные мигранты (лица, осуществляющие возвратное перемещение сроком до одного года, причем мигрант, находящийся в иностранном государстве до трех месяцев считается краткосрочным, а от трех месяцев до одного года – долгосрочным мигрантом). К последней категории мобильного населения с учетом первой группы факторов следует отнести сезонных мигрантов, осуществляющих территориальные перемещения, исходя из различных климатических условий работы, а также моряков и рыбаков с определенной оговоркой (данные категории мигрантов будут рассмотрены ниже, при характеристике трудовых мигрантов).

Данную классификацию следует дополнить категорией туристических мигрантов, осуществляющих свою мобильность, как правило, с помощью туристических агентств, с целью отдыха и ознакомления с достопримечательностями.

В отношении второй и третьей групп факторов авторской классификации отметим наиболее распространенную группировку мобильного населения, ориентированную на желание пространственного перемещения экономических агентов и обстоятельства, способствующие миграционным процессам: добровольные мигранты (лица, осуществляющие, как правило, смену места жительства в результате своего собственного выбора); вынужденные мигранты (категория лиц, которые осуществляют пространственные перемещения не по собственной воле, в результате воздействия факторов, от них не зависящих).

Отметим, что категория вынужденных мигрантов образуется в случае формирования выталкивающих факторов, которые в основном имеют угрожающий для существования, неожиданный характер (третья группа факторов), а добровольные мигранты – в случае формирования благоприятных условий существования (вторая группа факторов).

В отношении второй группы факторов следует выделить достаточно весомую категорию мигрантов с целью осуществления трудовой деятельности для повышения уровня жизни (категория трудовых мигрантов в данном случае является преобладающей для второй группы факторов, поскольку трудовая деятельность является основой для улучшения положения экономических агентов с помощью работодателей другого государства/региона). В соответствии с Конвенцией Международной организации труда (МОТ) 1949 г. выделяют следующие категории трудовых мигрантов⁴: сезонные рабочие-мигранты (лица, работающие в иностранном государстве определенное время в течение года в силу сезонных условий выполнения работ); трудящиеся-мигранты, связанные с реализацией проекта (лица, осуществляющие реализацию определенного проекта

в иностранном государстве в течение определенного периода времени, причем работодатель трудящихся-мигрантов гарантирует выезд последних из страны по завершении проекта); трудящиеся-мигранты, работающие по контракту (лица, работающие по контракту в иностранном государстве, причем дополнительно оговаривается срок выполнения работ и тип занятости; трудящиеся-мигранты, работающие по контракту, не имеют права менять работу и обязуются покинуть страну по завершении срока контракта); временные трудящиеся-мигранты (лица, осуществляющие профессиональную деятельность в иностранном государстве, имеющие возможность менять работодателей и возобновлять разрешение на работу без выезда из страны); обосновавшиеся трудящиеся-мигранты (лица, получившие возможность проживания в иностранном государстве на неопределенный срок и разрешение на работу без особых ограничений); высококвалифицированные трудящиеся-мигранты (лица, на которые распространяются «мягкие» ограничения относительно смены места работы, сроков пребывания, воссоединения с семьей в силу их высокой квалификации). Согласно Международной Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятой резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеей ООН от 18 декабря 1990 г., выделяют следующие категории мигрантов⁵: приграничные мигранты (лица, сохранившие свое изначальное место жительства, в которое они возвращаются ежедневно или хотя бы раз в неделю); сезонные мигранты (лица, выполняющие трудовую деятельность только в определенное время года, которая зависит от сезонных условий); моряки и рыбаки (лица, осуществляющие профессиональную деятельность на судне иностранного государства); трудящиеся, занятые на стационарной прибрежной установке (мигранты, работающие на стационарной прибрежной установке, которая находится под юрисдикцией иностранного государства); трудящиеся, работа которых связана с переездами (лица, которые в силу специфики трудовой деятельности вынуждены совершать переезды в иностранные государства на короткий срок); трудящиеся на проекте (лица, осуществляющие трудовую деятельность только в рамках определенного проекта, подготовленного работодателем иностранного государства); трудящиеся целевого найма (мигранты, которые наняты работодателем иностранного государства на определенный срок для выполнения определенных функций и обязанностей); трудящиеся, работающие не по найму (мигранты, работающие самостоятельно или членами своей семьи).

Соглашаясь, с приведенными классификациями мигрантов (относительно второй группы факторов), с нашей точки зрения, необходимо дополнить категории трудового мобильного населения: вахтовыми мигрантами, мобильность которых обусловлена работой в экстремальных климатических условиях или тяжелыми условиями труда, вследствие чего в деятельности работников чередуются периоды работы и отдыха в разных территориальных регионах для восстановления сил; челночными мигрантами, перемещения которых связаны с их коммерческой деятельностью, как правило, с закупкой товара в отличном от постоянного места жительства регионе. Особо следует выделить учебного мигранта, как лица, осуществляющего территориальное перемещение с целью получения образования или повышения квалификации. С нашей

4 Билсбороу Р. Е., Хьюго Г., Обераи А. С., Злотник Х. Статистика международной миграции. Рекомендации по совершенствованию систем сбора данных / Пер. с англ. Международное бюро труда. М.: Academia, 1999. С. 36.

5 Международная Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей // Права трудящихся-мигрантов. Изложение фактов. №24. Серия «Права человека». Женева: ООН, 2003. С. 34-35.

точки зрения, данную категорию мигрантов следует отнести ко второй группе факторов, поскольку образовательная деятельность способна улучшить положение мигрантов и в дальнейшем может перерасти в трудовую миграцию.

Среди третьей группы факторов отметим политическую нестабильность в стране, отдельном регионе, криминальную обстановку, этнические и расовые гонения, морально-психологическое давление, неблагоприятную экологическую среду и т.п.

В соответствии с официальными документами Женевской Конвенции по беженцам 1951 г. и Протоколом к ней 1967 г. существует несколько категорий вынужденных мигрантов (отношение последних к третьей группе факторов): беженцы (лица, которые по определенным причинам могут «стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, на ходятся вне страны своей гражданской принадлежности»⁶ и были вынуждены уехать из нее, причем они не желают или не могут въехать в свою страну обратно); лица, желающие получить убежище (мигранты, подающие ходатайство/заявление о получении убежища в иностранном государстве); иностранцы, получившие временный статус защиты (мигранты с временным разрешением на пребывание в иностранном государстве до устранения опасности для жизни и здоровья в своей стране); лица, принятые по иным соображениям гуманности (мигранты, не получившие статус беженца, но приравненные к ним по причинам гуманности, в силу схожего положения).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что приведенная авторская классификация категорий мигрантов имеет ключевое отличие от разработанных ранее в силу того, что указанные факторы динамичны и имеют возможность перемещения из одной группы в другую. Кроме того, может быть полезной государственным органам, занимающимся регулированием миграционных потоков, как основа для стимулирования/сдерживания мобильности населения с помощью влияния на группы факторов, выделенных в данном исследовании.

Эта статья представляет результаты исследования по проекту № 17-02-00425 «Межрегиональная асимметрия территорий и миграционная мобильность населения в России», получившего поддержку Российского фонда фундаментальных исследований по результатам конкурса как проект проведения научных исследований, выполняемых научными коллективами или отдельными учеными.

Пристатейный библиографический список

1. Беглова Е. И., Насырова С. И. Миграция населения как упущенный фактор человеческого развития // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 294-296.
2. Билсборроу Р. Е., Хьюго Г., Обераи А. С., Злотник Х. Статистика международной миграции. Рекомендации по совершенствованию систем сбора данных / Пер. с англ. Международное бюро труда. М.: Academia, 1999. С. 36.

3. Международная Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей // Права трудящихся-мигрантов. Изложение фактов. № 24. Серия «Права человека». Женева: ООН, 2003. С. 34-35.
4. Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев. Тематические рекомендации по международной защите (согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженцев). К.: ВАПТЕ, 2013. 264 с.
5. Ситнова И. А., Ишназаров Д. У., Салихова З. М. Характеристика мигранта на рынке труда Республики Башкортостан / В сборнике: Управление экономикой: методы, модели, технологии. Материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах. 2015. С. 193-195.
6. Тарханова Э. И. Интеграция различных категорий мигрантов в современной России: монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 282 с.
7. Хафизова И. Ф. Государственное регулирование внутренних миграционных потоков в Российской Федерации // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 308-311.

⁶ Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев. Тематические рекомендации по международной защите (согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженцев). К.: ВАПТЕ, 2013. 264 с.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной и инновационной экономики Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

Существуют следующие основные методы регулирования доходов населения: экономический, финансовый, законодательный (правовой), согласительный, административный. В данной статье проведен анализ особенностей каждой из указанных групп методов.

Ключевые слова: доходы населения, политика регулирования доходов, методы регулирования доходов.

TAKMAKOVA Elena Valerjevna

Ph.D. in Economics, associate professor of Applied and innovation economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

CLASSIFICATION OF METHODS OF REGULATION OF INCOMES OF THE POPULATION

There are following main methods of regulation of income of population: economic, financial, legislative (law), conciliation, administrative. This article analyzes the characteristics of each of these groups of methods.

Keywords: incomes, politics of income regulation, methods of regulation of income.

Такмакова Е. В.

Государственная политика доходов населения осуществляется в определенных формах и с использованием целого комплекса методов. После того, как определены приоритеты и цели в развитии государства, выбор методов диктуется двумя соображениями: эффективностью (достижением целей с наименьшими затратами) и распределительной справедливостью.¹

Существуют следующие основные методы регулирования доходов населения: экономический, финансовый, законодательный (правовой), согласительный, административный.

Во-первых, рассмотрим экономический метод регулирования. Этот метод предполагает использование таких инструментов как: определение минимальных размеров оплаты труда, варьирование налоговой политики, регулирование оплаты труда работников организаций бюджетной сферы и государственных служащих, регулирование занятости населения.

Рост минимальной заработной платы зависит от экономических возможностей, сложившихся в обществе на определенном этапе. Если не учитывать этот фактор, то это может привести к задержкам выплат заработной платы работникам, к дефициту бюджета и т. д. Вместе с тем минимум оплаты труда должен определяться с учётом денежных средств, которые необходимы для нормального физического воспроизводства рабочей силы, то есть прожиточного минимума, что, в свою очередь, зависит от денежной политики государства. Минимум заработной платы задействован в системе социальных пособий, штрафов пошлин и является исходным моментом при организации оплаты труда. По этой причине обоснование минимума заработной платы имеет огромное социально-экономическое значение.

Налоговые поступления в бюджет обеспечивает налоговая политика, без этого невозможно организовать перераспределение доходов, наладить эффективное стимулирование экономического роста. Предоставление налоговых льгот малому бизнесу способствует повышению занятости населения, дает шанс выжить и занять своё место на рынке. Правитель-

ства многих стран давно пришли к выводу, что одним из самых простых и удобных способов смягчения неравенства в доходах является установление для самых богатых граждан более высоких ставок изъятия доходов в пользу государства.

Такой механизм сокращения различий в доходах получил название прогрессивного налогообложения личных доходов. Цель прогрессивного налогообложения доходов может быть сформулирована как сокращение масштабов превышения доходов наиболее состоятельных граждан над средним уровнем дохода граждан страны в данный период времени.

Еще один инструмент экономического метода - регулирование оплаты труда работников организаций бюджетной сферы и государственных служащих. Регулируя оплату труда в бюджетной сфере, государство исходит из своих экономических возможностей. Усилиями этой сферы формируется человеческий потенциал любого общества. Велика роль этой сферы в укреплении здоровья, проведении досуга. Повышая расходы на содержание этой сферы, государство осуществляет социальную ориентацию экономики на развитие личности. Существует и обратная связь: более сложный, творческий труд создает в единицу времени большую массу продукции, что ведет к экономическому росту.

Наконец, четвертым инструментом выступает регулирование занятости населения: обеспечение постоянной занятости предполагает, что у индивида возникает стабильный источник дохода.

Вторая группа методов регулирования доходов населения – это финансовые методы. Они предполагают полное или частичное финансирование государством за счёт расходной части государственного бюджета социальных программ образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения и др.

Одним из инструментов государственного финансирования является ценовое субсидирование (льготирование, компенсирование), когда, например, определенные категории граждан оплачивают коммунальные услуги по более низкой цене, чем рыночная (частичная субсидия), или когда государство полностью оплачивает определенные виды услуг (бесплатное среднее образование, бесплатные лекарства). Величина субсидии представляет собой разницу между суммой самостоятельной оплаты индивидом данной программы и

1 Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов / Под ред. Л. И. Якобсона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/891/516/1219/ux5eebnoex2oposobie.doc>.

теми альтернативными издержками, которые несет общество, отказываясь от других альтернативных программ.

Следует подчеркнуть, что при выборе методов воздействия на благосостояние необходимо учитывать эффекты дохода и замещения. Если при реализации какой-либо социальной программы проявляется эффект замещения, то такая программа оценивается с точки зрения теории благосостояния как неэффективная, поскольку она приводит к искажению потребительского поведения².

Так, если бедным вместо продовольственных талонов выдавать денежные компенсации на питание, то повсеместное распространение подобной практики приведёт к массовому замещению необходимых для воспроизводства рабочей силы товаров продовольственного назначения более дешевыми товарами (и при этом не обязательно жизненно необходимыми). Тогда цель программы - поддержание уровня жизни бедных - не будет достигнута. Кроме того, государство при этом косвенно будет воздействовать на систему ценовых сигналов, стимулируя при помощи спроса бедных производство в частном секторе некачественных дешёвых товаров, зачастую в той сфере, которую само стремится подавлять (производство табачной и алкогольной продукции).

То есть при выборе методов воздействия на благосостояние наряду с критерием эффективности обязательно должен учитываться критерий социальной справедливости. Иногда он оказывается более приоритетным по сравнению с критерием эффективности. Чаще всего это происходит при решении спорных проблем в области благосостояния, когда методы, считающиеся безусловно эффективными, согласно принятым в обществе представлениям о справедливости, являются неприемлемыми.

Для этих целей все существующие методы перераспределения можно условно подразделить на социальное страхование и социальную помощь. Это позволяет провести различия между источниками социальных программ - взносами и пособиями.

Вопросы разработки законодательной и нормативной базы, которая является исходным моментом всего процесса регулирования, занимают важное место в регулировании доходов. Нормативы используются для расчётов нормативных потребительских бюджетов, нормы рабочего времени, для определения режимов рабочего времени, длительности отпусков на предприятиях, создания безопасных условий труда; ставки налога - для удержания подоходного налога, налогов с юридических лиц включая социальные налоги.

Для регулирования доходов и качества жизни населения наиболее значимыми являются: Конституция РФ, Трудовой, Налоговый, Бюджетный кодексы РФ, Федеральные законы «О минимальном размере оплаты труда», «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», «О потребительской корзине в Российской Федерации» и другие, акты Правительства РФ по вопросам развития социальной сферы, документы Министерства труда и социальной защиты РФ и др.

Правовая форма регулирования благосостояния состоит также в том, что государство создаёт правила и нормы, направленные на обеспечение эффективного функционирования рыночной системы, создающей положительные социальные эффекты.

Необходимы законодательные акты, определяющие правомочия собственности, порядок функционирования частных фирм и работу банковской системы, деятельность финансовых учреждений, в особенности частных страховых и финансовых компаний, фондовых бирж, условия найма в частном секторе. Если в законодательстве нечётко прописаны имущественные права, определяющие степень экономической власти на рынке, то при распределении доходов возникают злоупотребления, когда «сильный» перераспределяет доходы «слабого» в свою пользу.

Важнейшей законодательной функцией государства является регулирование отношений между наёмным работником и работодателем посредством трудового права, которое ограничивает злоупотребления экономической властью работодателями в отношении наёмного труда. Особо здесь следует отметить законодательное регулирование заработной платы.

В большинстве стран государство регулирует минимальный уровень оплаты труда (Япония, Швеция, большинство стран с переходной экономикой). Но есть страны, где государство непосредственно не участвует в регулировании заработной платы, а все связанные с этим вопросы решаются в рамках коллективных договоров ведущих отраслей экономики (Австрия, Германия, Финляндия, Франция).

Методы регулирования заработной платы могут быть различными, среди них: методы добровольного согласия работодателей и работников при участии государственных органов, государственный контроль за увязкой повышения заработной платы с финансовыми возможностями и др.

Административные методы регулирования доходов населения не связаны с созданием дополнительного материального стимула или риска экономического ущерба. Они базируются на силе власти и включает меры запрета, разрешения или принуждения. С переходом к рыночной экономике некоторые прежние административные меры сохранились, но появились и новые. Среди них можно выделить: прямой государственный контроль над монопольными рынками; разработка стандартов, контроль за их соблюдением; образование и поддержание минимально допустимых параметров жизни населения; лицензирование экспорта или государственный контроль над импортом.

Экономическое пространство, на которое распространяются административные методы, весьма обширно. В странах с развитыми рыночными отношениями они давно превратились в неотъемлемую часть хозяйственного механизма и не только не мешают, но способствуют повышению эффективности экономики и благосостояния населения.

Наконец, рассмотрим такую группу методов регулирования как согласительные методы.

Во многих странах эти методы находят широкое распространение и считаются самым экономическим и «бескровным». Социальное партнерство – согласование действий правительства, предпринимателей и наемных работников по вопросам динамики оплаты труда и социальных трансфертов. Идея социального партнерства, разработанная в 50-е гг. 20 в. Л. Эрхардом, Р. Балогом, исходит из необходимости согласования общественных интересов, представленных, с одной стороны, профсоюзами наёмных работников и, с другой – объединениями предпринимателей ради успешного экономического развития страны.

Оно предполагает заключение между выступающими в качестве равноправных партнеров правительством, национальными объединениями работодателей и профсоюзами «общественного договора» в области экономической и социальной политики.

В соглашениях разного уровня (в Генеральном - на федеральном уровне, в отраслевых и региональных тарифных соглашениях - на отраслевом и территориальном уровнях, коллективных договорах - на предприятиях) отражаются вопросы о размерах минимальной оплаты труда, тарифных ставок, социальных выплат о порядке индексации доходов, продолжительности рабочего времени, возмещении вреда, гарантиях трудовых прав, охране труда, обеспечении жильем.

Пристатейный библиографический список

1. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов / Под ред. Л. И. Якобсона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/891/516/1219/ux5eebnoex20posobie.doc>.
2. Стиглиц. Дж. Экономика государственного сектора. М.: ИНФРА-М, 1997. 720 с.

2 Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 234.

ГАЛИМОВА Гузалия Абкадировна

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и налогообложения Башкирского государственного университета

КУРМАНОВА Лилия Рашидовна

доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и налогообложения Башкирского государственного университета

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КРЕДИТНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются особенности кредитного поведения населения в Российской Федерации в условиях формирования финансовых знаний об основах банковских продуктов и услуг. Отмечается потребительский характер финансового поведения и высокая закредитованность населения при общем снижении его платежеспособности.

Ключевые слова: кредитная культура, финансовая грамотность, потребительское поведение, долговая нагрузка.

GALIMOVA Guzaliya Abkadirovna

Ph.D. in Economics, professor, Head of Finance and taxation sub-faculty of the Bashkir State University

KURMANOVA Liliya Rashidovna

Ph.D. in Economics, professor of Finance and taxation sub-faculty of the Bashkir State University

FINANCIAL LITERACY OF THE POPULATION AND CREDIT CULTURE FORMING

The article describes specialties of credit behaviour of the population of Russian Federation in terms of forming of financial knowledge about basic bank products and services. Consumer character of financial behaviour and over-credited population with low ability to pay are mentioned.

Keywords: credit culture, financial literacy, consumer behaviour, debt burden.

Исторически сложившиеся обстоятельства хозяйственной деятельности в России на протяжении достаточно длительного периода привели к тому, что значительная часть вопросов, связанных с финансово-кредитной сферой, решалась непосредственно государством в виде бесплатного образования, лечения, предоставления жилья, достойной пенсии, низкого уровня оплаты жилищно-коммунальных услуг и других финансовых привилегий для населения. На уровне персонального жизненного пространства человека личный опыт взаимодействия с финансовой сферой был весьма скромным и не отличался.

Потребность в финансовой социализации населения России в советский период, по существу, отсутствовала. Сложившийся уровень финансовых взаимоотношений с обществом не позволял приобретать коммуникативные навыки, широкие знания и собственный опыт управления личными финансами в силу отсутствия финансового рынка и финансовых инструментов для населения. Отсюда низкий уровень финансовой грамотности населения или ее полное отсутствие, что привело к развитию финансового мошенничества в 90-х гг. XX в. в виде, так называемых, «финансовых пирамид». Население не владело жизненно необходимыми навыками управления финансовыми ресурсами для обеспечения собственного благосостояния и финансовой безопасности.

Становление институтов рыночной экономики в России сопровождалось формированием новой финансово-культурной среды и появлением новой этики – этики опережающего потребления. Наиболее полно данную тенденцию подчеркнул Ж. Бодрийяр: «...ныне родилась новая мораль: мораль опережающего потребления по отношению к накоплению, мораль

убегания вперед, форсированного инвестирования, ускоренного потребления и хронической инфляции (копить деньги становится бессмысленно); отсюда берет начало вся современная система, где вещь сначала покупают, а затем уже выкупают своим трудом»¹. Активно развивается кредитное поведение населения, что связано с расширением потребления разнообразных благ.

Трансформацию модели кредитного поведения населения как новой финансовой культуры, культуры потребления, можно объяснить следующими факторами:

– население почувствовало вкус новой потребительской модели, причем его потребности закономерно в условиях рынка начали возрастать;

– на финансовом рынке сложилась ситуация, поощряющая заемщиков, а не сберегателей (номинальные процентные ставки по банковским депозитам при усложившейся инфляции генерируют отрицательный уровень реального процента);

– на кредитном рынке усилилась конкуренция между банками, многие из которых проводили достаточно агрессивную политику.

Растет роль банковского кредитования в обеспечении потребления населения. Отношение вновь выданных потребительских кредитов к расходам населения на товары и услуги подходит к 30%. Интересная статистика: в 2015 г. впервые вели-

Галимова Г. А.

Курманова Л. Р.

1 Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – 220 с.

чина прироста задолженности по потребительским кредитам превысила прирост корпоративного кредитования.

Рост кредитных услуг российскому населению происходил в условиях отсутствия финансовой культуры, основанной на принципах рыночного хозяйствования, и связан не только с институциональными изменениями в экономике и кредитно-финансовой сфере, но и, что важнее, с изменением системы ценностей. Возникло несоответствие между сложившимися культурными ценностями, традициями, стереотипами и новой финансово-культурной средой, которую предстоит осваивать. В этой ситуации эффективное финансовое поведение становится возможным лишь при наличии у индивида финансовой грамотности.

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена тем, что в современном российском обществе наблюдается тенденция перехода от кредита как средства достижения определенной цели (покупка автомобиля, оплата обучения и др.) к кредиту, как средству формирования особого стиля жизни, который влияет на формирование наших предпочтений. Изменение модели финансового поведения при недостаточной финансовой грамотности населения порождает большие социальные проблемы. Кредитные платежи становятся заметным элементом домашних финансов, резко повышая нагрузку на семейный бюджет.

Эксперты отмечают, что финансовая грамотность населения России остается на низком уровне: заемные стратегии преобладают над сберегательными, информированность потребителей о финансовых продуктах и услугах недостаточная, отсюда нерациональное финансовое поведение. Дети и подростки находятся в наибольшей зоне риска в отношении вопросов финансовой грамотности. Лишь небольшая часть граждан ориентируется в услугах и продуктах, предлагаемых финансовыми институтами, и имеет сформированные долгосрочные стратегии финансового планирования. Показателем недостаточной финансовой грамотности населения является тот факт, что только 35 % россиян ведут себя предусмотрительно при подписании договоров с финансовыми организациями; каждый четвертый - читает и подписывает независимо от того, понимает ли он этот текст полностью или нет; каждый десятый россиянин подписывает.

В этой связи следует отметить высокий уровень развития культуры потребительского кредитования в странах развитой экономики, что характеризуется, во-первых, наличием специального законодательства, призванного детально регулировать различные аспекты потребительского кредитования; во-вторых, наличием развитой инфраструктуры специализированных агентств и кредитных бюро, обслуживающих субъектов потребительского кредитования; в-третьих, проблема финансового образования и повышения финансовой грамотности населения поставлена давно и достаточно глубоко разработана и отличается сложившейся и развитой системой информирования населения и защиты его прав.

По сути, проблема финансовой грамотности населения России – это проблема адаптации к новым условиям хозяйствования, принятия новых правил, норм. В 2008 г. в России стартовала Общефедеральная программа «Финансовая культура и безопасность граждан России». Приоритетной целевой группой, на которую нацелена программа, является молодежь. Генеральным партнером программы выступило ОАО «УРАЛСИБ»². Основными программными документами, в ко-

торых поднимаются вопросы повышения финансовой грамотности населения, являются:

– Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, в которой отмечено, что одним из основных направлений формирования инвестиционного ресурса должно быть «...развитие финансовой грамотности населения»;

– Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года, где вопросы повышения финансовой грамотности населения, финансовой доступности и обеспечения защиты прав потребителей финансовых услуг рассматриваются в качестве важного фактора развития финансового рынка в России. В 2010 г. принято решение о запуске проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации».

Рассматривая финансовую грамотность как сочетание финансового поведения и финансовой культуры населения, следует отметить значительную дифференциацию населения на группы по уровню финансовой грамотности и пока еще скромную динамику положительных изменений. По данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) 40 % россиян не знают, что необходимо делать клиенту банка в том случае, если у него возникают материальные затруднения при выплате кредита. 22 % трудоспособного населения страны считают, что небольшая задержка во внесении платежей по кредиту не страшна. Более половины жителей России (51 %) не знают, что такое кредитная история. 37 % потребителей полагают, что возвращать взятый в банке кредит не обязательно, если для этого есть веские причины, при этом 39 % подразумевают под ними непредвиденные обстоятельства (потерю работы, болезнь, развод, переезд). 30 % опрошенных считают, что ежемесячные выплаты по кредитам могут составлять 40 % и более совокупного дохода семьи³.

По подсчетам Объединенного кредитного бюро, за 2016 г. доля закредитованного трудоспособного населения достигла 61 %. Каждый второй работоспособный житель России обременен хотя бы одним займом. Основная причина сложившейся ситуации на кредитном рынке – это наше стремление поддерживать установленный для себя уровень потребления при низких доходах. Темп роста доходов населения в 2013–2015 гг. значительно отставал от темпов роста потребления, а эта разница покрывалась банковскими кредитами⁴.

При этом следует отметить, что в условиях снижения реальных доходов граждане стали более взвешенно подходить к кредитным продуктам и к новым кредитным обязательствам. По данным Росстата, реальные доходы населения в 2016 г. сократились на 5,9% по сравнению с предыдущим годом. По данным Национального бюро кредитных историй, за два последних года доля российских заемщиков, которые отдают на обслуживание кредитов более половины ежемесячного дохода, сократилась с 13,7 % до 9,8 %⁵.

Отношение суммы задолженности по кредитам физических лиц в Российской Федерации к их доходам составляет порядка 23 %, а отношение суммы задолженности физических

2 Курманова Д. А. Инновации и система стандартизации финансовых услуг // Вопросы экономики и права. – 2014. – № 4 (70). – С. 97.

3 Дети и финансы. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). – М., 2015. – С. 15.

4 Хабибуллин Р. Г., Курманова Д. А., Курманова Л. Р. Сберегательная активность населения: тенденции и проблемы // Научное обозрение. – 2016. – № 24. – С. 147.

5 Лимит исчерпан: россияне обвалили рынок кредитных карт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/ekonomu/20170220>.

лиц к ВВП составляет 15 %. По мировым меркам эти показатели считаются достаточно скромными и, казалось бы, не должны вызывать опасений. Так, в развитых странах аналогичные показатели значительно выше. Например, в США задолженность населения по потребительским и ипотечным кредитам в 2015 г. составляла 78% ВВП. Но платежеспособность российских заемщиков резко падает, соответственно сокращается возможность своевременно обслуживать свои кредитные обязательства. Оценивается платежеспособность населения показателем, отражающим соотношение текущих выплат по кредитам (проценты и основной долг) и их доходов.

В текущих выплатах населения по кредитам значительна доля банковских процентов. Согласно банковской отчетности, средняя доходность портфеля с розничными кредитами составляет порядка 18 % годовых. Здесь не учтены различные комиссии, дополнительные страховки и прочие обременения, причем четверть кредитов выданы по ставке в 12% (ипотека).

Согласно прогнозу Минэкономразвития России — к 2030 году отношение суммы кредитов населения к ВВП достигнет уровня 54%.

Всего граждане России должны банкам 10,6 трлн. руб., причем многие из них имеют по несколько кредитов в разных банках. Чем больше кредитов имеет человек, тем он хуже его обслуживает, то есть обеспечивает погашение. А среди тех, у кого три и более кредита, просроченная задолженность по платежам у каждого третьего заемщика (более 2 млн. человек). Проблемный кредит, по оценкам коллекторов, у каждого пятого заемщика.

Так, по данным доклада Объединенного кредитного бюро, жители Республики Башкортостан отдают 40 % своих доходов на погашение кредитов, что значительно выше показателя в среднем по России. Нормальным в банковской классификации считается показатель на уровне 30-35 %. По итогам 2016 г. номинальный уровень кредитной нагрузки в целом по России составил 33 %, тогда как в 2015 г. он составлял 37 %.

Средний ежемесячный платеж по кредитам в Республике Башкортостан в 2016 г. достигал 11 183 руб. В 2015 г. жители республики платили по своим займам ежемесячно по 10 136 рублей. Долговая нагрузка в регионе выросла по сравнению с 2015 г. на 1 %.

В Республике Татарстан ситуация с за кредитованностью населения аналогичная. Жители Татарии ежемесячно отдают в среднем 39 % своей зарплаты на погашение кредитов.

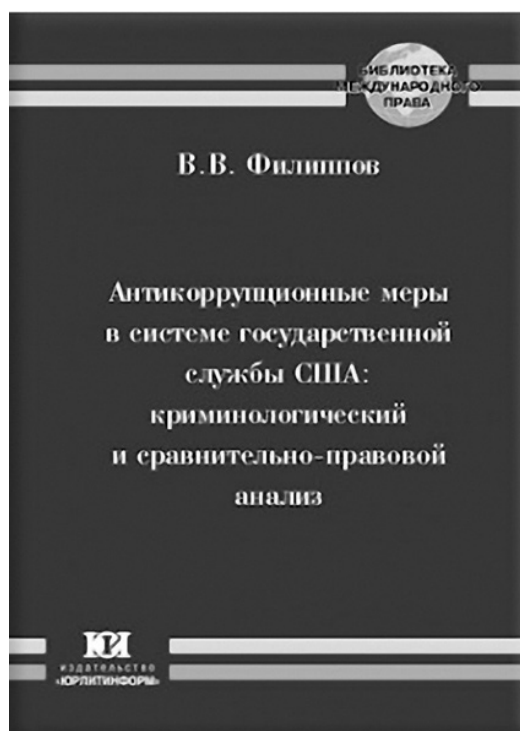
Самые большие платежи, однако, в Карачаево-Черкесии, где жители отдают банкам 69 % своих ежемесячных доходов. В 15 регионах РФ на кредиты уходит больше 50% доходов населения.

По данным Объединенного кредитного бюро, меньше всего займов числится за жителями Чукоткой автономной области (17 %), Сахалинской (22 %), Тюменской области с учетом Ханты-Мансийского автономного округа и Ямало-Ненецкого автономного округа (23 %), Москвы (27 %).

Таким образом, низкий уровень финансовой грамотности населения России во многом определяется незавершенностью процессов вторичной финансовой социализации, отсутствием финансовой культуры, основанной на принципах рыночного хозяйствования, необходимостью обеспечения адресности программ повышения финансовой грамотности населения с выделением целевых групп риска (пользователи потребительского кредита и ипотеки, дети и подростки, уязвимые группы населения, женщины, представители сегмента малого и среднего предпринимательства).

Пристатейный библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – 220 с.
2. Галимова Г. А. Роль финансового рынка в развитии финансовой системы региона // Финансы Башкортостана. – 2014. – № 1 (062). – С. 35-38.
3. Дети и финансы. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). – М., 2015. – 73 с.
4. Курманова Д. А. Инновации и система стандартизации финансовых услуг // Вопросы экономики и права. – 2014. – № 4 (70). – С. 96-102.
5. Лимит исчерпан: россияне обвалили рынок кредитных карт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20170220> (дата обращения: 17.05.2017).
6. Хабибуллин Р. Г., Курманова Д. А., Курманова Л. Р. Сберегательная активность населения: тенденции и проблемы // Научное обозрение. – 2016. – № 24. – С. 143-151.

КАЗАКОВА Оксана Борисовна

доктор экономических наук, профессор кафедры инновационной экономики Башкирского государственного университета

КУЗЬМИНЫХ Наталья Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики Башкирского государственного университета

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННАЯ СФЕРА – ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ*

В статье проведен анализ особенностей развития научно-инвестиционной сферы муниципальных образований Республики Башкортостан. В ходе исследования выявлены основные проблемы научно-инвестиционной сферы, сдерживающие повышение инвестиционной привлекательности, и заключающиеся в несоответствии кадровой обеспеченности потребностям стратегического развития, низкой результативности функционирования инновационной инфраструктуры, инвестиционной непривлекательности научно-инновационной сферы, неразвитости инструментов государственно-частного партнерства, инновационной восприимчивости и инновационной компетентности.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, муниципальные образования, научно-инновационная сфера, инновационная инфраструктура, инновационное развитие.

KAZAKOVA Oksana Borisovna

Ph.D. in Economics, professor of Innovative economy sub-faculty of the Bashkir State University

KUZMINYKH Nataliya Aleksandrovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Innovative economy sub-faculty of the Bashkir State University

SCIENTIFIC AND INNOVATIVE SPHERE – BASIS OF FORMATION OF INVESTMENT APPEAL OF MUNICIPALITIES

In article the analysis of features of development of the scientific and investment sphere of municipalities of the Republic of Bashkortostan is carried out. During the research the main problems of the scientific and investment sphere constraining increase in investment appeal and consisting in discrepancy of personnel security to requirements of strategic development, low effectiveness of functioning of innovative infrastructure, investment unattractiveness of the scientific and innovative sphere, backwardness of tools of state-private partnership, an innovative susceptibility and innovative competence are revealed.

Keywords: investment appeal, municipalities, scientific and innovative sphere, innovative infrastructure, innovative development.

В современных условиях управление инвестиционной привлекательностью обусловлено состоянием научно-инновационной сферы как драйвера развития современной экономики. Инновационная составляющая становится ключевым фактором поступательного развития социально-экономической системы любого уровня, определяя не только инвестиционную привлекательность муниципальных образований, но и устойчивость их функционирования. Анализ состояния научно-инновационной сферы муниципальных образований Республики Башкортостан за последнее десятилетие свидетельствует не только о разнонаправленных тенденциях, но и о наличии достаточного потенциала для обеспечения прорыва в сфере новых технологий и научно-технических разработок. Это выводит указанную сферу деятельности в число приоритетных направлений социально-экономического развития муниципальных образований.

Развитие кадрового потенциала научной и инновационной деятельности в Башкортостане более высокой по сравне-

нию со среднероссийским уровнем долей лиц с послевузовским образованием, в том числе долей лиц, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, среди населения с высшим профессиональным образованием и послевузовским образованием (11881 человек – 2,1%). Доля кандидатов наук среди общего числа исследователей и техников с 2010 г. по 2015 г. практически не изменилась и к концу 2015 г. составила более 20%, такая же ситуация наблюдается и с долей докторов наук, в 2015 г. она составила 7%. В Республике Башкортостан области наук обеспечены высококвалифицированными кадрами более 50%, кроме технических наук, где общая доля исследователей, имеющих ученую степень, составляет 11,6%.

Условия для подготовки кадров научной квалификации неоднозначны. В период с 2010 г. по 2015 г. численность аспирантов значительно сократилась на 907 человек (28,7%) – максимальное значение наблюдается в 2011 г. – 3259 человек, численность докторантов также сократилась на 35 человек (57,4%) – максимальное значение наблюдается в 2012 г. – 77 человек¹.

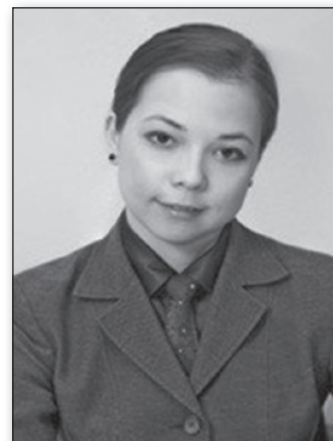
По числу докторантов, аспирантов и диссертационных советов в республике лидируют технические области науки,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-12-02003 «Формирование механизма управления инвестиционной привлекательностью муниципальных образований Республики Башкортостан».

1 Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016 – 725 с.

Казакова О. Б.

Кузьминых Н. А.

которые соответственно, имеют наиболее благоприятные условия для развития кадрового потенциала. На втором месте по числу аспирантов и докторантов – экономические науки, на третьем – науки о земле. Хорошие условия для накопления научно-инновационного капитала сложились в физико-математических, филологических, биологических науках и медицинских науках. Культурология, политология, психология и социология – это группа наук с наименьшим кадровым потенциалом и менее благоприятными условиями для капитализации. Наблюдаемые системные диспропорции в воспроизводстве кадровых ресурсов, указывают на текущие и перспективные сложности в области гуманитарных наук, сельского хозяйства и сельскохозяйственных наук, математических и естественных наук.

В республике доля окончивших аспирантуру и докторантуру с защитой в срок выше среднего значения по Российской Федерации. По данным 2015 г. менее четверти аспирантов (24%), заканчивают аспирантуру с защитой диссертации. В целом за шестилетний период с 2010 г. около 70% процентов, закончивших аспирантуру, выпускаются без защиты кандидатской диссертации, что крайне негативно характеризует систему подготовки аспирантов. С выпуском докторов наук в Республике Башкортостан ситуация схожа. В период с 2010 г. по 2015 г. в среднем за год с защитой докторской диссертации выпускается около 23% докторантов, т.е. наука в должной степени не обновляется кадрами, усугубляя проблему старения кадров. Низкий уровень кадрового обеспечения научно-инновационной сферы характеризует доля числа ученой в общей численности занятых в экономике: она в два раза ниже средних показателей по Приволжскому федеральному округу и России в целом.

Наряду с кадровым вопросом весьма существенным элементом развития научно-инновационной сферы, определяющим инвестиционную привлекательность муниципальных образований, является инновационная инфраструктура. Компонентный анализ инновационной инфраструктуры Республики Башкортостан с позиций функционального подхода позволяет сделать вывод о достаточности созданных в регионе элементов. По данным Министерства промышленности и инновационной политики Республики Башкортостан, в регионе действуют 7 технопарков, 11 индустриальных парков, инновационный бизнес-инкубатор, 3 центра трансфера технологии, венчурный фонд, более 100 организаций, осуществляющих инновационную деятельность (технологические, организационные, маркетинговые или экологические инновации), центр коллективного пользования уникальным научным оборудованием «Агидель», производственно-технологические центры субъектов малого предпринимательства. Для активизации инновационной деятельности среди молодежи созданы и функционируют центры молодежного инновационного творчества FAV LAB. С 2014 г. реализовывалась программа «Развитие нефтехимического территориального кластера Республики Башкортостан на 2014-2016 гг.», в рамках которой было привлечено финансирование мероприятий программы из федерального бюджета в размере 109,7 тыс. рублей. В 2015 г. из федерального бюджета привлечено 33,5 млн. рублей для реализации мероприятий указанной программы. В республике созданы: кластер малотоннажной нефтехимии (62 участника), нефтехимический территориальный кластер (176 участников), радиоэлектронный кластер (13 участников), кластер нефтегазового инжиниринга (41 участников), геофизический кластер «Квант» (38 участников), биотехнологический кластер (22 участника). В начале 2014 г. были открыты Центры коллективного доступа к высокотехнологичному оборудованию радиоэлектронного кластера РБ и кластера малотоннажной нефтехимии, и региональный центр инжиниринга. Созданы 2 центра прототипирования для субъектов малого и среднего предпринимательства. Для развития и функционирования инновационной инфраструктуры в республику за последние 3 года из федерального бюджета привлечено около 2 млн. руб. Фондом содействия развитию венчурных инвестиций в малые

предприятия в научно-технической сфере профинансировано 8 проектов на общую сумму более 225 млн. руб.

Вместе с тем следует отметить, что развитие инновационной инфраструктуры не сопровождается активизацией инновационной деятельности в соответствующих масштабах, поэтому если функционирование отдельных ее элементов и можно признать результативным, то в целом следует отметить разбалансированность и низкую эффективность инновационной инфраструктуры в целом.

Сдерживающим фактором в развитии инновационных процессов в регионе следует считать снижение темпа прироста затрат на научные исследования и разработки. В РФ, в ПФО в целом и в Республике Башкортостан динамика показателя синхронно демонстрирует после роста показателя в 2014 г. существенный провал в 2015 г. Необходимо отметить, что проявление внешних шоков, снижение цен на нефть, санкционные режимы оказали более сильное влияние на динамику изменения затрат на исследования и разработки, чем в целом по РФ и ПФО (рис. 1).

В целом можно отметить, что по итогам 2015 г. среди всех муниципальных образований Республики Башкортостан основной объем затрат на технологические инновации приходился на г. Салават – 66,3%.

В структуре финансирования этих затрат большинства муниципальных образований Республики Башкортостан продолжают преобладать собственные средства предприятий и организации, но вместе с тем необходимо отметить активное вовлечение финансовых институтов в развитие инновационной сферы путем финансирования наукоемких производств, инновационных проектов и программ.

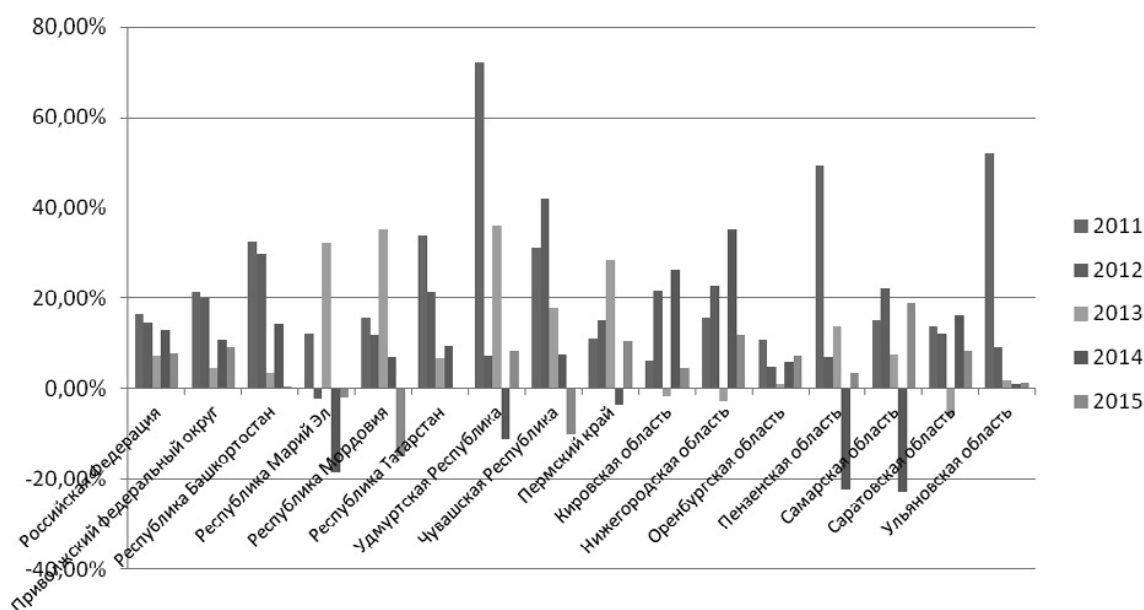
Несмотря на рост абсолютных показателей финансирования исследований и разработок, в структуре ВРП эта доля остается крайне низкой. В 2014 г. в Республике Башкортостан она составила 0,66% (7 место), в то время как лидерами в ПФО по этому показателю являются Нижегородская область (5,75%) и Ульяновская область (3,15%). Необходимость увеличения доли ВРП, направляемой на финансирование научных исследований и разработок, обусловлена потребностью формирования и развития соответствующего технико-технологического задела, выступающего фундаментом модернизации региональной экономики.

Структура внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки по видам затрат остается практически неизменной. В ней преобладают затраты на оплату труда, которые в совокупности с отчислениями во внебюджетные фонды по данным 2015 г. составляют почти 65% всех затрат на исследования и разработки. При этом затраты на приобретение оборудования составляют чуть более 1,5% от суммы всех затрат.

Финансируемые работы носят преимущественно практико-ориентированный характер, так в Республике Башкортостан в структуре затрат на разработки направляется более 75% всех средств выделяемых на НИОКР, на фундаментальные исследования – 14,4%, на прикладные – 10,6%. Такая ситуация является следствием ориентации на рынок и стремлением коммерциализировать полученные в ходе изысканий результаты. Вместе с тем задел для развития воспроизводственного потенциала, укрепления инновационных возможностей и выхода на новый уровень развития формируют именно фундаментальные исследования, обеспечивающие базу для появления идей, технологий и продуктов прорывного характера. Однако, несмотря на преобладающее финансирование разработок новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов, уровень внедрения и использования этих технологий в реальном секторе экономики остается на крайне низком уровне. Так, в промышленное производство Республики Башкортостан внедряется чуть более 17% новых продуктов и методов их производства.

После устойчивого роста числа инновационно активных предприятий, наблюдаемого в период 2010-2012 гг., инновационная активность организаций (удельный вес организаций,

Рис. 1. Темпы прироста затрат на научные исследования и разработки, 2010-2015 гг.

осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в общем числе обследованных организаций) существенно снизилась и по данным официальной статистики в 2015 г. составила 9,1%, что ниже уровня 2010 г. на 2 п.п. Доля организаций промышленного производства, осуществлявших технологические инновации, снизилась на 3,6% процентных пункта с 13,5% в 2010 г. до 9,9% в 2015 г.

В качестве положительного результата развития научно-инновационной сферы следует отметить увеличение доли нематериальных активов в составе имущества предприятий и организаций, что косвенно выступает о переориентации экономики на интеллектуальноемкое производство и оказание услуг. По данным Роспатента в последние 5 лет наблюдается усиление патентной активности: как в части поданных заявок (рост составил более 10%), так и в части выданных (рост составил более 50%). Вместе с тем следует отметить, что недостаточность финансирования отразилась и на показателях патентной активности. Динамика заявок на полезные модели характеризуется незначительными изменениями, сохраняя общую закономерность, проявляющуюся в соотношении поданных заявок на изобретения и полезные модели как 4:1, а по выданных как 6:1.

В 2015 г. объем инновационных товаров, выполненных работ, оказанных услуг составил 139 331,3 млн. руб. Лидерами являются г. о. Салават (96 164 млн. руб.), г. о. Уфа (17 652 млн. руб.), и г. о. Стерлитамак (15 145 млн. руб.)². Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг имеет устойчивую тенденцию к росту: с 2010 г. он вырос почти в 2 раза, достигнув в 2015 г. 10,7%. Рассматривая это как положительную тенденцию, следует отметить, что стимулирование инновационной активности муниципальных образований продолжает оставаться приоритетным направлением развития инновационной сферы. Традиционно, соответствуя общероссийским тенденциям развития, в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг более 96% приходится на промышленный сектор экономики.

Таким образом, проведенный анализ состояния научно-инновационной сферы Республики Башкортостан позволяет выделить следующие особенности ее развития:

– несоответствие кадровой обеспеченности потребностям стратегического развития региональной экономики, проявляющееся в структурном, количественном и качественном дис-

балансе как в разрезе видов деятельности, так и с позиций территориального распределения;

– низкая результативность функционирования инновационной инфраструктуры, определяемая отсутствием целостного, системного взаимодействия и рассогласованной работой функциональных элементов инфраструктуры;

– инвестиционная непривлекательность научно-инновационной сферы, определяющая дисбаланс инвестиционного обеспечения по объемам и направлениям, определяющий недостаточность финансирования обновления и модернизации производственного комплекса, системы подготовки квалифицированных кадров, развития информационно-логистических сетей;

– неразвитость инструментов государственно-частного партнерства в научно-инновационной сфере, проявляющаяся в рассогласованности действие органов региональной власти и отдельных предприятий и организаций в части осуществлений инновационной деятельности и активизации инновационных процессов;

– начальная стадия развития инновационной восприимчивости и инновационной компетентности, проявляющаяся в замедлении инновационных процессов и сдерживании инновационной активности в обществе.

Общая ориентация экономики на устойчивое и сбалансированное развитие, повышение инвестиционной привлекательности определяют необходимость преодоления выделенных негативных тенденций и, опираясь на сильные позиции муниципальных образований, расширения комплекса инструментов по активизации инновационных процессов, основанных как на комплексной интеграции и использовании кооперационных моделей взаимодействия, так и на мотивации предпринимателей к внедрению результатов интеллектуальной деятельности в хозяйственный оборот.

Пристатейный библиографический список

1. Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2016. – 88 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 725 с.

2 Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2016. – 88 с.

ЕЛКИНА Людмила Геннадьевна

доктор экономических наук, профессор кафедры инновационной экономики Башкирского государственного университета

ВИЛЬДАНОВА Ляйсан Валерьевна

кандидат экономических наук, инженер отдела ИСМ ОАО «Башнефтегеофизика»

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОЧНЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ НА СТАДИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТОВАРОВ

В статье рассматривается проблема накопления отходов на стадии потребления товаров и роль ассимиляционного потенциала окружающей среды в воспроизводстве качества окружающей среды. В качестве альтернативного существующим методам управления отходами предлагается использование механизма рынка квот на отходы, призванного обеспечить создание безотходных производств. Приводится его модель, основные принципы, этапы реализации.

Ключевые слова: ассимиляционный потенциал окружающей среды, отходы, вторичное сырье, рынок в сфере отходов.

ELKINA Leudmila Gennadjevna

Ph.D. in Economics, professor of Innovative economy sub-faculty of the Bashkir State University

VILDANOVA Lyaysan Valerjevna

Ph.D. in Economics, engineer of ISM department of OJSC "Bashneftegeofisica"

REGIONAL MARKET MECHANISM OF WASTE MANAGEMENT AT THE STAGE OF CONSUMPTION GOODS

The article deals with the problem of consumption wastes' accumulation and the role of environmental assimilation potential in the reproduction of environmental quality. As an alternative to the existing methods of managing wastes, it is proposed to use the mechanism of the market for waste quotas, designed to ensure the creation of non-waste productions. The model of such market, basic principles, stages of implementation are given.

Keywords: environmental assimilation potential, waste, secondary raw materials, waste market.

Елкина Л. Г.

Вильданова Л. В.

Проблема накопления отходов производства и потребления, связанная с масштабным загрязнением окружающей среды (ОС) и экономическими потерями в виде ценного вторичного сырья, которым является большая часть компонентов отходов, требует поиска новых путей ее решения.

Процесс управления отходами состоит из нескольких этапов: образование отходов, сбор и сортировка отходов, переработка отходов и возврат в производство в виде вторичного сырья. Каждый из этапов содержит большое количество участников, имеющих между собой сложные связи: государственные регулирующие органы, производители товаров и услуг, продавцы товаров и услуг, мусороперевозчики, предприятия по переработки отходов, население. Каждая из упомянутых сторон имеет свои цели и задачи, часто противоположные интересам участников этого процесса, что определяет сложность процесса управления отходами.

По этой причине использование директивных методов регулирования системы управления отходами не может полноценно обеспечивать ее эффективность. В данном случае необходимо использование саморегулирующегося механизма, основанного на экономическом стимулировании природоохранной деятельности каждой из сторон. На наш взгляд, наиболее перспективным в этой ситуации является использование механизма рынка квот на размещение отходов.

Существующий мировой опыт использования механизма рынка квот на загрязнение, имевший место для регулирова-

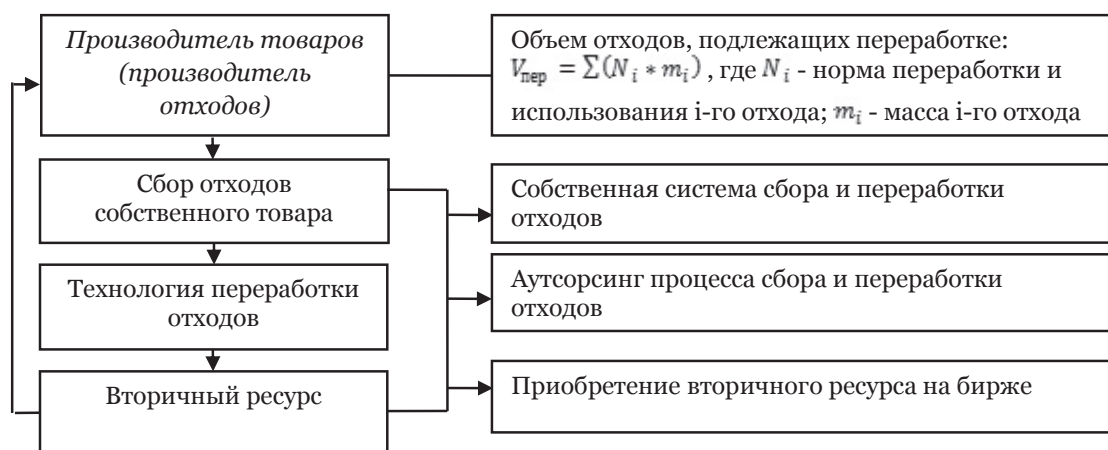
ния выбросов вредных веществ в атмосферу и водные объекты, исходит из того, что заданный потенциальный объем услуг природы по утилизации загрязнений может быть поделен между предприятиями в виде квот на загрязнение. Объем потребления экологических услуг предприятиями ограничивается величиной ассимиляционного потенциала (АП) ОС территорий. Таким образом, выполнение условия ограничения потребления экологических услуг осуществляется путем квотирования, т.е. передачи части прав собственности на АП ОС (в частности, права пользования) государством предприятиям¹.

АП ОС характеризует объем услуг экосистем по удовлетворению общественной потребности в восстановлении и поддержании качества окружающей среды (ОС). Его главной функцией является компенсация изъятия и привнесения в природную среду несвойственных ей избыточных веществ и энергии, а также восстановление нарушенных природных связей.

Потребительская стоимость АП ОС как природного фактора получает оценку в виде его общественной полезности, которая определяется его вкладом в поддержание существова-

¹ Вильданова Л. В. Теоретико-методические основы формирования рынка квот на загрязнение окружающей среды: дис. ... канд. экон. наук. Уфим. Гос. Авиац. Тех университет. Уфа, 2014.

Рисунок 1. Предприятие (производитель отходов) в системе управления отходами

ния биосферы, в ее продуктивность, а, следовательно, и в благополучие людей².

Количественная и стоимостная оценка АП территории является основой квотирования загрязнения ОС. Государство устанавливает бюджет квот на загрязнение ОС, распределяет его между предприятиями-загрязнителями. В ходе осуществления производственной деятельности предприятия, сэкономившие часть квоты в результате внедрения экологически чистых технологий могут эту часть продать предприятиям, превысившим выделенную квоту. Так, экологически эффективные предприятия получают возможность вернуть часть вложенных средств, а менее эффективные могут избежать оплаты штрафа путем покупки квот.

Данная схема позволяет выполнить условие неперевышения АП ОС территории, т.е. достичь заданных параметров качества ОС при минимальных общественных издержках.

Несмотря на то, что рынок квот на загрязнение ОС имеет достаточное теоретическое обоснование, его применение для сферы отходов в представленном выше виде затруднительно. Это связано с многокомпонентностью отходов, продолжительностью ассимиляции природой отходов (для современных материалов до 500 лет). С другой стороны, главным отличием отходов производства от других видов загрязнений ОС (выбросов в атмосферу и сбросов загрязненных вод) является их ресурсность, т.е. отходы – это потенциальные ресурсы производства.

В то же время, на существующем уровне развития экономики в экономический оборот возвращается только часть ресурсов, а именно те ресурсы, для которых стоимость возвращения в экономический оборот ниже, чем стоимость первичных ресурсов. Следовательно, необходимо обеспечить максимизацию использования вторичных ресурсов путем квотирования объема отходов (с поэтапным снижением объема квот) и созданием рынка квот.

Необходимо отметить, идея создания подобного рынка квот в сфере отходов сформировалась в ходе работы конференции «Участие гражданского общества в построении системы обращения с отходами» в г. Санкт-Петербурге, 2014 г. Среди участников конференции были представители крупных корпораций, Государственной Думы РФ, Правительства г. Санкт-Петербурга, мусороперевозчиков, переработчиков и обще-

ственных движений³. Несмотря на свою уникальность, модель обладает теоретической незавершенностью, что и определило предмет исследования данной статьи.

Организационно данная модель рынка квот в сфере отходов может выглядеть следующим образом. Государство устанавливает долю переработки отходов и потребления вторичных ресурсов (ПО и ПВР), которые определяются по отношению к объему производству конкретного товара, включая его упаковку (исключение могут составить товары, не предусматривающие ПВР, например, медицинские). Производитель товара подтверждает свой уровень ПОиПВР путем получения квоты (сертификата)*. Если уровень ПОиПВР не соответствует норме, то предприятие обращается на биржу. То есть субъекты системы, которые возвращают отходы в экономический оборот (а это могут быть как сами предприятия, так и переработчики отходов), пройдя сертификацию, получают квоты, которые могут быть проданы через биржу другим предприятиям, чей уровень ПОиПВР ниже, чем требуется*.

Так образуется рынок квот на вторичные ресурсы, который, в конечном счете, можно назвать рынком вторичных ресурсов, т.к. вместе с квотой будут приобретаться, и продаваться физические объемы вторичных ресурсов.

Предприятие (производитель отходов) самостоятельно определяет, каким образом отходы собственных товаров должны быть собраны на переработку. Для этого может быть использована как собственная система сбора и переработки отходов или аутсорсинг процесса. То же касается и технологии переработки отходов. В случае необходимости предприятие покупает квоты на отходы на бирже, либо выплачивает штраф государству за несоответствие установленной доле ПОиПВР (рис. 1).

Первостепенным условием функционирования рынка является внесение изменений в регламент Роспотребнадзора с целью создания Единого реестра потребительских товаров, который включает в себя информацию обо всей номенклатуре товаров, продаваемых на территории России (региона). Описание каждого товара содержит список и массу отходов, остающихся после потребления единицы данного товара, включая тару и упаковку. К примеру, при производстве телевизора (с учетом тары) используется картон – 1 кг, пенопласт – 0,6 кг, полиэтиленовая пленка – 0,2 кг, электронный лом – 11 кг. Следовательно, при производстве телевизора компания-производитель, при 100%-ой обязательной доле переработки обязан

2 Крисанова О. П. Ресурсная значимость ассимиляционного потенциала среды и его место в системе экономических отношений // Вісник СумДУ. Серія Економіка. 2008. № 2. С. 135-142.

3 Старк Д. Путь в чистую страну. ООО «Макс Дизайн», 2016. 320 с.

Рисунок 2. Взаимодействие организационных элементов рынка отходов

собрать и переработать 1 кг картона, 0,6 кг пенопласта, 0,2 полиэтиленовой пленки, 11 кг электронного лома. Безусловно, система требует постепенного увеличения обязательной доли переработки, но необходимым требованием становится переработка всех фракций выпускаемого товара.

Информация об объемах образующихся отходов содержится, помимо производителей, у продавцов товаров. Поэтому важным субъектом системы становится торговая сеть, доля которой в перераспределении товаров постоянно растет по сравнению с мелкими магазинами. Именно торговые сети могут представить оперативный отчет по объемам отходов от проданных товаров, поскольку на сегодняшний день торговые сети ведут количественный учет и анализ по всем товарам своей сети. Полученная от торговых сетей информация аккумулируется и группируется Единым реестром по каждому производителю и виду отхода. На основе этой информации Роспотребнадзор будет контролировать выполнение условий обязательной доли использования вторичного сырья при производстве товаров и услуг.

Взаимодействие производителей отходов, переработчиков, Роспотребнадзора и торговых сетей в рамках системы возможно при выполнении следующих условий:

1. *Достоверность данных о количестве и составе отходов.* Обеспечивается за счет разделения производителя отходов и источника данных о количестве и составе отходов (торговые сети, не ответственные за сбор и переработку отходов не имеют стимулов к занижению данных). Кроме того, торговые сети получают дополнительный источник давления на производителей введением требований к обязательной сертификации товаров с информацией об отходах.

2. *Поэтапный ввод системы в действие.* Постепенное включение торговых сетей в систему определяет постепенный рост доли отходов, требующих переработки к общему количеству произведенных товаров.

3. *Минимальная нагрузка на себестоимость товаров.* Стоимость сбора и переработки отходов в начале работы системы максимальна, в дальнейшем за счет эффекта масштаба будет снижаться. В то время обязательный процент переработки на

первом этапе будет минимальным. Таким образом, на начальном этапе потребитель платит минимум, а по мере развития система находит оптимальную цену переработки с учетом наилучших доступных технологий.

4. *Заинтересованность в производстве товаров с наиболее дешевой последующей переработкой.* В отличие от западных стран, где процесс переработки начался с наиболее простых для переработки фракций, предлагаемое решение вводит переработку сразу по всем фракциям, включая наиболее дорогие. При этом из-за дороговизны переработки этих фракций производитель будет от них отказываться. Таким образом, производство будет перестраиваться на наиболее экологичные, приспособленные к переработке технологии.

5. *Снижение транзакционных и коррупционных издержек.* Государство создает законодательную основу и биржу квот вместо сбора и распределения утилизационных денежных средств.

6. *Система штрафов.* Необходимо ввести административные наказания за невыполнение производителями обязательств по сбору и возвращению отходов в экономический оборот. Размер штрафа по каждому виду отходов должен быть установлен выше удельных затрат на переработку данного вида отходов.

7. *Сертификация и верификация квот* предполагает проверку всей цепочки сбора, переработки, повторного использования отходов независимыми контролирующими центрами. Здесь необходима проверка достоверности заявленных объемов переработки, недопущение повторного предоставления для сертификации собранного и переработанного объема отходов. Для этого все операции движения объемов переработки отходов и использования вторичных ресурсов и финансовые потоки, связанные с ними должны подтверждаться соответствующими документами (договоры купли/продажи, акты приема/передачи и т.п.).

Исходя из описания схемы, взаимодействие организационных элементов рынка может выглядеть следующим образом (рис. 2). Центральным организационным элементом системы является регулятивно-контрольный центр, к функциям кото-

рого относится: сбор информации об объемах образующихся отходов, их сопоставление с установленными обязательными объемами переработки отходов, проверка достоверности данных о переработке отходов, наложение штрафа на предприятия за несоответствие обязательным объемам переработки. По мере развития системы функции регулятивно-контрольного органа могут быть расширены.

В целом, новизна предлагаемой модели требует совершения значимых организационных действий, которые условно могут быть разделены на этапы:

1. *Предварительные переговоры* с основными участниками системы: Роспотребнадзором, ключевыми производителями, торговыми сетями, сборщиками и переработчиками отходов.

2. *Определение порядка работы системы* в части: порядка внесения товаров в реестр; порядка сбора информации об объемах проданных «отходов»; порядка верификации проектов переработки; порядка финансирования реестра и биржи. Внесение соответствующих изменений в законодательстве и подготовка нормативных актов.

3. *Технический этап*. Создание юридического лица для ведения реестра товаров, биржи проектов по переработке и программного обеспечения для технической платформы реестра и биржи.

4. *Этап сбора данных*: сбор данных о товарах, об объемах продаваемых [товаров, и соответствующих им] отходов, о проектах сбора и переработки.

5. *Верификация объемов квот и выставление на бирже квот*.

6. *Мониторинг и совершенствование работы системы*.

Отметим, что предлагаемая модель рынка не имеет опыта практического использования. Одной из основных сложностей ее реализации является отсутствие системы сбора отходов и их передача на переработку. Здесь необходимо воспользоваться опытом западных стран по использованию залоговой системы, отдельного сбора отходов, разветвленной сети пунктов сбора отдельных компонентов отходов и др.

Тем не менее, решение данных задач позволит, в краткосрочной перспективе, определить количество и состав отходов; создать экономические условия для выбора наилучших технологий по сбору и переработке отходов; создать экономические условия для выбора дизайна товаров с наименьшей долей отходов. В долгосрочной перспективе – достичь одну из главных целей современного общества – создание безотходных производств товаров и услуг.

Пристайный библиографический список

1. Вильданова Л. В. Теоретико-методические основы формирования рынка квот на загрязнение окружающей среды: дис. ... канд. экон. наук. Уфим. Гос. Авиац. Тех университет. Уфа, 2014.
2. Крисанова О. П. Ресурсная значимость ассимиляционного потенциала среды и его место в системе экономических отношений // Вісник СумДУ. Серія Економіка. 2008. № 2. С. 135 – 142.
3. Старк Д. Путь в чистую страну. ООО «Макс Дизайн», 2016. 320 с.

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по совершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

ВАСИЛЬЕВА Юлия Павловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Уфимского государственного нефтяного технического университета

КАРАЧУРИНА Гузель Гизаровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ НЕФТЯНЫМИ РЕСУРСАМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В статье рассматриваются результаты исследований отдельными экономистами проблемы обеспеченности нефтяными ресурсами и экономического роста. Кроме того приведена актуальная статистика мировых запасов, добычи и потребления нефти.

Ключевые слова: экономический рост, нефтяные ресурсы, цена на нефть.

VASILEVA Yuliya Pavlovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Economic theory sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

KARACHURINA Guzel Gizarovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Economic theory sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

THE SECURITY OF OIL RESOURCES AND ECONOMIC GROWTH

The article discusses the results of the research of individual economists, problems of availability of oil resources and economic growth. Also presented are the actual statistics of world reserves, production and consumption of oil.

Keywords: economic growth, oil resources, the price of oil.

В современной экономической теории существует значительное количество теоретических и эмпирических исследований, касающихся зависимости темпов экономического роста, его устойчивости и качества от наделенности природными ресурсами.

Так, экономисты Макс Корден и Дж. Питер Нери в 1982 году разработали классическую экономическую модель, описывающую голландскую болезнь. Согласно этой модели экономика подразделяется на три сектора: сектор неторгуемых товаров и услуг, то есть товаров и услуг, которые не могут быть перемещены между странами; бурно растущий сектор торгуемых товаров (обычно различные виды сырья); не растущий сектор торгуемых товаров (промышленные товары, доступные для экспорта и импорта). При возникновении резкого роста сырьевого сектора тот начинает забирать трудовые ресурсы у промышленного сектора, в котором происходит так называемая «прямая деиндустриализация». Кроме того, высокие доходы работающих в сырьевом секторе людей повышают потребление, а значит, и спрос на неторгуемые товары и услуги, что вызывает рост цен на них и перетекание трудовых ресурсов из промышленности в сферу услуг. В промышленности при этом возникает эффект «косвенной деиндустриализации»¹.

Рядом исследователей была выявлена связь между высокой наделенностью природными ресурсами и темпами экономического роста. Например, в своем исследовании «Изобилие природных ресурсов и экономический рост» Джеффри Д. Сакс, Эндрю М. Уорнер на основе анализа темпов экономического роста в 1971-1989 гг. показали, что страны с богатыми природными ресурсами, как правило, растут медленнее, чем страны с ресурсно-дефицитной экономикой².

Согласно исследованиям на примере разных стран, рост доли добывающих отраслей негативно сказывается на многих экономических показателях, и в итоге, на экономическом росте страны³. Приводят такие данные: увеличение занятости в сырьевом секторе на 5 % приводит к снижению инвестиций на 1 %. Даже рост коррупции связывается с сырьевым сектором: указывается, что при повышении занятости в сырьевом секторе на 16 % коррупция возрастает на 1 %⁴.

Несмотря на обилие работ, доказывающих отрицательную зависимость качества и темпов экономического роста от запасов сырья, существуют исследования, иллюстрирующие положительное влияние природно-ресурсного богатства на экономический рост. Так, О.Эйсмонт в статье «Обеспеченность природными ресурсами и долгосрочный экономический рост» показал, наиболее известные примеры таких стран – США, Великобритания и Германия в конце XIX века⁵.

Названные исследования обусловили актуальность данной статьи, в которой мы рассмотрим обеспеченность, темпы добычи и потребления нефтяных ресурсов.

Согласно данным Международного энергетического агентства, доказанные запасы нефти в мире на 31 декабря 2015 г. составили 1,667865 млрд баррелей⁶ или 265,16885276 млрд т.

1 Васильева Ю. П., Хисамутдинов И. А. Экономический рост: эффективность и ресурсная обеспеченность // Нефтегазовое дело: электр. науч. журн. 2014. № 3. С. 342-358.

2 Jeffrey D. Sachs, Andrew M. Warner Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No. 5398 Issued in Decem-

ber 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w5398.pdf>.

3 Карачурина Г. Г., Хисамутдинов И. А. Конкурентоспособность региона как условие экономического роста. Учебное пособие. Уфа, изд-во УГНТУ, 2015.

4 Gilfason T. Nature, Power and Growth // Экономический журнал. ГУ ВШЭ. 2001. №4. С. 459-492.

5 Эйсмонт О. А. Обеспеченность природными ресурсами и долгосрочный экономический рост. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refleader.ru/jgeotrnaatyaty.html>.

6 World Oil and Gas Review 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eni.com/en_IT/company/fuel-cafe/world-oil-gas-review-eng.page.

Рисунок 1. Мировые запасы нефти

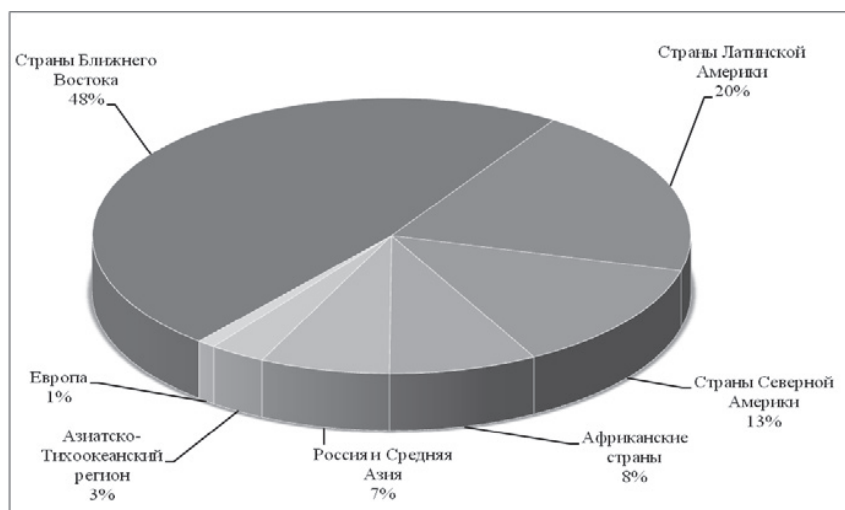
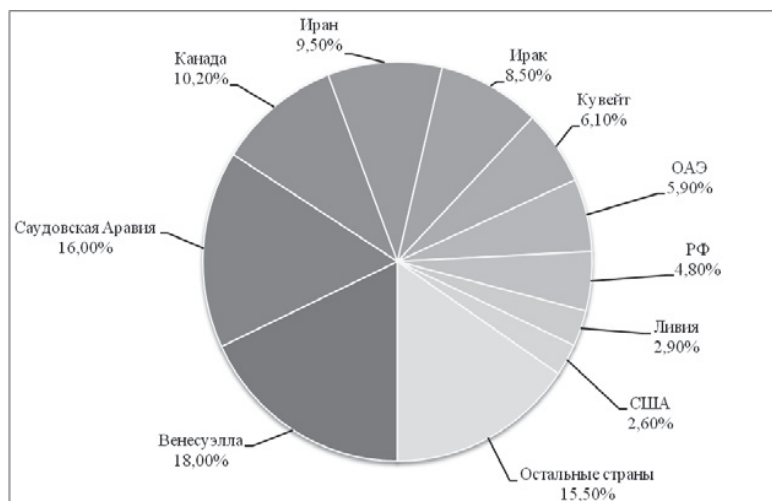

Рисунок 2. Ведущие страны по обеспеченности нефтью

Лидирующую роль по мировым доказанным запасам нефти занимают страны Ближнего Востока. В 2015 г. на их долю пришлось 802,846 млн бар или 48 % мировых запасов нефти. На страны Латинской Америки приходится 20 % мировых запасов, Азиатско-тихоокеанского региона – 3 %, страны Северной Америки – 13 %, на Россию и среднюю Азию – 7 %, Европу – 1 %, страны Африки – 8 %. Запасы стран ОПЕК составляют 1,208202 млрд бар.

С 2000 по 2015 годы запасы нефти подверглись динамике. В то время как в Европе они снизились на 3,4 %, в остальных регионах произошел рост запасов: в России и Средней Азии на 5,1 %, Ближнем востоке - 1 %, Африке -2,1 %, странах Азиатско-тихоокеанского региона – 0,5 %, Америке – 3,5 %. В целом запасы нефти в мире выросли на 2 % (в странах ОПЕК на 2,4 %).

По итогам 2015 года крупнейшие запасы нефти содержатся в следующих странах: Венесуэле (300,878 млн баррелей), Саудовской Аравии, Канаде, Иране, Ираке, Кувейте, ОАЭ, РФ, Ливии, США.

Всего в этих странах сосредоточено 1,410391 млрд барр. Остальные страны обладают 257,474 млн бар.

Мировые запасы нефти сосредоточены в руках компаний, которые можно условно объединить в группы:

1. Мэйджоры (Majors): Шелл, Бритиш Петролеум, Эксон, Шеврон, Тотал, Репсол, Эни;
2. Международные нефтяные компании (IOCs);
3. Национальные нефтяные компании (NOCs);
4. Остальные компании.

Обеспеченность нефтью составляет: в Европе – 9 лет, России и Средней Азии – 23 года, Ближнем Востоке – 74 года, Африке – 41 год, Азиатско-Тихоокеанском регионе – 17 лет, Северной Америке – 34 года, Латинской Америке – 91 год.

Крупнейшими странами по добыче сырой и нетрадиционной нефти в 2015 году являлись: США (14,1 %), Саудовская Аравия (13,2 %), Российская Федерация (12 %), Канада (4,8 %), Китай (4,7 %), Ирак (4,4 %), ОАЭ (4,1 %), Иран (3,9 %), Кувейт (3,4 %), Венесуэла (2,8 %). С 2000 по 2015 год добыча выросла на 16,696 тысяч баррелей в день. Наибольший прирост наблюдался в Северной Америке, Ближнем Востоке и России и Центральной Азии. В Европейском регионе произошел спад на 3 тысячи баррелей в день. Мировая кратность запасов нефти к ее добыче по состоянию на 2010 год составляла 53 года,

Рисунок 3. Мировая добыча нефти (2015 г.)

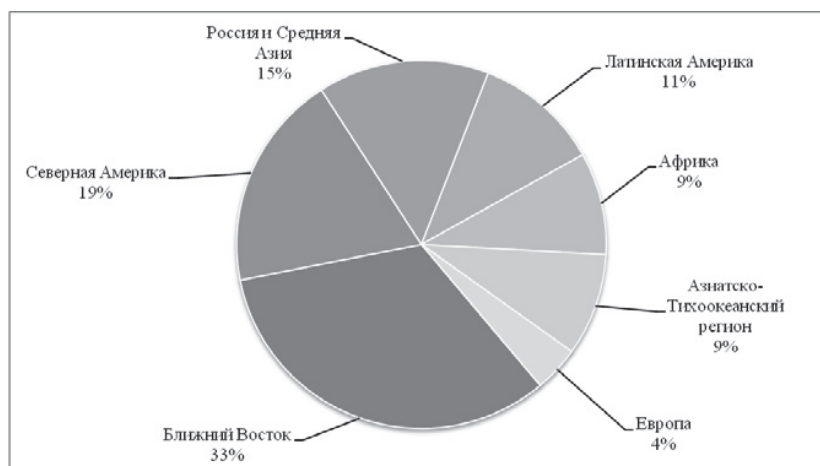

Таблица 1. Потребление нефти в мире (тыс. барр/день)

	2000	2010	2015	Прирост 2015/2000, %
Европа	16,401	15,960	14,923	-0,6
Россия и Средняя Азия	3,423	3,697	4,357	2,0
Ближний Восток	5,011	7,523	8,420	3,5
Африка	2,466	3,587	4,105	3,5
Азиатско-Тихоокеанский регион	21,008	27,638	31,766	2,8
Северная Америка	22,007	21,802	22,040	0,0
Латинская Америка	7,087	8,523	9,099	1,7
Весь мир	77,223	88,731	94,709	1,4

2015 г. – около 50 лет. По отдельным регионам и странам она значительно изменяется. Так, по оценкам экспертов, в странах Ближнего Востока этот показатель в среднем составляет около 74 лет, России и Центральной Азии – 23 года. Ведущими странами по данному показателю являются: Венесуэла (316 лет), Иран (121 год), Канада (107 лет), Ирак (96 лет), Кувейт (90 лет), ОАЭ (72 года), Саудовская Аравия (60 лет). России хватит нефти на 20 лет, Китаю – 16, США – 9 лет.

В 2015 году потребление нефти в мире составляло 97,709 тысяч баррелей в день.

Крупнейшим потребителем нефти являются США: 19,705 тыс барр в день или 20,8 % мирового потребления. По регионам лидирует Азиатско-Тихоокеанский регион: 33 %. Здесь наиболее крупным потребителем является Китай: 11,313 тыс. барр в день или 12 % от мирового потребления нефти, Европой потребляется 16 %, Северной Америкой – 23 %, Латинской Америкой – 10 %, Ближним Востоком – 9 %, Россией и Средней Азией – 5 %, Африкой – 4 %.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Ю. П., Хисамутдинов И. А. Экономический рост: эффективность и ресурсная обеспеченность // Нефтегазовое дело: электр. науч. журн. 2014. № 3. С. 342-358.
2. Карачурина Г. Г., Хисамутдинов И. А. Конкурентоспособность региона как условие экономического роста. Учебное пособие. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2015.
3. Эйсмонт О. А. Обеспеченность природными ресурсами и долгосрочный экономический рост. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refleader.ru/jgeotrnaatyaty.html>.
4. Gilfason T. Nature, Power and Growth // Экономический журнал. ГУ ВШЭ. 2001. № 4. С. 459-492.
5. Jeffrey D. Sachs, Andrew M. Warner Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No. 5398 Issued in December 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w5398.pdf>.
6. World Oil and Gas Review 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eni.com/en_IT/company/fuel-cafe/world-oil-gas-review-eng.page.

ФОМИНА Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ХОДКОВСКАЯ Юлия Викторовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Уфимского государственного нефтяного технического университета

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ НЕФТЕГАЗОВЫХ И НЕФТЕХИМИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

В статье составлена классификация экономического ущерба и коррозионных потерь. Представлен критический анализ научно-методических подходов к обеспечению эффективного использования производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний: метод контрольных районной, метод аналитических зависимостей, комбинированный метод, эмпирические методы. Установлены составляющие экономического ущерба компании в связи с повышенным износом основных производственных фондов вследствие загрязнения производственной среды. Обоснована практическая универсальность и адекватность производственной функции Кобба-Дугласа при формировании экономико-математической модели, соответствующей анализу экономических потерь от коррозионных разрушений производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний. Предложена мультипликативная модель в соответствии с нормированными коэффициентами детерминации.

Ключевые слова: эффективность производственных мощностей, экономический ущерб, коррозионные разрушения, производственная функция Кобба-Дугласа, нефтегазовые и нефтехимические компании, коррозионные потери.

FOMINA Elena Aleksandrovna

Ph.D. in Economics, associate professor of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

KHODKOVSKAYA Yuliya Viktorovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Economic theory sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

SCIENTIFIC-METHODICAL APPROACHES TO ENSURE EFFECTIVE CAPACITY UTILIZATION OF OIL AND PETROCHEMICAL COMPANIES

In the article the classification of economic damage and corrosion losses. A critical analysis of the scientific-methodical approaches to the effective use of production capacity of oil and gas and petrochemical companies: method of control of the district, the method of analytic dependences, the combined method, empirical methods. Installed components of the economic damage to the company in connection with higher depreciation of production assets due to pollution of the production environment. Grounded practical versatility and adequacy of the production function is Cobb-Douglas in the formation of economic-mathematical model corresponding to the analysis of economic losses from corrosion destructions of production capacity of oil and gas and petrochemical companies. The proposed multiplicative model in line with normalized coefficients of determination.

Keywords: the efficiency of the production capacity, economic damage, corrosion damage, the production function is Cobb-Douglas, oil and gas and petrochemical company, corrosion losses.

Проблема определения экономических потерь от коррозии приобретает все большую актуальность. Это вызвано рядом причин. Во-первых, вследствие экстенсивного развития промышленного производства в последние полвека существенно возрос металлофонд и, соответственно, увеличились потери металла по причине коррозии и коррозионно-механического разрушения. Во-вторых, произошли качественные изменения в характере производственных процессов: увеличились механические и тепловые нагрузки, ужесточились технологические условия. В-третьих, в силу повышения уровня загрязненности окружающей среды повысилась ее коррозионная агрессивность, которая характеризует ускорение коррозионных процессов.

Анализ литературных источников показал, что на практике существуют три основных метода оценки коррозионных потерь: метод Н. Н. Uhlig (учитывается сумма расходов на замещение материалов и на противокоррозионную защиту); метод Т. Р. Ноар (учитываются прямые потери предприятий); метод «затраты – выпуск». Оценки, проведенные в разных странах по указанным методикам, свидетельствуют, что коррозионные потери в зависимости от уровня загрязнения окружающей среды, метеоклиматических условий и структуры экономики представляют от 1,5 до 5,2% ВВП за год, потери металла составляют от 10 до 20% годового производства стали.

Фомина Е. А.

Ходковская Ю. В.

Таблица 1. Классификация экономического ущерба

Классификационный признак	По О. Ф. Балацкому	По П. Ф. Тархову	По Б. А. Семенову
Расчетно-методический	Потенциальный	Потенциальный	-
	Фактический (расчетный)	Фактический	Фактический (расчетный)
	Возможный	Возможный	Возможный
	Предотвращенный	Предотвращенный	Предотвращенный
	Ликвидационный	Ликвидационный	Ликвидационный
	-	Расчетный	-
Уровень локализации	Глобальный Континентальный Региональный	Общий расчетный	Совокупный
	Локальный	Частный расчетный	Расширенный (секторный)
	-	Аутоущерб	-
Уровень охвата элементов среды	Локальный	Локальный	Базовый
	Комплексный	Комплексный	Комплексный
	-	Парциальный	-
Иерархический уровень	Народнохозяйственный	Народнохозяйственный	Народнохозяйственный
	Хозрасчетный	Хозрасчетный	Хозрасчетный
	Субъективно-индивидуальный: Физическому лицу; Юридическому лицу	Субъективно-индивидуальный: Физическому лицу; Юридическому лицу	Субъективно-индивидуальный: Физическому лицу; Юридическому лицу
Под действием времени	Явный	-	-
	Скрытый	-	-
	Текущий	-	-
	Прогнозный	Прогнозный	Прогнозный
Механизм воздействия	Непосредственный	Непосредственный	Непосредственный
	Опосредованный	Опосредованный	Опосредованный
	-	Первичный	-
	-	Вторичный	-

Источник: составлено авторами

Впервые определения и системная классификация ущербобразующих факторов приведены в работах¹². Здесь выделяются три группы факторов: влияния, восприятия, состояния. Первые определяют уровень антропогенной нагрузки на компоненты природной среды и выражаются в виде показателей загрязнения атмосферного воздуха, водных и земельных ресурсов. Вторые характеризуются структурой и численностью реципиентов, воспринимающих техногенную нагрузку. Факторы состояния характеризуют интенсивность различных показателей и определяют удельную величину потерь, связанных с загрязнением окружающей среды.

Наряду с рассмотренными выше, факторами вводятся понятия внутрипроизводственных факторов, внешних факторов и фактора времени. Причем, первые определяют характер диффузии загрязнителей в атмосфере и зависят от технического уровня конкретного производства, характера техпроцесса, качества перерабатываемого сырья, геометрических и тех-

нологических характеристик источника выброса. Внешние факторы определяются природными, метеоклиматическими, топографическими и другими факторами. Большинство ученых указывают фактор времени, который вводится исходя из той методологической посылки, что для определения величины годового прироста экономического ущерба необходимо использовать специальные методики, основанные на прогностических принципах. В самом первом приближении время будет оказывать влияние на рост стоимостного выражения экономического ущерба (при прочих равных условиях) исходя, например, из имеющих место инфляционных процессов.

Вместе с тем, при строгом определении понятия «фактор», как причины, находящейся в определенной логической связи со следствием, можно утверждать, что факторы влияния, восприятия, состояния, внутрипроизводственные и внешние по своей сути не являются ущербобразующими. По этому поводу в работах справедливо отмечается, что более корректно рассматривать факторы, определяющие состояние источника, среды и коммуникаций.

При этом под факторами источника понимаются состояния отрасли, ее технологический уровень, наличие очистных установок и т.п.

1 Временная отраслевая методика определения эффективности осуществления природоохранных мероприятий и оценки экономического ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнением окружающей среды. – М.: Экономика, 2002. – 59 с.

2 Дороненков И. М. Защита промышленных зданий и сооружений от коррозии в химических производствах. – М.: Химия, 2015. – 260 с.

Таблица 2. Классификация коррозионных потерь

Классификационные признаки	Вид коррозионных потерь	Сущность коррозионных потерь
По источникам формирования	Естественные	Потери, обусловленные физической природой коррозии
	Антропогенно вызванные	Коррозионные потери, связанные с загрязнением окружающей среды
По формам проявления	Прямые	Стоимость замены (с учетом трудозатрат) поврежденных коррозией основных производственных фондов
	Косвенные	Потери, которые непосредственно не связаны с коррозией основных фондов и носят опосредованный характер
По результатам	Фактические	Потери, которые имеют место при условиях текущего развития техники и технологии
	Предотвращенные	Потери, которые имели бы место в случае не приема соответствующих мероприятий по уменьшению коррозионного эффекта
По степени опасности	Критические	Максимальные потери при которых дальнейшее использование основных фондов невозможно
	Допустимые	Потери, при которых основные фонды могут функционировать, не нуждаются в ремонте
	Незначительные	Потери, которые можно не учитывать
По реципиентам	Промышленности	По объектам возникновения (основные средства и имущество, которое находится в собственности субъектов хозяйствования)
	Транспорта	
	Сельского хозяйства	
	Жилищно-коммунального хозяйства	
	Памятников архитектуры и произведения искусства	

Источник: составлено авторами

Под факторами объекта понимаются демографические, социальные, экономические и культурные характеристики развития объекта.

Факторы коммуникаций - топология, почвенный покров, погодные условия и пр. Данные факторы, несомненно, оказывают влияние на величину экономического ущерба от загрязнения природной среды. Однако сама причина, определяющая формирование ущерба как вполне конкретной экономической категории, лежит, очевидно, в плоскости экономических отношений, возникающих по поводу распределения ограниченных ресурсов.

Таким образом, факторы состояния, восприятия оказывают непосредственное влияние на количественную определенность экономического ущерба, однако не являются причиной его возникновения.

Отдельного рассмотрения требует фактор времени, который является ущербобразующим. В экономической науке и практике фактор времени проявляется в необходимости дисконтирования разновременных затрат и эффектов. С этой точки зрения, фактор времени никакого отношения к ущербобразующим причинам не имеет. Однако, с течением времени имеют место кумулятивные процессы как по натуральным, так и по стоимостным показателям, характеризующим экономический ущерб. Принятие (непринятие) организационно-технических, технологических и прочих управленческих решений в сфере регулирования природопользования имеет временной аспект и влияет на возникновение и величину экономического ущерба. С этих позиций фактор времени можно рассматривать как ущербобразующий.

Наиболее подробный, из известных нам, анализ теоретических аспектов определения экономического ущерба от за-

грязнения воздушного бассейна, представлен в работах О. Ф. Балацкого³. При достаточно глубокой проработке методических подходов к определению экономического ущерба, имеют место определенные расхождения классификации, трактовке определений.

Наиболее подробная и полная разработка классификационных признаков и собственно классификация экономического ущерба представлена в таблице 1.

С целью определения экономической сущности коррозионных потерь, предложена система классификационных признаков и приведена классификация коррозионных потерь (таблица 2).

При определении коррозионных потерь в стоимостном выражении традиционно учитываются прямые и косвенные потери, в данном случае связанные с коррозией. Можно выделить три основные группы прямых потерь, связанных с повышенной коррозией.

К первой группе относятся выраженные в стоимостном виде потери физической массы основных фондов в результате процессов атмосферной коррозии в условиях агрессивной газовой среды.

Ко второй группе прямых потерь в результате загрязнения атмосферы относятся все виды дополнительных затрат на текущие и капитальные ремонты основных фондов за период их фактического срока службы.

3 Балацкий О. Ф. Экономика защиты воздушного бассейна. – Харьков: Вища школа, Изд-во Харьковского университета, 2004. – 100 с.

4 Балацкий О. Ф. Экономика чистого воздуха. – К.: Наукова думка, 1999. – 296 с.

Третья группа прямых потерь связана с сокращением срока службы основных фондов, в результате чего происходит недоамортизация оборудования, зданий, сооружений и т.д. В этом случае величину ущерба принято оценивать размером потерь полных амортизационных отчислений за период равный разнице между расчетным и фактическим сроками службы. В настоящее время амортизационная политика достаточно свободна для предприятий, они самостоятельно устанавливают сроки, в течение которых основные фонды будут полностью восстановлены.

Для объективного определения коррозионных потерь промышленных объектов необходимо создание базы данных. Определенные технико-экономические характеристики по каждому зданию (сооружению), подвергающемуся воздействию агрессивных сред, должны фиксироваться в соответствующих формах документации.

В соответствии с вышесказанным коррозионные потери (КП) будут равняться сумме прямых (C_{n_i}) и косвенных ($C_{к_i}$):

$$КП_i = \sum(C_{n_i} + C_{к_i}), i=1 \quad (1)$$

где $КП_i$ – коррозионные потери i -го промышленного объекта, который находится на исследуемой территории и попадает в зону влияния атмосферной коррозии ($i = 1...n$);

C_{n_i} – прямые коррозионные потери i -го промышленного объекта, который находится на исследуемой территории;

$C_{к_i}$ – косвенные коррозионные потери i -го промышленного объекта, который находится на исследуемой территории.

Исходя из критического значения коррозионных потерь (КП) можно определить критическую границу срока эксплуатации основных производственных фондов, после которого дальнейшее использование оборудования является экономически нецелесообразным. Результаты расчетов должны использоваться для установления экономически обоснованных сроков эксплуатации оборудования нефтегазовых и нефтехимических компаний.

Важным обстоятельством при определении лимитированных определений предельных сроков эксплуатации основных производственных фондов нефтегазовых и нефтехимических компаний выступает сравнение величины коррозионных потерь и расходов на предотвращение коррозионных потерь.

Для продления сроков службы основных производственных фондов нефтегазовых и нефтехимических компаний необходимо уменьшить коррозионные потери за счет увеличения природоохранных расходов, оптимизации межремонтного цикла. Срок эксплуатации производственного оборудования нефтегазовых и нефтехимических компаний необходимо соотносить с нормативным сроком службы.

В процессе управления затратами на воспроизводство и ремонт оборудования необходимо использование оптимизационных моделей.

Проблемы обеспечения эффективного использования производственных мощностей, управления затратами на осуществление ремонтно-наладочных работ, установления оптимальных сроков службы производственного оборудования неразрывно связаны с учетом коррозионных потерь. Особенно остро эта проблема стоит перед нефтегазовыми и нефтехимическими компаниями, для которых эксплуатация производственных мощностей происходит в условиях агрессивной среды, что неизбежно влечет коррозионные потери, снижающие безопасный срок службы оборудования, приводят к незапланированным затратам на ремонт. По информационным источникам GreenPeace, в России аварии на нефтепроводах

происходят, в основном, по причине износа труб (более 1/3 нефтепроводов имеют возраст более 30 лет), из-за внутренней коррозии (внутрипромысловые нефтепроводы) и из-за внешней коррозии (магистральные нефтепроводы).

По оценкам экспертов, коррозионные отходы, вызванные использованием производственных мощностей, влияют на экологическое равновесие в природе.

Технический прогресс во многих отраслях промышленности тормозится из-за ряда нерешенных проблем борьбы с коррозией. Это является наиболее актуальным в промышленно развитых странах с большим металлофондом (особенно в последние годы) в связи с все более широким использованием в промышленности не только высокопрочных материалов, но и особо агрессивных сред, высоких температур и давлений. При росте производства металла с 600 млн. т. в 1980 г. до 780 млн. т. в 2017 г. (прогноз) ежегодно 30% машин и конструкций выходят из строя, в том числе 10% составляют безвозвратные потери. В этих условиях значительно возрос удельный вес потерь, вызываемых коррозией. Экономические убытки от коррозии металлов огромны. В целом, по оценкам специалистов различных стран, эти потери в промышленно развитых странах составляют от 1,5 до 5,2% валового внутреннего продукта. При этом потери металла, включающие массу вышедших из строя металлических конструкций, изделий, оборудования, составляют от 10 до 20% годового производства стали.

Обеспечение эффективного использования производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний путем предотвращения коррозионных потерь современные научно-методические рекомендации позволяют решать через оценку эффектов:

- экономического – сокращение прямых материальных затрат компаний;
- экологического – уменьшение, предотвращение аварий и техногенных катастроф, которые связаны с разрушением оборудования в связи с коррозией, а также загрязнение окружающей среды продуктами коррозии;
- ресурсного – уменьшение продуктов коррозии, как безвозвратно потерянного металла, который является ограниченным и невозпроизводимым ресурсом, дополнительных расходов металла на строительство промышленных объектов, сооружений, оборудования с необоснованными допусками на коррозию;
- энергетического – уменьшение потерь энергии для дополнительного производства металла и переплавки металлолома, в результате коррозии;
- социального – уменьшение потерь затрат непроизводительного труда, уменьшение несчастных случаев, связанных с коррозией, которые приводят к потере здоровья или гибели людей.

Анализ существующих методических подходов к оценке экологического ущерба позволяет выделить два подхода к определению величины ущерба: прямой счет и косвенная оценка.

Основная особенность прямого счета заключается в том, что величина экономического ущерба определяется непосредственно для конкретного объекта исследования путем калькулирования различных составляющих потерь, выраженных в стоимостной форме, на основе объективных методов их выявления. Прямой счет на практике реализуется тремя методами: контрольных районов, аналитических зависимостей и комбинированным.

Метод контрольных районов основан на сопоставлении показателей состояния реципиентов в загрязненной зоне с со-

ответствующими показателями контрольного (условно чистого) района. Величина экономического ущерба от загрязнения атмосферы рассчитывается:

$$Y = \sum P_i \cdot N_i \cdot (F_i - F_{ki}), \quad (2)$$

где P_i – показатель, служащий для перевода величины натуральных потерь в стоимостное выражение;

где P_i – показатель, служащий для перевода величины натуральных потерь в стоимостное выражение;

N_i – численность реципиентов i -го вида, подверженных непосредственному воздействию загрязнителей;

F_i – численное значение единичного показателя состояния i -го реципиента в исследуемом (загрязненном) районе;

F_{ki} – то же в контрольном (условно чистом) районе;

N – количество видов реципиентов.

Теоретическому обоснованию метода контрольных районов применительно к загрязнению воздушного бассейна посвящены работы О. Ф. Балацкого⁵, И. М. Дороненкова⁶ и др.

Метод аналитических зависимостей основан на статистической обработке фактических данных о влиянии различных факторных признаков (включая факторы загрязнения атмосферы) на изучаемый показатель состояния реципиента. Полученные таким образом уравнения регрессии характеризуют закон изменения исследуемого ущербобразующего признака в зависимости от значения факторов, определяющих его величину (включая уровень загрязнения). Следует отметить, что по сравнению с методом контрольных районов, метод аналитических зависимостей на практике используется значительно реже.

Комбинированный метод основан на сочетании методов контрольных районов и аналитических зависимостей. Это наиболее точный и объективный метод количественной оценки экономического ущерба, поскольку выбрать два совершенно одинаковых района, отличающихся только уровнем загрязнения атмосферы, практически невозможно, для сравнения может быть использован условно чистый район, имеющий сходные с исследуемой территорией показатели состояния реципиентов. Учитывая, что зависимость между факторами влияния и факторами состояния, как правило, носит нелинейный характер, привести их к виду, достаточному для оценки ущерба, можно посредством корреляционно-регрессионного анализа.

Экономический ущерб, связанный с повышенным износом основных фондов, вследствие коррозии, является одним из составляющих элементов ущерба промышленности от загрязнения окружающей среды. Ряд авторов указывают, что ориентировочная доля ущерба от повышенной коррозии основных фондов составляет 50% всего ущерба промышленности.

Экономический ущерб предприятию в связи с повышенным износом основных производственных фондов вследствие загрязнения производственной среды⁷, включает следующие составляющие:

– потери прибыли вследствие недополучения продукции при внеплановых простоях оборудования, а также вследствие

связанного с этим увеличения условно-постоянных расходов на единицу продукции;

– потери предприятия от недоамортизации оборудования в связи с сокращением сроков их службы и преждевременным списанием;

– сопутствующие дополнительные расходы, обусловленные предупреждением повышенного износа основных фондов или компенсацией возникающих при этом последствий;

– дополнительные расходы на очистку воды для технологических целей;

– расходы на нанесение антикоррозионных покрытий и др.

Перечисленные виды дополнительных расходов на содержание и эксплуатацию оборудования в загрязненной производственной среде повышают себестоимость выпускаемой продукции и снижают прибыль предприятий.

В ряде работ предлагается оценивать коррозионные потери на основе эмпирических исследований. Наиболее распространенным является метод определения разности между расчетным и фактическим уровнем потерь, причем расчетное значение определяется на основе построения регрессионной модели зависимости уровня потерь от влияющих параметров (обычно это концентрация промышленной пыли, содержание вредных веществ в атмосферном воздухе и т.д.)⁸. Однако данный подход едва ли может быть реализован на практике. Поэтому для обеспечения эффективного использования производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний необходимо уточнение методов оценки коррозионных потерь с учетом прямых и косвенных. Решение этой проблемы представляется возможным с помощью производственной функции Кобба-Дугласа, позволяющей не только смоделировать реальные функциональные связи между производственными факторами и величиной коррозионных потерь, но и значительно повысить экономическую эффективность использования производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний.

Производственные функции со временем находят все более широкое применение на практике: обоснование нормативов затрат на ремонт и воспроизводство основных фондов, определение оптимального количества оборудования, используемого в производстве для достижения эффективности, изучение спроса и предложения, разработка системы рационального управления производственными и финансовыми параметрами компаний.

Практическая универсальность и адекватность производственной функции Кобба-Дугласа позволяет сформировать экономико-математическую модель, адекватную анализу экономических потерь от коррозионных разрушений производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний.

Практическая реализация производственной функции Кобба-Дугласа для расходов на ремонт основных средств от коррозионных разрушений (y) проведена для производственного оборудования одного из нефтеперерабатывающих заводов г. Уфы.

5 Балацкий О. Ф. Экономика защиты воздушного бассейна. – Харьков: Вища школа, Изд-во Харьковского университета, 2004. – 100 с.

6 Дороненков И. М. Защита промышленных зданий и сооружений от коррозии в химических производствах. – М.: Химия, 2015. – 260 с.

7 Бойко М. Д. Техническое обслуживание и ремонт зданий и сооружений. Учебное пособие для вузов. – Л.: Стройиздат, Ленинградское отд-ние, 1996. – 256 с.

8 Дудорин В. И. Моделирование в задачах управления производством. – М.: Статистика, 2015. – 245 с.; Кремер Н. Ш. Исследования операций в экономике: учебное пособие для ВУЗов. – М.: Банки и Биржи, ЮНИТИ, 2014. – 258 с.; Непомнящий Е. Г. Инвестиционное проектирование. – Таганрог: Издательство ТРГУ, 2003 г. – 262 с.; Терехов Л. Л. Экономико-математические методы. – М.: Статистика, 2006. – 398 с.

Рисунок 1. Демонтаж производственного оборудования

Для отбора показателей в разрабатываемую экономико-математическую модель было проведено логарифмирование исходных данных, расчет показателей регрессионного и дисперсионного анализа значений коэффициента годности, коэффициента износа, фондоотдача, коэффициенты экстенсивного, интенсивного и интегрального использования, коэффициент сменности работы оборудования, остаточная стоимость оборудования, восстановительная стоимость оборудования, уровень потерь полезного фонда использования оборудования со значениями затрат ремонт для производственного оборудования от коррозионных разрушений.

В результате анализа полученных результатов на стадии вербального моделирования были выбраны следующие факторы: восстановительная стоимость оборудования (x_1) и коэффициент интенсивного использования (x_2).

Мультипликативная модель, согласно значений нормированных коэффициентов детерминации, наиболее адекватна для производственной функции Кобба-Дугласа для производственного оборудования:

$$\ln(y) = 0,507112 * \ln(x_1) + 0,834421 * \ln(x_2), \quad (3)$$

Адекватность полученной модели подтверждают коэффициенты эластичности, которые в сумме превышают единицу, что говорит о возрастающем эффекте от масштабов производства. Следовательно, рост восстановительной стоимости оборудования (x_1) и коэффициента интенсивного использования (x_2). вызовет еще больший рост затрат ремонт для производственного оборудования от коррозионных разрушений..

Производственная функция Кобба-Дугласа Кобба-Дугласа доказывает, что затраты на ремонт для производственного оборудования от коррозионных разрушений в большей степени зависят от коэффициента интенсивного использования.

Примером практического использования полученной модели может служить ремонт для производственного оборудования. На ремонт данного производственного оборудования в бизнес-план 2017 г. было заложено около 6 млн. руб. После демонтажа листов настила кровли обнаружены места несущих элементов, износ которых превышает 30%. Так же обнаружены множественные коррозионные язвы по всему периметру несущих конструкций. Учитывая характер повреждения элементов и условия эксплуатации резервуара, необходима замена в объеме 100% (рисунок 1).

Поскольку при формировании бизнес-плана не была учтена изношенность оборудования, на сегодняшний момент увеличивается стоимость ремонта данного резервуара на 17%, а также увеличивается срок ремонта и простоя оборудования.

Поэтому при планировании затрат на ремонты и формировании бизнес-плана предлагается учитывать коэффициент интенсивного использования оборудования нефтегазовых и нефтехимических компаний, как один из наиболее важных производственных параметров, влияющий не только на величину затрат, но и отражающий эффективность/неэффективность использования производственных мощностей нефтегазовых и нефтехимических компаний.

Приставленный библиографический список

1. Балацкий О. Ф. Экономика защиты воздушного бассейна. – Харьков: Вища школа, Изд-во Харьковского университета, 2004. – 100 с.
2. Балацкий О. Ф. Экономика чистого воздуха. – К.: Наукова думка, 1999. – 296 с.
3. Бойко М. Д. Техническое обслуживание и ремонт зданий и сооружений. Учебное пособие для вузов. – Л.: Стройиздат, Ленинградское отд-ние, 1996. – 256 с.
4. Временная отраслевая методика определения эффективности осуществления природоохранных мероприятий и оценки экономического ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнением окружающей среды. – М.: Экономика, 2002. – 59 с.
5. Дороненков И. М. Защита промышленных зданий и сооружений от коррозии в химических производствах. – М.: Химия, 2015. – 260 с.
6. Дудорин В. И. Моделирование в задачах управления производством. – М.: Статистика, 2015. – 245 с.
7. Кремер Н. Ш. Исследования операций в экономике: учебное пособие для ВУЗов. – М.: Банки и Биржи, ЮНИТИ, 2014. – 258 с.
8. Непомнящий Е. Г. Инвестиционное проектирование. – Таганрог: Издательство ТРТУ, 2003. – 262 с.
9. Терехов Л. Л. Экономико-математические методы. – М.: Статистика, 2006. – 398 с.

ЯРКОВ Дмитрий Андреевич

аспирант кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД России

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье анализируются тенденции развития и особенности системы образования КНР. Автор проводит комплексную оценку уровней современного состояния образовательной системы Китая. В статье рассматриваются полномочия органов государственной власти КНР по проведению реформ в сфере образования, ориентированных на модернизацию страны.

Ключевые слова: Система образования, КНР, Министерство Образования КНР, Госсовет КНР, Образовательная программа, Китай.

YARKOV Dmitriy Andreevich

postgraduate student of World economy sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

THE ECONOMIC ASPECT OF THE FEATURES OF A MODERN SYSTEM EDUCATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The article analyzes PRC education system development trends and features in present time. Author conducts a comprehensive assessment of levels current state educational system in China: pre-school, primary, secondary, special professional and higher. The article examines the powers of state authorities PRC for reforms in education, focused on the modernization of the country.

Keywords: Education system, PRC, The Ministry of Education of PRC, Central People's Government of the PRC, China.

Система образования КНР представляет собой государственную систему образования, контролируемую и управляемую Министерством образования КНР. В состав министерства образования входит 22 департамента и 34 аффилированные организации по всей стране. Данное министерство разрабатывает стратегии, политику, планы, образовательные реформы и внедряет в систему образования; занимается планированием и управлением всеми формами образовательной деятельности в стране; отвечает за разработку образовательных стандартов и требований всех уровней, реализацию и контроль, координацию образовательной системы. Министерством регулярно проводятся мероприятия для всех сотрудников системы образования с целью повышения их уровня морали, психического здоровья и поддержания хорошей физической формы, а также аттестация преподавателей всех уровней. В рамках реализации программы повышения квалификации, проводятся регулярные стажировки за рубеж как студентов, так и преподавателей. Приблизительно с 1978 г. Китай начал усиленными темпами отправлять студентов за рубеж. Уже в 2003 г. общее количество студентов отправленных за рубеж составило 700200 человек из них: 3002 человека обучались за счет государства, 5144 за счет компаний и 109200 за свой счет, из них вернулись в Китай 172800 человек. Для развития международного сотрудничества ведется тесная работа с ЮНЕСКО. КНР сотрудничает в сфере образования с 23 странами входящими в состав Европейского Союза. Между Китаем и этими странами были разработаны и установлены единые стандарты образования и в данный момент ученые степени КНР и ЕС имеют равную силу¹. Китай уделяет большое значение сотрудничеству со странами Азии и Африки. КНР установила тесные контакты в сфере международного обмена студентов, образования преподавательского состава, разработки общих

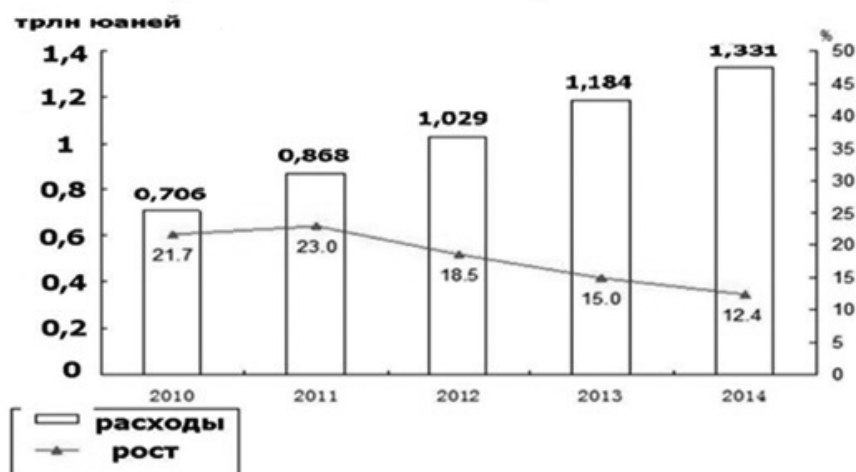
норм и стандартов образования более чем с 40 странами региона. Наиболее приоритетными направлениями считаются: Япония, Корея, КНДР, Монголия, Вьетнам, Сингапур, Малайзия, Тайланд, Индия, Пакистан, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, Йемен, Египет, ЮАР, Кения. Наиболее активное сотрудничество установлено со странами Америки и Океании. Только в Латинской Америке подписаны более 15 соглашений о культурном и образовательном сотрудничестве. Имеются совместные программы, соглашения и меморандумы с США, Австралией, Новой Зеландией, Британской Колумбией, Канадой. Так в рамках сотрудничества со странами Америки и Океании воплощается 8 крупномасштабных программ, три с США, две с Канадой, две с Австралией и одна с Новой Зеландией. Более 200000 тысяч студентов и Китая ежегодно обучаются в США, 35000 в Канаде, 35000 в Австралии, 40000 в Новой Зеландии и их число неуклонно увеличивается.

Одна из приоритетных задач министерства – это комплексное реформирование и развитие системы высшего образования в долгосрочной перспективе. В рамках программы реформирования образовательной системы Китая были созданы организации учета, контроля, статистики, стандартизации высшего образования, находящиеся в прямом подчинении министерства образования КНР. Основываясь на полученных данных о состоянии образовательной среды в стране, министерство образования КНР и аффилированные организации разработали: программу «211», программу «985», основали образовательные фонды и ряд весьма значимых проектов, таких как построение общества с собственными высококвалифицированными специалистами, высокотехнологическая образовательная модернизация и развитие.

Так, программа «985» направлена на развитие системы образования в КНР. Основная задача программы сводится к выводу на международный уровень ста китайских университетов. В ходе первого этапа были отобраны десять передовых институтов для вывода на международный уровень, а по резуль-

1 Министерство образования КНР (中华人民共和国教育部). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://moe.gov.cn/jyb_xwfb/

Расходы на ШИОКР в КНР, 2010-2014 гг.

Источник: Дисбалансы в экономике Китая: структура, динамика, прогнозы, Карлусов В., Кудин А. *Мировое и национальное хозяйство*. 2015. № 4 (35). С. 21.

татам программы сделаны основные выводы. В ходе второго этапа в КНР продолжается организация университетов высшего уровня. За 15 лет, в ходе реализации программы «985» уже удалось вывести на международный уровень 21 университет². Программа «211» направлена на подготовку собственных специалистов по всем отраслям технических и гуманитарных наук. Программа делится на два этапа: 1) во время создания университетов международного уровня, китайские специалисты должны получить за рубежом образование соответствующего уровня 2) После создания университетов и подготовки специалистов, повсеместный отказ от зарубежных специалистов, экспорт квалифицированных кадров за рубеж.

Система образования в учебных заведениях КНР делится на дошкольное, начальное, среднее неполное, среднее законченное, профессиональное и университетское образование. Базовое образование состоит из: дошкольного, обязательного девятилетнего образования до средней школы первой ступени, обучения в средней школе второй ступени, специального образования для инвалидов.

Дошкольным образованием в Китае занимаются детские сады. Общее количество детских садов на конец 2011 года достигло 160 тысяч зданий, что на 16 тысяч больше чем в 2010 году. Количество детей посещающих детские сады составило более 34 миллионов детей, что почти на 4,5 млн. детей больше чем в 2010 году.³ В соответствии с указанной градацией принимают в детские сады детей дошкольного возраста от 3 лет на трехлетний срок обучения. В КНР подавляющее число детских садов являются государственными.

В соответствии с законодательством КНР, государство обязано осуществлять обязательное девятилетнее образование для своих граждан. Начальное и неполное среднее образование обязательны в Китае. Не исключение и дети с ограниченными возможностями. Так общее количество специализированных школ в КНР достигло 1767, за 2010 год была построена 61 школа. В 2011 году в школы было принято 64 тысячи детей инвалидов. Общее число детей инвалидов про-

ходящих обучение в специализированных школах составило почти 400 тысяч человек, из них 52 300 детей учатся в школах для слепых, 107 700 детей учатся в школах для глухих и 238 800 детей в школах для детей с отклонениями психики. Преподавательский состав специализированных школ приблизился к 41 тысяче человек.

Продолжительность обучения для получения полного среднего образования – 12 лет. Среднее образование в Китае имеет три ступени: на первой ступени образование является бесплатным, хотя учащиеся вносят плату за учебные пособия и тетради, на следующих ступенях обучение проходит в профессиональных и специализированных школах.

В обычные начальные школы дети поступают в возрасте 6-7 лет, срок обучения составляет 5-6 лет, обучение заканчивается в возрасте 12-13 лет. В 2011 году в КНР число начальных школ составило 241 тысячу, за год было построено 16 тысяч новых школ, а число обучающихся составило 17 млн. человек.⁴ (99 % детей страны). Количество преподавательского состава начальных школ приблизилось к пяти миллионам человек. Количество детей рабочих мигрантов в городах достигло более двенадцати млн. человек, из них более 9 млн. детей обучается в средних школах, в начальных более 3 млн. детей. После завершения начальной школы дети могут поступить в средние школы.

Средняя школа включает в себя несколько составляющих школ: обычная средняя школа; средняя школа для взрослых; средние специальные учебные заведения, профессиональные школы, техникумы. В средние школы дети поступают в возрасте 12-13 лет, срок обучения составляет 3-4 года, обучение заканчивается в возрасте 15-16 лет. На конец 2011 года по стране средних школ насчитывалось 27 638, что на 946 школ больше по сравнению с предыдущим годом. Число учащихся составило почти 47 млн. человек, что по сравнению с 2010 годом больше на 92 800 человек. Число обычных средних школ увеличилось до 13 688, было построено 370 новых зданий. Количество учащихся в 2011 году составило 24,5 млн. детей, что на 274 тысячи учащихся больше по сравнению с прошлым годом, всего

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timeshigher-education.co.uk>

3 Государственное бюро статистики КНР (中华人民共和国国家统计局). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn>

4 Государственное бюро статистики КНР (中华人民共和国国家统计局). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn>

школу в 2011 году окончили более 7,8 млн. выпускников. Преподавательский состав увеличился на 38 600 педагогов и в 2011 году составил более 1,5 млн. педагогов. В 2011 году в КНР было 857 средних школ для взрослых, что по сравнению с предыдущим годом больше на 203 школы. Количество обучающихся увеличилось на 149 тысяч человек и в 2011 году составило 264 тысячи учеников. Число окончивших выросло на 131 тысячу человек и составило 222 тысячи абитуриентов. Число преподавателей выросло на 2500 и составило 7 тысяч человек.⁵

Так же в Китае существуют профессиональные училища трех типов: начальные, средние и высшие училища. Основная задача данных заведений – подготовка специалистов различных сфер, изучение теоретических основ и развитие практических навыков для конкретной профессии. Средний возраст поступающих в начальные училища составляет 12-13 лет, обучение занимает 3-4 года, в средние 15-16 лет, обучение составляет 3-4 года, в высшие 18-19 лет, обучение требует 2-3 года. Общее количество профессионально-технических училищ в КНР – 13 тысяч, включая политехнические школы и техникумы, число студентов в них в 2011 году составило более 22 млн. человек (снизилось по сравнению с 2010 годом на 331 тысячу учащихся), а педагогов – 881 тысячу человек. Общее число политехнических училищ составило 3753 заведения, число учащихся достигло 8,5 млн. человек, а педагогов – возросло до 435 тысяч человек. В 2011 году было выпущено более 2,7 млн. квалифицированных кадров. Число высших профессионально-технических вузов увеличилось до 4802, общее число обучающихся достигло отметки в 6,8 млн. человек. Преподавательский состав увеличился в 2011 году до 406 тысяч человек, что по сравнению с предыдущим годом больше на 3500 человек. В 2011 году в КНР располагалось 2924 техникума, что на 84 больше по сравнению с 2010 годом. Количество студентов в 2011 году увеличилось до 4,3 млн. человек, выпускников составило более миллиона человек, а преподавателей – 266 тысяч человек. В 2011 году в стране находилось 1614 технических вузов. Прирост обучающихся по сравнению с предыдущим годом составил 263 три тысячи человек, общее число составило 2,3 млн. абитуриентов, 81 тысяча преподавателей и 530 тысяч выпускников.

В КНР высшее образование можно получить в различных учебных заведениях в течение 4-5 лет, в медицинских институтах 7-8 лет, а в высших профессиональных технических училищах 2-3 года. Так подготовка аспирантов делится на два этапа: подготовка специалиста с ученой степенью магистра, срок обучения 2-3 года, подготовка специалиста с ученой степенью доктора наук, срок подготовки 3 года. 31670000 человек по всей стране получает высшее образование в различных колледжах и университетах. Количество колледжей в 2011 году составило 2700 заведений, включая 309 независимых организаций, 750 институтов высшего образования. Общее количество выпускников достигло – 560 тысяч человек (из них 65 тысяч докторантов и 494 тысячи магистров). Более 6,8 млн. человек поступило в колледжи и число абитуриентов достигло 23 млн. человек, а число окончивших достигло 6 миллионов студентов. Почти 5,5 млн. студентов проходят обучение в высших колледжах и университетах, а окончивших приблизилось к двум миллионам человек. В 2011 году более 9 млн. человек проходили курсы самообучения, из них получили сертификаты 742 тысячи че-

ловек, а более 8 млн. человек участвует в программах повышения квалификации. Четыре миллиона человек участвовало в добровольных курсах повышения квалификации, 54 миллиона получило второе необязательное образование, общее число участвующего персонала учебных заведений достигло 520 тысяч преподавателей. В 2011 году, 888 тысяч человек закончило литературные классы, количество учителей в классах достигло 49 тысяч человек, а количество инвестиций в оборудование и исследовательские приборы в 2011 году достигло 41 миллиарда долларов США.

В 2011 году в КНР насчитывалось 130 негосударственных заведений, в которых обучается более 237 миллионов учеников. В КНР расположено 115 негосударственных детских садов, которые посещают почти 17 млн. детей. Количество частных начальных школ сократилось на 165 и в 2011 году составило 5186 заведений. Младших школ в КНР – 4282, средних – 2394, старших – 2856, 698 негосударственных колледжей и университетов, а так же 830 негосударственных добровольных курсов повышения квалификации различной направленности.⁶ В КНР регулирование науки и исследовательской деятельности на современном этапе осуществляется в соответствии с традиционными пятилетними планами. Планируется оптимизировать систему образования для социальных, экономических и общественных нужд путем повышения качества образования и выпускаемых кадров до уровня высокоразвитых стран к 2030 году.

Пристатейный библиографический список

1. Министерство образования КНР (中华人民共和国教育部). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://moe.gov.cn/jyb_xwfb/
2. Государственное бюро статистики КНР (中华人民共和国国家统计局). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn>
3. Times Higher Education. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timeshighereducation.co.uk>

5 Государственное бюро статистики КНР (中华人民共和国国家统计局). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn>

6 Государственное бюро статистики КНР (中华人民共和国国家统计局). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn>

ГАБИТОВ Илдар Мидхатович

кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической теории Башкирского государственного университета

ШАРАФУЛЛИНА Розалия Радмировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической теории Башкирского государственного университета

БРАК КАК ФОРМА КОНТРАКТА

В статье рассматриваются некоторые аспекты применения теории контрактов в исследовании брачных отношений как специфической формой контракта, опирающегося на основы всей теории контрактов.

Ключевые слова: семья, брак, «эффект партнерства», контракт, сделка.

GABITOV Ildar Midchatovich

Ph.D. in Economics, associate professor of General economic theory sub-faculty of the Bashkir State University

SHARAFULLINA Rozaliia Radmirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of General economic theory sub-faculty of the Bashkir State University

MARRIAGE AS A FORM OF CONTRACT

The article examines some aspects of the application of contract theory to the study of marital relations as a specific form of a contract based on the basis of the general theory of contracts.

Keywords: family, marriage, "partnership effect", contract, transaction.

В институциональной экономике широкое применение нашла теория контрактов, отличающаяся своей универсальностью. Ее теоретические положения используются, например, для правильного определения оплаты труда как корпоративных управленцев, так и их подчиненных. Правильный выбор между бонусами, акциями предприятия или опционами на право их покупки зачастую зависит от положений данной теории. Невозможно представить эффективное корпоративное управление и корпоративные финансы без применения основных положений теории контрактов. Разработка аукционов также коррелирует с положениями этой теории. Экономика регулирования, исследованиями в которой отличился Жан Тироль, во многом базируется на положениях теории контрактов.

К сожалению, творческий потенциал данной теории, по нашему мнению, недостаточно используется в исследовании брачных отношений. Анализ сводится рассмотрению в заключаемых брачных контрактах преимущественно одного лишь аспекта – имущественных отношений. Эти отношения супругов могут существовать в различных контрактных формах: имплицитной, отношенческой и неоклассической. После того, как приняли Гражданский и Семейный кодексы, брачующиеся могли заключать контракт – договор, регулирующий эксплицитным образом их имущественные права и обязанности в браке. Однако в современной России брачные контракты не получили широкого распространения. Большинство браков традиционно строятся на основе имплицитного контракта, свидетельством заключения которого является регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния. Поэтому в представленной статье мы рассмотрим преимущественно эти брачные отношения как специфическую формы контракта, опирающегося на основы всей теории контрактов.

Институциональная экономика относит к контрактам достаточно широкий круг неявных соглашений, заключенных «по умолчанию». Они не требуют явной фиксации в той или

иной форме. Здесь к контракту относятся любые отношения, которые стороны стремятся поддерживать и сохранять длительное время. Условия контракта как бы задаются самой институциональной средой в целом, которая и образует своего рода сеть формальных и неформальных норм, обязательных для сторон, но не отражены в данном контракте в явном виде. Брачный договор не в состоянии охватить все нюансы супружеских отношений. Именно существующая институциональная среда задает основные параметры такого брака.

Брачные отношения, по сути, невозможны без такого контракта. Поэтому в менталитете каждого народа проводится различие между браком и сожительством. Последнее, как бы оно внешне не походило на брак, таковым не признается и не является, поскольку здесь отсутствует контракт как таковой. Контракт обладает тремя элементами: субъекты контракта, предмет контракта и содержание. Субъекты контракта – стороны, заключившие его. Предмет контракта – благо, по поводу которого заключен контракт. Содержание контракта – права и обязанности, возникающие у сторон контракта в результате его заключения. Брачные отношения возникают лишь при наличии определенных выгод для обеих сторон. Брак лишь фиксирует наличие этих выгод как контракт. Что же является основой брака как контракта? В процессе взаимодействия двух людей постоянно возникает так называемый дополнительный продукт как результат использования сравнительных преимуществ. Эти преимущества связаны, прежде всего, с естественными различиями между людьми. Совместная деятельность двух людей всегда вызывает возникновение этого дополнительного продукта, условия использования которого и регулирует брак как контракт.

Для иллюстрации нашей мысли рассмотрим простой пример. Гончар тратит на лепку одного горшка 8 мин., еще 4 мин. ему необходимо для росписи горшка. Его ученица затрачивает на лепку 25 мин., а на роспись – 5 мин. Работая раздельно, они могут за 8 часов произвести 56 целых горшков.

Используя принцип сравнительных преимуществ, они могут разделить труд и скооперироваться. Тогда гончар будет заниматься лишь лепкой и за 8 часов налепит 60 горшков ($480:8=60$). Его ученица, поскольку имеет относительное преимущество в росписи, потратит на роспись этих 60 горшков 300 мин. ($60 \times 5=300$), а за оставшиеся 180 минут изготовит еще 6 горшков ($180:(25+5)=6$). Итого 66 горшков. Как видим, совместная деятельность гончара и ученицы дала дополнительный продукт в 10 единиц. Эта осязаемая прибавка от совместного труда, возникающая как бы из ничего, не остается без внимания партнеров. Мастер и его ученица могут задуматься о создании семьи, поскольку имеется для этого достаточная и привлекательная материальная основа. Следует заметить, что дополнительный продукт как результат «эффекта партнерства», возникает при любом их взаимодействии, будь это сфера материального производства, или ведение домашнего хозяйства. «Определить четко, из-за кого получился это дополнительный результат, бывает затруднительным. Ясно, что это требует от будущих партнеров доверительных отношений. Доверие – рисковое поведение, поскольку у стороны нет надежных гарантий в отношении поведения партнера. К развитию доверия приводит предшествующий опыт, когда индивид может наблюдать отказ другого (других) от использования возможностей для оппортунизма. Каждый из них должен согласиться с закреплением за ним данной специализации, каким бы «ущербным» оно ни оказалось для его «самолюбия». Должно быть четкое осознание того, что иное перераспределение неизбежно приведет к исчезновению дополнительного продукта. Лень со стороны одного из партнеров или отказ выполнять свою часть работы также приводит к аналогичному результату. Этот своеобразный «эффект партнерства», в свою очередь, является не неизменным, ведь способности партнеров подвержены постоянным изменениям. Здесь важную роль играют взаимоотношения партнеров: их взаимное сотрудничество, развивая их способности, может привести к еще большему росту дополнительного продукта, и наоборот, конфронтация между ними – к его уменьшению и даже его исчезновению»¹. Этот дополнительный продукт, возможный лишь при добровольном взаимодействии двух партнеров, отражается в их сознании как ощущение счастья.

Следует отметить, что «эффект партнерства» является основой возникновения супружеских отношений, образует материальную основу брака и, тем самым, вызывает необходимость заключения определенного соглашения между партнерами. Созданная на этой основе семья становится первичной, элементарной формой предприятия. «В семье «эффект партнерства» приводит к тому, что «один плюс один дает не два», а больше. Действительно, семья в своем гармоничном развитии приобретает дополнительную ценность, превышающую простую арифметическую сумму цен двух партнеров. Эта дополнительная ценность, приобретаемая каждым партнером лишь в рамках данной семьи, придает каждому члену семьи ощущение некоего чуда, исходящего из феномена семьи. А сама семья начинает выступать как отдельный организм, функционирующий самостоятельно, имеющий свои законы развития и диктующий своим членам особые правила поведения»².

Известно, что при выборе формы контракта определяющими сторонами являются транзакционные издержки и естественный риск. Стремление каждого индивида к максимизации собственной выгоды, следование своим эгоистическим интересам обуславливают мощную мотивационную составляющую предстоящего контракта. «Если предположить, что брак – это торговая сделка, то необходимо выяснить, кто же здесь является покупателем, а кто – продавцом. Сложность представляет не то, что это – сделка, а то, что здесь процесс купли-продажи выступает в завуалированном виде. Отсутствие явного обмена товара на деньги и передачи самого товара в руки покупателя не должно привести к отрицанию самого акта купли-продажи. Так, народный фольклор, касающийся сватовства, приравнивает брак торговой сделке. Приведу некоторые поговорки: «Для купца, удалого молодца, наша девица хоть куда»; «Не спорьте о приданом, после прибавим»; «У вас товар, а у нас купец (жених)». Здесь ясно видно, что покупателем является сторона жениха, а продавцом – сторона невесты. Не случайно женщина, как и любой другой продавец, тратит больше средств и времени на свою внешность, как наиболее осязаемую сторону любого товара. Сомнения возникают лишь при определении самого акта купли-продажи товара: «Если сужено-ряжено, так наш (товар) надо продать, а ваш купить» (говорят родители невесты)»³.

Теория контрактов обычно выделяет три стадии контрактного процесса: подбор принципалом агента, заключение оптимального контракта и его реализация. Первые две стадии принято обозначать как *ex ante* контрактный процесс, а последнюю – как *ex post* контрактный процесс. Исполнение контракта зависит от добросовестности агентов по сделке. Нарушение относительных прав собственности будет трактоваться как проявление оппортунизма. При заключении брака основную трудность представляет пред- и постконтрактный оппортунизм будущих супругов, связанный с ограниченностью информации у партнеров. Склонность индивидов к стремлению к собственной выгоде прибегать к обману или сокрытию информации является естественной. Следствием предконтрактного оппортунизма является неблагоприятный отбор. Результатом постконтрактного оппортунизма является моральный риск, т.е. вероятность неблагоприятного влияния заключенного контракта на систему стимулов агента, в результате чего в рамках данного контракта уменьшается ожидаемая полезность принципала. Обе проблемы в данной теории решаются на стадии заключения контракта, т.е. основной вопрос здесь состоит в том, как заключить такой контракт, чтобы исключить пред- и постконтрактный оппортунизм супругов. Многовековой опыт народов позволил выработать такую систему. Авторы имеют в виду ритуал бракосочетания. Несмотря на существенные различия исторического, культурного, духовного развития разных народов, ритуал бракосочетания у них имеет ряд важных общих черт. Прежде всего, это – помолвка (сватовство) и свадебный церемониал в той или иной форме. Обряды помолвки и сватовства направлены на выявление и устранение, а то и исключение предконтрактного оппортунизма. Здесь очень важную роль играют механизмы репутации, которые изучаются с самых разных сторон. Что касается свадебного ритуала, то ее элементы направлены прежде всего

1 Проблемы развития человеческого потенциала: монография / под общ. ред. Г. М. Россинской. – М.: Экономика, 2017. – С. 97.

2 Там же. – С. 99-100.

3 Габитов И. М. Социально-экономические основы семьи // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГГУ / Отв. ред. И. М. Сампиев. – Назрань, ООО «КЕП», 2016. – С. 70-71.

на устранение постконтрактного оппортунизма. Рассмотрим некоторые из них.

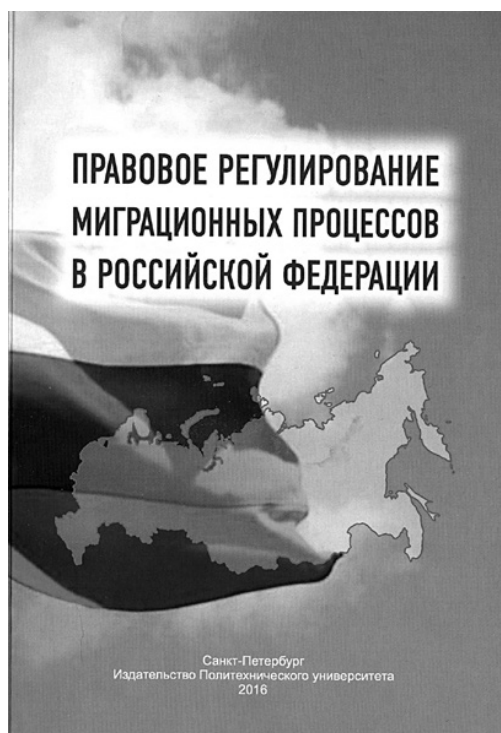
Свадьбу предваряет получение публичного согласия жениха и невесты на брак. Это очень важная часть заключения брака. Давая при всех приглашенных свидетелях, гостях, официальных лицах государства и церкви свое согласие на брак, молодожены принимают на себя негласное обязательство соблюдать ту институциональную среду в семейных отношениях, которые признаны в данной местности, времени и условиях. В свою очередь, приглашенные становятся своего рода гарантами данного соглашения. Добровольное согласие молодоженов напоминает присягу (клятву), которую дают представители некоторых профессий, заступая на службу. Так поступают, например, главы государств, избранные на свой пост народным голосованием. То же самое касается военных, врачей, судей. В России Государственная дума утвердила текст присяги при вступлении в гражданство России, согласно которому гражданин должен будет поклясться соблюдать конституцию страны, уважать ее культуру и историю. Следует отметить, что торжественно данное слово применяется в тех областях жизнедеятельности людей, где проконтролировать за соблюдением негласного соглашения бывает затруднительно, где индивид остается один на один перед нелегким выбором, где возможны неоднозначные решения, идущие вразрез интересам партнеров. Данное им обещание сдерживает его от эгоистического поведения, исключает такие ее формы, как ложь, воровство, а также предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда идет речь о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины и других методах запутывания партнера. Нарушение данного им слова, обещания в определенных условиях может быть использовано и против него. Существенную роль в снижении склонности к оппортунизму играет доверие. Доверие позволяет сторонам снизить издержки, связанные с предупреждением оппортунизма, т.к. другой стороне будет невыгодно нарушать свои обязательства. Поэтому укрепление доверия между сторонами служит оптимизации их отношений. Отметим, что «в брачном рынке партнеры, обладающие как привлекательными так и отрицательными качествами, вынуждены «обмениваться» этим «пакетом» в совокупности. Здесь возможная асимметричная информация может привести к будущим разногласиям в семье. Поэтому у разных народов имеются различные институты по предотвращению таких нежелательных сделок. Иногда стороны предпочитают продажу не целым пакетом, а своих отдельных наиболее привлекательных на данный момент сторон, например, красивую внешность, молодость и пр. Суммарная выгода при этом может превысить выгоду от продажи пакетом»⁴.

Таким образом, для того чтобы договоренность была контрактом должны быть выполнены: принцип свободы договора и принцип согласования интересов. Иными словами, не должно быть принуждения по отношению какой-либо из сторон договора, и стороны должны быть согласны с его условиями. Отношенческие контракты предполагают долгосрочные и сверхдолгосрочные отношения. Длительность отношений по таким контрактам связана с высокими потерями, связанными с их расторжением. Личность контрагента в таких отношениях часто имеет критическое значение. Отношенческий контракт

обладает наивысшей степенью неполноты. Семейная жизнь слишком сложна и многообразна, чтобы первоначальный негласный контракт, заключенный между сторонами, мог предусмотреть любые непредвиденные обстоятельства. Именно поэтому участники процесса будут вести переговоры уже в ходе совместной жизни. Угроза разрыва отношений действительна для сторон контракта, так что они предпочитают отказаться от нарушения взятых на себя обязательств.

Пристатейный библиографический список

1. Габитов И. М. Социально-экономические основы семьи // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГУ / Отв. ред. И. М. Сампиев. – Назрань, ООО «КЕП», 2016. – С. 64-74.
2. Габитов И. М. Экономические аспекты семьи и ее основные проблемы // IX Международная научно-практическая конференция «Инновационное развитие российской экономики». в 7 т. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2016. – С. 33-35.
3. Проблемы развития человеческого потенциала: монография / под общ. ред. Г. М. Россинской. – М.: Экономика, 2017.

⁴ Проблемы развития человеческого потенциала: монография / под общ. ред. Г. М. Россинской. – М.: Экономика, 2017. – С. 104-105.

ЙОРДАНОВСКИ Марина Александровна

магистр менеджмента, преподаватель английского языка МГИМО (У) МИД России

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ЕГО РЕШЕНИЯ

В данной статье проанализированы проблемы в сельском хозяйстве, в особенности после введения санкций. Автор изучает пути их решения, с учетом специфических особенностей сельскохозяйственной отрасли.

Ключевые слова: сельское хозяйство, санкции, импортозамещение, государственная поддержка, кредитование.

JORDANOVSKI Marina Aleksandrovna

LL.M. of Management, lecturer of the English language of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

AGRICULTURE : PROBLEMS AND WAYS OF SOLVING THEM

Problems in agriculture is being analyzed in this article, particularly after the imposing of sanctions. The author is considering ways of solving them, taking into account the specific characteristics of agriculture.

Keywords: agriculture, sanctions, import substitution, government assistance, creation of credit.

Йордановски М. А.

С давних времен Россия являлась аграрной страной, и сегодня правительство уделяет особое внимание сельскому хозяйству. Связано это с тем, что от того как функционирует эта сфера экономики зависит не только уровень жизни населения, но и продовольственная безопасность страны.

В марте 2014 г. продовольственная безопасность России оказалась под угрозой, а виной тому стали введенные санкции, принятые США, Австралией, Канадой и Евросоюзом. Основной причинной такой политики стало неприятие правительствами вышеуказанных государств политики России в отношении Украины и, в первую очередь, присоединением Крыма и Севастополя к территории Российской Федерации. 7 августа 2014 г. Россия в ответ на санкции ввела эмбарго на продовольственные товары из стран, принявших эти санкции. Изначально санкции несли политический характер, однако, впоследствии значительно повлияли и на экономику, как России, так и стран инициировавшие запрет на товарооборот между нашими государствами.

Данная ситуация в значительной мере повлияла на расстановку сил на продовольственном рынке России. В первую очередь, пробелы в поставках продовольствия были временно решены за счет поставок из Белоруссии, Новой Зеландии и Аргентины¹.

В это же время единственно верным решением было обозначение Председателем правительства России Д. А. Медведевым импортозамещение, целью которой являлось увеличение производства сельхозпродукции. В связи с этим была подписана так называемая «дорожная карта»², согласно которой к

2020 г. предполагается значительное увеличение сельхозпродукции собственного производства, и снижение зависимости от импортных товаров, например, молочной продукции с 23,6% до 16,6%, овощей с 14,6 до 10,1%³. В таблице № 1 приведена статистика импорта отдельных продовольственных товаров в Россию с 2012 по 2016 гг.

При решении поставленной задачи импортозамещения как правительство, так, в первую очередь и аграрии, столкнулись с рядом насущных проблем, а именно:

Во-первых, погодные условия. Климат в России не позволяет использовать благоприятный для обработки земли в полной мере. В России всего 30% территории с благоприятным климатом для ведения сельского хозяйства, при этом засуха или неурожай даже на этих 30% случается в среднем раз в 2-3 года, в то время как в некоторых странах Европы раз в 5 лет⁴. Несмотря на это, максимальное и правильное использование и этих территорий может обеспечить население продовольствием на 95 %⁵.

Во-вторых, недостаточное количество машин и техники, в том числе высокая степень их изношенности. Данные недостатки влекут за собой массу проблем и сложностей в осуществлении сельскохозяйственной деятельности. Дороговизна топлива не позволяет во время осуществлять необходимые работы по посеву, обработке и уборке урожая, что в свою очередь ведет к простоям техники, и, как следствие, к недополучению

1 Янён В. С. Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства в России в современных рыночных условиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-5. С. 106-108.

2 Дорожная карта это план мероприятий по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. Это первый комплексный документ, который систематизирует все основные направления реформирования государственного контроля и надзора в стране и учитывает интересы как самих надзорных органов, так и бизнес-сообщества и непосредственно граждан. См. подробнее: Распоряжение Правительства

3 Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 559-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/otkrytoe_agentsvto/open_data/open_data-1.pdf (дата обращения: 16.06.2017).

4 Введение в экономическую географию и региональную экономику России: учеб. пособие для студ., обучающихся по спец. «Финансы и кредит». В 2 ч. / под ред.: В. Г. Глушковой, А. А. Винокурова. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. Ч. 1. С. 61-67.

5 Подробно об этом см.: Официальный сайт Агроинфо. Главные проблемы сельского хозяйства России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroinfo.com/glavnye-problemy-selskogo-hozyajstva-rossii/> (дата обращения: 16.06.2017).

Таблица 1. Импорт отдельных продовольственных товаров в Российскую Федерацию, тыс. тонн.*

Наименование продовольственного товара	2012	2013	2014	2015	2016
Мясо свежее и мороженое (без мяса птицы)ф	1406	1288	455	255	224
Мясо птицы свежее и мороженое	531	527	455	255	224
Рыба свежая и мороженая	739	775	650	401	358
Молоко и сливки, сгущенные	163	220	194	205	230
Картофель свежий или охлажденный	461	448	690	553	285
Томаты свежие или охлажденные	800	856	847	668	462
Яблоки свежие	1279	1352	1050	892	677
Злаки	1142	1512	932	765	1030
Макаронные изделия	80,9	94,7	105	57,8	49,3
Соки фруктовые и овощные	264	243	237	170	184

урожая и доходности от него⁶. Однако, к счастью, в большинстве случаев благодаря частным инвестициям парк техники в данной отрасли так же стремительно начал развиваться.

В-третьих, нехватка интеллектуального капитала. За последнее время в России очень большой дефицит квалифицированных технологов, профессиональных управленцев в сфере сельского хозяйства. К сожалению, решить эту задачу только государству не под силу. Несомненно, правительство должно обеспечивать государственную поддержку развития специалистов, создать условия жизни, в первую очередь, в сельской местности для квалифицированных работников, определенную инфраструктуру, пропагандировать те или иные профессии, связанные с данной отраслью⁷. Не смотря на это, самим компаниям необходимо вкладываться в развитие работников, путем создания курсов, семинаров по повышению квалификации и усовершенствования своих навыков и умений. Привлечение к решению столь остро стоящей проблемы университетов специализирующихся на различных сферах сельского хозяйства автор считает просто необходимым.

В-четвертых, темпы роста производительность труда. По сравнению с западноевропейских государств, производительность труда в России значительно отстает⁸. Со времен современной России этот темп составляет примерно 2,2%, однако в развитых странах этот показатель значительно выше, связано это напрямую с низкими показателями механизации, ручной труд в России составляет порядка 80% , в то время как в развитых странах эта цифра значительно ниже⁹.

В-пятых, финансирование. Особое внимание финансированию сельского хозяйства уделялось и до введения санкций,

но, видимо, не в должном объеме. После их введения, значительная часть бюджета была выделена на развитие сельского хозяйства. Например, в 2016 г. в общей сложности выделено 223 млрд. рублей¹⁰.

В-шестых, применение современных технологий. Естественно, какие-то даже 10-15 лет назад количество применяемых технологий находилось на минимальной отметке. В те времена только частные компании, могли себе позволить их использование, и уделяли им особое внимание. Сегодня, ситуация складывается лучше: государственная поддержка и частные инвестиции значительно повлияли на развитие применения технологий. Проблемы, вызванные введением санкций и применением политики импортозамещения.

В-седьмых, условия кредитования. В 2014 г., когда начался так сказать «переполох», многие производители прибегнули к получению денежных средств у кредитных организаций по завышенным кредитным ставкам, который порой доходили до 35 %. К счастью на сегодняшний день такие банки, как Сбербанк и Россельхозбанк одобряют кредиты под в среднем 7%, конечно, данные кредиты субсидировались государством, которое составило 12,0 млрд рублей¹¹, иначе был бы высок показатель невозвратных кредитов¹².

Если проанализировать статистику, можно сделать вывод, что со времен введения санкций ситуация в сельском хозяйстве значительно улучшилась, особенно, что касается зерновых культур, благодаря применяемым мерам государственной поддержке, технологиям, увеличением фермерских хозяйств и так далее. К примеру, экспорт зерна с 1 июня по 30 июня 2017 года составил 2 012,2 тыс. т., что на 803,95 тыс. т. больше, чем за аналогичный период в прошлом году. В этом году ожидается рекордное количество урожая, несмотря на дождливое и холодное лето, в объеме 74 млн тонн¹³.

* Сельское хозяйство и балансы продовольственных ресурсов // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 16.06.2017).

6 Глоба О. С., Котляр И. А. Сельское хозяйство России: Проблемы и пути их решения // Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А. И. Вострцова. 2017. С. 81-85.

7 Ильин С. С. Государственное экономическое регулирование аграрной сферы АПК России: история, теория и практика: монография. М.: Социум, 2009. С. 299-313.

8 Репина Е. А. Сельское хозяйство России в рамках неблагоприятной внешнеполитической ситуации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1454146738> (дата обращения 12.06.2017).

9 Чекалин В. С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства // Мясные технологии. 2011. № 7. С. 20-23.

10 Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/27097/> (дата обращения 12.06.2017).

11 Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/27222/#sh3> (дата обращения 12.06.2017).

12 Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. Информационно-аналитический комментарий. Экономика: факты, оценки, комментарии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/DKP/> (дата обращения: 13.06.2017).

13 Королева А. Российская пшеница получила поддержку // Expert Online. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2017/07/10/pshenitsa/> (дата обращения: 13.06.2017).

Не смотря на это, все же проблемы остаются, к примеру, субсидирование сельского хозяйства государством привлекает частных инвесторов, однако, это инвестирование распределяется не равномерно, таким образом, мало кто вкладывает деньги, скажем, в сферу производства корма.

По мнению автора, основной движущей силой в долгосрочной перспективе является не закивание на импортозамещении, а переориентирование экономики на экспортное производство. Как известно, если рынок перенасыщен товаром, то понижается цена, что на мировом рынке значительно повысит конкурентоспособность продукции. На сегодняшний день переход на производство, ориентированное на экспорт наблюдается в экспорте мяса, например в 2016 году достиг 83,7 тыс. тонн, конечно в основном это мясо птицы и свиные субпродукты, так же это касается и зерновых, так в 2016 году объемом экспорта зерна составил 30 млн тонн¹⁴

Такое положение дел обусловлено ростом спроса, развитием логистической инфраструктуры, и действенными методами импортозамещения. Мы обладаем существенными резервами земли, которые при правильной обработке, применении технологий, грамотном вложении денег, наличии квалифицированных работников и управленцев, могут дать значительные результаты, обходящие даже развитые страны.

Пристатейный библиографический список

1. Введение в экономическую географию и региональную экономику России: учеб. пособие для студ., обучающихся по спец. "Финансы и кредит". В 2 ч. / под ред.: В. Г. Глушковой, А. А. Винокурова. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. Ч. 1. С. 61-67.
2. Глоба О. С., Котляр И. А. Сельское хозяйство России: Проблемы и пути их решения // Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А. И. Вострцова. 2017. С. 81-85.
3. Ильин С. С. Государственное экономическое регулирование аграрной сферы АПК России: история, теория и практика: монография. М.: Социум, 2009. С. 299-313.
4. Королева А. Российская пшеница получила поддержку // Expert Online. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2017/07/10/pshenitsa/> (дата обращения: 13.06.2017).
5. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/27222/#sh3> (дата обращения: 12.06.2017).
6. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/27097/> (дата обращения: 12.06.2017).
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 13.06.2017).
8. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. Информационно-аналитический комментарии. Экономика: факты, оценки, комментарии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/DKP/> (дата обращения: 13.06.2017).
9. Подробно об этом см.: Официальный сайт Агроинфо. Главные проблемы сельского хозяйства России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroinfo.com/glavnye-problemy-selskogo-kozyajstva-rossii/> (дата обращения: 16.06.2017).
10. Репина Е. А. Сельское хозяйство России в рамках неблагоприятной внешнеполитической ситуации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1454146738> (дата обращения: 12.06.2017).
11. Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 559-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/otkrytoe_agentsvto/open_data/open_data-1.pdf (дата обращения: 16.06.2017).
12. Сельское хозяйство и балансы продовольственных ресурсов // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 16.06.2017).
13. Чекалин В. С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства // Мясные технологии. 2011. № 7. С. 20-23.
14. Янё В. С. Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства в России в современных рыночных условиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-5. С. 106-108.

¹⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 13.06.2017).

КОРОТИНА Надежда Михайловна

аспирант Поволжского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Энгельс

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ МЕНЕДЖМЕНТА

В статье автор рассматривает методические основы управления эффективностью предприятий в тесном переплетении с системой стратегического менеджмента. Реализация стратегического подхода к управлению эффективностью предприятий аккумулирует управленческие процессы и решения, оказывающие непосредственное влияние на долгосрочную структуру и характер деятельности предприятия. Весомую роль автор отводит оценке эффективности управления предприятием, выступающей важнейшей составляющей разработки и реализации проектов развития предприятия. Автор определяет взаимосвязь между эффективностью управления и осуществлением производственной программы предприятия. Создание эффективной производственной программы предприятия базируется на функциональности механизма системы управления, комплексе методов и мероприятий, способствующих достижению главной цели деятельности предприятия.

Ключевые слова: предприятие, управленческий процесс, стратегия, стратегический менеджмент, управление эффективностью, производственная программа.

KOROTINA Nadezhda Mihaylovna

postgraduate student of the Volga Region Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Engels

PERFORMANCE MANAGEMENT PROBLEMS ENTERPRISES AND WAYS TO SOLVE THEM BY MANAGEMENT.

The author considers the methodological foundations of performance management companies closely interwoven with the strategic management system. A strategic approach to the management integrates management processes and decisions that affect the long-term structure and nature of the enterprise. Significant role the author assigns the evaluation of enterprise management effectiveness, is an important component of the development and implementation of enterprise development projects. The author defines the relationship between performance management and implementation of the production program of the enterprise. Creating an effective production program of the enterprise is based on the functionality of the control system mechanism, complex methods and activities that contribute to the main goal of the company.

Keywords: quality of products, business processes, competitiveness, forecasting methods, methodical approaches to the assessment of the competitiveness of products.

Проблема управления эффективностью предприятий продолжает оставаться актуальной на протяжении всего времени с момента возникновения первого предприятия. Однако в настоящее время, эффективность развития и дальнейшего функционирования предприятий любых отраслей российской экономики следует рассматривать в качестве одного из основных источников обеспечения стабильного и устойчивого социально-экономического развития государства, включая всевозможные его структуры и институты. Определенную значимость рассматриваемой проблеме привносит не только создание механизма поддержания экономического роста, но и недостаточная разработанность теоретико-методологического блока оценки и управления эффективностью российских предприятий.

Целью оценки эффективности, на наш взгляд, служит анализ имеющейся организационно-управленческой структуры и определения наиболее перспективных вариантов её оптимизации.

Рассматривая методические подходы к оценке и управлению эффективностью предприятий, следует уделить внимание маркетинговому инструментарию, используемому в рамках управления на предприятиях и в организациях различных сфер национальной экономики.

Коротина Н. М.

К одному из основных системных инструментов повышения эффективности функционирования любого предприятия, с позиции автора, следует отнести стратегическое управление, которое в свою очередь поддерживает долгосрочную перспективу развития организации, включая в нее определенную смысловую нагрузку. Совокупность принципов и методов стратегического управления, из которого впоследствии вытекает тактическое управление, объединяет в себе стратегический менеджмент, который предоставляет возможность для оценки различных сторон организационного процесса и сосредоточения на особенно значимых направлениях деятельности. При проведении оценки эффективности стратегического процесса в организации следует провести анализ информации о соответствии стратегии условиям внешней среды, что создаст предпосылки для формирования представления о природе возникновения трансформационных процессов во внешней деловой среде и привнесения в стратегический процесс таких элементов как этические аспекты и корпоративная социальная ответственность.

Методические основы управления эффективностью управления предприятий имеет в своей основе тесное переплетение с основами стратегического менеджмента. Область реализации стратегического подхода к управлению организационными и производственными процессами включает в

себя управленческие решения, формирующие долгосрочную структуру и характер деятельности организации (предприятия). Главными характеристиками системы стратегического управления в конкурентной среде выступают: управленческий процесс, управленческие решения, временные характеристики управленческого и производственного процессов, а также масштаб, структура организации и характер ее деятельности.

В структуре стратегического менеджмента экономисты определяют данный процесс, как системный подход к управлению стратегическими переменными, включающий позиционирование организации (предприятия) посредством стратегии.

При этом, данный подход сопровождается планированием организационных возможностей, стратегическим реагированием в режиме реального времени посредством управления проблемами и систематическим контролем сопротивлению персонала в процессе реализации стратегий.

Подобная концептуальная установка отражает так называемый адаптивный подход к стратегическому менеджменту¹. Формирование стратегий определяется тем, в какой форме организация (фирма, предприятие) предпочитает формировать стратегию и каким образом ее реализует посредством стратегического менеджмента. При этом управленческий стиль и уровень эффективности топ-менеджмента организации могут повлиять на процесс формирования стратегий в организациях

Стратегический менеджмент дает возможность организации для превентивных действий, не останавливаясь лишь на ответных шагах, что повышает уровень ее адаптационных возможностей при возникновении, как внезапных чрезвычайных ситуаций, так и ситуаций поддающихся контролю, и проявлений рисков различной природы.

Значительная часть экономистов полагает, что суть стратегического менеджмента состоит в определении фундаментальных целей организации, выборе задач, в наибольшей степени способствующих достижению данных целей, и в постоянной реализации этих функций, что как мы видим, непосредственно пересекается с сущностью экономической эффективности. Стратегический менеджмент, как и экономическая эффективность, концентрируют внимание на интегрировании управленческих способностей и таких функциональных областей, как маркетинг, финансовый учет, управление человеческими ресурсами, производственный менеджмент и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы для достижения эффективного развития организации. В связи с этим, можно сделать вывод, что стратегический менеджмент является комплексом управленческих решений, действий и процессов, способных определить долгосрочное функционирование организации (предприятия, фирмы, корпорации). Анализ стратегического менеджмента делает особый упор на мониторинг и оценку внешних возможностей и угроз в разрезе достоинств и недостатков хозяйствующих субъектов разных отраслей экономической системы.

Оценка эффективности реализации стратегий любых предприятий заканчивается на финальном этапе определении потенциала ее повышения.

А её результаты являются основой для оптимизации стратегических и оперативных решений, реализуемых на предприятии, корректировки и модернизации текущих производственных и управленческих процессов, способствующих реализации стратегических целей предприятия.

Грамотная и полная оценка стратегий предприятия в плане эффективности процесса реализации способствует не только своевременному выявлению недостатков, присутствующих при реализации стратегий предприятия, но и позволяет разработать рекомендации по корректировке мер стратегической направленности.

С позиции автора, важной составляющей стратегической направленности развития предприятия является такая характеристика как уровень конкурентной среды. Организациям (предприятиям), развивающимся и функционирующим в условиях рынка, создание достойного уровня конкурентной среды предприятия может быть достигнуто только при надлежащем управлении производственными процессами и создании эффективной производственной программы, которая играет определенную роль в маркетинге как система управления производственно-хозяйственной деятельности предприятия.

С позиции взаимозависимости производственной политики и конкурентоспособности предприятия, в экономической литературе рассматривается понятие адаптивности. Иными словами, поддержание определенного уровня конкурентоспособности предприятия, в условиях рынка, требует оперативности и адаптивности к изменениям внешней среды и воздействию её факторов, что становится возможным лишь при реализации эффективной производственной политики.

Анализ экономической литературы, проведенный автором показал, что оценка эффективности производственной политики российских предприятий в условиях динамично развивающейся рыночной системы является достаточно новым направлением и, как правило, носит описательный характер, при чем классификация методов оценки в литературе практически не встречается.

Изначально, исследование процессов управления и их эффективности рассматривалось только с точки зрения производственных процессов, но сегодня значительная роль отводится эффективности управления предприятием в контексте реализации производственной программы.

Эффективность всегда направлена на достижение определенного результата как характеристики и его соотнесение с затратами, но эффективность управления следует рассматривать как категорию направленную на организацию процесса, обеспечивающую достижение желаемого результата.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что управленческий, производственный процесс или конечный результат можно назвать эффективным лишь при условии достижения уровня социальной удовлетворенности; получения максимальных результатов при минимальных затратах; реализации стратегически значимых целей.

На наш взгляд, следует выделить следующие основные этапы формирования конкурентоспособной производственной политики предприятия, отражаемой в структуре производственной программы:

- анализ производственных процессов и технологий;
- изучение конъюнктуры рынка, спроса и предложения;
- контроль ассортимента и разработки новой продукции либо усовершенствование имеющихся образцов;
- управление жизненным циклом товара;
- дифференциация и модификация выпускаемой продукции;
- оптимизация производственных процессов и пр.

Можно констатировать, что система оценки эффективности производственной программы политики представляет собой совокупный набор критериев, характеристик и показа-

1 Баринов В. А., Харченко В. Л. Стратегический менеджмент: учебник. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 15.

телей, определяющих разнообразные аспекты деятельности производственной программы.

Система критериев оценки эффективности производственной программы предприятия основана на различных подходах. В одних отводится огромная роль конкуренции и предлагается осуществлять исследования проблем эффективности организационно-экономического механизма управления, используя формулировку «конкурентоспособность предприятия». В других² система критериев основана на оценке финансового состояния организации в рыночной системе. В-третьих, показатели, отражающие эффективность развития предпринимательских подсистем, не обобщающие, а отдельными элементами единого целого³.

Проанализировав основные подходы к оценке системы управления на предприятии (организации), автор считает необходимым создание и внедрение комплексных характеристик во избежание двойного счета и достижения объективности оценки.

В рамках определения структуры критериев эффективности производственной программы предприятия автором было осуществлено выделение четырех групп: эффективность производственной деятельности; финансовое положение предприятия; эффективность товарной политики относительно продвижения готовой продукции; эффективность товарной политики относительно закупок сырья и сбыта товара.

Рассмотренная автором система, позволяет осуществить оценку текущей производственной программы предприятия (организации), с позиции экономической эффективности базовых элементов развития предприятия: производственная деятельность, финансовое положение предприятия, продвижение продукции и сбыт товара.

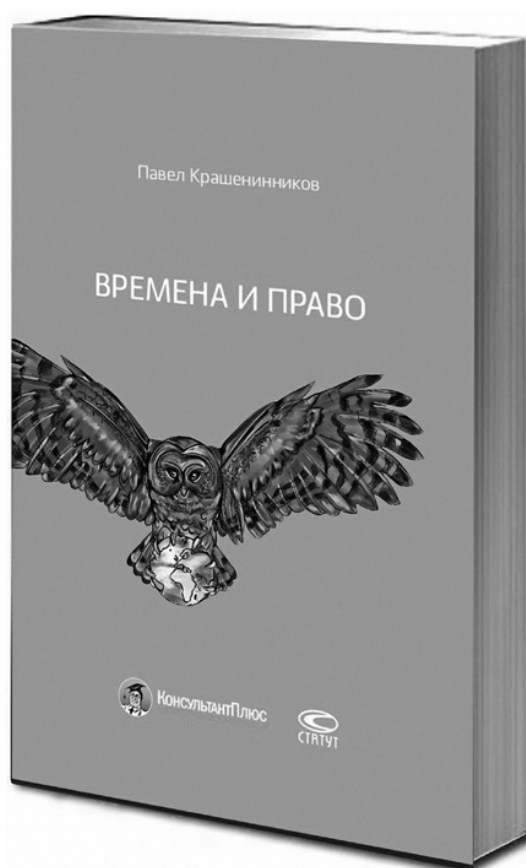
Оценка эффективности производственной программы на основе разработанной системы показателей, включает в себя основные этапы оценки хозяйственной деятельности предприятия, обеспечивая объективность получения информации относительно текущей ситуации на предприятии и его положении на рынке.

Подводя итог выше сказанному, следует отметить, что создание эффективной производственной программы предприятия базируется на функциональности механизма системы управления, комплексе методов и мероприятий, способствующих достижению главной цели деятельности предприятия (организации) в области эффективного управления производственной программой.

Предложенная автором модель управления производственной программой в качестве эффективной системы функционирования, контроля и оценки, модернизирована в соответствии с базовыми тенденциями создания и внедрения производственных программ, основанных на системе критериев и показателей. Подобная модель, дает возможность оценки существующей производственной программы на предприятии с позиции экономической эффективности.

Пристайный библиографический список

1. Асаул А. Н. Организация предпринимательской деятельности: учебник. СПб.: АНО ИПЭВ, 2009.
2. Баринов В. А., Харченко В. Л. Стратегический менеджмент: учебник. М.: ИНФРА-М, 2011.
3. Шеремет А. Д. Теория экономического анализа. М.: ИНФРА-М, 2002.

² Шеремет А. Д. Теория экономического анализа. М.: ИНФРА-М, 2002.

³ Асаул А. Н. Организация предпринимательской деятельности: учебник. СПб.: АНО ИПЭВ, 2009.

ТЮСИНА Лилия Солтановна

аспирант кафедры управления государственными и муниципальными закупками Московского городского университета управления Правительства Москвы

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В статье рассматриваются актуальные вопросы закупочной деятельности. Постоянные изменения в правовом регулировании закупочной деятельности требуют новых подходов к управлению закупками. Особого внимания и высокой квалификации от заказчика требуют риск-ориентированные подходы к управлению закупочной деятельностью на всех этапах ее осуществления. Профессионализм заказчика заключается в умении определить зону риска и свести его к минимуму. В статье перечисляются основные риски закупочной деятельности и их возможные последствия для Заказчика. Отмечается важное значение человеческого фактора и высокопрофессиональной конкурсной документации для принятия правильных управленческих решений.

Ключевые слова: закупки, управление, риск-ориентированные подходы, предотвращение рисков.

TYUSINA Liliya Soltanovna

postgraduate student of State and municipal procurement sub-faculty of the Moscow State University of Management of the Moscow Government

RISK BASED APPROACHES TO THE MANAGEMENT OF PROCUREMENT ACTIVITIES

In article topical issues of purchasing activity are considered. Continuous changes in legal regulation of purchasing activity demands new approaches to management of purchases. Special attention and high qualification demand risk from the customer – the focused approaches to management of purchasing activity at all stages of her implementation. Professionalism of the purchaser consists in ability to define a zone of risk and to minimize him. The main risks of purchasing activity and their possible consequences for the Customer are listed in article. The importance of a human factor and the highly professional tender documentation for adoption of the correct administrative decisions is noted.

Keywords: purchases, management, risk – the focused approaches, prevention of risks.

Управление закупками – сложный многофакторный процесс, требующий постоянного изучения. Интеграция управленческих новаций и постоянных изменений в правовом регулировании закупочной деятельности позволяют выстраивать новые подходы к управлению в сфере закупок. Вместе с тем, требует внимания и аспект риск – ориентированных подходов к управлению закупкой на всех этапах ее осуществления. Умение определить зону риска и предотвратить его – это одна из приоритетных задач формирования профессионализма заказчика¹. К одним из основных рисков закупочной деятельности относится ситуация, когда подрядчик во время подачи документов сильно уменьшает стоимость проекта, за счёт чего выигрывает тендер. Впоследствии, затраты на выполнение обязательств могут превысить цену, указанную в закупочной документации, что может привести к значительному уменьшению уровня качества выполняемой работы. В свою очередь, средства, появившиеся в результате такой экономии, могут не покрыть затраты со стороны заказчика, возникшие в результате получения некачественной услуги. Возникновение такой ситуации может привести к судебному иску в адрес подрядчика, что вызовет ещё большие расходы. Зачастую заказчик будет должен провести закупочную процедуру ещё раз.

Международный и отечественный опыт свидетельствует, что для борьбы с данным риском необходимо указывать не только максимальной, но и минимальную стоимость контракта, что в свою очередь значительно увеличивает выполнения контрактных обязательств на высоком уровне. Проблемой в этом вопросе остаётся уровень профессионализма и понима-

ния рыночной стоимости у заказчика при определении минимальной и максимальной стоимости закупки. Тем не менее, затраты со стороны заказчика будут меньше, чем возможные издержки, к примеру, при поставке товара низкого качества. Особого внимания заслуживают риски заказчиков при некорректных предложениях из-за стовора подрядчиков. Процедура запроса котировки, как правило, проводится на стандартные товары с устоявшимся рынком. При данной процедуре есть вероятность подачи нескольких заявок договорившимися подрядчиками, которые заранее определили, кто будет победителем, который, в свою очередь, после выигрыша тендера иногда платит часть суммы другим участникам. Так же, бывают ситуации, когда заявки подаются постольку поскольку. Процедура закупки является состоявшейся, если пришли не менее трёх заявок. Подрядчики подают заявки для сохранения количества и не заинтересованы в выигрыше тендера. При процедуре котировочного запроса нужно иметь чёткое понимание о состоянии рынка. Его можно добиться путём проведения анализа схожих закупочных процедур. И здесь остро встает вопрос профессионализма заказчика и, в том числе, уровня его управленческой компетентности – для проведения анализа, как собственных закупочных процедур, так и закупок коллег необходимы четкие управленческие решения. При понимании того, что специалист, которому поручено проведение анализа, не владеет навыками работы со статистическими данными, с большими объемами информации, не может доказать полученные результаты и др. возникает необходимость профессионального обучения, направленного на овладение умениями и навыками определения зон рисков и выстраивания управленческих матриц и алгоритмов предотвращения рисков заказчиков.

¹ Гладилина И. П. Обучение заказчиков и эффективность контрактной системы города Москвы // Вестник Университета Правительства Москвы. 2017. № 1.

В структуре международного опыта конкурентные переговоры относятся к возможно коррупционной области закупочной деятельности. Они применяются, когда заказчик не может определить, какие именно услуги ему необходимы. На эту процедуру сильное влияние оказывает человеческий фактор за счёт того, что взаимодействие происходит в живую, и все участники процедуры знают предложения своих конкурентов. Возможна договорённость между участниками о передаче контракта за определённое вознаграждение. Основные потери несёт заказчик, так как отсутствие конкуренции приводит к уменьшению уровня эффективности выполнения контрактных обязательств. Оптимальным вариантом предотвращения возможностей возникновения такой ситуации является привлечение независимого эксперта или экспертной комиссии для анализа поступивших предложений и технического задания со стороны заказчика.

Риски низкого уровня квалификации подрядчика. Дабы избежать этого риска, заказчик должен чётко и грамотно составлять требования к подрядчику, привлекать к работе экспертов, для оценки соответствия полученной документации и требований к поставляемому продукту.

Риски некорректных данных в закупочной документации. Основной причиной возникновения данного риска является недостаточная компетентность заказчика, которые фрагментарно провёл анализ рыночной ситуации и требуемой услуги, вследствие чего в техническом задании появляются неточности и ошибки, приводящие к тому, что выполнение контракта становится очень трудным, а иногда, и невозможным. В этом случае, подрядчики могут отказаться от участия в закупке, а заказчик понесёт убытки.

Устаревшие товары закупочной системе. В областях, где внедрения новейших разработок происходит быстро (например, в сфере информационных технологий), может произойти ситуация, когда из-за долгой закупочной процедуры, поставляемый товар теряет свою актуальность, так как на рынке появились более совершенные аналоги. Поэтому, при государственных закупках в быстроразвивающихся областях, необходимо применять процедуру, наименее затратную по времени проведения без потери качества предоставляемой услуги.

Непреднамеренное завышение контрактной цены. Возможна ситуация, независящая от поставщика, когда стоимость контракта возрастает от внешних причин, на которые заказчик не может оказать влияние.

В этом случае, оптимальным вариантом является использование системы cost-plus. К примеру, у Российских железных дорог в положении о закупках есть пункт, в котором говорится о том, что при согласовании с подрядчиком и наличии денежных лимитов, Департамент безопасности имеет право изменить закупочные объёмы или стоимости услуг подрядчика не более чем на тридцать процентов от закупочной стоимости.

Риски, связанные с судебными разбирательствами и штрафами. Сотрудники, ответственные за закупочную деятельность, могут пропустить ряд положений и некорректно организовать процедуру закупки. После проведения нелегитимной закупки, могут последовать штрафы и судебные разбирательства. Для избегания таких ситуаций все сотрудники, участвующие в закупочной деятельности должны иметь высокий профессиональный уровень и регулярно проходить курсы повышения квалификации.

Уменьшение уровня эффективности закупочной деятельности. Может произойти ситуация, когда сотрудник, ответственный за закупочную деятельность, проводит процедуру запроса котировок, не уделяя должное внимание качеству получаемых услуг. В этой ситуации может произойти снижения закупочной эффективности.

В аукционной и конкурсной закупочной деятельности имеет право принимать любое юридическое лицо, что приводит к увеличению уровня эффективности закупочной деятельности, т.к. чем больше подрядчиков участвует в конкурсе, тем выше уровень конкуренции. Уровень конкуренции, в свою очередь, оказывает влияние на качество поставляемых услуг и товаров и уменьшает стоимость контракта.

Также высокопрофессиональная конкурсная документация оказывает позитивное влияние на уровень эффективность закупочной деятельности, не смотря на то, что требует определённых ресурсных и временных затрат. Из-за большого количества закупочной документации и требований к предоставляемой заявке ряд подрядчиков не станет участвовать в закупочной деятельности.

Таким образом, риск-ориентированные подходы при управлении закупками могут применяться на всех этапах осуществления закупки и способствуют быстрому определению возможных зон рисков и принятию управленческих решений, направленных на их предотвращение.

Пристатейный библиографический список

1. Гладиллина И. П. Обучение заказчиков и эффективность контрактной системы города Москвы // Вестник Университета Правительства Москвы. 2017. № 1.
2. Гладиллина И. П., Сосонов Д. С. Организационно-управленческая модель предотвращения социальных рисков при осуществлении закупок в сфере строительства // Евразийский юридический журнал. 2017. № 5.
3. Дегтев Г. В., Гладиллина И. П., Яценко В. В. Действия специалиста в сфере закупок при возникновении проблемы // Инновации и инвестиции. 2017. № 5.
4. Дегтев Г. В., Калина И. И., Юренко Н. А., Гладиллина И. П. Управление закупками в сфере образования столичного мегаполиса. Монография // Чехов: ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы», Центр образовательного и научного консалтинга, 2016. 170 с.

НОВОСЁЛОВА Ирина Игоревна

соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОМПАНИЙ

Статья посвящена факторам, влияющим на активизацию и усиление инновационной деятельности современных компаний. Особо отмечается важность их выявления каждым экономическим агентом в процессе хозяйствования для обеспечения возможности перехода на новый уровень адаптивных и функциональных способностей, сохранения рыночной жизнеспособности.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, факторы развития, современные компании.

NOVOSYOLOVA Irina Igorevna

competitor of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

KEY FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE OF MANAGEMENT OF MODERN COMPANIES

The article is devoted to factors influencing the activation and strengthening of innovative activity of modern companies. Especially to indicate the importance of identifying each economic agent in the process of management to enable the transition to a new level of adaptive and functional abilities, maintain market viability.

Keywords: innovation, innovative activity, development factors, modern companies.

Введение

Современный рынок сформирован самыми разнообразными компаниями, начиная от небольших и заканчивая поистине крупными. У каждой из них в процессе развития на повестке дня встает вопрос о важности инноваций, как стратегическом «средстве роста» для бизнеса.

Каждое новое поколение менеджеров высшего звена со знанием дела вступает на неоднократно изведанный путь поиска инноваций, которые способны перевернуть мир. Однако, на этом пути их подстерегают уже знакомые препятствия, сдерживающие ожидаемый рост, когда, изначально взявшись за трудоемкие и дорогостоящие разработки, не удается создать «подвижное равновесие» между поддержанием существующих источников доходов и созданием новых источников доходов от инновационной деятельности.

При возникновении условий, связанных с ужесточением конкуренции, компании в погоне за сокращением издержек, первое к чему прибегают – это сворачивают инновационные проекты, тем самым заглушая хрупкие ростки инновационных идей, которые не работают на сиюминутный эффект, а ориентированы на перспективу эффективной деятельности в будущем.

В вопросах реализации инновационных проектов необходимо остерегаться резких оценок, связанных с их немедленной эффективностью, а тем более на их основе пытаться построить стратегии осуществления, которые с большой вероятностью заведут данные проекты в тупик. Во главу угла должны быть поставлены особые условия организационной, структурной и кадровой сред компаний, а также приняты во внимание конъюнктурные условия, оказывающие влияние на диффузию инновационных идей и импульсов по рыночным и нерыночным каналам до конечного потребителя.

Привлекательность действий в процессе осуществления инновационной деятельности для компаний должна строиться не просто на заинтересованности в R&D-знаниях, как в стремлении следовать отраслевой моде, а на твердой позиции в потребности создания инициатив, способных объединить та-

кие направления бизнес-деятельности, как производство, маркетинг, дистрибуция.

Научившись предопределять барьеры для инноваций – идей, работающих на будущее, и, выявляя условия, обеспечивающие их преодоление, как внутри компании, так и со стороны регулирования рынка, процесс эволюционного развития, который означает технологический прорыв, станет возможным¹.

Основные положения

В академической литературе отмечается, что современный этап мирохозяйственного развития характеризуется ускоренными темпами научно-технического прогресса и возрастающей интеллектуализацией основных факторов производства. Под влиянием возрастающей внутренней и внешней конкуренции инновации становятся важнейшим элементом для компаний, ориентированных на стратегический успех.

Инновационная деятельность представляет собой движущую силу, помогающую преодолевать экономический спад, обеспечивать структурную перестройку и насыщающий рынок различной конкурентоспособной продукцией. Однако внедрение инноваций в практику компании, как отдельного экономического агента, затруднительно без знания факторов способных затормозить или ускорить инновационные процессы.

С экономической точки зрения, если рассматривать организацию, как систему, находящуюся в постоянной взаимосвязи с внешней средой, то можно условно выделить две укрупненные группы факторов: внешние и внутренние².

Внешние факторы отражают общеэкономические условия деятельности предприятия, то есть сложившееся состоя-

1 Алехин Э. В. Исследование социально-экономических и политических процессов: учебное пособие. – Пенза, 2008. – 163 с.

2 Трифонова Ю. А., Лизина О. М. Диагностика состояния инновационного потенциала предприятия // КОНТЭНТУС. – 2015. – № 11. – С. 139-151.

ние экономики и уровень ее развития, а также политические и правовые аспекты.

Внутренние факторы подразделяются на следующие самостоятельные группы: экономические и технологические, социально-психологические и культурные, организационно-управленческие. Рассмотрим их более подробно.

Отрицательное влияние факторов экономической и технологической группы заключается в недостатке средств для финансирования инновационных проектов, слабости научно-технической и материальной базы, отсутствии резервных мощностей, а также доминировании интересов текущего производства. При этом наличие резерва материально-технических и финансовых средств, необходимых хозяйственных и научно-технических инфраструктурных объектов, а также прогрессивных технологий способны в значительной степени повысить конкурентоспособность любой компании.

Социально-психологические и культурные факторы, прежде всего, влияют на сотрудников компании. Их негативной стороной являются сопротивление переменам, вызывающим впоследствии изменение статуса сотрудника, необходимость осуществления поиска новой работы или же значительную перестройку уже устоявшихся способов деятельности, а также нарушение сложившихся традиций и стереотипов поведения, боязнь неопределенности и неудач. В то же время данные факторы способны морально поощрять участников инновационного процесса, обеспечить общественное признание и сформировать условия для самореализации, создать нормальный психологический климат в трудовом коллективе³.

К негативным организационно-управленческим факторам относят устоявшуюся организационную структуру компаний, излишнюю централизацию, авторитарный стиль управления, ведомственную замкнутость, трудности в межотраслевых и межорганизационных взаимодействиях, жесткое планирование, ориентацию на сложившиеся рынки, ориентацию на краткосрочную окупаемость и сложности в согласовании интересов всех участников инновационного процесса. Положительными импульс – факторами этой группы являются гибкость организационной структуры компании, демократичный стиль управления, возможность самопланирования и осуществления корректировок, децентрализация, автономность, а так же возможность формирования целевых рабочих групп.

Наибольшее влияние на инновационные процессы для современной компании оказывают политические и правовые факторы. Их негативное влияние заключается в ограничениях со стороны амортизационного, налогового, антимонопольного и патентно-лицензионного законодательства. Они сдерживают инновационные процессы компаний в связи с высоким уровнем неопределенности и высоким уровнем риска осуществления проектно-изыскательских работ. Вместе с тем, законодательные меры, в частности льготы и государственная поддержка инноваций, наоборот, призваны поощрять инновационную деятельность компаний⁴.

Важно отметить, что при рассмотрении факторов, влияющих на инновационную деятельность, прослеживается тесная взаимосвязь отдельных групп факторов между собой и их сложность в каждой рассмотренной группе. Так, факторы одной группы могут проявляться через другие факторы. Сле-

довательно, учет влияния инноваций также важен при прогнозировании динамики развития предприятия. От уровня инновационной активности, масштаба и характера применения инноваций на всех стадиях инвестиционного цикла зависит эффективность деятельности компании и отрасли в целом.

Особо значимо, что на сегодняшний день в прогностических моделях деятельности российских бизнес-субъектов ключевым представлениям об инновациях уделяется значительное внимание.

В этой связи масштабы российской инновационной деятельности заметно расширились. Об этом можно судить, анализируя данные Национального доклада об инновациях 2016 года. Так, за последние два года произошло улучшение инновационной среды, а именно улучшились национальные позиции в рейтингах «Global Innovation Index» (наблюдается рост с 48-го до 43-го места) и «Global Competitiveness Index» (наблюдается рост с 45-го до 43-го места)⁵.

Также улучшились условия деловой среды для всех видов компаний, которые по своей сути являются основными факторами, формирующими благоприятную среду для инновационного развития.

В подтверждение этому приводятся сведения о российских позициях в рейтинге «Doing Business». За прошедшие 5 лет Россия продвинулась вверх со 123-го места в 2011 году до 51-го в 2016 году, то есть сократила отставание на 72 пункта или 2,41 раза от стран-лидеров⁶. При этом динамика данных стран-лидеров в улучшении условий ведения бизнеса также возросла, более чем вдвое.

Вместе с тем, как отмечается в докладе, увеличения инновационной активности вслед за положительной динамикой улучшения инновационной среды не последовало, то есть способности компаний применять результаты инновационной деятельности для получения выгод, остались недоиспользованными.

Безусловно, вопросы развития инновационной деятельности для национальной экономики находятся в фокусе внимания ключевых государственных инициатив. Имеется общее понимание, что недопустимо сохранение нулевого экономического роста на протяжении нескольких лет, в то время как зарубежные развитые и развивающиеся рынки, пусть медленно, но продолжают расти. Таким образом, усилия по развитию инновационной деятельности на текущий момент оправданы, поскольку необходимо продолжать двигаться вперед, только чтобы не оставаться на месте. В противном случае российская экономика будет спускаться все ниже в мировом рейтинге при одновременном сокращении производственно-ресурсных возможностей.

С учетом существующих возможностей и ограничений, условия среды, воздействующей на инновации, в целом, должны использоваться на всех уровнях хозяйствования. Сохраняя главные функциональные рыночные зависимости в отношении направлений инновационной деятельности, любая фирма способна создавать и применять разнообразные изменения в методах своей деятельности, использовании факторов производства и типах продукции, повышающие ее производительность, коммерческую результативность.

При этом ключевая ценность для компаний в познании таких изменений, по мнению американского экономиста, спе-

3 Герасимова Е. А. Особенности управления инновационно-ориентированными предпринимательскими структурами // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2 (34).

4 Максимов Н. Н. Основные принципы и задачи инновационной деятельности организаций в современных условиях // Молодой ученый. – 2013. – №10. – С. 344-347.

5 Национальный доклад об инновациях в России 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvc.ru/upload/RVK_innovation_2016_v.pdf.

6 См. Там же. – С. 16.

циалиста в области инновационной деятельности Эрика фон Хиппеля, должна заключаться в интересе увидеть инновационные идеи успешно воплощенными.

В конечном итоге, на пути осуществления инновационной деятельности возникают ситуационные факторы, замедляющие такую деятельность либо отрицательно влияющие на нее. Как отмечалось выше, сюда следует отнести экономические факторы, к примеру, высокие цены или отсутствие спроса, факторы, специфические для конкретного предприятия, например недостаток квалифицированного персонала или знаний, либо законодательные факторы, такие как налоговые установления.

В условиях, когда государственные модели экономического развития, подвергаются серьезным испытаниям в процессе глобального инновационного соревнования, вопросы управления инновациями выходят на первый план.

При оптимальном сочетании коммерческих интересов, условий хозяйствования и гибком планирования и контроле инновационных проектов, влияние от осуществления инновационной деятельности на результаты компаний может простирается от влияния на объемы продаж и, как следствие, на размеры занимаемого рыночного сегмента, до изменений производительности и технологической эффективности. В свою очередь, на отраслевом мезоуровне и государственном макроуровне важным проявлением станет изменение конкурентоспособности и общей производительности факторов производства в международном масштабе, впоследствии перетекающее в передачу знаний об инновациях на уровень отдельного экономического агента и увеличению объема инновационных знаний, вращающихся в предпринимательских сетях.

Пристатейный библиографический список

1. Алехин Э. В. Исследование социально-экономических и политических процессов: учебное пособие. – Пенза, 2008. – 163 с.
2. Герасимова Е. А. Особенности управления инновационно-ориентированными предпринимательскими структурами // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2 (34).
3. Инновационный менеджмент / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 206 с.
4. Кристенсен Клейтон М. Дилемма инноватора / Клейтон М. Кристенсен. Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 239 с.

5. Максимов Н. Н. Основные принципы и задачи инновационной деятельности организаций в современных условиях // Молодой ученый. – 2013. – № 10. – С. 344-347.
6. Наука, технологии и инновации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uis.unesco.org/en/topic/research-and-development>.
7. Национальный доклад об инновациях в России 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvc.ru/upload/RVK_innovation_2016_v.pdf.
8. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям (Руководство Осло). Совместная публикация ОЭСР и Евростата. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/.
9. Самуэльсон Пол Э., Нордхаус, Вильям Д. Экономика / Пол Э. Самуэльсон, Вильям Д. Нордхаус; Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2015. – 1360 с.
10. Трифонова Ю. А., Лизина О. М. Диагностика состояния инновационного потенциала предприятия // КОНТЭНТУС. – 2015. – № 11. – С. 139-151.

ВИЛЬДАНОВ Ханиф Салимович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ДЕРКАЧ Владислав Вячеславович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПРИРОДА ИДЕАЛА И ЦЕННОСТЕЙ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена проблемам исследования природы идеала и ценностей. Авторы анализируют научно-теоретические подходы к проблеме идеала и ценностных ориентаций, их связь с человеком и обществом, раскрывают проблему природы идеала и ценностей, показывают как возникают ценностные феномены и как эти феномены создают социальные механизмы их функционирования.

Ключевые слова: идеал, ценности, объективная и субъективная природа идеала и ценностей, индивидуальное и общественное сознание.

VILDANOV Khanif Salimovich

Ph.D. in Philosophy, professor, Head of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

DERKACH Vladislav Vyacheslavovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

THE NATURE OF IDEAL AND VALUES AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

The article is devoted to the problems of studying the nature of the ideal and values. The authors analyze the scientific and theoretical approaches to the problem of the ideal and value orientations, their relationship with man and society, reveal the problem of the nature of the ideal and values, show how value phenomena arise and how these phenomena create social mechanisms for their functioning.

Keywords: ideal, values, objective and subjective nature of the ideal and values, individual and public consciousness.

Вильданов Х. С.

Деркач В. В.

Идеал, как ценностная ориентация, как и всякое философское понятие, получает свое конкретно-содержательное определение в рамках той или иной философской системы. Существует в философской литературе множество самых различных определений идеала как ценности, но функция всех без исключения заключается в одном: быть прообразом совершенства. В объяснении предпосылок их возникновения и существования мнение всех философов сходятся: человек в силу своей душевно-духовной конституции без идеала и их ориентирующих функций не может организовать своего существования. Идеал и ценности для человека и руководство к действию, и цель этого действия. Чтобы человек социализировался, он обязательно должен соотнести свою предметно-практическую жизнь с тем или иным идеалом и ценностью конкретного общества.

В западной, в том числе и отечественной, философской литературе сложились три научно-теоретического подхода к проблеме идеала и ценностных ориентаций, на их связь с человеком и обществом.

Первый подход, исходя главным образом из противопоставления личности и общества, из абсолютизации индивидуально-личностного начала в противоположность общественному, считает, что общественные идеалы и система ценностей не нужны и не должны быть в человеческой жизни. В западноевропейской философии подобная позиция отрицательно относится к общественным идеалам и системе ценностей

сформулировал Ф. Ницше. Он свое критическое отношение к общественным идеалам и ценностям объяснял тем, что «целью должно быть, чтобы каждый развивал и осуществлял свой идеал, свой индивидуальный идеал». Именно только в индивидуальных идеалах и ценностях человек проявляется в полной мере и его личные страсти приобретают «возвышенную форму»¹. Согласно Ф. Ницше общественные идеалы и ценности подавляют внутренний сверхчеловеческий потенциал личности, ограничивая ее возможности «слишком человеческим».

В отечественной философской мысли подобное отношение к общественным идеалам встречается у М. Мамардашвили. Он полагает, что идея счастья каждого человека есть явление уникальное, несовместимое с заранее данным образом, включая образ какой-либо новой социальной системы. Всякий акт человеческой свободы заключается в том, чтобы порвать с законами причинности, то есть условно заданными правилами, по которым решается проблема каждой отдельной ситуации². Всякая идеократия, по его мнению, противостоит тому, во что верит или не верит человек, существующий в определенной социальной системе. Отсюда у М. Мамардашвили следует отрицательное отношение к той постоянной увлеченности идеалом и специфическими ценностями, которая характерна для

1 Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск: ВОЛЯ, 1991. С. 229-230.

2 Мамардашвили М. К. Мысль под запретом // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 106.

«русской души»: русский человек «всегда устремлен к какой-нибудь мистической цели», в его жизни всегда присутствует некая цель, к которой стремятся все...»³. Такое «мистическое» видение русского народа связывается М. Мамардашвили с той особенностью всей православной культуры, которая, в отличие от европейской, не базируется на идее завершенности, идее придания устойчивой формы всему, что есть в реальной политической и духовной жизни, и потому вся православная культура не видит воплощения идеала и ценностей в какой-либо одной вещи или форме. Оттого вся ответственность за дела, поступки людей, на его взгляд, делегируется при этом именно идеалу, ценностно ориентирующим понятиям, цели, определяющим и организующим весь социально-политический процесс, называемый им, как и сам идеал, мистическим. На основе своей приверженности к идее абсолютной личностной свободы человека М. Мамардашвили выстраивает концепцию отрицания положительной значимости общественных идеалов и ценностей в организации социального пространства и их оправданности в духовной жизни общества.

Второй подход в отличие от первого, отрицающего необходимость общественных идеалов и ценностей, признает их роль в жизни общества. При этом главной идеей данного подхода является мысль о необходимости общественных идеалов и ценностей в определенные периоды общественного развития. Придерживаясь подобного понимания роли общественных идеалов и ценностей Х. Ортега-и-Гассет, отмечает: «Есть и эпохи, когда люди любят, ненавидят, стремятся к чему-то, отвращаются от чего-то, и всё это горячо, страстно; зато идеи, мнения почти отсутствуют. Но в великие исторические эпохи человечество живёт идеями; это эпохи общественного мнения, духовного порядка»⁴. Условием и предпосылкой возникновения необходимости общественных идеалов и ценностей в организации социальной действительности выступают масштабные кризисы, потрясения национального, государственного или мирового уровня, требующие участия каждого члена общества в социальных преобразованиях. Согласно данному подходу, в условиях стабильной и уравновешенной жизни человека в рамках определенной общественной жизни отпадает необходимость в социально значимых идеалах и ценностях.

Как понятно уже из двух предшествующих подходов к общественным идеалам и ценностям, третий подход основывается на утверждении их постоянной необходимости в жизни каждого человека и всего общества. Данный подход разумную организацию социальной действительности связывает со степенью функциональности общественных идеалов и ценностей. Согласно И. Канту, признанные обществом идеалы и ценности выступают как «необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного»⁵. Подобное определение роли общественного идеала и ценностей в социальной сфере объясняет превращение последних в ориентиры и целеполагания, которые призваны способствовать организации жизни человека и общества по определенным критериям.

В рамках третьего подхода, признавая роль идеала как ценностной ориентации, Э. Ильенков идеалы рассматривает с другого ракурса. Он не отрицает роль идеала в общественной

жизни, но ставит под сомнение их реализуемость. «Человек в виде идеала может иметь только направление на истину, а самую истину – никогда. А сам идеал может быть задан не в виде чувственно-созерцаемой «модели совершенства», а только в виде направления к совершенству, в виде «регулятивного принципа действий», а не в виде контура результата действий, контура законченного продукта»⁶. Такой плюрализм подходов к идеалу обуславливается тем, что у каждой философской системы свои собственные догмы, свои собственные формулировки, свой собственный метод «достижения» истины.

Природа идеала и ценности такова, что идеал и ценности не могут быть фактом действительности, ибо их реализация принципиально недостижима. Идеал и ценностно ориентирующие понятия как добро, зло, справедливость в лучшем случае могут выступать только как «идея» регулятивного порядка, то есть как то, что направляет на цель, чем выражает результат движения. В большинстве своем изучение идеалов и ценностей, как духовно ориентирующих понятий, стали гораздо более важными, чем исследование исконной человеческой природы, его экзистенции, «самости». Во всех трех подходах к общественному идеалу и ценностям выделяется приоритет последних в структуре человеческого бытия, что проявляется в отождествлении человека с идеями и ценностями. Даже в первом подходе, в критике роли и значения общественных идеалов и ценностей, формируется новый идеал, основанный на отрицании общественного идеала.

Каждый концептуальный подход к проблеме общественного идеала как ценностной ориентации может быть логически выверена, обоснована множеством исторических фактов и примеров, но эти подходы не дают ответа на основной вопрос о природе идеала как ценностной ориентации, которая создает предпосылки его постоянной трансформации, его динамичной подвижности в шкале человеческих потребностей и интересов. Найдутся множество примеров, обосновывающих истинность каждого подхода. В истории человечества были события консолидации общества вокруг определенного идеала, будь это равенство людей, освобождение страны, или наоборот можно перечислить целые культуры и цивилизации, проповедующие ценность индивидуальной свободы и личностной самобытности, не говоря уже о кантовской максиме, которой свою жизнь посвящали конкретные исторические личности. Каждая конкретная историческая эпоха, каждое общество могут быть характеризованы определенной совокупностью идеалов как ценностных ориентаций, выстраивающихся в иерархическую систему и выступающих в качестве механизмов социальной регуляции. В историческом развитии общества идеалы как ценностные ориентации проявляют свою динамичность, появляются, исчезают или трансформируются. В этом плане вся совокупность сфер человеческой деятельности, общественных отношений, включающие в себя и природные явления, основываясь на оценочном восприятии субъекта и рассматриваясь в дихотомии добра и зла, справедливого и несправедливого, истины и неистины, содержит потенциально качество идеала и ценности. Любое явление природного или субъективного характера изначально объективно ценностно нейтрально, а черты идеала приобретает сообразно оценочного восприятия субъекта. Поэтому можно сказать, что между такими полюсами, как добро и зло, истина и неистина, справедливое и несправедливое находится так называемая «сво-

3 Там же. С. 112.

4 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 128.

5 Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1963. С. 347.

6 Ильенков Э. Об идеалах и идеалах. 2-е изд. К.: «Час-Крок», 2006. С. 312.

бодная воля свободного человека», которая определяет путь данного человека.

Отметим, что идеал, как представление о добре или зле, истине или неистине, ценностях или неценностях выполняет регулятивную роль в ориентации человека в действительности, обусловленной национальностью, культурой, традицией, обычаями, религией, языком, классовой принадлежностью, воспитанием, образованием и всякого рода условностями. Такая обусловленность становится предпосылкой идеала, формируя авторитет учителей и книг, порождает законы, шаблоны, нормы. В этом, собственно, и состоит суть проблемы идеала как ценности, а именно как возникают ценностные феномены, и как эти феномены создают социальные механизмы их функционирования. Сложившиеся в философии теории и подходы о природе и источниках идеала не объясняют динамичность и трансформационный потенциал идеала – одно и то же явление или его качество в различные исторические периоды или в различных обществах может нести в себе противоположный статус в иерархии системы ценностей субъекта. На эти вопросы нет однозначных ответов и они зависят от позиции того или иного исследователя. Но однозначно, что все эти вопросы имеют определенный, конкретно-исторический смысл.

Наиболее общий ответ связывает идеалы и ценности, их источники тем, что К. Ясперс называл «духовной ситуацией времени», – основанием нашего мышления, настроения и действия, которое создается наукой, философией, общественной практикой. Эта ситуация, однако, настолько многозначна, что позволяет выводить идеалы и связанные с ним ценности и непосредственно из чистого, априорного мышления, и из реальных состояний, тенденцией развития общества. Подобное объяснение не раскрывает вопрос о природе идеала – объективна она или субъективна. Постигание природы идеала осложнено многими факторами: отсутствием единого критерия для множества разнородных предметов, универсальностью и размытостью границ категорий идеал и ценность, проблематичностью вопроса об источнике идеала и ценности.

Объективную, материалистическую позицию об идеале и его аксиологическом статусе точно выразил создатель логотерапии В. Франкл. Он писал о том, что для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен знать, что его действия имеют смысл. Он ставил вопрос не об идеалах и ценностях вообще, а об идеалах и ценностях конкретной личности. «Ставить вопрос в общем виде – все равно что спрашивать у чемпиона мира по шахматам: скажите маэстро, какой ход самый лучший?»⁷. Таким образом, материалистический взгляд В. Франкла на идеал и ценности предполагал поиск ее в земном существовании. Материализм считал, что ни человечество в целом, ни отдельный человек не созданы как средство для реализации чьих-то целей. Не существует сил, ставящих перед человеком цели и задачи. Идеалы не заданы историей, их ценность не определяется расположением звезд или еще чем-то. Сами люди – авторы идеалов, наделяющие их ценностным статусом. Признавая тот факт, что человек является автором идеала и наделяет его ценностным статусом, невозможно раскрыть объективную природу идеала. Поэтому в рамках материалистической концепции появляется понятие цели, которое предполагает в качестве условия познания наличие того, что материальным не является. Этим нечто в материалистической концепции становится сознание человека, способное отражать и воспроизводить идеалы и наделять их аксиологическим статусом. В результате объективное не объяснено, остается лишь субъективное.

И Кант, как известно, считал, что «категорический императив» – в морали, «запрет противоречий» – в науке имеют субъективный, трансцендентный источник; это результат синтетический, гармонизирующий функции человеческого разума. Такой взгляд – выведение ценностей из чистого разума близко соприкасается с их выведением из общей, то есть «чистой» абстрактной природы человека или, точнее, из так называемых архетипов человека. Такой подход свойствен многим представителям и сторонникам антропологической философии, а также «аналитической психологии».

Следует выделить несколько аспектов, в которых проблема идеала и его аксиологический статус предстает перед исследователем. В зависимости от позиции рассмотрения формируются представления об идеале.

Первый аспект рассмотрения связан с обоснованием социальной природой человека и необходимостью создания приемлемых условий его сосуществования с остальными членами общества. В данном случае идеал выступает как внешний фактор, оказывающий влияние на физическое и духовное становление человека. В процессе социализации человек осваивает не только те нормы и условия совместной жизни, которые обеспечивают первичные предпосылки сосуществования, но и приобщается к тем целям и общим интересам, которые выступают направлением развития общества и обеспечивают идейное социальное целое социума.

Второй аспект – это отношение индивидуального сознания к явлениям и событиям, та форма, в которой индивидуальное сознание отражает тенденции собственного развития. В этом случае идеал и связанные с ним ценностные ориентации выступают внутренним фактором, опосредованным субъективным сознанием. Фактором обусловленности выступает сам человек, который мыслит в понятиях идеала и ценности. Благодаря интеллектуальной человеческой деятельности, субъект может иметь перед собой идеальное, еще не существующее состояние предмета или явления, принять решение воссоздать эти предметы и явления в качестве предполагаемой действительности, а также определить критерии совершенства для оптимальной реализации своей цели.

Особенность третьего аспекта связана со стремлением объяснить идеалы не через социальную или индивидуальную природу человека, а специфической природой человеческого ума. Человеческий ум, благодаря количественному аналитическому подходу (С. Кьеркегор), мыслит противоположностями и утратил свою способность видеть все в единстве. Рассматривая окружающую действительность такими дихотомиями, как добро и зло, ценность и неценность, истина и неистина, человек возводит границы, где одним полюсом становится идеал. Любой предикат дихотомного суждения есть акт оценивания или состояние интереса субъекта, а не свойство объекта, как такового.

Пристайный библиографический список

1. Ильенков Э. Об идолах и идеалах. 2-е изд. К.: «Час-Крок», 2006.
2. Кант И. Соч. в 6 т. т. 3. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1963.
3. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 106, 112.
4. Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск: ВОЛЯ, 1991. 304 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 128.
6. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. М., 1982.

7 Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. М., 1982. С. 126.

СКРЫПНИКОВ Андрей Васильевич

доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина

НАГИЕВ Гаджирагим Гаджикерим оглы

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРИНЦИПЫ СТАНОВЛЕНИЯ, ПУТИ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена вопросам формирования и развития гражданского общества в современных условиях социально-экономического, политического и культурного развития России. Проблемы формирования и перспективы развития гражданского общества в России являются предметом оживленных дискуссий, как ученых, так и широкой общественности. России, чтобы стать демократической страной, надо развиваться по пути становления, формирования гражданского общества. В этом процессе велика роль государства. Государственная власть должна обеспечить развитие институтов гражданского общества, создать условия для их эффективного функционирования. Гражданское общество и государство должны развиваться, дополняя друг друга, преодолевая возникающие противоречия между государственными и гражданскими институтами. Проблема построения гражданского общества появилась с возникновением государства и не является решенной, по сей день.

Ключевые слова: гражданское общество, современная Россия, правовое государство, политическая система, демократия, некоммерческие организации, неправительственные организации, политические партии, общественные организации, негосударственные институты.

SKRYPNIKOV Andrey Vasiljevich

Ph.D. in historical sciences, professor of Philosophy and social-humanitarian sciences of the K. I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MVA

NAGIEV Gadzhiragim Gadzhikerim ogly

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy and social-humanitarian sciences of the K. I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MVA

MODERN RUSSIA AND CIVIL SOCIETY: PRINCIPLES OF FORMATION, WAYS OF DEVELOPMENT

The article is devoted to questions of formation and development of a civil society in modern conditions of social and economic, political and cultural development of Russia. The problems of formation and prospects for the development of civil society in Russia are the subject of lively discussions, both among scientists and the general public. Russia, in order to become a democratic country, it is necessary to develop along the way of formation, formation of a civil society. In this process, the role of the state is great. State power should ensure the development of civil society institutions, should ensure their effective functioning. Civil society and the state must develop, complementing each other, overcoming the emerging contradictions between state and civil institutions. The problem of building a civil society has emerged with the emergence of the state and is not resolved, to this day.

Keywords: civil society, modern Russia, rule of law, political system, democracy, non-profit organizations, non-governmental organizations, political parties, public organizations, non-state institutions.

Гражданское общество – система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей.

К. Маркс, Ф. Энгельс

Попадающее большинство ученых рассматривают гражданское общество как особую внесударственную систему общественных структур, институтов, отношений, выражающих разнообразие ценностей, интересов и потребностей людей. Государство без развитого гражданского общества не может быть демократическим. Вопрос о взаимоотношении власти и общества стоит в центре внимания, и он явился причиной мно-

гих социальных, политических конфликтов и революций. Эта проблема актуальна и в настоящее время, так как, несмотря на разработанность данной тематики до сих пор не существует четкого и однозначного определения гражданского общества, не говоря уже о процессе его формирования.

Научный анализ закономерностей, тенденций и перспектив становления и развития гражданского общества является одной из важных и в то же время сложных проблем в современной социальной философии. Гражданское общество как важнейшая составляющая политической системы демократического типа создает условия для реализации гражданских прав и свобод.

Будучи, гражданское общество выступает в качестве значимой социальной практики, посредством которой граждане

Скрыпников А. В.

Нагиев Г. Г.

реализуют свои права и свободы, получают возможность противостоять авторитарным наклонностям государства.

Гражданское общество характеризует всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения, не обусловленную деятельностью государства и его органов.

Вопросы о путях становления гражданского общества в России, весьма актуальны, поскольку данный процесс является основной движущей силой в процессе политической модернизации страны, демократического преобразования общества. Именно при гражданском обществе развивается самостоятельность и политическая активность граждан, воплощается их реальное участие в жизнедеятельности государства, политики.

Само понятие «гражданское общество» и генезис этого явления, тем более наличие этого интересного и сложного феномена в России до сих пор вызывает горячих и противоречивых споров. Существует широкий разброс мнений о понятии «гражданское общество». Оно относится к категории явлений, в осмыслении которых, пока не достигнута необходимая теоретическая ясность. Однако в целом принято, что гражданское общество – это сфера жизнедеятельности людей, свободная от непосредственного вмешательства со стороны государства и его должностных лиц, где требуется определенная культура, утверждающая ценности прав и свобод граждан, равенства всех перед законом, толерантности, демократии, способствующая формированию у каждого человека активной жизненной позиции и высокой гражданской ответственности.

Гражданское общество проявляет себя через неполитические добровольные общественные организации и союзы граждан, созданные для отстаивания своих интересов и ценностей без непосредственного вмешательства государства. Эти организации отражают разнообразные социальные, групповые интересы, имеют собственные механизмы саморегуляции, самоуправления и самофинансирования. Гражданское общество вырастает из чувства социальной ответственности – стремления гражданина самостоятельно, либо в кооперации с другими гражданами брать на себя решение своих и общих проблем, не сваливая их на государство.

Социальный прогресс в России невозможен без ответственного гражданского общества, умеющего критиковать и контролировать власть, заставляющего работать ее в своих интересах¹. «...Великой целью гражданского общества является счастье индивидов: ибо, как может благоденствовать общество, если каждый из составляющих его членов является несчастным?»² – писал великий шотландский философ-моралист А. Фергюсон (1723-1816).

Большинство современных исследователей, опираясь на старый подход (Гегель противопоставлял гражданское общество, как частное сословие, политическому государству), противопоставляет гражданское общество государству. Однако, на наш взгляд, учитывая относительную самостоятельность государства и гражданского общества, как относительно независимые сферы частной и публичной общественной жизни необходимо осознать неразрывную диалектическую взаимосвязь и взаимозависимость между ними.

Внутренне противоречивое гражданское общество, со своими многообразными творческими и корпоративными и иными объединениями и ассоциациями граждан, нуждается

в поддержке государства (сильного государства). Государство должно создавать правовые, экономические, политические и культурные предпосылки для самореализации людей, выступать инициатором и гарантом поступательного развития гражданского общества, осуществлять контроль за соблюдением нормативного порядка в обществе, защищать свободы и права личности.

Государство не должно управлять добровольными объединениями граждан, быть патронажем над самоорганизующимися структурами гражданского общества, что неизбежно приводит к контролю над ними, «разрушая на корню их самоорганизационную свободу»³.

Именно правовое государство обеспечивает условия, в рамках которых реализуется защита прав граждан от всякого произвола и безразличия государственных и правительственных структур. Более совершенные компоненты гражданского общества складываются при правовом государстве, самосознание свободных людей, как главный фактор находит свое воплощение в государстве с демократическими традициями.

Гражданское общество требует определенной культуры, утверждающей ценности прав и свобод граждан, равенства всех перед законом, толерантности, демократии. Культура гражданского общества должна одновременно помогать формированию у каждого человека активной жизненной позиции и высокой гражданской ответственности.

Д. Боуз пишет: «В гражданском обществе решения, касающиеся вашей жизни, принимаете вы сами. В политическом обществе эти решения принимают за вас. И поскольку люди, естественно, сопротивляются тому, что жизненно важные вопросы решаются без их участия, политическая система неизбежно основывается на принуждении»⁴.

О гражданском обществе применительно к современной России, необходимо отметить, что до сих пор отсутствуют четкие критерии и определения на этот счет, однако имеются множественные подходы и концепции. В основном исследователи изучают этот феномен в неразрывной связи с политикой, как политическая категория, в политическом пространстве, но за пределами государства⁵. Другие его используют для критики реального положения дел в так называемых странах либеральной демократии⁶.

Ряд исследователей связывают процессы становления гражданского общества и модернизации в России с давними традициями и тенденциями, считают, что в отличие от англо-саксонской и греко-римской государственной традиции, в России государство сформировалось на основе византийской модели государственности, а легитимация норм и традиций власти протекала на основе волюнтаризма правителей, в духе пренебрежения к праву, без четкой институализации власти⁷.

Некоторые исследователи вообще отрицают наличие в России основ для формирования и развития гражданского общества, некоторые отмечают низкий уровень его развития. Опираясь на эмпирические исследования, утверждают, что современное гражданское общество явление не исчезающее,

1 Баранов Н., Тамаев Б. Политические отношения и политический процесс в современной России. М., 2008. 400 с.

2 Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. Под ред. М. А. Абрамова. М., 2000. С. 107.

3 Рогачева Л. Развитие гражданского общества в России в начале XX в.: трудности и перспективы // Власть. 2010. № 2. С. 19.

4 Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / Пер. с англ. Челябинск, 2004. С. 18.

5 Межуев В. М. Гражданское общество и современная Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mzst.ru/pages/14-v.m.-mezhuev-grazhdanskoe-obshhestvo-i.html>.

6 Там же.

7 Воробьев С. Гражданское общество и модернизация России // Власть. № 4. С. 18-19.

но в тоже время не традиционное⁸. Многие ученые придают особое значение западноевропейскому опыту взаимодействия гражданского общества и государства в России⁹.

Бендзь А. пишет о трех условиях для построения гражданского общества в России: изменение налогового статуса неправительственных организаций, возможность получения открытой информации, финансовой ответственностью государственных учреждений¹⁰.

Становление гражданского общества в современной России А. А. Ефремов связывает с вопросами правового обеспечения существования и развития его отдельных институтов¹¹.

М. Рац выделяет три этапа построения гражданского общества; профессионализация (формирование профессиональных сообществ); регионализация - формирование относительно автономных единиц развития; формирование политических партий¹².

Переход к гражданскому обществу отождествляют с переходом к рынку, учитывая, что индивидуальный выбор реализуется, прежде всего, в сфере рыночных отношений. Другие определяют специфику гражданского общества в России с характером политического режима, динамикой политической власти.

Экономическая самостоятельность – единственное условие существования гражданского общества¹³.

Естественно, в реалиях современной России, гражданское общество и пути его становления имеют свои особенности.

Первые шаги демократического преобразования, формирования и развития институтов гражданского общества в современной России были сделаны после крушения коммунистической системы. На сегодняшний день в России желательность и необходимость гражданского общества осознаются все более четко, вопреки всем препятствиям ограничениям создаются различные неправительственные организации, сообщества и движения, возникают многочисленные партии и общественные объединения, в последние годы наблюдается кардинальные политические, экономические и социальные изменения в сторону устойчивой демократизации, социальной рыночной экономики, в пространстве которых осуществляется самоорганизация граждан.

Несмотря на противоречивый, напряженный характер и неравномерное течение на данном этапе¹⁴, этот процесс получил поступательный характер и развивается в сторону зрелости. Однако чем связано медленный, порой незаметный темп развития гражданского общества, что одновременной тормозит процесс модернизации в нашей стране?

К великому сожалению, не в полном объеме выполняются базовые положения Основного Закона страны – Конституции, нарушаются законы о равенстве, свободе, избирательном праве граждан, организаций, ведь положения Основного Закона страны четко определяют, что высшей ценностью является человек, его права и свободы, а их соблюдение и защита есть прямая обязанность государства. Отсутствуют полные взаимопонимания, сильное взаимное доверие и социальная солидарность между государством и имеющимися структурами гражданского общества. Государство не в полной мере отражает интересы граждан, что дает повод людям придумывать иронические тезисы «живи как хочешь». Наше государство не оправдывает себя как правовое государство, оно неохотно идет на создание общественного климата, необходимого для гражданской активности и добровольческой деятельности, не отражает интересы населения. В результате государство не рассматривается его гражданами как ценность. Государство в понятии большинства граждан – это бюрократический аппарат, обслуживающий интересы олигархической верхушки, властной группировки, захватившей власть и отменившей гражданские свободы. Только в государстве с правовыми нормами и демократическими основами возникают и получают развитие добровольные объединения граждан. Только демократическое государство, проводя соответствующие экономическую, социально-политическую и культурную политику стремится самоограничению, поощряет самостоятельности людей.

Непрозрачность и не подконтрольность системы управления делает невозможным противодействовать злоупотреблениям во всех сферах жизнедеятельности общества. Без признания свободы и справедливости в качестве абсолютной ценности в жизни человека невозможно говорить о зрелом гражданском обществе.

Наличие бизнеса с преступными элементами в экономике, резкое социальное расслоение, огромный разрыв между богатыми и бедными, отсутствие или почти отсутствие среднего класса – как гаранта стабильной демократии отдаляют нас от совершенного гражданского общества. Далеко не все имеющиеся в нашей стране институты гражданского общества, общественные, молодежные, экологические и иные объединения и фонды, негосударственные некоммерческие организации выполняют свои прямые функции, отстаивают реальные интересы людей. Некоторые из них попадая под влияния сомнительных чиновничьих групп или зарубежных организаций, обслуживая лишь свои интересы и интересы лоббирующих структур, становятся псевдогражданскими¹⁵ организациями.

Разобщенность между многими гражданскими объединениями, отсутствие желания идти на контакт со сходными организациями для совместного влияния на процесс принятия политических решений, что говорит о недостаточной осознанности принципов взаимодействия в гражданском обществе. Кроме того, не все самостоятельные и добровольные организации, если не учитывать характер их конкретной общественной роли и реальной функции¹⁶, можно отнести к структурам гражданского общества.

Чтобы создать условия для становления гражданского общества в современной России, необходимо преодолеть все эти

8 Шмит Д. Какое гражданское общество существует в России // Pro et contra. 2006. № 1. С. 19; Ананьева М. К. Современное состояние гражданского общества в России // Власть. № 5. С. 15.

9 Евтушенко М. В. Специфика гражданского общества и государства в России. Краснодар, 2009. С. 50.

10 Бендзь А. Формирование гражданского общества в России // Общественные науки и современность. 2006. № 3.

11 Ефремов А. А. Институты гражданского общества и региональное информационное законодательство. // Вестник ВГУ. 2001. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article11.html>.

12 Рац М. Идея «открытого общества» в современной России. М., 2004.

13 Нарыкова С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 6. С. 95.

14 Рогачева Л. Развитие гражданского общества в России в начале XX в.: трудности и перспективы // Власть. 2010. № 2. С. 21.

15 Хлопин А. Д. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // Pro et Contra. 2002. № 1. С. 138.

16 Виток В. В. Состав и структура гражданского общества как особой сферы социума // Гражданское общество: теория, история, современность. М.: ИС РАН, 1999. С. 65.

преграды и создать благоприятные факторы, способствующие формированию и развитию зрелого гражданского общества:

- разрешить базовые противоречия между государством и социумом;
- создать условия для политической и экономической стабильности в стране, пересмотреть законодательство, создающее возможности для произвола и коррупции;
- обеспечить широкий доступ к свободному предпринимательству, справедливой политической борьбе;
- обеспечить равные условия доступа к образованию, здравоохранению и культуре, гарантировать свободу и равенство граждан перед законом;
- создать всевозможные условия для формирования динамичных, активных личностей со свободным и рациональным мышлением.

В современной России формирование гражданского общества происходит одновременно с переходом к демократической системе правления и рыночной экономике. В такой ситуации гражданское общество должно являться неким «двигателем» в развитии страны по направлению построения правового государства с рыночной экономикой.

Процесс становления гражданского общества в России привел, к сожалению, явно не к тем результатам, которые рисовались в концепциях, отводивших некоммерческому сектору важную роль в превращении демократии в образ жизни российского общества.

В реальности вместо сообщества независимых, самостоятельных граждан, самостоятельно выражающих и защищающих свои интересы, мы получили множество групп и группочек, нетерпимых к инакомыслящим, готовых поддерживать власть, лишь бы она обеспечивала минимум жизненных благ. Некоторые российские некоммерческие организации уже активно вписались в систему управления, становясь инструментом власти, с помощью которого власть решает свои задачи.

Сравнение данных, полученных разными исследователями, пользовавшихся разными методиками и придерживающихся разных политических ориентаций, свидетельствует о том, что перспективы развития гражданского общества в России весьма туманны. В социально-психологическом отношении российское общество все ещё пребывает, так сказать, в «разобранном состоянии», которое вообще не способно пока служить фундаментом чего-либо.

В такой ситуации инициатива, необходимая для углубления и закрепления демократических реформ, не может исходить «снизу», со стороны масс и институтов гражданского общества. Гражданскому обществу не хватает консолидированности для обеспечения такого вектора развития. В связи с этим сохраняется, а в некоторых отношениях даже усиливается «верхушечный» характер выработки курса политических сил, пребывающих у власти¹⁷.

Основными агентами общественных преобразований в России и их гарантами оказываются (или, если угодно, остаются) элитные группы и представители власти, но не гражданское общество. Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остаётся процесс демократической трансформации в стране и сколь опасно велика в нём роль отдельной личности. Ясно и то, что власть в таких условиях не только оказывается главным «мотором» реформирования

общества, но и получает широкие возможности определять характер осуществляемых перемен в своих интересах. Таким образом, модернизация и демократизация российского общества обретают черты авторитарности.

Преодолеть эту тенденцию очень трудно. Для этого нужны масштабные усилия по консолидации граждан, готовых к социальному сотрудничеству, обладающих опытом реализации гражданских инициатив.

Гражданское общество – это общество свободных людей, общество, где торжествует социальная солидарность. Структурные элементы гражданского общества, взаимодействуя друг с другом, ведут свободные общественные дискуссии и отстаивают свои интересы и ценности.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева М. К. Современное состояние гражданского общества в России // *Власть*. № 5. С. 15-18.
2. Баранов Н., Тамаев Б. Политические отношения и политический процесс в современной России. М., 2008. 400 с.
3. Бендзь А. Формирование гражданского общества в России // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3.
4. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / Пер. с англ. Челябинск, 2004. 392 с.
5. Витюк В. В. Состав и структура гражданского общества как особой сферы социума // *Гражданское общество: теория, история, современность*. М.: ИС РАН, 1999. С. 28-67.
6. Воробьев С. Гражданское общество и модернизация России // *Власть*. № 4. С. 18-19.
7. Дзялошинский И. М. Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно // *Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5118>.
8. Евтушенко М. В. Специфика гражданского общества и государства в России. Краснодар, ООО «Издательский дом Хорс, 2009. 56с.
9. Ефремов А. А. Институты гражданского общества и региональное информационное. // *Вестник ВГУ*. 2001. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article11.html>.
10. Межуев В. М. Гражданское общество и современная Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mzst.ru/pages/14-v.m.-mezhuev-grazhdanskoe-obshhestvo-i.html>.
11. Нарыкова С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2014. № 6 С. 95.
12. Рац М. Идея «открытого общества» в современной России. М., 2004.
13. Рогачева Л. Развитие гражданского общества в России в начале XX в.: трудности и перспективы // *Власть*. 2010. № 2. С. 19-22.
14. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. Под ред. М. А. Абрамова. М.: - РОССПЭН, 2000. 389 с.
15. Хлопин А. Д. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // *Pro et Contra*. 2002. № 1. С. 120-145.
16. Шмит Д. Какое гражданское общество существует в России // *Pro et contra*. 2006. № 1. С. 6-24.

17 Дзялошинский И. М. Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно // *Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5118>.

БИЖЕВА Агнесса Петровна

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Института социальной работы, сервиса и туризма Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

БОТТАЕВА Мадина Ахматовна

ассистент кафедры теории и технологии социальной работы Института социальной работы, сервиса и туризма Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ

В статье рассматриваются сложившиеся виды справедливости в истории социально-философской мысли и современные теории справедливости, а также приводится их сопоставление.

Ключевые слова: справедливость, ретрибутивная справедливость, дистрибутивная справедливость, коммутативная справедливость, современные теории справедливости.

BIZHEVA Agnessa Petrovna

Ph.D. in Philosophy, senior lecturer of Theory and technology of social work of the Institute of Social Work, Service and Tourism of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

БОТТАЕВА Madina Ahmatovna

assistant of Theory and technology of social work of the Institute of Social Work, Service and Tourism of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

JUSTICE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THEORY

The article considers the existing types of justice in the history of socio-philosophical thought and modern theories of justice, and provides their comparison.

Keywords: justice, retributive justice, distributive justice, commutative justice, contemporary theories of justice.

В процессе развития общества и становления различных общественных институтов, характеризующих цивилизованное гуманное общество, развивались и оценочно-нравственные категории, и ценности, которые в дальнейшем стали определять морально-нравственное сознание общественных масс. Среди прочих, по праву, особое место занимает такая категория как «справедливость», связано это с тем, что данное понятие по смыслу и содержанию подразумевает собой и включает в себя некоторые другие моральные ценности, такие как равенство, право, благо и т.д. Как оценочная категория справедливость фиксирует, прежде всего, реальное положение людей в обществе, и призвана регулировать существующие общественные отношения. Справедливость, являясь одним из фундаментальных понятий прошла долгий путь развития, начиная от космической, теологической трактовки (Анаксимандр, Гераклит и др.) до экономико-правовой (К. Маркс, О. Крейчи, Дж. Ролз, Нозик и др.).

В истории развития философской мысли и общественной практики к настоящему времени сложилось три основных вида справедливости:

- 1) воздающая - ретрибутивная;
- 2) распределительная - дистрибутивная;
- 3) обменивающаяся - коммутативная.

Рассмотрим кратко каждый из представленных видов. Воздающая или ретрибутивная справедливость. Такой вид справедливости подразумевает ответное действие или воздаяние. Оно не сводится к обмену или распределению. Ретри-

бутивная справедливость – это прежде всего направленное активное действие субъекта, который воздает добром или злом за действительной или воображаемое добро, или зло, произошедшее ранее или возможное к получению. Примером данного вида справедливости является благодарность, месть либо наказание. Ретрибутивная справедливость характерна для деятельности правосудия, примерами являются: закон талиона – «око за око, зуб за зуб» и современное уголовное, а также гражданское судопроизводства.

Дистрибутивная справедливость предполагает различные действия, связанные с распределением материальных и не материальных благ среди определенной группы людей, например – денежное вознаграждение, либо похвала. Данное распределение может происходить равно или неравно. При неравном распределении необходимы определенные критерии, например, заслуга либо потребность. В любом обществе происходит постоянное распределение благ между его представителями. Такими благами могут быть деньги или товары, услуги, признание, власть, любовь, свободное время, уважение и т.д.

Обменивающаяся справедливость строится на базе отношений взаимобмена между социальными субъектами. Сюда входит обмен во всех областях жизни, например, обмен услугами и уважением, взаимным признанием и услугами, все, что может составлять основу нашей повседневной жизнедеятельности. Такой обмен может быть, как справедливым, так и наоборот. В свою очередь, справедливое может быть, как

Бижева А. П.

Боттаева М. А.

разделяющим, так и уравнивающим, может осуществляться на основе равенства и пропорционального неравенства. Главенствующей моральной формулой данного вида справедливости является обязательная пропорциональность, а также честность в обмене.

Таким образом, мы кратко рассмотрели исторически сложившиеся виды справедливости, которые легли в основу современных теорий справедливого устройства общества, и на основе этого мы рассмотрим современную социально-философскую трактовку понятия справедливости.

Итак, среди современных теорий справедливости мы можем отметить следующие:

- неолиберализм;
- либертаризм;
- коммуитаризм;
- феминизм;
- теория Готтера.

Каждая из представленных концепций предлагает свои принцип общественной справедливости, выдвигая его в качестве фундаментальной организации основных институтов современного общества. Суть различий представлений о справедливости обусловлено главным образом различием морально-теоретических оснований.

Так неолиберализм, в лице Роулса, в качестве такого фундамента предлагает два принципа справедливости, согласно которым общество должно обеспечивать равенство в распределении основных жизненных благ, если неравное распределение в каждом отдельном случае не способствует наибольшему благу наименее преуспевающим членам общества. В общем, теоретики неолиберализма отступили от принципов классического либерализма и стали рассматривать справедливость не только как равенство возможностей, но и как равенство результатов. Согласно неолиберализму, истинной является распределяющая справедливость по труду, которая реализуется через свободное распределение. Основным здесь считается обеспечение свободы основных стартовых возможностей, а также свободный доступ ко всем социальным статусам. В данном случае свобода определяется отсутствием любых ограничений на реальные возможности человека. Так Ролз выдвигал в качестве приоритетного принцип справедливости, позволяющий обосновать неолиберальную практику государства благосостояния. Он предложил свой способ аргументации либеральных ценностей, и тем самым, по признанию многих критиков внес серьезный и весомый вклад в реконструкцию либеральной теории.

Если говорить о либертарианской теории справедливости, то Нозик предполагает, что справедливость может заключаться только лишь в равной для всех негативной свободе и неукоснительном соблюдении принципа основных прав. В теории справедливости Нозика применяется обменивающая парадигма справедливости. Либертарианцы согласны на государство, наделенное только самыми минимальными полномочиями. По их мнению, для поддержания общественной справедливости вполне достаточно государства – ночного сторожа, все функции которого не выходят за рамки защиты граждан от обмана и насилия. Следовательно, единственное применение государства может заключаться в поддержании добровольных и взаимовыгодных обменов между гражданами. Либертаризм утверждает, что государство должно гарантировать равенство не в форме

равной оплаты и предоставления субсидий, но в форме предоставления всем равной возможности при условии свободного обмена¹.

Коммуитаристы предлагают идею братства, в которой и заключается сущность справедливости. Более того, братство может исключать необходимость справедливости. Коммуитаристы рассматривают положение о возможных пределах справедливости. Здесь границы справедливости являются границами братства. Несмотря на то, что справедливость помогает в некоторой степени смягчить сложившиеся конфликты, но также одновременно справедливость может привести к возникновению новых споров. Отсюда, справедливость – это вынужденное средство, и люди его используют за неимением лучшего. В этом смысле справедливость служит неким барьером в достижении братства. Следовательно, если придерживаться логики коммуитаризма, братство помогает устранить обязательность принципа справедливости.

Согласно коммуитаристам, для разрешения проблем, связанных со справедливостью необходим переход с общечеловеческого или общенационального уровня на уровень конкретных общин – групп людей, проживающих в ограниченном регионе, с общей историей, занятиями, родовыми и прочими связями. Коммуитаристы считают справедливыми принципы, соответствующие прежде всего традициям, а также ценностям определенной общины. В целом, коммуитаризм рассматривал проблемы распределения благ и ценностей с позиции учета общих интересов. Для них справедливость является второстепенным и дополнительным средством в устранении проблем социального бытия, а не основной добродетелью общественных институтов, как считают либералы. По мнению коммуитаристов, человеку необходима справедливость лишь в том случае, если у него нет важных благородных качеств: добродетели, доброжелательности, а также солидарности с другими членами общества. «Если бы люди спонтанно реагировали на потребности других людей, – пишет М. Сендел, – руководясь при этом любовью и общностью целей, то у них не возникла бы необходимость борьбы за собственные права. Следовательно, постоянная забота о справедливости, отражает скорее явное ухудшение состояния морали, а не моральный прогресс. Семья - это такой социальный институт, который не нуждается в справедливости. Акцент на роль справедливости в семье может уменьшить чувства любви и тем самым привести к появлению больших конфликтов»².

Современная феминистская философия при помощи гендерной теории стремится сделать политическую свободу женщин действительной. Гендерно справедливое общество должно исключить любую дискриминацию по признаку пола, отношения власти между полами не должно ограничиваться лишь публичной сферой, оно должно пронизывать все сферы жизни. Это говорит о том, что равенство и справедливость необходимы в частной сфере семьи.

Исследователи феминизма при определении справедливости делают акцент не столько на распределении благ, сколько на исключении институционального господства. Феминизм подвергает серьезному анализу и пересмотру многие важные понятия, которыми апеллирует политическая наука, такими

1 Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. С. 186.

2 Сэндел М. Дж. Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм / Перев. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс - Традиция, 1998. С. 191-218.

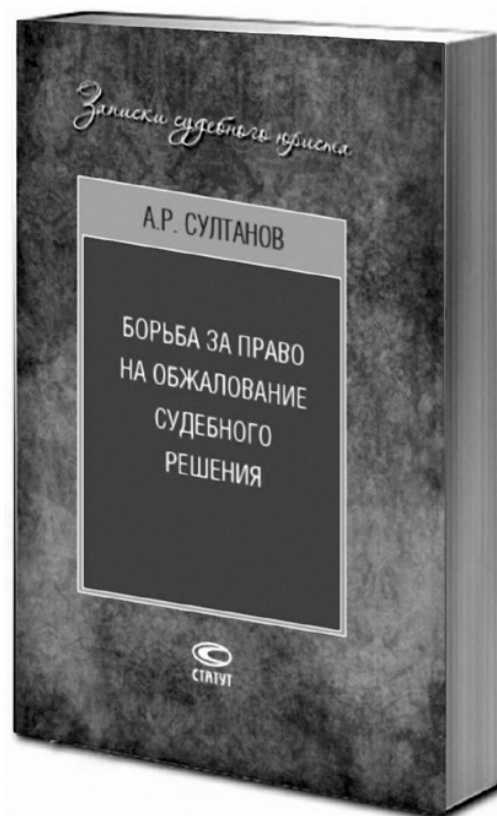
как власть, политические обязательства, частная жизнь и справедливость.

Феминизм предлагает другую модель независимости – основанную на опыте семейных связей, в которой способность действовать для достижения собственных интересов и претендовать на определённые права формируется в процессе создания связей с другими людьми. Среди представителей феминистического направления построения гендерно справедливого общества можно выделить Ричардс, которая использует идеи современной теории общественного договора для создания модели справедливого общества. Ею было выдвинуто предположение, что в таком обществе (основанном на общественном договоре) женщины будут использовать, и исследовать собственный потенциал наравне с мужчинами. Она предлагает точно следовать идеям Роулса, но с условием, что так называемый покров неведения, помимо всего прочего надёжно скрывал бы будущий пол индивида. За этим последовало бы разрыв гендерного разделения общества. Она говорит о том, что справедливое в отношении равенства полов общество потребовало бы радикальной реорганизацией работы и ухода за детьми, расширило бы женщинам выбор и гарантировало бы, что преимущества и нагрузка, связанные с рождением ребенка, будет более равномерно распределены между полами³.

Концепция справедливости Готиера была сформулирована в его работе «Мораль по соглашению» (1985 г.), и явилась своего рода результатом дискурса между Ролзом и Нозиком. Он подвергает критике как учение либерализма относительно вопросов справедливости, так концепции Ролза и Нозика. Он считает, что Нозик недостаточно обосновывает моральные запреты, а Ролз, также, по его мнению, чрезмерно морализирует свободные рыночные отношения. И таким образом, Готиер занимает среднюю позицию между этими двумя теориями, и сводит общественную справедливость к взаимной выгоде участников тотального общественного обмена⁴. Исходным понятием теории справедливости Готиера выступает понятие рациональности. Рациональность «максимизаторская», которая противопоставляется «универалистской» рациональности, т.е., максимизация обоснованного предпочтения, которая осуществляется в ситуации выбора. Итак, мы кратко рассмотрели некоторые современные теории справедливости и можем сделать вывод относительно сопоставления того или иного вида справедливости рассмотренного нами в начале статьи с рассмотренными теориями справедливости: неолиберализм – распределительная система справедливости; либертариизм – коммутативная; коммунитаризм – воздающая справедливость; феминизм – распределительная справедливость.

Пристайный библиографический список

1. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. 318 с.
2. Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. 260 с.
3. Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 475 с.
4. Сэндел М. Дж. Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм / Перев. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс - Традиция, 1998. С. 191-218.

³ Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 158.

⁴ Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. С. 115.

ФАЙЗУЛЛИН Азат Файзуллович

кандидат философских наук, директор Научно-исследовательского центра Тибетской медицины, г. Уфа

САМОСОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ГУМАННОГО НАЧАЛА В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье исследуется самосознание человека, которое имеет выход в процесс утверждения человеком «человеческого» духовного начала в культуре. Эта человечность, гуманность, красота и гармония «Я» связаны с построением дома эстетической культуры как духовной и социальной ценности. В работе, в этом плане, исследована идея преодоления пустоты человеческого существования и высказана та мысль, что сама духовная культура есть важнейшая доминанта общественной жизни. Духовная культура в своей нравственной ипостаси есть интегративный субъект общественной жизни.

Ключевые слова: человеческое начало в культуре, дом эстетической культуры, духовная культура как предпосылка преодоления пустоты существования человека, доминанты общественной жизни.

FAYZULLIN Azat Fayzullovich

Ph.D. in Philosophy, Director of the Research Center of Tibetan medicine, Ufa

SELF-CONSCIOUSNESS AS A PREREQUISITE OF HUMAN ORIGIN IN THE SPIRITUAL CULTURE

This article examines the self-consciousness that has access to the approval process a human "human" spirituality in the culture. This humanity, the humanity, the beauty and harmony of "I" associated with the construction of a house of aesthetic culture as a spiritual and social values. In the work, in this regard, investigated the idea of overcoming the emptiness of human existence and expressed the idea that the very spiritual culture is the most important dominant of public life. Spiritual culture in its moral aspect is an integrative subject of public life.

Keywords: human origins in the culture house aesthetic culture, spiritual culture as a prerequisite of overcoming the emptiness of human existence, dominant in public life.

Файзуллин А. Ф.

Современный мир быстро меняется, так что мы, практически, не можем заниматься предвидением событий, явлений, будущих форм своей деятельности. Но самосознание человека все же имеет выход в сам процесс утверждения человеком подлинно «человеческого» начала в культуре, включая эстетическую нравственную ее сферы.

Сама духовность человека состоит не в мнимой ее кажимости, а в том, как мы сами вопрошаем о бытии человека? Это бытие раскрывается, прежде всего, в духе человечности, гуманности человека. Поэтому цель настоящей работы состоит в выявлении структурных составляющих самосознания как предпосылки становления гуманного подлинного начала в культуре, самой человечности культуры.

Гуманность, прежде всего, сопряжена с «домом» человеческой личности, который есть не просто среда обитания, а открытость культурных смыслов существования человека, где здоровье, отношения человека в семье, затем, его безопасность, становятся, в конечном счёте, главными культурными экзистенциалами.

Гуманность, гуманный дух, как субстанция самосознания человека, состоит в вопрошании о его «здесь-бытии». Но это бытие выступает как «бытийная возможность», связанная с невозможностью адекватного познания длительности существования конечных вещей, т.е времени существования отдельно-го сущего¹. Гуманный дух никогда не связан с определенной точкой отсчета. Он – экзистенциален в своей сущности. А эта

сущность, как известно, связана с красотой и гармонией «я», которые обитают в доме человека как духовной и социальной ценности.

Но дом, как конечное бытие, все же случаен; он втянут в конечное существование человека и выражает временность сущего. В доме мы принадлежим себе; все наше существование не определяется другими, не является смутной и туманной далью.

Далее, ритмы нашей современной жизни могут не совпадать с ритмами предметов². Именно поэтому самосознание, как правило, выступает двояким образом. С одной стороны, открытость нашего существования для нас означает некую случайную возможность будущего. При этом, «моё» будущее мне открыто как неопределенная случайная возможность³. С другой стороны, эта открытость существования человека, вместе с тем, предполагает «закрытость для нас как конечных, т. е. материально-телесных вещей действительного источника нашего существования – Бога»⁴.

Этот случайный характер существования человека в мире вовсе не открывает ему бытие. Бытие приоткрывается человеку, если сам человек стремится поставить свою эстетическую способность выше интеллектуально-рациональной способности. В этом плане, А. Бергсон развивает ту мысль, согласно

1 Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения. СПб., 1999. Т. 1. С. 315.

2 Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2014. С. 139.

3 Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. С. 80.

4 Комаров С. В. Указ. соч. С. 80.

которой сама «жизнь», «искусство», «красота» оказываются поставленными по одну сторону, в то время как человек с его теоретическим мышлением, с его техникой и стремлением овладеть жизнью, которая вообще «не поддаётся переделке»⁵ по другую.

Заметим, что главным условием эстетического отношения к действительности, согласно А. Бергсону, выступает преодоление сугубо практического отношения к ней. Данное отношение должно оказаться выключенным из эмпирической жизни, поскольку эта жизнь принуждает человека к одностороннему манипулированию вещами и процессами.

Человек призван, прежде всего, к тому, чтобы жить, существовать. Жизнь же означает полезное для человека действие, связанное с положительными, полезными впечатлениями от предметов. Другие впечатления сохраняют лишь весьма смутные очертания. Обычный человек, погруженный в водоворот практической жизни, в повседневность, неспособен к эстетическому отношению к вещам его окружающих. Лишь «изредка» природа создает «души», более или менее «отрешенные от жизни»⁶. Именно такие люди оказываются способными к эстетическим переживаниям, поскольку устремлены к миру никогда еще не бывшему, к красоте, превосходящей её понимание примитивным человеческим рассудком.

Отрешенность от жизни предполагает ситуацию, когда самосознание человека оказывается нацеленным на то, чтобы вобрать в себя жизнь без остатка. Без этой интуиции нет и самосознания, которое стремится охватить всю реальность. «Дух, – пишет Б. Кроче – который хочет себя самого, подлинного себя самого, того универсального, которое имеется в эмпирическом и конечном духе, – вот формула, которая, пожалуй, более соответствующим образом определяет сущность нравственности. Такое хотение подлинного самого себя есть абсолютная свобода»⁷.

Когда человек охвачен непрерывным хотением одного лишь «себя», то много ли в этом свободы? А между тем, сама свобода есть важнейшая доминанта общественной жизни. При этом, сама духовная культура в своей нравственной ипостаси не может игнорировать свободу, которая лишь в том случае предстаёт как интегративный субъект общественной жизни, когда сам человек оказывается ироническим субъектом, когда сам человек начинает воспринимать саму социальную жизнь и «дух», которым не дано слиться в некое единое целое. Кроме того, «дух» и «духовная жизнь» никогда не расходятся на почтительное расстояние.

Дух и жизнь, самосознание и сознание человека всегда остаются в состоянии духовного напряжения. Сама красота человека и красота восприятия им природных и социальных взаимоотношений воспринимаются в тот момент, когда красивое и духовное могут отстаивать себя как социальная жизнь.

Гуманное измерение самосознания никогда не состыкуется с тем, чтобы в предшествующем ему состоянии видеть что-то низшее. Конечно, эстетический уровень самосознания есть некая изначальная фаза в становлении духовного бытия. Но, в то же время, эта фаза – не только изначальная, но и вечная фаза. Тем самым, самосознание человека выступает лишь в том случае в качестве фундаментальной предпосылки гуман-

ного начала в культуре, когда само «Я» человека наделяется статусом «вечности» и эта «вечность» есть, в принципе, бесконечное самовыражение человека, который, хотя и потратил много времени на свою самоизоляцию, тем не менее, всегда устремлен к идее плодотворного взаимодействия искусства с формами общительности людей.

Человек лишь в том случае оберегает свое самосознание, когда стремится оградить свой духовный опыт от эстетической теории, «сушенной и обедненной тем понятием истины, какое сложилось в науке»⁸.

В духе нет ничего «особенного», «отдельного», «единичного» – и, как раз в этом состоит духовное бессмертие искусства, его «дух» гуманности и всечеловечности.

Если, таким образом, утрачивается самосознание человека, в то, тем самым улетучивается сама пластика социальной жизни. Дух человека, который отталкивается от той интенции, что лучшее всегда более реализуется в будущем, чем в прошлом, восстанавливает в нашей памяти то, что никогда не расстается с тем, что так дорого человеку, его «душе», которая, однажды встретившись с прекрасным, обитает в «доме», перед силой которого бессильна любая утопия. Это – та удача человека, которая и выступает гарантом гуманного начала в духовной культуре.

Пристатейный библиографический список

1. Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1914.
2. Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988.
3. Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007.
4. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М.: Intrada, 2000.
5. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2014.
6. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения. СПб., 1999. Т. 1.

5 Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1914. С. 189.

6 Там же. С. 180.

7 Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М.: Intrada, 2000. С. 69.

8 Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988. С. 40.

ФЕДЯЙ Инна Викторовна

доктор философских наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета

КУЗНЕЦОВ Алексей Александрович

соискатель Кыргызско-Российского Славянского университета

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АНТИСИСТЕМ Л. Н. ГУМИЛЕВА: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ

В статье выявляется структурное различие между методологическим уровнем рассмотрения проблемы ИР – уровнем способов мышления и теоретизирования, т. е. уровнем концептуальных подходов; и теоретическим, содержательным – уровнем теорий и мыслей. Для создания альтернативного каузального поля при исследовании ИР предлагается использовать теорию антисистем Л. Н. Гумилева. В ее контексте по-новому определяются причины появления и широкого распространения ИР в настоящее время. Теория антисистем, открытая и применяемая Гумилевым в рамках истории Средневековья, развивается в ракурсе реалий современного мира – а именно, в ракурсе проблем современного экстремизма. В заключение статьи делается вывод о том, что в современной борьбе глобального антитрадиционного проекта с проектами традиционных цивилизаций, ИР является орудием построения не мусульманской цивилизации, а глобального универсального миропорядка.

Ключевые слова: исламский радикализм, экстремизм, методология, теория, антисистема, психологический профиль, глобальный проект, концептуальные подходы, терроризм, нигилизм, социум, структура, суицидальный нигилизм, мировоззрение, хаотизация, антитрадиционализм, глобализация, эксгрупповая психология, управление, перманентное насилие, черный интернационал.

FEDYAI Inna Viktorovna

Ph.D. in Philosophy, professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University

KUZNETSOV Alexey Aleksandrovich

competitor of the Kyrgyz-Russian Slavic University

ISLAMIC RADICALISM IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF ANTI-SYSTEMS L. N. GUMILEV: TO THE QUESTION OF CONCEPTUAL APPROACHES

The article reveals the structural difference between the methodological level of the IR problem – the level of ways of thinking and theorizing, ie, the level of conceptual approaches; And theoretical, informative - the level of theories and thoughts. To create an alternative causal field, it is proposed to use the theory of anti-systems of L. N. Gumilev in the investigation of IR. In its context, the reasons for the emergence and wide dissemination of IRs are being re-defined. The theory of antisystems, open and applied by Gumilev within the framework of the history of the Middle Ages, develops in the foreshortening of the realities of the modern world – namely, in the perspective of the problems of modern extremism. The conclusion of the article concludes that in the modern struggle of the global anti-traditional project with the projects of traditional civilizations, the IR is an instrument for building a non-Muslim civilization, but a global universal world order.

Keywords: Islamic radicalism, extremism, methodology, theory, anti-system, psychological profile, global project, conceptual approaches, terrorism, nihilism, society, structure, suicidal nihilism, world view, chaotization, antradraditionalism, globalization, exgroup psychology, management, permanent violence, Black international.

Концептуальные подходы это способы рассмотрения того или иного явления. Они исследуют не причины появления исламского радикализма (ИР), а теории, выявляющие и объясняющие эти причины. Именно от способа рассмотрения зависит трактовка того или иного явления, ибо он создаст теоретическое каузальное поле по понятиям и критериям которого явления будут исследоваться. Это методологический (смысловой) уровень рассмотрения явлений, который зачастую смешивают с уровнем теоретическим. Разница определяется просто. Концептуальный подход рассматривает явление на структурном уровне, уровне связей, а не содержательных элементов. *Т.е. на уровне того «как» думают, а не на уровне того «что» думают, на уровне способов мышления, а не на уровне мыслей.* А значит, существующие на сегодняшний день способы рассмотрения ИР – экономический, идеологический, политический, психологический, и пр., это не различные методологические подходы, а различные теории в рамках *одного и того же подхода*. Различные по содержанию варианты одного и того же способа рассмотрения. Поэтому исследователи, анализируя каждый из них и выявляя его частичность, пред-

лагают использовать их все вместе, в комплексе¹. Прекрасно! Но из тысячи мышей, как известно, не сделаешь одного кота, т. е. на уровень структуры мы, таким образом, не переходим. А значит, и иной, альтернативный подход (переходом, например, от экономической теории к идеологической или психологической) – не предлагается.

Поэтому можно констатировать, что на сегодняшний день существует только один подход к рассмотрению такого явления как ИР. В данном подходе ИР рассматривается в рамках той или иной социально-экономической системы, в качестве того или иного варианта радикализации ислама. Таким образом, ИР рассматривается, как противостоящий традиционному исламу и социуму с содержательной, идейной стороны; со

1 Наумкин В. В. Рамки концептуальных подходов к анализу исламского радикализма // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. Отв. Редакторы: член-кор. РАН Кокошин А. А., д.п.н. Богатуров А. Д. М., 2005. 432 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/charpter14.htm.

стороны же структурной – как часть ислама и мусульманского социума. Т. е. акцент здесь делается на инаковости мыслей, а не способов мышления. О неубедительности такого подхода говорит психологический профиль современного джихадиста, представленный в исследованиях знаменитого французского антрополога, политолога-востоковеда и исламоведа Оливье Руа. Если суммировать основные положения, которые подробно аргументируются в статье, основанной на материалах книги О. Руа «Джихад и смерть» и опубликованной в британской газете The Guardian², мы получим следующее:

1. Радикалы, как и революционеры, почти никогда не происходят из страдающих масс и угнетенных классов. Те, кто осуществил атаки в Европе, не были жителями Сектора Газа, Ливии или Афганистана. Объяснить, что к действиям радикалом побуждает дискриминация, значит считать, что мятежом, в первую очередь, руководят жертвы!;

2. Среди джихадистов 25% это новообращенные (неофиты). Это либо второе, либо, прекрасно интегрированное, первое поколение мигрантов. Таким образом, ИР вовсе не является следствием «провальной» интеграции;

3. Для всех радикалов характерен период мелких преступлений – в основном, распространение наркотиков, проявления насилия, реже вооруженное ограбление; затем радикализация в тюрьме; атака и смерть с оружием в руках в бою с полицией;

4. Радикалы вначале ведут светскую жизнь – ночные клубы, употребление алкоголя, вовлечение в мелкие преступления. Т. е. большинство новых радикалов глубоко вовлечены в молодежную культуру: ночные клубы, беспорядочная половая жизнь, курение и алкоголь. Потом они внезапно «заново» становятся мусульманами;

5. Процессы, в которых формируется радикальная группа, идентичны. Родные братья, друзья детства, знакомство в тюрьме, иногда в лагерях боевиков;

6. Отличительной чертой радикалов является то, что они не жили в религиозной среде. Они редко посещали мечеть, или их исключали за проявление неуважения к местному имаму. Исламисты не включены в традиционные квартальные общины, не посещают традиционные мечети и создают свои замкнутые, узкие группы общения.

7. Согласно просочившимся из ИГИЛ данным, среди 4 тысяч иностранных рекрутов, несмотря на их высокий уровень образованности, 70% заявили, что имеют только поверхностное знание об исламе. Они не становятся радикалами, потому что они неправильно интерпретировали священные тексты, или потому, что ими манипулировали. Они стали таковыми только потому, что радикализм импонирует им;

8. Радикалы никогда открыто не ссылаются на колониальный период. Они отказываются от всего, что было до них; не ассоциируются с борьбой своих предков; почти никто из них не возвращается на родину предков для продолжения джихада;

9. Защитники ИГИЛ никогда не говорят о шариате или об исламском обществе, которое будет построено под руководством ИГИЛ. Джихадисты едут на Ближний Восток умирать, а не жить. Их не интересует исламское общество. Эти юные радикалы – не утописты, а нигилисты;

10. Радикальное в новых джихадистах, в отличие от предыдущих поколений революционеров, исламистов и салафитов – это их ненависть к существующим обществам, западным или мусульманским. Эта ненависть воплощается в суициде при осуществлении массового убийства. Вместе с собой они убивают мир, который отвергают.

Итак, общим для всех является то, что массовые убийства совершаются юными, недовольными, суицидальными нигилистами. Такие организации, как Аль-Каида или ИГИЛ

лишь пишут сценарий. Это значит, что мы имеем дело не с радикализацией ислама, а с «исламизацией радикализма», делает вывод О. Руа. Т. е. ислам в данном движении является не существительным, а прилагательным, прилагается вследствие желания суицидальных радикалов ощутить в своем существовании некий особый смысл. Данный психологический профиль способен существовать и воспроизводить себя лишь в определенном социальном контексте. *Это контекст антисистемных экс-групп*. Например, социальный портрет исламского радикала данный на пресс-конференции Генеральной прокуратуры Казахстана 9 апреля 2014 г., включает следующие социальные группы: 1) заключенные; 2) приезжие маргиналы в городах; 4) социопаты с агрессией; 5) пострадавшие от силовых органов и их родственники; 6) беженцы из Узбекистана и Таджикистана. Поэтому экстремистские агитаторы ищут своих потенциальных жертв в интернет-сообществах маргинального (!) типа – группах, где обсуждаются проблемы наркоманов, алкоголиков, людей, страдающих от депрессий, т. е. потенциально готовых к суициду. Таким образом, мы видим, что психологический профиль не позволяет нам вписать ИР в рамки первого подхода, т. е. рассматривать его в рамках мусульманского или западного социума; как обособившуюся в результате каких-то экономических, политических или прочих причин, часть ислама.

Предложить иной подход, значит попробовать рассмотреть ИР, как противостоящий исламу и социуму не с содержательной, а со структурной стороны. Т. е. рассмотреть его в качестве некоей *антисистемной* экс-группы. И значит, не искать причин его появления в содержательной (экономической, идеологической, политической и пр.) составляющей социума. Поэтому для создания альтернативного каузального поля, в качестве иного концептуального подхода к понятию ИР, мы предлагаем использовать теорию антисистем Л. Н. Гумилева. Кратко напомним ее суть. Л. Н. Гумилев выделяет два типа мироощущений – жизнеутверждающее (позитивное) и жизнеотрицающее (негативное), паразитирующее на первом: 1) человек признает себя частью реальности. Данная волевая установка определяет традиционный, ценностный тип мышления (*культурообразующий*); 2) человек противопоставляет себя реальности. Эта установка предопределяет антитрадиционный, нигилистический, отщепенческий тип мышления и восприятия (*культуразрушающий*). Эти два типа мироощущений и проявляют себя в религиозных учениях и философиях. «Таким образом, приняв нейтральную систему отсчета, мы можем ввести в исследование деление на два разряда мироощущений (относительно философских или теологических доктрин): жизнеутверждающее, т. е. сопричастное биосфере планеты, и жизнеотрицающее, ставящее целью и идеалом аннигиляцию материального мира... Решающей здесь является асимметрия, ибо негативные образования существуют только за счет позитивных этнических систем, которые они разъедают изнутри, как раковые опухоли – организм, вмещающий их»³. В каких именно идеях и движениях жизнеотрицание будет себя проявлять – не важно. Ибо *дело тут не в содержании того, что отрицают, а в отрицании, как универсальном принципе восприятия*. Итак, наличие двух несовместимых психологических структур, по Гумилеву, – это явление глобальное, пронизывающее всю мировую историю. И определяется оно не реальностью, а волевым самоопределением человека в отношении к ней. Т. е. источник противостояния, по Гумилеву, всегда находится в типе мышления, а не в содержании мыслей и идей. *А это значит, что в основе таковых «идейных» разногласий лежат причины не умственные, а психические*. Поэтому и результатом всех этих разногласий становятся не диспуты, а войны и революции. Т. е. в революционеры набираются не по политическому принципу, как и в сектанты не по религиозному, а по психобиологическо-

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ferghana-blog.livejournal.com/2017/04/17/> (дата обращения: 02.09.17).

3 Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 2008. 416 с.

му! Таким образом, не **содержание идеологии**, а **стереотип поведения** выделяет из большого народа «малый народ», из традиции – антитрадицию.

Давайте сравним основные черты антисистемы и исламского радикализма. Итак, **первая основная черта антисистем** – жизнеотрицание, из которой вырастает программа человекоубийства. ИР: основная черта – стремление к собственной смерти: «Терроризм и джихад сосуществовали продолжительное время... Что же является новым, так это способ, каким террористы целенаправленно ищут собственной смерти», – пишет Оливье Руа⁴. Сегодня смерть является главной частью плана террориста. Такое же восхищение смертью встречается и у джихадистов, вливающих в ряды Исламского государства, где суицидальные атаки воспринимаются как конечная цель их участия. Организаторы террористических атак во Франции в 70-х и 80-х годах, независимо от их связи с Ближним Востоком, скрупулезно планировали свой побег. Тогда почему же, вопрошает автор, террористы стали выбирать смерть? Что это говорит о современном исламском радикализме?⁵

Вторая черта антисистем – это сконструированность: «Антисистемы этносов не создают, богатствами природы пренебрегают и гнездятся в телах этносов, как раковые опухоли в живых организмах... Традиции их передаются вне семей, от учителей к ученикам. Это значит, что место сигнальной наследственности... здесь занимает обучение»⁶. ИР: Современный джихадизм – это, прежде всего, – молодежное движение, утверждает Оливье Руа: «Оно является фундаментальным, и сконструировано независимо от родительской веры и традиции, но имеет корни в широкой молодежной культуре». В каждом поколении ненависть принимает форму культурного иконоборчества. Хунвейбинов, Красных Кхмеров и бойцов Исламского государства объединяет стремление стереть память об истории предков⁷.

И третья: Стремление к уничтожению как принцип, рационализация насилия и нигилизма: «Антисистема вытягивает пассионарность из вместилища ее этноса, как вурдалак. Это для нее не составляет труда потому, что цель ее – не созидание, т. е. усложнение системы, а упрощение, или перевод живого вещества в косное, косного – путем лишения его формы – в аморфное, а это последнее легко поддается аннигиляции, являющейся целью поборников антисистемы. Поэтому антисистемы существуют очень долго, меняя свои вместилища – обреченные этносы... **Принцип стремления к уничтожению остается, а это главное**»⁸. ИР: Насилие здесь не является средством. Оно является концом себя. **Именно нигилизм – как идея чистого бунта, привлекает и завораживает:** «Не ИГИЛ придумал терроризм, но его гений заключается в способе подачи истории, которая удовлетворяет амбиции беспокойных, уязвимых и беспричинных бунтарей – мало имеющих отношение к самому движению, но чье самоубийство должно стать частью глобальной саги»⁹. Поэтому, для понимания проблемы ИГИЛ необходимо понимать и другие формы современного насилия и радикализма, в которых присутствует бунт поколения, саморазрушение, радикальный разрыв с обществом, эстетика насилия, апокалиптические культы, – делает вывод О. Руа.

Итак, нигилизм, идея чистого бунта. Насилие не как средство, а как цель. Таким образом – ничего нового. А значит, именно в рамках теории антисистем Гумилева, как альтернативного подхода, мы сможем предложить альтернативный ответ на причины возникновения и, главное, такого огромного распространения ИР, несмотря на все меры противодействия.

Антисистемы, по Гумилеву, возникают не внутри этносов или культур, а на стыках их, по зоне распространения контактов. Позитивные системы возникают за счет толчков или генетического дрейфа и существуют, черпая силы из природы своего региона. **Антисистемы** черпают пассионарность из перепадов пассионарного напряжения, вследствие чего они возникают на границах этносов или культур¹⁰. Если применить эту концепцию к современности, мы увидим, что распространяется ИР не просто за счет перепадов напряжения на стыке суперэтносов и культур, где на одно органическое мироощущения накладывается другое, диссонирующее с ним. Это стык содержательный. Но в настоящее время, кроме этого содержательного стыка, появился еще другой стык – структурный, который отсутствовал в средневековье, изучаемое Гумилевым. Это глобальный стык структурных перепадов – структурной традиционной, дискретной, основанной на вертикально-интегрированном иерархическом типе связей, с одной стороны; и структуры сетевой, глобальной – с другой. Первая представлена традиционными историческими институтами – национальной государственностью, социумом, семьей и ограничена пространственно, культурно и политически. Вторая – глобальная сетью корпораций и общин, но ограниченными политически, ни пространственно. **Таким образом, кроме перепадов содержательных, появились перепады структурные. Результатом их наложения друг на друга стала современная хаотизация, «гибридизация» международных отношений и мировой политики.**

По теории А. Панарина¹¹, например, общество остается стабильным, пока стабильны массовые притязания. Общественная стабильность разрушается, когда сословные перегородки рушатся, и возникает новая экс-групповая психология. В наше время мы наблюдаем разрушение не сословных, а государственных и даже цивилизационных перегородок! Разрушение самой традиционной структуры существования. Понятно тогда не просто появление, но и широкое распространение экс групп и целых экс-движений: «Малый народ» среди «большого народа», или «антинарод» среди народа... Мировоззрения обоих строились по обратным принципам... если в обычном мире все проверяется опытом, то здесь решают мнение... Доктрина становится не следствием, а причиной жизни. Образ человека «малого народа» – «дикарь», который все видит, но ничего не понимает... в среде «большого народа» он задыхается, как рыба, вытасненная из воды»¹².

Таким образом, социальной базой ИР и вообще подобного рода движений является внесистемное, вне-статусное, вне-культурное состояние и притязания экс-групп, сформированных из, так называемых, свободных атомов, свободных радикалов. Глобализация создает другие притязания – не просто экс-групповые или внесистемные, а антисистемные – экс-государственные и экс-культурные: «Недоверие к формам настолько велико в бесформенном внесословном населении, что оно всегда и повсюду готово искать спасения для своей свободы от всяческих форм в диктатуре»¹³. Никакие идеи, сами по себе, к этому состоянию не ведут. И рассматривать ИР в рамках, например, политизации ислама – совершенно

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ferghana-blog.livejournal.com/2017/04/17/> (дата обращения: 02.09.17).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ferghana-blog.livejournal.com/2017/04/17/> (дата обращения: 02.09.17).

6 Панарин А. С. Философия политики. Учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М., 1996. 424 с.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ferghana-blog.livejournal.com/2017/04/17/> (дата обращения: 02.09.17).

8 Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. 781 с.

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ferghana-blog.livejournal.com/2017/04/17/> (дата обращения: 02.09.17).

10 Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. 781 с.

11 Панарин А. С. Философия политики. Учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М., 1996. 424 с.

12 Cochin Augustin. Les sociétés des penseurs et la démocratie. Paris, 1921. Цит. по Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. 781 с.

13 Шпенглер О. Закат Европы. Минск, 1999. 790 с.

бесперспективно. ИР – это борьба не внутри определенной (политической, религиозной или культурной) формы и даже не за нее, а – против нее. Это не политический даже, а структурный луддизм. Кстати, и появление необыкновенной активности в данных исламистских движениях, при отсутствии ее в деле строительства мусульманской государственности, науки и культуры, т. е. потрясающая энергия в логике отрицания и насилия при вялости в логике созидания – так же находит свое объяснение в теории антисистем. При начинающемся вырождении или упрощении организменной структуры, констатирует Л. Н. Гумилев, имеет место выброс свободной энергии, – в данном случае проявляющийся в вооруженном насилии. Не случайно ИГИЛ в качестве «черного интернационала», сравнивают с «красным интернационалом». А идею перманентного насилия с идеей перманентной революции. «Черный проект» ИГИЛ действительно напоминает «Красный проект» начала XX века, так как служит аналогичным целям. С одной стороны ИР используется в качестве глобального проекта для мусульман, с другой – противостояние ему сплачивает остальной мир в качестве единого управляемого целого.

Переход к идее «черного интернационала» вместо несостоявшегося «красного интернационала» и есть переход к глобализации. Ибо цель и черного и красного перманентного насилия – одна. Это глобализация структурная. Именно в контексте борьбы государств (государственности как принципа) с транснациональными корпорациями (принципом сетевых структур) и становится закономерным появление «черного проекта» ИГИЛ с его идеей перманентной мировой исламской революции. Поэтому очень точным является замечание А. И. Фурсова о том, что если по форме ИР выступает как отрицание глобализации и борец с ней; то по сути, именно глобализация является его базой. Ибо рамки футуроархаичного проекта «черного интернационала» является парадигма пост-модерна. ИР же является одним из мощнейших инструментов в продвижении этого проекта.

По своей структуре ИР является сетевым глобальным образованием, одной из сетей всемирного глобального проекта, а вовсе не проекта мусульманского. Ибо глобальный проект противостоит всем прежним историческим универсальным проектам не по содержанию (которого у него нет – синкретизм), а по структуре. Не удивительно поэтому, что пост-исламизм не обращается более к необходимости создания исламского государства. Его новое содержание не сопряжено ни с нациями, ни с территориями. Поэтому и опорой его является не содержание ислама, а структурная слабость исторического его воплощения, а именно: отсутствие института Церкви и, как результат, невозможность теоретического определения ни «ортодоксии», ни «ереси»¹⁴; слабость и отсталость исторических мусульманских государств, на что, как на одну из причин исламизма, указывает Эмиль Паин: «И все же, на мой взгляд, появление исламизма связано не столько с давней, глубинной исторической природой ислама, сколько с актуальными обстоятельствами современной жизни, так называемых исламских стран, большая часть которых так и не сложились как государства-нации и представляют собой конгломераты недружественных между собой этнических, племенных и конфессиональных групп»¹⁵. С отсутствием интеграции общества в логику государства в молодых странах Центральной Азии, слабой легитимности данных режимов и самой идеи нации. У радикалов «за неприятием некоторых стандартов глобализации отражается стремление переформулировать одни и те же ценности, но только на языке собственной культуры»¹⁶. При

этом проявляется закономерность, открытая Жаком Лекелло¹⁷ – чем меньшей социально-экономической и культурной эффективностью обладает та или иная группа, тем большее политическое давление она оказывает. Так называемый «выброс свободной энергии» при упрощении структуры. А появление (результат миграционной политики) и укрепление всемирной сети мусульманских общин, выражающих сетевой структурный принцип, приводит к тому, что ИР, в руках транснациональных элит, становится одной из удобнейших форм управления процессами глобализации. Таким образом, можно констатировать, что «ментальная колонизация» переходит в *колонизацию структурную*.

Отсюда, в современной борьбе глобального антитрадиционного проекта с проектом традиционных цивилизаций – структурной борьбе, ИР становится мощным орудием не традиционного проекта цивилизаций, в том числе и мусульманской, а одним из инструментов в построении универсального глобального проекта.

Приставленный библиографический список

1. Брусиловский Д. А. Межкультурный и межрелигиозный диалог как способ достижения истинной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 53-58.
2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. 781 с.
3. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 2008. 416 с.
4. Кирабаев Н. С. Политическая мысль мусульманского Средневековья. М., 2005. 256 с.
5. Наумкин В. В. Рамки концептуальных подходов к анализу исламского радикализма // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. Отв. Редакторы: член-кор. РАН Кокошин А. А., д.п.н. Богатуров А. Д. М., 2005, 432 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/chapter14.htm.
6. Панарин А. С. Философия политики. Учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М., 1996. 424 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Минск, 1999. 790 с.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ferghana-blog.livejournal.com/2017/04/17/> (дата обращения: 02.09.17).
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otetrad.ru/article-1284.html> (дата обращения: 02.09.17).
10. Lecaillon J. La societe de conflit: les tension entre l'e'cnomique, le social et le politique. Paris, 1979.
11. Cochin Augustin. Les societies des penses et la democratie. Paris, 1921. Цит. по Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. 781 с.

14 Кирабаев Н. С. Политическая мысль мусульманского Средневековья. М., 2005. 256 с.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otetrad.ru/article-1284.html> (дата обращения: 02.09.17).

16 Брусиловский Д. А. Межкультурный и межрелигиозный диалог как способ достижения истинной культуры // Исторические, фи-

лософские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 53-58.

17 Lecaillon J. La societe de conflit: les tension entre l'e'cnomique, le social et le politique. Paris, 1979.

АЖЫБЕКОВА Клара Ажыбековна

доктор философских наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета

БРУСИЛОВСКИЙ Денис Александрович

кандидат философских наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета

ЕСИПОВ Иван Игоревич

аспирант Северо-Западного института управления российской академии народного хозяйства и государственной службы при Правительстве Российской Федерации

МЕТОДОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ МУСУЛЬМАН-МИГРАНТОВ К ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье дается определение понятия «адаптация», ее классификация: биологическая, психологическая, социальная, единство и различие биологической и социальной адаптации. Выявляется адаптация системы к другим системам, исходя из следующих методологических принципов: каждая система адаптируется в другую систему; взаимoadaptация систем; биологическая адаптация имеет пределы, социальная адаптация человека, общества беспредельна. Большое внимание авторы уделяют выяснению экстраполяции данных методологических принципов к проблеме адаптации мусульман-мигрантов к европейской культуре.

Ключевые слова: социо-культурная адаптация, диалог цивилизаций, межкультурная и межрелигиозная взаимoadaptация, мигранты, аккультурация, ассимиляция.

AZHUBEKOVA Klara Azhybekovna

Ph.D. in Philosophy, professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University

BRUSILOVSKIY Denis Aleksandrovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University

ESIPOV Ivan Igorevich

Postgraduate student of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the Government of the Russian Federation

METHODOLOGY OF ADAPTATION OF MUSLIM MIGRANTS TO EUROPEAN CULTURE

The article defines the concept of "adaptation" and its classification such as biological, psychological, social as well as unity and difference between biological and social adaptation. The adaptation of the system to other systems is revealed based on the following methodological principles: each system adapts to another system, mutual adaptation of systems, biological adaptation has limits, social adaptation of man and society is unlimited. Great attention is paid to clarifying of extrapolation of these methodological principles to the problem of adaptation of Muslim migrants to European culture.

Keywords: socio-cultural adaptation, dialogue of civilizations, intercultural and interreligious mutual adaptation, migrants, acculturation, assimilation.

Конец XX и начало XXI века качественно отличается от предыдущих эпох многими своими параметрами. Прежде всего, это процессы глобализации в мире, обусловленные научно-техническим прогрессом, новыми информационными технологиями и средствами связи. Люди мира, государства в условиях глобализации, высокой степени интегрированности с одной стороны, с другой – нарастанием *противоречий* между обществом и природой, *противоречиями внутри самого общества* стоят перед лицом необходимости, как осознания, так и решения этих проблем. Капитализация всех сфер, приоритет частных интересов, в ущерб общечеловеческим поставили общество перед глобальным кризисом: духовным, экологическим, военно-политическим, международно-правовым, энергетическим, финансовым, Западом и Востоком, межконфессиональными и межэтническими противоречиями и т.д. Взаимoadaptация культур – это веление и необходимость времени. Оно обусловлено, прежде всего, массовой миграцией в мире, особенно с Востока на За-

пад, имеющие различные причины.

Все последние события в мире: разрушение Советского Союза, сопровождавшиеся межэтническими конфликтами, процессы в Югославии, бомбардировка Ирака, напряженная ситуация вокруг Ирана, Северной Кореи, так называемые революции в Египте, Ливии, Сирии и т.д. показывают нам, что нельзя жить в условиях системного, всеохватывающего нарушения международного права, лжи и обмана, ибо любая ложь и неприкрытый обман разрушающе действует на духовную сферу всего человечества, она способствует её деградации. Прогрессивным государствам, прогрессивным учёным, мыслителям, общественно-политическим деятелям, прогрессивным дипломатам всего мира необходимо вести работу по взаимoadapta-

Ажыбекова К. А.

Брусиловский Д. А.

Есипов И. И.

ции противоречивых сторон в многообразном мире во имя выхода из кризиса цивилизаций, выхода на качественно новый, более совершенный уровень сосуществования и жизнедеятельности человечества, без разрушительных катаклизмов, чреватых уничтожением всего живого на Земле.

Прежде чем говорить о взаимоадаптации остановимся на понятии «адаптация». Проблема взаимоотношения человека и природы, людей одной культуры к культуре других народов в условиях научно-технической революции приобретает особую значимость. Это обусловлено тем, что природа как необходимое условие существования человека перестаёт соответствовать его биологической и социальной сущности под воздействием антропогенных изменений. Человечество как определённая биосоциальная система может существовать только при сохранении системной целостности природы. Взаимодействуя с ней, общество осуществляет свою жизнедеятельность, формируя и воспроизводя свою естественную и социальную сущность. Без взаимодействия общества и природы немислим процесс труда. Антропогенные изменения природной и социально-культурной среды в условиях научно-технической революции имеют глобальный характер. Поэтому исследование адаптационных возможностей приобретает большое значение. Результаты этих исследований позволяют определить пределы допустимости антропогенных и социокультурных изменений природной среды, обосновать оптимальные биологические и культурные условия существования, наиболее полно соответствующие естественному развитию организмов и сохранению здоровья человека, не нарушая их генетической пластичности и адаптационных пределов приспособляемости.

Но в современной среде обитания человека значительно возросла роль некоторых факторов социо-культурной, физической и химической природы. Хорошо известно повреждающее действие ионизирующих излучений на наследственность человека. Эффект этот не имеет порога, т.е. любые, даже малые дозы вызывают определённое число новых мутаций. Опасны ионизирующие излучения при общем повышении фона радиации (например, применение ядерного оружия), когда их воздействию подвергается всё население. Не менее опасным, особенно с генетической точки зрения, может быть действие многих химических веществ, применяемых в быту, медицине, промышленности, сельском хозяйстве, в геополитической борьбе. В Ираке, Сирии террористы уже применяли химическое оружие.

Необходимость исследований проблемы возможностей адаптации человека в условиях научно-технической революции также связана с освоением космоса, морских глубин, районов Крайнего Севера и Юга, пустынь, тропиков и других районов с экстремальными факторами среды. Увеличение объёма добычи сырьевых и топливно-энергетических ресурсов обходится всё дороже. Для обеспечения потребностей в них приходится идти в малообжитые и труднодоступные районы Севера и Востока. Таким образом, современная геополитическая ситуация в мире, научно-техническая революция, процессы глобализации и их последствия заострили внимание учёных к проблеме адаптации и взаимоадаптации человека¹.

1 Ажыбекова К. А. Естественное и социальное в адаптации человека // Естественное и искусственное в естественно-научном познании / под ред. Т. А. Абдылдаева. Б.: Илим, 1991. С. 45-54; Ажыбекова К. А. Религиозность молодежи и проблемы социально-психологической адаптации (на материалах Среднеазиатского региона): автореф. дис... д-ра филос. наук / 09.00.06. М., 1990. 46 с.; Брусиловский Д. А. Методологические проблемы сравнительного ана-

Порождённые ею невиданно высокие темпы и динамика жизни, изменение условий труда и быта, исключительно высокая степень урбанизации, мобильности и миграции ставят человечество в принципиально новые жизненные условия.

Адаптация человека и человечества затрагивает широкий круг различных социальных, географических, биологических закономерностей и их взаимосвязей. Её значение определяется, прежде всего, тем, что природа и физиологические свойства человека, которые формировались в течение многовековой истории, не могут изменяться с такой быстротой и такими же темпами, как и технологические условия производства и окружающая среда. Известно, что потенциальные возможности адаптации человека огромны и поразительны. Однако такое приспособление нередко достигается за счёт физических, психических и социальных издержек человека, приводящих к хроническим расстройствам и болезням. Поэтому в эпоху глобальной научно-технической революции и планетарных по своему охвату преобразований окружающей среды, новых геополитических процессов в мире особое значение приобретает изучение механизмов и возможностей адаптации человека.

Подробный историко-методологический анализ понятия «адаптация», «приспособление» дали известные учёные Т. Г. Дичев, К. Е. Тарасов, Е. К. Черненко². Анализ литературы приводит к выводу, что понятие адаптации употребляется многозначно. Оно чаще используется как инструмент познания процессов взаимодействия организмов, личностей с окружающей их средой. То или иное употребление данного понятия отражает специфику изучаемых сторон этого взаимодействия. В литературе до сих пор ещё нет единого мнения по этому вопросу, не выработано общепризнанное понятие адаптации. Что касается адаптации живого, и адаптации человека, то мы обнаруживаем между ними относительное единство, совпадение, тождество через средства биологической адаптации и различие в социальной обусловленности адаптации человека. Если для адаптации живого (растений и животных) характерны стихийность адаптационных изменений, ограниченность анатомо-физиологическим строением, экологическими возможностями самого организма, непосредственность, преобладание односторонности, то для адаптации человека присущи: активность адаптационных средств, универсальность, опосредованность, целенаправленность и преднамеренность, самоустранение ведущей роли биологической адаптации за счёт возникновения и развития социальной адаптации. Биологические возможности адаптации человека находят своё непосредственное выражение в историческом

лиза цивилизаций // Общество: философия, история, культура. 2017. № 4. С. 39-43; Быстрова Л. И. Проблемы межсоциальной и междивизиционной взаимоадаптации. М.: Социально-политическая мысль, 2016. 240 с.; Калайков И. Д. Цивилизация и адаптация / пер. с болгар. А. М. Бредихина и М. А. Бредихина. М.: Прогресс, 1984. 240 с.; Философские проблемы теории адаптации: общественно-политическая литература / под ред. Г. И. Царегородцева. М.: Мысль, 1975. 277 с.; Хартманн Х. Эго-психология и проблемы адаптации личности / пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Канон, 2015. 160 с.; Kashima E. S., Greiner T., Sadewo G. Open-and closed-mindedness in cross-cultural adaptation: The roles of mindfulness and need for cognitive closure // International Journal of Intercultural Relations. 2017. Vol. 59. P. 31-42; Phua D. Y., Meaney M. J., Khor C. C. Effects of bonding with parents and home culture on intercultural adaptations and the moderating role of genes // Behavioural Brain Research. 2017. Vol. 325. P. 223-236.

2 Дичев Т. Г., Тарасов К. Е. Проблема адаптации и здоровье человека (Методологические и социальные аспекты). М.: Медицина, 1976. 184 с.; Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М.: Мысль, 1979. 366 с.

развитии социальной природы человека и исторически связаны с развитием его социального бытия. Биологический потенциал человечества постоянно испытывает на себе возрастающее воздействие развивающегося социального бытия и сам соответственно способствует развитию последнего. В этом заключается одна из существенных характеристик исторического динамизма родовой природы человека, которая находит своё выражение в расширении биологических возможностей социального прогресса человечества. Процесс же социализации в ходе исторического развития привел к расширению биопсихических, а, следовательно, и социальных возможностей адаптации человечества.

Человечество должно проявить способность развиваться в желаемом направлении гармонического соответствия его духовных и физических сил, гармонического равновесия с природой и социальной средой. Его успехи на этом пути связаны с умением планировать свою деятельность, опираясь на знание реальных закономерностей, в том числе и тех, которым подчиняется ход его биопсихического развития. Как и во всех развивающихся явлениях, в данном случае часть и целое обнаруживают диалектическое взаимодействие. Часть, общество, по силе воздействия на породившую его природу оказывается сопоставимым с породившим его целым. В результате как *природа и общество, так и определенная культура и часть другой культуры*, выступают как диалектически связанные системы, взаимопроникающие и взаимоисключающие. В настоящее время часть (человечество) ставит задачу управлять целым, биосферой, часть общества стремится управлять другой ее частью. Первостепенной предпосылкой решения этой задачи становится познание законов целого и его составляющих (в конкретном случае естественные и социальные, психологические возможности адаптации человека к современным условиям).

Между биологическими и социальными адаптивными возможностями человека, между различными культурными системами существует своеобразное единство, соответствие, взаимодополнение. Вместе с тем в их взаимоотношениях существуют и *противоречия*, которые проявляются предельностью адаптации человека в социальном аспекте. Если практически каждый здоровый человек может адаптироваться к изменению в известных пределах геофизических (метеорологических) параметров среды – температуры, давления, влажности, к ряду механических загрязнений (пыли, дыму), может приобрести естественным или искусственным путем иммунитет к болезнетворным организмам, то ни один человек при любом состоянии здоровья не может долго противостоять воздействию на его организм токсических соединений мышьяка, ртути, свинца, фтора, различных пестицидов, дефолиантов и других³. Если обратимся к социальным аспектам адаптации мигрантов-мусульман к европейской культуре, то при их желании, при создании высоких, при создании высоких мотивационных условий, социально-психологические возможности адаптации их достаточно высоки.

Научно-техническая революция даёт новые возможности и средства развития человека как биосоциального существа, которые естественно могут быть реализованы только в подлинно разумных и гуманных социальных условиях. Современное научное знание характеризуется тенденцией к объедине-

нию различных наук о человеке и связи его с внешней средой. Расширяются исследования психологических, эстетических, физиологических условий труда, активно ведётся поиск методов регулирования биосферы и биогеоценозов, заметны успехи на пути управления факторами, отрицательно воздействующими на биологию, психику и генетику, социально-этнические и религиозные стереотипы человека. Как отмечает И. Т. Фролов «Принципиально новые возможности для человека открываются со вступлением науки в «век биологии», начало которому положено развитием молекулярной биологии и генетики (в частности генетики человека), биокибернетики и других биологических дисциплин. Заметное «переключение» науки на человека открывает огромные возможности эффективной адаптации его к новым условиям среды»⁴. В системе «организм человека – среда» существенное значение имеют не только элементы, но и их связь, её характер, способ осуществления. В их изучении надо отказаться от абстрактного понимания, как человека, так и среды его обитания, необходимо выделить основное, системообразующее взаимодействие, признать принципиально двухсторонний характер этого взаимодействия. И это, на наш взгляд особенно важно в научном управлении адаптационными возможностями человека. Поэтому проблемы адаптации мусульман-мигрантов к европейской культуре не могут быть односторонним процессом. Со стороны европейцев должно быть хотя бы понимание особенностей Восточной культуры и процесс их адаптации должен носить поэтапный характер, причем не в сторону регресса, а в сторону прогресса.

Задача, поставленная перед обществом, заключается не в противопоставлении человека природе, не в изоляции от природы, а в сознательном регулировании отношений между ними. Будучи частью биосферы человеческое общество должно в какой-то мере подчиняться её законам. Конечно, человеческое общество не тождественно биосфере: в нём господствуют особые, социальные законы, не свойственные другим частям биосферы. Однако эти законы действуют лишь до той поры, пока они не вступают в противоречие с законами биосферы. В противном случае природа начинает «мстить» людям за неразумное к ней отношение. Главная тенденция технического и социального прогресса в перспективе будет развиваться по направлению взаимного приспособления между человеком и преобразуемой внешней средой, между обществом и частью этого общества. Техника, создаваемые новые химические, синтетические и другие искусственные вещества, входящие в состав биосферы, должны будут моделировать её закономерности, обязаны быть экологичными, общество откажется от использования в народном хозяйстве, медицине и в повседневной жизни людей неассимилируемых веществ; будут совершенствоваться технологии производств с таким расчётом, чтобы обеспечивался минимум вредных выбросов, т.е. создаваться безотходные производства. Одно производство должно максимально использовать отходы другого; бережное отношение как к материальным ресурсам, вовлечённым в производство, так и к природным ресурсам; строгая локализация всех процессов очистки воздуха, воды, почвы от загрязнений различного типа в специальных технологических системах, включающих и биологические звенья; научное планирование, выработка научного подхода к преобразованию природы.

В современном мире происходят глобальные геополитические изменения, которые усиливают возможности воз-

3 Сейлор В. Биологический аспект человека с точки зрения социологии // Общество и здоровье человека / под ред. проф. Г. И. Цагереодцева. М.: Медицина, 1973. С. 62–72.

4 Фролов И. Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1979. С. 106.

никновения конфликтов. Они обусловлены ограниченностью природных ресурсов на планете, борьбой за сферы влияния, рынки сбыта. Таким образом, в условиях современного глобализированного и интегрированного мира требуется научно-осознанная адаптация между:

1) Обществом и природой. Сегодня человечество должно не просто господствовать над природой, а познав и осознав законы природы, *свою деятельность подчинять законам природы*, охранять природу, загрязнённую часть природы очищать желательнее с помощью биотехнологий. Человечеству требуется *экономичность и экологичность в использовании природных ресурсов*, отойти от суперпотребления, алчности, накопительства, индивидуализма и эгоизма, транжирования богатств природы. Человечеству в XXI веке необходима *новая цивилизационная идеология*, а для этого необходима *качественно новая экономика*, основанная приоритетно на общественной собственности на средстве производства. Человечеству необходимо осознать, что господствующая частнокапиталистическая собственность – это путь в никуда, *путь к самоликвидации человечества*. Об этом говорят: всеохватывающий кризис капитализма во всех сферах: экономической, социальной, духовной, массовая безработица в мире (пример Евросоюз, постсоветские государства и др.), тотальная девальвация духовных ценностей, беспрецедентный рост наркоторговли и наркобизнеса, игромании, сексбизнеса, торговли людьми, игилизация мира.

2) *Взаимоадаптация между Западом и Востоком*, натовцами и ненаатовцами, развитыми и развивающимися государствами. Лидерам государств совместно подумать, как обеспечить нормальную жизнь для более чем 7 миллиардов населения мира! Пора нам задуматься, *как сохранить жизнь на земле*, как не разрушить планету Земля с ее обитателями;

3) *Взаимоадаптация на данном этапе развития человечества государственной и частной собственности*. Отойти от ненаучной, недиалектической абсолютизации частной собственности и рынка. Жизнеобеспечивающие отрасли экономики, особенно энергетические, водные в мире должны быть в руках государства. Ввести планирование в жизнедеятельность государств, расширять разнообразие форм общественной собственности.

4) *Управление демографическими процессами в мире* не за счёт убийства, войн граждан других государств, а *за счёт новых рабочих мест*, создания новых социальных и духовных инфраструктур, доступа к материальной и духовной культуре человечества, к получению профессии, образования, к науке всех граждан на планете, условий для самореализации каждого человека планеты.

5) *Расширять взаимодействие региональных союзов*, в частности СНГ, ОДКБ, Таможенного союза, т.е. в рамках бывшего Советского Союза, ибо у нас глубокие корни во всех сферах, единый менталитет, кровнородственные связи, единый межгосударственный язык – русский. Все республики сегодня взяли ориентир на свой национальный язык. Это хорошо. Нация без родного языка, без корней – это не нация. Но при этом не надо уходить в метафизическую односторонность. Выйдя за пределы республики, межгосударственные переговоры, договора, научное, человеческое общение невозможно вести сразу на 130 языках. У нас есть богатый опыт *межнационального общения, межэтнического сотрудничества и диалога на русском языке*, отказываться от этого блага было бы просто глупостью и ограниченностью. Создание Евразийского экономического Союза – это большой прорыв для тех государств, которые вошли в него. Войдя в этот Союз, Киргизия (самоназвание – Кыргыз-

ская Республика) уже обеспечила себе более перспективное будущее.

6) *Межконфессиональная взаимонастройка* – это веление времени в глобальном интегрированном мире. Диалог различных религиозных культур – это объективная необходимость. Основная цель межрелигиозного диалога – «это уже не прозелитизм, а собственная адаптация к иным религиям, основанная на поисках разумного баланса интересов и взаимоприемлемых соглашений, где важнейшие компоненты адаптации в сфере межрелигиозного сотрудничества – согласование самооценок между религиями и выяснение адекватных возможностей каждой конкретной религии в современном мире»⁵. Все религии одинаковы по своей сущности, выполняемым функциям, по причинам своего возникновения. Различны лишь имена, персонажи одеты в этнические одежды. Все верующие должны работать против насилия, волонтаризма, разных форм дискриминации в мире, унижения человеческого достоинства, нищеты, безработицы, вмешательства во внутрисемейные и внутрисемейные отношения как со стороны спецслужб более сильных государств, так и со стороны отдельных частных лиц.

7) Мы должны осознать, что мир у нас один, Земля у нас одна, природные ресурсы исчерпаемы. Нам надо думать, как в этих условиях совместными усилиями решать эти глобальные и региональные проблемы, познать и осваивать новые планеты, научиться прогнозировать и уметь выстоять перед природными катаклизмами, бороться с их последствиями, а не бороться друг против друга!

Исходя из этих методологических посылок, возможно решение проблемы адаптации мусульман-мигрантов к европейской культуре. Данная проблема стоит сегодня перед всеми странами европейскими странами, которые все чаще вынуждены будут обращаться к современным средствам информации и коммуникации (на телевидении зритель привык видеть в выступающем эксперта), то есть задействовать в этой работе не столько активистов и дилетантов, сколько людей с высоким интеллектом, широтой взглядов, способных к межкультурному и межрелигиозному диалогу как с внутррелигиозным, так и со всем обществом. Мигранты третьего поколения оказываются перед выбором, чью историю выбрать – страны проживания или собственной этнической группы. Если мигранты не принимают новую идентичность государства и сохраняют коллективную память (семейную), то возникает проблема «интегральной истории»: примирения прошлого с настоящим. То есть при интеграции мигрантов в принимающее общество, возникает проблема адаптации. Например, сложно интегрировать исламскую общность в историческую непрерывность коллективной памяти испанцев, в частности о периоде Реконкистов. Дело в том, что Испания является государством автономий: региональная идентичность некоторых провинций выражена интенсивнее общегосударственной. Сама же мифологема победы в Реконкисте (успешная кампания по отвоеванию Иберийского полуострова у мавров) – один из немногих мифов, собирающих государство регионов воедино. Но сегодня, когда в Испании увеличивается число мусульман-выходцев из Африки, возникает необходимость гармонично интегрировать их. Причем на Юге, где завершилась Реконкиста, мусульман больше. И испанское общество, таким образом, оказывается перед выбором – либо от-

5 Брусиловский Д. А. Методологические проблемы сравнительного анализа цивилизаций // Общество: философия, история, культура. 2017. № 4. С. 42.

казаться от культурной традиции, связанной с коллективной памятью о победе христианского мира над маврами, либо в рамках фестивалей «Мавры и христиане» продолжить проводить театрализованные исторические реконструкции, направленные на основополагающий миф испанской идентичности – окончание Реконкисты, завершившееся в 1492 году падением Гранады (последнее владение мусульман в Испании). Действительно, иногда трудно начать историю с чистого листа, забыв трагические моменты прошлого. Пока попытки интеграции возможны через хронологическую привязку к современности – на уровне тематизации диалога культур в их современном виде. А попытки совершить путешествие «назад в прошлое» для того, чтобы дополнить его примерами гармоничного и конструктивного диалога, похоже, безрезультатны. Необходимо также учитывать, что для принимающего европейского сообщества территория – один из главных аспектов идентичности. Архитектура города несет в себе культурный код. В этом контексте швейцарский запрет на строительство минаретов связан не с желанием ограничить права мусульман, а с необходимостью не допустить символической демонстрации «пришлой» идентичности в исторически нетрадиционных для нее местах. Добровольно отказаться от собственного культурного кода, впустить в «свое» пространство чуждую идентичность очень сложно. Для эпохи глобализации характерна миграционная взаимозависимость между развитыми и развивающимися странами. Миграция способствовала устранению экономических и политических проблем принимающей стороны; в то время как менее развитые страны через денежные переводы получали дополнительный капитал, помогающий выживать семьям трудовых мигрантов. Разумеется, Европа не может отказаться от притока иммигрантов из-за настоятельной потребности в рабочей силе. Но не стоит забывать, что миграция в принимающих странах может порождать такие трудности, как: демпинг заработной платы, повышение преступности, рост теневой экономики, усиление межрелигиозной и межэтнической напряженности, замедление модернизации производства, необратимую потерю демографического потенциала.

Итак, чтобы более эффективно адаптировать мусульман-мигрантов к европейской культуре, необходимо опираться на следующие методологические принципы:

1. Прежде всего, – это должны быть принципы взаиморезультивности и взаимонадаптации мусульман-мигрантов и европейцев;
2. Выделять финансы для обучения языку, законам европейских государств, переквалификации;
3. Привлекать мигрантов в культурные, образовательные, производственные, властные структуры Европы, как это делается в России для мигрантов из республик бывшего СССР;
4. На компактно проживающих территориях мусульман-мигрантов создавать светские образовательные центры: детские сады, школы, клубы, дома юных техников, кинотеатры, библиотеки (традиционные и электронные);
5. Создание рабочих мест, причем достойно оплачиваемых;
6. Самим европейцам хотя бы иметь минимальные представления о Востоке, о восточной культуре, исламе, специфике исламских традиций.
7. Мировому сообществу решать глобальные проблемы бедности, безработицы, всеобщего доступа к образованию, медицине, труду, жилью.
8. Создание модели нового типа цивилизации, в целях преодоления вышеобозначенных проблем и противоречий.

Пристайный библиографический список

1. Ажыбекова К. А. Естественное и социальное в адаптации человека // Естественное и искусственное в естественно-научном познании / под. ред. Т. А. Абдылдаева. Б.: Илим, 1991. С. 45-54.
2. Ажыбекова К. А. Религиозность молодежи и проблемы социально-психологической адаптации (на материалах Среднеазиатского региона): автореф. дис... д-ра филос. наук / 09.00.06. М., 1990. 46 с.
3. Брусиловский Д. А. Методологические проблемы сравнительного анализа цивилизаций // Общество: философия, история, культура. 2017. № 4. С. 39-43.
4. Быстрова Л. И. Проблемы межсоциальной и междолицизационной взаимонадаптации. М.: Социально-политическая мысль, 2016. 240 с.
5. Дичев Т. Г., Тарасов К. Е. Проблема адаптации и здоровье человека (Методологические и социальные аспекты). М.: Медицина, 1976. 184 с.
6. Калайков И. Д. Цивилизация и адаптация / пер. с болг. А. М. Бредихина и М. А. Бредихина. М.: Прогресс, 1984. 240 с.
7. Сейлор В. Биологический аспект человека с точки зрения социологии // Общество и здоровье человека / под ред. проф. Г. И. Царегородцева. М.: Медицина, 1973. С. 62-72.
8. Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М.: Мысль, 1979. 366 с.
9. Философские проблемы теории адаптации: общественно-политическая литература / под ред. Г. И. Царегородцева. М.: Мысль, 1975. 277 с.
10. Фролов И. Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1979. 336 с.
11. Хартманн Х. Эго-психология и проблемы адаптации личности / пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Канон, 2015. 160 с.
12. Kashima E. S., Greiner T., Sadewo G. Open-and closed-mindedness in cross-cultural adaptation: The roles of mindfulness and need for cognitive closure // International Journal of Intercultural Relations. 2017. Vol. 59. P. 31-42.
13. Phua D. Y., Meaney M. J., Khor C. C. Effects of bonding with parents and home culture on intercultural adaptations and the moderating role of genes // Behavioural Brain Research. 2017. Vol. 325. P. 223-236.

ФАЙЗУЛЛИН Азат Файзуллович

кандидат философских наук, директор Научно-исследовательского центра Тибетской медицины, г. Уфа

АБРАРОВА Зинира Фоатовна

кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ: ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В реальной жизни, даже не вполне сознавая этого, мы постоянно обращаем взор к прекрасному, возвышенному, совершенному. Это может относиться к внешнему виду оппонентов, интерьеру помещений и другим аспектам бытия человека. Дело в том, что духовно-эстетическое в той или иной степени касается всех сфер жизнедеятельности человека и напрямую относится к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: духовно-эстетическая личность, эстетическая культура, ценности человека, общество, духовно-эстетическая деятельность.

FAYZULLIN Azat Fayzulloviç

Ph.D. in Philosophy, Director of the Research Center of Tibetan medicine, Ufa

ABRAROVA Zinira Foatovna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Bashkir State University

THE SOCIAL LIFE OF THE PEOPLE: THE AESTHETIC ASPECT

In real life, not even quite realizing it, we constantly draw the eye to the beautiful, sublime, perfect. It can refer to the appearance of the opponents, the interior of the premises and other aspects of being a man. The fact that aesthetic to varying degrees, applies to all spheres of human life and directly relates to their professional activities.

Keywords: aesthetic personality, spiritual activity, aesthetic culture, human values, society, aesthetic activity.

Развертывание явления духовно-эстетической культуры происходит на внутреннем плане мотиваций к деятельности (которая понимается очень широко – от внутренней идеально-предметной до воплощенной во внешней предметной деятельности) или же в сфере качественно-оценочной составляющей в том совокупном отношении, которое определено как эстетическое. Актуальная «становимость» эстетической реальности в зависимости от активности эстетического субъекта определяет и духовно-эстетическую культуру как реальность в известном смысле условную – условно выделяемую грань или, точнее, – модус отношения к миру, образующий уровень, качество, окрашенность отношения¹. Несомненное существование этой условной реальности позволяет не только охарактеризовать ее, но и выделить ее структуру, отчетливо проступающую при всякой попытке анализа эстетических явлений. Так, явления эстетической культуры можно анализировать и характеризовать как в определенном смысле онтологические образования, как деятельностные или психологические факты, оценивать их с точки зрения аксиологической и т.п. При этом возникает картина не только совокупности эстетических объектов, имеющих некую ценность, но и иерархически выстроенная система представлений, определяемая необычной способностью восприятия.

Духовно-эстетическое начало, если рассмотреть как самостоятельное начало, неспособно углубить и сформировать духовную личность, оказать благотворное воздействие на её жизнь и деятельность. Эгоистическое самозамыкание – таков удел каждого, кто абсолютизирует значение духовно-эстетического. Но недееспособна и чисто духовная деятельность,

деятельность, напроць лишённая эстетического элемента. Поэтому решение проблемы сосуществования эстетического и духовного – в гармоническом синтезе начал, в соединении духовно-эстетического начала с началами добра, разума и истины. В единстве с разумом и облагороженной эмоцией эстетическое, творческое начало приобретает силу почти неодолимой мощи и, в свою очередь, начинает оказывать влияние на духовность, гармонизировать её структуры. Только анализ культурного опыта человека-творца даёт нам осмысление о силе и надобности духовно-эстетической культуры для гуманного создания.

Духовно-эстетический человек уже не просто «живая недостаточность», как определил человека Ортега-и-Гассет². Духовно-эстетическая личность, становясь созидателем всяческих смыслов, одухотворяет как свою душу, так и мир вокруг себя. В. Гюго в своём романе «Отверженные» высказывает глубокую идею о том, что развитие воображения служит мерилом развития цивилизации³. Синтез воображения и «умного сердца» всегда опосредует отношение эстетического человека к миру и к обществу в целом. Воображение окрыляет, питает веру человека в себя и свое Дело, веру в свой талант и оригинальность, оживляет всё, что оказывается в сфере восприятия и деятельности такого человека. Древнегреческий миф о Мидасе, который умер с голоду, поскольку вся еда, какой он касался, превращалась в золото, имеет негативный смысл. Но эстетическая культура, включающая в себя как потребность эстетического наслаждения тем, что создано другими, так и

Файзуллин А. Ф.

Абрарова З. Ф.

1 Самохвалова В. И. Эстетическая реальность // Эстетическое сознание личности. М., 1994. С. 34.

2 Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 89.

3 Гюго В. Отверженные. М.: Ноэль, 1990. С. 40.

потребность собственного творчества, тоже превращает всё в золото, но это золото даёт жизнь, а не отнимает её, или» лучше сказать, что во многих случаях оно даёт жизнь (бессмертие славы), даже отнимая её. «Мёртвое слово великого человека – пишет А. Шопенгауэр – бесконечно лучше живого слова барана»⁴. Поэтому, «только играя, человек вполне человек»⁵. Уверенность Платона в том, что «искусство бедно, слабо, ничтожно, бесполезно», не мешает ему в большой степени использовать в своей философии искусство и мифологию, без которых она бы много потеряла⁶.

В данное время гуманное общество старается найти и оправдать глубокие ценности, о которых оно имеет пока самое неясное мнение. Этот «новый масштаб истины» находит своё обоснование в процессе соизмерения с искусством и историей. Ввести в философскую мысль новую нравственную цель, «преодолевая поставленные наукой границы как жизненного опыта, так и познания истины»⁷ – это означает преодоление эмпирических границ повседневного мира и, в целом, прорыв к новым мировоззренческим генерализациям.

Изменилось и ныне философское осмысление самого истолкования, которая направлена на социально-исторических и ценностных предпосылках знания и деятельности человека. Так, за особенностями языка и языковой деятельности стоят некие общие «параметры» и свойства социальной, духовной действительности. Другими словами, одним из способов разработки социальной метафизики прекрасного выступает исследование общей структуры языка коммуникации, который в большинстве случаев позволяет нарисовать подлинную картину формирования эстетической культуры как творческой силы, оказывающей самое прямое воздействие на сам цивилизованный, экзистенциальный смысл внутренней активности и деятельности человека и общества.

Эстетическая деятельность, разумеется, идеализирует действительность, что значит отход от неё. Но такой отход имеет в то же время и оправдание. Ещё Чернышевский подметил, что «идеализация – исключение ненужных подробностей»⁸, то есть потребность, умение, привычка сущностного видения действительности, нахождение важных и сокровенных для личности значений. Эстетический человек уже в процессе простого мировосприятия одухотворяет, олицетворяет мир. В очеловеченном же мироздании духовность индивида приобретает особое значение, ценность, очарование, силу и выносливость. Всё это образует так называемую волю к величеству. Неокантианец В. Виндельбанд в статье, посвященной памяти Спинозы, пишет: «Нет истинной гениальности и полного расцвета духовных сил без величия характера»⁹.

Эстетический человек приближен ко второму типу людей. И в этом смысле эстетическая основа главнее философского. Недаром Кант именно через эстетику пытался связать два диаметрально противоположных друг другу мира; мир природы и мир свободы, мир социальных феноменов и мир духовных ноуменов.

Эстетические чувства – это достаточно упорядоченная система облагороженных, торжественных, насыщенных мудростью интуиций и идей, достигших степени благородного разума эмоций. Эстетико-эмоциональная система очень гибка, она может входить в качестве подсистемы в деятельность учёного, философа, обычного работника. Эстетические чув-

ства в соединении с этическими насыщают любую деятельность, – и, разумеется, социально значимую, – особым светом задушевности, стремлением к красоте и идеалу. Подчас нечто фантазийное имеет для индивида большую ценность, чем явления внешней действительности, оказывается реальнее самой реальности. Подобная идеализация мира является одним из существенных условий роста духовности, для которой субъективное всегда ценнее чисто объективного.

Эстетический опыт специфичен. Он лишь частично нуждается в опыте эмпирическом, но более всего он влияет на эмпирический опыт таким образом, что вся душа человека приобретает новое качество. Эстетизм несет в себе информацию, способен к установлению контактов и связей. Он жаждет общения, отклика, соучастия индивидуума в жизни социума. Как бы одиноки не были творцы, из какого бы одиночества не рождались их произведения, как бы ни были творцы пессимистичны, они всегда альтруистичны, – явно или тайно, – их творчество всегда направлено вовне, обращено к людям, к потенциальным читателям и потомкам, их произведения всегда содержат свод каких-то нравственных ценностей.

Эстетико-творческое начало влияет на начало духовное, делая его творческим актом, актом общения, тем, что требует определённых действий в отношении других людей. Духовность, как стабильное пребывание каких-то качеств в субъекте, есть призрак духовности, и полным образом она проявляется в движении, действии, в активном и творческом отношении к чему-то или к кому-то. Духовно-эстетическая культура тем более эффективна, чем больше она вовлекает человека в творческий, социально-значимый процесс.

В духовной жизни общества особо выделяется область художественного творчества людей. Это народное и профессиональное художественное творчество и отражение его в духовном мире людей: эстетическое сознание, эстетическое мировоззрение и художественные способности (качества) индивидов. Народное художественное творчество осуществляется самопроизвольно всеми представителями общества в меру их способностей и интересов. Оно закрепляется в эпосе как совокупности народных героических песен, сказаний, поэм, объединённых общей темой и национальной спецификой, а также в фольклоре, который включает все устное народное творчество: пословицы, поговорки, сказки, песни, танцы, рассказы, легенды, мифы и т.п. Народное художественное творчество не имеет авторства, в основном совершается стихийно, отражая непосредственную жизнь людей в игровых, художественно-эмоциональных или возвышенно-фантазийных образах. Она чрезвычайно богата по содержанию и по формам выражения, самобытна по национальной специфике, но типична для всех народов в том отношении, что характеризует единый для мирового сообщества способ отражения природы, общества и человека в прошлом и настоящем. Мифы или сказки, верования или танцы, песни и афоризмы, разные по содержанию имеются у всех народов. Профессиональное художественное творчество выражает деятельность специалистов, имеющих образование для проявления своих способностей и интересов. Оно имеет выраженное авторство. Сегодня процесс художественного профессионального творчества и его результаты называются искусством. Такое понимание искусства утвердилось не сразу. К сфере искусства ранее относили признанных мастеров, не имевших художественного специального образования или прошедших «практическое» учение у других мастеров. В настоящее время создана система подготовки кадров для художественного творчества: средние и высшие музыкальные, театральные, цирковые, танцевальные, литературные и другие учебные заведения. Они также центры профессионального художественного творчества. Важно подчеркнуть, что и сегодня термин «искусство» сохранил свое значение в смысле «мастерство», качественное художественное творчество. Он применяется к людям, чье творчество оценивается высоко и получило признание независимо от степени их профессиональной под-

4 Шопенгауэр А. Новые паралипомены // Об интересном. М.: Олимп, 1997. С. 106.

5 Кант – Шиллеру. «Об эстетическом воспитании человека», письмо 13 // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 75.

6 Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. Рецензия «О поэзии. Соч. Аристотеля». М.: ОГИЗ – СоцЭКГИЗ, 1938. С. 419.

7 Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 7.

8 Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. М., 1951. С. 434.

9 Виндельбанд В. Избранные произведения. М.: Эхо, 1990. С. 80.

готовки. Причем таким мастером может быть и представитель народной художественной культуры, «обычный» человек, не имеющий базового художественного образования. Вместе с тем далеко не все выпускники консерваторий, театралных и иных вузов становятся мастерами своего дела. В этом состоит особенность художественного творчества, которая связана с талантом, художественными задатками и наклонностями. Народное художественное творчество и искусство образуют художественно-эстетическую жизнь общества, или художественную культуру. Художественная культура — это один из видов культуры общества и элемент его духовной жизни, который состоит в образотворческом воспроизведении жизни людей, неживой и живой природы с помощью категорий возвышенного, прекрасного, совершенного, трагического и комического, серьезного и игрового, а также низменного, безобразного, несовершенного. Художественная культура изучается специальной наукой — эстетикой. Отражение в сознании людей и осмысление художественной культуры как непосредственно, так и с помощью эстетики формирует у них эстетическую культуру. Эстетическая культура — это состояние сознания, мировоззрения и всего духовного мира субъекта, которое воспроизводит художественную культуру и определяет меру его включенности в мир искусства. Эстетическая культура людей включает идеально-духовный и практический уровни. В сознании и мировоззрении важное место занимают знания о художественной культуре, а также эстетической потребности и интересы, эстетический вкус, эстетические эмоции и чувства, эстетический идеал. Практический уровень эстетической культуры реализуется через формы и способы эстетического поведения и общения, а главное — через художественную деятельность, через воспроизводство, трансляцию и потребление художественной культуры.

Бог духовно-эстетического человека — само творчество, разные виды духовной деятельности, в том числе и искусства, этой своеобразной религии вдохновения. Но возникает одна проблема. Духовность, как известно, включена в жизнь, в практику жизни. Эстетика сильно влияет на духовность и пронизывает её. Но так ли уж благотворно воздействие эстетизма на духовность, если он всё же в большой степени отлёт от реальности в мир фантазий и «прекрасных видимостей»? Отчасти уже указывалось, что, уходя от мира, как мира внешних вещей и формальных отношений, эстетический человек приходит к миру же, но ожившему, показавшему глубину своих сокровенных смыслов, одухотворённому идеалами. Но в том-то и дело, что глубина слишком противоречит «поверхности», лишена однозначности, слишком парадоксальна, одно и то же в ней может восприниматься субъектами по-разному. Фантазия играет здесь довольно большую роль. Иногда даже кажется, что эстетическая реальность является сплошным «воздушным замком», миражом источника в пустыне, преодолением отчаяния, фейерверком благих чувств и иллюзий, так что, в конце концов, форма, жажда развлечений оказываются на первом месте, а «игра» превращается в самоцель. В этом случае влияние эстетизма на духовность приобретает негативный оттенок: сама духовность становится «игрой в духовность», позёрством, притворством, антропоцентрическими устремлениями, культом «Я» и т.п. Подобное влияние эстетизма на духовность, конечно, имеет место, но основано на недоразумении.

Акцентируем наше внимание на понятии «эстетическая видимость». Оно имеет два основных смысла. Первый смысл — «видимость» в качестве условия художественного, занимательного, развлекательного сюжета в литературе и живописи, игра ради игры, свободный полёт фантазии, эстетическое наслаждение как приоритетное. Второй смысл понятия «видимость» — парадоксальное раскрытие «истинного», психологически и социально значимого, через саму «условность», фантазию, сочинительство, идеализацию.

Мечта, имеющая, прежде всего эвристическое, психологическое значение, стимулирует и развивает духовность субъекта

эстетического восприятия действительности. Вот отнюдь далеко не полный перечень функций «эстетической видимости» в её сопряжении с разными явлениями духовности и социума.

Мечта поэтизирует жизнь. Для романтиков (как старых, так и новых) мечта — это прибежище от зла и пошлости быта. Это — «ложь, украшающая жизнь»¹⁰. Но для «эстетического человека» это даже и не ложь. «Чем поэтичнее, тем истиннее», — утверждает Новалис¹¹. Аристотель полагает, что поэзия ближе к истине, чем рассказ о действительно случившемся¹². По Ницше — поэт есть «облегчитель жизни». Он отвращает взор от тягостного настоящего или находит для него новые краски¹³. Таким образом, греза сливается с верой в высшее, она — утверждение чуда, в противовес скучной и порочной неопределимости Рока в реальной жизни. Идеализация мира часто облегчает адаптацию «эстетического человека» к обыденной среде (в других случаях и отчуждает от неё), укрепляет его альтруизм, любовь к жизни и человечеству.

Эвристичность образа совмещает в себе эстетическое бескорыстие с пользой, которая лишается своего «эго», эмпиричности и превращается в идеальную и нравственную пользу, в пользу для души индивида; внутреннее развитие, духовность оказываются в этом случае приоритетными ценностями личности.

«Эстетическая видимость» вообще способствует развитию творческой души. В. Иванов пишет в одной из своих статей, что поэзия «сообщает, прежде всего, не новые узрения уму, а новое движение душе», «освобождает души из их теснот, раскрывая дремлющие в них возможности дотоле неиспытанного бытия»¹⁴.

«Эстетическая видимость» является одним из оснований свободы чувств и мысли, раскрепощённости, способности к созданию собственных фантастических миров и миров ещё не бывших, но возможных. Развитие способности воображения — необходимая компонента «живого», «дееспособного» мышления вообще. Человек, неспособный к фантазии, был бы, при всём своём умении абстрагироваться, чем-то вроде египетской мумии.

«Эстетическая видимость», в качестве «художественной правды», помогает осуществить символическое и метафорическое проникновение в тайное, в мир сущностей, в глубину явлений, помогает выявить скрытые смыслы, отразить многозначность феноменов бытия. Горький в письме к Пастернаку прямо пишет, что «воображать — внести в хаос форму, образ», т.е. преодолеть и упорядочить, в каком-то смысле рационализировать иррациональное, хаос»¹⁵. Большую роль в эстетическом познании мира играет человеческая интуиция, синтезирующая истинное и вымышленное. Сама по себе интуиция не является эстетическим феноменом; всё дело в её интенции, в её направленности, а также в том, на что она именно направлена. «Эстетическая видимость» и «художественная условность» вносят в стиль и сюжет произведений элемент занимательности. Понятия, абстракции, смыслы, которые сами по себе слишком сухи и скучны для многих людей, облачаются в оболочки образов, символов, условностей, занимательных сюжетов, так что искусство оказывается способным быть проводником «в народ» самых разнообразных идей и идеалов. Оно оказывается именно в своей культурной ипостаси силой, придающей смысл всей духовной деятельности человека; через вымысел, гиперболу, сказку, иронию, фантазию осуществля-

10 Ницше Ф. Соч. в 2-х т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 324.

11 Новалис. Цит.: Иванов Вяч. «Родное и вселенское». М.: Республика, 1994. С. 222.

12 Аристотель. Сочинения. М.: ОГИЗ — СоцЭКГИЗ, 1938. С. 419.

13 Ницше Ф. Соч. в 2-х т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 325.

14 Иванов В. «Родное и вселенское». Там же. С. 223-224.

15 Горький М. Письмо к Пастернаку // Сухотин А. Ритмы и алгоритмы. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 23.

ется сатирическое изображение негативной социальной действительности. Вымысел, таким образом, протестует против реального обезличивания человека.

Страшное, мистическое, фантастическое есть моделирование неординарных ситуаций и поведения индивидов в них, т.е. имеет психологическую ценность, обостряет интерес к личности и миру в их глубине, разнообразии и парадоксальности. К тому же, как указывал Гофман, – «реальные факты часто принимают в жизни гораздо более чудесный облик, чем то, что может возникнуть в самой буйной фантазии»¹⁶.

Вымысел часто оказывается связанным и с философией. В предисловии к «Принцессе Бранбилле» Гофман пишет: «Целого арсенала нелепостей и чертовщины ещё недостаточно, чтобы вдохнуть душу в сказку, если в ней не заложен глубокий замысел, основанный на каком-нибудь философском взгляде на жизнь»¹⁷.

Очевидно, что во всех таких случаях понятия «эстетическая видимость», «фантазия», «знание», «искусство», «духовность» почти совпадают. Вообще значение фантазии в самой жизни человека и человечества, во всех сферах духовной человеческой деятельности явно недооценивается. Забывается, что и философия, и наука часто зиждутся на произвольных, субъективных, недоказуемых аксиомах, так что, несмотря на множество конкретных открытий. Тайна по-прежнему царит в сфере познания, и даже логика чаще всего лишь прикрывает, делает правдоподобным какое-нибудь фантастическое допущение.

Известный современный искусствовед А. Л. Андреев, рассуждая о «правде вымысла», различает «художественную убедительность» и «жизненную правдивость»¹⁸. Конкретизируя формы «эстетической видимости», он пишет о «внутренней логичности характера персонажа и сюжета, т.е. о внутренней мотивации»¹⁹, о «ситуации жизненных отношений», о «мысленном эксперименте»²⁰. А. Л. Андреев различает «отображение реальности» и выражение (посредством символов, гипербол т.д.) настроений, переживаний, чувств и представлений. Такие художественные приемы, как «перенесение значения слова на другое», «познание одного явления через другое», «познание менее известного через более известное», «ассоциация двух образов в третий, в новый» представляют собой осознание применения метафорического языка искусства. Метафора же – частный случай «эстетической видимости», «эстетической фантазии». Метафорическое, образное мышление присуще истинно духовному человеку. Ю. Б. Боров указывает на особенности образного мышления: 1) освоение конкретно-чувственного богатства явлений; 2) эмоциональное просветление мыслей; 3) многозначность образа; 4) интуитивность образа; 5) метафоричность образа²¹.

Всё это – эстетические феномены, но все они проявляются в душе, сознании, мышлении всякого духовного человека, даже не связанного непосредственно с искусством и эстетической деятельностью. В силу этого эстетическая культура как бы пронизывает всю культуру духовную и придаёт ей смысл. Через всю духовную культуру проходит напряжение эстетической культуры, этой универсальной космической силы.

Современное общество наряду с негативными факторами несет в себе и положительные начала – стремление к поиску,

что указывает об интересе к трансформирующейся жизни и обретением цели движения в ней.

Таким образом, повседневно-бытовые реалии выступают исходным показателем духовного состояния общества, поскольку только в повседневности проявляются духовные приоритеты индивида и через повседневную практику обнаруживаются его устоявшиеся предпочтения. Духовность носит диалектический характер, неотделима от системы общественных отношений и всегда предполагает соотношение с идеалом – константой в определенной духовности. Духовность выступает как определенный фактор каждодневного бытия, на основе которого выстраиваются взаимоотношения человека и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев А. Л. Место искусства в познании мира. М.: Политиздат, 1980. «Над чем работают и о чем спорят философы». Категория истины и проблема художественной правды. С. 35-36.
2. Аристотель. Сочинения. М.: ОГИЗ – СоцЭКГИЗ, 1938.
3. Боров Ю. Б. Ленинская теория отражения и природа образного мышления // Вопросы литературы. 1969. № 9.
4. Ботникова А. Б. Страницы русской гофманианы. Гофман Э. Т. А. и Лермонтов М.Ю. Цит: Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982.
5. Виндельбанд В. Избранные произведения. М.: Эхо, 1990.
6. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
7. Горький М. Письмо к Пастернаку // Сухотин А. Ритмы и алгоритмы. М.: Молодая гвардия, 1988.
8. Гюго В. Отверженные. М.: Ноэль, 1990.
9. Житомирский Д. В. Гофман и музыкальный театр. В кн.: Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982.
10. Кант – Шиллеру. «Об эстетическом воспитании человека», письмо 13 // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
11. Ницше Ф. Соч. в 2-х т.: Т. 1. М.: Мысль, 1990.
12. Новалис. Цит.: Иванов Вяч. «Родное и вселенское». М.: Республика, 1994.
13. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991.
14. Самохвалова В. И. Эстетическая реальность // Эстетическое сознание личности. М., 1994.
15. Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. М., 1951.
16. Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. Рецензия «О поэзии. Соч. Аристотеля». М.: ОГИЗ – СоцЭКГИЗ, 1938.
17. Шопенгауэр А. Новые паралипомены // Об интересном. М.: Олимп, 1997.

16 Ботникова А. Б. Страницы русской гофманианы. Гофман Э. Т. А. и Лермонтов М. Ю. Цит: Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 151.

17 Житомирский Д. В. Гофман и музыкальный театр. В кн.: Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 107.

18 Андреев А. Л. Место искусства в познании мира. М.: Политиздат, 1980. «Над чем работают и о чем спорят философы». Категория истины и проблема художественной правды. С. 35-36.

19 Там же. С. 40-41.

20 Там же. С. 63, 40.

21 См.: Боров Ю. Б. Ленинская теория отражения и природа образного мышления // Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 17.

МАСЛОВСКАЯ Азалия Дамировна

аспирант кафедры этики, культурологи и связей с общественностью Башкирского государственного университета

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Цель статьи – раскрыть с одной стороны, феноменологическое содержание эстетического воспитания современной молодежи, а с другой стороны – актуальность данной социальной потребности в онто- и гносео-аспектах. Показать роль моды в эстетическом воспитании современной молодежи.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, эстетический вкус, современная молодежь, социальная потребность, социализация, роль моды.

MASLOVSKAYA Azaliya Damirovna

postgraduate student of Ethics, culture and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

AESTHETIC EDUCATION OF MODERN YOUTH AS TOPICAL SOCIAL REQUIREMENT

Summary: the purpose of the article is to disclose the phenomenological content of esthetic education of modern youth on the one hand, and on the other hand, topicality of this social requirement is in ontological and epistemological aspects; to show the role of fashion in esthetic education of modern youth.

Keywords: esthetic education, esthetic taste, modern youth, social requirement, socialization, the role of fashion.

Масловская А. Д.

Происходит переосмысление общепринятых эстетических стандартов и образцов в соответствии с личными вкусовыми, стилевыми предпочтениями, гранями темперамента, с персональными возможностями. Налицо проявляется сотворчество эмоционального и психологического созерцания образа, эстетического сопереживания, которое способствует личностному росту.

Мода обладает огромным духовно-воспитательным потенциалом для личности на пути к ее самосовершенствованию через художественно-эстетические и нравственные категории. Как социально-эстетическая норма мода выражается в конкретно-чувственной и оценочной форме, предлагая индивидам право выбора: «как следует» или «как не следует» вести себя в социуме, выступая сегодня как активное духформирующее начало. Индивиды, в ходе общения оказывают определенное влияние друг на друга, происходит взаимная трансляция своего выразительного облика через отличительные черты, символическое поведение, показ внешних форм культуры, окружающих досуг, быт, сферу профессиональной самореализации человека. Мода фокусирует современную молодежь на определенных культурных и эстетических ценностях в образе жизни.

Современная молодежь доверяет тенденциям, которые задает мода, привлекая интересы молодого поколения в области эстетических направлений своими образцами, формами, стилями, предлагая выбор в современном мире.

Мода, являясь важным фактором эстетического воспитания современной молодежи и актуальной социальной потребностью, становится той сферой человеческой деятельности, где органически сливаются эстетический, информативный и коммуникативный аспекты, непрерывно взаимодействуют нормы, каноны, традиции, архаика, шаблон с новаторством, стремление к обновлению, самовыражению¹.

Каждый индивид, включенный в процесс социализации, восприятия и усвоения существующих в обществе ценностей и норм, формируется как личность, соблюдает стандарты поведения, нормы, принципы, регулирующие взаимоотношения индивидов в обществе и составляющие суть социальных институтов.

В основе социализации, как известно, находится механизм подражания, который осуществляется через отождествление с кумирами или принадлежность к определенной социальной группе. Идентификация с членами общества происходит путем интернализации ценностей и ролей объектов подражания. В результате этого у индивидов наблюдается заимствование и активное усвоение ценностных стандартов, в том числе и эстетических, правил хорошего тона и манер взрослого, играющего, как правило, роль эталона. Безусловно, в этих процессах огромную роль играет эстетическое воспитание.

Эстетическое воспитание личности должно осуществляться целенаправленно, прежде всего, агентами первичной социализации, которыми выступают родители, родственники, сверстники, друзья, лидеры молодежных групп. В процессе социализации и эстетического воспитания молодого поколения главную роль, несомненно, играют родители. Связующим элементом между ребенком и иными микро- и макросистемами выступает семья. Она формирует тип структуры будущего поколения, характер интеграции индивидов в социуме и представляет собой определенную социальную группу, где закладываются и накапливаются истоки для индивидуального развития и саморазвития современной молодежи, в том числе и в плане эстетического самосовершенствования. Как известно, молодежь представляет собой социально-демографическую группу, объединяющие признаки которой – возраст, социальный статус и комплекс социально-психологических свойств. В кругу семьи индивид чувствует понимание и поддержку, основанную на родственных связях. Родственные связи укрепляются, когда внутри семьи существуют семейные

¹ Борев В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. М.: Наука, 1986. С. 146-147.

традиции. Традиция – это естественная и первичная «территория» накопления, хранения, возвышения и трансляции экзистенциальных ценностей человека². Традиции, передаваемые от старшего поколения к младшему, прививают последним чувство общности. Благодаря традиционным формам, заложенным в семье, формируется эстетическое воспитание, прививается и раскрывается эстетический вкус. Это происходит за воскресными обедами, ежегодной встречей Нового года, в дни поздравлений с днем рождения. Именно тогда все члены семьи собираются за одним праздничным столом; за совместными занятиями творчеством (вышивание, вязание, всевозможные поделки, изготовление открыток для поздравлений членов семьи); совместными семейными походами на выставки, концерты, в театры, кино; в выезды на природу, на пикники, а также во время путешествий со своими родными. Соблюдая семейные традиции, индивидуумы приобщаются к одинаковым комплексным ценностям, идентифицируются, становятся социально причастными.

Семья закладывает ценности, приобщает к культуре, прививает эстетический вкус, таким образом, помогает в формировании первичной социальной сущности индивида. Личность, наделенная эстетическим вкусом и правилами хорошего тона, имеет некоторые отличия от тех индивидов, которые не обладают данным вкусом, своей целостностью, определенной завершенностью.

Семья – это социальный институт, который в процессе первичной социализации способен оказывать и негативное воздействие на индивида. Низкий социальный статус, употребление алкоголя и наркотических средств, конфликты внутри семьи, жестокое обращение с подрастающим поколением накладывают негативный отпечаток на мировоззрение, характер и социальное поведение индивида. В этих условиях сложно развить эстетический вкус. В данной ситуации возможно исправить положение, и сориентировать в этом смогут как современные агенты первичной социализации (средства массовой информации и Интернет), так и агенты вторичной социализации (специализированные кружки, студии, студенческие группы, группы по интересам и т.д.), а также процесс обучения в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях в рамках изучения таких дисциплин, как «Эстетика», «Этика», «Культурология» и др.

Средства массовой информации также транслируют и продвигают в телевизионных программах актуальность эстетических канонов в современных реалиях постмодерна, категории прекрасного, красивого, гармоничного, возвышенного, чувственного, изящного, интересного, а также современного и модного. Например, на телевидении имеются телепрограммы, направленные на позитивные изменения во внешнем облике, ориентированные на облагораживание своего жилищного пространства, пропаганду здорового образа жизни и т.д. Телепрограммы выходят в эфир еженедельно и рассчитаны на разные возрастные категории, в том числе, и на молодую аудиторию. Например, телепередачи: «Перезагрузка», «Успеть за 24 часа», «Модный приговор», «На 10 лет моложе» помогают создать гармоничный образ и для молодежи, подсказывают, какие модные тенденции на сегодняшний день находятся в тренде, как правильно использовать и применять полученную информацию, чтобы выглядеть красиво, гармонично, модно и современно, с чувством меры. Профессионалы своего дела дают советы в выборе одежды на разные случаи жизни, мо-

делировании причесок, правильного использования и нанесения косметических средств и макияжа.

Телепрограммы: «Идеальный ремонт», «Фазенда», «Квартирный вопрос», «Школа ремонта» и другие дают рекомендации по улучшению, обновлению, облагораживанию своего жилищного пространства, как правильно его организовать, разделить на зоны при помощи дизайнерских решений, приемов, с использованием современных технологий, строительных материалов, модных тенденций с ориентиром на эстетическую составляющую.

Особое место в эстетическом формировании индивида занимают передачи, обращенные к здоровому образу жизни: правильному и здоровому питанию, к спортивной составляющей: здесь можно выделить телепрограммы «Ледниковый период», «Танцы на льду» и т.д. Танцевальные телепрограммы: «Танцы», «Танцы со звездами» и прочие формируют чувство нового, обновленного, прекрасного, гармоничного, чувственного. Молодежь подражает, начинает лучше ориентироваться в многообразии предложенных вариантов, а также пробует, примеряет, проецирует образы на себя. У молодого поколения возникает интерес к различным сферам, появляется стремление выглядеть модно и красиво, иметь физически подтянутое тело, употреблять здоровую пищу, влияющую на физическую красоту. Данные телепрограммы вызывают интерес, привлекают, показывают возможности и достижения специалистов в профессиональной сфере. Важную роль для современной молодежи играют и кумиры спорта, кино, эстрады, фешнТВ, модельеры, дизайнеры в разных областях и т.д. Они, в свою очередь, выступают эталонными образцами, на которых равняется и берет с них пример современная молодежь. Благодаря Интернету, социальным сетям (ВКонтакте, Инстаграм, Фейсбук, Одноклассники) молодое поколение черпает необходимую информацию в различных эстетических направлениях.

Эстетическое воспитание выражается в проявлении и применении эстетического вкуса индивидуумами практически во многих сферах человеческой жизни. Индивидуумы учатся познавать, испытывать чувственное наслаждение, от того, что называется красотой. Эстетическое воспитание представляется нам целенаправленным процессом воздействия на молодежь разнообразными методами, целью которого выступает достижение гармоничного содержания внутреннего мира, душевных качеств и телесности. Как подчеркивает С. П. Ломов, «важно научить человека осмысливать информацию, правильно отбирать ее, верно ориентироваться в информационном потоке, уметь входить в гармоническое состояние своего внутреннего мира, самоопределяться с внутренними духовными потребностями, эстетическими интересами»³. Эстетическое воспитание неразрывно связано с формированием эстетической культуры. Воспитание эстетической культуры – это благородное дело каждого, долг и обязанность семьи, государства и его институтов⁴.

Для построения цивилизованного общества нужны и эстетически развитые личности, способные творить себя и

2 Рахматуллина З. Я. Традиция как социокультурный феномен. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 20.

3 Ломов С. П. Предметы изобразительного искусства в новой школе: современные проблемы и инновации // Рудакова Д. Т. Материалы цикла Всероссийских телемостов по вопросам Федеральных государственных стандартов второго поколения / Д. Т. Рудакова, П. Ю. Дик. М.: Институт содержания и методов обучения РАО, 2012. С. 4.
4 Рахматуллина З. Я., Фаткуллина А. Я. Эстетическая культура личности и общества: современное измерение // Вестник Башкирского университета раздел Философия, социология, культурология и политология. 2008. Т. 13. № 4. С. 1061.

создавать свое окружение по законам красоты. Огромное значение в данном процессе имеет эстетическое воспитание как составная часть формирования духовной личности⁵. Конечная цель эстетического воспитания – формирование эстетической культуры, эстетического отношения человека к действительности. Воспитание красотой и через красоту формирует не только эстетико-ценностную ориентацию личности, но и развивает ее способность к творчеству, созданию эстетических ценностей и в сфере трудовой деятельности, и в быту, и в общественных поступках и поведении, культивирует эстетический вкус⁶.

Эстетический вкус – комплексное понятие, который включает в себя эстетические ценности, ориентации и представления, фундаментом которых выступают культура личности, творческий потенциал, благодаря чему молодежь способна воспринимать и переживать эстетические впечатления. В структуру эстетического вкуса включены как социальные потребности, так и духовные.

Духовная потребность в систематическом и насыщенном общении с красотой и иными эстетическими ценностями входит в структуру эстетического вкуса. Содержание, а также уровень культуры молодежи может просматриваться, выявляться и удовлетворяться через потребности, способности, умения, которые проявляются в эстетическом вкусе и выборе. В результате этого у молодежи возникает возможность делать сравнительные выводы о квинтэссенции «прекрасного» и «безобразного», появляется умение распознавать истинные ценности и ложные, а также реально оценивать увиденное и прочувствованное. Можно заключить, что способности, умения и потребности индивидуумов преломляясь в эстетическом вкусе, определяют их уровень и содержание общей культуры.

Способность индивидуумов к чувствованию, пониманию и оцениванию эстетических явлений относится к характеристике эстетического вкуса. Он представляет собой единство разума и чувств и их взаимодействие, которые опираются на понятия, воззрения об искусстве и мире, исходя из соответствующего общественного эстетического идеала. Идеал выступает одним из главных компонентов эстетического сознания, он содержит в себе конкретно-чувственные характеристики высшей нормы эстетического совершенства.

На внешние эстетические черты личности оказывает значительное влияние и такой социальный феномен как мода. Её уникальность заключается в выполнении в обществе ряда функций, которые удовлетворяют многообразные социальные потребности человека, в том числе, и эстетические. Представления об этом феномене определяются и поддерживаются признаками и критериями красоты, которые выражаются в осмыслении эстетического и в человеческом поведении в определенное время.

Сама культура моды основывается на многообразных категориях эстетического порядка, закладывает основы и благоприятствует в содействии конструированию жизненных ценностей в современных сообществах. Развитие культуры моды в многообразных областях и направлениях жизни социума ведет к формированию определенного мироощущения, мировосприятия и миропонимания индивидуумов, ориентируясь и на их предпочтения.

Формирование стандартов «совершенства», а также побуждение к активизации индивидов к совершенствованию и

самосовершенствованию как во внешнем облике, так и во внутренней квинтэссенции в соответствии с заданными векторами общего развития, культивирование в человеке эстетического вкуса определяют эстетическую функцию моды.

Таким образом, можно отметить, что сегодня, как никогда, принципиально значимым становится эстетически воспитанная современная молодежь, которая обладает эстетическим вкусом и хорошими манерами.

Можно заключить, что вовлечение в различные современные социально-культурные проекты, социальные сети, соблюдение семейных традиций, просмотр модных шоу и телепередач, в которых заложен код эстетической категории, способствуют эстетическому воспитанию и формированию вкуса у современной молодежи. Эстетический вкус развивается, когда впечатления от увиденного и услышанного проникают и накапливаются в сознании современной молодежи, благодаря чему происходит расширение эстетического кругозора. Быть современным во всех отношениях, творить себя и свое окружение по законам красоты – это требование времени. Свою лепту в эстетическое формирование современного индивида вносит эстетическое воспитание, которое является актуальной потребностью общества, заботящегося о молодых поколениях, – своем главным мобилизационном ресурсе, сочетающем в себе единство добра, истины и красоты.

Пристатейный библиографический список

1. Боров В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. М.: Наука, 1986.
2. Валиуллина З. Р., Рахматуллина З. Я., Фаткуллина А. Я. Эстетика. Учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 234 с.
3. Ломов С. П. Предметы изобразительного искусства в новой школе: современные проблемы и инновации // Рудакова Д. Т. Материалы цикла Всероссийских телемостов по вопросам Федеральных государственных стандартов второго поколения / Д. Т. Рудакова, П. Ю. Дик. М.: Институт содержания и методов обучения РАО, 2012. 109 с.
4. Рахматуллина З. Я., Фаткуллина А. Я. Эстетическая культура личности и общества: современное измерение // Вестник Башкирского университета раздел Философия, социология, культурология и политология. 2008. Т. 13. № 4. С. 1060-1061.

5 Валиуллина З. Р., Рахматуллина З. Я., Фаткуллина А. Я. Эстетика. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 227.

6 Там же. С. 228.

ШАЙХУТДИНОВА Лиана Салаватовна

аспирант кафедры этики, культурологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета.

РОЛЬ И МЕСТО ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ДУХОВНОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению детского и юношеского телевидения, его месту и роли в духовном воспитании подрастающего поколения, их места и значения в становлении духовной личности.

Ключевые слова: подрастающее поколение, духовное воспитание, формирование личности, средства массовой информации, мироотношение, миропонимание, детское и юношеское телевидение.

SHAYKHUTDINOVA Liana Salavatovna

postgraduate student of Ethics, culturology and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

THE ROLE AND PLACE OF CHILDREN'S AND YOUTH TELEVISION IN THE SPIRITUAL EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION

The article is devoted to the consideration of children's and youth television, its place and role in the spiritual education of the younger generation, their place and significance in the formation of the spiritual personality.

Keywords: younger generation, spiritual education, personality formation, mass media, relationship of the world, world outlook, children's and youth television.

Шайхутдинова Л. С.

Духовное воспитание подрастающего поколения представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность, направленную на формирование личности, сочетающей в себе единство истины, добра и красоты, и предполагает не только ее интеллектуальное обогащение, духовное совершенствование, но и культивирование в индивиде ответственности, патриотизма, гражданственности и активной жизненной позиции.

Духовное воспитание детей, юношества и молодежи – это направление, которое сама жизнь выдвинула в настоящий момент в качестве важнейшего в системе воспитания. К сожалению, многие ценностные приоритеты, сложившиеся в системе отечественного воспитания, в силу ряда объективных факторов утрачены или трансформировались, растеряв многие духовные смыслы и ориентиры.

Огромное влияние на процесс духовного формирования подрастающего поколения традиционно оказывали и оказывают средства массовой информации, которые практически присутствуют во всех сферах жизни общества и индивида и с помощью которых происходит распространение информации (знаний, эстетических ценностей, моральных и правовых норм).

Средства массовой информации воздействуют на миропонимание и мироотношение человека с самого раннего возраста. В современном мире средства массовой информации ощутимо оказывают влияние на индивида вплоть до формирования его привычек, взглядов, вкусов, предпочтений. Журналы, интернет и развлекательное телевидение формируют у подростков свои вкусы и мнения, оказывают влияние на их поведение, а также на их нравственное сознание и мироотношения.

Поток информации в современном мире разнообразен и противоречив. Воздействие средств массовой информации на

развитие личности подростка крайне противоречиво: с одной стороны, подросток расширяет свой кругозор и любознательность, с другой – возможно негативное влияние потребляемой информации на его духовный мир, чувства, поведение. Нравственные качества подрастающих поколений, как правило, складываются по образу и подобию того, что они слышат и видят, что усваивают и «пропускают» через себя.

Несомненно, средства массовой информации играют огромную роль в жизни индивида – это и источник информации, и средство общения, и в условиях сложных социально-экономических процессов, происходящих в обществе в последние годы, заметно снизивших воспитательные функции семьи и школы, зачастую становятся и средствами массового воспитания подрастающего поколения. Общение родителей с детьми уходит постепенно на задний план, что, в свою очередь, обуславливает возросшее влияние средств массовой информации на процесс социализации, и процесс формирования миропонимания и мироотношения подрастающего поколения. Средства массовой информации, нередко «заменяя» родителей, дают не всегда позитивные воспитательные результаты, которые зачастую не удается предусмотреть или исправить.

Что же сегодня слышит, и видит, и читает наше подрастающее поколение в современных средствах массовой информации? Криминальные истории, сериалы и рекламу, которые, направлены не на «быть», а на «иметь». Как известно, «Быть» – значит быть обращенным и к нравственным, духовным основам жизни, добру, и лишь исходя в своих действиях из желания защитить, сохранить и приумножить, человек сможет двигаться по пути не только количественного, но и качественного роста»¹. Язык некоторых

1 Рахматуллина З. Я., Фаткулина А. Я. Человеческий мир: этическое измерение. Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2009. С. 106.

средств массовой информации последних десятилетий наглядно демонстрирует легитимизацию ненормативной лексики. Речи некоторых политиков и идеологов, художественные выступления и интервью кумиров современной молодежи, представителей поп-культуры и др. изобилуют многочисленными «перлами» обценной (в переводе с англ. — «непристойной», «грязной», «бесстыдной») лексики, которые развращающе влияют, прежде всего, на духовный мир подрастающего поколения².

Особо следует отметить негативную практику детского и подросткового телевидения. Все чаще подрастающее поколение подвергается опасной атаке с голубых экранов телевизоров, потому что многие из мультфильмов построены на драках, воровстве и т.д. Как это влияет на детское развитие и духовно-нравственное состояние детей? Они становятся гиперактивными, приобретают повышенную возбудимость, у них вырабатывается недоброжелательное и агрессивное сознание. Сегодня все чаще подрастающее поколение ориентируется не на поступки героев мультфильмов, а на их внешность. Современное поколение растет равнодушным, потому что у них недостаточно времени на понимание и выражение эмоций при просмотре современных мультфильмов, так как кадры на телеэкране меняются слишком быстро. Нравственные устои ребенка как известно, формируются и под влиянием телевидения.

Детское телевидение – это особенная составляющая телевидения, поскольку именно ему вверяются задачи воспитателя и педагога. Воспитание патриотизма, гражданственности, общекультурных ценностей, становление всесторонне развитой личности, воспитание нравственно и физически здорового поколения – это одна из главных задач современного телевидения. Взаимодействие государства, средств массовой информации и общества в целом играют важную роль в воспитании подрастающего поколения.

В настоящее время детское телевидение испытывает влияние таких социокультурных реалий, как глобализация и коммерциализация, что приводит к определенным проблемам: показу зарубежной продукции, неадаптированной к российскому зрителю и ориентированной на развлечение в ущерб образовательной и воспитательной функциям, нехватке качественных отечественных телевизионных программ, мультипликации и кино для детей. Кроме этого, развитие технологий, стирание границ между традиционными средствами массовой информации и интернетом, другими современными средствами массовой коммуникации, отразилось и на телевидении: поменялись требования аудитории к качеству и интерактивности контента, жанрового разнообразия. В то же время на рынке отсутствует достаточный объем качественной отечественной детской телевизионной продукции, в том числе эксклюзивной – на языках народов России.

Качественное детское и юношеское телевидение – это актуальная социально-духовная потребность современного общества, которое задумывается о настоящем и будущем своего главного мобилизационного ресурса – подрастающих поколений.

Пристатейный библиографический список

1. Рахматуллина З. Я., Фаткуллина А. Я. Человеческий мир: этическое измерение. Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2009. 156 с.
2. Рахматуллина З. Я. Экология отечественной культуры как актуальная социальная потребность (законодательные аспекты) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (54). С. 26-30.

2 Рахматуллина З. Я. Экология отечественной культуры как актуальная социальная потребность (законодательные аспекты) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (54). С. 28.

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (РУДН), член Всемирной комиссии по экологическому праву Международного союза охраны природы (Москва)

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО XV КОЛЛОКВИУМА, ПРОВЕДЕННОГО АКАДЕМИЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ (СЕБУ, ФИЛИППИНЫ, 29 МАЯ – 3 ИЮНЯ 2017 Г.)

Дан обзор Международного XV коллоквиума, проведенного Академией экологического права Международного союза охраны природы при поддержке филиппинского Университета Себу, на тему «Рассказы о мире, который мы хотим, и закон как путь к этому».

Ключевые слова: экологическое право, международное экологическое право, Академия экологического права Международного союза охраны природы, МСОП.

SOLNTSEV Alexandr Mikhailovich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of International law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia, member of the world Commission on environmental law International Union for the conservation of nature (Moscow)

Солнцев А. М.

INTERNATIONAL 15TH ANNUAL COLLOQUIUM OF THE IUCN ACADEMY OF ENVIRONMENTAL LAW (CEBU, 29 MAY–3 JUNE 2017): A REVIEW

The article gives an overview of the international 15th Annual Colloquium of the IUCN Academy of Environmental Law, which held with the support of Cebu University in May/June 2017. The topic for the 2017 Colloquium was «Stories of the World We Want - and the Law as a Pathway».

Keywords: environmental law, international environmental law, the Academy of Environmental Law of the International Union for Conservation of Nature, IUCN.

Введение

Сегодня в мире существуют различные профессиональные сообщества юристов-экологов, в которых обсуждаются актуальные проблемы экологического права, проводятся конференции, презентации новых книг, т. е. идет процесс общения и обмена идеями в неформальной обстановке. Наиболее значимыми среди них являются Академия экологического права Международного союза охраны природы (МСОП), Европейский форум экологического права и группа по экологическому праву Европейского сообщества международного права.

МСОП – старейшая в мире экологическая организация, созданная в качестве НПО в Швейцарии (Глэнд) в 1948 г. В начале 60-х гг. XX в. в МСОП начала действовать Всемирная комиссия по экологическому праву, членами которой могли становиться ученые и практики в области экологического права со всего мира. В 2003 г. по инициативе известнейшего юриста-эколога Николаса Робинсона с целью распространения знаний и результатов исследований по экологическому праву была учреждена Академия экологического права (ее секретариат находится в г. Балтимор, США). Членами Академии могут быть только вузы. За 15 лет к ней присоединилось около 200 вузов из более чем 60 стран. Первый коллоквиум прошел в Шанхае (Китай) в 2003 г., а последний в Осло¹. Местом проведения XV коллоквиума Академии экологического права МСОП стали Филиппины (остров Мактан, провинция

Себу), а его соорганизатором – Университет Себу. Главная тема коллоквиума – «Рассказы о мире, который мы хотим, и закон как путь к этому». Название коллоквиума отсылает нас к названию итогового документа «Будущее, которое мы хотим», принятого на конференции «Рио+20» в 2012 г. и показывает желание организаторов показать, какие успехи в экологическом законодательстве получены в разных странах мира.

Немного о Филиппинах и острове Мактан

Остров Мактан (ныне является частью провинции Себу) вошел в мировую историю тем, что там в 1521 г. произошло сражение между испанцами из экспедиции Фернана Магеллана и местным населением под руководством вождя Лапу-Лапу, в ходе которого Магеллан был убит. Известный мореплаватель командовал экспедицией, совершившей первое известное кругосветное путешествие, открыл пролив, позже названный его именем, став первым европейцем, проследовавшим по морю из Атлантического океана в Тихий. Именно он принес христианство на Филиппины, которые до сих пор остаются крупнейшим христианским государством Азии, а также положил основание для объединения более 7000 независимых островов в одно государство. Независимость страны от Испании, в составе которой Филиппины находились в течение 1521–1898 годов, была провозглашена 12 июня 1898 г., после чего, в соответствии с Парижским мирным договором 1898 года, острова стали частью США, полную независимость от которых получили 4 июля 1946 г.

Первый день (29 мая)

Официально коллоквиум начался в среду, 31 мая, но в понедельник и вторник уже проводились научные мероприятия, семинары (так называемые *workshops*) и презентации книж-

¹ См.: Солнцев А.М. Обзор международного XIV коллоквиума, проведенного Академией экологического права Международного союза охраны природы (Осло, 20–24 июня 2016 г.) // Электронное приложение к «Российскому Юридическому Журналу». №6. 2016.с.125-132.

Участники XV Академии экологического права Международного союза охраны природы (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО XV КОЛЛОКВИУМА, ПРОВЕДЕННОГО АКАДЕМИЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ (Себу, Филиппины, 29 мая – 3 июня 2017 г

ных новинок. Для международных конференций это обычная практика.

На семинаре по методикам преподавания экологического права участники делились своим опытом и проблемами. Особое внимание они уделили внедрению «юридических клиник» и имитации судебных заседаний по рассмотрению экологических исков. Безусловно, применение таких методик делает курс более практико-ориентированным. Интересным был доклад Дж. Риверы о ролевой игре, созданной на базе полевых исследований на тему «изучение уязвимости изменения климата и экологических беженцев в дельте р. Меконга».

Второй colloquium был посвящен реализации проекта по изучению имплементации принципов Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. в различных странах мира. Его проводил известный австралийский ученый Поль Мартин (Университет Новой Англии), он разработал методику, позволяющую эффективно оценить процесс имплементации (с учетом анализа периодических докладов государств, судебных решений, материалов НПО и т.д.), к нему уже присоединились ученые из Китая, Соломоновых Островов, ЮАР, Кении, Новой Зеландии и Бразилии. Участники проекта представили промежуточные результаты проекта и призвали присоединиться и другим ученым. Это подход, на наш взгляд, очень важен, поскольку сегодня принято много международных экологических соглашений, пора переходить к оценке имплементации, разбираться правильно ли идет правоприменительная практика в государствах, соответствует ли она международным стандартам.

День второй (30 мая)

В этот день участники colloquium могли либо посетить семинар о защите окружающей среды в период конфликтов и в постконфликтных ситуациях или поехать в Университет Себу и посмотреть студенческую модель заседания суда по ядерному вопросу. Я выбрал семинар, где прозвучало много интересных докладов, преимущественно основанных на личном практическом опыте. Так, доклад Дэвида Гринлинтона (Оклендский университет, Новая Зеландия) был посвящен роли международных организаций и вооруженных сил в деле реализации проектов устойчивой энергетики в конфликтных зонах. Докладчик сделал акцент на анализе постконфликтной

ситуации в Афганистане, строительстве там микро ГЭС и установке солнечных батарей в целях поддержания энергетической безопасности в сложное для страны время.

Вопросам действия Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожению 1993 г. как многостороннего природоохранного документа в миссии по удалению оставшихся запасов химического оружия в Ливии был посвящен доклад Гранта Доусона (представитель Организация по запрещению химического оружия, ОЗХО). В Конвенции 1993 г. говорится, что каждое государство при уничтожении объектов по производству химического оружия, а также в ходе транспортировки, отбора проб, хранения и уничтожения химического оружия уделяет первостепенное внимание защите окружающей среды (ст. IV (п.10), ст. V (п.11)). Химическое оружие должно уничтожаться в соответствии с нормативными требованиями о защите окружающей среды. Г. Доусон отметил большой прогресс, который произошел со времен Второй мировой войны. Помимо Конвенции 1993 г. при транспортировке и утилизации химического оружия должны выполняться положения многих других международных договоров, прежде всего положения Конвенции ООН по морскому праву, Лондонской конвенции 1972 г. и Протокола 1996 г. к ней, СОЛАС и МАРПОЛ 73/78. Также докладчик привлек внимание слушателей к Резолюции ГА ООН 63/51 «Соблюдение экологических норм при разработке и осуществлении соглашений о разоружении и контроле над вооружениями» как важному эколого-правовому инструменту.

Проф. Норико Окубо (Университет Осака, Япония) рассказала в своем докладе о перспективах строительства американской военной базы в Японии в Хинокко. США настоятельно рекомендовали переместить авиабазу корпуса морской пехоты вооруженных сил США Футенма (Futenma), расположенную в городе Гинован (Ginowan) префектуры Окинава (Okinawa) в Хеноко (Henoko) в городе Наго (Nago), находящемся в провинции Окинава. Строительство этой новой базы может нанести непоправимый ущерб популяции дюгонь (водное млекопитающее, единственный современный представитель рода дюгоней семейства дюгоневых отряда сирен, занесено в Красную книгу). Местное население и мэр выражают протесты

сты и требуют провести надлежащую оценку воздействия на окружающую среду, окончательно вопрос не решен.

Проф. Элиана Кузато из Сингапурского университета отметила развивающееся вьетнамо-американское сотрудничество по очистке вьетнамской территории от последствий вьетнамской войны (1964-1975 гг.) за счет США. Напомним, что за время войны армия США расплыла на территории Южного Вьетнама более 70 млн литров дефолиантов «Agent Orange» для уничтожения лесов, американские военные также применяли газы; вызывали искусственное облакообразование и кислотные дожди, применяя обработку облаков химикатами и закисление атмосферы; распыляли химикаты, вызывающие сильные пожары в джунглях. Докладчик отметил, что недавно был заключен межгосударственный договор об экологической очистке территории Вьетнама, в частности на очистку международного аэропорта Дананг от диоксинов выделено 41 млн долларов. Загрязненная почва и донные отложения будут раскопаны, а затем подвергнуты воздействию высокой температуры для уничтожения диоксинов.

Третий день (31 мая)

В среду начался сам коллоквиум Академии экологического права МСОП. Церемонию открытия вела профессор Университета Себу Р. Осорио. С приветственными словами выступили: президент Университета А. Го, заместитель Председателя Академии экологического права британский проф. Элизабет Кирк и представитель ЮНЕП. В завершение открытия коллоквиума выступил проф. Антонио Опоса. О нем стоит сказать отдельно: это профессор с ярко выраженными ораторскими способностями и большой харизмой, он очень много сделал для практической защиты окружающей среды на Филиппинах: добился в Верховном суде Филиппин признания принципа ответственности между поколениями; боролся с преступными синдикатами, наносящими ущерб окружающей среде; выиграл иск против государственных органов Филиппин о необходимости очистки Манильского залива и т.д. После выступления проф. Антонио Опоса призвал всех участников открыть Академию коллективным пением (караоке) известной песни «What a wonderful life», что все с удовольствием и сделали.

Далее в рамках пленарной части Академии выступил судья Верховного суда Филиппин А. Карпио, который рассказал о важности возмещения ущерба морской среде со стороны Китая (непоправимый ущерб системе коралловых рифов) после вынесения в 2016 г. решения Арбитражным трибуналом по делу «О южном китайском море» (Филиппины против КНР)². Затем прозвучали доклады о различных аспектах защиты морской среды.

После пленарной части началась параллельная работа четырех круглых столов: «Защита дикой природы», «Адаптация к изменению климата», «Соблюдение экологического права» и «Право на окружающую среду».

В завершение первого дня Академии всех участников отвезли в старинное здание муниципалитета Себу, где выступили глава Себу Хиларио Давид III и омбудсмен Филиппин Кончита Карпио-Моралес. После состоялся праздничный ужин, во время которого участникам Академии был показан концерт. Филиппины имеют очень богатое культурное наследие, которое включает огромную палитру разнообразных тради-

ционных танцев, которые отражают элементы повседневной филиппинской жизни, их истории и христианизации страны.

Четвертый день (1 июня)

Пленарное заседание в четверг было посвящено проблеме вопросам преподавания дисциплины «экологическое право» в Азии, в том числе выступил представитель Азиатского банка развития и рассказал о повышении судебного и академического потенциала в сфере защиты окружающей среды в странах Азии, о программах массового обучения педагогов экологическому праву.

После пленарного заседания прошло 4 параллельные тематические сессии: 1) Вклад конвенций ЮНЕСКО в сохранение и устойчивое использование биоразнообразия in-situ; 2) Возобновляемые источники энергии и энергетическое право; 3) Истории городов и местностей: внутри и снаружи 4) Морское биоразнообразие и сохранение экосистем [ОКЕАНА]. Автор настоящего обзора принял участие в первой сессии. Действительно, мы мало внимания уделяем таким вопросам, как защита окружающей среды в процессе культурного сотрудничества, хотя международно-правовая основа и правоприменительная практика в этом отношении весьма разнообразна. Докладчики рассказали: о практике привлечения коренных народов к сохранению природных объектов всемирного наследия человечества в Канаде (Ш. Даило); о взаимодействии конвенций ЮНЕСКО и права ЕС в части защиты интеллектуальных прав и сохранения биоразнообразия (Х. Деко); о вкладе Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия 2003 г. в сохранение биоразнообразия in situ как в целом (Р. Госвами), так и на примере такого объекта всемирного наследия как священные леса кайя миджикенда в Кении (Ф. Хуле); о проблемах реализации статьи 13 Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г.³ в канадском Квебеке (С. Александре).

После обеда началась пленарная сессия «Перспективы развития экологического права и политики в меняющемся мире», которую открыл проф. Бен Боер с докладом «Господство права в экологических отношениях в XXI в.». Он рассказал о прогрессивном развитии международного экологического права и детально остановился на анализе принципов Декларации МСОП о господстве права в экологических отношениях 2016 г.⁴ и упомянул про грядущее в Париже в июне 2017 г. принятие на основе этой Декларации текста всемирного Пакта по окружающей среде⁵. Докладчик особо отметил, что государство может не принимать концепцию «господство права», но, желая охранять природу, может реализовывать концепцию «господство права в экологических отношениях», поскольку она проистекает из обычного права и связана с естественными правами.

Профессор Ник Робинсон, отец-основатель Академии экологического права⁶, рассказал об уроках, которые можно

2 Подробнее см.: «The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. The People's Republic of China)». URL: <https://pca-cpa.org/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf>

3 Статья 13 «Интеграция культуры в процесс устойчивого развития» Конвенции: «Участники стремятся включать вопросы культуры в свою политику в области развития на всех уровнях в целях создания условий, способствующих устойчивому развитию, и в этих рамках содействуют учету аспектов, связанных с охраной и поощрением разнообразия форм культурного самовыражения».

4 IUCN World Declaration on the Environmental Rule of Law (Brazi, 29 April 2016) // <http://www.unep.org/environmental-governance/erl/iucn-world-declaration-environmental-rule-law>

5 На момент опубликования настоящего обзора текста Пакта уже был принят. См.: Global pact for the environment 2017 // pactenvironment.org/aboutpactenvironment/the-project/

6 В рамках Академии у профессора Н. Робинсона было взято интервью: Солнцев А.М. Интервью с профессором юридической школы

извлечь из времен Робин Гуда в нашу эпоху антропоцена, а именно он проанализировал положения Лесной хартии 1217 г. и сопоставил ситуацию с сегодняшним днем. Докладчик отметил, что многие нормы по сохранению окружающей среды носят обычно-правовой характер и известны с давних времен.

Вечером был организован официальный прием у властей города Мандау, где эколог и проф. Антонио Опоса презентовал свою книгу «Shooting Stars & Dancing Fish» («Падающие звезды и танцующая рыба»), а желающие смогли приобрести ее с автографом.

Пятый день (2 июня)

Последний день коллоквиума начался с круглого стола, на котором обсуждались актуальные вопросы развития австралийского экологического права (судья Земельного и экологического суда Б. Престон) и американского экологического права (Д. Ходас и Р. Персивал).

Затем прошли 5 параллельных круглых столов: «Изменение климата и суды», «Процессуальные экологические права человека: участие общественности и доступ к экологической информации», «Продовольственная безопасность и сохранение биоразнообразия», «Делясь счастливыми экологическими историями» и «Защита экосистем и биоразнообразия океанов». Мне удалось принять участие во втором круглом столе, где докторант из Университета Южной Финляндии Юсси Айраксинен рассказал об участии общественности в создании закона об оценке воздействия добычи торфа; сингапурский профессор Й. Карол о роли гражданского общества в сфере реализации экологической политики в Южной Азии; проф. М. Муркот (Университет Претории) о реализации процессуальных экологических прав в ЮАР; В. Мауэрхофер рассказал о правовой базе участия общественности в принятии экологически значимых решений во всем мире; завершил круглый стол американский проф. М. Баирд с докладом о многолетнем проекте написания «Руководства об участии общественности в процедуре оценки воздействия на р. Меконг» совместно с представителями стран водотока за исключением Китая.

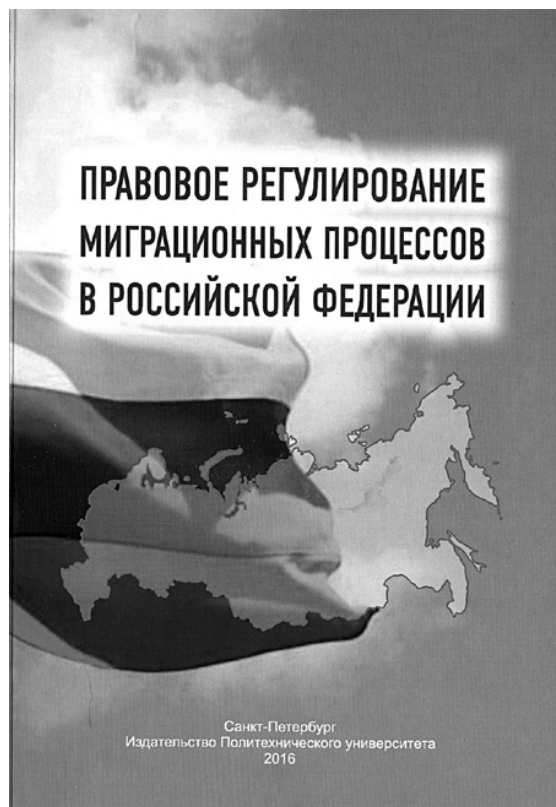
После обеда прошло 5 круглых столов: «Защита природы и природных ресурсов», «Устойчивое использование водных ресурсов», «Защита культурного наследия», «Изменение климата», «Лесное биоразнообразие» и «Антропогенное воздействие на окружающую среду». В последний день коллоквиума все обсуждали решение президента США о выходе из недавно ратифицированного Парижского соглашения, в дискуссиях было отмечено: несмотря ни на что штаты продолжают участвовать в различных проектах по снижению выбросов (энергетические вопросы входят в юрисдикцию штатов, а не федерации); США будет продолжать участвовать в ежегодных заседаниях сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г.; более того процедура выхода согласно положениям Соглашения крайне длительная и займет несколько лет.

Автор настоящего отчета выступил с докладом на тему «Правовое регулирование защиты и сохранения озера Байкал в свете современных вызовов». Будучи единственным представителем России на этой Академии, он представил участникам коллоквиума информацию о мероприятиях, проводимых в рамках «Года экологии в России», рассказал о вкладе РУДН в устойчивое развитие («самый зелёный вуз» согласно UI Green Metric World University Ranking, член Академии экологическо-

го права с 2016 г.), а затем о правовых проблемах защиты и сохранения экосистемы озера Байкал. Особый акцент в докладе был сделан на влиянии изменении климата на Байкал, инвазивных видах, а также современной проблеме строительства Монголией трёх ГЭС на р. Селенга и её притоках, угрожающих состоянию озера Байкал.

Закончился коллоквиум коллективной поездкой в Форт Сан Педро – это военно-оборонительное сооружение, построенное испанскими конкистадорами под руководством Мигеля Лопеса де Легаспи еще в XVI в., где с вдохновляющими речами выступили филиппинский экс-судья Х. Давиде и эколог-активист Анна Опоса.

Всего в международном коллоквиуме приняли участие более 200 участников, были проведены различные методологические семинары и 20 круглых столов. Очередной XVI коллоквиум Академии экологического права состоится в июне 2017 г. в Университете Глазго в Шотландии.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮж по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.